ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

М. В. ОСЛОН

ЯЗЫК КОТЛЯРОВ-МОЛДОВАЯ

Грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в русскоязычном окружении

Ответственный редактор
К. А. Кожанов

Научный редактор
С. А. Лашин

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

ЭТО ЭЛЕКТРОННЫЙ ВАРИАНТ КНИГИ 16/04/2024

Новейший вариант:
www.rromanes.org/pub/Oslon/Ослон М.В. Язык котляров-молдовая.pdf

Часть примеров можно слушать, нажав на значок в синем кружке, например:
Здесь исправлены опечатки печатного издания (см. с. 951).

Вопросы и замечания: neoakut@gmail.com

Ослон М. В.

Язык котляров-молдовая. Грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в русскоязычном окружении. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 952 с.

Работа представляет собой грамматическое описание одного говора кэлдэрарского диалекта цыганского языка. На обширном материале, полученном из общения с носителями в ходе «полевой работы» в России и Украине, а также фольклорных записей, даются систематические и по возможности исчерпывающие сведения по фонологии, морфонологии, морфологии и синтаксису говора, причём многие языковые явления освещаются впервые в цыгановедении.

Kaďa buti sy le kəldəraricko (kotľaricko) dijalektos-ki gramatika. Ande la-te źal o divano pa fʼal-də-fʼal riga la śiba-kə: la-ki fonologija, morfonologija, morfologija aj sintaksa. Kodo sa sykavel-pe p-ək barvalo aj buhlo materijalo tidino maškar le řom (kotľarʼa moldovaja) and-əl kyrdurʼa la Řusyja-kə aj la Ukrajina-kə — divanurʼa le manušən-ca, phurikane diľa aj paramića. Pa but buťa kaj ramol-pe pa len-de kaće nas ramome khańći maj-anglal ande la řomaja śiba-ko syťarimos.

© Ослон М. В., 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Выражаю глубочайшую благодарность людям, без которых эта грамматика не могла бы даже быть задумана: моим друзьям-котлярам — носителям кэлдэрарского (котлярского) диалекта цыганского языка. Всех перечислить, естественно, невозможно. С самого начала моей работы на мои не всегда умные вопросы регулярно отвечали Гуся ле Ристаско и Гута ле Яношэсти (Тула), а последние несколько лет — Бакро ле Машеско и Соня ле Томаски (Одесса). Я бесконечно благодарен им не только за глубокие знания, но и за терпение, понимание, дружбу и невероятное гостеприимство. Неоценимую помощь мне также оказали: Ёно ле Гришаско, Люба ле Ристаски (*те авел ерти*), Марат ле Чямбареско, Павела ле Дриласко, Ратха ле Илияски, Сульмано ле Митягаско (Сулейман Янополь), Трояно ле Яношэско, Чёлди ле Драгоско, Чямбари ле Гогоско, Янош ле Ноноско и многие другие (*те ертин мангэ кас быстэрдем*).

Благодарю К. А. Кожанова, без чьей помощи эта книга была бы значительно хуже, С. А. Лашина, внёсшего большой вклад в текст в научном смысле, помогшего с решением многих частных проблем, а также с терминологией и исправившего множество разнообразных ошибок. Я очень признателен патриарху отечественного цыгановедения Л. Н. Черенкову, который читал рукопись и давал мне ценные советы накануне своей смерти в 2016 г., но, увы, не увидел выхода этой книги в свет. Огромное спасибо моим родителям О. Е. Глаголевой и В. А. Ослону за тщательную вычитку текста и моей жене Е. А. Ковач за совместные скитания и профессиональную фотоработу. Благодарю своего учителя В. А. Дыбо за отзыв и моральную поддержку, В. В. Шаповала за отзыв и ценные замечания, а также Ю. М. Авакову, П. М. Аркадьева, М. Бенича, Р. Дениса, И. Б. Иткина, М. Каповича, Е. Марушиакову, В. А. Панова, Д. С. Пономаренко, М. Ухлика, А. С. Федоринчика, Р. Шептыньского, С. Е. Шешенина за советы и исправления. Наконец, за огромный труд я благодарен корректору Г. Н. Барышевой и редактору В. В. Столяровой. Все изъяны и ошибки — мои. Прошу читателей сообщать мне о них.

М. В. Ослон
neoakut@gmail.com
www.rromanes.org

Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (www.ffli.ru) (гранты №№ А-41-2012 «Изучение языка цыган-кэлдэраров (котляров)», С-31-2014 «Разработка автоматизированного конкорданса и грамматического словаря кэлдэрарского диалекта цыганского языка»), а также РГНФ (грант №16-34-01044 «Изучение и описание влашских диалектов цыганского языка в России»).

Условные обозначения, принятые в книге

tirə	наша «орфографическая» запись кэлдэрарских слов
/*ťirə*/	фонологическая запись (в таблицах скобки иногда опускаются)
[ciˈrə]	фонетическая транскрипция (по МФА)
TIRÈ	морфонологическая запись
ʻтвоиʼ	русский перевод
-en, *bi-*, *-in-*	части слов
∅	нулевая морфонема или значимое отсутствие морфемы
.	морфемный стык перед суффиксом, после приставки, между корнями
|	морфемный стык перед окончанием
·	морфемный стык перед постфиксом
-	морфемный стык перед, после клитик; в составных словах
**	невозможная, несуществующая форма
?	маргинальная сомнительная форма (принимают не все носители)
?*	сомнительная форма (неприемлемая для большинства)
†	устаревшее слово или значение (известное по песням или цитатам)
!	редкое, малоизвестное слово (возможно, известно не всем родам)
~	(свободное) варьирование, колебание
=	взаимозаменимо с
≈	взаимозаменимо с — с оговорками
≠	не взаимозаменимо с
:	противопоставление (в разных смыслах)
⌛	историческое примечание, а также сведения о других говорах
🛠	теоретическое примечание, обоснование подхода, решения
🗋	библиографические отсылки, комментарии о других работах
◀	пример из спонтанной речи
▶	пример, нарочно порождённый носителем
👁	пример из связного рассказа, былички (часто подаётся как увиденное)
👂	пример из сказки (подаётся как услышанное от предков)
♪	пример из песни
✍	пример из письменного текста (в т. ч. из переписки)
→	даёт путём словообразования (форму справа от знака); заимствование в
↔	имеет некоторую морфологическую связь (с формой справа от знака)
⇨	переход от морфонологической записи к фонологической (орфографической)
⇒	синтаксически преобразуется в (предложение или группу)
**⇒	синтаксически не преобразуется в (предложение или группу)
→	иные связи между синтаксическими группами или членами
>	(диахр.) регулярно переходит в (форму справа от знака)
<	(диахр.) регулярно восходит к (форме справа от знака)
*	реконструированная форма
×	скрещивание (контаминация)

0. ВВЕДЕНИЕ

Кэлдэра́рский — один из самых распространённых в мире цыганских диалектов. Кэлдэра́ры, оказавшиеся в России на рубеже XIX–XX вв. и не уехавшие в другие страны до закрытия советских границ в 1920-е годы, образуют тесную общность на территории России и Украины (а также Белоруссии и Литвы, где их сейчас совсем мало). Всего на этой территории их насчитывается около 30 тыс. (по нашей оценке).

Язык кэлдэра́р сохранился хорошо (лучше многих других цыганских диалектов), несмотря на иноязычное окружение. Кэлдэрарский диалект существует в основном в устной форме и во всех случаях находится под сильным влиянием языков окружающего населения, как и все остальные цыганские диалекты на протяжении всей своей истории. Кэлдэрары живут во многих странах Европы и обеих Америк, а их общее число в мире достигает нескольких сот тысяч человек. По-русски кэлдэрары называются также котля́ра́ми (что соответствует равнозначным самоназваниям *kəldəràrʲa*, *kotlʲàrʲa*).

В настоящее время кэлдэрары живут компактными поселениями («таборами»), как правило, по соседству с крупными городами. Основной язык окружающего нецыганского населения в бывшем Советском Союзе, влияющий на кэлдэрарский, — русский, в том числе на территории Белоруссии и Украины (где они проживают в почти исключительно русской языковой среде; это же касается Литвы, а также других республик, где они жили в советское время). Русским языком котляры чаще всего в какой-то степени овладевают уже в детстве. В одних случаях это связано с посещением начальной школы (до которой дети с русским языком, как правило, почти незнакомы), в других — происходит постепенное усвоение языка внетаборной среды. Однако единственным средством внутреннего общения кэлдэрар остаётся родной язык, а степень владения русским в среднем не очень высока.

Кэлдэрарский диалект в мировом масштабе не вполне однороден. Хотя все говоры, носители которых называют себя кэлдэрарами (кэлдэра́шами, котля́ра́ми), близки друг к другу и, возможно, восходят к единому — и не очень древнему — источнику, между ними имеются кое-какие различия. Различия связаны, помимо всего прочего, с влиянием других цыганских диалектов и окружающих доминантных языков.

На интересующей нас территории выделяется несколько кэлдэрарских говоров, различающихся результатами ряда недавних фонетических изменений (см. 0.6), а также — довольно незначительно — лексически. В данной работе описывается говор са́мой многочисленной и почти однородной в языковом плане группы — молдова́я (*moldovàno* ʻмолдаванинʼ, мн. *moldovàja*). К ней относится подавляющее большинство «советских» котляров.

0.1. Генетическая характеристика

По общепринятой классификации кэлдэрарский диалект входит в северную подгруппу влашской группы цыганских диалектов. Наряду с кэлдэрарским, туда входят диалекты следующих близкородственных групп: лова́ри[1], кишине́вцы, лэ́ши, мачва́я, чёкэна́ря, чу-

[1] В русских (научных) названиях цыганских групп на *-ар-* царит разнобой: *котля́р*, мн. *котля́ры́* (род. *котля́ро́в*, реже *котля́р*); *кэлдэра́р*, мн. *кэлдэра́ры*, *кэлдэра́ри* (род. *кэлдэра́ров*, *кэлдэра́рей*, *кэлдэра́р*); при этом *лова́рь* (реже *лова́р*), мн. *лова́ри́* (род. *лова́ре́й*), реже *лова́ры* (ср. отсутствие вариантов ***котлярú*, ***лова́ры́*; видимо, слово *котля́р* воспринимается цыгановедами как русское).

ра́ри, а также некоторые неописанные диалекты, в т. ч. диалект г. Рахова. В местах преобладания русского языка представлены ловарский и кишинёвский диалекты, причём с ловарями кэлдэрары поддерживают довольно тесную связь. Кэлдэрарский, ловарский, мачванский и чурарский диалекты представлены в разной степени по всему миру. Диалектное членение влашских диалектов порой бывает затруднительно в связи с разного рода смешениями и взаимовлияниями, но в русскоязычном окружении противопоставление разных групп друг другу сохраняется в очень чётком виде и поддерживается самосознанием носителей.

Влашские диалекты сформировались на румыноязычной территории, поэтому в них весьма обширен пласт румынских заимствований. Предки кэлдэрар, судя по всему, изначально жили на территории румынского Баната, поэтому румынский вклад в их лексику отражает определённые западнорумынские диалектные черты (в т. ч. связанные с влиянием восточносербохорватских говоров на западнорумынские).

Если верно, что все современные цыганские диалекты[2] восходят к единому источнику, то этот «общецыганский» язык был, вероятно, распространён в юго-восточной Европе начиная с раннего Средневековья. Как бы то ни было, цыганский язык относится к новоиндийским языкам, в число которых входят также хиндустани, гуджарати, маратхи, бенгальский и др. языки. Точно установить генетические связи цыганского языка пока не удалось. Вполне возможно, что его основа восходит к каким-то древним центральным индоарийским диалектам, претерпевшим разнообразные местные влияния в ходе миграций и слияний различных групп предков цыган.

Кэлдэрарский диалект представляет ценность для реконструкции ранней истории цыганского языка. В нём, как и в некоторых других влашских диалектах, сохраняются явственные следы древнеиндийского среднего рода (средний род как таковой слился с мужским, но эти следы видны в формах множественного числа существительных, синхронно относящихся к мужскому роду). Из этого может вытекать мысль о близости цыганского языка к тем новоиндийским языкам, в которых сохраняется средний род (маратхи, конкани, гуджарати, бхили, кхандеши, а также некоторые западнопахарские диалекты). Однако более точным выводам препятствует неопределённость относительно времени исхода предков цыган из Индии, сопряжённая с неполнотой сведений о хронологии потери среднего рода среднеиндийскими диалектами.

Существен в цыганском языке также дардский компонент (что явствует, например, из сравнения цыганского языка с языками группы шина). Нередко бывает трудно отделить исконные элементы от рано заимствованных, что вообще характерно для новоиндийских и дардских языков. С уверенностью можно сказать только, что цыганская фонетика не возводима к какому-либо известному среднеиндийскому языку (пали и пракритам), а восходит, по крайней мере частично, к более древним стадиям развития (дардско-)индоарийского диалектного континуума.

Цыганский язык, возможно, не был единым и до прихода цыган в Европу. Если так, то он состоит из нескольких среднеиндийских компонентов, однако выявить их, по-видимому, уже не представляется возможным.

В цыганском языке имеется также небольшой иранский компонент и совсем незначительный армянский. Свой характерный облик цыганский язык обрёл уже в тесном контакте с греческим — в Византии и на Балканах, где цыгане, по-видимому, образовывали относительно тесную общность приблизительно до XV в. После этого началось рассеяние цыган по разным странам Европы и дробление на новые диалекты.

[2] Здесь идёт речь только о европейских диалектах — именно их мы называем цыганскими. Часто объединяемые с цыганским новоиндийские языки — домари (язык палестинских «цыган») и ломаврен (язык армянских «цыган») — следует отделять от собственно цыганского, т. к., по-видимому, это объединение в меньшей степени связано с языковой общностью, чем с социальными стереотипами.

0.2. Изученность предмета

Кэлдэрарский диалект описан лучше всех прочих цыганских диалектов. Существует несколько довольно подробных описаний кэлдэрарских разновидностей, бытующих в разных странах, например: шведский говор [Gjerdman, Ljungberg 1963], сербские говоры [Boretzky 1994]. Эти описания, впрочем, ни в коей мере не сравнимы по уровню проработки с грамматиками «больших» письменных языков. Сколько-нибудь объёмной грамматики языка кэлдэрар (котляров) из бывшего СССР до сих пор не было, ср. краткие работы [Черенков, Деметер 1990; Tcherenkov 1999; Шаповал 2008], носящие предварительный характер. При этом русский кэлдэрарский получил прекрасное (хоть и неполное) словарное описание [Деметеры 1990] (весьма близкий говор французских кэлдэрар отражён в хорошем словаре [Calvet 2009])[3].

В словаре [Деметеры 1990], по большому счёту, представлен только один кэлдэрарский говор (родной говор авторов). Вообще, вопрос классификации русских кэлдэрарских говоров никогда не ставился, так что мы до сих пор не располагали никакими систематическими сведениями на эту тему. Так, в словаре в отдельных случаях приводятся формы, выглядящие как дублеты, ср. *покина́в* ~ *потина́в* ‘платить’, *тхем* ~ *чем* ~ *цэм* ‘страна’, *тхав* ~ *цав* ‘нить’ (⟨тх⟩ = /*th*/, зубной придыхательный), но неясно, что́ это — фонетические варианты, фонологически значимые колебания или разноговорные формы.

Слабо разработана и этническая классификация кэлдэрар. Цыгановеды традиционно оперируют трёхступенчатой системой: они выделяют несколько крупных подразделений (называемых в работах словом *на́цыя*[4]), каждое из которых состоит из «больших родов», а они в свою очередь — из «малых родов». Приводятся списки этих групп и подгрупп, без каких-либо описаний и уточнений. Сама идея такой иерархической классификации (и списки родов), насколько мы можем судить, происходит почти исключительно из опубликованных в книге [Образцы] сведений, почерпнутых П. С. и Р. С. Деметерами у их отца, Ишвана Деметера (1879–1969). Он сообщает, что по имени его деда Ёно Кальдараса получил название «большой род» (*бари́ ви́ца*) — ёне́шти, а из него выделился «малый род» (*цыгни́ ви́ца*) — петро́шти, потомки Пэтро Кальдараса (якобы 1820–1920), отца Ишвана. «Наций» же выделяют пять: «вунгрика [р]ром (венгерские цыгане), грекуря (греческие цыгане), доброжяя (румынские цыгане из Добруджи), молдовая (молдавские цыгане), сербияя (сербские цыгане)» [Образцы: 243].

Никакими конкретными исследованиями на отечественной территории эта классификация не подтверждалась. Мало того, несмотря на то что в ней говорится о кэлдэрарах из разных стран, совершенно непонятно, каким образом мыслится их привязка к территории — то ли речь идёт о «советских» кэлдэрарах разного происхождения (из чего могло бы следовать, что часть из них пришли сюда, например, прямо из Сербии), то ли так называются кэлдэрары, жившие или живущие сейчас в этих странах. В зарубежных работах о кэлдэрарах мы не встречаем такого деления на пять групп, а значит, речь идёт, возможно, о внутрикэлдэрарской классификации исключительно на отечественной территории? Этот вопрос до сих пор оставался без ответа, т. к. все немногочисленные отечественные работы [Шаповал 2008; Деметер, Бессонов, Кутенков 2000] воспроизводят эти же списки без пояснений. В книге [Петрович 2007] даётся схожий список родов (с небольшими отличиями), к тому же без иерархической классификации.

---

[3] Описанный в [Gjerdman, Ljungberg 1963] (грамматика, тексты, словарь) шведский говор, судя по всему, попал в Швецию не прямо из Румынии, а через Россию. Это видно по представленным в нём русизмам (*pastùxo*, *paravòzo* и мн. др.). Этот говор чрезвычайно близок к говору русских кэлдэрар, лежащему в основе словаря [Деметеры 1990]. Многочисленные русизмы имеются и во французском говоре [Calvet 2009].

[4] Или даже ошибочно *нэ́цыя*. На самом деле перегласовка *а* : *ə* происходит только в форме множественного числа *пəсуjі* (*нэ́цыи*).

0.3. Классификация кэлдэрарских групп

В ходе исследований последних лет удалось уточнить не только изменчивую картину расселения кэлдэрар, но и наконец в какой-то степени разобраться в их родовом и языковом членении. Принятое в отечественном цыгановедении деление на большие группы на основании фигурирующих в их самоназваниях географических привязок в целом соответствует действительности, однако с рядом поправок. Так, название нации «(в)унгрика рром» (т. е. венгерские цыгане) не подтверждается (на данный момент) нашими опросами кэлдэрар: даже близкие родственники Ишвана в Вильнюсе никак с собой это название не связывают (данные К. А. Кожанова). При этом самоназвание *vùngrika* свойственно части (?) русских (украинских) ловарей и, возможно, представлено у цыган Румынии (конкретнее пока сказать ничего не можем). По-видимому, оно некогда относилось к кэлдэрарской группе Ишвана Деметера — петрэшти, но современные петрэшти, судя по всему, так не говорят. Не пользуется таким самоназванием и относимый к «унгрика» род ёнешти. Однако в классификации мы сохраним этот (теперь уже научный) термин для объединения в него родов, в чьих говорах имеются следы венгерского влияния.

По поводу названий самих «классифицирующих категорий» следует заметить, что принятые в науке выражения «бари вица» и «цыгни вица», как мы убедились, непонятны никому из современных русских кэлдэрар (хотя слово *vìca*, мн. *vìcy* употребляется наряду с обычным *nàcyja*, мн. *nàcyji*, реже *nàcyji*). Может быть, так говорили в семейном кругу Ишвана Деметера[5]. Сейчас в самоклассификации кэлдэрар не наблюдается никакой иерархической номенклатуры в смысле именования «категорий», т. е., например, слово *nàcyja* одинаково применимо ко всей группе *moldovàja* и к отдельным родам (например, *dukòni*), как, впрочем, и к любой цыганской или нецыганской национальности (*řùsurȁa*, *ukrajìncurȁa* и т. д.). Таким образом, для самих кэлдэрар в настоящее время, по-видимому, неактуален «ступенчатый» принцип классификации (но см. ниже о «подродах»).

В принятой классификации отсутствует ещё одна «географическая» группа — бэнэцáя (т. е. ʿбанатцыʾ). Надо сказать, что и остальные группы (в частности, молдовая) своей ранней «прародиной» нередко считают Банат. Поэтому можно думать, что кэлдэрарские группы возникли в ходе миграций некогда единой группы в пределах румыноязычной территории, а бэнэцая — это те кэлдэрары, которые остались на старом месте.

По поводу группы грéкуря: представители этой группы знают альтернативную форму самоназвания — (видимо) более архаичное *gỳrkurȁa* (такой вариант говорит о сербохорватском суперстрате, т. е., возможно, опять-таки косвенно указывает на Банат).

В следующей таблице приводится грубая оценка численности каждой группы в бывшем СССР. Точные подсчёты пока затруднительны, в частности в связи с рассеянностью, географическим разбросом (и частичной смешанностью) некоторых групп, а также, в ряде случаев, неоднозначностью самоопределения кэлдэрар:

группа	происхождение (кэлд. слово)	прибл. численность в б. СССР
молдовáя	*Moldòva*	22 000
доброжя́я	*Dòbroźa*	1000
бэнэцáя	*Bənàto*	300
«вýнгрика»	–	2500
гы́ркуря	–	500
сырбия́я	*Syrbìja*	200

[5] Но и в этом случае отсутствие таких «терминов» у современных таборных кэлдэрар только подтверждает, что эти выражения, даже если они и употребляются в каких-то кэлдэрарских кругах, никогда не проверялись в самих цыганских поселениях. Очевидно, что эта классификация — во многом плод отвлечённого теоретического развития научной мысли в отрыве от полевой работы.

Однако эти «большие группы» устроены по-разному. Так, в группу молдовая входит несколько десятков родов; в группе гыркуря всего два рода; доброжяя воспринимаются как род в пределах молдовая; бэнэцая, возможно, примыкают к «вунгрика»; группа сырбияя частично оторвана от кэлдэрар, и её представители могут себя к ним не относить.

0.3.1. Самоназвания

В обиходе все кэлдэрары пользуются преимущественно самоназванием *řòm* ‘цыгане’. В разных ситуациях оно может относиться как к цыганам вообще, так и только к цыганам собственной группы (включая или исключая родственные). Свою группу и свой говор носители обычно считают так или иначе более «цыганскими», чем прочие. Имеется представление о культурной общности всех кэлдэрар[6], однако и в её рамках наблюдается довольно чёткое разделение и иерархия. Самоназвания «кэлдэрары», «котляры» используются носителями довольно редко — только при необходимости подчеркнуть своё коллективное отличие от других цыган.

Группа «вунгрика» хорошо знает слово *kəldəràrə̀a* (ед. *kəldəràri*) — в т. ч. в облике *kəldəlàrə̀a* — и относит к себе, хотя и с некоторыми оговорками — например, как название, применяемое к ним ловарями.

Группа молдовая чаще пользуется самоназванием *kotl'àrə̀a* (ед. *kotl'àri*). Здесь слово *kəldəràrə̀a* известно не всем носителям, причём сейчас молдовая зачастую не относят его к себе, воспринимая его в т. ч. как самоназвание представителей «вунгрика» (из них известны, как правило, только ёнешти).

Прочие группы в разной степени знают оба самоназвания, но сырбияя могут к себе их не относить.

В цыгановедении считается, что этноним *kəldəràri* (рум. *căldărár* ‘котельщик, медник, изготовитель вёдер’ от *căldáre* ‘котёл, ведро’) был калькирован в русское *котля́р* (от слова *котёл*) в связи с миграцией на восточнославянскую языковую территорию. Это согласуется с внутренним преданием (молдовая: род дукони), согласно которому приехавших в Россию в начале XX в. из Молдовы кэлдэрар так назвали уже жившие в России цыгане других групп (русские цыгане). Возможно, что этот взгляд (как научный, так и традиционный) неверен.

Во-первых, очевидно, что если кто-то и перевёл самоназвание на русский, то это были сами котляры (кто ещё мог знать значение румынского слова?). Во-вторых, само слово *котля́р* ‘котельщик, медник’ в русском языке, кажется, узкодиалектное, из акающих диалектов (тульские и брянские говоры), а в кэлд. *kotl'àri* отражено окающее произношение, которое ничем, кроме оканья говора-источника, объяснить невозможно. Можно думать, что оно заимствовано самими котлярами из украинского языка, хотя очевидных украинских заимствований в котлярском нет. Одним из источников освоения русского языка у котляров были южнорусские диалекты, ср. *patrèto* ‘фотография’, *lisapètka* ‘велосипед’, *ablakàto* ‘адвокат’, *nosovìko*, *nasavìko* ‘носовой платок’ (с оканьем и аканьем). Впрочем, здесь могли сыграть роль контакты с русскими цыганами. Свидетельство пребывания на Украине по крайней мере некоторых групп котляров — старинная песнь, где упоминается

[6] Сразу оговоримся, что русские обозначения *кэлдэра́ры* (=*котля́ры*), *кэлдэра́рский* (=*котля́рский*) *диалект* являются научными терминами, поэтому мы их употребляем независимо от того, что им соответствует у носителей. Мы пишем «русские кэлдэрары (= котляры)», имея в виду кэлдэрар (котляров) России, Украины, Белоруссии и Литвы (куда переселилась из России часть родственников Ишвана Деметера). Мы не пишем о кэлдэрарах, живущих в Европе, обеих Америках и Австралии, хотя многие из них попали туда в начале XX в. из России (где, видимо, тогда успели провести несколько десятков лет). В частности, группа кэлдэрар (род парако́ни) в Швеции сохраняет память об этом, называя себя *řusijà-ke řòm* ‘российские цыгане’ (К. А. Кожанов, лич. сообщ.).

город Здолбунов (Ровненская обл. Украины, укр. *Здолбу́нів*) — *Zdolbùnova* (с оканьем). Кроме того, доподлинно известно, что по крайней мере некоторые группы кэлдэрар шли через Галицию. Л. Н. Черенков вспоминал: «В 1958 году старый Степан Петрович Деметер (*о како Ишван*) рассказывал мне, как *кумпания* его отца Петре Кальдараса из “Венгрии” из города Надьбаня (сиречь Бая Маре) двинулась в “Австрию” в города Лемберк (сиречь Львов) и Краков, а затем перешла в “Россию” — Лодзь и Варшаву. А было это в конце 80-х годов XIX века» (письм. сообщ., 2014). О жизни предков во Львове рассказывают и дукони.

В-третьих, на территории Сербии (в сербском Банате) среди местных кэлдэрар, наряду с самоназванием *kəldəràša*, кажется, бытует и *kotlàr̀a*, с твёрдым *-l-* (запись автора, 2012). Дело осложняется тем, что там это может быть не этнонимом в строгом смысле, а названием старой профессии, заимствованным из сербохорватского *kòtlār* (мн. *kotlári*) ʻкотельщик’, а также тем, что часть современных сербских кэлдэрар (и ловарей, с которыми те, видимо, смешались уже в Сербии) считает себя потомками выходцев из России. При этом следов русского влияния в их говоре нами пока не обнаружено.

Неясно, почему самоназвание (*kəldəràr̀a* : *kotl'àr̀a*) различается у двух упомянутых групп, т. е. связано ли это различие с раздельным их проживанием уже среди русского языка или восходит к более раннему периоду жизни в окружении румын и южных славян.

В Европе чаще употребляется (само)название *kəldəràš*, мн. *kəldəràša* (рум. *căldăráș*), по-видимому, некогда синонимичное слову *kəldəràri*. Самоназвание *kəldəràša*, возможно, употребляется представителями гыркуря [Sanarov 1967: 7].

«Своих» обычно именуют *amarə̀* ʻнаши’ или *řòm amarə̀n-dar* ʻцыгане из наших’. Именно так молдовая называют всех молдовая (и очень редко — других кэлдэрар).

0.3.2. Названия других групп

«Чужие» цыгане обычно обозначаются словом *ləjècy* (ед.м. *ləjèco*, ж. *ləjàca*), ср. рум. *lăiéț* ʻкочевой цыган; бродяга’. Вероятно, в этом слове можно усматривать свидетельство различного образа жизни у предков кэлдэрар и других групп. Кроме всех инодиалектных цыган, этим словом молдовая называют и представителей всех кэлдэрар-немолдовая, которые, как часто утверждают молдовая, ведут менее цыганский образ жизни[7]. Кроме того, к русским цыганам (ру́ска рома́) и сэрвам нередко также применяется слово *poľàća* букв. ʻполяки’ (ед. *poľàko*, ж. *poľaćkìǹa*). Слово *poľàća* молдовая употребляют реже, чем *ləjècy*, как правило, только при необходимости более точной этнической характеристики.

Несмотря на традиционно свойственный слову *ləjècy* пренебрежительный оттенок по отношению к немолдовая (во многих ситуациях это слово считается обидным), представители молдовая и других групп часто поддерживают дружеские отношения (скажем, между близлежащими таборами), изредка вступают в брак (тогда почти всегда муж — из молдовая) и имеют довольно достоверные представления о разделяющих их диалектных особенностях[8]. Когда обе группы живут в одном таборе, они в большой степени подчиняются

[7] Это касается рода занятий и способа пропитания («нецыганским» занятием считается в т. ч. обработка земли), организации жилища (так, внутри сугубо «цыганского» дома не может быть туалета; половозрелым женщинам запрещено находиться на непервом этаже), степени соблюдения «законов» и приверженности старинным обрядам и суевериям (например, обычай, согласно которому женщина, проходящая мимо мужчин, должна сказать *ambòlden-tume* ʻотвернитесь’, и только когда мужчины символически отвели взгляд, может пройти), а также обязательности традиционной женской одежды. Что касается представлений о большей «цыганскости» молдовая, то они оправданы, например, тем, что в большинстве таборов молдовая (в отличие, например, от ёнешти, чичёни и др.) нет заборов, всегда есть «барон» (*barò*, *primàri*) и жив институт цыганского суда (*krìs*), сильнее сплочённость и групповая ответственность жителей.

[8] Обычно чужой кэлдэрарский говор характеризуется словами *phagavèn* (реже *phagə̀n*) *ə śìb* букв. ʻломают язык’, т. е. ʻковеркают’, из чего следует, что язык воспринимается как тот же самый, но «неправильный».

единому общественному укладу (в отличие от могущих жить при таборе ловарей), в т. ч. совместно проводят мероприятия (свадьбы и пр.), что, однако, в целом не приводит к стиранию самосознания и языковых различий (о которых см. 0.5).

0.3.3. Кэлдэрарские роды

Чёткое надродовое самосознание присуще только молдовая. Гыркуря и сырбияя то относят себя к одной и той же группе, то отрицают взаимное родство. Доброжяя вошли в молдовая. Бэнэцая, живущие с молдовая, не признаются «своими» большинством молдовая, но, судя по всему, в последние десятилетия это меняется.

Группа молдовая делится на роды (*nàcyja*, мн. *nə̀cyji*, *nàcyji*). Некоторые роды, в свою очередь, разбиваются на «подроды» (также нередко *nàcyja*), если известно о происхождении одного рода от другого (особенно если принадлежность «подрода» к роду осознаётся самими его представителями; у нас зачастую нет никаких иных критериев классификации). Некоторые такие подроды со временем выделяются в роды (один из механизмов образования родов). Большинство же подродов являются достаточно узкими семейными объединениями потомков общего предка (причём хорошо известного) и в самосознании занимают гораздо более скромное место, чем сам род. Роды и подроды (знак «→» здесь означает, что род может восходить к другому роду)[9]:

«вунгрика» (?)

- ёне́шти
  - петрэ́шти
  - чиго́ни
- парако́ни
  - шанха́йцуря (?)

гы́ркуря = гре́куря

- бидо́ни
- бузо́ни

сырбия́я

- шандоро́ни (?)

бэнэца́я

??

- мине́шти
- трифуло́ни = карчюло́ни
- чичё́ни
- тошо́ни (молдовая?)
  - жуицо́ни
  - лолорро́ни (→ миғ.?)

молдовая

- миғэе́шти
  - чяйко́ни
  - воржо́ни
  - тимо́ни
  - вошо́ни
  - дыно́ни
    - жмидо́ни
  - пуцо́ни
  - ррымбуло́ни
  - мустафо́ни (= мито́ни?)
    - канррале́
  - ётоно́ни
- дуко́ни
  - васылё́ни
    - дицо́ни
  - балишё́ни
- чюкуро́ни
  - крэстэвецо́ни
  - немцо́ни (= ня́мцы?)
  - бото́ни
  - гого́ни
- дэмо́ни
  - дёрдико́ни (?)
- сапорро́ни
- бурико́ни
  - карфоло́ни
- ёнико́ни
- парпауло́ни
- сэвуло́ни
- руво́ни
- стойко́ни (→ митони?)
- мошо́ни (→ колони?)
- дешуду́й шэрэ́ (= ёвицо́ни)
- коло́ни
  - буцуло́ни
  - гирицо́ни
  - фэтэро́ни (?)
- болосо́ни
  - гэрало́ни (= булбаро́ни?)
  - вово́ни
  - гренчё́ни
  - бобоко́ни
- порро́ни (→ колони?)
- балэро́ни (= балеро́ни)
  - вишэно́ни
  - карабето́ни (?)
- молоко́ни
- доброжя́я
  - дёрдё́ни
  - бодоё́ни
  - заино́ни
  - зузо́ни
  - томо́ни

[9] Здесь и далее даём названия родов и подродов в кириллической записи, принятой в словаре [Деметеры 1990]. Дополнительная буква ⟨ғ⟩ соответствует фонеме /*h*/ (см. 1.3); ⟨рр⟩ — заднеязычное (картавое) /*ř*/.

Иначе обстоит дело с крупнейшим родом у молдовая — миғэ́шти, который образовался, возможно, до исхода из Румынии, о чём говорит распространённость его представителей во многих странах мира (или все они — из России?). Этот род настолько разросся, что составляющие его многочисленные подроды чаще всего называются их членами наравне с самим родом. При этом среди молдовая распространено мнение, что все роды молдовая в конечном итоге восходят к роду миғэшти, т. е. тоже были его подродами. Насколько это верно, пока неясно.

Из упомянутых в книге [Образцы] родов русских котляров мы ничего не знаем о следующих:

из «вунгрика» — бадони;

из молдовая — ангелешти, бумбулешти, буцулони, вицони, гэнешти, гырцони, дилинкони, дикони, дюркони, катунаря, мургулони, мурулони, трокони, чяндорони; кумбриешти (некоторые молдовая слышали, но ничего больше неизвестно).

По нашим сведениям, неверна классификация:

из «вунгрика» — чяйкони (сейчас входят в миғэшти), бидони (входят в гыркуря);

из неясных нам групп: минешти (не молдовая).

Мелкие отличия между названиями, упомянутыми в [Образцы], и известными нам (неясно, те же ли это роды):

из молдовая — болоцони (= болосони?), чучёни (= чичёни? — не молдовая).

Как роды даны несколько подродов: ботони, балишёни, вовони, дицони, крестевецони, чяйкони. Не упомянуты следующие известные нам роды (в т. ч. недавно образовавшиеся):

из молдовая — стойкони, мошони;

из гыркуря — бузони;

бэнэцая;

из прочих (неясно, куда отнести) — шанхайцуря, карчюлони (= трифулони).

Почти все паракони (из «вунгрика») теперь живут в Швеции, но малая их часть осталась в Литве и России и сближает себя с ёнешти.

Род понто́ни в настоящее время упоминается в традиционных рассказах о происхождении дукони (потомки прародителя Панты), но ныне к нему никто себя не относит, поэтому это, очевидно, «прарод».

Бузони входят в гыркуря, но, видимо, частично перешли на говор молдовая. Бузони и бидони как-то связаны с «прародами» бэцэ́шти и кине́шти. Возможно, они контактировали с греками (неясно где). Судя по всему, их языковое влияние на более ранней стадии претерпел род колони (молдовая).

0.3.4. Устное предание: история родов

Надродовой группе молдовая, как уже было сказано, в большой степени присуще общее самосознание, связанное, в частности, с почти полным языковым единством. Роды и подроды являются в пределах этой группы, скорее, объединениями родственников (в случае доброжяя это, видимо, иначе), называемыми по имени предка (во всех случаях, кроме рода стойкони и подрода воржони, — мужчины), нередко ещё при его жизни. Некоторые объединения быстро теряют своё название или просто вымирают, дробятся дальше или сливаются с другими, а некоторые приобретают известность и разрастаются, вбирая в себя прочие группы. Таким образом, картина распределения родов может довольно быстро меняться. Сведения о генеалогии родов — важная часть устной культуры кэлдэрар. Для иллюстрации приведём традиционные представления о происхождении рода дукони (по их рассказам).

Старейшие известные предки — Панта-старший (*o Pànta o barò*) и его сын Панта-младший (*o Pànta o cygnò*, *o Pantùca*, *o Pantìca*). От них произошли роды — понтони-старшие (*le pontòni le barə̀*) и понтони-младшие (*le pontòni le cygnè*). Сын Панты-младшего, Дука, стал прародителем рода дукони (в Молдове). Один из шести сыновей Дуки, Чю́ла, «открыл» Россию (*pytərd'à ə Řusʸ̀ja*, т. е. приехал раньше остальных кэлдэрар) в 1904 г. (?), а остальные сыновья (Балишё, Ба́дя, Ри́ста, Васы́ля и То́ма) приехали за ним. По именам сыновей Дуки называются подроды (не ставшие «нациями»): балишёни, васылёни. К роду дукони позже присоединились и боковые ветви — понтони старшие и младшие, тем самым прекратив своё существование как отдельные роды. Так образовался современный род дукони (по рассказу Ёно ле Гришаско, барона табора в пгт. Плеханово Тульской области; по другим сведениям, Россию «открыл» брат Чюлы Чёлди).

По рассказам представителей гыркуря, они попали в Россию раньше молдовая.

Благодаря любезному содействию носителей мы получили довольно подробные генеалогические деревья нескольких крупных родов, на основании которых можно оценивать достоверность подобных преданий.

Заметим, что понтони, балишёни (потомки Балишё, сына Дуки), ботони (потомки Баты, сына Чю́куро и зятя Дуки) и дицони (потомки Дицы, сына Балишё, если речь идёт о том же Дице) упоминаются и в книге [Образцы] в перечне родов молдовая, т. е. без какой-либо иерархии. Ясно, что каждая из этих групп должна рассматриваться с учётом её места в общей генеалогической системе. Впрочем, перечень в [Образцы], надо полагать, отражает представления Ишвана Деметера и его сыновей о строении чужой для них группы (молдовая) на определённый момент, когда было живо название нации понтони[10].

0.4. Попытки установления прародины

Выявить сохранившуюся память и позднейшие напластования (т. е. сведения, заимствованные уже из русской среды) в представлениях о своём происхождении можно, в первую очередь, по форме географических названий, встречающихся в рассказах носителей. Так, очевидно, что формы *Sèrbija* ‘Сербия’, *Rumʸ̀nija* ‘Румыния’ (ср. другое ударение в рум. *România*), *Vèngrija* ‘Венгрия’, *Besaràbija* ‘Бессарабия’ (ср. рум. *Basarábia*) и т. д. взяты из русскоязычной среды, тогда как *Řomynʸ̀ja*, *Syrbʸ̀ja* (рум. стар. *Sârbía*), *Bənàto* ‘Банат’ (рум. диал. банат. *Bănát*), *Dòbroźa* ‘Добруджа’ (рум. *Dóbrogea*), *Moldòva* (о значении см. ниже) и даже *Mòskova* ‘Москва’ (рум. *Móscova*), *Řusʸ̀ja* ‘Россия’ (рум. стар. *Rusía* [Гинкулов 1840: 5]) восходят к румынскому периоду. По таким примерам можно судить, в какой степени названия этих стран или регионов были знакомы предкам тех или иных групп кэлдэрар.

Кроме того, необходимо обращаться к заимствованной лексике отдельных говоров. Начнём с «вунгрика». Ишван Деметер родился в Венгрии, по одним сведениям — в г. Демечер [Образцы: 10], а по другим — в г. Балатонсеплак (Л. Н. Черенков, лич. сообщ.), так что неудивительно, что в словаре [Деметеры 1990], основанном на его говоре, действительно встречается немало венгерских заимствований. Так, слова *ке́ньва* ‘книга’ (венг. *könyv*), *бете́во* ‘буква’ (венг. *betű*), *ба́тям* ‘дядя (обращение к старшему мужчине)’ (ср. венг. *nagybátyám* ‘дядя’ при *bátyám* ‘брат’), *шо́ґа* ‘никогда’ (венг. *soha*), *де́жэш* ‘поезд’ (венг. *gőzös* ‘паровой [локомотив]; паровоз’) и др. выглядят как несомненные мадьяризмы (частично свойственные также диалекту ловарей России и Украины[11]), тогда как *ба́йо* ‘беда’, *бу́нда* ‘шуба’, *га́зда* ‘хозяин’, *гла́жа* ‘бутылка’, *рры́то* ‘трясина’ и десятки других

[10] По разным гласным в имени *Pànta* и названии рода *pontòni* видно, что имя прародителя на румыноязычной территории должно было быть *Poanta* (с румынским дифтонгом *oa* > *a* у русских кэлдэрар). То же относится к сыну Чю́куро по имени Ба́та < *Boata* (?), ср. кличку его жены *Botànà* и название основанного ими подрода — бото́ни.

слов отнесены в словаре к венгерскому пласту не вполне правомерно, т. к. они заимствованы из венгерского не прямо в цыганский язык, а сначала в румынский.

Проверить, достоверно ли словник словаря отражает язык, привезённый в Россию Ишваном Деметером, можно, сравнив его с говором потомков его ближайших родственников — представителей рода петрэшти (теперь живущих в Литве[12]). Их язык во многом тождественен материалам словаря (Кожанов, лич. сообщ.). При этом он отличается от языка живущих сейчас во многих областях России ёнешти, у которых почти нет упомянутых мадьяризмов. Таким образом, группа, из которой был Ишван (петрэшти, выделившиеся из рода ёнешти до приезда в Россию), является маргинальной и ни в коей мере не может считаться прототипической для классификации русских кэлдэрар. Это значит, что больша́я группа «вунгрика рром» — миф, возникший благодаря искусственной экстраполяции сведений, относящихся к одной семье. Очень может быть, что выражение «вунгрика рром» и Ишваном не употреблялось как этноним, а просто означало, что его семья приехала из Венгрии (так и теперь говорят в европейских странах новые цыганские эмигранты из Венгрии).

Принцип выделения советскими цыгановедами «больших групп» очевиден — в их названиях заключено указание на взаимоисключающее географическое происхождение: Венгрия, Греция, Сербия, Молдова, Доброджа, а также не упоминаемый в работах Банат.

Заметим, что только сырбияя и грекуря (гыркуря) своими самоназваниями указывают на нерумыноязычные территории, хотя следов нерумынского влияния (помимо банатских диалектных заимствований из ближайших языков) нам в них пока обнаружить не удалось.

Остальные самоназвания: молдовая, доброжяя и бэнэцая — связаны с историческими румыноязычными областями. Доброжяя по говору и самосознанию относятся к молдовая. У бэнэцая (которые, кажется, в последнее время частично смешались с молдовая) наблюдаются остатки иного говора (видимо, ближе к говору «вунгрика»). В отличие от всех родов молдовая (например, дукони, стойкони, сапоррони), названия которых их представители связывают с именами предков или с конкретными событиями[13], доброжяя и бэнэцая по-прежнему связывают название своих родов с былыми местами расселения. Так, бэнэцая говорят, что пришли из Баната (*Bənàto*), доброжяя — из Добруджи (*Dòbroźa*, ср. рум. *Dóbrogea*, наряду с *Dobrógea*), хотя обе эти области, как правило, воспринимаются как часть «Молдовы»:

Bənàto sy fòro ande Moldòva.
‘Банат — город [= местность, страна] в Молдове.’

При этом сами молдовая упоминают «Молдову» без уточнений. Изначально речь шла, возможно, о румынской Молдове, являющейся, как известно, одной из исторических областей наряду с Добруджей и Банатом, причём из неверности суждений о вхождении последних в Молдову может следовать, что современная самоклассификация родов доброжяя и части бэнэцая как части группы молдовая — результат недавнего развития. Молдовая изредка упоминают и название *Vlàś(i)ko*, т. е., видимо, Валахия (неясный вариант), однако никаких конкретных сведений о ней также не сохранилось.

Таким образом, до сих пор неясно, насколько достоверны «территориальные привязки», содержащиеся в названиях больших групп[14].

[11] Кроме того, в словаре встречаются слова некэлдэрарского происхождения, ср. *тэлуно́* ‘нижний’, похожее на ловарское (по-кэлдэрарски должно было бы быть **телуно́*; реальное слово — *telalunò*) и нек. др.

[12] Впрочем, к роду петрэшти причисляют себя и некоторые живущие в Швеции потомки эмигрантов из России, однако их язык, судя по всему, претерпел изменения уже на местной почве.

[13] Например, происхождение рода сапоррони (ср. *sapořò* ‘змеёныш’) описывается несколькими разными легендами — в частности, о том, что мать прародителя съела змею.

[14] Возникает подозрение, что дело не в разных местах исхода с румынской территории, а в традиционно сложившихся названиях родовых сообществ (аналогичных румынским), причём часть названий больших

Что касается группы «вунгрика» (название, как сказано выше, искусственно), по самосознанию противопоставленной молдовая, то в неё, строго говоря, входят только роды ёнешти (включая подрод петрэшти) и паракони. Сюда же, возможно, относится (точнее — относился раньше) сейчас отдельный род шанха́йцуря, проживший около двадцати лет в Китае [Marushiakova, Popov 2004: 179]. Что касается родов, не входящих в «большие группы»: чичёни, минешти и др., — то никакой географической привязки у них как будто нет, поэтому на данной стадии ничего определённого об их происхождении мы не знаем.

0.5. Общие замечания о кэлдэрарской грамматике

Грамматика любого цыганского диалекта представима в виде нескольких пластов, отражающих историю передвижений его носителей. Цыганский язык всегда функционирует как «контактный язык», а его носители всегда в той или иной степени двуязычны (а в определённые периоды и многоязычны). Таким образом, явления, связанные с иноязычным влиянием, ничуть не менее существенны для синхронного или диахронного описания цыганских диалектов, чем унаследованный компонент языка. В нашем случае языковые элементы распределяются по пластам следующим образом.

I пласт (общецыганский) охватывает явления, характерные для исконной части языка, т. е. для элементов собственно индийского, дардского, иранского и армянского происхождения, а также заимствованных из греческого языка в первое время контакта с ним.

II пласт — явления, характерные для более поздних заимствований из греческого языка и, возможно, из какого-то балканского языка (общих для всех цыганских диалектов), а также для заимствований из румынского (в той или иной степени представленных во всех влашских диалектах). Ещё несколько поколений назад многие кэлдэрарские старики в Советском Союзе свободно владели румынским языком (по-видимому, разными диалектными вариантами), так что II пласт оставался в какой-то степени открытым несколько десятилетий после исхода из Румынии. Кроме того, во II пласт входит ограниченный круг ранних русских заимствований, которые на первых порах встраивались в привычную схему адаптации по образцу румынских, ср. *səmèsto* ʻсемья’ (видимо, от *семе́йство*). Эта схема частично действует и до сих пор, ср. *aftamàto*, мн. *aftamàcy* (с чередованием согласных, характерным для румынских слов) ʻавтомат’.

⌛ В связи с румынскими заимствованиями в кэлдэрарском (как и вообще в северновлашских диалектах) имеется несколько загадок. Так, кэлдэрары и близкие им группы по сей день сохраняют старорумынские формы ряда слов, ср. кэлд. *b'àrà* ʻпиво’ (ст.-рум. *beare*, совр. *bére*), *vr'àmà* ʻвремя’ (ст.-рум. *vreame*, совр. *vréme*) и др., притом что в румынских диалектах нет никаких следов таких форм уже несколько сот лет. Не менее загадочно сохранение двойного *-rr-* (кэлд. *-ř-* — сейчас [ʁ]) в румынских словах, где этот звук унаследован из латыни, ср. кэлд. *càřa* ʻнарод, страна’ (ст.-рум. **ţárra* < лат. *terra* при совр. рум. *ţară* ʻстрана’) или отражает какое-то раннее (видимо, твёрдое) южнославянское **-r-*, ср. кэлд. *dàřo* ʻденежный взнос гостя на свадьбе’ (ст.-рум. **darru* > совр. рум. *dar* ʻподарок’), хотя в румынском уже давно нет (или почти нет) следов этого звука, в какой-то степени, впрочем, представленного в памятниках [Rosetti 1986: 480; Densusianu 1938: 121; Ослон 2018a]. Таким образом, складывается впечатление, что эти цыгане в течение долгого времени или вообще не общались с румынами (что маловероятно), или владели только каким-то особым архаичным вариантом румынского языка, проявлявшим удивительную стойкость против влияния современных румынских диалектов.

III пласт — явления, характерные для нынешней эпохи, в нашем случае — тесного контакта с русским языком. Этот пласт в отличие от предыдущих является совершенно

групп имеют точные соответствия в румынских фамилиях (румын), ср. Молдова́н, Бэнэца́н, Сырбия́н и др. Всё это требует дальнейшего изучения. Сами кэлдэрары получали в СССР паспорта на разные фамилии, в т. ч., например, Миха́й (что соотносится с родом миґэешти?), но интересно, что частотна также фамилия Мунтя́н (букв. ʻжитель Мунтении’), которая не соотносится ни с одним котлярским родовым названием.

открытым, т. к. все носители в той или иной степени владеют языком окружения (начиная с подросткового возраста), элементы которого проникают в язык котляров порой без особой адаптации. Степень точности воспроизведения иноязычных звуков, слов и конструкций зависит в такой ситуации только от степени владения носителем цыганского языка нецыганским языком окружения (русским). В настоящем описании мы не будем, кроме как в общих чертах и в отдельных случаях, касаться этой «стихийной» русской составляющей современного котлярского диалекта, поскольку она не вписывается ни в какую особую систему, а представляет собой шкалу от спонтанного употребления отдельных русских слов (в разной степени освоенных и подстроенных под родную систему) до произнесения целых высказываний. Исследование этой части языка невозможно при неполной изученности прочих его компонентов[15].

Общая характеристика пластов:

№	сегментная фонология	ударение	чередования	морфология
I	ограниченный набор согласных и сочетаний фонем	тяготеет к последнему слогу (есть исключения)	восходят к древним фонетическим явлениям	исконные словоизменительные типы, словообразовательные средства
II	все согласные из I пласта плюс некоторые другие; бóльшая сочетаемость фонем	может падать на любой слог; в прямых формах имён на основе	приняты в готовом виде из румынских диалектов	другие типы спряжения и склонения, словообразовательные средства
III	в меру владения русским языком	иногда со следами влияния русских диалектов	в меру владения русским языком	в меру владения русским языком

Каждому пласту свойственны определённые особенности, во многих случаях позволяющие (но не всегда однозначно) соотнести то или иное слово с одним из пластов. Каждый следующий пласт представляет собой надстройку над предыдущим. Например, на уровне фонологии это может проявляться в снятии некоторых запретов в области сочетаемости звуков, что связано с освоением очередного языка. Как уже было сказано, изредка некоторые новые явления по инерции вписываются в старый пласт. В редких случаях между отдельными пластами имеется и обратная диффузия (т. е. старые слова ведут себя как более новые).

Стирание граней между отдельными пластами происходит там, где внешний облик форм допускает отнесение их к двум разным пластам, ср. слово индийского происхождения *sàstri* ‘железо’, в котором безударный конечный гласный сохранился (или появился) только из-за стечения согласных, благодаря чему оно теперь склоняется как существительное II пласта, однако в словообразовании сочетается с суффиксами I пласта (но и II). В целом же разграничение между пластами проводится на удивление чётко на всех языковых уровнях. Например, продуктивные словообразовательные средства II пласта (такие как уменьшительные суффиксы) применимы почти исключительно к корням II пласта, притом что в I пласте есть соответствующие продуктивные средства, не выходящие за рамки I пласта. Такое положение создалось благодаря традиции совершенно особого оформления заимствований (особыми суффиксами, ударением), которая, наверное, восхо-

[15] Оно, однако, было бы тем более интересно, что в русской речи большинства котляров (а также во вставляемых ими в цыганскую речь русских формах) присутствуют общие для многих носителей следы диалектных источников влияния (в частности, в ударении и лексике), слабо соотносимые с языком текущего русского окружения (в основном утратившего диалект в пользу городского просторечия).

дит ко временам активных контактов цыган с греческим языком. В настоящее время русские слова могут адаптироваться под II пласт (тогда мы пишем «слова из III пласта»).

Первые два пласта в сознании говорящих неотделимы друг от друга, а третий резко от них отличается упомянутой открытостью системы и, в основном, осознаётся как нечто отдельное. Таким образом, собственно «цыганскими» являются фонетические, морфологические и лексические явления, которые не воспринимаются носителями как нецыганские (т. е. в данном случае как русские).

0.6. Классификация русских кэлдэрарских говоров

Поскольку цыганский — язык не территориальный, географические критерии при классификации его диалектов и говоров применимы крайне ограниченно. В нашем случае «изоглоссы» пролегают между «большими группами» кэлдэрар. Как уже было сказано, до сих пор цыгановедение не располагало сведениями о говорном членении русского кэлдэрарского. Выделяются четыре или пять говоров, а также несколько переходных форм.

В настоящей грамматике все формы и примеры — из говора молдовая. Отличия их говора от других даются мелким шрифтом в соответствующих разделах. У отдельных носителей-молдовая заметны следы влияния других говоров, что бывает связано со смешанным происхождением или контактами. Приведём основные изоглоссы.

0.6.1. Фонетические изоглоссы

Судя по всему, уже на довольно ранней стадии, очевидно, в период формирования кэлдэрарского диалекта на румыноязычной территории между отдельными говорами, в т. ч. между разными говорами предков русских кэлдэрар, были фонетические различия, которые частично сохраняются по сей день. При этом фонологические системы (т. е. состав фонем и их сочетаемость) всех говоров русских кэлдэрар тождественны (см. 1.2., 1.3).

В настоящее время между говорами имеются немногочисленные, но чёткие различия в рефлексах отдельных сочетаний, служащие важнейшими признаками, по которым сами носители опознают представителей разных групп. Приведём эти сочетания:

***re**

В этом сочетании смягчение **re* > */rʲè/* представлено только в группе гыркуря, а в остальных группах имеем *rə*:

молд. и др.	*kərə̀l*	:	гырк.	*kərèl*	ʿделает’
	pharə̀s	:		*pharès*	ʿтяжело’

Твёрдое сочетание *rə* выступает и в некоторых румынских словах, ср. самоназвание рода *petrə̀šti* (из которого происходил Ишван Деметер, см. 0.2).

Гыркуря, живущие в окружении молдовая, обычно утрачивают мягкость в этом сочетании. Возможно, среди самих гыркуря имеется некоторое разнообразие.

***the**

Рефлексы этого сочетания образуют самую осознаваемую носителями-молдовая изоглоссу. Возникнув благодаря фонетической эволюции, эта изоглосса тем не менее охватывает всего две морфемы — корень: **them* ʿстрана’ (сейчас мн. обычно ʿзаграница’); суффикс **-the*: **kathe* ʿздесь’, **kothe*, **othe* ʿтам’:

молд. и др.	*kaćè*	:	вунг.	*kacə̀*	ʿздесь’
	ćemà	:		*cəmà*	ʿзаграница’

Это сочетание, насколько нам известно, сохраняется в виде *thə* только у одного рода — шанхайцуря (китаякэ), судя по всему близкого к группе «вунгрика» и отделившегося (от ёнешти?) в 20-е годы, ср. **thema* > шанх. *thəmà* ʻзаграница’ (Кожанов, лич. сообщ.).

Впрочем, и у шанхайцев это сочетание на конце слова звучит как *-će* (*kaćè*), что может быть связано с контактом с прочими группами. Что касается группы гыркуря, то, видимо, они в некоторых местах подвергаются влиянию молдовая и теперь говорят *kaćè*, хотя носители старшего поколения сообщают, что раньше было и *kacə̀*.

***ki, *gi* (и *ke, *ge)**

Подобно предыдущему, чётко осознаётся и различие в развитии задненёбных перед передними гласными — у «вунгрика» они сохраняются, а у остальных переходят в зубные мягкие /ť/ и /ď/:

молд. и др.	*tiràl*	:	вунг.	*kiràl*	ʻтворог, сыр’
	dinèl	:		*ginèl*	ʻчитает, считает’

То же самое в двух словах с сочетанием *ke* < **ki*, не перешедшим в *kə*:

молд. и др.	*termò*	:	вунг.	*kermò*	ʻчервяк’	(< **kirmo*)
	ternò	:		*kernò*	ʻгнилой’	(< **kirno*)

Судя по всему, только ёнешти в полной мере сохранили заднеязычные рефлексы (причём у петрэшти рефлексы обоих типов в порядке колебания). У гыркуря, бэнэцая и шанхайцев — возможно, благодаря контактам — зубные рефлексы.

Есть несколько слов, имеющих зубной рефлекс и у «вунгрика», ср. *dèžəš*, *dèžy* м. ʻпоезд’ из венг. *gőzös* (с неясным переходом *z* > *ž*); *(v)ùndija* ʻноготь’ ← рум. *únghie*; *řətìja* ʻводка’ ← рум. диал. (Банат) *răchíe* (рум. лит. *rachíu*); *řudìl* ʻмолит’ ← рум. *a rugá*; *ampətìl* ʻмирит’ ← рум. *a împăcá*. Это, видимо, значит, что сочетания /*k*ʼi/ : /ťi/ и т. д. уже на румыноязычной территории были друг другу противопоставлены фонологически.

***khi**

По-разному происходит и палатализация *kh* перед *i*: у «вунгрика» сохраняется заднеязычный, у остальных он переходит в *ć*:

молд. и др.	*ćinò*	:	вунг.	*khinò*	ʻусталый’

Расподобление *l...l

Два слова у молдовая представлены с расподоблением *l...l* > *r...l*.

молд.	*pàrpale*	:	вунг. и др.	*pàlpale*	ʻназад’
	barvàl	:		*balvàl*	ʻветер’

У молдовая возможно (редко) дальнейшее изменение *barvàl* > *bravàl* (ср. параллельное, также редкое *barvalò* > *bravalò* ʻбогатый’).

Итак, основные фонетические изоглоссы:

	**the*	**re*	**k*,**g* _*i*	**kh* _*i*	**l...l*
«вунгрика»	*cə*	*rə*	*k*ʼ, *g*ʼ	*kh*ʼ	*l...l*
молдовая	*će*	*rə*	*ť*, *ď*	*ć*	*r...l*
бэнэцая	*će*	*rə*	*ť*, *ď*	*ć*	*r...l*
сырбияя	*će*	*rə*	*ť*, *ď*	?	*l...l*
гыркуря	*će*	*rə̀*	*ť*, *ď*	*ć*	*l...l*

Из факультативных черт, проявляющихся в разной степени в разных говорах, упомянем ослабление конечного *s* (см. 1.3.7.3), которое очень сильно развито у молдовая и гораздо меньше у других, что приводит к различным «акцентам».

0.6.2. Лексические изоглоссы

Имеются также довольно незначительные собственно лексические различия. В частности, они касаются разной сохранности некоторых индийских слов в разных говорах, причём у молдовая они больше всего замещены румынскими заимствованиями. Все эти слова хорошо известны молдовая, но воспринимаются как однозначно «чужие» (в таблицах подчёркнуты слова I пласта; сначала приводим все варианты из словаря [Деметеры 1990]; нам известны не все варианты у немолдовая):

	ʻборода’	ʻкастрюля’	ʻсвадьба’	ʻстакан’	ʻбабушка’
[ДД]	*śòr* (мн.), *bàrba*	*pirì*, *tinźìri*	*ab̓àv*, *nùnta*	*pohàřo*, *taxtàj* ʻкубок’	*mamì*, *bàba*
ёнешти	*bàrba*, *śòr* (?)	*pirì*	*ab̓àv*, *nùnta*	*taxtàj*	?
гыркуря	*śòr* (ж.ед.), *bàrba*	?	*ab̓àv*	*taxtàj*	?
молдовая	*bàrba*	*tinźìri*	*nùnta*	*pahàřo*	*bàba*
сырбияя	*bàrba*	*tinźìri*	*ab̓àv*	*taxtàj*	*bàba*

Приведём ещё несколько характерных различий. Они могут касаться (не)употребимости отдельных слов (например, молдовая, по-видимому, никогда не скажут *kàver* ʻдругой’, мн. *kolavèr*), принадлежности одного и того же слова к разным словоизменительным типам (из двух вариантов глагола ʻпеть’ молдовая употребляют вариант на *-àl*, а, например, ёнешти — на безударное *-el*), разных результатов упрощения сложной трёхрядной системы указательных местоимений (молдовая изредка употребляют *oćè* ʻтам’, но не *kutkà* ʻтж.’) и др.:

	ʻочень’	ʻдругой’	ʻпеть’
[ДД]	*desʹà*, *desà*, *detàt*	*avèr*, *kàver*	*gilàbel*, *gilabàl*
ёнешти	*detàt*, *dətàt*	*avèr*, *kàver*	*gilàbel*
гыркуря	?	*avèr*, *kàver*	*dilàbel*, *dilabàl*
молдовая	*dətàt*	*avèr*	*dilabàl*
сырбияя	*desà*	*avèr*	*dilabàl*

	ʻникогда’	ʻнигде’	ʻтам’
[ДД]	*šòha*	*khàte*, *khatènde*	*kothè*, *-ćè*, *-cə* *kutkà*, *kuktà* *othè*, *-ćè*, *-cə*
ёнешти	*ćek-dàta*, *šòha*	*khàte*, *khatènde*	*kocə*, *kutkà*
гыркуря	?	?	*koćè*, ?
молдовая	*ćek-dàta*	*khanikàj*	*koćè*, *oćè*
сырбияя	*khanikàna*	*khanikàj*	*koćè*, *kutkà*

При этом надо сказать, что у носителей наблюдается разная «терпимость» к словам, в той или иной степени считающимся чужими. Это может быть связано со взаимовлиянием говоров в одном поселении или смешанным происхождением самих говорящих.

0.6.3. Варианты одного слова

Некоторые различия касаются не самих слов, а их вариантов. По-видимому, эти различия следует воспринимать, по крайней мере в части случаев, как результат разрешения колебаний в одну или другую сторону.

Заимствованный из румынского языка предлог имеет разные формы: молд. /*də*/, у остальных — как правило /*ďe*/. Таким образом, например:

молд. *də dèš bàrš pàrpale* : вунг. *de dèš bàrš pàlpale* ʻдесять лет назадʼ

Этот предлог выступает в соответствующем виде и в сложении:

молд.	*dətàt*	: вунг.	*detàt*	ʻочень’	(ср. рум. диал. *dă tăt* ʻтж.’)
	d-atunćàra	:	*ď-atunćàra*	ʻс тех пор’	(ср. рум. *de-atúnci* ʻтж.’)
	dàba	:	*ďàba*	ʻедва’	(ср. рум. диал. *abeá* ʻтж.’)

Подобные различия имеем в *dəmùlt* : *demùlt* ʻдавно’, при более частом варианте *dumùlt*.

Однако в сложении, калькирующем рум. *ce de*, мягкость — во всех группах: /*sòďe*/ ʻсколько’. При этом в том же неопрощенном сочетании выступает соответствующая независимая форма:

молд. *sò də mùndro* : вунг. *sò de mùndro* ʻкакой красивый!’

⏳ Различие /*ďe*/ ~ /*də*/ не фонетическое, а лексическое (так, другой предлог, /*p'e*/ ʻна’, не знает твёрдой формы вне сочетаний с артиклем, ср. *p-əl*). Источник формы *də* следует искать в диалектной румынской форме *dă* (при рум. лит. *de*). Эта форма характерна, в частности, для банатского диалекта (где, правда, есть и *de*), в котором имеется также предлог *pă* (рум. лит. *pe*). Можно предположить, что сложение *sòde* было образовано на территории румынского диалекта, где употребляется форма *de*, затем это сложение опростилось, после чего предки молдовая на новом месте повторно заимствовали этот предлог, но уже в форме *dă*. Разумеется, подобные идеи остаются гадательными, т. к. история миграций на румыноязычной территории нам совсем неизвестна.

Предлоги *pe* ʻна’ и *ande* ʻв’ в сочетании с артиклем множественного числа (независимые формы: *le*, *əl*) у молдовая могут сегментироваться двумя способами, что влияет на мягкость согласного; у всех остальных возможны только мягкие варианты:

pe + *əl*	⇨	молд. *pe-l*	~	*p-əl*	: вунг. и др.	*pe-l*
ande + *əl*	⇨	*ande-l*	~	*and-əl*		*ande-l*

Подобные различия *e* : *ə* имеются в нескольких словах:

молд. *krəstəvèco* : вунг. *krestevèco* ʻогурец’

Есть также единичные примеры различия *ə* : *a*:

молд. *səvijàko* : вунг. *savijàko* ʻособый сладкий рулет’

0.7. О работе над этой книгой

Эта грамматика представляет собой синхронное описание одного говора. Однако по возможности приводятся диахронические и диалектологические сведения (мелким шрифтом). Мы старались разграничить явления разных уровней (фонетика, фонология, морфонология, морфология, синтаксис), что отражено в разбивке на главы.

При работе над этой книгой мы исходили, в частности, из следующих возможных задач читателя. Если надо узнать о каком-то явлении, то можно подойти к нему с нескольких сторон и получить исчерпывающую информацию. Например, если читатель интересуется смягчением и йотацией согласных, он заглянет в раздел 2.5.2 «Чередования согласных перед гласными (смягчения)», в котором это явление рассматривается с морфоноло-

гической точки зрения. Там не только даются общие сведения о самих чередованиях и их условиях, но и указывается исчерпывающим образом, в каких словоизменительных и словообразовательных типах оно встречается, так что читатель сможет сразу обозреть всё это явление, начав с одного места в книге. Точно так же при описании словоизменения даются ссылки на разделы, где описывается каждое из морфонологических и иных явлений, так что, например, увидев случай йотации, читатель сразу сможет обратиться к его общему описанию.

Помимо собственно грамматических явлений, в ряде случаев (например, при описании конкретного словоизменительного типа) даются довольно обширные списки слов. Относительная полнота некоторых списков возможна в связи с тем, что очень многие типы слов являются в кэлдэрарском закрытыми, т. е. не пополняются новыми единицами. Отчасти это связано с общим принципом «многослойности» цыганской грамматики: при смене среды появляются новые языковые средства, а старые частично или полностью утрачивают продуктивность. Особенно ценны такие списки для наиболее закрытого I пласта, который, однако, содержит самую частотную лексику. Поэтому читатель сможет оценить и лексический состав описываемого говора, например, для сравнения его с другими. Под списками слов из более или менее закрытых типов приводятся слова, данные в словаре [Деметеры 1990], но, судя по всему, неизвестные говору молдовая.

Материал для этого описания получен в ходе общения с носителями языка в различных котлярских «таборах» России и Украины. Помимо непринуждённого общения, много сведений извлечено путём прямых опросов, а также из записей фольклорных текстов — сказок и песен[16], для которых характерен особый архаичный регистр (часть из них записана нами, а часть — К. А. Кожановым). Ряд примеров, собранных Кожановым, мы взяли из публикаций: [Кожанов 2013; Кожанов, Черных 2016; 2017; 2018] (помечаем их «[Кож.]»). Кроме того, использовался один письменный источник — книжка русских сказок [СЦЯ] в переводе носителя Сулеймана Янополя (Сульмано ле Митягаско), отражающем его живой язык[17]. Примеры оттуда мы транскрибировали и снабдили ударением. К грамматике прилагаются образцы фольклорных и др. текстов, а также одна из сказок из [СЦЯ] — в оригинальной кириллической орфографии (всё с русским переводом, см. Приложение 3)[18].

Эта грамматика имеет как недостатки, так, возможно, и достоинства, связанные с процессом изучения неродного исследователю языка в условиях «полевой работы». Поэтому мы старались как можно меньше опираться на своё «чутьё» и по возможности проверять и перепроверять все примеры. Однако работа не велась «с нуля». Бесценным подспорьем в ней были существующие труды по кэлдэрарскому диалекту. Будучи введены в курс дела К. А. Кожановым (который уже общался с котлярами и вообще занимался цыганским языком), мы ознакомились с азами кэлдэрарского по самоучителю [Шаповал 2008], затем проштудировали грамматический очерк [Черенков, Деметер 1990] в словаре [Деметеры 1990], после чего решили расписать кэлдэрарскую лексику из этого словаря с целью разбора некоторых грамматических явлений, не отражённых в очерке. Именно из этой росписи выросла настоящая работа, которая незаметно перенеслась из-за «письменного стола» в

[16] В дальнейшем мы пишем «песнь», а не «песня», имея в виду стилистические и содержательные особенности этого жанра у кэлдэрар.

[17] К сожалению, в результате внешнего вмешательства (без согласования с переводчиком) текст переводов подвергся незначительной порче. Так, в него введено «будущее время» (в изъявительном наклонении): для этого в некоторых местах к глагольным формам добавлено *-а*, чуждое говору молдовая (кроме некоторых особых случаев), так что, например, *нашав* ‘(у)бегу’ было «исправлено» на *нашава*. В остальном же переводы довольно точно отражают живой язык (разумеется, в некоторой литературной обработке).

[18] В приложении к этой книге мы приводим небольшое число текстов. Более обширно архив песен, сказок, быличек и других жанров представлен на нашем постоянно пополняющемся ресурсе (www.rromanes.org), где мы выкладываем не только кэлдэрарский материал, но и записи (звук, видео, расшифровка и перевод) на других цыганских диалектах.

котлярские таборы (сначала в пгт. Плеханово под Тулой — опять-таки благодаря К. А. Кожанову, — а затем в таборы Одессы и Киева).

Носители кэлдэрарского диалекта, на чьей речи основано это описание, — из группы молдовая. При соприкосновении с их живым языком в первую очередь возникла необходимость разобраться в различиях между ним и уже немного знакомым автору языком из упомянутых работ (основанных на говоре иной группы: «вунгрика», род петрэшти, см. 0.2). Поэтому на начальных (и не только) этапах работа шла «от противного»: например, носителям предлагались списки слов, из которых надо было выбрать «свои», «чужие» и незнакомые. Так удалось сразу отмести большинство слов, не имеющих отношения к говору молдовая (в частности, почти все мадьяризмы). Затем, после более глубокого ознакомления с этим говором стали обнаруживаться многие грамматические и лексические явления, не отражённые словарём (в частности, возможно, по причине их отсутствия в говоре составителей). Нам остаётся надеяться, что мы сумели перебороть в себе предвзятость, связанную с некоторыми предварительными книжными знаниями (касающимися очень близкого, но всё же явно отличного говора).

Очевидно, что это описание не свободно от ошибок, связанных с нашим отнюдь не безупречным владением описываемым языком. В частности, наши лексические списки, во-первых, сами по себе неполны (но мы и не ставили себе задачи полного словарного описания; неплохие, хоть и тоже неполные, словарные описания кэлдэрарского уже существуют), а во-вторых, могут грешить неточностями различного происхождения. Так, эти списки отражают зафиксированные нами колебания в морфологическом оформлении словоформ и в словоизменительных парадигмах, однако зачастую мы были не в состоянии оценить частотность тех или иных вариантов (притом что, видимо, часть из них — оговорки). Кроме того, мы не всегда уверены в семантическом толковании слов: с одной стороны, многими «старыми» словами носители владеют нетвёрдо и дают порой противоречивые объяснения, а с другой — мы не всегда могли быть уверены в своём верном понимании этих объяснений. Очень многие слова нам, несомненно, просто не встретились (это относится в основном ко II пласту). Не замеченными нами, вероятно, остались и некоторые синтаксические явления (впрочем, большинство синтаксических явлений кэлдэрарского освещается здесь впервые). В любом случае, мы надеемся, что эта книга явит собой шаг вперёд в изучении и описании кэлдэрарского диалекта и цыганского языка в целом, и уповаем, что на основе проделанной нами работы станет возможен следующий шаг, который, однако, будет предпринят не только языковедами-нецыганами, но и носителями языка. Это позволит уточнить и обогатить изложенные здесь сведения и прийти, наконец, к более надёжному и исчерпывающему научному описанию кэлдэрарского.

Помимо молдовая, полевая работа велась и с представителями других групп. Сведения об их говорах даются мелким шрифтом. Таким образом, немаловажным результатом поездок по разным таборам стала и разработка классификации котлярских говоров, ранее отсутствовавшая.

1. ФОНОЛОГИЯ

При описании системы звуков языка удобно иметь дело с несколькими уровнями — от сугубо звукового, для которого важны собственно звуки речи, до достаточно обобщённого, на котором рассматриваются различные более абстрактные единицы. Например, возьмём следующее высказывание (в фонетической транскрипции МФА):

(1) [ˈʎeŋgoˈdatciɲˈɟɛˈbudˈmahtʰuˈlo]
ʻИх отец купил много сала.ʼ

Устранив символы, изображающие звуки, целиком обусловленные контекстом (соседними звуками и положением в слове), получим следующую фонологическую запись того же самого (вне сугубо фонетической записи мы не будем пользоваться МФА; соответствия знаков МФА и нашей системы см. в разделах 1.2.2 и 1.3.2):

(2) */ľèn-go dàt ťinď à bùd màs thulò/*

В этой записи вставлены пробелы между словами и дефис перед энклитикой, а также сняты все **автоматические** чередования. Например, **аллофоны** [ŋ] и [ɲ] изображены одной **фонемой** /*n*/. В данном случае речь идёт об **обязательных** аллофонах, поскольку невозможны, например, произношения **[ˈʎengo], **[ˈʎeŋgo].

Бывает и так, что услышанный нами звук отражает не обязательный аллофон, а один из вариантов, спонтанно выбранный говорящим из нескольких возможных в данном контексте. Так, [ˈmahtʰuˈlo] ʻсалоʼ может быть при тщательном произношении (или по индивидуальному предпочтению) произнесено [ˈmastʰuˈlo]. Здесь мы имеем дело с **факультативными** (необязательными) аллофонами: оба произношения отражаются в фонологической записи */màs thulò/*. При этом для фонемы /*s*/ такой выбор возможен только в ограниченном кругу контекстов: например, слово /*sò*/ ʻчтоʼ нельзя произнести как **[ˈho].

Однако при подаче материала без особого внимания к сугубо фонологическим явлениям удобнее пользоваться ещё чуть более отвлечённой записью, учитывающей **нейтрализацию фонем**. Например, в сочетании */dàt ťinď à/* ʻотец купилʼ глухость последнего согласного первого слова определяется правилами сочетания согласных (в данном случае они оба глухие), ср. */dàd b'iťinď à/* ʻотец продалʼ. С одной стороны, можно сказать, что здесь налицо разные фонемы — /*t*/ и /*d*/. С другой стороны, учитывая такие формы этого слова, как, например, мн. *dadà* ʻотцыʼ, можно отвлечься от нейтрализации и записать наш отрезок следующим образом:

(3) *Lèn-go dàd tinď à bùt màs thulò.*
ʻИх отец купил много сала.ʼ (букв. ʻмяса жирногоʼ)

В этой записи заменено также сочетание мягких согласных фонем с передними гласными */ľe/* и */ťi/* на *le* и *ti*, поскольку обозначение мягкости здесь избыточно (хотя /*ľ*/ и /*ť*/ — это отдельные фонемы, отличные от /*l*/ и /*t*/).

Именно таким образом будет подаваться основная масса материала в этой грамматике. Этот способ записи можно условно назвать «орфографическим» (см. 1.1). Ещё более абстрактный уровень — морфонологический, он не очень практичен для записи речи (о морфонологии см. главу 2). При переходе от каждого уровня к следующему неизбежны некоторые допущения и условности: наша фонологическая запись опирается на достаточно

произвольно выделенные нами фонемы, а орфографическая учитывает только самые очевидные нейтрализации, в сложных же случаях она отражает принятые нами компромиссные решения. Все эти моменты подробно освещаются в следующих разделах.

Итак, одна и та же фонема может выступать в виде одного или более аллофонов, что в определённых условиях может приводить к нейтрализации с другими фонемами. Объединение звуков в одну фонему зачастую условно — при возможности разных решений (см. ниже о звуках *e* и *ə*). Особые звуки (например, носовые гласные), не относимые к какой-либо отдельной фонеме, могут служить реализацией не одной фонемы, а последовательности фонем (см. 1.2.7).

Для фонетического описания важно понятие **слога**, т. е. ритмической единицы, чьи границы устанавливаются при «слогоделении». Кэлдэрарские фонемы подразделяются на **гласные** — способные образовывать слог — и **согласные** — никогда не образующие слога. Со слогами связано также ударение, которое в нашем диалекте разноместно (см. 1.5).

При перечислении фонем (гласные — см. 1.2.2; согласные — см. 1.3.2) даются все их аллофоны. Если нет комментариев к первому аллофону, то это такой аллофон, который ассоциируется с фонемой в первую очередь: именно он звучит в изолированном произнесении (а также обычно при скандировании). Затем идут аллофоны, заметно отличающиеся на слух от основного, выступающие в тех или иных контекстах или находящиеся с ним в свободном распределении. Основной аллофон следует воспринимать как наиболее частотный во всех контекстах, не оговоренных при других аллофонах.

Контекст каждого аллофона описывается исходя из позиции воплощающего его звука перед другими звуками (или более общо — фонемами), а также в конце слова. Поэтому необходимо сразу оговорить понятие **слова**. В самом общем случае имеется в виду **словоформа** в широком смысле (т. е. неделимая последовательность морфем и клитик, подробнее см. 1.4); делаются специальные оговорки, если речь идёт, например, о границе слова (в узком смысле) и последующей клитики. Дело в том, что на границах между разными отрезками (между морфемами; перед клитиками; между словоформами) действуют особые правила сочетания, не действующие внутри самих соответствующих отрезков.

При факультативных аллофонах, как и вообще в дальнейшем описании, даются комментарии вроде: «у некоторых носителей», «у молодёжи», «редко» и т. п., которые следует расценивать как нашу субъективную оценку. Выявить у этих аллофонов какое-либо лингвогеографическое (или родовое) распределение внутри молдовая пока не удалось; единственный более или менее достоверный фактор — возраст носителей.

1.1. Фонология и орфография

Наша «орфографическая» запись, в которой ниже (особенно в синтаксическом разделе) даются примеры связных речевых отрезков, являет собой компромисс между фонологическим и морфонологическим способами записи. «Орфографическая» запись — всё-таки скорее фонологическая, но с некоторыми отклонениями в сторону морфонологии. Так, в орфографической записи мы не ставим апострофа в сочетании мягких парных согласных фонем с передними гласными, т. е. вместо /*ľe*/ и /*ťi*/ пишем *le* и *ti*.

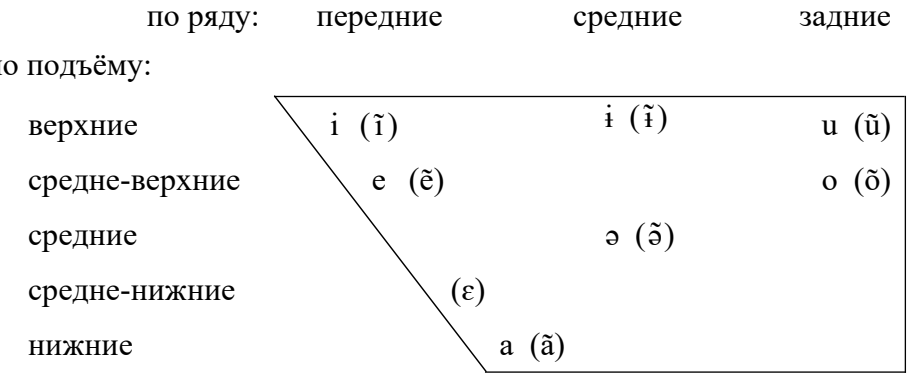
В прочих случаях каждый символ в нашей записи отражает одну фонему, кроме придыхательных (*kh*, *th*, *ph*), по поводу которых мы не приняли окончательного решения на предмет их одно- или двухфонемности (см. 1.3.1). На конце слова мы не отражаем ни оглушения (т. е. нейтрализации по глухости-звонкости, ср. *gàd parnò* /*gàt...*/ ‘рубашка белая’, см. 1.3.7.6), ни утраты придыхания (т. е. нейтрализации по придыхательности, ср. *màkh lolò* /*màk...*/ ‘муха красная’, см. 1.3.7.5; со звонкостью: *màkh barì* /*màg...*/ ‘муха большая’). Это, как нам кажется, оправдано высокой регулярностью сандхи.

В примерах, сочинённых нами, мы не отражаем ослабления конечного *-s* (см. 1.3.7.3), ср. *lès-ko* ‘его’, а в примерах из записанных текстов ослабление отражается, ср. возможное написание *lèh-ko*. Такая запись не приводит к потере информации, т. к. позиции гортанной реализации фонемы /*s*/ и «первичной» фонемы /*h*/ не перекрываются — первая встречается только в конце слова (в т. ч. перед клитикой), а вторая — только в начале или середине.

Все остальные фонологические явления наша орфографическая запись отражает.

1.2. Гласные

Представлены следующие гласные звуки (МФА; в скобках — факультативные звуки, в т. ч. имеющиеся не у всех носителей):



Как видно, каждый нефакультативный ротовой звук имеет факультативную носовую пару. Носовые гласные звуки чётко выделяются на уровне сегментной фонетики, хотя сами они факультативны и нефонологичны. Носовое произношение гласных всегда связано со следующим носовым согласным, причём этот согласный в таких случаях поглощается носовым гласным (но возможны и другие варианты произношения, см. 1.2.7).

Гласные иногда могут быть фонетически долгими, ср. в предударном положении: *gaźè* [ga(:)ˈʑe] ‘нецыгане’, но это бывает связано исключительно с фразовыми явлениями, так что долгота незначима.

1.2.1. Гласные фонемы

Для описания гласных фонем как таковых достаточно трёх признаков: ряда (передний, непередний), подъёма (верхний, средний, нижний) и огубленности (да, нет). Носовых гласных фонем нет:

ряд:	передний	непередний	
огубленность:	неогубленные		огубленные
подъём:			
верхний	*i*	*y*	*u*
средний	*e*	*ə*	*o*
нижний		*a*	

Все гласные встречаются как под ударением, так и в безударной позиции. Под ударением они произносятся чётко, а без ударения могут в какой-то мере редуцироваться, что в некоторых случаях приводит к почти полным фонологическим нейтрализациям (см. 1.2.6), а также иногда к частичному отпадению (см. 1.2.8).

1.2.2. Аллофоны гласных фонем

При каждой фонеме даются аллофоны (в транскрипции МФА), а также краткие замечания о нейтрализациях и других особенностях с отсылками к соответствующим разделам. В определениях контекстов аллофонов гласных упоминается признак согласных — мягкость-твёрдость, который подробно разъяснён в разделе о согласных (см. 1.3).

/*a*/	[a]	*làda* [ˈlada] ‘сундук’, *ambròl* [amˈbrol] ‘груша’
	[ɛ]	Факультативно в открытом слоге под ударением после мягких согласных (везде возможно и [a]): *iv’à* [iˈʊʲɛ] ‘бесплатно’, *mul’à* [muˈʎɛ] ‘мёртвые’ (ж.мн.) *səvijàko* [səʊʲiˈjɛko] ‘особый пирог’ (но ср. в закрытом слоге: только *pil’àm* [pʲiˈʎam] ‘мы выпили’)
/*o*/	[o]	*řòm* [ˈʁom] ‘цыган, муж’, *ordè* [orˈɟe]‘сюда’, *dòro* [ˈdoro] ‘тоска’ В безударном положении может почти сливаться с /*u*/ (см. 1.2.6).
/*u*/	[u]	*bùt* [ˈbut] ‘много’, *sulumà* [suluˈma] ‘солома’ В начале слова обычно не встречается без протезы *v-* (см. 1.2.5). В безударном положении может почти сливаться с /*o*/ (см. 1.2.6).
/*e*/	[e]	После мягких согласных: *mulè* [muˈʎe] ‘мёртвые’, *pènas* [ˈpʲenas] ‘они пили’ На конце слова под ударением закрытость слышна отчётливей (см. 1.2.3). Если *mul’è* произнести с открытым [ɛ], это будет понято как *mul’à* ‘мёртвые’, ж. (т. е. ‘призраки-женщины’). В безударном положении может почти сливаться с /*i*/ (см. 1.2.6).
/*ə*/	[ə]	В начале слова и после твёрдых согласных: *àta* [ˈəta] ‘вот’, *bàrk* [ˈbərk] ‘пазуха’, *khərà* [kʰəˈrə] ‘дóмá’ В конце слова некоторые произносят очень закрыто (см. 1.2.3).
/*i*/	[i]	*bìš* [ˈbʲiʂ] ‘20’, *ìv* [ˈiʊ] ‘снег’, *ilò* [iˈlo] ‘сердце’, *glàti* [ˈglaci] ‘дети’ В начале слова у меньшинства носителей не встречается без протезы *j-* (см. 1.2.5). В безударном положении может почти сливаться с /*e*/ (см. 1.2.6).
	[ə̯]	Между глухими без ударения иногда произносится без голоса (редукция): *ćikàt* [tɕə̯ˈkat] ‘лоб’, *Titàj* [cə̯ˈtaj] ‘Титай’ (имя) На конце слов без ударения после *-ć-* может отпадать (см. 1.2.8).
/*y*/	[ɨ]	*gỳndo* [ˈgɨndo] ‘мысль’, *cypìl* [tsɨˈpʲil] ‘кричит’, *kàlcy* [ˈkaltsɨ] ‘штаны’ В начале слова почти не встречается (см. 1.2.5). В безударном положении может почти сливаться с /*ə*/ (см. 1.2.6).
	[ə̯]	Между глухими без ударения иногда произносится без голоса (редукция): *cypìl* [tsə̯ˈpʲil] ‘кричит’, *sytilò* [sə̯ciˈlo] ‘привык’ На конце слов без ударения после *-c-* может отпадать (см. 1.2.8).

1.2.3. Вопрос о дифтонгах

Возможны сочетания гласных с /*j*/ перед согласным или на конце слова: *bàj* ʻрукав’, *mùj* ʻрот’, *řòj* ʻложка’, *kəlkỳj* ʻпятка’. В этой позиции не встречается только /*ij*/. Все такие сочетания мы трактуем не как дифтонги, а как /гласный/ + /согласный/.

Сложнее обстоит дело с сочетаниями /*ej*/, /*əj*/. В середине слова перед согласными они встречаются крайне редко, ср. *pərədàjcy* ʻпомидоры’ (причём /*j*/ слышен очень слабо, в отличие от ед. *pərədàjca*), но часто довольно отчётливо слышатся на конце односложных слов, ср. *àj* (более редкий вариант: *jèj*) ʻда’, *dèj* ʻмать’, *śèj* ʻдочь’ и др. Однако в речи многих носителей такой же йотовый призвук слышен после любых конечных /*-e*/ и /*-ə*/: *pilè*[j] ʻони выпили’, *khərə̀*[j] ʻдомой’, *màn-gə*[j] ʻмне’. И наоборот, изредка встречается вариант *ə̀* ʻда’ (крайне редко *jè*). По-видимому, для части носителей конечные /*-e*/ ~ /*-ej*/ и /*-ə*/ ~ /*-əj*/ не противопоставлены, ср. слова *dèj* ʻмать’ и *dè* ʻдай’ (обычно всё же различаются).

⏳ В прошлом в заимствованиях из румынского были возможны односложные сочетания гласных *-o̯a-*: **po̯àrta* ʻворота’, **řuso̯àjka* ʻрусская’ (сущ.); сейчас они упрощены в /*a*/: *pàrta*, *řusàjka*.

1.2.4. Зияния

Имеется несколько слов II пласта с сочетанием /*a*/ или /*ə*/ + /*u*/. Одни носители произносят их с зиянием, а другие устраняют его вставкой /*v*/ (в т. ч. [w], см. 1.3.3.3):

pəùno	~	*pəvùno*	ʻпавлин’
làuta	~	*làvuta*	ʻмузыка’

Непросто решить, имеется ли зияние /гласный/ + /*i*/. Кажется, это всё-таки не зияние, поскольку в таких сочетаниях слышится слабо выраженный йот (мы так и будем писать во всех случаях): *najìs* ʻспасибо’, *tinujìl* ʻмучит’, *ćijilèm* ʻя устал’.

Зияние фонетически может появляться при факультативном падении *-h-*: *tehàra ~ teàra* ʻзавтра’ (см. 1.3.5.2). В порядке исключения встречается зияние на морфемном шве в спонтанных заимствованиях (в словах из III пласта) типа *kinòurə̀a* ʻкинофильмы’ (ед. *kinò*).

1.2.5. Распределение гласных

Гласные фонемы в разных позициях в слове:

	начало слова		между согласными		конец слова	
a	*angàr*	ʻуголь’	*kàn*	ʻухо’	*dadà*	ʻотцы’
o	*oxtò*	ʻ8’	*kòř*	ʻшея’	*sunò*	ʻсон’
u	*(v)urdòn*	ʻповозка’	*gurùv*	ʻбык’	*pašľù*	ʻляг’
ə	*ə̀j*	ʻда’	*khə̀r*	ʻдом’	*barə̀*	ʻбольшие’
y	*ympàće*	ʻздоров’	*sỳr*	ʻчеснок’	*xancỳ*	ʻмало’
e			*bèng*	ʻбес’	*śavè*	ʻсыновья’
i	*ilò*	ʻсердце’	*lìm*	ʻсопля’	*xutì*	ʻпрыгай’

В начале слова имеются некоторые ограничения. Начальное /*u*/ обычно не встречается без *v-*, что у части носителей звучит как [w-] (об этом согласном см. 1.3.3.3):

редко:	*ùšt*	~ часто:	*vùšt*	~	[w]*ùšt*	ʻгуба’
	urdòn	~	*vurdòn*	~	[w]*urdòn*	ʻтелега’
	ùni	~	*vùni*	~	[w]*ùni*	ʻнекоторые’
	ušòro	~	*vušòro*	~	[w]*ušòro*	ʻлёгкий’

Иногда также в названиях и т. п., ср. *Ukrajìna ~ Vukrajìna* ʻУкраина’.

Слова с павшим начальным *h-* часто произносятся и без протезы, что приводит к колебаниям между начальным *u-* и *hu-*, *vu-* (см. 1.3.5.2).

Начальное /*i-*/ у меньшинства носителей сопровождается протезой *j-*.

часто:	*ilò*	~	редко:	*jilò*	‘сердце’
	ivènd	~		*jivènd*	‘зима’
	ìv	~		*jìv*	‘снег’
	ìto	~		*jìto*	‘острый, пряный’

⏳ У молдовая протеза *j-* встречается очень редко. Она типична для сырбияя. В остальных группах это, по-видимому, уходящий архаизм.

Начальное /*y-*/ встречается только без ударения, только у некоторых носителей и всего в паре слов: *yntàjne* ‘зря’, *ympàće* ‘здоров’ (обычно в сочетаниях: *iv-yntàjne* ~ *iv'à-ntàjne* ‘зря; не по делу’, *zuralò-(y)mpàće* ‘жив-здоров’), *ympəràto* ‘царь’ (в этом слове очень редко, обычно *ampəràto*). Фонологически /*y*/ и /*i*/ противопоставлены слабо: только начальная позиция в слове даёт повод считать их отдельными фонемами.

В начале слова не может стоять гласный /*e*/, поскольку он встречается только после мягких согласных (см. 1.3.3.1). Некоторые слова с начальным *ə-* имеют вариант на *je-* (эти варианты можно считать лексическими, а не фонологическими):

àj	~	*jèj* (редко)	‘да’
əftà	~	*jeftà* (чаще)	‘7’
əkh	~	*jèkh*	‘1’; неопр. артикль (*ə-* чаще в артикле)

Однако только *àta* ‘вот’, *jertìl* ‘прощает’.

⏳ В словах I пласта *e* и *ə* восходят к единому звуку **e*, а звуки *i* и *y* — к единому звуку **i*. Эти расщепления связаны исключительно с эволюцией согласных перед **e*, **i* [Oslon 2017]. Одни согласные смягчались перед обоими передними гласными (зубные, губные), другие смягчались перед *i*, но не смягчались перед *e* (заднеязычные), третьи — не смягчались вообще (щелевые). Перед реконструируемым слоговым **-r̥-*, развившимся из древнего **-er-*, смягчения не происходило (ср. *tərnò* ‘молодой’). В какой-то момент позиционное смягчение фонологизовалось, так что часть согласных развили пары по мягкости-твёрдости, а затем после твёрдых согласных появились аллофоны особого тембра *ə* и *y*, которые зажили своей жизнью в румынском окружении (в румынском языке это вполне отдельные фонемы). В итоге, благодаря наплыву румынских заимствований появилось много парных сочетаний типа *t'i* : *ty*; *d'e* : *də* и др. Особые случаи представлены словами *termò* < **kirmo* ‘червяк’ и *ternò* < **kirno* ‘гнилой’, а также *ćeràn* < **ć̥r̥han* ‘звезда’ (здесь *-er-*, а не *-ər-* — после непарного мягкого согласного). По говорам смягчение могло охватывать разные согласные: так, у гыркуря в словах первого пласта **re* > *ŕe* (ср. характерное гырк. *sò kə/r'/ès* ‘что делаешь?’), тогда как у остальных кэлдэрар (в т. ч. молдовая) **re* > *rə*. Иначе различаются рефлексы **the*: у ёнешти **the* > *cə*, у молдовая (и большинства остальных) **the* > *će* (см. 0.6.1). В редких случаях в разных говорах (но не у молдовая) возможны колебания. Говор молдовая в этом смысле влияет на другие говоры, если их носители живут в таборе в меньшинстве.

Несмотря на разное звучание /*e*/ и /*ə*/, на конце слов они, судя по всему, воспринимаются как рифмующиеся:

(1) *Ź̀a khərà, xà xabè!*
букв. ‘Иди домой, ешь еду!’ (рифмованная детская дразнилка)

Разное поведение /*e*/ и /*ə*/ проявляется в том, что /*ə*/ значительно чаще выступает в сочетании *-ər-* + /согласный/, ср. *tərnò* ‘молодой’, *kərdò* ‘сделанный’, *bàrš* ‘год’. В этих случаях *-ər-* может при быстром темпе звучать как словогое [r̥], в т. ч. если согласный относится к следующему слову:

(2) *Nà-kər màn-gə laźàv!* [ˈnakr̥ˈma-]
‘Не заставляй меня краснеть.’ (букв. ‘не делай мне стыд’)

1.2.6. Колебания и нейтрализация гласных

В безударном положении довольно слабо различаются пары гласных /*o*/ ~ /*u*/ и /*y*/ ~ /*ə*/, в какой-то степени редуцируясь и нейтрализуясь; значительно реже смешиваются /*i*/ ~ /*e*/. Говорить в каких-либо случаях о полной нейтрализации вряд ли можно, тем более что имеется немалое разнообразие в произношении.

Фонема /*y*/ при достаточно быстром темпе, кажется, именно редуцируется, ср. *gyndìv* ≈ [-ə-] ʻдумаюʼ при *gỳndo* [-i-] ʻмысльʼ.

Пара /*o*/ ~ /*u*/ различается разными носителями в разной степени (ещё см. ниже о смешении /*u*/ ~ /*y*/).

Смешение /*i*/ ~ /*e*/ наблюдается у меньшинства носителей: *pexà* [-e-] ~ [-i-] ʻглазные коркиʼ, *nevì* [-e-] ~ [-i-] ʻновая’. Однако минимальные пары, как правило, различаются хорошо.

Возможные минимальные пары:

/*o*/ ~ /*u*/ ≈ [u]:	*moľàn-ca* ʻвинамиʼ (*mòl*)	≈	*muľàn-ca* ʻмёртвымиʼ, ж. (*mulì*)
/*y*/ ~ /*ə*/ ≈ [ə]:	*šylèn-ca* ʻхолодамиʼ (*šỳl*)	≈	*šəlèn-ca* ʻверёвкамиʼ (*šəlò*)
/*i*/ ~ /*e*/ ≈ [i]:	*phirəl* ʻходитʼ	≠	*pherəl* ʻнаполняетʼ

В любом случае, наличие проверочных форм (где гласный стоит под ударением) может препятствовать нейтрализации.

Но есть и другой тип колебаний: когда гласные, не подлежащие описанной неполной нейтрализации в безударном положении, в ограниченном кругу контекстов тоже проявляют некоторую нестабильность и взаимозаменимость с другими гласными. Это явление нельзя отнести в полной мере к фонологии, т. к. оно наблюдается в единичных или необычных по фонемному составу словах, и не всегда легко определить контекст. Тут можно говорить о факультативной замене одной фонемы на другую. Наиболее чётко выделяется колебание /*u*/ ~ /*y*/ после губных согласных *m*, *p*, *v*:

/*u*/ ~ /*y*/:	*mùndro*	~	*mỳndro*	ʻкрасивыйʼ
	mutrà	~	*mytrà*	ʻмочаʼ
	putrəl	~	*pytrəl*	ʻоткрываетʼ
	punřò	~	*pynřò*	ʻногаʼ
	muřò	~	*myřò*	ʻмойʼ (есть носовой вариант, см. 1.2.7)
	mustr'àca	~	*mystr'àca*	ʻперхотьʼ
	pùne	~	*pỳne*	ʻпока; до тех пор какʼ
	stəpùno	~	*stəpỳno*	ʻхозяинʼ
	ləmùja	~	*ləmỳja*	ʻлимонʼ
	təmùja	~	*təmỳja*	ʻладанʼ
	vuřỳto	~	*vyřỳto*	ʻпротивныйʼ
	šupỳrla	~	*šypùrla*	ʻящерицаʼ

Как видно, здесь представлены разнообразные контексты: под ударением и без, перед носовым, перед группой согласных и т. п. Колеблются не все подобные слова, ср. *mùšyca* ʻопарышʼ, *pùška* ʻружьёʼ и мн. др. — только /*u*/; *mỳca* ʻкошкаʼ, *vynàto* ʻохотаʼ и мн. др. — только /*y*/. По-видимому, синхронное правило частично связано с окружением: в соседстве с *-ə-*, *-y-*, а также перед /*n*/ колебания более частотны.

Совсем специфические колебания (это уже скорее лексические варианты):

/*ə*/ ~ /*o*/:	*šərò*	~	*šorò*	ʻголоваʼ
	źukàl	~	*źukòl*	ʻсобакаʼ (/*o*/ только у молодых)
	ćořəvanò	~	*ćořovanò*	ʻнищийʼ (~ *ćořyvanò*)
/*o*/ ~ /*ə*/:	*śavořàle!*	~	*śavəřàle!*	ʻребята!ʼ (зват.)

При колебании между передними и непередними гласными соответственно меняется и мягкость-твёрдость согласного (мало примеров) — /*bʹi*/ : /*by*/ и т. д.:

/*i*/ ~ /*y*/:	*bistrə̀l*	~	*bystrə̀l*	‘забывает’	(/*i*/ редко)
/*e*/ ~ /*ə*/:	*bezə̀x*	~	*bəzə̀x*	‘грех’	(/*ə*/ редко)
	krećùno	~	*krəćùno*	‘Рождество’	(/*ə*/ редко)
	semèsto	~	*səmèsto*	‘семья’	(/*e*/ редко)

В отдельных случаях колебания, возможно, в какой-то степени связаны с тенденцией к «гармонии гласных». Так, слово *muřò* ‘мой’ несколько частотнее с /*u*/ перед /*o*/ (прямая форма м.ед.), хотя при других окончаниях довольно типичны варианты *myřỳ*, *myřà*, *myřə̀*, которые, учитывая факультативную редукцию, могут звучать как *məřə̀* и т. д. Нечто подобное можно сказать о *bystrə̀l* (устраняется контраст по мягкости). Что касается *səmèsto*, то здесь налицо приспособление русского слова (видимо, *семейство*) под родную фонетику (для которой не характерно сочетание /*sʹe*/).

⌛ Эти колебания, связанные с мягкостью-твёрдостью согласных, особенно характерны для румынских заимствований, причём они, видимо, имели разную историческую судьбу и могли по-разному разрешаться в разных говорах, ср. молд. *krəstəvèco* ‘огурец’ ~ ёнешти *krestevèco*, молд. *də* (предлог) ~ ёнешти /*dʹe*/. В последнем случае колебание, видимо, связано с разными источниками заимствования, ср. рум. *de* и диал. *dă* (однако во всех кэлдэрарских говорах мягко в слове *sòde* ‘сколько’ — калька с рум. *ce de*).

Отметим также возможность при пении (у части исполнителей, см. 5.1.1.4) открывать все /*u*/ до [o]. Таким образом, вместо *lypynzỳl* ~ *lupynzỳl* ‘сбивает с ног; спотыкается’ можно услышать *l*[o]*pynzỳl*, ср. также *źamutrʹà* ~ *źamytrʹà* ~ *źam*[o]*trʹà* ‘зять’ (звательная форма).

1.2.7. Назализация гласных

Носовые гласные встречаются в речи большинства носителей. Они во всех случаях факультативны и являются вариантами произношения последовательности /гласный/ + /*n*/ перед щелевым или сонантом (кроме /*j*/). Назализация последовательно проводится большинством носителей, а у прочих носителей /*n*/ остаётся в виде аллофона: [n], [ɲ] или [ŋ], свойственного соответствующей позиции (см. 1.3.2).

Итак, при назализации гласный заменяется на свой носовой эквивалент, поглощая следующий /*n*/, ср. внутри слова (примеры нашлись не на все сочетания):

/*an*/:	[ã] ~ [an]	*anzarə̀l* ‘растягивает’, *ansurìl* ‘женит’
	[ã] ~ [aɲ]	*pànźˊ* ‘5’, *xànźva* ‘жадина’
	[ã] ~ [aŋ]	*manřò* ‘хлеб’, *phànř* [ˈpʰãχ] ~ [ˈpʰaŋχ] ‘шёлк’
/*en*/:	[ẽ] ~ [en]	*ivenzỳl* ‘сыреет’
	[ẽ] ~ [eɲ]	*krènźi* ‘ветки’ (мн.)
/*yn*/:	[ɏ̃] ~ [ɨn]	*spỳnla* ‘селезёнка’
	[ɏ̃] ~ [ɨŋ]	*pynřə̀* ‘ноги’ (мн.)
/*in*/:	[ĩ] ~ [in]	*tinzòl-pe* ‘растягивается, ложится’, *trin-šəlà* ‘300’
	[ĩ] ~ [iɲ]	*mìnźˊ* ‘вагина’, *źinźìja* ‘десна’
/*un*/:	[ũ] ~ [un]	*ašùnla* ‘слышит’ (в песнях)
	[ũ] ~ [uɲ]	*(v)unźilè* ‘в долг’
	[ũ] ~ [uŋ]	*ćùnř* ‘коса’ (волосы), *punřò* ‘нога’ (~ *pynřò*)

Назализацию можно считать упрощением группы из двух согласных, при котором первый превращается в фонетический признак гласного и, тем самым, не исчезает без следа,

а всегда фонологически устойчив. Есть только одно слово, где это не так: с чистым ротовым гласным обычно произносят *muřò* [muˈʁo] ‘мой’, при очень редких вариантах *munřò* [mũˈʁo] ~ [muɳˈʁo]. Можно считать, что *muřò* : *munřò* — лексикализованные (а не фонологически обусловленные) варианты.

Назализация частотна и на конце слов (чаще перед безударным слогом, особенно перед различными клитиками; в обобщённом виде см. 1.3.7):

kòn sy kadò	[ˈkõ sˢ kaˈdo]	‘кто это’
ćì-plaćàn-la	[ˈtɕi plaˈtɕã la]	‘не нравятся ей’
aj lèn dèn-le	[aj ˈʌen ˈɟẽ ʌe]	‘и берут [и] дают ему’
dinò-armàn lo	[ɟiˈno arˈmã lo]	‘он проклят’

Единственное в своём роде сочетание внутри слова /-*anv*-/ имеется в аллегровом варианте числительного:

pànźvar-deš ‘50’ ~ *pànvərdeš* [ˈpãʊɽɟeʂ] ~ *pànvərš* [ˈpãʊɽʂ]

У слова *pànź* ‘5’ имеется нерегулярный вариант произношения с назализацией и отвердением конечного шипящего: [ˈpãʂ], [ˈpãʐ] (об оглушении см. 1.3.7.6), причём отвердение не распространяется на косвенную основу *panźè(n)* [pãˈʑe-] или без назализации [paɲˈʑe-].

1.2.8. Редукция конечных *-i*, *-y*

На конце слов после *-ć-*, *-c-* нестабильны безударные фонемы /*i*/ и /*y*/ (соответственно). Часто они произносятся очень кратко и глухо, т. е. не вполне падают, но слышны весьма слабо, а иногда падают (редуцируются) совсем, причём независимо от контекста: в т. ч. перед паузой или согласным:

khànći	[ˈkʰaɲtɕi]	~ [ˈkʰaɲtɕˢ]	~	[ˈkʰaɲtɕ]	‘ничего’
paramìći	[paraˈmʲitɕi]	~ [paraˈmʲitɕˢ]	~	[paraˈmʲitɕ]	‘сказка’
ləjècy	[ləˈjetsɨ]	~ [ləˈjetsˢ]	~	[ləˈjets]	‘цыгане-немолдовая’
dimin’àcy	[ɟimʲiˈɲatsɨ]	~ [ɟimʲiˈɲatsˢ]	~	[ɟimʲiˈɲats]	‘утро’

Впрочем, совсем полным это падение считать нельзя, т. к. оказавшиеся на конце слова согласные обычно не озвончаются перед следующим звонким (см. 1.3.7.6) и звучат фонетически несколько продлённее, чем обычные конечные согласные.

У многих носителей в это фонетическое колебание вовлечены единственные два слова с конечным *-ć*: *kùć* ‘дорогой’, *bèć* ‘окорок’, которые тем самым фонологически принимают вид *kùći*, *bèći*, ср. *kùći bàř* ‘драгоценный камень’ — при редукции: [-tɕˢb-] (а не **[-dʑb-], что, кажется, невозможно). Таким образом, для части носителей фонологически становится невозможен конечный *-ć*.

Сюда примыкает редуцированное произношение безударного варианта глагола-связки 3-го лица *sy* [sˢ] ~ [s] (по-видимому, редукция менее характерна для немногочисленных других слов, ср. *ampərəťàsy* [-ɨ] ‘царицы’).

1.2.8.1. Отпадение гласных (элизия)

Как было указано выше, внутри слова сочетания двух гласных подряд фонологически невозможны (см. 1.2.3; фонетически они возможны только в особых условиях: при падении /*h*/, см. также 1.3.5.2). Та же картина, но с поправкой на факультативность, наблюдается на границах (см. 1.3.7), если первый из двух гласных безударен. При замедленном темпе речи или интонационном выделении конечный гласный слова перед начальным

гласным следующего слова нередко произносится достаточно чётко, но при нормальном темпе происходит полная элизия, т. е. падение первого гласного (часто *-ə*) в сочетании:

/ə/:	*màn-gə avèr*	~	*màn-g avèr*	ʻмне другойʼ
	tù-kə o dèl	~	*tù-k o dèl*	ʻтебе богʼ

Часто отпадает гласный в безударных словах (предлогах, проклитиках):

/a/:	*kata avèr*	~	*kat avèr*	ʻот другогоʼ
	anda ambròl	~	*and ambròl*	ʻиз грушиʼ
/e/:	*te-avèn baxtalè*	~	*tʼ-avèn baxtalè*	букв. ʻбудьте счастливыʼ (приветствие)
/i/:	*ćì-ankľàv*	~	*ć-ankľàv*	ʻне выйдуʼ

Отрицание *ćì-* часто ударно, тогда гласный не падает. По-видимому, в некоторых случаях элизия связана с потерей ударения:

/o/:	*sò avèla*	~	*s avèla*	ʻчто будетʼ

Нечто сродни элизии можно усмотреть и в некоторых морфологических явлениях (мена формы артикля в определённых сочетаниях, см. 3.5.2), которые нет смысла давать здесь. Однако есть тип элизии, который с натяжкой можно отнести к фонологии: после *-o*, *-a* нередко падает определённый артикль мужского рода *o*:

o vàro (o) màj-barò	ʻстарший кузенʼ
akanà (o) ampəràto kodò	ʻтеперь царь этотʼ

По-видимому, фонологичность этого явления можно обосновать односложностью артикля (это фонологическая характеристика).

1.3. Согласные

Для системы согласных важны признаки места и способа образования, глухости-звонкости, придыхательности (для глухих смычных). В таблице приведены по МФА возможные фонетические реализации (собственно звуки, а не фонемы). В скобках — звуки, имеющиеся не у всех носителей:

		губные		зубные, альвеолярные		ретрофлексн.	нёбно-зубные	задненёбные		язычковые		гортанные	
шумные	смычные	p	pʲ	t		(ʈ)	c	k	kʲ				глухие
		pʰ	pʰʲ	(tʰ)				kʰ					придых.
		b	bʲ	d			ɟ	g	gʲ				звонкие
	аффрикаты			ʦ			ʨ						глухие
							ʤ						звонкие
	щелевые	f	fʲ	s	sʲ	ʂ	ɕ			χ	χʲ	h	глухие
		v ʋ	vʲ ʋʲ	z	zʲ	ʐ	ʑ			ʁ		ɦ	звонкие
сонанты	носовые	m	mʲ	n		(ɳ)	ɲ	ŋ					звонкие
	боковые			l			ʎ						звонкие
	дрожащие			r	rʲ								звонкие
	скользящие	(w)					j						звонкие

Как видно, многие звуки представлены парами, члены которых в фонетическом смысле различаются наличием «палатальности» (при фонологическом анализе мы будем оперировать признаком «мягкости-твёрдости»).

🛠 Мягкие пары к зубным являются, строго говоря, не зубными, а палатальными; для них есть особые символы МФА: [t] : [c], [d] : [ɟ], [l] : [ʎ], [n] : [ɲ]. В прочих парах мягкость — это палатальная коартикуляция (при сохранении главного места образования), ср. [p] : [pʲ] и т. п. Для наших целей можно было бы писать [tʲ], [dʲ], но мы применяем символы [c], [ɟ] как более точные фонетически (см. также 1.3.3.2).

1.3.1. Согласные фонемы

Среди признаков согласных особое место занимает признак мягкости-твёрдости, в ряде случаев связанный со следующим гласным: только мягкие согласные могут стоять перед гласными переднего ряда /*i*/ и /*e*/, и только твёрдые — перед гласными непереднего ряда /*y*/ и /*ə*/ (см. 1.3.3.1).

Придыхательность толкуется как признак, присущий звукам [pʰ], [pʰʲ], [tʰ], [kʰ], в связи с чем мы вводим фонемы /*ph*/, /*ph'*/, /*th*/, /*kh*/. Видимо, здесь можно было бы усматривать два отдельных сегмента, причём такая трактовка удобна для орфографической записи ввиду наличия позиционного чередования *-kh* ~ *-k* (о чём см. 1.3.7.5). В системе имеется и отдельная фонема /*h*/, но ей свойственны совсем иные позиции (а также звонкость), поэтому такая запись не должна привести к противоречиям.

Набор согласных фонем может выглядеть так:

		тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг.	тв.	мяг	тв.	
шумные	смычные	*p*	*p'*	*t*	*t'*			*k*	*k'*				глухие
		ph	*ph'*	*th*				*kh*					придых.
		b	*b'*	*d*	*d'*			*g*	*g'*				звонкие
	аффрикаты			*c*			*ć*						глухие
	щелевые	*f*	*f'*	*s*	*s'*	*š*	*ś*			*x*	*x'*		глухие
		v	*v'*	*z*	*z'*	*ž*	*ź*			*ř*		*h*	звонкие
сонанты	носовые	*m*	*m'*	*n*	*n'*								звонкие
	боковые			*l*	*l'*								звонкие
	дрожащие			*r*	*r'*								звонкие
	скользящие						*j*						звонкие

Фонемы образуют пары по звонкости-глухости, ср. /*d*/ : /*t*/, по мягкости-твёрдости, ср. /*t*/ : /*t'*/, и по придыхательности-непридыхательности, ср. /*th*/ : /*t*/. Члены таких пар противопоставлены друг другу по соответствующему признаку. Такая трактовка облегчит нам описание различных фонологических и морфонологических явлений, поскольку члены одной пары нередко чередуются друг с другом в словах (именно наличие чередования является основанием для выделения пары).

Часть фонем оказываются по тому или иному признаку непарными — это значит, что по этому признаку данной фонеме не противопоставлена никакая другая фонема. Так, например, фонема /*c*/ — непарная твёрдая, а /*ć*/ — непарная мягкая. Отметим, что фонемы /*š*/ и /*ž*/, с одной стороны, и /*ś*/ и /*ź*/ — с другой, не образуют пар по мягкости-твёрдости и являются соответственно непарными твёрдыми и непарными мягкими (но см. 1.3.3.1).

Согласные фонемы также удобно делить на шумные и сонанты. Сонанты (все они — непарные звонкие) ведут себя иначе, нежели шумные, в плане слогоделения и сочетаемо-

сти, см. 1.3.4.2). По поведению к сонантам примыкает фонема /*v*/, поэтому её не во всех случаях целесообразно считать звонким коррелятом /*f*/.

1.3.2. Аллофоны согласных фонем

При каждой фонеме даются аллофоны, а также краткие замечания о нейтрализациях и других особенностях с отсылками к соответствующим разделам. Мы даём рядом твёрдые и мягкие согласные фонемы, если они образуют пары.

/*p*/	[p]	*pàpo* [ˈpapo] ‘дедушка’, *sàp* [ˈsap] ‘змея’
		На конце слов нейтрализация с /*b*/ (см. 1.3.7.6).
/*pʼ*/	[pʲ]	*pʼàv* [ˈpʲaʊ] ‘пью’, *cypìl* [tsɨˈpʲil] ‘кричит’
/*ph*/	[pʰ]	*phabàj* [pʰaˈbaj] ‘яблоко’
/*phʼ*/	[pʰʲ]	*phèj* [ˈpʰʲej] ‘сестра’, *phʼà* [ˈpʰʲa] ‘сестру’
/*b*/	[b]	*bàba* [ˈbaba] ‘бабушка’
		На конце слов нейтрализация с /*p*/ (см. 1.3.7.6).
/*bʼ*/	[bʲ]	*bibì* [bʲiˈbʲi] ‘тётя’
/*m*/	[m]	*mòm* [ˈmom] ‘воск’, *kamàv* [kaˈmaʊ] ‘хочу’
/*mʼ*/	[mʲ]	*mʼàl* [ˈmʲal] ‘похож’, *lùmʼa* [ˈlumʲa] ‘люди, общество, мир’
		У меньшинства носителей перед /*a*/ слышен йотовый призвук ≈ [mʲja].
/*f*/	[f]	*fòro* [ˈforo] ‘город’
/*fʼ*/	[fʲ]	*fʼàlo* [ˈfʲalo] ‘тип, сорт’, *rafìn* [raˈfʲin] ‘позвоночник’
		У меньшинства носителей перед /*a*/ слышен йотовый призвук ≈ [fʲja].
/*v*/	[ʊ], [v]	*vàst* [ˈʊast] ‘рука’, *vurdòn* [ʊurˈdon] ‘повозка’
	[w]	Факультативно (у некоторых носителей, см. 1.3.3.3) перед /*u*/: *vurdòn* [wurˈdon] ‘повозка’ (протеза — есть не у всех).
/*vʼ*/	[ʊʲ], [vʲ]	*vʼàsťa* [ˈʊʲasʲca] ‘весть, молва’, *ivʼà* [iˈʊʲa] ‘бесплатно’
		У меньшинства носителей перед /*a*/ слышен йотовый призвук ≈ [ʊʲja].
/*t*/	[t]	*tatò* [taˈto] ‘тёплый’, *patàv* [paˈtaʊ] ‘портянка’
		На конце слов нейтрализация с /*d*/ (см. 1.3.7.6).
	[ʈ]	У многих носителей ретрофлексный аллофон после /*š*/: *mištò* [mʲiˈʂʈo] ‘хорошо’, *štàr* [ˈʂʈar] ‘четыре’ *kàšt* [ˈkaʂʈ] (если *t* не отпадает, см. 1.3.6)
/*ťʼ*/	[c] = [tʲ] ≈ [tɕ]	*tìr* [ˈcir] ‘муравей’, *ťʼàja* [ˈcaja] ‘ключ’, *raťʼà* [raˈca] ‘ночи’ (мн.) Факультативно (в т. ч. в речи одного носителя) может возникать ней-

		трализация (или очень слабое различение) с /*ć*/ (см. 1.3.3.2): *telè* [tɕeˈʎe] ʻвниз’, *syťòl* [siˈtɕol] ʻучится’, *butì* [buˈtɕi] ʻработа; вещь’
/*th*/	[tʰ]	*thàv* [ˈtʰav] ʻнить; кладу’, *kathàr* [kaˈtʰar] ʻотсюда’
	= [ʦ] /*c*/	У части носителей часто тождественно /*c*/ (см. 1.3.5.1): *kathàr* [kaˈʦar] = /*kacàr*/ ʻотсюда’, *thàv* [ˈʦavʊ] = /*càv*/ ʻнить’
/*d*/	[d]	*dùr* [ˈdur] ʻдалеко’, *lòboda* [ˈloboda] ʻлебеда’
		На конце слов нейтрализация с /*t*/ (см. 1.3.7.6).
/*ď*/	[ʝ] = [dʲ]	*kaďà* [kaˈʝa] ʻтак’
	[ʤ]	Факультативно (см. 1.3.3.2): *dèl* [ˈʤel] ʻбог’, *koďà* [koˈʤa] ʻта’
/*k*/	[k]	*kàk* [ˈkak] ʻдядя’, *pèko* [ˈpʲeko] ʻгудрон’
		На конце слов нейтрализация с /*g*/ и /*kh*/ (см. 1.3.7.5).
/*ǩ*/	[kʲ]	*šuǩà* [ʂuˈkʲa] ʻсухую’, *poľaćkìn̓a* [poʎatɕˈkʲiɲa] ʻрусская цыганка’
		У части носителей перед флексиями заменяется на /*ť*/ (см. 2.5.2.1.2б).
/*kh*/	[kʰ]	*khàs* [ˈkʰas] ʻсено’, *makhàl* [maˈkʰəl] ʻмажет’
		На конце слов не перед гласным нейтрализация с /*k*/ и /*g*/ (см. 1.3.7.5).
/*g*/	[ɡ]	*gonò* [ɡoˈno] ʻмешок’, *angrustì* [aŋɡruˈsʲci] ʻкольцо’
		На конце слов (не *-ng*) нейтрализация с /*g*/ и /*kh*/ (см. 1.3.7.6).
/*g̓*/	[ɡʲ]	*nangì* [naŋˈɡʲi] ʻголая’
		У части носителей перед флексиями заменяется на /*ď*/ (см. 2.5.2.1.2б).
/*c*/	[ʦ]	*cỳřa* [ˈʦɨʁa] ʻчуть-чуть’, *mucòl* [muˈʦol] ʻнемеет’
		Точно так же может звучать /*th*/ (см. 1.3.5.1).
/*ć*/	[tɕ]	*ćòr* [ˈtɕor] ʻвор’, *ćijòl* [tɕiˈjol] ʻустаёт’, *maćà* [maˈtɕa] ʻмухи’
		Факультативная нейтрализация с /*ť*/ перед гласными (см. 1.3.3.2). Парной звонкой фонемы нет (но см. выше /*ď*/). На конце слов у многих носителей ведёт себя как /*-ći*/ (см. 1.2.8).
/*n*/	[n]	*nàj* [ˈnaj] ʻпалец’, *màn* [ˈman] ʻменя’
	[ɲ] = [nʲ]	Перед мягкими согласными: *màn-de* [ˈmaɲʝe] ʻу меня’, *injà* [iɲˈja] ʻ9’ *pànź* [ˈpaɲɛ] ʻ5’ (возможна также назализация гласного, см. ниже)
		Нейтрализация с /*n̓*/, которая, однако, бывает только перед гласными.
	[ŋ]	Перед /*k*/, /*g*/: *tàng* [ˈtaŋg] ʻузкий’

	[˜]	Перед щелевыми и сонантами после гласного факультативно проявляется в виде назализации этого гласного (см. 1.2.7): *manřò* [mãˈʁo] ʻхлебʼ, *phànř* [ˈpʰãχ] ʻшёлкʼ, *panź* [ˈpãɛ], [ˈpãʂ] ʻпятьʼ
	[ɳ]	Факультативно (редко) перед /*ř*/ (у большинства — назализация): *manřò* [maɳˈʁò] ʻхлебʼ
/*nʼ*/	[ɲ] = [nʲ]	*nʼàmo* [ˈɲamo] ʻродственникʼ
/*x*/	[χ]	*xabè* [χaˈbʲe] ʻедаʼ, *šàx* [ˈʂaχ] ʻкапустаʼ На конце слов нейтрализация с /*ř*/ (см. 1.3.7.6).
/*xʼ*/	[χʲ]	В единичных примерах перед передними гласными: *burnixèn-ca* [burɲiˈχʲentsa] ʻгорстямиʼ
/*ř*/	[ʁ]	*řòm* [ˈʁom] ʻцыган, мужʼ, *sàvořə* [ˈsaʊoʁə] ʻвсеʼ На конце слов нейтрализация с /*x*/ (см. 1.3.7.6). Кое-кто из пожилых носителей помнит, что их предки произносили раскатистое [r:]. Можно предположить, что ещё недавно были распространены оба варианта. Сейчас раскатистое произношение встречается только при цитировании предков. Впрочем, вероятно, что это относится к предкам и их родственникам из немолдовая.
/*s*/	[s]	*sunò* [suˈno] ʻсонʼ, *asàl* [aˈsal] ʻсмеётсяʼ На конце слов нейтрализация с /*z*/, реже с /*š*/, /*ž*/ (см. 1.3.7.6).
	[sʲ]	Смягчение перед мягкими зубными: *sastì* [saˈsʲci] ʻздоровая, *lès-ti* [ˈʎesʲci] ʻегоʼ (ж.ед.) Нейтрализация с /*sʼ*/, которая, однако, бывает только перед гласными.
	[h]	Факультативно на конце слов не перед гласным (см. 1.3.7.3): *sastimòs* [sasʲciˈmoh] ʻздоровьеʼ, *màs* [ˈmah] ʻмясоʼ Часто у большинства носителей в ряде контекстов: *lès-ko* [ˈʎehko] ʻегоʼ (м.ед.), *lès-ki* [ˈʎehkʲi] ʻегоʼ (ж.ед.)
	[ɦ]	Факультативно на конце слов перед гласным или звонким согласным: *dikhàs-ame* [ɟiˈkʰaɦamʲe] ʻувидимсяʼ
/*sʼ*/	[sʲ]	*sʼà* [ˈsʲa] ʻвсёʼ (более обычный вариант этого слова: *sà*) Встречается в очень небольшом числе слов.
/*z*/	[z]	*zumì* [zuˈmʲi] ʻсупʼ, *anzòl* [anˈzol] ʻдотягиваетсяʼ На конце слов нейтрализация с /*s*/ (см. 1.3.7.6).
	[zʲ]	Смягчение перед мягкими зубными: *vazďà* [ʋaˈzʲɟa] ʻподнялʼ Нейтрализация с /*zʼ*/, которая, однако, бывает только перед гласными.
/*zʼ*/	[zʲ]	Только как вариант: *firizìl* [fʲirʲiˈzʲil] ʻпилитʼ (~ *firizỳl*) Практически не встречается, но ср. из III пласта: *xazʼàjka* ʻсупругаʼ.

/*š*/	[ʂ]	*šỳl* [ˈʂɨl] ʻхолод’, *pašə̀* [paˈʂə] ʻблизко’ На конце слов нейтрализация с /*ž*/, /*s*/, /*z*/ в виде [h], [ɦ] (см. 1.3.7.3).
/*ž*/	[ʐ]	*žàl'a* [ˈʐaʌa] ʻтраур’, *vužò* [ʊuˈʐo] ʻчистый’
/*ś*/	[ɕ]	*śìb* [ˈɕip] ʻязык’, *maśò* [maˈɕo] ʻрыба’ На конце слов нейтрализация с /*ź*/ (см. 1.3.7.6), а при фонетической назализации предшествующего гласного — с /*š*/, /*ž*/ (см. /*n*/).
/*ź*/	[ʑ]	*źà* [ˈʑa] ʻиди’, *gaźè* [gaˈʑe] ʻнецыгане; русские’ На конце слов нейтрализация с /*ś*/ (см. пред.)
/*h*/	[ɦ]	*haťàr* [ɦaˈcar] ʻпойми’, *tehàra* [ceˈɦara] ʻзавтра’ Находится в сложной связи с /*ř*/ (см. 1.3.5.2).
/*l*/	[l]	*laźàv* [laˈʑaʊ] ʻстыд’, *bàl* [ˈbal] ʻволос’ Часто звучит несколько веляризованно (близко к рус. литературному [ɬ]). У носителей старшего поколения — скорее альвеолярный. На стыке слов перед передним гласным может смягчаться и иногда нейтрализоваться с /*ľ*/ (см. 1.3.7.2).
/*ľ*/	[ʎ] = [lʲ]	*ľàgəno* [ˈʎagəno] ʻлюлька’, *hùľpə̀a* [ˈɦuʎpʲa] ʻлиса’ (вариант, см. 1.3.3.1)
/*r*/	[r]	*ràj* [ˈraj] ʻначальник’, *aràkh* [aˈrak] ʻнайди’, *kàr* [ˈkər] ʻделай’ На границе перед передним гласным может смягчаться и иногда нейтрализоваться с /*r'*/ (см. 1.3.7.2).
/*r'*/	[rʲ]	*r'àt* [ˈrʲat] ʻночь’, *rìg* [ˈrʲik] ʻсторона’
/*j*/	[j]	*jàr* [ˈjar] ʻшило’, *flùjera* [ˈflujera] ʻсвисток, дудка’, *bàj* [ˈbaj] ʻрукав’

Ниже описываются трудности и принимаемые нами решения при выделении фонем (см. 1.3.3), сочетаемость согласных фонем (см. 1.3.4), колебания между фонемами или группами фонем (см. 1.3.5), правила ослабления /*s*/, приводящего к появлению нетривиальных аллофонов (см. 1.3.7.3), а также система нейтрализаций (см. 1.3.7.5, 1.3.7.6), что необходимо для правильного соотнесения фонологической (и орфографической) записи с отражаемой ею фонетической действительностью.

1.3.3. Распределение согласных

Как уже было сказано в начале этой главы, понятия «фонемы» и «аллофона», помогая лаконично описать звуки языка, тем не менее на практике вызывают некоторые трудности, для преодоления которых приходится принимать более или менее произвольные решения. У большинства выделенных нами фонем (данных в таблице выше, см. 1.3.2) — всего по одной фонетической реализации, т. е. они одно-однозначно соотносятся со своими (алло)фонами. В других случаях имеется более одного факультативного или же обязательного аллофона, причём в ряде случаев они совпадают с аллофонами других фонем.

Рассмотрим несколько из приведённых фонем с избранными аллофонами:

/*n*/	*nangò* ‘голый’	ж.	*nandì*	*manřò* ‘хлеб’	
	[naŋˈgo]		[naɲˈʲi]	[maɳˈʁo] ~	[mãˈʁo]
/*s*/	*sastò* ‘здоровый’	ж.	*sastì*		
	[saˈsto]		[saˈsʲci]		
/*z*/	*vàzdav* ‘поднимаю’	3.ед.	*vàzdel*		
	[ˈʋazdaʋ]		[ˈʋazʲɟel]		

Здесь следует различать два типа явлений: фонетические и фонологические. К первым относятся реализации одной фонемы в виде аллофонов, не совпадающих с аллофонами других фонем. Примеры первых: аллофон фонемы /*n*/ перед заднеязычными — [ŋ], ср. *na*[ŋ]*gò* ‘голый’, перед /*ř*/ — [ɳ], ср. *ma*[ɳ]*řò* ‘хлеб’ (факультативно, редко), а также назализация гласных, ср. *m*[ã]*řò* ‘хлеб’ (обычно так; подробнее см. 1.2.7). Эти варианты предсказываются фонематической записью: /*nangò*/, /*manřò*/.

Но аллофон перед мягкими зубными [ɲ], ср. *na*[ɲ]*dì* ‘голая’, совпадает с реализацией фонемы /*n’*/, поэтому если мы хотим видеть здесь именно /*n*/, то это нейтрализация (т. е. это уже фонологическое явление). Таким образом, две фонемы взаимно «перекрываются» в части аллофонов.

🛠 Это решение возможно, если объявить, что фонема /*n’*/ встречается только перед гласными (ср. *n’àmo* ‘родственник’, *phe*/*n’*/*èl* ‘говорит’). Такой подход в какой-то степени оправдан: большинство остальных парных мягких фонем встречаются только перед гласными — за одним исключением: /*l’*/ (факультативно, см. 1.3.3.1, а также ниже о свистящих); в случаях же типа *na*[ɲ]*dì* — перед /*d’*/ — твёрдого [n] не может быть, а мягкость обусловлена лишь позицией. Значит, можно сказать, что в этой позиции /*n*/ и /*n’*/ не различаются, и поэтому, пусть с долей условности, но такой [ɲ] можно причислить к фонеме /*n*/, а не /*n’*/. Этим мы достигаем экономии, например в том, что можем для одной фонемы /*n*/ давать факультативный аллофон [˜], так что для *mì*[ɲ]*ź* и *m*[ĩ]*ź* ‘вагина’ достаточно одной фонемной записи /*mìnź*/.

Сказанное относится и к аллофонам фонем /*s*/ и /*z*/ перед /*t’*/ и /*d’*/ — мягким [sʲ] и [zʲ]. Само это смягчение, кажется, может быть сильнее или слабее, так что полное совпадение с мягкими фонемами не всегда налицо. Опять-таки, «первичные» /*s’*/ и /*z’*/ — отдельные (хоть и маргинальные) фонемы, встречающиеся перед гласными (ср. *s’à* ‘всё’, вариант).

Выделение мягких парных согласных фонем несомненно обоснованно, т. к. они встречаются в контекстах, где им противопоставлены твёрдые пары (см. 1.3.3.1). Однако (не)постулирование их в контекстах, где не бывает твёрдых, — вопрос удобства. Так, для нашего описания, пожалуй, предпочтительно усматривать фонему /*n’*/ в *phe*/*n’*/*èl* ‘говорит’, но не в *na*/*n*/*dì* [-ɲ-] ‘голая’. Аналогично, *ma*/*r’*/*imòs* ‘война’ содержит мягкую фонему /*r’*/, а не аллофон /*r*/.

Особые случаи имеем в непозиционном (т. е. не зависящем от контекста) однонаправленном факультативном слиянии «совсем разных» фонем /*th*/ ~ /*c*/ (но не наоборот, см. 1.3.5.1), а также /*h*/ ~ /*ř*/ (но не наоборот, см. 1.3.5.2). Здесь уже нужны разные фонематические записи вариантов, ср. *thàv* ‘нить’ /*thàv*/ ~ /*càv*/, *hỳrco* ‘мышь’ /*hỳrco*/ ~ /*řỳrco*/.

Другой случай — позиционной нейтрализации — представлен неразличением парных звонких и глухих, а также придыхательных (только /*kh*/) и непридыхательных. Так, в полной мере фонологически нейтрализуются фонемы /*k*/, /*g*/, /*kh*/ на конце слов *phàk* ‘крыло’ и *phàg* ‘ломай’; *jàg* ‘огонь’ и *jàkh* ‘глаз’. Все эти слова изолированно (а также в положении перед паузой и перед гласной) произносятся со звуком [k] на конце, но со звуками [g] или [k] перед согласным следующего слова (см. 1.3.7.5, 1.3.7.6). Можно было бы фонологически записывать эти слова как /*phàk*/, /*jàk*/. Но и записи, например, /*phàk*/, /*phàg*/, /*phàkh*/ означали бы одно и то же, ввиду упомянутой нейтрализации (наша «орфографическая» запись к этой нейтрализации нечувствительна).

🛠 Можно счесть, например, [k] аллофоном фонемы /*g*/ или же прибегнуть к понятию «гиперфонемы» и т. п., но это не меняет дела. Для наших целей достаточно следующего рассуждения. Так же как — из соображений удобства — мы относим звук в *na*[ŋ]*dì* ‘голая’ к фонеме /*n*/, мы можем звук [k] в позиции неразличения фонем /*k*/, /*g*/, /*kh*/ произвольно отнести к любой из них, причём не выходя за рамки фонологии. В противном случае пришлось бы рассматривать эти стопроцентно автоматические нейтрализации в морфонологии, что противоречит нашему определению последней, в котором фигурирует зависимость от конкретных морфем (см. начало главы 2). По-видимому, для абсолютно строгого фонологического анализа всё же необходимы два уровня фонологии (один из них — более абстрактный — с «гиперфонемами»), однако здесь мы не будем пытаться решать этот теоретический вопрос, а оставим его открытым. Заметим только, что мы находим уместным оставить нейтрализацию по звонкости-глухости и (не)придыхательности в области фонологии (и не возвращаться к ней в других разделах), а схожую проблему с мягкостью-твёрдостью (ср. *jàr* ‘шило’, мн. *jarʹà*) вынести в морфонологию (см. 2.5.2.1; тем не менее частично мы рассматриваем её в фонологии, см. 1.3.7.2). Введение чрезмерно абстрактной фонологии для неочевидных явлений затемнило бы картину и сделало бы описание неудобочитаемым.

Более сложный для нашего фонологического анализа случай — «ослабление» /*s*/ в гортанные звуки [h] или [ɦ] (см. 1.3.7.3).

Все упомянутые нейтрализации (в т. ч. «перекрытия» аллофонов) можно разделить на **свободные** — вне зависимости от положения (*thàv* ‘нить’ /*thàv*/ ~ /*càv*/) и **позиционные** — в зависимости от следующей фонемы (*ma*[ŋ]*gə̀l* ‘просит’) или в конце слова, т. е. проявляющиеся в чистом виде в т. ч. в изолированном произношении (*phàg* /*phàk*/ ‘ломай’). Зависимость от следующей фонемы и позиция в конце слова могут сочетаться на стыках — когда, например, нейтрализованная по звонкости-глухости фонема озвончается в потоке речи (*phà*/*g*/ *barì* ‘крыло большое’).

1.3.3.1. Твёрдые и мягкие согласные

Многие согласные образуют пары по признаку мягкости-твёрдости. Фонетически мягкость выражается в палатальности (или в палатальной коартикуляции). Члены этих пар связаны друг с другом позиционными чередованиями: перед передними гласными /*i*/, /*e*/ выступают только мягкие члены пар, ср. /*tatò*/ ‘тёплый’, но ж. /*taťì*/; *phràl* ‘брат’, но косв. /*phraľès*/. Такую позиционную мягкость мы в орфографической записи не отражаем и пишем *tatì*, *phralès*.

Фонемы /*š*/ и /*ž*/, с одной стороны, и /*ś*/ и /*ź*/ — с другой, не образуют пар по мягкости-твёрдости и являются, соответственно, непарными твёрдыми и непарными мягкими (впрочем, в двух словах возможно факультативное отвердение /*ś*/ в /*š*/: *panź* ‘5’, см. 1.2.7; перфектные формы *puśl-* от *puśèl* ‘спросить’, см. 1.3.4.2).

Все мягкие согласные, в т. ч. имеющие твёрдые пары, объявляются отдельными фонемами, т. к. после них могут стоять и непередние гласные /*a*/, /*u*/, /*o*/, ср. *ľàgəno* ‘люлька’, *taťòl* ‘греется’, *barʹù* ‘расти’ (императив).

⏳ Черта некоторых говоров (часть ёнешти, бузони) — наличие /*ľ*/ перед /*u*/ по крайней мере в двух словах II пласта: *ľùmə̀a* ‘народ, цыгане’ (молд. *lùmə̀a*), *ľùbenica* ‘арбуз’ (молд. *lùbenica*). Судя по всему, часть молдовая в Одессе (колони) восприняла эту черту от соседей-бузони (которые в свою очередь почти полностью перешли на говор молдовая). Вероятно, эта черта восходит к диалектным явлениям в румынском.

Парные мягкие не могут стоять в конце слова (однако см. 1.3.7.2). Из парных мягких согласных только /*ľ*/ встречается и перед согласным (в небольшом ряду слов, не у всех носителей):

hùľpʹa	~	*hùlpʹa*	‘лиса’	
bòľnica	~	*bòlnica*	‘больница’	
duľćàsa	~	*dulćàsa*	‘круглая подложка под дно котла’	
gʏ̀ľća	~	*gʏ̀lća*	‘гланда’	
pùľberʹa	~	*pùlberʹa*	‘пыль’	(а также *pùľbərʹa* ~ *pùlbərʹa*)

Как видно, /*ľ*/ встречается только перед мягкими согласными (это нарушается только в варианте *pùľbərà*). Помимо слов из списка, это бывает в личных именах, ср. *Aľbìna*, *Rudòľfo*. Часть носителей никогда не смягчает /*l*/ перед согласным, даже в русских вставках (ср. у них *nilz'à*, *màlćik*).

⏳ У некоторых немолдовая мягкое /*ľ*/ перед согласным встречается и в других словах, например *gàľbi* ‘золотые монеты’ (молд. *gàlbi*, нерегулярное мн. от *gàlbəno*). Очевидно, на какой-то стадии чередование /*l*/ : /*ľ*/ было фонологическим, затем стало морфонологическим: мягкость, вызванная следующим мягким согласным, снималась наличием в том же гнезде слов заглавных форм с твёрдым согласным на этом же месте (т. е. подействовал запрет на такое различие в основе в одной парадигме или даже гнезде). Так, можно предположить, что было *tàlpa* ‘стопа’, но мн. **təľpi*, однако после обобщения твёрдости на всю парадигму — *təlpi*. Затем и морфонологическое правило стёрлось, ср. твёрдо: *mèlćo* ‘улитка’ (из рум. диал. *mélci(u)*, лит. *melc*, мн. *mélci*). Наличие двух вариантов у молдовая (часть носителей не смягчает), вероятно, говорит о незавершённом смешении каких-то разных говоров.

Все остальные парные мягкие фонемы бывают только перед гласными.

С мягкостью-твёрдостью согласных связано распределение гласных /*ə*/ : /*e*/ и /*y*/ : /*i*/. Во всех контекстах члены этих пар гласных дополнительно распределены в зависимости от мягкости-твёрдости предшествующего согласного, ср. сочетания /*lə*/ : /*ľe*/ и /*ly*/ : /*ľi*/. Сочетания типа **/*ľə*/, **/*le*/, **/*ľy*/, **/*li*/ внутри слов невозможны (на стыках слов это не совсем так, см. 1.3.7.2).

Лишь в одном или двух словах встречается мягкий согласный /*x'*/ перед /*e*/, ср. *burni*/*x'*/*èn-ca* ‘горстями’. Что касается сочетаний /*x'i*/ и /*xy*/, то первое из них совершенно маргинально (нам известно только *dòxi*, мн. от *dòxa* ‘доха’), а второе встречается в довольно большом числе слов. При этом в слове *xỳv* ‘дыра’ и однокоренных, в т. ч. *xyvìcy* ‘мамалыга’, носители иногда произносят нечто близкое к [χʲi], т. е. получается как будто колебание типа *xỳv* ~ *xìv*; *xyvìcy* ~ *xivìcy*. Неясно, насколько это систематическое явление.

1.3.3.2. Фонетическая реализация *t'* и *d'*

Среди носителей имеется градация по степени палатализации зубных мягких: от собственно палатального до аффрикаты. Крайние фонетические варианты:

tingò	[ciŋˈgo]	~	[tɕiŋˈgo]	‘мокрый’
telè	[ceˈʎe]	~	[tɕeˈʎe]	‘вниз’
t'àja	[ˈcaja]	~	[ˈtɕaja]	‘ключ’
dìn	[ˈʝin]	~	[ˈʤin]	‘читай’
dèl	[ˈʝel]	~	[ˈʤel]	‘бог’
d'à	[ˈʝa]	~	[ˈʤa]	‘дал’

При этом глухой /*t'*/ может приближаться к фонеме /*ć*/, а у части носителей, судя по всему, и вовсе сливаться с ней, по крайней мере факультативно (к звонкой паре это не относится, т. к. нет соответствующей звонкой фонемы-аффрикаты).

У носителей, склонных к аффрикативизации *t'* и *d'*, она происходит тем не менее не во всех позициях. Так, после свистящих /*s*/ и /*z*/ выступают только [c] и [ʝ]: *sastimòs* [-sʲci-] ‘здоровье’, *vazd'à* [-zʲʝa] ‘поднял’, хотя у этих же носителей может звучать [tɕ], например, в *là-te* ‘у неё’, *jeftìka* ‘чахотка’ и [ʤ] в *sòde* ‘сколько’, *marď'à* ‘побил’.

В сочетании /*št'*/, наряду с [ʂc], возможно не только аффрикатное произношение [ʂtɕ] ~ [ɕtɕ], но и упрощение в [ɕ] (см. 1.3.5.3).

⏳ Эта ситуация, вероятно, перенесена из Баната и других диалектных зон румынского языка, где имеется сложная система палатализаций. В кэлдэрарских говорах можно выявить три главных типа произношения фонем /*t'*/, /*d'*/ (как румынских, так и, во всех или части случаев, исконных): (1) [c], [ʝ] (= [tʲ], [dʲ]); (2) [tɕ], [ʤ] (аффрикаты, первая из которых в крайних случаях сливается с /*ć*/); (3) [kʲ], [gʲ] (т. е мягкие

заднеязычные). Первые два варианта в описываемом здесь говоре молдовая более или менее свободно варьируют (кроме позиции после свистящих), что, вероятно, говорит о незавершённом процессе смешения каких-то разных говоров. Третий вариант свойствен многим кэлдэрарским говорам Восточной Европы, а также, например, близкородственным (но не считающимся кэлдэрарскими) говорам Молдавии (например, лэ́шскому) и говорам вышедших оттуда кишинёвцев. В некоторых европейских говорах могут различно отражаться просто мягкие и йотированные зубные, например **t̪ʲa-* > [kʲa-], но *ti-* [ci-].

1.3.3.3. Фонема /*v*/ и вопрос о выделении /*w*/

В одной позиции, а именно — в самом начале слова перед сонантом, фонему /*v*/ скорее следует считать шумной (спирантом), хотя фонетическая реализация в какой-то степени колеблется (представляет собой градацию):

vr̓àm̓a [ˈvrʲamʲa] ~ [ˈʊrʲamʲa] ʻвремя’
vlàxo [ˈvlaxo] ~ [ˈʊlaxo] ʻцыган-влах’

В этой позиции не встречаются два сонанта, но есть сочетания /*f*/ + /сонант/, ср. *fləkə̀vo* ʻхолостяк’. Это значит, что здесь /*v*/ и /*f*/ можно считать парой по звонкости-глухости (сонанты таких пар не образуют).

В прочих позициях /*v*/ — скорее сонант. Во-первых, это касается фонетической реализации — обычно не [v], а [ʊ]. Во-вторых, как и прочие сонанты, /*v*/ никогда не оглушается, ср. в конце слога:

kamàv [kaˈmaʊ] ʻхочу’
řàvda [ˈʁaʊda] ʻтерпение’
šòvto [ˈʂoʊto] ʻшестой’ (не **[ˈʂofto])

Таким образом, нет нейтрализации с /*f*/, ср. *jeftà* [jeˈfta] ʻ7’.

В позиции после согласных, ср. *svỳnto* ʻсвятой’, *ašvàr* ʻузда’, перед согласными, ср. *avrì* ʻснаружи’, а также в начале слова перед /*a*/, /*ə*/, /*y*/, ср. *vàst* ʻрука’, *vəš* ʻлес’, *vỳna* ʻвена’, тоже звучит, пожалуй, скорее, [ʊ]. Глухость /*s*/, например, в сочетании /*sv*/ говорит в пользу того, что /*v*/ здесь — сонант (два шумных согласных подряд всегда либо звонки, либо глухи, см. 1.3.7.6). Всё сказанное относится и к мягкой фонеме /*v̓*/ [vʲ] ~ [ʊʲ]: *vère* ʻкузен!’, *vìca* ʻрод’, *v̓àst̓a* ʻслава’, *asvìn* ʻслеза’.

В позиции перед /*u*/ или /*o*/ ситуация иная. Начнём с начального /*vu-*/. В начале слова перед /*u*/ фонема /*v*/, очевидно, незначима: она может звучать как [v] ~ [ʊ]~ [w] ~ ∅ (нуль только у некоторых носителей, см. также 1.2.5):

(v)urdòn [vurˈdon] ~ [ʊurˈdon] ~ [wurˈdon] ~ [urˈdon] ʻповозка’

Кроме междометий *ùj*, *ùf* (см. 3.14.3), слов на /*u*/ без этих вариантов нет. Значит, такие слова в списках можно давать так: *(v)urdòn* ʻповозка’, *(v)ućò* ʻвысокий’, *(v)ùrma* ʻслед’ и т. д., а согласный считать факультативной фонетической протезой.

В середине слова перед /*u*/ (всего несколько случаев) /*v*/ можно считать факультативной эпентезой (для устранения зияния, см. 1.2.4):

pə(v)ùno [pəˈvuno] ~ [pəˈʊuno] ~ [pəˈwuno] ~ [pəˈuno] ʻпавлин’

Однако в единичных случаях (одном?), видимо, нуля не бывает:

gavunò [gavuˈno] ~ [gaʊuˈno] ~ [gawuˈno], но ʔ*[gauˈno] ʻдеревенский’

Ввиду единичности таких примеров вряд ли имеет смысл искать здесь фонологическое объяснение, поэтому будем писать *gavunò*, но *pə(v)ùno*.

Принимая компромиссное решение, сочетания [wu], [u] и т. д. мы будем считать не аллофонами /*u*/, а двухфонемным сочетанием /*vu*/ или же гласным /*u*/ (в т. ч. ввиду наличия указанных междометий).

Сочетание /*vo*/ в середине слова стабильно, ср. *bovořò* ʽбуржуечка’ [-ʋo-]. Что касается начала слова, то фонема /*v*/ тут значима, ср. *oxtò* ʽ8’, но *votràva* ʽотрава’. Однако по нашим весьма предварительным наблюдениям, произношение начального сочетания, записываемого нами как /*vo-*/, может (факультативно?) различаться в разных словах у одного человека. Так, в местоимениях *vò* ʽон’, *vòj* ʽона’ носитель может произносить только [ʋo-], а в слове *vòrta* ʽправильно’ — как будто скорее [wo-]. Неясно, насколько это систематическое явление.

Таким образом, мы подозреваем, что у части носителей можно выявить особую фонему /*w*/. Пока, правда, наши подозрения не подтвердились, поэтому в фонологической и орфографической записях мы нигде не применяем знака «*w*».

Разнообразие реализаций /*v*/ (и /*w*/?) осложняется также колебаниями /*h*/ (см. 1.3.5.2).

1.3.4. Сочетаемость согласных

Все одинарные согласные фонемы встречаются в начале слова и между гласными. Слово может начинаться с любого согласного. На конце слова встречаются все согласные фонемы, кроме парных мягких и /*h*/, /*th*/, /*ph*/, /*ž*/.

⌛ Невозможность /*h*/ в исходе слова обусловлена исторически (в т. ч. > -*v*); отсутствие придыхательных /*ph*/, /*th*/ (но ср. *dùkh* ʽболь’), возможно, неслучайно (но для вывода не хватает примеров). Одно слово на конечное /*ž*/, возможно, было (забыто?), ср. в других кэлдэрарских говорах *t’èž*, *k’èž* ʽшёлковая нить’ (< **ki̯ež*, иранизм).

Конечные согласные подвержены определённым нейтрализациям (см. 1.3.7).

В одном слове может быть только один придыхательный согласный. Внутри слов не бывает двойных согласных. Возможны довольно многочисленные сочетания двух неодинаковых согласных, более ограниченны трёхсогласные сочетания.

Слог в начале и внутри слова может начинаться на разнообразные сочетания (см. 1.3.4.1). В конце слогов внутри слова — самый ограниченный набор сочетаний (см. 1.3.4.3). На стыках слогов возможны, за редкими исключениями, только сочетания с первым сонантом (см. 1.3.4.2). Фонему /*v*/ мы считаем то шумной, то сонантом (см. 1.3.3.3).

1.3.4.1. Сочетания в начале слогов и в начале слов

На каждое сочетание мы даём примеры в начале слова и в начале внутреннего слога после гласной предыдущего слога, т. е. после открытого слога (некоторые сочетания нестабильны, о них см. под таблицей):

	первый слог слова		после гласной	
губной + сонант:				
pr	*pravàr*	ʽкорми’	*oprə̀*	ʽвверх’
pr’	*pr’à-*	ʽслишком, очень’	*nùpr’a*	ʽне очень’
pl	*plàj*	ʽгора’	*paplòno*	ʽодеяло’
pl’	*pl’àška*	ʽлысина’	*ćuplìl*	ʽщипает’
pn’			*sapnì*	ʽсамка змеи’
phr	*phràl*	ʽбрат’		
br	*bryšỳnd*	ʽдождь’	*dobroźàja*	ʽдоброжяя’
br’	*brićàga*	ʽножик’	*bobrìko*	ʽпочка’
bl	*blỳnda*	ʽкрапивница’	*tàbla*	ʽлист металла’
bl’	*bl’ùtka*	ʽблюдце’	*řùbli*	ʽрубли’

	первый слог слова		после гласной	
vr			*avrə̀*	ʿдругие’
vr’	*vr’àmə̀a*	ʿвремя’	*avrì*	ʿснаружи’
vl	*vlàxo*	ʿцыган-влах’	*kovlò*	ʿмягкий’
vl’			*źuvlì*	ʿженщина’
fr	*frùti*	ʿфрукты’		
fr’	*fr’ànca*	ʿсифилис’		
fl	*fləkə̀vo*	ʿхолостяк’		
fl’	*fl’àjka*	ʿбаклажан’		
зубной + сонант:				
tr	*trùš*	ʿжажда’	*mutrà*	ʿмоча’
tr’	*trìn*	ʿ3’	*patrìn*	ʿлист’
dr	*dròm*	ʿпуть’	*šudrò*	ʿхолодный’
dr’	*drimìna*	ʿвон!’ (вар.)	*və̀dri*	ʿвёдра’
задненёбный смычный + сонант:				
kr	*kràntо*	ʿкран’	*bakrò*	ʿбаран’
kr’	*kr’ànga*	ʿветка’	*bakr’à*	ʿбаран!’ (зват.)
kl	*klopotìl*	ʿкудахчет’’	*raklò*	ʿпарень-нецыган’
kl’	*kl’àšťo*	ʿклещи’	*źuklì*	ʿсука’
gr	*gràst*	ʿконь’		
gr’	*gr’àca*	ʿпротивно’		
gl	*glònco*	ʿглоток’	*guglò*	ʿсладкий’
gl’			*phagl’à*	ʿсломал’
gn			*cygnò*	ʿмаленький’
gn’			*phugnì*	ʿболячка’ (вар.)
khl			*dikhlò*	ʿплаток’
khl’			*dikhl’à*	ʿувидел’
щелевой + сонант:				
sv	*svỳnto*	ʿсвятой’	*nasvalò*	ʿбольной’
sv’			*asvìn*	ʿслеза’
sl	*slàbo*	ʿхудой’	*arəslò*	ʿон прибыл’
sl’			*arəsl’àm*	ʿмы прибыли’
sm	*smyntỳna*	ʿсметана’ (~ *zm-*)		
zl	*zlàg*	ʿсерьга’		
zn			*tràzna*	ʿнасморк’
zn’			*graznì*	ʿкобыла’
zm	*zmə̀vo*	ʿзмей’		
śl			*bi-puślò*	ʿбез спросу’ (~ *-šl-*)
śl’			*puśl’à*	ʿспросил’ (~ *-šl-*)
śn’			*riśnì*	ʿмедведица’
žl			*mižloćìno*	ʿсредний’
žn’			*kòžnica*	ʿсумка’
žm			*krìžma*	ʿкрестильная простынка’

	первый слог слова		после гласной	
šv			*ašvàr*	ʻуздечка’
šl			*bešlò*	ʻсидел, стоял’
šl’			*pašl’ù*	ʻляг’
šm			*dušmàno*	ʻврагʼ (~ *-žm-*)
řl			*ćařlò*	ʻоблизанный’
řl’			*ćařl’à*	ʻоблизал’
xl’	*xl’à*	ʻобосрал’		
xn			*melaxnò*	ʻсмуглый’
xn’			*melaxnì*	ʻсмуглая’
щелевой + смычный:				
sp	*spùma*	ʻпена’		
sp’	*spìde*	ʻтолкай’	*řəspìl*	ʻрассеивает’
st	*stadì*	ʻшапка’	*mùsto*	ʻсок’
st’	*st’àgo*	ʻфлаг’	*sastimòs*	ʻздоровье’
sk	*skàra*	ʻлестница’	*màskəra*	ʻругань’
sk’			*pàski*	ʻкуличи’
šp’	*špènco*	ʻсвитер’		
št	*štàr*	ʻ4’	*mištò*	ʻхорошо’
št’	*št’àrco*	ʻсовок’	*(v)ušt’àv*	ʻвстаю’ (см. 1.3.5.3)
šk	*škàda*	ʻущерб’	*maškàr*	ʻсередина’
šk’			*pùški*	ʻружья’
zb			*azbàl*	ʻтрогает’
zd			*vàzdav*	ʻподнимаю’
zd’			*vazd’à*	ʻподнял’
zg	*zgùřa*	ʻзола [в печке]’	*bàzga*	ʻдёготь’
ft			*jeftà*	ʻ7’
ft’			*jeftìka*	ʻчахотка’
xt			*poxtàn*	ʻткань’
xt’			*pixt’à*	ʻхолодец’
щелевой + смычный + сонант:				
str	*strəjìno*	ʻчужой’	*vỳstra*	ʻкилометр’
str’	*str’àjca*	ʻсумка’	*zàstr’a*	ʻприданое’
skr’	*skrijìl*	ʻпишет’		
zdr			*izdràl*	ʻдрожит’
štr			*muštrujìl*	ʻпомыкает, гоняет’
štr’	*štr’àngo*	ʻверёвка’		
прочие:				
hr	*(h)ramòl*	ʻпишет’		
hr’			*mahrimè*	ʻзапятнанный’
hl’			*mehlèmo*	ʻприпой’

Из перечисленных сочетаний сочетания *śl*, *śl’* нестабильны, и нередко их щелевой компонент переходит в *š* (встречаются лишь в одной основе):

puśl’à ~ *pušl’à* ʻспросил’

Колеблется и сочетание *šm*:

dušmàno	~	*dužmàno*	ʻврагʼ

Ввиду единичности этих случаев, их можно относить к лексическим колебаниям или нерегулярностям (мена основы *puś-* : *puš-*), ср. также название подрода *žmidòni* (кажется, без варианта ***šm-*). Нестабильны также сочетания *sm*, *sn* (встречаются только во II пласте, в т. ч. в словах из III пласта):

smyntỳna	~	*zmyntỳna*	ʻсметанаʼ
antirèsno	~	*antirèzno*	ʻинтересныйʼ
snimujìl	~	*znimujìl*	ʻснимаетʼ

1.3.4.2. Сочетания согласных на стыке слогов

Границы слогов мы проводим в большой степени условно, однако это важно для морфонологии (где в некоторых случаях значимо, открыт ли слог, т. е. кончается гласным, или закрыт, т. е. кончается согласным). Очень ограниченны сочетания двух шумных:

шумный + шумный:

c‖k	*řusỳcko*	ʻрусскийʼ	*ć‖kʼ*	*poľaćkìnʼa*	ʻрусская цыганкаʼ
p‖t	*ćìpta*	ʻлентаʼ (вар. *ćìfta*)	*t‖k*	*katkà*	ʻтутʼ

Наиболее типичны сочетания, где последний согласный первого из двух слогов — сонант (а для трёхсогласных — носовой):

сонант + сонант:

l‖m	*pàlma*	ʻладоньʼ	*r‖m*	*termò*	ʻчервякʼ
l‖mʼ	*pəlmi*	ʻладониʼ	*r‖mʼ*	*fòrmi*	ʻсквернословиеʼ
l‖n	*spỳlna*	ʻселезёнкаʼ (вар.)	*r‖n*	*parnò*	ʻбелыйʼ
lʼ‖nʼ	*bòlʼnica*	ʻбольницаʼ (вар.)	*r‖nʼ*	*parnè*	ʻбелыеʼ
			r‖l	*vỳrla*	ʻжабраʼ
			r‖lʼ	*kyrlìgo*	ʻкрюк на палкеʼ
			r‖v	*tirvò*	ʻкумʼ
			r‖vʼ	*tirvè*	ʻкумовьяʼ
m‖n	*tàmna*	ʻмежсезоньеʼ			
m‖nʼ	*řomnì*	ʻцыганкаʼ			
m‖lʼ	*kamlʼà*	ʻхотелʼ			
n‖l	*spỳnla*	ʻселезёнкаʼ (вар.)			
nʼ‖j	*injà*	ʻ9ʼ			

сонант + смычный:

l‖p	*tàlpa*	ʻступняʼ	*r‖p*	*pàrpale*	ʻназадʼ
l‖pʼ	*pùlpi*	ʻбёдраʼ			
l‖b	*gàlbəno*	ʻжёлтыйʼ	*r‖b*	*vòrba*	ʻсловоʼ
l‖bʼ	*gàlbi*	ʻзолотые монетыʼ	*r‖bʼ*	*bə̀rbi*	ʻбóродыʼ
l‖t	*dàlta*	ʻдолотоʼ	*r‖t*	*skùrto*	ʻкороткийʼ
			r‖tʼ	*pàrťa*	ʻчастьʼ
l‖d	*boldò*	ʻкрещёныйʼ	*r‖d*	*kỳrdo*	ʻтаборʼ
l‖dʼ	*ambòlde*	ʻверниʼ	*r‖dʼ*	*atə̀rďu*	ʻстойʼ

l‖*k*	*sàlka*	ʻдерево’	*r*‖*k*	*fùrka*	ʻвилка’
			r‖*k’*	*khəlitòrki*	ʻтанцовщицы’
l‖*g*	*bulgujìl*	ʻбредит’	*r*‖*g*	*jorgàno*	ʻстёганое одеяло’
l‖*ć*	*səlći*	ʻдеревья’	*r*‖*ć*	*arćìći*	ʻолово’
l‖*c*	*kàlcy*	ʻштаны’	*r*‖*c*	*hỳrco*	ʻмышь’
l’‖*b*	*pùl’bərà*	ʻпыль’			
l’‖*b’*	*spul’berìl*	ʻмести [о метели]’			
l’‖*p’*	*hùl’p’a*	ʻлиса’			
l’‖*ć*	*gỳl’ća*	ʻгланда’			
n‖*k*	*pònko*	ʻподковырка’			
n‖*g*	*mangàl*	ʻпросит’			
n‖*g’*	*nangì*	ʻголая’ (см. 2.5.2.1.2б)			
n‖*c*	*xancỳ*	ʻчуть’			
n‖*ć*	*khànći*	ʻничего’			
n‖*t*	*svỳnto*	ʻсвятой’	*m*‖*p*	*kỳmpo*	ʻполе’
n‖*t’*	*int’à*	ʻтам; потом’	*m*‖*p’*	*kolompìrà*	ʻкартофель’
n‖*d*	*phandàv*	ʻзакрой’	*m*‖*b*	*gulùmbo*	ʻголубь’
n‖*d’*	*mandìn*	ʻимущество’	*m*‖*b’*	*ćambèl*	ʻжуёт’
v‖*t*	*šòvto*	ʻшестой’			
v‖*d*	*řàvda*	ʻтерпение’			
v‖*d’*	*řəvdìl*	ʻтерпит’			
v‖*k*	*làvka*	ʻмагазин’			
v‖*c*	*avcỳn*	ʻсталь’			
v‖*ć*	*ləvći*	ʻмагазины’			

носовой + смычный + сонант:

n‖*gr*	*angrustì*	ʻкольцо’			
n‖*gr’*	*(v)ùngriko*	ʻвенгерский’			
n‖*gl*	*anglàl*	ʻспереди’			
n‖*gl’*	*anglè*	ʻвперёд’			
n‖*kr’*	*ankrecòl*	ʻзавивает’			
n‖*kl’*	*ankl’àv*	ʻвыхожу’			
n‖*tr*	*antrəgo*	ʻцелый’ (вар.)	*m*‖*br*	*ambròl*	ʻгруша’
n‖*tr’*	*antrègo*	ʻцелый’ (вар.)	*m*‖*br’*	*limbrìća*	ʻслюни изо рта’
n‖*dr*	*andrə*	ʻвнутрь’	*m*‖*bl*	*amblàl*	ʻголовёшка’
n‖*dr’*	*lìndri*	ʻсон’	*m*‖*bl’*	*ćambl’à*	ʻжевал’

носовой + щелевой:

n‖*s*	*ansurìl*	ʻженит’	*r*‖*s*	*(v)ursùta*	ʻсудьба’
n‖*z*	*anzarəl*	ʻрастягивает’	*r*‖*s’*	*p’àrsiko*	ʻперсик’
n‖*ž*	*pynžyn’àla*	ʻплесень’			
n‖*ź*	*minźà*	ʻвагины’			
n‖*ř*	*manřò*	ʻхлеб’			

носовой + щелевой + сонант:		
n‖źv	*xànźva*	ʻжадина’ (~ *xànźuva*)
n‖śt	*pànśto*	ʻпятый’ (см. 1.2.7)

прочие:		
nd‖v	*dandvalò*	ʻзубастый’ (~ *danvalò*)

В немногочисленных двусоставных словах (т. е. с двумя корнями) действуют менее строгие ограничения: границы между ними сравнимы с границами между любыми двумя отдельными словоформами в потоке речи (об изменениях согласных между словами см. 1.3.7): *budźanglò* [-dʒ-] ~ *buźanglò* ʻмногоумный’ (*bùt* ʻмного’, с озвончением или выпадением), *jagbangò* ʻкосоглазый’ (*jàkh* ʻглаз’) и др. (полный список см. в 3.6.5.1).

В словах из III пласта возможны более разнообразные сочетания — в меру владения русским языком. Впрочем, есть несколько слов, заимствованных, видимо, давно и приспособленных под родную фонетику, из которых так или иначе устранены трудные сочетания согласных: *kinìška* (от *книжка*), *səmèsto* ʻсемья’ (от *семейство*).

В таблицы мы не включили примеры на сочетание закрывающего слог йота («полугласного») с согласным следующего слога, ср. *ćajlò* ʻсытый’, *khajnì* ʻкурица’, *majmùna* ʻобезьяна’, *kùjbo* ʻгнездо’, *dùjto* ʻвторой’ и мн. др. (о таких сочетаниях см. 1.2.3).

1.3.4.3. Сочетания согласных в конце слова

В конце слова возможны всего несколько сочетаний согласных (ко всем относятся правила нейтрализации по звонкости-глухости, см. 1.3.7.6):

сонант + смычный:		
-mb	*ćàmb*	ʻкожа головы’
-ng	*tàng*	ʻузкий’
-nd	*dàn(d)*	ʻзуб’ (возможно отпадение, см. 1.3.6)

сонант + щелевой (возможна назализация, см. 1.2.7):		
-nź	*pànź*	ʻ5’ (также и [-ʂ])
-nz	*xỳnz*	*dèl xỳnz* ʻзаправлять [штаны]’
-nř	*phànř*	ʻшёлк’

сонант + шумный:		
-rk	*bə̀rk*	ʻпазуха’ (вариант *brə̀k*)
-rš	*bə̀rš*	ʻгод’
-lt	*dumùlt*	ʻдавно’ (варианты *dumùt*, *dəmùt*)

щелевой + взрывной (возможно отпадение, см. 1.3.6):		
-st	*vàs(t)*	ʻрука’
-št	*(v)ùš(t)*	ʻгуба’

Как видно, некоторые сочетания в конце слова факультативно устраняются благодаря отпадениям, а также наличию вариантов.

1.3.5. Колебания между согласными

Здесь рассматриваются случаи свободной нейтрализации, т. е. когда в одной и той же морфеме, более или менее независимо от позиции, свободно употребляются две разные фонемы (или группы фонем). Это может быть связано с возрастом носителя, индивидуальными предпочтениями, реже со спонтанным выбором. Все рассматриваемые колебания «однонаправленны», т. е. одна из (групп) фонем чередующейся пары может появляться на месте другой, но не наоборот. В части случаев речь идёт о привнесении одной фонемы в систему согласных или, наоборот, о (частичном) упразднении одной фонемы.

Отдельно рассмотрена нестабильная мягкость /*ľ*/ ~ /*l*/ (см. 1.3.3.1), а также колебания сочетаний согласных /*śl*/ ~ /*šl*/, /*šm*/ ~ /*žm*/, /*sn*/ ~ /*zn*/ (см. 1.3.4.1).

1.3.5.1. Колебание *th* ~ *c*

Согласный *th* [tʰ] находится в свободном варьировании с согласным *c* [ʦ] (но не наоборот), причём чаще у молодёжи:

thàn	~	*càn*	ʻместо; постельʼ
kathàr	~	*kacàr*	ʻотсюдаʼ
mothòl	~	*mocòl*	ʻговоритʼ

Носители старшего поколения чаще, чем молодёжь, сохраняют *th* во всех словах. Однако многие говорят *kacàr* ʻотсюдаʼ, *kocàr* ʻоттудаʼ, но в остальных словах перехода не допускают, т. е. только *thàn* ʻместо, постельʼ, *thùv* ʻдымʼ, *thàr* ʻкоренной зубʼ и т. д.

⏳ Бóльшая частотность /*c*/ в наречиях-местоимениях *kacàr* и *kocàr*, чем в прочих словах, возможно, объясняется тем, что здесь мы имеем следы более древнего колебания, восходящего к общецыганскому уровню, когда в данных словах был иной фонологический контекст (здесь, возможно, *-ar* < **-ēr*), что видно по другим диалектам, где фонема /*c*/ свойственна только этим словам, а другим — нет.

У одного носителя обычно не наблюдается колебаний в одних и тех же словах. У некоторых же (особенно молодых) носителей фонема /*th*/ отсутствует. Многие носители «не слышат» различия в произношении этих двух вариантов. Исконная фонема /*c*/, ср. *càl'a* ʻодеждаʼ, стабильна и не переходит в /*th*/. В редких случаях у отдельных носителей наблюдается лексикализация вариантов: *thàn* ʻместоʼ, но *càn* ʻпостельʼ.

1.3.5.2. Колебание *h* ~ *ř* ~ ∅ (~ *v*)

Фонема /*h*/ занимает в системе согласных особое положение. Основным, характерным её аллофоном следует признать звонкий гортанный [ɦ] (не путать с фонетически тождественным ослабленным и озвончённым *-s*, у которого иные позиции, см. 1.3.7.3). В таком виде эта фонема встречается не у всех носителей: у большинства она очень нестабильна и во многих случаях так или иначе устраняется. Итак, /*h*/ может:

(1) сохраняться в виде [ɦ];
(2) звучать очень слабо или падать совсем;
(3) сливаться с фонемой /*ř*/ в виде [ʁ].

Распределение этих вариантов очень нестрого, но наблюдаются определённые тенденции в связи с позицией и ударением. Вряд ли можно говорить о лексикализации, но в разных словах разные варианты (и наборы возможностей) встречаются как будто неодинаково. При полном падении звука или при слиянии с /*ř*/ речь, конечно, не идёт об аллофонах в строгом смысле, но сам факт колебаний и наличия выбора (в виде градации) при произнесении того или иного слова с этой фонемой указывает на её неполное исчезнове-

ние, поэтому в приводимых в других главах примерах она будет нередко (но не всегда) фигурировать как *h*.

Частотность вариантов связана с возрастом, семьёй, но в какой-то степени обусловлена и фонологически. Сохранение [ɦ] — архаичная черта и наблюдается чаще у носителей старшего поколения. Например, в одной семье старики могут говорить *hurʲàdò* [ɦ-] ʻодетый’, а их дети среднего возраста — только с [ʁ-] или ∅-. Перед гласными /*y*/, /*ə*/ вариант [ɦ] представлен только у самого старшего поколения (*hỳrco* ʻмышь’, *hərtìja* ʻбумага’), у остальных — только [ʁ]. В прочих случаях колебания часты, в т. ч. у одного носителя.

Приводим типичные варианты с разбивкой по позициям (даём только аллофоны, которые нам встречались, однако отсутствие у нас примеров на тот или иной аллофон в большинстве случаев вряд ли означает их невозможность):

перед согласным:	∅ ~ [ɦ] ~ [ʁ]	*hramòl* ʻпишет’ (обычно *ramòl*)
	∅ ~ [ɦ]	*mahrìl* ʻоскверняет [словом]’
	[ɦ] ~ [ʁ]	*mehlèmo* ʻприпой’, *buhlò* ʻширокий’
в начале слова перед гласным:		(в начале слова [*ɦ*] звучит очень слабо)
ha-:	∅ ~ [ɦ]	*hàjda* ʻдавай; иди’, *haj* ʻи’ ([ɦ] чаще в песнях)
	∅ ~ [ɦ] ~ [ʁ]	*haťarəl* ʻпонимает’, *hanòl* ʻлудит’
	[ɦ]	*hàrniko* ʻпредприимчивый’
	[ɦ] ~ [ʁ]	*hàla* ʻдракон’
ho-:	∅ ~ [ɦ]	*hodinìl* ʻотдыхает’
hu-:	∅ ~ [ɦ] ~ [ʁ]	*hurʲàl* ʻлетает’, *hurʲavèl* ʻодевает’, *hulèl* ʻслезает’
	или	
	∅ ~ [v] ~ [w]	(или [ʊ]; о протезе см. 1.2.5, 1.3.3.3)
hy-:	[ɦ] ~ [ʁ]	*hỳrco* ʻмышь’ ([ɦ] очень редко)
hə-:	[ɦ] ~ [ʁ]	*hərtìja* ʻбумага’ ([ɦ] очень редко)
между гласными:		
-ha-:	∅ ~ [ɦ] ~ [ʁ]	*tehàra* ʻвчера’
	[ɦ] ~ [ʁ]	*tərnəhàr* ʻхолостяк’, *pahàřo* ʻстакан’
-ho-:	[ɦ] ~ [ʁ]	*pàho* ʻлёд’, *pahòl* ʻмёрзнет’

Перед *-u-* фонема /*h*/ может заменяться на /*v*/, что можно воспринимать как падение [ɦ] с последующей протезой (см. 1.2.5). Таким образом, возможно колебание /*h*/ : /*v*/:

hulì ~ ulì ~ vulì: [ɦuˈʎi] ~ [ʁuˈʎi] ~ [uˈʎi] ~ [vuˈʎi] ~ [ʊuˈʎi] ~ [wuˈʎi] ʻслезай’

Произношение с нулём звука будем так и изображать: *ramòl*, *àjda*, *ulèl.*

1.3.5.3. Колебание *šťʼ ~ śʼ*

Сочетание *šťʼ* фонетически реализуется как [ʂc] ~ [ʂtɕ] ~ [ɕtɕ] (о /*ťʼ*/ см. 1.3.3.2), но также иногда упрощается в [ɕ], видимо, полностью сливаясь с фонемой /*śʼ*/):

naštì [naˈʂci] ~ [naˈʂtɕi] ~ [naˈɕtɕi] ~ [naˈɕi] ʻневозможно’

Последний из этих вариантов можно записать как *naśì*. Точно так же:

jonèšti ~ *jonèśi* ʻёнешти’ (род)
(v)ušťàv ~ *(v)uśàv* ʻвстаю’

mìrišťa ~ *mìriśa* ʻполянаʼ
kľàšťo ~ *kľàśo* ʻклещиʼ

Изредка и в начальной позиции:

šťàrco ~ *śàrco* ʻсовокʼ

⏳ Такое произношение встречается не у всех молдовая. Оно более характерно для других говоров, особенно ёнешти (почти только так в самоназвании: *jonèśi*). У молдовая наличие вариантов (градации), вероятно, свидетельствует о смешении каких-то говоров в прошлом.

1.3.6. Отпадение конечных согласных

В конечных сочетаниях согласный *d* встречается только после *n*, а *t* — после щелевых *s*, *š*, *x*. В этих сочетаниях факультативно отпадает конечный зубной согласный. Таким образом, изолированно можно сказать *dàn(d)* [ˈdant], [ˈdan] ʻзуб(ы)ʼ (об оглушении см. 1.3.7.6) и *vàs(t)* [ˈʊast], [ˈʊas], [ˈʊah] ʻрука; ру́киʼ (об ослаблении конечного *-s* см. 1.3.7.3). Если имеет место отпадение в сочетании *-st*, то ставшее конечным *-s*, ослабляясь, может, согласно правилам, озвончаться: *le vàs amarà dadès-kə* [ˈʊaɦ a-] ʻруки нашего отцаʼ. Отпадение это чисто фонологическое; внутри слова оно не действует: *vastè-sa* ʻрукойʼ, *dandèngo* ʻзубнойʼ, *ivendà* ʻзи́мыʼ. Приводим полный список слов с отпадением:

-nd	*dàn(d)* ʻзубʼ, *ivèn(d)* ʻзимаʼ, *bryšỳn(d)* ʻдождьʼ, *šəràn(d)* ʻподушкаʼ, *beràn(d)* ʻверхняя жердь шатраʼ
-st	*vàs(t)* ʻрукаʼ, *gràs(t)* ʻлошадьʼ, *bùs(t)* ʻвертелʼ
-št	*kàš(t)* ʻдрова, деревоʼ, *(v)uš(t)* ʻгубаʼ
-xt	*bàx*(*t*) ʻсчастьеʼ

У разных носителей список слов с отпадением может быть разным (при возможных колебаниях у одного человека). Конечное *-t* падает чаще, чем *-d*.

Имеются два глагола: *dikhàl* ʻвидетьʼ и *mekàl* ʻпускатьʼ, которые при особом употреблении в форме императива с энклитиками *-ta* ʻ-каʼ и *-la* ʻеёʼ, *-le* ʻего; ихʼ нередко утрачивают согласный: *dì-ta* ʻсмотри-каʼ, *dì-la* ʻсмотри на неёʼ, *mè-le* ʻпусть ихʼ и т. д. Впрочем, это не относится к фонологии, т. к. с другими энклитиками и другими глаголами этого не происходит, ср. *mèk-ma* [-km-] ʻпусти меняʼ, *màkh-le* [-kľ-] ʻмажь егоʼ (от *makhàl*) и т. д.

1.3.7. Изменения согласных на границах

Выше описан фонемный состав слов, в т. ч. колебания (свободное варьирование) отдельных (групп) фонем. Любое слово может быть записано набором фонем, причём при наличии разнофонемных вариантов они могут требовать отдельной записи (при нерегулярности колебаний варианты можно считать лексическими). Это описание является «статическим» перечислением возможных (и наличных) последовательностей фонем.

В речи же фонемы могут претерпевать те или иные изменения в зависимости от контекста. Все эти изменения касаются последней фонемы в слове. Говоря об аллофонах или нейтрализациях в последней фонеме (на конце) слова и желая оставаться в рамках фонологии, мы должны ввести особую фонологическую позицию **границы**. Так, конечное положение, т. е. положение перед границей слова, — это фонологическая позиция, как, например, положение перед какой-либо фонемой и т. п. Будем различать два типа границ:

— **узкие**: перед энклитикой
— **широкие**: перед паузой или следующим словом (не энклитикой)

Таким образом, конец слова перед паузой — частный случай широкой границы. Перед энклитиками же пауз не бывает, т. е. узкая граница — промежуточный случай между отсутствием границы (внутри слова) и «полноценной» границей (= широкой). На границах выступают частично те же аллофоны и нейтрализации, что и внутри слова, но некоторые из них на границах факультативны (см. 1.3.7.1). Кроме того, имеются нейтрализации согласных по придыхательности (см. 1.3.7.5) и по звонкости (см. 1.3.7.6), а также особая гортанная реализация фонемы /*s*/ (и редко /*š*/, см. 1.3.7.3).

Дадим обзор изменений и контекстов. Для сравнения в столбце «внутри слова» показываем не чередования, а (не)возможность тех или иных сочетаний или аллофонов внутри слова (т. е. не на границах). Знаки «+» и «–» без скобок означают обязательность или невозможность аллофонов в данной позиции; в скобках — факультативность:

	внутри слова	на узких границах	на широких границах перед словом	на широких границах перед паузой
аллофоны /*n*/ [n]:				
: [ɲ] (перед мяг. зубн.)	+	+	(+)	
: [ŋ] (перед заднеязычн.)	+	+	(+)	
: [ɳ] (перед /*ř*/)	(+)		(+)	
~ [˜] (перед щелев. и сон.)	(+)	(+)	(+)	
аллофоны /*l*/ [l]:				
: [ʎ] (перед /*i*/, /*e*/)	+		(+)	
аллофоны /*r*/ [r]:				
: [r^{j}] (перед /*i*/, /*e*/)	+		(+)	
аллофоны /*s*/ [s]:				
: [s^{j}] (перед /*i*/, /*e*/, /*ť*/)	+	+	–	
~ [ɦ] : [h]				(+)
перед /*ť*/	–	–	(+)	
перед /*t*/	–	(–)	(+)	
перед др.	–	(+)	(+)	
аллофоны /*z*/ [z]:				
: [z^{j}] (перед /*i*/, /*ď*/)	+		–	
нейтрализация:				
по звонкости				+
перед сонантом	(+)	+	+	
перед гласным	–	+	+	
перед др.	+	+	+	
по придыхательности	–	+	+	+

Ещё одно явление конца слова — отпадение зубных /*t*/ и /*d*/ — рассмотрено отдельно (см. 1.3.6).

1.3.7.1. Аллофоны перед согласными

Здесь мы рассмотрим только аллофоны, которые, как мы решили, не приводят к нейтрализации фонем (в т. ч. при перекрытии аллофонов, см. 1.3.3).

На границах возможны сочетания согласных, которые невозможны внутри слов, например /твёрдый/ + /мягкий/ парные, ср. *puśèl-le* [-lʎ-] ‘спрашивает его’. Слов с такими сочетаниями просто нет, но нет и механизма для устранения их на границе. Однако фонемы, имеющие позиционные аллофоны внутри слова, могут проявляться именно в виде аллофонов и на границах.

Аллофоны фонемы /*n*/: [ŋ] (перед /*k*/, /*k’*/, /*g*/, /*g’*/), [ɲ] (перед /*ť*/, /*ď*/, /*n’*/) на узких границах обязательны, как и внутри слова (т. е. при наличии контекста для этих аллофонов невозможен аллофон [n]); аллофон [˜] перед щелевыми и сонантами внутри слова и на узкой границе факультативен; для аллофона [ɳ] (перед /*ř*/) на узких границах нет контекстов; на широких же границах все эти аллофоны факультативны (т. е. всегда возможен [n]). Мягкие аллофоны фонем /*s*/ и /*z*/ также (более или менее) обязательны на узкой границе, но невозможны на широкой:

внутри слова:		на узкой границе:		на широкой границе:		
na[ŋ]*gò*	‘голый’	*lè*[ŋ]-*go*	‘их’ (м.)	*m’à*[ŋ] *gaźè*	~ [n]	‘похожи на русских’
na[ɲ]*dì*	‘голая’	*lè*[ɲ]-*di*	‘их’ (ж.)	*m’à*[ɲ] *dilè*	~ [n]	‘похожи на дураков’
sp[ỹ]*la* ~ *spỳ*[n]*la*	‘селезёнка’	*ď*[ã]-*la* ~ *ď’à*[n]-*la*	‘ты дал её’	*m’*[ã] *ləjècy*	~ [n]	‘похожи на немолдовая’
ma[ŋ]*řò* ~ *m*[ã]*řò*	‘хлеб’	—		*m’à*[ŋ] *řòm* ~ *m’*[ã] *řòm*	~ [n]	‘похожи на цыган’
sa[sʲ]*tè*	‘здоровые’	*lè*[sʲ]-*te*	‘у него’	*lè*[s] *tèji*		‘берёшь ключи’
và[zʲ]*de*	‘подними’			*xỳn*[z] *ď’àn*		‘штаны поправил’

Здесь мы не учли, что /*s*/ на границах часто ослабляется (см. 1.3.7.3). Примеры на назализацию даём отдельно (см. 1.2.7); здесь мы только показываем факультативность этих аллофонов на широкой границе.

1.3.7.2. Аллофоны перед гласными

На широких границах парно-твёрдый согласный на конце первого слова изредка претерпевает факультативное смягчение перед начальным /*i*/ следующего слова (разумеется, если между словами нет паузы). Это касается только конечных плавных /*l*/ и /*r*/, которые могут смягчаться, т. е. сливаться с /*l’*/ и /*r’*/ соответственно и как бы встраиваться в те же комбинаторные ограничения, которые свойственны /*l’*/ и /*r’*/ внутри слова.

Чаще, впрочем, твёрдость остаётся, а следующий гласный /*i*/ может фонетически звучать ближе к /*y*/ (обычно всё-таки не сливаясь с ним):

dèl ìv	[ˈʝeˈʎiv]	~ [ˈʝelˈiv]	~ [ˈʝeˈlɨv]	‘идёт снег’
źàv-tar i mè	[-tarʲiˈme]	~ [-tar iˈme]	~ [-tarɨˈme]	‘уйду и я’

Подобные случаи: *źàl i vò* ‘идёт и он’; *ka-l injà* ‘в девять’; *dùr inťà* ‘далеко туда’.

Мы решили, что поскольку у нас «и так» есть фонемы /*l’*/, /*r’*/, то внутри слова перед гласными они — просто констатация (а не повод для поиска чередований). Мы также решили, что в конце слова не бывает мягких фонем (см. 1.3.3). Значит, на границе (т. е. в конце слова) звуки [ʎ], [rʲ] являются аллофонами фонем /*l*/, /*r*/ (конечно, возможны и другие решения).

На узкой границе (единичный пример): в составном слове *ovèr-iś* ‘позавчера’ всегда мягкое [rʲ], значит, здесь можно это чередование считать обязательным (однако мы достаточно произвольно проводим в этом слове узкую границу).

Перед словами, имеющими варианты на /*ə-*/ ~ /*je-*/, после твёрдых конечных согласных обычно выбирается вариант на /*ə-*/, ср. *ka-l əftà* ‘в семь’. Однако у некоторых носителей может быть и смягчение: /*ka-ľ-eftà*/, ср. также возможность смягчения в устоявшемся выражении *opràl ə sùpra* /*-ľ-e-*/ ‘через край’. Такие случаи редки и в нашей орфографической системе с трудом поддаются записи (ср. также /*b'el*/ из *bi* + *əl* ‘без’ + артикль, см. 3.5.2).

Прочие (не плавные) согласные не участвуют в нейтрализации по мягкости-твёрдости на стыках широких словоформ. Поэтому возникают сочетания, невозможные внутри слов, ср. *màs ìto* ‘мясо острое’, с твёрдым /*s*/ перед /*i*/ (которое звучит скорее как [i], чем как [ɨ]).

1.3.7.3. Ослабление конечного *-s* (и *-š*)

На конце слов фонема /*s*/ в речи большинства носителей факультативно переходит («ослабляется») в щелевой гортанный звук или падает (почти) полностью, в результате чего имеем [s] ~ [ɦ] ~ [h] ~ ∅. Эти гортанные аллофоны (и нуль) частично можно отождествлять с фонемой /*h*/, с той разницей, что у «первичной» фонемы /*h*/ нет глухого аллофона [h] (но есть [ʁ], т. е. нейтрализация с /*ř*/) и она не встречается перед глухими.

Всегда возможно и неослабленное произношение, в т. ч. колебания у одного носителя.

⏳ Хотя у молдовая встречаются оба произношения, в т. ч. последовательно почти совсем без ослабления, постоянное произношение типа *lès-ko* [ˈʎesko] ‘его’ может иногда восприниматься как иноговорный акцент (например, ёнешти). Другим кэлдэрарским говорам ослабление действительно свойственно гораздо меньше. Само это явление восходит, судя по всему, к среднеиндийской эпохе (засвидетельствовано уже в пракритах) и разнообразно отражается в разных цыганских диалектах (а также в части новоиндийских языков). Непонятно, как объяснить различия между близкородственными кэлдэрарскими говорами.

Ослабление часто происходит как перед паузой, так и перед другим словом. Фонетическое распределение:

[ɦ]: перед звонкими согласными и перед гласными
[h]: перед глухими согласными и перед паузой

В обеих позициях нередко представлен нуль звука ∅ (чаще при пении, см. 5.1.1.2). Имеются мелкие различия в поведении (а) не перед энклитикой (= перед ударным словом = перед паузой) и (б) перед энклитикой: во втором случае ослабления не бывает перед начальным мягким зубным *-ť-* клитики и бывает очень редко перед твёрдым *-t-*. Примеры:

(а) не перед энклитикой

Перед паузой:

sastimòs	[-oh]	~ [-os]	‘здоровье’
màs	[-ah]	~ [-as]	‘мясо’
vàs	[-ah]	~ [-as]	‘рука’ (или *vàst*, см. 1.3.6 об отпадении *-t*)

При цитировании отдельных словоформ этого ослабления обычно нет (ниже неослабленных вариантов не даём). Распределение перед следующим согласным или гласным:

màs thulò	[ˈmah tʰuˈlo] ‘сало’ (букв. ‘мясо жирное’)
źanès kə...	[ʑaˈɲeh kə] ‘знаешь, что...’
màs tinès	[ˈmah ciˈɲeh] ‘мясо покупаешь’
dès barò	[ˈʝeɦ baˈro] ‘праздник’ (букв. ‘день большой’)
kàs dikhàs	[ˈkaɦ ʝiˈkʰəh] ‘кого видишь’
kàs anďà	[ˈkaɦ aɲˈʝa] ‘кого привёл’
dès ambròl	[ˈʝeɦ amˈbrol] ‘даешь грушу’
dèl-les avèr	[ˈʝelʎeɦ aˈʊʲer] ‘даёт ему другой’

Неослабление или же полное падение зависят в какой-то степени также от ритма речи и фразовой интонации.

(б) перед энклитикой

Ослабление часто происходит перед разными клитиками, чаще всего — перед падежными клитиками на /-*k*-/, /-*k̓*-/ (у части носителей клитик на /-*k̓*-/ нет, см. 2.5.2.1.2б):

dadès-ko	[daˈɟehko]	~ реже	[-sko]	ʻотца, отчийʼ
sòs-kə	[ˈsohkə]	~	[-skə]	ʻзачемʼ
khanikàs-kə	[kʰaɲiˈkahkə]	~	[-skə]	ʻникомуʼ
lès-ki	[ˈʎehkʲi]	~	[-skʲi]	ʻегоʼ (притяжат., ж.ед.)

Это ослабление перед клитиками на *k*- может осуществляться и при цитировании отдельных форм. Очень часто ослабляется служебное слово *sàs-kə* (показатель условного наклонения, букв. ʻбыло чтоʼ).

Ослабление частотно и перед клитиками на звонкие согласные и гласные (например, *-la* ʻеёʼ, *-ma* ʻменяʼ, *-ame* ʻнасʼ). Звонкость-глухость — как не перед энклитиками (о неослабленных вариантах см. ниже):

sàs-la	[ˈsaɦla]	ʻбыл у неёʼ
mudaràs-ma	[mudaˈrəɦma]	ʻубьёшь меняʼ
dikhàs-ame	[ɟiˈkʰaɦamʲe]	ʻувидимсяʼ

Перед клитиками на *-t* ослабление встречается намного реже:

sòs-tar	[ˈsostar]	~ реже	[-htar]	ʻпочемуʼ
xàs-tu	[ˈχastu]	~	[-htu]	ʻссоришьсяʼ

Перед начальным мягким *-t̓-* клитик ослабления не происходит, а *-s* обычно позиционно смягчается: *lès-te* [ˈʎesʲce] ʻу негоʼ.

В беглой речи ослабленный согласный может быть практически неслышен, что приводит к тому, что наиболее склонные к ослаблению носители могут при цитировании (скандировании) допустить гиперкоррекцию: *jekh-avr̓às-tar* вместо *jekh-avr̓à-tar* ʻдруг (от) другаʼ ж. (в женском роде окончание никогда не исходит на *-s*). В непринуждённой речи этого не наблюдается.

Как перед энклитиками, так и нет, согласно правилам уподобления, перед сонантами *-s* озвончается лишь факультативно, а перед *v* никогда (см. 1.3.7.6). Однако есть одна тонкость: если озвончения нет, то нет и ослабления, т. е. сочетание останется, например, в виде [-sv-], а не **[-hv-]; если же озвончение имеет место, то обязательно и ослабление, т. е. [-ɦv-], а не **[-zv-].

sàs-la dùj	[ˈsaɦla ˈduj]	или	[-sl-]	ʻбыло у неё дваʼ
lès našaď̀à	[ˈʎeɦ naʂaˈɟa]	или	[-sn-]	ʻегóʼ изгналʼ

И перед гласным неослабленный /-*s*/ всегда глух: *dikha*[s]-*ame* ʻувидимсяʼ, не **[z].

Есть подозрение, что в части слов ослабление происходит реже или не происходит вовсе. Таковы, возможно, существительные *krìs* ж. ʻсудʼ, *kòlis* ж. ʻоловянный порошокʼ. Неясно, относится ли это к глаголам с основой на *-s*, ср. формы императивов *khòs* ʻвытриʼ, *arəs* ʻдотянисьʼ.

⏳ Если это правда (что очень сомнительно), то мы неправомерно отнесли ослабление *-s* к фонологии, а само наличие лексической обусловленности может пролить свет на доцыганскую стадию предков цыганских диалектов, т. е. позволит обнаружить остатки былого распределения. Можно предположить, что ослабление происходило в разных фонологических позициях, которые сейчас неразличимы.

Изредка ослабляется и конечный *-š* после гласного (слов на *-š* мало) — только перед взрывными и только в тесных сочетаниях:

bèš katkà	[-hk-], но чаще [-ʂk-]	ʿсиди тут’
dopàš kỳrdo	[-hk-], но чаще [-ʂk-]	ʿполтабора’
dopàš bə̀rš	[-ɦb-], но чаще [-ʐb-]	ʿполгода’

Таким образом, в этом редком случае факультативно нейтрализуются /*s*/ и /*š*/.

1.3.7.4. Упрощение двойных согласных

На границе косвенной формы имён на *-s* с падежной клитикой *-sa* всегда остаётся только один согласный:

pàpo	ʿдед’	косв.	*papòs*	твор.	*papò-sa*	ʿс дедом’
dàd	ʿотец’		*dadès*		*dadè-sa*	ʿс дедом’
(*vò*	ʿон’)		*lès*		*lè-sa*	ʿс ним’

В глаголах перед личными клитиками упрощение факультативно:

xalèm	ʿя съел’	*xalèm-ma*	~	*xalè-ma*	ʿя поссорился’
dikhə̀l	ʿвидит’	*dikhə̀l-la*	~	*dikhə̀-la*	ʿвидит её’

Есть ещё несколько изолированных случаев:

šòvar-deš (*šòv* + *var* + *dèš*)	ʿ60’
panšəlà [pãʂə-] (*pànź* + *šəlà*)	ʿ500’ (подробно см. 3.9.1)

На широких границах двойные согласные не упрощаются, ср. *jàg kalì* [-kk-] ʿогонь чёрный’.

1.3.7.5. Нейтрализация по придыхательности

Из имеющихся трёх придыхательных фонем в конце слова может находиться только *kh*, но в этой позиции придыхательность утрачивается. Перед паузой или перед начальным гласным следующего слова произносится [k]:

bòkh	[ˈbok]	ʿголод’	*bòkh atùnći*	[ˈbok aˈtuɲʦi]	ʿголод тогда’
nàkh	[ˈnak]	ʿпроходи’	*nàkh ordè*	[ˈnak orˈɟe]	ʿпроходи сюда’
jèkh	[ˈjek]	ʿодин’	*jèkh angl̀al, jèkh palàl*	[ˈjek aŋgˈlal ˈjek paˈlal]	ʿодин спереди, один сзади’

Так же перед клитиками (независимо от начала клитики):

màkh-ame	[ˈmakamʲe]	ʿмажь нас’
aràkh-la	[aˈrakla]	ʿнайди её’
dìkh-ta	[ˈɟikta]	ʿглянь-ка’ (о вариантах типа *dì-ta*, *dì-la* см. 1.3.6)

Иными словами, здесь произносится тот же звук, как если бы на этом месте было *k* или *g* (с соответствующей нейтрализацией по звонкости-глухости, см. 1.3.7.6).

Потеря придыхательности происходит только на границе слов, внутри же слова [kʰ] перед согласным всегда слышно отчётливо (встречается только перед гласными и *l*, *l̓*):

nakhə̀l	[naˈkʰəl]	ʿпроходит’
makhàs	[maˈkʰas]	ʿмажем’
dikhlò	[ɟikʰˈlo]	ʿплаток’
nakhlè	[nakʰˈʎe]	ʿпрошли’

Придыхание сохраняется в формах составного местоимения *jekh-avrȁs* [-kʰ-] ʻдруг другаʼ, *jekh-avrʹà-tar* ʻдруг от другаʼ (ж.) и т. д., но не в неопределённом артикле или числительном ʻ1ʼ: *je*[k] *ambròl* ʻодна грушаʼ.

1.3.7.6. Нейтрализация по звонкости-глухости

На конце слов перед паузой или перед начальным гласным следующего слова звонкими являются только сонанты: *m*, *n*, *l*, *r*, *j*, *v* (см. 1.3.3.3), а также сочетание *-ng* [-ŋg] (и, возможно, *-nz* [-nz] ~ [˜z]). Все остальные согласные — шумные — оглушаются:

	thùd	[ˈthut]	ʻмолокоʼ	*thùd amarò*	[ˈthut amaˈro]	ʻмолоко нашеʼ
	bàř	[ˈbaχ]	ʻкаменьʼ	*bàř amarò*	[ˈbaχ amaˈro]	ʻкамень нашʼ
	jàg	[ˈjak]	ʻогоньʼ	*jàg amarì*	[ˈjak amaˈrʲi]	ʻогонь нашʼ
но	*ćàng*	[ˈʦaŋg]	ʻколеноʼ	*ćàng amarì*	[ˈʦaŋg amaˈrʲi]	ʻколено нашеʼ

Точно так же на конце слов перед начальным согласным следующего слова у шумных согласных (кроме сочетания *-ng*) нет противопоставления по глухости-звонкости — они произносятся глухо или звонко только в зависимости от контекста:

(а) сочетание /взрывной/ + /шумный/

Первый согласный уподобляется второму по глухости-звонкости (т. е. возможны только сочетания глухой + глухой, звонкий + звонкий), ср.:

ràt guglò	[-dg-]	ʻкровь сладкаяʼ	*thùd guglò*	[-dg-]	ʻмолоко сладкоеʼ
ràt šudrò	[-tʂ-]	ʻкровь холоднаяʼ	*thùd šudrò*	[-tʂ-]	ʻмолоко холодноеʼ
bùt řòm	[-dʁ-]	ʻмного цыганʼ	*dàd řomanò*	[-dʁ-]	ʻотец цыганскийʼ
bùt sumnakàj	[-ts-]	ʻмного золотаʼ	*dàd sumnakunò*	[-ts-]	ʻотец золотойʼ
kàk řòm	[-gʁ-]	ʻкакой-то цыганʼ	*jàg řomanò*	[-gʁ-]	ʻогонь цыганскийʼ
kàk ćòr	[-kʦ-]	ʻкакой-товорʼ	*jàg ćařə̀l*	[-kʦ-]	ʻогонь лижетʼ

Так же ведёт себя согласный, теряющий придыхательность (см. 1.3.7.5):

jàkh źuklès-ti	[-gʑ-]	ʻглаз собачийʼ
jàkh gurvanì	[-gg-]	ʻглаз бычийʼ
jàkh kalì	[-kk-]	ʻглаз чёрныйʼ

Это уподобление является чисто фонологическим и распространяется на сочетания морфем внутри словоформ, ср. *but-źanglò* [-dʑ-] ʻзнаток; зазнайкаʼ (пишем без дефиса *-dź-*).

(б) сочетание /взрывной/ + /сонант/

У большинства носителей шумные зубные и заднеязычные могут быть только звонкими перед сонантами, т. е. перед *m*, *n*, *l*, *r*, *j*, *v*:

bùt màs	[-dm-]	ʻмного мясаʼ	*gàd mùndro*	[-dm-]	ʻрубаха красивая’
bùt najà	[-dn-]	ʻмного пальцевʼ	*gàd nevò*	[-dɲ-]	ʻрубаха новаяʼ
bùt lòn	[-dl-]	ʻмного солиʼ	*gàd lolò*	[-dl-]	ʻрубаха красная’
bùt ràt	[-dr-]	ʻмного кровиʼ	*gàd ròdel*	[-dr-]	ʻрубаху ищетʼ
bùt jàg	[-dj-]	ʻмного огняʼ	*gàd jèkh*	[-dj-]	ʻрубаха однаʼ
bùt vàst	[-dʊ-]	ʻмного рукʼ	*gàd vỳnəto*	[-dʊ-]	ʻрубаха синяяʼ
kàk ľà	[-gʎ-]	ʻдядя взялʼ	*phàg lovè*	[-gl-]	ʻломай деньгиʼ
kàk ròdel	[-gr-]	ʻдядя ищетʼ	*phàg rìn*	[-grʲ-]	ʻломай напильникʼ
kàk vòr-kə...	[-gʊ-]	ʻдядя или...ʼ	*phàg vàst*	[-gʊ-]	ʻломай руку’ и т. д.

Так же ведёт себя согласный, теряющий придыхательность (см. 1.3.7.5):

jàkh manušəs-ti [-gm-] ʻглаз человеческийʼ
əkh jàkh [-gj-] ʻглазʼ (с неопр. артиклем; но см. ниже о *ək-mìja* ʻ1000ʼ)
màkh lolì [-gl-] ʻкрасная мухаʼ

Тогда как губные всегда глухие:

sàp lolò [-pl-] ʻзмея краснаяʼ *dràb lolò* [-pl-] ʻлекарство краснаяʼ
rùp nàj [-pn-] ʻсеребра нетʼ *ćàmb màs* [-pm-] ʻжуй мясоʼ

Уподобление возможно также и в менее тесных сочетаниях:

kàk myřà dà-ko [-gm-] ʻдядя моей мамыʼ *ľà jàg là-ko mùj* [-gl-] ʻзажглось её лицоʼ

Однако при выделении первого слова в сочетании (особенно при медленном темпе) часто уподобления нет (или оно слышится как неполное):

dətə̑t mùndro [-tm-] ʻочень красивыйʼ
jëkh jàkh [-kj-] ʻодин глазʼ

Сочетание *-ng* всегда звонко (если оглушается, то частично):

tàng poxtàn [-ŋgp-] ʻузкая тканьʼ

На узкой границе уподобления не происходит:

mèk-la [-kl-] ʻпусти еёʼ *phàg-la* [-kl-] ʻломай еёʼ
màkh-la [-kl-] ʻмажь еёʼ (придыхание снято, см. 1.3.7.5)

Имеется особая артиклеобразная клитика *(ə)k-* (см. 3.5.1.1), выступающая, в частности, в числительных, с которыми она вступает в тесную связь, т. е. составляет широкую словоформу (приводим единственный пример, где могло бы ожидаться уподобление):

ək-mìja [-km^{j}-] ʻтысячаʼ (обычно не [-gm^{j}-])

(в) сочетание /щелевой/ + /шумный/

Если щелевой (*s*, *š*) сохраняет свистящее или шипящее произношение (а не ослабляется в гортанный, 1.3.7.3), то уподобление на границе слов регулярно:

màs guglò [-zg-] ʻмясо сладкоеʼ *rəz barì* [-zb-] ʻвиноградник большойʼ
manùš gəlò [-zg-] ʻчеловек ушёлʼ

màs thulò [-st^{h}-] ʻмясо жирноеʼ *rəz phurì* [-sp^{h}-] ʻвиноградник старыйʼ
manùš tərnò [-ʂt-] ʻчеловек молодойʼ

šàx barò [-ʁb-] ʻкапуста большаяʼ *bàř barò* [-ʁb-] ʻкамень большойʼ

(г) сочетание /щелевой/ + /сонант/

Обычно не знают уподобления сочетания щелевых с /*l*/:

šàx lolò [-χl-] ʻкапуста краснаяʼ *kòř lolì* [-χl-] ʻшея краснаяʼ

Это относится в т. ч. к щелевому /*s*/ (когда он не ослабляется в гортанный, см. ниже):

màs londò [-sl-] ʻмясо солёноеʼ *rəz lolì* [-sl-] ʻвиноградник красныйʼ
sàs vòn [-sv-] ʻбыли ониʼ *bòz nàs* [-sn-] ʻхвороста не былоʼ

Уподобление /*š*/ происходит не всегда, часты колебания:

pa vəš nakhlò [-zn-] ~ [-ʂn-] ʻпо лесу прошёлʼ
manùš mulò [-zm-] ~ [-ʂm-] ʻчеловек умерʼ

На узкой границе уподобления не происходит:

khòs-la [-sl-] ʿвытри еёʾ *ćàř-la* [-xl-] ʿлижи еёʾ

Однако очень часто свистящие и реже шипящие на конце слов ослабляются и произносятся гортанно, ср. *màs londò* [-ɦl-] (см. 1.3.7.3).

Таким образом, на границах встречаются различные запрещённые внутри слова (см. 1.3.4) сочетания двух взрывных и прочих смычных (с уподоблением по звонкости-глухости). Это же относится к большинству сочетаний взрывных с сонантами. Что касается сочетаний, возможных в середине слова — причём без уподобления, — то в них на границе уподобление отсутствует или факультативно.

В песнях сочетания согласных порой разбиваются вставным неслоговым [ə] (см. 5.1.1.1)

1.4. Фонемный состав слов и морфем

Здесь в общих чертах рассмотрим порядок гласных (Г) и согласных (С) фонем, составляющих словоформы. Начнём с ударных узких словоформ (см. 2.1.2) без клитик. К простейшей структуре (один гласный) добавляем последовательно гласные и согласные; представлены практически все комбинации, возможные в соответствии с правилами распределения (см. 1.3.4); ограничиваемся двумя слогами:

1 слог			2 слога		
Г	*ə*	ʿдаʾ (см. 1.2.3)	ГСГ	*òta*	ʿвотʾ
ГС	*ìv*	ʿснегʾ	ГСГС	*anàv*	ʿимяʾ
ГСС	*ùšt*	ʿгубаʾ (см. 1.2.5)	ГССГ	*oxtò*	ʿ8ʾ
			ГССГС	*angàr*	ʿугольʾ
			ГСГСС	*ivènd*	ʿзимаʾ
			ГСССГ	*ìstra*	ʿскользкоʾ
			ГСССГС	*ambròl*	ʿгрушаʾ
			ГССГСС	—	
СГ	*sà*	ʿвсёʾ	СГСГ	*mỳca*	ʿкошкаʾ
СГС	*řòm*	ʿцыганʾ	СГСГС	*ćorʾàl*	ʿтайкомʾ
СГСС	*dànd*	ʿзубʾ	СГССГ	*sàlka*	ʿдеревоʾ
			СГССГС	*kərdèm*	ʿя сделалʾ
			СГСГСС	*šərànd*	ʿподушкаʾ
			СГСССГ	*xànźva*	ʿжадинаʾ
ССГ	*xlì*	ʿобосри!ʾ	ССГСГ	*brùma*	ʿросаʾ
ССГС	*dràb*	ʿлекарствоʾ	ССГССГ	*spỳnla*	ʿселезёнкаʾ
ССГСС	*gràst*	ʿлошадьʾ	ССГСГС	*tràdel*	ʿуедетʾ
			ССГСГСС	*bryšỳnd*	ʿдождьʾ
			ССГССГС	*klinćùš*	ʿзасовʾ
			СССГСГ	*skrùmo*	ʿчерный пепелʾ
			СССГСГС	*strefʾàl*	ʿблеститʾ
			СССГССГ	*štrʾàngo*	ʿверёвкаʾ
			и т. д.		

В конце ударных словоформ возможно, самое большее, два согласных (см. 1.3.4.3).

Перейдём к корням (т. е. главным морфемам слов, см. 2.1). По структуре корни почти тождественны целым узким словоформам, но в конце корней возможны трёхсогласные со-

четания, а также некоторые двухсогласные сочетания, невозможные в конце словоформ. Такие корни не могут сами по себе составлять словоформы; за ними обязательно идёт гласный суффикса или окончания. Это значит, в частности, что они не могут попадать в типы склонения, где есть формы без окончания, ср. несколько примеров:

	корень	словоформа	
-ГСС	*kovl-*	*kovlò*	ʻмягкий’
	morć-	*morćì*	ʻкожа’
	hyrc-	*hỳrco*	ʻмышь’
	vyrl-	*vỳrla*	ʻжабра’
-ГССС	*sastr-*	*sàstri*	ʻжелезо’
	lindr-	*lìndri*	ʻспаньё’
	xanźv-	*xànźva*	ʻжадина’ (~ *xànźuva*, во избежание *-nźv-*)
	andr-	*andrə*	ʻвнутрь’
	angl-	*anglè*	ʻвперёд’

Суффиксы (список в морфонологическом виде: см. 2.8) имеют гораздо более простую структуру (здесь приводим наиболее очевидные и регулярные):

неслоговые		
С	*-n-*	женский пол (сущ.)
1 слог		
Г	*-i-*	заполнитель (вставляется между согласными)
ГС	*-ar-*	каузатив (глаг.)
ГСС	*-ick-*	признак (прил.)
СГС	*-tar-*	деятель (сущ.)
2 слога		
ГСГС	*-ikan-*	признак (прил.)

Безударные слова (слова, никогда не имеющие собственного ударения): энклитики, артикли, предлоги:

неслоговые		
С	*l*	определённый артикль м.ед. и мн. (алломорф)
	k	неопределённый артикль (алломорф)
1 слог		
Г	*o*, *ə*	определённые артикли м.ед., ж.ед.
ГС	*aj*	союз ʻи’
СГ	*pa*	предлог ʻо’ и др. знач.
СГС	*-tar*	глагольная энклитика ʻпрочь’ и др. знач.
2 слога		
ГСГ	*-ame*	местоименная клитика 1.мн. ʻнас’
СГСГ	*paša*	предлог ʻвозле’
ГССГ	*anda*	предлог ʻиз’

Все слова, состоящие из одного согласного, являются морфонологическими вариантами более длинных слов с отпадением или иными изменениями на стыке с другими словами, ср. *pa-j* предлог ʻо’ (и др.) + артикль ж.ед. (слоговой вариант: *ə*). То же относится к предлогам структуры ГСС(Г) с элизией, ср. *and avèr* ʻиз другого’ (вм. *anda*, см. 1.2.8.1).

1.5. Словесная просодия

Ударение динамическое (силовое). Фонетически оно соотносится прежде всего с повышением интенсивности на ударном слоге. Под ударением гласные могут быть несколько дольше тех же гласных в безударном положении, однако гласный /*a*/ может иногда факультативно произноситься с фонетической (незначимой) долготой в предударном положении (только в первом слоге), ср. *tatò* [taːˈto] ʻтёплый’.

Ударение может падать на любой слог словоформы (но не на энклитики):

1-й:	*vàzdel*	ʻподнимает’	*pàrpale*	ʻназад’		*lùbenica*	ʻарбуз’
2-й:	*anèl*	ʻнесёт’	*paplòno*	ʻодеяло’		*kumpànija*	ʻгруппа цыган’
3-й:			*barvalò*	ʻбогатый’		*buzdugàno*	ʻпалица’
4-й:						*melaxnořò*	ʻсмугленький’

Более редкие случаи: ср. *màrdilino(sas)* ʻесли б был бит’, *arakhàdilo* ʻродился’, *nasvalićòso* ʻболезненный’, *sumnakunořò* ʻзолотенький’.

Ударение смыслоразличительно для морфологических категорий (регулярно в ряде словоизменительных типов):

mỳca	ʻкошка’ (прямой падеж)	:	*mycà*	ʻкошку’ (косвенный падеж)
sòde	ʻсколько’	:	*sodè*	ʻскольких’ (вариант наряду с *sòde*)
tràde	ʻуезжай!’	:	*tradè*	ʻуехали’ (вариант наряду с *tradinè*)

Минимальных пар, различающихся только ударением в заглавной форме, очень мало, ср. *kakò* ʻэтот’ : *kàko* ʻдядя’ (~ *kàk*); *kućì* ʻчашка’ : *kùći* ʻдорогой’ (~ *kùć*, см. 1.2.8).

Лексических колебаний в месте ударения, судя по всему, нет. Имеются немногочисленные колебания в ударении им.мн.: *talojà* ~ *talòja* ʻнёба’, *ćerajà* ~ *ćeràja* ʻзвёзды’. Есть также более систематические случаи колебания ударения в некоторых грамматических формах (см. 2.7.2).

Безударные слова: большинство предлогов всегда безударны, ср. *pa tù-te* ʻо тебе’; *pala màn-de* ʻза мной’ (но, например, *karìng tù-te* ʻк тебе’). Иногда возникают особые условия (цитирование, повтор при подыскивании слова и т. п.), в которых ударение слышно и на безударных словах. В таких случаях двусложные безударные предлоги могут иметь слабовыраженное ударение на первом слоге: *kȁta* ʻот’, *ȁnda* ʻиз’ и др.

При быстром темпе речи ударение может быть слышно очень слабо: оно может как бы распределяться по нескольким слогам слова. Нередко создаётся впечатление безударности целых слов, стоящих перед каким-нибудь ударным словом (хотя при более медленном темпе ударение в них отчётливо).

При пении ударение может переноситься в угоду ритму (есть определённые закономерности, см. 5.1.1.3).

Для раскрытия правил постановки ударения необходим специальный морфонологический разбор (о чём см. 2.7).

Мы обозначаем ударение (по умолчанию знаком ◌̀) на всех ударных словах (в т. ч. односложных), имея в виду, что «нейтральное» ударение характеризуется более или менее нисходящим тоном. Кроме того, в разделе о синтаксисе мы при необходимости показываем элементы фразовой интонации, т. е. специально обозначаем отличный от нейтрального тон ударного слога (знаками ◌̏ , ◌́ , ◌̋ , ◌̗ ; подробнее см. 4.8).

2. МОРФОНОЛОГИЯ

Морфонология занимается обликом и взаимодействием **морфем** — значимых отрезков, которые либо составляют сами по себе целую словоформу, либо присоединяются слева или справа к другим морфемам.

Нередко одна и та же морфема выступает в неодинаковой форме в разных словоформах одной парадигмы или в разных морфологически связанных словах (непроизводном и производных). Это значит, что одна морфема может иметь разный фонемный (сегментный) состав. В таких случаях речь идёт о **чередованиях**: в разных контекстах выступают разные **алломорфы** одной морфемы. Обычно алломорфы различаются одной, реже двумя фонемами, так что понятие чередования можно применять не только к самим алломорфам, но и к составляющим их фонемам, ср.:

šukò	‘сухой’	:	*šu/ť/imòs*	‘сухость’	(чередование /*k*/ : /*ť*/)
làda	‘сундук’	:	мн. *làzy*		(чередования /*a*/ : /*ə*/; /*d*/ : /*z*/)

Часть чередований можно описать исходя из фонологического контекста, тогда это **автоматические** чередования, каковые мы частично относим к фонологии (см. в т. ч. 1.3.7).

Прочие чередования зависят не только от фонологических факторов. При разработке морфонологии мы стремимся найти как можно больше регулярностей в чередованиях. Для этого вводятся **морфонемы** — «глубинные» сущности, реализуемые в виде одной или более фонем в зависимости от условий, фигурирующих в морфонологических правилах, где изложен порядок перехода от морфонологической записи к фонологической.

Особняком стоят случаи **супплетивизма**, т. е. наличия у морфемы алломорфов, которые не объясняются чередованиями отдельных фонем и задаются списочно, ср. *vòj* ‘она’, но *là* ‘её’ (чередуются алломорфы *voj* : *l-*); *źàl* ‘идёт’, но *gəlò* ‘пошёл’ (*źa-* : *gə-*).

🛠 Можно сказать, что задача морфонологии — раскрытие синхронных чередований, в которых проявляются синтетические свойства морфологического строя языка, и приведение их к более или менее линейному представлению (т. е. агглютинации). Это значит, что идеалом морфонологического представления языка является такое, при котором сегменты выстраиваются друг за другом в своём «первоначальном» виде. Морфонологическое представление нужно в синхронном описании для единообразной формальной записи при классификации словоизменительных и словообразовательных типов.

⌛ Морфонология в идеальном (на практике не встречающемся) случае — это как бы слепок фонетической истории языка, т. е. последовательных отмираний фонетических, а затем и фонологических правил. Аллофонические чередования в т. ч. выливались в фонологизацию аллофонов и появление новых фонем, а первоначальные фонологические условия стирались, так что чередования вступали в зависимость от морфологии. В нашем случае ситуация такова лишь частично: большинство морфонологических чередований, имеющих место во II пласте, не отражают историю собственно цыганского языка, а переняты в готовом виде из румынского: например, два чередования (одно — гласных, другое — согласных), определяющие соотношение форм ед. *làda* ‘сундук’ : мн. *làzy*, не обусловлены внутренним цыганским развитием, а взяты прямо из румынского *ládă* : *lăzi* ‘тж.’.

Как уже сказано, все фонологические явления — автоматические (даже если они факультативны). В одних случаях речь идёт о потере противопоставления между фонемами в свободном варьировании или в определённых условиях (ср. возможность смешения фонемы /*th*/ с фонемой /*c*/: *kathàr* ~ *kacàr* ‘отсюда’, см. 1.3.5.1; неразличение /*kh*/ и /*g*/ на конце слова: *jàkh* ‘глаз’, *jàg* ‘огонь’ [ˈjak], см. 1.3.7.5, 1.3.7.6). Очевидно, что одинаковая орфографическая запись ⟨jàk⟩ при словарной подаче обоих слов: *jàkh* ‘глаз’ и *jàg* ‘огонь’ (хо-

тя она отражает тождественный фонемный состав этих омонимов) была бы непрактична, поскольку она опускает важные сведения об этих разных словах. Причём эта нейтрализация происходит в весьма тривиальных условиях (просто на конце слова). В других случаях речь идёт о распределении фонем: например, мы говорили, что перед передними гласными /*i*/, /*e*/ не бывает твёрдых согласных, а перед непередними /*y*/, /*ə*/ не бывает мягких, поэтому невозможны сочетания **/*ti*/, **/*te*/, **/*ťy*/, **/*ťə*/, ср. мягкость согласных в слове /*ťin'èl*/ ‘покупает’ и твёрдость в /*kəràl*/ ‘делает’. В связи с этим можно утверждать, что в /*ťin'èl*/ фонемы /*t*/ и /*n*/ «смягчаются» перед передними гласными и автоматически переходят в /*ť*/ и /*n'*/. Это значит, что записи /*ťin'èl*/ и *tinèl* содержат в себе равное количество информации (см. также 1.1).

Морфонологические же явления могут быть описаны только с учётом конкретных морфем. Так, перед фонемой /*i*/ возможна мягкая фонема /*n'*/, но в словоизменительной парадигме прилагательных типа *ćinò* ‘усталый’ в ряде форм перед окончаниями женского рода она факультативно переходит в /*j*/, ср. ж.ед. *ćinì* ~ *ćijì*, хотя ничего подобного не происходит, например, в глаголе *divinìl* ‘разговаривает’. Такие случаи приходится описывать, оговаривая различные сложные условия. Другой пример: когда говорится, что в некотором типе слов окончание множественного числа /*-a*/ присоединяется к основе с «переходным смягчением», ср. ед. *vortàko* ‘товарищ’ (основа *vortak-*), мн. *vortàća*, имеется в виду «переход» фонемы /*k*/ в фонему /*ć*/, который напрямую не связан с фонологическим контекстом, а должен даваться как часть сведений о данном слове или типе слов (путём введения особой морфонемы).

Бывает, что чередование на первый взгляд трудно отнести к морфонологическому уровню, т. к. его результат предсказуем фонологически. Например, глагол *źuvindìl* ‘оживает; оживляет’, образованный от прилагательного *źuvindò* ‘живой’, содержит мягкую фонему /*d'*/, «потому что» за ней идёт передний гласный /*i*/, значит, для данного примера необязательно прибегать к особым морфонологическим правилам. Однако параллельный глагол *pynřandìl* ‘разувает’ соотносится с прилагательным *pynřangò* ‘босой’, и тут нам уже нужно правило, определяющее переход /*g*/ в /*d'*/ (а не в /*g'*/). Значит, ради единообразия и в первом примере имеет смысл говорить о таком же морфонологическом изменении, которое, правда, для данных фонем вписывается в чисто фонологические закономерности.

2.1. Строение слова

Ниже дадим классификацию морфем и, соответственно, границ между ними, чтобы уточнить и разграничить круг явлений, имеющих место на стыках разных типов. Мы ставим следующие разделители между морфемами:

	(пробел)	— между широкими словоформами (широкая граница)
.	(точка внизу)	— перед суффиксом, после приставки, между корнями
|	(вертикальная черта)	— перед окончанием
·	(точка посередине)	— перед постфиксом
-	(дефис)	— перед, после клитики (узкая граница); в составных словах

2.1.1. Классы морфем

Морфемы, образующие словоформы, разбиваются на классы. Принадлежность к одному из них определяет ограничения на сочетаемость морфем друг с другом, их порядок в словоформе, а также морфонологические явления на их стыках. В ряде случаев отнесение морфемы к тому или иному классу наталкивается на трудности, поэтому приходится идти на некоторые условности.

Центральная морфема в словоформе — **корень**. Нередко словоформы состоят только из корня (нулевые морфемы — не в счёт), ср. *ćòr* ‘вор; воры; кради’, но чаще к корням присоединяются морфемы других типов (см. примеры ниже); в немногочисленных **сложных** словах — по два корня, ср. *kořˑbang|ò* ‘кривошеий’ (‘шея’ + ‘косой’).

К корням справа могут присоединяться различные **аффиксы** (суффиксы и окончания). **Суффиксы** условно делятся на два типа: словообразовательные и словоизменительные. Первые являются частью лексического слова, и с их помощью одни слова образуются от других, ср. суффикс *-an-* в слове *řom.an|ò* ‘цыганский’ (при *řòm* ‘цыган’); вторые выступают в конкретных формах в пределах словоизменительной парадигмы одного слова, ср. суффикс перфекта *-d-* в форме *mar.d|è* ‘они побили’ (при *màr* ‘бей’). В одной словоформе может быть несколько суффиксов; один и тот же суффикс в одном слове не повторяется.

Некоторые словоизменительные суффиксы мы называем **наращениями** основы: это морфемы, вставляемые перед окончаниями в некоторых словоизменительных типах, ср. *-on-* в *patret.on|èn-* косв.мн. от *patrèt|o* ‘фотография’.

К наращениям близки **заполнители** — морфемы, состоящие из одного гласного, вставляемые после согласного перед суффиксами, ср. морфему *-i-* в производном *khəl.i.m|òs* ‘танец, игра’, однако *asa.m|òs* ‘смех’, где заполнитель отсутствует в связи с гласным исходом производящей основы.

Корень вместе с суффиксами (если таковые есть) составляет **основу** словоформы. Справа к основе может присоединяться **окончание**, ср. *pap|òs* ‘деда’ (косвенная форма). Окончания присущи изменяемым словам (т. е. таким, у которых есть более одной формы).

В ряде случаев можно условно выделить ещё один тип аффиксов — **приставки**, ср. *a.dès* ‘сегодня’ (при *dès* ‘день’). В отличие от проклитик (см. 2.1.2), приставки не встречаются отдельно и сочетаются с ограниченным кругом корней (ср. ещё *po.tinèl* ‘платит’, *bi.tinèl* ‘продаёт’ при *tinèl* ‘покупает’, где *po-* и *bi-* не соотносятся с омонимичными предлогами *po* ‘по’ и *bi* ‘без’).

Правее окончания может стоять **постфикс**, ср. *-as* (показатель относительного времени) в *mar|àv·as* ‘я бил’ (здесь *-av* — окончание). Постфиксы имеет смысл выделять в отдельный класс, поскольку для них характерно особое поведение, чётко отличающее их от суффиксов и окончаний (в частности, постфиксы всегда безударны).

Наконец, для узкого круга случаев мы вынуждены выделять такую маргинальную единицу, как **субморф** (морфонологически значимая часть морфемы), ср. *phànd|el* ‘связывает’, где *-d-* не является отдельной морфемой, но влияет на ударение (см. 2.7.2).

2.1.2. Узкая словоформа

Морфемы всех перечисленных выше классов встречаются внутри **узкой словоформы**, т. е. отрезка, внутри которого возможны лишь ограниченные сочетания фонем (см. 1.3.4), в отличие от стыков между такими отрезками. Большинство морфонологических чередований происходит внутри узкой словоформы (некоторые — на стыке с энклитиками, т. е. на узкой границе, см. 1.3.7). Так, сочетание /*dl*/ запрещено на стыке внутри узкой словоформы, в связи с чем корневая морфема выступает в разных формах в таких случаях, как, например, *phànd|av* ‘связываю’, но *phang.l|ò* ‘связанный’ (при *gàd lolò* ‘рубаха красная’).

Ещё одно свойство узкой словоформы — наличие не более одного ударения (в некоторых условиях ударения может не быть совсем).

В общем случае узкая словоформа представима в следующем максимальном виде (в квадратных скобках — необязательные части):

[приставка].**корни**.[заполнитель].[суффиксы].[наращение]||[окончание]·[постфикс]
└──────────── основа ────────────┘

Такой набор морфем (приставки — маргинально) могут иметь только «полнозначные» слова, т. е. слова, выступающие независимо от других.

Но есть и слова более простой структуры — **клитики**, которые прикрепляются к полнозначным словам слева (**проклитики**) или справа (**энклитики**). Большинство из них состоят из одной морфемы (которую можно считать корнем), ср. *te-* — показатель ирреальных наклонений, *maj-* ʻбольше, ещёʼ, но некоторые — из двух: из корня и окончания, ср. энклитики *-kər|ən* (показатель притяжательной формы в косвенном падеже мн. числа, присоединяющийся к существительным и местоимениям), *-l|en* (личное местоимение 3-го лица мн. числа, выступающее в роли дополнения и присоединяющееся к глаголам). Термин «клитика» не подразумевает безударности (клитики бывают и ударными), а указывает на зависимое положение таких слов в чисто морфологическом смысле. В нарушение сказанного, клитиками мы также называем ряд форм, которые могут стоять только после ударных словоформ, не входя в них морфологически (речь идёт о безударных подлежащных клитиках *lo*, *la*, *le*). Такие клитики — «свободные», а прочие — «слитные».

Наконец, можно выделить **соединительные** морфемы, стоящие между двумя компонентами составных слов, ср. *deš-u-dùj* ʻ12ʼ.

2.1.3. Широкая словоформа

Узкие словоформы вместе с присоединяющимися к ним клитиками (которые сами тоже являются узкими словоформами) могут образовывать более длинные морфологические единицы. Поэтому можно выделить ещё и такую единицу, как **широкая словоформа**: это такая цепочка узких словоформ, в пределах которой их невозможно передвигать и отделять друг от друга, не нарушая правил порядка и сочетаемости, например:

nà-xa	ʻне ешьʼ
màj-bar|ì	ʻбóльшаяʼ
màj-avès	ʻещё придёшьʼ
dad|es-kər|ən-ca	ʻс отцовскимиʼ
te-nà-maj-dikh.l'|àm·as-am|e	ʻесли бы мы больше не (у)виделисьʼ

В отличие от приведённых сочетаний такое сочетание слов, как, например, *adès avès* ʻсегодня придёшьʼ, не образует широкой словоформы, т. к. их порядок можно менять, ср. *avès adès*, притом что невозможно, скажем, ***avès-màj*.

Как явствует из приведённых примеров, клитик с каждой стороны «главного» слова может быть по нескольку, а ударение может падать как на главное слово, так и на клитики, а также и туда, и туда (подробно см. 2.7.3). В широких словоформах может быть по два окончания (если энклитика содержит своё окончание, см. 3.7.1, 3.11.13.9).

Широкими словоформами являются также **составные слова**: так мы называем случаи, когда в морфологическом единстве выступают два слова, из которых трудно выбрать главное, ср. *sà-jek* ʻвсё равноʼ (букв. ʻвсё одноʼ), *ovèr-tehàra* ʻпослезавтраʼ, в отличие от сложных слов типа *šər.nang|ò* ʻпростоволосыйʼ (ср. *šər|ò* ʻголоваʼ, *nang|ò* ʻголыйʼ; узкая словоформа). Все составные слова — это застывшие синтаксические обороты. Их можно было бы рассматривать как синтаксические сочетания, если бы не их значение (нередко не выводимое из значений их частей) и особые правила ударения (подробно см. 2.7.3).

Несколько типов составных слов (числительные) образуются с участием соединительных морфем, ср. *deš-u-štàr* ʻ14ʼ (*-u-* отдельно не употребляется), *biš-thaj-štàr* ʻ24ʼ (*thaj* ʻиʼ употребляется отдельно только в песнях).

В исключительных случаях широкая словоформа состоит только из слов, обычно выступающих как проклитики, — это бывает в некоторых формах глагола, ср. *te-nà* ʻне надо [делать этого]ʼ (см. 3.11.13.10).

Скажем несколько слов о слитном и раздельном написании слов в «орфографической» записи, в которой подаются все наши примеры. Из данных выше (см. 2.1) знаков в неё входит только дефис («-»). Слитно мы пишем отрезки, которые считаем узкими словоформами (у них могут быть словоизменительные парадигмы). Морфемы, рассматриваемые отдельно от словоизменительных парадигм («клитики»), т. е. при разборе широких словоформ, мы пишем слева или справа от «главного» слова, отделяя их дефисом. Но дефис имеет у нас и ещё одну функцию. Мы ставим его после предлогов (и лжепредлогов), сливающихся со стоящими за ними артиклями (при этом в некоторых случаях усекающихся), ср. *and-o* ʻв’ + опр.м.ед., *kata-j* ʻот’ + опр.ед.ж., *p-ək* ~ *pe-k* ʻна’ + неопр. артикль. Этим лишь показывается отсутствие оглушения согласного /*d*/ в усечённом предлоге *ande* на стыке слов, ***an*[t]-*o*, ***an*[t]-*ək* (см. 2.6.3). При этом, однако, нет нужды писать дефис, например, в сочетании *sa l* ʻвесь’ + опр.мн. Особое оправдание мы имеем для слитного написания постфикса *-as*, ср. *kəràsas* ʻты делал’ (и рассмотрения его как части узкой словоформы), в отличие от энклитик, ср. *khəràs-kə* ʻдому’, ибо в первом случае в конце окончания /*-es*/ всегда звучит [s], а во втором возможно ослабление /*s*/ в [h], т. е. *khərà*[h]-*kə* (см. 1.3.7.3). Здесь дефис обозначает узкую границу (см. 1.3.7).

2.2. Типы чередований

Чередования приводят к тому, что в пределах одной словоизменительной парадигмы или словообразовательного гнезда одна и та же морфема получает по крайней мере два фонологических облика, различающихся хотя бы одной фонемой. Эти фонемы могут быть на конце, в начале или внутри морфемы. Выделяются следующие чередования (в фонологические скобки «/ /» заключены алломорфы):

внутри:						
беглые гласные:	/*źukàl*/	ʻсобака’	:	/*źukl’*/*ì*	ʻсука’	(см. 2.5.1.2)
замена /*e*/ на /*ə*/:	/*v’èr’*/*a*	ʻкузены’	:	/*vàr*/*o*	ʻкузен’	(см. 2.5.1.4)
расширение: /*ə*/ в /*a*/:	/*bàrb’*/*i*	ʻбóроды’	:	/*bàrb*/*a*	ʻборода’	(см. 2.5.1.5)
/*e*/ в */a*/:	/*v’est’*/*ìl*	ʻобъявляет’	:	/*v’àst’*/*a*	ʻслава’	
/*o*/ в /*a*/:	*an*/*grop*/*òl*	ʻхоронит’	:	/*gràp*/*a*	ʻяма’	
редукция *-a-*:	/*kətàn*/*a*	ʻсолдат’	:	/*kətən’*/*ìja*	ʻармия’	(см. 2.5.1.6)
на конце:						
смягчение согласных:						(см. 2.5.2)
тривиальное:	/*kal*/*ò*	ʻчерный’	:	/*kal’*/*imòs*	ʻчернота’	
качественное:	/*šuk*/*ò*	ʻсухой’	:	/*šut’*/*imòs*	ʻсухость’	
переходное:	/*ìt*/*o*	ʻпряный’	:	/*ic*/*òl*	ʻперчит’	
уподобление:	/*gurùv*/	ʻбык’	:	/*gurum*/*nì*	ʻкорова’	(см. 2.5.3.1)
в конце и в начале:						
стяжение слогов:	/*dùj*/	ʻдва’ + /*-en*/	:	/*dòn*/	ʻдвух’	(см. 2.5.4.1)
в начале:						
алломорфы после парных:	*phen*/*ès*/	ʻговоришь’	:	*mar*/*às*/	ʻбьёшь’	(см. 2.5.1.1)
уподобление клитик:	*lès-*/*kə*/	ʻему’	:	*màn-*/*gə*/	ʻмне’	(см. 2.6.1)

«Чередованием» вообще мы называем не конкретную пару чередующихся фонем, а целый ряд таких пар (в ряду может быть и одна пара), внутри которого действуют одни и те

же закономерности: так, «переходным» называется не только чередование /*g*/ : /*ź*/, но и, например, /*t*/ : /*c*/, поскольку они происходят в одних и тех же условиях (с оговорками).

Ни одно из этих чередований не является позиционным в фонологическом смысле. Для части из них характерны фонологические позиции, но они никогда (кроме ряда вырожденных случаев) не являются исчерпывающим условием; в общем случае важны также некоторые морфологические ограничения, так что **морфонологическая позиция** чередования описывается, например, так: «перед морфемой II пласта на передний гласный». Нефонологичность этих чередований видна по тому, что всегда имеются примеры отсутствия того или иного (или наличия другого) чередования в том же фонологическом контексте, ср. /*bàrb*/*a* : /*bàrb*ʼ/*i* ‘борода’ (ед. : мн.), но /*bàb*/*a* : /*bàb*ʼ/*i* ‘бабушка’ (ед. : мн.).

Однако их можно свести к позиционности, прибегнув к более «глубинной», т. е. морфонологической, записи, в которой морфемы записываются в одной форме (снимается алломорфия), а вместо фонем выступают морфонемы.

Эта единая форма морфем — **основной алломорф**. Морфонологические чередования будем считать направленными от основного алломорфа к другим алломорфам.

2.3. Морфонологическая запись

Морфонологическая запись словоформы — это запись, состоящая из основных алломорфов входящих в словоформу морфем, разделителей на их стыках и некоторых дополнительных сведений, из которой однозначно вытекает фонемный вид словоформы. Так, из записей *BƏRB*|*A* {ж-А:I} и *BÀB*|*A* {ж-А:I} вытекают /*bàrba*/ и /*bàba*/ соответственно (с учётом различных соображений, о которых см. в разделах ниже). Единицами морфонологической записи будут морфонемы, записываемые символами фонем (но капителью), а также:

ʼ	одинарный апостроф — смягчение (тривиальное, качественное)
ʼʼ	двойной апостроф — смягчение (переходное)
¨	выбор второй основы суффиксом
ə	редукция в двухсложной основе
∅	нуль — значимая нулевая морфема (так же обозначается нуль звука)

Кроме того, над морфонемами ставятся знаки ударения (о котором отдельно см. 2.7).

Из морфонологической записи получается фонемная запись. В общих чертах процедура такова. Сначала надо морфонологически записать в линейной последовательности все морфемы искомой словоформы, а также её словоизменительный тип (об обозначении типов см. 3.4.2). Словоизменительные морфемы берутся из таблицы для данного словоизменительного типа (например, для существительных типа м-∅:∅ см. 3.4.3.1). Если словоформа непроизводна, то для дальнейшей процедуры достаточно применить морфонологические правила (в заданном порядке) и получить результат, ср. *ŘÒM*|*ËS-KE* ⇨ *řomès-kə* ‘цыгану’.

Если же словоформа производна, т. е. содержит словообразовательные суффиксы, то нужно учесть ещё и словоизменительный тип производящего (или производящих, если суффикс не один), включив его в запись: например, прилагательное *řomanò* ‘цыганский’, произведённое от *řòm* ‘цыган’, мн. *řòm*, будет записано так: *ŘÒM* {м-∅:∅}.*ÀN*|*Ò* {п-Ò:Ì|È}. Тип производящего может влиять на чередования между его основой и словообразовательным суффиксом. В данном примере никаких обусловленных типом производящего чередований нет, что видно по отсутствию апострофов в его обозначении «м-∅:∅». Здесь промежуточная морфонологическая запись примет вид *ŘÒM.ÀN*|*Ò*, а из неё получится фонемная запись /*řomanò*/ (орф. *řomanò*).

Теперь возьмём пример, где тип производящего вносит чередование в производное: производящее — *ìto* ‘пряный’, мн. *ìcy*; производное — *icòl* ‘перчит’ (а не ***itòl*). Его мы

запишем так: *ìт* {п-о:о:"і}.¨ᵊ*ò*|*л* {га-II}. По этой записи видно, что во 2-й основе производного (здесь мн.) имеется переходное смягчение. В данном случае следующая морфема начинается на символ ¨, значит берём эту 2-ю основу (т. е. включаем смягчающее наращение, см. 2.5.2.4), и промежуточная запись будет: *ìт."*ᵊ*ò*|*л*, из чего получается */icòl/*.

Морфонологическая запись преобразуется в фонемную путём применения морфонологических правил в определённом порядке. Промежуточные результаты правил мы записываем морфонологически (капителью), когда хотим показать, что могут подействовать дальнейшие правила; иначе даём результат в фонемной или орфографической записи. Подробно процедура перехода от морфологической записи к фонемной (см. 2.9) дана после описания чередований и правил расстановки ударения.

2.4. Принадлежность морфем к пластам

Морфологическая система делится на две более или менее отдельные подсистемы — I пласта и II пласта соответственно. Для каждого из пластов характерно некоторое подмножество морфологических и морфонологических явлений (хотя многие явления — общие для всей системы). Признак принадлежности к одному из пластов относится как к отдельным морфемам, так и к целым словам. Однако этот признак не является независимым — он в общем случае тривиально вытекает из словоизменительного типа, к которому слово приписано изначально. Таким образом, пласт — скорее признак словоизменительного типа. Пласт производных слов определяется их правой частью, т. е. основой, образуемой самым правым словообразовательным суффиксом, к которому присоединяется конкретный набор окончаний, однозначно вытекающий из типа.

Практически же небесполезно отличать аффиксы I и II пласта (по ним внешне частично определяется словоизменительный тип). Все глагольные аффиксы относятся к I пласту. Ударные именные окончания относятся к I пласту, ср. *-ò* в *kal|ò* ‘чёрный’; безударные — ко II пласту, ср. *-o* в *skùrt|o* ‘короткий’. Суффиксы, выступающие перед аффиксами I пласта, — тоже I пласта, ср. *-oř-* в *kal.oř|ò* ‘черненький’, а перед аффиксами II пласта — II пласта, ср. *-ùc-* в *skurt.ùc|o* ‘коротенький’.

Описывая ниже различные чередования, мы нередко ограничиваем их действие одним из двух пластов. Однако это всего лишь означает, что речь идёт о словах, относящихся к одному из словоизменительных типов одного из пластов (списки типов по пластам: для существительных см. 3.4.2.1, 3.4.2.2; для прилагательных см. 3.6.3; для глаголов см. 3.11.7).

2.5. Чередования в узкой словоформе

На конце морфемы бывают чередования гласных и согласных. Внутри морфемы бывают только чередования гласных.

2.5.1. Чередования гласных

Во всей системе представлено чередование фонем /*e*/ : /*ə*/ и /*i*/ : /*y*/ в зависимости от мягкости-твёрдости предшествующего согласного. В I пласте имеется несколько слов с беглым гласным. Остальные чередования гласных характерны только для II пласта.

2.5.1.1. Чередование *ə* : *e* и *y* : *i* после согласных

Согласно правилам сочетаемости фонем, перед передними гласными /*e*/, /*i*/ могут стоять только мягкие согласные, а перед непередними /*ə*/, /*y*/ — только твёрдые (см. 1.2.5),

что приводит к автоматическим (т. е. фонологически обусловленным) чередованиям, затрагивающим многие аффиксы, ср.:

/*e*/ : /*ə*/	*te/ľ/|è*	ʻвниз’	:	*opr|ə̀*	ʻвверх’
	da/ď/|èn	ʻотцов’	:	*kak|ə̀n*	ʻдядьёв’
	ź́a/n’/|ès	ʻзнаешь’	:	*khos|ə̀s*	ʻвытираешь’
/*i*/ : /*y*/	*ka/ľ/|ì*	ʻчёрная’	:	*vuž|ỳ*	ʻчистая’
	miš/ť/.i.m|òs	ʻдобро’	:	*ćoř.y.m|òs*	ʻзло’
	divi/n’/.ì|s	ʻговоришь’	:	*nəkəž.ỳ|s*	ʻстрадаешь’

Почти во всех таких случаях мы пишем морфонемы *E* и *I* (ср., например, личные окончания глагола *-ES*, *-EL*, *-EN* и др.). Однако сама мягкость или твёрдость предшествующего согласного связана с рядом факторов. Для части согласных имеется различие между пластами: сочетания */kə/*, */gə/*, */rə/*, */xə/* возможны в обоих пластах, а */k’e/*, */g’e/*, */r’e/*, */x’e/* — только во II пласте (см. 2.5.2.2).

2.5.1.2. Чередование гласных в I пласте: беглые гласные

В ряде слов I пласта имеет место чередование гласного в одной форме основы с его отсутствием в другой («беглый гласный»). Таких примеров всего несколько.

В двух именах:

/*ə*/ : ∅	*ź́ukə̀l*	ʻсобака’	:	косв. *ź́ukl|ès* (см. 3.4.3.22в)
/*e*/ : ∅	*avèr*	ʻдругой’	:	косв. *avr|ə̀s* (см. 3.10.1.5)

Нефонологичность чередования видна по: *ćikə̀n* ʻжир’, косв. *ćikənès*; *tovèr* ʻтопор’, косв. *toverès*. От *ź́ukə̀l* чередование проявляется и в словообразовании: *ź́uklì* ʻсука’ (см. 3.4.4.4), *ź́ukľanò* ʻсобачий’ (см. 3.6.5.2).

В трёх глаголах:

/*ə*/ : ∅	*putə̀r*	ʻокрой’	:	3.ед. *putr|ə̀l* ʻоткрывает’ (см. 3.11.8.1в)

В причастии: *putərdò* ʻоткрытый’, в слоовобразовании: *putə̀rď ol* ʻоткрывается’. Так же: *bystrə̀l* ʻзабыть’, *mutrə̀l* ʻоблить мочой’.

Морфонологическая позиция: в указанных словах (заданных списком) выпадение гласного происходит в безударной позиции перед сонантом, за которым следует ударный гласный. Под ударением выпадения нет: зват.ед. *ź́ukə̀la* ʻсобака!’. Это можно изобразить морфонологической записью, например: *ŹUKƏ̀L|* (прям.ед.), *ŹUKƏ̀L|A* (зват.ед.), *ŹUKƏ̀L|ËS* (косв.ед.), где место ударения однозначно определяется акцентными свойствами морфем (см. 2.7). Поэтому это чередование — в закрытом списке из пяти основ — можно считать позиционным на морфонологическом уровне. Таким образом: *ə*, *E* ⇨ ∅ || __R$\dot{\Gamma}$ (т. е. перед сонантом и ударным гласным).

В речи детей и молодёжи выпадение факультативно в именах (в глаголах оно обязательно), так что возможны формы *averə̀s*, *ź́ukəlès* и т. п. (но не ***putərə̀s*).

⌛ В именах это чередование восходит к синкопе безударных кратких гласных перед сонантами. Такое же выпадение было в части форм слова *dèl* ʻбог’: косв.ед. *devlès*, зват. *dèvla* (см. 3.4.3.22; форма прям. *dèl* < **deu̯el*). В глаголах на *-tər* — скорее всего вставка призвука перед працыганским слоговым сонантом (который реконструируется для доевропейской или раннеевропейской эпохи), т. е., например, **putr̥do* > *putərdò* ʻоткрытый’ и (по аналогии?) *putə̀r* ʻокрой!’ [Oslon 2017: 334].

Есть и пара случаев совсем нерегулярных беглых гласных:

/*u*/ : ∅	*gurùv*	ʻбык’	:	*gurvanò*	ʻбычий’ (хотя косв. *guruvès*)
∅ : /*a*/	*anklèl*	ʻвыходит’	:	*ankalavèl*	ʻвытаскивает’

Отдельно упомянем факультативную синкопу *-e-*/*-ə-* в окончаниях глаголов I пласта — только в песенном регистре — между некоторыми сонантами в части инфектных глагольных форм, ср. *kərə̀las* ~ *kə̀rlas* ‘он/-а делал/-а’, *ašunela* ~ *ašù̀nla* ‘[если] услышит’, с переносом ударения (см. 3.11.3.6, 3.11.3.7).

2.5.1.3. Морфологические позиции чередований гласных во II пласте

В некоторых корнях и суффиксах II пласта фонемы /*e*/, /*ə*/, /*o*/ чередуются с /*a*/ в целом ряде морфологических позиций, как в словоизменении, так и в словообразовании. Сначала рассмотрим эти чередования, идя от заглавной формы к прочим и от производящих слов к производным, а потом дадим их морфонологическое толкование (см. 2.5.1.4–2.5.1.6). Выделяются следующие морфологические позиции:

(а) множественное число существительных

Гласный /*ə*/ или /*e*/ в формах мн. вместо /*a*/ в ед. — в части слов женского рода: в типах ж-А:I, ж-А:”I (см. 3.4.3.18, 3.4.3.19) с ударным гласным /*a*/ в прям.ед.:

/*a*/ : /*ə*/:	*bə̀rb|a*	‘борода’	:	мн.	*bə̀rb|i*
	sə̀bij|a	‘сабля’	:		*sə̀bij|i*
/*a*/ : /*e*/:	*vojə̀g|a*	‘бутылка’	:		*vojèź|i*
	ťə̀j|a	‘ключ’	:		*/ťèj/|i*
	grəmə̀d|a	‘куча’	:		*/grəm’èz/|y*

В ряде случаев чередование факультативно: гласный заглавной формы может сохраняться: ср. *kr’ə̀nga* ‘ветка’, мн. *krènźi* ~ *kr’ə̀nźi* (обычно у менее частотных слов).

В большинстве случаев это чередование происходит в последнем слоге основы, но в нескольких словах встречается и в предпоследнем слоге основы — в этом случае всегда перед *-ij-*/*-yj-* конца основы, ср. *sə̀nija* ‘сани’, мн. *sə̀niji* (полный список: см. 3.4.3.18).

Чередование в какой-то степени продуктивно, т. е. применяется в некоторых русских заимствованиях, ср. *padə̀rka* ‘подарок’, мн. *padə̀rći*; *zdə̀nija* ‘здание’, мн. *zdə̀niji*.

В этом чередовании основной алломорф можно было бы видеть в прям.ед. (заглавной форме), а в формах мн. усматривать «сужение», чьи результаты в большинстве случаев распределены дополнительно: /*e*/ в тех случаях, когда в заглавной форме /*a*/ стоит после мягкого согласного (*vojə̀ga* ‘бутылка’, *ťə̀ja* ‘ключ’), в прочих (*bə̀rba* ‘борода’) — /*ə*/. Из этого ряда выбивается единственное в своём роде слово *grəmə̀da* ‘куча’, мн. *grəmèzy* (не ***grəmə̀zy*).

То же чередование в одном изолированном слове в форме мн. на *-uri*/*-urə̀*:

/*a*/ : /*e*/:	*tr’ə̀b|a*	‘вещь, дело’	:	*/tr’èb/.ur|i* (вариант)

Имеется также случай «сужения» в слове мужского рода: *bəjə̀to* ‘ребёнок’ : мн. *bəjècy*, однако это слово, видимо, не следует относить к нашему говору (оно считается чужим, хотя многим носителям знакомо), ср. отсутствие «сужения» в других словах этого типа: *ampərə̀to* ‘царь’ : мн. *ampərə̀cy*.

Гласный /*a*/ в формах мн. вместо /*o*/ в ед. — тип ж-А:I (маргинально и факультативно):

/*a*/ : /*o*/:	*ikə̀n|a*	‘икона’	:	мн.	*ikòn|i* (вариант)
	škə̀d|a	‘ущерб’	:		*škòd|i* (вариант)

А также в одном (?) слове типа м-I:’А:

/*o*/ : /*a*/:	*sərbətòr|i*	‘Троица [праздник]’ :	*sərbətə̀r’|a* (редкий вариант)	

(б) звательная форма

Только в одном случае — /*o*/ : /*a*/:

/*o*/ : /*a*/:	*nepòt|o*	ʻплемянник; внукʼ	:	*nepàt|e*	(зват.ед.)

(в) производные женского рода

Гласный /*a*/ в производном (в т. ч. с мягкостью согласного: */ʼa/*), образованном нулевым суффиксом (см. 3.4.4.20), на месте /*e*/, /*ə*/, /*o*/ в производящем:

/*e*/ : /*a*/:	*kořovèco*	ʻнищийʼ	:	*kořovʼàca*	ʻнищенкаʼ
/*ə*/ : /*a*/:	*vàro* (но зват. *vère*, см. 2.5.1.4)	ʻдвоюродный братʼ:		*vàra* (зват. *vàrə*)	ʻдвоюродная сестраʼ
/*o*/ : /*a*/:	*nepòto*	ʻплемянник; внукʼ	:	*nepàta*	ʻплемянница; внучкаʼ

(г) прочие именные производные

В производящем — /*a*/ под ударением в прям.ед., в производном этот слог безударен:

/*a*/ : /*ə*/:	*turbàto*	ʻбешеныйʼ	:	*turbəcymòs*	ʻбешенствоʼ
	kətàna	ʻсолдатʼ	:	*kətənìja*	ʻармияʼ
/ʼa/ : /*e*/:	*poňʼàva*	ʻковёрʼ	:	*ponevùca*	ʻковрикʼ
	Baľàri	(мужское имя)	:	*baleròni*	(название рода, вариант)
/*a*/ : /*o*/:	*tràzna*	ʻнасморкʼ	:	*troznalò*	ʻнасморочныйʼ
	Pànta	(мужское имя)	:	*pontòni*	(название рода)

(д) производные глаголы

В производящем — /*a*/ под ударением, в производном этот слог безударен:

/*a*/ : /*ə*/:	*gràba*	ʻспешкаʼ	:	*grəbìl*	ʻторопитьʼ
	kyntàri	ʻвесʼ	:	*kyntərìl*	ʻвеситьʼ
/ʼa/ : /*e*/:	*grʼàca*	ʻотвращениеʼ	:	*grecòl*	ʻбрезговатьʼ
	vʼàsťa	ʻслава, весть	:	*vestìl*	ʻобъявлятьʼ
/*a*/ : /*e*/:	*pomàna*	ʻпоминкиʼ	:	*pomenìl*	ʻпоминатьʼ
/*a*/ : /*o*/:	*gràpa*	ʻямаʼ	:	*angropòl*	ʻхоронитьʼ
	zàľa мн.	ʻмыльная водаʼ	:	*zolìl*	ʻпростирнутьʼ

Все чередования гласных во II пласте сводимы к позиционным — на морфонологическом уровне. Среди них выделяются три группы случаев. Первая группа — маргинальное чередование /*e*/ : /*ə*/, охватывающее всего несколько примеров (см. 2.5.1.4). Во второй группе гласные основы /*o*/, /*e*/, /*ə*/ чередуются с /*a*/ («расширяются» в /*a*/) независимо от ударения (см. 2.5.1.5). Третья группа — чередование /*a*/ : /*ə*/, /*e*/, связанное с ударением, что мы называем «редукцией» (см. 2.5.1.6). Дадим этим чередованиям морфонологическое толкование.

2.5.1.4. Замена *Е* на *Ə*

Это маргинальное чередование касается только гласных в позиции после губных согласных перёд рядом твёрдых согласных. Имеется одно словообразовательное гнездо, в котором оно ясно видно (здесь идёт речь о последнем гласном основы *galbən-* : *galben-*):

/ə/ : /e/:	*gàlbəno*	ʻжёлтый’	:	*gəlbenìl*	ʻжелтеть; желтить’
	gəlbənùš	ʻжелток’		*gəlbenimòs*	ʻжелтизна’
				gəlben’àrə̀a	ʻжелтуха’
				gəlbenićòso	ʻжелтоватый’

Есть также один случай чередования внутри парадигмы:

/ə/ : /e/: *vàro* ʻдвоюродный брат’ : зват. *vère*, прям.мн. *vèrə̀a*

За основной алломорф примем /e/ (т. е. *E*). Правило (с учётом слов, данных ниже):

E ⇨ *ə* || P__{R N T} {. |} !{*’ I E*}
(после губного перед сонантом или зубным смычным перед аффиксом не на *’*, *I*, *E*)

В приведённых примерах это *ə* тривиально предстаёт как /ə/ (*gàlbəno*, *vàro*). Однако в ряде случаев оно подвергается действию ещё одного правила, дающего от основы *VER*- производное *vàra* ʻдвоюродная сестра’ (см. 2.5.1.5б). Исключение: *p’àpeno* ʻдыня’ (**не ***p’àpəno*); кроме того, правилу не подчиняется мн. *gàlbəja* ʻжелтые’ (*GALBEN|’A*), что обеспечивает единство гласных в парадигме (в отличие от *vàro*).

⌛ Это чередование восходит к регулярному звукопереходу в румынском, ср. лат. *vēru-* > **veru* > рум. *văr* ʻдвоюродный брат’, лат. *galbinu-* > **galbenu* > рум. *gálben* ~ диал. *gálbăn* ʻжёлтый’. Исключение кэлд. *p’àpeno* (рум. *pépene*) связано со сложностью позиции, приведшей к выравниванию основы. Можно себе представить нестабильную стадию, на которой было ед. **p’àpəno*, мн. **pèpeja* (теперь *p’àpeja*).

По меньшей мере в одном гнезде колебание: *pùl’berə̀a* ~ *pùl’bərə̀a* ʻпыль’, *(s)pul’bərìl* ~ *(s)pul’berìl* ʻпылить’ (везде возможно *(s)pùlb-* с твёрдым *-l-*).

2.5.1.5. Расширение гласных *ə*, *E*, *O*

Общим для чередований этой группы является то, что /a/ выступает только перед окончаниями *-(’)a*, *-e*, *-ə* (ср. *bàrb|a*, *nepàt|e*, *vàr|ə*), а /o/, /e/, /ə/ — в остальных позициях, где они непредсказуемы. Поэтому имеет смысл во всех случаях за основные алломорфы принять именно /ə/, /e/, /o/ (т. е. писать морфонемы *ə*, *E*, *O*). Тогда общее правило будет:

ə, *O* ⇨ *A*
E ⇨ *’A* || __ | {*(’)A E ə*} (перед окончаниями *-(’)A*, *-E*, *-ə*)

Таким образом, казалось бы, разные чередования /a/ : /ə/, /e/ и /a/ : /o/ подчиняются одному правилу. Это значит, в частности, что считать мн. *grəmèzy* (**grəmàzy*) исключением (ср. обычные случаи с /ə/, см. 2.5.1.3а) нет нужды, а можно принять *GRƏMED*- за основной алломорф основы. Тогда /e/ здесь закономерно, точно так же как /ə/ в *bàrba* : *bàrbi* ʻборода’ (ед. : мн.; основной алломорф *BƏRB*-), а также *ikàna* : *ikòni* ʻикона’ (ед. : мн.; *IKON*-).

Более того, к этому чередованию относятся случаи, на первый взгляд похожие на редукцию, в т. ч. *pomàna* ʻпоминки’ : *pomenìl* ʻпоминать’ (*POMEN*-), равно как и *gràpa* ʻяма’ : *angropòl* ʻхоронить’ (*GROP*-).

Из данного выше правила следует, что не должно быть заглавных форм слов на *-a* с *-e-*, *-ə-*, *-o-* в корне. Имеющиеся такие слова следует считать частично исключениями:

с *-e-*: *dèla* ʻдело, вещь’ (не **d’àla*), *polèkra* ʻродословная’;
с *-ə-*: *càra* ʻпалатка’ (не **càra*);
с *-o-*: *plòska* ʻукрашенная бутылка’ (не **plàska*), *pòša* ʻплаток’, *pòšta* ʻпочта’, *pòfta* ʻаппетит’, *vòrba* ʻслово’, *vòja* ʻволя’, *źòja* ʻчетверг’, мн. *bubòja* от *bubòj* ʻчирей’ и др. этого типа (м-∅:A), а также все производные типа *pijitòrə̀i* ʻвыпивоха’, мн. *pijitòrə̀a* и их женские производные с суффиксом *-ka*, ср. *pijitòrka* (в правило можно ввести ограничения на строение основы, см. ниже).

Общее правило требует уточнений для каждой из трёх морфонем:

(а) *Ə* ⇨ *A*

В основном алломорфе выступает морфонема *ə*, которая переходит в *a* в указанных условиях. Отрезок *-ɪj-* в следующем слоге — не в счёт (ср. конец основы *-ij-* в *sàbija* ‘сабля’, мн. *sàbiji*).

Морфонема *ə* видна в ряде производных типов, ср. уменьшительные: *bàrba* ‘борода’ : *bərbùca* ‘бородка’, *řàta* ‘колесо’ : *řətìca* ‘колёсико’ (у части носителей в этих уменьшительных всегда произносится /*a*/: *barbùca*, *řatìca*, у других носителей — по крайней мере для некоторых слов чередование факультативно, ср. *sàbija* ‘сабля’ : *səbijùca* ~ *sabijùca* ‘сабелька’). Во всех этих случаях чередование внешне выглядит как редукция при потере ударения, однако ср. её невозможность в словах без чередования в парадигме: *sarmàla* ‘голубец’ : *sarmalùca* (****sarməlùca*).

Производное *vàra* ‘двоюродная сестра’ имеет нерегулярное мн. *vərišòri* (а не, например, ****vèri*). Закономерно *ləjàca*, мн. *ləjècy* ‘цыганка-немолдовая’ (при варианте *ləjàcy*); незакономерно *kořov'àca*, мн. *kořov'àcy* ‘нищенка’.

⏳ Чередование /*a*/ (ед.) : /*ə*/ (мн.) пришло вместе с румынизмами, ср. *bárbă* ‘борода’, мн. *bărbi*, где первично **a* (ср. лат. *barba*). Это сужение произошло на румынской почве в унаследованных из латыни словах в неясных условиях (вероятно, в результате некоей аналогии, начавшейся с основ, в которых *-e-* расширялось в *-a-*). Частично оно сохраняет продуктивность, ср. заимствования из русского типа *làvka* ‘магазин’, мн. *ləvći*.

В немногочисленных случаях в словообразовании фонема /*ə*/ в производных не оправдана ни одним из наших правил: *tatàř|o* ‘татарин, мусульманин’ : *tətəř.ỳck|o* ‘татарский и т. д.’ (см. 2.5.5д).

(б) *E* ⇨ *'A*

В нормальном случае отличие морфонемы *e* от *ə* в виде /*a*/ проявляется в мягкости предыдущего согласного, ср. *PONEV-* ⇨ *pon'àva* (мн. *ponèvi*) ‘ковёр’ при *BƏRB-* ⇨ *bàrba* (мн. *bərbi*) ‘борода’. Однако это не всегда так, ср. *GRƏMED-* ⇨ *grəmàda* (не ****grəm'àda*) ‘куча’ (мн. *grəmèzy*).

Это связано с позицией *e* после губного согласного, в которой может подействовать правило *e* ⇨ *ə* (см. 2.5.1.4, там же условия и примеры). Если это правило даст *ə*, то надо перейти к пункту (а) выше. Так объясняется *pomàna* ‘поминки’ при *pomenìl* ‘поминать’; *vàra* ‘кузина’ при *vèr'a* ‘кузены’ (ед. *vàro*). В прочих случаях получаем *'a*.

В основном это касается форм ед. : мн. типа *FELESTR-* ⇨ *fel'àstra*, мн. *felèstri* ‘окно’, т. е. той же морфологической позиции, в которой *ə* ⇨ *a*.

Морфонема *e* видна в производных глаголах, ср. *vestìl* ‘оповещать’, *vestòl* ‘тж.’ при *v'àst'a* ‘весть’, а также в именных производных, ср. *ponevùca* ‘коврик’ (наряду с *pon'avùca*).

⏳ Во II пласте почти нет слов вида *-e/ə...a* — это результат румынской звукомены, а именно расширения **e* перед **a*, ср. лат. *fenestra* > рум. *fereástră* ‘окно’ (кэлд. *fel'àstra*), мн. *feréstre* (кэлд. *feléstri*; первично **e*). Слово *dèla* ‘дело’ неслучайно выявляется как исключение: это или русизм, или поздний славизм в румынском, попавший в кэлдэрарский, *cəra* ‘палатка’ < **cehra* — дорумынский грецизм, а *polèkra* ‘родословная’ — поздний сербокроатизм в румынском. В позиции после губных перед непередними гласными дифтонг *e͡a* > *a* (ср. лат. *fēta* > **feata* > рум. *fátă* ‘девушка’), в противном случае *e͡a* > *'a* в большинстве румынских диалектов. Это привело к тому, что при заимствовании славянских слов с ударным *-a-* в корне в румынский язык они могли встраиваться в эту сложную систему чередований, ср. юж.-слав. *gromada* → рум. *grămádă* ‘куча’, воспринятое как результат расширения формы с *-e-*, откуда мн. *grămézi* (кэлд. *grəmèzy*).

Нарушение: *moldovàn|o* ‘молдаванин’ даёт /*e*/ вместо /*a*/ в производных (см. 2.5.5д).

(в) *O* ⇨ *A*

Это чередование почти отсутствует в словоизменении, кроме нескольких слов (факультативно), ср. *ikàna*, мн. *ikòni* ‘икона’. В большей степени оно представлено в словообразовании. Помимо приведённых, ср. показательный пример: *BOTA* ⇨ *Bàta* (муж. имя), *BOTONI* ⇨ *botòni* (мн., название рода), *BOTON'A* ⇨ *Botàn̓a* (женское прозвище, жена Баты). В склонении производных это чередование не действует, ср. *nepàta*, мн. *nepàti* ‘внучка; племянница’ (не ***nepòti*), *zàl̓a*, косв.мн. *zalèn* ‘мыльная вода’ (не ***zolèn*).

По меньшей мере в одном корне имеем колебание *o* ~ *ə*: *gotòl* ~ *gətòl* ‘готовить; кончать’ (при *gàta* ‘готов’). Пара *gràpa* ‘яма’ : *angropòl* ‘хоронить’ осложняется тем, что в *gràpa*, мн. *grə̀pi* (не ***gròpi*) имеет место чередование /*a*/ : /*ə*/ (т. е. мы написали бы *ə*).

Часть слов с *-o-* вместо ожидаемого *-a-* (*źòja*, *vòrba* и др., см. выше) можно вынести из списка исключений, введя в правило ограничение: «только в открытом слоге не перед *J*».

⌛ Чередование /*a*/ : /*o*/ восходит к румынскому чередованию *o͡a* : *o* (исконно **o*), ср. рум. *groápă* ‘яма’, мн. *grópi*. У молдовая оно практически вымерло в словоизменении, вследствие чего **gròpi* заменено на *grə̀pi* (но факультативно сохраняется в *ikàna* ‘икона’ ← рум. *icoánă*; *škàda* ‘ущерб’ ← рум. *şcoádă*). Слова с *-o-* вместо ожидаемого *-a-* — поздние славизмы в румынском, ср. кэлд. *pòšta* ‘пошта’, *pòfta* ‘аппетит’ (но ср. *uškàla* ← рум. диал. *uşcoálă*, теперь кэлд. *škòla* — из русского), а также слова неясного происхождения в румынском (в т. ч. *vòrba* ‘слово’ ← рум. *vórbă*, очевидно, от глагола рум. *vorbí* ‘говорить’, судя по всему, из восточнославянского [Ослон 2018а: 66]), ср. старые заимствования с обычным рефлексом *-a-*: юж.-слав. *škȍda* → рум. *şcoádă* → кэлд. молд. *škàda* ‘ущерб’, но мн. *škòdi*.

2.5.1.6. Редукция гласного *A*

Редукция гласного /*a*/ в /*ə*/, /*e*/ действует в словообразовании II пласта перед некоторыми суффиксами. В общем случае она происходит, когда от производящей основы с ударным *A* одним из этих суффиксов образуется производное с ударением, стоящим правее этой основы. Только часть суффиксов II пласта вызывает редукцию. Для начала приведём некоторые суффиксы, не вызывающие редукции:

-kìn̓|a:	*poľàko*	‘русский цыган’	:	*poľaćkìn̓a*	‘русская цыганка’
-ùc|a:	*sarmàla*	‘голубец’	:	*sarmalùca*	(уменьш.)
-ùc|o:	*pahàřo*	‘стакан’	:	*pahařùco*	‘стаканчик’
-ìc|a:	*harambàš*	‘разбойник’	:	*harambašỳca*	‘разбойница’
-ìc|y:	*cyncàri*	‘комар’	:	*cyncarìcy*	‘комарик’
-ìck|o:	*ampəràto*	‘царь’	:	*ampəracỳcko*	‘царский’

Следующие же суффиксы вызывают редукцию:

-ìj|a:	*ampəràto*	‘царь’	:	*ampərəcỳja*	‘царство’
-'às|a:	*ampəràto*	‘царь’	:	*ampərəťàsa*	‘царица’
-àr|i:	*làvuta*	‘музыка’	:	*ləvutàri*	‘музыкант’
-ićòs|o:	*tun̓àr*[*ik*]*o*	‘тёмный’	:	*tunerićòso*	‘темноватый’
-òn|i:	*Sàvulo*	(муж. имя)	:	*səvulòni*	(название рода)

Изолированные суффиксы: *gàlbəno* ‘жёлтый’ : *gəlbənùš* ‘желток’ (см. 3.4.4.26).

Все имеющиеся производные с перечисленными редуцирующими суффиксами образованы от неодносложных основ. Односложных производящих основ II пласта с ударным *A* среди них нет, видимо, случайно. В случаях вроде *vàtr|a* ‘стойбище’ : *vətr.àr|i* ‘кочерга’ имеем не редукцию, а тривиальное отражение *VƏTR-* (ср. мн. *vàtri*).

Это же верно для уменьшительных, ср. *bàrb|a* ‘борода’ : *bərb.ùc|a* ‘бородка’ (*BƏRB-* ввиду мн. *bàrbi*); впрочем, в части уменьшительных имеются колебания (см. 2.5.1.5).

В сочетании же с суффиксами, присоединяющимися через заполнители *-i-*/*-y-*, *-o-*, встречаются и односложные, и неодносложные основы. По этим производным видно, что

в неодносложных основах редукция происходит обязательно, а в односложных её чаще всего нет, ср.:

-i.m|òs:	*trʹàzo*	ʻтрезвый’	:	*trʹazymòs*	ʻтрезвость’
но	*turbàto*	ʻбешеный’	:	*turbəcymòs*	ʻбешенство’
	tunʹàriko	ʻтёмный’	:	*tunerićimòs*	ʻтемнота’

Больше примеров — среди глаголов (см. 3.11.11.7):

-o.(sar)-:	*pàho*	ʻлёд’	:	*pahòl*	ʻзамерзать’
но	*càpəno*	ʻоцепенелый’	:	*cəpənòl*	ʻцепенеть’
-i.(sar)-:	*tràjo*	ʻжизнь’	:	*trajìl*	ʻжить’
но	*kyntàri*	ʻвес’	:	*kyntərìl*	ʻвесить’
	gojàri	ʻврун’	:	*gojerìl*	ʻврать’
	màskəra	ʻругань’	:	*məskərìl*	ʻпоноси́ть’

Связь редукции с ударением видна по морфонологической записи. Слог, претерпевающий редукцию, содержит морфонему с акцентной маркировкой *À*. В производящем слове этот слог получает фонологическое ударение в прямых формах (перед безударными окончаниями), но «теряет» ударение перед суффиксом с такой же маркировкой (о получении фонологического ударения из маркировок см. 2.7.2), т. е.:

À ⇨ *ə* || [__ ...]$^{>1\sigma}$ (. ...) . Ṫ (в неодносложной основе при ударном суффиксе)

Заметим, что редукция не действует перед вставкой *-uj-*, ср. *vařujìl* ʻпокрывать известью’ (не ***vəřujil*). Это следует толковать в том смысле, что *-uj-*, само по себе не являясь словообразовательным суффиксом, не входит в производящую основу (т. е. может считаться заполнителем).

В единичных случаях следует видеть не редукцию, а *ə*, ср. *sàpa* ʻтяпка’ : *səpìl* ʻкопать’ (*SƏP*-?). Однако несколько глаголов с односложной основой можно трактовать двояко:

-i.(sar)-:	*gràba*	ʻспешка’	:	*grəbìl*	ʻторопить’
	řàvda	ʻтерпение’	:	*řəvdìl*	ʻтерпеть’
	žàlʹa	ʻтраур’	:	*žəlìl*	ʻскорбеть’ (~ *žalìl*)

Эти производящие лишены форм мн., так что в любом случае их основной алломорф может быть произвольно записан с морфонемой *ə*.

К редукции также не относятся случаи с /*e*/ не после парных мягких, например *vestìl* ʻоповещать’, *pomenìl* ʻпоминать’, где имеет смысл усматривать морфонему *E* (см. 2.5.1.5).

⌛ В обычных случаях это чередование непродуктивно и в кэлдэрарский попало в готовом виде в румынских словах, ср. рум. *împărát* ʻцарь’ : *împărăţíe* ʻцарство’. Случаи типа *gràba* : *grəbìl*, вероятно, объясняются обратным направлением словообразования в румынском: существительное (рум. *grábă*) образовано от глагола, а в само́м глаголе (рум. *grăbí*) *-ă-* возникло путём редукции при заимствовании (здесь ← южн.-слав. *grȁbiti*) или иным путём. Что касается правила (точнее, видимо, тенденции) редукции только неодносложных основ, то, возможно, это в какой-то мере цыганское нововведение (?), ср. рум. *trăí* ʻжить’ → кэлд. *trajìl* (а не ***trəjìl*, что могло быть первоначальной формой). Если это верно, то бросается в глаза подозрительная пара *Dàm|o* (имя прародителя рода; односложная основа) : *dəm.òn|i* (название рода); можно предположить, что речь идёт о **Dỳmo*, а *dəmòni* и *dymòni* не различаются фонетически (см. 1.2.6).

Вероятно, в какой-то степени регулярными можно считать случаи: *ľàgəno* ʻлюлька’ : *ləgənìl* (а не ***legənìl*) ʻбаюкать’; *Baľàri* (мужское имя) : *baləròni* (название рода; но и *baleròni*); тогда можно сказать, что редукция снимает мягкость с /*ľ*/ (с вариантами).

Редукция в основах I пласта — только в порядке исключения: *ivànd* (~ *ivand|ò*) ʻсырой’ : *ivenz.ỳ|l ~ ivənz.ỳ|l* ʻсыреть’; *řomanò* ʻцыганский’ : *řomənìja* ʻцыганский мир’ (ср. синоним *cygənìja* ʻтж.’, хотя нет ***cygan-*). Единственный случай редукции перед суффиксом I пласта: *dopàš* ʻполовина’ : *dopəšỳn* (~ *dopašỳn*) ʻтж.’.

Трудность представляют случаи наличия /*i*/ вместо ожидаемого /*ə*/ перед следующим слогом с *-i-*, ср. *bàrba* ‘борода’ : *birbìja* ‘двойной подбородок’ (см. 2.5.5д).

2.5.2. Чередования согласных перед гласными (смягчения)

Все чередования согласных перед гласными мы условно называем «смягчениями», т. к. в типичных случаях они связаны с положением перед передним гласным. По характеру отношения чередующихся фонем выделяются три типа смягчений: **тривиальное**, **качественное**, **переходное**. Совокупности всех случаев чередования одного из трёх типов образуют ряды (над линией внутри таблицы — твёрдые фонемы; под ней — мягкие):

	без смягчения	тривиальное	качественное	переходное
непарные твёрдые	*š*			
	ž			
	c			
	h			
	ř			
	kh		*ć*	
	th		(*ć*)	
парные	*x*	(*x’*)		
	s	(*s’*)		
	z	(*z’*)		*ž*
	p	*p’*		
	ph	*ph’*		
	b	*b’*		
	t	*t’*		*c*
	d	*d’*		*z*
	k	*k’*	*t’*	*ć*
	g	*g’*	*d’*	*ź*
	f	*f’*		
	v	*v’*	(*j*)	
	m	*m’*		
	n	*n’*	*j*	*j*
	l	*l’*		
	r	*r’*		
непарные мягкие	*ć*			
	ś			
	ź			
	j			

В выбранной нами орфографической системе тривиальная мягкость перед передними гласными фонемами /*i*/, /*e*/ не обозначается явно (т. е. мы опускаем апостроф), ср. в нашей орфографической записи: *kalì* ‘черная’, фонологически /*kal’i*/ (с мягким /*l’*/), ибо здесь мягкость всецело вытекает из контекста. В этом и следующих разделах мягкие парные даются в фонемной записи, только если это надо специально подчеркнуть.

⌛ В I пласте все смягчения восходят к внутрицыганским фонологическим процессам, многие из которых по сей день живы, тогда как во II пласте чередования перенесены из румынского языка, и если проявляют некоторую продуктивность в кэлдэрарском — в новых заимствованиях, — то лишь по аналогии с уже имеющимися образцами.

Как видно, при тривиальном смягчении фонемная запись членов чередования различается только апострофом (фонологической мягкостью), ср. /*l*/ : /*l'*/; качественное смягчение даёт «совсем» другие фонемы, ср. /*k*/ : /*t'*/; то же при переходном смягчении, ср. /*g*/ : /*ź*/.

Непарные согласные фонемы не участвуют в тривиальном смягчении. Только две из них — непарные твёрдые /*th*/ и /*kh*/ — участвуют в качественном смягчении. Все парные участвуют в тривиальном, а часть — в качественном или переходном (три из них — в обоих). Данные в скобках фонемы участвуют в смягчениях лишь с оговорками.

Фонемы /*s*/ и /*z*/ имеют маргинальные мягкие пары /*s'*/ (ср. вариант *s'à ~ sà* ʻвесь, всёʼ) и /*z'*/, но обычно ведут себя как непарные твёрдые.

⌛ Согласные, которые сейчас могут смягчаться, но не смягчаются, раньше мягких коррелятов не имели. Нынешнее положение связано с поздними процессами при взаимодействии с румынским языком.

Фонема /*ć*/ как качественное смягчение фонемы /*th*/ выступает в единичных случаях типа *kathàr* ʻотсюдаʼ : *kaćè* ʻздесь, сюдаʼ (морфологическая связь здесь непрозрачна).

⌛ Исторически действительно *kathè* (так до сих пор во многих диалектах) > молд. *kaćè* : ён. *kacə*.

Сначала опишем смягчения исходя из морфологических позиций.

2.5.2.1. Морфологические позиции смягчений

Тривиальное и качественное смягчения во многом общи для обоих пластов. Переходное же свойственно только II пласту (кроме особых случаев).

2.5.2.1.1. Тривиальное смягчение

Тривиальные смягчения (C : C') охватывают почти все парные согласные фонемы. Во многих случаях для их анализа достаточно фонологического уровня. Так, они имеют место перед окончаниями существительных:

/*l*/ : /*l'*/:	*phràl*	ʻбратʼ	:	/*phral'*/*ès*	(косв.)
/*n*/ : /*n'*/:	*kətàna*	ʻмилиционерʼ	:	/*kətàn'*/*i*	(мн.)

Перед окончаниями прилагательных:

/*t*/ : /*t'*/:	*matò*	ʻпьяныйʼ	:	/*mat'*/*ì*	(ж.)

Перед окончаниями глаголов:

/*d*/ : /*d'*/:	*dàv*	ʻдаюʼ	:	/*d'*/*ès*	ʻдаёшьʼ

Перед суффиксами:

/*r*/ : /*r'*/:	*maràv*	ʻбьюʼ	:	/*mar'*/*imòs*	ʻдрака; войнаʼ

В приведённых примерах согласные смягчаются перед передними гласными /*i*/ и /*e*/. Тривиально не смягчаются непарные согласные, ср. *akušəs* ʻклянёшьʼ, а также — только в I пласте — заднеязычные, ср. *pekəs* ʻпечёшьʼ и нек. др. (подробнее см. 2.5.2.2).

В ряде словоизменительных и словообразовательных типов смягчение имеет место перед непередними гласными:

/*l*/ : /*l'*/:	*phàl*	ʻдоскаʼ	:	*phal'à*	(мн.)
/*v*/ : /*v'*/:	*sùv*	ʻиголкаʼ	:	*suv'à*	(мн.)
/*d*/ : /*d'*/:	*xurd|ò*	ʻмелкийʼ	:	*xurd'òl*	ʻмельчаетʼ

Для таких случаев необходимо на морфологическом уровне указать, что та или иная морфема вызывает смягчение, в т. ч. можно нестрого дать окончание *-'a* для первых двух

слов. Такая тривиальная «йотация» чаще встречается в I пласте, но бывает и во II (перед суффиксами и окончаниями):

/t/ : /ť/:	*ampəràt|o*	ʻцарьʼ	:	*ampərəťàsa*	ʻцарицаʼ
/l/ : /ľ/:	*pištòl|o*	ʻпистолетʼ	:	*pištòľa*	(мн.)

2.5.2.1.2. Качественное смягчение

Чередуются фонемы:

/k/ : /ť/	/g/ : /ď/	/n/ : /j/
/kh/ : /ć/		(/v/ : /j/)

Качественное смягчение преимущественно свойственно I пласту (реже во II пласте):

(а) в парадигме существительных

В словоизменении существительных I пласта качественное смягчение встречается всего в паре слов:

màkh	ʻмухаʼ	:	мн.	*maćà*,	косв.ед. *maćà*
ćeràn	ʻзвездаʼ	:	мн.	*ćerajà* (~ *ćeràja*)	

Сюда относится *armàn* ʻклятваʼ — только в форме мн. в составном глаголе *dèl armajà* ʻклясться, проклясть', но в форме ед. в причастии *dinò-armàn* ʻнарушивший клятву; про́клятый' (косвенных форм ед. нет).

⏳ Исторически в I пласте йотация **-n'-* > *-j-* имела место в прям.мн. и косвенных формах обоих чисел во всех существительных на древнее **-ni.* Однако почти все они выровняли форму прям.ед. (где закономерно должно быть *-n*, как в *ćeràn* ʻзвездаʼ) по формам с йотацией, ср. *phèj* ʻсестраʼ, мн. *phejà* (ожидалось бы ***phèn*, ***phȁ*); *řàj* ʻпалкаʼ, мн. *řajà* (ожидалось бы ***řàn*, *řajà*), устраняя чередование внутри парадигмы (сюда же ранние заимствования типа *sapùj* ʻмылоʼ). Однако этого не произошло в *armàn* (видимо, в связи с преимущественно неавтономным употреблением) и в *ćerhàn* > *ćeràn* (редко ~ *ćeràj*). Соотношение *armàn* : *armajà* и *ćeràn* : *ćerajà* (теперь и ~ *ćeràja*) перестало быть парадигматическим.

Во II пласте есть как минимум одно существительное с качественным смягчением:

bràšk|a	ʻлягушкаʼ	:	мн.	*bràš/ť/i*, косв.мн. *braš/ť/èn* (редкий вариант) обычно *bràš/k'/i*, *braš/k'/èn*

Прочие существительные II пласта на заднеязычные во мн. (если нет переходного смягчения) смягчаются только тривиально, ср. *pùška* ʻружьёʼ, мн. *pùš/k'/i* (***pùš/ť/i*), *řusàjka* ʻрусскаяʼ, мн. *řusàj/k'/i*, *mədùga* ʻкостный мозгʼ, мн. *mədù/g'/i* (на *-g-* всего одно такое слово). Можно сказать, что в именах II пласта действует запрет на качественное смягчение во мн. (кроме одного слова *bràška* ʻлягушкаʼ).

(б) в парадигме прилагательных

Всегда с колебаниями (качественное ~ тривиальное):

šuk|ò	ʻсухойʼ	:	ж.ед.	*šutì*	~	*šukì*	:	косв.	*šuťà*	~ *šuk'à*
nang|ò	ʻголыйʼ	:		*nandì*	~	*nangì*	:		*nanďà*	~ *nang'à*
san|ò	ʻтонкийʼ	:		*sajì*	~	*sanì*	:		*sajà*	~ *san'à*

Только в окончаниях прилагательных (но не в других позициях) наряду с *-/ťi/*, *-/ďi/*, *-ji* и *-ťa*, *-ďa*, *-ja* могут выступать */k'i/*, */g'i/*, */n'i/* и *-k'a*, *-g'a*, *-n'a* — с тривиальным смягчением. Налицо возрастная динамика: у стариков чаще качественное смягчение, у среднего и младшего поколения — тривиальное.

Однако, видимо, только *di*/*n*’/*i* ‘данная’, *li*/*n*’/*i* ‘взятая’ (см. 2.5.2.3).

Особый случай — притяжательные формы, в т. ч. местоимения:

là-ko	‘её’	:	ж.ед.	*là-ti*	~	*là-ki*
lès-ko	‘его’	:		*lès-ti*	~	*lès-ki*
lèn-go	‘их’	:		*lèn-di*	~	*lèn-gi*

В притяжательных формах йотации нет: ж.косв.ед. *lès-ka*.

⌛ Почти полное отсутствие в I пласте мягких задненёбных /*k*’/, /*g*’/ и полное отсутствие /*kh*’/ — характерная черта говора молдовая, чётко отличающая их от прочих русских кэлдэрар, ср. молд. *tiràl* ‘сыр, творог’, *ťàja* ‘ключ’ (из ст.-рум. *cheáie*, совр. *chéie*) ~ ёнешти *kiràl*, *k’àja*; молд. *dinàv* ‘читаю’, *dilì* ‘песня’ ~ ён. *ginàv*, *gilì*; молд. *ćinò* ‘усталый’ ~ ён. *khinò*. Перед йотом палатализация **k’*> *ť*, **g’*> *ď*, **kh’*> *ć* представлена во всех говорах русских кэлдэрар, а в предке говора молдовая прошла ещё одна палатализация: **ki* > *ťi*, **gi* > *ďi*, **khi* > *ći*, давшая такой же результат. Возможность появления /*k*’/, /*g*’/ в I пласте (*šukì* ‘сухая’, *là-ki* ‘её’, ж.ед.), судя по всему, — результат «морфонологического» восстановления задненёбных ради единства основы перед окончаниями. Менее ясна история /*k*’/ и /*g*’/ в румынских словах типа мн. *mədùgi* ‘костные мозги’, *pùški* ‘ружья’ (однако вариант *bràšti*, ед. *bràška* ‘лягушка’, ср. рум. *broáscă*, мн. *broášte*) и в мн. слов с суффиксом *-ka*, ср. *khəlitòrki* ‘танцовщицы’; скорее всего это восходит к особенностям румынских банатских говоров. Можно предположить, что на какой-то стадии мягких *k*’ и *g*’ не было вообще. Сказанное о восстановлении мягких *k*’, *g*’ относится, видимо, и к *n*’ после гласной. Переходы **n’*> *j*; **ni* > *ji* внутри корней, ср. **pani* > **paji* > *pàj* ‘вода’, **xaning* > *xajìng* ‘колодец’, **dinilo* > **dijilo* > *dilò* ‘глупый’, свойственны всем северновлашским говорам (ср., например, лов. *pajì*, *xajìng*, *dilò*). Внутри корней ничто не способствовало откату этого изменения (поэтому нет ***xanìng*), ср. также **dinàm* > *d’àm* ‘мы дали’ (хотя 3.мн. *dinè*).

(в) в парадигме глаголов

В ограниченном кругу случаев можно усматривать чередование /*v*/ : /*j*/:

diľàvo	‘дурей!’	:	*diľàjlo*	(перф.) ‘сдурел’

Однако экономнее считать это нерегулярной меной основы (см. 2.5.5б).

⌛ Возможно, в древности переход **-au̯i-* > *-ai̯i-*; **-au̯i̯-* > *-ai̯-* был регулярным, ср., например, **ćhau̯i* > **ćhai̯i* > *śèj* ‘дочь’ (он также, вероятно, был в истории слова *s’à* ‘всё’). Если так, то все случаи наличия /*v*’/ в таких контекстах (*savì* ‘которая’, *nevì* ‘новая’, *nev’òl* ‘обновляется’ и т. д.) объясняются только аналогическим восстановлением. Что касается йотации **u̯* (= *v*?) после согласного, то в таких условиях йот, возможно, падал, ср. *asvìn* ‘слеза’ (*-n*, вероятно, по́зднее), мн. *asvà* (не ***asv’à*).

(г) в словообразовании

В производных с разными суффиксами — I пласта:

šukò	‘сухой’	:	*šutimòs*	‘сухость’
nangò	‘голый’	:	*nandimòs*	‘нагота’
sanò	‘тонкий’	:	*sajimòs*	‘тонкость’

Смягчение женских форм прилагательных (см. выше) проявляется перед уменьшительным суффиксом:

šukořò	‘сухонький’	:	*šuťořỳ*	(ж.)
nangořò	‘голенький’	:	*nanďořỳ*	
sanořò	‘тоненький’	:	*sajořỳ*	

Эти уменьшительные учитывают переменные признаки числа и рода своих производящих и находятся между словоизменением и словообразованием (см. 3.4.4.9, 3.6.5.7), ср. также от существительных: *màkh* ‘муха’, *makhořỳ* ‘мушка’, но мн. *maćà*, *maćořà* (уменьшительный суффикс присоединяется к форме нужного числа).

В глаголах разных типов:

šukò	ʻсухой’	:	*šuťòl*	ʻсохнет’
nangò	ʻголый’	:	*nanďòl*	ʻобнажается’
sanò	ʻтонкий’	:	*sajòl*	ʻутончается’
kašukò	ʻглухой’	:	*kašutìl*	ʻглохнет’
bangò	ʻкривой’	:	*banďarəl*	ʻискривляет’
pekəl	ʻпечёт’	:	*pèťol*	ʻпечётся’
makhəl	ʻмажет’	:	*màćol*	ʻмажется’
			màćilo	(перф.) ʻизмазался’

Чередование /*v*/ : /*j*/ в отглагольных производных мы считаем не смягчением, а нерегулярной меной основ (см. 2.5.5б).

В словообразовании II пласта качественное смягчение выявляется лишь в исключительных случаях, но ср. варианты глагола с разными заполнителями: *strangòl* ʻвыжимать, доить’ и *strandìl* ʻтж.’.

⌛ Таких случаев, кажется, больше нет, но ср. глагол *řudìl* ʻмолить’ (рум. *rugá*), где произошёл переход **g’ > d’*, а также *ampətil* ʻмирить’ (рум. *împăcá*), **k’ > ť*, однако за неимением примеров с этими основами перед непередним гласным синхронно тут чередования нет.

2.5.2.1.3. Переходное смягчение

Только во II пласте (а также в нескольких гибридных образованиях). В переходном смягчении можно усмотреть отдельную морфонологическую подсистему, параллельную действующей в I пласте. Чередуются фонемы:

чередование с	аффрикатами:	фрикативными:	йотом:
мягкими:	/*k*/ : /*ć*/	/*g*/ : /*ź*/	/*n*/ : /*j*/
твёрдыми:	/*t*/ : /*c*/	/*d*/ : /*z*/	
	(/*ť*/ : /*c*/)	(/*z*/ : /*ž*/)	

Как видно, глухие смычные чередуются с аффрикатами, а звонкие — с фрикативными. Переходное смягчение происходит перед окончаниями в некоторых типах существительных, прилагательных II пласта, а также глаголах II пласта:

(а) в парадигме существительных

В формах прям.мн. существительных — перед окончаниями *-i*/*-y* и *-’a*:

vortàko	ʻтоварищ’	:	мн.	*vortàća*
kovrìgo	ʻбублик’	:		*kovrìźa*
ampəràto	ʻцарь’	:		*ampəràcy*
ćokàno	ʻмолоток’	:		*ćokàja*
fùrka	ʻвилка’	:		*fùrći*
dùnga	ʻдуга’	:		*dùnźi*
nùnta	ʻсвадьба’	:		*nùncy*
oglìnda	ʻзеркало’	:		*oglìnzy*

Единственный пример чередования /*ť*/ : /*c*/:

pàrťa	ʻчасть’	:	*pàrcy*

В одном типе — перед *-e* в звательной форме (только /*k*/ : /*ć*/):

vortàko	‘товарищ’	:	зват. *vortàće*

Перед *-E* другие согласные не подвергаются переходному смягчению, ср. *ampəràto* ‘царь’, зват. *ampəràte* (тривиальное смягчение; на прочие согласные примеров нет). Однако в косв.мн. могут выступать согласные с переходным смягчением — в мужском роде как вариант:

vortàko	‘товарищ’	:	косв.мн.	*vortàćèn*	~ *vortakonèn*
ampəràto	‘царь’	:		*ampəracə̀n*	~ *ampəratonèn*

А в женском роде — как единственная форма:

fùrka	‘вилка’	:	косв.мн.	*furćèn*
nùnta	‘свадьба’	:		*nuncə̀n*
oglìnda	‘зеркало’	:		*oglinzə̀n*

Как видно, в формах зват. *ampəràte* ‘царь!’ и, например, косв.мн. *ampəracə̀n* имеем разные смягчения.

Ряд существительных женского рода на *-ka*, *-ga* даёт тривиальное смягчение, ср. *khəlitòrka* ‘танцовщица’, прям.мн. *khəlitòrki*, косв. *khəlitorkèn*.

(б) в парадигме прилагательных

Те же морфологические позиции, что и у существительных:

vr’àniko	‘проворный’	:	мн.	*vr’ànići*
lùngo	‘длинный’	:		*lùnźi*
turbàto	‘бешеный’	:		*turbàcy*
zə̀leno	‘зелёный’	:		*zə̀leja*

(в) в словообразовании

Перед суффиксами на *-i-*/*-y-*

vortàko	‘товарищ’	:	*vortəćìja*	‘товарищество’
ampəràto	‘царь’	:	*ampəracỳcko*	‘царский’

Однако *řàta* ‘колесо’, *řətìca* ‘колёсико’ (не ***řəcỳca*).

Неоднозначная ситуация перед заполнителями *-i-*/*-y-*, *-o-*:

tun’àriko	‘тёмный’	:	*tunerićìl*	‘темнеет’
turbàto	‘бешеный’	:	*turbəcỳl*	‘бесит’
ìto	‘острый’	:	*icòl*	‘перчит’

Однако ср. *gỳndo* ‘мысль’ и *gyndìl* ‘думать’ и мн. др. с тривиальным смягчением.

Примеров чередования /*z*/ : /*ž*/ — очень мало:

nəkàzo	‘горе’	:	*nəkəžỳl*	‘страдать’
prikàza	‘несчастье’	:	*prikəžymè*	‘несчастный’ (пейор.)

Ниже этим чередованиям будет дано морфонологическое толкование, причём отдельно будут рассмотрены смягчение перед *-E*, перед *-I* и йотация.

2.5.2.2. Смягчение перед *-E*

Согласно правилам сочетаемости фонем, перед /*e*/ могут стоять только мягкие согласные, а перед /*ə*/ — только твёрдые (см. 1.2.5, 2.5.1.1), однако взаимодействие согласных

морфонем и морфонем *E* и *Ə* более сложно: сама твёрдость или мягкость согласного зависит от ряда факторов (в т. ч. от пласта).

Выпишем весь набор встречаемых сочетаний согласный + *-E* на морфемных стыках с учётом разных смягчений:

		без смягчения	тривиальное	качественное	переходное
ŠE ŽE ŘE	⇨	*šə žə řə*			
KHE	⇨	*khə*			
THE	⇨			(*će*)	
SE ZE	⇨	*sə zə*			
		I пласт:	II пласт:		
KE	⇨	*kə*	*kʲe*		*će*
GE	⇨	*gə*	*gʲe*		*źe*
XE	⇨	*xə*	*xʲe*		
RE	⇨	*rə*	*rʲe*		
TE	⇨		*tʲe*		*cə*
DE	⇨		*dʲe*		*zə*
PE BE VE	⇨		*pʲe bʲe vʲe*		
LE NE ME	⇨		*lʲe nʲe mʲe*		
ĆE ŚE ŹE JE	⇨	*će śe źe je*			

Как видно, для части согласных имеется различие между пластами (это касается прежде всего морфемных стыков); так, сочетания /*kʲe*/, /*gʲe*/, /*rʲe*/, /*xʲe*/ возможны лишь во II пласте. Эти согласные имеют мягкие пары, т. е. смягчения и чередование /*e*/ : /*ə*/ — явно нефонологические, ср. формы косв.мн. (во всех примерах морфонологическая форма окончания — *-EN*):

I пласт:	*jag|ən*	ʻогни’	II пласт:	*mədu/gʲ/|èn*	ʻкостные мозги’
	kak|ən	ʻдядьёв’		*puš/kʲ/|èn*	ʻружья’
	šax|ən	ʻкапусты’		*burni/xʲ/|èn*	ʻгорсти’
	ćor|ən	ʻворов’		*mu/rʲ/|èn*	ʻягоды’

⌛ У гыркуря (возможно, только у рода бедóни) перед *e* смягчается и *r*, т. е. **re* > *rʲe* (ср. характерное гырк. *sò kərès?* ʻчто делаешь?’), тогда как у остальных кэлдэрар (в т. ч. молдовая) **re* > *rə* (см. 0.6.1).

Остальные согласные перед *-E* и, соответственно, сама морфонема *E* ведут себя одинаково независимо от пласта. Два согласных: /*s*/, /*z*/, имеющие редкие мягкие пары, на стыках перед *E* не смягчаются (косв.мн.):

I пласт:	*des|ən*	ʻдни’	II пласт:		
	boz|ən	ʻхворост’		*ləz|ən*	ʻсундуки’

Во II пласте *S* перед *E* на морфемном стыке маргинально (единственное подходящее слово *tisʲ* ʻкарман на фартуке’ считается иноговорным и, кажется, не имеет известных косвенных форм), а /*zə*/ всегда является результатом действия переходного смягчения, т. е. *D”E* (см. 2.5.2.4).

В прочих случаях речь идёт о непарных согласных, ср. после непарных мягкого и твёрдого согласных — чередуется только гласный: *ćać\|èn* ʻправдивых’ : *vuž\|ən* ʻчистых’. Это не зависит от пласта, ср. непарные твёрдые: косв.мн. *bərš\|ən* ʻгоды’ (I пласт), *poš\|ən* ʻплатки’ (II пласт).

Морфонологически во всех случаях несмягчения будем считать, что *Е* ⇨ *Ə*.

Имеется один суффикс на морфонему *Ə*, ср. после непарных: *pořəšťàn* ‘цыган из рода поррони’ (косв.мн.), *ćićešťàn* ‘цыган из рода чичёни’. В этом суффиксе *-əšť-/-ešť-* мы пишем именно *Ə*, а не *Е*, в связи с его реализацией после парных согласных, ср. *səvuləšťàn* ‘цыган из рода сэвулони’ (косв.мн.), а не **/*səvuľešťàn*/. Таким образом, в слове *ćićešťàn* налицо *Ə* ⇨ *Е*.

2.5.2.3. Смягчение перед *-I*

Перед морфемами на *I* имеем несколько иное распределение, нежели перед морфемами на *Е* (больше смягчений, колебаний и случаев дополнительного распределения, о чём см. ниже):

		без смягчения	тривиальное	качественное	переходное
ŠI ŽI RI	⇨	*šy žy řy*			
SI	⇨	*sy*			II пласт:
ZI	⇨	*zy*			(*žy*)
			II пласт:	I пласт:	
KI	⇨		*k’i*	*k’i* ~ *t’i*	*ći*
GI	⇨	I пласт:	*g’i*	*g’i* ~ *d’i*	*źi*
XI	⇨	*xy*	(*x’i*)		
NI	⇨		*n’i*	*n’i* ~ *ji*	
VI	⇨		*v’i*	*v’i* (~ *ji*)	
TI	⇨		*ť’i*		*cy*
DI	⇨		*ď’i*		*zy*
RI	⇨		*r’i*		
PI BI LI MI	⇨		*p’i b’i l’i m’i*		
ĆI ŚI ŹI JI	⇨	*ći śi źi ji*			

Итак, перед передними гласными часть смягчений (и их отсутствие) — общие для обоих пластов, а часть — нет. Но и в пределах одного пласта наблюдаются сложные различия. Тривиальное и качественное смягчение перед морфонемой *-I* позиционно: само наличие *I* в морфонологической записи достаточно для действия смягчения на предшествующий согласный. Выпишем в обобщённом виде только качественные смягчения (без учёта оговорок и колебаний, о которых см. 2.5.2.1.2):

KI ⇨ *ť’i*; *GI* ⇨ *ď’i*; *KHI* ⇨ *ći*

Перед *I* на морфемном стыке морфонемы *S* и *Z* редки. В немногих имеющихся примерах они не смягчаются в именах, ср. *tisỳ* ‘карман на фартуке’ (слово считается чужим), *tŕàzo* ‘трезвый’ → *tŕàzymòs* ‘трезвость’ (при *kalimòs* ‘чернота’), а в глаголах возможны колебания, ср. *firìzo* ‘пила’ → *firizỳl* ~ *firizìl* ‘пилит’. Смягчение типично для глаголов, адаптируемых во II пласт из III, ср. *кóсит* → *kosìl* (см. 3.11.12).

Переходное смягчение свойственно только II пласту и всегда непозиционно. Для его предсказания (т. е. для «имитации» морфонологической позиции) мы везде вводим морфонему *’’* (см. 2.5.2.4). В её отсутствие во II пласте имеет место только тривиальное смягчение, ср. *řusàjka*, мн. *řusàj*/*k’*/*i* (но есть исключение, см. 2.5.2.1.2а), хотя в этой позиции в I пласте — качественное смягчение (колеблющееся с тривиальным в словоизменении).

Покажем это тройственное поведение на примерах с основами, исходящими на *-k*, *-g* перед окончанием:

I пласт:	*šuk|ò*	‘сухой’	:	ж.	*šu/ť/ì ~ šu/k’/ì*
	phag|ò	‘сломанный’	:		*pha/ď/ì ~ pha/g’/ì*
II пласт:	*fùrk|a*	‘вилка’	:	мн.	*fùrći*
	virìg|a	‘перстень’	:		*virìźi*
	řusàjk|a	‘русская’	:	мн.	*řusàj/k’/i*
	mədùg|a	‘костный мозг’			*mədù/g’/i* (один пример)

Для морфонологического толкования этой ситуации мы прибегаем к морфонеме *’* в I пласте и к морфонеме *”* во II пласте (см. 2.5.2.4), сохраняя таким образом за чередованием K : K’ позиционность. При этом, однако, перед суффиксами происходит качественное смягчение, ср. *tàng* ‘узкий’ → *tandimòs* ‘узость’ (здесь нет апострофов), поэтому данное выше правило позиционного качественного смягчения требует ограничения «только перед суффиксами».

Внутри морфем сочетания */k’i/*, */g’i/* встречаются только в корнях (только в словах, адаптированных из III пласта, ср. *gitàra* ‘гитара’), в одном суффиксе, ср. *poľaćkìn̓a* ‘русская цыганка’, и в некоторых личных именах, в т. ч. в нечленимом (?) уменьшительном *Dojkìca* (из песни).

Сложнее положение со смягчением *N*. Качественное и переходное смягчения дают один и тот же результат */j/*. Может быть, их и не следует разграничивать, но мы пошли на это, ибо они по-разному проявляются в словообразовании.

В I пласте качественное смягчение (с колебанием к тривиальному) можно считать регулярным (с исключениями). Оно свойственно только формам женского рода, ср. *sanò* ‘тонкий’, ж.ед. *sajì ~ sanì* : косв. *sajà ~ san̓à* (см. 2.5.2.1.2б). Оно происходит только после гласной, ср. *řomnì* ‘цыганка’, мн. *řomn̓à* (***řomjì*, ***řomjà*). Исключения — в двух причастиях только тривиальное: *linò* ‘взятый’, ж. *linì* (***lijì*; от *lèl* ‘брать’); *dinò* ‘данный’, ж. *dinì* (***dijì*; от *dèl* ‘давать’), ср. *dinì bulè* ‘fututa’. При этом причастия глаголов на *-del* допускают переход в */j/* (но чаще */n’/*), ср. ж.ед. *vazdinì ~ vazdijì* (от *vàzdel* ‘поднимать, строить’), *śudinì ~ śudijì* (от *śùdel* ‘бросать’) и др. подобные, а также *ćordanò* ‘краденый’ (прилагательное, употребляемое как причастие к глаголу *ćoràl* ‘красть’), ж. *ćordanì ~ ćordajì*.

Во II пласте качественное смягчение *N* ⇨ */j/* мы считаем непозиционным, т. е. вызываемым только морфонемой *”* (о чём см. 2.5.2.4).

2.5.2.4. Йотация, смягчающие наращения и словообразование

Как уже было показано (см. 2.5.2.1), во многих случаях наблюдаются смягчения, фонологически оказывающиеся перед непередними гласными, т. е. непозиционные, ср. *p’àv* ‘пью’ (ср. */p’ì/* ‘пей’), *maťòl* ‘пьянеет’ (ср. */maťì/* ‘пьяная’).

Мы вводим особые морфонемы *’* и *”* для обозначения непозиционных смягчений — таким образом мы изображаем **йотацию**. Часто йотацию имеет смысл вводить в суффиксы, ср.: *-’AR* : *tàng* ‘узкий’ → *tand’.ar|əl* ‘сужает’. Здесь апостроф, включённый в суффикс, как бы механически действует на основу.

Одинарный апостроф *’* по действию на согласные почти тождествен морфонеме *I*:

K’ ⇨ *T’*; *G’* ⇨ *D’*; *KH’* ⇨ *Ć*; *N’* ⇨ *J*

Наличие же двойного апострофа *”* в морфонологической записи равносильно констатации переходного чередования:

K” ⇨ *Ć*; *G”* ⇨ *Ź*; *T”* ⇨ *C*; *D”* ⇨ *Z*; *N”* ⇨ *J*

Апострофы бывают необходимы для предсказания смягчений перед суффиксами, которые сами не содержат йотации.

Начнём с I пласта. В словоизменительной парадигме одного и того же слова окончания могут вызывать позиционное смягчение конца основы, ср. перед окончанием женского рода — у существительных (например, от основы *god*-): /*goď*/*ì* ‘ум’; у прилагательных (от основы *mat*-): /*mat*/*ò* : /*maťì* ‘пьяный’ (м. : ж.). Эти окончания (обеспечивающие условия для чередования) диктуются словоизменительным типом (см. 3.1).

Сама по себе эта мягкость — чисто позиционная: окончание смягчает основу просто за счёт соседства двух фонем. Однако ср. в словообразовании: *goďalò* ‘умный’, *maťořỳ* ‘пьяненькая’. Эти слова невозможно получить без учёта мягкости, «уже́» имеющейся в основе. Сами суффиксы *-al-* и *-oř-* — не смягчающие (ср. *bàxt* ‘счастье’ → *baxtalò* ‘счастливый’; *matò* → *matořò* ‘пьяненький’). Эту мягкость необходимо включить в основу (в данном случае женского рода). Её мы обозначим апострофом *’* и будем считать наращением основы, так что морфонологическая запись примет вид: *GOD.’*|*I*, *MAT.’*|*I*. Это условность, означающая: в прямой форме женского рода слово имеет смягчённую основу. Поэтому, например, закономерно: *GOD.’.AL*|*O* ⇨ *goďalò*.

⌛ Введение *’* («йотации») в слова типа *godì* ‘ум’ (так же: *butì* ‘работа’, *luludì* ‘цветок’, *šutì* ~ *šukì* ‘сухая’) в нашем случае является морфонологической условностью: ведь от апострофа облик самой заглавной формы не зависит (*-D*|*I*, как и *-D.’*|*I* даёт /*-ď*i/ в любом случае). Однако во многих кэлдэрарских и близких к ним говорах это не так, ср. в кишинёвском: **di* > /*ď*i/ (без йотации), ср. *dilò* ‘глупый’, а **di̯-* > *g̓-* (йотация), ср. *gès* ‘день’ < **di̯es* (где смягчение является рефлексом поглощённого йота), причём в существительных на *-ì* наблюдается именно йотация, ср. *lulugì* ‘цветок’ (кэлд. молд. *luludì*), что, очевидно, связано с унификацией основы по йотированным формам типа мн. *lulug̓à* < **luludi̯à*, так что морфонологически в кишинёвском это именно *LULUD.’*|*I*.

В отличие от I пласта, во II пласте имеют место переходные смягчения, ср. перед окончанием множественного числа — у существительных: *fùrka* : *fùrći* ‘вилка’ (ед. : мн.); *mùto* : *mùcy* ‘немой’ (ед. : мн.). Переходные смягчения непозиционны: сочетание согласного, в принципе подверженного переходному смягчению, и переднего гласного само по себе недостаточно для переходного смягчения, ср. /*glaťì*/*ìca* ‘ребёночек’ (не ***glacỳca*). Более того, они бывают и перед непередними гласными. Так, от *mùto* ‘немой’ образуется глагол *mucòl* ‘неметь’, а не ***mutòl*, что, однако, можно предсказать, зная о наличии у производящего смягчённой основы. Смягчённость во II пласте будем обозначать двойным апострофом *”*, так что морфонологическая запись приведённых форм мн. примет вид *FURK.”*|*I*, *MUT.”*|*I*, из чего будет вытекать, например, *MUT.”.O*|*L* ⇨ *mucòl*.

Отождествлять смягчение с наращением (по крайней мере во II пласте) имеет смысл в т. ч. потому, что в части парадигм смягчение чередуется со вполне сегментным наращением, ср. прям.мн. *MUT.”*|*I* ⇨ *mùc*|*y*, но косв.мн. *MUT.ON*|*E* ⇨ *mut.on*|*è*.

Смягчающее наращение в I пласте всегда стоит в формах женского рода, а во II пласте — в формах множественного числа (это случайный эффект, связанный с распределением смягчающих окончаний по пластам). Итак, некоторые слова (на практике только существительные и прилагательные) имеют по две основы, одна из которых может быть смягчённой — это основа ж.ед. (ср. выше *matò*) или мн. (ср. выше *mùto*); в части случаев смягчённой является основа, предстающая в заглавной форме (ср. выше *godì*), причём это смягчение — не часть окончания, а наращение, т. е. часть основы. Дадим примеры двух основ:

загл. форма (орф.):	*bèng* ‘чёрт’	*godì* ‘ум’	*matò* ‘пьяный’	*sukò* ‘сухой’
1-я основа:	*BENG-*	*GOD.’-*	*MAT-*	*ŠUK-*
2-я основа:	*BENG-*	*GOD.’-*	*MAT.’-*	*ŠUK.’-*

загл. форма (орф.):	*kòto* ‘угол’	*fùrka* ‘вилка’	*vortàko* ‘товарищ’	*mùto* ‘немой’
1-я основа:	*KOT-*	*FURK-*	*VORTAK-*	*MUT-*
2-я основа:	*KOT-*	*FURK.”-*	*VORTAK.”-*	*MUT.”-*

Для дальнейшего необходимо ввести ещё одну морфонему: ¨, означающую, что суффикс присоединяется ко 2-й основе.

Итак, суффиксы могут:

— быть несмягчающими (присоединяться к 1-й основе, в т. ч. уже с ’);

— начинаться на ’ (присоединяться к 1-й основе, всегда смягчать);

— начинаться на ¨ (присоединяться ко 2-й основе).

Примеры на эти три типа суффиксов и получающихся смягчений — только фонологически непозиционных, т. е. вызванных наличием смягчающих морфонем (’, ”, ¨ , а не передних гласных) в суффиксе или основе:

несмягчающий: *-AN-* (прилагательное: признак):

без смягчения:	*řòm*	‘цыган’	→	*řom.an|ò*	‘цыганский’
тривиальное:	*źuv/l’/ì*	‘женщина’	→	*źuvl’.an|ò*	‘женский’

на ’ : *-’U-* (глагол: становление признака):

тривиальное:	*kal|ò*	‘чёрный’	→	*kal’.uv|àv*	‘чернею’
качественное:	*šuk|ò*	‘сухой’	→	*šuť.uv|àv*	‘сохну’

на ¨ : *-¨O-* и *-¨I-* (заполнители, образующие существительные и глаголы):

без смягчения:	*hràm*	‘надпись’	→	*hram.ò|l*	‘пишет’
тривиальное:	*zỳd|a*	‘растрата’	→	*zy/d’/.ì|l*	‘транжирит’
качественное:	*san|ò*	‘тонкий’			
	saj|ì	(ж.)	→	*saj.i.m|òs*	‘тонкость’
переходное:	*kərəmìd|a*	‘кирпич’			
	kərəmìz|y	(мн.)	→	*kərəmiz.ỳ|l*	‘превращает в кирпич’
	ìt|o	‘перчёный’			
	ìc|y	(мн.)	→	*ic.ò|l*	‘перчит’

Здесь мы не учли случаев недействия йотации на несмягчающиеся согласные, ср. *tasuvàv* ‘тону’, *phabuvàv* ‘горю’ (с суффиксом *-’U-*). Для них нужно ввести правило удаления апострофа: *S’* ⇨ *S-*; *B’* ⇨ *B-* (только в I пласте).

Введение нами морфонемы ¨ предсказывает переходное смягчение в некоторых производных от второй, т. е. смягчённой, основы, однако общее число примеров в нашем распоряжении малó. Более того, для основ на *N* оно действует слабо. Имеем подтверждения: *ćokàno* ‘молоток’, мн. *ćokàja* (II пласт, переходное) → *ćokəjìl* ‘ковать’; *bařunò* ‘каменный’, ж. *bařujì* (~ *bařunì*; I пласт, качественное с закономерным колебанием к тривиальному) → *bařujìl* ‘каменеть’; глаголы же от прочих прилагательных с *-j-* во мн. нарушают правило: *cəpənòl* ‘цепенеть’, *zəlenìl* ‘зеленеть’, *gəlbenìl* ‘желтеть’, а также в глаголах II пласта с корнями I пласта: *khandinìl* ‘провонять’, ср. ещё перф. *tidinisàjlo* ‘собрался; сжался’. Нет йотации и в слове *dušmənìja* ‘вражда’, при *dušmàno* ‘враг’, мн. *dušmàja*.

Одинарный апостроф ’ может быть не только частью суффикса или наращением основы, но также и частью окончания в некоторых словоизменительных типах, ср. *phàl* ‘доска’, мн. *phaľà* (т. е. *PHAL|’A*).

Двойной апостроф ” никогда не входит в аффиксы (окончания и суффиксы), но может входить в основу мн. некоторых типов имён II пласта наравне с другими наращениями: *-UR-* (ср. прям.мн. *n’àm.ur|’a* ‘родственники’), *-ON-* (ср. косв.мн. *n’am.on|èn* ‘родственников’, вариант).

2.5.3. Чередования в группах согласный + согласный

Эти чередования приводят к устранению некоторых групп согласных, в той или иной степени запрещённых на морфемных стыках.

2.5.3.1. Изменения согласных перед *-L*

На стыке морфем иногда нарушается фонематическое единство конца основ на зубные *-T*, *-D*: *xutèl* ‘прыгать’, но перф.3.ед. *xuklò* (обычно *xutilò*); *phàndel* ‘привязывает’, но прич. *phanglò* ‘привязанный’. Эти чередования встречаются в глаголах, а также в отглагольном словообразовании:

-T.L- ⇨ */-kl-/*	*XUT.L|O*	⇨	*xuklò*	‘прыгнул’ (вариант)
-D.L- ⇨ */-gl-/*	*PHAND.L|O*	⇨	*phanglò*	‘связанный’
	ŚA.D.L.I.M|OS	⇨	*śaglimòs*	‘блевание’

Вне морфемного стыка (по крайней мере с мягким /*l’*/) ср. *kotl’àri* ‘котляр’.

⌛ Это, видимо, западнорумынский звукопереход, подействовавший и на слова I пласта. Он виден также в румынизме *kokl’.àv|ol* ‘окисляться’ (оформленном как глагол I пласта, может быть, вм. **kokl’àl*?) ← рум. *coclí* ‘тж.’ (вост.-рум. *cotlí*) ← слав. **kotliti*. Это значит, что слово *kotl’àri* ‘котляр’ заимствовано уже после Баната, т. е., возможно, из восточнорумынских говоров или прямо из украинского (см. 0.3.1).

2.5.3.2. Изменения согласных перед *-N*

Перед некоторыми суффиксами на *-n* происходит уподобление конца основы началу суффикса:

-V.N- ⇨ */-mn-/*	*GURUV.N|I*	⇨	*gurumnì*	‘корова’	(ср. *gurùv* ‘бык’)
	XOXAV.N|O	⇨	*xoxamnò*	‘врун’	(ср. *xoxavèl* ‘лгать’)

Это чередование встречается всего в нескольких словах, но в какой-то мере живо (т. е. является почти фонологическим): носители при тщательном произнесении могут настаивать на форме /*guruvn’ì*/, но при нормальном темпе произносят только /*gurumn’ì*/. Это может проявляться даже в таких заимствованиях, как /*sadòmn’iko*/ ‘садовник’. При этом есть исключение: *ruvnì* ‘волчица’ при *rùv* ‘волк’ (судя по всему, совершенно невозможна форма ***rumnì*).

Имеется также слово *phugnì* ~ *phumnì* ~ *phuvnì* ‘болячка’ (неясно, какую из этих форм считать основной) — с нерегулярным колебанием.

2.5.4. Чередования в группах гласный + гласный

На морфонологическом уровне нередко рядом оказываются две гласные морфонемы (подряд или же разделённые йотом, т. е. морфонемой *J*). Поскольку фонологических зияний не бывает, то в таких случаях наблюдаются явления, которые можно трактовать как эпентезу (см. 2.5.4.1) или стяжение двух морфонологических («глубинных») слогов в один фонологический (см. 2.5.4.2). Часть этих явлений регулярна, а часть носит частный характер, не выходя за рамки определённых словоизменительных и словообразовательных типов или их частей. Стяжения гласных, разделённых йотом, встречаются только в отдельных формах (см. 2.5.4.3).

Кроме того, имеются различные отпадения и иные чередования, касающиеся сочетаний предлогов, исходящих на гласные, с определённым артиклем (м. *o*, ж. *ə*; здесь мы их не рассматриваем, см. 3.5.2).

2.5.4.1. Вставка согласного (эпентеза)

Эпентезу мы усматриваем только в одном ряде случаев: перед окончаниями на *-a-* инфекта глаголов типа гн-’U:’UL, ср. императив (= основа инфекта) *tasù* ‘тони’, однако 1.ед. *tasuvàv* ‘тону’, 1.мн. *tasuvàs* ‘тонем’ (наряду с вариантом *tasòs*, см. 3.11.3.4.5). Эта вставка — позиционная, поэтому можно написать правило: *-U|A-* ⇨ *-uva-*.

2.5.4.2. Стяжение двух гласных подряд

В прочих случаях при переходе к фонологическому уровню получается один слог. Общая схема стяжений двух гласных подряд такова:

1-й:	2-й: *-A*	*-E*
I-	/’a/	/e/
E-	/a/	/e/
U-	[эпентеза]	/o/

В результате имеем чередования на морфемных стыках:

(а) *I* + гласный

В глаголах с инфектной основой на *-i* этот гласный падает перед гласными окончаниями, оставляя след в мягкости согласного (йотации), ср. *pì* ‘пей’, но *p’àv* ‘пью’, что можно изобразить так: *PI|AV* ⇨ */p’àv/*. Такая трактовка нужна в данном случае для снятия чередования основы */p’i-/ ~ /p’-/* (ср. также *ankl’àv* ‘выхожу’, имп. *anklì*, см. 3.11.3.4.3) и позволяет добиться строгости при классификации спряжений. То же самое перед *-E-* в формах типа 3.ед. *PI|EL* ⇨ */p’èl/ pèl* ‘пьёт’ (здесь апостроф теряет смысл перед передним гласным).

(б) *E* + гласный

В глаголах с инфектной основой на *-e* этот гласный бесследно падает перед гласными окончаниями, ср. *dè* ‘дай’, но *dàv* ‘даю’, что можно изобразить так: *DE|AV* ⇨ */dàv/*. К этому искусственному правилу мы прибегаем ради прозрачности описания спряжений (ср. также *pràstav* ‘бегаю’, имп. *pràste*, см. 3.11.3.4.2). То же самое имеем и перед *-E-* в формах типа 3.ед. *DE|EL* ⇨ *dèl* ‘даёт’.

(в) *U* + гласный

Как уже сказано, *-U|A-* ⇨ *-uva-* (эпентеза, см. 2.5.4.2).

Сочетание же *-U|E-* стягивается в *-o-*, ср. *tasuvàv* ‘тону’, но *tasòs* (*-U|ES* ⇨ */-os/*) ‘тонешь’, что приводит к непростой парадигме глаголов типа гн-’U:’UL (см. 3.11.3.4.5).

2.5.4.3. Стяжение двух гласных, разделённых йотом

Имеются случаи стяжения двух гласных, между которыми стоит *J*. Общая схема:

1-й + йот:	2-й: *-A*	*-E*
EJ-	/’a/	
AJ-	/a/	/a/
UJ-		/o/

К первому ряду относятся два неправильных слова: *phèj* ‘сестра’, косв. *ph’à*; *śèj* ‘дочь’, косв. *śà*. Как видим, ситуация сравнима со случаями типа *PI|AV* ⇨ */p’àv/* ‘пью’, т. е. возни-

кает йотация вместо переднего гласного с йотом (в форме *śà* йотация никак не проявляется после непарного мягкого *ś-*). В парадигмах этих слов есть и формы прям.мн. *phejà*, *śejà*. В слове *dèj* ‘мать’, косв. *dà* (а не ***ďà*), как видно, йотации нет (см. ниже).

То же стяжение обнаруживаем в звательных формах существительных и прилагательных на *-ò* (см. 3.4.3.4), ср. *dilò* ‘дурак’ : зват. *diľà* (редко *dilèja*), хотя (после непарных твёрдых) *ćořò* : зват. только *ćořàja* ‘бедняк; злой’, но (после парных согласных, не смягчающихся перед *-E*, см. 2.5.2.2) колебание: *phurò* ‘старик’, зват. *phur'à* ~ *phuràja*. Таким образом, это стяжение зависит от смягчения согласного (нет зват. ***ćořà*).

⏳ Надо полагать, что это относительно недавнее стяжение прошло через стадию дифтонга **e͡a*. По-видимому, оно было фонетическим и затронуло слова: *s'à* ‘всё’, *kaďà* ‘эта; так’, возможно, также *inťà* ‘туда’ (из румынского). Судя по его отсутствию после непарных твёрдых, оно случилось после возникновения фонемы /ə/. Слова́ *śèj* ‘дочь’ и *dèj* ‘мать’ сюда не относятся (в них стяжение намного древне́е, см. след.).

Ко второму ряду относятся стяжения в словах на *-aj* мужского рода I пласта; для разных слов оно в разной степени факультативно (всего таких слов 6; см. 3.4.3.1 и 3.4.3.2), ср. *ràj* ‘[нецыганский] начальник’, косв. *ràs* (*RAJ|ES*); *rašàj* ‘поп’, мн. *rašà* (*RAŠAJ|A*).

⏳ Исторически это общецыганское стяжение **-aa̯ja-*, **-aa̯je-* > *-a-*. Оно произошло в своё время в косвенных формах слов *dèj* ‘мать’ (< **daji* < **da*?*i*), косв. *dà*, и *śèj* ‘дочь’ (< **ćhaji* < **ćhaa̯ui*), косв. *śà* (см. 3.4.3.22).

К третьему ряду относятся неправильные формы двух слов: *mùj* ‘рот; лицо’, косв. *mòs* (*MUJ|ES*); *dùj* ‘2’, косв. *dòn* (*DUJ|EN*). В слове *mùj* это чередование не действует на мн. число: косв.мн. *mujèn*. Больше нигде оно не представлено (у молодёжи оно факультативно, поэтому встречаются формы типа *mujès*, *dujèn*).

⏳ Исторически это общецыганское стяжение **-ua̯je-* > *-o-*.

Сочетание *-IJA-* не стягивается. В I пласте мы нигде его не усматриваем, но ср. во II пласте: *mènćija* ‘мяч’, *birbijàri*ˈ ‘парикмахер’.

2.5.5. Нерегулярные формы основ

Часть слов имеет две основы (со смягчением или без), определяемые словоизменительным типом (см. 2.5.2.4). Однако есть слова, вступающие в словообразование с нерегулярным алломорфом основы. Часть таких случаев поддаётся обобщению, а прочие оговариваются специально в списках слов. Выделяются несколько типов нерегулярных основ по их отношению к основному алломорфу:

(а) усечение

В ряде случаев при присоединении аффиксов происходит усечение конца основы. В словоизменении это касается нескольких изолированных существительных (см. 3.4.3.22):

karfìn	‘гвоздь’	:	мн. *karf'|à*
gàlbən|o	‘золотая монета’	:	мн. *gàlb|i*

В словообразовании:

xoraxàj	‘мусульманин’	→	*xorax.n|ì*	‘мусульманка’ (см. 3.4.4.3)

Особая ситуация перед глагольными суффиксами *-'AVO-* и *-'AR-*: в обычных случаях эти суффиксы — смягчающие, однако мягкость не проявляется у неодносложных основ прилагательных, причём усекается их последний слог (см. 3.11.11.4):

barval|ò	‘богатый’	→	*barv.àvo|l*	‘богатеть’
šukàr	‘прекрасный’	→	*šuk.ar|əl*	‘украшать’

(б) неожиданное качественное смягчение

У глаголов типов гн-AVO:AJL и гн-II суффикс *-'av(o)-* чередуется с *-'aj.l-*:

diľàvo	ʻдурей!ʼ	:	*diľàjlo*	ʻсдурелʼ
ansurisàvo	ʻженись!ʼ	:	*ansurisàjlo*	ʻженилсяʼ

Это чередование можно толковать как *AV'UL* ⇨ *AJUL* ⇨ *AJIL* ⇨ *AJL* (с синкопой), однако, поскольку оно свойственно только одной комбинации морфем, экономнее считать *diľaj-*, *ansurisaj-* морфонологически нерегулярными формами перфектной основы, присущей только глаголам этих типов.

Чередование /*v*/ : /*j*/ в отглагольных производных от глаголов типа га-AV:AD:

xoxavèl ʻлжётʼ : *xoxajimòs* ʻложьʼ

А также факультативно от двух неправильных глаголов:

sovèl ʻспатьʼ	:	*sojimòs* ~ *sovimòs*	ʻспаньёʼ
		sojindòj ~ *sovindòj*	ʻсонноʼ («деепричастие»)

Так же *rovèl* ʻплакатьʼ. Все немногочисленные случаи чередования /*v*/ : /*j*/ мы считаем не смягчением, а нерегулярной меной основ.

(в) неожиданное переходное смягчение

В словоизменении во мн. производных на *-m|òs*, наряду с обычным *-m|àta*, встречается *-m|àcy* (см. 3.4.4.10):

tərnimòs ʻюность; юношаʼ : мн. *tərnimàta ~ tərnimàcy* ʻюношиʼ

По меньшей мере одно прилагательное I пласта перед заполнителем показывает переходное смягчение и редукцию с колебанием *-ə- ~ -e-* на месте *-a-*:

ivànd, *ivandò* ʻвлажныйʼ → *ivenzỳl ~ ivənzỳl* ʻсыретьʼ

Очевидно, вариант *ivànd* (без окончания, см. 3.6.4.2) выглядит как относящийся ко II пласту за счёт наосновного ударения в прямой форме (как будто ***ivàndo*).

(г) неожиданная твёрдость

Заполнитель *-o-* не терпит перед собой мягких парных согласных:

v'àsťa	ʻслава, весть'	→ *vestòl* ʻобъявлять' (ср. *vestìl* ʻтж.')
kľàšťo	ʻклещи'	→ *kľaštòl* ʻкоченеть'
karfìn	ʻгвоздь'	
мн. *karf'à*		→ *karfòl* ʻпригвоздить'

Поскольку больше подобных случаев нет, не имеет смысла искать здесь правила, а алломорфы /*vest-*/ и /*karf-*/ с твёрдостью можно считать нерегулярными (само слово *karfìn* ʻгвоздьʼ нерегулярно).

(д) неожиданное чередование гласных

Безударная фонема /*o*/ нередко в какой-то степени фонетически нейтрализуется с /*u*/ (см. 1.2.6), хотя обычно при скандировании хорошо слышно /*o*/. Однако в одном случае вместо ожидаемого /*o*/ имеем явное /*u*/, чётко осознаваемое как таковое носителями:

zòr	ʻсилаʼ	→ *zuralò*	ʻсильный, здоровыйʼ
		→ *zuràvol*	ʻкрепнетʼ

В производных от одной основы — /ə/ перед суффиксами, не вызывающими редукции:

tatàř|o ʻтатарин, мусульманинʼ → *tətəř.ỳck|o* ʻтатарский и т. д.ʼ (см. 3.6.5.11)
→ *tətəř.àjk|a* ʻтатарка и т. д.ʼ (см. 3.4.4.19)

Нерегулярное чередование /*a*/ : /*e*/:

moldovàn|o ʻмолдаванинʼ → *moldoven.ìck|o* ʻмолдавскийʼ (см. 3.6.5.11)

Трудность представляют случаи наличия /*i*/ вместо ожидаемого /*ə*/ перед следующим слогом с *-i-* — несколько примеров на чередование /*a*/ : /*i*/:

bàrb|a	ʻбородаʼ	→ *birbìja*	ʻдвойной подбородокʼ	
		→ *birbijàri*ˈ	ʻпарикмахерʼ	
divàno ʻразговорʼ		→ *divinìl*	ʻразговаривать’	(~ *divənìl*, редко)

На фонологическом уровне здесь можно усматривать нерегулярное полное неразличение /*e*/ ~ /*i*/ (см. 1.2.6). Если так, то в рамках морфонологии это можно свести к нерегулярному колебанию *ə* ~ *E* (встречающемуся во многих словах II пласта, ср. *krəćùno* ~ *krećùno* ʻРождествоʼ); тогда /*divinìl*/ — это *DIVENI-* (вм. *DIVƏNI-*).

(e) прочие нерегулярности

Усечение конца основы и выпадение первого гласного суффикса (*-ićos-*):

vỳnət|o	ʻсинийʼ	→ *vynə.ćòs|o*	ʻсиневатыйʼ	(см. 3.6.5.10)

Отпадение конечного согласного и озвончение:

gràst	ʻконьʼ	→ *graz.n|ì*	ʻкобылаʼ	(см. 3.4.4.3)

Совсем нерегулярная основа перед суффиксами:

śèj	ʻдочьʼ	→ *śov.oř|ỳ*	ʻдевочкаʼ	(см. 3.4.4.9)
phabàj	ʻяблокоʼ	→ *phabel.ìn*	ʻяблоняʼ	(см. 3.4.4.6)

Нерегулярные упрощения сочетаний происходят на стыках основ в сложных прилагательных:

kan ʻухоʼ + *šukò* ʻсухойʼ → *ka.šuk\|ò* ʻглухойʼ (см. 3.6.5.1)

Нерегулярными также можно считать различные стяжения, однако они подчиняются частным правилам и рассмотрены отдельно (см. 2.5.4.3).

2.6. Чередования в широкой словоформе

Чередоваться может первая фонема энклитики или последняя фонема перед энклитикой. Несомненно морфонологическим можно назвать только чередование в первом согласном падежных клитик. Остальные случаи мы здесь затронем кратко, с отсылками на подробные описания.

2.6.1. Чередование начала падежных клитик

Особое чередование происходит в начале падежных энклитик на *K-* и *T-*: после *-N* окончания они реализуются звонкими фонемами, а в прочих случаях — глухими, ср.:

L|A-KE	⇨	*là-kə*	ʻеёʼ
TU-TE	⇨	*tù-te*	ʻу тебяʼ
ŘOM|ES-TAR	⇨	*řomès-tar*	ʻчем цыганʼ

но	*ŘOM|EN-KE*	⇨	*řomèn-gə*	‘цыганам’
	MAN-TE	⇨	*màn-de*	‘у меня’
	TUM|EN-TAR	⇨	*tumèn-dar*	‘от вас’

Озвончение имеется (факультативно) в частице *phèn-kə* ~ *phèn-gə* ‘мол’.

Перед другими (т. е. присоединяющимися к глаголам) энклитиками этого не происходит, ср. *phèn-ta* ‘скажи-ка’, *źàn-tar* ‘уходят’, *marȁn-tume* ‘дерётесь’.

Иное чередование в падежной энклитике *-sa* : *-ca* (после *-n*):

	TU-SA	⇨	*tù-sa*	‘с тобой’
	ŘOM|ES-SA	⇨	*řomè-sa*	‘с цыганом’ (упрощение двойных, см. 1.3.7.4)
но	*MAN-SA*	⇨	*màn-ca*	‘со мной’
	ŘOM|EN-SA	⇨	*řomèn-ca*	‘с цыганами’

Никакие другие чередования не затрагивают первый согласный морфемы (кроме особых нерегулярных случаев в сложных словах, см. 3.6.5.1).

2.6.2. Чередования перед местоименными клитиками

Перед местоименными клитиками, присоединяющимися к личным формам глагола, происходят факультативные явления, большинство из которых, видимо, следует отнести к фонологии (см. 3.11.13.9), в т. ч. упрощение двойных согласных: *mardèm-ma* ~ *mardè-ma* ‘я подрался’ и т. д. К морфонологии, пожалуй, относится падение *-v* в формах 1.ед. возвратных глаголов: *maràv-ma* ~ *marà-ma* ‘дерусь’, что можно трактовать как факультативное уподобление конца основы началу клитики с упрощением двойного согласного *-V-M-* ⇨ *-M-M-* ⇨ *-m-* (см. 1.3.7.4).

2.6.3. Чередование в сочетаниях предлогов с артиклями

Сочетания предлогов и артиклей можно лишь условно считать широкой словоформой. Сам по себе сложный набор алломорфов артиклей (как неопределённого, см. 3.5.1, так и определённого, см. 3.5.2; там же алломорфы и формы предлогов) не предсказуем на основании морфонологии без учёта синтаксических факторов.

Однако для морфонологии важны сочетания предлогов *ande* ‘в’ и *pe* ‘на’ с артиклями мужского рода: *and-o*, *and-ək*; *p-o*, *p-ək*. Например, первый из них приходится писать через дефис (а не ***and o*), чтобы обозначить звонкое произношение /*d*/ (отдельная словоформа *and* оглушалась бы в /*ant*/). В обоих случаях морфонологически нетривиальна твёрдость в алломорфах *and-* и *p-*. Это значит, что сами эти алломорфы нельзя выделять только на фонологическом уровне (ср. случай, когда это возможно: /*ťe*/*-avès* ‘чтоб ты был’ : *ť-avès* с фонологической элизией, см. 1.2.8.1).

2.7. Ударение

С типологической точки зрения кэлдэрарскую акцентную систему можно назвать категориальной. Это значит, что ударение слов однозначно определяется их морфологическим типом (категорией). Поэтому в большинстве случаев достаточно указать словоизменительный тип того или иного слова, и из этого будет вытекать ударение всех форм парадигмы (за малым числом специально оговариваемых исключений). Например, известно, что все существительные типа м-Ò:È имеют в заглавной форме ударение на последнем слоге: *tirv*|*ò* ‘кум’, *manř*|*ò* ‘хлеб’ и т. д., или: существительные типа м-∅:À в звательном падеже — на предпоследнем слоге: *sàp*|*a* ‘змея!’.

В ряде словоизменительных типов ударение подвижно, т. е. падает на разные (по счёту от начала) слоги в разных формах парадигмы. Поэтому определить место ударения в каждой словоформе исходя из каких-либо общих соображений (а не списочным путём) может быть непросто.

2.7.1. Ударение узкой словоформы

Сначала дадим общее, нестрогое описание акцентной системы по отдельным частям речи (даём сведения только об узких словоформах и только об одноосновных, т. е. не составных, словах):

(а) существительное

В прямых формах: I пласт — ударение на окончании или (при нулевом окончании) на последнем слоге основы: *tirv|ò*, мн. *tirv|è* ‘крёстный отец’; *ćirikl|ì*, мн. *ćirikl'|à* ‘птица’; *řòm|*, мн. *řòm|* ‘цыган’, *ćingàr|*, мн. *ćingar|à* ‘ссора’; II пласт — ударение на одном из слогов основы: *kòkal|o*, мн. *kòkal|a* ‘кость’; *řùs|o*, мн. *řùs.ur'|a* ‘русский’; *paramìć|i*, мн. *paramìć|a* ‘сказка’; *harambàš|*, мн. *harambàš|a* ‘разбойник’; *kòlis|* ‘оловянный порошок’.

В косвенных формах — всегда на окончании: ед. *tirv|ès*, *řom|ès*, *ćirikl'|à*, *řus|òs*, *harambaš|às*; мн. *tirv|èn*, *kokal|òn*, *řus.on|èn* и т. д.

В звательных формах единственного числа ударение всегда то же, что в прямой форме: *řòm|a*, *tirv'|à ~ tirv|èja* (морфонолог. *-EJA*), *ćirikl|ìjo*, *řùs|o-na*, *harambàš|a*; во множественном всегда на первом слоге окончания: *řom|àle*, *tirv|àle*, *řus.on|àle*.

Таким образом, характерным в смысле принадлежности к одному из пластов является только ударение прямых форм с окончанием (в I пласте оно ударно, во II — безударно). Как видно, большинство существительных имеет подвижное ударение; только у существительных I пласта с окончаниями в прямой форме (ср. *tirv|ò*, *ćirikl|ì*) ударение неподвижно (всегда на слоге, следующем за основой).

(б) прилагательное

В прямых формах: I пласт — *laś|ò*, ж. *laś|ì*, мн. *laś|è* ‘хороший’, *ivànd* (= ж. и мн.) ‘сырой’; II пласт — *zəlen|o* (=ж.), мн. *zəlej|a* ‘зелёный’; *vušòr|o* (=ж. и мн.) ‘лёгкий’. Прилагательное *phèrd|o* (ж. и мн.) ‘полный’ сегментно устроено как причастие от *pherəl* ‘наполнять’, но ведёт себя как прилагательное II пласта (это видно и по несогласуемому окончанию прямой формы).

В косвенных формах — на окончании: *laś|è(s)*, *zəlen.on|è(n)*, *cynoř|à* и т. д.

В звательных формах — как у существительных: *laś|à*, *zəlen|o-na*, *cynoř|əja* ‘малюсенький’ и т. д.

Так же как у существительных, в части форм ударение соотносится с пластом.

(в) наречие

Непроизводные наречия нередко конечноударны: *mištò* ‘хорошо’, *iv'à* ‘бесплатно’, *akanà* ‘сейчас’, но *sỳgo* ‘скоро’, *fùgo* ‘быстро’, *pàle* ‘опять’. Прочие чаще всего представляют собой формы существительных или прилагательных с различными ударными суффиксами, ср. *ćać.ès* ‘действительно’; *khər.àl* ‘из дома’, *ivend.è* ‘зимой’, *luj.in.è* ‘в понедельник’; прочие: *andr.ə* ‘внутри’, *pal.àl* ‘сзади’. Обособлено ударение в наречии *pàrpale* ‘назад’. Особый производный тип: *d-akan.àra* ‘отныне’, сюда же трудночленимое *tehàra* ‘завтра’. Синхронно разбиение на пласты провести трудно (ср. ещё неоднословные нечленимые: *atùnći* ‘тогда’, *cỳřa* ‘немного’, *dumùlt* ‘давно’).

(г) числительные

Количественные — одни ведут себя как прилагательные I пласта: *trìn|*, косв. *trin|è(n)* ‘3’; *oxtò|* ‘8’; другие — как существительные I пласта: *šàl* ‘100’, *dùj-šəlà* ‘200’; II пласта: *mìj|a* ‘1000’, *dùj-mìji* ‘2000’ (о составных см. 2.7.3д).

Порядковые — прилагательные II пласта: *trì.t|o* ‘третий’, *oxtò.t|o* ‘восьмой’.

Кратные — наречия: *trì.var*, *tri.var.ȁs* ‘трижды’.

(д) местоимения

Как правило, конечноударны (примыкают к соответствующим частям речи I пласта): *sav|ò*, *-ì*, *-è* ‘который’, *tir|ò*, *-ì*, *-ȁ* ‘твой’ (но есть и безударные формы *ťo*, *ti*, *te*), *katàr* ‘откуда’, *khanikàj* ‘нигде’, *khanikatàr* ‘ниоткуда’, но ср. *kàna* ‘когда’. Неконечное ударение имеется у части отрицательных местоимений: *khònik|* ‘никто’ (но косв. *khanik|às*), *khànć|i* ‘ничего’ (но косв. *khanć|ès-*), а также у слов: *sàko* (= ж.) ‘всякий’ (косв. *sakonè(s)*), *sòřo* (= ж.) ‘весь’ (неизм.), *sàvořə* ‘все [люди]’ (косв. *sàvoř|ən* ~ *savoř|ən* — колебание), *kòrkořo* (= ж.) ‘сам’, *sòde* ‘сколько’ (косв. *sod|èn*), а также *sodì.var* ‘сколько раз’.

(е) глагол

В формах инфекта: глаголы на *-E* и *-AVO-* — ударение на последнем слоге основы, не считая последнего гласного (перед окончаниями он может усекаться): *vàzd|el*, имп. *vàzde|* ‘поднимать’; *pràst|el*, имп. *pràste|* ‘бегать’; *diľ.àv|el* ~ *-o|l*, имп. *diľàvo|* ‘дуреть’; в неактивных отглагольных (отпричастных) глаголах — на конце производящей основы: *śìn.ď.o|l*, имп. *śìn.ď.u|* ‘рваться, резаться’; *pèť.o|l*, имп. *pèť.u|* ‘печься’; *laśàr.ď.o|l*, имп. *laś.àr.ď.u|* ‘исправляться’; в остальных случаях — на последнем слоге окончания или основы (при нулевом окончании): *arakh|ȁl*, имп. *aràkh|* ‘находить’; *darà|l*, имп. *darà|* ‘бояться’; *hram.ò|l*, имп. *hram.o.sàr|* ‘писать’; *kaľ.ò|l*, имп. *kaľ.ù|* ‘чернеть’.

В формах перфекта: при перфектной основе на *-AJ.L-* (эти морфемы трудно выделить морфологически), ударение падает на это *-àj-*: *daràj.l|o* ‘испугался’, сослагательная форма *daràj.l.in|o*; *ansur.i.s.àj.l|o* ‘женился’, сосл. *ansur.i.s.àj.l.in|o*; в неактивных отпричастных глаголах (см. выше) ударение то же, что в инфекте: *śìn.d.i.l|o* ‘порвался’ сосл. *śìn.d.i.l.in|o*; *laś.àr.d.i.l|o* ‘исправился’, сосл. *laś.àr.d.i.l.in|o*; в прочих случаях ударение на последнем слоге окончания или основы (при нулевом окончании): *vaz.ď|à* ‘поднял’, сосл. *vaz.d.in|ò*; *arakh.ľ|à* ‘нашёл’, сосл. *arakh.l.in|ò*; *laś.ar.ď|à* ‘сделал, исправил’, сосл. *laś.ar.d.in|ò*; *kal.i.l|ò* ‘почернел’, сосл. *kal.i.l.in|ò.*

Итак, все глаголы можно разделить на три группы по подвижности ударения:

(1) всегда на конце: *arakhȁl*, *aràkh*, *arakhľà*, *arakhlinò*;
(2) в инфекте не на конце, в перфекте на конце: *vàzdel*, *vàzde*, *vazďà*, *vazdinò*;
(3) всегда на одной и той же морфеме — на суффиксе (или гласном основы): *daràl*, *darà*, *daràjlo*, *daràjlino*; левее суффикса: *laśàrďol*, *laśàrďu*, *laśàrdilo*, *laśàrdilino*.

Особый случай: глагол *aźukərȁl* ‘ждать’ имеет во всех формах наконечное ударение, но в императиве колебание: *aźukàr* ~ *aźùkər*.

Постфиксы безударны, ср. *te-kamèl·a* ‘если захочет’, *te-ašùndilino·sas* ‘если бы звучал’.

(ж) предлоги, артикли, союзы

Все односложные (лже)предлоги и большинство двусложных (но не *inťà* ‘через’, *katàr* ‘от’, *kabòr* ‘такого же размера или возраста, как’, *karìng* ‘к; в сторону’), артикли и простые союзы безударны, т. е. входят в ритмическую группу какого-либо полнозначного (ударно-

го) слова, ср. *khə buznoř̀o* ʻкозликʼ (неопр.); *ə mìrišťa* ʻполянаʼ (опр.); *anda khə̀r* ʻиз домаʼ; *p-əl gavà* ʻна заработкиʼ (букв. ʻна [опр. арт.] деревниʼ); *kaj źanès* ʻкоторого ты знаешьʼ, но ср. ударный предлог: *kabò̀r tù-te* ʻкак ты [по росту]ʼ.

Некоторые предлоги и союзы отличаются безударностью от своих (квази)омонимов в роли других частей речи, ср. вопросительные местоимения *kàj* ʻгдеʼ, *sàr* ʻкакʼ, но *kaj* ʻкоторыйʼ, *sar* ʻкакʼ (предлог).

2.7.2. Акцентная сила и контурное правило

Приведённый обзор ударения узкой словоформы наводит на следующее наблюдение: одни морфемы в одних словах ударны, в других — безударны, а другие — всегда ударны или всегда безударны. Таким образом, морфемы подразделяются на три больших класса:

— безударные
— потенциально ударные
— обязательно ударные

В морфонологической записи потенциальное ударение будем обозначать обычным знаком ударения: *À*, а обязательное — двойным: *A̋*. Приведём по одному примеру окончаний каждого из этих классов:

		безударно		ударно	
-A	(зват.ед.)	*řò̀ma*	ʻцыган!, муж!ʼ	—	
-ʼÀN	(перф.2.ед.)	*kununisàjľan*	ʻты был венчанʼ	*kununisarďàn*	ʻты венчалʼ
-ÈS	(косв.ед.)	—		*řomès*	ʻцыганаʼ

Подобным образом можно пометить все морфемы, т. е. приписать каждой из них **акцентную силу**. Не следует усматривать в этом какой-либо языковой сущности: разбивка на классы по акцентной силе вводится нами исключительно для лаконичности описания и является простой констатацией наблюдаемых фактов.

В неодносложных морфемах (обычно это корни) ударен только один из слогов, причём место ударения — постоянное свойство морфемы: если морфема ударна, то ударение падает всегда на один и тот же её слог.

Морфемы сравниваются по акцентной силе: наименьшая сила у безударных морфем (*A*), наибольшая — у обязательно ударных (*A̋*). Далее можно, согласно **контурному правилу**, из сочетаний всех морфем в словоформе определить фонологически ударную.

Контурное правило:

(1) если в слове две обязательно ударные морфемы (*A̋*), причём одна из них стоит на конце словоформы, то ударение колеблется между ними;
(2) в прочих случаях ударение стоит на самой сильной морфеме справа;
(3) если полученное таким образом ударение приходится на неслоговой элемент (на морфему, не содержащую гласных), оно ставится на ближайший слог слева.

На практике это означает, что ударение «стремится» вправо, насколько это возможно. При наличии в словоформе только безударных (*A*) и потенциально ударных (*À*) морфем ударение окажется на последнем *À*. Если имеется обязательно ударная морфема (*A̋*), то все стоящие правее морфемы — не в счёт, кроме случая, данного в (1). Если есть только безударные морфемы (*A*), всё слово безударно.

Распределение морфем по акцентной силе:

A	постфиксы (*-A*, *-AS*) наращения основы (*-ON-*, *-UR-*, *-IN-*) окончания прямого падежа II пласта (*-O*, *-I*, *-(')A*) односложные звательные окончания (*-A*, *-E*, *-Ə*) большинство предлогов, союзов, клитик (кроме нек., см. ниже)
À	все корни (кроме нек., см. ниже) все суффиксы (кроме нек., см. ниже) окончания прямого падежа I пласта (ед. *-Ò*, *-Ì*, мн. *-À*, *-È*) двухсложные звательные окончания (*-ÈJA*, *-ÀLE*) все глагольные окончания (*-ÀV*, *-ÈS* и т. д.) проклитики *NÀ-*, *ĆÌ-*, *MÀJ-*
Ä	корень *SÄV-* (в *sàvoř* ‘все’) все косвенные именные окончания (*-ËS*, *-Ä*, *-ËN* и др.) суффикс наречий *-ËS* глагольный суффикс *-ÄVO-* субморфы *-D̈-*, *-T̈-* (в *vàzdel* ‘поднимает’ и др.; *pràstel* ‘бегает’) суффиксы *-D̈-*, *-L̈-*, *-∅̈-* (в *kàrď ol* ‘делается’ и др.) проклитика *LÏ-*

🛠 На самом деле есть немало корней и суффиксов, которые никогда не бывают ударными в силу того, что встречаются только перед ударными морфемами, например *-an-* в *řomanò* ‘цыганский’. В этой позиции безударность и потенциальное ударение дают один и тот же эффект. Поэтому ради простоты мы здесь поместили большинство корней и суффиксов во второй класс.

Примеры для иллюстрации действия контурного правила:

ŘÒM	⇨	*řòm*	‘цыган’
ŘÒM|A	⇨	*řòma*	‘цыган!’ (зват.)
TÌRV|Ò	⇨	*tirvò*	‘кум’
TÌRV|ÈJA	⇨	*tirv'à*	‘кум!’ (зват.)
MÀRTUR|O	⇨	*màrturo*	‘свидетель’
MÀRTUR|ÖS	⇨	*marturòs*	‘свидетеля’ (косв.)
KƏTÀN|A	⇨	*kətàna*	‘солдат’
KƏTÀN|Ä	⇨	*kətanà*	‘солдата’ (косв.)
MÀR.D| 'ÀN·AS	⇨	*marď ànas*	‘ты [тогда уже] побил’
KÀL. 'Ù.L|Ò	⇨	*kalilò*	‘он почернел’
KƏ̀R.D|Ò	⇨	*kərdò*	‘сделанный’
KƏ̀R.D̈. 'U.L|Ò	⇨	*kərdilo*	‘он сделался’
DÌKH.∅̈. 'U.L|Ò	⇨	*dićilo*	‘показался’
PÀH.Ò.S. 'ÀR.D|ÈM	⇨	*pahosardèm*	‘я заморозил’
PÀH.Ò.S. 'Ä̈J.L|ÈM	⇨	*pahosàjlem*	‘я замёрз’
VÀZ.D̈.E|ÈL	⇨	*vàzdel*	‘поднимает’
VÀZ.D.IN|È	⇨	*vazdinè*	‘они подняли’
SÄ̀V.OŘ|È	⇨	*sàvoř ə*	‘все’
SÄ̀V.OŘ|ËN	⇨	*sàvoř ən ~ savoř ən*	‘всех’ (косв.)

Среди узких словоформ колебание имеется только в косвенных формах слова *sàvoř*ə ‘все’: *sàvoř*ə*n* ~ *savoř*ə̀*n* (при наличии энклитик ударение только на окончании: *savoř*ə̀*n-dar* ‘от всех’).

⏳ Мы не знаем, как исторически объясняется ударение *sàvoř*ə, но, возможно, это какое-то старое сложение (если нет, то это может быть пример сохранения древнего ударения). Сложение (точнее, удвоение), скорее всего, имеем в *kòrkoř*o ‘сам’ < **koř-koř|o* (?), ср. такое же ударение в удвоенном наречии *pàrpale* ‘назад’ < **pal-pale* (ср. ёнешти и нек. др. немолдовая *pàlpale*).

В нашу модель вписывается данный выше трудный случай *phèrdo* (ср. глагол I пласта *pherə̀l* ‘наполнять’). Он получает удовлетворительную трактовку, если принять, что в этом слове вместо нормальных (потенциально ударных) окончаний прилагательных I пласта (которые дали бы ***pherdò*, ж. ***pherdì*, мн. ***pherdè*) выступает в порядке исключения окончание II пласта (безударное). Кроме ударения это объясняет ещё и характерную для прилагательных II пласта нечувствительность к роду (ср. *phèrdo vàdra* ж. ‘полное ведро’, как *mùndro vàdra* ‘красивое ведро’, см. также 3.6.4.7).

Подобным образом можно трактовать местоимения *sàko* ‘каждый’, *sòř*o ‘весь’ (ср. *sòř*o *dès* м. ‘весь день’, *sòř*o *r’àt* ж. ‘всю ночь)’ и *kòrkoř*o ‘сам’ (= ж. = мн.), в которых безударность окончания соотносится с неизменяемостью по родам и числам (ср. также типичное для II пласта наращение основы в косв. *sak.on|ès* ‘каждого’).

Как видно, в ряде случаев нам пришлось прибегнуть к довольно искусственным построениям. Например, для объяснения ударения отпричастных неактивных глаголов, ср. *kə̀rd’ol* ‘делаться’, *xə̀l’ol* ‘изнашиваться’, *mə̀ćol* ‘мазаться’, мы не нашли ничего лучшего, как объявить обязательно ударными суффиксы, входящие в эти образования: *-D̀-*, *-L̀-*, *-Ǿ-*. При этом те же суффиксы в самих причастиях явно не имеют акцентной силы, ср. *kərdò*, *xalò*, *makhlò.* Впрочем, в последнем примере в причастии выступает суффикс, а в неактивном глаголе суффикса нет (*MÀKH.L|Ò* : *MÀKH.Ǿ|’U-*), т. е. вместо него имеем нулевую морфему (ср. случаи, где нулевая морфема и там, и там: *phàd’ol* ‘ломаться’, *phagò*). Это в какой-то степени оправдывает рассмотрение суффиксов в причастии и в неактивном глаголе как разных.

Выше мы объявили обязательно ударными «субморфы» *-D̀-* и *-T̀-*. Так, в глаголе *ćungàrdel* ‘плевать’ *-d-* чётко выделяется как суффикс (ср. *ćungàr* ‘слюна’), а в *phàndel* ‘связывать’ это явно не так (ср. *phandavèl* ‘закрывать’, где *phand-* — корень). Значит, тут налицо зависимость акцентного поведения слова от облика конца основы (который мы условно называем субморфом). Сюда же относится глагол *pràstel* ‘бегать’. Наши субморфы проявляют себя только в инфекте глаголов, ср. перф. *ćungard’à*, *phangl’à*, *prastajà*.

⏳ Ударение исконно в *pràstel* (видимо, наречие + глагол **sta-*) и в глаголах со вторым компонентом *dèl* ‘давать’, ср. ещё *khàndel* ‘пахнуть’, и определяется древними правилами об ударении составных слов. В таких глаголах, как *phàndel* ‘связывать’, вторично перешедших в этот тип, ударение вторично. Наосновное ударение имеет в других говорах также *gilàbel* ‘петь’ (тоже древнее сложение), молд. только *dilabàl*.

Помимо описанных случаев, когда ударной приходится считать морфему, не содержащую гласного, есть случаи, где морфема «теряет» ударение в своём неслоговом варианте, ср. долгую форму инфекта *marə̀la* ‘бьёт’ и песенный вариант *màrla* (см. 3.11.3.6).

2.7.3. Ударение широкой словоформы

В отличие от узкой словоформы, могущей иметь максимум одно ударение, в широкой словоформе может быть до двух ударений, в зависимости от ударности или безударности всех входящих в неё компонентов. Поскольку разные части речи по-разному образуют широкие словоформы, приведём обзор имеющихся случаев:

(а) существительное

Единственное в своём роде слово *bì-baxt* (или *bì.baxt*?) ʻнесчастьеʼ (мн. нет), иногда как будто с двойным ударением: *bì-bàxt*.

Энклитики (в составе вторичных падежных форм) всегда безударны; ударение всегда на окончании перед ними: *tirv|ès-kə* ʻкрёстномуʼ, *ćingar|à-sa* ʻсо ссоройʼ, *řom|èn-de* ʻу цыганʼ; со звательной клитикой *řòm|a-na* ʻцыган!ʼ.

Составных существительных нет.

(б) прилагательное

С проклитикой — сравнительные формы: обычно с двойным ударением: *màj-barò* ʻбольшийʼ.

С энклитиками — как существительные, ср. также: *màj-baràs-kə* ʻбольшемуʼ.

Составных назывных прилагательных нет.

(в) наречие

С проклитикой — как прилагательные: *màj-mištò* ʻлучшеʼ, *màj-fùgo* ʻбыстрееʼ.

Составные: *ovèr-aratì* ʻпозавчераʼ, *ovèr-iś* ʻтж.ʼ (*-iś* отдельно не употребляется), *sà-jek* ʻвсё равноʼ, *sa-da-jèk* ʻвсегдаʼ (*da* отдельно не употребляется).

(г) притяжательные формы

Короткие — как вторичные падежные формы, т. е. второй компонент — безударная энклитика: *d|à-k|o* ʻматеринʼ, *bal|èn-g|ə* ʻсвиныеʼ.

Долгие — колебание: *d|à-kər|ən ~ d|a-kər|ən* ʻматериныхʼ, *bal|èn-gər|əs ~ bal|en-gər|às* ʻсвиногоʼ; *p|ès-kər'|a ~ p|es-kər'|à* ʻсвоюʼ. С энклитикой только *p|es-kər'|à-sa* ʻсо своейʼ.

С проклитикой: *bi-šəràs-ko* ʻбезголовыйʼ и т. п.

(д) числительные

Составные: *deš-u-dùj* ʻ12ʼ, *biš-thaj-jeftà* ʻ27ʼ, *tr'ànda-aj-pànź* ʻ35ʼ, *štàrvar-deš* ʻсорокʼ, *oxtòvar-deš-thaj-oxtò* ʻ88ʼ, *trin-šəlà ~ trìn-šəlà* ʻ300ʼ.

Отметим различие: в числительных типа [десяток] + [единица] с односложной первой частью и с соединительным элементом *u* или *thaj* (реже *aj*) — одно ударение на конце (*deš-u-dùj*, *biš-thaj-jeftà*), а в числительных, кратных десяти, ударение всегда только на первой части (*štàrvar-deš*, *oxtòvar-deš*).

Ср. также особые формы: *lì-duj*, косв. *li-dò(n)* ʻобаʼ, *lì-panź*, косв. *li-panźè(n)* ʻвсе пятьʼ (*li* отдельно не употребляется).

(е) местоимения

С энклитиками — как остальные имена: *màn-dar* ʻот меняʼ, *amèn-ca* ʻс намиʼ.

Составные: *jekh-avràs* ʻдруг другаʼ, *kàna-gòdi* ʻкогда угодноʼ, *so-gòdi ~ sò-gòdi* ʻчто угодно; каждыйʼ (косв. *so-godèn* ʻвсехʼ), *vàrə-sar ~ vàrə-sàr* ʻкак-нибудьʼ.

(ж) глагол

Проклитики делятся на такие, которые бывают ударными (*na-*, *ći-*, *maj-*, *kam-*, *sas-kə-*), и всегда безударные (*te-*, *kaj-*): *kàm-avèn* ʻможет, придутʼ, *nà-xan ~ nà-xàn* (реже) ʻне ешьтеʼ, *nà-dara ~ nà-darà* ʻне бойсяʼ, *màj-sas ~ màj-sàs* ʻещё былоʼ, *te-nà-maj-marəl* ʻчтобы больше не билʼ, *sàs-kə-laśaràs* ʻмы починили быʼ.

Таким образом, из двух ударных проклитик подряд ударение сохраняет только первая (на практике это только *ćì-maj-*, *nà-maj-*). После односложной ударной проклитики сама глагольная форма факультативно теряет ударение (чаще, если она односложна).

Одноморфемные энклитики всегда безударны: *źàl-tar* ʻуходит’, *vàzde-ta* ʻподними-ка’, *dikhàs-ame* ʻувидимся’. Более сложные единицы, стоящие в конце широкой словоформы и могущие иметь ударение, например *-kər|ən*, *-gòdi* (косв. *-god|èn*), по акцентным свойствам близки к полнозначным словам (хотя не употребляются отдельно), поскольку имеют более сложное строение (окончание) и сами принимают энклитики.

Как уже было сказано, несколько клитик (*na-*, *ćі-*, *maj-*) могут быть ударными (и в этом они примыкают к полнозначным словам, тем более что и сами употребляются отдельно).

Как видно по приведённым примерам, ударение в широких словоформах подвержено колебаниям, которые разбиваются на два типа: первый касается места ударения (ударение — одно), а второй — только возможности опущения ударения на одном из компонентов (т. е. речь идёт о числе ударений). Сначала мы рассмотрим случаи с колебаниями, а затем остальные.

К первому типу относятся только независимые косвенные притяжательные формы типа *p|èsˑkər|ən ~ p|esˑkər|ən* ʻсвоих’, *dad|èsˑkər|ən ~ dad|esˑkər|ən* ʻотцовских’, показывающие ровно то же колебание, что и рассмотренное выше слово *sàvoř|ən ~ savoř|ən* ʻвсех’. Здесь мы тоже имеем по две морфемы с обязательным ударением. Наличие падежной энклитики снимает колебание, ср. только *p|esˑkər|ən-ca* ʻсо своими’.

Остальные случаи колебаний относятся ко второму типу. Сразу отметим, что все широкие словоформы — это в той или иной степени застывшие синтаксические сочетания, часть из которых может выступать с разной степенью опрощенности, ср. *sà-jek* ʻвсё равно, неважно’, букв. ʻвсё одно’ (наречие), но и *sà jèkh* (второй вариант может быть отдельным предложением). Таким образом, чем выше опрощенность группы слов, связность компонентов, тем вероятнее наличие только одного ударного слога во всей широкой словоформе. Здесь выделяются несколько групп случаев.

Наиболее склонны к сохранению ударения проклитики *nà-* (отрицание ирреальных наклонений) и *màj-* ʻбольше, ещё’ (и сравнительная степень прилагательных и наречий). Следующее за ними односложное слово теряет ударение часто (особенно в императиве), а неодносложное — реже. Вторая клитика в сочетаниях *nà-maj-* и *ćì-maj-* всегда безударна. Отрицание *ćì-* как правило ударно, но после него ударение глагола чаще сохраняется. Другой фактор — расстояние между ударными слогами: чем дальше друг от друга отстоят ударные слоги, тем меньше вероятность потери второго ударения:

только на первом		два ударения	
nà-xa	~	*nà-xà* (редко)	ʻне ешь’
màj-sy	~	*màj-sỳ*	ʻещё есть’
te-nà-źal	~	*te-nà-źàl*	ʻчтобы не шёл’
nà-dara	~	*nà-darà*	ʻне бойся’
		te-nà-maj-daràs	ʻчтобы ты больше не боялся’
редко:			
ćì-pes	~	*ćì-pès*	ʻне пьёшь’
ćì-źanas	~	*ćì-źanàs*	ʻмы не знаем’
màj-aves	~	*màj-avès*	ʻещё придёшь’
màj-phuro	~	*màj-phurò*	ʻстарше’

Для указанных широких словоформ трудно дать строгие правила, подобные контурному правилу, действующему в узких словоформах. Можно сказать, что в них в какой-то

степени действует прагматический фактор: например, одним ударением в *te-nà-źal* ʽчтоб не шёлʼ логически выделяется сам запрет, а действие ʽидтиʼ могло уже упоминаться (ср. крайний случай: *te-nà!* ʽне надо; нельзя [идти]!ʼ, где опущен сам глагол), а при двух ударениях *te-nà-źàl* выделяется также действие.

Подобными прагматическими факторами можно объяснить варианты *vàrə-so* ʽчто-нибу́дь; хоть что-тоʼ ~ *vàrə-sò* ʽчто́-нибудьʼ, *sò-gòdi* ~ *so-gòdi* ʽчто угодно; каждыйʼ. Однако ср. косв. *so-godèn* ʽкаждого, всехʼ, чаще употребляемое с единственным ударением на окончании, которое как бы относится ко всей широкой словоформе и тем самым делает её более монолитной. Кроме того, заметим, что в эти слова входят неодносложные компоненты с начальным ударением (в отличие от случаев вроде *sà-jek*, *nà-xa*), что также повышает стабильность двойного ударения.

В широких словоформах, имеющих всегда только одно или всегда два ударения, действуют более строгие правила. Эти правила являются как бы продолжением описанных тенденций, а именно:

(1) из двух ударений подряд устраняется правое;
(2) из двух ударений, разделённых безударным слогом, устраняется левое, если оно первое в слове;
(3) в прочих случаях остаются два ударения.

Примеров, иллюстрирующих эти правила, немного:

на первом ударн. слоге		на третьем слоге		два ударения	
sà-jek	ʽвсё равноʼ	*sa-da-jèk*	ʽвсегдаʼ		
lì-štar	ʽвсе четыреʼ	*li-štarə̀n*	ʽвсех четырёхʼ (косв.)		
		li-oxtò	ʽвсе восемьʼ		
		deš-u-štàr	ʽ14ʼ		
ovèr-iś	ʽпозавчераʼ			*ovèr-aratì*	ʽпозавчераʼ
				ovèr-tehàra	ʽпослезавтраʼ

Сюда же относится слово *lì-duj*, косв. *li-dò(n)* ʽобаʼ, т. к. в косвенной форме — стяжение: морфонол. *LI-DUJ|È(N)*.

⌛ Эта закономерность, скорее всего, объясняется исторически. Указанное правило, очевидно, действовало ещё в працыганских диалектах и объясняет некоторые непрозрачные теперь формы:

**̀ — ̀ — > ̀ — — ср. **u̯àst+*dàu̯ > vàzdav*
**̀ — — ̀ — > — — ̀ — ср. **u̯àst+*dini̯èm > vazdèm* (морфонол. можно так: *VAST-DIN-JEM*)

По-видимому, это произошло во всех словах, восходящих к сложениям: *kaľòl* ʽчернетьʼ < **kàl-i̯-ou̯èl* (устранение первого ударения); *dìćol* ʽвиднетьсяʼ < **dikh(l)ìn-i̯-ou̯èl* (сохранение обоих ударений, затем устранение второго после опрощения, а потом сдвиг в результате стяжения **ini̯ > j*), ср. также *khònik* ʽникто̀ʼ, но косв. *khanikàs* и др. [Ослон 2014: 300].

Описанные правила не относятся к составным словам, чьи компоненты, хотя и нерасторжимы (между ними запрещена вставка других слов), т. е. входят, согласно нашей схеме, в единую широкую словоформу, тем не менее не образуют ритмического единства.

2.8. Инвентарь словообразовательных суффиксов

О каждом словообразовательным суффиксе необходимо знать, вызывает ли он редукцию в неодносложных основах (^{ə} — вызывает) и к какой основе присоединяется (¨ — ко 2-й). Перечислим суффиксы, обозначая эти свойства:

существительные:		
I пласт:		
-*N.'|Ì*	ж.	(см. 3.4.4.3)
-*'|Ì*	ж.	(см. 3.4.4.4)
-*AL.'|Ì*	название цифры	(см. 3.4.4.5)
-*ÌN|*	дерево и др.	(см. 3.4.4.6)
-*N|Ò*	деятель	(см. 3.4.4.7)
-*IŚ|Ò*	детёныш	(см. 3.4.4.8)
-*OŘ|Ò, -¨OŘ.'|Ì*	уменьш.	(см. 3.4.4.9)
II пласт:		
-*M|ÒS*	абстр.	(см. 3.4.4.10)
-¨*ə*ÌJ|*A*	абстр.	(см. 3.4.4.11)
-*'AL|A*	абстр.	(см. 3.4.4.12)
-¨*ÀN|O*	житель	(см. 3.4.4.13)
-*ÒN|I*	цыганский род (мн.)	(см. 3.4.4.14)
-*ə*À*R|I*	деятель	(см. 3.4.4.15)
-*TÀR|I*	деятель	(см. 3.4.4.16)
-*ÀŠ|*	деятель	(см. 3.4.4.17)
-*K|A*	ж.	(см. 3.4.4.18)
-*ÀJK|A*	ж.	(см. 3.4.4.19)
-*ÌC|A*	ж.	(см. 3.4.4.21)
-*ə*'*ÀS|A*	ж.	(см. 3.4.4.22)
-*ÌC|Y*	уменьш.	(см. 3.4.4.23)
-*ÙC|O, |A*	уменьш.	(см. 3.4.4.24)
-¨*ÌC|A*	уменьш.	(см. 3.4.4.25)
прилагательные:		
I пласт:		
-*AN|Ò*	признак	(см. 3.6.5.2)
-*IKAN|Ò*	признак	(см. 3.6.5.3)
-*UN|Ò*	признак	(см. 3.6.5.4)
-*IVAN|Ò*	усиленный признак (?)	(см. 3.6.5.5)
-*AL|Ò*	свойство	(см. 3.6.5.6)
-*OŘ|Ò, -¨OŘ.'|Ì*	уменьш.	(см. 3.6.5.7)
II пласт:		
-*ÙC|O*	уменьш.	(см. 3.6.5.8)
-*ÒS|O*	признак	(см. 3.6.5.9)
-*ə*I*ĆÒS|O*	смягчённый признак	(см. 3.6.5.10)
-¨*ÌCK|O*	признак	(см. 3.6.5.11)
глаголы:		
-*'Ù|-*	инхоатив	(см. 3.11.11.2)
-*'ÀR|-*	каузатив	(см. 3.11.11.5)
-*'Ä̈V(O)|-*	инхоатив	(см. 3.11.11.4)
-*ÀV|-*	каузатив	(см. 3.11.11.3)
заполнитель:		
-¨*ə*Ì, -¨*ə*Ò -		(см. 3.4.4.10, 3.11.11.7)

Уменьшительный суффикс -*OŘ*- требует то 1-й, то 2-й основы производящего — точнее, основы формы, «уже́» стоящей в нужном роде и числе (см. 3.4.4.9, 3.6.5.7).

2.9. Переход от морфонологической записи к фонемной

Морфологическая запись содержит основные алломорфы всех морфем словоформы, разделители, а также специальные морфонемы, полученные из информации о словоизменительном типе основы (см. 2.3). Эта запись подвергается действию данных в предыдущих разделах правил. Расположим их по порядку, давая их в нестрогом виде, с отсылками на соответствующие разделы:

(1) чередования гласных внутри морфем:
- беглые гласные: *ə, E* : ∅ (в отдельных словах) (см. 2.5.1.2)
- расширение: *E* ⇨ *ə* (см. 2.5.1.4)
- *ə, E, O* ⇨ *(')A* (см. 2.5.1.5)
- редукция: *À* ⇨ *ə* (см. 2.5.1.6)

(2) операции с клитиками:
- именными: *-KE* ⇨ *-GE* и т. д. (см. 2.6.1)
- глагольными: *-AV-MA* ⇨ *-A-MA* и т. д. (см. 2.6.2)

(3) непозиционные смягчения (перед аффиксами): (см. 2.5.2.3)
- тривиальное, качественное (колебания, см. 2.5.2.1.2б):
  K' ⇨ *T'*; *G'* ⇨ *D'*; *KH'* ⇨ *Ć*; *N'* ⇨ *J*
  снятие йотации: *S'* ⇨ *S*; *B'* ⇨ *B*
- переходное:
  K'' ⇨ *Ć*; *G''* ⇨ *Ź*; *T''* ⇨ *C*; *D''* ⇨ *Z*; *N''* ⇨ *J*

(4) эпентеза и стяжения (в т. ч. в отдельных словах):
- *UA* ⇨ *UVA* (см. 2.5.4.1)
- *IA* ⇨ *'A* и т. д. (см. 2.5.4.2)
- *EJA* ⇨ *'A* и т. д. (см. 2.5.4.3)

(5) узаднение в I пласте:
- *E* ⇨ *ə* после *K, G, R, X, S, Z* (см. 2.5.2.2)

упереднение во II пласте:
- *ə* ⇨ *E* после непарных мягких (см. 2.5.2.2)

узаднение в обоих пластах:
- *E* ⇨ *ə* после непарных твёрдых (см. 2.5.2.2)
- *I* ⇨ *Y* после непарных твёрдых (см. 2.5.2.3)

(6) позиционные смягчения — только перед суффиксами:
- *K.I* ⇨ *T'I* ; *G.I* ⇨ *D'I*; *KH.I* ⇨ *ĆI* (см. 2.5.2.3)

в остальных случаях перед *I* и *E* вписываем *'* (см. 2.5.2.2)

(7) удаляем символы *'* и *''* после непарных согласных
удаляем разделители
меняем капитель на строчные символы

Приведём примеры. На словоизменение:

SÀP|ËS ⇨ (6) *SÀP'|ËS*	⇨ /*sap'ès*/	ʻзмеюʼ
MÀKH|'ÄN-K|Ò ⇨ (2) *MÀKH|'ÄN-G|Ò* ⇨ (3) *MÀĆ|ÄN-G|Ò*	⇨ /*maćàn-go*/	ʻмухʼ (м.)
DÌKH|ËS ⇨ (5) *DÌKH|ƏS* ⇨ (6) *D'ÌKH|ƏS*	⇨ /*d'ikhəs*/	ʻвидишьʼ
DÌKH.Ø.'Ù|ÈL ⇨ (3) *DÏĆ.Ù|ÈL* ⇨ (4) *DÏĆ.Ò|L* ⇨ (6) *D'ÏĆ.Ò|L*	⇨ /*d'ićol*/	ʻвиднеется

PÌ|ÀV ⇨ (4) *P'|ÀV*	⇨ */p'àv/*	ʻпью'
TÀS.'Ù.L|'ÈM ⇨ (3) *TÀS.Ù.L|'ÈM*	⇨ */tasul'èm/*	ʻя утонул'
DÙJ|ËN-K.'|Ì ⇨ (2) *DÙJ|ËN-G.'|Ì* ⇨ (3) *DÙJ|ËN-D'|Ì* ⇨ (4) *DÖ|N-D'|Ì*	⇨ */dòn-d'i/*	ʻдвух' (ж.)
~ *DÙJ|ËN-G'|Ì* ⇨ (4) *DÖ|N-G'|Ì*	⇨ */dòn-g'i/*	(колебание)
BƏRB|A ⇨ (1) *BÀRB|A*	⇨ */bàrba/*	ʻборода'
POMÈN|A ⇨ (1) *POMƏN|A* ⇨ *POMÀN|A*	⇨ */pomàna/*	ʻпоминки'

На словообразование:

BÀXT{ж-∅:'À}.*AL|Ò* = *BÀXT.AL|Ò*	⇨ */baxtalò/*	ʻсчастливый'
GÒD{ж-'Ì:'À}.*AL|Ò* = *GÒD.'.AL|Ò*	⇨ */god'alò/*	ʻумный'
ŠÙK{п-Ò:'Ì:È}.¨^{ə}*Ì.M|ÒS* = *ŠÙK.'.Ì.M|ÒS*		
⇨ (3) *ŠÙT'.Ì.M|ÒS*	⇨ */šut'imòs/*	ʻсухость'
SÀN{п-Ò:'Ì:È}.*'ÀR.D|È* = *SÀN.'.'ÀR.D|È*		
⇨ (3) *SÀJ.ÀR.D|È* ⇨ (6) *SÀJ.ÀR.D'|È*	⇨ */sajard'è/*	ʻутончённые'
AMPƏRÀT{м-О:"I}.¨^{ə}*ÌJ|A* = *AMPƏRÀT.".^{ə}ÌJ|A*		
⇨ (1) *AMPƏRƏT.".ÌJ|A* ⇨ (3) *AMPƏRƏC.ÌJ|A* ⇨ (5) *AMPƏRƏC.ỲJ|A*	⇨ */ampərəcỳja/*	ʻцарство'
ÌT{п-О:О:"I}.¨^{ə}*Ò.M|È* = *ÌT.".Ò.M|È*		
⇨ (3) *ÌC.Ò.M|È* ⇨ (6) *ÌC.Ò.M'|È*	⇨ */icom'è/*	ʻперчёный'

Вооружившись морфонологическими правилами, в ряде случаев можно существенно упростить описание морфологии.

Так, правило стяжения, вкупе с правилом йотации, объясняет внешне нетривиальные случаи чередования отрезка */in/* ~ ∅ в формах перфекта некоторых глаголов, ср. от глагола *dèl* ʻдавать': перф.1.ед. *dèm*, мн. *d'àm* ʻмы дали', но 3.мн. *dinè*; так же от *lèl* ʻбрать', *ròdel* ʻискать' и др. В принципе, можно считать *-in-* морфологическим наращением, как мы это делаем для других типов глаголов (см. 3.11.4.2), но это можно решить и морфонологически. Для объяснения этих форм достаточно ввести элемент *-IN-* во всех личных формах, тогда мы получим:

DÌN|'ÈM	⇨ (3)	*DÌJ|ÈM*	⇨ (4)	*dèm*	ʻя дал'
DÌN|'ÀM	⇨ (3)	*DÌJ|ÀM*	⇨ (4)	*d'àm*	ʻмы дали'
но *DÌN|È*			⇨	*dinè*	ʻони дали'

Имеется ещё несколько подобных чередований, которые при желании можно изобразить как морфонологические, например */ul/* ~ */il/* в некоторых формах перфекта, ср. *tasòl* ʻтонуть', перф.1.ед. *tasulèm*, но *bar'òl* ʻрастёт', перф.1.ед. *barilèm*. Это можно объяснить различным поведением согласных при йотации и дальнейшим изменением гласных: *-S.'U.L-* ⇨ */-sul-/* (*S* не йотируется), но *-R.'U.L-* ⇨ */-r'il-/*. Подобные мелкие правила помогают при описании морфологии, но при этом являются сугубо частными, поскольку не находят применения в других частях системы.

⌛ Вполне возможно, что как раз данное чередование отражает историческую действительность. В том, что *dèm* < **dini̯em* (или **-i̯om*?), сомнений нет; что же касается *baril-* < **bari̯ul-*, то это кажется вероятным в свете форм диалектов (некэлдэрарских), не имеющих в этом типе *-il-*, ср. раховский *barul'òm* ʻя вырос', *kərd'ul'òm* ʻя родился' (хотя *avil'òm* ʻя пришёл').

Морфонологически можно описать и распределение перфектных суффиксов части глаголов (см. 3.11.4.4).

3. МОРФОЛОГИЯ

Типологически кэлдэрарский диалект относится к языкам синтетической морфологии с элементами аналитизма. Это значит, что в выражении синтаксических отношений важную, но не единственную роль играет словоизменение. Само словоизменение носит смешанный агглютинативно-флективный характер, т. е. каждая морфема обычно довольно прозрачно выражает некоторый грамматический признак (или сочетание признаков), однако на стыках морфем нередки различные морфонологические преобразования. В нашем случае к словоизменению как таковому следует относить только морфологические явления, не выходящие за рамки узкой словоформы (см. 2.1.2), тогда как морфология широкой словоформы (см. 2.1.3) представляет собой как бы переходную зону между синтетической и аналитической частями системы. Собственно аналитические способы выражения синтаксических отношений, хотя в ряде случаев они и находятся в тесной связи с морфологией, мы всё-таки относим к синтаксису.

Наше описание морфологической системы ставит перед собой двоякую цель: (а) осветить весь набор морфологических средств, что позволит, имея на входе любую словоформу, разбить её на составные элементы и определить её словоизменительный и словообразовательный тип (анализ); (б) создать однозначный механизм порождения всех словоформ, входящих в некую парадигму, имея на входе словарную единицу с набором однозначных параметров, определяющих её принадлежность к какой-либо группе (синтез).

При подаче изменяемых **слов** обычно даём их **заглавную форму**. В качестве таковой выступает один тип форм для каждой **части речи** (см. 3.3): для имён это прямая форма единственного числа, а для глаголов — форма 3-го лица единственного числа инфекта.

3.1. Морфологические признаки

Под грамматическим **признаком** понимается некоторая переменная, могущая принимать одно из значений, заданных списком. Каждую словоформу, относящуюся к изменяемой лексеме, можно представить двояко: с одной стороны, она «материально воплощена» в своём фонологическом облике, с другой — можно привести заглавную (или какую-то более абстрактную) форму парадигмы и снабдить её некоторой точной морфологической характеристикой, содержащей значения признаков, по которым можно однозначно построить и само упомянутое «материальное воплощение».

Например, узкую словоформу *mard'àm* ‘мы побили’ можно без потери информации представить как форму «1-го лица множественного числа перфекта» от глагола *marə̀l* ‘бить’. Эту форму можно записать в морфонологическом виде: *MÀR.D|'ÀM*, причём можно сказать, что суффикс *-D-* является здесь показателем перфекта, окончание *-'ÀM* содержит в себе сведения о лице и числе, а частеречная принадлежность этой формы («глагол») как бы внутренне присуща самому этому слову. Такая логика должна быть применима в обе стороны: по морфологической характеристике должна определяться форма слова (в т. ч. ударение), и наоборот — из облика словоформы должна выводиться его морфологическая характеристика (при этом возможна синонимия или омонимия отдельных показателей или целых словоформ, и тогда эта связь может быть неоднозначной).

Польза данного подхода очевидна для узких словоформ, тогда как для широких словоформ он, пожалуй, не имеет смысла. Их проще описывать просто как сочетание узких:

например, широкая словоформа *ćì-maj-mard'àm-tume* ‘мы вас больше не били’ формально может рассматриваться на уровне морфологии (а не синтаксиса), однако её единая морфологическая характеристика была бы слишком громоздка: в частности, признаки числа и лица пришлось бы указать дважды (‘мы’, ‘вас’).

Удобно оперировать двумя классами морфологических признаков: (1) **постоянные** (классифицирующие) признаки, т. е. такие, значение которых присуще всем словоформам, входящим в одну словоизменительную парадигму (относящимся «к одному слову»), и (2) **переменные** признаки, т. е. такие, значение которых может различаться у разных словоформ одной парадигмы. Один и тот же признак может в одной парадигме быть постоянным, а в другой — переменным: например, у существительных род задан, а у прилагательных он зависит от синтаксических факторов.

Среди морфологических признаков любой части речи можно выделить такие, которые выражаются более или менее «рельефно» в самом облике словоформы, т. е. соотносимы с её структурой (морфемным составом). Это **морфологические** признаки. Все изменяемые части речи имеют «тривиальный» морфологический признак — **словоизменительный тип** (для имён — тип склонения, для глаголов — тип спряжения). Остальные морфологические признаки задаются списком отдельно для каждой части речи.

Для узких словоформ выделяются следующие морфологические признаки (с набором возможных значений для каждого):

признак	значения	обозначения	
падеж	прямой	прям.	именные признаки
	косвенный	косв.	
	звательный	зват.	
число	единственное	ед.	глагольные признаки
	множественное	мн.	
род	мужской	м.	
	женский	ж.	
	никакой	нк.	
лицо	1-е	1.	
	2-е	2.	
	3-е	3.	
состояние	зависимое	зав.	только у прилагательных и притяжательных форм
	независимое	незав.	

Имеются также признаки, которые невозможно формально увязать с морфологией, зато они имеют прямое отношение к семантике и важны для синтаксического описания. На разных уровнях описания будут выделяться такие признаки, как: одушевлённость, синтаксический падеж, определённость, персональность (у имён); переходность, время, наклонение, залог (у глаголов).

3.2. Словоизменение и словообразование

Все словоформы одного слова образуют во всей своей совокупности его словоизменительную **парадигму**. Что касается самого понятия **слова** (лексемы), то для наших нужд нет смысла определять его строго: дело в том, что решение о включении или невключении того или иного набора словоформ в одну парадигму зависит от ряда более или менее

произвольных решений более общего характера (например, о числе частей речи, а также о природе связи между отдельными формами, см. ниже).

Как указывалось выше, отдельные формы, входящие в парадигму, определяются значениями морфологических признаков. Иногда не ко всем частям парадигмы применимы одни и те же признаки. Например, в парадигму глагола можно включать причастия (по частеречной принадлежности они являются прилагательными), для каковых не имеет смысла, скажем, признак лица. Поэтому внутри одной парадигмы выделяются разные **подпарадигмы**, могущие иметь разный набор признаков. Но даже в пределах одной подпарадигмы часть форм может иметь или не иметь каких-то признаков: так, перфектные формы некоторых глаголов меняются по родам только в 3-м лице единственного числа, ср. *našlò* ‘он убежал’, *našlì* ‘она убежала’, но (другой глагол) без рода: *prastajà* ‘он(а) бегал(а)’.

В большинстве случаев для исчерпывающего описания парадигмы достаточно дать только узкие словоформы, т. к. клитики присоединяются одинаково к словам всех словоизменительных типов (иначе — с глаголом-связкой, а также у части возвратных глаголов). Однако под парадигмой можно понимать и весь набор возможных широких словоформ, в которые входит то или иное слово. Можно также говорить и о синтаксических парадигмах (т. е. о поведении целых словосочетаний или предложений в результате тех или иных синтаксических преобразований).

В этой главе даются сведения как о словоизменительных парадигмах в пределах узкой словоформы, так и о возможных конфигурациях морфем в широких словоформах.

В рамках **словообразования** освещаются морфологические связи между «разными словами», т. е. говорится, например, что такое-то слово «образовано» от такого-то. Как правило, можно сказать, что **производное слово** получено путём добавления какой-то морфемы (морфем) — чаще всего одного суффикса — к **производящей основе** (для краткости «производящими» называются и сами слова с такой основой, если это не приводит к двусмысленности), например: глагол *nanď.ò|l* ‘оголяться’ считается производным от прилагательного *nang|ò* ‘голый’ (точнее было бы сказать: от основы *NANG-* прилагательного типа п-Ò:’Ì:È).

Обычно все слова, произведённые с помощью одного и того же суффикса, относятся к одному словоизменительному типу, ср. *řom.n|ì* ‘цыганка; жена’, *riś.n|ì* ‘медведица’ и т. д. Строго говоря, процедура образования производного включает в себя не только присоединение суффикса (в данном случае *-n-*), но и приписывание производному заданного типа (ж-’Ì:’À). Не прибегая к морфонологической записи, для краткости мы будем писать, например, «производные с суффиксом *-n|ì*».

Порой словообразование трудно отграничить от словоизменения. В одних случаях дело лишь в удобстве представления: так, причастия можно было бы считать отдельными словами, производными от глаголов, ср. *kər|əl* ‘делает’ (форма инфекта 3.ед.), *kər.d|ò* ‘сделанный’, однако в глагольную парадигму логично включать и явно относящиеся к тому же глаголу формы перфекта, ср. *kər.ď|à* ‘он(а) сделал(а)’, которые образованы от основы причастия. Поэтому морфологическая связь между собственно глагольными формами и причастием признаётся словоизменительной (ещё и потому, что ей присуща высокая степень регулярности).

Но есть случаи, когда производное образовано не просто от некоторой производящей основы, а зависит и от чисто словоизменительных свойств производящего. Таков единственный в своём роде суффикс *-oř-*: образуя уменьшительные от существительных, прилагательных и наречий, он как бы встраивается в производящее слово, сохраняя его род и часть словоизменения: ср. обычный случай — *il|ò*, мн. *il|è* ‘сердце’→ *il.oř|ò*, мн. *il.oř|ə* ‘сердечко’, но ср. неправильное существительное *karfìn*, мн. *karfà* ‘гвоздь’ → *karfin.oř|ò*, мн. *karf.oř|à* ‘гвоздик’ (сохраняется аномальное чередование основ, а также окончание).

Отнести такие производные к какому-либо словоизменительному типу затруднительно, а назвать суффикс *-oř-* словообразовательным можно лишь с натяжкой. Тем не менее, по крайней мере в некоторых случаях, его следует признать словообразовательным, ввиду наличия примеров нетривиальной семантической связи между неуменьшительным и уменьшительным (в одном из значений), ср. *manùš* ‘человек’ : *manušořò* ‘кадык’ (но и ‘человечек’).

Ещё один пример синтеза словообразования и словоизменения — т. н. притяжательные формы. Это особый класс слов, синтаксически близких к прилагательным, которые, однако, можно считать формами существительных, ср. *řòm* ‘цыган’, *řom|ès-k|o* ‘принадлежащий цыгану = цыгана’, *řom|èn-g|o* ‘принадлежащий цыганам = цыган’ (рус. род.мн.). Особенность этих составных форм заключается в сохранении окончаний производящего (в частности, показателей числа) и, следовательно, в наличии двух окончаний сразу.

Некоторые словообразовательные средства — и, соответственно, типы производных — **продуктивны**: это значит, что новое производное слово данного типа может в той или иной степени сразу быть понятным и естественным. Продуктивность большинства словообразовательных суффиксов — в прошлом. В наши дни новые слова возникают весьма редко, кэлдэрарский словарь практически не пополняется, а нехватка слов восполняется за счёт русских окказионализмов. Продуктивны только уменьшительные суффиксы II пласта (*-ic-*, *-uc-*) и суффикс абстрактных существительных *-m|os* (ограниченно).

Касательно современного состояния словообразовательной системы можно ещё отметить, что изредка происходит переразложение русских слов, в результате чего могут возникать окказиональные пары типа *krasàfco* ‘красавец’ : *krasàfca* ‘красавица’, но это ни в коей мере не вылилось в систему и не выходит за рамки III пласта, будучи связано только со степенью владения русским языком.

3.3. Части речи

Изменяемые слова, изменяющиеся по одной и той же парадигме, относятся к одной **части речи**. По характеру словоизменения выделяется **склонение** (в т. ч. изменение по падежам), характерное для имён, и **спряжение** (в т. ч. изменение по лицам), характерное для глаголов. Таким образом, все изменяемые слова относятся к именам или глаголам.

Имена включают два главных класса: **существительные** (см. 3.4) и **прилагательные** (см. 3.6). И те, и другие склоняются, но набор возможных признаков и, соответственно, форм в каждом из классов имеет свои особенности. Для склонения важны признаки падежа (в морфологическом смысле), числа и рода. У существительных признак рода — постоянный (классифицирующий), у прилагательных — переменный (словоизменительный).

Прилагательные могут иметь два **состояния**. В **зависимом** состоянии прилагательное стоит в одном из двух первичных падежей (прямом или косвенном), а в **независимом** возможны первичные падежи (в т. ч. ограниченно звательный), а также вторичные косвенные падежи. Формы вторичных падежей имён образуются энклитиками.

Наречия (см. 3.8) — неизменяемые слова, близкие к именам (считаем их именами).

К парадигме существительного примыкают **притяжательные формы** (см. 3.7), склоняющиеся в общем как прилагательные (с мелкими отличиями). Их мы рассматриваем как отдельную часть речи.

Почти как прилагательные в зависимом состоянии ведут себя определённый и неопределённый **артикли** (см. 3.5).

Количественные **числительные** (см. 3.9) с морфологической точки зрения не выделяются в отдельную часть речи, а примыкают к прилагательным или, в паре случаев, к существительным. Порядковые числительные являются прилагательными. Кратные числительные относятся к наречиям.

Глаголы (см. 3.11) отличаются от имён набором признаков: собственно глагольные формы имеют признаки числа и лица, а отдельные формы — также рода. Однако в глагольную парадигму включаем и именные формы — причастия (являющиеся прилагательными, со всеми их признаками).

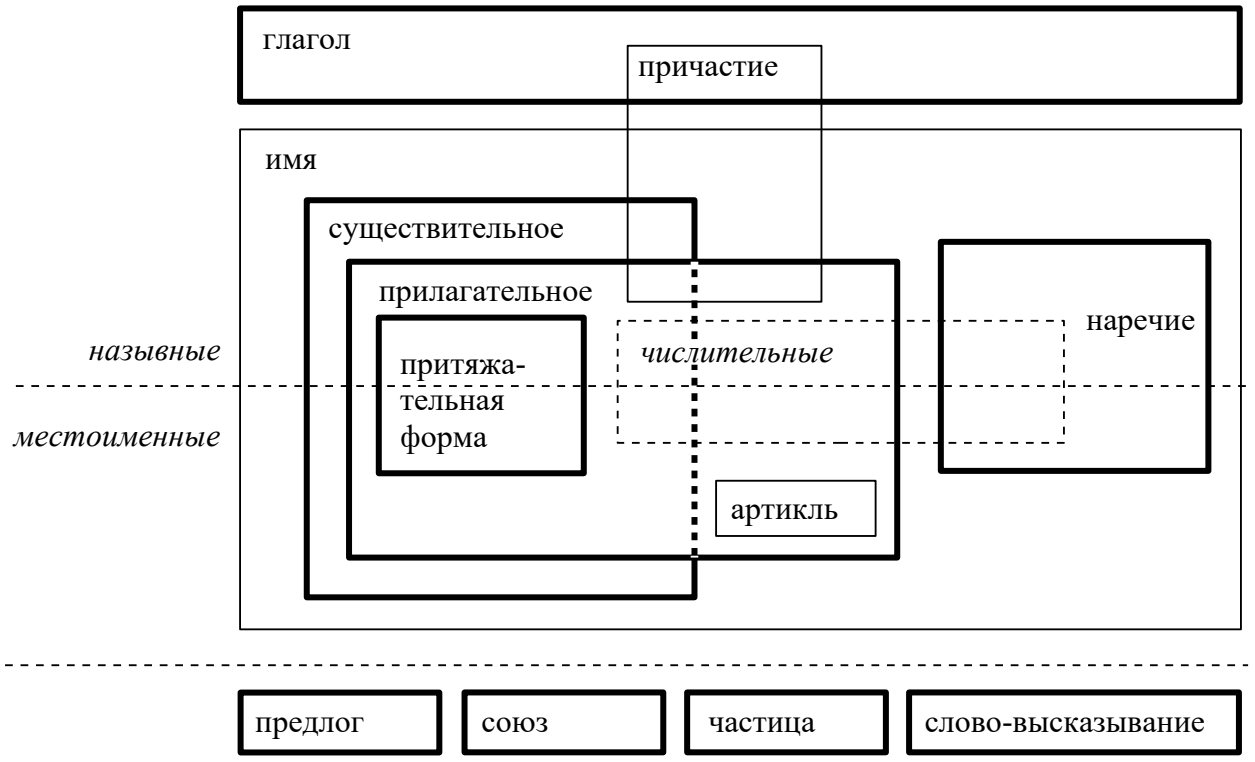
Слова, относящиеся к описанным трём именным частям речи (существительным, прилагательным, наречиям), могут быть **назывными** или местоименными (**местоимениями**, см. 3.10). Последние не составляют отдельной части речи: бывают местоимения-существительные и местоимения-прилагательные; они склоняются почти по той же парадигме, что и соответствующие назывные имена (с некоторыми отличиями); местоимения-наречия — неизменяемые. В большинстве случаев можно сказать, что местоимение является заменой назывного слова — обычно той же части речи (хотя некоторые местоимения-наречия способны заменять некоторые падежные формы существительных). Местоимения будут рассмотрены отдельно от прочих имён (они делятся на ряд дальнейших категорий — личные, вопросительные, относительные и др.).

В ходе морфологического описания отдельных частей речи будут даваться сведения, необходимые для построения их полных парадигм. И имена, и глаголы разбиваются на ряд регулярных словоизменительных типов, отличающихся морфологическим обликом форм. Кроме того, имеются нерегулярные типы, представленные единичными словами.

Прочие части речи: **предлоги** (см. 3.12), **союзы** и **частицы** (см. 3.13). Предлоги, в строгом смысле неизменяемые, меняют свой облик, срастаясь с последующими артиклями (морфонологически нетривиально). Часть слов, которые можно было бы назвать частицами (вводящими глагольные наклонения, отрицательными и т. п.), в нашем случае удобнее рассматривать не как представителей частей речи, а как морфемы (проклитики) в составе глагольной словоформы. Имеются, однако, и самостоятельные частицы.

К особой части речи **слов-высказываний** (см. 3.14) мы относим междометия, обращения и некоторые другие особые слова.

Схематически классификацию слов изобразим в виде зон, пересекающихся там, где имеют место тождественные подпарадигмы (в жирных рамках — собственно части речи):



Как видно, понятия части речи и парадигмы у нас довольно условны. Для лексического описания из этого может следовать, что, например, если признать, что причастия являются «на самом деле» прилагательными, по-видимому, нет смысла давать их отдельными от соответствующего глагола словарными статьями.

Приведём примеры слов всех частей речи с разбивкой по признакам «назывное-местоименное» и «нечислительное-числительное» (в некоторой степени условным):

часть речи и примеры		числительное	местоименное
существительное:			
řòm	ʻцыганʼ	–	–
mìja	ʻтысячаʼ	+	–
sò	ʻчтоʼ	–	+
прилагательное:			
řomanò	ʻцыганскийʼ	–	–
dùj	ʻдваʼ	+	–
savò	ʻкоторыйʼ	–	+
sòde	ʻсколькоʼ	+	+
притяжательная форма:			
řomès-ko	ʻцыганаʼ	–	–
dòn-go	ʻдвухʼ	+	–
kàs-ko	ʻчейʼ	–	+
sodèn-go	ʻскольких’	+	+
наречие:			
řomanès	ʻпо-цыгански’	–	–
dùvar	ʻдважды’	+	–
sàr	ʻкак’	–	+
sodìvar	ʻсколько раз’	+	+
глагол:			
divinìl	ʻразговаривать’	–	–
союз:			
kana	ʻкогда’	–	–
частица:			
pàte	ʻнеужто’	–	–
предлог:			
ande	ʻв’	–	–
слово-высказывание:			
zə̀v	ʻей-богу’	–	–

Все перечисленные части речи поддаются более дробной классификации (см. соответствующие разделы).

3.4. Имя существительное

Имена существительные обозначают (называют) любые сущности: живые существа, предметы, абстрактные понятия и т. д. Их можно разбить на несколько условных семантических классов:

Принадлежность к одному из этих классов определяет некоторые грамматические свойства существительных, в первую очередь набор возможных значений признаков (например, способность принимать множественное число). Имена собственные мы относим к счётным с некоторыми оговорками (см. 3.4.1.2.2).

Иногда одно и то же слово может оказываться в разных классах: например, *khàm* ʻсолнцеʼ — неодушевлённое, счётное и нарицательное в смысле ʻдневное светилоʼ; неодушевлённое, несчётное и нарицательное в смысле ʻне теньʼ; одушевлённое, счётное и нарицательное (или собственное) в сказке, где, например, герой разговаривает с солнцем. В этих разных значениях возможны морфологические (и синтаксические) различия.

3.4.1. Морфологические признаки существительного

Всё множество имён существительных разбивается на формальные классы — словоизменительные типы (типы склонения). Принадлежность существительного к тому или иному типу склонения позволяет однозначно предсказать всего его формы.

Помимо типа склонения, единственный постоянный (классифицирующий) морфологический признак существительных — род. Остальные морфологические признаки: число и падеж — переменные. Ниже эти три морфологических признака рассматриваются подробно. Семантические признаки существительного: определённость, одушевлённость и др. — рассматриваются в синтаксических разделах (см. 4.2.1.1).

3.4.1.1. Род существительных

Род — классифицирующий (постоянный) признак существительных. Назывные существительные относятся к мужскому или женскому роду, что на синтаксическом уровне проявляется, в частности, при согласовании (см. 4.4.1). Однако если у них нет единственного числа, то род никак не проявляется (и его невозможно определить). Отдельные местоимения-существительные не имеют признака рода, точнее — относятся к «никакому»

роду (см. 3.10.1). В одних типах склонения род однозначно виден по форме слова, а в других — нет. Обратное, однако, верно: из принадлежности к тому или иному типу склонения однозначно следует род: это значит, что не может быть двух слов разного рода, склоняющихся совершенно одинаково.

3.4.1.1.1. Род одушевлённых существительных

Род существительных в общем случае является чисто морфологической характеристикой. Особый случай — одушевлённые существительные. Имеется всего несколько существительных, обозначающих людей в биологическом смысле без указания на пол. Они могут относиться как к мужскому, так и к женскому роду. Для прочих существительных важно указание, что речь идёт о представителях того или иного пола, т. е. род соответствует полу. Так, общее слово ʻчеловекʼ — мужского рода (хотя есть и отдельное слово ʻмужчинаʼ), а ʻребёнокʼ — женского (при ʻсынʼ и ʻдочьʼ с учётом пола):

общее		мужской пол		женский пол	
manùš	м. ʻчеловекʼ	*mùrš*	м. ʻмужчинаʼ	*źuvlì*	ж. ʻженщинаʼ
glàta	ж. ʻребёнокʼ	*śàv*	м. ʻсынʼ, ʻюноша-цыганʼ	*śèj*	ж. ʻдочьʼ, ʻдевушка-цыганкаʼ

Сюда примыкают также:

śavořò	ʻцыганский мальчикʼ	*śovořỳ*	ʻцыганская девочкаʼ
raklò	ʻнецыганский юношаʼ	*raklì*	ʻнецыганская девушкаʼ
raklořò	ʻнецыганский мальчикʼ	*rakľořỳ*	ʻнецыганская девочкаʼ

Формы мн. в общем значении (в скобках пишем определённый артикль): *(le) manùš* ʻлюдиʼ, *(le) glàti* ʻдетиʼ, ср. с указанием на пол: *(le) śavè* ʻребятаʼ, *(le) śejà* ʻдевушкиʼ.

Формы мн. от субстантивированных прилагательных в общем значении берутся от мужского рода: *(le) barvalè* м. ʻбогатыеʼ, *(le) phurà* ʻстарикиʼ, *(le) tərnè* ʻмолодёжь; молодожёныʼ и др.

Так же ведут себя названия национальностей, в т. ч. крупных цыганских групп (с тем отличием, что у них не бывает общего слова в единственном числе). Указание на пол обязательно, при этом женская форма производна от мужской. Во множественном числе, говоря про национальность в целом, всегда применяют форму мужского рода:

мужской пол	женский пол	общее (мн.)	
řòm м.	*řomnì* ж.	*(le) řòm*	ʻцыганеʼ (в ед. тж. ʻмужʼ, ʻженаʼ)
gaźò	*gaźì*	*gaźè*	ʻнецыганеʼ
řùso	*řusàjka*	*řùsuṙa*	ʻрусскиеʼ
xoraxàj	*xoraxnì*	*xoraxà*	ʻмусульманеʼ; кавказцыʼ
tatàřo	*tətəřàjka*	*tatàřa*	ʻтатары; басурманеʼ
kotľàri	*kotľarìca*	*kotľàṙa*	ʻцыгане-котлярыʼ
lovàri	*lovarìca*	*lovàṙa*	ʻцыгане-ловарыʼ
moldovàno	*moldovànka*	*moldovàja*	ʻкотляры-молдовая’
ləjèco	*ləjàca*	*ləjècy*	ʻцыгане-немолдовая’
poľàko	*poľaćkìṅa*	*poľàća*	ʻрусские цыгане, сэрвыʼ

Несколько сложнее обстоит дело с названиями котлярских родов, для них есть особые индивидуализирующие формы, не зависящие от пола (см. 3.4.1.2.2).

В качестве собирательного обозначения «своих» цыган чаще выступает слово *(ə) lùmṙa* ж. (всегда в единственном числе, см. 3.4.1.2.1б).

Названия людей по роду занятий и иным признакам часто выступают в виде пар:

м.		ж.	
khəlitòri	ʻтанцорʼ	*khəlitòrka*	ʻтанцовщицаʼ
dilabajitòri	ʻпевецʼ	*dilabajitòrka*	ʻпевицаʼ
drabarnò	ʻгадательʼ	*drabarnì*	ʻгадалкаʼ
maťarnò	ʻпьяницаʼ	*maťarnì*	ʻпьяницаʼ (ж.)

Исключение: *kətàna* ж. ʻмилиционер; солдатʼ. Это слово относится к женскому роду, несмотря на то что практически всегда обозначает мужчин. Среди названий животных обычно одно из половых обозначений является одновременно и общим (подчёркнуто):

м.		ж.	
bakrò	ʻбаранʼ	*bakrì*	ʻовцаʼ
balò	ʻсвинья; боровʼ	*balì*	ʻсвиньяʼ
buznò	ʻкозёлʼ	*buznì*	ʻкозаʼ
gràst	ʻконьʼ	*graznì*	ʻкобылаʼ
gurùv	ʻбыкʼ	*gurumnì*	ʻкороваʼ
gyskàno	ʻгусакʼ	*papìn*	ʻгусь; гусыняʼ
kokòšo	ʻпетухʼ	*khajnì*	ʻкурицаʼ
myrtàno	ʻкотʼ	*mỳca*	ʻкошкаʼ
rìś	ʻмедведьʼ	*riśnì*	ʻмедведицаʼ
rùv	ʻволкʼ	*ruvnì*	ʻволчицаʼ
řəcòj	ʻселезеньʼ	*řàca*	ʻуткаʼ
sàp	ʻзмеяʼ	*sapnì*	ʻсамка змеиʼ
źukàl	ʻсобака; пёсʼ	*źuklì*	ʻсукаʼ (ср. ещё *kəpàvo* м. ʻкобельʼ)

Прочие животные не имеют отдельных половых обозначений, хотя само слово может быть любого рода: *šošòj* м. ʻзаяц, кролик', *ćiriklì* ж. ʻптица', *kurùng* ж. ʻворона, галка, ворон', *gulùmbo* м. ʻголубь' и др., ср. также синонимичные обозначения мифологического существа: *zmàvo* м. ʻзмей, дракон', *šərkàno* м. ʻтж.', но *hàla* ж. ʻтж.'.

В особых контекстах (например, в сказках) неодушевлённые существительные наделяются одушевлённостью: *khàm* м. ʻсолнце', *màrťa* ж. ʻсмерть'. Тогда пол этих воображаемых существ оказывается зависим от грамматического рода, а не наоборот.

Род имён собственных всегда соответствует полу, ср. мужчины: *Jòno*, *Xulùpi*, *Dùka*, *Bakalòj*; женщины: *Parastìva*, *Armʹànka*, *Balì*, *Phabàj* (подробнее см. 3.4.6.2).

3.4.1.1.2. Род неодушевлённых существительных

Род неодушевлённых нарицательных существительных не мотивирован их значением, ср. близкие по значению слова разного рода:

м.		ж.	
kəzàno	ʻказанʼ	*kakàvi*	ʻкотёлʼ
khàr	ʻдомʼ	*cəra*	ʻпалаткаʼ
nasvalimòs	ʻболезньʼ	*bàla*	ʻболезньʼ
khàs	ʻсеноʼ	*ćàr*	ʻтраваʼ
bàl	ʻволосʼ	*zàr*	ʻпаховый волосʼ

Порой нетривиально приписывается род словам из III пласта, ср. *vòćeredo* м. ʻочередьʼ, *padròstka* ж. ʻподростокʼ (см. 3.4.5).

Неодушевлённые имена собственные (географические названия) могут быть обоих родов, ср. ж.: *Řusỳja* ʻРоссия’, *Mòskova* ʻМосква’, *Lìpicka* ʻЛипецк’; м.: *Bənàto* ʻБанат’, *Ľvòvo* ʻЛьвов’ (подробнее см. 3.4.6.1).

3.4.1.2. Число существительных

Число — словоизменительный (переменный) признак существительных. Большинство существительных изменяются по числам — в том смысле, что их формы в обоих числах (единственном и множественном) не разнятся семантически и поэтому могут быть отнесены к одному заглавному слову. Отдельно оговорим случаи, когда формы разных чисел формально одного слова находятся в нетривиальных семантических отношениях.

Морфологически множественное число образуется особыми окончаниями (часто с чередованиями), в т. ч. прям.мн. слов I пласта: *-∅* (= ед.), *-à*, *-è/-ə̀*; прям.мн. слов II пласта: *-a*, *-i*/*-y* и др. (в т. ч. с наращением *-ur-*; подробно о формах см. 3.4.2).

3.4.1.2.1. Число нарицательных существительных

Можно выделить несколько групп в зависимости от наличия обоих чисел, отсутствия одного из них или же особых семантических отношений форм разных чисел:

(а) оба числа

Оба числа имеют (т. е. полноценно изменяются по числам) почти все нарицательные счётные существительные, как правило конкретные:

řòm	ʻцыган; муж’	мн.	*řòm*
mašỳna	ʻспичка’		*mašỳni*
khàm	ʻсолнце’		*khamà*

Последний пример *khamà* относится к воображаемому числу (ʻсолнца’).

Счётных абстрактных слов (при всей размытости этой классификации) довольно мало:

dilimòs	ʻглупость’	мн.	*dilimàta*
bezə̀x	ʻгрех’		*bezəxà*

У большинства абстрактных существительных множественного числа нет.

(б) только единственное число

Не имеют множественного числа немногочисленные собирательные существительные:

lùmʹa	ʻлюди, цыгане, котляры’, ʻнарод, масса людей’ (а также ʻмир, свет’)
cygənìja	ʻцыганство’, т. е. все цыгане (преимущественно котляры)
řomənìja	ʻтж.’

То же относится к большинству несчётных конкретных существительных (обозначающих вещества и др. неделимые предметы и явления) — для них само образование формы множественного числа затруднительно (приводим отдельные примеры):

конкретные		абстрактные	
khàs	ʻсено’	*dàr*	ʻстрах’
xàs	ʻкашель’	*vrʹàmʹa*	ʻвремя’
rùp	ʻсеребро’	*zòr*	ʻсила’
xàrkuma	ʻмедь’	*hanomòs*	ʻлужение’
mèl	ʻгрязь’	*sastimòs*	ʻздоровье’

Однако многие несчётные конкретные и (реже) абстрактные существительные имеют форму множественного числа с другим значением (при котором может появляться счётность, см. ниже).

(в) только множественное число

Существительные, не имеющие единственного числа, образуют закрытый список (они не имеют рода, точнее — признак рода никак у них не проявляется; даём несколько примеров; список: см. 3.4.3.23):

счётные		несчётные	
pirosťà	ʻтаганʼ	*pexà*	ʻглазные коркиʼ
voťàja	ʻочкиʼ	*pixťà*	ʻхолодецʼ
kàlcy	ʻштаныʼ	*xyvìcy*	ʻмамалыгаʼ

Как видно, сюда входят имена разной семантики. Для таких счётных предметов одна и та же форма означает и один предмет, и много.

(г) оба числа — разные значения

Довольно многочисленны слова, внешне (с морфологической точки зрения) изменяющиеся по числам, хотя по сути (с семантической точки зрения) в разных числах представлены разные значения (можно сказать — разные слова). Здесь можно выделить несколько групп по семантическим классам в разных числах:

ед. — конкретное несчётное		мн. — конкретное несчётное	
pàj	ʻводаʼ	*pajà*	ʻпот; вода в краненʼ
màs	ʻмясоʼ	*màs ~ masà*	ʻплотьʼ (но и ʻвиды мясаʼ)
kàšt	ʻдерево' (материал)	*kàšt*	ʻдроваʼ
		мн. — конкретное счётное	
xabè	ʻедаʼ	*xabenàta*	ʻблюдаʼ (но и ʻеда, харчиʼ)
sumnakàj	ʻзолотоʼ	*sumnakà*	ʻзолотые предметыʼ
sàstri	ʻжелезоʼ	*sàstrȁ*	ʻжелезкиʼ
khùl	ʻкалʼ	*khulà*	ʻкуски калаʼ
lòv	ʻкупюраʼ	*lovè*	ʻденьгиʼ
ед. — конкретное счётное		мн. — конкретное счётное	
sostìn	ʻштанинаʼ	*sosťà*	ʻтрусыʼ
phàl	ʻдоскаʼ	*phaľà*	ʻполʼ (но и ʻдоскиʼ)
ед. — абстрактное несчётное		мн. — абстрактное несчётное	
źungalimòs	ʻуродствоʼ	*źungalimàta*	ʻгрубые слова, темыʼ
laźàv	ʻстыдʼ	*laźavè*	ср. *kərə̀l laźavè* ʻсовокупляться'
barimòs	ʻвеличинаʼ	*barimàta*	ʻзаносчивостьʼ
		мн. — конкретное, счётное/несчётное	
tərnimòs	ʻмолодостьʼ	*tərnimàta*	ʻмолодые люди; молодёжьʼ

По меньшей мере одно слово употребляется в обоих числах, видимо, без чёткого различия в значении: *kàt = kaťà* ʻножницыʼ, однако ед. *kàt* (но не мн.) может значить ʻ[большие] ножницы по металлуʼ.

В случаях, когда форма множественного числа означает счётный множественный предмет (а не вещество или абстрактное понятие), например *tərnimàta* ʻмолодые люди’, соответствующей (по значению) формой единственного числа может быть морфологически другое слово, в данном случае — *tərnò* букв. ʻмолодой’, мн. *tərnè*. В некоторых случаях, например *sumnakà* ʻзолотые предметы’, одного слова для единственного числа нет (ср. *sumnakàj* ʻзолото’).

Особое нетривиальное значение во множественном числе имеют и некоторые субстантивированные прилагательные, ср. *tərnè* ʻмолодые, жених и невеста’, *phurə̀* ʻстарики; предки’ (см. 3.4.4.1).

Часть форм множественного числа употребляется ограниченно — *barimàta*: в основном только в обороте *kərə̀l barimàta* ʻзадаваться’ (букв. ʻделать величия’), в притяжательной форме *barimatàn-go* ʻзаносчивый’; *laźavè*: в обороте *kərə̀l laźavè* ʻзаниматься любовью’ (букв. ʻделать стыды’).

От некоторых несчётных конкретных «погодных» существительных образуется множественное число без выраженной перемены значения, но в то же время с оттенком значения массы или повторяемости: *šylà* ʻхолода́’, *ivà* ʻснега́, снегопады’.

От многих несчётных конкретных существительных, обозначающих вещества, форма множественного числа может обозначать виды или сорта (видимо, это только потенциально): *masà* ʻвиды мяса’, *mol'à* ʻви́на’, *ratà* ʻкрови’.

Имеется по крайней мере один случай образования двух разных форм множественного числа с разными значениями: *myrmỳnto* ʻмогила’, мн. *myrmỳnturə̀* ʻмогилы’, *myrmỳncy* ʻкладбище’ (т. е. собирательное значение).

3.4.1.2.2. Число имён собственных

Имена собственные употребляются во множественном числе только в особых случаях, ср. *dùj Mùršy* ʻдва Мурши’ (конкретные люди-тёзки).

Названия котлярских родов всегда представляют собой существительные во множественном числе. Нередко от них возможны особые индивидуализирующие формы, применимые к одному члену рода (обычно воспринимаемые как тождественные имени прародителя), не зависящие от пола человека, о котором идёт речь:

название рода	индивидуализирующая форма	
dukòni	*dùka*	
mihəjèšti ~ mijèšti	*mihàj ~ mijàj*	
dəmòni	*dàmo*	
sapořòni	*sàp*, *sapořò*	букв. ʻзмея’, ʻзмеёныш’
jonèšti	*jonèsko*	

Такие индивидуализирующие формы (в отличие от названий родов во мн. числе) используются только в сообщениях ʻя / ты / некто — из такого-то рода’ и, кажется, только в прямой форме — именительном падеже.

3.4.1.3. Падеж существительных

Кэлдэрарская падежная система с морфологической точки зрения — двухуровневая. Первый уровень — это формы т. н. **первичных падежей** (прямой, косвенный, звательный), образуемые окончаниями (в т. ч. -∅). Второй уровень — надстройка над формой первичного косвенного падежа — **вторичные падежи**, выражаемые падежными энклитиками.

Описание кэлдэрарской падежной системы наталкивается на терминологические трудности. Дело в том, что между самими **падежными формами** (с морфологической точки зрения) и **синтаксическими падежами** не только нет одно-однозначного отношения, но и разные по семантическим или иным признакам слова могут образовывать один и тот же синтаксический падеж совершенно разными способами — как синтетическим, так и аналитическим. Выбор способа образования этих форм строго определён, так что при аналитическом способе образования (точнее — способе выражения значения синтаксического падежа) вряд ли может идти речь о падежных формах.

Так, существительное с определённым артиклем *o řòm* ‘цыган’ в местном падеже множественного числа может иметь следующие формы: синтетическую *le řom|èn-de* (в ограниченном кругу ситуаций) и аналитическую: *ka-l řòm* (обычно) ‘у цыган’, но при этом заменяющее его местоимение в том же синтаксическом падеже образуется только синтетически: *l|èn-de* ‘у них’. Таким образом, синтаксический падеж здесь один, а способы выражения его значений — разные (причём в одном случае, *ka-l řòm*, это морфологически явно не падежная форма, а сочетание слов). Поэтому целесообразно разграничивать понятия падежной формы и собственно (синтаксического) падежа.

3.4.1.3.1. Первичные падежные формы

Различаются прямая, косвенная и звательная формы. Таким образом, каждое существительное имеет максимум по шесть форм: собственно падежные и звательные (обоих чисел; однако часть имён имеет по одному числу, см. 3.4.1.2).

Прямая форма — морфологически самая простая форма, образуется нулевым и другими окончаниями. Соответствует синтаксическим падежам: именительному и винительному (для неодушевлённых и иногда одушевлённых имён), а также входит в предложные конструкции.

Косвенная форма — всегда с окончаниями: косв.ед. мужского рода — всегда на *-s*, женского рода — на *-à*; косв.мн. — всегда на *-n*. Соответствует синтаксическим падежам: винительному (для одушевлённых имён — в большинстве случаев) и дательному (независимо от одушевлённости). К косвенной форме могут присоединяются падежные клитики, образуя формы вторичных падежей (см. 3.4.1.3.2).

Звательная форма — как правило, отличается от прямой формы, имеет разнообразные окончания, для каждого типа свои. Не у всех существительных есть звательные формы: для большинства неодушевлённых существительных они лишь потенциальны (и часто совсем не образуются); затруднительны они и для некоторых одушевлённых.

Окончания первичных падежных форм (наращений не даём; ударные и безударные даются вместе; здесь мы приводим их в орфографическом виде, а более подробная и строгая морфонологическая запись даётся при каждом типе, см. 3.4.3.1–3.4.3.22):

прям.ед.: *-∅*, *-o*, *-i*/*-y*, *-a*, *-os*	прям.мн.: *-∅*, *-a*, *-e*/*-ə*, *-’a*, *-i*/*-y*
косв.ед.: *-a*, *-’a*, *-es*/*-əs*, *-os*, *-as*	косв.мн.: *-en*/*-ən*, *-on*, *-an*, *-’an*
зват.ед.: *-a*, *-o*, *-ə*, *-e*, *-’a* ~ *-eja*/*-əja*	зват.мн.: *-ale*

Пример парадигмы (перевод приблизительный):

	ед.	мн.	
прям.	*sàp*	*sap|à*	‘змея / змеи’
косв.	*sap|ès*	*sap|èn*	‘змею / змей’
зват.	*sàp|a*	*sap|àle*	‘змея! / змеи!’

Кроме того, отдельные слова могут образовывать формы непродуктивных «старых падежей»: местный на *-è/-ə̀* (ср. *khər|ə̀* ‘домой, до́ма’) и отложительный на *-àl* (ср. *khər|àl* ‘из дому’), которые целесообразно считать наречиями (3.8.1.3).

Несколько существительных могут выступать в **зависимом состоянии**, как прилагательные (см. 3.6.1). Тогда их форма тождественна форме косв.ед., но без конечного согласного (если он есть, т. е. в мужском роде), ср. *kàko* ‘дядя’ : *le kakò Jonò-sa* ‘с дядей Ёно’ (косв.ед. *kakòs*); *bibì* ‘тётя’ : *la bib'à Ľal'à-sa* ‘с тётей Лялей’ (косв.ед. *bib'à*). Это бывает, когда эти существительные выступают как приложения к личному имени (см. 4.2.1.8а; в особых случаях эти формы образуются и от других существительных, см. 4.2.1.9б).

3.4.1.3.2. Вторичные падежные формы

К косвенным формам обоих чисел присоединяются падежные энклитики, образуя широкие словоформы, выражающие, как и первичные падежи, синтаксические связи существительных с другими словами в предложении. Все первичные и вторичные падежные формы сложным образом соотносятся с тем, что мы называем синтаксическими падежами (часть синтаксических падежей в ряде случаев выражается аналитически, см. 4.2.1.2).

Изменение по вторичным падежам едино для всех словоизменительных типов, т. е. падежные клитики — одни и те же для всех имён.

Ко вторичным падежам примыкают притяжательные формы, ведущие себя подобно прилагательным и изменяющиеся по родам и числам, а также (в независимых формах) принимающие падежные клитики. Мы включаем притяжательные формы в данную ниже таблицу, но рассматриваем их отдельно (см. 3.7). Здесь же нам важно только то, какие морфемы могут присоединяться к существительным в составе широкой словоформы.

🛠 Традиционно в цыгановедении наши «притяжательные формы» называются «родительным падежом», что нам не подходит, поскольку у нас падежные формы не могут иметь согласовательных признаков рода и числа. Кроме того, мы вводим «направительный» падеж вместо традиционного «дательного», а «дательным» называем падеж, которого раньше не выделяли (не отделяли от винительного). Мы также выделяем не выделявшиеся раньше «лишительный» падеж (не отделялся от родительного) и «предложный» (не отделялся от местного).

Морфонологически падежные клитики едины в обоих числах, но реализуются двояко — один алломорф выступает после *-n-*, а другой — в остальных случаях (см. 2.6.1). Поскольку у существительных все косвенные формы в единственном числе исходят на гласный или *-s*, а во множественном — всегда на *-n*, формы падежных клитик распределены по числам (это не так для местоимений, ср. *màn-dar* ‘от меня’):

морфон.			*n_*	синтаксические падежи	
-KE	⇨	*-kə*	*-gə*	направительный	
-SA	⇨	*-sa*	*-ca*	творительный	(*-S-SA* ⇨ *-sa*)
-KO	⇨	*-ko*	*-go*	лишительный	
-TE	⇨	*-te*	*-de*	предложный; местный	(также аналитически)
-TAR	⇨	*-tar*	*-dar*	отложительный	(также аналитически)
				притяжательные формы	
-K-	⇨	*-k|...*	*-g|...*	+ окончания зависимого состояния	
-KER-	⇨	*-kər|...*	*-gər|...*	+ окончания незав. состояния (+ клитики)	

Напомним о фонологическом ослаблении *-s* (см. 1.3.7.3), которое очень часто проявляется перед энклитиками на *k-*.

Пример парадигмы (перевод приблизительный):

	ед.		мн.		
	sap|ès-kə		*sap|èn-gə*		‘змее / змеям; для змеи / змей’
	sap|è-sa		*sap|èn-ca*		‘(со) змеёй / змеями’
bi	*sap|ès-ko*	*bi*	*sap|èn-go*		‘без змеи / змей’
	sap|ès-te		*sap|èn-de*		‘у змеи / змей; к змее / змеям’ (редко)
	sap|ès-tar		*sap|èn-dar*		‘от змеи / змей’ (редко)
	sap|ès-k|o		*sap|èn-g|o*	и т. д.	‘змеиный’
	sap|es-kər|ès		*sap|en-gər|ès*	и т. д.	‘змеиного’

Значение ‘без чего-л.’ почти всегда выражается предложной конструкцией с лишительным падежом (выступающим лишь в этой конструкции): *bi sapès-ko* ‘без змеи’, но крайне редко встречается и творительный: *bi sapè-sa* ‘без змеи’ (ср. *sapè-sa* ‘(со) змеёй’).

Эти энклитики сочетаются и с прилагательными (ограниченно с притяжательными формами) в независимом состоянии, и вообще со всеми именами, в т. ч. местоименными.

3.4.2. Типы склонения существительных

В наши обозначения словоизменительных типов существительных входит их род и прямые окончания обоих чисел в морфонологической форме, ср.: ж-∅:’À. Даже если формы у пары существительных фонологически различаются довольно сильно, но морфонологически тождественны, то они попадают в один тип: ср. *jàr*, мн. *jar’à* ‘шило’ (тривиальное смягчение) и *màkh*, мн. *maćà* ‘муха’ (качественное смягчение, причём в им.ед. придыхание не произносится: [ˈmak]) — в обоих случаях имеет место одно и то же морфонологическое чередование (йотация, см. 2.5.2.1).

Внутри типов склонения мы выделяем подтипы — по наличию фонологических различий, связанных со смягчением основы. Для I пласта актуально только тривиальное (и в нескольких случаях качественное) смягчение. Например, слова *rìś* ‘медведь’, *śòn* ‘месяц’, *ćòr* ‘вор’ и *mùrš* ‘мужчина’ мы относим к одному типу (м-∅:∅), хотя, например, в форме косв.ед. (морфонологический вид окончания -*ES*), строго говоря, мы имеем дело с четырьмя разными вариантами поведения на фонологическом уровне — в зависимости от согласного исхода основы (см. 2.5.2.2), ср. в этих примерах: (1) всегда мягкий согласный *ś*; (2) смягчающийся согласный *N*; (3) в принципе смягчающийся согласный *R*, но в данном случае твёрдый; (4) всегда твёрдый согласный *š*:

rìś	:	*riś|ès*	нет чередования (нет твёрдой пары):	-*ÈS* ⇨ -*ès*
śòn	:	*śon|ès*	согласный смягчается — *n* : *n’*:	-*ÈS* ⇨ -*ès*
ćòr	:	*ćor|ès*	нет чередования (хотя есть мягкая пара):	-*ÈS* ⇨ -*ès*
mùrš	:	*murš|ès*	нет чередования (нет мягкой пары):	-*ÈS* ⇨ -*ès*

В большинстве типов склонения первые два случая («мягкий» и «парный» варианты) мы рассматриваем вместе, как и вторые два («твёрдый вариант»), считая, что чередование (смягчение) просто не действует в отсутствие соответствующей пары по мягкости-твёрдости. В части типов II пласта мягкий и парный варианты приходится разделять.

Во II пласте к тривиальному и качественному добавляется ещё переходное смягчение. Выбор типа смягчения разрешается у нас на морфонологическом уровне (добавлением морфонемы *”*, см. 2.5.2.4), слова с разными смягчениями попадают в разные типы, причём смягчение отражается в обозначении типа, ср. *pùška* ‘ружьё’, мн. *pùški* — тип ж-A:I, но *bùka* ‘щека’, мн. *bùći* — тип ж-A:”I.

В итоге получается довольно громоздкая и разветвлённая классификация. Для исчерпывающего описания склонения достаточно дать окончания (иногда и наращения) первичных падежных форм, а также чередования. Принадлежность к словоизменительному типу должна в идеале определяться только прямыми окончаниями обоих чисел в морфонологической записи (все комбинации уникальны). При этом, однако, в некоторых (под)типах наблюдаются отдельные отклонения от общей схемы.

3.4.2.1. Типы склонения существительных I пласта

Система склонения I пласта довольно проста. Выделяется пять типов на согласный (в прям.ед. окончание -∅) обоих родов, а также типы на гласный: *-ò* (мужской род), *-ì*/*-ỳ* (женский род). Типы выделяются по сочетанию окончаний прямых форм обоих чисел:

род	тип	прям.ед.	прям.мн.	
мужской	м-∅:∅	*vàst*	*vàst*	‘рука’
	м-∅:À	*gàd*	*gadà*	‘рубашка’
	м-∅:È	*śàv*	*śavè*	‘сын’
	м-Ò:È	*ilò*	*ilè*	‘сердце’
женский	ж-∅:À	*źùv*	*źuvà*	‘вошь’
	ж-∅:’À	*jàr*	*jar’à*	‘шило’
	ж-’Ì:’À	*butì*	*buť à*	‘работа’

Эти типы (кроме ж-∅:’À) делятся на два или более вариантов в зависимости от согласного исхода — в общем случае варианты мы называем «твёрдыми», «мягкими» и «парными». Это проявляется в первую очередь в формах с окончаниями на гласные *i*/*y* и *e*/*ə* (в таблице выше даны мягкие или парные варианты). В I пласте передние и непередние варианты этих окончаний распределены морфонологически (см. 2.5.1.1): для каждого согласного исхода основы возможны только определённые сочетания (речь идёт об окончаниях прям.мн. *-è*/*-ə*, косв.ед. *-ès*/*-əs*, косв.мн. *-èn*/*-ən*, зват.ед. *-’à*/*-əja*, прям.ед. *-ì*/*-ỳ*).

Таким образом, передних вариантов окончаний требуют непарные мягкие и смягчающиеся согласные (последние — с чередованием твёрдый : мягкий, т. е. с тривиальным смягчением), а непередних требуют непарные твёрдые. Особое положение только у основ с исходом на *-r* — разное поведение перед *I* и *E*: *RI* ⇨ *ri*, но *RE* ⇨ *rə*. Окончания на гласные *i*/*y* и *e*/*ə* не встречаются в одних и тех же парадигмах, поэтому в одних типах основа на *-r* считается мягкой (ср. *bakrì* ‘овца’), а в других — твёрдой (ср. *bakrò* ‘баран’, мн. *bakrə̀*).

Апостроф, входящий в название типа ж-’Ì:’À, отражает вводимое нами в морфологическую запись смягчающее наращение (см. 2.5.2.4).

В формах с нулевым окончанием — факультативное отпадение зубного согласного исхода после другого согласного: *gràs(t)* ‘лошадь’, *dàn(d)* ‘зуб’ и т. д. (см. 1.3.6). Это фонологическое явление, поэтому в списках слов оно никак не отмечается, равно как и нейтрализация по глухости-звонкости и придыхательности на конце (о чём см. 1.3.7.5, 1.3.7.6).

Неясно, к какому из пластов отнести производные на *-mòs*, ср. *phurimòs* ‘старость’. Можно считать, что они находятся как бы над системой пластов, т. к. данный суффикс сохраняет продуктивность и присоединяется к производящим обоих пластов (но не к русским). Мы его рассматриваем вместе с типами II пласта (см. 3.4.3.16).

Имеется немало существительных с нерегулярным склонением (см. 3.4.3.22). Кроме того, выделяются два маргинальных типа — только у части уменьшительных с суффиксом *-oř-* от нескольких типов существительных (см. 3.4.4.9).

3.4.2.2. Типы склонения существительных II пласта

Как и в I пласт, во II пласт входят и непроизводные, и производные имена. Последние, как правило, образуются (суффиксами) от корней II пласта, но изредка встречаются образования и от корней I пласта; принадлежность ко II пласту в таких случаях определяется суффиксом. Во II пласте наблюдается довольно большое разнообразие типов склонения. Кроме чередований согласных в конце основы, т. е. смягчений (в отличие от I пласта, также и переходного, см. 2.5.2.1.3), многие слова показывают особые чередования гласных (см. 2.5.1.4–2.5.1.6). В общих чертах склонение II пласта можно представить так (помета «(фак.)» значит, что сам (под)тип факультативен и есть не у всех носителей; при наличии твёрдого и парного или мягкого подтипов приводим только парный или мягкий, однако приводим все подтипы с разными результатами переходных смягчений; тривиальное смягчение не указываем):

род	тип		прям.ед.	прям.мн.	чередования		
мужской	м-∅:A		*řəcòj*	*řəcòja*			ʻселезень’
	м-O:A		*kòkalo*	*kòkala*			ʻкость’
	м-O:UR-		*pàpo*	*pàpurə̀a*			ʻдед’
	м-O:I		*pòlo*	*pòli*			ʻчервонец’
	м-O:”I		*kumnàto*	*kumnàcy*			ʻдеверь’
	м-O:”A		*màrturo*	*màrturə̀a*			ʻсвидетель’
			vortàko	*vortàća*	*k* : *ć*		ʻтоварищ’
			kovrìgo	*kovrìźa*	*g* : *ź*		ʻбублик’
			kəzàno	*kəzàja*	*n* : *j*		ʻкотёл’
	м-I:’A		*cyncàri*	*cyncàrə̀a*			ʻкомар’
	м-A:Y	(фак.)	*gàzda*	*gàzdy*			ʻхозяин’
	м-ÒS:ÀTA		*marimòs*	*marimàta*			ʻдрака’
женский	ж-A:Y	(фак.)	*dàlta*	*dàlty*			ʻдолото’
	ж-A:I		*glàta*	*glàti*			ʻребёнок’
			pàlma	*pə̀lmi*		*a* : *ə*	ʻладонь’
			ťàja	*tèji*		*a* : *e*	ʻключ’
		(фак.)	*škàda*	*škòdi*		*a* : *o*	ʻущерб’
	ж-A:”I		*dàta*	*dàcy*	*t* : *c*		ʻраз’
			bàlta	*bə̀lcy*	*t* : *c*	*a* : *ə*	ʻболото’
			pàrťa	*pə̀rcy*	*ť* : *c*	*a* : *ə*	ʻчасть’
			oglìnda	*oglìnzy*	*d* : *z*		ʻзеркало’
			làda	*lə̀zy*	*d* : *z*	*a* : *ə*	ʻсундук’
			grəmàda	*grəmèzy*	*d* : *z*	*a* : *e*	ʻкуча’
			bùka	*bùći*	*k* : *ć*		ʻщека’
			sàlka	*sə̀lći*	*k* : *ć*	*a* : *ə*	ʻдерево’
			fl’àjka	*flèjći*	*k* : *ć*	*a* : *e*	ʻбаклажан’
			pəpərùga	*pəpərùźi*	*g* : *ź*		ʻбабочка’
			vàrga	*və̀rźi*	*g* : *ź*	*a* : *ə*	ʻслед от удара’
			vojàga	*vojèźi*	*g* : *ź*	*a* : *e*	ʻбутылка’
	ж-A:’A	(фак.)	*cərùla*	*cərùl’a*			ʻлапоть’
		(фак.)	*papùka*	*papùća*	*k* : *ć*		ʻбашмак’
	ж-I:’A		*raxàmi*	*raxàmə̀a*			ʻпальто’

Безударные окончания прямых форм (если не нулевые) — характерная черта II пласта, отличающая его от I, ср.:

I:	*šər|ò*	м.	ʻголова’	II:	*šỳr|o*	м.	ʻнизка’
	ćirikl|ì	ж.	ʻптица’		*tinźìr|i*	ж.	ʻгоршок’

В форме прям.ед. род слов во многих (но не во всех) случаях виден по окончанию: большинство слов мужского рода исходит на *-o*, а женского — на *-a*. Имеется немалая группа слов на *-i* обоих родов. Небольшой ряд слов (только мужского рода) исходит на согласный.

Окончания прям.мн.: *-i*, *-y*, *-(’)a* — со смягчениями конца основы и без. В одном типе перед окончанием (*-’a* ~ *-i*) вставляется наращение *-ur-*; почти все такие слова — мужского рода (с двумя исключениями).

Единственная вполне диагностичная форма для определения рода у существительных II пласта — косв.ед. Здесь слова мужского рода имеют окончания *-òs*, *-ès*/*-às*, *-às* (в одном типе), а женского — окончание *-à*. В форме косв.мн. только в мужском роде выступает *-òn* (с факультативным расширением: *-on|èn*), а *-èn*/*-ən* (реже *-àn*) — в обоих родах.

В некоторых типах имеет смысл выделять мягкие и твёрдые варианты, но отношения между ними сложнее, чем в I пласте. Так, если в I пласте передние и непередние варианты окончаний на гласные *E* ⇨ *-e*/*-ə* и *I* ⇨ *-i*/*-y* дополнительно распределены (по согласному исходу основы), то во II пласте это в ряде типов не так, ср. морфонологически разные окончания прям.мн. *I* ⇨ *-i* и *Y* ⇨ *-y*:

kumnàt|a	ʻголовка’	прям.мн.	*kumnàt|y*	(вариант)
glàt|a	ʻребёнок’		*glàt|i*	

Во II пласте на стыке основы и окончания бывают сочетания */x’i/, /kė/*, */gė/*, */x’e/*, */rė/* (невозможные в I пласте), ср. косв.мн. *pušk|èn-* ʻружья’, *cər|èn-* ʻпалатки’ (см. 2.5.2.2).

Некоторые типы открыты, т. е. они принимают новые заимствования. Многие типы содержат одно-три слова, однако их можно считать потенциально открытыми, но случайно слабо заполненными. Слова с неполной парадигмой (с одним числом) бывает затруднительно отнести к конкретному типу.

Кроме того, есть неправильные («изолированные») существительные, чьё склонение не вписывается в постулируемые нами морфонологические правила (см. 3.4.3.22). Одна группа производных (названия котлярских родов) может претендовать на отдельный маргинальный тип с чередованием суффиксов внутри парадигмы (см. 3.4.6.3).

3.4.3. Парадигмы склонения существительных

Ниже разбираются типы склонения существительных в следующем порядке:

I пласт:
- мужского рода (3.4.3.1–3.4.3.4)
- женского рода (3.4.3.5–3.4.3.7)

II пласт:
- мужского рода (3.4.3.8–3.4.3.16)
- женского рода (3.4.3.17–3.4.3.21)

изолированные (3.4.3.22)
без единственного числа (3.4.3.23)

Слова, у которых нерегулярны только звательные формы (зват.ед.), даются вместе с регулярными словами (звательная форма оговаривается); особенности звательных форм освещаются отдельно (см. 3.4.3.24).

3.4.3.1. Тип м-∅:∅

	ед.	мн.
прям.	| ∅	| ∅
косв.	| *ÈS*	| *ÈN*
зват.	| *A*	| *ÀLE*

Прямые формы обоих чисел совпадают (нулевое окончание). В некоторых словах возможны формы прям.мн. как с *-∅*, так и с *-à*.

⌛ Большинство существительных данного типа восходит к древнеиндийским именам мужского рода, тогда как существительные, склоняющиеся так же, но с прям.мн. на *-à* (см. следующий тип), восходят к именам среднего рода [Ослон 2012]. По-видимому, только в части влашских говоров сохраняется достаточно строгое распределение в зависимости от исконного рода. Таким образом, несмотря на полную утрату среднего рода как такового, его следы остаются в морфологии.

(а) парный и мягкий варианты

	ед.	мн.	
прям.	*řòm*	*řòm*	м. ʻцыганʼ
косв.	*řom|ès*	*řom|èn*	
зват.	*řòm|a*	*řom|àle*	

ambròl	ʻгруша [плод]ʼ
bàl	ʻволос’, мн. ʻволосыʼ
dànd	ʻзубʼ
gràst	ʻлошадьʼ
kàn	ʻухо’, уменьш. *kanořò* тж. ʻушко котлаʼ
kàšt	ʻдревесина’, мн. ʻдроваʼ
phràl	ʻбратʼ
rìś	ʻмедведьʼ
řòm	ʻцыган; цыганский мужчина; мужʼ
śòn	ʻмесяцʼ
vàst	ʻрукаʼ
(v)ùšt	ʻгубаʼ
amblàl	ʻголовешкаʼ }
gurùv	ʻбыкʼ } мн. ~ *-à*
rùv	ʻволкʼ }

Слово *řòm* в звательной форме может принимать клитику: *řòma-na* ʻцыган!ʼ.

Также нулевое окончание прям.мн. имеют несколько неправильных существительных парного и мягкого варианта: *ràj* ʻгосподин’, *dèl* ʻбог’, *źukəl* ʻсобака’ (с нерегулярными чередованиями в основе, см. 3.4.3.22).

(б) твёрдый вариант

	ед.	мн.	
прям.	*mùrš*	*mùrš*	м. ʻмужчинаʼ
косв.	*murš|às*	*murš|ən*	
зват.	*mùrš|a*	*murš|àle*	

bèng	ʻчёртʼ	
ćòr	ʻвор; жуликʼ	
kàk	ʻдядяʼ, зват. *kàko*	
manùš	ʻчеловекʼ	
mùrš	ʻмужчинаʼ	
pòr	ʻперо', мн. ʻпухʼ	
bàř	ʻкамень'	мн. ~ *-à* (редко)
dès	ʻдень'	
bərš	ʻгодʼ	
angàr	ʻуголь'	мн. ~ *-à* (часто)
màs	ʻмясо', мн. ʻтелоʼ	
akhòr	ʻгрецкий орех; ячмень [на глазу]'	

Считается чужим слово *śòr* мн. ʻбородаʼ (род в [ДД] не обозначен, а в диалектах разный).

Из этих слов морфологическую нерегулярность проявляет только *kàk* ʻдядяʼ, зват. *kàko*. Впрочем, у многих носителей *kàko* выступает и в прямой форме (тогда это II пласт, прям.мн. *kàkurȁ*, косв.ед. *kakòs-*, см. 3.4.3.10).

По этому типу склоняется непрозрачное производное *tərnəhàr* ʻхолостякʼ (см. 3.4.4.26). Нулевое окончание в прям.мн. имеет и слово *bòz* ʻхворостʼ (см. 3.4.3.23). Слово *bərš* ʻгодʼ в притяжательной форме в ряде случаев ведёт себя как слово женского рода (см. 3.7).

3.4.3.2. Тип м-∅:À

	ед.	мн.
прям.	| ∅	| *À*
косв.	| *ÈS*	| *ÈN*
зват.	| *A*	| *ÀLE*

Этот тип тождествен предыдущему, за вычетом прям.мн. с окончанием *-à*.

⏳ Большинство этих слов восходит к древнеиндийским именам среднего рода (ср. предыдущий тип). Кроме того, сюда входит существительное изначально другого типа *pàj* < **pānī* ʻводаʼ, а также иранизмы, армянизмы, несколько грецизмов, ср. *sapùj* < **sapuni*, румынизмы: *gutùj* ʻайваʼ, *plàj* ʻгораʼ. Такие слова вошли в этот тип, по-видимому, в связи с особой тенденцией (до сих пор действующей) к частичной нейтрализации конечного и предконечного ударений в прям.мн. слов на *-j* (ср. *ćeràja* ~ *ćerajà* ʻзвёздыʼ).

(а) парный и мягкий вариант

	ед.	мн.	
прям.	*sàp*	*sap|à*	м. ʻзмеяʼ
косв.	*sap|ès*	*sap|èn*	
зват.	*sàp|a*	*sap|àle*	

ab'àv	ʻсвадьбаʼ	немолд. (ср. *nùnta*)
anàv	ʻимяʼ	
asàv	ʻмельницаʼ (ʻжёрновʼ?)	
avcỳn	ʻстальʼ	
avdìn	ʻмёдʼ	нек. немолд. *avgìn*
berànd	ʻверхняя жердь шатраʼ	
bòv	ʻбуржуйка; печьʼ	
bryšỳnd	ʻдождьʼ	

ćàmb	ʻкожа на головеʼ	
ćèm	ʻстрана; людиʼ, мн. ʻзаграницаʼ	ён. *cəm*
ćikàt	ʻлобʼ	
ćikən	ʻжирʼ	
ćìl	ʻсливочное маслоʼ	
dàb	ʻударʼ	
dàd	ʻотецʼ, зват. *dàde* (редко, молд. чаще *tàtə* от *tàta* ʻпапаʼ)	
dìv	ʻпшеницаʼ	
dràb	ʻлекарствоʼ	
dròm	ʻдорогаʼ	
dudùm	ʻтыкваʼ	
gàd	ʻрубашкаʼ, мн. ʻбельёʼ	
galàv!	ʻмешок с двумя отделениямиʼ, мн. ~ *galavè*	
gàv	ʻдеревняʼ	
gutùj	ʻплод айвыʼ	~ м-∅:А
ìv	ʻснегʼ	
ivènd	ʻзимаʼ	
khàm	ʻсолнцеʼ	
khùl	ʻкалʼ, мн. ʻкуски калаʼ	
kolìn	ʻгрудьʼ	
lìl	ʻдокумент; игральная карта; письмоʼ	
lòn	ʻсольʼ	
mandìn	ʻимуществоʼ	
mòm	ʻвоскʼ	
nàj	ʻпалецʼ	
pàj	ʻводаʼ, мн. ʻпотʼ	
pišòt	ʻкузнечный мехʼ	
plàj	ʻгораʼ	
poštìn	ʻтулупʼ	
potàn	ʻтрутʼ, мн. затрудн.	
poxtàn	ʻтканьʼ	
rafìn	ʻпозвоночникʼ	
ràt	ʻкровьʼ	
rìn	ʻнапильникʼ	
rùp	ʻсереброʼ, мн. затрудн.	
sàp	ʻзмеяʼ	
sapùj	ʻмылоʼ, мн. ʻкуски мылаʼ	
šərànd	ʻподушкаʼ	
skamìn	ʻстул, скамейкаʼ	
šošòj	ʻзаяцʼ	
šùt	ʻуксусʼ	
šỳl	ʻхолод; морозʼ	
talòj	ʻнёбоʼ	~ м-∅:А
thàn	ʻместоʼ	~ *càn*
thàv	ʻнитка’	~ *càv*
thùd	ʻмолокоʼ	~ *cùd*
thùv	ʻдымʼ	~ *cùv*
tiràl	ʻсыр, творогʼ	нек. немолд. *kiràl*
trušùl	ʻкрестʼ	
(v)udùd†	ʻглазʼ	
(v)ulòj	ʻрастительное маслоʼ	
(v)ulùv	ʻпологʼ	
(v)urdòn	ʻтелегаʼ	

Неизвестно [ДД]: *śòl* ʻсвистʼ (молд. *flujerimòs*). В [ДД] ещё: *xulàj* ʻхозяинʼ; молдовая это слово знают только как русскоцыганское. Слова *řəcòj* ʻселезеньʼ, *gutùj* ʻайваʼ, *bubòj* ʻчирейʼ, *kukùj* ʻшишкаʼ даны в [ДД] с наконечным ударением (*-à*) в прям.мн. — у нас с наконечным только *gutùj*.

Из этих слов нерегулярность проявляет только *dàd* ʻотецʼ, зват. *dàde* (молд. редко).

(б) твёрдый вариант

	ед.	мн.	
прям.	*khàr*	*khər|à*	м. ʻдомʼ
косв.	*khər|às*	*khər|àn*	
зват.	*khàr|a*	*khər|àle*	

agòr	ʻконецʼ	
bezàx	ʻгрехʼ	~ *bəzàx* (редко)
buzàx	ʻудар пятками в танцеʼ	
ćìk	ʻчихʼ, ср. *dèl ćìk* ʻчихатьʼ (чаще *dèl apćì*)	
ćungàr	ʻслюнаʼ	
dopàš	ʻполовинаʼ	тж. прил. (см. 3.9.4)
gòr!	ʻкрай, конецʼ	
kàr	ʻпенисʼ	
khər	ʻдомʼ	
kotòr	ʻкусокʼ	
nàkh	ʻносʼ	
pər̀	ʻживотʼ	
phànř	ʻшёлкʼ	
šỳng	ʻрогʼ	
tovèr	ʻтопорʼ	
vəš	ʻлесʼ	
(v)udàr	ʻдверьʼ	
xàs	ʻкашельʼ	
bərk	ʻпазухаʼ	мн. затрудн., потенц. *-à*
khàs	ʻсеноʼ	
šàx	ʻкапустаʼ	
(v)uśàr	ʻзолаʼ	
xumèr	ʻтестоʼ	

Неизвестно [ДД]: *xòr* ʻнижняя часть горна для углʼ, *tèž* ʻшёлковая нитьʼ.

(в) основа на *-aj*

Слова этого типа в прям.ед. исходят на *-aj*, а в прочих формах (но не звательных) представлено стяжение на стыке корня с окончаниями *АЈ|А* ⇨ /*a*/ (см. 2.5.4.3):

	ед.	мн.	
прям.	*rašàj*	*rašà*	м. ʻпопʼ
косв.	*rašà|s*	*rašà|n*	
зват.	*rašàj|a*	*rašaj|àle*	

milàj	ʻлетоʼ	~ без стяж.
rašàj	ʻсвященникʼ	
sumnakàj	ʻзолотоʼ, мн. ʻзолотые украшенияʼ	
taxtàj	ʻстаканʼ	немолд. (ср. *pahàřo*)
xoraxàj	ʻмусульманин, кавказец, басурманʼ	

Изредка встречаются формы без стяжения, ср. (чаще в речи молодого поколения) *rašajà* (наряду с *rašà*). Это же стяжение имеется у слова *ràj* ʻгосподинʼ (мн. ʻвласти, милицияʼ), имеющего форму прям.мн. = прям.ед. (см. 3.4.3.22).

3.4.3.3. Тип м-∅:È

	ед.	мн.
прям.	| ∅	| *È̏*
косв.	| *È̏S*	| *È̏N*
зват.	| *A*	| *A̋LE*

Основа исходит на *-v*.

⌛ Этот тип изначально представлял собой вариант типа м-Ò:È (см. 3.4.3.4). Его возникновение связано с судьбой конечного **-ɥo* > *-v*. Это изменение регулярно только в существительных, но не в прилагательных (ср. *nevò* ʻновыйʼ, *savò* ʻкоторыйʼ), поэтому мы выделяем данный тип как отдельный (тем более что зват.ед. здесь такой же, как в типе м-∅:À).

	ед.	мн.	
прям.	*śàv*	*śav|è*	м. ʻсынʼ
косв.	*śav|ès*	*śav|èn*	
зват.	*śàv|a*	*śav|àle*	

laźàv	ʻстыдʼ, ср. мн. *kərəl laźavè* ʻсовокупляться
lòv	ʻкупюраʼ, мн. ʻденьгиʼ
patàv	ʻпортянкаʼ
prašàv	ʻреброʼ
śàv	ʻсын; парень-цыганʼ

Сюда может относиться и редкое *galàv* ʻнаплечный мешокʼ (чаще м-∅:À). Слово *lòv* в единственном числе употребляется редко.

3.4.3.4. Тип м-Ò:È

	ед.	мн.
прям.	| *Ò*	| *È*
косв.	| *È̏S*	| *È̏N*
зват.	| *È̏JA*	| *A̋LE*

В косвенных формах и в зват.мн. не отличаются от существительных мужского рода с согласным исходом, однако имеется характерная форма зват.ед. с ударением на окончании (которое бывает односложным и двухсложным).

⌛ Эти слова восходят к образованиям с суффиксом др.-инд. **-ak-a-* (изначально уменьшительным). Этот суффикс рано потерял семантическое наполнение и, по-видимому, стал служить средством явного морфологического выражения мужского рода (так же в других новоиндийских языках; ср. параллельные образования женского рода на *-ì* < **-ik-ā*).

В этот тип попадают субстантивированные прилагательные мужского рода, ср. *phurò* ʻстарый; старикʼ, *barò* ʻбольшой; цыганский баронʼ, *tərnò* ʻмолодой; молодой человекʼ. В списках мы их не даём (о таких прилагательных см. 3.4.4.1).

Кроме обычного разделения на парные (= мягкие) и твёрдые варианты, среди твёрдых имеет смысл отличать исход на *-r* от исхода на заднеязычные (*-ř*, *-x*) и *-s*: в первом случае обычна стяжённая форма зват.ед. *-’à*, во втором она невозможна (что объясняется несмягчением *-r* перед *ə*, но способностью к йотации):

(а) парный и мягкий варианты

Зват.ед. *-’à* или крайне редко нестяжённо *-’èja.*

	ед.	мн.	
прям.	*bal|ò*	*bal|è*	м. ʿсвиньяʾ
косв.	*bal|ès*	*bal|èn*	
зват.	*bal’|à* (~ *bal|èja*)	*bal|àle*	

balò	ʿборов; свиньяʾ
buznò	ʿкозёлʾ
buźò	ʿкляп; соска из хлебного мякиша; узелокʾ
ćoxanò	ʿпривидениеʾ (м.)
dikhlò	ʿплатокʾ
dumò	ʿплечоʾ
gaźò	ʿнецыган; русский; мужикʾ
gonò	ʿмешокʾ
ilò	ʿсердцеʾ
maśò	ʿрыба; голеньʾ
pelò	ʿяичкоʾ (анат.)
phərnò	ʿпелёнкаʾ
phiramnò	ʿлюбовникʾ ~ *piramnò*
phivlò	ʿвдовецʾ
raklò	ʿпарень-нецыганʾ
rikonò	ʿщенок, собачкаʾ
šəlò	ʿверёвкаʾ
sunò	ʿсонʾ
termò	ʿчервьʾ нек. немолд. *kermò*
tilò	ʿколʾ нек. немолд. *kilò*
tirvò	ʿкумʾ нек. немолд. *kirvò*
źenò	ʿчеловекʾ (чаще счётн.)
źutò	ʿпараʾ

суффиксы

-n-ò	(деятель, см. 3.4.4.7)
-iś-ò	(детёныш, см. 3.4.4.8)

Неизвестно [ДД]: *balamò* ʿмясная лавкаʾ; в т. ч. считается чужим: *kyrlò* ʿгорлоʾ.

(б) твёрдый вариант: основа на *-r*

Наряду с обычным зват.ед. *-’à* возможны нестяжённые формы на *-àja* (более редкие).

	ед.	мн.	
прям.	*bakr|ò*	*bakr|ə*	м. ʿбаранʾ
косв.	*bakr|ès*	*bakr|ən*	
зват.	*bakr’|à ~ bakr|àja*	*bakr|àle*	

bakrò	ʻбаран’
ćarò	ʻмиска’
khurò	ʻмолодой конь’
šərò	ʻголова’
źamutrò	ʻзять’

Неизвестно [ДД]: *khorò* ʻкувшин’.

⌛ Стяжённый вариант зват.ед. *-rʹà*, видимо, возник из формы *-rèja*, т. е. со смягчённым *r*, как сейчас у гыркуря (см. 0.6.1), в отличие от несмягчающегося *-řàja*. Если так, то твёрдость сочетания *rə* у всех, кроме гыркуря, вторична. Значит, может быть, сначала у всех кэлдэрар было /*rə̀*/, а затем часть их (включая будущих молдовая, но не гыркуря) ушли в ареал, где произошло позднее отвердение **re* > *rə*.

(в) твёрдый вариант: основа на заднеязычные и *-s*

Стяжённых форм зват.ед. нет.

	ед.	мн.	
прям.	*punř|ò*	*punř|ə*	м. ʻнога’
косв.	*punř|às*	*punř|ən*	
зват.	*punř|àja*	*punř|àle*	

anřò	ʻяйцо’
ařò	ʻмука’
bukò	ʻпечень’
gojisò	ʻбольшая игла’, мн. затрудн.
kanřò	ʻколючка; жало’
kurkò	ʻнеделя; воскресенье’
manřò	ʻхлеб’
punřò	ʻнога’ ~ *pynřò*

суффиксы

-oř|ò	(уменьшительный, см. 3.4.4.9)

Неизвестно [ДД]: *balamò* ʻмясная лавка’, *xanřò* ʻсабля’. Сюда можно отнести редкий (индивидуальный?) вариант мн. *təjecə̀*, косв.мн. *təjecə̀n-* ʻмакароны’ (обычно *təjecə̀j*, косв.мн. *təjecə̀jèn-*, см. 3.4.3.22).

Уменьшительные на *-oř|ò* с трудом вписываются в один тип. Окончание прям.мн. повторяет соответствующую форму производящего: прям.мн. *khərořà* ʻдомики’ (см. 3.4.4.9).

3.4.3.5. Тип ж-∅:À

	ед.	мн.
прям.	| ∅	| *A͡*
косв.	| *A͡*	| *E͡N*
зват.	| ∅	| *A͡LE*

Существительные этого типа склоняются очень близко к мужскому типу м-∅:À: различие имеется только в косв.ед., а также в звательных формах.

⌛ Эти существительные восходят в основном к существительным женского рода на др.-инд. **-ā*; к ним также примкнул ряд иранизмов и арменизмов. Они включают также несколько ранних греческих заимствований: *hràm* ʻнадпись, запись’, *avlìn* ʻдворец, усадьба’ и др. Нами обнаружено слово I пласта *zàn* ʻущерб’ ← перс. *ziyān* ʻвред, ущерб, провинность’ (в т. ч. в обороте *kərəl zàn* ʻнавредить, причинить ущерб’), отмеченное в других диалектах (при отсутствии стяжения — в виде *zijan*).

(а) парный вариант

	ед.	мн.	
прям.	*źùv*	*źuv|à*	ж. ʿвошьʾ
косв.	*źuv|à*	*źuv|èn*	
зват.	*źùv*	*źuv|àle*	

avlìn	ʿдворец, усадьбаʾ	
dukhùm	ʿкулакʾ	
(h)ràm	ʿзапись, подписьʾ	
lìm	ʿсопляʾ	
papìn	ʿгусь; гусыняʾ	
patìv	ʿпочёт; угощениеʾ, мн. ʿпочестиʾ	
pišòm	ʿблоха; клопʾ	
purùm	ʿлукʾ	
šəl	ʿсотняʾ	числ. *(ə)k-šəl* ʿ100ʾ
śìb	ʿязыкʾ	
sulùm	ʿсоломинкаʾ, мн. ʿсоломаʾ	
(v)uśalìn	ʿтеньʾ	
zàn	ʿущербʾ	
źùv	ʿвошьʾ	
mèl	ʿгрязьʾ	мн. затрудн.
pošòm	ʿшерсть, мехʾ	мн. затрудн.
śèl	ʿоспаʾ	мн. затрудн.
źòv	ʿовёсʾ	мн. затрудн.

суффиксы

-ìn/-ỳn	(деревья и др., см. 3.4.4.6)

Неизвестно [ДД]: *(v)uśàl* ʿтеньʾ (только *(v)uśalìn*), *timìn* ʿценаʾ, *potìn* ʿпокупкаʾ.

(б) твёрдый вариант

	ед.	мн.	
прям.	*kurùng*	*kurung|à*	ж. ʿворонаʾ
косв.	*kurung|à*	*kurung|ən*	
зват.	*kurùng*	*kurung|àle*	

bòkh	ʿголодʾ
bùř	ʿхворостинкаʾ
ćàng	ʿколеноʾ
ćìk	ʿгрязьʾ
ćingàr	ʿссораʾ
dàr	ʿстрахʾ
dìz!	ʿза́мок, дворецʾ
dòš	ʿвинаʾ
drəz	ʿстог; охапкаʾ
dùkh	ʿболь
gər	ʿоспинаʾ
jàg	ʿогоньʾ
jàkh	ʿглазʾ
koćàk	ʿпуговицаʾ

kòř	ʻшея’	
krìs	ʻсуд’	
kurùng	ʻгалка; ворона; ворон’	
kuštìk	ʻпояс для монет; обод котла’	
lìkh	ʻгнида’	
phàk	ʻкрыло’	
phir'às	ʻшутка’	
pòř	ʻкишка’	
pòš[!]	ʻземля’, только в связи с погребением; табу	
prušùk	ʻкрошка’	
rəz	ʻвиноградник’	
rìg	ʻсторона’	
solàx	ʻклятва’	
šùk[!]	ʻкрасота’	молд. редко
sùng	ʻнюх’	
thàk	ʻподмышка’	
trùš	ʻжажда’	
xajìng	ʻколодец’	
zlàg	ʻсерьга’	
zòr	ʻсила’	

Неизвестно [ДД]: *pendèx* ʻорех’, *hər* ʻвнутренняя часть бедра’ (однако есть *hər* ж. ʻголенище’, малоизв.). Считается чужим: *lòš* ʻрадость’. Слова *bùř*, *rəz* и *drəz* даны в [ДД] с мужским родом (ошибка?).

3.4.3.6. Тип ж-∅:’À

	ед.	мн.
прям.	∣ ∅	∣ *’À*
косв.	∣ *’À̃*	∣ *’À̃N*
зват.	∣ ∅	∣ *’À̃LE*

Этот тип отличается от предыдущего йотацией основы.

⌛ Нулевое окончание прям.ед. в этом типе восходит к древнему краткому *-*i*, которое закономерно отпало. В словах на *-*n*-*i* перед уцелевшими гласными окончаний (-*a*) прошла йотация *-*n̂ia* > *-*i̯a*, ср. мн. *řajà* ʻпалки’, а в прям.ед. концом основы в таких случаях должно было бы быть *-*n*, т. е., например, **řan* < **řāni*. Однако в таких словах имело место аналогическое выравнивание конца основы по формам с йотацией, так что теперь мы имеем только *řàj* ʻпалка’, *balàj* ʻкорыто’, *khòj* ʻживотный жир’, *kùj* ʻлокоть’. В прочих словах исход *-j*, вероятно, исконен.

	ед.	мн.	
прям.	*tìr*	*tir’∣à*	ж. ʻмуравей’
косв.	*tir’∣à*	*tir’∣àn*	
зват.	*tìr*	*tir’∣àle*	

ašvàr	ʻуздечка’	
bàj	ʻрукав’, ср. *bàj le kalcə̀n-gi* ʻштанина’	
balàj	ʻкорыто’	
bàr	ʻдвор; забор; табор (цыганский посёлок)’	
barvàl	ʻветер’	немолд. *balvàl*
bàxt	ʻсчастье’	
bèć(i)	ʻокорок’	
bùl	ʻзадница’	

bùst	ʽвертел’	
ćàr	ʽтрава’	
gòj	ʽколбаса; пенис’, обычно табу (ср. *matirijàlo* ʽколбаса’)	
hə̀r	ʽголенище’ (?)	
hərùj	ʽштанина’	немолд.?
hùr	ʽштанина’	
jàr	ʽшило’	
kàt	ʽножницы’, мн. ʽтж.’, ед. тж. ʽножницы по металлу’	
khàj	ʽбесшумный выпуск газов, «пук»’	
khə̀r	ʽсапог’	
khòj	ʽживотный жир’	
khùr	ʽкаблук’	
kùj	ʽлокоть’	
màkh	ʽмуха’	
mìnź	ʽвагина’	
mòl	ʽвино’	
phàl	ʽдоска’	
phùb	ʽгной’, мн. затрудн.	
phùv	ʽземля’	
řàj	ʽпалка’	
řòj	ʽложка’	
sùv	ʽигла’	
sỳr	ʽчеснок’	
thàr	ʽкоренной зуб’	
tìr	ʽмуравей’	
tišàj	ʽпесок’	нек. немолд. *kišàj*
xàr	ʽпригорок’	
xỳv	ʽдыра’, обычно табу (чаще *gràpa*, *řỳpa* осн. знач. ʽяма’)	
zàr	ʽпаховый волос’	

Окончания этого типа имеет и нерегулярное слово *r’àt* ʽночь’ (см. 3.4.3.22).

Неизвестно [ДД]: *màl* ʽлуг’, *xànź* ʽзуд’. В [ДД] ошибочно отнесено к м.: *zàr* ʽволос на теле’.

⌛ К этому типу раньше относилось также забытое **zə̀n* ʽседло’ [ДД], давшее мн. *zəjà* ʽспина’ с **-ni̯-* > *-i̯-*, а также *ćeràn* ʽзвезда’ (~ *ćeràj*, теперь мн. чаще с ударением II пласта: *ćeràja*). Слово *armajà* ʽклятва’, по-видимому, не имеет единственного числа, в т. ч. в составе двухчастного глагола: ***dèl armàn* (только *dèl armajà*) ʽклясться, проклясть’, хотя оно осталось в прич. *dinò-armàn* ʽнарушивший клятву; проклятый’.

3.4.3.7. Тип ж-’ì:’À

	ед.	мн.
прям.	*.’ | Ì*	*.’ | Ȁ*
косв.	*.’ | Ȁ*	*.’ | Ȁ̀N*
зват.	*.’ | Ȉ̀JO*	*.’ | Ȁ̀LE*

В морфонологическую запись слов этого типа вводим смягчение в конце основы (см. 2.5.2.4). Кроме перечисленных ниже слов, в этот тип попадают субстантивированные прилагательные женского рода, ср. *phurì* ʽстарая; старуха’ (об этом см. 3.4.4.1).

⌛ Слова этого типа восходят к древним образованиям с суффиксом др.-инд. **-ik-ā* (изначально уменьшительный женского рода). Этот суффикс рано потерял семантическое наполнение и стал служить средством явного морфологического выражения женского рода (ср. параллельные образования мужского рода на *-ò* < **-ak-a-*).

(а) мягкий вариант

	ед.	мн.	
прям.	*bor|ì*	*bor'|à*	ж. ʻневестаʼ
косв.	*bor'|à*	*bor'|àn*	
зват.	*bor|ìjo*	*bor'|àle*	

angrustì	ʻкольцоʼ	
belì	ʻзадняя жердь шатраʼ	
bibì	ʻтётяʼ, зват. *bibè*	
birovlì	ʻпчелаʼ	
bokolì	ʻлепёшкаʼ	
borì	ʻневесткаʼ	
bradì	ʻбадьяʼ	
butì	ʻработа; вещьʼ	
ćiriklì	ʻптицаʼ	
ćućì	ʻженская грудьʼ	
dilì	ʻпесняʼ	нек. немолд *gilì*
dorì	ʻзавязкаʼ	
felì	ʻпетляʼ	
godì	ʻум, мозгʼ	
gožnì	ʻкусок калаʼ	
kanglì	ʻгребеньʼ	
khajnì	ʻкурицаʼ	
khangərì	ʻцерковьʼ	
kopidì	ʻзубилоʼ	
kućì	ʻчашкаʼ	
lugnì	ʻпроститутка'	
luludì	ʻцветокʼ	
mamì	ʻнищая старуха, приносящая счастьеʼ (мифол.); обычно *mamo̓řy̓*	
momelì	ʻсвечаʼ	
morćì	ʻкожаʼ	
paraštujì	ʻпятницаʼ	
patradì	ʻПасхаʼ	
phumnì	ʻболячкаʼ	~ *phugnì* ~ *phuvnì*
pirì	ʻкастрюля, горшокʼ	
porì	ʻхвост; копчикʼ	
posotì	ʻкарман на фартукеʼ	
rovlì	ʻтростьʼ	
stadì	ʻшапкаʼ	~ *stajdì*
sumadì	ʻсбережениеʼ, ср. *thòl sumadì* ʻзаложить [в ломбарде]ʼ	
śurì	ʻножʼ	
xolì	ʻзлостьʼ	
zəvelì	ʻшкваркаʼ	~ *zəvəlì*
zumì	ʻсупʼ	
źuvlì	ʻженщинаʼ	

суффиксы

-nì	(женская особь, см. 3.4.4.3)
-ì	(женская особь, см. 3.4.4.4)

Неизвестно [ДД]: *ćugnì* ʻкнут’, *murthalì* ʻводка’, *kilodorì* ʻрастяжка’, *pramatì* ʻпрофессия’, *kaklì* ʻверетено’, *kəravdì* ʻрак’. Твёрдый вариант представлен только словом *tisỳ* ʻкарман на фартуке’, считающимся чужим (косвенные формы неизвестны).

(б) твёрдый вариант

Сюда входят уменьшительные женского рода с суффиксом *-oř-* (см. 3.4.4.9):

	ед.	мн.	
прям.	*śovoř|ỳ*	*śovoř|à*	ж. ʻдевочка’
косв.	*śovoř|à*	*śovoř|àn*	
зват.	*śovoř|ỳjo*	*śovoř|àle*	

суффиксы	
-oř-ỳ	(уменьшительный, см. 3.4.4.9)

Уменьшительное: *mam̓oř̀ỳ* ʻнищая старуха, приносящая счастье’ (мифологический персонаж); производящее *mamì* ʻтж.’ употребляется меньшинством носителей.

3.4.3.8. Тип м-∅:A

	ед.	мн.
прям.	| ∅	| *A*
косв.	| *ȄS*	| *ȄN*
зват.	| *A*	| *ÄLE*

(а) твёрдый вариант

	ед.	мн.	
прям.	*harambàš*	*harambàš|a*	м. ʻразбойник’
косв.	*harambaš|às*	*harambaš|àn*	
зват.	*harambàš|a*	*harambaš|àle*	

harambàš	ʻразбойник’
kokonàš	ʻребёнок’
spiridùš	ʻясновидящий’
klinćùš	ʻзасов’

суффиксы	
-àš	(деятель, см. 3.4.4.17)

Эти немногочисленные и редкие слова, видимо, могут во всех формах, кроме прям.ед., примыкать к продуктивному типу м-O:UR-: косв.ед. *spiridušòs* (вместо *-às*), мн. *spiridùšuri* (вм. *spiridùša*) и т. д.

(б) мягкий вариант

	ед.	мн.	
прям.	*řəcòj*	*řəcòj|a*	м. ʻселезень’
косв.	*řəcoj|ès*	*řəcoj|èn*	
зват.	*řəcòj|a*	*řəcoj|àle*	

borďàj	ʻхижина’	
bubòj	ʻчирей’	
ćàj	ʻчай’	~ *ćàjo* (O:UR-)
ćokỳj	ʻщиколотка’	
fəsùj	ʻфасоль’	
koćàj	ʻкочерыжка’	
kukùj	ʻшишка [от удара]’	
kəlkỳj	ʻпятка’	
makrìś	ʻщавель’	
moždèj	ʻсалат с рыбой и помидорами’	
morkòj	ʻморковка’	
pribòj	ʻпробойник’	
řəcòj	ʻселезень’	
strigòj	ʻдух мертвеца’ (?)	

В [ДД] даны с пометой женского рода (ошибочно?): *fəsùj*, *koćàj*, *kukùj*, *kylkỳj*, *morkòj*.

3.4.3.9. Тип м-O:A

	ед.	мн.
прям.	| *O*	| *A*
косв.	| *ÖS* ~ | *ÈS*	| *ÖN* ~ | *ÈN*
зват.	| *O - NA*	| *ÄLE*

Этот скудный тип необычен тем, что прям.мн. образуется без йотации. Впрочем, йотация была бы возможна только в *kòkalo* (основы остальных слов исходят на непарные твёрдые). В косвенных формах обоих чисел возможны варианты, т. е. *kokalòs-* ~ *kokalès-*; *tatařòn-* ~ *tatařən-* (это проявляется и в притяжательных формах, ср. *tatařòn-go* ~ *tatařən-go* ʻтатарский’). При окончаниях на *-o-* подтипов по мягкости-твёрдости нет.

⌛ Сюда входит общецыганское греческое заимствование *kòkalo*, остальные слова — из румынского.

(а) парный вариант

	ед.	мн.	
прям.	*kòkal|o*	*kòkal|a*	м. ʻкость’
косв.	*kokal|òs* ~ *kokal|ès*	*kokal|òn* ~ *kokal|èn*	
зват.			

(б) твёрдый вариант

	ед.	мн.	
прям.	*tatàř|o*	*tatàř|a*	м. ʻтатарин’
косв.	*tatař|òs* ~ *tatař|ès*	*tatař|òn* ~ *tatař|ən*	
зват.	*tatàř|o-na*	*tatař|àle*	

dàřo	ʻдар молодожёнам’, мн. затрудн.
katỳřo!	ʻмул’ (?)
tatàřo	ʻтатарин, азиат’, нерег. редукция: *tətəř-* в производных
pahàřo	ʻстакан’

Неизвестно [ДД]: *porkəràšo* ʻсвинопас’, *ćòjo* ʻжировик’, *gòmbošo* ʻбулавка’.

3.4.3.10. Тип м-O:UR-

	ед.	мн.		
прям.	| *O*	*.UR* | *'A*	~	*.UR* | *I*
косв.	| *ÒS*	| *ÒN*	~	*.ON* | *ÈN*
зват.	| *O - NA*	| *ÀLE*		

Открытый тип, включает большинство слов на *-o*. В прям.мн. наращение *-ur-*. Окончание *-'a* частотнее, чем *-i*. В косв.мн. наращение *-on-* факультативно.

⏳ В этот тип попало большинство румынских слов мужского и среднего родов (окончание рум. *-uri* наиболее типично для среднего рода). Однако сюда вторично входят также исконное *kàko* ‘дядя’ (вариант, наряду с *kàk*) и общецыганское заимствование из греческого *fòro* ‘город’.

	ед.	мн.		
прям.	*sòkr*|*o*	*sokr.ur'*|*a*	~ *-ur*|*i*	м. ‘тесть’
косв.	*sokr*|*òs*	*sokr*|*òn*	~ *-on*|*èn*	
зват.	*sòkr*|*o-na*	*sokr*|*àle*		

bàjo! ‘дело’ (?), ср. *nàj (barò) bàjo* ‘ничего страшного’ (немолд.?)
bàlco ‘закладка в пачке купюр’
bìćo ‘кнут’
bìnelo ‘изобилие’
bìro† ‘долг’
bìrto ‘кабак’
bòto ‘нос животного, пятачок’
bràdo! ‘ёлка’
brìćo ‘лезвие’
buzdugàno ‘палица’
byndàvulo ‘шмель’
bərdàno ‘толстая кишка’
bəřəndàvo ‘блюдо из потрохов’
cəgòno ‘фата’
còlo ‘подстилка’
cỳmpo ‘ножка птицы’
ćàso ‘час; часы’
ćèpo ‘пробка’
ćèrko ‘обруч; круг’
ćònko ‘пучок (причёска)’
dàto ‘доля, дань’, ср. *perèl pe tù-te dàto* ‘с тебя причитается’
divàno ‘беседа, рассказ; скандал’
divòko ‘ракушка; моллюск’, чаще ‘талисман’
dòso ‘задняя сторона (укрытая от ветра)’
duhàno ‘табак’ ~ *duvàno*
fedèvo! ‘крышка’
fèlešo ‘нижняя юбка’
fìlo! ‘янтарь’ (?)
fìno ‘крестник’
firìzo ‘пила’
fləkàvo ‘парень-холостяк’
fòro ‘город’, ср. также *kərèl fòro* ‘сговариваться [о браке]’
fùndo ‘дно’

glàpniko	ʻпрокладка для ношения вёдер на голове’	~ *glàvniko*
glàso	ʻголос; мелодия’	
glònco	ʻглоток’	
golomòzo	ʻком’	
gràjo	ʻголос; шум’	
gùsto	ʻвкус’	
gỳndo	ʻмысль’	
gỳrbo	ʻгорб’	
gỳrćo	ʻхрящ в мясе’	
hàmo	ʻхомут’	
hùľo	ʻкоршун’	
jàdo†	ʻад’	
kàko	ʻдядя’	~ *kàk* (м-∅:∅)
krećèlo	ʻкрючок’	
kľàšťo	ʻклещи’	
kokòšo	ʻпетух’	
kòlco	ʻугол; конец’	
kòmbo	ʻузел; сук; комок’	
kòto	ʻвнутренний угол’	
kòšo	ʻдымовое отверстие’	
krećùno	ʻРождество’	~ *krəćùno*
kùjbo	ʻгнездо; муравейник’	
kəpə̀vo	ʻкобель’	
kỳmpo	ʻполе’	
kỳrdo	ʻтабор’	
lànco	ʻцепь; [застёжка] молния’	
lèvo	ʻлев’	
liďàno	ʻтаз’	
ľàgəno	ʻлюлька’	
ľàko	ʻлекарство’, ср. *ək-ľàko* ʻчуть-чуть’	
màlo	ʻберег’	
mèlćo	ʻулитка’	
mehlèmo	ʻприпой (сплав олова и свинца)’	
mèzo	ʻмякиш’	
mùsto	ʻсок’	
myrmỳnto	ʻмогила’, ср. мн. *myrmỳncy* ʻкладбище’	~ м-О:”I
naròdo	ʻлюди’	
nègo	ʻбородавка’	
nəkàzo	ʻгоре’	
nʹàmco	ʻнемец’	
nʹàmo	ʻродственник’	
pàho	ʻлёд’	
pàpo	ʻдед’, зват. *pàpo*	
pʹàrsiko	ʻперсик’	
pàso	ʻшаг’	
pàto	ʻкровать’	
pə(v)ùno	ʻпавлин’	
paplòno	ʻодеяло’	
plùmbo	ʻпуля’, чаще мн. *plùmbi*	мн. ~ ж-А:I
pòdo	ʻмост’	

pològo	ʻполог [от мух]ʼ	
pònko	ʻподковыркаʼ	
pòsto	ʻпостʼ (рел.)	
pràgo	ʻпорогʼ	
pućòko	ʻтюкʼ	~ м-О:”А
pỳnžyno[!]	ʻпаукʼ	
řətèzo	ʻкрючокʼ	
řùgo[†]	ʻлоза, стебельʼ (?)	
řùso	ʻрусскийʼ	
řỳndo	ʻрядʼ	
sàvato	ʻсубботаʼ	
səmèsto	ʻсемьяʼ	
sə̀mno	ʻзнак; след [на коже]ʼ	
sòkro	ʻтесть; свёкорʼ	
spìko	ʻколтунʼ	
stàto	ʻстан; фигураʼ	
sťàgo	ʻфлагʼ	
stỳlpo	ʻстолб; ствол [дерева]ʼ	~ *stỳlbo*
šànco	ʻканаваʼ	
šònko	ʻветчинаʼ	
špènco	ʻсвитерʼ	
štrʹàngo	ʻверёвка; элемент танцаʼ	
šťàrco	ʻсовокʼ	
talàzo	ʻволнаʼ	
tìćo	ʻбедроʼ	нек. немолд. *kìćo*
tìpo	ʻобраз [и подобие]ʼ	нек. немолд. *kìpo*
tràjo	ʻжизньʼ	
tùno	ʻпушкаʼ	
vàřo	ʻизвесть, мелʼ	
vàso	ʻсосуд, посудинаʼ, мн. ʻпосудаʼ	
vìco	ʻволосокʼ	
vicə̀lo	ʻтелёнокʼ	
viťàzo	ʻсилачʼ	
(v)ùjeto	ʻкрик, войʼ	
(v)ùrvo	ʻверхʼ, м. б., только *vurvò-sa* ʻмного, через крайʼ	
vələ̀vo	ʻжёлоб; бок палаткиʼ, перен. ʻдуракʼ (?)	
zakòno	ʻобычайʼ	
zỳdo	ʻстенаʼ	

только. ед.

bəgə̀vo	ʻнагар в трубкеʼ
dòro	ʻтоскаʼ
hàburo	ʻпар; воздухʼ
inàto	ʻстрадание’, обычно *tìno aj inàto* ʻмука и страданиеʼ
pèko	ʻгудронʼ
pelìno	ʻполыньʼ
pətrunžòlo	ʻпетрушкаʼ
pòno	ʻпонос, отравление, дизентерияʼ
postàvo	ʻситецʼ
řòndeto	ʻгромʼ

skrùmo	ʻпепел (чёрный)ʼ	
šỳko	ʻфольгаʼ	
tìno	ʻмýкаʼ	нек. немолд. *kìno*
trəzneto	ʻмолнияʼ	~ *trèzneto*
velìno	ʻяд; (зелёная) рвотаʼ	
vitrivòlo	ʻсерная кислотаʼ	~ *litrivòno*
vorèzo	ʻрисʼ	~ *horèzo*
zàro	ʻсахарʼ	немолд. *zàharo*
zàrzəro	ʻсоляная кислотаʼ	
zəpòsto	ʻканун постаʼ	
žəgo	ʻуглиʼ	
źèro	ʻморозʼ	
źòko	ʻтип танцаʼ	

суффиксы

-ùco	(уменьшительный, см. 3.4.4.24)

Неизвестно [ДД]: *ìšto* ʻкотёлʼ, *obsèto* ʻуксусʼ, *većìno* ʻсоседʼ, *smỳrko* ʻжуравльʼ и мн. др. (часть из этих слов в [ДД] — мадьяризмы, часть — забытые румынизмы, а часть — иноговорные).

Сюда входит большинство слов из III пласта, ср. *aftòbuso*, мн. *aftòbusurə* (см. 3.4.5). У двух слов зват.ед. чаще всего без клитики *-na*: *kàko* ʻдядяʼ, *pàpo* ʻдедушкаʼ.

3.4.3.11. Тип м-O:I

	ед.	мн.
прям.	| *O*	| *I*
косв.	| *ÖS*	| *ËN*
зват.	| *O - NA*	

⏳ Слово *pòlo* ʻзолотая монетаʼ, возможно, армянского происхождения. Остальные — румынского.

(а) парный/мягкий вариант

Несколько слов; по крайней мере одно факультативно относится к типу м-O:UR-:

	ед.	мн.	
прям.	*pùj|o*	*pùj|i*	м. ʻцыплёнокʼ
косв.	*puj|òs*	*puj|èn*	
зват.	*pùj|o-na*	*puj|àle*	

pòlo	ʻзолотая монетаʼ	
plùmbo	ʻпуляʼ	~ м-O:UR-
pùjo	ʻцыплёнокʼ	

(б) твёрдый вариант

Всего несколько с внутрикэлдэрарской точки зрения непроизводных слов:

	ед.	мн.	
прям.	*ləjèc|o*	*ləjèc|y*	м. ʻнемолдоваяʼ
косв.	*ləjec|òs*	*ləjec|ən*	
зват.	*ləjèc|o-na*	*ləjec|àle*	

bəndərèco	ʻсвиные потроха; что-л. непригодное’	~ *benderèco*
fəkəlèco	ʻпалка для размешивания мамалыги’	
hỳrco	ʻмышь’	
kořovèco	ʻнищий’	
krəstəvèco	ʻогурец’	
ləjèco	ʻцыган-немолдовая’	
məgərèco!	ʻколюш’, мн. нет	

Слово *kořovèco* можно считать необычным производным от *kořò* ʻслепой’.

Неизвестно [ДД]: *làmpo* ʻлампа’, мн. *làmpi*, *vàrko* ʻкруг’, мн. *vàrki* (с чередованием гласных).

3.4.3.12. Тип м-O:”I

	ед.	мн.
прям.	| *O*	*.”* | *I*
косв.	| *ÕS*	*.”* | *ÊN* ~ | *ÕN* ~ *.ON* | *ÊN*
зват.	| *E*	

Только основы на *-t*: чередование *t* : *c*.

(а) без чередования гласных

прям.	*ampəràt|o*	*ampəràc|y*	м. ʻцарь’
косв.	*ampərat|òs*	*ampərac|ən*	
зват.	*ampəràt|e*		

ampəràto	ʻкороль’	~ *ympəràto* (редко)
dukàto	ʻдукат’	
kumnàto	ʻдеверь’	
ləkàto	ʻзамóк’	
minùto	ʻминута’	
myrmỳnto	ʻмогила’, мн. ʻкладбище’	~ м-O:UR-
nepòto	ʻплемянник; внук’, зват. *nepàte*	
patrèto	ʻфотография’	~ м-O:UR- (редко)

Неизвестно [ДД]: *tokàto* ʻкастрюля (большая)’.

Сюда входят некоторые новые заимствования (слова из III пласта, встроившиеся во II пласт), ср. *aftamàto*, мн. *aftamàcy*, *aftamatonèn* и т. д.; мн. *saľùcy* ʻсалют’, а также субстантивированное прилагательное *svỳnto* ʻсвятой’.

⏳ Сюда примыкает слово, известное котлярам, но считающееся чужим: *bəjàto* ʻребёнок’, мн. *bəjècy* — с чередованием гласных (и поэтому не вписывающееся ни в один регулярный тип).

3.4.3.13. Тип м-O:”A

	ед.	мн.
прям.	| *O*	*.”* | *A*
косв.	| *ÕS*	*.ON* | *ÊN* ~ | *ÕN* ~ *.”* | *ÊN*
зват.	| *O - NA* ~ | (*”*) *E*	| (*”*) *ÄLE*

Здесь в прям.мн. и факультативно (в части подтипов) в косв.мн. и зват.ед. имеем переходное смягчение (см. 2.5.2.1.3). В этом типе наблюдаются большие колебания, поэтому его морфонологическое представление не в полной мере строго:

(а) тривиальное смягчение

Сюда входят основы на *-r*, *-l* и одна основа на *-b*. В неодносложных основах на *-r*, *-l* ударение на первом слоге (на *-l* есть пара исключений):

	ед.	мн.	
прям.	*màrtur|o*	*màrtur'|a*	м. ʻсвидетельʼ
косв.	*martur|òs*	*martur|òn* ~ *martur.on|èn*	
зват.	*màrtur|o-na*	*martur|àle*	

bàjero	ʻамулетʼ
cỳmburo	ʻкосточка фруктаʼ
dòxtoro!	ʻврачʼ
fìro	ʻтравинкаʼ, *fìro bàl* ʻволосокʼ, *fìro thàv* ʻниточкаʼ
gùlero	ʻворотникʼ
gulùmbo	ʻголубьʼ
harànźelo!	ʻвсадник на белом коне' (мифол. персонаж)
ìforo	ʻвьюгаʼ
làjbəro	ʻжилетʼ
màrturo	ʻсвидетельʼ
nùvəro	ʻоблакоʼ ~ *nòvuro* (немолд.?)
pètalo	ʻподковаʼ
pištòlo	ʻпистолетʼ
strùguro	ʻвиноград; виноградинаʼ
šògoro	ʻшуринʼ
šỳro	ʻнизкаʼ
vəro	ʻдвоюродный братʼ мн. ~ *vèŕa*; зват. ~ *vère* (см. 3.4.3.22)

Неизвестно [ДД]: *vùngoro* ʻвенгрʼ, *sobòlo* ʻкрысаʼ, *cokòlo* ʻботинокʼ, *làturo* ʻпомойкаʼ, *ćùkuro* ʻбахромаʼ, *flùjero* ʻголеньʼ, *cə̀rmuro* ʻберегʼ.

(б) чередование *n* : *j*

Йотация приводит здесь к чередованию *n* : *j*. Это чередование свойственно не всем словам на *-no* (ср. *divàno* ʻречьʼ — с другим окончанием мн. *divànurə̀*, тип м-O:UR-). Однако в этом подтипе йотация факультативна перед окончанием *-èn*, т. е. возможны формы типа *dušmajèn* ~ *dušmanèn* (впрочем, более обычна форма с наращением *-on-*):

	ед.	мн.	
прям.	*dušmàn|o*	*dušmàj|a*	м. ʻврагʼ
косв.	*dušman|òs*	*dušman.on|èn* ~ *dušman|òn* ~ *dušman|èn* ~ *dušmaj|èn*	
зват.	*dušmàn|o-na* ~ *dušmàn|e*	*dušman|àle* ~ *dušmaj|àle*	

ćokàno	ʻмолотокʼ	
dušmàno	ʻврагʼ	~ м-O:UR-
gyrťàno	ʻгорлоʼ	
gyskàno	ʻгусакʼ	немолд. *gynsàko*
jorgàno	ʻстёганое одеялоʼ	
jorgovàno	ʻсиреньʼ	
kəzàno	ʻказанʼ	
kurkàno	ʻиндюкʼ	немолд. *tutkàno*, *ťurkàno*

myrtàno	ʻкот’	
p’àpeno	ʻдыня’	
sobolàno	ʻкрыса’	
šərkàno	ʻзмей’	
stəpỳno	ʻхозяин’	~ *stəpùno*
vagònо	ʻвагон’	

суффиксы

-àn|o	(котлярские группы, см. 3.4.4.13)

Неизвестно [ДД]: *šəràno* ʻлещ’, *orslàno* ʻлев’, *duťàno* ʻмагазин’, *izvònо* ʻколокол’.

Сюда входят слова из III пласта: *stakàno*, *xuligàno* и др.

(в) чередование *k* : *ć*

В этом подтипе имеется нерегулярность: переходное чередование в зват.ед.: *vortàće*, ср. тривиальное смягчение в зват.ед. *ampəràte* ʻцарь’ (см. 2.5.2.1.3):

	ед.	мн.	
прям.	*vortàk|o*	*vortàć|a*	м. ʻтоварищ’
косв.	*vortak|òs*	*vortać|èn ~ vortak.on|èn*	
зват.	*vortàć|e ~ vortàk|o-na*	*vortać|àle*	

bobrìko	ʻпочка’ (анат.)
buzujòko	ʻрепейник’
bumbàko	ʻвата’
burìko	ʻпупок’
caparìko	ʻнашатырь’
letrìko	ʻлампочка’
lilijàko	ʻлетучая мышь’
gyndàko	ʻжук’
fijòko!	ʻвыдвижной ящик’
kapàko	ʻкрышка’
kolàko	ʻгостинец’
kor’àko	ʻсовок’
màko	ʻкрести’ (масть)
mormolàko	ʻголовастик’
poľàko	ʻрусский цыган’
səvijàko	ʻрулет’ (особое сладкое блюдо)
syrnìko	ʻспичка’
tropàko	ʻчечётка’, ср. *tropàća marəl* ʻбьёт копытами [лошадь]’
vojnìko	ʻсолдат’ (фольк.)
vortàko	ʻтоварищ, партнёр’

Неизвестно [ДД]: *antàlko* ʻбочка’, *pipìlko* ʻюла’, *dijàko* ʻдиакон’, *turjàko* ʻголенище’, *barànko* ʻбаранка’, *berbèko* ʻвторой подбородок’ (видимо, ошибка), *sobolòko* ʻкрыса’ (у нас *sobolàno*).

Сюда входят слова из III пласта: *akadèmiko*, *ašəjniko*, *axràniko* и др.

(г) чередование *g* : *ź*

	ед.	мн.	
прям.	*kovrìg|o*	*kovrìź|a*	м. ʻбублик’
косв.	*kovrig|òs*	*kovriź|èn*	
зват.			

kovrìgo	ʻбублик’
kyrlìgo	ʻбагор, палка с крюком’

Неизвестно [ДД]: *harmìgo* ʻмерин’, *haràngo* ʻсельдь’.

3.4.3.14. Тип м-I:’A

	ед.	мн.
прям.	*I*	*’A*
косв.	*’ËS*	*’ËN*
зват.	*I (- NA)*	*’ÀLE*

(а) твёрдый вариант

Йотация после непарного твёрдого *-c-* никак не проявляется.

⌛ Исторически здесь йот был, ср. визант.-гр. *кокалίтси*, мн. **кокалίтсια* ʻкосточка’. Фонема */*c*’/ (по-видимому, была только мягкая) отвердела сравнительно недавно (в западной Румынии).

	ед.	мн.	
прям.	*kokalìc|y*	*kokalìc|a*	м. ʻкосточка’
косв.	*kokalic|às*	*kokalic|ən*	
зват.			

màrcy	ʻвторник’
суффиксы	
-ic|y	(уменьшительный, см. 3.4.4.23)

(б) мягкий вариант

Бóльшая часть на *-ri*, несколько на *-ći*, остальные единичны.

⌛ Сюда вошло одно исконное (индийское) слово: *sàstri* ʻжелезо’, что, скорее всего, связано со стечением согласных в конце основы, которое помешало отпадению окончания, в результате чего слово оказалось во II пласте. Небольшое число слов выглядит как суффиксальные производные (и является таковыми по происхождению), но в кэлдэрарском не имеет производящих: *kotl’àri*, *kəldəràri* и др.

	ед.	мн.	
прям.	*cyncàr|i*	*cyncàr’|a*	м. ʻкомар’
косв.	*cyncar|ès*	*cyncar|èn*	
зват.	*cyncàr|i(-na)*	*cyncar’|àle*	

amnàri!	ʻзажигалка’
arćìći	ʻолово’
bazàri	ʻбазар’
birbijàri	ʻпарикмахер’
bimbèri	ʻшарик перца’
bogatỳri	ʻбогатырь’
brićinàri	ʻпояс’
brićìri	ʻпояс’
brəcàri	ʻбраслет’
bufàri	ʻбумажник’
ćèri	ʻнебо’

cyncàri	‘комар’	
dòl'ari	‘доллар’	
hərməsàri	‘жеребец’	~ *harməsàri*
kəkəstàri	‘туалет’	
kəldəràri	‘кэлдэрар’	
kolompìri	‘картофелина’, мн. ‘картофель’	
kopàći	‘ствол’	
kopìći	‘колода, бревно’	
korbàći	‘нагайка’	
kotl'àri	‘котляр’	
*kovàli*ˈ	‘кузнец’	
kovàri	‘катушка, клубок’	
kutàri	‘некто’	
kyntàri	‘вес’	
magàri	‘осёл’	
màstori	‘мастер’	
mənəstỳri	‘монастырь’	
məràri	‘укроп’	~ *məlàri*
məsəlàri	‘белена’	
molìvi	‘свинец’	
pipèri	‘перец; родинка’	
pištìri	‘полотенце’	нек. немолд. *piškìri*
primàri	‘вожак табора’	
pyz(ə)nàri	‘карман’	
salavàri	‘вожжа’	
samovàri	‘самовар’	
sàstri	‘железо’, мн. ‘железки’	
sərbətòri	‘Троица’	мн. ~ *-arȧ* (см. 2.5.1.5)
styngàći	‘левша’	
teľàri	‘старинная монета’	
tijàri	‘тарелка’	
tolmàći	‘переговорщик’	
žandàri	‘жандарм’	

суффиксы

-àr-i	(деятель, инструмент, см. 3.4.4.15)
-itòr-i	(деятель, см. 3.4.4.16)

Неизвестно [ДД]: *cypàri* ‘угорь’, *xanźàli* ‘кинжал’, *koľàri* ‘баклажан’, *pipisèri* ‘сатин’, *strižàri* ‘дуб’, *mizmèri* ‘полдень’, *syrtàri*, *syltàri* ‘выдвижной ящик’, *fyrtàri* ‘четверть’, *simìri* ‘ремешок’, *thagàri* ‘царь’ (но, видимо, есть такое имя).

Слово *amboldinàri* ‘косичка у виска’ — необычное производное (см. 3.4.4.15).

3.4.3.15. Тип м-а:ы

	ед.	мн.
прям.	| *A*	| *Y ~ . UR | I*
косв.	| *Ä̀S*	| *È̀N*
зват.	| *A*	| *Ä̀LE*

Включает всего два нарицательных имени и множество мужских имён (в т. ч. русских), ср. *Mìša*, косв. *Mišàs-* и т. п. (см. 3.4.6.2):

	ед.	мн.		
прям.	*gàzd|a*	*gàzd|y*	*~ gàzd.ur|i*	м. ‘хозяин’
косв.	*gazd|às*	*gazd|èn*		
зват.	*gàzd|a* (?)	*gazd|àle*		

gàzda	‘хозяин’
tàta	‘папа’, зват. *tàtə*

3.4.3.16. Тип м-ÒS:ÀTA

	ед.	мн.	
прям.	*| ÒS*	*. ÀT | A*	*~ . ÀT . ” | I*
косв.	*| ÀS*	*. AT | ÀN*	*~ . AT . ON| ÈN*
зват.			

В этот продуктивный тип входят многочисленные производные существительные, образуемые от глаголов и прилагательных (см. 3.4.4.10). Основная масса этих абстрактных имён не имеет множественного числа; в противном случае в прям.мн. и косв.мн. возможны колебания: один из вариантов имеет переходное смягчение — как тип м-O:”I (см. 3.4.3.12), ср. *barimàta ~ barimàcy* ‘заносчивость’, *tərnimàta ~ tərnimàcy* ‘молодёжь, молодые люди, юноши’. Факультативно в косв.мн. бывает сразу два наращения: *-at.on-*:

	ед.	мн.		
прям.	*barim|òs*	*barim.àt|a*	*~ barim.ac|y*	м. ‘размер’
косв.	*barim|às*	*barim.at|àn*	*~ barim.at.on|èn*	мн. ‘спесь’
зват.				

суффиксы	
-m|òs	(абстрактные, см. 3.4.4.10)

3.4.3.17. Тип ж-A:Y

	ед.	мн.
прям.	*| A*	*| Y*
косв.	*| Ä*	*| ÈN*
зват.	*| Ə*	*| ÀLE*

Окончание прям.ед. — безударное *-a*, косв.ед. отличается только ударением; прям.мн. образуется окончанием *-y*. Этот тип, видимо, представлен не у всех носителей, но у тех, у кого он есть, большинство слов, судя по всему, имеют варианты. У кого его нет, эти имена попадают в тип ж-A:I (изредка ж-A:”I).

⌛ Происхождение окончания прям.мн. *-y* — загадка, т. к. мы не знаем его румынского прототипа.

Сюда можно было бы включить слова с основой на непарные твёрдые, а также *-s* и *-z* (имеющие маргинальные мягкие пары), ср. *mỳca* ‘кошка’, мн. *mỳcy*, однако мы их даём в типе ж-A:I (прям.мн. *-I* ⇨ *-y*). Остаётся только парный вариант (отдельно даём слово *budàra* ‘туалет’ как нерегулярное, см. 3.4.3.22), в косв.мн. согласный основы смягчается:

	ед.	мн.	
прям.	*kumnàt|a*	*kumnàt|y*	ж. ʻголовкаʼ
косв.	*kumnat|à*	*kumnat|èn*	
зват.	*kumnàt|ə*	*kumnat|àle*	

bàta	ʻдубинаʼ	мн. ~ *bə̀cy* ~ *bàti*
dàlta	ʻдолотоʼ	мн. ~ *də̀lcy* ~ *dàlcy*
hùla	ʻбродягаʼ, ср. *hùla-manàva* ʻгулёна, шатуньяʼ	
kolìnda	ʻколядкаʼ	мн. ~ *kolìndi*
kumnàta	ʻголовкаʼ	мн. ~ *kumnàti*
molìfta	ʻмолитва при крещенииʼ	мн. ~ *molìfti*
pèrina	ʻперинаʼ	мн. ~ *pèrini*
pìpota	ʻкуриный желудокʼ	мн. ~ *pìpocy*
plìta	ʻпечь; плитаʼ	

Неизвестно [ДД]: *mə̀nta* ʻминутаʼ, *brə̀zda* ʻбразда', *zgə̀rda* ʻколье', *kàpra* ʻоправка', *jegùla* ʻвьюн', *vədàna* ʻстарая дева', *stàna* ʻглыба'. Считается чужим: *katùna* ʻпалатка'.

Это открытый тип, в него попадают некоторые слова из русского: *kàrta*, мн. *kàrty*.

3.4.3.18. Тип ж-A:I

	ед.	мн.
прям.	| *A*	| *I*
косв.	| *Ä*	| *ÈN*
зват.	| *Ə*	| *ÄLE*

В отличие от предыдущего типа здесь окончание прям.мн. *-I*, вызывающее тривиальное смягчение; в части слов гласные постоянные, в части — чередуются:

(i) твёрдый вариант

(a) без чередования гласных

	ед.	мн.	
прям.	*mỳc|a*	*mỳc|y*	ж. ʻкошкаʼ
косв.	*myc|à*	*myc|ən*	
зват.	*mỳc|ə*	*myc|àle*	

bàbica	ʻградина; градʼ	
bòl'nica	ʻбольницаʼ	~ *bòlnica*
càřa†	ʻстрана, народʼ	
dìbanica	ʻособый пирогʼ	нек. немолд. *gìbanica*
dìža	ʻдежа (котёл)ʼ	
dìža	ʻскорлупаʼ, ср. *d. le anřə̀s-ti* ʻяичн. скорлупаʼ	нек. немолд. *gìža*
dul'ćàsa	ʻкруглая подложка под дно котлаʼ	
dỳrza	ʻтряпкаʼ	
fr'ànca	ʻсифилисʼ	
gùša	ʻщитовидная железа; зобʼ	
kàža	ʻкожура, кожаʼ	
komàřa	ʻкладʼ (мифол.)	
košorìca	ʻкорзинкаʼ	
kovànca	ʻнаковальняʼ	

kòžnica	ʻсумка’	
kutunìca	ʻкрот’	
kỳrtica	ʻвельвет’ (?)	
kỳrža	ʻкостыль’	
lùbenica	ʻарбуз’	нек. немолд. *ľùbenica*
màša†	ʻбабка’ (?)	
mustŕàca	ʻперхоть’	~ *mystŕàca*
mùšyca	ʻопарыш’	
mỳca	ʻкошка’	
pàřa	ʻпламя’	
pàpuřa	ʻрогоз, «камыш»’	
papùša	ʻкукла’	
pìmnica†	ʻпогреб’	
pòša	ʻузкий платок’	
řỳnza	ʻжелудок’	
səmỳnca	ʻсемя, семечка’	
stŕàjca	ʻсумка’	чаще *stràjka*, *stŕajkùca*
sùlica	ʻстрела’	
tətəjìša	ʻневестка (по отношению к невестке)’	
tuturàza	ʻдудка’	
tỳrtica	ʻкуриная гузка’	
vìca	ʻцыганский род’	
(v)ùlica	ʻулица’	

только ед.

màsa	ʻзастолье’
n’àza	ʻужас’
prikàza	ʻнеудача’, обычно только в проклятиях
vijàca	ʻрадость’
zgùřa	ʻзола [в печке]’

суффиксы

-ìca/*-ỳca*	(женский пол, см. 3.4.4.21)
-’àsa	(женский пол, см. 3.4.4.22)
-ùca	(уменьшительный, см. 3.4.4.24)
-ìca/*-ỳca*	(уменьшительный, см. 3.4.4.25)

(б) с чередованием гласных: *а* : *ə*

	ед.	мн.	
прям.	*řàc*|*a*	*řəc*|*y*	ж. ʻутка’
косв.	*řac*|*à*	*řəc*|*ən*	
зват.	*řàc*|*ə*	*řəc*|*àle*	

řàca	ʻутка’
mustàca	ʻус’, мн. ʻусы’
fàca	ʻсторона; лицо; наволочка’
skàrca	ʻкора, корка’
pərədàjca	ʻпомидор’

(в) с чередованием гласных: *а* : *е*

	ед.	мн.	
прям.	*burʹàc|a*	*burèc|y*	ж. ʿгриб’
косв.	*burʹac|à*	*burec|ən*	
зват.	*burʹàc|ə*		

burʹàca	ʿгриб’	
ćirʹàša	ʿчерешня; головка пениса’	мн. ~ *ćirʹàšy*

(ii) парный вариант

(г) без чередования гласных

Основы с тривиальным смягчением исходят на:

твёрдые парные:	*sàkra*	мн.	*sàkri*	ʿтёща; свекровь’
мягкие парные:	*màrťa*		*màrti*	ʿсмерть’
мягкие непарные:	*mìja*		*mìji*	ʿтысяча’

Особо следует отметить основы на согласный + *-k*: *pùška* ʿружьё’, у которых во мн. появляется мягкое /*kʲ*/, мн. *pùški*, косв.мн. *puškèn-* (см. 2.5.2.2):

	ед.	мн.	
прям.	*glàt|a*	*glàt|i*	ж. ʿребёнок’
косв.	*glat|à*	*glat|èn*	
зват.	*glàt|ə*	*glat|àle*	

bàba	ʿбабушка’	
bàla	ʿболезнь’	
bàmba	ʿкрупинка’	
bambàla	ʿугощение, символический залог за невесту’	
bràška	ʿлягушка’	мн. ~ *brà/əšti* (нерег.)
bùba	ʿизъян’	
bùćuma	ʿпень’	
burʹàka	ʿсвёкла’	
ćàfa	ʿзатылок’	
cə̀ra	ʿпалатка’	
ćìpta	ʿлента’	~ *ćìfta*
cycàrka	ʿцесарка’ (или иная порода кур)	
cỳgla	ʿкирпич; бубны’	
cỳgna	ʿтрут’	
*cỳnta*ˡ	ʿшпора’	
dèla	ʿдело’	мн. ~ *dèlur-* (нерег.)
dòxa	ʿшуба’	
dùba	ʿбарабан’	
fàla	ʿпохвальба’	
fištìla	ʿфитиль’	
flùjera	ʿсвисток, дудка’	
glàba	ʿштраф’	
glàta	ʿребёнок’	
hurhùna	ʿстрашная старуха’	~ *gurgùna* (?)

kətàna ʻмилиционер, солдатʼ
kànta ʻбидон, ведроʼ
karabàva ʻрубльʼ
komỳla ʻверблюдʼ
krìžma ʻкрестильная простынкаʼ
krʹàmina ʻкирпичʼ
kukubʹàjka ʻкукушкаʼ (?)
kùrva ʻшлюхаʼ
kəkərʹàška ʻболтуньяʼ
kəpàra ʻаванс за невесту в виде ожерельяʼ
lugùma ʻовощʼ
lʹulʹàva ʻкурительная трубкаʼ
màma† ʻмамаʼ
majmùna ʻобезьянаʼ
manàva ср. *hùla-manàva* ʻгулёна, шатуньяʼ
mašỳna ʻспичкаʼ, редко ʻмашинаʼ
merźàla ʻбусинкаʼ, мн. ʻбусы, ожерельеʼ
mədùga ʻкостный мозгʼ
mərtəćìna ʻдохлятинаʼ
məsùra ʻмера, замерʼ
màtura ʻметлаʼ ~ *mòtura*
minʹàla ʻзаклёпкаʼ
mùra ʻягодаʼ
pikətùra ʻкапелькаʼ (мало)
pʹàška ʻплешьʼ
plećìnta ʻоладьяʼ
plòska ʻукрашенная бутылкаʼ (при сватовстве)
plùmba ʻпуляʼ ~ *plùmbo*
pomàna ʻпоминкиʼ
potrukàla ʻгрейпфрут; фруктʼ, мн. ʻфруктыʼ
prìmovara! ʻвеснаʼ
prùna ʻсливаʼ
pùlpa ʻляжкаʼ
pùška ʻружьёʼ
pỳsla ʻвойлок; стелькаʼ
pʹàtka ʻ[родимое] пятноʼ
řədəćìna ʻкореньʼ
řùbla ʻрубльʼ
řùda ʻкакая-то часть сбруи (?); палка [колбасы]ʼ
řỳma ʻземляной червьʼ
řỳpa ʻямаʼ
sàkra ʻтёща; свекровьʼ
sàpa ʻплуг; тяпкаʼ
sarmàla ʻголубецʼ немолд. *sàrma*
skỳrda ʻстогʼ
skùrta ʻшишка, воспаление лимфатического узла на ногеʼ
sokàta ʻрасчётʼ
spỳnla ʻселезёнкаʼ ~ *spỳlna*
strʹàjka ʻсумкаʼ
sỳrma ʻпроволокаʼ

sỳta	ʻсито’	
šošàva	ʻшоссе’	
štàla	ʻхлев’	
šupỳrla	ʻящерица’	~ *šypùrla* ~ *šypỳrla*
tàmna	*t. milàs-ki* ʻвесна’, *t. ivendes-ki* ʻосень’	
tàva	ʻсковородка’	немолд. *tavàla*
təšỳla	ʻкузнечные меха’	
tìla	ʻкилограмм’	нек. немолд. *kìla*
trùba	ʻтруба’	
tr’àba	ʻдело’	мн. ~ *-ur-* (нерег.)
təgn’àva!	ʻкровопускание’	
vagzàla	ʻвокзал’	
vìta	ʻскотина’	
vòrba	ʻслово’	
(v)ùrma	ʻслед; тропа’	
(v)uškàla†	ʻшкола’	теперь *škòla* (рус.)
vỳna	ʻвена, жила’	
vỳrla	ʻжабра’	
vỳstra	ʻкилометр’	
žỳvina	ʻживотное’	

только ед.

blỳnda	ʻкрапивница’
brùma	ʻроса’
bələćàla	ʻпохлёбка, бурда’
cygnìda	ʻкрапива’
dobỳnda	ʻприбыль, удача’
fùma	ʻсажа’
fyršàla	ʻсильная жажда’
hàzna	ʻудача’, бран. *dàv ti hàzna* (~ *bàxt*) *bulè* ʻимел я твою удачу’
hodìna	ʻпокой, отдых’
xàrkuma	ʻмедь’
làvuta	ʻмузыка’
lìmba	ʻречь’
lòboda	ʻлебеда’
pàcyma	ʻсуждение’ (?), ср. *pa myřỳ pàcyma* ʻя со своей стороны’ (?)
pàguba	ʻвина, ущерб’
pəkàla	ʻпозор’, *kərd’à lès-kə pəkàla* ʻопозорил его’
polèkra!	ʻродословная’
pòšta	ʻпочта’
premùta	ʻвзаимность’ ~ *prəmùta*
řàvda	ʻтерпение’
řədìka	ʻредька; редиска’
(v)ursùta	ʻсудьба’
votràva	ʻотрава’
tràzna	ʻнасморк’
sùpra	только *opràl pa-j sùpra* ~ *opràl ə sùpra* ʻчересчур’
skỳndura	ʻистощённый человек’, ср. *kàrdilo s.* ʻвысох’, *bešàl pe s.* ʻпри смерти’
smyntỳna	ʻсметана’ ~ *zmyntỳna*
spùma	ʻпена’

stàmba	ʿткань’ (ʿситец’?)	
stìkla	ʿстекло’	~ *stèkla*; немолд. *stàkla*
řuźìna	ʿржавчина’	
řəgùla	ʿзастолье’ (?)	
řəkàŕa	ʿпрохлада’	
zỳda	ʿнапрасная трата’	
zəbàva	ʿработа по дому, занятие’	

суффиксы

-k|a	(женский пол, см. 3.4.4.18)
-al|a	(абстрактное, см. 3.4.4.12)

Неизвестны десятки слов из [ДД] (см. комментарий под списком в 3.4.3.10). Известно, но считается чужим: *butàla* ʿбутылка’ (возможно, супплетивное мн. *butàlći*).

Неправильное слово *bràška* ʿлягушка’, мн. *bràšti* (см. 3.4.3.22).

Неясно, какое смягчение (нет мн.):

bànka	ʿналичные деньги’
bàzga	ʿдёготь’
bukəcỳka	ʿчуток’
lutìka	ʿжареные помидоры с луком’
jeftìka	ʿчахотка’
məməlìga	ʿмамалыга’
nupỳrka	ʿвошь’ (?)
stỳnga	ʿзамысел’, ср. *thòl pès-ki stỳnga* ʿзадумать’
vòka†	ʿока’ (мера объёма)

(д) с чередованием гласных: *а* : *ə*

В корнях этих слов мы пишем морфонему *ə*, причём *ə* ⇨ /*a*/ регулярно (см. 2.5.1.5):

	ед.	мн.	
прям.	*pàlm|a*	*pə̀lm|i*	ж. ʿладонь’
косв.	*palm|à*	*pəlm|èn*	
зват.			

bàrba	ʿборода’	
fàrba	ʿкраска’	
gràpa	ʿяма, дыра’	
nàra	ʿноздря’	
pàska	ʿкулич’	
pàlma	ʿладонь’	
řàta	ʿколесо’	мн. ~ *řàti*
skàba	ʿстежок; скоба’	мн. ~ *skàbi*
skàra	ʿступенька’	
tàbla	ʿлист металла’	
tàksa	ʿтакси’	
tàlpa	ʿподошва’	
vàdra	ʿведро’	
vàma	ʿграница’	
vàtra	ʿместо стоянки’	

Неизвестно [ДД]: *cəcàla* ʿскрёбка’.

(е) с чередованием гласных: *а* : *е*

В корнях этих слов мы пишем морфонему *Е*, причём *Е* ⇨ /*а*/ регулярно (см. 2.5.1.5). Впрочем, этот подтип отличается от предыдущего только мягкостью согласного перед чередующимся гласным (однако различение морфонем *Е* и *Ə* не избыточно ввиду одного случая чередования *-ma-* ~ *-me-* в подобной парадигме см. 3.4.3.19м):

	ед.	мн.	
прям.	*feľàstr|a*	*felèstr|i*	ж. ʻокно’
косв.	*feľastr|à*	*felestr|èn*	
зват.			

beľàva	ʻскандал’	мн. ~ *beľàvy*
feľàstra	ʻокно’	
plinćàna	ʻбровь’	
pon’àva	ʻковёр’	

Неизвестно [ДД]: *brićàra* ʻширокий пояс’, *šər’àďa* ʻзадок телеги’.

(ж) с чередованием гласных: *а* : *о*

В нескольких словах можно усматривать морфонему *О*, причём *О* ⇨ /*а*/ регулярно (см. 2.5.1.5), однако во всех случаях формы мн. с /*о*/ редки и факультативны (так что обычно здесь выступает *Ə* или *А*):

	ед.	мн.	
прям.	*škàd|a*	*škòd|i*	ж. ʻущерб’
косв.	*škad|à*	*škod|èn*	
зват.			

škàda	ʻущерб’	мн. ~ *škàdi* ~ *škàdi*
ikàna	ʻикона’	мн. ~ *ikàni*

Скорее всего, потенциально этот подтип содержит ещё ряд слов.

⌛ В этот подтип раньше, несомненно, входил ещё ряд слов, в т. ч. *pàrta* ʻворота’ (сейчас у молдовая мн. *pàrcy*; но ср. в [ДД]: *poàrta*, мн. *pòrcy*), *řàta* ʻколесо’ (сейчас мн. *řàti* ~ *řàti*), *gràpa* ʻяма’ (сейчас мн. *gràpi*, но ср. *angropòl* ʻхоронить’), а также *uškàla* ʻшкола’ (мн.?).

(iii) мягкий вариант

(з) без чередования гласных

	ед.	мн.	
прям.	*huľp’|a*	*huľp|i*	ж. ʻлиса’
косв.	*huľp’|à*	*huľp|èn*	
зват.	*huľp|e*		

birbìja	ʻвторой подбородок’	
bòdija	ʻстог’	
b’àrà	ʻпиво’	обыч. немолд., ср. *pìva*
felìja	ʻкусок’	
fəšỳja	ʻбольшой кусок’	
fundàn’a	ʻзад’	

fyrfyrìja	‘блюдце’	
gỳľća	‘гланда’	
hərtìja	‘бумага’	
hùľp’a	‘лиса’	*~ hùlp’a ~ hùľpa*
kumətrìja	‘крещение’	*~ kumetrìja*
kutìja	‘коробка, пачка’	
kəřàr’a	‘пробор; тропинка’	
lìnťa	‘чечевица’	
ləmùja	‘лимон’	*~ ləmỳja*
lùja!	‘понедельник’	
mamodìja	‘монета-украшение на платке’	
màrťa	‘смерть’	
mìja	‘тысяча’	
mènćija	‘мяч’	
mìnťa	‘мысль’, *sà and-əl mìnti lo* ‘задумался’	
mìrišťa	‘поляна’	
mošỳja	‘имение’	
mùtija	‘обод [котла], кромка [ткани]’	
nəpàsťa	‘внезапная беда’	
pàća	‘новый табор’, *kərdè pàća* ‘основали табор’	
pələrìja	‘шляпа’	
pov’àsťa	‘повесть’, только *v’àsťa aj pov’àsťa* ‘слава’ (?)	
pràštija	‘ремень’	
puškərìja	‘тюрьма’	
puťàr’a	‘терпение, мочь’	
pyjànźer’a!	‘паутина’	
řətìja	‘водка’	
řòťa	‘юбка’	
skyncỳja	‘искра’	
viď’àr’a	‘свет; свеча; молния’	
vòja	‘желание, воля’	
(v)ùdija	‘шар’	
(v)ùndija	‘ноготь’	
v’àsťa	‘весть, слава’	
zàstr’a	‘приданое’	
źinźìja	‘десна’	
źòja!	‘четверг’	

только ед.

kənìja!	‘лук с мясом’	
lùm’a	‘люди (цыгане); мир, свет’	нек. немолд. *ľùm’a*
pùľbər’a	‘пыль’	
pustìja	‘запустение’ (?), ср. *źàl pe pustìja* ‘разориться’	
vr’àm’a	‘время’	
trəstìja	‘болотная трава’	
təmùja	‘ладан’, табу (?)	*~ təmỳja*
řəkàr’a	‘прохлада’	

суффиксы

-ij|a	(абстрактное или собирательное, см. 3.4.4.11)	

(и) с чередованием гласных: *а* : *ə*

В корне морфонема *ə*, причём *ə* ⇨ /*a*/ регулярно (см. 2.5.1.5):

	ед.	мн.	
прям.	*màr'|a*	*mə̀r|i*	ж. ʿморе'
косв.	*mar'|à*	*mər|èn*	
зват.			

màrd'a	ʿрассол; море'	
pàć́a	ʿмир; табор'	мн. ~ *pàć́i*
tigàja	ʿкастрюля'	

С ударением на третьем с конца слоге:

	ед.	мн.	
прям.	*nàcyj|a*	*nə̀cyj|i*	ж. ʿнация'
косв.	*nacyj|à*	*nəcyj|èn*	
зват.			

fàšyja	ʿсвивальник'
kumpànija	ʿгруппа цыган'
nàcyja	ʿнарод; род'
sàbija	ʿсабля'
sànija	ʿсанки'
žygànija	ʿдикое животное'

(к) с чередованием гласных: *а* : *е*

В корне морфонема *Е* ⇨ /*a*/ регулярно (см. 2.5.1.5):

	ед.	мн.	
прям.	*t'àj|a*	*tèj|i*	ж. ʿключ'
косв.	*t'aj|à*	*tej|èn*	нек. немолд. *k'àja*
зват.			

3.4.3.19. Тип ж-А:"I

	ед.	мн.
прям.	| *A*	." | *I*
косв.	| *Ä*	." | *ËN*
зват.	| *Ə*	." | *ÄLE*

В этом типе переходное смягчение перед окончаниями (см. 2.5.2.4); в части подтипов гласные постоянные, в части — чередуются (см. 2.5.1.5). В результате чередований в формах мн. получаются твёрдые или мягкие основы:

твёрдые:	*dàta*	мн.	*dàcy*	ʿраз'
мягкие:	*bùka*		*bùć́i*	ʿщёки'

Этот тип ограниченно открытый, ср. из III пласта, но с чередованиями: *padàrka* ʿподарок', мн. *padərć́i* (см. 3.4.5). По вариантам смягчений и чередований гласных:

(i) чередование *k* : *ć*

(а) без чередования гласных

	ед.	мн.	
прям.	*bùk|a*	*bùć|i*	ж. ʻщекаʼ
косв.	*buk|à*	*buć|èn*	
зват.			

bəšỳka	ʻпузырьʼ
bùka	ʻщекаʼ
fùrka	ʻвилкаʼ
kapèka	ʻкопейкаʼ
kovèrka	ʻжердь в шатреʼ
skòjka	ʻракушкаʼ
tolàka[1]	ʻпустырь, свалкаʼ (?)

Неизвестно [ДД]: *lèvka* ʻлюшняʼ, *vỳrka* ʻчертаʼ.

(б) с чередованием гласных *a* : *ə*

	ед.	мн.	
прям.	*sàlk|a*	*sə̀lć|i*	ж. ʻдеревоʼ
косв.	*salk|à*	*səlć|èn*	
зват.	*sàlk|ə*	*səlć|àle*	

fàlka	ʻчелюсть; подбородокʼ	
làvka	ʻмагазинʼ	
mənətàrka	ʻбаклажанʼ	
pipàrka	ʻперецʼ	
podàrka	ʻподарокʼ	~ *padàrka*
sàlka	ʻдеревоʼ	
šušàrka	ʻшишкаʼ	~ *šyšàrka*

(в) с чередованием гласных *a* : *e*

	ед.	мн.	
прям.	*fʹàjk|a*	*flèjć|i*	ж. ʻбаклажанʼ
косв.	*fʹajk|à*	*flejć|èn*	
зват.			

fajàrka	ʻконфоркаʼ
fʹàjka	ʻбаклажанʼ

(ii) чередование *g* : *ź*

(г) без чередования гласных

	ед.	мн.	
прям.	*pəpərùg|a*	*pəpərùź|i*	ж. ʻбабочкаʼ
косв.	*pəpərug|à*	*pəpəruź|èn*	
зват.	*pəpərùg|ə*		

cyplìga	ʿщепка, заноза’
dùnga	ʿизгиб, дуга’
pəpərùga	ʿбабочка’
virìga	ʿперстень’

(д) с чередованием гласных *а* : *ə*

	ед.	мн.	
прям.	*vàrg|a*	*vərź|i*	ж. ʿрана на коже от удара’
косв.	*varg|à*	*vərź|èn*	
зват.			

(е) с чередованием гласных *а* : *е*

	ед.	мн.	
прям.	*vojàg|a*	*vojèź|i*	ж. ʿбутылка’
косв.	*vojag|à*	*vojeź|èn*	
зват.			

brićàga	ʿножик’	мн. ~ *brićàźi*
kr’ànga	ʿветка’	мн. ~ *kr’ànźi*
vojàga	ʿбутылка’	

Неизвестно [ДД]: *tojàga* ʿпосох’.

(iii) чередование *t* : *c*

(ж) без чередования гласных

	ед.	мн.	
прям.	*dàt|a*	*dàc|y*	ж. ʿраз’
косв.	*dat|à*	*dac|ən*	
зват.			

dàta	ʿраз’	
kopìta	ʿподкова’	
nùnta	ʿсвадьба’	*~ lùnta ~ nùmta ~ lùmta*
mìta	ʿвзятка’	

Слова из III пласта: *kanfèta*, *gazèta* (*~ gazèto*).

(з) с чередованием гласных *а* : *ə*

	ед.	мн.	
прям.	*bàlt|a*	*bəlc|y*	ж. ʿболото’
косв.	*balt|à*	*bəlc|ən*	
зват.			

bàlta	ʿболото’
lopàta	ʿлопата’
pàrta	ʿворота’

(iv) чередование *t’* : *c*

(и) с чередованием гласных *a* : *ə*

Единственный случай:

	ед.	мн.	
прям.	*pàrt’|a*	*pərc|y*	ж ‘часть’
косв.	*part’|à*	*pərc|ən*	
зват.			

(v) чередование *d : z*

Здесь несколько единичных примеров:

(к) без чередования гласных

	ед.	мн.	
прям.	*oglìnd|a*	*oglìnz|y*	ж. ‘зеркало’
косв.	*oglind|à*	*oglinz|ən*	
зват.			

Сюда попало слово из III пласта: *sikùnda*, мн. *sikùnzy* (~ *sikùndy*).

(л) с чередованием гласных *a* : *ə*

	ед.	мн.	
прям.	*làd|a*	*ləz|y*	ж. ‘сундук’
косв.	*lad|à*	*ləz|ən*	
зват.			

(м) с чередованием гласных *a* : *e*

Уникальный случай чередования *a* : *e* при твёрдом согласном перед /*a*/ (см. 2.5.1.5в):

	ед.	мн.	
прям.	*grəmàd|a*	*grəmèz|y*	ж. ‘куча’
косв.	*grəmad|à*	*grəmez|ən*	(~ *gərmàda*)
зват.			

3.4.3.20. Тип ж-А:’А

	ед.	мн.	
прям.	| *A*	. ” | *A*	~ . ” | *I*
косв.	| *Ä*	. ” | *ÄN*	
зват.			

Всего несколько слов (значения: обувь или одежда); все имеют варианты типа ж-А:I:

(а) без переходного чередования

	ед.	мн.		
прям.	*càl|a*	*càl’|a*	~ *càl|i*	ж. ‘одежда’
косв.	*cal|à*	*cal|èn*		
зват.				

càla	ʻпредмет одежды’	мн. ʻодежда’
cərùla	ʻлапоть’	

(б) с переходным чередованием

	ед.	мн.		
прям.	*papùk|a*	*papùć|a*	~ *papùć|i*	ж. ʻбашмак, туфля’
косв.	*papuk|à*	*papuć|èn*		
зват.				

Неизвестно слово [ДД]: *patìka* ʻаптека’.

3.4.3.21. Тип ж-I:’A

	ед.	мн.
прям.	| *I*	| *’A*
косв.	| *’Ã*	| *’ÃN*
зват.		

(а) твёрдый вариант

	ед.	мн.	
прям.	*raxamìc|y*	*raxamìc|a*	ж. ʻпальтишко’
косв.	*raxamic|à*	*raxamic|àn*	
зват.			

dimin’àcy	ʻутро’	мн. нет.
суффиксы		
-ic|y	(уменьшительный, см. 3.4.4.23)	

Формы мн. от *dimin’àcy* ʻутро’ затруднительны, поэтому к этому типу данное слово относим условно, ср. *kətrỳncy* ʻфартук’, мн. *kətrỳncy*, которое мы считаем нерегулярным.

(б) парный вариант

	ед.	мн.	
прям.	*raxàm|i*	*raxàm’|a*	ж. ʻпальто’
косв.	*raxam’|à*	*raxam’|àn*	
зват.			

angàli	ʻобъятие’, ср. *bešə̀l angàli* ʻсидеть по-турецки’
kakàvi	ʻказан’
paramìći	ʻсказка’
pòdi	ʻниз; опушка’
pogàći	ʻоладья’
raxàmi	ʻпальто’
tətràdi!	ʻсреда’
tinźìri	ʻкастрюля’

Неизвестно [ДД]: *kapùri* ʻтюрьма’, *kiptàri* ʻзавязка’, *kərtəćàli* ʻпачка курительной бумаги’, *pataràvi* ʻклевета’. Известны, но считаются чужими: *mes’àli* ~ *mesàli* ʻстол’, *haràvli* ʻпояс’.

3.4.3.22. Изолированные существительные

Здесь мы перечислим существительные, не вписывающиеся ни в один из данных выше типов благодаря единственным в своём роде окончаниям, чередованиям в основе или редким морфонологическим преобразованиям. Нет смысла давать морфонологическое представление этих слов (хотя в некоторых действуют более или менее регулярные правила, представленные в других частях речи). Эти имена разбиваются по разным нестрогим признакам на несколько групп (в части из них по нескольку примеров, в части — по одному):

(а) основа на гласный

Единственное такое слово (все остальные основы исходят на согласные, к которым присоединяются гласные окончаний):

	ед.	мн.	
прям.	*dì*	(затрудн.)	м. ʻжелудокʼ
косв.	*d|ès*	*d|èn* (?)	
зват.	*dì*		

(б) с переменной мягкостью в корне

Одно существительное имеет нерегулярную мягкость в прям.ед., причём в остальных формах она факультативна:

	ед.	мн.	
прям.	*rʹàt*	*raťʹ|à* ~ *rʲaťʹ|à*	ж. ʻночьʼ
косв.	*raťʹ|à* ~ *rʲaťʹ|à*	*raťʹ|àn* ~ *rʲaťʹ|àn*	
зват.			

В склонении этого уникального слова при наличии мягкости перед окончанием устраняется мягкость в корне (факультативно). Мягкость в корне факультативна и в производных, ср. уменьш. *rʲatořỳ* ~ *ratořỳ* ʻночкаʼ (см. 3.4.4.9), нар. *rʲatè* ~ *ratè* ʻночьюʼ (см. 3.8.1.3).

(в) с выпадением *-ə-*

Это выпадение (см. 2.5.1.2) имеется в одном существительном:

	ед.	мн.	
прям.	*ź́ukàl*	*ź́ukàl* (~ *ź́ukəl|à*)	м. ʻсобакаʼ
косв.	*ź́ukl|ès*	*ź́ukl|èn*	
зват.	*ź́ukàl|a*		

В этом слове иногда вместо *ə* произносят *o*: *ź́ukòl* (см. также 3.11.3.4.8), причём в речи молодёжи беглый гласный может восстанавливаться во всех формах: косв.ед. *ź́ukolès*, прям.мн. *ź́ukòl* ~ *ź́ukolà* (наряду с *ź́ukàl* ~ *ź́ukəlà* и т. д.).

(г) с выпадением *-v-*

Одно слово показывает уникальное соотношение основ:

	ед.	мн.	
прям.	*dèl*	*dèl*	м. ʻбогʼ
косв.	*devl|ès*	*devl|èn*	
зват.	*dèvl|a*	*devl|àle*	

⏳ Исторически здесь было то же выпадение безударных кратких гласных перед сонантами, что и в *źukàl* ʻсобака’ (см. выше). Однако оно перекрыто выпадением согласного в форме прям.ед.: **deu̯el* > *dèl*, вследствие которого это слово теперь можно рассматривать только как нерегулярное.

(д) со стяжениями

Эти стяжения в разной степени регулярны (см. 2.5.4.3). Слова типа *milàj* ʻлето’ со стяжением *AJE*, *AJA* ⇨ *a* мы рассмотрели как регулярные (см. 3.4.3.2в).

Одно существительное с нулевым окончанием в прям.мн.: *ràj* ʻначальник, господин’, мн. обычно ʻвласти; милиционеры, милиция’. В нём происходит стяжение *AJ|È* ⇨ /*a*/, *AJ|À* ⇨ /*a*/, но не в зват. обоих чисел:

	ед.	мн.	
прям.	*ràj*	*ràj*	м. ʻначальник, господин’
косв.	*rà|s*	*rà|n*	
зват.	*ràj|a*	*raj|àle*	

Одно слово со стяжением *UJE* ⇨ *o* только в косв.ед. (у молодёжи его может не быть):

	ед.	мн.	
прям.	*mùj*	*muj|à*	м. ʻрот’
косв.	*mò|s* (~ *muj|ès*)	*muj|èn*	
зват.	*mùj|a*	*muj|àle*	

Имена на *-ej* со стяжением *EJA* ⇨ *a*:

	ед.	мн.	
прям.	*phèj*	*phej|à*	ж. ʻсестра’
косв.	*ph'|à*	*phej|àn*	
зват.	*phèj|o* (~ *phèn'|o*)	*phej|àle*	
прям.	*dèj*	*dej|à*	ж. ʻмать’
косв.	*d|à*	*dej|àn*	
зват.	*d|àle*	*dej|àle*	
прям.	*śèj*	*śej|à*	ж. ʻдочь’
косв.	*ś|à*	*śej|àn*	
зват.	*śè* ~ *śèj|o*	*śej|àle*	

Каждое из этих имён имеет особенности в зват.ед. В косв.ед. *ph'à* налицо результат йотации, а в *dà* её нет.

⏳ Дело в том, что гласный *-e-* в прямой форме *dèj* ʻмать’ восходит к **-a-*: **da̯ja* > *dèj* (регулярное общевлашское развитие), косв. **da̯ja* > *dà* (стяжение, как в *rašà* < **rašaja̯à* ʻсвященники’). Поэтому косв. *dà* отличается твёрдостью согласного от косв. *ph'à* ʻсестру’ < **phe̯ja* < **phen̂ja*. Впрочем, и слово **ćhaji* > *śèj* ʻдочь’ ведёт себя исторически не как *phèj*, а именно как *dèj*, но непарный мягкий *ś-* (на котором йотация никак не проявляется) позволяет ставить его в один ряд с *phèj* (где гласный *e* исконен, а согласный *j* проник из косвенной формы, регулярная форма была бы ***phen*, так во многих диалектах).

В одном слове стяжённые формы обычно только во мн.:

	ед.	мн.	
прям.	*phabàj*	*phabà*	ж. ʻяблоко’
косв.	*phabaj|à* (~ *phab|à*)	*phab|èn*	
зват.			

В косв.ед. (редко) и прям.мн. этого слова налицо стяжение *AJA* ⇨ *a*, но окончание косв.мн. *-èn* в полной мере нерегулярно. Это же чередование — в уменьшительном:

	ед.	мн.	
прям.	*phabaj.oř|ỳ*	*phab.oř|à*	ж. ʻяблочкоʼ
косв.	*phabaj.oř|à*	*phab.oř|ən*	
зват.			

(е) с выпадением *-n-* и стяжением

Несколько слов на *-ìn*, в которых конец основы падает с разными особенностями (в обоих числах или только во мн.). Мужского рода:

	ед.	мн.	
прям.	*karfìn*	*karf'|à*	м. ʻгвоздьʼ
косв.	*karfin|ès*	*karf'|àn*	
зват.			

Это же чередование — в уменьшительном:

	ед.	мн.	
прям.	*karfin.oř|ò*	*karf'.oř|à*	м. ʻгвоздикʼ
косв.	*karfin.oř|əs*	*karf'.oř|àn*	
зват.			

Женского рода:

	ед.	мн.	
прям.	*asvìn*	*asv|à*	ж. ʻслезаʼ
косв.	*asvin|à*	*asv|èn*	
зват.	*asvìn*		
прям.	*patrìn*	*patr'|à*	ж. ʻлист [дерева]ʼ
косв.	*patrin|à*	*patr'|àn*	
зват.	*patrìn*		
прям.	*sostìn*	*sost'|à*	ж. ʻштанина', мн. ʻтрусыʼ
косв.	*sostìn|à*	*sost'|àn*	
зват.			

Это же чередование — в уменьшительном. В одном случае с неожиданной мягкостью во мн. (при его отсутствии во мн. производящего *asvà*):

	ед.	мн.	
прям.	*asvin.oř|ỳ*	*asv'.oř|à*	ж. ʻслёзкаʼ
косв.	*asvin.oř|à*	*asv'.oř|àn*	
зват.			

В других двух случаях мягкость ожидаема: мн. *patr̀oř̀à* ʻлистики', *sost̀oř̀à* ʻтрусикиʼ.

Не все слова на *-ìn* ведут себя так, ср. правильное *poštìn* м. ʻтулупʼ (см. 3.4.3.2), *papìn* ж. ʻгусьʼ (см. 3.4.3.5).

(ж) с выпадением *-l-* и стяжением

Одно слово с уникальным выпадением *-l-* во мн. (или же по типу ж-∅:'А, см. 3.4.3.5):

	ед.	мн.		
прям.	*řỳl*	*řà*	*~ řyl'|à*	ж. ʿгромкий выпуск газов'
косв.	*řyl'|à*	*řà|n*	*~ řyl'|àn*	
зват.				

(з) суффикс *-be(n)*

С этим суффиксом имеется всего одно слово, не вписывающееся ни в какой тип:

	ед.	мн.	
прям.	*xa.bè*	*xa.ben.àt|a*	м. ʿеда, блюдо'
косв.	*xa.ben|ès*	*xa.ben.at|àn*	
зват.			

(и) ж-∅:∅

Два слова женского рода с нулевым окончанием множественного числа:

	ед.	мн.	
прям.	*ćùnř*	*ćùnř*	ж. ʿкоса [волóс]'
косв.	*ćunř|à*	*ćunř|ən*	
зват.			
прям.	*bùrnix*	*bùrnix*	ж. ʿгорсть'
косв.	*burnix|à*	*burnix|èn*	
зват.			

Слово *bùrnix* необычно ещё и смягчением *X-* перед окончанием *-EN* (см. 2.5.2.2).

(к) только ед.: ж-∅ |?

Два слова (только ед.):

	ед.	мн.	
прям.	*kòlis*	—	ж. ʿоловянный порошок'
косв.	*kolis|à*	—	
зват.			
прям.	*lypỳnz ~ lympỳz ~ lumpùz*	—	ж. ʿконские путы'
косв.	?	—	ʿподножка'
зват.			

(л) как ж-I:'A, но без йотации

Одно слово на безударное *-i* (как во II пласте), но без йотации в косв.ед.:

	ед.	мн.	
прям.	*lìndr|i*	—	ж. ʿсон, спаньё'
косв.	*lindr|à*	—	
зват.			

⌛ Это исконное (индийское) слово, а нехарактерное безударное окончание *-i* связано со стечением согласных в конце основы, которое помешало отпадению окончания. Второй такой случай: *sàstri* м., которое вошло во II пласт (тип м-I:'A) благодаря аналогической мягкости в косв.ед. *sastrès-* вм. **sastràs-* (то же в косв.мн.); в косв.ед. *lindrà-* осталась исконная твёрдость.

Сюда можно отнести ещё слово *bèć(i)*, мн. *beća* ʿокорокʾ, могущее произноситься без *-i* (тогда это тип ж-∅:ʾÀ, см. 3.4.3.6), но это, видимо, фонологическое явление (см. 1.2.8).

(м) прям.ед. -∅ с чередованием *k* : *ć*

Это чередование имеется в одной паре взаимосвязанных слов обоих родов:

	ед.	мн.	
прям.	*xanamìk*	*xanamìć|a*	м. ʿсватʾ
косв.	*xanamik|ès*	*xanamić|èn*	
зват.	*xanamìk|a*	(затрудн.)	
прям.	*xanamìk*	*xanamìć|a*	ж. ʿсваха’
косв.	*xanamik|à*	*xanamić|èn*	
зват.	*xanamìk|ə*	(затрудн.)	

Возможно, для женского рода существует редкий вариант прям.ед. *xanamìka*.

(н) II пласт с чередованием *k* : *t’*

Единственное слово:

	ед.	мн.		
прям.	*bràšk|a*	*bràšt|i*	*~ brəšt|i*	ж. ʿлягушкаʾ
косв.	*brašk|à*	*brašt|èn*	*~ brəšt|èn*	
зват.	*bràšk|ə*			

У большинства носителей это слово регулярно: мн. *bràški* (ж-А:I).

⏳ В этом слове отразился результат чередования рум. /*sk*/ ~ /*št*/ перед гласным переднего ряда: рум. *broáscă*, мн. *broáște*. На кэлдэрарской почве согласный *-š-* был обобщён на всю парадигму.

(о) с чередованием *ə* : *e*

Единственное слово с чередованием *ə* : *e* (см. 2.5.1.4; также во мн.):

	ед.	мн.	
прям.	*vàr|o*	*vèr’|a*	м. ʿдвоюродный братʾ
косв.	*vər|òs*	*ver|èn*	
зват.	*vèr|e*	?*vər|àle*	

Зват.мн. затруднительно (обычно в форме им.мн., ср. *myřə vèrə̀!*). Факультативно это слово может быть регулярным и относиться к типу м-О:ʾА, т. е. зват.ед. *vàro-na*, мн. *vàrə̀* (см. 3.4.3.13).

(п) с чередованием *a* : *ə* (и другой основой во мн.)

Во мн. — удлинённая основа:

	ед.	мн.	
прям.	*vàr|a*	*vərišòr|i*	ж. ʿдвоюродная сестраʾ
косв.	*var|à*	*vərišor|èn*	
зват.	*vàr|ə*	?	

(р) ж-I:I

В одном слове форма прям.мн. не отличается от прям.ед.:

	ед.	мн.	
прям.	*kətrỳnc|y*	*kətrỳnc|y*	ж. ʿфартукʾ
косв.	*kətrync|à*	*kətrync|ən*	
зват.			

(с) ж-∅ :'A с чередованием исхода основы

Два слова на согласный в прям.ед. и с йотацией в других формах:

	ед.	мн.	
прям.	*kopàl*	*kopàl'|a*	ж. ʿкиянкаʾ
косв.	*kopal'|à*	*kopal|èn*	
зват.			
прям.	*ćeràn* ~ *ćeràj*	*ćeràj|a* ~ *ćeraj|à*	ж. ʿзвездаʾ
косв.	*ćeraj|à*	*ćeraj|èn*	
зват.			

⏳ Слово *ćeràn* ʿзвездаʾ относилось к тому же типу, что и **zən* ʿседлоʾ, мн. *zəjà* ʿспинаʾ; **armàn* ʿклятваʾ, однако этот тип распался, т. к. большинство слов забылось (или осталось одно число).

(т) усечение во мн.

II пласт содержит два слова с усечением основы во мн. Одно — мужского рода:

	ед.	мн.	
прям.	*gàlbən|o*	*gàlb|i*	м. ʿзолотая монетаʾ
косв.	*galbən|òs*	*galb|èn*	
зват.			

Уменьшительное на *-ùco* тоже можно считать нерегулярным: *galbənùco* (как будто, например, м-O:UR-), мн. *galbìcy* (как будто от ***galbìco* м-O:I или ***galbìca* ж-A:I).

Одно слово женского рода:

	ед.	мн.	
прям.	*dùdik|a*	*dùd|i*	ж. ʿшелковицаʾ
косв.	*dudik|à*	*dud|èn*	
зват.			

(у) ж-A:UR-

Два слова женского рода могут иметь наращение *-ur-*:

	ед.	мн.	
прям.	*tr'àb|a*	*tr'àb|i* ~ *trèb|i* ~ *tr'àb.ur|i* ~ *trèb.ur|i* ~ *-ur'|a*	ж. ʿделоʾ
косв.	*tr̀ab|à*	*tr̀ab|èn* ~ *treb|èn*	
зват.			
прям.	*dèl|a*	*dèl|i* ~ *dèl.ur|i* ~ *-ur'|a*	ж. ʿдело; вещьʾ
косв.	*del|à*	*del|èn*	
зват.			

Только вариант *dèluri ~ dèlurȁ* употребляется в значении ʻи всё такоеʼ.

Наращение *-ur-* регулярно только в типе м-∅:UR- (см. 3.4.3.10).

(ф) ж-A:Y с твёрдым окончанием

По меньшей мере одно слово факультативно относится к твёрдому варианту типа ж-A:Y, но с нерегулярностью в косв.мн. на *-ən* вместо ожидаемого *-en*:

	ед.	мн.	
прям.	*budàr|a*	*budàr|y*	ж. ʻтуалетʼ
косв.	*budar|à*	*budar|ən*	
зват.			

У части носителей это слово регулярно: мн. *budàri*, *budarèn-* и т. д. (тип ж-A:I).

(х) слова без косвенных форм

В I пласте имеется (полузабытое?) слово *maxavà* мн. (?) ʻкраскиʼ с неясной морфологией (ед. и косвенные формы неясны).

Слово II пласта *xànźva ~ xànźuva* м./ж. ʻжадность, жадинаʼ не склоняется. В косвенных формах его заменяют прилагательным *xanź(u)valò* ʻжадныйʼ.

Есть также ряд слов, по форме похожих на существительные, но выступающих обычно только в роли расширения: *gr'àca* ʻпротивноʼ и др. (см. 4.5.8.1).

3.4.3.23. Существительные без единственного числа

Часть существительных (т. н. pluralia tantum) имеет только множественное число. Лишь некоторые из них можно однозначно отнести к одному из словоизменительных типов (например, *bòz* ʻсухие ветки, хворостʼ могло бы попасть только в тип м-∅:∅, ибо ни в каком ином типе форма прям.мн. не имеет нулевого окончания); большинство же из этих слов попадают сразу в несколько типов. Кроме того, попытка отнесения таких существительных к какому-либо типу навязала бы им род, хотя во множественном числе род не различается. Поэтому мы даём их отдельно. Окончание косв.мн. — *-EN* или *-AN*. По окончанию прям.мн. их можно отнести к одному из двух пластов, кроме отдельных случаев «неопределённого» пласта:

(i) I пласт — ударное окончание *-À*

(а) мягкий вариант: косв.мн. *-ÀN*

прям.мн.	*pixť|à*	косв.мн.	*pixť|àn*	ʻхолодецʼ
šəľà	ʻтрухаʼ		косв. затрудн.	
zəjà	ʻспинаʼ			
armajà	ʻклятва, проклятиеʼ			
pirosťà	ʻтаганʼ			
pixťà	ʻхолодецʼ			

(б) твёрдый вариант: косв.мн. *-ÀN*

Судя по всему, только одно слово, причём нерегулярное (ожидается *-ən*):

прям.мн.	*pex|à*	косв.мн.	*pex|àn*	ʻглазные коркиʼ

(в) твёрдый вариант: косв.мн. -*ÈN*

Всего одно слово:

прям.мн.	*mutr|à*	косв.мн.	*mutr|ən*	ʿмоча’

(ii) II пласт

(г) мягкий вариант: прям.мн. -*A*, косв.мн. -*ÈN*

прям.мн.	*zàl’|a*	косв.мн.	*zal|èn*	ʿмыльная вода’

bàl’a	ʿслюни’
brušťàja	ʿчаинки’
flùtur̓a	ʿбахрома’
kozàća	ʿкорь’
kràća	ʿноги’ (груб.)
məskərìća	ʿругательства’
voťàja	ʿочки’
xala(v)ùr̓a	ʿпена у рта’
zàl’a	ʿмыльная вода’
źàmeja	ʿблизнецы’

(д) мягкий вариант: прям.мн. -*I*, косв.мн. -*ÈN*

прям.мн.	*pòd|i*	косв.мн.	*pod|èn*	ʿменструация’

fàrmećі	ʿпорча, колдовство’
fòrmi	ʿнепристойные слова’
perď àli	ʿзанавески’
pòdi	ʿменструация’
ťàfi	ʿсвиная печень’

(е) твёрдый вариант: прям.мн. -*I*, косв.мн. -*ÈN*

прям.мн.	*kàlc|y*	косв.мн.	*kalc|ən*	ʿштаны’

kàlcy	ʿштаны’
xyvìcy	ʿмамалыга’

(iii) неопределённый пласт — нулевое окончание, косв.мн. -*ÈN*

(ж) мягкий вариант

прям.мн.	*təjecə̀j*	косв.мн.	*təjecəj|èn*	ʿмакароны’

Имеется также редкий вариант: мн. *təjecə̀*, косв.мн. *təjecə̀n-* (уподобление I пласту, ср. тип м-Ò:È, см. 3.4.3.4).

(з) твёрдый вариант

прям.мн.	*bòz*	косв.мн.	*boz|ən*	ʿхворост, сухая трава’

Чаще уменьшительно: *bozoř̓ə*.

⏳ Эти хворостинки женщины жгут накануне Пасхи, произнося при этом имена покойных мужей и отцов (*te-taťòn le muloř̀ə* ʻчтобы согрелись покойничкиʼ), — из рум. *boz* ʻбузинаʼ. Первоначальное значение ʻбузинаʼ сдвинулось, видимо, в связи с изменениями в самом ритуале (вместо бузины стали жечь сухую траву). Бузину в ходе этого ритуала жгут до сих пор в т. ч. в Банате (Н. Г. Голант, лич. сообщ.).

3.4.3.24. Особенности звательной формы

Звательная форма образуется особо почти для каждого типа склонения, так что давать здесь какие-либо обобщения вряд ли имеет смысл. Более того, у некоторых слов она образуется нерегулярно (хотя прочие формы парадигмы регулярны).

В I пласте по крайней мере одно слово в звательной форме факультативно принимает особую звательную энклитику *-na*, ср. *řòm|a-na* ʻцыган!; муж!ʼ (наряду с более обычным *řòm|a* без энклитики), причём с другими словами это невозможно: ***phràla-na* ʻбрат!ʼ, ***gràsta-na* ʻконь!ʼ.

Во II пласте положение иное. Факультативно клитика *-na* присоединяется к существительным мужского рода на *-i*, ср. *lovàri(-na)* ʻловар!ʼ. У слов мужского рода на *-o* клитика *-na* во многих случаях обязательна, ср. *řùso-na* ʻрусский!ʼ при невозможной звательной форме ***řùso*. Общее правило для таких слов приблизительно таково: если у слова нет звательной формы, отличной от прямой формы, то чаще всего присоединяется *-na*. К особым звательным формам не на *-o*, отличным от прямой формы, *-na* никогда не присоединяется. Однако даже если особая звательная форма есть, то во многих случаях возможна и форма с *-na*.

Слова без особых звательных форм (обусловлено типом склонения):

ləjèco	ʻцыган-немолдоваяʼ	зват. (особой формы нет)	*ləjèco-na*

Слова с факультативными особыми звательными формами (обусловлено типом склонения и лексически — для нерегулярных существительных):

dušmàno	ʻврагʼ	зват.	*dušmàne*	~	*dušmàno-na*
vortàko	ʻтоварищʼ		*vortàće*	~	*vortàko-na*
ampəràto	ʻцарьʼ		*ampəràte*	~	*ampəràto-na*
kumnàto	ʻдеверьʼ		*kumnàte*	~	*kumnàto-na*
vəro	ʻдвоюродный братʼ		*vère*	~	*vəro-na*
nepòto	ʻплемянник, внукʼ		*nepàte*	~	*nepòto-na*

Энклитику *-na* реже присоединяют личные имена на *-o* и на *-a*: ср. *Jòno(-na)* (наряду с нерегулярной формой *Jàne*, ***Jàne-na*), *Pàvela-na*; личные имена на согласный могут получать *-o*, ср. *Jànoš*, зват. *Jànoš ~ Jànošo-na* (возможно, это маргинально).

Большинство названий родственников имеют нерегулярные звательные формы. Приведём те из них, которые в остальных формах регулярны (в т. ч. как вариант):

kàk	м-∅:∅	ʻдядяʼ	зват. *kàko*	
dàd	м-∅:À	ʻотецʼ	*dàde*	
bibì	ж-ʼÌ:ʼÀ	ʻтётяʼ	*bibè*	
pàpo	м-O:UR-	ʻдедʼ	*pàpo*	
nepòto	м-O:ʼI	ʻвнук; племянникʼ	*nepàte*	
vəro	м-O:ʼA ~ нерег.	ʻдвоюродный братʼ	*vère*	
tàta	м-A:Y	ʻпапаʼ	*tàtə*	(нек. немолд. *tàte*)

Для двух из них возможны и регулярные звательные формы (см. выше).

Встречается и (детская?) звательная форма *pàp* от *pàpo* ʻдедʼ.

По воспоминаниям носителя: от слова *glàta* ʻребёнокʼ в старину применяли форму зват.мн. *glàcylor* (сейчас только *glatàle*).

3.4.4. Словообразование существительных

Многие существительные можно считать производными, т. е. образованными с помощью словообразовательных средств от других слов (точнее, от их основ).

Небольшой ряд существительных — это прилагательные, употребляемые в роли существительных (поэтому считать это примером словообразования можно с натяжкой, см. 3.4.4.1). Имеется одно образование, которое можно считать приставочным (но см. 3.4.4.2). Большинство же производных существительных образовано суффиксами. Суффиксы прибавляются к основе производящего слова (если основ несколько, важно знать, к какой именно). Каждый суффикс сочетается только с определённым набором типов слов (точнее, словоизменительных типов соответствующих частей речи).

Некоторые суффиксы (далеко не все) способны присоединяться к основам, в состав которых уже входят другие суффиксы, причём возможны не все сочетания. Это важно знать во избежание несуществующих форм, например: суффикс *-∅|I* ⇨ *-i*/*-y*, меняющий пол существительного с мужского на женский, ср. *rakl|ò* ‘парень-нецыган’ → *rakl|ì* ‘девушка-нецыганка’, нельзя присоединить к имени с уменьшительным суффиксом мужского рода *-ořò* (например, *rakl.ořò* → ***rakl.ořỳ*). Соответствующие уменьшительные женского рода образуются отдельным суффиксом *-ořỳ*, учитывающим смягчение, имеющееся в производящих именах женского рода и представленное в слове *rakl|ì* (в косвенных формах: *RAKL.’|A*). Тем самым, *rakl|ì* → *rakl’.ořỳ*.

Суффиксы одного пласта редко присоединяются к основам другого. Имеются немногочисленные производные II пласта от производящих I пласта, ср. *khəlitòri* ‘танцор’ (суффикс *-tor|i* — II пласт) от *khəlèl* ‘танцевать’ (I пласт). В основной массе случаев суффиксы II пласта фигурируют с основами II пласта.

⌛ Во многих случаях речь идёт о словах, заимствованных в «готовом виде» из румынского языка, а не о собственно кэлдэрарских образованиях, так что многие из них не имеют производящих в кэлдэрарском, ср. *cygənìja* ‘цыгане, всё цыганское общество’ (заимствовано из рум. *ţigăníe* от *ţigán* ‘цыган’; нет кэлдэрарского слова ***cygàno*). Но ср. также полукальку *řomənìja* ‘тж.’ (от слова I пласта *řòm* ‘цыган’).

Обратная ситуация, т. е. суффиксы I пласта в сочетании с основами II пласта, практически невозможна. Только заполнитель *-i-*/*-y-* свободно присоединяется к основам обоих пластов.

3.4.4.1. Субстантивация прилагательных

Часть назывных (т. е. не местоименных) прилагательных может употребляться в значении существительных. К собственно субстантивации можно отнести случаи, когда возникает новый смысловой оттенок или имеет место сужение значения, т. е. происходит некоторое отдаление полученного существительного от самого прилагательного (ср. *barò* ‘большой’ → ‘важный [человек]; цыганский барон’). В противном случае нет смысла говорить о субстантивации, а можно считать, что прилагательное употреблено в независимом состоянии при опущенном ядре (см. 4.2.1.4.1в). Впрочем, эта грань очень условна, ср. *barvalò* ‘богатый’ → ‘богач’, где нет нового смысла, однако ввиду регулярного (а не окказионального) автономного употребления этого слова можно при желании усматривать тут субстанцивацию (однако ср. *ćořò* ‘плохой, злой; бедный’, но в роли существительного только ‘бедняк’, а не ***‘злодей’).

Большинство случаев субстантивации касается прилагательных типа п-Ò:’Ì:È (и, соответственно, в роли существительных они относятся к типам м-Ò:È и ж-’Ì:’À). Перевод таких прилагательных в класс существительных не требует никаких морфологических преобразований; эти прилагательные в значении существительных склоняются так же, как

при обычном употреблении в независимом состоянии (в соответствующем роде, однако без колебаний, см. 4.2.1.5д). Тем не менее, строго говоря, это морфологическая процедура, т. к. полученному слову приписывается род и словоизменительный тип другой части речи. В основном субстантивированные прилагательные I пласта обозначают людей (в ряде случаев имеет место ещё и лексикализация формы множественного числа):

phurò	ʻстарый’	→	*phurò* м.	ʻстарик; муж’
			phurì ж.	ʻстаруха; жена’
			phurə̀ (мн.)	ʻпредки’, т. е. ʻпредыдущие поколения; пращуры’ (а также ʻстарики’)
tərnò	ʻмолодой’	→	*tərnò* м.	ʻпарень; жених, молодожён’
			tərnì ж.	ʻневеста, молодая жена’
			tərnè (мн.)	ʻмолодёжь; молодожёны’
mulò	ʻмёртвый’	→	*mulò*	ʻпокойник; призрак’
barò	ʻбольшой’	→	*barò*	ʻважный человек; цыганский барон’
barvalò	ʻбогатый’	→	*barvalò*	ʻбогач’
ćořò	ʻплохой; бедный’	→	*ćořò*	ʻбедняк’
parnò	ʻбелый’	→	*parnò*	ʻбелок [яйцá]’

Сюда же можно отнести названия ряда котлярских подродов: *kanřalè* букв. ʻколючие’, *balalè* букв. ʻволосатые’, *bulbarə̀* ʻбольшезадые’ (но чаще *bulbaròni*, см. 0.3.3).

В большинстве случаев субстантивация напрямую связана с опущением «тривиальной» вершины существительной группы, ср. *barvalò* ʻбогач’ = *barvalò manùš* ʻбогатый человек’. Если речь идёт о людях, такие субстантивированные прилагательные, естественно, имеют, по крайней мере потенциально, оба рода и числа.

Гораздо реже субстантивированные прилагательные обозначают неодушевлённые предметы. Тогда род, видимо, определяется родом опущенной вершины:

ratunò	ʻкровяной’	→	*ratujì* ж.	ʻкровяная колбаса’ (ср. *gòj* ж. ʻколбаса’)

Имеется по крайней мере два случая субстантивации уменьшительной формы (в этих случаях мы ничего не знаем об опущенной вершине; возможно, её и нет):

parnořò	ʻбеленький’	→	*parnořò*	ʻяйцо’ (вм. *anřò*)
kalořò	ʻчёрненький’	→	*kalořò*	ʻбаклажан’ (вм. *mənətàrka*, *fl'àjka*)

При этом *parnò* значит только ʻбелый’, а специфическое значение ʻяйцо’ возникает только в уменьшительной форме (то же в *kalò*). В прочих случаях уменьшительность относится к уже субстантивированному значению, ср. *mulořò* ʻпокойничек’.

Прилагательные иногда выступают как личные имена (или клички) людей, ср. *Kalì* (женское имя) ʻчёрная’ (об именах см. 3.4.6.2).

Намного реже субстантивируются прилагательные II пласта. Здесь субстантивация сопровождается морфологическими изменениями. Полученные существительные получают типы м-о:”I и ж-а:”I. Это значит, что в субстантивированном виде формы разных родов получают разные прямые окончания, ср. прил. *svỳnto* ʻсвятой’ (м. = ж.), но сущ. *svỳnto* м., *svỳnta* ж.:

svỳnto	ʻсвятой’	→	*svỳnto*	ʻсвятой’, мн. *svỳncy*
			svỳnta	ʻсвятая’, мн. *svỳncy*

Так образованы такие личные имена, как *Dràgo*, которые склоняются как обычные существительные II пласта, ср. косв. *Dragòs*, при прил. *dragonès* ʻдорогого’. Субстантивацию также можно усматривать в мужских именах, образованных от русских прилагательных (из III пласта), ср. *Zalatòj* (об этих и других личных именах см. 3.4.6.2).

Представлена также субстантивация причастий (в разных родах):

khajaràl	ʻпортить воздухʼ	→	*khajardì*	ʻтихий выпуск газовʼ
kořaràl	ʻслепитьʼ	→	*kořardì*	ʻпряткиʼ
magaràl	ʻопоганиватьʼ	→	*magardò*	ʻдогонялкиʼ

А также:

meràl	ʻумиратьʼ	→	*mulì* в выр. *dèl ə mulì* ʻизбить до полусмертиʼ букв. ʻдать мёртвуюʼ

3.4.4.2. «Приставка» *BI-*

Морфема *bì-*, которую здесь можно назвать «приставкой», представлена только в одном существительном: *bì.baxt* (~ *bì.bàxt*), ж. ʻнесчастьеʼ (косв. *bi.baxťà-*), от *bàxt*, ж. ʻсчастьеʼ (она фигурирует в прилагательных, см. 3.6.7.4, в притяжательных формах, см. 3.7.5, в причастиях, см. 3.11.6.2, в этих случаях мы считаем её проклитикой; кроме того, *bi* может быть и предлогом, см. 4.2.2.6.3).

Существительное *bibaxtalimòs* ʻнесчастьеʼ не образовано непосредственно этой приставкой, а основано на *bibaxtalò* ʻнесчастныйʼ (которое можно записать как *bi-baxtalò*, если считать образованным не от *bìbaxt*, а от *baxtalò* ʻсчастливыйʼ).

3.4.4.3. Суффикс *-N.ʼ|ì*

Образует названия женских особей (тип ж-ʼÌ:ʼÀ) от существительных мужского рода с нулевым окончанием в прям.ед. (типы м-∅:∅ и м-∅:À). Непродуктивен (как и тип производящих):

rìś	ʻмедведьʼ	→	*riśnì*	ʻмедведицаʼ
rùv	ʻволкʼ	→	*ruvnì*	ʻволчицаʼ
sàp	ʻзмеяʼ	→	*sapnì*	ʻсамка змеиʼ
řòm	ʻцыган; мужʼ	→	*řomnì*	ʻцыганка; женаʼ
manùš	ʻчеловекʼ	→	*manušnì*	ʻженщинаʼ
mùrš	ʻмужчинаʼ	→	*muršnì*	ʻбой-бабаʼ
ćòr	ʻворʼ	→	*ćornì*	ʻворовкаʼ

С чередованием *v* : *m* (*-VN-* ⇨ *-mn-*, см. 2.5.3.1):

gurùv	ʻбыкʼ	→	*gurumnì*	ʻкороваʼ

С нерегулярными чередованиями в основе производящего:

gràst	ʻконьʼ	→	*graznì*	ʻкобылаʼ
xoraxàj	ʻмусульманинʼ и др.	→	*xoraxnì*	ʻмусульманкаʼ и др.

Один случай образования от прилагательного:

šukàr	ʻкрасивыйʼ	→	*šukarnì*	ʻкрасавицаʼ

3.4.4.4. Суффикс *-ʼ|ì*

Образует названия женских особей (тип ж-ʼÌ:ʼÀ) от существительных мужского рода с окончанием *-ò* в прям.ед. (в основном типа м-Ò:È). Этот суффикс можно считать дополнительно распределённым с суффиксом *-n|ì*, т. к. они применяются к производящим разных типов. Непродуктивен, но это связано с непродуктивностью типа на *-ò* (при этом почти все существующие одушевлённые на *-ò* имеют соответствия на *-ì*):

bakrò	ʻбаран’	→	*bakrì*	ʻовца’
balò	ʻборов’	→	*balì*	ʻсвинья’
buznò	ʻкозёл’	→	*buznì*	ʻкоза’
gaźò	ʻнецыган; русский’	→	*gaźì*	ʻнецыганка; русская’
tirvò	ʻкум’	→	*tirvì*	ʻкума’
khurò	ʻмолодой конь’	→	*khurì*	ʻмолодая кобыла’
phivlò	ʻвдовец’	→	*phivlì*	ʻвдова’
raklò	ʻпарень-нецыган’	→	*raklì*	ʻдевушка-нецыганка’
phiramnò	ʻлюбовник’	→	*phiramnì*	ʻлюбовница’

С переходом *-N.’|ì* ⇨ *-ji* (см. 2.5.2.3):

ćoxanò	ʻпривидение’ (м.)	→	*ćoxajì*	*~ -nì*	ʻпривидение’ (ж.)
rikonò	ʻщенок, кобелёк’	→	*rikojì*	*~ -nì*	ʻсучка’
źenò	ʻчеловек’ (счётное м.)	→	*źejì*	*~ -nì*	ʻчеловек’ (счётное ж.)

С выпадением гласного (как в косвенной основе производящего, см. 2.5.1.2):

źukə̀l	ʻкобель’	→	*źuklì*	ʻсука’

В двух случаях от основ на *-aj*:

ràj	ʻгосподин’	→	*rajì*	ʻгоспожа’
rašàj	ʻпоп’	→	*rašajì*	ʻпопадья’

⌛ Исторически это **-ni* > *-ji*, ср. во многих диалектах *ranì*, *rašanì*.

Присоединяется также к производным на *-ar.n|ò*, *-am.n|ò* (см. 3.4.4.7):

drabarnò	ʻгадатель’ (потенц.)	→	*drabarnì*	ʻгадалка’
maťarnò	ʻпьяница’	→	*maťarnì*	ʻпьяница’ (ж.)
buťarnò	ʻработяга’	→	*buťarnì*	ʻработяга’ (ж.)
xoxamnò	ʻлгун’	→	*xoxamnì*	ʻлгунья’

3.4.4.5. Суффикс *-AL.’|ì*

Образует названия цифр и игральных карт от количественных числительных до 10 (тип ж-’ì:’À), ср. *jèkh* ʻ1’ → *jekhalì* ʻединица’; *jeftà* ʻ7’ → *jeftalì* ʻсемёрка’ (список см. 3.9.8).

3.4.4.6. Суффикс *-ÌN*

Тип производных ж-∅:À. Образует названия деревьев и нек. др. слова. Непродуктивен:

ambròl	ʻгруша’	→	*ambrolìn*	ʻгруша (дерево)’
tehàra	ʻзавтра’	→	*teharìn*	ʻзавтрашний день’ (*pe t.* ʻназавтра’)

С колебанием в производящем и неясным семантическим соотношением:

ćeràn ~ ćeràj	ʻзвезда’	→	*ćerajìn*	ʻтж.’ (?)

В т. ч. с факультативной «редукцией» (*a* : *ə*, см. 2.5.1.6):

dopàš	ʻполовина’	→	*dopəšỳn*	ʻполовина’ (~ *dopašỳn*)

С нерегулярностью (*-aj* : *-el-*):

phabàj	ʻяблоко’	→	*phabelìn*	ʻяблоня’

Некоторые слова можно считать непроизводными: *(v)uśalìn* ʻтень’.

Неизвестно [ДД]: *məstəkìn* ʻберёза’, *akhorìn* ʻорешник’, *pendexìn* ʻорешник’, *plajìn* ʻгора’, *dudelìn* ʻтутовое дерево’, *ćirešỳn* ʻчерешня’.

3.4.4.7. Суффикс *-ɴ|ò*

Обозначает человека — носителя постоянного признака (тип м-Ò:È); производящее — глагол; непродуктивен:

maťarə̀l	ʻнапаиватьʼ	→	*maťarnò*	ʻпьяницаʼ
drabarə̀l	ʻгадатьʼ	→	*drabarnò*	ʻгадательʼ (обычно ж., см. 3.4.4.4)

От глагола на *-av-*, с чередованием *v* : *m* (см. 2.5.3.1):

xoxavèl	ʻлгатьʼ	→	*xoxamnò*	ʻлжецʼ

Сюда же отнесём *xuťamnò* ʻпопрыгунʼ, ж. *xuťamnì* ʻлягушкаʼ при отсутствии ***xuťavèl*, но ср. *xutèl* ʻпрыгатьʼ, а также *buťarnò* ʻработягаʼ, ср. *butì* ʻработаʼ (***buťarə̀l*).

Эти слова можно считать субстантивированными отглагольными прилагательными (по крайней мере *xoxamnò* ʻлживый; ложный, поддельныйʼ, см. 3.6.5.12).

Сюда же примыкает *phiramnò* ~ *piramnò* ʻлюбовникʼ, если его связывать с *phiravèl-pe* ʻгулятьʼ (иначе это непроизводное, тем более — при отсутствии придыхания).

3.4.4.8. Суффикс *-ɪ́ś|ò*

Обозначает детёныша животного (тип м-Ò:È); всего два слова:

balò	ʻсвинья; боровʼ	→	*baliśò*	ʻпоросёнокʼ
bakrò	ʻбаранʼ	→	*bakriśò*	ʻягнёнокʼ

3.4.4.9. Суффикс *-oř|ò*, *-¨oř.ʼ|ì*

Продуктивный уменьшительный суффикс (применим также к прилагательным, см. 3.6.5.7, и наречиям, см. 3.8.1.7). Присоединяется к именам всех типов I пласта (а к именам II пласта — никогда). В большинстве случаев производное тривиально соответствует по значению производящему (добавляя к нему уменьшительную составляющую), но некоторые уменьшительные имеют особые смысловые оттенки или совсем другое значение:

śàv	ʻсын; юноша-цыганʼ	→	*śavořò*	ʻмальчик-цыганʼ
śèj	ʻдочь; девушка-цыг.ʼ	→	*śovořỳ*	ʻдевочка-цыганкаʼ
raklò	ʻюноша-нецыганʼ	→	*raklořò*	ʻмальчик-нецыганʼ
raklì	ʻдевушка-нецыганкаʼ	→	*rakľořỳ*	ʻдевочка-нецыганкаʼ
źukə̀l	ʻсобакаʼ	→	*źuklořò*	ʻщенокʼ
manùš	ʻчеловекʼ	→	*manušořò*	ʻкадыкʼ
kàn	ʻухоʼ	→	*kanořò*	ʻушко [котла]ʼ

У части из этих уменьшительных возможно и тривиальное уменьшительное значение: ʻсынокʼ, ʻдоченькаʼ, ʻсобачкаʼ, ʻчеловечекʼ.

Эти уменьшительные наследуют род производящего, что отражается на окончании прям. *-ò* (как у твёрдого подтипа м-Ò:È) или *-ỳ* (как у твёрдого подтипа ж-ʼÌ:ʼÀ), а также даёт ожидаемые окончания зват. *-ə̀ja* и *-ỳjo*. Однако в прям.мн. и косв. морфонологически копируются окончания производящего, что приводит к образованию нестандартных типов склонения, ср. *khərořò*, мн. *khərořà* ʻдомикʼ, что не вписывается ни в один обычный тип.

Более того, если производящее имеет разные основы в ед. и мн. (за счёт смягчения или нерегулярно), то это соотношение копируется и в уменьшительные, в чём проявляется пограничная природа суффикса *-oř-*: он встраивается в словоизменительную парадигму производящего, тем не менее образуя производное. Рассмотрим мужской и женский роды:

(а) мужской род

Начнём с того, что окончание прям.мн. повторяет соответствующее окончание производящего, а при нулевом окончании мн. производящего уменьшительное имеет мн. на *-ə̀*: мн. *śav|è* → *śav.oř|ə* ʻребята’; *khər|à* → *khər.oř|à* ʻдомики’; *vàst* → *vast.oř|ə* ʻручки’.

Производящие типов м-∅:∅, м-∅:È и м-Ò:È дают уменьшительные типа м-Ò:È:

	ед.	мн.	
прям.	*śav.oř|ò*	*śav.oř|ə̀*	м. ʻмальчик’
косв.	*śav.oř|ə̀s*	*śav.oř|ə̀n*	
зват.	*śav.oř|ə̀ja*	*śav.oř|àle*	

м-∅:∅:	*kàn*	ʻухо’	→	*kanořò*
	řòm	ʻцыган, муж’	→	*řomořò*
	màs	ʻмясо’	→	*masořò*
м-∅:È:	*śàv*	ʻсын, парень’	→	*śavořò*
	lovè мн.	ʻденьги’	→	*lovořə̀*
м-Ò:È:	*ilò*	ʻсердце’	→	*ilořò*
	pynřò	ʻнога’	→	*pynřořò*
	baliśò	ʻпоросёнок’	→	*baliśořò*

Производящие типа м-∅:À дают уменьшительные особого типа (с прям.мн. *-à*):

	ед.	мн.	
прям.	*sap.oř|ò*	*sap.oř|à*	м. ʻзмейка’
косв.	*sap.oř|ə̀s*	*sap.oř|ə̀n*	
зват.	*sap.oř|ə̀ja*	*sap.oř|àle*	

м-∅:À:	*dròm*	ʻдорога’	→	*dromořò*	
	sàp	ʻзмея’	→	*sapořò*	
	vəš	ʻлес’	→	*vəšořò*	
	nàj	ʻпалец’	→	*najořò*	
	kotòr	ʻкусок’	→	*kotorořò*	~ *kotorìcy*
	skamìn	ʻстул’	→	*skaminořò*	~ *skaminìcy*

Во всех перечисленных типах имеем косв.ед. *-ə̀s* и косв.мн. *-ə̀n*, поэтому в этих формах нет отклонения от ожидаемого м-Ò:È. Однако одно нерегулярное слово мужского рода имеет косв.мн. *-àn*, причём у него различаются основы ед. и мн., так что и уменьшительное показывает нерегулярность в основе (полная парадигма: см. 3.4.3.22е):

karfìn	ʻгвоздь’	→	*karfinořò*
мн. *karf'à*, косв. *karf'àn*		→	*karf'ořà*, косв. *karf'ořàn*

Возможно, это явление потенциально присуще и случаям наличия стяжения слогов в прям.мн., ср. *sumnakàj*, мн. *sumnakà* ʻзолото’; *rašàj*, мн. *rašà* ʻпоп’, однако от этих слов, судя по всему, не образуются уменьшительные на *-oř-* (ср. *raśajìcy* при невозможности ***rašajořò*). Стяжение только в косв.ед. не отражается в уменьшительном:

mùj	косв. *mòs*	ʻрот, лицо’	→	*mujořò*

В двух случаях нерегулярности в косв.ед. отражаются факультативно:

źukə̀l	косв. *źuklès*	ʻсобака’	→	*źuklořò*	~ *źukəlořò*
dèl	косв. *devlès*	ʻбог’	→	*devlořò*	~ *delořò*

От нерегулярного существительного с наращением в косв.:

xabè косв. *xabenès* ʻеда’ → *xabenořò*

Уменьшительные не образуются от *dì* ʻживот, желудок’, а также от слов на *-mòs*.

(б) женский род

Производящие типов ж-∅:À дают уменьшительные особого типа (с косв.мн. *-ən*):

	ед.	мн.	
прям.	*źuv.oř|ỳ*	*źuv.oř|à*	ж. ʻвошка’
косв.	*źuv.oř|à*	*źuv.oř|ən*	
зват.	*źuv.oř|ỳjo*	*źuv.oř|àle*	

ж-∅:À:	*jàg*	ʻогонь’	→	*jagořỳ*
	kòř	ʻшея’	→	*kořořỳ*
	dukhùm	ʻкулак’	→	*dukhumořỳ*
	xajìng	ʻколодец’	→	*xajingořỳ*

В уменьшительных от типа ж-∅:’À — косв.мн. *-àn*, но с йотацией перед суффиксом:

	ед.	мн.	
прям.	*makh.oř|ỳ*	*mać.oř|à*	ж. ʻмушка’
косв.	*makh.oř|à*	*mać.oř|àn*	
зват.	*makh.oř|ỳjo*	*mać.oř|àle*	

ж-∅:À:	*phùv*	ʻземля’	→	*phuvořỳ*	мн. *phuv'ořà*
	sỳr	ʻчеснок’	→	*syrořỳ*	мн. *syr'ořà*
	hùr	ʻштанина’	→	*hurořỳ*	мн. *hur'ořà*

От слова без единственного числа:

zəjà (мн.) ʻспина’ → *zəjořà*

⌛ В уменьшительных от существительных типа ж-∅:’À в других говорах проявляется йотация, которой не видно в прям.ед. прозводящих, ср. ёнешти и др. *phuv'ořy*, *syr'ořỳ*, *mać'ořỳ*.

В существительных типа ж-’Ì:’À йотация проявляется во всех формах, так что и уменьшительные имеют тип ж-’Ì:’À в чистом виде без нерегулярностей в основе:

dilì	ʻпесня’	→	*diľořỳ*
butì	ʻработа; вещь’	→	*buťořỳ*
skafedì	ʻстол’	→	*skafeďořỳ*
gurumnì	ʻкорова’	→	*gurumn'ořỳ*
řomnì	ʻцыганка, жена’	→	*řomn'ořỳ*

Если в паре производящих слов разного рода (связанного с полом) основы различаются за счёт тривиального смягчения, то это различие закрепляется в уменьшительных:

rakl|ò	ʻпарень-нецыган’	(основа *rakl-*)	→	*rakl.oř|ò*	
rakl|ì	ʻдевушка-нецыганка’	(основа *rakl'-*)	→	*rakl'.oř|ỳ*	(***raklořỳ*)
źen|ò	ʻчеловек’ (счётное)	(основа *źen-*)	→	*źen.oř|ò*	
źej|ì	ʻтж.’ ж.	(основа *źej-*)	→	*źej.oř|ỳ*	(***źenořỳ*)

Уменьшительные личные числительные: *jekh-źenořò* ʻодин-одинёшенек’, *jekh-źejořỳ* ʻодна-одинёшенька’.

От ряда неправильных образуются правильные уменьшительные (типа ж-∅:'À):

dèj	ʻмать'	→	*dejoř̀*
phèj	ʻсестра'	→	*phejoř̀*
ćùnř	ʻкосичка'	→	*ćunřoř̀*
řỳl	ʻшумн. вып. газов'	→	*řyloř̀*

В ряде случаев различаются основы ед. и мн. (как в производящем, см. 3.4.3.22де):

r'àt	ʻночь'	→	*r'atoř̀ ~ ratoř̀*	(мягкость в корне фак.)
мн. *raťà ~ r'aťà*		→	*raťoř̀à*	
sostìn	ʻштанина'	→	*sostinoř̀*	
мн. *sosťà*	ʻтрусы'	→	*sosťoř̀à*	
asvìn	ʻслеза'	→	*asvinoř̀*	
мн. *asvà*		→	*asv'oř̀à*	(с мягкостью!)
patrìn	ʻлист'	→	*patrin.oř̀*	
мн. *patr'à*		→	*patr'oř̀à*	
phabàj	ʻяблоко'	→	*phabajoř̀*	
мн. *phabà*		→	*phaboř̀à*	

Но есть и совсем неправильное образование (хотя регулярное в словоизменении):

śèj ʻдевушка-цыг., дочь' → *śovoř̀* ʻдевочка-цыганка, дочка' мн. *śovoř̀à*

Уменьшительные *-oř̀|ỳ* образуются, кажется, от всех слов женского рода I пласта.

Особый случай: слово *mamì* молдовая не употребляют, его значение обычно неизвестно, но имеется общеупотребительное производное *mam'oř̀ỳ* ʻмифологический персонаж, являющийся в виде нищей старухи (монашки)'. Особо отметим *ə patraď oř̀ỳ ə cynoř̀ỳ* (уменьш. от *patradì* 'Пасха' + ʻмаленькая') ʻдень поминовения усопших через неделю после Пасхи, родительский день, Радоница и т. п.'.

3.4.4.10. Суффикс *-(¨ᵊI)M|òS*

Это единственный продуктивный словообразовательный суффикс (не считая уменьшительных). Ему соответствует отдельный тип склонения (м-ÒS:ÀTA, см. 3.4.3.16).

С морфологической точки зрения сам суффикс имеет вид *-m-*, а *-os* мы считаем окончанием. К производящим основам на гласный (глаголы некоторых типов) он присоединяется непосредственно, а к основам на согласный — через заполнитель *-ɪ-* ⇨ *-i-*/*-y-* (основная масса глаголов и имена). В основах I пласта происходят регулярные чередования согласных (смягчение, см. 2.5.2.4); об остальных чередованиях см. ниже.

С помощью этого суффикса образуются в основном названия действий (от глаголов) и названия признаков (от прилагательных):

(а) от прилагательных

Значение производного — название признака; в ряде случаев более сложные абстрактные понятия (ср. *ćaćimòs* ʻправда', *jakhalimòs* ʻсглаз').

Производящими могут быть прилагательные всех типов. Из I пласта:

kùć(i)	ʻдорогой'	→	*kućimòs*	ʻдороговизна'
ćaćò	ʻверный'	→	*ćaćimòs*	ʻправда'
kalò	ʻчёрный'	→	*kalimòs*	ʻчернота; синяки'
nasvalò	ʻбольной'	→	*nasvalimòs*	ʻболезнь'
tərnò	ʻмолодой'	→	*tərnimòs*	ʻмолодость'

Твёрдый вариант заполнителя (*-y-*):

ćořò	ʻплохой; бедный’	→	*ćořymòs*	ʻбедность; беда’
(v)užò	ʻчистый’	→	*(v)užymòs*	ʻчистота’

С качественным смягчением (см. 2.5.2.1.2):

šukò	ʻсухой’	→	*šutimòs*	ʻсухость’
kašukò	ʻглухой’	→	*kašutimòs*	ʻглухота’
bangò	ʻкосой’	→	*bandimòs*	ʻкривизна’
nangò	ʻголый’	→	*nandimòs*	ʻнагота’
tàng	ʻузкий’	→	*tandimòs*	ʻузость’

Смягчение *n* : *j* в I пласте даёт колебания (*j* чаще):

ćinò	ʻусталый’	→	*ćijimòs*	~ *ćinimòs*	ʻусталость’
sanò	ʻтонкий’	→	*sajimòs*	~ *sanimòs*	ʻтонкость’
xaranò	ʻмудрый, умный’	→	*xarajimòs*	~ *xaranimòs*	ʻмудрость’

Образования от суффиксальных прилагательных:

barvalò	ʻбогатый’	→	*barvalimòs*	ʻбогатство’
xanź(u)valò	ʻжадный’	→	*xanź(u)valimòs*	ʻжадность’
jakhalò	ʻглазастый’	→	*jakhalimòs*	ʻсглаз’

Потенциально такие образования возможны от всех прилагательных. На практике употребляются далеко не все, ср. ?*lovalimòs* (от *lovalò* ʻбогатый деньгами’), ?*goďalimòs* (от *goďalò* ʻумный, мозговитый’).

Образования от II пласта:

zàleno	ʻзелёный’	→	*zəlenimòs*	ʻзелень’
lèzni	ʻдешёвый’	→	*leznimòs*	ʻдешевизна’
tr̓àzo	ʻтрезвый’	→	*tr̓azymòs*	ʻтрезвость’

С переходными смягчениями:

lùngo	ʻдлинный’	→	*lunźimòs*	ʻдлина’
vr̓àniko	ʻпроворный’	→	*vr̓anićimòs*	ʻпроворство’
vỳnəto	ʻсиний’	→	*vynəcymòs*	ʻсинева’

В нескольких примерах есть и редукция *a* : *ə*/*e* (см. 2.5.1.6):

gàlbəno	ʻжёлтый’	→	*gəlbenimòs*	ʻжелтизна’	(также см. 2.5.1.4)
tun̓àriko	ʻтёмный’	→	*tunerićimòs*	ʻтемнота’	
turbàto	ʻбешеный’	→	*turbəcymòs*	ʻбешенство’	

(б) от наречий

Всего несколько примеров:

mištò	ʻхорошо’	→	*mištimòs*	ʻдобро’
dùr	ʻдалеко’	→	*durimòs*	ʻдаль, расстояние’
pašə	ʻблизко’	→	*pašymòs*	ʻблизость’
vunźilè	ʻвзаймы’	→	*vunźilimòs*	ʻдолг’

Малочисленность примеров объясняется тем, что подавляющее большинство наречий производны от прилагательных, поэтому соответствующие образования на *-mòs* мы даём как производные от прилагательных.

Неизвестны производные от существительных [ДД]: *phralimòs* ʻродственные отношения братьевʼ, *muršymòs* ʻмужествоʼ, *harambašymòs* ʻбандитизмʼ (понятны, но воспринимаются как невозможные).

(в) от глаголов

Отглагольные имена (названия действия) весьма многочисленны. С одной стороны, их можно было бы считать частью глагольной парадигмы (что было бы оправдано их частотностью в функциях, близких к инфинитивным), с другой — нельзя сказать, что они неограниченно образуются от любого глагола; кроме того, семантические отношения глагола и отглагольного имени иногда нетривиальны. Поэтому мы рассматриваем эти производные отдельно от глаголов.

Если есть непроизводное существительное, способное выступать в роли имени действия, то производное на *-mòs* чаще всего не образуется, ср. *dàr* ʻстрахʼ, *daràl* ʻбоятьсяʼ: ***daramòs* (с другой стороны, ср. *darajimòs* ʻбоязньʼ, соотносимое также с *daravèl* ʻпугатьʼ); особый случай: *xamòs* ʻеда, пищаʼ при *xabè* ʻтж.ʼ (чаще).

Имя действия может семантически соотноситься с возвратным глаголом, ср. *marəl-pe* ʻдратьсяʼ (*marəl* ʻбитьʼ) : *marimòs* ʻвойна, дракаʼ (потенциально ʻбитьёʼ) или с производным неактивным глаголом, ср. *athàďol* ʻошибатьсяʼ (*athavèl* ʻобманыватьʼ) : *athajimòs* ʻошибкаʼ (и лишь потенциально ʻобманʼ).

В простейшем случае они образуются от инфектной основы. Начнём с варианта *-mòs* (после гласного):

xà|l	ʻестьʼ	→	*xamòs*	ʻедаʼ
asà|l	ʻсмеятьсяʼ	→	*asamòs*	ʻсмехʼ
prasà|l	ʻдразнитьʼ	→	*prasamòs*	ʻобзывательствоʼ
paťà|l	ʻверитьʼ	→	*paťamòs*	ʻвераʼ

То же от глаголов II пласта (с заполнителем глагола: *-i/y-*, реже *-o-*):

ansurì|l	ʻженитьʼ	→	*ansurimòs*	ʻженитьбаʼ
cypì|l	ʻкричатьʼ	→	*cypimòs*	ʻкрикʼ
vuřycỳ|l	ʻненавидетьʼ	→	*vuřycymòs*	ʻотвращениеʼ
prəž|ỳl	ʻжаритьʼ	→	*prəžymòs*	ʻжаркаʼ
alò|l	ʻотбиратьʼ	→	*alomòs*	ʻотборʼ
hanò|l	ʻлудитьʼ	→	*hanomòs*	ʻлужениеʼ
ramò|l	ʻписатьʼ	→	*ramomòs*	ʻписание; договор и т. п.ʼ

К основной же массе производящих глагольных основ на согласный *-mos* прибавляется через заполнитель *-i-/-y-*. Чаще всего производящей выступает инфектная основа:

khəl|èl	ʻтанцеватьʼ	→	*khəlimòs*	ʻтанецʼ
bol|èl	ʻкреститьʼ	→	*bolimòs*	ʻкрещениеʼ
ćor|àl	ʻвороватьʼ	→	*ćorimòs*	ʻворовствоʼ
mar|àl	ʻбитьʼ	→	*marimòs*	ʻвойна, дракаʼ
bitin|èl	ʻпродаватьʼ	→	*bitinimòs*	ʻпродажаʼ
baš|àl	ʻлаятьʼ	→	*bašymòs*	ʻлайʼ

Так же от неправильных глаголов с инфектной основой на *-i* и *-e*:

p|èl	ʻпитьʼ	→	*pimòs*	ʻпитьё, выпивкаʼ
xut|èl	ʻпрыгатьʼ	→	*xutimòs*	ʻпрыжок, прыганьеʼ

Качественное смягчение (см. 2.5.2.1.2):

pek|àl	ʻпечь, жаритьʼ	→	*petimòs*	ʻжарка; жареное блюдоʼ

Ряд глаголов даёт производные от перфектной основы:

dinèl	‘читать’	→	*dindimòs*	‘счёт, чтение’	***dinimos*
śorə̀l	‘лить’	→	*śordimòs*	‘наливание’	***śorimos*
makhə̀l	‘мазать’	→	*makhlimòs*	‘смазка’	***maćimos*
mangə̀l	‘просить’	→	*manglimòs*	‘сватовство’	***mandimos*
dikhə̀l	‘видеть’	→	?*dikhlimòs*	‘видение’	***dićimos*
kərə̀l	‘делать’	→	*kərdimòs*	‘сделка’	?**kərimos*

Заметим различие: *tindimòs* ‘покупка’, но *bitinimòs* ‘продажа’.

Нерегулярное чередование *v* : *j* (см. 2.5.5б) — с колебаниями:

(a)suvèl	‘шить’	→	*(a)sujimòs* ~ *(a)suvimòs*	‘шитьё’
sovèl	‘спать’	→	*sojimòs* ~ ?*sovimòs*	‘спаньё’
rovèl	‘плакать’	→	*rojimòs* ~ ?*rovimòs*	‘плач’

То же в производных от глаголов типа га-AV:AD, но без колебаний:

xoxavèl	‘лгать’	→	*xoxajimòs*	‘ложь’
athavèl	‘обманывать’	→	*athajimòs*	‘ошибка’
phandavèl	‘закрывать’	→	*phandajimòs*	‘тюрьма’
bilavèl	‘плавить’	→	*bilajimòs*	‘плавка; таяние’
izdravèl	‘трясти’	→	*izdrajimòs*	‘дрожь’

Впрочем, *bilajimòs* соотносится и с глаголом *bilàl* ‘таять, плавиться’. Подобные случаи заставили нас отказаться от рассмотрения этих имён в составе глагольной парадигмы (ввиду отсутствия одно-однозначной связи).

Такие же производные на *-j.i.m|òs*, как будто от основ на *-v* со смягчением в *j*, образуют несколько глаголов с инфектной основой на *-a*:

dilabàl	‘петь’	→	*dilabajimòs*	‘пение’
solaxàl	‘клясться’	→	*solaxajimòs*	‘клятва’
azbàl	‘трогать’	→	*azbajimòs*	‘прикосновение’

От глаголов с суффиксом *-ar-*:

phabarə̀l	‘жечь’	→	*phabarimòs*	‘сжигание’
syťarə̀l	‘учить’	→	*syťarimòs*	‘учение’
drabarə̀l	‘гадать’	→	*drabarimòs*	‘гадание’

От глаголов с инфектной основой на *-e*:

ròdel	‘искать’	→	*rodimòs*	‘поиск, обыск’
tràdel	‘ехать; слать’	→	*tradimòs*	‘переезд’
ćumìdel	‘целовать’	→	*ćumidimòs*	‘поцелуй’
khàndel	‘пáхнуть’	→	*khandimòs*	‘запах, вонь’
phùrdel	‘дуть, дышать’	→	*phurdimòs*	‘дыхание’

От глаголов с суффиксом *-d-* в инфекте, но *-gl-* в перфекте имя действия обычно образуется от перфектной основы:

śàdel	‘блевать’	перф.	*śagl'à*	→	*śaglimòs*	‘рвота’
řàndel	‘царапать’		*řangl'à*	→	*řanglimòs*	‘царапина’
ćuřỳndel	‘чесать’		*ćuřỳngl'à*	→	*ćuřynglimòs*	‘чесание’
xarùndel	‘чесать’		*xarungl'à*	→	*xarunglimòs*	‘чесание’

Однако ср. приведённый выше *khàndel* ‘пахнуть’ (перф. *khangl'à*) → *khandimòs*.

Внешне схожи производные от следующих неправильных глаголов:

pařuvèl	ʻменять’	перф. *pařugl'à* ~ *pařud'à*	→	*pařuglimòs* ~ *pařujimòs*	ʻизменение’
źanèl	ʻзнать’	*źangl'à*	→	*źanglimòs*	ʻзнание’

От основы перфекта образуется также:

pràstel	ʻбегать’	перф. *prastajà*	→	*prastajimòs*	ʻбег’

Глаголы типа гн-’U:’UL довольно редко образуют имена действия; при этом суффикс *-o-* не учитывается:

najòl	ʻкупаться’	→	*najimòs*	ʻкупание’
pašl'òl	ʻлежать’	→	*pašlimòs*	ʻлежание’

Особое образование от глагола типа гн-AVO:AJL:

kokl'àvol	ʻокисляться’	→	*kokl'amòs*	ʻокись’

Некоторые образования допускают морфологические варианты с нечёткими семантическими отличиями, связанные с произведением от инфектной или перфектной основ, ср. *phandajimòs* ʻтюрьма’ : *phandadimòs* (?) ʻсажание в тюрьму’; *athajimòs* ʻобман; ошибка’ : *athadimòs* ʻтж.’ (?). Эти варианты редки и, по-видимому, лишь потенциальны.

3.4.4.11. Суффикс -¨ᵊ*ÌJ|A*

Обозначает абстрактные или собирательные понятия (тип ж-A:I). Есть всего несколько таких слов, для которых можно подобрать производящее:

(а) от существительных

kùrva	ʻшлюха’	→	*kurv.ìja*	ʻблядство’

Этот суффикс вызывает редукцию *а : ə* (см. 2.5.1.6):

kətàna	ʻсолдат’	→	*kətənìja*	ʻармия’
dušmàno	ʻврагʼ	→	*dušmənìja*	ʻвражда’

Он присоединяется к смягчённой основе (см. 2.5.2.4), так что — при её наличии у производящего — проявляется переходное смягчение:

vojnìko	ʻгерой’	→	*vojnićìja*	ʻгеройство’
vortàko	ʻтоварищ’	→	*vortəćìja*	ʻтоварищество’
ampəràto	ʻцарь’	→	*ampərəcỳja*	ʻцарство’

Неизвестно [ДД]: *řobìja* ʻрабство’ (как и *řòbo* ʻраб’), *gəlìja* ʻссылка’.

(б) от прилагательных

mùndro	ʻкрасивый’	→	*mundrìja*	ʻкрасота’	ср. *mundrimòs* ʻтж.’
vuřỳto	ʻпротивный’	→	*vuřycỳja*	ʻотвращение’	ср. *vuřycymòs* ʻтж.’

Примеры без производящих: *bukurìja* ʻсчастье’, *dragostìja* (чаще *dràgosťa*) ʻлюбовь’, *cygənìja* ʻцыганство’, *řomənìja* ʻтж.’.

⌛ Если *cygənìja* целиком заимствовано из румынского, то *řomənìja* — это, видимо, редкий пример «неправильного» аналогического неологизма, в котором вместо румынского корня (рум. *ţigán* ʻцыган’) подставлен перевод (*řòm*, прил. *řomanò*), причём с редукцией *а* : *ə*. Однако это может быть также связано с названием Румынии (рум. *România*), которое, быть может, у некоторых носителей смешалось с представлением о цыганской прародине.

3.4.4.12. Суффикс -*'ÀL|A*

Обозначает абстрактные понятия или названия действий (тип ж-A:I). Есть всего несколько таких слов, для которых можно подобрать производящее (глагол). Непродуктивный тип. В ряде случаев взаимозаменим с суффиксами *-m|os* и *-ìj|a*, ср. *bukurimòs*, *bukurìja*, *bukur'àla* ʻсчастье' (чаще всего *bukurìja*, причём обычно только в здравицах), а также *dragosťàla*, *dragostìja*, *dràgosťa* ʻлюбовь'.

Мягкий вариант:

tomnìl	ʻсватать'	→ *tomn'àla*	ʻпомолвка'	ср. *tomnimòs*
kələ́cìl	ʻмутить'	→ *kələ́càla*	ʻпохмелье, мутит'	
xytyjìl	ʻщекотать'	→ *xytyjàla*	ʻщекотка'	
ampətìl	ʻмирить'	→ *ampət'àla*	ʻпримирение'	
pynžynìl	ʻплесневеть'	→ *pynžyn'àla*	ʻплесень'	
spojìl	ʻмыть'	→ *spojàla*	ʻпомывка'	

Неизвестно [ДД]: *kəltujàla* ʻтрата', *gəlbən'àla* ʻжелтуха' (ошибка вм. *gəlben'àr'a*?).

Твёрдый вариант (йотация не действует):

nəbušỳl	ʻстать затхлым'	→ *nəbušàla*	ʻзатхлость'	
prəžỳl	ʻжарить'	→ *prəžàla*	ʻжарка, жареное мясо'	ср. *prəžymòs*
vuřycỳl	ʻненавидеть'	→ *vuřycàla*	ʻотвращение'	ср. *vuřycymòs*

Пример без производящего: *fyršàla* ʻсильная жажда'.

3.4.4.13. Суффикс -¨ᵊ*ÀN|O*

Образует названия крупных котлярских групп от названия места исхода (тип м-O:'A, см. 3.4.3.13, т. е. мн. *moldovàja* и т. д.):

Moldòva	ʻМолдавия'	→	*moldovàno*
Syrbìja	ʻСербия'	→	*syrbijàno*
Dòbroźa	ʻДоброджа'	→	*dobroźàno*

С неожиданным переходным чередованием и редукцией (см. 2.5.1.6):

Bənàto	ʻБанат'	→	*bənəcàno*

3.4.4.14. Суффикс -*ÒN|I*

Образует названия родов и подродов котляров-молдовая (см. 0.3.3) от имён прародителей. Форм единственного числа нет. Особый тип (список см. 3.4.6.3).

3.4.4.15. Суффикс -ᵊ*ÀR|I*

Образует названия деятеля или реже инструмента (тип м-I:'A):

(а) от существительных

Иногда производящие — существительные I пласта:

vàst	ʻрука'	→	*vastàri*	ʻрукоятка'
màs	ʻмясо'	→	*masàri*	ʻмясник'
gòj	ʻпенис' (табу)	→	*gojàri*	ʻврун'
raklì	ʻдевушка-нецыг.'	→	*rakl'àri*	ʻбабник'

Чаще — производящие существительные II пласта:

zỳdo	ʻстена’	→	*zydàri*	ʻкаменщик’
bìrto	ʻкабак’	→	*birtàri*	ʻкабатчик’
dỳrza	ʻтряпка’	→	*dyrzàri*	ʻстарьёвщик’
pònko	ʻподкол’	→	*ponkàri*	ʻзадира’
paramìći	ʻсказка’	→	*paramićàri*	ʻсказочник’

Редукция *a* : *ə* (см. 2.5.1.6):

làvuta	ʻмузыка’	→	*ləvutàri*	ʻмузыкант’

Чередование *a* : *ə* (морфонологически ə, см. 2.5.1.5):

vàtra	ʻместо стоянки’	→	*vətràri*	ʻкочерга; совок’

Для ряда слов в кэлдэрарском нет производящих: *kəldəràri* ʻкэлдэрар’, *lovàri* ʻловар’, *kotľàri* ʻкотляр’, *samovàri* ʻсамовар’.

⌛ Этимология *kəldəràri*: рум. *căldáre* ʻкотёл, ведро’; *lovàri* — спорная.

Видимо, образовано от слова на *-m*|*os*:

matimòs	ʻпьянство’	→	*matimàri*	ʻпьяница’

Неизвестно [ДД]: *prastimàri* ʻрысак’, *sastimàri* ʻврач’ (м. б., есть у гыркуря).

(б) от глаголов

Изолированные случаи (гораздо чаще *-itori*).

notìl	ʻплавать’	→	*notàri*	ʻпловец’	ср. *notàš* ʻтж.’
poftìl	ʻхотеть [есть]’	→	*poftàri*	ʻобжора’	чаще *poftitàri*

Слово *poftàri* ʻобжора’ (или же ʻчеловек, желающий чего-то недоступного’) можно производить и от существительного *pòfta* ʻаппетит, желание недоступного’.

Сюда же можно отнести слово *amboldinàri* ʻкосичка’ (часть традиционной женской причёски), которое соотносится с причастием *amboldinò* от глагола *ambòldel* ʻкрутить’.

3.4.4.16. Суффикс *-(I)TÒR|I ~ -(I)TÀR|I*

Образует от глаголов названия деятеля, реже инструмента тип (м-о:’а).

От глаголов I пласта — с заполнителем *-i-*/*-y-*:

khəlèl	ʻтанцевать’	→	*khəlitòri*	ʻтанцор’
ròdel	ʻискать’	→	*roditòri*	ʻсыщик’
cỳrdel	ʻпаять’	→	*cyrditòri*	ʻпаяльщик’
bitinèl	ʻпродавать’	→	*bitinitòri*	ʻпродавец’
syťarəl	ʻучить’	→	*syťaritòri*	ʻучитель, мудрец’

Неизвестно [ДД]: *athaditòri* ʻобманщик’ (обычно *xoxamnò*).

Особые случаи — расширение основы *-j* + заполнитель:

dilabàl	ʻпеть’	→	*dilabajitòri*	ʻпевец’, ср. *dilabajimòs* ʻпение’
pèl	ʻпить’	→	*pijitòri*	ʻпьющий, выпивоха’

Чаще — от глаголов II пласта:

pyřỳl	ʻдоносить’	→	*pyřytòri*	ʻдоносчик’
zydìl	ʻтранжирить’	→	*zyditòri*	ʻтранжир’

skrijìl	ʻписать’	→	*skrijitòri*	ʻписатель’
ćokəjìl	ʻчеканить’	→	*ćokəjitòri*	ʻчеканщик’
krisynìl	ʻсудить’	→	*krisynitòri*	ʻцыганский судья’

По крайней мере в двух производных возможен суффикс *-tari*:

poftìl	ʻжелать’	→	*poftitàri* ~ *poftitòri* ~ *poftàri*	ʻжелающий чего-л. недоступного’
hanòl	ʻлудить’	→	*hanotàri* ~ *hanotòri*	ʻлудильщик’

Особые случаи (с усечением):

aźutìl	ʻпомогать’	→	*aźutòri*	ʻпомощник’ (****aźutitòri*)
notìl	ʻплавать’	→	*notàri*	ʻпловец’ (****notitàri*)

Упомянем также отымённое *vynatòri* ʻохотник’, ср. *vynàto* ʻохота’.

3.4.4.17. Суффикс *-ÀŠ*

Образует названия деятеля, иногда, кажется, с ироническим оттенком (тип м-∅:A):

beľàva	ʻссора’	→	*beľavàš*	ʻсклочник’
pònko	ʻподковырка’	→	*ponkàš*	ʻзадира’ ср. *ponkàri*
nùnta	ʻсвадьба’	→	*nuntàš*	ʻустроитель свадьбы’
flujerìl	ʻсвистеть’	→	*flujeràš*	ʻкто играет на дудке’
flùjera	ʻсвисток, дуда’			
notìl	ʻплавать’	→	*notàš*	ʻпловец’ ср. *notàri*

3.4.4.18. Суффикс *-K|A*

Образует от названий деятеля и т. п. мужского рода соответствующие формы женского рода (тип ж-A:I; их можно считать морфонологически нерегулярными, см. 2.5.1.5):

khəlitòri	ʻтанцор’	→	*khəlitòrka*	ʻтанцовщица’
dilabajitòri	ʻпевец’	→	*dilabajitòrka*	ʻпевица’
paramićàri	ʻсказочник’	→	*paramićàrka*	ʻсказочница’
moldovàno	ʻмолдаванин’	→	*moldovànka*	ʻмолдаванка’
bərkàno	ʻголышом’	→	*bərkànka*	ʻтж.’, ж.

Этот суффикс также можно усматривать в готовых заимствованиях из русского (например, названиях национальностей), ср. пару: *ukrajìnco* : *ukrajìnka.*

3.4.4.19. Суффикс *-ÀJK|A*

Образует от существительных-этнонимов мужского рода соответствующие формы женского рода (тип ж-A:I):

řùso	ʻрусский’	→	*řusàjka*
vlàxo	ʻцыган-влах’	→	*vlaxàjka*

Единственный пример на два чередования *a* : *ə* (нерегулярно):

tatàřo	ʻтатарин’ и др.	→	*tətařàjka*

Этот суффикс в какой-то мере продуктивен, ср. *bòmžo* → *bomžàjka* ʻбомжиха’.

3.4.4.20. Суффикс -*∅|A*

Образует от некоторых существительных мужского рода, обозначающих людей, соответствующие формы для представительниц женского пола (типы ж-A:I, ж-A:Y, а также нерегулярные):

vortàko	ʻтоварищ’	→ *vortàka*	ʻтоварка’	мн. затруднит.
fìno	ʻкрестник’	→ *fìna*	ʻкрестница’	мн. затруднит.
kumnàto	ʻдеверь’	→ *kumnàta*	ʻзоловка’	мн. *kumnàty*

В ряде случаев имеется чередование *ə*/*e* : *a* (см. 2.5.1.4, 2.5.1.5):

və̀ro	ʻдвоюр. брат’	→ *vàra*	ʻдвоюр. сестра’	мн. *vərišòri*
ləjèco	ʻнемолдовая’	→ *ləjàca*	ʻтж.’ ж.	мн. *ləjàcy ~ ləjècy*
kořovèco	ʻнищий’	→ *kořov'àca*	ʻнищенка’	мн. *kořov'àcy*

Неизвестно [ДД]: *məgər'àca* ʻослица’ (от *məgərèco* ʻосёл’; у нас *məgərèco* ʻкоклюш’ при *magàri* ʻосёл’).

В одном случае — чередование *o* : *a* (см. 2.5.1.5):

nepòto	ʻвнук; племянник’	→ *nepàta*	ʻвнучка; племянница’	мн. *nepàti*

Направление словообразования во всех этих случаях мы определяем произвольно.

3.4.4.21. Суффикс -*ÌC|A*

От некоторых существительных мужского рода, обозначающих людей, образует соответствующие формы женского рода (ж-A:I):

šògoro	ʻшурин’	→ *šogorìca*	ʻсвояченица’
harambàš	ʻразбойник’	→ *harambašỳca*	ʻразбойница’

Больше примеров — на названия представителей цыганских групп:

kotl'àri	ʻкотляр’	→ *kotl'arìca*	
kəldəràri	ʻкэлдэрар’	→ *kəldərarìca*	
lovàri	ʻловар’	→ *lovarìca*	
sə̀rvo	ʻсэрв’	→ *sərvìca*	
ləjèco	ʻнемолдовая’	→ *ləjecỳca*	(чаще *ləjàca*)

Представительницы родов с суффиксом -*ƏŠT*- (в порядке исключения -*EŠT*-):

mihəjèšti	→	*mihəješ̀tìca*
jonèšti	→	*jonešt̀ìca*

Представительницы родов с суффиксом -*ƏŠT*- вместо -*ON*- в названии рода (см. 3.4.6.3):

dukòni	→	*dukəštìca*
kolòni	→	*koləštìca*
ćićòni	→	*ćićeštìca*
poř̀òni	→	*poř̀əštìca*

3.4.4.22. Суффикс -*ə'ÀS|A*

Женский пол (тип ж-A:I). Редукция *a* : *ə* (2.5.1.6):

ampəràto	ʻцарь’	→	*ampərət'àsa*	ʻцарица’
kutàri	ʻнекто’	→	*kutər'àsa*	ʻтакая-то (женщина)’, в т. ч. как эвфемизм

3.4.4.23. Суффикс *-ìC|Y* (уменьшительный)

Регулярно образует уменьшительные производные от существительных II пласта на *-i/-y* обоих родов (типы м-I:'A, ж-I:'A; от прочих типов — ограниченно):

(а) мужской род

bufàri	'бумажник'	→	*bufarìcy*
cyncàri	'комар'	→	*cyncarìcy*
pyz(y)nàri	'карман'	→	*pyz(y)narìcy*
tijàri	'тарелка'	→	*tijarìcy*
samovàri	'самовар'	→	*samovarìcy*
sàstri	'железо'	→	*sastrìcy*

Сюда же:

borďàj	'хижина'	→	*borďajìcy*

Прочие типы (ограниченно и факультативно):

kòkalo	'кость'	→	*kokalìcy*	~ ?* *kokalùco*
fòro	'город'	→	*forìcy*	~ *forùco*
postàvo	'сукно'	→	*postavìcy*	

Довольно редко от существительных I пласта:

poxtàn	'ткань'	→	*poxtanìcy*	~ *poxtanořò*
poštìn	'тулуп'	→	*poštinìcy*	~ *poštinořò*
vurdòn	'телега'	→	*vurdonìcy*	~ *vurdonořò*
rašàj	'поп'	→	*rašajìcy*	** *rašajořò*

(б) женский род

kakàvi	'котёл'	→	*kakavìcy*
raxàmi	'пальто'	→	*raxamìcy*

3.4.4.24. Суффикс *-ÙC|O/A* (уменьшительный)

Это наиболее частотный суффикс в уменьшительных II пласта:

(а) мужской род

ćàso	'час'	→	*ćasùco*
pòdo	'мост'	→	*podùco*
pahàřo	'стакан'	→	*pahařùco*
krəstəvèco	'огурец'	→	*krəstəvecùco*
myrtàno	'кот'	→	*myrtanùco*
zỳdo	'стена'	→	*zydùco*
vicàlo	'телёнок'	→	*vicəlùco*
bàjero	'амулет'	→	*bajerùco*

(б) женский род

mỳca	'кошка'	→	*mycùca*	
glàta	'ребёнок'	→	*glatùca*	~ *glatìca*
řətìja	'водка'	→	*řətijùca*	
kòžnica	'сумка'	→	*kožnicùca*	

merźàla	‘бусинка’	→	*merźalùca*	
cə̀ra	‘палатка’	→	*cərùca*	~ *cərìca*
str̓àjka	‘сумка’	→	*str̓ajkùca*	

Слово *str̓ajkùca* ‘сумка’ обычно употребляется без уменьшительного оттенка (производящее *str̓àjka* редко, ср. более частотное *str̓àjca*). Имеется также вариант *strəkùca* (*strəjkùca*?), как будто производный от варианта *stràjka* (который тоже, видимо, есть).

В части производящих имеется *а* : *ə* (в корне пишем морфонемы *ə* и *е*, см. 2.5.1.5), ср. *sàbija*, мн. *sə̀biji*. В уменьшительных от них мы ожидаем *-ə-* или *-е-*, однако этот эффект непоследователен, т. е. наблюдаются колебания (указываем зафиксированные варианты):

bàrba	‘борода’	→	*bərbùca*	~	*barbùca*
fàca	‘наволочка’	→	*fəcùca*	~	*fàcuca*
fàlka	‘подбородок’	→	*fəlkùca*		
làda	‘сундук’	→	*lədùca*	~	*ladùca*
mənətàrka	‘баклажан’	→	*mənətərkùca*		
pərədàjca	‘помидор’	→	*pərədəjcùca*		
pon̓àva	‘ковёр’	→	*ponevùca*		
řàca	‘утка’	→	*řəcùca*		
sàbija	‘сабля’	→	*səbijùca*	~	*sabijùca*
sàlka	‘дерево’	→	*səlkùca*		
skàba	‘стежок’	→	*skəbùca*		
šušàrka	‘шишка’	→	*šušərkùca*		
vàdra	‘ведро’	→	*vədrùca*		

bàlta	‘болото’	→	*baltùca*
brićàga	‘ножик’	→	*brićaguca*
bur̓àca	‘гриб’	→	*bur̓acùca*
fl̓àjka	‘баклажан’	→	*fl̓ajkùca*
grəmàda	‘куча’	→	*grəmadùca*
mustàca	‘ус’	→	*mustacùca*
pàlma	‘ладонь’	→	*palmùca*
pàrt̓a	‘часть’	→	*part̓ùca*
skàra	‘лестница’	→	*skarùca*
t̓àja	‘ключ’	→	*t̓ajùca*
tàlpa	‘подошва’	→	*talpùca*
tigàja	‘кастрюля’	→	*tigajùca*
vojàga	‘бутылка’	→	*vojagùca*

Производящие на согласный (особые неправильные существительные, см. 3.4.3.22):

ćùnř	‘коса [волóс]’	→	*ćunřùca*
bùrnix	‘горсть’	→	*burnixùca*

Этот уменьшительный суффикс легко сочетается с производящими из III пласта: *pastuxùco*, *stakanùco*, *komnatùca*.

3.4.4.25. Суффикс -¨*ÌC*|*A* (уменьшительный)

Редкий уменьшительный суффикс. Образует уменьшительные (тип ж-A:I) от некоторых существительных женского рода с основой на согласный, не подверженный качественному смягчению:

vòrba ʻслово’ → *vorbìca*
řòťa ʻверхняя юбка’ → *řotìca*

Особое значение у уменьшительного:

dùba ʻбубен, барабан’ → *dubìca* ʻпогремушка, бубенчик’

Чередование *а* : *ə* при морфонеме *ə* в корне (см. 2.5.1.5):

řàta ʻколесо’ → *řətìca*

С переходным смягчением:

papùka ʻбашмак’ → *papućìca* ~ *papukùca*

3.4.4.26. Изолированные производные существительные

Имеется несколько явно производных слов (т. е. имеющих узнаваемые корни), чья морфологическая структура непрозрачна.

И производящее, и производное — I пласта:

tərnò ʻмолодой’ → *tərnəhàr* ʻхолостяк’ (м-∅:∅)
šərò ʻголова’ → *šərànd* ʻподушка’ (м-∅:A)

Производящее I пласта, производное — II пласта:

śòn ʻмесяц (календарный)’ → *śonùto* ʻлуна’ (м-O:UR-)
ràj ʻгосподин’ → *rajevàno* ʻсолидный человек’ (м-O:UR-)

И производящее, и производное — II пласта:

gàzda ʻхозяин’ → *gəzdərìca* ʻхозяйка’ (ж-A:I)
fùrka ʻвилка’ → *furkulìca* ʻтж.’ или уменьш. (ж-A:I)
fləkàvo ʻхолостяк’ → *fləkəvàno* ʻхолостяк’ (м-O:UR-)
dràgo ʻдорогой, милый’ → *dràgosťa* ʻлюбовь’ (ж-A:I)
poľàko ʻрусский цыган’ → *poľaćkìňa* ʻрусская цыганка’ (ж-A:I)

Уменьшительное от формы мн. (см. 3.4.3.23):

kàlcy, мн. ʻштаны’ → *kalcỳcy*, мн.

С редукцией (см. 2.5.1.6):

màskəra ʻругань’ → *məskərìća* мн. ʻругательства’

В одном гнезде — сложный набор чередований гласных (см. 2.5.1.4):

gàlbəno ʻжёлтый’ → *gəlbənùš* ʻжелток’ (м-∅:A)
→ *gəlbeňàrà* ʻжелтуха’ (ж-A:I)

Неясная морфологическая связь (м. б., производящее — искажённый вариант):

pỳnžyno! ʻпаук’ (?) → *pyjànźerà*! ʻпаутина’ (ж-A:I)

Необычны также производные, обозначающие названия котлярских родов, поскольку в них чередуются разные суффиксы в одной парадигме (см. 3.4.6.3).

Упомянем также два слова типа м-∅:È *laźàv* ʻстыд’ и *patàv* ʻпортянка’, указанные в списках непроизводных, но имеющие общие корни с глаголами, ср. *laźàl* ʻстыдиться’ и *paťarəl* ʻпеленать’, так что в этих существительных можно выделить морфему *-av*.

3.4.5. Морфологическая адаптация заимствуемых существительных

Несмотря на то что в котлярской речи встречается немало русских вставок, в т. ч. в виде целых фраз, вводных слов и оборотов и т. п. (явления III пласта в чистом виде), однако при употреблении единичных слов, заимствуемых — как правило, окказионально — из русского языка, они почти всегда подвергаются морфологической адаптации, по возможности встраиваясь в систему II пласта (иногда это невозможно, см. ниже). При этом русским словам нетривиальным образом приписывается род и тип склонения. В таких случаях мы пишем, что то или иное слово — «из III пласта», имея в виду, что оно прошло морфологическую адаптацию, после которой к собственно III пласту его относить уже нельзя.

Имеется несколько ранних заимствований из русского языка (возможно, непрямых), которые не подчиняются описываемым здесь правилам — они в полной мере «растворились» в языке и, наверное, в меньшей степени осознаются как русизмы, ср. *səmèsto* ʻсемья’ (рус. *семейство*?), *samovàri* ʻсамовар’ (с оканьем!), *(v)òćeredo* ʻочередь’. Особый ряд составляют также слова, давно заимствованные из южнорусских говоров или просторечия, ср. *lisapètka* ʻвелосипед’, *bl'ùtka* ʻблюдце’, *pinžàko* ʻпиджак’, *ablakàto* ʻадвокат’, *nasavìko ~ nosovìko* ʻносовой платок’ (рус. диал. *носови́к*). Эти слова сейчас имеют в русском языке окружающего населения меньшую поддержку, чем раньше, они стали уже почти «цыганскими» (однако котляры употребляют их и в русской речи).

Отметим также довольно большое число слов, которые могут быть как румынскими (заимствованиями из славянских языков), так и русскими (возможно, они были привезены с румыноязычной территории, но, совпав с соответствующими русскими словами, были поддержаны новой средой), ср. *ćàj ~ ćàjo* ʻчай’ (рум. *ceai*), *klèjo* ʻклей’ (рум. *clei*), *lòtka* ʻлодка’ (рум. *lótcă*), *lèvo* ʻлев’ (рум. *leu*), *sàdo* ʻсад’ (рум. *sad*) и др. Румынское происхождение вероятнее при наличии безударного /*o*/, ср. *lopàta* (рум. *lopátă*), однако ср. уже упомянутое *nosovìko* с факультативным оканьем (м. б., ради единства с рус. *нос*), а также *pojàl'niko* ʻпаяльник’, где /*o*/ может быть связано с забытыми румынскими словами из гнезда ʻпаять’ (в румынском они из южнославянских языков), ср. рум. *pripói* ʻпипой’. Особый случай представляет собой слово *zakòno*, имеющее основное значение ʻтрадиция; обычай’ (из румынского), а также окказиональное ʻзакон’ (из русского). Некоторые русские слова употребляются в суженном значении, ср. *zakàzo* ʻзаказ котлярам, например от завода на лужение или изготовление котлов‘, *ukàzo* ʻуказ советского правительства 1956 г., запретивший кочевой образ жизни’.

Слово *xaz'àjka* чаще всего применяется в смысле ʻжена’ (вм. *řomnì*), вероятно, в связи с актуальным для многих носителей традиционным запретом на упоминание своих близких противоположного пола. Примечательно слово *matirjàlo* ʻколбаса’ (рус. *материал*?), заменяющее *gòj* ж. ʻколбаса’, ставшее для большинства (но не для всех) котляров табуированным (ʻпенис’).

Облик адаптируемого русского существительного в общем случае зависит от ряда его характеристик в русском языке:

— тип склонения и род
— наличие беглых гласных
— согласный исход основы
— ударение: на небеглой гласной, на беглой гласной, конечное

В зависимости от комбинации этих параметров слово принимает то или иное морфологическое оформление. Будем отталкиваться от соотношения рода слова-источника и адаптированного заимствования (в русских словах в квадратных скобках пишем части, различающиеся в русской литературной форме и непосредственном диалектном или просторечном источнике заимствования):

(а) русский мужской род → мужской род

Большинство русских существительных мужского рода без беглого гласного сохраняют мужской род и входят в тип м-O:UR-:

фильм	→	*fìl'mo*	мн.	*fìl'murȁ*	(везде ~ *-uri*)
почтальо́н	→	*paćtalivònо*		*paćtalivònurȁ*	
б[*ри*]*лья́нт*	→	*birlijànto*		*birlijàntурȁ*	
парк	→	*pàrko*		*pàrkurȁ*	
прима́к	→	*primàko*		*primàkurȁ*	
заво́д	→	*zavòdo*		*zavòdurȁ*	
колхо́з	→	*kalxòzo*		*kalxòzurȁ*	
зака́з	→	*zakàzo*		*zakàzurȁ*	
клёк (‘городки’)	→	*kl'òko*		—	
гр[*ипп*]	→	*grỳbo*		—	
авто́бус	→	*aftòbuso*		*aftòbusurȁ*	
го́лос	→	*gòləso*		*gòləsurȁ*	
грузи́н	→	*gruzìno*		*gruzìnurȁ*	
перево́д	→	*pirivòdo* (в т. ч. ‘словарь’)		*pirivòdurȁ*	

Мягкость русского исхода сохраняется:

ка́бель	→	*kàbil'o*	мн.	*kàbil'urȁ*

При исходе русской основы на *-р* или *-р’* заимствование попадает в тип м-O:’A (во избежание прям.мн. на *-r(’)urȁ*):

зверь	→	*zvèrȍ*	мн.	*zvèrȁ*
акк[*у*]*муля́тор*	→	*(a)kamul'àtərо*		*(a)kamul'àtərȁ*
пе́карь	→	*pèkarȍ*		*pèkarȁ*
слова́рь	→	*slavàrȍ*		*slavàrȁ*

Несколько примеров — тип м-I:’A:

ко[*р*]*идо́р*	→	*kalidòri*		*kalidòrȁ*	
самова́р	→	*samovàri*		*samovàrȁ*	(см. выше)
база́р	→	*bazàri*		*bazàrȁ*	

⌛ Часть таких слов может быть из румынского.

Некоторые слова легко встраиваются в систему переходных смягчений. Основы на *-к* могут давать тип м-O:”A с чередованием *k* : *ć* (наряду с м-O:UR-):

пи[*д*]*жа́к*	→	*pinžàko*	мн.	*pinžàća*	~ *pinžàkurȁ*
охо́тник	→	*axòtniko*		*axòtnića*	~ *axòtnikurȁ*
оше́йник	→	*ašə̀jniko*		*ašə̀jnića*	~ *ašə̀jnikurȁ*
подши́[*п*]*ник*	→	*patšỳbniko*		*patšỳbnića*	~ *patšỳbnikurȁ*
акаде́мик	→	*akadèmiko*		*akadèmića*	~ *akadèmikurȁ*

Основы на *-н* — тип м-O:”A с чередованием *n* : *j* (наряду с м-O:UR-):

хулига́н	→	*xuligàno*	мн.	*xuligàja*	~ *xuligànurȁ*
стака́н	→	*stakàno*		*stakàja*	~ *stakànurȁ*
чемода́н	→	*ćimadàno*		*ćimadàja*	~ *ćimadànurȁ*
армян[*и́н*]	→	*arm'àno*		*arm'àja*	~ *arm'ànurȁ*
ваго́н	→	*vagòno*		*vagòja*	~ *vagònurȁ*

Основы на *-т* — тип м-О:”I с чередованием *т* : *с* (наряду с м-О:UR-):

автома́т	→	*aftamàto*	мн.	*aftamàcy*	*~ aftamàturȁa*
салю́т	→	*saľùto*		*saľùcy*	*~ saľùturȁa*
портре́т	→	*patrèto* ‘фотография’		*patrècy*	*~ patrèturȁa* (редко)

Применение переходных смягчений, по-видимому, невозможно в односложных основах (как и в остальных словах II пласта): ***plaja* (только *plànurȁa*, рус. *план*); ***làća* (рус. *лак*) и т. п. Чередование *п* : *j* ограничено практически только словами с основами на *-ан*: невозможны формы ***tilifòja* (только *tilifònurȁa*, рус. *телефо́н*), ***gruzìja*, однако *vagòja ~ vagònurȁa*.

⏳ Вероятно, слово *vagòno* бытует в языке издавна (ещё с румынских времён), что объясняет наличие в нём чередования, невозможного для новых заимствований из русского (ср. ***tilifòja*).

При наличии в русском слове беглого гласного поведение сложнее. Ударный беглый гласный обычно проявляется в заимствовании. Таким образом, сохраняется вид русской основы в форме именительного падежа единственного числа:

ручеёк	→	*rućijòko*	мн.	*rućijòća*	*~ rućijòkurȁa*
гребешо́к	→	*gribišòko*		*gribišòća*	*~ gribišòkurȁa*
коне́ц	→	*kanèco*	мн.	*kanècurȁa*	
купе́ц	→	*kupèco*		*kupècurȁa*	

Соответственно, безударный беглый гласный в заимствовании отсутствует. При этом мужской род сохраняется, если только в русском — не суффикс *-(о)к*:

япо́нец	→	*ipònco*	мн.	*ipòncurȁa*
америка́нец	→	*amerikànco*		*amerikàncurȁa*
армян[*и́н*]	→	*armʹànco*		*armʹàncurȁa*

(б) русский мужской род → женский род

Если суффикс русского слова мужского рода — *-(о)к* с беглым безударным гласным, то слово обычно принимает женский род (тип ж-А:I):

посёлок	→	*pasʹòlka*	мн.	*pasʹòlki*
подро́сток	→	*padròstka*		*padròstki*

Сюда же попадает слово:

диск	→	*dìska*	мн.	*dìski*
		‘компакт-диск’		

С переходным смягчением и чередованием гласных (тип ж-А:I):

пода́рок	→	*padàrka*	мн.	*padərći*

В одном исключительном случае переносится ударение (в источнике ударен суффикс):

пирожо́к	→	*piràška*	мн.	*piràški*

К женскому роду — вопреки сказанному — также относятся слова:

вокза́л	→	*vagzàla*	мн.	*vagzàli*
центр	→	*cə̀ntra*		*cə̀ntri*
рак	→	*ràka*		*ràki*
мото́р	→	*matòra*		*matòri*
		‘автомобиль’		

⏳ На род слова *vagzàla* могло повлиять русское слово *зáла* (если верно, что оно в своё время было частотнее, чем теперь). Примечательно, что ёнешти говорят *vagzàli* (ж.), мн. *vagzàľa*, что, возможно, свидетельствует о раздельном проживании больших кэлдэрарских групп в первые годы их российской жизни.

(в) русский средний род → женский род

При безударном русском окончании (*-о* или *-е*) даёт женский род (тип ж-A:I):

по́ле	→	*pòľa*	мн.	*pòli*
поколе́ние	→	*pakalènija*		*pakalèniji*
зре́ние	→	*zrènija*		

(г) русский женский род → женский род

При безударном русском окончании *-а*/*-я* даёт женский род: при твёрдости исхода основы — обычно тип ж-A:Y:

ка́рта	→	*kàrta*	мн.	*kàrty*
гита́ра	→	*gitàra*		*gitàry*

Непарные мягкие, а также заднеязычные исходы основ — тип ж-A:I:

кни́жка	→	*kinìška*	мн.	*kinìški*
краса́вица	→	*krasàvica*		*krasàvicy* (ср. ещё *krasàfca*)
ка́пля	→	*kàpľa*		*kàpli*

Исключительный случай с неожиданным ударением:

занаве́ски	→	ед. ?	мн.	*zànaveski*

В одном исключительном случае ударение переносится (?) с окончания (ср. выше также *piràška* ‘пирожок’):

дежа́	→	*dìža*	мн.	*dìži*

Некоторые исходы легко встраиваются в систему переходных смягчений. Основы на *-к* могут давать чередование *k* : *ć* — тип ж-A:”I: (ср. выше также *padàrka*):

ла́вка	→	*làvka*	мн.	*ləvći*

Основы на *-т* могут давать чередование *t* : *c*:

ко́мната	→	*kòmnəta*	мн.	*kòmnəcy*

Основы на *-д* могут давать чередование *d* : *z* (пожалуй, всего один пример):

секу́нда	→	*sikùnda*	мн.	*sikùnzy*

Русские существительные 3-го склонения дают тип ж-A:I:

ска́терть	→	*skàtirťa*	мн.	*skàtirti*
жизнь	→	*žỳzńa*		
ра́дость	→	*ràdəsťa*		

(д) русский женский род → мужской род

Тут всего несколько существительных:

молодёжь	→	*maladʹòžo*	мн.	
ко́фта	→	*kòfto*		*kòfturʹa*
о́чередь	→	*(v)òćeredo*		*(v)òćeredurʹa*

Ожидались бы формы **òćereď a, **kòfta. В случае ʻмолодёжиʼ дело, возможно, в твёрдости исхода в русском. Особый случай: рус. мн. *бáнки* ʻигра в городкиʼ → *bànko*.

С чередованием *t* : *c*:

газéта → *gazèto* мн. *gazècy*

Отметим также *minùto*, мн. *minùcy* ʻминутаʼ (видимо, не из русского).

(е) особые случаи

Как явствует из вышеизложенного, многие русские слова легко попадают во II пласт. В ряде случаев даже срабатывают чередования II пласта, причём не только согласных, но и гласных (имеется несколько примеров, ср. выше мн. *padərći*, *ləvći*, а также *zdànija*, мн. *zdənìji*). Такие слова свободно употребляются с уменьшительными суффиксами II пласта, ср. *bantùco* ʻбантикʼ, *kapľùca* ʻкапелькаʼ; чуть-чуть и т. д. Отметим также *divànćiko* ʻдиванʼ (отталкивание от *divàno* ʻразговор, история; скандалʼ) с собственным уменьшительным: *divanćikùco* ʻдиванчикʼ.

Легко адаптируются также некоторые несклоняемые русские слова — при любом гласном окончания они обычно дают женский род, ср. *kòfija* ʻкофеʼ, *xòbija* ʻхоббиʼ.

Условием попадания во II пласт является наосновное ударение в слове-источнике. Если же оно конечноударно, то оно, по большому счёту, не может подстроиться под кэлдэрарскую морфологию (но см. выше исключение *пирожóк* → *piràška*). Такие слова можно считать элементами III пласта. Они, кажется, воспринимаются носителями как чуждые и вставляются в речь часто в составе неоднословных вкраплений (необязательно).

К примеру, слово *письмó*, если и употребляется, то именно в таком виде. Оно обычно не склоняется, а во множественном числе может употребляться в русском виде: *pìsʹma*, реже адаптированно, например, *pìsʹmuri* (с переносом ударения, поддерживаемом рус. *пúсьма*) или *pisʹmòuri* (~ *-ʼa*); ср. ещё *kinò*, мн. *kinòuŕa* (но и *kìnuŕa* от рус. *кúна*?), *aćkì* ʻочкиʼ, косв. *aćkèn-* (например, *bi aćkèn-go* ʻбез очковʼ). Это же относится к словам женского рода, ср. *visnà* ʻвеснаʼ. Все такие слова употребляются довольно редко. Здесь царит разнобой, свидетельствующий о некотором сопротивлении языка трудноадаптируемой лексике.

Пример новейшего слова II пласта: *tifàľo* ʻэлектрический чайникʼ (мн. *tifàľuŕa*) — от названия фирмы.

Единственный в своём роде случай представляет недавнее заимствование из русского языка *šuvanì* ʻворожеяʼ, ведущее себя как слово I пласта типа ж-ʼÌːʼÀ.

⌛ Источником этого слова является, скорее всего, рус. *шуваní* — из российского телесериала 2005 г. «Кармелита», куда оно попало из русского перевода книги Р. Бакленда «Цыгане: тайны жизни и традиции». В английских текстах, повествующих о «тайнах цыганского колдовства», это слово в форме *shuvani* встречается и раньше. Это, видимо, искажение слова *ćoxanì* (у нас ~ *ćoxajì* ʻженщина-привидениеʼ), имеющегося в значениях типа ʻколдуньяʼ в разных цыганских диалектах.

3.4.6. Имена собственные

В целом, имена собственные вписываются в данные выше типы склонения, но имеются и особенности. Здесь мы дадим их обзор, группируя их по предмету называния.

3.4.6.1. Географические названия

Большинство географических названий являются окказиональными заимствованиями из русского. Однако есть и нетривиальные случаи (т. е. старые или особым образом заимствованные), которые мы здесь перечислим:

(а) страны, местности

Из нынешних стран свои названия имеют:

Řusỳja	ʽРоссия’	
Řumynìja	ʽРумыния’	(редко, обычно рус.)
Moldòva	ʽМолдова’	(но см. ниже)
Syrbìja	ʽСербия’	(редко, обычно рус.)

Кроме того, изредка встречаются названия другого типа: *N’àmco* ʽГермания’, *Švèdo* ʽШвеция’ (по форме равные словам ʽнемец’, ʽшвед’), но скорее всего это недавние заимствования у европейских родственников из этих стран.

Остальные названия — из русского (с соблюдением рода): *Vèngrija*, *Iràno* и т. п.

В какой-то степени помнят также несколько исторических областей Румынии:

Bənàto	ʽБанат’	
Moldòva	ʽМолдова’	(ʽпрародина котляров-молдовая’)
Dòbroźa	ʽДобруджа’	

Есть также малоизвестное и загадочное *Vlàś(i)ko* — возможно, ʽВалахия’.

(б) города

Особый облик имеет название города *Mòskova* ʽМосква’.

⌛ Как и название России — *Řusỳja* (ср. рум. стар. *Rosía*), название Москвы заимствовано из румынского (рум. *Móscova*) и обычно не заменяется русским.

Все прочие названия населённых пунктов употребляются с опорой на русский язык, однако зачастую имеют неожиданный грамматический род:

	кэлд. м.		кэлд. ж.	
рус. род сохранён:	*Пи́тер*	→ *Pìtiro*	*Ту́ла*	→ *Tùla*
	Малоярослáвец	→ *Malajiraslàvco*	*Одéсса*	→ *Adə̀sa*
			Пéнза	→ *Pènza*
			Самáра	→ *Samàra*
из рус. среднего рода:			*Чу́дово*	→ *Ćùdəva*
			Ивáново	→ *Ivànəva*
			Плехáново	→ *Plixànəva*
рус. род изменён:	*Твéрь*, ж.	→ *Tvèr’o*	*Тамбóв*	→ *Tambòva*
	Тюмень, ж.	→ *T’umèn’o*	*Влади́мир*	→ *Vladìmira*
			Ворóнеж	→ *Varòneśa* ~ *-ša*
			Брянск	→ *Br’ànska*
			Ли́пецк	→ *Lìpicka*
			Ки́ев	→ *Kìjova*

Таким образом, род может быть связан с обликом конца слова: большинство русских названий на *-ов*/*-ев* дают женский род, тогда как мягкие основы женского рода передаются мужским. Малоосвоенные названия у многих носителей сохраняют русский род: *L’vòvo*. Особый случай: *Vìl’n’uso* ~ *Vìl’n’a* ʽВильнюс’; первая форма (неосвоенная) из русского, вторая — от тамошних котляров (белорусская). При конечном ударении на гласном названия городов не адаптируются (III пласт), ср. *Ufà*, *Karagandà* (здесь сохраняется женский род).

3.4.6.2. Личные имена

Имена русских котляров (в т. ч. клички, часто трудно отделимые) весьма многочисленны и разнообразны. Ниже дана классификация личных имён, встречающихся у молдовая, по форме и способу образования, и приводятся многие из известных нам имён (все перечислить невозможно, т. к. это не закрытая система). В списках знак «†» означает, что имя нам известно только из родословных, а живые люди с таким именем нам не встречались.

Лишь немногие из имён — слова I пласта, остальные по форме относятся ко II пласту:

(i) I пласт

Это прозрачные по значению (и по мотивации) имена:

мужские:
сущ.: *Baliśò*† (‘поросёнок’), *Maśò* (‘рыба’), *Bašnò* (см. прим. ниже)
прил.: *Bangò* (‘косой’), *Parnò* (‘белый’), *Śibalò* (‘языкастый’), *Gəralò* (‘рябой’)

женские:
сущ.: *Phabàj* (‘яблоко’), *Balì* (‘свинья’), *Ludì* (‘цветок’)
прил.: *Kalì* (‘чёрная’), *Parnì* (‘белая’), *Lolì* (‘красная’)

Эти имена склоняются точно так же, как и соответствующие нарицательные, ср. косв. *Baliśès*, *Bangàs*, *Phabajà*, *Kaľà*, зват. *Baliśà*, *Bangàja*, *Phabàj*, *Kalìjo.*

⏳ Нарицательного существительного *bašnò* у молдовая нет, однако это слово (в значении ‘петух’) есть в зарубежных кэлдэрарских говорах и в др. близкородственных диалектах. Поэтому можно предположить, что оно утрачено молдовая не так давно, а в личном имени остался его след.

(ii) II пласт

Разобьём имена на несколько классов по способу образования:

(1) прозрачные от слов I пласта: м. *Màśo* (ср. *maśò* ‘рыба’), *Mùrša* (ср. *mùrš* ‘мужчина’), *Rùpa* (ср. *rùp* м. ‘серебро’), *Rìśo* (ср. *rìś* м. ‘медведь’); ж. *Papìna* (ср. *papìn* ж. ‘гусь’), *Patrìna* (ср. *patrìn* ж. ‘лист’), *Ćeràna* (ср. *ćeràn* ж. ‘звезда’), *Rupùnka* (ср. *rupunò* ‘серебряный’);
(2) прозрачные от слов II пласта: м. *Dràgo* (‘дорогой’); ж. *Papùša* (‘кукла’);
(3) непрозрачные традиционные: м. *Dȯ̀rdi*, *Jòno*; ж. *Burgùľa*, *Ľàľa*;
(4) суффиксальные от предыдущих: м. *Dȯrdìka*; ж. — ?;
(5) непрозрачные русские: м. *Valòďa*; ж. *Šùra*;
(6) прозрачные с точки зрения русского языка (т. е. из III пласта): м. *Zalatòj*; ж. *Ćern’àvka*;
(7) иностранные в честь футболистов, киногероев (индийских) и т. п.: м. *Fernàndo*; ж. *Ràtxa*.

Отметим пары *Maśò* (‘рыба’) : *Màśo*, где слово I пласта «переведено» во II пласт (что видно по ударению прямой формы). Среди мужских русских имён много имён на *-a*, им оказывается предпочтение, ср. *Kirìla* (и *Pàvela*, если не румынское).

По перечисленным классам будем распределять имена в списках ниже.

С точки зрения склонения среди имён II пласта выделяется несколько типов мужских имён и два — женских (с факультативным различием только в звательной форме). Часть из них не находит полного эквивалента среди типов склонения нарицательных существительных, в т. ч. из-за несовпадения звательных форм, а также в связи с неоднозначностью форм множественного числа (они потенциальны, ср. ?*Mùršy* ~ ?*Mùršuri*). Дадим все типы и списки к ним:

(а) мужские

тип:	м-а:?	м-о:?	м-о:?	м-і:?		м-∅:?	м-∅:?	
прям.	*Mùrš|a*	*Jòn|o*	*Sùľman|o*	*D'òrd|i*	*Ràdž|y*	*Maràt*	*Jànoš*	*Kulàj*
косв.	*Murš|às*	*Jon|òs*	*Suľman|òs*	*D'ord|ès*	*Radž|às*	*Marat|òs*	*Janoš|às*	*Kulaj|ès*
зват.	*Mùrš|a*	*Jòn|o*	*Sùľman|e*	*D'òrd|i*	*Ràdž|y*	*Maràt*	*Jànoš*	*Kulàj*
(1)	*Mùrša* *Rùpa*	*Bàkro* *Màśo* *Rìśo*						
(2)		*Bùkuro* *Dràgo* *Grèko* *Gròfo* *Hỳrco* *Mùto* *Mỳndro*						
(3)	*Àdila* *Bàba*† *Bàďa* *Bunìka* *Burìka*† *Ćùla* *Dìca*† *Drìla* *Dùka* *Fľàga*† *Gr'ànća*† *Gùsťa* *Gyngỳľa* *Hàpa*† *Ilìja* *Karfòľa*† *Kirìla* *Kòla*† *Lìka*† *Mòda* *Nəš(k)a* *Nikòla* *Nòma* *Pànta*† *Rìka* *Rìsta* *Řùřa* (*Hùha*?) *Tòma* *Vasỳľa*	*Bòto*† *Bùculo*† *Ćùkuro*† *Dàmo*† *Glìgoro*† *Gògo* *Jòno* *Jòrgulo*† *Jotàno* *Kàrćulo*† *Lèko* *Màrko* *Mòćo*† *Nòno* *Pìko* *Pònco* *Potàko* *Trìfulo*† *Trojàno*	*Babàno* *Brintijàno* *Dušàno*† *Stojàno* *Sulimàno* *Sùľmano*	*Bòći* *Brynzàvi* *Ćambàri* *Ćòldi* *Dòrdi* *Frumuzàti*† *Fətàri*† *Istràti* *Jànći* *Jàni* *Kostàdi* *Kostàti* *Lòti*† *Mìmi* *Mùti*† *Xulùpi* *Maskàli*			*Ìbriš*† *Jànoš* *Mìloš* *Vìlmoš* *Grigoràš*	*Bakalòj* *Bruslàj* *Kulàj* *Titàj*
(4)	*D'ordìka*† *Pantùca*†	*Dumitràško*† *Musìka* (от *Mùrša*)						

тип:	м-а:?	м-о:?	м-о:?	м-і:?	м-∅:?	м-∅:?	
(5)	*Bòrȁ*	*Filìpo*			*Anvàr*		
	Grìša	*Ivàno*			*Arsə̀n*		
	Fèďa	*Ròberto*			*Artùr*		
	Fènȁ	*Ruslàno*			*Bajràm*		
	Jàša	*Rustàmo*			*Ibragìm*		
	Kòľa				*Maràt*		
	Mìša				*Rustàm*		
	Mìťa						
	Pàvela (не рус.?)						
	Pèť(k)a						
	Slàv(k)a						
	Tòľa						
	Valèra	*Vàľo*					
	Valòďa						
	Vànȁ						
	Vìťa						
	Žənȁ						
	Žòra						
(6)	*Xrȕša*	*Ćervònco*	*Šakalàdo*			*Làndyš*	*Buržùj*
		Kazbèko	*Milòrdo*				*Zalatòj*
		Naćàľniko					
		Pònćiko					
		Starìko†					
(7)		*Bòrmano*		*Ràdžy*	*Fantamàs*		*Budulàj*
		Fernàndo			*Ramə̀š*		
		Rinàľdo					
		Ranàľdo					

Нерегулярность: от *Jòno* — факультативно зват. *Jàne* (наряду с обычным *Jòno*). Иногда имена на *-o* и на *-a* могут присоединять звательную энклитику *-na* (см. 3.4.3.24): ср. возможное *Jòno(-na)* (но не ***Jàne-na*), *Pàvela-na*; личные имена на согласный могут получать *-o*, ср. *Jànoš*, зват. *Jànoš ~ Jànošo-na* (видимо, не для всех носителей).

(б) женские

тип:	ж-а:? (тв.)		ж-а:? (мяг.)
прям.	*Patrìn|a*		*Burgùl'|a*
косв.	*Patrin|à*		*Burgul'|à*
зват.	*Patrìn|ə ~ |o*		*Burgùl'|o*
(1)	*Patrìna*	*Papìna*	
	Ćeràna	*Tèža*	
(2)	*Brùma*	*Pə(v)ùna*	
	Moldovànka	*Sàlka*	
	Mỳca	*Papùša*	
	Pərədàjca		

тип:	ж-а:? (тв.)		ж-а:? (мяг.)
(3)	*Fàta*	*Miľàva*†	*Burgùľa*
	Girìca	*Parastìva*†	*Dàrija*
	Gùta	*Persỳga*†	*Kalòpija*†
	Jèlza	*Řokovìna*	*Ľàľa*
	Križmərìca†	*Trùda*†	*Tàlija*†
	Lìza	*Tùfa*†	
	Lùla	*Vèta*†	
	Marćèla	*Vòrža*†	
	Marďòla†	*Zambìla*†	
	Màrica	*Zamfìra*	
(5)	*Aľbìna*	*Ràda*	*Sònʲa*
	Grùša	*Ròza*	
	Kristìna	*Šùra*	
	Larìsa	*Uľàna*, *Ľàna*	
	Ľùba	*Zìna*	
	Manʲàša		
(6)	*Armʲànka*†	*Lavànda*	*Bagìnʲa*
	Bazàrka	*Martỳška*	*Bàryšnʲa*
	Bèlka	*Rusàlka*	
	Ćernʲàvka	*Vatrùška*	
	Ipònka	*Zòluška*	
	Kùkla		
(7)	*Gànga*	*Ramìna*	
	Ràtxa		

Фамильярные звательные формы от женских имён на *-a* могут также образовываться усечением: *Ćeràna*, зват. *Ćeràn* (наряду с обычными *Ćeràno*, *Ćeràna*). Встречаются и более радикальные сокращения: *Zòluška*, *Zòla*, зват. *Zòlo* и иногда *Zòl*.

Заметим, что так же, как от личных имён, образуется звательная форма от названий родственников, ср. м. *pàpo* ‘дед’ (***pàpo-na*), *kàko* ‘дядя’; ж. *màmo* ~ *màmə* (см. 3.4.3.24).

3.4.6.3. Названия родов

Классификация котлярских родов уже была дана (см. 0.3.3). Здесь мы разберём только названия родов, так или иначе связанные с личными именами. Название рода — это тоже в какой-то степени имя собственное, относящееся к целой группе людей.

Несколько названий родов образуется суффиксом *-ƏŠT-*: *petràšti*, *mihəjèšti*, в единичном случае *-EŠT-*: *jonèšti* (впрочем, эту форму можно считать мн. числом от *jonèsko* с уникальным чередованием *-sk-* : *-šť-*).

Более обычны названия родов с уникальным чередованием суффиксов *-ON-* ~ *-ƏŠT-*:

	мн.
прям.	*. ÒN | I*
косв.	*. ƏŠT | ’ÄN*
зват.	

Только множественное число. В форме косв. окончание *-’àn*.

Суффикс -*ƏŠT*- даёт два варианта: после непарных мягких: *ćićòni*, *ćićešťàn*; в остальных случаях: *dəmòni*, *dəməšťàn*. Иногда в косвенной форме суффикс может звучать скорее как -*ošť*- (*koləšťàn ~ kološťàn*). В названиях малознакомых говорящему родов чередования суффиксов может вообще не быть, ср. возможный вариант *mošòni*, *mošonèn* — с обычным окончанием косв.мн. -*en*- (вместо *mošəšťàn*).

Большинство названий родов и подродов связано с личным именем прародителя (многие из этих имён сейчас не встречаются и вообще могут быть не вполне достоверными, будучи синхронно образованными от названия рода). В редких случаях — от I пласта:

Baliśò	→	*baliśòni*
Gəralò	→	*gəralòni*

Обычно — от II пласта:

Bolòso	→	*bolosòni*
Burìka	→	*burikòni*
Ćùkuro	→	*ćukuròni*
Dìca	→	*dicòni*
Dùka	→	*dukòni*
Dỳna	→	*dynòni*
Gògo	→	*gogòni*
Kòla	→	*Kolòni*
Karfòľa	→	*karfolòni* (с /l/ вм. /ľ/)
Šàndor	→	*šandoròni*
Stòjka (ж.)	→	*stojkòni*
Tìma	→	*timòni*
Vasỳľa	→	*vasyľòni*
Vòrža (ж.)	→	*voržòni*

Чередование *a* : *ə* (редукция, см. 2.5.1.6):

Dàmo	→	*dəmòni*	(*Dàmo* — м. б., недостоверно, см. 2.5.1.6)
Sàvulo	→	*səvulòni*	
Baľàri	→	*baləròni*	*~ baleròni*

Редукции, очевидно, нет в *šandoròni* (но этот род относится не к молдовая, а, насколько нам известно, к сырбияя).

Чередование *a* : *o* (см. 2.5.1.5):

Pànta	→	*pontòni*
Bàta	→	*botòni*
Jotàno	→	*jotonòni*

Именно так образуются от любого имени названия почти всех новых родов (в т. ч. упомянутые *timòni*, *voržòni* и др.), также окказионально (ср. *mišòni* от *Mìša*).

В основе названий ряда родов лежат нарицательные существительные (могшие быть прозвищем прародителя):

krəstəvèco	‘огурец’	→	*krəstəvecòni*
pòř	‘кишка’	→	*pořòni*
rùv	‘волк’	→	*ruvòni*
sapořò	‘змеёныш’	→	*sapořòni*

От части названий родов образуются «индивидуализирующие» формы (см. 3.4.1.2.2), а также производные женского рода на -*ƏŠT.IC|A*, ср. м. *dùka*, ж. *dukəštìca* (см. 3.4.4.21).

3.5. Артикли

Имеются неопределённый и определённый артикли. По частеречной принадлежности они сближаются с прилагательными (изменяются по родам), однако имеют только зависимые формы, причём неопределённый артикль — только единственное число. Здесь мы не будем описывать место артиклей в существительной группе, а дадим только их формы (об употреблении см. 4.2.1.6). Однако дать распределение форм артиклей можно, только рассматривая фразовый контекст (как в фонологическом смысле, так и в синтаксическом).

3.5.1. Неопределённый артикль

Неопределённый артикль тесно связан с числительным *jèkh* ‘1’, от которого отличается в т. ч. безударностью. Он имеет лишь единственное число (во мн. неопределённость выражается отсутствием артикля). Склонение неопределённого артикля имеет вид:

прям.	*jek ~ (ə)k ~ khə*	
косв.	м. *khə*	ж. *kha*

От неопределённого артикля порой трудно отделить числительное *jèkh* ‘1’ и омонимичное неопределённое местоимение ‘какой-то’ (косв.м. *jekhə̀*, ж. *jekhà*). Разберём формы:

(а) прямая форма

В прямой форме есть несколько вариантов: *jek*, *ək*, *k*, *khə* (о потере придыхания см. 1.3.7.5). Форма с усечённым гласным *k* встречается обычно после гласных (об особых случаях *k-šə̀l* ‘100’, *k-mìja* ‘1000’, где это не артикль, см. 3.9.1), особенно после предлогов (см. ниже). Остальные варианты варьируют более-менее свободно, однако есть тенденции предпочтения тех или иных форм в зависимости от контекста, т. е. от позиции после паузы или нет, от конца предыдущего слова (но не от начала следующего). После паузы частотны формы *jek* и *khə*, а форма *ək* — после согласного предыдущего слова:

jek	*avilò jek manùš*	‘пришёл человек’
	lèl jek bùrnix tir’à	‘берёт горсть муравьёв’
	sỳ-len jek phraloř̀o	‘есть у них братик’
ək	*pès ək vàs pàj*	‘выпьёшь ладонь воды’
	traď̀àn ək liloř̀o	‘ты послал письмецо’
	ək pahàř̀o mòl piľà	‘стакан вина выпил’
k	*xaľà k bùrnix tišàj*	‘съел горсть песку’
	dèl angla lès-te k hùlp̓a	‘появляется перед ним лиса’
	pès-kə k vojàga	‘себе бутылку’
khə	*bešə̀l khə bàlta*	‘стоит болото’
	thoď̀à khə skafedì	‘накрыл стол’
	dikhə̀l khə ampərəcỳja	‘видит царство’

Варианты *jek*, *ək*, *khə* можно подставить во все приведённые примеры (*avilò khə manùš*; *bešə̀l jek bàlta*; *thoď̀à ək skafedì* и т. д.), а вариант *k* — во все примеры с гласным исходом предыдущего слова. Соотношение *ək* : *k* можно объяснить факультативной фонологической элизией (см. 1.2.8.1).

В позиции непосредственно после предлогов варианты *khə* и *jek* выступают редко, а распределение *ək* : *k* довольно чётко. Сами предлоги (в т. ч. лжепредлоги, см. 3.12) могут

исходить на согласный или на гласный (чаще). Только предлог *ande* ʻв’ перед гласным неопределённого артикля (*ək*) может терять конечный *-e* и тогда ведёт себя как предлоги с согласным исходом, а артикль принимает вид *ək* (но *khə* нельзя).

исход предлога:	артикль:		
согласный	*ək*	*katàr ək manùš*	ʻот человека’
		karìng ək fòro	ʻк городу’
		and-ək vàš	ʻв лесу’ (***and khə*)
	khə	*karìng khə manùš*	ʻк человеку’
гласный		*ande khə gàv*	ʻв деревне’
		ka khə xàr	ʻк пригорку’
	k	*pe k skamìn*	ʻна стуле’
		pa k feľàstra	ʻс окна’
		tela k sàlka	ʻпод деревом’
		ande k bàr	ʻв таборе’
		də k bərš	ʻгод назад’

Формы артикля на согласный *jek*, *ək*, *k* сильно склонны к озвончению перед сонантами, что связано с их безударностью (ср. [əg] *manùš* ʻ[какой-то] человек’), этим они отличаются от числительного *jèkh* ʻ1’, а также от артиклеобразной клитики *(ə)k-* (см. 3.5.1.1).

Неопределённый артикль (или числительное ʻ1’) можно усматривать в наречии *and-ək-thàn* (редко *ande-k-thàn*) ʻвместе’, букв. ʻв [одном] месте’.

(б) косвенная форма

В косвенной форме нет вариантов, но различается род:

м. *khə*	*phenàv khə manušəs-kə*	ʻговорю человеку’
	khə řomès-ko khər	ʻдом цыгана’
ж. *kha*	*anàv kha glatà-kə*	ʻнесу ребёнку’
	kha gaźa-kə glàti	ʻдети русской’

Форма *kha* встречается довольно редко в связи с относительной редкостью соответствующих синтаксических контекстов.

3.5.1.1. Артиклеобразная клитика

Так мы называем особую морфему, омонимичную неопределённому артиклю, в числительных ʻ100’, ʻ1000’ и в сочетании с единицами измерения (например, *tìla* ʻкилограмм’) и времени (например, *dès* ʻдень’):

ək-šəl	ʻ100’	
ək-mìja	ʻ1000’	(см. 3.9.1)
ək-tìla	ʻ(один) килограмм’	
ək-pahàřo [*ćàjo*]	ʻ(один) стакан [чаю]’	(см. 4.2.1.13.4)
и т. д.		
ək-cỳřa	ʻчуть-чуть’	(см. 3.8.1.2)
и т. д.		
ək-dès	ʻ(один) день’	
ək-dàta	ʻ(один) раз’	

так же со словами: *minùto* ʻминута’, *ćàso* ʻчас’, *śòn* ʻмесяц’, *bərš* ʻгод’

Обычная форма — *ək- ~ k-* (ср. *pa k-śòn* ‘через месяц’), редко *jek-* и, в отличие от определённого артикля, очень редко *khə-* (форму *khə*, по-видимому, можно всегда считать неопределённым артиклем). В принципе, эти варианты распределены в зависимости от исхода предыдущего слова (как и у неопределённого артикля, см. 3.5.1), однако характерно, что вариант *k-* без гласного здесь иногда употребляется и после паузы: *k-šə̀l* ‘100’, *k-mìja* ‘1000’, что делает эти образования уникальными.

Артиклеобразная клитика, в отличие от неопределённого артикля и числительного ‘1’, не озвончается, поэтому обычно [ək]-*mìja*, а не ?*[əg]-*mìja*, что дополнительно подтверждает особый статус этого элемента как проклитики (озвончение перед сонантом ожидается на широкой границе, но не на узкой, см. 1.3.7, 1.3.7.6).

Ещё одна важная особенность артиклеобразной клитики — её несклоняемость, ср. *ək-šəlè tilèn-go* ‘стокилограммовый’ (а не, например, **kha-šəlè*, что ожидалось бы исходя из женского рода слова *šə̀l* ‘сотня’, см. 3.9.1.1).

Кроме двух упомянутых чётких случаев числительных (*k-šə̀l* ‘100’, *k-mìja* ‘1000’), артиклеобразная клитика выделяется с известной долей условности, т. к. в прямой форме всегда может быть понята как артикль или числительное ‘1’, ср. *jek*/*ək-pahə̀ř o* (или *jèkh pahə̀ř o*) *ćə̀jo* ‘стакан чаю’. Таким образом, этот ряд (от клитики до числительного) представляет собой градацию с нечёткими границами.

3.5.2. Определённый артикль

Определённый артикль, в отличие от неопределённого, имеет оба числа. Его словоизменительная парадигма по набору клеток близка к подпарадигме прилагательных в зависимом состоянии (см. 3.6.2), но во множественном числе нет различения прямых и косвенных форм. Кроме того, совпадают формы м.косв.ед. и мн. Все формы, кроме ж.косв.ед., имеют варианты, находящиеся в морфонологическом распределении в зависимости от контекста (тогда это алломорфы — через знак «:») или в свободном варьировании (колебания — через знак «~»):

ед.	м.	ж.
прям.	*o* : *-∅*	*ə* (: *i*) : *-j* : *-∅*
косв.	*le* ~ *əl* ~ *-l*	*la*
мн.	*le* ~ *əl* ~ *-l*	

Как видно, формы прям.ед. находятся в отношении супплетивизма с остальными формами. Формы, данные с дефисом, выступают в основном после предлогов на гласные (это орфографическая условность, см. 2.1.3, подробности см. ниже).

⌛ Чередование основы артикля (в прям.ед. гласный : в косв. и мн. формы на *l-*) восходит к древнему супплетивизму. В прямых формах единственного числа мы, по-видимому, имеем формы, восходящие к указательным местоимениям типа м. **aṵa*, ж. **aṵi*. Вероятно, следы этого же (или близкого) местоимения сохраняются в наречиях типа *adès* ‘сегодня’ < **a-diṵes* < (?) **aṵa-diṵasa* букв. ‘этот день’ (о таких наречиях см. 3.8.1.6, а также исторический комментарий об ударных формах личных местоимений 3-го лица, см. 3.10.1.1). В остальных же формах артикля представлены остатки древнего местоимения на **t-* типа м. **-le(s)* < **-tasa*, ж. **-la* < **-tā* (косвенный падеж — из древнего родительного, смешавшегося с дательным) и т. д. Что касается форм. мн. *le ~ əl*, то они, возможно, восходят к др.-инд. **(e)te*, причём сами варианты могут восходить к эпохе редукции гласных, когда в определённых фонетических условиях (например, перед сонантами) безударные гласные падали, а в других — нет, что приводило к сохранению (или протезе?) начального гласного. Варианты м.косв.ед. совпали с мн., вероятно, в основном в результате фонетической эволюции и аналогий.

Разберём все формы и их распределение:

(а) м.прям.ед.

Основная форма м.прям.ед. — *o*; нуль выступает в ряде контекстов, а именно — после конечного *-a* предлога или лжепредлога (изредка также после ряда других слов, см. ниже). Перед артиклем *o* оба предлога на *-e* (*ande* ʻв’, *pe* ʻна’) теряют конечный гласный:

без предлога		*o*	*ampəràto*	ʻцарь’
		o	*vəš*	ʻлес’
		o	*Mùrša*	ʻМурша’
после предлога	*katàr*	*o*	*zỳdo*	ʻот стены’
	karìng	*o*	*fòro*	ʻк городу’
	sar	*o*	*pàj*	ʻкак вода’
ande ⇨	*and*	*-o*	*vàš*	ʻв лесу’
pe ⇨	*p*	*-o*	*dròm*	ʻна дороге’
	pala	∅	*khàr*	ʻза домом’
	tela	∅	*pàto*	ʻпод кроватью’
	kata	∅	*dèl*	ʻот бога; богом’
	ka	∅	*ampəràto*	ʻу царя’
	pa	∅	*dròm*	ʻпо дороге’
	kusʹà	∅	*pàto*	ʻвместе с кроватью’

Падение гласного в предлогах *ande* ʻв’ и *pe* ʻна’ обязательно (невозможно ***ande o*, ***pe o*). Нулевой алломорф артикля после предлогов на *-a* является результатом обязательной элизии. Форма *o* может появляться в этом контексте только после невольной паузы, например при подыскивании слова: *kata... o ampəràto* ʻот... царя’. Иногда (редко) нулевой алломорф встречается и после других слов с исходом на *-a*: *kana ampəràto...* ʻи тут царь...’; *sà milàj* ʻвсё лето’ (но гораздо чаще: *kana o ampəràto*, *sà o milàj*).

Кроме того, *o* иногда может подвергаться фонологической элизии после слова на *-o*, ср. *o vàro (o) màj-barò* ʻстарший кузен’ (но это относится к фонологии, см. 1.2.8.1).

(б) ж.прям.ед.

Основная форма ж.прям.ед. — *ə*; алломорф *-j* выступает после предлогов на *-a* (а также изредка после других слов с гласным исходом); нулевой алломорф — после предлогов *ande* ʻв’ и *pe* ʻна’; после *sar* ʻкак’ факультативно *i* (но чаще *ə*):

без предлога		*ə*	*sàlka*	ʻдерево’
		ə	*ampərəťàsa*	ʻцарица’
		ə	*màrťa*	ʻсмерть’
после предлога	*karìng*	*ə*	*Mòskova*	ʻв районе Москвы’
	maškar	*ə*	*bàr*	ʻв таборе’
	sar	*i~ə*	*dèj*	ʻкак мать’
	ande	∅	*ampərəcỳja*	ʻв царстве’
	pe	∅	*skafedì*	ʻна столе’
	pala	*-j*	*xàr*	ʻза пригорком’
	tela	*-j*	*sàlka*	ʻпод деревом’
	kata	*-j*	*phurì*	ʻот старухи’
	ka	*-j*	*borì*	ʻу невесты’
	pa	*-j*	*feľàstra*	ʻс окна’
	kusʹà	*ə ~ -j*	*skafedì*	ʻвместе со столом’

Как и в мужском роде, правила выбора алломорфа артикля довольно строги. Редчайшие примеры типа *kata ə ašvàr* вместо *kata-j ašvàr* ʽза уздечку’ связаны с подыскиванием слова. После предыдущего слова (не предлога) с гласным исходом нередко выступает алломорф *j* (часто после *sà* ʽвесь’), ср. *sà j lùm̓a* ʽвсё общество’; *lè-ta j vàdra* ʽвозьми-ка ведро’. Крайне редко встречается алломорф *i* — только после предлога *sar* ʽкак’: *sar i dèj ~ sar ə dèj* (чаще) ʽкак мать’.

В позиции после слов с исходом *-e*/*-ə* может происходить элизия, но может также звучать *j*, как и после остальных гласных, ср. *l’à-pe j Dòća tel’ard’às* ʽвзяла Доча [и] отправилась в путь’. В обычной речи это трудно уловить (особенно если последний *-e*/*-ə* предыдущего слова произнесён закрыто, см. 1.2.3), но в приведённом примере (из песни) чётко слышен артикль, хотя в соседней строчке столь же чётко слышно его отсутствие (или нулевой алломорф): *l’à-pe Dòća tel’ard’às*.

⌛ Возможно, наличие алломорфа *i* (у молдовая факультативного и маргинального: только после предлога *sar* ʽкак’) и его неслогового варианта *j* (после всех предлогов на *-a*) наряду с обычным *ə* говорит в пользу наличия двух праформ артикля ж.ед.: **i* и **e*, которые когда-то находились в каком-то неясном распределении (наиболее вероятная праформа — **au̯i* ʽэта’, что даёт **e* > кэлд. *ə*, а не *i*). Во многих северновлашских диалектах имеются обе формы в свободном варьировании. Впрочем, судя по другим дублетам с *i-* ~ *(j)e-* в этих диалектах (но не в говоре молдовая), *i* может быть вторичным позиционным вариантом при исконном **e*.

(в) м.косв.ед.

Формы м.косв.ед. совпадают с формами мн.: *le ~ əl ~ -l*. Несмотря на полную омонимию, эти формы встречаются в разных контекстах, поэтому мы рассмотрим их отдельно. В м.косв.ед. практически всегда выступает *le*, а *(ə)l* встречается довольно редко. Особый случай — после предлога *bi*: чаще всего говорят *bi le*, но встречается и вариант /*b̓el*/, который трудно записать в принятой нами орфографической системе: *be-l*, где дефис стоит «не там» (*bi* + *əl*, см. 1.3.7.2):

без предлога		*le* (~ *əl*)	*phralès*	ʽбрата [увидел]’
		le (~ *əl*)	*řomès-kə*	ʽцыгану [сказал]’
		le (~ *əl*)	*pajè-sa*	ʽ(с) водой’
		le (~ *əl*)	*ampəratòs-ko*	ʽцаря’ (притяжательная форма)
после предлога	*bi* ~ *be-l*	*le* (~ *əl*)	*papòs-ko*	ʽбез деда’

В нейтральном регистре артикли в косвенной форме встречаются только после одного предлога — *bi* (т. к. только он управляет косвенной формой, точнее — формой лишительного падежа) в рамках одной существительной группы. В песенном регистре изредка встречаются примеры и на другие предлоги — с предложным падежом, ср. *anda-l phralès-te* ʽиз брата’ (с вариантом *-l*).

Однако артикли в косвенной форме вполне обычны в (лже)предложных группах с притяжательной формой, к которой относится артикль:

ande [*le ampəratòs-kə*] *vàst*	ʽв руках царя’
anda [*le tatàs-ko*] *mandìn*	ʽиз папиного имущества’
khə avlìn, màj-mùndro kata [*le ampəratòs-ti*]	ʽдворец, красивее царского’

В таких контекстах варианты *əl ~ -l*, видимо, довольно редки, ср. также сочетание *sà* ʽвесь’ с артиклем в форме м.косв.ед.: *dèl dròm sà le narodòs* ʽотпускает весь народ’ (хотя во мн. обычнее *l*, ср. *sà l gadà* ʽвсе рубашки’).

(г) ж.косв.ед.

Форма ж.косв.ед. *la* не знает вариантов:

	la	*phʹà*	ʻсестру [увидел]ʼ
	la	*řomnʹà-kə*	ʻцыганке [сказал]ʼ
	la	*vadrà-sa*	ʻ(с) ведромʼ
bi	*la*	*babà-ko*	ʻбез бабушкиʼ

Так во всех контекстах: *sà la lumʹà* ʻвсё общество [созвал]ʼ; *kata la śà-ko khàr* ʻот дома дочериʼ и т. д.

(д) мн.

Что касается множественного числа, то в позиции не после предлога форма *le* встречается значительно чаще, чем *əl*, но в целом они свободно варьируют. После предлогов на гласные чаще всего употребляется усечённая форма *-l* (редко *le*); после предлогов на согласные примерно одинаково употребительны *le* и *əl*. Предлоги *ande* ʻвʼ и *pe* ʻнаʼ чаще всего теряют гласный, и тогда после них идёт только *əl* (не *le*):

без предлога			*le* (~ *əl*)	*phràl*	ʻбратьяʼ
			le (~ *əl*)	*ćirikľà*	ʻптицыʼ
			le (~ *əl*)	*asvà*	ʻслёзыʼ
после предлога		*katàr*	*le* ~ *əl*	*ašvarʹà*	ʻза поводьяʼ
		maškar	*le* ~ *əl*	*khərà*	ʻмежду домамиʼ
		sar	*le* ~ *əl*	*gaźè*	ʻкак русскиеʼ
	ande ⇨	*and*	*-əl*	*vàst*	ʻв рукахʼ (***and le*)
	pe ⇨	*p*	*-əl*	*zəjà*	ʻна спинуʼ (***p le*)
		ande	*-l* (~ *le*)	*kanřə*	ʻв колючкахʼ
		pe	*-l* (~ *le*)	*patrʹà*	ʻна листьяʼ
		bi	*le* (~ *əl*)	*dadèn-go*	ʻбез отцовʼ
		~ *be-l*		*řomèn-go*	ʻбез цыганʼ
		pala	*-l* (~ *le*)	*lovè*	ʻза деньгиʼ
		tela	*-l* (~ *le*)	*sələ́ći*	ʻпод деревьямиʼ
		kata	*-l* (~ *le*)	*dumè*	ʻза плечиʼ
		ka	*-l* (~ *le*)	*ləjècy*	ʻу немолдоваяʼ
		pa	*-l* (~ *le*)	*raklořə*	ʻо мальчикахʼ
		źi ka	*-l* (~ *le*)	*ćangà*	ʻдо коленʼ
		kusʹà	*le* (~ *-l*)	*bàl*	ʻвместе с волосамиʼ

После предлогов на *-a* форма *le* употребляется редко, но встречается и без паузы. После слов на гласный иногда встречается *l* (но чаще *le*, совсем редко также *əl*), ср. *sà l dikhlořə* (~ *le*, *əl*) ʻвсе платочкиʼ, ср. также *kusʹà l bàl* ʻвместе с волосамиʼ (*kusʹà* — предлог, см. 4.2.2.6.2).

Есть ещё одна ситуация, где отдаётся предпочтение усечённой форме *l*, — перед словами, зависящими от притяжательных форм, ср. *ka-l šovè šərə̀n-go* ʻк шестиголовому [змéю]ʼ. Здесь лжепредлог *ka* относится к опущенному ядру *zmə̀vo* ʻзмейʼ, а артикль — к слову *šərə̀n* ʻго́ловыʼ (косв.мн.), но между ними, видимо, ощущается более тесная связь, чем, скажем, в примере *ka le phralès-ko khàr* ʻу дома братаʼ (но можно и *ka-l*).

У части носителей возможно факультативное смягчение вариантов артикля на *-l* перед гласными и /*j*/ следующего слова (см. 1.3.7.2).

3.6. Имя прилагательное

Имя прилагательное называет свойство предмета, т. е. «определяет» то, что явно или неявно выражено именем существительным или притяжательной формой (а также иногда местоимением-существительным). В кэлдэрарском довольно мало непроизводных прилагательных — чаще всего они качественные.

Относительные же прилагательные, как правило, производны (обычно суффиксами — от существительных). Однако значительно чаще в роли относительных прилагательных выступают согласуемые притяжательные формы, которые в какой-то степени можно считать частью словоизменительной парадигмы существительных (но мы их рассматриваем отдельно, см. 3.7).

3.6.1. Морфологические признаки прилагательного

Морфологические признаки прилагательных: род, число, падеж — переменные и связаны исключительно с согласованием. Заглавная форма прилагательного — форма мужского рода единственного числа.

Прилагательными являются большинство числительных (см. 3.9). У одного из них, *jèkh* ‘1’, есть только единственное число, а у остальных — только множественное (сюда относятся также такие счётные слова, как *(v)ùni* ‘некоторые’, *bùt* ‘многие’).

Прилагательное может выступать в двух **состояниях**. Не углубляясь в синтаксические тонкости, покажем различие между ними на примере атрибутивного употребления прилагательных в простейшем словосочетании. В составе словосочетания прилагательное может стоять (а) перед определяемым или (б) после определяемого (ядра́ существительной группы). В обоих случаях оно согласуется (полностью или частично) с ядром по роду, числу и падежу (в скобках — определённый артикль):

(а)	*(o)*	*bar|ò*	*śàv*	(б)	*(o)*	*śàv*	*(o)* *bar|ò*	‘большой сын’
	(ə)	*bar|ì*	*śèj*		*(ə)*	*śèj*	*(ə)* *bar|ì*	‘большая дочь’
	(le)	*bar|ə*	*śavè*		*(le)*	*śavè*	*(le)* *bar|ə*	‘большие сыновья’
	(le)	*bar|ə*	*śejà*		*(le)*	*śejà*	*(le)* *bar’|à*	‘большие дочери’

В первично-косвенной форме (синтаксически — в винительном или дательном падеже) появляется различие в окончаниях прилагательного (здесь *-ə* : *-ès*; *-ə* : *-ən*; *-ə* : *-’àn*):

(а)	*(le)*	*bar|ə*	*śavès*	(б)	*(le)*	*śavès*	*(le)* *bar|əs*	‘большого сына [вижу]’
	(la)	*bar’|à*	*śà*		*(la)*	*śà*	*(la)* *bar’|à*	‘большую дочь’
	(le)	*bar|ə*	*śavèn*		*(le)*	*śavèn*	*(le)* *bar|ən*	‘больших сыновей’
	(le)	*bar|ə*	*śejàn*		*(le)*	*śejàn*	*(le)* *bar’|àn*	‘больших дочерей’

Отличие проявляется ещё ярче во вторично-косвенных формах (в следующем примере — направительный падеж): в зависимости от позиции в группе, ядро которого (*śavès-kə* и т. д.) стоит во вторичном падеже, прилагательное либо остаётся в первично-косвенной форме (перед ядром), либо повторяет форму вторичного падежа ядра (после ядра):

(а)	*(le)*	*bar|ə*	*śavès-kə*	(б)	*(le)*	*śavès-kə*	*(le)* *bar|əs-kə*	‘большому сыну [говорю]’
	(la)	*bar’|à*	*śà-kə*		*(la)*	*śà-kə*	*(la)* *bar’|à-kə*	‘большой дочери’
	(le)	*bar|ə*	*śavèn-gə*		*(le)*	*śavèn-gə*	*(le)* *bar|ən-gə*	‘большим сыновьям’
	(le)	*bar|ə*	*śejàn-gə*		*(le)*	*śejàn-gə*	*(le)* *bar’|àn-gə*	‘большим дочерям’

В первом случае (а) имеем **зависимое** состояние, во втором (б) — **независимое**. Итак, прилагательные в зависимом состоянии знают только первичные падежные формы (прямую и косвенную), а прилагательные в независимом состоянии склоняются так же, как су-

ществительные, т. е. могут иметь как первичные, так и вторичные падежные формы. Зависимое состояние могут принимать и некоторые существительные (см. 3.4.1.3.1).

В зависимом состоянии прилагательные имеют свою особую морфологию, отличающую их от существительных: «зависимость» проявляется в неполном выражении грамматических категорий, которые «до конца» выражаются стоящим правее существительным. В независимом же состоянии прилагательные в морфологическом смысле почти тождественны существительным.

Кроме неспособности принимать клитики вторичных падежей, особое свойство зависимых форм прилагательных состоит в неразличении рода во множественном числе, ср. зав.прям.мн. *bar|ə* для обоих родов при незав.прям.мн.м. *bar|ə́*, ж. *bar'|à.* Надо сказать, что и в независимых формах род различается факультативно, а согласование обычно происходит путём факультативного рифмования косвенных окончаний с ядром (см. 4.2.1.5).

Таким образом, прилагательные имеют признаки рода, числа, падежа и состояния. Признак состояния также свойствен притяжательным формам.

3.6.2. Состав парадигмы прилагательного

Прилагательное (прил.):

зависимое состояние:		независимое состояние:	
зав.м.прям.ед.	зав.ж.прям.ед.	незав.м. ≈ сущ.	незав.ж. ≈ сущ.
зав.м.косв.ед.	зав.ж.косв.ед.		
зав.прям.мн.			
зав.косв.мн.			

Здесь мы не указываем грамматических категорий форм независимого состояния, т. к. они полностью совпадают с парадигмой существительных (в т. ч. имеют звательные формы), однако мы даём их в таблицах ниже по каждому типу склонения.

В этом разделе идёт речь только о назывных прилагательных. Местоименные прилагательные (см. 3.10.1.2), а также большинство количественных числительных (см. 3.9.1.1) склоняются в целом почти так же, но в большинстве своём не различают рода во множественном числе независимых форм.

3.6.3. Типы склонения прилагательных

У прилагательных граница между I и II пластами более размыта, чем у существительных: не все прилагательные легко отнести к одному из пластов. Однако в общем случае прилагательные разных пластов отличаются ударением. Будем условно относить прилагательные на безударное *-о* ко II пласту, а остальные — к I пласту. Это в некоторой степени оправдано сочетаемостью основ прилагательных с суффиксами при словообразовании.

Большинство прилагательных I пласта в зависимом состоянии имеют три разные прямые формы (зав.прям.м.ед., зав.прям.ж.ед., зав.прям.мн.); во II пласте всегда совпадают зав.прям.м.ед. и зав.прям.ж.ед., а форма зав.прям.мн. может быть отлична.

В косвенных формах все прилагательные (по крайней мере, потенциально) различают число и род (чаще только в единственном числе). У прилагательных, различающих три прямые зависимые формы, косвенная основа равна прямой, а у остальных (не у всех) образуется наращением *-оn-* (к которому прибавляются окончания первичных падежей).

Обобщённо склонение прилагательных можно представить следующим образом — по числу прямых зависимых форм (обозначения типов содержат окончания зав.прям.м.ед., зав.прям.ж.ед., зав.прям.мн.):

	тип	прям.м.ед.	прям.ж.ед.	прям.мн.	основа косв.	
3 формы	п-Ò:’Ì:È	*bar*|*ò*	*bar*|*ì*	*bar*|*ə*	*bar*|-	‘большой’
2 формы	п-O:O:”A	*zə̀len*|*o* *hə̀rnik*|*o*	*zə̀len*|*o* *hə̀rnik*|*o*	*zə̀lej*|*a* *hə̀rnić*|*a*	*zəlen.on*|- *harnik.on*|-	‘зелёный’ ‘шустрый’
	п-O:O:”I	*krèc*|*o* *skùrt*|*o* *lùng*|*o*	*krèc*|*o* *skùrt*|*o* *lùng*|*o*	*krèc*|*y* *skùrc*|*y* *lùnź*|*i*	*krec.on*|- *skurt.on*|- *lung.on*|-	‘кудрявый’ ‘короткий’ ‘длинный’
1 форма	п-∅:∅:∅	*šukàr*	*šukàr*	*šukàr*	*šukar*|-	‘красивый’
	п-O:O:O	*mùndr*|*o*	*mùndr*|*o*	*mùndr*|*o*	*mundr.on*|-	‘красивый’
	п-È:È:È	*vestim*|*è*	*vestim*|*è*	*vestim*|*è*	*vestim*|-	‘славный’

Как видно, в одном типе формы прям.мн. образуются с переходным смягчением.

Косвенные формы прилагательных II пласта встречаются редко, колеблются (например, может опускаться *-on-*) и вообще факультативны (вместо них часто возможны прямые); носители часто образуют их неуверенно.

Кроме перечисленных типов, имеются неизменяемые прилагательные, в т. ч. выступающие только предикативно (см. 3.6.4.8). Нерегулярные прилагательные даны отдельно (см. 3.6.4.7).

3.6.4. Парадигмы склонения прилагательных

Склонение прилагательных каждого типа даётся в виде двух подпарадигм: (1) все 6 зависимых форм (м.ед., ж.ед., мн. — по две: прямая и косвенная) и (2) все 12 независимых форм (м.ед., ж.ед., м.мн., ж.мн. — по три: прямая, косвенная, звательная). Прямые независимые формы м.ед., ж.ед. всегда тождественны зависимым, поэтому специально не указываются. Давать формы вторичных падежей нет смысла, как и при описании склонения существительных (см. 3.4.1.3.2). Звательные формы обычно лишь потенциальны. Ниже даются парадигмы всех перечисленных в таблице типов с морфонологическими подтипами.

3.6.4.1. Тип п-Ò:’Ì:È

зависимые				независимые			
ед.	м.		ж.	ед.	м.		ж.
прям.	| *Ò*		| *Ì*	прям.	= зав.		
косв.	| *Ѐ*		| *’A̋*	косв.	| *ѐS*		| *’A̋*
				зват.	| *ѐJA*		| *ÌJO*
мн.				мн.			
прям.		| *Ѐ*		прям.	| *Ѐ*		| *’A̋*
косв.		| *Ѐ*		косв.	| *ѐN*		| *’A̋N*
				зват.	| *A̋LE*		| *’A̋LE*

К этом типу относится большинство прилагательных I пласта. В независимом состоянии они морфологически тождественны существительным типов м-Ò:È (в мужском роде — см. 3.4.3.4) и ж-’Ì:’À (в женском роде — см. 3.4.3.7). Этот тип разбивается на те же морфонологические подтипы, что и соответствующие существительные (что связано с разными результатами смягчения в зависимости от исхода основы):

(а) парный и мягкий вариант

В независимом состоянии ведут себя как, например, существительные *raklò* ʿюноша-нецыганʾ, *raklì* ʿдевушка-нецыганкаʾ:

зависимые			независимые		ʿчёрныйʾ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*kal|ò*	*kal|ì*	прям.	= зав.	
косв.	*kal|è*	*kal'|à*	косв.	*kal|ès*	*kal'|à*
			зват.	*kal'|à* (~ *kal|èja*)	*kal|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*kal|è*		прям.	*kal|è*	*kal'|à*
косв.	*kal|è*		косв.	*kal|èn*	*kal'|àn*
			зват.	?*kal|àle*	?*kal'|àle*

ćaćò	ʿнастоящийʾ	
(v)ućò	ʿвысокийʾ	
laśò	ʿхорошийʾ	
buhlò	ʿширокийʾ	обычно *buřlò*
dilò	ʿглупыйʾ	
guglò	ʿсладкийʾ	
kalò	ʿчёрныйʾ	
kovlò	ʿмягкийʾ	
khamnì	ʿfututaʾ	только ж. (табу)
lolò	ʿкрасныйʾ	
londò	ʿсолёныйʾ	
matò	ʿпьяныйʾ	
melaxnò	ʿсмуглыйʾ	
nevò	ʿновыйʾ	
parnò	ʿбелыйʾ	
sastò	ʿздоровыйʾ	
ternò	ʿгнилойʾ	нек. немолд. *kernò*
tatò	ʿтёплыйʾ	
tərnò	ʿмолодойʾ	
thulò	ʿтолстыйʾ	
xurdò	ʿмелкийʾ	
cygnò	ʿмаленькийʾ	
ćajlò	ʿсытыйʾ	
šuklò	ʿкислыйʾ	
ivandò	ʿсырой	~ *ivànd*
sastevestò	ʿздоровыйʾ	

суффиксы	
-al|ò	(свойство, см. 3.6.5.6)

Неизвестны [ДД]: *tərdò* ʿстоя́щийʾ; считается чужим: *kišlò* (*tišlò*) ʿтощийʾ.

(б) основа на *-r*

В независимом состоянии ведут себя как, например, существительные *khurò* ʿжеребецʾ, *khurì* ʿмолодая кобылаʾ:

зависимые			независимые	ʻбольшой’	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*bar|ò*	*bar|ì*	прям.	= зав.	
косв.	*bar|ə̀*	*bar’|à*	косв.	*bar|ə̀s*	*bar’|à*
			зват.	*bar’|à ~ bar|ə̀ja*	*ʔbar|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*bar|ə́*		прям.	*bar|ə́*	*bar’|à*
косв.	*bar|ə́*		косв.	*bar|ə̀n*	*bar’|àn*
			зват.	*ʔbar|àle*	*ʔbar’|àle*

barò	ʻбольшой’
pharò	ʻтяжёлый’
phurò	ʻстарый’
šudrò	ʻхолодный’

Неизвестно [ДД]: *gərò* ʻбедный’.

В форме звat.ед. довольно частотны формы на *-ə̀ja*.

(в) основа на *-n*

В независимом состоянии ведут себя как, например, существительные *źenò*, ж. *źejì ~ źenì* ʻчеловек’ (счётное слово):

зависимые				независимые	ʻтонкий’		
ед.	м.	ж.		ед.	м.	ж.	
прям.	*san|ò*	*saj|ì*	*~ san|ì*	прям.	= зав.		
косв.	*san|è*	*saj|à*	*~ san’|à*	косв.	*san|ès*	*saj|à*	*~ san’|à*
				зват.	*san’|à*	*ʔsaj|ìjo*	*~ ʔsan|ìjo*
мн.				мн.			
прям.	*san|è*			прям.	*san|è*	*saj|à*	*~ san’|à*
косв.	*san|è*			косв.	*san|èn*	*saj|àn*	*~ san’|àn*
				зват.	*ʔsan|àle*	*ʔsaj|àle*	*~ ʔsan’|àle*

sanò	ʻтонкий’
ćinò	ʻусталый’
puranò	ʻстарый’
xaranò	ʻмудрый’

суффиксы	
-an|ò	(признак, см. 3.6.5.2)
-ikan|ò	(признак, см. 3.6.5.3)
-un|ò	(признак, см. 3.6.5.4)
-ivan|ò	(усиление признака, см. 3.6.5.5)

(г) твёрдый вариант

В независимом состоянии ведут себя как, например, существительные *manřò* ʻхлеб’, *śovořỳ* ʻ[цыганская] девочка’:

зависимые			независимые		ʿплохой’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*ćoř|ò*	*ćoř|ỳ*	прям.	= зав.	
косв.	*ćoř|ə*	*ćoř|à*	косв.	*ćoř|əs*	*ćoř|à*
			зват.	*ćoř|əja*	*ćoř|ỳjo*
мн.			мн.		
прям.	*ćoř|ə*		прям.	*ćoř|ə*	*ćoř|à*
косв.	*ćoř|ə*		косв.	*ćoř|ən*	*ćoř|àn*
			зват.	*ćoř|àle*	*ćoř|àle*

(v)užò	ʿчистый’
kořò	ʿслепой’
ćořò	ʿплохой; бедный’

суффиксы

-oř|ò	(уменьшительное, см. 3.6.5.7)

(д) основа на *-k*, *-g*

В независимом состоянии ведут себя как, например, существительные *bukò* ʿпечень’, *butì* ʿработа; вещь’, однако с колебаниями в смягчении исхода (см. 2.5.2.1.2б):

зависимые			независимые		ʿсухой’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*šuk|ò*	*šut|ì* ~ *šuk|ì*	прям.	= зав.	
косв.	*šuk|ə*	*šuť|à* ~ *šuk|à*	косв.	*šuk|əs*	*šuť|à* ~ *šuk|à*
			зват.	*ʔšuk|əja* ~ *ʔšuť|à* ~ *ʔšuk|à*	*ʔšut|ìjo* ~ *ʔšuk|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*šuk|ə*		прям.	*šuk|ə*	*šuť|à* ~ *šuk|à*
косв.	*šuk|ə*		косв.	*šuk|ən*	*šuť|àn* ~ *šuk|àn*
			зват.	*ʔšuk|àle*	*ʔšuť|àle* ~ *ʔšuk|àle*

kərkò	ʿгорький’
šukò	ʿсухой’
pakò	ʿспелый; гнилой’
bangò	ʿкосой’
tingò	ʿмокрый’
nangò	ʿголый’

нек. немолд. *kingò*

3.6.4.2. Тип п-∅:∅:∅

зависимые			независимые		
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	| ∅	| ∅	прям.	= зав.	
косв.	| *È*	| *ʼÄ*	косв.	| *ÈS*	| *ʼÄ*
			зват.	| ?	| ?
мн.			мн.		
прям.	| ∅		прям.	| ∅	| ∅
косв.	| *È*		косв.	| *ÈN*	| *ʼÄN*
			зват.	| *ÄLE*	| *ʼÄLE*

Из входящих в этот тип четырёх прилагательных одно имеет вариант типа п-Ò:’Ì:È (*ivànd ~ ivandò* ‘сырой’, причём различие касается только прямых форм); *šukàr* ‘красивый’ встречается по большей части в песнях (в речи обычно *mùndro ~ mỳndro*), а *goďavèr* ‘умный’ практически не употребляется (обычно *xaranò*, *goďalò*):

(а) парный вариант

зависимые			независимые		‘многий’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*ivànd*	*ivànd*	прям.	= зав.	
косв.	*ivand|è*	*ivand’|à*	косв.	*ivand|ès*	*ivand’|à*
			зват.	?	?
мн.			мн.		
прям.	*ivànd*		прям.	*ivànd*	*ivànd*
косв.	*ivand|è*		косв.	*ivand|èn*	*ivand’|àn*
			зват.	?	?

ivànd	‘сырой’	*~ ivandò*
bùt	‘много, многие’	(см. 3.9.10, 4.2.1.13.3)

(б) основа на *-r*

В независимом состоянии ведут себя в мужском роде как, например, существительные *ćòr* ‘вор’, а в женском роде точного соответствия среди существительных не имеют:

зависимые			независимые		‘красивый’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*šukàr*	*šukàr*	прям.	= зав.	
косв.	*šukar|ə*	*šukar’|à*	косв.	*šukar|əs*	*šukar’|à*
			зват.	?	?
мн.			мн.		
прям.	*šukàr*		прям.	*šukàr*	*šukàr*
косв.	*šukar|ə*		косв.	*šukar|ən*	*šukar’|àn*
			зват.	?	?

šukàr	‘красивый’	
goďavèr	‘умный’	

3.6.4.3. Тип п-о:о:”ı

зависимые			независимые		
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*| O*	*| O*	прям.	= зав.	
косв.	*. ON | Ë*	*. ON | ’Ä*	косв.	*. ON | ËS*	*. ON | ’Ä*
			зват.	*. O - NA*	*. ON | ÌJO*
мн.			мн.		
прям.	*. ” | I*		прям.	*. ” | I*	*. ” | I*
косв.	*. ON | Ë*		косв.	*. ON | ËN*	*. ON | ’ÄN*
			зват.	*. ON | ÄLE*	*. ON | ’ÄLE*

В части подтипов этого типа формы прям.мн. образуются с помощью переходных смягчений согласного исхода основы:

(а) без чередований

Этот подтип не соотносится ни с одним типом существительных (ср. *krəstəvèco* ʻогурецʼ, без наращения *-on-*). Сюда входит только одно прилагательное:

зависимые			независимые		ʻкудрявыйʼ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*krèc|o*	*krèc|o*	прям.	= зав.	
косв.	*krec.on|è*	*krec.on'|à*	косв.	*krec.on|ès*	*krec.on'|à*
			зват.	*krèc|o-na*	?*krec.on|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*krèc|y*		прям.	*krèc|y*	*krèc|y*
косв.	*krec.on|è*		косв.	*krec.on|èn*	*krec.on'|àn*
			зват.	?*krec.on|àle*	?*krec.on'|àle*

(б) с чередованием *k* : *ć*

Среди существительных точных аналогов нет (ср. *vortàko* ʻтоварищʼ, мн. *vortàća* с иным окончанием; это же относится и к другим подтипам; о чередовании см. 2.5.2.1.3):

зависимые			независимые		ʻловкийʼ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*hàrnik.o*	*hàrnik|o*	прям.	= зав.	
косв.	*harnik.on|è*	*harnik.on'|à*	косв.	*harnik.on|ès*	*harnik.on'|à*
			зват.	?*hàrnik|o-na*	?*harnik.on|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*hàrnić|i*		прям.	*hàrnić|i*	*hàrnić|i*
косв.	*harnik.on|è*		косв.	*harnik.on|èn*	*harnik.on'|àn*
			зват.	?*harnik.on|àle*	?*harnik.on'|àle*

vr'àniko	ʻпредприимчивый, ловкийʼ
hàrniko	ʻпредприимчивый, ловкийʼ
tun'àriko	ʻтёмныйʼ

(в) с чередованием *g* : *ź*

зависимые			независимые		ʻдлинныйʼ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*lùng.o*	*lùng|o*	прям.	= зав.	
косв.	*lung.on|è*	*lung.on'|à*	косв.	*lung.on|ès*	*lung.on'|à*
			зват.	?*lùng|o-na*	?*lung.on|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*lùnź|i*		прям.	*lùnź|i*	*lùnź|i*
косв.	*lung.on|è*		косв.	*lung.on|èn*	*lung.on'|àn*
			зват.	?*lung.on|àle*	?*lung.on'|àle*

lùngo	ʻдлинныйʼ	
antràgo	ʻцелыйʼ	~ *antrègo*

Прилагательное *dràgo* ‘любимый’ не знает переходного смягчения (тип п-о:о:о).

(г) с чередованием *t* : *c*

зависимые			независимые		‘короткий’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*skùrt|o*	*skùrt|o*	прям.	= зав.	
косв.	*skurt.on|è*	*skurt.on’|à*	косв.	*skurt.on|ès*	*skurt.on’|à*
			зват.	?*skùrt|o-na*	?*skurt.on|ìjo*
мн.			мн.		
прям.	*skùrc|y*		прям.	*skùrc|y*	*skùrc|y*
косв.	*skurt.on|è*		косв.	*skurt.on|èn*	*skurt.on’|àn*
			зват.	?*skurt.on|àle*	?*skurt.on’|àle*

skùrto	‘короткий’
svỳnto	‘святой’
(v)uřỳto	‘противный’
vỳnəto	‘синий’
ìto	‘острый’
mùto	‘немой’
səbijàto	‘с обрезанным краем [о ткани, одежде]’ ~ *sərbijàto* (оговорка?)
šodàto	‘хитрый; отличный’
turbàto	‘бешеный’

Сюда не попадает прилагательное *trìsto* п-о:о:о ‘грустный’ (в данном типе оно дало бы невозможное сочетание **-*scy*).

Неизвестно [ДД]: *lùto* ‘недопечённый’, *prȁspeto* ‘пресный’, *rotàto* ‘круглый’, *vòrto* ‘прямой’ (только *vòrta*), *bobološàto* ‘выпуклый’, *skùto* ‘безветренный’.

3.6.4.4. Тип п-о:о:’а

Переходное смягчение *n* : *j* (йотация, см. 2.5.2.4):

зависимые			независимые		‘зелёный’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*zə̀len|o*	*zə̀len|o*	прям.	= зав.	
косв.	*zəlen.on|è*	*zəlen.on’|à*	косв.	*zəlen.on|ès*	*zəlen.on’|à*
			зват.	?*zə̀len|o-na*	?*zəlen.on|ijo*
мн.			мн.		
прям.	*zə̀lej|a*		прям.	*zə̀lej|a*	*zə̀lej|a*
косв.	*zəlen.on|è*		косв.	*zəlen.on|èn*	*zəlen.on’|àn*
			зват.	?*zəlen.on|àle*	?*zəlen.on’|àle*

strəjìno	‘чужой’
gàlbəno	‘жёлтый’
zə̀leno	‘зелёный’
càpəno	‘оцепенелый’
prostovàno	‘простоватый’

Некоторые носители могут иногда в этом типе опускать суффикс *-on-*, например *zəlenà-sa* вместо *zəlenon’à-sa* ‘с зелёной’, что, возможно, связано, с одной стороны, с уже

наличествующим в основе *-n-*, с другой — с общей неуверенностью в косвенных формах многих прилагательных II пласта, которые вообще встречаются довольно редко (в данном примере *zəlenà-sa* — незакономерная твёрдость).

Особое слово *bərkàno* ʻнагишомʼ, только при прилагательном *nangò* ʻголыйʼ (см. 4.2.3.1), — видимо, не прилагательное, ср. ж. *nandì bərkànka*, мн. *nangə̀ bərkànuri* (*bərkàja*).

3.6.4.5. Тип п-о:о:о

Все прямые формы равны и имеют окончание *-o* (в незав.прям.мн. у некоторых носителей факультативно бывает *-i*):

зависимые			независимые			ʻлёгкийʼ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.	
прям.	*vušòr|o*	*vušòr|o*	прям.	= зав.		
косв.	*vušor.on|è*	*vušor.on'|à*	косв.	*vušor.on|ès*	*vušor.on'|à*	
			зват.	ʔ*vušòr|o-na*	ʔ*vušor.on|ìjo*	
мн.			мн.			
прям.	*vušòr|o*		прям.	*vušòr|o ~ -i*	*vušòr|o ~ -i*	
косв.	*vušor.on|è*		косв.	*vušor.on|èn*	*vušor.on'|àn*	
			зват.	ʔ*vušor.on|àle*	ʔ*vušor.on'|àle*	

bùštavo	ʻобрюзглыйʼ	
dəmòlo	ʻпростоватый; мягкийʼ ~ *domòlo*	
dràgo	ʻлюбимыйʼ	
drəmb'àlo	ʻленивыйʼ	
fədùlo	ʻзаносчивыйʼ	
kùfo	ʻполыйʼ	
màštivo	ʻприёмныйʼ	ср. *màštivo dèj* ʻмачехаʼ
mižloćìno	ʻсреднийʼ	~ *mizloćìno*
mùndro	ʻкрасивыйʼ	~ *mỳndro*
řỳnćedo	ʻлежалое [о мясе]ʼ	
slàbo	ʻхудойʼ	
stỳngo	ʻлевыйʼ	
tìlavo	ʻкривой [о человеке]ʼ	
tr'àzo	ʻтрезвыйʼ	
trìsto	ʻгрустныйʼ	
tùrburo	ʻмутныйʼ	
v'àselo	ʻвесёлыйʼ	
(v)ušòro	ʻлёгкийʼ	

суффиксы

-ìcko/-ỳcko	относительный признак (см. 3.6.5.11)
-ićòso	слабая степень признака (см. 3.6.5.10)

Неизвестно [ДД]: *sùřo* ʻсерыйʼ, *bògo* ʻдряхлый [конь]ʼ, *hìŕašo* ʻмудрыйʼ, *gòžo* ʻпригожийʼ, *ďòso* ʻгустойʼ, *lìno* (*ľàno*) ʻмедленныйʼ, *ľànešo* ʻленивыйʼ, *òblo* ʻкруглыйʼ, *prỳnzo* ʻсытныйʼ, *fàko* ʻкоричневыйʼ, *šòdo* ʻстранныйʼ, *študènto* ʻначитанныйʼ, *kořbandiùlo* ʻкривошеийʼ.

У некоторых носителей система словоизменения в этом типе (как и в других типах прилагательных II пласта) проще, ср. *la mùndro rakl'à-sa* вместо *la mundron'à rakl'à-sa* ʻс красивой [нецыганской] девушкойʼ. Здесь трудно выделить системную составляющую: по-видимому, можно считать, что в части форм словоизменение факультативно. Это отно-

сится прежде всего к зависимым формам, а независимые формы не все носители в состоянии породить (вместо них прибегают в т .ч. к придаточным предложениям).

3.6.4.6. Тип п-È:È:È

Особое окончание в прямых формах имеют причастия на *-m|è*:

зависимые			независимые	‘знаменитый’	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*vestim|è*	*vestim|è*	прям.	= зав.	
косв.	*vestim|è*	*vestim’|à*	косв.	*vestim|ès*	*vestim’|à*
			зват.	?	?
мн.			мн.		
прям.	*vestim|è*		прям.	*vestim|è*	*vestim|è*
косв.	*vestim|è*		косв.	*vestim|èn*	*vestim|èn*
			зват.	?	?

Список причастий открыт, ср., например, *ramomè* ‘написанный’, *hodinimè* ‘отдохнувший’ и т. д. (см. 3.11.6.1); от новых заимствований: *znimujimè* ‘сфотографированный’, *rigistrujimè* ‘зарегистрированный’ и т. д.

3.6.4.7. Изолированные прилагательные

Сюда входят четыре прилагательных с нетипичным окончанием прямых форм. Прилагательное *tàng* ‘узкий’ можно отнести к I пласту. Однако в косвенных формах его основа принимает наращение *-on-*, как большинство прилагательных II пласта. Поскольку в прямых независимых формах нет ни окончания, ни наращения (все прямые формы равны), то этот тип не соотносится ни с одним типом существительных:

зависимые			независимые	‘узкий’	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*tàng*	*tàng*	прям.	= зав.	
косв.	*tang.on|è*	*tang.on’|à*	косв.	*tang.on|ès*	*tang.on’|à*
			зват.	?*tàng.o-na*	?
мн.			мн.		
прям.	*tàng*		прям.	*tàng*	*tàng*
косв.	*tang.on|è*		косв.	*tang.on|èn*	*tang.on’|àn*
			зват.	?*tang.on|àle*	?*tang.on’|àle*

Нетипичны прилагательные *kùć(i)* ‘дорогой’ (см. 1.2.8 о фонетике) и *lèzni* ‘дешёвый’:

зависимые			независимые	‘дорогой’	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*kùć|(i)*	*kùć|(i)*	прям.	= зав.	
косв.	*kùć|(i)*	*kùć|(i)*	косв.	?	?
			зват.	?	?
мн.			мн.		
прям.	*kùć|(i)*		прям.	*kùć|(i)*	*kùć|(i)*
косв.	?		косв.	?	?
			зват.		

зависимые			независимые		ʿдешёвый’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*lèzn|i*	*lèzn|i*	прям.	= зав.	
косв.	*lèzn|i*	*lèzn|i*	косв.	?	?
			зват.	?	?
мн.			мн.		
прям.	*lèzn|i*		прям.	*lèzn|i*	*lèzn|i*
косв.	?		косв.	?	*lezn’|à ~ lezn.on’|à*
			зват.		

В зависимых формах этих прилагательных наращение *-on-* обычно не встречается, ср. *le kùći bařà-sa* ʿс драгоценным камнем’, а в независимых оно факультативно, ср. *la matorà-sa la lezn̓à-sa ~ lezn̓on̓à-sa* букв. ʿс машиной с дешёвой’ (обычно все подобные формы затруднительны).

Уникальное прилагательное на *-a*:

зависимые			независимые		ʿпрямой’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*vòrt|a*	*vòrt|a*	прям.	= зав.	
косв.	*vòrt|a*	*vòrt|a*	косв.	ʔ*vort.on|ès*	ʔ*vort.on’|à*
			зват.		
мн.			мн.		
прям.	*vòrt|a*		прям.	*vòrt|a*	*vòrt|a*
косв.	*vòrt|a*		косв.	ʔ*vort.on|èn*	ʔ*vort.on’|àn*
			зват.		

Как и в остальных типах II пласта, косвенные формы употребляются редко и не все носители легко их образуют.

Особый случай — прилагательное *phèrdo* ʿполный’. Сегментно оно выглядит как причастие глагола I пласта *pherȁl* ʿнаполнять’, однако имеет накоренное ударение, как прилагательные II пласта, и не употребляется в независимом состоянии. Как правило, оно неизменяемо:

зависимые				независимые		ʿполный’
ед.	м.	ж.		ед.	м.	ж.
прям.	*phèrd|o*	*phèrd|o*	(~ ʔ*-i*)	прям.	= зав.	
косв.	*phèrd|o*	*phèrd|o*		косв.	?	?
				зват.	?	?
мн.				мн.		
прям.	*phèrd|o* (~ ʔ*-e*)			прям.	?	?
косв.	*phèrd|o*			косв.	?	?
				зват.		

Таким образом, нет форм, например, косв.ед. ***pherdè* или ***pherdonè*. Вообще, в позициях, где ожидаемы косвенные формы, это прилагательное употребляется неохотно.

⌛ Исторически форма и ударение *phèrdo*, вероятно, объясняется частым употреблением этого прилагательного в наречном значении в оборотах вроде *phèrdo pàj* ʿполнó воды’, *phèrdo glàti* ʿполнó детей’, в результате чего оно стало вести себя как прилагательное II пласта (с одним окончанием для обоих родов и чисел). Кроме того, с этим употреблением, возможно, напрямую связано и само ударение на первом слоге. Такое распределение — накоренное ударение прилагательных в препозиции, наконечное в постпозиции — имеет место в некоторых других цыганских диалектах, см. [Ослон 2014: 310].

3.6.4.8. Неизменяемые прилагательные

Несклоняемые *řỳja* ʻсвирепый; злой’, *gr̓àca* ʻпротивный’ употребляются предикативно и атрибутивно (ср. *řỳja źukə̀l* ʻзлой пёс’, *gr̓àca manùš* ʻмерзкий человек’).

Только предикативно: *gàta* ʻготовый’, *dòš* ʻвиноватый’.

В этой роли также употребляются наречия, ср. *andrə̀* ʻвнутри, внутрь’ и ʻглубокий’; *telè* ʻвнизу, вниз’ и ʻнизкий’ (см. 4.2.5). Ограниченно употребляется *nasùl* ʻплохо, зло’, но это, скорее, наречие.

Необычное прилагательное *f̓àl-də-f̓àl* ʻразные’ можно считать непроизводным (хотя ср. *f̓àlo* ʻсорт, тип’ и предлог *də* с разными значениями).

3.6.5. Словообразование прилагательных

В отличие от других частей речи, среди производных прилагательных есть сложные слова (см. 3.6.5.1). Большинство же производных прилагательных обоих пластов образуются суффиксами. Сочетаемость основы и суффикса разных классов ограничена, но есть немногочисленные случаи типа *lolićòso* ʻкрасноватый’ (*-ićòs|o* — II пласт) от *lolò* ʻкрасный’ (I пласт) и, наоборот, *troznalò* ʻнасморочный, простуженный’ (*-al|ò* — I пласт) от *tràzna* ʻнасморк’ (II пласт).

Отрицательные прилагательные, а также прилагательные в сравнительной степени образуются присоединением проклитик, так что это не относится к словообразованию в узком смысле, а рассматривается отдельно (см. 3.6.7.1, 3.6.7.3).

3.6.5.1. Сложные прилагательные

Сложение двух основ (чаще всего существительных с прилагательными) происходит в пределах узкой словоформы. В связи с этим в ряде случаев на стыке двух основ имеются нерегулярные упрощения (ср. *PUNŘ-* + *NANG|O* ⇨ *punřangò*):

bangò	ʻкосой’			
vàst	ʻрука’	→	*vaz.bangò*	ʻкриворукий’
jakh	ʻглаз’	→	*jag.bangò*	ʻкосоглазый’
kòř	ʻшея’	→	*koř.bangò*	ʻкривошеий’
mùj	ʻрот; лицо’	→	*muj.bangò*	ʻкриворотый; косорылый’
nangò	ʻголый’			
punřò	ʻнога’	→	*punř.angò* (~ *pynř-*)	ʻбосой’
šərò	ʻголова’	→	*šər.nangò*	ʻпростоволосый’
šukò ʻсухой’				
kàn	ʻухо’	→	*ka.šukò*	ʻглухой’
thulò	ʻтолстый’			
mùj	ʻрот, лицо’	→	*muj.thulò*	ʻнепослушный’
barò	ʻбольшой’			
bùl	ʻзадница’	→	*bul.barò*	ʻтолстозадый’

В качестве прилагательного может выступать причастие:

śinèl	ʻрвать, резать’			
śìb	ʻязык’	→	*śip.śindò*	ʻшепелявый’

Есть примеры сочетаний причастия не с существительными:

źanèl ʿзнать’
bùt ʿмного’ → *bu(d).źanglò* ʿвсезнающий, себе на уме’

makhàl ʿмазать’
ćařàl ʿлизать’ → *ćař.makhlò* ʿдвуличный’

Сложными бывают только прилагательные (впрочем, от пары из них образуются глаголы, ср. *kašutìl* ʿглохнуть; глушить’, см. 3.11.11.7).

3.6.5.2. Суффикс *-AN|ò*

В этом суффиксе представлены две морфемы-омонима. Одна образует относительные прилагательные от существительных I пласта (от названий животных и от нек. др.; есть пара образований от наречий); другая — от глаголов:

(а) от существительных

bakrò	ʿбаран’	→	*bakranò*	ʿбараний’
balò	ʿсвинья’	→	*balanò*	ʿсвиной’
gràst	ʿлошадь’	→	*grastanò*	ʿлошадиный’
mùrš	ʿмужчина’	→	*muršanò*	ʿмужской’
řòm	ʿцыган’	→	*řomanò*	ʿцыганский’
sàp	ʿзмея’	→	*sapanò*	ʿзмеиный’

Ср. также синонимичный суффикс *-ikan|ò* (см. 3.6.5.3).
В паре случаев имеются нерегулярные чередования:

gurùv	ʿбык’	→	*gurvanò*	ʿбычий; говяжий’
xoraxàj	ʿбасурман’	→	*xoraxanò*	ʿбасурманский’

В нескольких случаях представлена йотация; производящее типа ж-’Ì:’À:

źuklì	ʿсука’	→	*źukl’anò*	ʿсобачий’
źuvlì	ʿженщина’	→	*źuvl’anò*	ʿженский’
ćiriklì	ʿптица’	→	*ćirikl’anò*	ʿптичий’

Заметим, что прилагательное *źukl’anò* формально образовано от *źuklì* ʿсука’, но имеет общее значение ʿсобачий’, а не только ʿсучий’ (нет ***źuklanò*).

(б) от наречий

dumùlt	ʿдавно’	→	*dumultanò*	ʿдавнишний’
dùr	ʿдалеко’	→	*duranò*	ʿдальний’

Упомянем внешне похожее, но непроизводное прилагательное *puranò* ʿстаринный’.

(в) от глаголов

Есть всего несколько отглагольных прилагательных с данным суффиксом (все образованы от глаголов с инфектной основой на *-a*):

izdràl	ʿдрожать’	→	*izdranò*	ʿтрусливый’	
istràl	ʿскользить’	→	*istranò*	ʿскользкий’	или от *ìstra* ʿскользко’
daràl	ʿбояться’	→	*daranò*	ʿпугливый’	
laźàl	ʿстыдиться’	→	*laźanò*	ʿстыдливый’	

Слово *trašanò* ʿпугливый’ считают иноговорным, хотя глагол *trašàl* ʿбояться’ признан своим (неохотно).

⏳ Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с остатками древних инфектных причастий типа **daran(d)* ʻбоящийсяʼ. Можно также думать, что подобные причастия легли в основу перфектных форм глаголов типов га-A:AJ и гн-A:AJL, ср. *daràjlo* ʻиспугалсяʼ < (?) **daranilo*, *izdrajà(s)* ʻсодрогнулсяʼ < (?) **izdran-i̯as*.

3.6.5.3. Суффикс *-IKAN|Ò*

Образует относительные прилагательные от существительных I пласта. Частично (в производных от ʻмужчинаʼ, ʻженщинаʼ) перекрывается с суффиксом *-an|ò* (см. 3.6.5.2):

gaźò	ʻнецыганʼ	→	*gaźikanò*	ʻнецыганскийʼ (часто ʻрусскийʼ)
źuvlì	ʻженщинаʼ	→	*źuvlikanò*	ʻженскийʼ
ćòr	ʻворʼ	→	*ćorikanò*	ʻворовскойʼ
mùrš	ʻмужчинаʼ	→	*muršykanò*	ʻмужскойʼ
phurò	ʻстарикʼ	→	*phurikanò*	ʻстаринныйʼ

Чередование как в нерегулярном производящем (косв. основа *devl-*):

dèl	ʻбогʼ	→	*devlikanò*	ʻбожественный, набожныйʼ

Нерегулярное выпадение: *-J.IKAN-* ⇨ *-j.kan-*:

ràj	ʻгосподинʼ	→	*rajkanò*	ʻважный [о поведении, виде]ʼ

Неизвестно [ДД]: *mulikanò* ʻсмертельныйʼ.

3.6.5.4. Суффикс *-UN|Ò*

Образует относительные прилагательные от существительных преимущественно I пласта, а также от одного прилагательного и нескольких наречий:

(а) от существительных

Большинство производных обозначают ʻ[сделанный] из такого-то материалаʼ:

bàř	ʻкамень	→	*bařunò*	ʻкаменныйʼ
kàšt	ʻдревесинаʼ	→	*kaštunò*	ʻдеревянныйʼ
phànř	ʻшёлкʼ	→	*phanřunò*	ʻшёлковыйʼ
rùp	ʻсереброʼ	→	*rupunò*	ʻсеребряныйʼ
ràt	ʻкровьʼ	→	*ratunò*	ʻкровянойʼ
kòkalo	ʻкостьʼ	→	*kokalunò*	ʻкостянойʼ
sàstri	ʻжелезоʼ	→	*sastrunò*	ʻжелезныйʼ

⏳ Сюда входит и производное от слова *sàstri* ʻжелезоʼ, формально перешедшего во II пласт, но исконного по происхождению (дело в стечении согласных в исходе, не давшем отпасть гласному). Слова *xàrkuma* ʻмедьʼ, *kòkalo* ʻкостьʼ (II пласт) — ранние грецизмы, также сочетаются с этим суффиксом.

В т. ч. с неправильными чередованиями (усечением):

sumnakàj	ʻзолотоʼ	→	*sumnakunò*	ʻзолотойʼ
xàrkuma	ʻмедьʼ	→	*xarkunò*	ʻмедныйʼ

Неизвестно [ДД]: *morćunò* ʻкожаныйʼ, *desunò* ʻдневнойʼ, *raťunò* ʻночнойʼ, *savatunò* ʻсубботнийʼ.

Другие значения:

ćèm	мн. *ćemà* ʻзаграницаʼ	→	*ćemunò*	ʻиностранныйʼ
gàv	ʻдеревняʼ	→	*gavunò*	ʻдеревенскийʼ
maškàr	ʻсередина; поясницаʼ	→	*maškarunò*	ʻсреднийʼ

(б) от прилагательных

Всего один пример:

ćaćò	ʿподлинный’	→	*ćaćunò*	ʿправдивый’

(в) от наречия

От пространственных наречий, видимо, маргинально:

dùr	ʿдалеко’	→	*durunò*	ʿдалёкий’ (ср. *duranò* ʿтж.’)

С неожиданным сохранением суффикса *-al*:

palàl	ʿсзади’	? →	*palalunò*	ʿзадний’
telàl	ʿснизу’	? →	*telalunò*	ʿнижний’ (ср. *telalujì řòťa* ʿн. юбка’)

Неизвестно [ДД]: *teharunò* ʿзавтрашний’, *pašunò* ʿближний’, *andrunò* ʿвнутренний’, *anglunò* ʿпередний’, *oprunò* ʿверхний’, *adesunò* ʿсегодняшний’, *araťunò* ʿвчерашний’.

3.6.5.5. Суффикс *-IVAN|Ò*

Всего два примера, значение суффикса неясно (усилительное?):

dilò	ʿглупый’	→	*dilivanò*	ʿдурной’ (?)
ćořò	ʿбедный; плохой’	→	*ćořyvanò*	ʿнищий’

Слово *ćořyvanò* (по-видимому, частично опростившееся) имеет вариант *ćořovanò*, в котором проявляется смешение *ə ~ o* в губном окружении (см. 1.2.6).

3.6.5.6. Суффикс *-AL|Ò*

Образует качественные прилагательные от существительных в основном I пласта.

Имеется несколько слов без явных производящих: *nasvalò* ʿбольной’, *barvalò* ʿбогатый’, *źungalò* ʿнекрасивый’.

Можно выделить несколько семантических групп, например: ʿимеющий какую-л. выдающуюся часть тела’, ʿбольной какой-л. болезнью’ (в этой группе имеются и производящие II пласта), вообще ʿимеющий что-л.’ и др.:

bàl	ʿволос’	→	*balalò*	ʿволосатый’	
bùl	ʿзад’	→	*bulalò*	ʿзадастый’	
jàkh	ʿглаз’	→	*jakhalò*	ʿглазастый; кого сглазили’	
kàn	ʿухо’	→	*kanalò*	ʿушастый’	
màs	ʿмясо’, мн. ʿтело’	→	*masalò*	ʿупитанный’	
nàkh	ʿнос’	→	*nakhalò*	ʿносатый’	
pəř	ʿбрюхо’	→	*pəřalò*	ʿбрюхатый’	
šərò	ʿголова’	→	*šəralò*	ʿголовастый’	
śìb	ʿязык’	→	*śibalò*	ʿболтливый, языкастый’	
šỳng	ʿрог’	→	*šyngalò*	ʿрогатый’	
vùšt	ʿгуба’	→	*vuštalò*	ʿгубастый’	
bàxt	ʿудача, счастье’	→	*baxtalò*	ʿсчастливый’	
bèng	ʿбес’	→	*bengalò*	ʿбешеный’	
bòkh	ʿголод’	→	*bokhalò*	ʿголодный’	
dànd	ʿзуб’	→	*dandalò*	ʿзубастый’	~ *danvalò*

dòš	ʻвина’	→	*došalò*	ʻвиноватый’
bezə̀x	ʻгрех’	→	*bezəxalò*	ʻгрешный’
godì	ʻум, мозг’	→	*goďalò*	ʻумный’
lìndri	ʻсон, спаньё’	→	*lindralò*	ʻсонливый’
lovè	мн. ʻденьги’	→	*lovalò*	ʻбогатый [деньгами]’
patìv	ʻпочёт’	→	*pativalò*	ʻпочтенный’
trùš	ʻжажда’	→	*trušalò*	ʻкто хочет пить’
gə̀r	ʻоспина’	→	*gəralò*	ʻрябой’
khàj	ʻтихий выпуск газов’	→	*khajalò*	ʻстрадающий от газов’
khùl	ʻдерьмо’	→	*khulalò*	ʻзасранный’
lìm	ʻсопля’	→	*limalò*	ʻсопливый’
pexà мн.	ʻглазные корки’	→	*pexalò*	ʻс глазными выделениями’
phùb	ʻгной’	→	*phubalò*	ʻгнойный’
ràt	ʻкровь’	→	*ratalò*	ʻкровавый; с кров. носом’
řỳl	ʻшумн. выпуск газов’	→	*řylalò*	ʻстрадающий от газов’
śèl	ʻоспа’	→	*śelalò*	ʻбольной оспой’
xàs	ʻкашель’	→	*xasalò*	ʻстрадающий кашлем’
kanřò	ʻколючка’	→	*kanřalò*	ʻс колючками’
lìkh	ʻгнида’	→	*likhalò*	ʻимеющий гнид’
pišò̀m	ʻблоха’	→	*pišomalò*	ʻблохастый’
pošò̀m	ʻшерсть’	→	*pošomalò*	ʻшерстистый’
termò	ʻчервяк’	→	*termalò*	ʻчервивый’
źùv	ʻвошь’	→	*źuvalò*	ʻвшивый’
ćìk	ʻгрязь’	→	*ćikalò*	ʻгрязный’
jàg	ʻогонь’	→	*jagalò*	ʻвспыльчивый’
khòj	ʻживотный жир’	→	*khojalò*	ʻзасаленный’
mèl	ʻгрязь’	→	*melalò*	ʻгрязный’
pàj	ʻвода’	→	*pajalò*	ʻводянистый’ ~ *pajaslò*
šỳl	ʻмороз’	→	*šylalò*	ʻхолодный [в т. ч сезон]’

В т. ч. с неправильным чередованием (неясно, но, возможно, это следует воспринимать как фонологизацию неразличения безударных *-o-* и *-u-*, 2.5.5д):

zòr	ʻсила’	→	*zuralò*	ʻсильный, здоровый’

Вариант со вставкой *-v-* (причём *-NDV-* ⇨ *-nv-*): *danvalò* ~ *dandalò* ʻзубастый’. А также:

xànź(u)va ʻжадность, жадина’ → *xanź(u)valò* ʻжадный’

⌛ Слова́ *xànź* ʻзуд’, *xanźòl* ʻзудеть’, встречающиеся во многих влашских диалектах (в т. ч. в кэлдэрарских говорах), у молдовая в настоящее время, видимо, не представлены.

Отдельную группу составляют прилагательные от названий болезней II пласта:

jeftìka	ʻчахотка’	→	*jeftikalò*	ʻчахоточный’
pònо	ʻдизентерия’	→	*ponalò*	ʻстрадающий дизентерией’

В т. ч. с чередованием *a* : *o* (см. 2.5.1.5):

tràzna	ʻнасморк’	→	*troznalò*	ʻс насморком’

Одно такое производное образует отрицательное прилагательное: *bi-baxtalò* ʻнесчастный; проклятый’ (см. 3.6.7.4); производящим можно считать и *bìbaxt* ʻнесчастье’.

В *godì* ‘мозг’ → *goďalò* ‘умный’ — закономерная йотация перед суффиксом в производном (см. 2.5.2.4). Йотации ожидаемо нет в *lìndri* ‘сон’ → *lindralò* ‘сонный’.

Отдельно упомянем стилистически окрашенное прилагательное *jeftalò* (~ *əftalò*) ‘отличный, классный’. Близкое значение ‘отличный’ выражается прилагательным *sastò* (букв. ‘здоровый’) и причастием *biladò* (букв. ‘расплавленный’).

⌛ Слово *jeftalò* ‘классный’ образовано, как объясняют носители, в 1990-е годы известным котляром из пгт. Косая Гора Тульской обл. (род *mihəjèšti*) от числительного *jeftà* (~ *əftà*) ‘7’, точнее (косвенным образом) от слова *jeftalì* ‘семёрка’ в значении ‘7-я модель лады’ (о названиях цифр см. 3.9.8), т. к. этот автомобиль тогда был в моде среди котляров (сведения Кожанова).

Прилагательные на *-al-* образуются далеко не от всех слов. Так, носители отвергают многие образования от частей тела: ***pynřalò*, ***vastalò*, ***ćućalì* и др.

Неизвестно [ДД]: *trušulalò* ‘крестообразный’, *langalò* ‘хромой’, *lošalò* ‘счастливый’, *dyrzalò* ‘оборванный’.

3.6.5.7. Суффиксы *-oř|ò* / *-¨oř.’|ì*

Уменьшительные прилагательные I пласта; продуктивны.

При образовании от производящих прилагательных типа п-Ò:’Ì:È учитывается йотация форм женского рода (она не проявляется после непарных согласных). Таким образом, род проявляется не только в окончании, но и в основе (о морфонологии этого явления см. 2.5.2.4). Это значит, что прилагательные разных родов, например *tərn.oř|ò* м. ‘молоденький’ и *tərn̓.oř|ỳ* ж. ‘молоденькая’ нельзя считать одним и тем же словом в пределах типа п-Ò:’Ì:È, поскольку *tərnořò* не имеет форм женского рода (***tərnořỳ*), и наоборот, *tərn̓ořỳ* не имеет форм мужского рода (***tərn̓ořò*):

tərnò	‘молодой’	→	*tərnořò*	‘молоденький’
ж. *tərnì*		→	*tərn̓ořỳ*	
kalò	‘чёрный’	→	*kalořò*	‘чёрненький’
ж. *kalì*		→	*kaľořỳ*	
sanò	‘тонкий’	→	*sanořò*	‘тоненький’
ж. *sajì ~ sanì*		→	*sajořỳ ~ san̓ořỳ*	
šukò	‘сухой’	→	*šukořò*	‘сухенький’
ж. *šutì ~ šukì*		→	*šuťořỳ ~ šuk̓ořỳ*	
laśò	‘вкусный’	→	*laśořò*	‘вкусненький’
ж. *laśì*		→	*laśořỳ*	
ćořò	‘бедный’	→	*ćořořò*	‘бедненький’
ж. *ćořỳ*		→	*ćořořỳ*	

От прилагательных типа п-∅:∅:∅:

šukàr	‘красивый’	→	*šukarořò*	‘хорошенький’
ж. *šukàr*		→	*šukarořỳ*	

От нерегулярного прилагательного с наращением основы:

tàng	‘узкий’	→	*tangonořò*	‘узенький’ (~ *tangùco*)
ж. *tàng*		→	*tangonořỳ*	

Имеются случаи субстантивации уменьшительных прилагательных, ср. *parnořò* ‘беленький; яйцо’ (см. 3.4.4.1).

3.6.5.8. Суффикс *-ùc|o*

Уменьшительные прилагательные II пласта (редко):

skùrto	ʻкороткий’	→	*skurtùco*	ʻкоротенький’
tun̓àriko	ʻтёмный’	→	*tun̓arikùco*	ʻтёмненький’

Как вариант от прилагательного I пласта:

tàng	ʻузкий’	→	*tangùco*	ʻузенький’	~ *tangonořò*

3.6.5.9. Суффикс *-òs|o*

От существительного — прилагательное со значением наделённости признаком:

gùsto	ʻвкус’	→	*gustòso*	ʻвкусный’
mìla	ʻжалость’	→	*milòso*	ʻжалостливый’
fàrmećі	мн. ʻколдовство’	→	*farmećòso*	ʻнаделённый колдовской силой’

С чередованием *a* : *e* (морфонема ə, см. 2.5.1.5):

vijàca	ʻрадость’	→	*vijecòso*	ʻрадостный’

3.6.5.10. Суффикс *-ᵊıćòs|o*

От существительного:

kòkalo	ʻкость’	→	*kokalićòso*	ʻкостлявый’

От прилагательного:

nasvalò	ʻбольной’	→	*nasvalićòso*	ʻболезненный’

Остальные — ослабленное значение цветовых прилагательных:

lolò	ʻкрасный’	→	*lolićòso*	ʻкрасноватый’
kalò	ʻчёрный’	→	*kalićòso*	ʻчерноватый’
gàlbəno	ʻжёлтый’	→	*gəlbenićòso*	ʻжелтоватый’
zə̀leno	ʻзелёный’	→	*zəlenićòso*	ʻзеленоватый’

С разными усечениями:

vỳnəto	ʻсиний’	→	*vynəćòso*	ʻсиневатый’
tun̓àriko	ʻтёмный’	→	*tunerićòso*	ʻтемноватый’

Ожидалось бы ***vynəcyćòso*, ***tunerićićòso*.

Неизвестно [ДД]: *lungićòso* ʻпродолговатый’.

3.6.5.11. Суффикс *-¨ìck|o*

Относительные прилагательные II пласта от производящих II пласта.
В первую очередь это прилагательные от названий народов и цыганских родов:

řùso	ʻрусский [человек]’	→	*řusỳcko*	ʻрусский [в т. ч. язык]’
n̓àmco	ʻнемец’	→	*n̓amcỳcko*	ʻнемецкий’

kotľàri	ʿкотляр’	→	*kotľarìcko*	ʿкотлярский’
kəldəràri	ʿкэлдэрар’	→	*kəldərarìcko*	ʿкэлдэрарский’
lovàri	ʿловар’	→	*lovarìcko*	ʿловарский’
ləjèco	ʿцыган-немолдовая’	→	*ləjecỳcko*	ʿотносящийся к *ləjèco*’
kətàna	ʿсолдат, милиционер’	→	*kətanìcko*	ʿмилицейский, солдатский’
kùrva	ʿшлюха’	→	*kurvìcko*	ʿшлюший’

С нерегулярной редукцией (см. 2.5.5д):

tatàřo	ʿмусульманин’ и др.	→	*tətəřỳcko*	ʿмусульманский, татарский’
moldovàno	ʿмолдаванин’	→	*moldovenìcko*	ʿмолдавский’

Иногда в других значениях:

cỳkla	ʿбубны (масть)’	→	*cyklìcko*	ʿбубновый’

С чередованием согласных (переходное смягчение, см. 2.5.2.1.3):

ampəràto	ʿцарь’	→	*ampəracỳcko*	ʿцарский’

Неизвестно [ДД]: *vicəlìcko* ʿтелячий’, *dušmənìcko* ʿвражеский’.

3.6.5.12. Изолированные производные прилагательные

Наряду с обычными прилагательными с суффиксом *-al-* (см. 3.6.5.6) два имеют параллельные формы с единственными в своём роде суффиксами *-val-* (с упрощением группы *-NDV-*) и *-asl-*:

dànd	ʿзуб’	→	*danvalò*	ʿзубастый’	~ *dandalò*
pàj	ʿвода’	→	*pajslò*	ʿводянистый’	~ *pajalò* (обычно)

С суффиксом *-at-* и неясной семантической связью:

vỳrla	ʿжабра’	→	*vyrlàto*	ʿпротивный, крикливый [человек]’

С суффиксом *-n-* (отглагольное), с чередованием *v* : *m* (см. 2.5.3.1):

xoxavèl	ʿлгать’	→	*xoxamnò*	ʿложный, поддельный’ (и ʿлжец’)

Необычное уменьшительное (удвоение?):

cy(g)nò	ʿмаленький’	→ *cynonò*	ʿмалюсенький’

Дальнейшее уменьшительное: *cynonořò*.
Непрозрачны редкие образования от прилагательных:

lùngo	ʿдлинный’	→	*lungurèco*	ʿпродолговатый’
ternò	ʿгнилой’	→	*ternimàco*	ʿгнилой’

Упомянем также прилагательное *šukàr* ʿкрасивый’ (чаще в песнях), явно связанное с *šùk* ʿкрасота’ (редко), хотя суффикса прилагательных *-ar-* мы не выделяем.

3.6.6. Морфологическая адаптация заимствуемых прилагательных

Тип, к которому приписывается заимствуемое русское прилагательное, зависит от его ударения и, в меньшей степени, от согласного исхода основы. Прилагательные с безударными окончаниями встраиваются во II пласт, тип П-О:О:О:

пе́рвый	→	*pèrvo*	(порядковое числительное)
све́жий	→	*svèžo*	
до́лгий	→	*dòlgo*	
ску́чный	→	*skùžno*	
то́чный	→	*tòćno*	
ла́сковый	→	*làskəvo*	
неизве́стный	→	*nijizvèzno*	
[*и*]*нтере́сный*	→	*antirèzno*	
пра́вильный	→	*pràviľno*	
руга́тельный	→	*rugàtiľno*	

Мягкость сохраняется:

после́дний	→	*paslèdnȯ*	

Основы на *-m* могут давать чередование *t* : *c* (тип п-о:о:”і):

за́нят(ый)	→	*zànȅto*	мн. *zànȅcy*

Встречаются окказиональные неологизмы: *ftorìtiľno* ‘повторный’.

В косвенных формах окказиональные прилагательные из III пласта употребляются редко или не склоняются совсем.

Русские прилагательные с наконечным ударением не выходят за пределы III пласта. Они меняются по родам и числам как в русском языке, ср. *ftaròj*, *ftaràja*, *ftarỳji*. Не склоняются. Самые частотные: *ftaròj*, *prastòj*, *ľubòj*.

Кроме того, частотно прилагательное *ràzno* ‘разный’, при необычном мн. *ràzny*.

3.6.7. Широкая словоформа прилагательного

В независимом состоянии (см. 3.6.1) прилагательные принимают те же падежные энклитики, что и существительные (см. 3.4.1.3.2). В состав широкой формы прилагательного могут также входить проклитики: сравнительной степени: *màj-*, отрицания: *bi-*, *nàj-*.

Проклитика *bi-* всегда безударна, а *màj-* часто ударна (особенно если безударен главный компонент, однако порой это трудно определить), *nàj-* всегда ударна, при возможном втором ударении на главном компоненте, ср. *nàj-kùć* ~ *nàj-kuć* ‘недорогой’; *màj-kùć* ~ *màj-kuć* (подробнее см. 2.7.3).

3.6.7.1. Проклитика *màj-* (сравнительная степень прилагательного)

Сравнительная форма образуется проклитикой *màj-*:

màj-laśò	‘лучший; более вкусный’
màj-barò	‘больший’
màj-vušòro	‘более лёгкий’
màj-řỳja	‘более свирепый’

Прилагательные, употребляемые только предикативно, не имеют сравнительных форм, ср. ***màj-gàta* ‘более готовый’.

Прилагательные в сравнительной степени имеют все те же зависимые и независимые формы, что и в положительной.

Превосходная и сравнительная отрицательная степени: *o màj-guglò* ‘самый сладкий’ (с артиклем), *nàj-kaďà də guglò* ‘менее сладкий’ (т. е. ‘не такой сладкий’; об употреблении см. 4.12.8.1).

3.6.7.2. Проклитика *pr'à-* (абсолютная превосходная степень прилагательного)

В сочетании с качественными прилагательными, наречиями, в т. ч. оценочными числительными (см. 3.9.10), имеет значение ʿочень', а также иногда ʿслишком' (обычно только в «отрицательном» смысле), ср.:

pr'à-barò	ʿочень / слишком большой'	
pr'à-kùć(i)	ʿочень / слишком дорогой'	
pr'à-laśò	ʿочень хороший, вкусный'	(?*ʿслишком хороший')
pr'à-mùndro	ʿочень красивый'	(?*ʿслишком красивый')
pr'à-barvalò	ʿочень богатый'	(?*ʿслишком богатый')

С относительными прилагательными в естественной речи обычно не сочетается (разве что в метафоре): ?**pr'à-sastrunò* ʿочень / слишком железный'.

3.6.7.3. Проклитика *nàj-* (отрицание прилагательного)

Образует отрицательные формы прилагательных в качественном значении, причём отрицается не сам выражаемый прилагательным признак, а его высокая степень (в отличие от *bi-*):

barò	ʿбольшой'	*nàj-barò*	ʿнебольшой, не [очень] большой'
kùć(i)	ʿдорогой'	*nàj-kùć(i)*	ʿнедорогой'
laśò	ʿхороший, вкусный'	*nàj-laśò*	ʿнехороший, невкусный'
phurò	ʿстарый'	*nàj-phurò*	ʿнестарый'
barvalò	ʿбогатый'	*nàj-barvalò*	ʿнебогатый'

Можно сказать, что такие формы в каком-то смысле являются сравнительными («абсолютная отрицательная» степень). Поэтому они, как правило, невозможны от строго относительных прилагательных, ср. ***nàj-sumnakunò* (от *sumnakunò* ʿзолотой'; в этом случае возможна только проклитика *bi-*, а *nàj* при таких прилагательных может быть только отдельным словом — отрицательной формой глагола-связки, см. 3.11.9).

3.6.7.4. Проклитика *bi-* (отрицание прилагательного)

Образует отрицательные формы прилагательных в относительном значении, т. е. отрицается сам признак как таковой (в отличие от *nàj-*):

(v)užò	ʿчистый'	*bi-(v)užò*	ʿнечистый' (о человеке, груб.)
baxtalò	ʿсчастливый'	*bi-baxtalò*	ʿнесчастный; проклятый'
londò	ʿсолёный'	*bi-londò*	ʿнесолёный'
sumnakunò	ʿзолотой'	*bi-sumnakunò*	ʿнезолотой'

Отрицательные формы на *bi-* невозможны от прилагательных, имеющих только качественное значение, ср. ***bi-barò* (от *barò* ʿбольшой'), ***bi-laśò* (от *laśò* ʿхороший').

Предсказуемым образом, только такие отрицательные формы образуются от причастий, ср. *bi-boldò* ʿнекрещёный' (подробнее см. 3.11.6.2).

⌛ Во многих диалектах, в т. ч. в кэлдэрарских говорах, слово *bi-boldò* имеет специализированное значение ʿеврей'. У молдовая оно нами не зафиксировано.

В составе широких форм прилагательных морфему *bi-* следует считать проклитикой (хотя она бывает предлогом, см. 4.2.2.6.3). В качестве проклитики она безударна (но ср. 3.4.4.2, там же о двоякой трактовке *bi-baxtalò* ʿнесчастный').

3.7. Притяжательные формы

Наряду с формами вторичных падежей к парадигме существительного примыкают особые формы, выражающие определительную связь между существительными, которые мы называем «притяжательными формами». Как и формы вторичных падежей, эти формы можно относить к словоизменению (в рамках широкой словоформы), а не к словообразованию, т. к. они образуются с полной регулярностью и от всех имён (за одним исключением — слово *bàrš* ʻгодʼ в некоторых сочетаниях, см. 3.7.3):

ед. *dàd*	косв. *dad|ès*	:	*dad|ès-k|o*	ʻотцовскийʼ (одного отца)
мн. *dad|à*	*dad|èn*	:	*dad|èn-g|o*	ʻотцовскийʼ (многих отцов)
ед. *dèj*	*d|à*	:	*d|à-k|o*	ʻматеринскийʼ (одной матери)
мн. *dej|à*	*dej|àn*	:	*dej|àn-g|o*	ʻматеринскийʼ (многих матерей)

🛠 Традиционно притяжательные формы называются «родительным падежом». Мы предпочитаем наименование «притяжательные формы», не пытаясь решить вопрос об их частеречной принадлежности.

Мы не можем рассматривать их вместе с падежными формами существительных, т. к. притяжательные формы имеют больше морфологических признаков: если обычные падежные формы в предложении по синтаксическим свойствам близки к наречиям (т. е. легко могут выступать в роли обстоятельств, не согласуясь в роде, числе и падеже с какими-либо другими словами), то притяжательные формы подобны прилагательным (и чаще всего являются согласуемыми определениями), ср.:

вторичные падежи:

phenàv	*(le) řom|èn-gə*	(направительный)	ʻговорю цыганамʼ
divinìv	*(le) řom|èn-ca*	(творительный)	ʻговорю с цыганамиʼ

притяжательные формы:

kỳrd|o	*(le) řom|èn-g|o*	прям.ед.м.	букв. ʻтабор цыганʼ
nùnt|a	*(le) řom|èn-g|i*	прям.ед.ж.	букв. ʻсвадьба цыганʼ
khər|à	*(le) řom|èn-g|ə*	прям.мн.	букв. ʻдома́ цыганʼ

В притяжательных формах явным образом выражены первичный падеж и число (переменные признаки) существительного («обладателя»). От обычных падежных форм они отличаются тем, что эти признаки в них выражены дважды: помимо первичного (косвенного) падежа и числа самого существительного появляются ещё и согласовательные род, число и падеж (как у прилагательных). Притяжательные формы также нельзя считать прилагательными: на синтаксическом уровне их отличие от прилагательных проявляется в сохранении косвенного артикля, относящегося к исходному имени.

Подобно прилагательным, притяжательные формы имеют зависимое и независимое состояния (см. 3.7.1).

Притяжательные формы образуются также от личных местоимений 3-го лица: *l\|ès-k\|o* ʻегоʼ, *l\|à-k\|o* ʻеёʼ, *l\|èn-go* ʻихʼ, *p\|ès-ko* ʻсвойʼ (см. 3.10.1.3), в отличие от 1-го и 2-го лиц, ср. *muřò* ʻмойʼ и др.

3.7.1. Склонение притяжательных форм

В морфологическом отношении притяжательные формы необычны тем, что в одной словоформе имеются по два окончания, ср., например, *řom\|èn-g\|ə*, где *-èn* — окончание косв.мн. существительного *řòm* ʻцыганʼ, а *-ə* — окончание косв.ед. (= прям.мн. = косв.мн.) самой притяжательной формы (т. е. энклитики).

В прям.ж. в клитике может по-разному смягчаться согласный: *-k\|i* ~ *-t\|i* (см. 2.5.2.1.2б).

Притяжательные формы могут употребляться в зависимом и независимом состояниях. В определённых условиях (редко и преимущественно у носителей старшего поколения) их независимые косвенные формы образуются расширенной «притяжательной клитикой» *-kər*/*-gər-* (в прямой форме — никогда, в первично-косвенной — факультативно, во вторично-косвенных — обязательно). В первично-косвенных формах ударение таких форм колеблется (см. 2.7.3), а при наличии падежных клитик колебания нет (в таблице — строка «втор.»):

м.ед. зависимые — независимые — ʿотца’

ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*dad|ès-k|o*	*dad|ès-k|i ~ -t|i*	прям.	= зав.	
косв.	*dad|ès-k|ə*	*dad|ès-k|a*	косв.	*dad|ès-kər|əs ~ -às*	*dad|ès-kər’|a ~ -à*
			втор.	*dad|es-kər|às-*	*dad|es-kər’|à-*
мн.			мн.		
прям.	*dad|ès-k|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*dad|ès-k|ə*		косв.	*dad|ès-kər|ən ~ -àn*	
			втор.	*dad|es-kər|àn-*	

м.мн. — ʿотцов’

ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*dad|èn-g|o*	*dad|èn-g|i ~ -d|i*	прям.	= зав.	
косв.	*dad|èn-g|ə*	*dad|èn-g|a*	косв.	*dad|èn-gər|əs ~ -às*	*dad|èn-gər’|a ~ -à*
			втор.	*dad|en-gər|às-*	*dad|en-gər’|à-*
мн.			мн.		
прям.	*dad|èn-g|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*dad|èn-g|ə*		косв.	*dad|èn-gər|ən ~ -àn*	
			втор.	*dad|en-gər|àn-*	

ж.ед. — ʿматери’

ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*d|à-k|o*	*d|à-k|i ~ -t|i*	прям.	= зав.	
косв.	*d|à-k|ə*	*d|à-k|a*	косв.	*d|à-kər|əs ~ -às*	*d|à-kər’|a ~ -à*
			втор.	*d|à-kər|às-*	*d|a-kər’|à-*
мн.			мн.		
прям.	*d|à-k|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*d|à-k|ə*		косв.	*d|à-kər|ən ~ -àn*	
			втор.	*d|a-kər|àn-*	

ж.мн. — ʿматерей’

ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*dej|àn-g|o*	*dej|àn-g|i ~ -d|i*	прям.	= зав.	
косв.	*dej|àn-g|ə*	*dej|àn-g|a*	косв.	*dej|àn-gər|əs ~ -às*	*dej|àn-gər’|a ~ -à*
			втор.	*dej|an-gər|às-*	*dej|an-gər’|à-*
мн.			мн.		
прям.	*dej|àn-g|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*dej|àn-g|ə*		косв.	*dej|àn-gər|ən ~ -àn*	
			втор.	*dej|an-gər|àn-*	

Притяжательные формы, сами будучи широкими словоформами, иногда принимают падежные клитики (см. 3.4.1.3.2). Теоретически они могут стоять в любом вторичном падеже (как и существительные), но на практике речь идёт только о *-KE* (направительный) и *-SA* (творительный), ср. *phral|es-kər|ən-ca* ‘с братниными’, поскольку остальные падежные клитики вообще употребляются ограниченно, а с независимыми притяжательными формами (и без того редкими) не встречаются.

В отличие от прочих имён, притяжательные формы не могут образовывать притяжательных форм (невозможно рекурсивное нанизывание притяжательных клитик, например, ***dad|es-kər|ən-gər|əs*).

3.7.2. Притяжательные формы в значении относительных прилагательных

Некоторые притяжательные формы могут в синтаксическом отношении отрываться от исходных существительных и употребляться в значении относительных прилагательных. Существительные, от которых они образованы, обычно стоят в единственном числе, иногда допускают оба числа, а иногда только множественное (если в единственном не употребляются или имеют особое значение во мн.):

ед.:

kərəmìda	‘кирпич’	*kərəmidà-ko*	‘кирпичный [дом]’
ćućì	‘женская грудь’	*ćućà-ko*	‘грудной [ребёнок]’
kolìn	‘грудь’	*kolinès-ko*	‘тж.’ (эвфемизм?)

мн.:

barimàta мн.	‘спесь’	*barimatàn-go*	‘заносчивый’
phiŕàs	‘шутка’	*phiŕasàn-go*	‘юморной [человек]’
ràj мн.	‘власти’	*ràn-go*	‘[цыган] общающийся с властями в интересах табора’

ед. ~ мн.:

ćingàr	‘ссора’	*ćingarà-ko*	‘склочный’
		ćingaràn-go	‘тж.’

В некоторых случаях употребляется определённый артикль (факультативно):

khangərì	‘церковь’	*(la) khangəŕà-ko*	‘набожный’
càra	‘палатка’	*(la) cərà-ko*	‘хозяйственный’
səmèsto	‘семья’	*(le) səmestòs-ko*	‘семейный’

Особо отметим притяжательные формы отглагольных существительных — названий действий:

pimòs	‘питьё’	*pimàs-ko*	‘питьевой’
xamòs	‘еда’	*xamàs-ko*	‘съедобный’
ansurimòs	‘женитьба’	*ansurimàs-ko* м.	‘готовый к женитьбе’
məritimòs	‘замужество’	*məritimàs-ki* ж.	‘на выданье’
asamòs	‘смех’	*asamàs-ko*	‘смешной’
bitinimòs	‘продажа’	*bitinimàs-ko*	‘на продажу’
tindimòs	‘покупка’	*tindimàs-ko*	‘покупной’

Эти формы примыкают к парадигме глагола (*pèl* ‘пить’, *asàl* ‘смеяться’ и т. д.) и употребляются, в частности, как определения (см. 4.2.1.10.2).

Притяжательные формы в описанных значениях не имеют независимых форм.

3.7.3. Притяжательные формы в числовых значениях

Притяжательные формы активно употребляются в сочетании с числительными — для обозначения меры, времени, возраста и т. п.:

deš-u-trinè bəršàn-go	‘тринадцатилетний’
dò śonèn-go	‘двухмесячный’
panźè desàn-go	‘пятидневный’
bišà ćasonèn-go	‘двадцатичасовой’
šovè šərànn-go	‘шестиголовый’
tr̓andà tilèn-go	‘тридцатикилограммовый’

Для обозначения возраста применяются также притяжательные формы от количественных числительных, ср. *deš-u-trinèn-go* = *deš-u-trinè bəršàn-go* ‘тринадцатилетний’ (см. 3.9.3).

Колеблются сочетания с *jèkh* ‘1’, ср. со склонением в обоих словах *jekhà bəršàs-ko* ‘однолетний, годовалый’, *jekhà śonès-ko* ‘месячный’ (т. е. это синтаксические сочетания, как и приведённые выше), но и *ək-bəršàs-ko*, *ək-śonès-ko* (единая широкая словоформа с артиклеобразной клитикой, см. 3.5.1.1).

Кроме того, слово *bàrš* (тип м-∅:∅) ‘год’ может в притяжательной форме иметь формы, как слово женского рода: с числительным ‘1’ — как вариант: *jekhà bəršà-ko*, а с числительным ‘100’ — только так: *ək-šəlà bəršà-ko* ‘столетний’, ср. формулу *ək-šəlà bəršà-ko anglè* букв. ‘столетний впереди’ (пожелание долгих лет).

Если в *jekhà bəršà-ko* ‘годовалый’ действительно может идти речь о смене рода слова *bàrš* ‘год’ (что отражается и на форме числительного-прилагательного *jèkh* ‘1’), то в *ək-šəlà bəršà-ko* ‘столетний’ форма *bəršà-ko* неожиданна в любом случае, т. к. ожидается притяжательная форма от мн. *bàrš* ‘годы’, т. е. *bəršàn-go* ‘лет’ (даже если это и женский род). Более того, неожиданна здесь и форма *šəlà* (это форма существительного) вместо *šəlè* (форма прилагательного), ср. нормальное *ək-šəlè šərànn-go* ‘стоголовый’ (о сложной парадигме *šàl* ‘100’, см. 3.9.1.1). Неправильное окончание *-à* слова *bàrš*, вероятно, можно связать с тем, что в существительной группе *ək-šàl bàrš* ‘сто лет = сотня лет’ ядром является первое существительное *šàl*, а не второе (как в *dùj šərà* ‘две головы’, где *dùj* — прилагательное-числительное). При этом притяжательная клитика во всех нормальных случаях относится именно к ядру. Таким образом, «не то» окончание в *bərš|à-* (т. е. как будто это единственное число женского рода, а не ожидаемое ***bərš|àn-*) повторяет окончание ядра *šəl|à-* (числительное *šàl* ‘100’ — существительное женского рода).

⌛ Возможно, род слова *bərš* < **u̯ariša-* в працыганском колебался (ж. в западнопахарских языках).

3.7.4. Субстантивация притяжательных форм

Названия купюр — женского или (чаще) мужского рода; от ‘100’ — только женский:

dèš	‘10’	*dešàn-go ~ -gi*	‘десятка’
bìš	‘20’	*bišàn-go ~ -gi*	‘двадцатка’
(ək-)šàl	‘100’	*(ək-)šəlà-ki*	‘сотенная купюра’
dùj-šəlà	‘200’	*do-šəlèn-go ~ -gi*	‘двухсотенная купюра’
pànź-šəlà	‘500’	*panźè-šəlèn-go ~ -gi*	‘пятисотенная купюра’
(ək-)mìja	‘1000’	*(ək-)mijà-ko ~ -gi*	‘тысячная купюра’

Трудно сказать, действительно ли здесь имеет место субстантивация, т. к. определённый артикль невозможен: ***ə šelà-ki* (только *ək-*, но это не артикль), однако, как ни странно, возможен указатель: *kaďà (k-)šəlà-ki* ‘эту сотню’.

3.7.5. Лишительные притяжательные формы

Подобно тому как проклитика *bi-* образует отрицательные относительные прилагательные (см. 3.6.7.4), она сочетается и с притяжательными формами. Но здесь привносимое ею значение напрямую не соотносится со значением положительной формы: отрицательная притяжательная форма на *bi-* значит ʻне имеющий *x*ʼ, где *x* — существительное, лёгшее в основу положительной притяжательной формы (а не **ʻне принадлежащий *x*ʼ):

dadès-ko	ʻотца, отцовскийʼ	*bi-dadès-ko*	ʻбез отцаʼ
jakhà-ko	ʻгла́за, глазнойʼ	*bi-jakhà-ko*	ʻбез глаза; одноглазыйʼ
matorà-ko	ʻмашиныʼ	*bi-matorà-ko*	ʻбез машиныʼ
laźavès-ko	ʻпостыдныйʼ	*bi-laźavès-ko*	ʻбесстыжийʼ

Эти отрицательные притяжательные формы синтаксически ведут себя подобно прилагательным, согласуясь с ядром (см. 4.2.1.5, 4.2.4.1).

3.8. Наречие

Наречие — неизменяемая часть речи. Наречия тем или иным образом характеризуют действие (обычно выраженное глаголом) или признак (выраженный прилагательным или наречием). Поскольку кэлдэрарские наречия соотносятся с местоимениями, подобно существительным и прилагательным (но в отличие от глагола), наречие можно отнести к именам. Разбивка наречий на I и II пласты имеет смысл при разборе словообразования.

Непроизводные наречия немногочисленны (часть из них описываем как частицы):

mištò	ʻхорошоʼ	*xancỳ*	ʻмалоʼ
nasùl	ʻплохо, злоʼ (в нек. контекстах)	*cỳřa*	ʻчуть-чутьʼ
tehàra	ʻзавтраʼ	*bùt*	ʻмногоʼ
dùr	ʻдалекоʼ	*dòsta*	ʻдостаточноʼ
sỳgo	ʻскороʼ	*dəstùl*	ʻдостаточноʼ
fùgo	ʻбыстроʼ	*dətàt*	ʻоченьʼ
dumùlt	ʻдавноʼ (~ *dumùt*, *dəmùt*, *dəmùlt*)	*nùpr'a*	ʻне оченьʼ
iv'à	ʻбесплатно, напрасноʼ	*dəndràg*	ʻохотноʼ
pàle	ʻопятьʼ	*bob'àšte*	ʻпотихонькуʼ
ympàće	ʻв порядкеʼ	*sỳsta*	ʻрядомʼ
sà	ʻвсегда; всё ещёʼ (местоим. ʻвсёʼ)	*pàrpale*	ʻназадʼ
àpo	ʻпотомʼ	*yntàjne*	ʻзряʼ
pùrme!	ʻпотомʼ	*dàba*	ʻедваʼ
vunźilè	ʻв долгʼ	*dəplìn*	ʻвпоруʼ

Часть наречий — местоименные (см. 3.10.2); несколько примеров:

atùnći	ʻтогдаʼ	*kaćè*	ʻздесьʼ
akanà	ʻсейчасʼ	*inť à*	ʻтам; туда; дальшеʼ

⌛ Часть непроизводных наречий — исконные, а часть заимствованы в Банате, ср. рум. диал. *dăstúl* ʻдостаточноʼ (лит. *destúl*), схрв. *dȍsta* ʻдостаточноʼ (через румынские говоры?), рум. *prea* ʻслишкомʼ, *(o) ţáră* ʻчуть-чутьʼ (в кэлд. дре́внее **-rr-*), рум. *demúlt* ʻдавноʼ, рум. диал. *dă tắt* ʻоченьʼ (лит. *de tót*), рум. *întắia*, *întắia* ʻвперёдʼ, рум. диал. *(dă) abeá* ʻедваʼ (лит. *abiá*). Наречие *pàle* ʻопятьʼ сегментно похоже на исконное (ср. *palàl* ʻсзадиʼ), но судя по ударению и значению — скорее грецизм, совпавший со старым словом, которое, возможно, имеем в *pàrpale* ʻназадʼ < *pàlpale* (удвоение). Наречие *sỳgo* ʻскороʼ — исконное (но с необычным и неясным накоренным ударением). В говорах немолдовая: ёнешти *ďàba* ʻедваʼ — с мягкостью (что связано с различием молд. *də* : немолд. *de*), *detàt* ʻоченьʼ (но чаще *desà*, *des'à*).

Большинство же наречий образовано от других частей речи.

3.8.1. Словообразование наречий

Наречия чаще всего образуются суффиксами, но некоторые — приставками (см. 3.8.1.6). Ряд наречий имеет значения, близкие к падежным (в т. ч. «старые падежи», часть из них морфологически связана с предлогами, см. 3.8.1.3). Подобно другим именам, суффиксально образуются уменьшительные наречия (см. 3.8.1.7).

Часть наречий — широкие словоформы, получившиеся путём опрощения синтаксических оборотов, в т. ч. с предлогами (см. 3.8.3.1, 3.8.3.2).

Производящими для наречий бывают существительные, прилагательные, реже другие наречия. Здесь мы рассмотрим также отглагольные наречия («деепричастия», см. 3.8.1.8).

3.8.1.1. Наречия, омонимичные прилагательным

Часть прилагательных употребляется в наречном значении:

kùć(i)	ʻдорогой’	→	ʻдорого’
lèzni	ʻдешёвый’	→	ʻдёшево’
vòrta	ʻпрямой’	→	ʻправильно, верно’
šukàr	ʻкрасивый’	→	ʻкрасиво’ (чаще в песнях)
mùndro	ʻкрасивый’	→	ʻкрасиво; хорошéнько’
vušòro	ʻлёгкий, простой’	→	ʻлегко, просто’
řusỳcko	ʻрусский’	→	ʻпо-русски’
moldovenìcko	ʻмолдавский’	→	ʻпо-молдавски’

Сюда относится большинство прилагательных II пласта, а также из III пласта, в т. ч. омонимичные русским наречиям (с точностью до аканья-оканья в окончании), ср. *slàbo* (в значении ʻслабый’ из III пласта, но не ʻхудой’ II пласта), *ćìsto*, *nipràviľno* (часто в значении ʻпротив традиции’), *ćòtko*, *bỳstro* (см. 3.8.2).

Количественное слово *bùt* ʻмного’ (часто бывает наречием) может быть прилагательным ʻмногий, многие’ (см. 3.6.4.2).

3.8.1.2. Наречия, омонимичные существительным

Количественное: *cỳřa* ʻчуть-чуть’. Это слово можно считать существительным на основании его количественного употребления с артиклеобразной клитикой (см. 3.5.1.1): *(ək-)cỳřa pàj* ʻнемного воды’. Оно ведёт себя как существительное в словообразовании, ср. уменьшительное *cyřùca* ʻнемножко’ (см. 3.4.4.24); ввиду единичности этого примера, суффикс *-uc-* нет смысла рассматривать как наречный. Синонимично также в наречном значении (из III пласта): *(ək-)kàpľa* ʻкаплю’, *(ək-)kapľùca* ʻкапельку’.

Сюда же относится выражение *ək-ľàko* ʻчуток’, ср. *po k-ľàko* ʻпо чуть-чуть’ (как существительное *ľàko* значит только ʻлекарство’).

3.8.1.3. Суффиксы *-È*, *-ÀL* («старые падежи»)

Некоторые существительные (и одно наречие) образуют наречия в основном с пространственными или временны́ми значениями (в зависимости от значения производящего). Это т. н. старые падежи: местный на *-È* и отложительный на *-ÀL*. Их вряд ли можно считать частью парадигмы склонения существительных в связи с их полной непродуктивностью. Таким образом, то, что могло бы быть окончанием, в данном случае, пожалуй, можно считать суффиксом: *khər.à* ʻдомой, дома’. Полный список:

сущ.		местный		отложительный	
khər	ʻдом’	*khərə̀*	ʻдома, домой’	*khəràl*	ʻиз дому’
dès	ʻдень’	*desə̀*	ʻднём’		
r’àt	ʻночь’	*r’atè*	ʻночью’		
ivènd	ʻзима’	*ivendè*	ʻзимой’		
milàj	ʻлето’	*milajè ~ milà*	ʻлетом’		
kurkò	ʻвоскресенье’	*kurkə̀*	ʻв воскресенье’		
bùl	ʻзадница’	([*dèl*] *bulè*	ʻfutuere’)		
mùj	ʻрот, лицо’			([*dèl*] *mujàl*	ʻопрокинуть’)
ćòr	ʻвор’			*ćor’àl*	ʻтайком’
maškàr	ʻсередина’			*maškaràl*	ʻпосерёдке’
dùr	ʻдалеко’ (нар.)			*duràl*	ʻиздалека’

Только одно существительное *khər* ʻдом’ имеет оба «старых падежа». Как видно, формы на *-È* имеют чёткую семантику, на *-ÀL* — более размытую. Формы *bulè*, *mujàl* употребляются только в составе двухчастных глаголов. Наречие *ćor’àl* ʻтайком, исподтишка’ имеет и морфологическую особенность (смягчение). В одном случае имеем факультативное стяжение *MILAJ.È* ⇨ *milà* ʻлетом’ (см. 3.4.3.2в).

Наречие на *-È* образует день недели *kurkò* ʻвоскресенье’ (но и ʻнеделя’), в остальных наречиях от дней недели — более сложный суффикс (см. 3.8.1.4).

Пары таких наречий соответствуют некоторым пространственным предлогам. В двух случаях сами предлоги образуют пары (*ande* ʻв’ : *anda* ʻиз’, *pe* ʻна’ : *pa* ʻс’, см. 3.12, здесь даём первый член). Тут же даём наречия *avrì*, *avr’àl*, не соотносящиеся с предлогами:

предлог		местный		отложительный	
ande	ʻв’	*andrə̀*	ʻвнутрь/-и’	*andràl*	ʻизнутри’
pe	ʻна’	*oprə̀*	ʻвверх(у)’	*opràl*	ʻсверху’
tela	ʻпод’	*telè*	ʻвниз(у)’	*telàl*	ʻснизу’
paša	ʻблиз’	*pašə̀*	ʻблизко’	*pašàl*	ʻизблизи’
angla	ʻперед’	*anglè*	ʻвперёд, впереди’	*anglàl*	ʻспереди’
pala	ʻпосле, за’			*palàl*	ʻсзади’
		(*avrì*	ʻнаружу, снаружи’	*avr’àl*	ʻснаружи’)

Заметим, что наречие *maškaràl* ʻпосерёдке’ может быть соотнесено как с существительным *maškàr* ʻсередина; пояс’, так и с предлогом *maškar* ʻмежду’.

3.8.1.4. Суффикс *-(U/I)NÈ* (дни недели)

От названий дней недели (II пласта), кроме *kurkò* ʻвоскресенье’ (I пласт), образуются наречия времени с суффиксами *-IN.È*, *-UN.È* (в основном нерегулярно):

lùja	ʻпонедельник’	→	*lujinè*	ʻв понедельник’
màrcy	ʻвторник’	→	*marcynè*	и т. д.
tətràdi	ʻсреда’	→	*tətradinè*	
źòja	ʻчетверг’	→	*źojinè*	
paraštujì	ʻпятница’	→	*paraštunè*	
sàvato	ʻсуббота’	→	*savatunè*	

И сами эти названия дней недели, и наречия употребляются редко (пожалуй, кроме *kurkò* и в какой-то степени *sàvato*), большинство носителей владеют этими словами очень нетвёрдо. От *kurkò* ʻвоскресенье’ образуется «старый местный падеж» *kurkə̀* (см. 3.8.1.3).

3.8.1.5. Суффикс *-ÈS*

Единственный продуктивный способ образования наречий от прилагательных I пласта — суффикс *-ÈS*. Получаемые наречия омонимичны формам незав.косв.м. этих прилагательных (где это *-ÈS* — окончание). Приводим наиболее употребительные:

ćořò	ʻплохой, бедный’	→	*ćořə̀s*	ʻплохо, бедно’
ćaćò	ʻнастоящий’	→	*ćaćès*	ʻпо-настоящему’
pharò	ʻтяжёлый, трудный’	→	*pharə̀s*	ʻтяжело, трудно’
xaranò	ʻумный’	→	*xaranès*	ʻумно’
xurdò	ʻмелкий’	→	*xurdès*	ʻмелко’
sastò	ʻздоровый; отличный’	→	*sastès*	в т. ч. ʻотлично, здóрово’
sutò	ʻспящий’	→	*sutès*	ʻсонно’
baxtalò	ʻсчастливый’	→	*baxtalès*	ʻсчастливо’
bi-baxtalò	ʻнесчастный’	→	*bi-baxtalès*	ʻнесчастно’
zuralò	ʻсильный, здоровый’	→	*zuralès*	ʻсильно, очень’
źungalò	ʻнекрасивый’	→	*źungalès*	ʻнекрасиво’
barvalò	ʻбогатый’	→	*barvalès*	ʻбогато’
jeftalò	ʻклассный, отличный’	→	*jeftalès*	ʻклассно, отлично’ (см. 3.6.5.6)
phurikanò	ʻстаринный’	→	*phurikanès*	ʻпо-старинному’
řomanò	ʻцыганский’	→	*řomanès*	ʻпо-цыгански’
gaźikanò	ʻнецыганский’	→	*gaźikanès*	ʻпо-нецыгански’, обычно ʻпо-рус.’
xoraxanò	ʻтатарский и т. п.’	→	*xoraxanès*	ʻпо-татарски и т. п.’
sapanò	ʻзмеиный’	→	*sapanès*	ʻпо-змеиному’ (тип плетения кос)

Одно из производящих прилагательных, *sutò* ʻсонный’, — причастие (*sovèl* ʻспать’).

Прилагательному *laśò* ʻхороший, вкусный’ соответствует непроизводное наречие *miśtò* ʻхорошо’ (****laśès*).

От прилагательных не на *-o* такие наречия не образуются, ср. *šukàr* ʻпрекрасно’ (не ****šukarə̀s*).

Особое наречие *(po-)lokhə̀s* ʻтихо, потихоньку’ (чаще *po-lokhořə̀s*) не имеет производящего прилагательного.

Суффикс *-ÈS* факультативно фигурирует в кратных числительных-наречиях (см. 3.9.7).

3.8.1.6. Приставка *A-*

Несколько наречий образуется соединением приставки *a-* (соображения о выделении приставок как класса морфем: см. 2.1.1) и существительных со временны́м значением:

dès	ʻдень’	→	*adès*	ʻсегодня’
r̓àt	ʻночь’	→	*aratì*	ʻвчера’
milàj	ʻлето’	→	*amilàj*!	ʻэтим летом’
ivènd	ʻзима’	→	*ajivend*!	ʻэтой зимой’ (фонетическая вставка *-j-*)

Неизвестно [ДД]: *abə̀rš* ʻв этом году’.

В наречии *aratì* ʻвчера’ имеется суффикс *-i* (единственное другое наречие, где его можно при желании усмотреть: *avrì* ʻснаружи’).

⌛ Приставка *a-* восходит к какой-то форме древнего указательного местоимения ʻэтот’. В *aratì* ʻвчера’ (т. е. *ʻвчера вечером’) можно предполагать застывшую форму древнего местного падежа.

В какой-то степени сюда примыкает слово *a.kanà* ʻсейчас’ (ср. *kàna* ʻкогда’).

3.8.1.7. Суффикс *-oř-*

Образует уменьшительные качественные наречия. Суффикс как бы встраивается во внутреннюю структуру слова перед последним гласным (так что возникает в морфологическом смысле неясная морфема — нечто вроде окончания, хотя наречия мы считаем неизменяемой частью речи):

mištò	ʻхорошо’	→	*mištořò*	ʻхорошéнько’
xancỳ	ʻмало’	→	*xancořỳ*	ʻмалéнько’
(màj-)inťà	ʻпотом’	→	*(màj-)inťořà*	ʻпопозже’
ćořàs	ʻплохо; бедно’	→	*ćořořàs*	ʻплохонько; бедненько’
xurdès	ʻмелко’	→	*xurdořàs*	ʻменьше’
(po-)lokhàs	ʻтихо’	→	*(po-)lokhořàs*	ʻтихонько, потихоньку’

Наречия с согласным исходом дают уменьшительное на *-ò*:

bùt	ʻмного’	→	*butořò*	ʻнемало’
dùr	ʻдалеко’	→	*durořò*	ʻдалековато’

Особый случай — *dumùlt*:

dumùlt	ʻдавно’	→	*dumultořò ~ dumultořàs*	ʻдавненько’

Уменьшительная форма *(po-)lokhořàs* ʻпотихоньку’ намного частотнее, чем *(po-)lokhàs*.

3.8.1.8. Суффикс *-NDÒJ* («деепричастия»)

От некоторых глаголов образуются особые наречные формы, которые можно было бы назвать деепричастиями, однако они совершенно непродуктивны и синтаксически ведут себя как наречия (не могут управлять дополнениями):

phiràl	ʻходить’	→	*phirindòj*		ʻна ходу’
khəlèl	ʻиграть’	→	*khəlindòj*		ʻиграючи’
rovèl	ʻплакать’	→	*rojindòj*	*~ rovindòj*	ʻплача’
sovèl	ʻспать’	→	*sojindòj*	*~ sovindòj*	ʻсонно, во сне’
bešàl	ʻсидеть, стоять’	→	*bešyndòj*		ʻсидя’
našàl	ʻбежать’	→	*našyndòj*		ʻбегом’
asàl	ʻсмеяться’	→	*asandòj*		ʻсмеясь’
prasàl	ʻдразнить’	→	*prasandòj*		ʻдразнясь’
langàl	ʻхромать’	→	*langajindòj*		ʻхромая’
dilabàl	ʻпеть’	→	*dilabajindòj*		ʻраспевая песни’
xutèl	ʻпрыгать’	→	*xutindòj*		ʻвприпрыжку’
pràstel	ʻбегать’	→	*prastindòj*		ʻбегом’
maràl	ʻбить’	→	*marindòj*		ʻизбивая [вести́]’
cypìl	ʻкричать’	→	*cypindòj*		ʻкрича’
vatìl	ʻстонать’	→	*vatindòj*		ʻсо стоном’

Неизвестно [ДД]: *pašlindòj* ʻлёжа’, *tərdindòj* ʻстоя’, *pašyndòj* ʻприближаясь’, *phiŕasandòj* ʻшутя’.

Суффикс присоединяется к словообразовательной основе (см. 3.11.5), в т. ч. через заполнитель *-i-*/*-y-*.

Особый случай: *nasvalindòj* ʻв мучениях, будучи больным’ (например, *divinìl nasvalindòj* ʻговорит с трудом, стонет’) соотносится не с глаголом, а с прилагательным *nasvalò* ʻбольной’ (ср. также глагол *nasvàvol* ʻзаболеть’, но не **ʻболеть’).

3.8.2. Морфологическая адаптация заимствуемых наречий

Большинство наречий от русских прилагательных попадают во II пласт и омонимичны прилагательным, ср. *slàbo*, *ćìsto*, *plòxo* и т. д. Прочие наречия обычно сохраняют свой русский облик, ср. *ćućùť*, *mòžna*, *napavàl*, *vapśè* и т. д., но ср. *stràzom* ʻсразуʼ.

3.8.3. Широкая наречная словоформа

Одни широкие наречные словоформы — это опрощенные наречные и предложные группы, превратившиеся в лексические единицы. Другие — грамматические формы наречий, т. е. сравнительная и отрицательная формы.

3.8.3.1. Составные наречия

Сюда можно включить три наречия, в которые входит нигде больше не встречающийся компонент *ovèr-* (ср. созвучное *avèr* ʻдругойʼ):

ovèr-aratì	ʻпозавчераʼ
ovèr-iś	ʻпозавчераʼ
ovèr-tehàra	ʻпослезавтраʼ

В двух из этих наречий вторым компонентом выступают употребляемые отдельно слова *aratì* ʻвчераʼ и *teharà* ʻзавтраʼ, а в одном — нигде больше не встречающаяся морфема *-iś* (безударная после непосредственно предшествующего ударения, согласно 2.7.3).

⌛ Морфема *-iś* восходит к забытому слову индийского происхождения **iź* < **ij* ʻвчераʼ, которое имеется во многих других диалектах.

3.8.3.2. Наречия на *də-*

Сам по себе предлог *də* среди прочего означает ʻот, с [каких пор]ʼ (точка отсчёта), ср. свободные сочетания с ним: *də dèš bàrš* ʻуже десять лет; десять лет назадʼ, *də katkàl aj źi kaćè* ʻотсюда и дотудаʼ. Так же, видимо, следует воспринимать и сочетание *də duràl* ʻиздалекаʼ (однако можно его считать наречием на основании невозможности вставки: ***də dətàt duràl* букв. ʻиз очень далекаʼ).

Но в ряде форм *də-* не имеет такого значения, а сочетание полностью лексикализовано (*də-* можно считать проклитикой):

nasùl	ʻзлоʼ (в нек. оборотах)	*də-nasùl*	ʻсо злаʼ
vòrta	ʻпрямойʼ, ʻверноʼ (нар.)	*də-vòrta*	ʻпрямоʼ (направление)
dimiń̓àcy	ʻутроʼ	*də-dimiń̓àcy*	ʻутром; с утраʼ
gràba	ʻспешкаʼ	*də-gràba*	ʻспешноʼ
vr̓àmə̀a	ʻвремяʼ	*də-vr̓àmə̀a*[1]	ʻраноʼ

Существительное *dimiń̓àcy* ʻутроʼ имеет вариант *dəmiń̓àcy*, отсюда ещё вариант *də-dəmiń̓àcy* (уподобление начала существительного проклитике *də-*?), что ведёт к чему-то вроде гаплологии, так что наречие может иметь вид *də-miń̓àcy*. Немотивированные:

də-bùšule	ʻползкомʼ
də-bə̀ška	ʻотдельноʼ: *dèl-pe də-bə̀ška* ʻотселитьсяʼ
də-kusàrə	ʻна заре, рано утромʼ
də-prəvəlàk	ʻкувыркомʼ: *dèl də-prəvəlàk* ʻкувырнутьсяʼ
də-plìn	ʻполностьюʼ (все можно считать непроизводными)

Неизвестно [ДД]: [*dèl-pe*] *dekufundàk* ʻнырятьʼ.

3.8.3.3. Наречия на *də-...-àra*

Такие наречия основаны на сочетании предлога *də* в значении ʻот, с [каких пор]ʼ и особых форм с суффиксом *-ara*, нигде больше не встречающимся (но ср. синхронно непроизводное *tehàra* ʻзавтраʼ):

akanà	ʻсейчасʼ	*d-akanàra*	ʻотныне’
aratì	ʻвчераʼ	*d-araťàra*	ʻсо вчерашнего дняʼ
adès	ʻсегодняʼ	*d-adesàra*	ʻс сегодняшнего дняʼ
atùnći	ʻтогдаʼ	*d-atunćàra*	ʻс тех порʼ
dimiǹàcy	ʻутроʼ	*d-adimiǹacàra*	ʻс утраʼ
amilàj!	ʻэтим летомʼ	*d-amilàra*!	ʻс этого летаʼ
ajivènd!	ʻэтой зимойʼ	*d-ajivenďàra*!	ʻс этой зимыʼ
		~ d-ajivendàra!	

Неизвестно [ДД]: *dodesàra* ʻутромʼ, *dekuraťàra* ʻпозавчераʼ.

Судя по всему, не все эти наречия возможны для всех носителей. Так, многие не признают часть производящих наречий на *a-*: *amilàj* ʻэтим летомʼ, *ajivènd* ʻэтой зимойʼ; для этих носителей невозможны и производные (а производящего ***adimiǹacy*, видимо, совсем нет).

Подобные наречия образуются от нескольких прилагательных (с йотацией, как будто из форм женского рода):

tərnò	ʻмолодойʼ	*də-tərnʹàra*	ʻсмолодуʼ
cygnò	ʻмаленькийʼ	*də-cygnʹàra*	ʻс детстваʼ
cynořò	ʻмаленькийʼ	*də-cynořàra*	ʻсызмальстваʼ

Имеются и свободные сочетания с *də* с похожим значением (см. 4.2.2.7.1).

3.8.3.4. Энклитики *-ka*, *-š*

Статус этих морфем неясен, мы называем их энклитиками условно. Они выступают в ограниченном кругу слов:

xancỳ-ka	ʻчутокʼ
xancořỳ-ka	ʻчуточкуʼ
akanà-š	ʻсейчасʼ (о непосредственном будущем)

3.8.3.5. Наречия из прочих опрощенных сочетаний

Наречное значение имеют следующие застывшие сочетания:

sà-jek	ʻвсё равноʼ	букв.	ʻвсё одноʼ (*jèkh* ʻ1ʼ)
sa-da-jèk	ʻвсегдаʼ		ʻвсё [...] одноʼ (*da* отдельно нет)
and-ək-thàn	ʻвместеʼ (*~ ande-k-thàn*)		ʻв одном местеʼ
anda-k-dàta	ʻсразу; залпомʼ		ʻиз одного разаʼ
jekhà-tar	ʻсразуʼ		ʻот одной’ (синтетич. отл. падеж)
màj-jekhà-tar	ʻскорейʼ		ʻболее от одной’

⌛ Форма *sa-da-jèk*[*h*] — полукалька с рум. *totdeaúna* (в западной Мунтении: *totdaúna*) ʻвсегдаʼ.

Здесь же приведём весьма частотное наречие *iv-yntàjnə* (реже *iv'à-ntàjnə*) ʻзря; напрасно, впустую’ (часто о неуместных словах или действиях).

3.8.3.6. Проклитика *màj-* (сравнительная степень наречия)

Сравнительная степень образуется как у прилагательных (см. 3.6.7.1):

màj-mištò	ʻлучше’		
màj-dùr	ʻдальше’		
màj-bùt	ʻбольше’	→ уменьш. *màj-butořò*	ʻпобольше’
màj-xancỳ	ʻменьше’	→ уменьш. *màj-xancořỳ*	ʻпоменьше’
màj-cỳřa	ʻменьше’	→ уменьш. *màj-cyřùca*	ʻпоменьше’
màj-dumùlt	ʻраньше’	= *màj-anglàl*	
màj-pašə	ʻближе’		
màj-zuralès	ʻсильнее’		
màj-vušòro	ʻлегче’		

Некоторые такие формы можно считать лексикализованными:

màj-inťà	ʻпотом’	→ уменьш. *màj-inťořà*	ʻпопозже’
màj-anglàl	ʻраньше, в прошлом’		
màj-anglè	ʻпотом, в будущем; впереди; дальше’		
màj-pùrme	ʻпотом’		
màj-palàl	ʻпозже, потом’		

От относительных наречий сравнительная форма в общем случае не образуется (***màj-ivʼà* букв. ʻбесплатнее, напраснее’). Не образуется она и от усилительного наречия *dətàt* ʻочень’ (***màj-dətàt*), но ср. в подобном значении: *màj-zuralès barvalò* ʻещё богаче’ (букв. ʻсильнее богатый’).

3.8.3.7. Проклитика *prʼà-* (абсолютная превосходная степень наречия)

Сочетается с качественными наречиями (так же, как с прилагательными, см. 3.6.7.2; отдельно о сочетаниях с количественными словами см. 3.9.10):

prʼà-xurdès	ʻочень/слишком мелко’	
prʼà-ćořəs	ʻочень/слишком плохо, бедно’	
prʼà-mištò	ʻочень хорошо’	(?*ʻслишком хорошо’)
prʼà-mùndro	ʻочень красиво’	(?*ʻслишком красиво’)
prʼà-barvalès	ʻочень богато’	(?*ʻслишком богато’)

С наречиями, лишёнными сравнительной формы (на *màj-*), не сочетается: ***prʼà-tehàra* (*tehàra* ʻзавтра’).

3.8.3.8. Проклитика *nàj-* (отрицание наречия)

Отрицательная форма образуется, как у прилагательных (см. 3.6.7.3).

nàj-bùt	ʻнемного’
nàj-mištò	ʻнехорошо’
nàj-dùr	ʻнедалеко’
nàj-dumùlt	ʻнедавно’
nàj-ivʼà	ʻнебесплатно’

Имеются формы, в которые входит проклитика *bi-*, ср. *bi-baxtalès* ʻнесчастно, неудачно’, но мы её рассматриваем как средство словообразования прилагательных (см. 3.6.7.3), ср. *bi-baxtalò* ʻнесчастный’. С непроизводными наречиями она не сочетается (***bi-mištò* ʻнехорошо’, только *nàj-mištò*).

3.9. Числительные

Числительные — это слова, выражающие количество, номер по счёту и т. п. с помощью чисел. В нашем случае числительные нет смысла выделять в отдельную часть речи (см. 3.3). Разные типы числительных морфологически относятся к разным частям речи:

количественные:	существительные или прилагательные (‘30’, ‘100’, ‘1000’) прилагательные (все остальные)
порядковые:	прилагательные (‘первый’, ‘второй’ и т. д.)
кратные:	наречия (‘однажды’, ‘дважды’ и т. д.)

Есть также особые «личные» числительные (‘двое, вдвоём’ и т. п.). Все эти разнообразные слова удобно описывать вместе, т. к. они образуют естественные ряды (связанные с порядком счёта), между которыми имеются регулярные морфологические связи. Кроме того, все числительные, независимо от формальной частеречной принадлежности, всё-таки в отдельных моментах отклоняются от прочих представителей своей части речи.

3.9.1. Количественные числительные

Сначала дадим общий обзор, а затем разберём склонение.

От 1 до 99 (см. ниже о колебаниях в некоторых формах):

десятки		единицы					
		1	*jèkh*	4	*štàr*	7	*jeftà*
		2	*dùj*	5	*pànź*	8	*oxtò*
		3	*trìn*	6	*šòv*	9	*injà*
10	*dèš*	11	*deš-u-jèkh*				
		12	*deš-u-dùj*				
		13	*deš-u-trìn*			и т. д.	
20	*bìš*	21	*biš-thaj-jèkh*				
		22	*biš-thaj-dùj*				
		23	*biš-thaj-trìn*			и т. д.	
30	*tr’ànda*	31	*tr’ànda-aj-jèkh*			~ *-thaj-* (реже)	
		32	*tr’ànda-aj-dùj*				
		33	*tr’ànda-aj-trìn*			и т. д.	
40	*štàrvar-deš*	41	*štàrvar-deš-thaj-jèkh*				
		42	*štàrvar-deš-thaj-dùj*				
		43	*štàrvar-deš-thaj-trìn*			и т. д.	
50	*pàn(ź)var-deš*	51	*pàn(ź)var-deš-thaj-jèkh*			и т. д.	
60	*šòvar-deš*	63	*šòvar-deš-thaj-trìn*			и т. д.	
70	*jeftàvar-deš*	75	*jeftàvar-deš-thaj-pànź*			и т. д.	
80	*oxtòvar-deš*	87	*oxtòvar-deš-thaj-jeftà*			и т. д.	
90	*injàvar-deš*	99	*injàvar-deš-thaj-injà*			и т. д.	

От 100 до 999:

сотни		десятки			
100	*ək-šəl*			101 *ək-šəl-aj-jèkh*	
		110	*ək-šəl-aj-dèš*	111 *ək-šəl-aj-deš-u-jèkh*	
				112 *ək-šəl-aj-deš-u-dùj*	и т.д.
		120	*ək-šəl-aj-bìš*	121 *ək-šəl-biš-thaj-jèkh*	
				122 *ək-šəl-biš-thaj-dùj*	и т.д.
200	*dùj-šəlà*	210	*duj-šəlà-aj-dèš*	211 *duj-šəlà-aj-deš-u-jèkh*	и т.д.
		230	*duj-šəlà-aj-trʹànda*	232 *duj-šəlà-trʹànda-aj-dùj*	
		240	*duj-šəlà-aj-štàrvar-deš*	243 *duj-šəlà-štàrvar-deš-thaj-trìn*	
		250	*duj-šəlà-aj-pàn(ź)var-deš*	254 *duj-šəlà-pàn(ź)var-deš-thaj-štàr*	
					и т.д.
300	*trìn-šəlà*				
	и т. д.				

От 1000 и далее:

тысячи		сотни			
1000	*ək-mìja*	1100	*ək-mìja-(aj-)k-šəl*		
		1200	*ək-mìja-(aj-)duj-šəlà*		
		1500	*ək-mìja-(aj-)panź-šəlà*	≈ *ək-mìja aj dopàš* ʻполторы тысячиʼ	
2000	*dùj-mìji*	2100	*dùj-mìji-(aj-)k-šəl*		
		2200	*dùj-mìji-(aj-)duj-šəlà*		
		2500	*dùj-mìji-(aj-)panź-šəlà*	≈ *dùj-mìji aj dopàš* ʻдве с половиной тысячиʼ	
3000	*trìn-mìji*				
	и т. д.				

Заметим, что нет ***ək-šəl aj dopàš* ʻполторы сотниʼ, но есть *ək-mìja aj dopàš* ʻполторы тысячиʼ.

Дальнейшие цифры: *mili(v)òno* ʻмиллионʼ, мн. *mili(v)ònurȁ*; *milijàrdo* ʻмиллиардʼ, мн. *milijàrdurȁ* — из III пласта (но чаще употребляются как окказиональные русизмы, т. е. морфологически неосвоенные русские вставки).

Как видно из приведённого обзора, количественные числительные бывают простыми (= узкие словоформы: 1–10, 20, 30, 100, 1000) и составными (= широкие словоформы — все остальные). В состав числительных 40–90 входят в качестве первого компонента числительные-наречия, ср. *štàrvar* ʻчетырежды’ (см. 3.9.7), в них ударен только этот первый компонент (в прямых формах). В числительном *šòvar-deš* ʻ60’ устранён двойной согласный (см. 1.3.7.4).

Числительные ʻ100’ и ʻ1000’ почти всегда употребляются с артиклеобразной клитикой (см. 3.5.1.1): *(ə)k-šəl* ʻ100’, *(ə)k-mìja* ʻ1000’.

Составные числительные ʻдесяток + единица’ образуются из двух компонентов при помощи соединительных морфем *-u-*, *-thaj-*, *-aj-*.

Морфема *-u-* (больше нигде не употребляется) образует цифры от 11 до 19. В них ударен лишь последний компонент.

Сочетания десятков после 10 с единицами образуются с помощью соединительной морфемы *-thaj-* (которая употребляется как сочинительный союз *thaj* ‘и’, но в основном только в песнях).

В сочетании с *tr’ànda* (~ *trijànda*, редко) ‘30’ чаще выступает *-aj-* (ср. обычный сочинительный союз *aj* ‘и’). Этот же соединительный элемент присоединяется к сотням и факультативно к тысячам.

В цифрах больше 100 любой из соединительных элементов *-aj-* или *-thaj-*, как правило, фигурирует только один раз, причём ближе к концу, т. е. если цифра — ‘сотня + десяток’, то соединительный элемент будет, ср. *ək-šàl-aj-bìš* ‘120’, а если есть единицы, перед которыми есть *-aj-* или *-thaj-*, то после сотен он удаляется, ср. *ək-šàl-biš-thaj-oxtò* ‘128’, *jeftà-šəlà-tr’ànda-aj-šòv* ‘736’. Однако соединительная морфема *-u-* может стоять и после *-aj-*, ср. *jeftà-šəlà-aj-deš-u-jeftà* ‘717’.

Ряд числительных имеют колеблющиеся формы:

jeftà ~ *əftà* ‘7’ (см. 1.2.5, так же в *jeftàvar-deš* ‘70’, *jeftàto* ‘7-й’).
tr’ànda ~ *trijànda* ‘30’

Особый случай представляет собой цифра *pànź* ‘5’, где происходит факультативная назализация, приводящая к отвердению исхода. И то, и другое в принципе можно относить к фонологии, однако здесь вместо /*ź*/ появляется другая фонема /*ž*/ (или /*š*/): [ˈpaɲɛ], [ˈpãʂ] (см. 1.2.7); в косвенных формах отвердения нет: *panźè-* [paɲˈʑe-], [pãˈʑe-].

У составных десятков есть аллегровые варианты: в них морфема *-var-* редуцируется в *-vər-*, вплоть до появления слогового сонанта: [-ʊr̥-], а последняя (безударная) часть *-deš* редуцируется ещё более радикально:

štàrvar-deš ~ *štàrvərš* ‘40’ [ˈʂtarʊr̥ʂ]
šòvar-deš ~ *šòvərš* ‘60’
oxtòvar-deš ~ *oxtòvərš* ‘80’ и т. д.

Эта редукция происходит только в прямой форме, ср. косв. *štarvar-dešə̀* (ударен второй компонент, см. ниже склонение). Особо следует оговорить *pànźvar-deš* ‘50’, где помимо указанной редукции происходит факультативная назализация (как в *pànź* ‘5’, см. выше), которой обычно сопутствует выпадение шипящего:

pànźvar-deš ~ *pànvərdeš* [ˈpãʊr̥ʲɟeʂ] ~ *pànvərš* [ˈpãʊr̥ʂ] ‘50’

То же относится к *pànź-šəlà* ‘500’, обычно [ˈpãʂəˈla] (здесь ещё и упрощение двойного согласного).

Приблизительные количества обычно выражаются парой соседних единиц (десятков и т. д): *pànź-šòv* ‘пять-шесть’, сотни и тысячи, как правило, не повторяются: *dùj-trìn-šəlà* ‘двести-триста’ (букв. ‘две-три сотни’), с десятками это невозможно: *šòvar-deš-jeftàvar-deš* ‘60–70’, а не ***šòv-jeftàvar-deš*.

⌛ При употреблении числительных в речи очень часты русские вставки. Более или менее сложные числительные большинством носителей употребляются неохотно. В какой-то степени это зависит от предмета счёта: например, возраст и время суток часто называются по-цыгански, а номер телефона — почти всегда по-русски. Очень редко звучат по-цыгански более чем трёхзначные числа; косвенные формы очень редки для более чем двузначных чисел (пожалуй, кроме как в притяжательных формах для обозначения возраста). Это, однако, вовсе не значит, что сама система числительных уже разрушается: хотя более сложные её части перешли скорее в пассивную форму, тем не менее непростая морфология числительных не кажется сколько-нибудь расшатанной. Носители при необходимости обычно без колебаний образуют любую существующую форму.

3.9.1.1. Склонение количественных числительных

Большинство количественных числительных морфологически являются прилагательными и имеют зависимое и независимое склонение. Только ʻ1’ имеет оба рода (как и *dopàš* ʻполовина’, см. 3.9.4), но не имеет множественного числа, а остальные не различают рода (даже в независимом склонении), имея только множественное число. Числительные ʻ100’ (с оговорками), ʻ1000’ — существительные (как и маргинальные ʻмиллион’ и ʻмиллиард’). Особый случай — ʻ30’ (см. ниже). Числительные не имеют звательных форм:

(а) ʻ1’

зависимые			независимые			ʻ1’
	м.	ж.		м.	ж.	
прям.	*jèkh*	*jèkh*	прям.	= зав.		
косв.	*jekh|ə*	*jekh|à*	косв.	*jekh|əs*	*jekh|à*	

Числительное ʻ1’ находится в тесной связи с неопределённым артиклем (3.5.1), и в ряде контекстов их трудно различить. Однако можно считать, что только неопределённому артиклю свойствен алломорф *khə*, который не употребляется в значении числительного. Упомянем также наречия *and-ək-thàn* ʻвместе’ (букв. ʻв одном месте’), *sà-jek* ʻвсё равно’ (букв. ʻвсё одно’), *sa-da-jèk* ʻвсегда’ (*-da-* больше нигде не употребляется). К числительному ʻ1’ примыкает (и часто от него неотличима) артиклеобразная клитика, ср. *(ə)k-šəl* ʻ100’, *ək-dàta* ʻодин раз’, *ək-cỳřa* ʻчуть-чуть’ и др. (см. 3.5.1.1).

(б) ʻ2’–ʻ6’, ʻ10’, ʻ20’

Числительные с согласным исходом в прямых формах принимают в косвенных формах окончания *-E*, *-EN* (без родовых различий, поэтому нет ***štar'àn*, ***panźàn* и т. п.). В косвенных формах *dò*, *dòn* имеет место стяжение (нестяжённая форма *dujè*, *dujèn* встречается у молодёжи; о стяжении см. 2.5.4.3):

	зависимые	независимые	
прям.	*dùj*		ʻ2’
косв.	*dò* (~ *duj|è*)	*dò|n* (~ *duj|èn*)	
прям.	*trìn*		ʻ3’
косв.	*trin|è*	*trin|èn*	
прям.	*štàr*		ʻ4’
косв.	*štar|ə*	*štar|ən*	
прям.	*pànź*		ʻ5’
косв.	*panź|è*	*panź|èn*	
прям.	*šòv*		ʻ6’
косв.	*šov|è*	*šov|èn*	
прям.	*dèš*		ʻ10’
косв.	*deš|ə*	*deš|ən*	
прям.	*bìš*		ʻ20’
косв.	*biš|ə*	*biš|ən*	

(в) ‘7’–‘9’

При гласном исходе независимые косвенные формы не принимают *-n* и тем самым не отличаются от прямых. Однако *-n* появляется перед клитиками вторичных падежей:

	зависимые	независимые	
прям.	*jeftà*		‘7’
косв.	*jeftà*	*jeftà*	
втор.		*jeftà|n-*	
прям.	*oxtò*		‘8’
косв.	*oxtò*	*oxtò*	
втор.		*oxtò|n-*	
прям.	*injà*		‘9’
косв.	*injà*	*injà*	
втор.		*injà|n-*	

(г) ‘30’

Особый случай — *tr̓ànda* (~ *trijànda*) ‘30’. Это слово в роли количественного числительного при существительном без энклитик ведёт себя как неодушевлённое существительное (ср. косв. *dikhàl bišə řomèn* ‘видит 20 цыган’, но *dikhàl tr̓ànda řòm* ‘видит 30 цыган’, а не ***tr̓andà řomèn*; см. 4.2.1.13.1в). В прочих случаях употребляется косвенная форма, ср. *tr̓andà bəršə̀n-go* ‘тридцатилетний’, а перед клитиками вторичных падежей появляется окончание *-n*, ср. *tr̓andà|n-ca* ‘с тридцатью’. В этих случаях *tr̓ànda* можно считать прилагательным. Таким образом, это слово-гибрид имеет необычную парадигму:

прям.	*tr̓ànda*	(сущ.)	‘30’
косв.	*tr̓andà*	(прил.)	
втор.	*tr̓andàn-*		

(д) ‘40’–‘90’

Составные десятки имеют необычное подвижное ударение, ср. прям. *štàrvar-deš*, косв. *štarvar-deš|ə* (~ *štàrvar-deš|ə* с двойным ударением):

	зависимые	независимые	
прям.	*štàrvar-deš*		‘40’
косв.	*štàrvar-deš|ə*	*štàrvar-deš|ən*	
прям.	*jeftàvar-deš*		‘70’
косв.	*jeftàvar-deš|ə*	*jeftàvar-deš|ən*	
	и т. д.		

(е) ‘100’–‘900’

Числительное *ək-šə̀l* ‘100’ — гибрид существительного и прилагательного (как и *tr̓ànda* ‘30’). Главная его особенность — наличие двух чисел. В формах прям.ед. и прям.мн. оно выглядит как существительное типа ж-∅:À, судя, например, по притяжательной форме *ək-šəlà-ki* ‘сотенная купюра’. В то же время оно имеет неожиданную форму косв.ед., ср. *ək-šəlè šərə̀n-go* ‘стоголовый’ (как будто это прилагательное) и две формы косв.мн. — одна из которых выглядит как зависимая, ср. *dò-šəlè bəršə̀n-go* ‘двухсотлет-

ний’, а другая — как независимая (на *-n*) формы прилагательного. Последняя выступает, впрочем, только перед клитиками, *dò-šəlèn-go* ‘двухсотенный’ (ср. *trə̀ndàn-go* ‘тридцатилетний’). Получается единственная в своём роде парадигма склонения:

	ед.	мн.		
прям.	[*ək-*] *šə̀l*	[*dùj-*] *šəl|à*	(сущ.)	‘100’, ‘200’
косв.	[*ək-*] *šəl|è*	[*dò-*] *šəl|è*	(прил.)	
втор.	[*ək-*] *šəl|à-*	[*dò-*] *šəl|èn-*		

Особый случай представляет сочетание *(ək-)šəlà bəršà-ko* ‘столетний’, где *šəlà-* (не *šəlè*) похоже на ожидаемую форму существительного (об этом и других случаях см. 3.9.3).

(ж) ‘1000’...

Числительное *ək-mìja* ‘1000’ (как существительное относится к типу ж-A:I) тоже склоняется гибридно, как ‘100’, но без нерегулярного окончания *-e*:

	ед.	мн.		
прям.	[*ək-*] *mìj|a*	[*dùj-*] *mìj|i*	(сущ.)	‘1000’, ‘2000’
косв.	[*ək-*] *mij|à*	[*dò-*] *mij|è*	(прил.)	
втор.	[*ək-*] *mij|à-*	[*dò-*] *mij|èn-*		

Форму *mijà* можно считать существительным в зависимом состоянии (см. 4.2.1.8).

Как и обычные прилагательные, числительные принимают вторичные падежные клитики, ср. *trin\|èn-gə* ‘трём’, *oxtò\|n-ca* ‘с восемью’.

Составные сотни и тысячи склоняются как существительные группы структуры [прилагательное] + [существительное]: *pànź-šəlà* ‘500’, *panźè-šəlèn-ca* ‘с пятьюстами’; *dèš-mìji* ‘10000’, *dešə̀-mijèn-gə* ‘десяти тысячам’.

Составные числительные склоняются только в своей последней части (т. е. только последний разряд): незав.косв. *deš-u-štar\|ən* ‘14’, *biš-thaj-trin\|èn*, ‘23’, *injàvar-deš-thaj-oxtò* ‘98’, *panź-šəlà-oxtòvar-deš-thaj-dò\|n* ‘582’; во вторичных падежах: *dùj-mìji-trin\|è-šəl\|èn-ca* ‘с 2300-ми’, *dùj-mìji-trìn-šəlà-bìš-thaj-štar\|ən-ca* ‘с 2324-мя’.

3.9.2. Собирательные числительные

Особый ряд числительных со значением ‘все *n*’, начиная с 2 (т. е. ‘оба’), образуется проклитикой *lì- ~ vì-le- ~ vè-l-* + [количественное числительное]. Эти формы потенциально образуются от всех числительных (но с составными после 20 в какой-то степени затруднительны). Первая часть: *lì- ~ vì-le- ~ vè-l-* — равнозначные варианты, ср. *lì-duj ~ vì-le-dùj ~ vè-l-dùj* ‘оба’, *lì-trin* и т. д. ‘все три’, *lì-k-šəl* ‘все сто’; *lì-* употребляется чаще.

Такие числительные на *lì-* и т. д., в которые входит односложное (в прямой форме) количественное числительное, факультативно имеют подвижное ударение: в прямой форме — на *lì-*, а в косвенной — на окончании, ср. прям. *lì-panź*, косв. *li-panźè* ‘все 5’, но прям.=косв. *li-oxtò* ‘все 8’. Место ударения связано с числом слогов второго компонента (в морфонологической форме; ср. особый случай прям. *lì-duj*, косв. *LÌ-DUJ|È* ⇨ *li-dò* со стяжением, см. 2.5.4.3) и подчиняется правилам ударения широких словоформ (см. 2.7.3). При логическом выделении первой части *lì-* это правило может не действовать, так что возможны ударения *lì-don*, *lì-dòn*, *lì-panźèn* и т. д., ср. колебание *là-kərən ~ la-kərə̀n* ‘её’.

В остальном склонение такое же, как у обычных количественных числительных:

	зависимые	независимые	
прям.	*lì-duj*		ʻоба’
косв.	*li-dò*	*li-dò|n*	
прям.	*lì-trin*		ʻвсе три’
косв.	*li-trin|è*	*li-trin|èn*	
прям.	*lì-štar*		ʻвсе четыре’
косв.	*li-štar|ə*	*li-štar|ən*	
прям.	*li-jeftà*		ʻвсе семь’
косв.	*li-jeftà*	*li-jeftà*	
прям.	*lì-biš*		
косв.	*li-biš|ə*	*li-biš|ən*	ʻвсе двадцать’
	и т. д.		

Как мы уже сказали, возможны и дальнейшие формы: *lì-trʹànda*, *lì-pànźvar-deš*, *lì-k-šəl* (*lì-ək-šəl*), *lì-(ə)k-mìja* и т. д. (более редкие варианты: *vì-le-*, *vè-l-*)

3.9.3. Притяжательные формы числительных

Весьма часто встречаются притяжательные формы от количественных числительных. Как правило, они употребляются в значении возраста и эквивалентны существительным группам с ядром *bàrš* ʻгод’ (см. 3.7.3):

dòn-go	ʻдвух [лет]’	= *dò bəršən-go*
trinèn-go	ʻтрёх’	= *trinè bəršən-go*
bišən-go	ʻ20-и’	= *bišə bəršən-go*
trʹandàn-go	ʻ30-и’	= *trʹandà bəršən-go*
štàrvar-panźèn-go	ʻ45-и’	= *štàrvar-panźè bəršən-go*
panźè-šəlèn-go	ʻпятисот’	= *panźè-šəlè bəršən-go*

Слово *ək-šəlà-ko* ʻста’ в возрастном значении не употребляется, возможно только *ək-šəlà bəršà-ko* ʻстолетний’ (см. 3.7.3), однако есть субстантивированная притяжательная форма женского рода *(ək-)šəlà-ki* ʻсотенная купюра’ (см. 3.7.4).

Особняком стоит числительное *jèkh* ʻ1’: в возрастном значении притяжательная форма иногда образуется от женского рода (наряду с обычным мужским):

jekhà-ko	ʻодного [года]’	= *jekhə bəršəs-ko*	~ *jekhà bəršà-ko*
deš-u-jekhà-ko	ʻ11-и’	= *deš-u-jekhə bəršən-go*	~ *deš-u-jekhà bəršà-ko*
biš-thaj-jekhà-ko	ʻ21-и’	= *biš-thaj-jekhə bəršən-go*	~ *biš-thaj-jekhà bəršà-ko*

Это означает, что слово *bàrš* в значении возраста может относиться к женскому роду, а в ʻстолетний’ стоит в ед. числе. В значении ʻгодовалый’ возможна и форма *ək-bəršəs-ko*, где в начале стоит не число ʻ1’, а несклоняемая артиклеобразная клитика (см. 3.5.1.1).

Кажется, возможны и гибридные формы типа *dèš-u-jekhà śonèn-go* ~ *śonès-ko* ʻ11-месячный’ (возможны колебания и оговорки).

Притяжательная форма от вопросительного местоимения *sòde* ʻсколько’: *sodèn-go* = *sodè bəršən-go* ʻсколько [ему] лет’.

3.9.4. Дробное числительное

Для обозначения дробных единиц имеется только слово *dopàš* ʻполовина’. В собственном значении числительным его считать необязательно, однако оно выступает в таких сочетаниях, как *jèkh aj dopàš* ʻполтора’, букв. ʻодин и половина’, *trìn aj dopàš* ʻтри с половиной’. Поскольку такие выражения используются при счёте, их при желании можно относить к числительным.

Выражения же типа *dùj-mìji aj dopàš* ʻдве с половиной тысячи’ (а не ***dùj-aj-dopàš mìji*) структурно ничем не отличаются от *dùj bàrš aj dopàš* ʻдва с половиной года’ (а не ***dùj-aj-dopàš bàrš*) — их, может быть, целесообразно считать не едиными числительными, а сочинением. При притяжательных формах *dopàš* не склоняется, ср. *ək-bəršàs-ko aj dopàš ~ jekhàs-ko aj dopàš* ʻполуторалетний’.

Само слово *dopàš* может быть не только существительным (м-∅:À), но и прилагательным (примеры употребления: см. 4.2.1.14.2), как и большинство остальных числительных:

зависимые			независимые		ʻполовина’
	м.	ж.		м.	ж.
прям.	*dopàš*	*dopàš*	прям.	(незав.прям. неотличимо от сущ.)	
косв.	*dopaš|ə*	*dopaš|à*	косв.	?*dopaš|əs*	?*dopaš|à*

Как существительное чаще употребляется *dopəšỳn ~ dopašỳn* (ж-∅:À) ʻполовина’.

Более мелкие дроби (ʻтреть’ и т. п.), судя по всему, специально никак не называются.

3.9.5. Личные числительные

Количество живых существ (обычно людей) в ряде синтаксических контекстов (см. 4.2.1.13.5) указывается не обычными количественными числительными, а их сочетаниями со счётным словом *źenò*, ж. *źejì ~ źenì* (отдельно в значении ʻчеловек’ редко):

jèkh-źenò	ʻсам, один’
dùj-źenè	ʻдвое, вдвоём’
trìn-źenè	ʻтрое, втроём’
deš-u-dùj-źenè	ʻдвенадцатеро, вдвенадцатером’
ək-šàl-źenè	ʻсто [человек]’

У всех есть формы женского рода: *jèkh-źejì* (реже *-źenì*) ʻсама, одна’, *dùj-źejà* (реже *-źen'à*) ʻвдвоём, две [женщины]’ и т. д.; уменьшительные: *jèkh-źenořò* ʻодин-одинёшенек’, ж. *jèkh-źejořỳ*.

Эти числительные склоняются как обычные существительные группы, т. е. в обеих частях: косв. *jekhà-źenès* ʻодного [мужчину]’, *jekhà-źejořà* ʻодну-единственную [женщину]’, *trinè-źenèn-gə* ʻтроим’ (направительный падеж).

Слева к этим числительным, как и к обычным, присоединяются морфемы *lì-* и *màj-*, ср. *lì-štar-źenè* ʻвсе четверо’, *li-jeftà-źejàn-ca* ʻсо всеми семью [женщинами]’, *màj-jekh-źenès* (или *màj-jekhà-źenès*) ʻещё одного [человека]’.

Местоименные формы: *sòde-źenè* ʻсколько [человек]’, *kajtì-źenè* ʻстолько [человек]’.

Слово *źenò* (*źejì*) можно назвать счётным, или «мерным», ср. другие мерные слова: *tìla*, ʻкилограмм’ *źutò* ʻпара’ и др. (см. 4.2.1.13.4): *pànź tìli arǒ* ʻпять кило муки’, *trìn źutè kàlcy* ʻтри пары штанов’, ср. параллельно *dùj-źenè kətàni* букв. ʻдва человека солдат’.

В личных числительных ставим дефис, чтобы подчеркнуть их позиционное единство (в противном случае *źenò* — отдельное слово, ср. *amarə źenè* ʻнаши люди’).

3.9.6. Порядковые числительные

Порядковые числительные — это прилагательные II пласта типа п-о:о:о, образованные суффиксом *-to* от количественных. Нерегулярно образуется только *trìto* ‘третий’ (***trinto*), а вместо *jèkto* ‘первый’ обычно говорят *pèrvo* (но в составных формах только *-jèkto*):

pèrvo (*jèkto*)	‘1-й’	*deš-u-jèkto*	‘11-й’
dùjto	‘2-й’	*deš-u-dùjto*	‘12-й’
trìto	‘3-й’	*bìšto*	‘20-й’
štàrto	‘4-й’	*bìš-thaj-jèkto*	‘21-й’
pànśto ~ pànšto	‘5-й’	*bìš-thaj-trìto*	‘23-й’
šòvto	‘6-й’	*tr’àndato ~ trijàndato*	‘30-й’
jeftàto	‘7-й’	*tr’ànda-aj-jèkto*	‘31-й’
oxtòto	‘8-й’	*tr’ànda-aj-oxtòto*	‘38-й’
injàto	‘9-й’	*štarvar-dèšto*	‘40-й’
dèšto	‘10-й’	*štàrvar-deš-thaj-jèkto*	‘41-й’

В вариантах *pànśto ~ pànšto* ‘5-й’ (чаще всего [ˈpãʂto]) — то же явление, что и в количественном *pànź* (см. 3.9.1). Отметим ударение на третьем с конца слоге в *tr’àndato* (реже *trijàndato*) ‘30-й’ (как в количественном).

Только в значениях ‘сотый’ (и кратные) вместо порядковых числительных выступают (возможно, лишь потенциально) притяжательные формы (‘тысячный’ и т. д. затруднительно):

ək-šəlà-ko	‘100-й’	*ək-mijà-ko*	‘1000-й’
do-šəlèn-go	‘200-й’	*do-mijèn-go*	‘2000-й’

По склонению порядковые числительные ничем не отличаются от обычных прилагательных соответствующего типа (см. 3.6.4.5), но специально приведём его и здесь:

зависимые			независимые		‘4-й’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*štàr.t|o*	*štàr.t|o*	прям.	*štàr.t|o*	*štàr.t|o*
косв.	*štar.t.on|è*	*štar.t.on’|à*	косв.	*štar.t.on|ès*	*štar.t.on’|à*
			зват.	*štàr.t.on|a*	?
мн.			мн.		
прям.	*štàr.t|o*		прям.	*štàr.t|o*	*štàr.t|o*
косв.	*štàr.t.on|è*		косв.	*štar.t.on|èn*	*štar.t.on’|àn*
			зват.	?	?

Примеры составных форм: *ək-mìja-injà-šəlèn-go* ‘1900-й’, *(ək-mìja-injà-šəlà-)tr’ànda-jeftàto* ‘(19)37-й’. Склоняется только последняя часть: *tr’ànda-jeftatonès-kə* ‘тридцать седьмому’. В действительности более или менее сложные числа, особенно годы, называются почти всегда по-русски.

3.9.7. Кратные числительные

От количественных числительных от 2 до 10 суффиксом *-var*, а также *-var.ès* образуются наречия со значением ‘*n* раз’. Нерегулярно: *dùvar* ‘дважды’, *trìvar* ‘трижды’, *ək-mìlvar* ‘1000 раз’ (ср. *ək-mìja* ‘1000’); в *pàn(ź)var* факультативная назализация и выпадение согласного (см. 3.9.1); в *šòvar* ‘шесть раз’ упрощение двойного согласного:

dùvar ~ duvarȁs	ʻдважды’	*jeftàvar*	ʻсемь раз’
trìvar (везде ~ *-varȁs*)	ʻтрижды’	*oxtòvar*	ʻвосемь раз’
štàrvar	ʻчетырежды’	*injàvar*	ʻдевять раз’
pàn(ź)var	ʻпять раз’	*dèšvar*	ʻдесять раз’
šòvar	ʻшесть раз’		
ək-šə̀lvar	ʻсто раз’	*ək-mìlvar*	ʻтысячу раз’

Такое образование есть от местоимения *sòde* ʻсколько’, с морфологической аномалией: *sodìvar*, *sodivarȁs* ʻсколько раз’, а также от *bùt* ʻмного’: *butìvar*, *butivarȁs* ʻмного раз’ (в обоих случаях *-i-* можно считать отдельной морфемой).

Эти наречия (только на *-var*) входят в состав обозначений десятков: *štàrvar-deš* ʻ40’ и т. д. (см. 3.9.1).

От прочих числительных такие наречия не образуются, ср. *jèkh dàta* (~ *ək-dàta*) ʻоднажды’ (***jèkhvar*), *deš-u-jèkh dàcy* ʻ11 раз’.

3.9.8. Названия цифр

Суффикс *-AL|ì* образует названия цифр и игральных карт от количественных числительных до 10 тип ж-’ì:’À). Гласный исхода числительных 7–9 падает:

jekhalì	ʻединица’	*šovalì*	ʻшестёрка’
dujalì	ʻдвойка’	*jeftalì*	ʻсемёрка’
trinalì	ʻтройка’	*oxtalì*	ʻвосьмёрка’
štaralì	ʻчетвёрка’	*injalì*	ʻдевятка’
panźalì	ʻпятёрка’	*dešalì*	ʻдесятка’

Отметим также любопытное новое прилагательное *jeftalò* ʻклассный’ (см. 3.6.5.6).

Субстантивированная притяжательная форма: *(ək-)šəlà-ki* (~ *-ti*) ʻсотенная купюра’ (см. 3.7.4).

Упомянем также автономное употребление цифры ʻ24’ в выражении: *dèl* + ДАТ. *biš-thaj-štàr* ʻизгнать из табора’, букв. ʻдать кому-л. 24’ (т. е. сутки на сборы), опущено ядро *ćàsurà* ʻчасá’.

3.9.9. Широкая словоформа числительного

Все составные числительные мы считаем широкими словоформами.

Широкой словоформой можно считать и сочетания числительных-существительных с артиклеобразной клитикой (см. 3.5.1.1): *(ə)k-šəl* ʻсто’, *(ə)k-mìja* ʻтысяча’.

По-видимому, *màj-* ʻбольше, ещё’ можно считать проклитикой в сочетаниях типа: *màj-jekh ~ màj-jèkh* ʻещё один’, ср. также *màj-jek-dàta* ʻещё раз’, *màj-jek-šə̀l* ʻещё сто’ (*màj-* может стоять и перед глаголом, см. 3.11.13.4).

Проклитикой мы также считаем *pr’à-* ʻочень, слишком’. Она сочетается с прилагательными (см. 3.6.7.2), наречиями (см. 3.8.3.7), а также с количественными словами (см. 3.9.10, там же о проклитиках *màj-*, *nàj-*).

3.9.10. Оценочные количественные слова

Основные слова оценки количества — *bùt* ʻмного’, *xancỳ* ʻмало’, наряду с несколькими другими. Они могут выступать в роли обстоятельства (как наречия, см. 4.3.7.2.4), а также входить в различные синтаксические группы в разных ролях, как и количественные чис-

лительные (см. 4.2.1.13.3). Некоторые из них имеют уменьшительные формы. Значения таких слов удобно разбить на три группы:

— **абсолютное**: оценка по шкале ʻмного’ — ʻмало’ безотносительно «нормы»
— **относительное**: оценка относительно «нормы», т. е. ʻслишком много/мало’ (констатация чрезмерности или недостаточности)
— **смягчительное**: подчёркивание малого количества, необязательно в буквальном смысле: ʻчуть-чуть’

Разобьём описываемые слова по группам значений (даём и производные формы):

значения:	абсолютное	относительное	смягчительное
bùt	ʻмного’	ʻ(слишком) много’	
butořò	ʻнемало’	ʻмноговато’	
phèrdo	ʻполно́’		
xancỳ	ʻмало’	ʻ(слишком) мало’	ʻнемного, немножко, чуть-чуть’
xancořỳ	ʻчуть’	ʻмаловато’	
xanc(oř)ỳ-ka			
(ək-)cỳřa			
(ək-)cyřùca			
ək-ľàko			
ək-pikətùra (редк.)			
ək-bukəcỳka (редк.)			

В смягчительном значении употребляется также слово из III пласта *ək-kàpľa*, уменьш. *ək-kapľùca* ʻчуть-чуть; капельку’.

Склоняется только *bùt* (тип п-∅:∅:∅, см. 3.6.4.2). К косвенным формам *butè*, *butèn* присоединяются и падежные клитики, ср. *butèn-ca* ʻсо многими [людьми]’. Впрочем, в некоторых конструкциях *bùt* ведёт себя скорее как неодушевлённое существительное (типа ʻмножество’). Как и этот второй вариант, уменьшительная форма *butořò* не является прилагательным и не склоняется (поэтому нет ж. ***buťořỳ*).

Остальные оценочные количественные слова: *xancỳ*, *phèrdo*, *(ək-)cỳřa* и др. — не склоняются (ср. не склоняющийся вариант *bùt*) и в части соответствующих конструкций не употребляются (см. 4.2.1.13.3).

Слово *phèrdo* употребляется и как прилагательное ʻполный’ (см. 3.6.4.7).

Слова, имеющие только смягчительные значения: *(ək-)cỳřa* и др., по форме выглядят как существительные II пласта, однако склонения не имеют (т. е. нет ***cyřà-sa* и т. д.).

Сравнительные формы имеют только *bùt* ʻмного’ и *xancỳ* ʻмало’, причём у сравнительных форм есть свои уменьшительные:

màj-bùt	ʻбольше’	→	*màj-butořò*	ʻпобольше’
màj-xancỳ	ʻменьше’	→	*màj-xancořỳ*	ʻпоменьше’

Отметим, что у самих уменьшительных *butořò* ʻнемало; многовато’ и *xancořỳ* ʻчуть; маловато’ нет своих сравнительных форм (значение которых было бы **ʻмноговатее’, **ʻмаловатее’). Это единственные такие случаи, ср. обычные уменьшительные прилагательные: *slabùco* ʻхуденький’, *màj-slabùco* ʻболее худенький’.

Только *bùt*, *xancỳ* сочетаются с проклитикой *prʼà-*, ср. *prʼà-bùt* ʻочень много, слишком много’ (см. 3.6.7.2), ср. также *nàj-but* ʻнемного’ (см. 3.6.7.3).

3.10. Местоимения

Слова, которые мы зачисляем в группу местоимений (точнее — местоименных слов), относятся к разным частям речи: существительным, прилагательным, наречиям (всё это — имена). Местоимения имеет смысл рассматривать вместе, т. к. всем им свойственна особая семантика и особые взаимные морфологические связи. Местоимения противопоставляются назывным словам в том, что могут заменять их собой и, тем самым, имеют как бы менее конкретное значение (об их синтаксическом поведении см. 4.9).

В соответствии со своей частеречной принадлежностью местоимения бывают изменяемые (существительные, прилагательные) и неизменяемые (наречия). Многие изменяемые местоимения в той или иной степени совмещают в себе свойства существительных и прилагательных (т. е. употребляются двояко): в одних случаях можно говорить о субстантивации, ср. *kukò řòm* ʻтот цыганʼ и *kukò* ʻон, тот [человек]ʼ; *sà le khərà* ʻвсе домаʼ и *sà* ʻвсёʼ, а в других случаях семантические отношения более сложны.

Местоимения образуют ряды по семантическим (в какой-то степени и морфологическим) свойствам. В большинстве таких рядов выделяются следующие типы местоимений (по примеру на каждый):

— **вопросительные**	задают вопрос ко всему ряду:	*katàr?*	ʻоткуда?ʼ
— **указательные**	отвечают на вопрос указанием:	*kathàr*	ʻотсюдаʼ
— **отрицательные**	отвечают отрицанием:	*khanikatàr*	ʻниоткудаʼ
— **неопределённые**	указывают на множество:	*vàrə-katàr*	ʻоткуда-нибудьʼ

Отдельный набор местоимений вне этих рядов составляют разнородные **определительные** местоимения, служащие в т. ч. для выделения из множества, ср. *avèr* ʻдругойʼ, *sàko* ʻвсякийʼ и др. К определительным местоимениям примыкают определённый и неопределённый артикли, которые мы рассмотрели отдельно (см. 3.5).

Частным случаем указательных местоимений можно считать **личные** местоимения, ср. *mè* ʻяʼ, *amè* ʻмыʼ, *vò* ʻонʼ и др. Их особенностью является внутренне присущий им признак лица (тот же, что выступает в глагольной парадигме). Им соответствуют **притяжательные** местоимения: в 1-м и 2-м лицах это прилагательные, ср. *muřò* ʻмойʼ, *amarò* ʻнашʼ, а в 3-м — притяжательные формы, ср. *lès-ko* ʻегоʼ. Впрочем, притяжательные формы регулярно образуются и от других местоимений, ср. *avràs-ko* ʻчужойʼ (букв. ʻдругогоʼ).

При морфологическом описании все эти категории — лишь вспомогательные: они важны для группировки близких по морфологическим и семантическим свойствам слов.

3.10.1. Местоимения-существительные и местоимения-прилагательные

Ведут себя как существительные или прилагательные; большинство склоняется.

Местоимения-существительные (т. е. личные и субстантивированные указательные и др.) имеют все морфологические признаки существительных (а личные — ещё и лицо). Часть местоимений-прилагательных имеет по одному числу (единственному или множественному). Важное отличие от назывных прилагательных — неразличение рода в независимом состоянии множественного числа. При согласовании со сказуемым вопросительные и неопределённые местоимения принимают «никакой» род (см. 4.4.1.1).

3.10.1.1. Личные местоимения

Личными называются местоимения-существительные, указывающие на одушевлённые лица (редко — на предметы), в 1-м лице — на говорящего (или его группу, в т. ч. вместе с собеседником), во 2-м — на собеседника (или группу), а в 3-м — на прочих.

В этой роли могут выступать местоимения разных типов (в т. ч. те, которые в прочих случаях могут быть и прилагательными, о них см. ниже), но выделяется особая группа местоимений, которые всегда являются именно личными. Лицо и число — их внутренне присущие признаки (глаголы с ними согласуются по этим признакам).

Сначала приведём обзор всех ударных прямых форм личных местоимений:

		ед.	мн.
1.		*mè*	*amè*
2.		*tù*	*tumè*
3.	м.	*vò*	*vòn*
	ж.	*vòj*	

⏳ Прямые формы местоимений 1-го и 2-го лиц восходят к каким-то падежным формам древних личных местоимений. В 3-м же лице имеем остатки древних указательных местоимений, происхождением связанных с определённым артиклем (см. 3.5.2), но отличающихся от него ударностью: *vò* ‘он’ < **ou̯* (ёнешти и др. *vòv*) < **ou̯a* ‘этот’ и *vòj* ‘она’ < **oi̯i* < **ou̯i*. Форма 3.мн. каким-то образом связана с тем же рядом, но детали неясны.

Как видно, в 1-м и 2-м лицах род никак не различается (однако проявляется в других словах при согласовании), а рельефно он виден лишь в единственном числе 3-го лица. Однако местоимения *vò* ‘он’ и *vòj* ‘она’ являются разными словами (ведь это существительные, а у существительных род — постоянный, а не переменный признак). Что касается числа, то следует отметить, что рассматривать его как словоизменительный признак личных местоимений было бы неверно, т. к., например, *amè* ‘мы’ — это не множественное число от *mè* ‘я’. Впрочем, в 3-м лице такое рассуждение представляется спорным, ср.:

o dàd ‘отец’ ⇒ *vò* ‘он’
le dadà ‘отцы’ ⇒ *vòn* ‘они’

Здесь формы разных чисел относятся к одной лексеме *dàd* (хотя семантически, разумеется, они не относятся к одному и тому же означаемому), а значит, то же можно, в принципе, сказать и о соответствующих местоимениях.

Приведённые ударные прямые формы применяются в основном для логического выделения. В 3-м лице имеется также ряд **подлежащных клитик**, которые в связочных предложениях заменяют (или повторяют) подлежащее 3-го лица, стоя после ударных слов (ср. *barò lo* ‘он большой’). Их только с натяжкой можно считать формами слов *vò*, *vòj*, *vòn* соответственно, поскольку в предложении они заменяют не совсем то же самое (подробности см. 4.9.2.1.2, 4.9.2.1.3):

		ед.	мн.
3.	м.	*lo*	*le*
	ж.	*la*	

⏳ Эти формы так или иначе продолжают древние местоимения на **-t-*, фигурирующие в косвенных формах личных местоимений 3-го лица и в артикле. Форма ж.ед. *la*, возможно, заменила древнюю **li*.

В прочих (т. е. 1-м и 2-м) лицах подлежащных клитик нет (но ср. после указательной частицы: *àta-ma* ‘вот я’, см. 4.9.2.1).

Личные местоимения всех лиц имеют по два основных ряда косвенных форм — ударные первично-косвенные и клитики. Ударные первично-косвенные выступают как отдельные словоформы в роли прямого дополнения, ср. *màn dikhàs* ‘меня́ видишь’ (с логическим выделением). Безударные имеют то же значение, но встраиваются как энклитики в широкую глагольную словоформу (см. 3.11.13.9), ср. *dikhàs-ma* ‘видишь меня’ (без выделения).

Как и у назывных существительных и прилагательных, косвенные формы личных местоимений принимают падежные энклитики. В ряде случаев здесь выступает форма, не тождественная первично-косвенной форме, ср. *tùt* ʻтебя’, но *tù-kə* ʻтебе’. В этом смысле парадигма личных местоимений отличается от парадигмы существительных (где косвенная форма едина, ср. *řomès* ʻцыгана’, *řomès-kə* ʻцыгану’).

Обычно после предлогов местоимения стоят в предложном падеже (см. 4.2.2.1), ср. *pe màn-de* ʻна меня’. Однако в этой позиции факультативно (нечасто) выступают и особые **предложные формы**, сегментно тождественные клитикам, но с ударением, ср. *pe mà* ʻна меня’ (об этом см. 4.2.2.2).

К личным примыкает **возвратное** местоимение косв. *pès* ʻсебя’, не имеющее прямых форм и не различающее числа.

Дадим все формы каждого из личных местоимений:

	ударное	клитика	
1.ед.			
прямой	*mè*		ʻя’
косв. первичный	*màn*	*-ma* (~ *-man*)	
с втор. падежами	*màn-*		
предложная форма	*mà*		
2.ед.			
прямой	*tù*		ʻты’
косв. первичный	*tùt*	*-tu*	
с втор. падежами	*tù-*		
предложная форма	*tù*		
1.мн.			
прямой	*am|è*		ʻмы’
косв. первичный	*am|è ~ am|èn*	*-ame*	
с втор. падежами	*am|èn-*		
предложная форма	—		
2.мн.			
прямой	*tum|è*		ʻвы’
косв. первичный	*tum|è ~ tum|èn*	*-tume*	
с втор. падежами	*tum|èn-*		
предложная форма	—		
3.м.ед.			
прямой	*vò*	*lo*	ʻон’
косв. первичный	*l|ès*	*-le ~ -les*	
косв. основа	*l|ès-*		
предложная форма	—		
3.ж.ед.			
прямой	*vòj*	*la*	ʻона’
косв. первичный	*l|à*	*-la*	
с втор. падежами	*l|à-*		
предложная форма	*l|à*		
3.мн.			
прямой	*vòn*	*le*	ʻони’
косв. первичный	*l|èn*	*-le ~ -len*	
с втор. падежами	*l|èn-*		
предложная форма	—		

В 3-м лице имеет место супплетивизм: с одной стороны — нечленимые ударные прямые формы *vò*, *vòj*, *vòn*, с другой — косвенная основа *l-*, принимающая те же окончания, что и прилагательные в соответствующих независимых формах (но без смягчения, ср. ж.косв.ед. *kaľà* ‘чёрную’, но *là* ‘её’, ср. отсутствие смягчения и в притяжательных формах, см. 3.7.1).

⌛ Косвенные формы местоимений 3-го лица исторически, скорее всего, тождественны (или близки) соответствующим формам артикля (см. 3.5.2).

Возвратное местоимение (только 3-го лица) в первично-косвенной форме употребляется нечасто, а в виде клитики оно входит в возвратные глаголы (см. 3.4.1.3.2, 3.11.14):

косв. первичный: *pès* клитика: *-pe* ‘себя’

Косвенная основа у возвратного местоимения едина, а особой предложной формы нет (ср. только *pe pès-te* ‘на себя’, а не ***pe pè*):

Для полноты картины приведём формы вторичных падежей личных местоимений (о распределении алломорфов клитик см. 2.6.1). Вторичные падежи личных местоимений образуются только синтетически:

	1.ед.	2.ед.	3.м.ед.	3.ж.ед.	3.возвр.	
	màn-gə	*tù-kə*	*lès-kə*	*là-kə*	*pès-kə*	‘мне’ и т. д.
bi	*màn-go*	*tù-ko*	*lès-ko*	*là-ko*	*pès-ko*	‘без меня’ и т. д.
	màn-ca	*tù-sa*	*lè-sa*	*là-sa*	*pè-sa*	‘(со) мной’ и т. д.
	màn-dar	*tù-tar*	*lès-tar*	*là-tar*	*pès-tar*	‘(от) меня’ и т. д.
	màn-de	*tù-te*	*lès-te*	*là-te*	*pès-te*	‘у меня, ко мне’ и т. д.

	1.мн.	2.мн.	3.мн.	3.возвр.	
	amèn-gə	*tumèn-gə*	*lèn-gə*	мн. = ед.	‘нам’ и т. д.
bi	*amèn-go*	*tumèn-go*	*lèn-go*		‘без нас’ и т. д.
	amèn-ca	*tumèn-ca*	*lèn-ca*		‘(с) нами’ и т. д.
	amèn-dar	*tumèn-dar*	*lèn-dar*		‘(от) нас’ и т. д.
	amèn-de	*tumèn-de*	*lèn-de*		‘у нас, к нам’ и т. д.

Местоимение *tù* ‘ты’ употребляется также в обращениях, т. е. можно считать, что имеется форма звательного падежа *tù* (см. 4.3.8.3).

Личным местоимениям 1-го и 2-го лиц соответствуют специальные притяжательные прилагательные, а в 3-м лице (в т. ч. возвратном) в этой роли применяются притяжательные формы, как у назывных имён (о притяжательных местоимениях см. 3.10.1.3).

В 3-м лице в личной функции употребляются в некоторых контекстах и указательные местоимения *kakò*, *kukò* ‘этот [из двух и более]’ (см. 3.10.1.2). Личным также можно считать вопросительное местоимение *kòn* ‘кто’ (см. 3.10.1.4).

3.10.1.2. Указательные местоимения

Здесь мы дадим местоимения с двумя группами значений: ‘этот’ (‘это’) и ‘такой’. Все эти местоимения — «по преимуществу» прилагательные, т. к. употребляются приимённо, ср. *kadò khər* ‘этот дом’, *kasavò khər* ‘такой дом’.

Местоимения со значениями типа ‘этот’ образуют четырёхчленный ряд: м.ед. *kadò*, *kakò*, *kodò*, *kukò* ‘этот, тот’ (есть также «краткие» формы, см. ниже). Смысловые различия между ними основаны на двух признаках: **плана** и **фокуса** (а не близости-дальности). В плане **действительности** (гласный *-a-*: *kadò*, *kakò*) обычно ссылаются на реальный

предмет, а в плане **речи** (гласные *-o-*, *-u-*: *kodò*, *kukò*) — на предмет, упоминаемый в рассказе (в т. ч. воображаемый). При **неконтрастном** фокусе (согласный *-d-*: *kadò*, *kodò*) происходит указание, не требующее уточнения, а при **контрастном** (согласный *-k-*: *kakò*, *kukò*) — выделяется один из двух и более предметов (подробнее см. 4.2.1.7.1).

Эти местоимения употребляются и автономно — как существительные, ср. *kadò*, *kodò* ʻэто’. Приимённое и автономное употребления связаны друг с другом субстантивацией (о субстантивации прилагательных см. 3.4.4.1). Как и большинство прилагательных, указательные местоимения имеют формы как зависимого, так и независимого склонения. В роли существительных выступают независимые формы.

Эти местоимения имеют свой особый словоизменительный тип. В отличие от назывных прилагательных, они не различают рода во множественном числе (ср. ту же особенность у количественных числительных, см. 3.9.1.1), а также не имеют звательных форм:

зависимые			независимые	ʻэтот’ (действ. неконтр.)	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*kad|ò*	*kaď|à*	прям.	= зав.	
косв.	*kadal|è*	*kadal|à*	косв.	*kadal|ès*	*kadal|à*
мн.			мн.		
прям.	*kadal|à*		прям.	*kadal|à*	
косв.	*kadal|è*		косв.	*kadal|èn*	

				ʻэтот’ (реч. неконтр.)	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*kod|ò*	*koď|à*	прям.	= зав.	
косв.	*kodol|è*	*kodol|à*	косв.	*kodol|ès*	*kodol|à*
мн.			мн.		
прям.	*kodol|à*		прям.	*kodol|à*	
косв.	*kodol|è*		косв.	*kodol|èn*	

Форма ж.прям.ед. омонимична местоимению-наречию *kaď\|à* ʻтак’ (см. 3.10.2).

У местоимений контрастного фокуса имеется качественное смягчение *k* : *ť*:

				ʻэтот’ (действ. контр.)	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*kak|ò*	*kať|à*	прям.	= зав.	
косв.	*kakal|è*	*kakal|à*	косв.	*kakal|ès*	*kakal|à*
мн.			мн.		
прям.	*kakal|à*		прям.	*kakal|à*	
косв.	*kakal|è*		косв.	*kakal|èn*	

				ʻэтот’ (реч. контр.)	
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*kuk|ò*	*kuť|à*	прям.	= зав.	
косв.	*kukol|è*	*kukol|à*	косв.	*kukol|ès*	*kukol|à*
мн.			мн.		
прям.	*kukol|à*		прям.	*kukol|à*	
косв.	*kukol|è*		косв.	*kukol|èn*	

Как видно, в трёхсложных формах первый гласный *-u-*, а второй *-o-*.

Автономно в значении ʻэто’ обычно употребляется *kadò*. Реже (в плане речи) встречается *kodò*. Кроме того, подобное значение можно усматривать в выражении *anda koďà* ʻпоэтому’ (букв. ʻиз этой’).

Употребляются также редкие «краткие» указательные местоимения *ka* и *ko* (без различения фокуса), причём первое из них, по-видимому, не имеет косвенных и независимых форм и употребляется чаще всего в восклицательных предложениях типа *sò j ka* / *kaj* / *kal...* ʻчто за...!’ (см. 4.7.5), а второе частотнее именно в косвенных формах (прямые формы обоих местоимений можно считать безударными):

зависимые			независимые	ʻэтот’ (в плане действ.)
ед.	м.	ж.		
прям.	*ka*	*kaj*		
косв.	—	—		
мн.				
прям.	*kal*			
косв.	—			

			ʻэтот’ (в плане речи)		
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*ko*	*koj*	прям.	—	—
косв.	*kol|è*	*kol|à*	косв.	*kol|ès*	*kol|à*
мн.			мн.		
прям.	*kol ~ kol|à*		прям.	*kol|à*	
косв.	*kol|è*		косв.	*kol|èn*	

Все перечисленные местоимения принимают клитики вторичных падежей, причём регулярно (т. е. ударная косвенная форма не меняется перед клитиками, в отличие от личных местоимений), ср.: *kodolès-kə* ʻэтому’, *kukolès-tar* ʻ(от) этого’, *kolè-sa* ʻс этим’ и т. д.; притяжательные формы: *kadalès-ko* ʻэтого’.

Формы с клитикой *-tar*/*-dar* (отложительный падеж, см. 4.2.1.2.8) чаще всего употребляются в особом лексикализованном значении ʻтакой’, букв. ʻиз этого’. Так же *kodolès-tar*, *kakalès-tar*, *kukolès-tar*, *kolès-tar*. Эти особые формы согласуются по роду и числу (по роду — только в ед.; примеры: см. 4.2.1.7.2).

⌛ Необычные окончания и чередования в основе указательных местоимений объясняются слиянием в одной парадигме форм двух разных слов, как в артикле (см. 3.5.2) и в ударных личных местоимениях 3-го лица (см. 3.10.1.1). Формы м.ед., например *kadò* с окончанием *-o* (совпавшим с окончанием обычных прилагательных на *-o* < раннецыг. *-*aų* < ср.-инд. *-*aųa* < др.-инд. *-*aka*), восходят, скорее всего, к ранневлашск. **kadàųa* (с закономерным *-o-* < *-*àųa*), акцентному варианту формы **kadaųà* (форма *kadavà* имеется в ряде кэлдэрарских и др. влашских говоров Европы) с оттянутым ударением (следы такого акцентного поведения наблюдаются в ряде диалектов). Сама эта форма — составная из трёх компонентов: **kādā*+**aųa*+**ā*: первая часть — это последовательность указательных частиц (ср. в местоимениях *kakò*, *kodò*, *kukò* частицы: **kā-*, **ko-*, **dā-*, **do-*), вторая — древнее указательное местоимение **aųa* или **oųa* (тождественное определённому артиклю или личному местоимению 3.ед.м.), а третья — некая более поздняя указательная или усилительная частица (**ā*). Если так, то в нашем говоре конечноударная форма типа **kadavà* утрачена в пользу стянутой *kadò* < **kadàųa*. Формы ж.ед., например *kaďà*, — тоже результат довольно позднего стяжения: *kaďà* < **kadèi̯a* (или **kadei̯à*) < **kadei̯* + **a* (причём **kadei̯* < **kādā*+**ai̯i* — влашское сужение как в **dāi̯ī* > *dèj* ʻмать’; формы *kadejà*, а также *kadèj* имеются в близких диалектах). Форма мн., например *kadalà*, как и соответствующие формы артикля (но не прям.мн. личного местоимения 3.мн. *vòn*), возможно, содержит древнее указательное местоимение на **t-* > *l-*, так что тут мы имеем **kādā*+**t...*(?)+**ā*. В косвенных формах *kadalè(s)*, *kadalè(n)*, *kadalà* усилительного **ā* нет. Прямые формы без этой частицы сохраняются в местоимениях: *kol* ʻэти’, немолд. (в т. ч. ёнешти) *kol-avèr* ʻдругие’ (ед. *k-àver* < **k(oų)à+avèr*, с ударением составных слов согласно 2.7.3).

Местоимение-прилагательное *kasavò* ʻтакой’ (безотносительно к плану и фокусу) склоняется по типу п-Ò:’Ì:È (однако во множественном числе не различает рода):

зависимые			независимые			ʻтакой’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.	
прям.	*kasav|ò*	*kasav|ì*	прям.	= зав.		
косв.	*kasav|è*	*kasav’|à*	косв.	*kasav|ès*	*kasav’|à*	
мн.			мн.			
прям.	*kasav|è*		прям.	*kasav|è*		
косв.	*kasav|è*		косв.	*kasav|èn*		

Независимые формы, как и ожидается, регулярно принимают клитики вторичных падежей, ср. *kasavès-kə* ʻтакому’ и т. д. Как и местоимения типа ʻэтот’, оно имеет особые лексикализованные формы на *-tar*/*-dar*: *kasavès-tar* ʻтакой’ и т. д. Такие же формы имеет и вопросительное морфологически тождественное местоимение *savò* ʻкоторый [из]’, *savès-tar* ʻкакой, какого типа’. Заметим, что *kasavò*, *kasavès-tar* ʻтакой’ дают ответ не на *savò* ʻкоторый [из]’, а скорее на *savès-tar* ʻкакой, какого типа’.

3.10.1.3. Притяжательные местоимения

В 1-м и 2-м лицах обоих чисел имеются особые притяжательные прилагательные, а в 3-м — притяжательные формы:

		ед.	мн.
1.		*muřò* (~ *munřò*)	*amarò*
2.		*tirò*, *ťo*	*tumarò*
3.	м.	*lès-ko*	*lèn-go*
	ж.	*là-ko*	
возвр.		*pès-ko*	

Притяжательное местоимение 1.ед. нередко звучит как *myřò*; у некоторых носителей при выделении (и в песнях) изредка бывает *munřò* [mũˈʁo], [muɳˈʁo], т. е. основа имеет варианты *muř-* ~ *myř-* ~ *munř-*. Вариант с *-y-* чаще выступает в женском роде: *myřỳ*.

Притяжательные прилагательные склоняются по типу п-Ò:’Ì:È (двух подтипов в соответствии с исходом основы; во множественном числе не различают рода):

зависимые			независимые			ʻмой’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.	
прям.	*mu(n)ř|ò*	*mu(n)ř|ỳ*	прям.	= зав.		
косв.	*mu(n)ř|ə*	*mu(n)ř|à*	косв.	*mu(n)ř|əs*	*mu(n)ř|à*	
мн.			мн.			
прям.	*mu(n)ř|ə*		прям.	*mu(n)ř|ə*		
косв.	*mu(n)ř|ə*		косв.	*mu(n)ř|ən*		

						ʻтвой’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.	
прям.	*tir|ò*	*tir|ì*	прям.	= зав.		
косв.	*tir|ə*	*tir’|à*	косв.	*tir|əs*	*tir’|à*	
мн.			мн.			
прям.	*tir|ə*		прям.	*tir|ə*		
косв.	*tir|ə*		косв.	*tir|ən*		

Местоимение *muřò* ʻмой’ может употребляться в звательных оборотах (обращениях), ср. *muřò phràla* ʻмой брат!’, т. е. у него есть звательные формы (тождественные прямым).

Так же как *tirò* ʻтвой’, склоняются *amarò* ʻнаш’ и *tumarò* ʻваш’. Наряду с *tirò* ʻтвой’ частотнее безударное *ťo* ʻтвой’ (независимых форм нет, об употреблении см. 4.2.1.10.1):

ед.	м.	ж.	
прям.	*ťʼ|o*	*t|i*	ʻтвой’
косв.	*t|e*	*ťʼ|a*	
мн.			
прям.	*t|e*		
косв.	*t|e*		

Притяжательные прилагательные *muřò* ʻмой’, *tirò* ʻтвой’, *amarò* ʻнаш’, *tumarò* ʻваш’ являются обычными прилагательными, однако не знают независимых форм ж.косв.мн. типа ***tirʼàn*, ***amarʼàn* и т. д., ср. возможное ж.косв.мн. *barʼàn* ʻбольших’. Они принимают клитики вторичных падежей, ср. *muřàs-kə* ʻмоему’, *muřən-ca* ʻс моими’ и т. д.

В особом значении выступают формы типа *amarən-dar* ʻиз наших’ (о людях: обычно имеется в виду ʻиз котляров-молдовая’, что соотносится с *amarə* [*řòm*] ʻнаши [цыгане]’).

В 3-м лице притяжательных прилагательных нет, в этой роли выступают регулярные притяжательные формы *l\|ès-k\|o* ʻего’, *l\|à-k\|o* ʻеё’, *l\|èn-g\|o* ʻих’, *p\|ès-k\|o* ʻсвой’ (только 3-е лицо). Значит, в отличие от всех остальных имён, у личных местоимений 1-го и 2-го лиц форма лишительного падежа не равна м.ед. притяжательного соответствия, ср.:

	le řomès-ko khər	ʻдом мужа’	(притяжательная форма)
	trajìl bi řomès-ko	ʻживёт без мужа’	(лишительный падеж)
	lès-ko khər	ʻего дом’	(притяжательная форма)
	trajìl bi lès-ko	ʻживёт без него’	(лишительный падеж)
но	*muřò khər* (***màn-go*)	ʻмой дом’	(притяжательное прилагательное)
	trajìl bi màn-go	ʻживёт без меня’	(лишительный падеж)
	tirò / *ťo khər* (***tù-ko*)	ʻтвой дом’	(притяжательное прилагательное)
	trajìl bi tù-ko	ʻживёт без тебя’	(лишительный падеж)

Таким образом, притяжательных форм ***màn-go*, ***tù-ko* нет. То же относится и к остальным случаям, когда имеется специальное притяжательное прилагательное (*amarò* ʻнаш’, *tumarò* ʻваш’).

Склонение этих притяжательных форм регулярно (см. 3.7.1), но приведём его и здесь:

зависимые			независимые		ʻего’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*l|ès-k|o*	*l|ès-k|i ~ -t|i*	прям.	= зав.	
косв.	*l|ès-k|ə*	*l|ès-k|a*	косв.	*l|ès-kər|əs ~ -às*	*l|ès-kərʼ|a ~ -à*
			втор.	*l|es-kər|às-*	*l|es-kərʼ|à-*
мн.			мн.		
прям.	*l|ès-k|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*l|ès-k|ə*		косв.	*l|ès-kər|ən ~ -ən*	
			втор.	*l|es-kər|ən-*	

Так же склоняется *pès-ko* ʻсвой’ (3-е лицо). Отметим, что *bi pès-ko* ʻвне себя [от злости]; не в себе (без памяти и т. п.)’ — не притяжательное местоимение, а форма лишительного падежа (см. 4.2.1.2.12). Приведём местоимения от обладателя ж. и мн.:

зависимые			независимые		ʻеёʼ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*l|à-k|o*	*l|à-k|i ~ -t|i*	прям.	= зав.	
косв.	*l|à-k|ə*	*l|à-k|a*	косв.	*l|à-kər|əs ~ -ès*	*l|à-kərʼ|a ~ -à*
			втор.	*l|a-kər|ès-*	*l|a-kərʼ|à-*
мн.			мн.		
прям.	*l|à-k|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*l|à-k|ə*		косв.	*l|à-kər|ən ~ -ən*	
			втор.	*l|a-kər|ən-*	

					ʻихʼ
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*l|èn-g|o*	*l|èn-g|i ~ -d|i*	прям.	= зав.	
косв.	*l|èn-g|ə*	*l|èn-g|a*	косв.	*l|èn-gər|əs ~ -ès*	*l|èn-gərʼ|a ~ -à*
			втор.	*l|en-gər|ès-*	*l|en-gərʼ|à-*
мн.			мн.		
прям.	*l|èn-g|ə*		прям.	= зав.	
косв.	*l|èn-g|ə*		косв.	*l|èn-gər|ən ~ -ən*	
			втор.	*l|en-gər|ən-*	

Притяжательная форма образуется также от вопросительного местоимения *kòn* ʻкто’: *kàs-ko* ʻчей’ (см. 3.10.1.4).

3.10.1.4. Вопросительные и отрицательные местоимения

Личным местоимениям (*mè* ʻя’, *tù* ʻты’, *vò* ʻон’ и т. д., см. 3.10.1.1), когда они обозначают одушевлённых существ (иначе бывает редко), соответствует вопросительное местоимение *kòn* ʻкто’, а указательным (*kadò*, *kakò* и т. д. ʻэто’) — вопросительное местоимение *sò* ʻчто’. Эти местоимения имеют только единственное число. Приводим их вместе с соответствующими отрицательными местоимениями:

прям.	*kòn*	ʻкто’	*khònik*	ʻникто’
косв.	*kàs*		*khanikàs*	
в т. ч.	*kàs-ko*	ʻчей’	*khanikàs-ko*	ʻничей’
прям.	*sò*	ʻчто’	*khànći*	ʻничего’
косв.	*sòs-*	(отдельно ***sòs* нет)	*khanćès-*	(отдельно ***khanćès* нет)
в т. ч.	*sòs-tar*	ʻпочему’		
	sòs-kə	ʻпочему, зачем’		
	sòs-te	ʻпочему’		

Косвенные формы неодушевлённых местоимений *sò* ʻчто’ и *khànći* ʻничто’ без клитик не встречаются. Притяжательная форма *sòs-ko* не употребляется (при этом имеется форма лишительного падежа: *bi sòs-ko* ʻбез чего’).

Лексикализованы формы *sòs-* с тремя клитиками в значении ʻпочему’. Частотнее всего *sòs-tar*. Эта форма имеет и буквальное значение ʻ(от) чего’ (ср. *sòs-tar daràs* ʻчего/почему боишься’), остальные формы в буквальном значении (т. е. направительного и местного падежей) почти не встречаются.

Местоимение *sò* многозначно: в восклицаниях оно может иметь наречный оттенок типа ʻ[на]сколько, как [много], что за’ (см. 3.13.2).

Вторично-косвенные падежные и притяжательная формы от *khànći* ʻничто’ фигурируют в выражениях: *nàj khanćès-ko* ʻон никчёмный [человек], лодырь’, *ćì-źanèl khanćès-tar* ʻживёт припеваючи’, букв. ʻне знает ни от чего’.

Указательному *kasavò* ʻтакой’ морфологически тождественно *savò* ʻкакой, который [из двух и более]’, однако на этот вопрос чаще отвечают местоимения *kakò*, *kukò* ʻэтот [из двух и более]’. Склонение (как *kasavò*, см. 3.10.1.2):

зависимые			независимые		ʻкоторый’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*sav|ò*	*sav|ì*	прям.	= зав.	
косв.	*sav|è*	*sav'|à*	косв.	*sav|ès*	*sav'|à*
мн.			мн.		
прям.	*sav|è*		прям.	*sav|è*	
косв.	*sav|è*		косв.	*sav|èn*	

Независимые формы принимают клитики вторичных падежей, ср. *savès-kə* ʻкакому, которому’ и т. д. И тут (как у *kasavò*) есть особые лексикализованные формы:

м.ед.	*savès-tar*	*khər*	ʻкакой дом’, букв. ʻ(из) какого дом’
ж.ед.	*sav'à-tar*	*papùka*	ʻкакой башмак’
мн.	*savèn-dar*	*manùš*	ʻкакие люди’
	savèn-dar	*glàti*	ʻкакие дети’

В приимённой роли чаще всего выступает несклоняемое местоимение *ćè* ʻкакой, что за’, ср. *ćè papùka* ʻкакой башмак’.

⏳ Вопросительные местоимения I пласта восходят к различным древне- и среднеиндийским формам, в т. ч. сочетаниям (не всегда ясным). Например, *kòn* ʻкто’ < **kaṷna* < др.-инд. *kaḥ punar* ʻкто же’. Местоимение *ćè* — заимствование из рум. *ce* ʻчто’ .

Отрицательное значение ʻникакой’ передаётся застывшим оборотом: *ćì-jèkh* ~ *ćèk* букв. ʻни один’. Заметим, что это *ćì-* — не отрицательная проклитика ʻне’ (входящая в широкую словоформу глагола, ср. *ćì-kamàv* ʻне хочу’), а клитизованная усилительная частица ʻни, даже... не’ (см. 4.3.8.1.2г). Местоимение *ćì-jèkh* ~ *ćèk* склоняется как числительное *jèkh* ʻ1’ (см. 3.9.1.1), но факультативно (нестяжённая форма обычно склоняется, а стяжённая — чаще нет), ср. *ćì-jekhə̀ řomès* ~ *ćèk řomès* ʻникакого/ни одного цыгана’.

Особое склонение имеет местоимение-числительное *sòde* ʻсколько’:

зависимые			независимые		ʻсколько’
ед.	м.	ж.	ед.	м.	ж.
прям.	*sòde*	*sòde*	прям.	= зав.	
косв.	*sodè* ~ *sòde*	*soď à* (редк.)	косв.	—	
мн.			мн.		
прям.	*sòde*		прям.	*sòde*	
косв.	*sodè* ~ *sòde*		косв.	*sod|èn*	

Это вопросительное местоимение функционирует как прилагательное или наречие (что в части контекстов не различить, ср. *bùt* ʻмного’ и ʻмногие’) применительно как к несчётным именам, ср. м. *sòde thùd* ʻсколько молока’, ж. *sòde vr'àmə̀a* ʻсколько времени’, так и к счётным, ср. мн. *sòde khərà* ʻсколько домов’. С другой стороны, в части контекстов это явное прилагательное, ср. *soď à vr'àmə̀a-ko* (обычно *sodè* ~ *sòde*) ʻкакого возраста’ (букв.

ʻсколького времени’). В независимом состоянии, пожалуй, не бывает контекстов, где бы фигурировали формы единственного числа (нет ***sodès*), а от форм незав.мн. образуется очень частотная притяжательная форма, ср. *sodèn-go*, которая применяется в вопросах о возрасте (= *sodè bəršən-go* букв. ʻскольколетний’). В прочих случаях местоимение *sòde* лучше считать наречием (см. 3.10.2).

В качестве отрицательного соответствия в ряде контекстов выступает *khànći* ʻничего’ (в количественном значении ʻнисколько’, см. 4.2.1.14.7в).

⌛ По происхождению *sòde* ʻсколько’ — полукалька с рум. *ce* ʻчто’ + *de* (предлог, ср. кэлд. молд. *də*), частично переосмысленная как прилагательное, откуда сдвиг ударения в *sodè(n)*.

3.10.1.5. Определительные местоимения

Этот тип местоимений выделяется условно: в него попадают местоимения, с трудом поддающиеся семантической классификации. Впрочем, эти местоимения так или иначе группируют или разграничивают предметы. В любом случае, эти слова мы относим к местоименным, а не к назывным по формальным признакам (например, запрет на артикль).

Местоимения, имеющие «универсальное» значение:

*sàvoř*ə	ʻвсе’ (только о лицах)
so-gòdi	ʻвсе’ (только о лицах)
sà (~ *s'à*)	ʻвесь, все; всё’
sòřo	ʻвесь’ (в нек. сочетаниях)
sàko	ʻвсякий, каждый’

Прочие значения:

kòrkořo	ʻсам; один’
avèr	ʻдругой’

Местоимение *sàvořə* бывает существительным (реже прилагательным) и имеет только множественное число. Ударение колеблется в косвенной форме без энклитик (см. 2.7.2):

прям.	*sàvoř|ə*		ʻвсе’ (мн.)
косв.	*sàvoř|ən*	~ *savoř|ən*	
с втор. падежами	*savoř|ən-*		

Местоимение *sà* бывает прилагательным (и сближается с числительными), ср. *sà ə lùm'a* ʻвсё [котлярское] общество’, *sà le řòm* ʻвсе цыгане’, или существительным ʻвсё’. В обеих ролях оно неизменяемо.

Реже встречается вариант *s'à* (с мягким согласным). Именно эта форма входит в предлог *kus'à* ʻ(вместе) с, в том числе, включая; целиком’, ср. *kus'à glàti* ʻвместе с детьми’, *kus'à-l bàl* ʻвместе с волосами’.

Крайне редко (только в песнях?) встречается и форма *sàv* (возможно, впрочем, только в наречном значении ʻвсё, всегда’?).

⌛ Судя по всему, форма *s'à* продолжает что-то вроде **seį*+**a* (где **seį* < **saįi*), с усилительной частицей (это может быть форма женского рода < **saųi*). Только поздним стяжением (как в *kaď'à* < **kadeį*+**a*) можно объяснить уникальную мягкость *s'-*. Более обычный твёрдый вариант *sà*, возможно, восходит к соответствующей форме мужского рода без частицы **a*.

Неизменяемое слово *sòřo* встречается только в сочетаниях *sòřo dès* ʻвесь день’, *sòřo r'àt* ʻвсю ночь’, а также ʔ*sòřo tràjo* ʻвсю жизнь’ (чаще *sà (o) tràjo*).

Ещё одно местоимение со значением, близким к универсальному, — *sàko* ʻкаждый, всякий, любой’. Оно имеет только единственное число (ср. мн. *so-gòdi* ʻвсе’, см. ниже); в зависимом состоянии может быть несклоняемо:

зависимые ед.	м.	ж.
прям.	*sàk|o*	*sàk|o*
косв.	*sak.on|è*	*sak.on’|à*
	~ нескл.	

независимые ед.	м.	ж.
прям.	= зав.	
косв.	*sak.on|ès*	*sak.on’|à*

ʻкаждый, всякий, любой’

Отметим здесь также оборот *sàko fà̀lo* ʻвсякие’, букв. ʻлюбой тип’, также в роли существительного ʻвсё что угодно, много разного’.

Местоимение *sò-gòdi* имеет не только регулярное значение ʻчто угодно; всё’ (см. 3.10.3, и тогда имеет только единственное число, как *sò* ʻчто’), но и ʻвсе [люди]’ — во множественном числе. В этом значении оно имеет вариант *so-gə̀di* и склоняется во второй части, так что возникает особый, единственный в своём роде тип склонения. Более того, оно отличается от всех местоимений (кроме *avèr* ʻдругой’) различением рода в косв.мн.:

мн.	м.	ж.	ʻвсе, каждый’ (мн.)
прям.	*so-gòdi*	*so-gòdi*	~ *sò-gə̀di* (редко)
косв.	*so-god|èn*	*so-god’|àn*	

В отличие от *sàvoř*ə ʻвсе’, у *so-gòdi* может быть (необязательно) распределительный оттенок, типа ʻкаждый’ (но при этом мн.).

Местоимение *kòrkoř*o ʻсам; один’ не склоняется.

Местоимение-прилагательное *avèr* ʻдругой’ имеет уникальную для прилагательных морфологическую особенность (выпадение гласного, см. 2.5.1.2):

зависимые ед.	м.	ж.
прям.	*avèr*	*avèr*
косв.	*avr|ə̀*	*avr’|à*
мн.		
прям.	*avèr*	
косв.	*avr|ə̀*	

независимые ед.	м.	ж.
прям.	= зав.	
косв.	*avr|ə̀s*	*avr’|à*
мн.		
прям.	*avèr*	*avèr*
косв.	*avr|ə̀n*	*avr’|àn*

ʻдругой’

У молодёжи встречаются и формы без выпадения: *averə̀s*, *aver’à.*

Имеется также редкое местоимение (немолд.?) *kolavèr* ʻдругой, остальные’ (в этом значении употребляется и *avèr*), склоняющееся точно так же.

⌛ В некоторых говорах немолдовая (ёнешти, гыркуря), наряду с *avèr*, имеется *kàver* ʻдругой’ (м.=ж.) < **ko(u̯)* (?) + *avèr* букв. ʻтот другой’, мн. *kolavèr* (первая часть — указательное ʻте’, ср. молд. *kolà*). Это скорее всего означает, что редкое молд. *kolavèr* (если не иноговорное) в качестве формы м.ед. и ж.ед. — вторично вместо *kàver*.

Здесь же мы приведём единственное **взаимное** местоимение *jekh-avrə̀s* ʻдруг друга’, состоящее из двух слов ʻодин’ + ʻдругого’. В отличие от неопределённого артикля и числительного *jèkh* ʻ1’, во взаимном местоимении сохраняется придыхание (см. 1.3.7.5). Это местоимение склоняется только во второй части, не имеет прямых форм и множественного числа, поэтому фактически представлены только формы:

jekh-avrə̀s	ʻдруг другаʼ (мужчины или мужчины/женщины)
jekh-avr'à	ʻдруг другаʼ (женщины)

Со вторичными падежными клитиками:

м.	*jekh-avrə̀s-tar*	ж.	*jekh-avr'à-tar*	ʻдруг другаʼ
bi	*jekh-avrə̀s-ko*	*bi*	*jekh-avr'à-ko*	ʻдруг без другаʼ
	jekh-avrə̀s-kə		*jekh-avr'à-kə*	ʻдруг другуʼ
	jekh-avrə̀-sa		*jekh-avr'à-sa*	ʻдруг с другомʼ
	jekh-avrə̀s-te		*jekh-avr'à-te*	ʻдруг к другуʼ

В предложных группах может разделяться, ср. *jèkh pe avrə̀s-te* ʻдруг на другеʼ (здесь первая часть фонологически ведёт себя как числительное ʻ1ʼ, т. е. придыхания нет).

В ряде контекстов это взаимное местоимение может заменяться возвратной клитикой *-pe*, входящей в широкую словоформу глаголов (см. 3.11.14).

3.10.1.6. Неопределённые местоимения

Большинство неопределённых местоимений (в т. ч. все неопределённые местоимения-наречия) образуются стандартным и регулярным способом как широкие словоформы (см. 3.10.3). Здесь мы перечислим только такие неопределенные местоимения-существительные и прилагательные, которые имеют особые формы. Начнём с местоимений, имеющих только множественное число:

(v)ùni	ʻнекоторыеʼ
mèšte	ʻнекоторые, какие-тоʼ

⌛ Заимствования из рум. *úni* ʻодниʼ, диал. *néṣte* (лит. *níṣte*) ʻнесколькоʼ (неопределённый артикль мн.).

Эти местоимения имеют только множественное число и обычно выступают в роли прилагательных; *mèšte*, по-видимому, может в какой-то степени считаться формой множественного числа неопределённого артикля (см. 3.5.1), однако в живой речи не употребляется (встречается только песнях); *(v)ùni* может быть и существительным ʻнекоторые [люди]ʼ; обычно склоняется (но факультативно):

зависимые		независимые		ʻнекоторыеʼ
прям.	*vùni*	прям.	= зав.	
косв.	*vunè*	косв.	*vunèn*	~ нескл.

Следующие местоимения имеют только единственное число:

jèkh	ʻкакой-то, одинʼ
kàk	ʻкакой-то, один, некоторыйʼ

Местоимение *jèkh* в прямой форме трудно отличимо от неопределённого артикля (см. 3.5.2); склоняется как числительное *jèkh* ʻ1ʼ (см. 3.9.1.1).

Местоимение *kàk* тоже употребляется подобно неопределённому артиклю, но имеет более чёткое неопределённое значение ʻкакой-нибудьʼ. Не склоняется.

⌛ Происхождение *kàk* нам неизвестно. Вероятно, в его начале кроется какое-то вопросительное слово.

Неопределённым местоимением, видимо, можно считать *kutàri* ʻтакой-то; некто' (неизм.), ср. *kutàri thàn* ʻтакое-то местоʼ, а в значении существительного (м. *kutàri* ʻнектоʼ, ж. *kutər'àsa*) это слово скорее назывное (оно принимает артикль).

⌛ Заимствование из рум. *cutáre* ʻтакой-то и такой-тоʼ.

3.10.2. Местоимения-наречия

Местоимения-наречия образуют те же ряды, что и прочие местоимения, т. е. могут быть вопросительными, указательными и отрицательными (а также неопределёнными, но их мы рассматриваем отдельно, т. к. они являются широкими словоформами, см. 3.10.1.4). Разберём все эти ряды, разбивая их по семантике:

(а) способ действия

вопросительное:	указательное:	отрицательное:
sàr ʻкакʼ	*kaďà* ʻтакʼ	—

Слово *sàr* многозначно, оно употребляется в разных значениях в роли союза (см. 3.13.1), а также может быть предлогом (*sar* — без ударения, см. 3.12).

(б) место и направление движения

вопросительные:		указательные:		отрицательные:	
kàj	ʻгде, куда’	*kaćè*	ʻздесь, сюда’	*khanikàj*	ʻнигде, никуда’
karìng	ʻкуда, где примерно’	*katkà*	ʻ(вот) тут, сюда’		
		koćè	ʻтам, туда’		
		oćè	ʻтам, туда’		
		ordè	ʻсюда’		
		inťà	ʻтам, туда, дальше’		

Как видно, указательных наречий места и направления довольно много. Одно из них (*ordè*) имеет только направительное значение (ср. в *àv ordè* ʻиди сюда’), а остальные не различают направительное и местное; *karìng* может быть и предлогом (см. 3.12).

В отличие от *kadò* и *kodò* ʻэтот’ (см. 3.10.1.2), пространственные указательные наречия слабо различают план (речи, действительности). Им свойственно различение по близости-дальности, ср. *kaćè* ʻздесь’, *koćè* ʻтам’ (впрочем, нередко это совпадает с двумя планами). Имеется, однако, различие по фокусу, ср. *kaćè* ʻздесь’ и *katkà* ʻвот тут’ (например, ʻв данном доме, а не вообще в данном таборе’).

⌛ У немолдовая (например, ёнешти) есть и слово *kutkà* ʻ(вот) там, туда’, что делает их систему более симметричной (молдовая это слово воспринимают как чуждое). Местоимения на **-the* > молд. *-ćè* : ён. *-cə̀* чаще всего приводятся носителями в качестве отличий своего говора от чужого.

Слово *kaj* (без ударения) — главный относительный союз ʻкоторый’ (см. 3.13.1).

(в) исходный пункт движения

вопросительные:		указательные:		отрицательные:	
katàr	ʻоткуда’	*kathàr ~ kacàr*	ʻотсюда’	*khanikatàr*	ʻниоткуда’
		katkàr	ʻ(вот) отсюда’ (редко)		
		katkàl	ʻ(вот) отсюда’		
		kothàr ~ kocàr	ʻоттуда’		
		othàr ~ ocàr	ʻоттуда’		
		ordàl	ʻс этой стороны’		
		inťà	ʻотсюда’		
		inťàl	ʻс той стороны’		

Эти местоимения симметрично соотносятся местоимениям места и направления (но ср. синонимы *katkàr* и *katkàl* ʻотсюда’). Вопросительное *katàr* ʻоткуда’ имеет также непространственное значение, ср. *katàr źanès* ʻоткуда знаешь’ (весьма часто оно употребляется и

самостоятельно при отрицании, оспаривании — ʻда ладно, как это, куда там’). Указательное *kothàr* ʻоттуда’ также может быть свободной частицей (ʻвдруг, и тут’, см. 4.3.8.1.3д). Отметим многозначность *inťà* ʻтуда, там; по ту сторону’, ср. *dùr inťà* ʻдалеко там’, *màj-inťà* ʻпотом, позже’, а также *kaďà aj kaďà inťà* ʻи так далее’.

⌛ Параллельно местоимениям места и направления, у немолдовая (например, ёнешти) имеется и *kutkàl*, *kutkàr* ʻ(вот) оттуда’.

(г) время

вопросительное:		указательные:		отрицательные:	
kàna	ʻкогда’	*akanà*	ʻсейчас’	*ćì-jek-dàta*	ʻникогда’
		atùnći	ʻтогда’	*~ ćek-dàta*	

Временны́е указательные местоимения различаются по времени — ʻсейчас’ : ʻтогда’ (в прошлом или будущем). Наречие *atùnći* имеет редкий вариант *atùnća*. Отрицательное местоимение — застывший оборот ʻни разу’.

⌛ По происхождению *kàna* ʻкогда’ и *akanà* ʻсейчас’, скорее всего, как-то связаны: возможно, это составные слова, ср. ударение *vàzdel* ʻподнимает’ (2 слога — ударение на первом), но *vazďà(s)* ʻподнял’ < **u̯àst* + **diṇ̀às* (3 слога — ударение на последнем).

(д) количество

вопросительное:		указательные:		отрицательные:	
sòde	ʻсколько, как долго’	*kajtì ~ kaditì*	ʻстолько’	*khànći*	ʻнисколько’

Количественные местоимения можно считать наречиями не во всех контекстах, а только с глаголами, ср. *sòde gəľàn* ʻсколько ты прошёл’. В прочих контекстах это прилагательные (в т. ч. потому что склоняются, см. 3.10.1.4).

Есть уменьшительная форма *kajťořỳ* ʻстолечко’. Иногда она имеет значение не количества, а размера (см. ниже). Иногда в значении, близком к *sòde* ʻсколько’, употребляется *sò* (в придаточных предложениях, в значении относительного местоимения, см. 4.2.1.14.6). В качестве отрицательной формы может выступать *khànći* букв. ʻничего’.

(е) причина

вопросительные:		указательные:	
sòs-tar	ʻпочему’	*anda koďà*	ʻпоэтому’
sòs-kə	ʻпочему, зачем’		
sòs-te	ʻпочему’ (редко)		
sò	ʻпочему, что’		

Как видно, в роли вопросительного местоимения причины выступает местоимение *sò* ʻчто’ во вторичных падежах (т. е. это широкие словоформы, см. 3.10.1.4), а также в прямой форме (ср. *sò cypìs* ʻчего кричишь’).

(ж) размер

вопросительное:		указательное:	
kabòr	ʻкакого размера’	*kabòr*	ʻтакого размера, вот такой большой/маленький’

Вопросительное и указательное местоимения совпадают. Слово *kabòr* может также быть предлогом (см. 3.12).

В значении ʻтакой маленький’ иногда употребляют и местоимение *kajtì* ʻстолько’, в т. ч. в уменьшительной форме: ср. *kajtì* (*kajťořỳ*) *śavořò* ʻвот такусенький мальчик’.

3.10.3. Широкая местоименная словоформа

Упомянутые выше широкие формы *sòs-tar* ‘почему’, *kàs-ko* ‘чей’ и др. в высокой степени лексикализованы. Они не образуют регулярных рядов. Здесь же мы рассмотрим широкие формы местоимений, образуемые регулярно и включающие компоненты, совместимые почти со всеми местоимениями. Слева к местоимениям присоединяется ударная морфема *vàrə- ~ vàri-*, вносящая значение ‘[что]-либо, [что] угодно’ (любое неизвестное).

Более разнообразные значения имеет присоединяющаяся справа морфема *-gòdi*: наряду с неопределённым она имеет и универсальное значение.

Справа также присоединяется безударная морфема *-to*, также неопределённого значения: ‘[что]-то’ и т. п. (без оттенка ‘любой’):

‘...-нибудь’, ‘...угодно’	‘...-нибудь’, ‘любой, всё’	‘...-то’	
vàrə-so (везде ~ *vàri-*)	*sò-gòdi*	*sò-to*	‘что-...’
vàrə-kon	*kòn-gòdi*	*kòn-to*	‘кто-...’
vàrə-kàs-ko	*kàs-ko-gòdi*	*kàs-ko-to*	‘чей-...’
—	—	*ćè-to*	‘какой-...’
vàrə-savò	*savò-gòdi*	—	‘который-...’
vàrə-kaj	*kàj-gòdi*	*kàj-to*	‘где-...’
vàrə-katàr	*katàr-gòdi*	*katàr-to*	‘откуда-...’
vàrə-sar	*sàr-gòdi*	*sàr-to*	‘как-...’
vàrə-kana	*kàna-gòdi*	*kàna-to*	‘когда-...’

Несклоняемое *ćè* ‘какой, что за’ сочетается только с *-to*, ср. *ćè-to* ‘какой-то, некий’, но не ***vàrə-će*, ***ćè-gòdi*.

При нейтральной интонации в сочетаниях с *vàrə- ~ vàri-* нередко имеется двойное ударение: *vàrə-sò*, *vàrə-kòn*, *vàrə-sàr*, *vàrə-kàna*. При выделении чаще всего ударение остаётся только на первой части: *vàrə-so* ‘(хоть) что-нибудь’ и т. д. Нет сочетаний: ***vàrə-sòde*, ***vàrə-sòs-tar*, ***vàrə-karìng*, ***vàrə-kabòr.*

Сочетания *-gòdi* с местоимениями-наречиями очень часто выступают в универсальном значении (пожалуй, кроме *sàr-gòdi*): *kàj-gòdi* ‘везде’, *katàr-gòdi* ‘отовсюду’, *kàna-gòdi* ‘всегда’. Ударение обычно двойное. Нет сочетаний: ***sòde-gòdi*, ***sòs-tar-gòdi*, ***karìng-gòdi*, ***kabòr-gòdi*.

Из сочетаний с *-to* наиболее частотны *kòn-to* ‘кто-то’, *sò-to* ‘что-то’, *kàj-to* ‘где-то’. Остальные местоимения гораздо чаще сочетаются с *vàrə-* (*-gòdi*), ср. *kàna-to* ‘когда-то’, но чаще *vàri-kàna* и т. д. Нет сочетаний: ***sòde-to*, ***sòs-tar-to*, ***karìng-to*, ***kabòr-to*.

⌛ С одной стороны, представляется очевидным, что *-to* — недавнее заимствование из русского, а с другой — не вполне ясно, почему в нём не отразилось аканье (***-ta*).

Часто в одной широкой словоформе сочетаются *vàrə- ~ vàri-* и *-gòdi*, *-to*: *vàrə-so-gòdi* ‘что-нибудь’, *vàrə-kas-ko-gòdi*, *vàri-kàs-ko-to* ‘чей-нибудь, чей-то’ и т. п. Такие формы имеют только неопределённое значение (как бы усиленное: ‘кто угодно’, ‘что бы ни’ и т. п.). Иногда встречаются все три элемента: *vàri-kaj-to-gòdi* ‘где-то, неизвестно где’.

В описанных случаях порядок компонентов таков:

[*vàrə*] + местоимение + [падежная клитика] + [*to*] + [*gòdi*]

В особых случаях *-godi* факультативно отрывается от местоимения; между ними может встать связка (см. 4.12.5.1), так что, видимо, это лишь частично клитика.

Местоимение *sò-gòdi* также может быть одушевлённо и иметь определительное значение ‘все люди, каждый’ (см. 3.10.1.5).

3.11. Глагол

Глагол — часть речи, занимающая центральное место в кэлдэрарской грамматике. Несколько упрощая положение дел, можно сказать, что почти любой глагол сам по себе может быть не только высказыванием, но и законченным предложением (о высказываниях и предложениях см. 4.1). С семантической точки зрения глаголы так или иначе выражают действие (ср. ʻсел’, ʻпосадил’) или состояние (ср. ʻсидит’).

В качестве заглавной (словарной) формы кэлдэрарского глагола удобно взять форму инф.3.ед. (3-е лицо единственного числа инфекта), которую в общем случае мы переводим русским инфинитивом, ср.:

źàl	ʻидти’, букв. ʻидёт’
xàl	ʻесть’, букв. ʻест’
marə̀l	ʻбить’, букв. ʻбьёт’
sỳ (*sy*)	ʻбыть’ (связка), букв. ʻесть’
paťàl	ʻверить’, букв. ʻверит’
asàl	ʻсмеяться’, букв. ʻсмеётся’
(v)ucỳl	ʻныть’, букв. ʻноет’

Заглавная форма глагола может включать в себя одну из двух возможных энклитик: *-pe* (возвратность) и *-tar* (направление — лишь с несколькими глаголами):

hurə̀vèl-pe	ʻодеваться’, букв. ʻодевает-ся’
xàl-pe	ʻссориться’, букв. ʻест-ся’
marə̀l-pe	ʻдраться’, букв. ʻбьёт-ся’
paťàl-pe	ʻверить [в бога]’, букв. ʻверит-ся’
źàl-tar	ʻуходить’, букв. ʻидёт-прочь / издалека’

К собственно глагольным формам примыкают некоторые именные формы (причастия, ср. *mar.d|ò*, ж. *-ì*, мн. *-è* ʻбит|ый, -ая, -ые’) и наречные формы («деепричастия», ср. *asandòj* ʻсмеясь’, но их мы в глагольную парадигму не включаем). Критерии объединения форм в одну глагольную словоизменительную парадигму — чисто морфологические (а не синтаксические): в одну парадигму включаются все формы, имеющие с основной формой (инф.3.ед.) словоизменительную (а не словообразовательную) связь.

Как и при описании других частей речи, мы будем раздельно рассматривать узкую и широкую глагольные словоформы (см. 2.1.2, 2.1.3). В кэлдэрарском особенно развита широкая глагольная словоформа: последовательность узких словоформ (в т. ч. клитик), расположенных в строгом порядке, может передавать немало информации как о самом действии, так и о его субъекте и объекте. В принципе, можно было бы рассматривать сочетания этих разнообразных компонентов в синтаксической части, если бы не присущее им формальное единство и взаимообусловленность. Так, например, безударные местоименные клитики отличаются от своих ударных эквивалентов и могут стоять только в определённой позиции в составе широкой словоформы глагола.

В пределах узкой формы сочетание основ и окончаний образует различные словоизменительные типы глагола (типы спряжения). Так, разные типы требуют разных основообразующих суффиксов для образования конкретных форм. При образовании широкой формы клитики пристраиваются слева и справа к узкой форме независимо от словоизменительного типа глагола. Поэтому мы будем их рассматривать отдельно после описания всех словоизменительных типов глагола. Здесь для иллюстрации приведём примеры широких глагольных форм, показывающих структурную независимость этих двух уровней морфем (узкие формы подчёркнуты, в них входят корни, суффиксы, окончания и постфиксы, см. 2.1.1; перевод широкой формы — чисто иллюстративный, в разных контекстах возможны разные значения):

заглавная форма		пример широкой словоформы	
darà|l	‘бояться’	*nà-dara*	‘не бойся’
an|èl	‘принести’	*àn-ta*	‘принеси-ка’
aźutì|l	‘помочь’	*te-aźuti.s.ar|às-la*	‘чтобы мы ей помогли’
źà|l	‘идти’	*te-nà-źà|s-tar*	‘чтобы мы не ушли’
źan|èl	‘знать’	*te-nà-źan.gl'|àn·as-tume*	‘если бы вы друг друга не знали’
kam|èl	‘хотеть’	*ćì-maj-kam|àv·as*	‘я больше не хотел’
mar|əl	‘бить’	*kam-ćì-maj-mar|əl-ame*	‘наверное, [он] больше не будет нас бить’

К глаголу-связке *sy* ‘быть’ клитики присоединяются несколько иначе (см. 3.11.9).

Во всех остальных случаях одно и то же грамматическое значение для разных глаголов выражается одинаковым набором клитик независимо от типа глагола, ср. следующие примеры, где узкая форма разнотипных глаголов выступает в настоящем времени (но в разных лицах и числах):

kam-ćì-maj-mar|əl-ame	‘наверное, [он] больше не будет нас бить’
kam-ćì-maj-pyřỳ|n-ame	‘наверное, [вы] больше нас не выдадите’
kam-ćì-maj-xà|s-ame	‘наверное, [мы] больше не будем ссориться’

В описании большинства типов спряжения клитики (и выражаемые ими грамматические значения) не играют роли, т. е., например, глагол *xàl-pe* ‘ссориться’ образует все узкие формы точно так же, как соответствующий невозвратный глагол *xàl* ‘есть’. Однако имеются и вполне регулярные случаи, где это не так, ср. глаголы типа *gyndìl-pe* ‘думает’: имп. *gyndisàvo* ‘думай’, прош. *gyndisàjlo* ‘подумал’ (см. 3.11.14).

Наше описание глагольной морфологии построено следующим образом. После общих замечаний (признаки, структура и т. д.) дано последовательное описание узкой глагольной словоформы по отдельным категориям: подпарадигмы инфекта (см. 3.11.3) и перфекта (см. 3.11.4), причастие (см. 3.11.6). В итоге мы должны получить разбивку на типы спряжения, а также полный набор правил образования всех возможных грамматических значений глагольных словоформ. Затем в качестве иллюстрации действия изложенных правил и для исчерпывающей справки даются полные списки глаголов по типам спряжения (см. 3.11.7). Многие сведения при такой подаче неизбежно повторяются, зато это помогает обозреть всю систему с разных ракурсов, не тратя сил на самостоятельное достраивание форм. Далее, среди прочего, обсуждаются залоговые формы глаголов (см. 3.11.14), правила построения широкой словоформы (см. 3.11.13) и словообразование (см. 3.11.11).

3.11.1. Морфологические признаки глагола

Как и у имён, основной постоянный (классифицирущий) морфологический признак глаголов — принадлежность к словоизменительному типу. В нашем случае речь идёт о «типах основы», точнее — о сочетании типов основ, выступающих в разных подпарадигмах, входящих в одну парадигму. Это чисто формальная (хотя порой неоднозначная) характеристика, необходимая только для классификации.

Морфологическим следует считать признак **активности**, т. к. он отражается (ограниченно) в части форм парадигмы. С некоторой натяжкой его можно считать постоянным и заданным для каждого глагола.

Чётко выделяемые переменные признаки — **лицо**, **число** и **род**. Это согласовательные признаки, по которым глагольные формы согласуются с субъектом действия (в действительном залоге). В различных подпарадигмах глагола эти признаки находят разное формальное выражение (или же не выражаются). Они подробно рассматриваются ниже.

В глагольную парадигму входит ряд подпарадигм, для различения которых не имеет смысла пытаться вводить морфологические признаки (кроме прямого указания на подпарадигму). Подпарадигмы различаются чисто морфологически, в частности формой основы, — поэтому ниже речь будет идти о системе **инфекта** и системе **перфекта** (эти термины следует считать условными; введение признака «глагольного вида» было бы неправомерно и привело бы к путанице). В каждой из этих систем имеется несколько подпарадигм: в части из них личные формы осложнены постфиксами, которые довольно трудно однозначно соотнести с какими-либо морфологическими признаками (см. 3.11.3.7, 3.11.4.6). Наконец, в глагольную парадигму входит именная подпарадигма — причастие (по частеречной принадлежности — прилагательное). Неизменяемая наречная форма, которую можно назвать деепричастием, рассматривается отдельно (см. 3.8.1.8).

Остальные признаки следует считать скорее синтаксическими. Помимо сочетаемости с другими словами в предложении (переходность и т. д.), выделяются два переменных синтаксических признака: **время** и **наклонение**. Признак наклонения непосредственно проявляется в узкой словоформе глагола только в повелительных формах, которые мы выделяем в отдельную подпарадигму в составе системы инфекта. Разбор этих признаков возможен только на уровне глагольной группы и предложения. Однако полностью обойти их при морфологическом описании нельзя, поскольку без их привлечения невозможно соотнести сами глагольные формы с их грамматическими значениями (см. 4.2.6.2, 4.2.6.4).

3.11.1.1. Переходность и активность

Переходные глаголы отличаются от непереходных прежде всего синтаксическим поведением, а именно — возможностью их употребления с прямым дополнением (см. 4.3.3), поэтому к морфологии это различие имеет косвенное отношение. Оно отражается лишь на возможности или невозможности включения в широкую словоформу объектных клитик (т. е. безударных форм местоимений, играющих роль дополнения, ср. *marə̀l-ma* ʻбьёт меня’, см. 3.11.13.9). При непереходных же глаголах может стоять только возвратная клитика, и то только в безличном залоге (ср. *źàl-pe* букв. ʻидётся’, см. 4.13.3).

Более актуально для морфологии разбиение глаголов на две группы по признаку активности-неактивности: переходные глаголы обычно **активны** (за несколькими исключениями, см. ниже), а непереходные могут быть активными или **неактивными**. Семантически неактивные глаголы характеризуются направленным изменением состояния или положения субъекта. Морфологически активность и неактивность проявляются в принадлежности глагола к разным спряжениям, причём по нашей классификации одно спряжение содержит либо только активные, либо только неактивные глаголы (что отражается на перфектных окончаниях — активные: 3.ед. *-’a(s)*; неактивные, с явным выражением рода: 3.ед.м. *-o*, ж. *-i*; см. 3.11.4.1), ср. примеры:

	активные		неактивные	
переходные	*lèl* *tasavèl* *dikhə̀l*	ʻбрать’ ʻтопить’ ʻвидеть’	*nakhə̀l* *syťòl*	ʻминовать’ ʻвыучить’
непереходные	*phirə̀l* *piťàl* *trajìl*	ʻходить’ ʻкапать’ ʻжить’	*źàl* *tasòl* *dìćol*	ʻидти’ ʻтонуть’ ʻвыглядеть’

Лишь несколько глаголов одновременно неактивны и переходны (только в части своих значений): ср. *nakhlò o khər* ʻон прошёл дом’, *sytilì ə śìb* ʻона выучила язык’, а также *anzòl*

и *arəsàl* в близких значениях ‘ударить’ (*anzulì-le* или *arəslì-le la palmà-sa* ‘она заехала ему ладонью’, букв. ‘дотянулась его’).

Многие глаголы образуют залоговые пары, одним членом которых выступает активный (и переходный) глагол, а другим — неактивный. Неактивность нетривиальным образом пересекается с возвратностью (а в ряде ситуаций они нейтрализуются, см. 3.11.14).

3.11.1.2. Лицо глаголов

Лицо — признак, известный только личным формам глагола и личным местоимениям. В личных формах глагола различаются три лица, повторяющие лицо субъекта действия:

1-е: субъект — говорящий или группа, включающая говорящего, но не собеседника; субъект выражается личным местоимением 1-го лица (*mè* ‘я’, *amè* ‘мы’) или нулём (при эллипсисе);
2-е: субъект — собеседник или группа, включающая собеседника, но не говорящего; субъект выражается личным местоимением 2-го лица (*tù* ‘ты’, *tumè* ‘вы’) или нулём (при эллипсисе);
3-е: субъект — любое другое лицо, предмет или группа; субъект выражается личным местоимением 3-го лица (*vò* ‘он’, *vòj* ‘она’, *vòn* ‘они’), прочими местоимениями (например, *kadò* ‘это’), любым существительным или нулём (при эллипсисе).

Морфологически глагольное лицо проявляется в окончаниях личных форм, в которых оно выражается вместе с числом (в ряде форм — ещё и с родом). Неличные формы глагола не различают лиц.

Некоторые глаголы употребляются только в 3-м лице (безлично). Часть глаголов употребляется так в связи со своей особой семантикой, ср. *tunerićìl* ‘темнеет’. Кроме того, только 3-е лицо свойственно безличным предложениям, ср. *kaďà ćì-phenèl-pe* ‘так не говорят’, букв. ‘не говорится’ (см. 4.13.3).

Есть два неспрягаемых глагола, чья форма никак не отражает лица (и других морфологических признаков): *šàj* ‘мочь; можно; может быть’, *naštì* ‘не мочь; невозможно’ (подробнее см. 3.11.10).

Широкая глагольная словоформа может содержать объектные клитики, которые тоже выражают лицо, однако это лицо относится не к субъекту действия, а к его объекту (см. 3.11.13.9), причём при возвратности субъект и объект совпадают.

3.11.1.3. Число глаголов

Как и имена, глаголы различают два числа: единственное и множественное, повторяющие грамматическое число подлежащего (о согласовании см. 4.4.1.1).

Морфологически число проявляется в окончаниях личных форм, в которых оно выражается вместе с лицом, а также в причастии (каковое является прилагательным).

Только во множественном числе стоят глаголы в некоторых особых конструкциях со взаимным значением (см. 4.13.4.1в).

3.11.1.4. Род глаголов

Род — наименее «глагольный» из согласовательных признаков. Как и остальные переменные признаки, он повторяет соответствующий признак субъекта. Род выражается именными окончаниями причастий (см. 3.11.6), а также окончаниями перфектных форм неактивных глаголов (только в единственном числе и в части синтаксических контекстов).

Если у имён и прилагательных различаются два рода (мужской и женский), то у глаголов в ряде условий проявляется ещё и третий род — «никакой» (нк.), ср. от глагола *aśèl* ‘остаться’: м. *aśil|ò* ‘остался’, ж. *aśil|ì* ‘осталась’, нк. *aśil'|à* ‘осталось’ (перевод условный). Это бывает при согласовании с некоторыми местоимениями и в безличных предложениях (об окончаниях см. 3.11.4.1).

3.11.2. Состав глагольной парадигмы

Почти все глаголы имеют по две основы: **инфектную** и **перфектную**. К основам присоединяются личные окончания, а к ним — постфиксы. В спряжении выделяется несколько подпарадигм. Первую группу подпарадигм составляют формы, образованные от инфектной основы, вторую — от перфектной. За исходную основу удобно взять инфектную основу, т. к. в большинстве случаев из неё выводится перфектная основа, а не наоборот.

Инфектная основа входит в личные формы, а также в императив. Перфектная основа входит в личные формы и в причастие, однако причастие может иметь и особую основу.

Имеются два типа личных окончаний: инфектные и перфектные. Особый случай — глагол(-связка) *sỳ* ‘быть’, который не имеет инфектных окончаний.

В парадигму глагола включается причастие, но не другие именные формы (имя действия, «деепричастие»). Жирным в таблице выделены диагностические формы, т. е. такие, по совокупности которых можно однозначно восстановить все остальные:

инфект:

1.ед.	1.мн.
2.ед.	2.мн.
3.ед.	3.мн.

императив:

2.ед.	2.мн.

«долгий инфект»:

1.ед.	1.мн.
2.ед.	2.мн.
3.ед.	3.мн.

«имперфект»:

1.ед.	1.мн.
2.ед.	2.мн.
3.ед.	3.мн.

перфект:

1.ед.	1.мн.
2.ед.	2.мн.
3.ед.	**3.мн.**
3.ед.м. 3.ед.ж.	} неактивные

«плюсквамперфект»:

1.ед.	1.мн.
2.ед.	2.мн.
3.ед.	3.мн.
3.ед.м. 3.ед.ж.	} неактивные

сослагательная форма:

3.

причастие:

= прил.

Обозначенная в схеме сослагательная форма, с одной стороны, примыкает к подпарадигме «плюсквамперфекта», а с другой — может рассматриваться как часть отдельной подпарадигмы, отличной от «плюсквамперфекта» только одной факультативной формой (об этом см. 3.11.4.7).

Не все глаголы имеют все формы, входящие в приведённый состав парадигмы. В одних случаях речь идёт о системных ограничениях: у неактивных, а также у части активных глаголов нет причастий (впрочем, от ряда глаголов причастия потенциально возможны, но не употребляются, см. 3.11.6), в других случаях — об отдельных дефективных парадигмах: так, многие глаголы не имеют императива, а глаголы *buśòl* ‘называться’ и *mʼà(zo)l* ‘быть похожим’ лишены перфектных форм.

3.11.3. Система инфекта

Здесь будут даны формы императива, личных форм, образующих подпарадигмы «краткого» и «долгого» инфекта и «имперфекта».

3.11.3.1. Инфектные личные окончания

Инфектные личные окончания присоединяются только к инфектной основе (см. 3.11.3.2). Если основа исходит на гласный, эти окончания состоят из одного согласного и примыкают непосредственно к основе (окончания I ряда):

	ед.	мн.
1.	*-v*	*-s*
2.	*-s*	*-n*
3.	*-l*	*-n*

Если основа исходит на согласный, то между основой и согласным окончания вставляется гласный *-a-* в 1-м лице обоих чисел; в прочих формах *-e-*/*-ə-* (окончания II ряда):

	ед.	мн.
1.	*-av*	*-as*
2.	*-es* : *-əs*	*-en* : *-ən*
3.	*-el* : *-əl*	*-en* : *-ən*

Варианты окончаний на гласный *-e-*/*-ə-* распределены морфонологически (морфонол. *-ÈS*, *-ÈL*, *-ÈN*, о распределении см. 2.5.1.1). Гласный *-e-* выступает с основами, фонологически исходящими на (приводятся только те согласные, которые встречаются в реально существующих глагольных основах):

мягкие согласные:
/ *pʼ lʼ tʼ ś* /
твёрдые согласные, подверженные смягчению перед *-e-*:
/ *b m v d n l* /

Гласный *-ə-* выступает с основами, исходящими на:
/ *r ř š s k kh g* /

В пределах парадигмы одного глагола основа может исходить то на гласный, то на согласный. Соответственно к ней присоединяются окончания одного из двух рядов.

Есть, однако, стилистически окрашенные формы, в которых перед постфиксами (*-a*, *-as*) после части сонантов в 3.ед. факультативно стоит окончание 3.ед. *-l* без гласного (см. 3.11.3.6, 3.11.3.7).

Окончания инфекта 2.мн. и 3.мн. у всех глаголов (кроме связки) совпадают (*-en*/*-ən*).

3.11.3.2. Инфектная основа

Непосредственно от инфектной основы образуются императив и личные формы. Можно выделить шесть основных типов инфектных основ: один тип — с исходом на согласные и пять — с исходом на гласные.

Сначала рассмотрим глагольные основы I пласта:

основа	имп.ед.	инф.3.ед.	
на согласный	*khàl* *màr*	*khəl|èl* *mar|àl*	ʻплясать’ ʻбить’
на *-E*	*dè* *pràste*	*d|èl* *pràst|el*	ʻдать’ ʻбегать’
на *-I*	*pì* *anklì*	*p|èl* *ankl|èl*	ʻпить’ ʻвыйти’
на *-A*	*ź̀a* *paťà*	*ź̀a|l* *paťà|l*	ʻидти’ ʻверить’
на *-U*	*phabù* *màću*	*phabò|l* *màćo|l*	ʻгореть’ ʻпачкаться’
на *-O*	*diľàvo*	*diľàvo|l*	ʻдуреть’

Как видно из таблицы, в чистом виде основа проявляется только в формах императива (они равны основе). Глагольные основы I пласта бывают непроизводными и производными, т. е. могут состоять из одного корня или содержать суффиксы (см. 3.11.11).

В личных формах основы на *-A* принимают окончания I ряда (неслоговые). Основы на согласный, на *-E* и на *-I* принимают окончания II ряда (с гласным), причём гласный исход основ на *-E* и на *-I* падает или утрачивает слоговость (см. следующие разделы). В других основах происходят различные морфонологические изменения, в результате которых в одной парадигме появляются окончания обоих рядов.

Из нашей классификации по исходу основ I пласта выпадает глагол-связка *sỳ* ʻбыть’ (см. 3.11.9), а также глагол *śòl* ʻнадевать’ и глагол (или пара омонимов) *thòl* ʻставить; мыть’ (о двух последних см. 3.11.8.16).

Большинство глаголов II пласта производны. Глагольные основы II пласта содержат гласный заполнитель, за которым следуют сегменты *-sar-* и *-sav(o)-*, чередующиеся с нулём в пределах парадигмы (в разной степени факультативно), но обычно присутствующие в императиве:

основа	имп.ед.	инф.3.ед.	
...(-S.AR-)	*ćino.s.àr* (~ *ćinò*)	*ćinò|l*	ʻмотать’
...(-S.AVO-)	*tristo.s.àvo*	*tristò|l*	ʻгрустить’

Личные инфектные формы в этих типах чаще всего совпадают, однако императив единственного числа образуется по-разному; окончания зависят от того, опущен ли суффиксальный конец основы (подробности: см. 3.11.3.5).

Таким образом, глаголы II пласта, отличаясь особой словообразовательной структурой, частично вписываются в типы спряжения I пласта, т. е. оформляются уже известными по I пласту суффиксами и принимают те же окончания, что и остальные глаголы (после гласных — I ряда, после согласных — II ряда).

3.11.3.3. Императив

Как уже сказано, форму императива единственного числа (имп.ед.) мы выбрали в качестве инфектной основы (хотя возможны и другие решения). Поэтому здесь мы не будем их специально приводить: все различные формы имп.ед. уже приведены выше при классификации инфектных основ. Кроме того, они даются ниже вместе с личными формами.

Форма имп.мн. всех глаголов, кроме глагола-связки, совпадает с 2.мн. инфекта, в т. ч. может содержать *-sar-* (активные глаголы II пласта), ср. *jertìn* ~ (редко) *jertisarȁn* ‘простите’. Форма имп.ед. в ряде типов примыкает скорее к подпарадигме перфекта — это характерно для глаголов с возвратностью в лицах инфекта, ср. *gyndìl-pe* ‘думает’, но императив — с суффиксом: *gyndisàvo* ‘думай’ (ср. перф. *gyndisàjlo* ‘подумал’, см. 3.11.14). Глагол-связка *sỳ* ‘быть’ в императиве имеет основу *av-* (как в будущем времени, а также в зависимом наклонении), причём эта основа совпадает с основой глагола *avèl* ‘прийти’: имп. *àv* ‘будь’ (и ‘приди’), *avèn* ‘будьте’ (и ‘придите’).

Некоторые глаголы не имеют императива. В одних случаях это так или иначе можно связать с семантикой глагола, ср. потенциальные, но не употребляемые формы императива от безличных глаголов типа *tunerićìl* ‘темнеть’ (о времени суток): ?*tunerićisàvo* ‘стемней’. В ряде случаев императива нет в связи с другими (семантическими?) обстоятельствами. Речь идёт о глаголах: *kamèl* ‘хотеть’ (***kàm*), *źanèl* ‘знать’ (***źàn*), *buśòl* ‘называться’ (***buśù*), *arəsȁl* ‘хватать, быть достаточным’ (однако в значении ‘прибывать, достигать, догонять’ форма имп. *arȁs* возможна). В случае отсутствия формы императива и наличия потребности в нём прибегают к зависимым формам с проклитикой *te-* (см. 3.11.13.1), ср. типичное выражение *te-nà-źanès* (при упоминании горя, неприятностей) букв. ‘чтоб ты не знал’.

Ударение формы имп.ед. вытекает из свойств типа (и подтипа) спряжения: ударение всегда стоит на конце в императивах на *-ì*, *-à*; всегда на основе — на *-o*, *-e*; основы *-u* ударяются по-разному в зависимости от подтипа; императивы на согласный всегда конечноударны, кроме одного случая: *aźùkər* ‘жди’ наряду с *aźukȁr* (от *aźukərȁl* ‘ждать’).

🛠 Можно было бы в качестве словарной формы взять императив, который, как правило, представлен неосложнённой другими морфемами основой, ср. *źà* ‘иди’, *xà* ‘ешь’, *màr* ‘бей’, *asà* ‘смейся’, *vucysàr* ‘ной’ (в последнем случае имеется суффикс), но это решение вряд ли оптимально, т. к. не все глаголы образуют императив. Мало того, пришлось бы давать возвратные глаголы с местоимением-клитикой 2-го лица, 3.ед. *xàl-pe* ‘ссорится’, имп. *xà-tu* ‘ссорься’; возникла бы также трудность с глаголами типа *gyndìl-pe* ‘думает’, имп. *gyndisàvo* (возвратность никак не видна). Конечно, можно было бы следовать индийской традиции и давать абстрактную форму, например *źan-* ‘знать’. Однако тогда пришлось бы пожертвовать прозрачностью с теми же возвратными глаголами — слишком сложны такие записи, как *xa-* [*pe*]; *gyndi*(*savo*)- [*pe*] и т. п.

3.11.3.4. Личные формы инфекта I пласта

Дадим полные таблицы «кратких» (т. е. не осложнённых постфиксами) инфектных форм (личных и императива) для основ разных типов и подтипов (о классфикации инфектных основ см. 3.11.3.2). Для конечноударных типов небесполезно давать примеры основ с разным числом слогов, ср. *marȁl* ‘бить’, имп. *màr* — ударение на единственном слоге; *ankalavèl* ‘вынимать’, имп. *ankalàv* — ударение на последнем слоге.

3.11.3.4.1. Основы на согласные

Сюда входит основная масса глаголов I пласта. Представлены два варианта спряжения — мягкий/парный и твёрдый. К основам присоединяются окончания II ряда с гласным *-e-*/*-ə-* в соответствии с правилами смягчения.

Самые короткие основы — односложные, а самые длинные — трёхсложные. Имеется подтип с беглым гласным в основе на *-tər*, который проявляется в закрытом слоге (см. 2.5.1.2), т. е. из всех форм инфекта только в имп.ед., ср. 3.ед. *bystrə̀l*, но имп.ед. *bystə̀r* ʻзабыть’, так что их основа содержит то один, то два слога. Прочие основы на *-ər* лишены этой особенности.

Ударение во всех глаголах этой группы падает на окончание (если его нет, то на последний слог основы; только у одного глагола с трёхсложной основой в имп.ед. факультативно стоит на предпоследнем слоге):

	твёрдые			мягкие/парные		
	ед.	мн.		ед.	мн.	
1 слог						
1.	*pek|àv*	*pek|às*	ʻпечь’	*ćamb|àv*	*ćamb|às*	ʻжевать’
2.	*pek|ès*	*pek|ən*		*ćamb|ès*	*ćamb|èn*	
3.	*pek|èl*	*pek|ən*		*ćamb|èl*	*ćamb|èn*	
имп.	*pèk*	*pek|ən*		*ćàmb*	*ćamb|èn*	
1 слог : 2 слога (беглый гласный)						
1.	*putr|àv*	*putr|às*	ʻоткрыть’			
2.	*putr|ès*	*putr|ən*				
3.	*putr|èl*	*putr|ən*				
имп.	*putə̀r*	*putr|ən*				
2 слога						
1.	*akuš|àv*	*akuš|às*	ʻклясть’	*darav|àv*	*darav|às*	ʻпугать’
2.	*akuš|ès*	*akuš|ən*		*darav|ès*	*darav|èn*	
3.	*akuš|èl*	*akuš|ən*		*darav|èl*	*darav|èn*	
имп.	*akùš*	*akuš|ən*		*daràv*	*darav|èn*	
3 слога						
1.	*aźukər|àv*	*aźukər|às*	ʻждать’	*ankalav|àv*	*ankalav|às*	ʻвынимать’
2.	*aźukər|ès*	*aźukər|ən*		*ankalav|ès*	*ankalav|èn*	
3.	*aźukər|èl*	*aźukər|ən*		*ankalav|èl*	*ankalav|èn*	
имп.	*aźùkər* ~ *aźukə̀r*	*aźukər|ən*		*ankalàv*	*ankalav|èn*	

Основы на согласные бывают непроизводными, ср. *dìkh* ʻсмотри’, и производными — с суффиксами *-ÀR-*, ср. *raťàr* ʻночуй’, *-ÀV-*, ср. *naš.àv* ʻгони’.

Такие же (но безударные) окончания факультативно получают глаголы с суффиксом *-ÀVO-* (не путать с *-ÀV-*). Эти глаголы обычно спрягаются по другому типу (на *-o*), в т. ч. в императиве, поэтому во избежание путаницы приводим их там же (см. 3.11.3.4.6).

3.11.3.4.2. Основы на *-ɛ-*

Сюда входят два глагола, чья основа состоит из одного согласного: *dèl* ʻдавать’, *lèl* ʻбрать’ (приводим в таблице оба этих глагола, хотя они спрягаются совершенно одинаково); глаголы с основой, исходящей на *-d-*, а также глагол *pràstel* ʻбегать’.

⌛ В говорах немолдовая так же себя может вести *gilàbel* ʻпеть’ (молд. только *dilabàl*).

Основа выступает в неизменном виде только в императиве единственного числа, а в остальных формах она выступает без *-e* (возможно и другое членение, см. 2.5.4.2б) и принимает окончания II ряда. Таким образом, оформление личных форм инфекта этих глаголов, кроме императива, ничем не отличается от предыдущей группы (основы на согласные). Однако в неодносложных формах ударение стоит на предпоследнем слоге:

	ед.	мн.		ед.	мн.	
1 слог						
1.	*d|àv*	*d|às*	ʻдать’	*l|àv*	*l|às*	ʻбрать’
2.	*d|ès*	*d|èn*		*l|ès*	*l|èn*	
3.	*d|èl*	*d|èn*		*l|èl*	*l|èn*	
имп.	*dè*	*d|èn*		*lè*	*l|èn*	
2 слога						
1.	*vàzd|av*	*vàzd|as*	ʻподнять’	*pràst|av*	*pràst|as*	ʻбегать’
2.	*vàzd|es*	*vàzd|en*		*pràst|es*	*pràst|en*	
3.	*vàzd|el*	*vàzd|en*		*pràst|el*	*pràst|en*	
имп.	*vàzde*	*vàzd|en*		*pràste*	*pràst|en*	
3 слога						
1.	*xarùnd|av*	*xarùnd|as*	ʻчесать’			
2.	*xarùnd|es*	*xarùnd|en*				
3.	*xarùnd|el*	*xarùnd|en*				
имп.	*xarùnde*	*xarùnd|en*				

В части основ *-d-* можно условно считать суффиксом, ср. *ćungàr* ʻслюна’ и *ćungàr.d|el* ʻплевать’, в других же конечный согласный — часть корня, ср. *phànd|el* ʻсвязывать’ и однокоренной суффиксальный глагол *phand.av|èl* ʻзакрывать’ (в таких случаях *-d-* можно считать субморфом, см. 2.1.1).

Три глагола: *tìdel* ʻсобрать; сжать’, *vàzdel* ʻподнять’, *ambòldel* ʻвертеть, вернуть’ — при возвратности факультативно ведут себя как глаголы II пласта (см. 3.11.14).

3.11.3.4.3. Основы на *-ɪ-*

Во всех формах, кроме императива единственного числа, гласный исход теряет слоговость, оставаясь в виде мягкости согласного, что можно морфонологически изобразить так: *-ɪ* ⇨ *-ʼ*. К основам, исходящим в результате этого преобразования на мягкий согласный, прибавляются окончания II ряда (с гласными). Таким образом, от основ на согласные этот тип отличается мягкостью перед окончаниями 1.ед. *-av*, мн. *-as* (в остальных формах смягчение в результате йотации совпадает с автоматическим смягчением). Все немногочисленные основы на *-i* — непроизводные:

	ед.	мн.	
1 слог			
1.	*p’|àv*	*p’|às*	‘пить’
2.	*p|ès*	*p|èn*	
3.	*p|èl*	*p|èn*	
имп.	*pì*	*p|èn*	
2 слога			
1.	*hul’|àv*	*hul’|às*	‘слезть’
2.	*hul|ès*	*hul|èn*	
3.	*hul|èl*	*hul|èn*	
имп.	*hulì*	*hul|èn*	

3.11.3.4.4. Основы на *-A-*

Основа остаётся неизменной и принимает окончания I ряда (без гласного).

Сюда входят два глагола с односложной основой: *xà|l* ‘есть’, *ź̀à|l* ‘идти’, а также глаголы с двухсложной и трёхсложной основой:

	ед.	мн.		ед.	мн.	
1 слог						
1.	*xà|v*	*xà|s*	‘есть’	*ź̀à|v*	*ź̀à|s*	‘идти’
2.	*xà|s*	*xà|n*		*ź̀à|s*	*ź̀à|n*	
3.	*xà|l*	*xà|n*		*ź̀à|l*	*ź̀à|n*	
имп.	*xà*	*xà|n*		*ź̀à*	*ź̀à|n*	
2 слога						
1.	*paťà|v*	*paťà|s*	‘верить’			
2.	*paťà|s*	*paťà|n*				
3.	*paťà|l*	*paťà|n*				
имп.	*paťà*	*paťà|n*				
3 слога						
1.	*dilabà|v*	*dilabà|s*	‘петь’			
2.	*dilabà|s*	*dilabà|n*				
3.	*dilabà|l*	*dilabà|n*				
имп.	*dilabà*	*dilabà|n*				

В ряде случаев гласный *-a-* можно считать суффиксом, а глагол производным от имени, ср. *dar.à|l* ‘бояться’ при *dàr* ‘страх’ (см. 3.11.11.1).

3.11.3.4.5. Основы на *-U-*

Как и в остальных типах, в чистом виде основа у этих глаголов представлена в императиве, а в личных формах происходят морфонологические преобразования: основы принимают окончания то I ряда, то II. Глаголы этого типа с двусложными основами распадают-

ся на два подтипа по ударению: либо на конце, либо на предпоследнем слоге основы. Если слогов больше (три или четыре), ударение всегда стоит на предпоследнем слоге основы:

	ед.		мн.		
ударение на конце слова					
2 слога					
1.	*phabò|v*	*~ phabuv|àv*	*phabò|s*	*~ phabuv|às*	ʿгореть’
2.	*phabò|s*		*phabò|n*		
3.	*phabò|l*		*phabò|n*		
имп.	*phabò*	*~ phabù*	*phabò|n*		
ударение на предпоследнем слоге основы					
2 слога:					
1.	*dìćo|v*	*~ dìćuv|av*	*dìćo|s*	*~ dìćuv|as*	ʿвыглядеть’
2.	*dìćo|s*		*dìćo|n*		
3.	*dìćo|l*		*dìćo|n*		
имп.	*dìćo*	*~ dìću*	*dìćo|n*		
3 слога					
1.	*atàrďo|v*	*~ atàrďuv|av*	*atàrďo|s*	*~ atàrďuv|as*	ʿперестать’
2.	*atàrďo|s*		*atàrďo|n*		
3.	*atàrďo|l*		*atàrďo|n*		
имп.	*atàrďo*	*~ atàrďu*	*atàrďo|n*		
4 слога					
1.	*arakhàďo|v ~ arakhàďuv|av*		*arakhàďo|s ~ arakhàďuv|as*		ʿродиться’
2.	*arakhàďo|s*		*arakhàďo|n*		
3.	*arakhàďo|l*		*arakhàďo|n*		
имп.	*arakhàďo*	*~ arakhàďu*	*arakhàďo|n*		

Мы рассматриваем эти основы как исходящие на гласный *-u* в соответствии с исходом одного из вариантов императива (хотя есть и вариант на *-o*). Это позволяет в одних формах видеть эпентезу *-v-* (см. 2.5.4.1), а в других — стяжение (см. 2.5.4.2):

форма имп.ед.:	*-’U|∅*	⇨		*-’u*
личные формы 1.ед. и мн.:	*-’U|AV*	⇨		*-’uvav*
остальные формы:	*-’U|EL*	⇨	(стяжение)	*-’ol*

Однако в формах 1-го лица основа часто выступает в морфонологически нерегулярном облике на *-o-*, т. е. совпадает с остальными лицами. Регулярные формы на *-uva-* слышны чаще у носителей старшего поколения. Императив тоже имеет варианты *-u ~ -o* (второй из них, по нашей схеме, морфонологически нерегулярен).

Большинство глаголов этого типа следует считать производными. Лишь для некоторых из них нет очевидных производящих. Суффикс *-’U-* содержит йотацию, однако есть случаи, когда она не проявляется (кроме как после непарных твёрдых, ещё и после *-b-* и *-s-*). Это суффикс часто присоединяется к основе причастий (см. 3.11.11.2).

3.11.3.4.6. Основы на *-o-*

Этот тип схож с предыдущим, но здесь нет морфонологических чередований в конце основы. Все основы этого типа имеют по три слога, а ударен всегда предпоследний слог основы. Эти глаголы факультативно имеют суффикс *-av-*, а не *-avo-*, но не в императиве:

	ед.		мн.		
1.	*diľàvo|v*	(~ *diľàv|av*)	*diľàvo|s*	(~ *diľàv|as*)	ʻдуретьʼ
2.	*diľàvo|s*	(~ *diľàv|es*)	*diľàvo|n*	(~ *diľàv|en*)	
3.	*diľàvo|l*	(~ *diľàv|el*)	*diľàvo|n*	(~ *diľàv|en*)	
имп.	*diľàvo*		*diľàvo|n*		

Ввиду отсутствия императива типа ***diľàv*, будем считать (условно), что основа здесь по-прежнему на *-o* (а не на согласный, см. 3.11.3.4.1), так что это тот же тип спряжения (но с аномальным усечением основы в личных формах). Иногда встречаются гибридные формы типа *diľàv̓ol* и т. д. (см. 3.11.3.4.8).

⌛ В некоторых говорах немолдовая глаголы этого типа могут спрягаться только по второму варианту (основа на согласный без *-o-*), в т. ч. в императиве; ср. молд. *diľàvol ~ diľàvel*, имп. *diľàvo* ʻдуретьʼ, но ёнешти только *diľàvel*, имп. *diľàv*.

3.11.3.4.7. Изолированные инфектные основы

Несколько глаголов не вписываются ни в один из описанных типов I пласта: это глагол *śòl* ʻнадетьʼ (возвр. ʻзайти, войтиʼ), глагол (или пара омонимов) *thòl* ʻкласть; мытьʼ, а также производный от него *mothòl* ʻговоритьʼ:

	ед.	мн.		ед.	мн.	
1.	*th|àv*	*th|às*	ʻкластьʼ,	*moth|àv*	*moth|às*	ʻговоритьʼ
2.	*thò|s*	*thò|n*	ʻмытьʼ	*mothò|s*	*mothò|n*	
3.	*thò|l*	*thò|n*		*mothò|l*	*mothò|n*	
имп.	*thò*	*thò|n*		*mothò*	*mothò|n*	

Эти глаголы мы даём среди изолированных (см. 3.11.8.16).

3.11.3.4.8. Колебания в оформлении инфекта

В речи (обычно у молодёжи) встречаются колебания в оформлении инфекта неактивных глаголов, не выглядящих как «типично» неактивные. Для приближения их к неактивному виду гласный окончания личных форм инфекта *-e-*/*-ə-* заменяется на *-o-* (точнее, *-ʼo-* — со смягчением согласного, если это возможно):

xutèl	~	*xuťòl*	ʻпрыгатьʼ
avèl	~	*avʼòl*	ʻприходить, а также буд. ʻбытьʼ
aśèl	~	*aśòl*	ʻоставатьсяʼ
bešəl	~	*bešòl*	ʻсидеть, находиться, бытьʼ
khàndel	~	*khànďol*	ʻпáхнуть, вонятьʼ

В 1-м лице окончания *-av*, *-as* не меняются. Но во 2-м и 3-м лицах эти глаголы становятся неотличимы от ярко выраженно неактивных глаголов с основой на *-U-* (ср. *buśòl* ʻназываться’, *nevʼòl* ʻобновляться’, *śìnďol* ʻрваться’). По крайней мере в одном случае под эти формы может подстраиваться и императив, ср. *aśò* вм. *àś* ʻостанься’.

Похожее, но идущее дальше явление представлено в глаголах с основой на *-o-*. У них в настоящем времени сравнимо частотны два типа форм (см. 3.11.8.13): с сохранением гласного исхода основы по всей инфектной парадигме, ср. от глагола ʻтеряться’: 1.ед. *xasàvo|v*, 2.ед. *xasàvo|s*, имп. *xasàvo*, или же с его сохранением только в императиве: 1.ед. *xasàv|av*, 2.ед. *xasàv|es*, имп. *xasàvo*, не ***xasàv* (за основной вариант мы берём первый из них). Встречаются, однако, и гибридные формы, в которые вводится *-’o-*, приближая эти глаголы, опять-таки, к глаголам с основой на *-U-*, которым присуща мягкость. Это происходит только во 2-м и 3-м лицах; таким образом, имеем: *xasàvav*, *xasàv̓os* и т. д. Такие формы употребляются нечасто, но, возможно, чаще, чем приведённые выше *xuťòl* и т. п.

3.11.3.5. Личные формы инфекта II пласта

Глагольные основы II пласта содержат «суффиксальные комплексы» *-s.ar-* и *-s.av(o)-*, нетривиально чередующиеся с нулём в пределах инфектной подпарадигмы. Все эти глаголы можно считать производными (даже при отсутствии явного производящего) — они образуются от корней заполнителями *-o-* и *-i-*/*-y-* (в одном случае *-u-*), к которым через особый суффикс *-s-* примыкают суффиксы *-ar-* и *-av(o)-*, фигурирующие также в I пласте (но в I пласте они словообразовательные, а во II выполняют в большей степени словоизменительную функцию).

Входящие в основу «суффиксальные комплексы» *-s.ar-* и *-s.av(o)-* представляют собой «пустые» морфологические показатели глагольных основ II пласта. В целом можно сказать, что глагольная система II пласта — это надстройка над I пластом. Как и имена II пласта, глаголы II пласта отмечены явными морфологическими признаками (не встречающееся больше нигде сочетание: заполнитель + суффикс *-s-*).

Формально основы II пласта частично примыкают к двум типам I пласта — к основам на согласный (см. 3.11.3.4.1) и к основам на *-o-* (см. 3.11.3.4.6). Несколько упрощая, можно сказать, что в первый тип входят активные глаголы, а во второй — неактивные (подробно см. 3.11.14).

Употребление личных форм обоих типов без суффиксов приводит к единству их спряжения в инфекте (но не в перфекте). Однако императив единственного числа образуется в каждом типе по-своему (что согласуется с нашим выбором формы императива в качестве классифицирующей).

3.11.3.5.1. Основы на гласный (+ *-s.ar-*)

Заполнители: *-o-* и (*-ɪ-* ⇨) *-i-*/*-y-*, а также *-u-* (в одном случае).

Как правило, все личные формы употребляются без суффиксов *-s.ar-*, так что основа фонологически исходит на гласный. Изредка суффиксы оставляют в форме 1.мн., в остальных формах — крайне редко (очень немногими носителями и непоследовательно). Императив единственного числа чаще всего содержит комплекс *-s.ar-*, который опускается довольно редко:

	ед.		мн.		
тема на *-ɪ-* (мягкий вариант)					
1.	*jertì|v*	(~ *jerti.s.ar|àv*)	*jertì|s*	~ *jerti.s.ar|às*	ʻпрощать’
2.	*jertì|s*	(~ *jerti.s.ar|às*)	*jertì|n*	(~ *jerti.s.ar|àn*)	
3.	*jertì|l*	(~ *jerti.s.ar|àl*)	*jertì|n*	(~ *jerti.s.ar|àn*)	
имп.	(*jertì* ~)	*jerti.s.àr*	*jertì|n*	(~ *jerti.s.ar|àn*)	

	(твёрдый вариант)				
1.	*pyřỳ|v*	(~ *pyřy.s.ar|àv*)	*pyřỳ|s*	~ *pyřy.s.ar|às*	ʿвыдать [вла-
2.	*pyřỳ|s*	(~ *pyřy.s.ar|às*)	*pyřỳ|n*	(~ *pyřy.s.ar|àn*)	стям], заложить’
3.	*pyřỳ|l*	(~ *pyřy.s.ar|àl*)	*pyřỳ|n*	(~ *pyřy.s.ar|àn*)	
имп.	(*pyřỳ* ~)	*pyřy.s.àr*	*pyřỳ|n*	(~ *pyřy.s.ar|àn*)	
тема на *-o-*					
1.	*ćinò|v*	(~ *ćino.s.ar|àv*)	*ćinò|s*	~ *ćino.s.ar|às*	ʿмотать’
2.	*ćinò|s*	(~ *ćino.s.ar|às*)	*ćinò|n*	(~ *ćino.s.ar|àn*)	
3.	*ćinò|l*	(~ *ćino.s.ar|àl*)	*ćinò|n*	(~ *ćino.s.ar|àn*)	
имп.	(*ćinò* ~)	*ćino.s.àr*	*ćinò|n*	(~ *ćino.s.ar|àn*)	
тема на *-u-*					
1.	*trubù|v*		*trubù|s*	~ *trubu.s.ar|às*	ʿтребоваться’
2.	*trubù|s*		*trubù|n*		
3.	*trubù|l*		*trubù|n*		
имп.	—		—		

По этому типу спрягаются такие глаголы, как *daštìl* ʿмочь’ (иногда ʿне мочь’), *naštìl* ʿне мочь’, *xaštìl* ʿкашлять’, *trajìl* ʿжить’ и др., а также многочисленные производные и все окказиональные заимствования (см. 3.11.11.6).

3.11.3.5.2. Основы на гласный (+ *-s.avo-*)

Как и у активных глаголов II пласта, заполнители: *-o-* и *-i-*/*-y-*. В отличие от активных, эти глаголы во всех личных формах инфекта употребляются без суффикса, который проявляется только в императиве на *-s.avo*:

	ед.	мн.	
тема на *-i-* (мягкий вариант)			
1.	*zalì|v*	*zalì|s*	ʿпадать
2.	*zalì|s*	*zalì|n*	в обморок’
3.	*zalì|l*	*zalì|n*	
имп.	*zali.s.àv|o*	*zalì|n*	
	(твёрдый вариант)		
1.	*vynəcỳ|v*	*vynəcỳ|s*	ʿсинеть’
2.	*vynəcỳ|s*	*vynəcỳ|n*	
3.	*vynəcỳ|l*	*vynəcỳ|n*	
имп.	*vynəcy.s.àvo*	*vynəcỳ|n*	
тема на *-o-*			
1.	*tristò|v*	*tristò|s*	ʿгрустить’
2.	*tristò|s*	*tristò|n*	
3.	*tristò|l*	*tristò|n*	
имп.	*tristo.s.àvo*	*tristò|n*	

Многие такие неактивные глаголы омонимичны в инфекте с активными, но по-разному ведут себя в перфекте (о чём см. 3.11.14), поэтому мы относим их к разным типам.

3.11.3.6. Формы инфекта + *-a* («долгий инфект»)

Ко всем описанным выше личным формам инфекта может присоединяться безударный постфикс *-a*. Такие «долгие» формы чаще всего употребляются в придаточных предложениях (см. 4.2.6.2.2). Пример парадигмы:

	ед.	мн.	
1.	*puś|àv·a*	*puś|às·a*	ʻ[если, когда] спрошу’ и т. д.
2.	*puś|ès·a*	*puś|èn·a*	
3.	*puś|èl·a*	*puś|èn·a*	

Так же и от глаголов других типов:

l|èl·a	ʻ[если, когда] сделает’
vàzd|el·a	ʻ[если, когда] поднимет’
asà|l·a	ʻ[если, когда] засмеётся’
pèťo|l·a	ʻ[если, когда] испечётся’
dašti|l·a	ʻ[если, когда] сможет’
tr̀azò|l·a	ʻ[если, когда] протрезвеет’

В песнях эти «долгие» формы инфекта очень часто употребляются вместо ожидаемых кратких (см. 5.1.2.2).

В песнях в 3.ед. после основ на сонанты *r*, *n* могут факультативно опускаться гласные окончания *-e-*/*-ə-*. При этом ударение смещается на основу:

kər|əl·a	~	*kàr|l·a*	ʻделает’
astar|əl·a	~	*astàr|l·a*	ʻхватает’
phen|èl·a	~	*phèn|l·a*	ʻговорит’

При наличии автоматического смягчения, ср. /*phen’èla*/, условия для него ликвидируются и оно снимается: *phènla.*

Выпадение гласных окончания не происходит в основах с остальными сонантами, ср. только *khəl\|èl-a*, а не ***khəl\|l-a*.

3.11.3.7. Формы инфекта + *-a* («имперфект»)

К личным формам инфекта присоединяется также безударный постфикс *-as*. Полученные формы чаще всего употребляются в значении прошедшего несовершенного времени (см. 4.2.6.4.5.2). Пример парадигмы:

	ед.	мн.	
1.	*makh|àv·as*	*makh|às·as*	ʻя мазал’ и т. д.
2.	*makh|ès·as*	*makh|ən·as*	
3.	*makh|èl·as*	*makh|ən·as*	

Так же и от глаголов других типов:

d|ès·as	ʻты давал’
pràst|es·as	ʻты бегал’
darà|s·as	ʻты боялся’
buśò|s·as	ʻтебя звали, ты назывался’

Может иногда смешиваться с «долгим» инфектом на *-a*, т. к. постфикс может произноситься как [ah] или даже [a] (см. 1.3.7.3, 5.1.2.2).

В песнях в 3.ед. после основ на сонанты *r*, *n* может выпадать гласный *-e-*/*-ə-* (точно так же, как в «долгой» форме на *-a*, см. 3.11.3.6), ср. *kər|àl·as* : *kàr|l·as* ʻделал(а)ʼ и т. д.

3.11.4. Система перфекта

Перфектную основу удобно выводить из инфектной — с помощью суффиксов и чередований, учитывая также особые случаи нерегулярных изменений внутри основы. Перфектная основа входит в личные формы перфекта (с соответствующими личными окончаниями), а также (только в I пласте и не во всех случаях) — в причастие (см. 3.11.6).

3.11.4.1. Перфектные личные окончания

Перфектные окончания присоединяются к перфектной основе (см. 3.11.4.3). Они схожи с окончаниями глагола-связки (см. 3.11.9), но не тождественны им. Окончания 1-го и 2-го лиц и 3.мн. едины для всех глаголов, а в формах 3.ед. имеются разные окончания:

	ед.		мн.
1.	*-em*		*-ʼam*
2.	*-ʼan*		*-ʼan*
3.	*-ʼa*	(~ *-ʼas*)	*-e*
м.	*-o*		
ж.	*-i*		

Морфонологическая йотация проявляется в смягчении перфектного суффикса.

В 3.ед. употребляются два типа окончаний: несогласуемые с подлежащим — **активные** *-ʼa(s)* и согласуемые — **неактивные** *-o*, *-i*. Кроме семантических критериев неактивности (в целом туманных, см. 3.11.1.1), можно привести более-менее чёткое морфологическое правило:

активные:	переходные глаголы непереходные глаголы с перфектной основой на *-T-*, *-D-*, *-J-*
неактивные:	непереходные глаголы с перфектной основой на *-L-*, *-ST-*

Из этого распределения имеется несколько исключений: в части своих значений несколько неактивных глаголов употребляются переходно (см. 4.5.7.3.1).

Таким образом, за вычетом исключений, неактивные глаголы — это непереходные глаголы с суффиксами *-L-*, *-ST-*, а активные — все остальные. Это деление совпадает в ряде случаев с семантикой, ср. неактивные: *gəlò* ʻпошёлʼ, *našlò* ʻубежалʼ, *hulistò* ʻслезʼ (непереходные), но активные: *phirďà* ʻ(по)ходилʼ, *prastajà* ʻ(по)бегалʼ (непереходные), *mekľà* ʻ(с)пустилʼ (переходный). Заметим, что семантический критерий «перемены состояния» (неактивность) срабатывает при глаголах движения типа ʻпойтиʼ, ʻпобежатьʼ, но не ʻходитьʼ, ʻбегатьʼ. Однако если глагол, имеющий оттенок «перемены состояния», применяется в других значениях или контекстах, где этого оттенка нет, то окончание всё равно будет неактивное, ср. *bešlò* ʻселʼ, но также ʻсидел, просидел, садился; жилʼ.

При этом неактивные глаголы в ряде синтаксических контекстов, в частности когда подлежащее не имеет признака рода (т. е. относится к «никакому» роду, например *kòn* ʻктоʼ), употребляются с несогласованным окончанием (см. примеры ниже).

Заметим, что согласованные окончания единственного числа и окончание множественного числа (единое для всех глаголов) тождественны окончаниям причастий и прилага-

тельных типа п-Ò:’Ì:È (см. 3.6.4.1). У активных глаголов в 3.мн. часто возможно наращение *-in-* (см. 3.11.4.2).

Несогласованное окончание (часто в варианте *-’as*) противопоставлено согласованным окончаниям ещё и по регистру. В песнях встречаются почти исключительно несогласованные окончания (см. 5.1.2.2), в т. ч. у глаголов, имеющих в обыденной речи в соответствующих контекстах согласованные окончания.

Что касается самогó несогласованного окончания, то его варианты *-’a* ~ *-’as* тоже различаются стилистически. В обыденной речи вариант с согласным *-’as* не употребляется, он осознаётся как относящийся к чужому говору. В песнях же чаще всего встречается вариант *-’as* (часто в конце стиха).

Покажем различия на примере глагола *avèl* ‘приходить’:

в речи:

vò	*avilò*	‘он пришёл’	(подлежащее мужского рода)
vòj	*avilì*	‘она пришла’	(подлежащее женского рода)
kòn	*aviľà*	‘кто пришёл’	(подлежащее никакого рода)

в песни:

vò / *vòj* / *kòn*	*aviľà(s)*	‘тж.’	(независимо от рода)

Итак, общее распределение таково:

	разговорный регистр		песенный регистр
род:	м., ж.	нк.	
неактивные	*-o*, *-i*	*-’a*	*-’a(s)*
активные	*-’a*	*-’a*	*-’a(s)*

⌛ В говорах немолдовая несогласованное окончание, часто в виде *-’as*, употребляется в обычной речи. Происхождение окончания *-as* неясно, однако в близком к кэлдэрарскому лэешском (кишинёвском) диалекте ему соответствует *-av* (а согласованных окончаний нет), что может быть результатом сращения глагольной формы и клитики типа **o* (личное местоимение?), причём в кэлдэрарском это дало бы форму на *-a* (ср. предлог *pa* ‘с’ + *o* > киш. *pa-v*, но кэлд. *pa*). Это может означать, что *-s* — тоже какая-то местоименная клитика.

3.11.4.2. Оформление форм 3.мн. перфекта

В формах 3.мн. перфекта глаголов, имеющих в ед. числе несогласовательные окончания, между суффиксом перфектной основы (в т. ч. нулевым) и окончанием *-e* может вставляться наращение *-in-*. Оно обязательно только у глаголов, чьи инфектные и перфектные основы состоят из одного согласного: *d-* ‘давать’: 3.мн. *d.in*|*è* и *l-* ‘брать’: 3.мн. *l.in*|*è*.

Прочие типы основ по этому признаку образуют шкалу по степени факультативности (или запрета) наращения: оно может появляться чаще или реже (или никогда):

суффикс перфекта	наращение
-∅-: основы *d-* ‘давать’, *l-* ‘брать’	всегда
-∅-: прочие	как правило
-D-: I пласт	нечасто
-L-: после согласных	нечасто
-L-: прочие	никогда
-J-	никогда
-D-: II пласт	никогда
-T-	никогда

Таким образом, возможна только форма *dinè* ʻдалиʼ, а не ***dè*; форма *vazdinè* ʻподняли’ гораздо частотнее, чем *vazdè*; формы *phirdinè* ʻходилиʼ, *thodinè* ʻпоставилиʼ, *kərdinè* ʻсделалиʼ, *mudardinè* ʻубилиʼ встречаются, но всё же чаще говорят *phirdè*, *thodè*, *kərdè*, *mudardè*; редко *dikhlinè* вместо *dikhlè* ʻувиделиʼ; невозможны формы ***ankolisardinè*, ***paťajinè*, ***xalinè*, ***rujinè* вместо *ankolisardè* ʻокружилиʼ, *paťajè* ʻповерилиʼ, *xalè* ʻсъелиʼ, *rujè* ʻплакалиʼ.

Наращения не бывает у неактивных глаголов (т. е. если в ед. согласованные окончания). Из этого следует, что наращение как бы выражает несогласованность окончания (хотя само окончание *-e* равно окончанию мн. числа прилагательных типа п-Ò:ʼÌ:È).

Мы рассматриваем наращение отдельно от окончания (т. е. не считаем *-inè* одной морфемой), т. к. элемент *-in-* встречается также в других глагольных формах: причастии (только у двух глаголов, см. 3.11.6.1) и сослагательной форме 3-го лица (см. 3.11.4.7).

⌛ В глаголах *dèl* ʻдавать’, *lèl* ʻбратьʼ, *vàzdel* ʻподнимать’ и т. д. *-in-* этимологически является частью основы причастия (ср. *dinò* ʻданныйʼ < ср.-инд. *dinna-*, *linò* ʻвзятыйʼ, *vazdinò* ʻподнятыйʼ), тогда как у остальных глаголов это действительно «наращение», восходящее к какому-то суффиксу.

3.11.4.3. Перфектная основа

Основа перфекта образуется от основы инфекта. Лишь для части глаголов можно установить регулярные правила порождения. Можно выделить следующие группы случаев: перфектный суффикс присоединяется (примеры даются только для иллюстрации):

а) непосредственно к основе инфекта (на гласный или согласный):
khəl- → *khəl.d-* ʻплясатьʼ
piťa- → *piťa.j-* ʻкапатьʼ

б) к основе инфекта на согласный, к которому добавлен гласный:
aś- → *aśi.l-* ʻоставатьсяʼ

в) к основе инфекта на гласный, который удаляется:
rode- → *rod-* ʻискатьʼ (нулевой перфектный суффикс)

г) к основе инфекта на гласный, который меняется на другой:
praste- → *prasta.j-* ʻбегатьʼ
syťu- → *syti.l-* ʻпривыкать; учитьсяʼ

д) к основе инфекта на гласный, к которому добавлен согласный:
dara- → *daraj.l-* ʻбоятьсяʼ

е) к основе инфекта на согласный, который падает:
garav- → *gara.d-* ʻпрятатьʼ

ж) к основе инфекта на гласный, который падает, а согласный меняется:
śade- → *śag.l-* ʻблевать’
nasv.avo- → *nasv.aj.l-* ʻзаболетьʼ

з) к основе, кардинально отличной от основы инфекта:
mer- → *mu.l-* ʻумиратьʼ

Группа (а) — тривиальные случаи; группы (б)–(д) можно расценивать как переход инфектной основы в другой тип; в группе (е) удобнее всего усматривать морфонологические чередования; в группе (ж) — сочетание перехода основы в другой тип и чередования; в группе (з) имеет место супплетивизм.

Отметим, что в группе (д) изменённая основа инфекта, к которой присоединяется суффикс перфекта, равна словообразовательной основе (см. 3.11.5).

Отдельно стоит вопрос о выборе перфектного суффикса. Мы выделяем шесть суффиксов: *-D-*, *-L-*, *-∅-*, *-J-*, *-ST-*, *-T-*. Этот список продиктован, в частности, соображениями лаконичности морфологического представления, хотя в ряде случаев выделение этих суффиксов наталкивается на формальные трудности, т. к. их не всегда легко отделить от основы. Почти все суффиксы состоят из одного или двух согласных, и только один — нулевой (иногда с наращением).

Сначала опишем порождение перфекта в группах (а)–(ж). Приведём для каждого суффикса все типы инфектных основ, с которыми они сочетаются без кардинальных изменений внутри основы:

перф. суфф.	типы и исходы инфектных основ и примеры

-D- большинство основ на сонанты *-l-*, *-n-*, *-r-* (но не *-m-*):

khəl-	→	*khəl.d-*	‘играть’
phen-	→	*phen.d-*	‘говорить’
mar-	→	*mar.d-*	‘бить’
raťar-	→	*raťar.d-*	‘ночевать’

и др.

в т. ч. три основы с беглым гласным:

putər- : *putr-*	→	*pytər.d-*	‘открыть’
mutər- : *mutr-*	→	*mutər.d-*	‘облить мочой’
bistər- : *bistr-*	→	*bistər.d-*	‘забыть’

а также II пласта:

jerti.s.ar-	→	*jerti.s.ar.d-*	‘прощать’
rimo.s.ar-	→	*rimo.s.ar.d-*	‘портить’
trubu.s.ar-	→	*trubu.s.ar.d-*	‘требоваться’

и др.

две непроизводные основы на *-v-* (без выпадения *-v-*):

akhuv-	→	*akhuv.d-*	‘плести’
(a)suv-	→	*(a)suv.d-*	‘шить’

одна непроизводная основы на *-v-* (здесь *-V+D-* ⇨ *-d-*):

paŕuv-	→	*paŕu.d-*	‘менять’ (~ *paŕu.g.l-*)

основы на *-v-* с суффиксом *-AV-* (*-AV+D-* ⇨ *-a.d-*):

phand.av-	→	*phand.a.d-*	‘закрыть’
ankal.av-	→	*ankal.a.d-*	‘вынуть’

и др.

три основы на *-A-*:

dilaba-	→	*dilaba.d-*	‘петь’
azba-	→	*azba.d-*	‘трогать’
solaxa-	→	*solaxa.d-*	‘клясться’

изолированный глагол (или пара омонимов):

th-/*tho-*	→	*tho.d-*	‘ставить; мыть†’

перф. суфф.	типы и исходы инфектных основ и примеры

-L-

большинство основ на шумные согласные:

ćamb-	→	*ćamb.l-*	ʻжевать’
makh-	→	*makh.l-*	ʻмазать’
beš-	→	*beš.l-*	ʻсидеть’

и др.

одна основа на согласный *-m-*:

kam-	→	*kam.l-*	ʻхотеть’

часть основ на *-E-* (*-E-* ⇨ *-∅-*; *-D + L-* ⇨ *-g.l-*):

śade-	→	*śag.l-*	ʻблевать’
ćuřynde-	→	*ćuřyng.l-*	ʻцарапать’

и др.

одна основа на *-A-*:

xa-	→	*xa.l-*	ʻесть’

три основы на *-I-*:

pi-	→	*pi.l-*	ʻпить’
xuti-	→	*xuti.l-*	ʻпрыгать’ (~ *xuk.l-*, реже)
vušti-	→	*vušti.l-*	ʻвстать’

две основы на согласный (с переходом в основы на *-I-*):

av-	→	*avi.l-*	ʻприйти’
aś-	→	*aśi.l-*	ʻостаться’

несколько основ на *-U-* (с твёрдым согласным перед гласным исхода):

tas.u-	→	*tas.u.l-*	ʻтонуть’
phab.u-	→	*phab.u.l-*	ʻгореть’

и др.

все остальные основы на *-U-* (с мягким согл. — переходом в основы на *-I-*):

syť.u-	→	*syt.i.l-*	ʻучиться’
dić.u-	→	*dić.i.l-*	ʻвыглядеть’

и др.

в т. ч. одна основа твёрдого подтипа (где *-I-* ⇨ *-y-*):

xanc.u-	→	*xanc.y.l-*	ʻуменьшаться в числе’

часть основ на *-A-* (от словообразовательной основы, см. 3.11.5):

dara-	→	*daraj.l-*	ʻбояться’
hurȁ-	→	*hurȁj.l-*	ʻлетать’

и др.

все основы на *-O-* (*-ȀVO + J.L-* ⇨ *-ajl-*):

xas.av(o)-	→	*xas.aj.l-*	ʻтеряться’
diľ.av(o)-	→	*diľ.aj.l-*	ʻдуреть’

и др.

в т. ч. II пласта:

trȁzo.s.av(o)-	→	*trȁzo.s.aj.l-*	ʻтрезветь’
zali.s.av(o)-	→	*zali.s.aj.l-*	ʻпадать в обморок’
pyřy.s.av(o)-	→	*pyřy.s.aj.l-*	ʻпризнаться’

и др.

сюда примыкают формы ряда возвратных глаголов (см. 3.11.14)

перф. суфф.	типы и исходы инфектных основ и примеры			
-∅-	обе неслоговые основы на *-E-* (*-E-* ⇨ *-∅-*) :			
	de-	→	*d-*	ʻдавать’
	le-	→	*l-*	ʻбрать’
	часть прочих основ на *-E-* (*-E-* ⇨ *-∅-*) :			
	vazde-	→	*vazd-*	ʻподнять’
	śude-	→	*śud-*	ʻбросать’
	и др.			
-J-	часть основ на *-A-*:			
	paťa-	→	*paťa.j-*	ʻверить’
	asa-	→	*asa.j-*	ʻсмеяться’
	и др.			
	одна основа на *-E-* (с переходом в основы на *-A-*):			
	praste-	→	*prasta.j-*	ʻбегать’
-ST-	две основы на *-I-*:			
	ankli-	→	*ankli.st-*	ʻвыходить’
	huli-	→	*huli.st-*	ʻслезать’

Особняком стоят два глагола, имеющие перфектную основу на *-gl-*. Это можно рассматривать как сложный суффикс *-D+L-* с регулярным преобразованием *-D.L-* ⇨ *-gl-*:

-D+L-	без особенностей, кроме двойного суффикса:			
	źan-	→	*źan.gl-*	ʻзнать’
	с усечением основы (*-V-* ⇨ *-∅-*):			
	pařuv-	→	*pařu.gl-*	ʻменять’ (~ *pařu.d-*)

Теперь перейдём к группе (з), в которой можно говорить о супплетивном отношении между инфектной и перфектной основами:

-T-	*sov-*	→	*su.t-*	ʻспать’
	ś-/śo-	→	*śu.t-*	ʻнадеть; сунуть’
-D-	*xli-*	→	*xyn.d-*	ʻобосрать’
-L-	*mer-*	→	*mu.l-*	ʻумирать’
	per-	→	*pe.l-*	ʻпадать’
	źa-	→	*gə.l-*	ʻидти’
	xuti-	→	*xuk.l-*	ʻпрыгать’ (~ *xuti.l-*, чаще)
-J-	*rov-*	→	*ru.j-*	ʻплакать’

Приведённый обзор, основанный на перечне суффиксов перфектной основы, призван осветить весь диапазон основ, к которым они могут присоединяться. Однако для получения более общей картины имеет смысл рассмотреть правила порождения перфектной основы с другой стороны — исходя из типа производящей инфектной основы.

3.11.4.4. Закономерности образования перфектной основы

При всём разнообразии способов образования перфектной основы выявляется ряд закономерностей. Можно в какой-то степени предсказать, как изменяется инфектная основа до присоединения к ней перфектного суффикса.

Можно считать регулярным переход основ на *-U-* в основы на *-I-*: он происходит после мягких согласных и *-c-*: *bar'u-* → *bari-* ʻрасти', *xancu-* → *xancy-* ʻуменьшаться'.

Регулярно также теряют гласный исхода основы на *-E-*: *tide-* → *tid-* ʻсобирать'.

Прочие переходы основ в другой тип — нерегулярные, например *av-* → *avi-* ʻприходить', *xuti-* → *xuk-* (вариант) ʻпрыгать', *praste-* → *prasta-* ʻбегать' и др.

В ряде случаев перфектный суффикс присоединяется к варианту основы, равному словообразовательной основе (см. 3.11.5): *dara-* → *daraj-* ʻбояться, пугаться'.

Имея изменённую основу инфекта, готовую к присоединению суффикса, во многих случаях можно предсказать и сам суффикс.

Начнём с основ на согласные. Распределение суффиксов прозрачно:

(изменённая) инф. основа	суффикс	перфектная основа
на *-l-*, *-n-*, *-r-*, *-v-*	*-D-*	*bol.d-* ʻкрестить', *ašun.d-* ʻслышать', *mar.d-* ʻбить' *ansurisar.d-* ʻженить', *xyn.d-* ʻобосрать'
на др. согласные	*-L-*	*kuř.l-* ʻfutuere', *baš.l-* ʻлаять', *pek.l-* ʻпечь' *kam.l-* ʻхотеть', *khang.l-* ʻвонять'

Сюда примыкают основы на *-v-* с суффиксом *-AV-*, в которых в отличие от непроизводных основ на согласные (ср. *akhuv.d-* ʻплести') происходит морфонологическое изменение — падение *-v-*, т. е. *-AV+D-* ⇨ *-a.d-*, в результате чего основа имеет внешне гласный исход: *phand.av-* → *phanda.d-* ʻзакрывать'.

От этих перфектных основ внешне ничем не отличаются перфектные основы трёх глаголов с инфектной основой на *-a-*: например, *azba-* → *azba.d-* ʻтрогать' (тип га-A:AD).

Прочие основы на *-a-* принимают два разных перфектных суффикса — *-J-*: *asa.j-* ʻсмеяться' (тип га-A:AJ — активные) и *-L-*: *bilaj.l-* ʻплавиться' (тип гн-A:AJL — неактивные). У неактивных глаголов типа гн-A:AJL перфектная основа — такая же, как у глаголов типа гн-AVO:AJL, ср. *istràjlo* ʻпоскользнулся' (инф. *istràl*) как *bokhàjlo* ʻпроголодался' (*bokhàvol*), т. е. можно считать, что неактивность проявляется у них в частичном совпадении (в перфекте) с другим типом. Активность-неактивность (т. е. тип га-A:AJ или же гн-A:AJL) коррелирует также с различием в словообразовательных основах (см. 3.11.5), ср.:

(изменённая) инф. основа	суффикс	перфектная основа		словообр. основа
на гласный	*-J-*	*asa.j-*	ʻсмеяться'	*asa-*
		xasa.j-	ʻкашлять'	*xasa-*
		paťa.j-	ʻверить'	*paťa-*
на *-j-*	*-L-*	*daraj.l-*	ʻбояться'	*daraj-*
		bilaj.l-	ʻтаять'	*bilaj-*
		istraj.l-	ʻскользить'	*istraj-*

Это значит, что по некоторым отглагольным производным можно с большой долей уверенности определить перфектный суффикс глагола (и, соответственно, тип спряжения), ср. *istrajimòs* ‘скольжение’ : перф.3.ед.м. *istràjlo* ‘поскользнулся’, но *asamòs* ‘смех’ : перф.3.ед. *asajà* ‘засмеялся’. Из этого распределения есть по крайней мере одно исключение: *langajimòs* ‘хромота’ (словообразовательная основа *langaj-*) : перф.3.ед. *langajà* ‘хромал’ (не ***langàjlo*).

⌛ В кэлдэрарских говорах наблюдаются различия и колебания в распределении глаголов по типам ГА-A:AJ или ГН-A:AJL. В некоторых случаях, по-видимому, разные фазы действия выражались разными глаголами, ср. в шведском говоре: *langàl* ‘хромать’, перф. *langajà*, а также *langàvol* ‘хрометь’, перф. *langàjlo* [Gjerdman, Ljungberg 1963: 275]. У молдовая эти два глагола, возможно, смешались (с чем связано нарушение этим глаголом распределения, см. выше). Для части случаев можно предполагать подобное замещение глагола типа ГН-AVO:AJL (**langàvol*) глаголом типа ГН-A:AJL (*langàl*) с «расщеплением» фаз по временны́м формам (см. 4.2.6.4.5.6).

Что касается остальных основ на гласные, то они принимают перфектный суффикс *-L-*: *mu.l-* ‘умирать’ и др., кроме нескольких изолированных основ с суффиксами: *-J-*: *ru.j-* ‘плакать’; *-T-*: *su.t-* ‘спать’, *śu.t-* ‘совать’; *-ST-*: *ankli.st-* ‘выходить’, *huli.st-* ‘слезать’, а также *-D-*: *pařu.d-* (вариант) ‘менять’, *tho.d-* ‘ставить; мыть’.

По большому счёту, большинство глаголов в морфологическом отношении можно разделить на четыре большие группы:

1) перфектная основа образуется суффиксами *-D-*, *-L-*, *-T-*: после согласных — дополнительное распределение *-d-* : *-l-*, ср. *bol.d-* и *beš.l-* (см. выше), а после гласных — морфонологически несводимые *-t-*, *-d-*, *-l-* (только у изолированных глаголов), ср. *su.t-*, *tho.d-*, *mu.l-*; среди глаголов этой группы есть как активные, так и неактивные, что отражается на окончаниях 3.ед. перфекта, ср. несогласуемое *suťà* ‘(по)спал’, но согласуемое *bešlò* ‘сел, (про)сидел’; эти глаголы, по крайней мере потенциально, имеют причастия независимо от переходности (и активности), ср. *boldò* ‘крещёный’, *sutò* ‘спящий’, *thodò* ‘поставленный’, *mulò* ‘мёртвый’; сюда же можно отнести *-T-* в составе суффика *-ST-*, ср. причастие *anklistò* ‘сидящий верхом’;
2) перфектная основа образуется суффиксом *-∅-*, ср. *l-*, *d-*, *vazd-*; все эти глаголы активные, ср. *ľà* ‘взял’, *vazďà* ‘поднял’; причастия образуются с наращением *-in-*, ср. *linò* ‘взятый’;
3) перфектная основа образуется суффиксом *-J-*, ср. *ru.j-*, *paťa.j-*; эти глаголы не имеют причастий (даже потенциально образовать их невозможно); все они активные, ср. *rujà* ‘плакал’, *paťajà* ‘верил’;
4) перфектная основа образуется суффиксом *-L-*: *daraj.l-*, *phabu.l-*; эти глаголы не имеют причастий; все они неактивные, с согласуемыми окончаниями в 3.ед. перфекта, ср. *daràjlo* ‘испугался’, *phabulò* ‘сгорел’.

Из этой разбивки, в частности, следует, что нельзя в полной мере отождествлять перфектный суффикс *-l-* глаголов из первой группы (например, *bešàl* ‘сидеть’, перф.3.ед *bešlò*) и омонимичный перфектный суффикс глаголов из четвёртой группы (например, *phabòl* ‘гореть’, перф.3.ед. *phabulò*).

⌛ В первой группе суффиксы перфекта восходят к древнеиндийским суффиксам причастий **-t-* и **-it-*. После шумных **-t-* сохранилось, ср. *supta-* > *sutò* ‘спящий’. После гласных произошло озвончение: **-it-* > **-id-*. Затем между сонантом в исходе корня и этим **-d-* выпал гласный (синкопа), ср. **mār-it-a-* > **mārida-* > *mardò* ‘битый’. После шумных тогда синкопы не было, так что имело место дальнейшее развитие **-d-* > *-l-*, и только потом — синкопа, ср. **u̯āś-it-a-* > **bāšida-* > **bašila-* > *bašlò* ‘грохнул, гавкнул’. Во второй группе причастия образованы суффиксом *-in-* < **-inn-* (ср. ср.-инд. *dinna-* ‘данный’), который

частично скрыт фонетической эволюцией: перф.3.ед. **din-i̯as* > **di̯as* > *ďà(s)*, но 3.мн. *dinè*. В третьей группе, возможно, имеем остатки древних инфектных причастий типа **daran(d)-* ʻбоящийсяʼ > *daranò* ʻпугливыйʼ (теперь прилагательное). Можно думать, что подобные причастия легли в основу перфектных форм типа *daràjlo* ʻиспугалсяʼ < (?) **daranilo* или **daran(d)-i̯ulo* — вероятно, сочетание причастия смыслового глагола и причастия связки **ulo* (м. б., из клитизованного **-bhau̯it-*). В четвёртой группе формы 3.ед. перфекта (с согласуемыми окончаниями), вероятно, являются древними причастиями (происхождение суффикса неясно: это может быть упомянутое причастие связки или суффикс *-ill-*, а может быть и то, и другое), так что предок формы *phabulò* мог означать **ʻсгоревший, горелыйʼ. Если так, то можно предположить, что у глаголов этой группы сейчас нет причастий именно потому, что они теперь употребляются как личные формы.

3.11.4.5. Личные формы перфекта

В перфектной подпарадигме личные окончания присоединяются к основе перфекта тривиальным образом, в отличие от инфектной подпарадигмы. Однако, как уже было показано, в 3.ед. употребляются два ряда окончаний — несогласовательные и согласовательные, а в 3.мн. возможно наращение основы. Кроме того, в перфекте, как и в инфекте, разные типы глаголов могут различаться ударением. Ниже мы приводим полное спряжение в перфекте всех типов глаголов (см. 3.11.8), а здесь дадим лишь несколько образцов:

(а) с несогласованными окончаниями

	ед.	мн.	
1.	*makh.l|èm*	*makh.l'|àm*	ʻя намазалʼ и т. д.
2.	*makh.l'|àn*	*makh.l'|àn*	(*makhàl* ʻмазатьʼ)
3.	*makh.l'|à(s)*	*makh.l|è ~ makh.l.in|è*	

Точно так же спрягаются в перфекте все остальные активные глаголы; различия касаются только формы 3.мн. (подробнее см. см. 3.11.4.2): ср. с обязательным наращением: *d.in\|è* ʻони далиʼ, без наращения: *dilaba.d\|è* ʻспелиʼ, *asaj\|è* ʻсмеялисьʼ, *su.t\|è* ʻспалиʼ *ansurisar.d\|è* ʻженилиʼ. Приведём для наглядности образец перфектного спряжения во II пласте:

	ед.	мн.	
1.	*ansuri.s.ar.d|èm*	*ansuri.s.ar.d'|àm*	ʻя женилʼ и т. д.
2.	*ansuri.s.ar.d'|àn*	*ansuri.s.ar.d'|àn*	(*ansurìl* ʻженитьʼ)
3.	*ansuri.s.ar.d'| à(s)*	*ansuri.s.ar.d|è*	

(б) с согласованными окончаниями

Как сказано выше, все глаголы, способные принимать согласованные окончания, могут также принимать и несогласованные (в связи с синтаксическими или стилистическими признаками, см. 3.11.4.1).

С наконечным ударением:

	ед.	мн.	
1.	*beš.l|èm*	*beš.l'|àm*	ʻя селʼ и т. д.
2.	*beš.l'|àn*	*beš.l'|àn*	(*bešàl* ʻсидеть, стоятьʼ)
3.	*beš.l'|à(s)*	*beš.l|è*	
м.	*beš.l|ò*		
ж.	*beš.l|ì*		

Точно так же спрягаются в перфекте неактивные глаголы всех типов, ср. 3.ед. *avil'à(s)*, м. *avilò* ‘он пришёл’, ж. *avilì*, 3.мн. *avilè*.

С наосновным ударением (только неактивные):

	ед.	мн.	
1.	*daràj.l|em*	*daràj.l'|am*	‘я испугался’ и т. д.
2.	*daràj.l'|an*	*daràj.l'|an*	(*daràl* ‘бояться’)
3.	*daràj.l'|a(s)*	*daràj.l|e*	
м.	*daràj.l|o*		
ж.	*daràj.l|i*		

1.	*dìći.l|em*	*dìći.l'|am*	‘я показался’ и т. д.
2.	*dìći.l'|an*	*dìći.l'|an*	(*dìćol* ‘выглядеть, казаться’)
3.	*dìći.l'|a(s)*	*dìći.l|e*	
м.	*dìći.l|o*		
ж.	*dìći.l|i*		

Ударение в таких глаголах падает на последний слог инфектной основы (т. е. до перфектных элементов), ср. ещё *pytàrdilo* ‘он открылся’, *kàrdilo* ‘стал’, *phagàdilo* ‘сломался’, *ansurisàjlo* ‘женился’.

Приведём также образец II пласта (о спряжении неактивных и возвратных глаголов II пласта см. 3.11.14):

	ед.	мн.	
1.	*pyřy.s.àj.l|em*	*pyřy.s.àj.l'|am*	‘я проговорился’ и т. д.
2.	*pyřy.s.àj.l'|an*	*pyřy.s.àj.l'|an*	(*pyřỳl-pe* ‘выдать себя’)
3.	*pyřy.s.àj.l'|a(s)*	*pyřy.s.àj.l|e*	
м.	*pyřy.s.àj.l|o*		
ж.	*pyřy.s.àj.l|i*		

3.11.4.6. Формы перфекта + *(s)as* («плюсквамперфект»)

К личным формам перфекта присоединяется безударный постфикс *-as* : *-sas* (со вставкой *s-* после гласного исхода окончания). Полученные формы имеют значение предпрошедшего времени (см. 4.2.6.4.5.4), а также ирреального условия (в 3-м лице имеются также другие формы, см. 3.11.4.7).

⏳ Как видно, постфикс *-as* присоединяется как к формам инфекта, так и к формам перфекта. Он, вероятно, восходит к др.-инд. *āsīt* ‘был’ (имперфект). Тогда согласный *s-* в форме 3.мн., например *makhlèsas* ‘они [тогда] мазали’, — вторичный.

(а) с несогласованными окончаниями

	ед.	мн.	
1.	*makh.l|èm·as*	*makh.l'|àm·as*	‘я мазал [тогда, раньше]’ и т. д.
2.	*makh.l'|àn·as*	*makh.l'|àn·as*	(*makhàl* ‘мазать’)
3.	*makh.l'|à·sas*	*makh.l|è·sas* ~ *makh.l.in|è·sas*	

Наращение *-in-* в 3.мн. употребляется точно так же, как в формах без *-sas*. Таким образом, возможны формы *d.in\|è·sas* ‘дали [тогда, раньше]’, *l.in\|è·sas* ‘взяли’, но не ***d\|è·sas*, ***l\|è·sas*, однако *an.d.in\|è·sas* ~ *an.d\|è·sas* ‘принесли’ и т. п. (см. 3.11.4.2).

(б) с согласованными окончаниями

	ед.	мн.	
1.	*naš.l|èm·as*	*naš.l'|àm·as*	ʻя убежал [тогда, раньше]ʼ и т. д.
2.	*naš.l'|àn·as*	*naš.l'|àn·as*	(*našàl* ʻубегатьʼ)
3.	*naš.l'|à·sas*	*naš.l|è·sas*	
м.	*naš.l|ò·sas*		
ж.	*naš.l|ì·sas*		

В 3.ед. глаголов *-sas* прибавляется как к согласуемым перфектным окончаниям, так и к несогласуемым. Поэтому возможны, например, следующие формы:

gəl|ò·sas	ʻ[он] [тогда] пошёлʼ	(м.ед.)
gəl|ì·sas	ʻ[она] [тогда] пошлаʼ	(ж.ед.)
gəl'|à·sas	ʻ[он/она] [тогда] пошёл/пошлаʼ	(несогласованное)

Ударение — как в перфекте, ср. ударение левее окончания:

	ед.	мн.	
1.	*nasvàj.l|em·as*	*nasvàj.l'|am·as*	ʻя заболел [тогда, раньше]ʼ и т. д.
2.	*nasvàj.l'|an·as*	*nasvàj.l'|an·as*	(*nasvàvol* ʻзаболетьʼ)
3.	*nasvàj.l'|a·sas*	*nasvàj.l|e·sas*	
м.	*nasvàj.l|o·sas*		
ж.	*nasvàj.l|i·sas*		
1.	*dìći.l|em·as*	*dìći.l'|am·as*	ʻя выглядел [тогда, раньше]ʼ и т. д.
2.	*dìći.l'|an·as*	*dìći.l'|an·as*	(*dìćol* ʻвыглядетьʼ)
3.	*dìći.l'|a·sas*	*dìći.l|e·sas*	
м.	*dìći.l|o·sas*		
ж.	*dìći.l|i·sas*		

У глагола-связки *sỳ* ʻбытьʼ постфикс *-as* после окончаний выступает не в формах «плюсквамперфекта» (которого у этого глагола нет), а в единственном ряду форм этого глагола, применяемых в значении прошедшего времени, ср. 1.ед.прош. *sỳm·as* (подробно см. 3.11.9). Этот факт легче понять, заметив, что глагол-связка и в значении настоящего времени имеет окончания, почти тождественные окончаниям перфекта.

3.11.4.7. Сослагательная форма

Имеются особые формы 3-го лица на *-in|o(·sas)* после перфектной основы, не различающие ни числа, ни рода, употребляющиеся исключительно в гипотетических условиях (это часть сослагательного наклонения, см. 4.2.6.2.3). Наряду с этими формами в том же значении применяются (гораздо реже) и данные выше формы перфекта + *-(s)as* («плюсквамперфекта»). В 1-м и 2-м лицах в этом значении используются только формы «плюсквамперфекта».

У всех глаголов, кроме глагола-связки *sỳ* ʻбытьʼ, эта «сослагательная» подпарадигма отличается от подпарадигмы «плюсквамперфекта» только наличием особых — более частотных, но факультативных — сослагательных форм 3-го лица на *-ino(sas)*.

Чаще употребляется форма на *-ino* без *-sas*, но различий в значении этих вариантов (ср. *(te-)makh.l.in|ò ~ (te-)makh.l.in|ò·sas* ʻесли бы мазал/-а/-иʼ) мы не обнаружили. В любом случае, во всех лицах, кроме 3-го, никакого различия быть и не может, поскольку там все-

гда есть постфикс *-(s)as*. Дадим подпарадигму полностью (всем формам чаще всего предшествует проклитика *te-*, которой мы тут не пишем):

(а) с несогласованными окончаниями

	ед.	мн.	
1.	*makh.l|èm·as*	*makh.l'|àm·as*	ʻесли бы я мазал' и т. д.
2.	*makh.l'|àn·as*	*makh.l'|àn·as*	(*makhàl* ʻмазать')
3.	*makh.l'|à·sas*	*makh.l|è·sas* ~ *makh.l.in|è·sas*	
	makh.l.in|ò		
	makh.l.in|ò·sas		

Как видно, в 3.ед. этой подпарадигмы возможны три разные формы, а в 3.мн. в данном случае — четыре формы (учитывая варианты 3.мн. с наращением *-in-* и без него; если же вариантов нет, то в 3.мн. возможны три формы). Наиболее частотная форма для обоих чисел — на *-ino* (здесь *makhlinò*).

(б) с согласованными окончаниями

	ед.	мн.	
1.	*naš.l|èm·as*	*naš.l'|àm·as*	ʻесли бы я убежал' и т. д.
2.	*naš.l'|àn·as*	*naš.l'|àn·as*	(*našàl* ʻубегать')
3.	*naš.l'|à·sas*	*naš.l|è·sas*	
м.	*naš.l|ò·sas*		
ж.	*naš.l|ì·sas*		
	naš.l.in|ò		
	naš.l.in|ò·sas		

Форма на *-ino(sas)* употребляется и для активных глаголов, и для неактивных, независимо от того, что соответствует ей в 3.ед. перфекта, т. е. различия между согласованными и несогласованными окончаниями в форме на *-ino(sas)* никак не выражаются.

Ударение — как в перфекте, ср. левее окончания:

	ед.	мн.	
1.	*nasvàj.l|em·as*	*nasvàj.l'|am·as*	ʻесли бы я заболел' и т. д.
2.	*nasvàj.l'|an·as*	*nasvàj.l'|an·as*	(*nasvàvol* ʻзаболевать')
3.	*nasvàj.l'|a·sas*	*nasvàj.l|e·sas*	
м.	*nasvàj.l|o·sas*		
ж.	*nasvàj.l|i·sas*		
	nasvàj.l.in|o		
	nasvàj.l.in|o·sas		
1.	*dìći.l|em·as*	*dìći.l'|am·as*	ʻесли бы я выгдялел' и т. д.
2.	*dìći.l'|an·as*	*dìći.l'|an·as*	(*dìćol* ʻвыглядеть')
3.	*dìći.l'|a·sas*	*dìći.l|e·sas*	
м.	*dìći.l|o·sas*		
ж.	*dìći.l|i·sas*		
	dìći.l.in|o		
	dìći.l.in|o·sas		

Особый случай представляет глагол (в т. ч. связка) *sȳ* ‘быть’. В его сослагательной подпарадигме используется перфектная основа *avil-* (та же, что в *avèl* ‘приходить’):

	ед.	мн.	
1.	*avi.l|èm·as*	*avi.l'|àm·as*	‘если бы я был’ и т. д.
2.	*avi.l'|àn·as*	*avi.l'|àn·as*	
3.	*avi.l'|à·sas*	*avi.l|è·sas*	
м.	*avi.l|ò·sas*		
ж.	*avi.l|ì·sas*		
	avi.l.in|ò		
	avi.l.in|ò·sas		

Заметим, что все формы этой подпарадигмы для глагола-связки являются по значению только сослагательными, а не давнопрошедшими (этого времени у глагола-связки нет, см. 3.11.9).

3.11.5. Словообразовательная основа

Как уже было показано, инфектная основа, входящая в состав перфектной основы, в ряде случаев подвергается изменениям (в разной степени предсказуемым). Однако помимо инфектной (а также изменённого её алломорфа) и перфектной основ (о перфектной основе см. 3.11.4.3) имеет смысл ввести в рассмотрение ещё одну глагольную основу, которую можно назвать «словообразовательной». Речь идёт об алломорфе основы, участвующем в словообразовании, а именно — в образовании отглагольных именных производных: имени действия на *-m\|os* (см. 3.4.4.10), имени деятеля на *-tor\|i* (см. 3.4.4.16) и отглагольного наречия на *-ndoj* («деепричастия», см. 3.8.1.8). Эти производные мы не включаем в глагольную парадигму, в частности потому, что в их словообразовании не наблюдается полной регулярности. Словообразовательная основа не вполне регулярно соотносится с остальными алломорфами; это может быть:

а) неизменённая инфектная основа;
б) изменённая инфектная основа — та же, что входит в перфектную основу;
в) инфектная основа без суффикса II пласта;
г) алломорф основы, не совпадающий с инфектной основой (хотя она входит в перфектную основу в неизменном виде);
д) перфектная основа.

Примеры:

	инфектная основа	словообр. основа	перфектная основа	
(а)	*khəl-*	*khəl-*	*khəl.d-*	‘плясать’
	asa-	*asa-*	*asa.j-*	‘смеяться’
(б)	*rode-*	*rod-*	*rod-*	‘искать’
	dara-	*daraj-*	*daraj.l-*	‘бояться’
(в)	*cyp.i.s.ar-*	*cyp.i-*	*cyp.i.s.ar.d-*	‘кричать’
	han.o.s.ar-	*han.o-*	*han.o.s.ar.d-*	‘лудить’
(г)	*dilaba-*	*dilabaj-*	*dilaba.d-*	‘петь’
(д)	*śor-*	*śor.d-*	*śor.d-*	‘лить’
	mang-	*mang.l-*	*mang.l-*	‘просить’

Между словообразовательной основой с согласным исходом и суффиксом на согласный вставляется заполнитель *I* ⇨ *-i-/-y-*, ср. *khəl.i.m|òs* ‘танец’, но *asa.m|òs* ‘смех’. Заполнитель не входит в словообразовательную основу.

3.11.6. Причастие

В морфологическом смысле причастие — имя прилагательное. Причастия есть у большинства переходных глаголов (но не у всех), и тогда они имеют страдательное значение, ср. *(a)suv|èl* ‘шить’: *(a)suv.d|ò* ‘сшитый’. Немногочисленные причастия от непереходных глаголов имеют действительное значение, ср. *sov|èl* ‘спать’: *su.t|ò* ‘спящий’. Глаголы I пласта образуют причастия, склоняющиеся как прилагательные типа п-Ò:’Ì:È (см. 3.6.4.1), а глаголы II пласта — по типу п-È:È:È (см. 3.6.4.6).

Сначала мы рассмотрим причастия с морфологической точки зрения, а затем опишем их значения (о которых см. 3.11.6.2).

3.11.6.1. Образование причастий

Причастия есть у глаголов большинства типов. Причастий совсем нет у глаголов типов гн-A:AJL, гн-’U:’UL, гн-AVO:AJL (все непереходные), а также типа га-A:AJ (в основном непереходные, но есть и переходные, ср. *sungàl* ‘нюхать’).

Причастия есть у большинства переходных глаголов (кроме типа га-A:AJ) и у некоторых непереходных, например: *merèl* ‘умирать’, *sovèl* ‘спать’ (см. ниже).

Причастие от глаголов I пласта образуется от основы перфекта (об исключениях см. ниже) и принимает окончания прилагательных. Отдельно рассмотрим (а) причастия, образуемые наращением *-in-*, (б) суффиксами, (в) без суффиксов (и другие особые случаи), а потом (г) причастия на *-me* от глаголов II пласта:

(а) причастия с наращением *-in-*

Наращение входит в причастие части глаголов с инфектной основой на *-E-*: *dèl* ‘давать’, *lèl* ‘брать’, а также глаголов, ведущих себя в перфекте как сложения с *dèl*, т. е. с нулевым перфектным суффиксом и предпочтительным наращением *-in-* в перф.3.мн. (об оформлении этой формы см. 3.11.4.2):

суффикс			перф. основа	причастие (м.ед.)
-∅- (+*-in-*)	*le-*	‘брать’	*l-*	*l.in|ò*
	de-	‘дать’	*d-*	*d.in|ò*
	vaz.de-	‘поднять’	*vaz.d-*	*vaz.d.in|ò*
	śu.de-	‘кидать’	*śu.d-*	*śu.d.in|ò*
	ti.de-	‘собрать, сжать’	*ti.d-*	*ti.d.in|ò*

Глагол *phùrdel* ‘дуть; дышать; золотить’ образует причастие с вариантами: *phurdò* ~ *phurdinò* (см. 3.11.8.6); как причастие от глагола *khàndel* ‘пáхнуть’ с наращением выглядит прилагательное *khandinò* ‘вонючий; ленивый’ (если считать его причастием, то оно нерегулярно ввиду перф. *khangl’à*).

В отличие от прилагательных на *-n|ò*, ср. *sanò* ‘тонкий’, прям.ж. *sajì* ~ *sanì*, косв.ж. *sajà* ~ *san’à*, в которых имеется факультативное смягчение с йотацией *n* : *j*, причастия *dinò* ‘данный’ и *linò* ‘взятый’ йотации не допускают: ж. *dinì*, *linì*, но ср. ожидаемое *vazdinì* ~ *vazdijì* и т. д. (см. 2.5.2.3).

(б) причастия с суффиксами *-D-*/*-L-*/*-T-*/*-ST-*

Так образуется основная масса причастий (о перфектной основе см. 3.11.4.6, о выборе перфектного суффикса см. 3.11.4.3):

суффикс	инфектная основа		перф. основа	причастие
-d-	*mar-*	ʻбить’	*mar.d-*	*mar.d|ò*
	(a)suv-	ʻшить’	*(a)suv.d-*	*(a)suv.d|ò*
	azba-	ʻтрогать’	*azba.d-*	*azba.d|ò*
	bystər-	ʻзабывать’	*bystər.d-*	*bystər.d|ò*
	barʼar-	ʻрастить’	*barʼar.d-*	*barʼar.d|ò*
	ankal.av-	ʻвынимать’	*ankal.a.d-*	*ankal.a.d|ò*
-l-	*makh-*	ʻмазать’	*makh.l-*	*makh.l|ò*
	beš-	ʻсидеть’	*beš.l-*	*beš.l|ò*
	phand-	ʻсвязывать’	*phang.l-*	*phang.l|ò*
	śade-	ʻблевать’	*śag.l-*	*śag.l|ò*
	xa-	ʻесть’	*xa.l-*	*xa.l|ò*
	mer-	ʻумирать’	*mu.l-*	*mu.l|ò*
-t-	*sov-*	ʻспать’	*su.t-*	*su.t|ò*
	ś-/*śo-*	ʻсовать’	*śu.t-*	*śu.t|ò*
-st-	*ankli-*	ʻзалезать’	*ankli.st-*	*ankli.st|ò*

В соответствии с колебанием в перфектной основе от *paŕuvèl* ʻменять’, колеблется и причастие: *paŕu.g.l|ò ~ paŕu.d|ò.*

От перфектных основ на *-j-*, ср. *paťa.j-* ʻверить’, *prasà.j-* ʻдразнить’, *sungà.j-* ʻнюхать’, причастия не образуются (хотя часть этих глаголов переходны; подробнее см. 3.11.6.2).

Глагол *jertìl* ʻпрощать’ (II пласт) наряду с ожидаемым *jertimè* имеет причастие *jertò* ʻпрощённый’ (I пласт), обычно в обороте *te-avèl jertò* ʻда будет прощён [покойник]’.

(в) особые случаи

В нескольких случаях причастия формально отклоняются от описанных и выглядят как обычные прилагательные.

У двух глаголов причастия не содержат перфектных суффиксов. Можно считать, что они образуются от инфектной основы:

инфектная основа		перф. основа	причастие	
pek-	ʻпечь’	*pek.l-*	*pek|ò*	***peklò*
phag-	ʻломать’	*phag.l-*	*phag|ò*	***phaglò*

Однако синтаксически они ведут себя именно как причастия (могут иметь подчинённые слова, как глагол, ср. *pekò ande plìta* ʻпечёный в печке’) и, кроме того, при словообразовании проявляют особые акцентные свойства (см. 3.11.11.2).

Ещё один особый случай: причастие глагола *pherèl* ʻнаполнять’ имеет накоренное ударение — *phèrdo* (это также прилагательное ʻполный’, но глагольность причастия проявляется в управлении, ср. *vàdra phèrdo pàj* ʻведро, полное воды’); неизменяемо (см. 3.6.4.7).

(г) причастия II пласта

Образуются заменой суффиксов *-sar-*, *-sav(o)-* (которых обычно нет в личных инфектных формах) на *-m|è* (склонение см. 3.6.4.6):

инфектная основа		причастие
ansuri(.s.ar)-	‘женить’	*ansuri.mè*
məriti(.s.ar)-	‘выдать замуж’	*məriti.mè*
ramo(.s.ar)-	‘писать’	*ramo.mè*
paho(.s.avo)-	‘замерзать’	*paho.mè*
kašuti(.s.avo)-	‘глохнуть’	*kašuti.mè*

От глагола *trubùl* ‘требоваться’ причастие не образуется (****trubumè***). Глагол II пласта *jertìl* ‘прощать’ факультативно образует причастие I пласта (см. выше).

3.11.6.2. Значения причастий

Большинство причастий переходных глаголов имеют страдательное значение:

marəl	‘бить’	*mardò*	‘(по)битый’
mudarəl	‘убивать’	*mudardò*	‘убитый’
tinèl	‘покупать’	*tindò*	‘купленный’
phenèl	‘сказать’	*phendò*	‘сказанный’
vàzdel	‘поднимать, строить’	*vazdinò*	‘поднятый; построенный’
phàndel	‘при/за/связывать’	*phanglò*	‘при/за/связанный’
garavèl	‘прятать’	*garadò*	‘спрятанный, скрытый’
amblavèl	‘вешать’	*ambladò*	‘повешенный’
šuťarəl	‘сушить’	*šuťardò*	‘сушёный’
syťarəl	‘учить’	*syťardò*	‘обученный’
lićarəl	‘мять’	*lićardò*	‘мятый’
ramòl	‘писать’	*ramomè*	‘написанный’
hamìl	‘смешивать’	*hamimè*	‘смешанный’
tomnìl	‘сватать’	*tomnimè*	‘посватанный’
angropòl	‘хоронить’	*angropomè*	‘погребённый’
fumòl	‘коптить’	*fumomè*	‘закопчённый’

Нет смысла перечислять все такие пары ввиду их полной тривиальности, в чём и проявляется словоизменительная, а не словообразовательная природа причастий.

Но некоторые причастия имеют, кроме этих чисто грамматических страдательных значений, ещё и лексикализованные, т. е. как бы отрываются от исходного глагола и ведут себя как отдельные прилагательные (указываем только эти особые значения):

barʲarəl	‘растить’	*barʲardò*	‘воспитанный в таборе [нецыган]’
bilavèl	‘плавить’	*biladò*	‘классный’
našavèl	‘изгнать’	*našadò*	‘изгнанный из табора [за проступок]’
peravèl	‘валить, ронять’	*peradò*	‘опустившийся [человек], неудачник’
śinavèl	‘обещать’	*śinadò*	‘суждено [богом]’
syťarəl	‘учить’	*syťardò*	‘учёный, образованный’
ašunèl	‘слушать, слышать’	*ašundò*	‘прославленный’
kərəl	‘делать’	*kərdò*	‘наколдовано’
mukəl	‘пускать’	*muklò*	‘запущенный, неухоженный’
śorəl	‘лить’	*śordò*	‘полный [человек], налитой’
phandavèl	‘закрать’	*phandadò*	‘сидящий в тюрьме’
aśavèl	‘оставить’	*aśadò*	‘несвежий [о еде]’
prinźarəl	‘узнавать’	*prinźardò*	‘знакомый’

dunavèl	ʻзасучить [рукав]ʼ	*dunadò*	ʻоголивший головку пениса’
makhàl	ʻмазать’	*makhlò*	ʻскоромный [о еде]; удачливый’
phabarəl	ʻжечь’	*phabardò*	ʻгорячий [ветер, жидкость]’
vortòl	ʻраспрямлять’	*vortomè*	ʻпрямой’ (ср. *kòlco vortomè* ʻп. угол’)
hodinìl(-pe)	ʻотдыхать’	*hodinimè*	ʻпокойный’
vestìl	ʻразглашать’	*vestimè*	ʻзнаменитый’
vestòl	ʻтж.’	*vestomè*	ʻтж.’

Как уже было сказано, причастия образуются не от всех переходных глаголов: в частности, не имеют причастий глаголы типа га-A:AJ, ср. *sungàl* ʻнюхать’. Они имеют особую семантику, исключающую прямое воздействие на объект. Но причастия не образуются даже потенциально, т. е. этот тип не даёт такой возможности чисто морфологически.

Глаголы с подобной семантикой есть и в типах, допускающих образование причастий. В таких случаях причастие может быть потенциальным и в буквальном смысле не употребляться, ср. *puśèl* ʻспрашивать’: ʔ**puślò* ʻспрошенный’ (см. ниже о *bi-puślò* ʻбез спросу’), ʔ*źanglò* ʻизвестный’ (но см. ниже о *budźanglò* ʻзнающий’), однако *ašunèl* ʻслышать’: *ašundò* ʻзнаменитый’ (букв. ʻуслышанный’ — малоупотребительно). По-видимому, совсем не образуются причастия ***aźukərdò* от *aźukərəl* ʻждать’, ***sərdò* от *sərəl* ʻпомнить’, ***kamlò* от *kamèl* ʻхотеть’.

Глагол *ćorəl* ʻкрасть’ не имеет ожидаемого причастия ***ćordò*, а вместо него употребляется единственное в своём роде по образованию прилагательное *ćordanò* ʻкраденый’.

С глаголом *khàndel* ʻпахнуть’ (тип га-E:L) соотносится прилагательное *khandinò* ʻвонючий; ленивый’, выглядящее как причастие типа га-E:∅.

Особый случай: глаголу *pherəl* ʻнаполнять’ соответствует не причастие ***pherdò*, а необычное в морфологическом отношении прилагательное *phèrdo* ʻполный’ (см. 3.6.4.7). В прочих случах обычно различаются прилагательное и причастие производного от него глагола: *ćinò* ʻусталый’ : *ćijardò* ʻутомлённый’; *sanò* ʻтонкий’ : *sajardò* ʻутончённый’; *kořò* ʻслепой’ : *kořardò* ʻослеплённый’.

У ряда непереходных глаголов — причастия с действительным значением, ср. I пласт:

anklèl	ʻзалезть’	*anklistò*	ʻверхом’ (ср. *a. p-o gràst* ʻв. на коне’)
merəl	ʻумирать’	*mulò*	ʻмёртвый’
sovèl	ʻспать’	*sutò*	ʻспящий’
solaxàl	ʻклясться’	*solaxadò*	ʻпоклявшийся’

Такие примеры можно найти и во II пласте (неактивные глаголы с основой на -*SAVO*):

zalìl	ʻпадать в обморок’	*zalimè*	ʻупавший в обморок’
morcòl	ʻцепенеть’	*morcomè*	ʻоцепеневший’
staxòl	ʻхрипнуть’	*staxomè*	ʻохрипший’
skəzòl	ʻвыкипеть’	*skəzomè*	ʻвыкипевший’

Однако в большинстве случаев такие глаголы имеют переходные пары, ср. *tristòl*, перф.3.ед. *tristosàjlo* ʻзагрустить’ и *tristòl*, *tristosarďà* ʻрасстроить’, так что причастие *tristomè* ʻрасстроенный, загрустивший’ можно соотносить с переходным глаголом (о таких парах см. 3.11.14).

Глаголы *anklèl* ʻзалезть’ и *merəl* ʻумереть’ — единственные случаи омонимии 3.ед.м. перфекта и причастия, ср. *mulò* ʻумер’ и ʻмёртвый’. Эти глаголы одновременно неактивны и имеют причастия. Прочие глаголы либо имеют причастия, но активны, ср. *suťà* (не ***sutò*) ʻспал’, *sutò* ʻспящий’, либо наоборот, ср. *tasulò* ʻутонул’, но не ***ʻутопший’.

Два глагола: *xàl* ʻесть’ и *pèl* ʻпить’ — часто употребляемые без дополнений, в принципе, образуют ожидаемые страдательные причастия *xalò* ʻсъеденный’ и *pilò* ʻвыпитый’, ко-

торые, однако, употребляются очень ограниченно, ср. допустимый контекст: *pahàřo dopàš pilò* ʻнаполовину допитый стакан’, *màs dopàš xalò* ʻнаполовину доеденное мясо’. Эти причастия имеют также действительные значения ʻсытый’ и ʻутоливший жажду’ соответственно, но обычно только в выражениях («парных» прилагательных) *xalò pravardò* букв. ʻсытый-кормленый’, *xalò pilò* ʻсыт-пьян’.

Оговорим также случаи причастий каузативных глаголов, которые можно соотносить как с самими этими глаголами (и тогда значение явно страдательно), а можно — с производящими (тогда значение можно считать действительным), ср. *phabardò* ʻсожжённый’ (причастие от *phabarȁl* ʻжечь’), но и ʻсгоревший’ (ср. семантически, но не морфологически соответствующее *phabòl* ʻгореть’).

То же относится к переходным глаголам и их возвратным парам, ср. *tidinò* ʻсжатый, стиснутый’ (от *tìdel* ʻсжимать’), но и ʻсвернувшийся калачиком’ (от *tìdel-pe* ʻсжиматься’ и т. п.); *tinzomè* ʻрастянутый’ (от *tinzòl*), но и ʻвытянувший ноги’ (от *tinzòl-pe*).

Эта ситуация типична для глаголов II пласта. Возвратным и неактивным глаголам (см. 3.11.14), ср. возвратный *ansurìl-pe* ʻжениться’, неактивный *źuvindìl* (основа на *-sav(o)*) ʻоживать, воскресать’, обычно соответствуют активные (основа на *-sar*), ср. *ansurìl* ʻженить’, *źuvindìl* ʻоживлять, воскрешать’. Нелегко решить, к какому из глаголов залоговой пары относятся причастия, ср. *ansurimè* ʻженатый’ (т. е. одновременно ʻженившийся’ и ʻоженённый’), *źuvindimè* ʻвоскресший’ и ʻвоскрешённый’. Действительное значение можно приписывать (да и то лишь на формальных основаниях) только причастиям непереходных глаголов (неважно, активных или нет), не имеющих переходных пар. Таких глаголов немного: *hodinìl* ʻотдыхать’: *hodinimè* ʻотдохнувший; покойный’.

Некоторые причастия имеют отрицательные формы (проклитика *bi-*):

bolèl	ʻкрестить’	*boldò*	*bi-boldò*	ʻнекрещёный’
thòl	ʻмыть’†	*thodò*	*bi-thodò*	ʻнеумытый с утра’
myřavèl	ʻбрить’	*myřadò*	*bi-myřadò*	ʻнебритый’ (~ *bi-řymadò*)

Такие слова не просто отрицают свойство, выражаемое причастием, но и обозначают некое другое свойство (ср. то же с прилагательными, см. 3.6.7.4), поэтому маловероятны слова ***bi-ramomè* ʻненаписанный’, ***bi-vazdinò* ʻнеподнятый’.

По крайней мере одно причастие не употребляется без проклитики *bi-*:

puśèl	ʻспросить’	?**puślò*	*bi-puślò*	ʻ[сделавший что-л.] без спросу’

В одном случае причастие редко, в отличие от сложения с ним (ср. *bùt* ʻмного’):

zanèl	ʻзнать’	??*źanglò*	*bu(t)źanglò*	ʻобразованный; зазнайка’

⌛ Исторически причастиями являются также *londò* ʻсолёный’ (*bi-londò* ʻнесолёный’), вероятно, также *ankəstò* ʻверхом’ и нек. др. прилагательные (*ankəsťà* иногда фигурирует в песнях вместо *anklisťà* ʻвышел; залез’). К древним причастиям восходят *tatò* ʻтёплый’, *matò* ʻпьяный’, *ćajlò* ʻсытый’ и др. (в цыганском языке, скорее всего, таких глаголов уже не было).

Слово *ladadò* ʻполный до краёв’ употребляется как прилагательное, но ср. управление: *vàdra ladadì pàj* ʻведро, полное воды’ (то же с *phèrdo* ʻполный’), хотя глагол ?**ladavèl*, видимо, неизвестен. Так же: *ćapladò* ʻчокнутый’ (?**ćaplavèl*)

В паре случаев исходных глаголов нет, а есть только морфологически близкие слова, от которых образуются «причастиеобразные» прилагательные — только на *bi-*:

laźàl	ʻстыдиться’	*bi-laźavȁrdò*	ʻбесстыжий’
arəsàl	ʻхватать, доставать’	*bi-(a)rəsadò*	ʻненасытный’

Нет глаголов ***laźavȁràl* (ср. *laźàv* ʻстыд’) и ***arəsavèl.*

Особые причастия, являющиеся скорее синтаксическими сочетаниями (а не широкими словоформами), соответствуют двухчастным глаголам, ср. *dèl jàg* ʻзастрелить, поджечь, включить’, прич. *dinò jàg* (подробнее см. 4.2.6.1.1).

3.11.7. Типы спряжения глаголов

Исходя из вышеизложенного, все глаголы можно разбить на группы по комбинации типов инфектной основы (= императив) и перфектной (по тому, как она образована от инфектной основы, а также по активности-неактивности). При наличии двух и более глаголов с одинаковой комбинацией основ мы выделяем под них отдельный тип спряжения. В типах могут быть подтипы — по фонологическим различиям, в т. ч. по смягчению перед окончанием (см. 2.5.2.1), по ударению, а также по некоторым другим трудно обобщаемым свойствам.

Активные и неактивные глаголы (3.11.1.1) не бывают в одном и том же типе, поскольку у них во всех случаях различаются перфектные подпарадигмы (3.11.4.5).

Наши обозначения типов I пласта включают указание на активность-неактивность, минимальные сведения о конце инфектной основы, а также о различии между концами инфектной и перфектной основ, ср. тип гн-∅:IL: это значит, что в инфекте окончания присоединяются прямо к согласному исходу основы, а перфектная основа — это инфектная основа плюс *-il-* (например, *aś|èl*, перф. *aś.il|ò* ʻоставаться’); тип гн-AV:AD: в перфектной основе *-v-* падает (*perav|èl*, *pera.ď|à* ʻвалить’; важно, что инфектная основа кончается именно на *-av*, т. к. иначе *-v-* сохраняется) и т. д. В обозначениях типов II пласта мы ограничиваемся указанием на пласт и активность-неактивность.

Итак, выделяются следующие правильные типы:

тип	инфект	перфект	
га-∅:D	*mar-*	*mar.d-*	ʻбить’
	putr-	*putər.d-*	ʻоткрыть’
га-∅:L	*kam-*	*kam.l-*	ʻхотеть’
гн-∅:L	*naš-*	*naš.l-*	ʻбежать’
гн-∅:IL	*aś-*	*aśi.l-*	ʻостаться’
га-AV:AD	*phandav-*	*phanda.d-*	ʻзакрыть’
га-A:AD	*dilaba-*	*dilaba.d-*	ʻпеть’
га-A:AJ	*asa-*	*asa.j-*	ʻсмеяться’
гн-A:AJL	*istra-*	*istraj.l-*	ʻдрожать’
га-E:∅	*vazde-*	*vazd(in)-*	ʻподнять’
га-E:L	*śade-*	*śag.l-*	ʻблевать’
гн-I:IST	*ankli-*	*ankli.st-*	ʻвыйти’
гн-’U:’UL	*syťu-*	*syti.l-*	ʻучиться’
	tasu-	*tasu.l-*	ʻтонуть’
гн-AVO:AJL	*xasavo-*	*xasaj.l-*	ʻтеряться’
га-II	*alosar-*	*alosar.d-*	ʻвыбрать’
гн-II	*zalisav(o)-*	*zalisaj.l-*	ʻупасть в обморок’

Глагол считается изолированным (неправильным), если нет ни одного другого глагола с тем же соотношением инфектной и перфектной основ (в морфонологическом смысле). Более мелкие отклонения (форма императива, причастия) не мешают глаголу входить в один тип с другими глаголами (с соответствующими оговорками). Все эти отличия приводятся для каждого отклоняющегося глагола.

Иногда мы допускаем небольшие отступления от морфонологической строгости в классификации типов спряжения. Так, глаголы *dèl* ‘давать’ и *cỳrdel* ‘тянуть; сосать; паять; растирать’ мы включаем в один тип (разные подтипы), хотя между ними есть мелкое морфонологическое различие (в обязательности наращения в 3.мн. перфекта: только *dinè* ‘дали’, но *cyrdinè* ~ *cyrdè* ‘тянули’).

Некоторые глаголы колеблются между типами, что указано при каждом из них.

3.11.8. Парадигмы спряжения глаголов

Ниже мы приводим полные парадигмы спряжения по каждому типу в соответствии с данной разбивкой, приводя все краткие формы инфекта (например, *garavàv* ‘прячу’ и формы остальных лиц и чисел, см. 3.11.3.4), императив в обоих числах (*garàv* ‘прячь’, см. 3.11.3.3), все краткие формы перфекта (*garadèm* ‘я спрятал’ и др. формы, см. 3.11.4), причастие (*garadò* ‘спрятанный’, см. 3.11.6), а также сослагательную форму 3-го лица (*garadinò(sas)* ‘если бы спрятал/-а/-и’, см. 3.11.4.7).

Мы не приводим «долгого инфекта» (*garavàva* ‘[если] спрячу’, см. 3.11.3.6), «имперфекта» (*garavàvas* ‘я прятал’, см. 3.11.4.3) и «плюсквамперфекта» (*garadèmas* ‘я [тогда] спрятал’, см. 3.11.4.6), поскольку они совершенно тривиально образуются от инфектных и перфектных личных форм (полные образцы парадигм приведены в соответствующих разделах).

Напомним, что в 3.ед. «долгого инфекта» и «имперфекта» возможно выпадение гласного окончания с переносом ударения после некоторых сонантов, ср. *kàrla* ‘делает’ (песенный регистр) вм. обычного *kəràl(a)* (см. 3.11.3.6, 3.11.4.3). Это явление мы никак не отражаем в приводимых ниже списках, поскольку оно вполне автоматическое (и встречается практически только в песнях).

В списках под каждой парадигмой перечисляются только непроизводные глаголы. Производных глаголов мы в них не даём, а приводим глагольные словообразовательные суффиксы, образующие глаголы данного словоизменительного типа с отсылкой к разделу, где они описаны и перечислены. Впрочем, несколько глаголов, хоть и выглядят как производные от других, всё же не вписываются ни в какой ряд производных, т. е. невозможно выделить давшее их словообразовательное средство как таковое (ср. *źanèl* ‘знать’ и *prinźanèl* ‘узнавать’ — явно связанные глаголы — при полном отсутствии приставки *prin-* в каких-либо других словах). Такие глаголы включаются в списки непроизводных глаголов (о подобных единичных приставках см. 3.11.11.1).

Для каждого глагола мы даём следующие сведения (знаками «+» и «–»): переходен ли глагол («перех.»), имеется ли форма императива («имп.»), имеется ли причастие («прич.»), имеется ли соответствующий неактивный производный глагол («неакт.»; например, для глагола *astarəl* ‘хватать’ таковой имеется: *astàrď ol* ‘липнуть’, а для *phenèl* ‘говорить’ — нет: ***phenď ol*, хотя есть возвратный *phenèl-pe* ‘говориться’; возвратные формы образуются, по крайней мере потенциально, у всех глаголов). Если одна из этих форм показывает нерегулярности, в таблице стоит дополнительный знак «!», отсылающий к более подробной информации под таблицей. Правый столбец содержит примечания, в т. ч. некоторые отклоняющиеся формы из говоров немолдовая («немолд.»).

После всех списков глаголов, разбитых на указанные типы, мы приводим изолированные (неправильные) глаголы (см. 3.11.8.16).

3.11.8.1. Тип га-∅:D

Этот тип дополнительно распределён с типом га-∅:L (выбор перфектного суффикса *-d-* или *-l-* зависит от конца основы, поэтому его можно было бы свести к одной морфонеме, см. 3.11.4.4), однако мы их рассматриваем отдельно (во избежание громоздких морфонологических выкладок).

Выделяются три подтипа — по смягчению конца основы, а также по наличию беглого гласного:

(а) мягкий / парный подтип

Основы на *-l-*, *-n-*, *-v-*:

инфект	|-	1.	*ašun|àv*		*ašun|às*	ʻслышать’
		2.	*ašun|ès*		*ašun|èn*	
		3.	*ašun|èl*		*ašun|èn*	
		имп.	*ašùn*		*ašun|èn*	
перфект	.D|-	1.	*ašund|èm*		*ašund'|àm*	
		2.	*ašund'|àn*		*ašund'|àn*	
		3.	*ašund'|à(s)*		*ašund|è ~ ašundin|è*	
		прич.	*ašund|ò*	сосл.3.	*ašundin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
anèl	ʻпринести, привести’	+	+	+	–	
akhuvèl	ʻплести’	+	+	+	–	немолд. *khuvèl*
(a)suvèl	ʻшить’	+	+	+	–	
ašunèl	ʻслышать; слушать’	+	+	+	+	
bitinèl	ʻпродать’	+	+	+	+	
bolèl	ʻмакать; крестить’	+	+	+	–	
dinèl	ʻчитать; считать’	+	+	+	–	немолд. *ginèl*
khəlèl	ʻплясать; играть’	–	+	–	–	
potinèl	ʻплатить; оплатить’	+	+	+	+	
prinźanèl	ʻузнать, отличить’	+	–	+	–	ср. *prinźarəl*
phenèl	ʻговорить; рассказать’	+	+	+	–	
śinèl	ʻрезать; рвать’	+	+	+	+	
tinèl	ʻкупить’	+	+	+	+	немолд. *kinèl*

Неизвестно [ДД]: *aravèl* ʻвалить’, *xutilèl* ʻхватать’, *tavèl* ʻварить’, *(v)ušanèl* ʻпросеивать’. Известно, но считается чужим: *bijanèl* ʻрожать’.

Не упоминаемый здесь глагол — неправильный в перфекте: *źanèl* ʻзнать’, перф. *źangl-* (см. 3.11.8.16), ср., однако, правильный «приставочный» глагол *prinźanèl* ʻузнавать [что-л. знакомое]; отличать’, перф. *prinźand-* (его можно считать производным от *źanèl*). Глагол *prinźanèl* имеет более частотный вариант *prinźarəl* (см. ниже твёрдый подтип), судя по всему тождественный по значению, однако имеющий причастие, неактивное соответствие и императив, в отличие от *prinźanèl* (имп.ед. ?**prinźàn*)

Глаголы *bitinèl* ʻпродавать’, *potinèl* ʻплатить’ непрозрачной словообразовательной связью соотносятся с *tinèl* ʻпокупать’; факультативная приставка, лишённая значения, имеется у глагола *(a)suvèl* ʻшить’ (о «приставках» см. 3.11.11.1а).

(б) твёрдый подтип: без беглого гласного

Основы *на -r-*:

инфект	|-	1.	*nigər|àv*		*nigər|às*	ʿвести, везти’
		2.	*nigər|às*		*nigər|àn*	
		3.	*nigər|àl*		*nigər|àn*	
		имп.	*nigàr*		*nigər|àn*	
перфект	.D|-	1.	*nigərd|èm*		*nigərď|àm*	
		2.	*nigərď|àn*		*nigərď|àn*	
		3.	*nigərď|à(s)*		*nigərd|è ~ nigərdin|è*	
		прич.	*nigərd|ò*	сосл.3.	*nigərdin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
akharàl	ʿзвать’	+	+	+	–	
alozaràl$^{!}$	ʿлущить, чистить’	+	+	+	–	обычно *alòl*
anzaràl	ʿрастягивать’	+	+	+	+	
astaràl	ʿхватать; начинать; шить’	+	+	+	+	
aźukəràl	ʿждать’	+	+ !	–	–	
ćoràl	ʿворовать’	+	+	– !	–	
haťaràl	ʿпонимать, чувствовать’	+	+	+	+	~ *haľaràl*
kəràl	ʿделать’	+	+	+	+	
magaràl	ʿопоганить’	+	+	+	+	
maràl	ʿбить’	+	+	+	+	
moràl	ʿтереть’	+	+	+	+	
mudaràl	ʿубить; гасить’	+	+	+	+	~ *mundaràl*
nigəràl	ʿнести, вести [в т.ч. авто]’	+	+	+	–	~ *ingəràl*
nikəràl	ʿдержать’	+	+	+	+	~ *inkəràl*
paťaràl	ʿпеленать’	+	+	+	+	
pheràl	ʿнаполнять’	+	+	– !	+	
piťaràl	ʿударить’	+	+	+	+	
phiràl	ʿходить’	–	+	–	–	
pravaràl	ʿкормить’	+	+	+	+	
prinźaràl	ʿузнавать; различать’	+	+	+	+	ср. *prinźanèl*
səràl	ʿпомнить’	+	+	–	+	
śoràl	ʿлить’	+	+	+	+	
sovľaràl	ʿусыпить’	+	+	+	–	
vinťaràl	ʿзимовать’	–	+	–	–	
(v)unźaràl$^{!}$	ʿлущить’	+	+	+	+	(немолд.?)
xasaràl	ʿтерять’	+	+	+	+	

производные	
-ar-	каузатив (см. 3.11.11.5)

Неизвестно [ДД]: *ašaràl* ʿхвалить’. Считается чужим: *śingəràl* (*śingaràl*) ʿрезать’.

Можно считать, что глаголы *aźukəràl* ʿждать’, *inkəràl* (~ *ni-*) ʿдержать’ связаны с *kəràl* ʿделать’ (см. 3.11.11.1). У глагола *aźukəràl* ʿждать’ в форме императива колеблется ударение: *aźukàr ~ aźùkər* (последняя чаще у стариков). Глагол *alozaràl* ʿлущить’ приводят только из речи предков, сейчас говорят *alòl* (т. е. основа — не *alozar-*, а *alosar-* II пласта).

У глагола *ćoràl* ‘красть’ вместо ожидаемого причастия ***ćordò* выступает прилагательное *ćordanò* ‘краденый’. Глагол *pheràl* ‘наполнять’ не имеет ожидаемого причастия ***pherdò*, вместо него выступает необычное прилагательное *phèrdo* ‘полный’ (II пласта, см. 3.6.4.7).

Глагол *paťaràl* ‘пеленать’ — омоним *paťaràl* ‘нарывать’ (суффикс *-’ar-*, см. 3.11.11.5). Глагол *sovľaràl* ‘усыплять’ можно считать нерегулярным производным (см. 3.11.11.5).

(в) твёрдый подтип: с беглым гласным

У трёх глаголов основы исходят на *-t(ə)r-*, в них выпадает гласный (см. 2.5.1.2):

инфект	*-TR*|-	1.	*bystr|àv*		*bystr|às*	‘забыть’
	⇨*-tr-*	2.	*bystr|às*		*bystr|ən*	
		3.	*bystr|àl*		*bystr|ən*	
	-TƏR	имп.	*bystàr*		*bystr|ən*	
перфект	*-TƏR.D*|-	1.	*bystərd|èm*		*bystərď|àm*	
		2.	*bystərď|àn*		*bystərď|àn*	
		3.	*bystərď|à(s)*		*bystərd|è ~ bystərdin|è*	
		прич.	*bystərd|ò*	сосл.3.	*bystərdin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
bystràl	‘забыть’	+	+	+	+	~ *bistràl* (редко)
putràl	‘открыть’	+	+	+	+	~ *pytràl*
mutràl	‘обосцать’	+	+	+	–	~ *mytràl* (редко)

3.11.8.2. Тип га-∅:L

В этом типе мы выделяем два подтипа — по смягчению конца основы:

(а) мягкий подтип

Основы на непарные мягкие и парные согласные — всего три глагола:

инфект	|-	1.	*ćamb|àv*		*ćamb|às*	‘жевать’
		2.	*ćamb|ès*		*ćamb|èn*	
		3.	*ćamb|èl*		*ćamb|èn*	
		имп.	*ćàmb*		*ćamb|èn*	
перфект	*.L*|-	1.	*ćambl|èm*		*ćambľ|àm*	
		2.	*ćambľ|àn*		*ćambľ|àn*	
		3.	*ćambľ|à(s)*		*ćambl|è ~ ćamblin|è* (редко)	
		прич.	*ćambl|ò*	сосл.3.	*ćamblin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.
ćambèl	‘жевать’	+	+	+	–
kamèl	‘хотеть; быть должным’	+	–	–	–
puśèl	‘спросить’	+	+	+ !	–

От глагола *puśèl* не употребляется причастие ***puślò*, зато оно есть в отрицательной форме (только как присказуемое): *bi-puślò* ‘без спроса’ (см. 3.11.6.2). В этом причастии и вообще в перфектной основе этого глагола возможно неожиданное отвердение: *puśl-* ~ *pušl-* (хотя /š/ и /ś/ не образуют пары по твёрдости-мягкости, см. 1.3.4.1).

(б) твёрдый подтип

Основы на несмягчающиеся согласные:

инфект	|-	1.	*khos|àv*	*khos|às*	‘вытирать’
		2.	*khos|às*	*khos|àn*	
		3.	*khos|àl*	*khos|àn*	
		имп.	*khòs*	*khos|àn*	
перфект	.L|-	1.	*khosl|èm*	*khosl'|àm*	
		2.	*khosl'|àn*	*khosl'|àn*	
		3.	*khosl'|à(s)*	*khosl|è ~ khoslin|è* (редко)	
		прич.	*khosl|ò*	сосл.3. *khoslin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
arakhàl	‘найти; беречь; спасти’	+	+	–	–	
	‘отходить [от]’	–	+	–	–	
akušàl	‘бранить; сквернословить’	+	+	+	–	
ćařàl	‘лизать’	+	+	+	–	
dikhàl	‘смотреть; видеть’	+	+	–	+ !	
kuřàl	‘futuere’	+	+	+	–	
khosàl	‘вытирать’	+	+	+	+	
makhàl	‘мазать’	+	+	+	+ !	
mangàl	‘просить’	+	+	+	–	
mekàl	‘оставлять; пускать; велеть’	+	+	+	+	~ *mukàl*
pekàl	‘печь, жарить’	+	+	+ !	+	
phagàl	‘ломать’	+	+	+ !	+	

Неизвестно [ДД]: *dušàl* ‘доить’.

Варианты *mekàl* ~ *mukàl* (реже), по-видимому, равнозначны. Императив *mèk* (~ *mè*, реже *mùk*) букв. ‘пусти’ служит желательной частицей ‘пусть’ (которую порой можно считать клитикой, см. 3.13).

Особо образуются и имеют накоренное ударение неактивные глаголы от *dikhàl* → *dićol* ‘выглядеть, казаться, быть видным’, *makhàl* → *màćol* ‘пачкаться, мазаться’ (морфонол. *DIKH.Ø̈.'U-*, *MAKH.Ø̈.'U-*).

Глаголы *pekàl* и *phagàl* имеют единственные в своём роде причастия без перфектного суффикса: *pekò*, *phagò* (хотя личные перфектные формы регулярны: *pek.l-*, *phag.l-*).

3.11.8.3. Тип гн-Ø:L

Есть всего пять неактивных глаголов с неизменной инфектной основой на согласный — причём только на *-s*, *-š*, *-kh* — и перфектным суффиксом *-l-*. Не считая неактивности, этот тип тождествен типу га-Ø:L (большинство неактивных глаголов имеют инфектные основы на гласные — типы гн-I:ST, гн-A:AJL, гн-'U:'UL, гн-AVO:AJL, но не гн-Ø:IL):

инфект	|-	1.	*beš|àv*	*beš|às*	ʻсидеть’
		2.	*beš|əs*	*beš|ən*	
		3.	*beš|əl*	*beš|ən*	
		имп.	*bèš*	*beš|ən*	
перфект	*.L*|-	1.	*bešl|èm*	*bešl'|àm*	
		2.	*bešl'|àn*	*bešl'|àn*	
		3.	*bešl'|à(s)*	*bešl|è*	
		м.	*bešl|ò*		
		ж.	*bešl|ì*		
		прич.	—	сосл.3. *bešlin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.
arəsəl	ʻдобраться; успеть; хватать’	–	+	–	–
	ʻударить’	+	+	–	–
bašəl	ʻлаять; грохать’	–	+	–	–
bešəl	ʻсидеть; стоять; жить; находиться’	–	+	–	–
nakhəl	ʻпройти’	+	+	–	–
	ʻминуть’	–	+	–	–
našəl	ʻбежать, убежать’	–	+	–	–

⌛ От части этих глаголов в прошлом, несомненно, образовывались причастия (с действительным значением). Так, во многих цыганских диалектах (но, судя по всему, не кэлдэрарских) причастие *bešlò* (или *beštò*) значит ʻсидящий’, причём нередко в сочетании со связкой, является главным способом обозначения состояния ʻсидеть’ (ср. рус.-цыг. *beštò som* ʻя сижу’), как в современных новоиндийских языках Индии.

3.11.8.4. Тип гн-∅:IL

Два глагола в инфекте имеют основы на согласный, а в перфекте к нему добавляется *-i*:

инфект	|-	1.	*av|àv*	*av|às*	ʻприйти’
		2.	*av|ès*	*av|èn*	
		3.	*av|èl*	*av|èn*	
		имп.	*àv*	*av|èn*	
перфект	*-I.L*|-	1.	*avil|èm*	*avil'|àm*	
		2.	*avil'|àn*	*avil'|àn*	
		3.	*avil'|à(s)*	*avil|è*	
		м.	*avil|ò*		
		ж.	*avil|ì*		
		прич.	—	сосл.3. *avilinò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.
avèl	ʻприйти, идти [сюда]’	–	+	–	–
aśèl	ʻоставаться; быть к лицу’	–	+	–	–
	ʻзамолкнуть’	–	+	–	–

Глагол *avèl* также входит в парадигму связки (см. 3.11.9).

3.11.8.5. Тип га-AV:AD

Этот тип почти тождествен типу га-∅:D, однако здесь перед перфектным суффиксом выпадает *-v-* конца инфектной основы. Большинство этих глаголов — производные (каузативы с суффиксом *-av-*), но есть и глаголы без явных производящих:

инфект	*-AV* |-	1.	*garav|àv*		*garav|às*	ʻпрятать’
		2.	*garav|ès*		*garav|èn*	
		3.	*garav|èl*		*garav|èn*	
		имп.	*garàv*		*garav|èn*	
перфект	*-A.D*|-	1.	*garad|èm*		*garaď|àm*	
		2.	*garaď|àn*		*garaď|àn*	
		3.	*garaď|à(s)*		*garad|è ~ garadin|è* (редко)	
		прич.	*garad|ò*	сосл.3.	*garadin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
amblavèl	ʻвешать’	+	+	+	+	
athavèl	ʻобмануть’	+	+	+	+	
ćalavèl	ʻударять’	+	+	+	+	
dunavèl	ʻподвернуть’	+	+	+	+	
garavèl	ʻпрятать’	+	+	+	+	
hulavèl	ʻделить; причесать’	+	+	+	+	
hunavèl	ʻкопать’	+	+	+	+	
malavèl	ʻударять’	+	+	+	+	
řymavèl	ʻбрить’	+	+	+	+	*~ myřavèl*
pořavèl	ʻразинуть; жрать’	+	+	+	+	
pusavèl	ʻколоть’	+	+	+	+	
šylavèl	ʻподметать’	+	+	+	+	
(v)uśaravèl	ʻпокрывать’	+	+	+	+	
xalavèl	ʻмыть, полоскать’	+	+	+	+	
xoxavèl	ʻврать’	–	+	–	–	
	ʻобмануть’	+	+	–	–	
zumavèl	ʻпробовать’	+	+	+	–	

производные	
-av-	каузатив (см. 3.11.11.3)

Возможно, имеется также глагол ʔ**ladavèl* (его причастие *ladadò* ʻполный до краёв, заваленный’ общеупотребительно); однако, даже если некоторые носители признают этот глагол, он явно не употребляется. То же относится к глаголу ʔ**ćaplavèl* (при *ćapladò* ʻчокнутый, с приветом’).

3.11.8.6. Тип га-E:∅

В этот тип входят два глагола *dèl* ʻдать’ и *lèl* ʻбрать’ с основами из одного согласного (в императиве к нему прибавляется гласный *-e*, который мы включаем в инфектную основу). Кроме того, сюда входит часть глаголов с основой на *-d(e)*. Начнём с первой группы из двух глаголов:

(а) неслоговые основы *de-* и *le-*

Эти два глагола особенны тем, что в 3.мн. перфекта требуют обязательного наращения *-in-* (см. 3.11.4.2 и 3.11.6.1):

инфект	*-E|-*	1.	*d|àv*		*d|às*	ʿдать’
		2.	*d|ès*		*d|èn*	
		3.	*d|èl*		*d|èn*	
		имп.	*dè*		*d|èn*	
перфект	*-(IN)|-*	1.	*d|èm*		*d’|àm*	
		2.	*d’|àn*		*d’|àn*	
		3.	*d’|à(s)*		*din|è*	
		прич.	*din|ò*	сосл.3.	*din|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.
dèl	ʿдать’	+	+	+	–
lèl	ʿбрать’	+	+	+	–

Глагол *dèl* имеет сложную модель управления с вариантами (см. 4.6.4), а *lèl* в значении в т. ч. ʿначинать’ участвует в фазовых оборотах и в этой роли не имеет своей модели управления (см. 4.2.6.4.1.1).

(б) слоговые основы

Инфектные основы этих глаголов исходят на *-d(e)*, причём в части из них *-d-* можно считать субморфом, а часть можно считать производными от *dèl* ʿдавать’ (однако ввиду их единичности мы их указываем здесь). Ударение в инфекте — на основе. Перфектная основа — как у *dèl*, но наращение в 3.мн. здесь факультативно (хотя и очень частотно):

инфект	*-E|-*	1.	*cỳrd|av*		*cỳrd|as*	ʿтянуть’
		2.	*cỳrd|es*		*cỳrd|en*	
		3.	*cỳrd|el*		*cỳrd|en*	
		имп.	*cỳrde*		*cỳrd|en*	
перфект	*-(IN)|-*	1.	*cyrd|èm*		*cyrd’|àm*	
		2.	*cyrd’|àn*		*cyrd’|àn*	
		3.	*cyrd’|à(s)*		*cyrdin|è ~ cyrd|è*	
		прич.	*cyrdin|ò*	сосл.3.	*cyrdin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.
ambòldel	ʿвертеть, обернуть, вернуть’	+	+	+	+
	ʿвернуться’	–	+	–	–
cỳrdel	ʿтянуть; сосать; паять; растирать’	+	+	+	–
ćumìdel	ʿцеловать’	+	+	+	–
ćungàrdel	ʿплевать’	+	+	+	–
phùrdel	ʿдуть; дышать’	–	+	–	–
	ʿзолотить, серебрить’	+	+	+ !	–
ròdel	ʿискать’	+	+	–	–

spìdel	ʻтолкать’	+	+	–	–
śùdel	ʻбросать; снять [одежду]’	+	+	+	–
tìdel	ʻсобрать; сжать’	+	+	+	–
tràdel	ʻслать’	+	+	+	–
	ʻуехать’	–	+	–	–
vàzdel	ʻподнять; строить’	+	+	+	–

Неизвестно [ДД]: *punřàndel* ʻразувать’ — скорее всего ошибка вм. *punřandìl*.

⌛ Исторически по крайней мере часть этих глаголов — застывшие сочетания имён с глаголом ʻдавать’, ср. прозрачное *ćungàrdel* ʻплевать’ (т. е. *ʻслюну давать’) и более спорное *vàzdel* < (?) **ɰast + del* ʻруку давать’.

Возвратные глаголы *tìdel-pe* ʻсобираться; сжиматься’ и *vàzdel-pe* ʻподниматься’ имеют смешанное спряжение: в инфекте обычное (с возвратными клитиками), а в перфекте — факультативно по типу гн-II (см. 3.11.14).

Форма причастия глагола *phùrdel* [*sumnakà-sa*, *rupè-sa*] ʻпокрывать [золотом, серебром]’ (помимо ʻдуть, дышать’) колеблется: *phurdò ~ phurdinò*.

3.11.8.7. Тип га-E:L

Эти глаголы с инфектной основой на *-d(e)*, как и глаголы типа га-E:∅, похожи на производные от *dèl* ʻдавать’, ср. *kàndel* [*mùj*] (ср. *kàn* ʻухо’) ʻслушаться [букв. рта]’, но в перфекте они ведут себя иначе (перф.3.ед. *kangl'a*). Ударение в инфекте — на основе:

инфект	*-DE|-*	1.	*phànd|av*		*phànd|as*	ʻсвязать’
		2.	*phànd|es*		*phànd|en*	
		3.	*phànd|el*		*phànd|en*	
		имп.	*phànde*		*phànd|en*	
перфект	*-D.L|-*	1.	*phangl|èm*		*phangl'|àm*	
		2.	*phangl'|àn*		*phangl'|àn*	
		3.	*phangl'|à(s)*		*phangl|è ~ phanglin|è*	
		прич.	*phangl|ò*	сосл.3.	*phanglin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.
ćuřỳndel	ʻцарапать’	+	+	+	–
xarùndel	ʻчесать’	+	+	+	+
kàndel [*mùj*]	ʻслушаться’	– !	+	–	–
khàndel	ʻсмердеть, па́хнуть’	–	+	– !	– !
phàndel	ʻсвязать, привязать’	+	+	+	–
řàndel	ʻцарапать; брить’	+	+	+	–
śàdel	ʻблевать’	–	+	+	–

В большинстве глаголов этого типа *-d(e)* — не суффикс, а субморф, ср. производный *phandavèl* ʻзакрывать’ с корнем *phand-* (см. 3.11.11.1).

⌛ Исторически по крайней мере часть этих глаголов — застывшие сочетания имени и глагола ʻдавать’, однако в перфекте теперь этого не видно. Прочие глаголы этого типа — не составные, они подстроились под этот тип по ударению из-за созвучия («субморф» *-d-*).

Особый глагол *kàndel* ʻслушаться’ всегда имеет дополнение *mùj* ʻрот’ (см. 4.2.6.1.1).

Глагол *khàndel* имеет альтернативную форму *khànďol*, выглядящую как неактивная (см. 3.11.3.4.8). Имеется прилагательное *khandinò* ʻвонючий; ленивый’, которое можно считать нерегулярным причастием с активным значением от *khàndel* (ожидалось бы ***khanglò*). От непереходного *śàdel* ʻблевать’ образуется причастие *śaglò* ʻоблёванный, облевавший себя’.

3.11.8.8. Тип га-A:AD

В этом типе (где всего три глагола) инфект — как в типах га-A:AJ и га-A:AJL, а перфект — как в типе га-AV:AD:

инфект	-*A*|-	1.	*azbà|v*		*azbà|s*	ʻтрогать’
		2.	*azbà|s*		*azbà|n*	
		3.	*azbà|l*		*azbà|n*	
		имп.	*azbà*		*azbà|n*	
перфект	-*A.D*|-	1.	*azbad'|èm*		*azbad'|àm*	
		2.	*azbad'|àn*		*azbad'|àn*	
		3.	*azbad'|à(s)*		*azbad|è ~ azbadin|è* (редко)	
		прич.	*azbad|ò*	сосл.3.	*azbadin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
azbàl	ʻтрогать’	+	+	+	+	
dilabàl	ʻпеть’	+	+	+	–	~ га-A:AJ
solaxàl	ʻклясться’	–	+	+	–	

Глагол *dilabàl* в перфекте у некоторых носителей имеет основу *dilabaj-* (т. е. этот глагол может относиться к типу га-A:AJ).

⌛ Исторически все эти глаголы — составные. Можно предположить, что *-bàl* — остаток утраченного глагола типа др.-инд. *váhati* ʻнести, вести’ (тогда *azbàl* < **hast-bal* значило ʻруку заносить’, а **gil...-bàl* ʻпеснь нести’; впрочем, ср. немолд. *gilàbel*). Сложение *solaxàl* — прозрачное (**sou̯l...-xal* букв. ʻклятву есть’, правда, с неясным выпадением *-u̯-*).

3.11.8.9. Тип га-A:AJ

В этом типе инфект — как в типах га-A:AD и га-A:AJL, а перфект особый, с суффиксом *-j-*. Причастий в этом типе нет (невозможно образовать), поэтому нет и неактивных соответствий:

инфект	-*A*|-	1.	*sungà|v*		*sungà|s*	ʻнюхать’
		2.	*sungà|s*		*sungà|n*	
		3.	*sungà|l*		*sungà|n*	
		имп.	*sungà*		*sungà|n*	
перфект	-*A.J*|-	1.	*sungaj|èm*		*sungaj|àm*	
		2.	*sungaj|àn*		*sungaj|àn*	
		3.	*sungaj|à(s)*		*sungaj|è*	
		прич.	—	сосл.3.	*sungajin|ò(sas)*	

		перех.	имп.	
asàl	ʻсмеяться’	–	+	
dukhàl	ʻболеть’	–	+	
izdràl	ʻдрожать’	–	+	
langàl	ʻхромать’	–	+	
piťàl	ʻкапать’	–	+	
prasàl	ʻдразнить’	±	+	
řoňďàl	ʻгреметь [о громе]’	–	–	
sungàl	ʻнюхать’	+	+	
xasàl	ʻкашлять’	–	+	
paťàl	ʻверить’	±	+	
plaćàl	ʻнравиться’	–	+	
stref̓àl	ʻблестеть’	–	+	
təgn̓àl	ʻвздрогнуть’	–	+	*~ trəgn̓àl*

Части этих глаголов соответствуют существительные: *dùkh* ж. ʻболь’, *xàs* м. ʻкашель’, *sùng* ж. ʻнюх’. Эти глаголы в какой-то степени можно считать производными, тем не менее мы даём их здесь (но см. 3.11.11.1).

⏳ Вполне возможно, что перфект этих глаголов связан с древними причастиями (теперь на *-anò*; в этом синхронном описании мы считаем их прилагательными при явно причастном значении, ср. *izdranò* ʻдрожащий’), так что *izdrajà(s)* ʻсодрогнулся’ < (?) **izdran-i̯as*. Наряду с исконными глаголами, сюда входят неисконные *stref̓àl* (м. б., из греческого), *plaćàl*, *t(r)əgn̓àl* (из румынского).

3.11.8.10. Тип гн-A:AJL

Сюда входят неактивные глаголы, в основном означающие смену состояния:

инфект	*-A*|-	1.	*bilà*|*v*		*bilà*|*s*	ʻтаять’
		2.	*bilà*|*s*		*bilà*|*n*	
		3.	*bilà*|*l*		*bilà*|*n*	
		имп.	*bilà*		*bilà*|*n*	
перфект	*-A.J.L*|-	1.	*bilàjl*|*em*		*bilàjl̓*|*am*	
		2.	*bilàjl̓*|*an*		*bilàjl̓*|*an*	
		3.	*bilàjl̓*|*a(s)*		*bilàjl*|*e*	
		м.	*bilàjl*|*o*			
		ж.	*bilàjl*|*i*			
		прич.	—	сосл.3.	*bilàjlin*|*o(sas)*	

		перех.	имп.	
bilàl	ʻтаять, плавиться’	–	+	
hur̓àl	ʻлетать’	–	+	*~ (v)ur̓àl*
daràl	ʻбояться, пугаться’	–	+	
istràl	ʻскользить, поскользнуться’	–	+	
klemb̓àl	ʻвисеть’	–	+	
laźàl	ʻстыдиться’	–	+	
trašàl	ʻбояться’	–	+	
tromàl	ʻсметь’	–	+	

Неизвестно [ДД]: *duhn'àl* ‘вонять’ (хотя меньшинству носителей знакомо по другим говорам).

⏳ Перфектная основа этих глаголов, видимо, связана с древними причастиями. Однако, в отличие от активных глаголов типа га-A:AJ, здесь к нему прибавляется суффикс (или причастие связки), так что, например, *daràjlo* < **daranilo* < (?) **daran(d)-i̯ul-*.

Глагол *daràl* ‘бояться’ в перфекте имеет близкое, но несколько другое значение ‘испугаться’ (подробнее см. 4.2.6.4.5.6).

Части этих глаголов соответствуют имена: *dàr* ‘страх’, *laźàv* ‘стыд’ и др. Поэтому эти глаголы можно считать производными, тем не менее мы даём их здесь (но см. 3.11.11.1). Глаголу *řoňďàl* ‘греметь’ соответствует *řòndeto* ‘гром’ (II пласт), однако ввиду единичности этого случая (а также сложности вычленения суффикса *-et-*) мы предпочитаем не выделять его в особую группу производных.

3.11.8.11. Тип гн-I:IST

Всего два глагола с противоположными значениями:

инфект	*-I*|-	1.	*ankl'*|*àv*		*ankl'*|*às*	‘выйти’
		2.	*ankl*|*ès*		*ankl*|*èn*	
		3.	*ankl*|*èl*		*ankl*|*èn*	
		имп.	*anklì*		*ankl*|*èn*	
перфект	*-I.ST*|-	1.	*anklist*|*èm*		*anklisť*|*àm*	
		2.	*anklisť*|*àn*		*anklisť*|*àn*	
		3.	*anklisť*|*à(s)*		*anklist*|*è*	
		м.	*anklist*|*ò*			
		ж.	*anklist*|*ì*			
		прич.	*anklist*|*ò*	сосл.3.	*anklistin*|*ò(sas)*	

		перех.	имп.	прич.	неакт.	
anklèl	‘выйти; залезть’	–	+	+ !	–	
hulèl	‘слезть’	–	+	–	–	~ *(v)ulèl* (см. 1.3.5.2)

Глагол *anklèl* изредка имеет перфектную основу *ankəst-* (вместо *anklist-*), ср. редкую форму *ankəsťàs* ‘вылез [из долгов], вышел [из кабака]’, но и ‘залез [на транспорт, пароход и т. п.]’; соответственно и причастие *anklistò* ~ *ankəstò* ‘верхом [на коне]’. Причастие, таким образом, передаёт только одно из двух значений (только ‘взлезший’, но не **‘вышедший’). Вариант *ankəst-* частотен в песнях, а *anklist-* обычен в речи.

⏳ Формы *ankəst-* : *anklist-*, могут восходить к двум разным глаголам. Другой вариант: одна из них — аналогическая (с *-l'-* из настоящего времени), т. е. более новая.

3.11.8.12. Тип гн-'U:'UL

В этот тип входят неактивные глаголы с суффиксом *-(')uv-*/*-(')o-*/*-(')u-*. Только некоторые из них можно считать непроизводными. Этот суффикс мы морфонологически записываем *-'U-*; в большинстве форм инфекта он стягивается с окончаниями, в т. ч. факультативно (см. 3.11.3.4.5).

Выделяются четыре подтипа по тому, меняется ли гласный исход инфектной основы перед перфектным суффиксом, смягчается ли конец основы, а также по ударению:

(а) гласный не меняется; твёрдая основа; конечное ударение

После непарных твёрдых согласных (тут встречается только *ř*), а также *b*, *s*, *z* йотация никак не проявляется (см. 2.5.2.4). У таких глаголов не меняется гласный перед суффиксом перфекта. Сюда входят несколько глаголов, которые можно считать непроизводными, и один производный:

инфект	*-UV|-*	1.	*phabò|v ~ phabuv|àv*	*phabò|s ~ phabuv|às*	‘гореть’
		2.	*phabò|s*	*phabò|n*	
		3.	*phabò|l*	*phabò|n*	
		имп.	*phabò ~ phabù*	*phabò|n*	
перфект	*-U.L|-*	1.	*phabul|èm*	*phabuľ|àm*	
		2.	*phabuľ|àn*	*phabuľ|àn*	
		3.	*phabuľ|à(s)*	*phabul|è*	
			м. *phabul|ò*		
			ж. *phabul|ì*		
		прич.	—	сосл.3. *phabulinò(sas)*	

		перех.	имп.
anzòl	‘дотянуться’	–	+
	‘ударить’	+	+
phabòl	‘гореть’	–	+
phařòl	‘лопаться; любить, сохнуть [по]’	–	+
tasòl	‘тонуть’	–	+
производные			
-u-	неактивные (см. 3.11.11.2, только *pašòl* ‘приблизиться’)		

(б) гласный меняется; твёрдая основа; конечное ударение

Только два производных глагола. Инфектная основа на *-U* → перфектная *-I* (⇨ *-y-* после непарного твёрдого):

инфект	*-UV|-*	1.	*xancò|v ~ xancuv|àv*	*xancò|s ~ xancuv|às*	‘убывать’
		2.	*xancò|s*	*xancò|n*	
		3.	*xancò|l*	*xancò|n*	
		имп.	*xancù ~ xancò*	*xancò|n*	
перфект	*-I.L|-*	1.	*xancyl|èm*	*xancyľ|àm*	
		2.	*xancyľ|àn*	*xancyľ|àn*	
		3.	*xancyľ|à(s)*	*xancyl|è*	
			м. *xancyl|ò*		
			ж. *xancyl|ì*		
		прич.	—	сосл.3. *xancylin|ò(sas)*	

производные	
-u-	неактивные (см. 3.11.11.2, только *xancòl* ‘убыть’, *(v)užòl* ‘чиститься’)

(в) гласный меняется; мягкая основа; наконечное ударение

Инфектная основа на *-U* → перфектная *-I* (⇨ *-i-*):

инфект	*-’.UV|-*	1.	*syťò|v ~ syťuv|àv*	*syťò|s ~ syťuv|às*	‘учиться’
		2.	*syťò|s*	*syťò|n*	
		3.	*syťò|l*	*syťò|n*	
		имп.	*syťò ~ syťù*	*syťò|n*	
перфект	*-I.L|-*	1.	*sytil|èm*	*sytil’|àm*	
		2.	*sytil’|àn*	*sytil’|àn*	
		3.	*sytil’|à(s)*	*sytil|è*	
			м. *sytil|ò*		
			ж. *sytil|ì*		
		прич.	—	сосл.3. *sytilin|ò(sas)*	

		перех.	имп.
buśòl	‘называться; означать’	–	–
tir’òl	‘вариться’	–	+
syťòl	‘учиться’	+	+
	‘привыкать’	–	+
najòl	‘купаться’	–	+
phuťòl	‘надуваться’	–	+
производные			
-’u-	неактивные (см. 3.11.11.2)		

Основная масса таких глаголов образована от прилагательных (см. 3.11.11.2 и 3.11.11.6).

Глагол *buśòl* ‘называться; означать’ не имеет перфектных форм (т. е. ***buśilo*, ***buśilino* и т. п.).

(г) гласный меняется; мягкая основа; наосновное ударение

Всего два синхронно непроизводных глагола; остальные — от причастий (в исключительных случаях — от прилагательных, см. 3.11.11.2):

инфект	*-’.UV|-*	1.	*thàvďo|v ~ thàvďuv|av*	*thàvďo|s ~ thàvďuv|as*	‘протечь’
		2.	*thàvďo|s*	*thàvďo|n*	
		3.	*thàvďo|l*	*thàvďo|n*	
		имп.	*thàvďo ~ thàvďu*	*thàvďo|n*	
перфект	*-I.L|-*	1.	*thàvdil|em*	*thàvdil’|am*	
		2.	*thàvdil’|an*	*thàvdil’|an*	
		3.	*thàvdil’|a(s)*	*thàvdil|e*	
			м. *thàvdil|o*		
			ж. *thàvdil|i*		
		прич.	—	сосл.3. *thàvdilin|o(sas)*	

		перех.	имп.
thàvďol	ʻпротекать [о сосуде]’	–	+
(a)tərďol	ʻостановиться’	–	+
производные			
-u-	становление (см. 3.11.11.2)		

⌛ Глагол *(a)tərďol* образован от прилагательного **(a)tərdò* ʻстоя́щий’ (по происхождению это, скорее всего, причастие), исчезнувшего у молдовая, ср. немолд. *tərdò* ʻстоя́щий’ [ДД]. Глагол *thàvďol* ʻпротекать’, вероятно, изначально составной.

Неизвестно [ДД]: *xànźol* ʻчесаться’ (из этого гнезда есть *xànźva* ʻжадина’).

3.11.8.13. Тип гн-AVO:AJL

Только образования с ударным суффиксом *-av(o)-* (морфонол. *-ÄVO-*). Два глагола без явного производящего; остальные — производные от прилагательных (см. 3.11.11.4, 3.11.11.6). Ударение — постоянное на суффиксе. В инфекте — два ряда окончаний (колебание конца основы, см. 3.11.3.4.6, кроме этого колебания, иногда глаголы этого типа имеют гибридное оформление, см. 3.11.3.4.8):

инфект	*-ÄVO|-*	1.	*xasàvo|v*	*~ -av*		*xasàvo|s*	*~ -as*	ʻтеряться’	
		2.	*xasàvo|s*	*~ -es*	*(~ -’os)*	*xasàvo|n*	*~ -en*	*(~ -’on)*	
		3.	*xasàvo|l*	*~ -el*	*(~ -’ol)*	*xasàvo|n*	*~ -en*	*(~ -’on)*	
		имп.	*xasàvo*			*xasàvo|n*			
перфект	*-ÄJ.L|-*	1.	*xasàjl|em*			*xasàjl’|am*			
		2.	*xasàjl’|an*			*xasàjl’|an*			
		3.	*xasàjl’|a(s)*			*xasàjl|e*			
			м. *xasàjl|o*						
			ж. *xasàjl|i*						
		прич.	—		сосл.3.	*xasàjlino(sas)*			

		перех.	имп.	прич.
xasàvol	ʻтеряться’	–	+	–
kokl’àvol	ʻокисляться’	–	+	+ !
производные				
-av(o)-	неактивные (см. 3.11.11.4)			

Глагол *kokl’àvol* ʻокисляться’ нерегулярно соотносится с единственным в своём роде причастием *kokl’amè* ʻокислившийся’, как будто образованным от глагола II пласта (однако такого глагола не может быть: в исходе корней глаголов II пласта не бывает *-a-*).

⌛ Глагол *xasàvol* ʻтеряться’ образован, судя по всему, от заимствованного из греческого языка корня *xa-*, ср. также *xasarə̀l* ʻтерять’. Здесь корень слился с элементами II пласта *-sav-*, *-sar-*, которые в других глаголах опускаются. Возможно, альтернативным вариантом оформления этого корня является глагол *xajìl* (гн-II) ʻгибнуть’. Глагол *kokl’àvol* ʻокисляться’ заимствован из рум. *coclí* < *cotlí* ʻтж.’ (← юж.-слав. **kotl-*) с неясным оформлением основы (ожидалось бы ***koklìl*, прич. ***koklimè*).

3.11.8.14. Тип га-II

По этому типу спрягаются все многочисленные активные глаголы II пласта (и новейшие окказиональные заимствования). Перед суффиксом стоит гласный *-i-*/*-y-*, реже *-o-*, а в одном случае *-u-*. Этот гласный, особенно в производных глаголах, мы называем «заполнителем» (в противном случае можно считать его просто гласным исходом основы).

«Суффиксальный комплекс» *-s.ar-* в инфекте обычно опускается (образцы спряжения с разными заполнителями см. 3.11.3.5.1), а в форме имп.ед. и перфекте сохраняется (см. 3.11.4.5). Эти глаголы в личных формах инфекта (но не в имп.ед.) могут быть неотличимы от глаголов типа гн-II. В возвратных формах в перфекте они спрягаются только по типу гн-II (см. 3.11.14).

В той или иной степени непроизводными можно считать глаголы, для которых нет явных производных (перечисляем их здесь; впрочем, критерии производности во II пласте несколько размыты):

инфект	*-(S.AR)|-*	1.	*hanò|v*	(~ *-sar|àv*)	*hanò|s*	~ *-sar|às*	ʻлудить’
		2.	*hanò|s*	(~ *-sar|às*)	*hanò|n*	(~ *-sar|ànn*)	
		3.	*hanò|l*	(~ *-sar|àl*)	*hanò|n*	(~ *-sar|ànn*)	
		имп.	(*hanò* ~)	*hanosàr*	*hanò|n*	(~ *-sar|ànn*)	
перфект	*-(S.AR).D|-*	1.	*hanosard|èm*		*hanosarď|àm*		
		2.	*hanosarď|àn*		*hanosarď|àn*		
		3.	*hanosarď|à(s)*		*hanosard|è*		
		прич.	*hanom|è*	сосл.3.	*hanosardin|ò(sas)*		

		перех.	имп.	прич.
ambojìl	ʻкрасить’	+	+	+
ampətìl	ʻмирить’	+	+	+
ankolìl	ʻокружать’	+	+	+
ansućìl	ʻкрутить’	+	+	+
ansurìl	ʻженить’	+	+	+
aźutìl	ʻпомогать’	–	+	–
bombotìl	ʻбормотать’	+	+	–
bulgujìl	ʻбредить’	–	+	–
bənujìl	ʻпереживать’	–	+	–
bəkəjìl	ʻбиться; пульсировать’	–	+	–
byzyjìl	ʻдразнить’	+	+	–
cymujìl	ʻшуметь, шелестеть’	–	+	–
ćognìl	ʻткнуть’	+	+	+
ćupìl, *ćup(i)lìl*	ʻщипать’	+	+	+
cypìl	ʻкричать’	–	+	–
daštìl	ʻмочь’	–	–	–
dupujìl	ʻстучать’	–	+	+
ferìl	ʻсберечь, упасти’	+	+	+
fyrfyjìl, *fyršyjìl*	ʻзакипать’	–	+	–
fyryjìl	ʻржать’	–	+	–
fysyjìl	ʻползать, кишеть’	–	+	–
glodìl	ʻтереть [котёл]’	+	+	+
gonìl	ʻгнать’	+	+	+

		перех.	имп.	прич.	
grəbìl	ʻторопить’	+	+	–	
gyngyjìl	ʻлепетать’ (о детях)	–	+	–	
hamìl	ʻсмешивать’	+	+	+	
hərmyntìl	ʻржать’	–	+	–	
hujdujìl	ʻпоносить; гнать’	+	+	+	
jertìl	ʻпрощать’	–	+	+	прич. ~ *jertò*
klopotìl	ʻкудахтать’	–	+	–	
kukujìl	ʻклевать носом’	–	+	–	
kələ́cìl	ʻмутить’	+	+	+	
luvudìl	ʻхвалить’	+	+	+	
mahrìl	ʻосквернять’	+	+	+	
məritìl	ʻвыдавать замуж’	+	+	+	
mirìl	ʻудивлять’	+	+	+	
mištìl	ʻдвигать’	+	+	+	немолд. *miškìl*
momìl	ʻупрашивать’	+	+	+	
muštrujìl	ʻпомыкать, гонять’	+	+	+	
mušulìl	ʻпачкать’	+	+	+	
mutìl	ʻпереселить’	+	+	+	
naštìl	ʻне мочь’	–	–	–	
nəvəlìl	ʻнаброситься’	–	+	–	
notìl	ʻплавать, плыть’	–	+	–	
pipijìl	ʻщупать’	+	+	+	
podìl	ʻобувать’	+	+	+	
primìl	ʻпринимать’	+	+	+	
proklecỳl	ʻпроклинать’	+	+	+	
prəžỳl	ʻжарить’	+	+	+	~ *prəžòl*
pupujìl	ʻсплетничать [о ком]’	+	+	+	
pərìl	ʻтушить; парить’	+	+	+	
pəturìl	ʻскладывать [ткань]’	+	+	+	
pycỳl	ʻ«расхлёбывать»’	+	+	+	
pyrlìl	ʻобжигать; обдурить’	+	+	+	
pyřỳl	ʻвыдавать, донести на’	+	+	+	
řəvərìl	ʻпадать [о дожде]’	–	+	–	
řudìl	ʻмолить; говорить тост’	–	+	+	
řygyjìl	ʻотрыгивать’	–	+	–	
řyspìl	ʻрассеивать’	+	+	+	
řyzgyjìl	ʻласкать’	+	+	+	
skəpìl	ʻспасать’	+	+	+	
skyrcyjìl	ʻскрипеть’	–	+	–	
skrijìl	ʻписать’	+	+	+	
skucòl	ʻточить’	+	+	+	
spojìl	ʻмыть’	+	+	+	
stympərìl	ʻтравить [кислоту]’	+	+	+	
strandìl	ʻвыжимать; доить’	+	+	+	~ *strangòl*
stropìl	ʻбрызгать’	+	+	+	
sugucỳl	ʻикать’	–	+	–	
surupìl†	ʻразрушать’	+	+	+	
suspinìl	ʻвздыхать’	–	+	–	

		перех.	имп.	прич.	
təvəlìl	ʻвалять [по земле]ʼ	+	+	+	
tivìl	ʻзашиватьʼ	+	+	+	
tomnìl	ʻсвататьʼ	+	+	+	
trəznìl	ʻударить [о молнии]ʼ	+	+	–	
tryntìl	ʻтрястиʼ	+	+	+	~ *tryntòl*
tərgujìl	ʻторговать; ругатьʼ	–	+	+	
tyřỳl	ʻволочитьʼ	+	+	+	
vatìl	ʻстонатьʼ	–	+	–	
volоźìl	ʻкалечитьʼ	+	+	+	
(v)ucỳl	ʻныть’	–	+	–	
(v)ujìl	ʻвыть’	–	+	–	
(v)ulujìl	ʻзавёртыватьʼ	+	+	+	
vyřỳl	ʻсоватьʼ	+	+	+	возвр. ʻлезть’
xaštìl	ʻзеватьʼ	–	+	–	
xutulìl	ʻхвататьʼ	+	+	+	
xyryjìl	ʻхрапетьʼ	–	+	–	
alòl	ʻвы-/перебирать; чиститьʼ	+	+	+	
borćòl	ʻморщитьʼ	+	+	+	
ćinòl	ʻмотать, трястиʼ	+	+	+	немолд. *khinòl*
grižòl	ʻприодеть; убратьсяʼ	+	+	+	
hanòl	ʻлудитьʼ	+	+	+	
(h)ramòl	ʻписатьʼ	+	+	+	
morcòl	ʻцепенитьʼ	+	+	+	
piròl	ʻобжигатьʼ	+	+	+	
prəžòl	ʻжаритьʼ	+	+	+	~ *prəžỳl*
rimòl	ʻпортитьʼ	+	+	+	
skorcòl	ʻглянцеватьʼ	+	+	+	
skucòl	ʻточитьʼ	+	+	+	
tinzòl	ʻвытягиватьʼ	+	+	+	
trubùl	ʻтребоватьсяʼ	–	–	–	~ *trəbùl*
только возвратные					
kəjìl-pe	ʻраскаяться, жалетьʼ		+	+	
sləjìl-pe	ʻтвердеть [о жире]ʼ		+	+	
vyrkulìl-pe	ʻметаться [в бреду]ʼ		+	–	
plimbòl-pe	ʻгулятьʼ		+	–	
stəbəlìl-pe	ʻобзавестись домомʼ		+	+	
производные					
-s.ar-	(см. 3.11.11.7)				

⌛ Сюда входят несколько исконных основ (неясного происхождения): *daštìl* ʻмочьʼ (и *naštìl* ʻне мочьʼ), *xaštìl* ʻзеватьʼ, а также *ćinòl* ʻмотатьʼ (последнее слово исконно, судя по придыханию в немолд. *khinòl*, чего не должно быть в морфемах II пласта). Остальные глаголы — либо немногочисленные греческие, либо румынские заимствования (а также множество русских, в т. ч. окказиональных). Трудно сказать, насколько это оформление (заполнителями *-i-* и *-o-*) было свойственно доевропейскому состоянию цыганского языка.

Глаголы *daštìl* ‘мочь’ и *naštìl* ‘не мочь’ иногда путаются: *daštìl* некоторые (немногочисленные) носители употребляют в значении ‘не мочь’ (а ‘мочь’ выражают иначе, неспрягаемым глаголом *šàj* ‘мочь, возможно’ или же окказионализмом из III пласта *možỳl*, см. 3.11.10).

3.11.8.15. Тип гн-II

По этому типу спрягаются все неактивные глаголы II пласта. Во всех них присутствует заполнитель (обычно *-i-*/*-y-*, реже *-o-*) и «суффиксальный комплекс» *-sav(o)-*, который в личных формах инфекта всегда опускается (образцы спряжения в инфекте с разными заполнителями: см. 3.11.3.5.2), а в форме имп.ед. и перфекте сохраняется (см. 3.11.4.5). Всего несколько глаголов можно считать непроизводными (окказиональные русизмы сюда не попадают, т. к. не бывают неактивными):

инфект	*-(SAVO)|-*	1.	*zalì|v*		*zalì|s*	‘испытать
		2.	*zalì|s*		*zalì|n*	головокружение’
		3.	*zalì|l*		*zalì|n*	
		имп.	*zalisàvo*		*zalì|n*	
перфект	*-SAJ.L|-*	1.	*zalisàjl|em*		*zalisàjl’|am*	
		2.	*zalisàjl’|an*		*zalisàjl’|an*	
		3.	*zalisàjl’|a(s)*		*zalisàjl|e*	
		м.	*zalisàjl|o*			
		ж.	*zalisàjl|i*			
		прич.	—	сосл.3.	*zalisàjlin|o*	

		перех.	имп.	прич.
zalìl	‘испыт. головокружение’	–	+	+
ləšynìl	‘падать в обморок, зайтись’	–	+	+
nəzərìl	‘виднеться’	–	–	–
pleznìl	‘трескаться, лопаться’	–	+	+
prəpədìl	‘разоряться’	–	+	+
pynžynìl	‘плесневеть’	–	+	+
řəgušỳl	‘хрипнуть’	–	+	+
zəpəćìl	‘помутиться рассудком’	–	+	+
xajìl	‘сгинуть, погибнуть’	–	+	+
morcòl	‘цепенеть’	–	+	+
skəzòl	‘испариться, выкипеть’	–	–	+
staxòl	‘хрипнуть’	–	+	+
производные				
-sav(o)-	(см. 3.11.11.7)			

Эти глаголы в личных формах инфекта (но не в имп.ед.) могут быть неотличимы от активных глаголов типа га-II (и в их инфектных личных формах почти всегда опускается «суффиксальный комплекс»), которые к тому же в возвратных формах в перфекте спрягаются только по типу гн-II (см. 3.11.14).

3.11.8.16. Изолированные глаголы

Здесь мы перечислим единичные глаголы, не вписывающиеся ни в один из данных выше типов спряжения.

Мы не рассматриваем тут глаголы с регулярным спряжением, но с нерегулярным причастием (ср. *pekàl* ‘печь’, прич. *pekò*, о таких причастиях см. 3.11.6.1) или с нерегулярным составом парадигмы (например, без императива). Нерегулярность также факультативно имеется у глагола *aźukəràl* ‘ждать’ (имп. *aźùkər* наряду с правильным *aźukàr*). Все эти мелкие и немногочисленные отклонения оговариваются под основными списками для каждого типа спряжения.

Во всех прочих случаях нерегулярность касается только соотношения инфектной и перфектной основ. Дадим обзор всех таких непредсказуемых сочетаний — в таблице глаголы разбиты по типу инфектной основы, и для каждого из них указана (как и в списках остальных глаголов) активность-неактивность, переходность, наличие императива, наличие производного неактивного глагола, а также (касательно образования перфекта) меняется ли инфектная основа в составе перфектной («изм.»); кроме того, указан перфектный суффикс:

								перфект					
инфект			перех.	имп.	прич.	неакт.	изм.	*-D-*	*-D.L-*	*-L-*	*-T-*	*-J-*
-∅-	*meràl*	‘умирать’	н	–	+	+	–	+			+		
	pařuvèl	‘менять’	а	+	+	+	+	+	+	+			
	peràl	‘падать’	н	–	+	–	–	+			+		
	rovèl	‘плакать’	а	–	+	–	–	+					+
	sovèl	‘спать’	а	–	+	+	–	+				+	
	źanèl	‘знать; уметь’	а	+	–	?+	–			+			
-E-	*pràstel*	‘бегать’	а	–	+	–	–	+					+
-I-	*pèl*	‘пить’	а	+	+	+	–				+		
	(v)uštèl	‘встать’	н	–	+	+	–				+		
	xlèl	‘обосрать’	а	+	+	+	–	+	+				
	xutèl	‘прыгать’	н	–	+	–	–	±			+		
-A-	*xàl*	‘есть’	а	+	+	+	+						
	źàl	‘идти’	н	–	+	–	–	+			+		
-O-	*śòl*	‘надеть’	а	+	+	+	–	+				+	
	thòl	‘ставить; мыть’	а	+	+	+	–		+				
...	*m’à(zo)l*	‘походить’		–	–	–	–	(перфекта нет)					

Как видно, два глагола образуют перфект двояко (в порядке колебания): у одного, *pařuvèl* ‘менять’, возможно два перфектных суффикса, а у одного, *xutèl* ‘прыгать’, к инфектной основе факультативно прибавляется гласный (см. ниже). Глагол *m’àl* ~ *m’àzol* ‘быть похожим’ имеет варианты в инфекте и лишён перфектных форм.

В плане личных окончаний и их соединения с основами, все глаголы, кроме *śòl* ‘надеть; сунуть’ и *thòl* ‘ставить; мыть’, имеют в инфекте вполне регулярные личные формы. В перфекте же вообще не бывает нерегулярных сочетаний основ с окончаниями (окончания присоединяются к основе тривиально).

Ниже приводятся полные парадигмы изолированных глаголов, группируемых по инфектной основе:

(а) инфектная основа на согласный

инфект	*ROV*|-	1.	*rov|àv*		*rov|às*	ʿплакать’
		2.	*rov|ès*		*rov|èn*	
		3.	*rov|èl*		*rov|èn*	
		имп.	*ròv*		*rov|èn*	
перфект	*RU.J*|-	1.	*ruj|èm*		*ruj|àm*	
		2.	*ruj|àn*		*ruj|àn*	
		3.	*ruj|à(s)*		*ruj|è*	
		прич.	—	сосл.3.	*rujinò(sas)*	
инфект	*SOV*|-	1.	*sov|àv*		*sov|às*	ʿспать’
		2.	*sov|ès*		*sov|èn*	
		3.	*sov|èl*		*sov|èn*	
		имп.	*sòv*		*sov|èn*	
перфект	*SU.T*|-	1.	*sut|èm*		*suť|àm*	
		2.	*suť|àn*		*suť|àn*	
		3.	*suť|à(s)*		*sut|è*	
		прич.	*sut|ò*	сосл.3.	*sutin|ò(sas)*	
инфект	*ŹAN*|-	1.	*źan|àv*		*źan|às*	ʿзнать’
		2.	*źan|ès*		*źan|èn*	
		3.	*źan|èl*		*źan|èn*	
		имп.	—		?	
перфект	*ŹAN.D.L*|-	1.	*źangl|èm*		*źangl’|àm*	
		2.	*źangl’|àn*		*źangl’|àn*	
		3.	*źangl’|à(s)*		*źangl|è*	
		прич.	?*źang|lò*	сосл.3.	*źanglin|ò(sas)*	

Похожий глагол *prinźanèl* ʿузнавать’ лишён императива, но имеет обычный перфект, ср. 3.ед. *prinźanďà* (полный синоним: *prinźarèl*, имп. *prinźàr*, перф. *prinźarďà*).

инфект	*PAŘUV*|-	1.	*pařuv|àv*		*pařuv|às*	ʿменять’
		2.	*pařuv|ès*		*pařuv|èn*	
		3.	*pařuv|èl*		*pařuv|èn*	
		имп.	*pařùv*		*pařuv|èn*	
перфект	*PAŘU.D.L*|-	1.	*pařugl|èm*		*pařugl’|àm*	
		2.	*pařugl’|àn*		*pařugl’|àn*	
		3.	*pařugl’|à(s)*		*pařugl|è*	~ *pařuglin|è*
		прич.	*pařugl|ò*	сосл.3.	*pařuglin|ò(sas)*	
	PAŘU.D|-	1.	*pařud|èm*		*pařuď|àm*	
		2.	*pařuď|àn*		*pařuď|àn*	
		3.	*pařuď|à(s)*		*pařud|è*	~ *pařudin|è*
		прич.	*pařud|ò*	сосл.3.	*pařudin|ò(sas)*	

При возвратности в личных формах инфекта этот глагол факультативно имеет в перфекте и императиве неактивные формы с основой на *-S.AVO-*: *pařuvèl-pe* ‘меняться’, перф. *pařugl’à-pe ~ pařuď à-pe ~ pařudinisàjlo ~ pařuglinisàjlo* ‘он изменился’. Можно сказать, что здесь налицо два разных глагола (та же ситуация у глаголов *tìdel-pe* ‘собраться; сжаться’, *ambòldel-pe* ‘отвернуться’ и *vàzdel-pe* ‘подняться’, см. 3.11.14).

инфект	*MER*|-	1.	*mer|àv*		*mer|às*	‘умирать’
		2.	*mer|ès*		*mer|èn*	
		3.	*mer|èl*		*mer|èn*	
		имп.	*mèr*		*mer|èn*	
перфект	*MU.L*|-	1.	*mul|èm*		*mul’|àm*	
		2.	*mul’|àm*		*mul’|àn*	
		3.	*mul’|à(s)*		*mul|è*	
			м. *mul|ò*			
			ж. *mul|ì*			
		прич.	*mul|ò*	сосл.3.	*mulin|ò(sas)*	

Это один из двух глаголов, чьё причастие совпадает с формой перф.3.ед.м. (*mulò* ‘мёртвый’ и ‘умер’, см. 3.11.6.2).

инфект	*PER*|-	1.	*per|àv*		*per|às*	‘падать’	(п)
		2.	*per|ès*		*per|èn*		
		3.	*per|èl*		*per|èn*		
		имп.	*pèr*		*per|èn*		
перфект	*PE.L*|-	1.	*pel|èm*		*pel’|àm*		
		2.	*pel’|àn*		*pel’|àn*		
		3.	*pel’|à*(*s*)		*pel|è*		
			м. *pel|ò*				
			ж. *pel|ì*				
		прич.	—	сосл.3.	*pelin|ò(sas)*		

Этот глагол имеет широкий спектр значений, в т. ч. полусвязочные (см. 4.3.4.1).

(б) инфектная основа на *-E*

инфект	*PRASTE*|-	1.	*pràst|av*		*pràst|as*	‘бегать’
		2.	*pràst|es*		*pràst|en*	
		3.	*pràst|el*		*pràst|en*	
		имп.	*pràste*		*pràst|en*	
перфект	*PRASTA.J*|-	1.	*prastaj|èm*		*prastaj|àm*	
		2.	*prastaj|àn*		*prastaj|àn*	
		3.	*prastaj|à*(*s*)		*prastaj|è*	
		прич.	—	сосл.3.	*prastajin|ò(sas)*	

(в) инфектная основа на *-I*

Здесь можно усматривать морфонологическое стяжение, в результате которого основа теряет слоговость перед гласным (см. 2.5.4.2):

инфект	*PI*|-	1.	*p'|àv*		*p'|às*	ʿпить'
		2.	*p|ès*		*p|èn*	
		3.	*p|èl*		*p|èn*	
		имп.	*pì*		*p|èn*	
перфект	*PI.L*|-	1.	*pil|èm*		*pil'|àm*	
		2.	*pil'|àn*		*pil'|àn*	
		3.	*pil'|à(s)*		*pil|è*	
		прич.	*pil|ò*	сосл.3.	*pilin|ò(sas)*	

инфект	*XLI*|-	1.	*xl'|àv*		*xl'|às*	ʿобосрать'
		2.	*xl|ès*		*xl|èn*	
		3.	*xl|èl*		*xl|èn*	
		имп.	*xlì*		*xl|èn*	
перфект	*XYN.D*|-	1.	*xynd|èm*		*xynd'|àm*	
		2.	*xynd'|àm*		*xynd'|àn*	
		3.	*xynd'|à(s)*		*xynd|è*	
		прич.	*xynd|ò*	сосл.3.	*xyndin|ò(sas)*	

В возвратном виде *xlèl-pe* значит ʿсрать' (ср. также *mutrèl-pe* ʿсцать' и др., о типах возвратности см. 4.13.4).

инфект	*XUTI*|-	1.	*xut'|àv*		*xut'|às*	ʿпрыгать'
		2.	*xut|ès*		*xut|èn*	
		3.	*xut|èl*		*xut|èn*	
		имп.	*xutì*		*xut|èn*	
перфект	*XUTI.L*|-	1.	*xutil|èm*		*xutil'|àm*	
		2.	*xutil'|àn*		*xutil'|àn*	
		3.	*xutil'|à*(*s*)		*xutil|è*	
		м.	*xutil|ò*			
		ж.	*xutil|ì*			
		прич.	—	сосл.3.	*xutilin|ò(sas)*	
	XUT.L|-	1.	*xukl|èm*		*xukl'| àm*	
		2.	*xukl'|àn*		*xukl'|àn*	
		3.	*xukl'|à*(*s*)		*xukl|è*	
		м.	*xukl|ò*			
		ж.	*xukl|ì*			
		прич.	—	сосл.3.	*xuklin|ò(sas)*	

Вариант перфектной основы *xukl-* — более редкий.

инфект	*UŠTI*|-	1.	*vušť|àv*		*vušť|às*	ʿвставать’
		2.	*vušt|ès*		*vušt|èn*	*šť ~ ś* (см. 1.3.5.3)
		3.	*vušt|èl*		*vušt|èn*	
		имп.	*vuštì*		*vušt|èn*	
перфект	*UŠTI.L*|-	1.	*vuštil|èm*		*vuštiľ|àm*	
		2.	*vuštiľ|àn*		*vuštiľ|àn*	
		3.	*vuštiľ|à(s)*		*vuštil|è*	
			м. *vuštil|ò*			
			ж. *vuštil|ì*			
		прич.	—	сосл.3.	*vuštilin|ò(sas)*	

Как видно, в одном из вариантов перфектная основа глагола *xutèl* ʿпрыгать’ — точно такая же, как у *(v)uštèl*. Таким образом, эти два глагола могли бы образовывать отдельный тип. Однако мы даём их здесь ввиду наличия у *xutèl* другого варианта, не вписывающегося ни в какой тип, чтобы не давать этот глагол дважды.

(г) инфектная основа на *-A*

инфект	*XA*|-	1.	*xà|v*		*xà|s*	ʿесть’
		2.	*xà|s*		*xà|n*	
		3.	*xà|l*		*xà|n*	
		имп.	*xà*		*xà|n*	
перфект	*XA.L*|-	1.	*xal|èm*		*xaľ|àm*	
		2.	*xaľ|àn*		*xaľ|àn*	
		3.	*xaľ|à(s)*		*xal|è*	
		прич.	*xal|ò*	сосл.3.	*xalin|ò(sas)*	

инфект	*ŹA*|-	1.	*źà|v*		*źà|s*	ʿидти’
		2.	*źà|s*		*źà|n*	
		3.	*źà|l*		*źà|n*	
		имп.	*źà*		*źà|n*	
перфект	*GƏ.L*|-	1.	*gəl|èm*		*gəľ|àm*	
		2.	*gəľ|àn*		*gəľ|àn*	
		3.	*gəľ|à(s)*		*gəl|è*	
			м. *gəl|ò*			
			ж. *gəl|ì*			
		прич.	—	сосл.3.	*gəlin|ò(sas)*	

Причастие *xalò*, наряду со страдательным значением ʿсъеденный’, в некоторых случаях может иметь и действительное — ʿсытый’ (см. 3.11.6.2).

(д) инфектная основа на *-O*

Два глагола имеют необычные личные формы инфекта. К усечённой в 1-м лице основе прибавляется окончание с гласным (II ряда, см. 3.11.3.1):

инфект	*Ś*|-	1.	*ś*|*àv*	*śà*|*s*		ʻнадеть, сунуть’
	ŚO|-	2.	*śò*|*s*	*śò*|*n*		возвр. ʻвойти’
		3.	*śò*|*l*	*śò*|*n*		
		имп.	*śò*	*śò*|*n*		
перфект	*ŚU.T*|-	1.	*śut*|*èm*	*śuť*|*àm*		
		2.	*śuť*|*àn*	*śuť*|*àn*		
		3.	*śuť*|*à(s)*	*śut*|*è*	~ *śutinè*	
		прич.	*śut*|*ò*	сосл.3. *śutin*|*ò(sas)*		

Невозвратный глагол *śòl* употребляется редко и близок по значению к глаголу *thòl* ʻставить, класть’ (а возвратный *śòl-pe* ʻзаходить, входить’ весьма частотен).

инфект	*TH*|-	1.	*th*|*àv*	*th*|*às*		ʻставить’
	THO|-	2.	*thò*|*s*	*thò*|*n*		ʻмыть’†
		3.	*thò*|*l*	*thò*|*n*		
		имп.	*thò*	*thò*|*n*		
перфект	*THO.D*|-	1.	*thod*|*èm*	*thoď*|*àm*		
		2.	*thoď*|*àn*	*thoď*|*àn*		
		3.	*thoď*|*à(s)*	*thod*|*è*	~ *thodinè*	
		прич.	*thod*|*ò*	сосл.3. *thodin*|*ò(sas)*		

Глагол *thòl* можно считать парой омонимов: (1) ʻставить, класть, наливать; создавать; назначать’ и возвр. ʻстановиться, ложиться’ и т. д.; (2) ʻмыть, стирать’ (сейчас не употребляется, обычно *xalavèl*) и возвр. (*thòl-pe pa mùj*) ʻумываться’ (букв. ʻмыться по лицу’).

С этим глаголом связан производный от него глагол *mothòl* ʻговорить, произносить’ (в первой части *mo-* можно усматривать форму слова *mùj* ʻрот’ *MUJE* ⇨ *mo-*), который спрягается точно так же: инф. *mothàv*, *mothòs* и т. д., имп. *mothò*, перф. *mothodèm* и т. д., прич. *mothodò*. Мы не стали выделять отдельный тип под эти два глагола, т. к. это «почти» один глагол (а производность *mothòl* синхронно неявна).

(e) глагол *m’à(zo)l*

Этот особый глагол имеет варианты в инфекте и лишён перфекта:

инфект	*M’AZO*|-	1.	*m’àzo*|*v*	*m’àzo*|*s*		ʻбыть похожим’
		2.	*m’àzo*|*s*	*m’àzo*|*n*		
		3.	*m’àzo*|*l*	*m’àzo*|*n*		
	M’A|-	1.	*m’à*|*v*	*m’à*|*s*		
		2.	*m’à*|*s*	*m’à*|*n*		
		3.	*m’à*|*l*	*m’à*|*n*		
		имп.	—	—		
перфект			—	—		
		прич.	—	сосл.3. —		

(ж) прочее

Упомянем также выражение *fàl-ma ~ fàj-ma* ‘(мне) кажется’, где *fàl ~ fàj* можно считать глагольной формой.

Кроме того, есть безличные неизменяемые глаголы *šàj* ‘мочь; можно’ и *naštì* ‘не мочь; невозможно’ (о них см. 3.11.10). Глагол-связка рассматривается отдельно (см. 3.11.9).

Частица *hàjda* ‘давай, айда’ показывает элементы глагольного поведения в том, что имеет два числа, ср. *hàjdan* ‘давайте’.

3.11.9. Глагол бытия и связка *sỳ* (*sy*)

Глагол-связка выпадает из деления глагольных основ на инфектные и перфектные. Инфектные по значению (настоящее время) личные формы принимают особые окончания, отчасти схожие с перфектными (о которых см. 3.11.4.1):

	ед.	мн.	
1.	*s|ỳm*	*s|àm*	‘я есмь’ и т. д.
2.	*s|àn*	*s|àn*	
3.	*sỳ*	*sỳ*	

Как видно, в 3-м лице основа выступает в слоговом виде: *sỳ*, а в остальных гласный отсутствует (впрочем, форму 1.ед. можно членить как *sỳ|m*). Все эти формы в значении связки обычно безударны. Безударная форма 3-го лица *sỳ* может в некоторых условиях терять гласный и звучать как [s] (это фонологическое явление, см. 1.2.8).

В 3-м лице в особых условиях — после вопросительного *sò* ‘что’ — также употребляется другая клитика: *-j* (можно считать, что она же выступает и в отрицательной форме *nàj* = *nà-j*, об отрицании см. ниже), ср. *sò j?* ‘что? / в чём дело?’ (см. 4.5.8.2).

К формам с окончаниями (в 3-м лице основа без гласного: *s-*) прибавляется *-as*, образуя формы прошедшего времени:

	ед.	мн.	
1.	*sỳm·as*	*sàm·as*	‘я был’ и т. д.
2.	*sàn·as*	*sàn·as*	
3.	*s·às*	*s·às*	

Глагол *sỳ* — единственный глагол, имеющий формы будущего времени. Они совпадают с инфектными формами глагола *avèl* ‘приходить’ (факультативно «долгими» — в том же значении). Эта же основа в императиве:

	ед.	мн.	
1.	*av|àv(·a)*	*av|às(·a)*	‘я буду’ и т. д.
2.	*av|ès(·a)*	*av|èn(·a)*	
3.	*av|èl(·a)*	*av|èn(·a)*	
имп.	*àv*	*av|èn*	‘будь’, ‘будьте’

Формы глагола *avèl* выступают в парадигме глагола-связки также в формах сослагательного и условного наклонений (обзор форм, см. 4.2.6.4.3, значения — см. 4.2.6.4.5.5). Иногда взаимозаменимо употребляются формы *avèl ~ avèla* (с постфиксом и без) в значениях будущего изъявительного и сослагательного (т. е. ‘будет’ и ‘[если] будет’). У всех прочих глаголов наличие постфикса абсолютно значимо.

Изредка сослагательная форма 3.ед. *ť-avèl* ‘чтобы был/-а/-о’ редуцируется до *ť-àl*.

Глагол *sỳ* отличается от всех остальных глаголов также выражением отрицательности: в настоящем времени 3-го лица: *nàj* (где можно видеть упомянутую клитику *-j*) вместо ***ćі-sy*, а в прошедшем 3-го лица *nàs* вместо ***ćі-sas*. Когда в состав этих отрицательных форм входит проклитика *màj-*, она имеет особую форму и занимает необычное для себя место: *ma-nàj*, *ma-nàs* (ср. 1.ед. *ćì-maj-sym*, *ćì-maj-sỳmas*). Остальные формы парадигмы с отрицанием и *màj-* образуются правильно в рамках широкой словоформы:

	ед.	мн.	
1.	*ćì-sym*	*ćì-sam*	ʿя не есмь’ и т. д.
2.	*ćì-san*	*ćì-san*	
3.	*nàj*	*nàj*	
1.	*ćì-sỳmas*	*ćì-sàmas*	ʿя не был’ и т. д.
2.	*ćì-sànas*	*ćì-sànas*	
3.	*nàs*	*nàs*	
1.	*màj-sỳm*	*màj-sàm*	ʿя ещё есмь’ и т. д.
2.	*màj-sàn*	*màj-sàn*	
3.	*màj-sỳ*	*màj-sỳ*	
1.	*ćì-maj-sym*	*ćì-maj-sam*	ʿя больше не есмь’ и т. д.
2.	*ćì-maj-san*	*ćì-maj-san*	
3.	*ma-nàj*	*ma-nàj*	
1.	*màj-sỳmas*	*màj-sàmas*	ʿя ещё был’ и т. д.
2.	*màj-sànas*	*màj-sànas*	
3.	*màj-sàs*	*màj-sàs*	
1.	*ćì-maj-sỳmas*	*ćì-maj-sàmas*	ʿя больше не был’ и т. д.
2.	*ćì-maj-sànas*	*ćì-maj-sànas*	ʿменя больше нет...’ и т. д.
3.	*ma-nàs*	*ma-nàs*	

Форма *maj-san* (обычно без ударения) употребляется в этикетной формуле *sàr maj-san?* ʿкак поживаешь?’ (наряду с *sàr san?*).

Отрицательный императив — регулярно: *nà-av* (~ *n-àv*), *nà-avèn*.

Форму *nàj* мы будем писать слитно, т. к. иначе возникнут трудности с написанием *nàs* ʿне был’ и *sàs* ʿбыл’.

3.11.10. Неспрягаемые глаголы *šàj* и *naštì*

Есть два особых неизменяемых глагола, ведущих себя как гибрид частицы и глагола:

šàj ʿмочь; можно’
naštì ʿне мочь; невозможно’ (~ *daštì*, см. ниже)

Отнесение этих слов к глаголам небесспорно, однако оно оправдывается их особым синтаксическим поведением (см. 4.6.3). Они могут относиться к разным грамматическим временам, но форма их всегда неизменна.

Имеются и обычные глаголы *daštìl* ʿмочь’ и *naštìl* ʿне мочь’ — мы считаем их другими словами. Вместо *naštì* изредка употребляют форму *daštì* с тем же значением невозможности (той же путанице подвержены и *daštìl*, *naštìl*).

3.11.11. Словообразование глаголов

Часть типов спряжения содержит только непроизводные глаголы, часть — производные и непроизводные, а часть — (почти) только производные. Большинство производных глаголов — суффиксальные, но есть маргинальные случаи, в которых при желании можно выделить приставки. Глаголы образуются от имён (существительных, прилагательных, наречий) и глаголов. Ниже мы приведём глаголы, для которых более или менее чётко можно подобрать производящее слово.

Для части глаголов II пласта речь идёт не о производящем слове как таковом, а скорее об однокоренном имени, что связано с размытостью словообразовательных моделей в этой части системы. Впрочем, и для небольшого ряда глаголов I пласта трудно дать чёткие критерии производности ввиду непрозрачности образований и единичности примеров. Начнём с этих маргинальных случаев.

3.11.11.1. Маргинальные способы глагольного словообразования

В небольшом числе глаголов, которые не являются бесспорно производными, тем не менее выделяется видимая, но непрозрачная морфологическая структура, включающая единичные морфемы (ср. ниже *prin-*, *gər-*). Сюда же входят немногочисленные случаи, где с достаточными основаниями нельзя определить направление словообразования, а также случаи, где морфологические связи между морфемами в той или иной степени затемнены:

(а) «приставки»

Есть несколько групп глаголов I пласта, различающихся только первой частью, которую можно условно назвать «приставкой». Эта первая часть обычно не выделяется в самостоятельную морфему. Вторая часть («корень») может быть омонимична корню самостоятельного глагола, а может не быть:

«корень»	«приставка»	«производное»	
-kər-, ср. *kərə̀l* ʻделать’			
	in- ~ ni-	*in.kərə̀l ~ ni.kərə̀l*	ʻдержать’
	aźu-	*aźu.kərə̀l*	ʻждать’
-gər- (глагола нет)			
	in- ~ ni-	*in.gərə̀l ~ ni.gərə̀l*	ʻвести, везти’
-źan-, ср. *źanèl* ʻзнать’			
	prin-	*prin.źanèl*	ʻузнавать’
-tin-, ср. *tinèl* ʻпокупать’			
	po-	*po.tinèl*	ʻплатить’
	bi-	*bi.tinèl*	ʻпродавать’

Как видно, дважды встречается лишь «приставка» *in- ~ ni-*, остальные единичны. Только *bi-* совпадает с другой морфемой: *bi*, *bi-* ʻбез’ (предлог, проклитика).

⌛ Сюда же исторически относится *bistrə̀l* (обычно *bystrə̀l*) ʻзабывать’, восходящий к сочетанию предков морфемы *bi* ʻбез, не’ и глагола *sərə̀l* ʻпомнить’ (*bistrə̀l* < **bisrel*). У немолдовая есть ещё глагол *bijanèl* ʻрожать’, восходящий к древнеиндийскому глаголу с этой приставкой. С другой приставкой: *prasə̀l* ʻдразнить’ (**pra* + *asə̀l* ʻсмеяться’), причём этот глагол в части своего значения сохраняет управление производящего (*asə̀n lès-tar* ʻсмеются над ним’, *prasə̀n lès-tar* ʻдразнят его, издеваются над ним’). В про-

шлом во влашских диалектах, скорее всего, также имелась сейчас синхронно невыделимая приставка *a-*, значение которой неясно. Она обнаруживается только благодаря сравнению соответствий из разных диалектов (в невлашских она редка, а влашские различаются отдельными словами) и имеется как в глаголах, так и в существительных. Приведём глаголы, отличающиеся в говоре молдовая от других кэлдэрар — с приставкой: *ašunèl* ‘слышать, слушать’ (нек. немолд. *šunèl*), *akušəl* ‘клясть’ (нек. немолд. *kušəl*), *akhuvèl* ‘плести’ (нек. немолд. *khuvèl*); без приставки — *m̀àl* ‘быть похожим’ (нек. немолд. *am̀àl*); с факультативной приставкой молд. *(a)suvèl* ‘шить’ (нек. немолд. только *suvèl*), молд. *(a)tàrďol* ‘останавливаться’ (нек. немолд. только *tàrďol*).

Упомянем также глагол *daštìl* ‘мочь’, непрозрачно связанный с *naštìl* ‘не мочь’ (также безл. *naštì*, см. 3.11.10). Учитывая, что *nà-* — проклитика, можно выделить маргинальную морфему *da-*.

Единственный в своём роде глагол с основой на *-U-* с приставкой:

mèkl’ol ‘спускаться’ → *dəz.mèkl’ol* ‘оттаивать’

Во II пласте имеется также несколько глаголов с началом *an- ~ am-* (перед губными), за которым идут вполне узнаваемые корни. Здесь в большей степени, чем в I пласте, можно говорить о словообразовании ввиду более ясной семантической связи:

krèco ‘кудрявый’ → *an.krecòl* ‘завивать’
gràpa ‘яма’ → *an.gropòl* ‘хоронить’

На *an- ~ am-* начинаются и несколько других глаголов II пласта — без явных производящих, ср. *ankolìl* ‘окружать’, *ambojìl* ‘красить’ и др. (см. 3.11.8.14).

Изолированные приставки (по одному примеру):

fùndo ‘дно’ → *ku.fundìl* ‘тонуть’
pùl’bərà ‘пыль’ → *s.pul’bərìl* ‘мести [о метели]’

(б) сложения

«Корневой субморф» *-gər-*, сочетающийся с приставками, входит также в глагол *śingərèl* ‘резать’ (обычно считающийся чужим), где первая часть — корень глагола *śinèl* ‘резать’, чьим синонимом является само это сложение.

Сложениями можно считать и часть глаголов типов га-E:∅ и га-E:L. Эти глаголы имеют одинаковую вторую часть (мы называем её суффиксом) *-d(e)*, которую можно соотносить с глаголом *dèl* ‘давать’ в тех случаях, когда первая часть (корень) — более или менее узнаваемое существительное:

ćungàr	‘слюна’	→ *ćungàrdel*	(га-E:∅)	‘плевать’
vàst	‘рука’	? → *vàzdel*	(га-E:∅)	‘поднимать, строить’
kàn	‘ухо’	→ *kàndel*	(га-E:L)	‘слушаться’

Особый случай — *phàndel* ‘за/привязывать’, здесь *-d(e)* не суффикс, а субморф, ср. производный *phandavèl* ‘закрывать’ с корнем *phand-*.

Только в типе га-E:∅ спряжение (почти) полностью повторяет спряжение глагола *dèl*, ср. перф.3.ед. *ćungarďà*, мн. *ćungard(in)è*, тогда как в типе га-E:L перфектная основа выглядит иначе, ср. перф.3.ед. *kangl’à* (при прозрачном инфекте: *kàn* + *dèl* букв. ‘ухо давать’).

⌛ Исторически по крайней мере часть этих глаголов — действительно застывшие сочетания имени и глагола ‘давать’ (ср. морфологически свободные сочетания типа *dèl jàg* ‘поджигать; стрелять’, букв. ‘давать огонь’). Ударение на первой основе выдаёт их древний составной характер. Прочие глаголы этого типа — не составные, они подстроились под этот тип по ударению из-за созвучия («субморф» *-d-*).

Явное сложение — глагол *mothòl* ‘говорить’. Его первая часть — это форма слова *mùj* ‘рот’ *MUJE-* ⇨ *mo-*), а вторая — глагол *thòl* ‘ставить, класть’.

⌛ Слово *mùj* в сложении *mothòl*, вероятно, выступает в том же древнем падеже (видимо, восходящем к древним творительному и местному), в котором стоят слова (синхронно это наречия) *khərə̀* ‘домой, дома’, *ivendè* ‘зимой’, [*dèl*] *bulè* ‘futuere’ (при *bùl* ‘зад’) и др. (см. 3.8.1.3). К сложениям восходят все три глагола типа га-A:AD: *solaxàl* ‘клясться’ и др. (см. историческое примечание в 3.11.8.8).

(в) связь бессуффиксальных глаголов с именами

У бессуффиксальных глаголов нет морфологической связи с непроизводными именами, кроме пары случаев (нет смысла пытаться определить направление словообразования):

mutrà мн.	‘моча’	↔	*mutrə̀l*	(га-∅:D)	‘обосцать’
ćòr	‘вор’	↔	*ćorə̀l*	(га-∅:D)	‘красть’

⌛ Связь этих слов между собой восходит к древнеиндийской эпохе.

(г) суффикс *-a-*

Этот суффикс условно выделяется в немногочисленных случаях наличия морфологической связи глаголов с инфектной основой на *-a* (разных типов) с непроизводными именами (или плохо выделимыми частями имён, в одном случае — II пласта). Все эти глаголы перечислены среди непроизводных (см. 3.11.8.8, 3.11.8.9, 3.11.8.10; здесь мы тоже не пытаемся определиться с направлением словообразования):

dàr	‘страх’		↔	*daràl*	(гн-A:AJL)	‘бояться’
sùng	‘нюх’		↔	*sungàl*	(га-A:AJ)	‘нюхать’
dùkh	‘боль’		↔	*dukhàl*	(га-A:AJ)	‘болеть [о части тела]’
xàs	‘кашель’		↔	*xasàl*	(га-A:AJ)	‘кашлять’
solàx	‘клятва’		↔	*solaxàl*	(га-A:AD)	‘клясться’
laźàv	‘стыд’	(*laź-*)	↔	*laźàl*	(гн-A:AJL)	‘стесняться’
řòndeto	‘гром’	(*řond-*)	↔	*řonďàl*	(гн-A:AJ)	‘греметь [о громе]’

⌛ Исторически часть этих глаголов действительно производна от этих существительных, а в одном случае имеем яркий пример обратного словообразования: глагол *solaxàl*, восходящий к сложению с предком глагола *xàl* ‘есть’ (см. историческое примечание выше), явно дал существительное *solàx*, а не наоборот.

(д) суффикс *-al-*

Только один случай *dànd* ‘зуб’ → *dandalèl* ‘кусать’ (чаще — *dandarə̀l*, с обычным суффиксом, см. 3.11.11.5).

3.11.11.2. Суффикс *-’ù-*

Образует неактивные глаголы типа гн-’U:’UL (несколько глаголов этого типа можно считать непроизводными, см. 3.11.8.12). Все эти глаголы непереходны (кроме *syťòl* в значении ‘учиться [чему]’, но не ‘привыкать’).

Производные глаголы этого типа образованы от прилагательных (в паре случаев — от наречий), а также от страдательных причастий (морфологически — прилагательных). Эти две группы различаются ударением, поэтому их надо рассмотреть отдельно:

(а) от прилагательных и наречий

Производящие — прилагательные с односложной основой. В этом смысле рассматриваемые глаголы дополнительно распределены с глаголами с суффиксом *-(’)AVO-* (см. 3.11.11.4, там же об исключениях):

PAŠ.'U|EL	⇨	*pašòl*	‘приближаться’	(*pašə̀* ‘близко’)
BAR.'U|EL	⇨	*barə̀l*	‘расти’	(*barò* ‘большой’)
TANG.'U|EL	⇨	*tanďòl*	‘сужаться’	(*tàng* ‘узкий’)
ĆIN.'U|EL	⇨	*ćijòl*	‘уставать’	(*ćinò* ‘усталый’)

Приведённые примеры иллюстрируют также морфонологическое правило йотации (см. 2.5.2.4). Эти глаголы конечноударны, кроме одного — *pàťol* ‘зреть; гнить’ (ср. *pakò* ‘спелый; гнилой’).

Полный список соответствий прилагательных и производных глаголов приводим вместе с другим суффиксами (см. 3.11.11.6).

⏳ Часть глаголов, которые мы включаем в список непроизводных, несомненно раньше были именно такими производными от прилагательных, ср. *najòl* ‘купаться’ (**nano*), *phuťòl* ‘надуваться’ (**phuko*); *syťòl* ‘учиться; привыкать’ (**siko*). Часть этих прилагательных сохранилась в других цыганских диалектах.

Подобные глаголы образуются почти от всех прилагательных I пласта (в нескольких случаях — от прилагательных II пласта) с односложной основой, причём семантическая связь между производящими и производными всегда прозрачна, так что, если бы множество таких прилагательных было открыто, можно было бы считать эту часть словообразовательной системы продуктивной. Эти производные иногда потенциально образуются от прилагательных, для которых есть другие глаголы с соответствующим значением, ср. прилагательное с двусложной основой *ivandò* (*ivànd*): обычно говорят *ivenzỳl* ~ *ivənzỳl* ‘сыреть’, но окказионально, видимо, возможно и *ivanďòl* ‘тж.’ (в т. ч. как оговорка).

(б) от причастий

В качестве производящих выступают причастия переходных глаголов I пласта. В общем случае основа причастия равна перфектной основе соответствующего глагола (см. 3.11.6.1). При этом ударение производного глагола всегда падает на последний слог этой основы. Этот факт мы обозначаем приписыванием суффиксу акцентной силы (см. 2.7.2):

ŚIN.D̀.'U|EL	⇨	*śìnďol*	‘рваться’	(*śinèl* ‘рвать’, прич. *śindò*)
BYSTƏR.D̀.'U|EL	⇨	*bystə̀rďol*	‘забываться’	(*bystrə̀l* ‘забывать’, *bystərdò*)
MEK.L̀.'U|EL	⇨	*mèkľol*	‘спускаться’	(*mekə̀l* ‘отпускать’, *meklò*)

При этом действуют соответствующие морфонологические правила, т. е. те же, что и в перфектной основе производящего глагола, например, -*AV.D*- ⇨ /-*ad*-/ (см. 3.11.8.5), -*D.IN.'*- ⇨ /*ď*/ (см. 2.9):

ATHAV.D̀.'U|EL	⇨	*athàďol*	‘ошибаться’	(*athavèl* ‘обманывать’, *athadò*)
AMBOL.D̀.IN.'U|EL	⇨	*ambòlďol*	‘вертеться’	(*ambòldel* ‘вертеть’, *amboldinò*)

Эти производные образуются только от причастий переходных активных глаголов (и имеют страдательное значение). Производные от причастий можно считать отымёнными (как и образованные от обычных прилагательных, см. выше). Однако в ряде случаев морфологическая связь причастий и производных глаголов нерегулярна, и производящим можно считать глагол (тем более что причастие входит в глагольную парадигму).

Производящие глаголы относятся только к типам, содержащим переходные глаголы: га-∅:D, га-∅:L, га-AV:AD, га-E:∅ (но не *dèl* ‘дать’, *lèl* ‘брать’), га-E:L, га-A:AD (один глагол). Неактивные производные не образуются от переходных глаголов типа га-A:AJ (он не даёт морфологической возможности образования причастия). Из неправильных глаголов неактивный образуется только от *xàl* ‘есть’: *xàľol* ‘протираться’.

Приведём примеры регулярных рядов производящих глаголов, их причастий и производных (значения даются выборочно). В большинстве случаев форма и значение неактивного производного тривиальны (наличие неактивного производного для всех неактивных

отмечено в списках — непроизводные: см. 3.11.8.1–3.11.8.8; производные: см. 3.11.11.3, 3.11.11.5; о нетривиальных значениях см. 4.13.4):

тип	активный		причастие		неактивный	
га-∅:D	*marə̀l*	‘бить’	*mardò*	→	*màrďol*	‘быть битым’
	dinèl	‘(с)читать’	*dindò*	→	*dìnďol*	‘считаться [чем]’
	bitinèl	‘продать’	*bitindò*	→	*bitìnďol*	‘продаваться’
	bystrə̀l	‘забыть’	*bystərdò*	→	*bystə̀rďol*	‘забыться’
	pařuvèl	‘менять’	*pařudò*	→	*pařùďol*	‘меняться’
			~ pařuglò		*~ pařùgľol*	
в т. ч. производные:						
	laśarə̀l	‘чинить’	*laśardò*	→	*laśàrďol*	‘исправиться’
	kovľarə̀l	‘размягчить’	*kovľardò*	→	*kovľàrďol*	‘размягчиться’
га-AV:AD	*athavèl*	‘обмануть’	*athadò*	→	*athàďol*	‘ошибиться’
	xalavèl	‘мыть’	*xaladò*	→	*xalàďol*	‘мыться’
в т. ч. производные:						
	tasavèl	‘душить’	*tasadò*	→	*tasàďol*	‘задохнуться’
	ankalavèl	‘вынуть’	*ankaladò*	→	*ankalàďol*	‘вываться’
га-∅:L	*mekə̀l*	‘пустить’	*meklò*	→	*mèkľol*	‘спускаться’
	khosə̀l	‘тереть’	*khoslò*	→	*khòsľol*	‘протираться’
га-E:∅	*ambòldel*	‘вертеть’	*amboldinò*	→	*ambòlďol*	‘вертеться’
га-A:AD	*azbàl*	‘трогать’	*azbadò*	→	*azbàďol*	‘соприкасаться’
изолир.	*xàl*	‘есть’	*xalò*	→	*xàľol*	‘протираться’

В тех исключительных случаях, когда у причастия нет суффикса: *pekə̀l* ‘печь’, прич. *pekò* (***peklò*), и *phagə̀l* ‘ломать’, прич. *phagò* (***phaglò*), это отражается и в производном:

га-∅:L	*pekə̀l*	‘печь’	*pekò*	→	*pèťol*	‘печься’
	phagə̀l	‘ломать’	*phagò*	→	*phàďol*	‘ломаться’

Особая ситуация наблюдается у глаголов с основой на *-kh*: глагол *makhə̀l* ‘мазать, писать [живопись]’ имеет правильное причастие *makhlò*, а от *dikhə̀l* ‘видеть, смотреть’ причастия нет, однако неактивные производные от них образуются нулевыми суффиксами:

га-∅:L	*makhə̀l*	‘мазать’	*makhlò*	→	*màćol*	‘пачкаться’
	dikhə̀l	‘видеть’	** *dikhlo*	→	*dìćol*	‘выглядеть’

Эти производные выглядят так, как будто образованы от несуществующих ***makhò* и ***dikhò*. Однако можно ввести правило, по которому *-KHL.’-* ⇨ *-KH.’-* ⇨ /*-ć-*/ (выпадение *L*), ср. без придыхания и без выпадения *-KL.’-*: *mèkľol* ‘спускаться’.

Для получения правильного ударения в производных с нулевым суффиксом мы постулируем ударную нулевую морфему *-∅́-* (в отличие от глаголов, производных от прилагательных, например *maťòl* ‘пьянеть’ от *matò* ‘пьяный’, где *-’U-* присоединяется к основе прилагательного). В порядке исключения такое же накоренное ударение имеет упомянутый выше глагол *pàťol* ‘зреть; гнить’, производный от *pakò* ‘спелый; гнилой’.

Причастие глагола *xarùndel* ‘чесать [при зуде]’ (тип га-E:L) — *xarunglò*, но неактивный глагол имеет неожиданный вариант *xarùnďol* ‘чесаться’ (наряду с *xarùngľol*).

Иногда причастие имеется, а неактивного глагола нет, но вместо него обычно можно употребить возвратный, ср. *tinèl-pe* ‘покупаться’ вместо ***tinďol* (список неполный):

га-∅:D	*phenèl*	‘сказать’	*phendò*	→	***phenďol*
	tinèl	‘купить	*tindò*	→	***tinďol*
	anèl	‘принести’	*andò*	→	***anďol*
га-∅:L	*ćařàl*	‘лизать’	*ćařlò*	→	***ćařľol*
	kuřàl	‘futuere’	*kuřlò*	→	***kuřľol*
	mangàl	‘просить’	*manglò*	→	***mangľol*
га-A:AD	*dilabàl*	‘петь’	*dilabadò*	→	***dilabaďol*

В прочих случаях одним из условий наличия неактивного производного глагола является наличие причастия у соответствующего производящего активного. Причастия есть не у всех активных глаголов, даже если они переходные, ср.:

га-∅:D	*aźukəràl*	‘ждать’	***aźukərdo*	→	***aźukərďol*
га-∅:L	*kamèl*	‘хотеть’	***kamlo*	→	***kamľol*
	puśèl	‘спросить’	***puślo*	→	***puśľol*

Как образованный от причастия выглядит по ударению глагол *(a)tàrďol* ‘остановиться; перестать’ (хотя соответствующего непроизводного глагола или хотя бы прилагательного нет). То же касается глагола *arakhàďol* ‘рождаться’, хотя нет глагола ***arakhavèl** (при *arakhàl* ‘найти’).

У глагола *pynřànďol* (~ *punřànďol*) ‘разуваться’ нет активного соответствия I пласта, но он соотносится с глаголом II пласта *pynřandìl* (~ *pynřyndìl*) ‘разувать’. Сам этот производный неактивный глагол употребляется, по-видимому, в основном только в императиве: *pynřànďu* ‘разуйся’. В прочих формах обычно выступает возвратный глагол *pynřandìl-pe*. Вообще, глагол *pynřànďol* можно воспринимать как производный от прилагательного *pynřangò* ‘босой’; в таком случае наосновное ударение следует считать аномальным (ср. упомянутые *pàťol*, *(a)tàrďol*). От таких неодносложных прилагательных обычно образуются глаголы II пласта (см. 3.11.11.6), и в этом смысле *pynřànďol* — нерегулярное образование (регулярное — *pynřandìl*); с другой стороны, прилагательное *pynřangò* — сложное (*pynřò* ‘нога’ + *nangò* ‘голый’), в связи с чем напрашивается сравнение с глаголом *nanďòl* ‘обнажаться’ (с нормальным ударением).

Глагол *xasarəl* ‘терять’ имеет нормальное причастие *xasardò*, но ср. неактивный глагол, образованный иначе: *xasàvol* ‘теряться’, тип гн-AVO:AJL (глагола ***xasarďol** нет).

По семантике описанные неактивные отглагольные (отпричастные) глаголы пересекаются с возвратными, поэтому мы описываем их вместе (см. 4.13.4).

3.11.11.3. Суффикс *-ÀV-* (каузативный)

Образует глаголы типа га-AV:AD (см. 3.11.8.5) от непроизводных глаголов всех типов I пласта. Суффикс *-AV-* присоединяется к инфектной основе производящего глагола. Если основа исходит на гласный, он отсекается с возможной йотацией (в соответствии с правилами стяжения, см. 2.5.4.2):

NAKH.AV-	⇨	*nakhav-*	‘проводить’
PHANDE.AV-	⇨	*phandav-*	‘закрывать’
DARA.AV-	⇨	*darav-*	‘пугать’
UŠTI.AV-	⇨	*vušťav-*	‘будить’

В одном случае — нерегулярность: *ankl|èl* ‘выходить’ (основа *ANKLI-*) → *ankal.av|èl* ‘вынимать’ (с лишним гласным в корне и без йотации).

Большинство производящих глаголов — непереходные, а все производные — переходные (кроме *bašavèl* ‘грохать’) и являются, в общем случае, каузативами к производящим, ср. *našàl* ‘бежать’ → *našavèl* ‘выгнать’. Иногда семантическая связь иная, ср. *phiràl* ‘ходить’ → *phiravèl* ‘носить [одежду]’ (но и ‘водить’, а возвр. *phiravèl-pe* ‘гулять’), *khàlèl* ‘плясать; играть’ → *khàlavèl* ‘заставлять танцевать; разыгрывать’, вплоть до совсем неясной: *hur'àl* ‘летать’ → *hur'avèl* ‘одевать’ (в этом случае семантической связи как будто нет).

В части случаев производящие глаголы — переходные (*śinèl* ‘резать, рвать’, *phàndel* ‘с-/за-/привязать’), причём из их значений прямо не вытекают значения производных (*śinavèl* ‘обещать, предрешать’, *phandavèl* ‘закрывать’). Обозначаем также наличие неактивного глагола, производного от каузатива (ср. *phandavèl* ‘закрыть’ → *phandàd'ol* ‘закрыться’):

тип						неактивный
га-∅:D	*khàlèl*	‘играть’ ‘плясать’	→	*khàlavèl*	‘разыгрывать’ ‘растанцевать’	+
	phiràl	‘ходить’	→	*phiravèl*	‘носить [одежду]’	
	śinèl	‘резать, рвать’	→	*śinavèl*	‘обещать; предрешить’	
гн-∅:L	*nakhàl*	‘проходить’	→	*nakhavèl*	‘проводить; глотать’	+
	našàl	‘бежать’	→	*našavèl*	‘выгонять’	
	bašàl	‘лаять; хлопать’	→	*bašavèl*	‘стучать, шуметь’	
	bešàl	‘сидеть’	→	*bešavèl*	‘сажать’	
га-E:L	*phàndel*	‘связывать’	→	*phandavèl*	‘закрывать’	+
гн-∅:IL	*aśèl*	‘оставаться’ ‘молчать’	→	*aśavèl*	‘оставлять’ ‘успокаивать’	
гн-I:IST	*anklèl*	‘выходить’	→	*ankalavèl*	‘вынимать’	+
	vuštèl	‘вставать’	→	*vušťavèl*	‘поднимать, будить’	
гн-A:AJL	*hur'àl*	‘летать’	→	*hur'avèl*	‘одевать’	+
	daràl	‘бояться’	→	*daravèl*	‘пугать’	
	izdràl	‘дрожать’	→	*izdravèl*	‘трясти’	
	bilàl	‘таять’	→	*bilavèl*	‘плавить’	
га-A:AJ	*dukhàl*	‘болеть’	→	*dukhavèl*	‘причинять боль’	
гн-'U:'UL	*tir'òl*	‘вариться’	→	*tiravèl*	‘варить’	
	syť òl	‘учиться’	→	*sykavèl*	‘показывать’	+
	phařòl	‘лопаться’	→	*phařavèl*	‘разбивать’	+
	tasòl	‘тонуть’	→	*tasavèl*	‘душить’	+
изолир.	*peràl*	‘падать’	→	*peravèl*	‘ронять, валить’	

Неизвестно [ДД]: *suvavèl* ‘вышивать’ (обычно *astaràl* ‘шить; вязать’).

Иллюстрация спектра значений каузатива: *nakhàl* → *nakhavèl* ‘проводить, провозить, пропускать, продевать, протыкать; глотать’. Имеется также немало глаголов с основой на *-av-*, для которых нет явных производящих. Они перечислены в списках как непроизводные (см. 3.11.8.5).

3.11.11.4. Суффикс *-(')ÀVO-*

Тип спряжения: гн-AVO:AJL. У всех глаголов этого типа есть варианты основы в инфекте: основа на *-vo-*: *bokhàvo|l* ~ основа на *-v-*: *bokhàv|el* (см. 3.11.8.13). Ударение во всех формах стоит на *-àv-* (перф. *-àj-*).

На первый взгляд эти глаголы образованы от существительных I пласта, ср.:

bòkh	‘голод’	→	*bokhàvol*	‘проголодаться’
bèng	‘бес’	→	*bengàvol*	‘взбеситься’
godì	‘ум, мозги’	→	*goďàvol*	‘умнеть’

Подавляющему большинству таких производящих существительных соответствуют прилагательные с суффиксом *-AL-*, ср. *bokhalò* ‘голодный’, *bengalò* ‘бешеный’, *goďalò* ‘умный’. Существительным, от которых не образуются прилагательные на *-AL-*, неактивные глаголы типа гн-AVO:AJL не соответствуют (за парой исключений).

Надо сказать, что *-AL-* — единственный суффикс качественных прилагательных (со значением наличия признака или части, обозначенных производящим существительным, см. 3.6.5.6). Основная масса прочих качественных прилагательных I пласта — непроизводные с односложной основой, ср. *bangò* ‘кривой’; производные неактивные глаголы от них имеют тип гн-’U:’UL, ср. *banďòl* ‘гнуться’ (см. 3.11.11.2, об исключениях см. ниже).

Таким образом, можно утверждать, что, например, глагол *bokhàvol* ‘проголодаться’ на самом деле образован от прилагательного *bokhalò* ‘голодный’, причем только от его корня (т. е. с отсечением суффикса *-AL-*). Имеется несколько прилагательных на *-AL-*, не имеющих производящих, например *nasvalò* ‘больной’:

NASV(*.AL*).*AVO|L* ⇨ *nasv.àvo|l* ‘заболеть’ (*nasvalò* ‘больной’)

Подобное происходит и со вторым слогом прилагательных *puranò* ‘старинный’ → *purˈàvol* ‘устаревать’; *xaranò* ‘умный’ → *xarˈàvol* ‘умнеть’ (оба с йотацией); *šukàr* ‘красивый’ → *šukàvol* ‘хорошеть’ (в последнем случае есть и существительное *šùk* ‘красота’).

Если производящими считать прилагательные, то вырисовывается распределение: от качественных прилагательных I пласта с односложной основой (все они непроизводные) образуются глаголы типа гн-’U:’UL, а при двусложной основе (все с суффиксом *-AL-*, кроме *puranò*, *xaranò* и *šukàr*) — глаголы типа гн-AVO:AJL (о других прилагательных с неодносложной основой см. 3.11.11.7).

Но есть и четыре прилагательных с односложной основой: *dilò* ‘глупый, сумасшедший’, *kořò* ‘слепой’, *laśò* ‘хороший’, *ćořò* ‘бедный; плохой’, от которых, вопреки данному распределению, образуются глаголы типа гн-AVO:AJL, ср. *diľàvol* ‘дуреть’ (с йотацией), *kořàvol* ‘слепнуть’, *laśàvol* ‘исправляться’, *ćořàvol* ‘беднеть’ (а не гн-’U:’UL, ***diľol* и т. д.).

⏳ Можно предположить, что эти исключения (кроме *laśò* → *laśàvol*) объясняются тем, что данные глаголы образованы не от этих прилагательных, а от каких-то связанных с ними других прилагательных с неодносложной основой, ср. *ćořyvanò* ‘бедный’ (частичный синоним *ćořò*), *dilivanò* ‘глупый’ (частичный синоним *dilò*). Однако, вероятно, есть и лучшее объяснение: сами прилагательные *dilò*, *ćořò*, *kořò*, возможно, восходят к более длинным формам: *dilò* < **dijilo* < **dinilo* (на это как будто указывают цыганские диалекты без перехода **ni* > *ji*); *ćořò* < **ćorořo*; *kořò* < **korořo* (только такие формы имеются в ряде других диалектов). Впрочем, и *laśò*, возможно, исконно содержал двусложную основу: **l*[?]-*aććh-*.

В одном случае есть производящее существительное, но нет прилагательного с двусложной основой: *xolì* ‘злость’ → *xoľàvol* ‘злиться’ (ср. *xoľàriko* ‘злой’ — II пласт).

В ряде случаев прилагательное на *-AL-* и производный глагол различаются йотацией: *mèl* ‘грязь’, *melalò* ‘грязный’, но *meľàvol* ‘пачкаться’; *phùb* ‘гной’, *phubalò* ‘гнойный’, но *phubˈàvol* ‘гноиться’. Это довод против произведения глаголов от прилагательных на *-AL-*.

Можно считать, что одни глаголы образованы от прилагательных, и тогда в них нет йотации, ср. *baxtàvol* ‘везёт [кому]’ (при *bàxt* ‘удача’, *baxtalò* ‘счастливый’), а другие — от

существительных, тогда йотация есть, ср. *meľàvol* (при *mèl* ‘грязь’, *melalò* ‘грязный’); исключение — *xarʹàvol* ‘умнеть’ (существительного нет, при *xaranò* ‘умный’). За неимением большого числа примеров такое разграничение произвольно (но может быть невредно для морфонологического описания). Подобное верно и для глаголов с суффиксом *-(ʹ)AR-* (см. 3.11.11.5).

Полный список соответствий имён и производных глаголов приводим вместе с другими суффиксами (см. 3.11.11.6). Данный суффикс фигурирует и во II пласте (см. 3.11.11.7).

3.11.11.5. Суффикс *-(ʹ)ÀR-*

Образует глаголы типа га-∅:D (см. 3.11.8.5) от производящих: существительных, прилагательных и наречий (в основном) I пласта. Имеется немало таких глаголов с основой на *-ar-* (чаще всего без йотации) без производящих. Они перечислены как непроизводные (см. 3.11.8.1). Остальные производные разделим по семантическому критерию:

(а) нет каузативности

Смысловая связь производного глагола с производящим в основном непрозрачна.

В нескольких случаях производящее — существительное:

dànd	‘зуб’	→	*dandaràl*	‘кусать’ (но и *dandalèl*)
dràb	‘лекарство’	→	*drabaràl*	‘гадать’
rʹàt	‘ночь’	→	*raťaràl*	‘ночевать’
màkh	‘муха’	→	*maćaràl*	‘избить, поиметь’ (груб.)

Производящее — наречие:

telè ‘внизу’		→	*teľaràl*	‘отправляться в путь’

Как видно, йотация здесь есть не во всех производных. Ввиду малочисленности примеров вводить правило не имеет смысла.

(б) каузативность

Значение: ‘наделять признаком *x*’, где *x* — производящее имя.

В большинстве случаев рассматриваемые глаголы образованы суффиксом *-ʹAR-* (с йотацией) от непроизводных прилагательных (реже от наречий):

matò	‘пьяный’	→	*maťaràl*	‘пьянить; напоить’
kovlò	‘мягкий’	→	*kovľaràl*	‘размягчать’
sanò	‘тонкий’	→	*sajaràl*	‘утончать’
pašə	‘близко’	→	*pašaràl*	‘приближать’

Кое-где производящими можно считать существительные:

xolì	‘злость’	→	*xoľaràl*	‘злить’
bèng	‘бес’	→	*bengaràl*	‘бесить’

Заметим, однако, что, так же как глагол *bengàvol* ‘беситься’ (тип ГН-AVO:AJL), глагол *bengaràl* можно соотнести с прилагательным *bengalò* ‘бешеный’ и считать именно его производящим. Только такой подход применим к ряду случаев:

źungalò	‘некрасивый’	→	*źungaràl*	‘уродовать’	(***źung*)
barvalò	‘богатый’	→	*barvaràl*	‘обогащать’	(***barv-*)

Здесь можно усматривать выпадение слога, ведущее к исчезновению йотации: *ŹUNG.A*(*L.ʹA*)*R*|*EL* ⇨ *źungaràl*.

Как и у глаголов с суффиксом *-(')AVO-*, просматривается особая связь с прилагательными с суффиксом *-AL-*: как правило, наличие такого прилагательного подразумевает наличие глагола на *-'AR-* (однако с разницей в йотации).

В паре единичных примеров производящие прилагательные относятся ко II пласту:

skùrto	ʻкороткий'	→ *skurťarə̀l*	ʻукорачивать'	(~ *skurcarə̀l*, *skurtòl*, *skurcòl*)
lùngo	ʻдлинный'	→ *lunźarə̀l*	ʻудлинять'	

Как видно, в первом из этих образований представлено неожиданное для II пласта тривиальное смягчение (как в I пласте), а во втором — переходное (см. также 2.5.2.4).

В ряде случаев производящего имени нет, но есть неактивный глагол типа ГН-'U:'UL:

syťòl	ʻучиться; привыкать'	→	*syťarə̀l*	ʻучить, приучать'
anzòl	ʻдотягиваться'	→	*anzarə̀l*	ʻрастягивать'
najòl	ʻкупаться'	→	*najarə̀l*	ʻкупать'
phuťòl	ʻнадуваться'	→	*phuťarə̀l*	ʻнадувать'
phabòl	ʻгореть'	→	*phabarə̀l*	ʻжечь'
(a)tə̀rďol	ʻостановиться'	→	*(a)tərďarə̀l*	ʻперестать'

⏳ Часть производящих прилагательных, по-видимому, раньше были в праязыке (**siko* и др., см. 3.11.11.2), а *tərdò* ʻстоя́щий' известно части немолдовая.

Здесь же дадим пару глаголов, связанную с причастием *xalò* от *xàl* ʻесть; губить':

xàľol	ʻпротираться'	→	*xaľarə̀l*	ʻизносить'

Причастие *xalò* не значит ʻпротёртый', поэтому считаться производящим не может.

Один каузатив соответствует глаголу типа ГН-I:IST:

hulèl	ʻслезать'	→	*huľarə̀l*	ʻссадить'

То же самое с неактивными глаголами типа ГН-AVO:AJL:

xasàvol	ʻтеряться'	→	*xasarə̀l*	ʻтерять'
lićàvol	ʻмяться'	→	*lićarə̀l*	ʻмять'

Имеются примеры связи каузативных глаголов с бессуффиксальными, ср. *sovľarə̀l* ʻусыплять' (при *sovèl* ʻспать'). Несмотря на прозрачность смысловой связи, морфологически связать их труднее (причастия ***sovl-* нет); ср. также глагол *mudarə̀l* ʻубивать; тушить', созвучный *mulò* ʻмёртвый' (причастие от *merə̀l* ʻумирать').

Полный список соответствий прилагательных и производных глаголов приводим вместе с другим суффиксами (см. 3.11.11.6).

3.11.11.6. Ряды производных отымённых глаголов I пласта

Включаем сюда производные глаголы с суффиксами *-'U-*, *-(')AVO-*, *-(')AR-* (см. предыдущие разделы). Почти все такие глаголы образуют тройки — производящее имя : неактивный глагол : каузативный глагол.

Один тип случаев — непроизводное существительное : глагол на *-ar-*, ср. *dànd* ʻзуб' → *dandarə̀l* ʻкусать' (смысловая связь иная) — здесь не даём (см. 3.11.11.5). Что касается прочих случаев, то, учитывая производящие, можно выделить несколько групп рядов:

(1) непроизводное прилагательное (I пласта, редко II; редко наречие) с односложной основой : неактивный глагол с суффиксом *-'U-* : глагол с суффиксом *-'AR-* с йотацией;
(2) непроизводное прилагательное с односложной основой : неактивный глагол с суффиксом *-'AVO-* : глагол с суффиксом *-'AR-* с йотацией;

(3) прилагательное с суффиксом *-AL-* (и нек. др.) без производящих : неактивный глагол с суффиксом *-(')AVO-* : глагол с суффиксом *-AR-* без йотации (с исключением);
(4) непроизводное существительное : прилагательное с суффиксом *-AL-* : неактивный глагол с суффиксом *-(')AVO-* : глагол с суффиксом *-(')AR-* с йотацией (с исключениями).

Некоторые члены рядов могут отсутствовать. Необычные прилагательные: *puranò* ʻстарый', *xaranò* ʻумный' и *šukàr* ʻпрекрасный' входят в тип (3). Даём основные производные (ввиду их частичной продуктивности, дать все трудно):

	имя		неактивный-отымённый		каузативный		неакт.-отглаг.
(1)	*kùć(i)*	ʻдорогой'	→ *kućòl*	ʻдорожать'	*kućarəl*	ʻудорожать'	+
	tàng	ʻузкий'	→ *tanďòl*	ʻсужаться'	*tanďarəl*	ʻсужать'	
	bangò	ʻкривой'	→ *banďòl*	ʻгнуться'	*banďarəl*	ʻгнуть'	+
	barò	ʻбольшой'	→ *bar'òl*	ʻрасти'	*bar'arəl*	ʻрастить'	+
	buhlò	ʻширокий'	→ *buhl'òl*	ʻшириться'	*buhl'arəl*	ʻрасширять'	+
	ćaćò	ʻистинный'	→ —		*ćaćarəl*	ʻоправдывать'	+
	ćajlò	ʻсытый'	→ *ćajl'òl*	ʻнасыщаться'	*ćajl'arəl*	ʻнасыщать'	+
	ćinò	ʻусталый'	→ *ćijòl*	ʻуставать'	*ćijarəl*	ʻутомлять'	+
	cygnò	ʻмаленький'	→ *cygn'òl*	ʻуменьшаться'	*cygn'arəl*	ʻуменьшать'	+
	guglò	ʻсладкий'	→ *gugl'òl*	ʻподслащаться'	*gugl'arəl*	ʻсластить'	+
	kalò	ʻчёрный'	→ *kal'òl*	ʻчернеть'	*kal'arəl*	ʻчернить'	+
	ternò	ʻгнилой'	→ *tern'òl*	ʻгнить'	*tern'arəl*	ʻгноить'	+
	kərkò	ʻгорький'	→ *kərťòl*	ʻгоркнуть'	*kərťarəl*	ʻгорчить'	+
	tingò	ʻмокрый'	→ *tinďòl*	ʻмокнуть'	*tinďarəl*	ʻмочить'	+
	kovlò	ʻмягкий'	→ *kovl'òl*	ʻразмягчаться'	*kovl'arəl*	ʻразмягчать'	+
	khamnì	ʻfututa'	→ —		*khamn'arəl*	ʻfutuere'	
	lolò	ʻкрасный'	→ *lol'òl*	ʻкраснеть'	*lol'arəl*	ʻкраснить'	+
	londò	ʻсолёный'	→ *lonď'òl*	ʻзасаливаться'	*lonďarəl*	ʻсолить'	+
	matò	ʻпьяный'	→ *maťòl*	ʻпьянеть'	*maťarəl*	ʻпьянить'	+
	nangò	ʻголый'	→ *nanďòl*	ʻоголяться'	*nanďarəl*	ʻоголять'	+
	nevò	ʻновый'	→ *nev'òl*	ʻобновляться'	*nev'arəl*	ʻобновлять'	+
	parnò	ʻбелый'	→ *parn'òl*	ʻбелеть'	*parn'arəl*	ʻбелить'	+
	pašlò	ʻлежачий'	→ *pašl'òl*	ʻлечь, лежать'	*pašl'arəl*	ʻкласть'	+
	pharò	ʻтяжёлый'	→ *phar'òl*	ʻтяжелеть'	*phar'arəl*	ʻутяжелять'	+
	phivlò	ʻвдовый'	→ *phivl'òl*	ʻвдоветь'	*phivl'arəl*	ʻовдовить'	+
	phurò	ʻстарый'	→ *phur'òl*	ʻстареть'	*phur'arəl*	ʻстарить'	
	sanò	ʻтонкий'	→ *sajòl*	ʻтончать'	*sajarəl*	ʻутончать'	+
	sastò	ʻздоровый'	→ *sasťòl*	ʻвыздороветь'	*sasťarəl*	ʻоздоровлять'	+
	šudrò	ʻхолодный'	→ *šudr'òl*	ʻхолодеть'	*šudr'arəl*	ʻхолодить'	+
	šuklò	ʻкислый'	→ *šukl'òl*	ʻкиснуть'	*šukl'arəl*	ʻквасить'	+
	šukò	ʻсухой'	→ *šuťòl*	ʻсохнуть'	*šuťarəl*	ʻсушить'	+
	šuvlò	ʻопухший'	→ *šuvl'òl*	ʻопухать'	*šuvl'arəl*	ʻвздуть'	+
	tatò	ʻтёплый'	→ *taťòl*	ʻгреться'	*taťarəl*	ʻгреть'	+
	tərnò	ʻмолодой'	→ *tərn'òl*	ʻмолодеть'	*tərn'arəl*	ʻмолодить'	+
	thulò	ʻтолстый'	→ *thul'òl*	ʻтолстеть'	*thul'arəl*	ʻтолстить'	+
	(v)ućò	ʻвысокий'	→ *(v)ućòl*	ʻповышаться'	*(v)ućarəl*	ʻповышать'	+
	(v)užò	ʻчистый'	→ *(v)užòl*	ʻрасчищаться'	*(v)užarəl*	ʻчистить'	+
	xurdò	ʻмелкий'	→ *xurd'òl*	ʻмельчать'	*xurd'arəl*	ʻразмельчать'	+
	pakò	ʻгнилой'	→ *pàť'ol*	ʻзреть, гнить'	*paťarəl*	ʻгноить(ся)'	+

	имя		неактивный-отымённый		каузативный		неакт.-отглаг.
	lèzni	‘дешёвый’	→ *lezn’òl*	‘дешеветь’	*leznʹarʲàl*	‘удешевлять’	+
	skùrto	‘короткий‘	→ —		*skurťarʲàl*	‘сокращать’	+
	lùngo	‘длинный‘	→ —		*lunźarʲàl*	‘удлинять’	+
	mùndro	‘красивый‘	→ *mundr’òl*	‘хорошеть’	*mundrʹarʲàl*	‘прихорошить’	+
	bùt	‘много’	→ *buť’òl*	‘расти в числе’	*buťarʲàl*	‘преумножать’	+
	xancỳ	‘мало’	→ *xancòl*	‘убывать’	*xancarʲàl*	‘убавлять’	+
	dùr	‘далеко’	→ *dur’òl*	‘удаляться’	*durʹarʲàl*	‘отдалять’	+
	pašə̀	‘близко’	→ *pašòl*	‘приближаться’	*pašarʲàl*	‘приближать’	+
	telè	‘внизу’	→ —		*teľarʲàl*	‘отбывать’	
(2)	*dilò*	‘дурной’	→ *diľàvol*	‘дуреть’	*diľarʲàl*	‘сводить с ума’	+
	ćořò	‘бедный’	→ *ćořàvol*	‘беднеть’	*ćořarʲàl*	‘разорять’	+
	kořò	‘слепой’	→ *kořàvol*	‘слепнуть’	*kořarʲàl*	‘слепить’	+
	laśò	‘хороший’	→ *laśàvol*	‘исправиться’	*laśarʲàl*	‘чинить’ и др.	+
(3)	*puranò*	‘старый’	→ *pur’àvol*	‘устареть’	—		
	xaranò	‘умный’	→ *xar’àvol*	‘умнеть’	*xarʹarʲàl*	‘образумить’	+
	barvalò	‘богатый’	→ *barvàvol*	‘обогатиться’	*barvarʲàl*	‘обогащать’	+
	źungalò	‘уродливый’	→ *źungàvol*	‘страшнеть’	*źungarʲàl*	‘уродовать’	+
	nasvalò	‘больной’	→ *nasvàvol*	‘заболеть’	*nasvarʲàl*	‘дел. больным’	+
	šukàr	‘красивый’	→ *šukàvol*	‘хорошеть’	*šukarʲàl*	‘украшать’	+
(4)	*bàxt*	‘удача’	*baxtalò* → *baxtàvol*	‘повезло’	*baxtarʲàl*	‘осчастливить’	+
	bèng	‘бес’	*bengalò* → *bengàvol*	‘беситься’	*bengarʲàl*	‘бесить’	+
	bòkh	‘голод’	*bokhalò* → *bokhàvol*	‘проголодаться			
	doš	‘вина’	*došalò* → *došàvol*	‘провиниться’			
	gə̀r	‘оспина’	*gəralò* → *gəràvol*	‘покрыться оспинами’			
	godì	‘мозги’	*goďalò* → *goďàvol*	‘умнеть’			
	khàj	‘«пук»’	*khajalò* → —		*khajarʲàl*	‘бздеть’	
	màkh	‘муха’	— → —		*maćarʲàl*	‘избить’ и др.	+
	mèl	‘грязь’	*melalò* → *m’eľàvol*	‘пачкаться’	*m’eľarʲàl*	‘пачкать’	+
	pexà	‘гл. корки’	*pexalò* → *pexàvol*	‘гноиться [о глазе]’			
	phùb	‘гной’	*phubalò* → *phub’àvol*	‘гноиться’	*phub’arʲàl*	‘гноить(ся)’	
	termò	‘червяк’	*termalò* → *termàvol*	‘червиветь’			
	thùv	‘дым’	*thuvalò* → —		*thuvʹarʲàl*	‘дымить(ся)’	
	xolì	‘злость’	— → *xoľàvol*	‘злиться’	*xoľarʲàl*	‘злить’	+
	xỳv	‘дыра’	— → *xyv’àvol*	‘дырявиться’	*xyv’arʲàl*	‘дырявить’	+
	zòr	‘сила’	*zuralò* → *zur’àvol*	‘крепнуть’	*zur’arʲàl*	‘укреплять’	+
	tràzna	‘насморк’	*troznalò* → *troznàvol*	‘засопливеть’	*troznarʲàl*	‘простудить’	+
	pònо	‘понос’	*ponalò* → *ponàvol*	‘запоносить’	*ponarʲàl*	‘вызв. понос’	+

Неизвестно [ДД]: *nàćol* ‘проходить’, *jeftinʹarʲàl* ‘удешевить’ (нет *jeftìno* ‘дешёвый’), *desàvel* ‘светать’, *raťàvel* ‘вечереть’, *ćikàvel* ‘пачкаться’, *ćikarʲàl* ‘пачкать’, *kišľòl* ‘тощать’. Считаются чужими: *lošàvel* ‘радоваться’, *lošarʲàl* ‘радовать’.

Отметим маргинальное явление: иногда каузативы применяются в значении инхоативов, ср.: *kaľarʲàl* ‘чернить’, но и (иногда) ‘чернеть’ (= *kaľòl*), *paťarʲàl* ‘гноить’, но и ‘гноиться, нарывать, набираться гноя (о ране)’ (= *pàťol*), *phub’arʲàl* ‘гноить’, но и ‘гноиться’ (= *phub’àvol*), *thuvʹarʲàl* ‘дымить(ся)’ (***thuvʹàvol* нет).

3.11.11.7. Образование глаголов II пласта

Глаголы II пласта без явных производящих уже перечислены (см. 3.11.8.14, 3.11.8.15).

Остальные глаголы образуются от прилагательных и существительных (во втором случае о словообразовании можно говорить лишь условно, см. ниже); отдельно рассматриваем окказиональные заимствования из русского языка (см. 3.11.12):

(а) от прилагательных

Прилагательные часто образуют по паре глаголов II пласта: активный и неактивный. В инфекте у них почти одинаковое спряжение (см. 3.11.14б). Выделяются группы рядов:

(1) прилагательное I пласта с двусложной основой (не с суффиксом *-al-*) : неактивный глагол II пласта : активный глагол II пласта (заполнитель *-i-/-y-*);
(2) прилагательное II пласта : неактивный глагол II пласта : активный глагол II пласта (заполнитель *-i-/-y-*);
(3) прилагательное II пласта : неактивный глагол II пласта : активный глагол II пласта (заполнитель *-o-*).

Эти ряды подобны аналогичным рядам в I пласте (см. 3.11.11.6). Приводим по одной форме для каждого глагола и по два значения (если есть): неактивное (непереходное) и активное (переходное):

	прилагательное			глаголы:	неактивный	активный
(1)	*ivànd ~ -ò*	ʻсырой’	→	*ivənzỳl ~ ivenzỳl*	ʻсыреть’	
	kašukò	ʻглухой’	→	*kašutìl*	ʻглохнуть’	ʻоглушать’
	khandinò	ʻвонючий’	→	*khandinìl*	ʻпровонять’	
	pynřangò	ʻбосой’	→	*pynřandìl*	(см. ниже)	ʻразувать’
	źuvindò	ʻживой’	→	*źuvindìl*	ʻоживать’	ʻоживлять’
	bařunò	ʻкаменный’	→	*bařujìl*	ʻкаменеть’	ʻкаменить’
(2)	*gàlbəno*	ʻжёлтый’	→	*gəlbenìl*	ʻжелтеть’	ʻжелтить’
	vỳnəto	ʻсиний’	→	*vynəcỳl*	ʻсинеть’	ʻделать синим’
	zə̀leno	ʻзелёный’	→	*zəlenìl*	ʻзеленеть’	ʻделать зелёным’
	tuǹàriko	ʻтёмный’	→	*tunerićìl*	ʻтемнеть’	ʻзатемнить’
	turbàto	ʻбешеный’	→	*turbəcỳl*	ʻвзбеситься’	ʻбесить’
	tùrburo	ʻмутный’	→	*turburìl*	ʻмутнеть’	ʻмутить’
(3)	*mùto*	ʻнемой’	→	*mucòl*	ʻумолкать’	
	ìto	ʻострый [еда]’	→	*icòl*		ʻперчить’
	skùrto	ʻкороткий’	→	*skurtòl ~ skurcòl*	ʻукоротиться’	ʻукоротить’
	slàbo	ʻслабый’	→	*slabòl*	ʻслабеть’	ʻослабить’
	tr̓àzo	ʻтрезвый’	→	*tr̓azòl*	ʻтрезветь’	ʻтрезвить’
	trìsto	ʻгрустный’	→	*tristòl*	ʻгрустить’	ʻпечалить’
	càpəno	ʻоцепенелый’	→	*cəpənòl*	ʻцепенеть’	ʻвызвать оцепен.’
	vòrta	ʻпрямой’	→	*vortòl*	ʻвыпрямиться’	ʻвыпрямить’

Группа (1) демонстрирует примеры случаев взаимодействия пластов — от прилагательных I пласта с неодносложной основой (но не с суффиксом *-al-*) образуются глаголы II пласта. Впрочем, имеется редкий глагол I пласта *pynřànd̓ol* ʻразуваться’ (о нём см. 3.11.11.2), по значению тождественный возвратному *pynřandìl-pe*.

К этой группе примыкают необычные факультативные перфектные формы трёх возвратных глаголов: *tidinisàjlo* ‘собрался; сжался’, *vazdinisàjlo* ‘поднялся’, *amboldinisàjlo* ‘повернулся, развернулся’ (см. 3.11.14а). Эти формы можно производить от причастий *tidinò*, *vazdinò*, *amboldinò*.

В группу (2) входят в основном цветовые прилагательные. Активный глагол *vynəcỳl* имеет также значение ‘поставить синяк’.

В группу (3) входят прочие прилагательные (о закономерностях переходного смягчения, например *t* : *c*, см. 2.5.2.4).

Ещё производные от прилагательных (только активные):

gàta	‘готовый’	→	*gətòl ~ gotòl*	‘готовить; одевать; кончать’
krèco	‘кудрявый’	→	*ankrecòl*	‘завивать’

Обратим внимание на «приставку» *an-* в *ankrecòl* (см. 3.11.11.1а).

(б) от существительных

Эти глаголы разнообразны по значению: в отличие от почти всех остальных производных глаголов, которые связаны с производящими словами «грамматически» (например, образуя из непереходных глаголов переходные, из прилагательных инхоативные, каузативные и т. п.), здесь можно лишь констатировать наличие корней, общих для пары имя : глагол, без возможности определения направления словообразования или привносимых какими-либо морфемами грамматических свойств.

⌛ Глагольное словообразование от существительных во II пласте на цыганской почве имело место в меньшинстве случаев. Примеры собственно цыганских образований немногочисленны, ср. от индийского слова: *ivendìl* ‘зимовать’, от греческих: *hramòl* ‘писать’, *karfòl* ‘вбивать, клепать’, *pahòl* ‘морозить’ и др. (с заполнителем *-o-*; эти глаголы уже в большой степени опрощены; этот заполнитель у молдовая, в отличие от некоторых европейских северновлашских диалектов, теперь совершенно непродуктивен). Остальные глаголы II пласта — это в основном готовые заимствования из румынского, а теперь из русского. Что касается румынских глаголов, то во многих случаях глагол в языке сохраняется, а соответствующее румынское имя забыто (но несколько поколений назад ещё, возможно, употреблялось), так что глагол как бы лишается словообразовательной поддержки (и мы вынужденно даём его среди непроизводных; впрочем, многих таких производящих, как и производных от них глаголов, мы просто не сумели услышать).

Выделяются группы рядов:

(1) существительное I пласта : активный глагол (тип га-II), заполнитель *-i-/-y-*;
(2) существительное I пласта : активный глагол, заполнитель *-o-*;
(3) существительное II пласта : активный глагол, заполнитель *-i-/-y-*;
(4) существительное II пласта : активный или неактивный глагол (тип гн-II), иногда оба (помечено в таблице), заполнитель *-o-*;
(5) существительное II пласта : неактивный глагол (в одном случае с активной парой, помечено в таблице), заполнитель *-i-/-y-*;
(6) существительное II пласта (в одном случае междометие) : активный глагол, заполнитель *-i-* со вставкой *-uj-*, *-yj-*, *-yn-*.

Наши сведения о переходности в некоторых случаях нуждаются в уточнении. Среди глаголов II пласта от существительных, в отличие от таковых от прилагательных, почти нет пар активных и неактивных глаголов, омонимичных в инфекте (об этом см. 3.11.14); часть глаголов в этой группе имеют возвратные формы (с тривиальными залоговыми значениями, а некоторые лишены невозвратных). Даём список основных глаголов (этих глаголов существенно больше, чем мы даём здесь — многие мы опустили, не будучи уверены в значении):

	существительное			глагол		перех.
(1)	*ivènd*	ʻзима’	→	*ivendìl*	ʻзимовать’	–
(2)	*(h)ràm*	ʻтекст’	→	*(h)ramòl*	ʻписать’	+
	karfìn	ʻгвоздь’	→	*karfòl*	ʻзабить, клепать’	+
(3)	*cỳgna*	ʻтрут’	→	*cygnìl*	ʻкадить’	–
	dobỳnda	ʻдостижение’	→	*dobyndìl*	ʻдобиться’	+
	firìzo	ʻпила’	→	*firizỳl*	ʻпилить’	+
	gùsto	ʻвкус’	→	*gustìl*	ʻпробовать’	+
	hodìna	ʻпокой, отдых’	→	*hodinìl*	ʻотдыхать’	–
	ìforo	ʻметель’	→	*iforìl*	ʻмести’	–
	kr̓àmina	ʻкирпич’	→	*kr̓aminìl*	ʻпревратить в кирпич’	+
	kunùna	ʻкорона’	→	*kununìl*	ʻвенчать’	+
	kořovèco	ʻнищий’	→	*kořovecỳl*	ʻнищенствовать’	–
	molìfta	ʻблагословление’	→	*moliftìl*	ʻблагославлять’	+
	məsùra	ʻмера, замер’	→	*məsurìl*	ʻмерить’	+
	pòfta	ʻаппетит’	→	*poftìl*	ʻжелать’	+
	pòsto	ʻпост’	→	*postìl*	ʻпоститься’	–
	pùl̓bərə̀	ʻпыль’	→	*pul̓bərìl*	ʻпылить’	–
	təmùja	ʻладан’	→	*təmujìl*	ʻкадить, отпевать’	+
	tràjo	ʻжизнь’	→	*trajìl*	ʻжить; продлить дни’	±
	zỳda	ʻпустая трата’	→	*zydìl*	ʻтранжирить’	–
	źùno	ʻсочельник’	→	*źunìl*	ʻпоститься’	–
с «приставкой» (см. 3.11.11.1):						
	bukur[*ìja*]	ʻрадость’	→	†*ambukurìl*	ʻрадовать’	+
	fùndo	ʻдно’	→	*kufundìl*	ʻидти ко дну’	–
с *E* или *Ə* в корне (см. 2.5.1.5):						
	pomàna	ʻпоминки’	→	*pomenìl*	ʻпоминать’	+
	v̓àsťa	ʻвесть; молва’	→	*vestìl*	ʻобъявлять’	+
	vijàca	ʻвеселье’	→	*vijecỳl*	ʻвеселиться’	–
	gràba	ʻспешка’	→	*grəbìl*	ʻторопить’	+
	řàvda	ʻтерпение’	→	*řəvdìl*	ʻтерпеть’	–
	sàpa	ʻкирка; плуг’	→	†*səpìl*	ʻкопать; полоть’	+
	žàl̓a	ʻтраур’	→	*žəlìl ~ žalìl*	ʻскорбеть [по]’	–
с *O* в корне:						
	sokàta	ʻрасчёт’	→	*sokotìl*	ʻсоветовать’	–
	zàl̓a, мн.	ʻмыльная вода’	→	*zolìl*	ʻстирать с мылом’	+
с редукцией (см. 2.5.1.6; в *ləgənìl* отвердение):						
	gojàri	ʻврун’	→	*gojèril*	ʻврать’	+
	kyntàri	ʻвес’	→	*kyntərìl*	ʻвесить’	–
	l̓àgəno	ʻлюлька’	→	*ləgənìl*	ʻбаюкать’	+
	màskəra	ʻбрань’	→	*məskərìl*	ʻпоноси́ть’	–
	pəkàla	ʻпозор’	→	*pəkəlìl*	ʻосквернять’	+
с нерегулярной редукцией:						
	divàno	ʻразговор’	→	*divinìl*	ʻговорить’	+

	существительное			глагол			перех.
с переходным смягчением (см. 2.5.2.4):							
	kərəmìda	ʻкирпичʼ	→	*kərəmizỳl*		ʻпревратить в кирпичʼ	+
	limbùto	ʻзаикаʼ	→	*limbucỳl*		ʻзаикатьсяʼ	–
	mùnka	ʻтруд, работаʼ	→	*munćìl*		ʻзарабатыватьʼ	+
в т. ч с редукцией:							
	nəkàzo	ʻгореʼ	→	*nəkəžỳl*		ʻстрадать; огорчатьʼ	±
	prikàza	ʻнесчастьеʼ	→	*prikəžỳl*		ʻстрадатьʼ	–
	ćokàno	ʻмолотокʼ	→	*ćokəjìl*		ʻчеканитьʼ	+
(4)	*pàho*	ʻлёдʼ	→	*pahòl*	ан	ʻморозить, мёрзнутьʼ	±
	fùma	ʻкопотьʼ	→	*fumòl*	а	ʻкоптитьʼ	±
	sàmno	ʻзнакʼ	→	*səmnòl*	а	ʻметитьʼ	+
	grỳbo	ʻгриппʼ	→	*grybòl-pe*	а	ʻзаболеть гриппомʼ	
	kľàšťo	ʻклещиʼ	→	*kľaštòl*	н	ʻкоченетьʼ	–
с *е* в корне:							
	gr'àca	ʻотвращениеʼ	→	*grecòl*	н	ʻбрезговатьʼ	–
	v'àsťa	ʻвесть; молваʼ	→	*vestòl*	а	ʻобъявлятьʼ	+
с *о* в корне (+ приставка):							
	gràpa	ʻямаʼ	→	*angropòl*	а	ʻпогребатьʼ	+
(5)	*dòro*	ʻтоскаʼ	→	*dorìl*	н	ʻскучатьʼ	–
	gỳndo	ʻмысльʼ	→	*gyndìl*	н	ʻдумать	–
	lypỳnz	ʻпутыʼ	→	*lypynzỳl*	ан	ʻспотыкать(ся)ʼ	±
	řuźìna	ʻржавчинаʼ	→	*řuźinìl*	н	ʻржаветьʼ	+
	velìno	ʻядʼ	→	*velinìl*	н	ʻзлитьсяʼ	+
(6)	*tìno*	ʻму́каʼ	→	*tinujìl*		ʻмучить(ся)ʼ	±
	zỳdo	ʻстенаʼ	→	*zydujìl*		ʻмуроватьʼ	+
	vàřo	ʻизвесть, мелʼ	→	*vařujìl*		ʻпокрывать известьюʼ	+
	mìla	ʻжалостьʼ	→	*milujìl*		ʻжалетьʼ	+
со вставками *-yj-*, *-yn-*:							
	sỳk	ʻтак тебе и надоʼ	→	*sykyjìl*		ʻдразнитьʼ	+
	xỳta	ʻщекоткаʼ	→	*xytyjìl*		ʻщекотатьʼ	+
	krìs	ʻсудʼ	→	*krisynìl*		ʻсудитьʼ	+

Многие глаголы II пласта мы даём в списке непроизводных (см. 3.11.8.14, 3.11.8.15), хотя, возможно, просто не знаем их производящих.

3.11.12. Морфологическая адаптация заимствуемых глаголов

Как глаголы II пласта (только активные) оформляются все новые и окказиональные заимствования. Речь идёт об особых продуктивных средствах адаптации — можно сказать, что новые слова родного языка возникают словообразовательным путём, но не из родных, а иноязычных корней (эти корни в русских словах известны всем взрослым носителям).

Заполнитель — всегда *-i-/-y-*. Конец основы оформляется трояко: *-ì-/-ỳ-* (без вставки), *-uj.ì-*, *-aj.ì-*, в зависимости от типа основы глагола в русском. За основу берётся основа на-

стоящего времени, как правило, в том виде, в котором она предстаёт в форме 3.ед. в русском. Если заимствуемый глагол входит в т. н. чистовидовую пару, то обычно берётся только один из членов (см. ниже).

Русские глаголы в котлярской речи в разной степени окказиональны и употребляются с колебаниями. Однако можно обрисовать общие тенденции их оформления. Сначала дадим принцип соответствия типов основ, не обсуждая вопроса выбора члена видовой пары.

Русские основы на *-yj-* обычно отражаются в виде *-uj.ì-*:

чу́вствуj|em	→	*ćustvujìl*
интересу́j|em	→	*intirisujìl*
зави́дуj|em	→	*zavidujìl*
рису́j|em	→	*risujìl*
ра́дуj|em-ся	→	*radujìl-pe*

Глаголы на *-ируj-* могут терять *-ир-*:

регистри́руj|em	→	*rigistrujìl*

Иногда они теряют и *-yj-*:

конкури́руj|em	→	*kankurìl*

Русские основы на *-aj-* обычно отражаются в виде *-aj.ì-*:

мешáj|em	→	*mišajìl*
отгадáj|em	→	*adgadajìl*
признaj|ёт	→	*priznajìl*
подaj|ёт	→	*padajìl*
меня́j|em	→	*menʹajìl*
желáj|em	→	*žəlajìl*
питáj|em-ся	→	*pitajìl-pe*

Нередко такие глаголы, если перед *-aj-* стоит мягкий согласный, претерпевают сужение *-aj-* в *-ij-*, наподобие русского иканья:

гуля́j|em	→	*guľajìl*	~ *gulijìl*
встречáj|em	→	*fstrećajìl*	~ *fstrećijìl*

Иногда вместо ожидаемого *-aj-* находим *-uj-* (всегда факультативно):

издевáj|em-ся	→	*izdivujìl-pe*	~ *izdivajìl-pe*
обижáj|em	→	*abižujìl*	~ *abižajìl*
почитáj|em	→	*paćitujìl*	~ *paćitajìl*
вы́[u]граj|em	→	*vygrujìl*	~ *vygrajìl*

Русские основы на *-и-* всегда отражаются в виде *-ì-*/*-y-*:

кру́ти|m	→	*krutìl*
гла́ди|m	→	*gladìl*
следи́|m	→	*sledìl*
прости́|m	→	*prastìl*
полу́чи|m	→	*palućìl*
доба́ви|m	→	*dabavìl*
объясни́|m	→	*abjisnìl*
тормози́|m	→	*tarmazìl*
договори́|m-ся	→	*dagavarìl-pe*
согласи́|m-ся	→	*saglasìl-pe*

Во всех примерах находит отражение русское аканье (на иканье мы здесь не обращаем внимания, т. к. оно может зависеть в том числе от особенностей местных вариантов русского языка). Если же по-русски в настоящем времени *-о-* под ударением, то это, естественно, отражается и в заимствовании:

стро́и|т → *strojìl*
ко́нчи|т → *konćìl*
умно́ж|ит → *umnožỳl*
ко́с|ит → *kosìl*

Русские основы на согласный (которые вообще мало заимствуются) отражаются как основы на *-и-*, т. е. в виде *-ì-/-ỳ-*:

жив|ёт → *žyvìl*
мо́ж|ет → *možỳl*
вы́бер|ет → *vybirìl*
пас|ёт → *pasìl*

Так же оформляются глаголы с *-а-* в инфинитиве, отсутствующим в презенсе:

расска́ж|ет → *raskažỳl*

При заимствовании глагола, представленного русской «чистовидовой» парой, заимствование, как правило, опирается на член с более простой морфологической структурой. Никогда не берутся вторичные имперфективы (типа *обустраивать*) и вообще глаголы с длинным концом основы. Избегаются также основы с нетривиальными чередованиями и вообще неправильные глаголы, представляющие трудности для освоения.

Так, в большинстве случаев, если в видовой паре имеется глагол на *-и-*, ср. *прости́ть* и *проща́ть*, то выбирается именно он: *prastìl*. Но бывает, что берутся оба члена:

реши́|т : *реша́|ет* → *rišỳl* ~ *rišajìl*

Порой же берутся оба члена и получается два варианта, но при этом имеет место «скрещивание»: в оба варианта вводится чередование согласных из несовершенного вида:

отве́т|ит × *отвеча́й|ет* → *atvećìl* ~ *atvićajìl* (~ *atvićijìl*)
заме́т|ит × *замеча́й|ет* → *zamećìl* ~ *zamićajìl* (~ *zamićijìl*)
встре́т|ит × *встреча́й|ет* → *fstrećìl* ~ *fstrićajìl* (~ *fstrićijìl*)

Если в русской паре один из членов — тематический (особенно с нерегулярностями в основе), то иногда берётся член несовершенного вида:

(*спас|ёт*) : *спаса́й|ет* → *spasajìl*
(*начн|ёт*) : *начина́й|ет* → *naćinajìl*

Иначе в приставочных глаголах от рус. *брать*:

разбер|ёт : (*разбира́й|ет*) → *razbirìl*

Необычный случай — возможны все три способа оформления:

сни́м|ет × *снима́й|ет* → *znimujìl* ~ *znimajìl* ~ *znimìl* (везде ~ *sn-*)
‘фотографировать; снимать квартиру’

Пример необычного окказионального оформления: *sazdadìl* ‘создавать’, возможна связь с формами мн. типа *создади́м* (см. выше и более ожидаемое *padajìl* ‘подавать’).

Возвратность русских глаголов всегда отражается как таковая, ср. *vľubìl-pe* ‘влюбиться, перф. *vľubisàjlo* ‘влюбился’, *saglasìl-pe* ‘согласиться’, перф. *saglasisàjlo* ‘согласился’ (о формах см. 3.11.14).

Как видим, описываемые глаголы являются как бы связующим звеном между III пластом (спонтанными макаронизмами) и II пластом. Действительно, котляры обычно не вставляют в речь единичные неадаптированные русские глагольные формы. Однако по употреблению эти глаголы иногда выходят за рамки II пласта, поскольку их форма и способ адаптации могут зависеть от степени владения русским языком и желания соблюдать элементы русской грамматики. Так, молодой котляр, активно владеющий русским языком, может употребить в инфекте глагол *kańćajìv* ‘кончаю’, соотнося его с русским несовершенным видом, но для перфекта выберет *końćisardèm* ‘я кончил’. Таким образом, в выборе глагола начинает играть роль грамматическая категория (глагольный вид), совершенно чуждая родному языку. Впрочем, такие случаи, пожалуй, маргинальны.

3.11.13. Широкая глагольная словоформа

В широкую словоформу могут входить, помимо узкой словоформы, клитики, стоящие слева (проклитики) или справа (энклитики) от узкой словоформы. Рассмотрим все клитики, а потом дадим общую схему организации широкой словоформы.

3.11.13.1. Проклитика *te-* (ирреальные наклонения)

Выступает в двух алломорфах: *te-* и *ť-* (элизия перед гласным, см. 1.2.8.1):

перед согласным:	*te-źàl*	‘чтобы (у)шёл’
перед гласным:	*te-avèl* ~ *ť-avèl* (чаще)	‘чтобы пришёл’

Всегда безударна. Выступает в двух значениях:

(а) зависимое наклонение

В этом значении проклитика *te-* сочетается с формами инфекта (только с краткими, т. е. без *-a*) и является единственным показателем наклонения:

te-dikhàs-ame	‘чтобы мы увиделись’
te-pravarəl-la	‘чтобы [он] её кормил’
ť-arakhàď ol	‘чтобы [он] родился’
ť-avès baxtalò	‘здравствуй, поздравляю’ (букв. ‘да будешь счастлив’)

Зависимое наклонение употребляется в разных значениях, в т. ч. для выражения повеления. В большинстве случаев проклитика *te-* обязательна, а опускается она только в некоторых особых контекстах, в т. ч. после ряда частиц, а также в проклятиях и некоторых других оборотах (см. 4.2.6.2.2, 4.7.3).

(б) сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение часто (но факультативно) вводится проклитикой только при открытом условии (что можно трактовать как будущее время) ‘если...’. В таком значении глагол выступает в долгой форме инфекта (проклитика *te-* отсутствует при наличии некоторых союзов и частиц, см. 4.2.6.2.3):

te-dikhàsa-ame	‘если увидимся’
te-pravarəla-la	‘если [он] её накормить’
ť-arakhàď ola	‘если [он] родится’

Так же вводится гипотетическое условие, т. е. ‘если бы...’ (с сослагательными формами, см. 3.11.4.7):

te-dikhl'àmas-ame	ʻесли бы мы (у)виделись'
te-pravardinò(sas)-la	ʻесли бы [он] её (на)кормил'
t'-arakhàdilino(sas)	ʻесли бы [он] родился'

Проклитика *te-* может входить в формы условного наклонения (см. 3.11.13.2).

3.11.13.2. Пары проклитик *sas-kə-*, *sas-te-* (условное наклонение)

Эти сложные проклитики являются показателями условного наклонения. Они сочетаются с краткими формами инфекта и являются, таким образом, как бы расширениями форм зависимого наклонения (но обычно с *-kə-* вместо *-te-*). Элементы *-kə-* и *-te-* могут подвергаться элизии (см. 3.11.13.1). Основной вариант *sas-kə-* обычно произносится с ослаблением: [sahkə-] (см. 1.3.7.3). Вариант с *te-* встречается редко (в основном в речи старшего поколения).

Отрезки *sas-kə-* и *sas-te-* представляют собой частный случай синтаксических конструкций, особым образом оформляющих условное наклонение (см. 4.2.6.2.5), и состоят из трёх элементов: *s.as-kə-* (или *s.as-te-*): основа глагола-связки (наст.3. *sỳ*), постфикс *-as* (ср. прош.3. *s·às*) и относительный союз *kə* ʻчто' (или проклитика *te-*, вводящая зависимое наклонение). Однако мы считаем их нерасторжимыми парами проклитик на том основании, что они входят в широкую словоформу, т. е. их место чётко закреплено (даём примеры с *sas-kə-*):

sas-kə-dikhàs-ame	ʻмы (у)виделись бы'
sas-kə-pravarə̀l-la	ʻ[он] (на)кормил бы её'
sas-k-arakhàd'ol	ʻ[он] родился бы'

Кроме того, целостность *sàs-kə-* проявляется при опущении самого глагола, т. е. употреблении клитик без узкой словоформы, например, *sàs-kə!* (но не ***sàs*) ʻда' в ответ на общий вопрос (принимается не всеми носителями; см. 4.2.6.2.5).

Отрицательная форма образуется отрицанием глагола-связки: *nàs-kə-* (*nàs-te-*), т. е. синтетически (не ***ćì-sas-kə-*):

nàs-kə-dikhàs-ame	ʻмы не (у)виделись бы'
nàs-kə-pravarə̀l-la	ʻ[он] не (на)кормил бы её'
nàs-k-arakhàd'ol	ʻ[он] не родился бы'

Это ожидаемо, учитывая внутреннюю форму первой части, ср. прош.3. *nàs* ʻне был(и)'.

Ударение на первой части *sas-*, *nas-* факультативно и зависит от фразовой интонации (выделения отрицания или самого глагола и т.п.).

3.11.13.3. Проклитики *ćì-*, *nà-* (отрицание)

Особым образом выражается отрицание глагола-связки в 3-м лице изъявительного наклонения: наст. *nàj*, прош. *nàs* (см. 3.11.9). Первую из этих форм можно трактовать как сочетание отрицательной проклитики *nà-* и энклитической формы-глагола связки *j* (обычно *sy*). Во второй, столь же аномальной, форме к получившей ударение проклитике присоединяется постфикс *-as* (с элизией).

Сюда примыкает глагол *naštìl* ʻне мочь' (не имеющий положительного коррелята ***(a)štil*, но ср. *daštìl* ʻмочь', а также *naštì* ʻнельзя', см. 3.11.10).

Отрицательные формы остальных глаголов образуются с помощью одной из двух проклитик: *ćì-* и *nà-*. Общее правило таково: *ćì-* употребляется в изъявительном наклонении, а также в сослагательном, если нет *te-*; в остальных случаях употребляется *nà-*. Таким образом:

изъявительное:			*ćì-kərə̀l*	ʻне делает’
сослагательное:	без *te-*:	потенциальное:	*ćì-kərə̀la*	ʻ[если] не сделает’
	с *te-*:	потенциальное:	*te-nà-kərə̀la*	ʻесли не сделает’
		гипотетическое:	*te-nà-kərdinò(sas)*	ʻесли бы не сделал’
повелительное:			*nà-kər*	ʻне делай’
зависимое:			*te-nà-kərə̀l*	ʻчтобы не сделал’
условное:	с *kə-*:		*nàs-kə-kərə̀l*	ʻне сделал бы’
	с *te-*:		*nàs-te-kərə̀l*	ʻтж.’ (редко)

Сослагательное потенциальное и изъявительное наклонения иногда смешиваются (о чём см. 4.12.5.2, 4.12.5.6). Отрицательные клитики редко подвергаются элизии, поскольку они, как правило, ударны, но ср. амбивалентное *n-àv*, которые можно членить как *nà-v* (наряду с *nà-av*) ʻне будь’.

3.11.13.4. Проклитика *màj-* ʻещё, опять, больше’

Проклитика *màj-* выражает особую модальность, которую мы назвали «временны́м контрастом» (см. 4.2.6.5.2), со значением повтора, добавления (при отрицании — прекращения и т. п.), а также выступает как ритмическая вставка в песнях (см. 5.1.3.2):

màj-sə̀mas	ʻя уже был’
ćì-maj-sə̀mas	ʻя ещё не был’
te-màj-thàv	ʻналить ещё’
màj-sàs	ʻбыло ещё’

Алломорф *ma-* (безударный) с глаголом *sy* в 3-м лице при отрицании:

ma-nàj	ʻбольше нет’
ma-nàs	ʻбольше не было’

Отрицательный глагол *naštìl* ʻне мочь’ (положительный коррелят *daštìl*) при добавлении *màj-* может принимать форму *ćì-maj-daštìl* ʻбольше не мочь’; форма же *màj-naštìl* [*pala*] чаще имеет значение ʻдуши не чаять [в ком]’.

Обычно *màj-* (но не *ma-*) ударно, но ударение теряется в части условий (см. 3.11.13.11).

3.11.13.5. Проклитика *kaj-* (в фольклоре)

Проклитика *kaj-* не употребляется в разговорной речи, но очень частотна в песнях и сказках (см. 5.1.3.2б, 5.2), где, по-видимому, обеспечивает связность повествования:

kaj-źàl	ʻда и уходит’
kaj-pytərďà	ʻда и открыл’

Не сочетается с другими проклитиками (***ćì-kaj-*), кроме *kaj-maj-* (только в песнях). Сочетается с отрицательной формой *nàs* ʻне был’ в сказочном зачине (см. 5.2).

3.11.13.6. Проклитика *kàm-* ʻможет быть’

Показатель предположительной временно́й модальности (см. 4.2.6.5.1):

kàm-sə̀	ʻвозможно, есть’
kàm-xàl(a)	ʻвозможно, (съ)ест’
kam-ćì-merə̀n(a)	ʻнаверно, не умрут’

⏳ Морфема *kam*-, очевидно, по форме связана с глаголом *kamèl* ʻхотеть’, в связи с чем напрашивается сравнение с балканскими языками (греческий, часть южнославянских, румынский), где в основу показателя будущего времени лёг глагол ʻхотеть’ (действительно, в ряде кэлдэрарских и близких к ним говоров эта морфема в виде *kam*, *kan*, *ka* имеет значение будущего времени). В нашем случае у неё налицо не просто временно́е, а модальное значение. Поэтому можно думать, что вероятна какая-то контаминация с рум. *cam* ʻприблизительно’.

3.11.13.7. Энклитика *-tar* (показатель направления)

Присоединяется только к трём глаголам:

avèl-tar	ʻприйти [издалека]; вернуться’
źàl-tar	ʻуйти’
našəl-tar	ʻубежать’

Значение *-tar* сводится к выраженной смены места или направленности перемещения: ʻпрочь’ или, наоборот, ʻиздалека’ (или ʻиз другого места’, иногда ʻобратно’).

⏳ В некоторых говорах немолдовая, напр. ёнешти, *-tar* сочетается ещё и с *tràdel* ʻехать’ (у молдовая это значение выражается глаголом *źàl*, а глагол *tràdel* значит только ʻпереезжать’ и перех. ʻслать’).

3.11.13.8. Энклитика *-ta* (усилитель императива)

Усилитель форм императива (только утвердительных), присоединяется к императивам всех глаголов (если императив есть):

àv-ta	ʻподойди-ка’
phèn-ta	ʻскажи-ка’
dè-ta	ʻдай-ка’

Форма *àś-ta* ʻдавай(те); ʻдай(те) сюда’ (обычно с отвердением *àš-ta*) соотносится с глаголом *aśèl* ʻоставить; молчать’, однако ввиду особого значения и отвердения может быть признана другой лексемой.

3.11.13.9. Местоименные энклитики

Широкая глагольная словоформа может включать в себя клитики, в синтаксическом смысле являющиеся другим членом предложения (дополнением). Выделяются два ряда таких клитик:

		объектные		возвратные	
		ед.	мн.	ед.	мн.
1.		*-ma(n)*	*-ame*	*-ma*	*-ame*
2.		*-tu*	*-tume*	*-tu*	*-tume*
3.	м.	*-le(s)*	*-le(n)*	*-pe*	*-pe*
	ж.	*-la*			

Лицо, число и род объектных клитик относятся к дополнению, возвратные же клитики в общем случае согласуются с подлежащим. Факультативные явления перед клитиками:

Упрощение двойных согласных (см. 1.3.7.4):

mardèm-ma	~	*mardè-ma*	ʻя подрался’	(обычно)
marəl-la	~	*marə-la*	ʻбьёт её’	(часто)

(но ср. *marəl-les*: согласные разные, второй *l*- /l'/ — мягкий)

Упрощение сочетания *-V-M-* (похожее явление в узкой словоформе, см. 2.5.3.1):

marȁv-ma	~	*marà-ma*	ʻдерусь’	(часто)

Упрощение двойных гласных (см. 1.2.8.1):

te-marȁla-ame	~	*te-marȁl-ame*	ʻесли побьёт нас’	(обычно)

Ослабление *-s* (см. 1.3.7.3):

maràs-ame	~	*marà*[ɦ]*-ame*	ʻдерёмся’	(часто)
marȁs-ma	~	*marȁ*[ɦ]*-ma*	ʻбьёшь меня’	(часто)

3.11.13.10. Сочетаемость и порядок глагольных клитик

Возможны следующие последовательности проклитик, соответствующие различным наклонениям (здесь мы не даём фольклорных ритмических вставок, см. 5.1.3.2; квадратные скобки означают факультативность; обозначаем потенциальное ударение):

[*kàm-*] [*ćì-*] [*màj-*]	изъявительное (маргинально и сослагательное)
[*nà-*] [*màj-*]	повелительное
[*te-nà-*] [*màj-*]	зависимое, сослагательное
[*sàs-kə-*] [*màj-*]	условное
[*nàs-kə-*] [*màj-*]	условное (с отрицанием)
[*sàs-te-*] [*màj-*]	условное (редко)
[*nàs-te-*] [*màj-*]	условное (с отрицанием; редко)

Сочетания энклитик более ограничены:

[*-tar*]	все наклонения
[местоимение]	все наклонения
[*-ta*] [местоимение]	повелительное (без отрицания)

Примеры форм с максимальными сочетаниями клитик (двух и более):

ćì-maj-avàv	ʻбольше не приду’
nà-maj-pi	ʻбольше не пей’
te-nà-maj-drabarȁl	ʻчтоб больше не гадала’
kàm-ćì-maj-potinèn	ʻвдруг больше не заплатят’
nàs-kə-màj-daràl	ʻбольше бы не боялся’
xarùnde-ta-ma	ʻпочеши-ка меня’

Кроме того, часть проклитик и их сочетаний употребляются без самого глагола, как отдельные предложения, в которых узкую форму глагола можно считать опущенной:

ćì	ʻнет’ (обычно в ответ на вопрос с глаголом, отличным от *sȳ*)
kàm	ʻможет быть’ (в ответ на вопрос с *kam-*; не все носители)
te-nà	ʻнельзя’, ʻне делай этого’, ʻчтоб так не делали’
ćì-maj	ʻужéнет’ (т. е. ʻужéне [делает это]’)
te-nà-maj	ʻхватит’, ʻбольше не надо [это делать]’
sàs-kə	ʻда’ (напр., ʻмог бы сделать что-л.’; не все носители)
nàs-kə	ʻнет’ (напр., ʻне мог бы сделать что-л.’; не все носители)

3.11.13.11. Ударение широкой глагольной словоформы

Рассмотрим левую часть широкой словоформы (проклитики). Здесь возможно всего несколько морфем:

всегда безударно:	*te-*
факультативно ударно:	*sàs-kə-* (*sàs-te-*), *nàs-kə*, *kàm-*
ударно, если не следует за ударным:	*nà-*, *ćì-*, *màj-*

Таким образом, *maj-* получит ударение в форме *te-màj-potinèl* ‘чтобы ещё заплатил’, но не получит в форме *te-nà-maj-potinèl* ‘чтобы больше не платил’.

Если широкая словоформа содержит ударную проклитику, то может получиться, что правила предскажут одновременно два ударения в широкой словоформе. Второе ударение чаще всего устраняется в отрицательном императиве, особенно с односложных глагольных узких словоформ, ср. *nà-źa* (гораздо реже: *nà-źà*) ‘не иди’, *nà-baš* ‘не гавкай’, *nà-dara* (но и *nà-darà*) ‘не бойся’, но только *te-źàl* ‘чтобы шёл’, *te-daràl* ‘чтобы боялся’ и т. п. (подробнее см. 2.7.3).

3.11.14. Неактивные и возвратные глаголы

Такие явления в морфологии кэлдэрарского глагола, как неактивность и возвратность, не поддаются однозначной трактовке. С одной стороны, эти два признака следует различать, а с другой — они находятся в нетривиальной связи, причём провести различие между ними часто невозможно. Они могут иметь или не иметь явного выражения (причём в одной парадигме), а ясности описания не способствует также трудность отделения словоизменительных явлений от словообразовательных.

Как уже указывалось, неактивными мы называем все глаголы, могущие в 3.ед. перфекта принимать согласовательные окончания (см. 3.11.4.1), ср. несколько примеров:

(а)	*avèl*	перф.3.м.ед.	*avilò*	‘прийти’
	daràl		*daràjlo*	‘бояться’
	xasàvol		*xasàjlo*	‘теряться’
	kaľòl		*kalilò*	‘чернеть’
	tasòl		*tasulò*	‘тонуть’
(б)	*kàrďol*		*kàrdilo*	‘стать; случиться; превратиться’
	màćol		*màćilo*	‘мазаться, пачкаться’

Глаголы группы (а) относятся к разным типам: сюда входят непроизводные глаголы, отымённые, а также не имеющие явных производящих. Они не участвуют в залоговых преобразованиях, т. е. грамматически однозначно и регулярно не соотносятся с какими-либо активными глаголами.

Глаголы группы (б) имеют основу инфекта на *-U-*; они так или иначе образованы от активных глаголов (точнее, от их причастий) и могут выступать в двоякой функции: с одной стороны, у них могут быть «собственные» значения, а с другой — они образуют залоговые пары к соответствующим активным глаголам. Поэтому имеется соблазн объединить такие глагольные пары в одну парадигму (например, *kəràl* ‘делать’ и *kàrďol* ‘делаться’). Но это представляется нецелесообразным, учитывая, во-первых, что морфологические связи в этих парах иногда нетривиальны и, во-вторых, что по внутренней структуре глаголы типа *kàrďol* (ср. причастие *kərdò* ‘сделанный’) ничем принципиально не отличаются от глаголов типа *kaľòl* (ср. прилагательное *kalò* ‘чёрный’). Таким образом, несмотря на совершенно особую синтаксическую связь между членами пары *kəràl* : *kàrďol*, в морфологическом смысле речь идёт скорее о словообразовании, чем о словоизменении.

Неактивные соответствия есть далеко не у всех активных глаголов. Они бывают только у переходных глаголов (не всех типов), имеющих причастия, и то не у всех (подробно см. 3.11.11.2). В частности, нет, например, неактивного глагола ***phènďol* от *phenèl* ʻговоритьʼ. В одном случае — наоборот: у неактивного глагола нет активного соответствия, хотя он выглядит так, будто образован от причастия, ср. *arakhàďol* ʻрождатьсяʼ, хотя нет ***arakhavèl*.

Что же касается возвратности, то она выражается местоименными клитиками, входящими в состав широкой глагольной словоформы, причём особая, специфически возвратная клитика *-pe* имеется только для 3-го лица (о местоименных клитиках см. 3.11.13.9). Любому невозвратному глаголу может соответствовать возвратный (на практике их употребление может быть ограничено семантическими и синтаксическими факторами):

(а) I пласт

Приведём несколько примеров активных переходных глаголов I пласта с неактивными и возвратными соответствиями (здесь речь идёт только об их наличии):

тип	активные		возвратные	неактивные
га-∅:D/L	*kərəl*	ʻделатьʼ	*kərəl-pe*	*kərďol*
	mekəl	ʻпускатьʼ	*mekəl-pe*	*mèkľol*
	phenèl	ʻговоритьʼ	*phenèl-pe*	—
	astarəl	ʻхвататьʼ	*astarəl-pe*	*astàrďol*
	xalavèl	ʻмытьʼ	*xalavèl-pe*	*xalàďol*
га-E:∅	*lèl*	ʻбратьʼ	*lèl-pe*	—
	ambòldel	ʻкрутитьʼ	*ambòldel-pe*	*ambòlďol*
	tìdel	ʻсобирать; сжиматьʼ	*tìdel-pe*	—
га-E:L	*phàndel*	ʻсвязыватьʼ	*phàndel-pe*	—
	xarùndel	ʻчесатьʼ	*xarùndel-pe*	*xarùnďol*
изолир.	*xàl*	ʻестьʼ	*xàl-pe*	*xàľol*
га-A:AJ	*paťàl*	ʻверитьʼ	*paťàl-pe*	нет

Наиболее прозрачно поведение неактивных и возвратных глаголов, соответствующих активным переходным глаголам с инфектной основой на согласный, ср. *xalavèl* ʻмытьʼ, *xalàďol*, *xalavèl-pe* ʻмытьсяʼ. Морфологически такие возвратные глаголы ничем не отличаются от невозвратных глаголов (кроме наличия местоимения-клитики), неактивные же относятся к типу гн-ʼU:ʼUL:

возвратный:

инф.	1.	*xalavà(v)-ma*	*xalavàs-ame*	ʻмытьсяʼ
	2.	*xalavès-tu*	*xalavèn-tume*	
	3.	*xalavèl-pe*	*xalavèn-pe*	
	имп.	*xalàv-tu*	*xalavèn-tume*	
перф.	1.	*xaladè(m)-ma*	*xalaďàm-ame*	
	2.	*xalaďàn-tu*	*xalaďàn-tume*	
	3.	*xalaďà(s)-pe*	*xaladè-pe* ~ *-inè-pe*	
		сосл.3.	*xaladinò(sas)-pe*	

неактивный (ср. прич. *xaladò* ‘мытый’):

инф.	1.	*xalàď ov*	~ *-’uvav*	*xalàď os*	~ *-’uvas*	‘мыться’
	2.	*xalàď os*		*xalàď on*		
	3.	*xalàď ol*		*xalàď on*		
	имп.	*xalàď u*	~ *-’o*	*xalàď on*		
перф.	1.	*xalàdilem*		*xalàdiľam*		
	2.	*xalàdiľan*		*xalàdiľan*		
	3.	*xalàdiľa(s)*		*xalàdile*		
		м. *xalàdilo*				
		ж. *xalàdili*				
			сосл.3.	*xalàdilino(sas)*		

Как видно, и возвратный, и неактивный глаголы имеют полные парадигмы.

Иногда неактивность избыточно выражается дважды, причём только в инфекте:

mèkľol	~	*mèkľol-pe*	перф.3.ед.м. *mèklilo*		‘спускаться’
pèťol	~	*pèťol-pe*		*pètilo*	‘печься’
ašùnďol	~	*ašùnďol-pe*		*ašùndilo*	‘слышаться, слышно’
dìćol	~	*dìćol-pe*		*dìćilo*	‘виднеться, видно’

Это случается нечасто (в т. ч. в безличном залоге, см. 4.13.3) и всегда факультативно. Это не относится к отымённым глаголам типа *kaľòl* ‘чернеть’ (***kaľòl-pe*).

Из типа га-Е:∅ всего несколько глаголов имеют неактивные соответствия, ср. *ambòldel* ‘вертеть; завернуть; вернуться’, возвратный *ambòldel-pe* в т. ч. ‘отвернуться’, неактивный *ambòlďol* ‘вертеться, ворочаться’. Но чаще возвратные формы есть, а неактивных нет, ср. *ćumìdel-pe* ‘целоваться’, но не ***ćumiďol*.

У трёх глаголов такая ситуация (отсутствие неактивного соответствия) наблюдается только в инфекте. В перфекте же у них имеются особые неактивные формы от инфектной основы на *-SAVO-* (как во II пласте), факультативные, но более частотные, чем возвратные:

tìdel-pe	‘собирается’	перф.3.ед.м.	*tiďà-pe*	~	*tidinisàjlo*
vàzdel-pe	‘поднимается’		*vazďà-pe*	~	*vazdinisàjlo*
ambòldel-pe	‘разворачивается’		*amboľďà-pe*	~	*amboldinisàjlo*

Так же себя может вести ещё один глагол (сам по себе неправильный — с двумя равноправными вариантами перфектной основы):

pařuvèl-pe	‘меняется’	перф.3.ед.м.	*pařuďà-pe*	~	*pařudinisàjlo*
			pařugľà-pe	~	*pařuglinisàjlo*

Таким образом, у нас налицо в какой-то степени по два разных глагола: один возвратный, имеющий полную парадигму (инф. *tìdel-pe*, имп.ед. *tìde-tu*, перф. *tiďà-pe*), а другой — дефектный, представленный формой имп.ед. и перфектными неактивными формами II пласта и не имеющий личных форм инфекта (т. е. только имп.ед. *tidinisàvo*, перф. *tidinisàjlo*, но не инф. ***tidinil*, ***vazdinil*, ***amboldinil*, ***pařudinil*, ***pařuglinil*).

Если же, наоборот, считать, что все эти формы входят в одну парадигму, то эта необычная парадигма будет содержать в одной своей части (лица инфекта и имп.мн.) возвратные формы I пласта, а в другой (имп.ед. и все перфектные формы) — варианты: возвратные формы I пласта или неактивные формы II пласта (образцы полных парадигм II пласта см. ниже):

инф.	*tìdav-ma* и т. д.		ʻсобиратьсяʼ
имп. (возвр.)	*tìde-tu*	*tìden-tume*	
имп. (неакт.)	*tidininisàvo*		
перф. (возвр.)	*tidèm-ma* и т. д.		
	сосл.3.	*tidinò(sas)-pe*	
перф. (неакт.)	*tidinisàjlem* и т. д.		
	сосл.3.	*tidinisàjlino(sas)*	

Данные формы II пласта устроены так же, как неактивные глаголы II пласта на *-SAVO-* (образованные от прилагательных II пласта или от некоторых прилагательных I пласта с неодносложной основой, см. ниже), и, очевидно, соотносятся с причастиями: *tidinò*, *vazdinò* (однако ***pařudino*, ***pařuglino* нет).

От этих трёх случаев отличается глагол *khàndel* ʻпахнуть, смердетьʼ, который имеет морфологически полноценное неактивное соответствие II пласта: *khandinìl* ʻпровонятьʼ, перф. *khandinisàjlo*, образованное от прилагательного *khandinò* ʻвонючийʼ (морфологически это причастие от *khàndel* ʻпахнутьʼ «не с тем» суффиксом, ср. перф.3.ед. *khangl'à*).

(б) II пласт

Наиболее сложно положение во II пласте. Как уже указывалось, в нём имеются две группы глаголов: активные (основы на *-sar-*) и неактивные (основы на *-sav(o)-*). В личных формах инфекта суффиксы основ опускаются (*-sar-* почти всегда, а *-sav(o)-* всегда), проявляясь обязательно только в формах императива ед. числа (см. 3.11.3.5), что в ряде случаев приводит к омонимии, ср.:

tr'azòl	ʻтрезвитʼ	имп. *tr'azosàr-ma*	ʻпротрезви меняʼ
tr'azòl	ʻтрезвеетʼ	*tr'azosàvo*	ʻпротрезвейʼ

Естественно, далеко не все глаголы II пласта образуют такие пары, ср. только неактивный *nəzərìl* ʻвиднетьсяʼ, только активный *cypìl* ʻкричатьʼ. Приведём ещё несколько примеров омонимии в личных формах инфекта:

	основа на *-SAR-*	основа на *-SAVO-*
tristòl	ʻрасстраиватьʼ	ʻзагруститьʼ
morcòl	ʻприводить в оцепенениеʼ	ʻцепенетьʼ
slabòl	ʻослаблятьʼ	ʻслабетьʼ
pahòl	ʻморозитьʼ	ʻзамёрзнутьʼ
źuvindìl	ʻоживлятьʼ	ʻоживатьʼ
kašutìl	ʻоглушатьʼ	ʻглохнутьʼ
vynəcỳl	ʻставить синякʼ	ʻсинетьʼ
bařujìl	ʻпревращать в каменьʼ	ʻкаменетьʼ
zalìl	ʻдовести до обморокаʼ	ʻпадать в обморокʼ
mištìl	ʻдвигатьʼ	ʻшевелитьсяʼ (но и *mištìl-pe*)

Заметим, что в схожих в семантическом отношении парах в пределах I пласта подобной омонимии нет, поскольку активные члены этих пар оформлены суффиксом *-ar-*, ср. *maťòl* (основа *maťu-*) ʻпьянетьʼ и *maťarəl* (основа *maťar-*) ʻпьянить, поитьʼ; *xoľàvol* (основа *xoľavo-*) ʻзлитьсяʼ и *xoľarəl* (основа *xoľar-*) ʻзлитьʼ.

При этом часть производящих I пласта (прилагательные с неодносложными основами, но не с суффиксом *-al-*), например *źuvindò* ‘живой’, *kašukò* ‘глухой’, *bařunò* ‘каменный’, дают производные глаголы II пласта, ср. данные в таблице *źuvindìl*, *kašutìl*, *bařujìl* (подробнее см. 3.11.11.6).

Общим семантическим признаком большинства приведённых неактивных глаголов является значение постепенной перемены состояния (но ср. *mištìl* ‘(за)шевелиться’, где это, кажется, проявляется в меньшей степени; впрочем, значение можно понимать как ‘прийти в движение’). Есть и немало неактивных глаголов с такими значениями, не имеющих в инфекте активных омонимов (или же только потенциально), ср. *řuźinìl* ‘ржаветь’, *tunerićìl* ‘темнеть [вечером]’, *mucòl* ‘неметь’ и др.

Таким образом, признак неактивности у глаголов II пласта в инфекте явно проявляется только в императиве, а в личных формах обычно никак не выражен. Однако в перфекте он выражается обязательно, ср.:

tristosàjľan ‘ты загрустил’ *tristosarďàn-ma* ‘ты меня расстроил’

Дадим «объединённую» парадигму неактивного (гн-II) и активного (га-II) глаголов:

инф.	1.	*źuvindìv*		*źuvindìs*	‘оживать’ и
	2.	*źuvindìs*		*źuvindìn*	‘оживлять’
	3.	*źuvindìl*		*źuvindìn*	
	имп.	*źuvindisàvo*	‘оживай’	*źuvindìn*	
		źuvindisàr	‘оживляй’		
перф.	1.	*źuvindisàjlem*		*źuvindisàjľam*	‘оживать’
	2.	*źuvindisàjľan*		*źuvindisàjľan*	
	3.	*źuvindisàjľa(s)*		*źuvindisàjle*	
	м.	*źuvindisàjlo*			
	ж.	*źuvindisàjli*			
			сосл.3.	*źuvindisàjlino(sas)*	
	1.	*źuvindisardèm*		*źuvindisarďàm*	‘оживлять’
	2.	*źuvindisarďàn*		*źuvindisarďàn*	
	3.	*źuvindisarďà(s)*		*źuvindisardè*	
			сосл.3.	*źuvindisardinò(sas)*	

В личных инфектных формах эта омонимия может частично сниматься при употреблении факультативных (и очень редких) форм активных глаголов типа га-II без удаления *-sar-*, ср. *źuvindisaràs* ‘мы оживляем’ (чаще всего в 1.мн., но и там редко; отдельно формы инфекта с вариантами: см. 3.11.8.14, 3.11.8.15).

⏳ В части кэлдэрарских говоров немолдовая (в т. ч. ёнешти) эта омонимия встречается реже или отсутствует. Там могут чаще употребляться не только активные формы с *-sar-*, но и неактивные формы с *-sav(o)-* (обязательно или факультативно), ср. немолд. *źuvindisàvas* ‘оживаем’ (молд. только *źuvindìs*). Как исторически возникли эти дублеты, нам неясно, но это довольно древняя северновлашская черта. Можно предположить, что сначала в какой-то из парадигм было фонетически закономерное чередование числа слогов, так или иначе распространившееся на прочие типы глаголов, в т. ч. заимствованные. Это как будто следует из параллелизма соотношений форм (приводим 1.ед. и 2.ед.) в раховском диалекте: *kaľuvàv* : *kaľòs* ‘чернеть’; *daravàv* : *daràs* ‘пугать’ (‘пугаешь’ здесь омонимично ‘боишься’); точно так же во II пласте: *skirinàv* : *skirìs* ‘писать’.

У глаголов II пласта без значения становления состояния описанной омонимии в инфекте нет, т. к. среди них неактивных глаголов нет, а есть только активные и возвратные ср. (т. е. нет типа гн-II):

məritìl	ʻвыдавать замуж’	*məritìl-pe*	ʻвыходить замуж’
ansurìl	ʻженить’	*ansurìl-pe*	ʻжениться’
řyspìl	ʻрассеивать’	*řyspìl-pe*	ʻрассеиваться’
řyzgyjìl	ʻласкать’	*řyzgyjìl-pe*	ʻласкаться’
sokotìl	ʻсоветовать’	*sokotìl-pe*	ʻпоразмыслить’
pynřandìl	ʻразувать’	*pynřandìl-pe*	ʻразуваться’
řudìl	ʻпроизносить тост’	*řudìl-pe*	ʻмолиться’
skəpìl	ʻспасти’	*skəpìl-pe*	ʻспастись’

Несколько глаголов лишены невозвратных форм, ср. *plimbòl-pe* ʻгулять’ (***plimbòl*), *grybòl-pe* ʻзаболеть гриппом’ (*grybòl* ʻзаразить гриппом’ лишь потенциально) и нек. др.

Возвратные глаголы II пласта имеют возвратные клитики только в личных формах инфекта (и в форме имп.мн., всегда тождественной инф.2.мн.). В формах имп.ед. и во всех перфектных формах они спрягаются без возвратных клитик, т. е. так же, как и описанные выше неактивные глаголы:

инф.	1.	*ansurì(v)-ma*	*ansurìs-ame*	ʻжениться’
	2.	*ansurìs-tu*	*ansurìn-tume*	
	3.	*ansurìl-pe*	*ansurìn-pe*	
	имп.	*ansurisàvo*	*ansurìn-tume*	
перф.	1.	*ansurisàjlem*	*ansurisàjl'am*	
	2.	*ansurisàjl'an*	*ansurisàjl'an*	
	3.	*ansurisàjl'a(s)*	*ansurisàjle*	
		м. *ansurisàjlo*		
		ж. *ansurisàjli*		
		сосл.3.	*ansurisàjlino(sas)*	

Это не относится к редким случаям взаимно-возвратности, так что возможна форма *ansurisarďàm-ame* ʻмы женили друг друга’ (в отличие от ʻженились [сами]’); эта форма в большой степени искусственна, в речи более вероятно *ansurisarďàm jekh-avràs* ʻмы женили друг друга’.

Как явствует из вышеизложенного, признаки неактивности и возвратности находятся в сложной связи и не всегда чётко выделяются во всей парадигме глагола.

Далеко не все непереходные глаголы II пласта — неактивные или возвратные. Так, глагол *trajìl* ʻжить’ спрягается по активному типу, перф. *trajisarďà* ʻ(про)жил’. То же относится к глаголам *nəkəžysarďà* ʻгоревал’, *tinujisarďà* ʻ(про)мучился’ (не ***-sajlo*). При этом в редких случаях имеются и соответствующие переходные — омонимы в инфекте и перфекте, ср. с явным прямым дополнением *te-trajìl-tu o dèl* букв. ʻда живит тебя бог’ (ʻпродлит твои дни’), *nəkəžysarďà-les* ʻопечалил его’.

Новые заимствования (в т. ч. окказиональные, см. 3.11.12) распределяются по активному и возвратному типу механически (неактивных нет) в связи с наличием или отсутствием возвратности в русском, ср. *gulijìl* ʻгулять, веселиться’, перф. *gulijisarďà*; *zavidujìl* ʻзавидовать’, перф. *zavidujisarďà*, но *vľubìl-pe* ʻвлюбиться’, перф. *vľubisàjlo*; *dagavarìl-pe* ʻдоговориться’, перф. *dagavarisàjlo*.

3.12. Предлог

Предлоги — это неизменяемые слова, выражающие различные синтаксические связи имён с другими словами и всегда предшествующие группе, которой они управляют (о синтаксисе предложной группы см. 4.2.2).

Предлоги не входят в широкие словоформы, не выступают в качестве клитик, т. е. в морфологическом смысле независимы от других слов (см. 2.1.2). Между предлогом и подчинённым ему словом можно вставить другие слова. Поэтому предлог описывается отдельно — как отдельная часть речи. Ниже предлоги рассматриваются только с морфологической точки зрения (ввиду многозначности предлогов даются лишь основные значения, подробно о семантике предлогов см. 4.2.2.3).

Предлоги нетривиальным образом — и по-разному в зависимости от исхода — сочетаются со следующими за ними артиклями (с неопределённым, см. 3.5.1; с определённым, см. 3.5.2). Кроме того, они подвержены и чисто фонологической элизии, ср. *kata avèr* ⇨ *kat avèr* ʻот другого, чем другой’ (см. 1.2.8.1).

Два особых предлога: *ka* ʻк, у’ и *kata* ʻот, за’ (вариант: *katàr*) — мы называем **лжепредлогами**, поскольку они, по большому счёту, являются падежными показателями (местного и отложительного синтаксических падежей соответственно). Они дополнительно распределены с падежными клитиками *-te*/*-de* и *-tar*/*-dar* и не сочетаются с ними в одной существительной группе: если есть падежная клитика, то нет лжепредлога, и наоборот. Выбор клитики или лжепредлога зависит от различных семантических и стилистических факторов и может быть как взаимоисключающим, так и в какой-то мере произвольным (подробнее см. 4.2.1.2.2); приведём несколько примеров (в т. ч. в составе фразеологизмов):

ka zmə̀vo	ʻк змею, у змея’	*lès-te*	ʻу него, к нему’
		khanikàs-te	ʻни у кого, ни к кому’
ka khə̀r	ʻу дома’	[*thòl*] *rigà-te*	ʻ[кладёт] в сторону’ (ʻокладывает’)
kata-j phurì	ʻот старухи; чем старуха’	*là-tar*	ʻот неё; чем она’
		kodolà-tar	ʻтакая’, букв. ʻот той’
kata-l vàst	ʻот рук’ (реже ʻза руки’)	[*l’à*] *vastèn-dar*	ʻ[взял] за руки’

Остальные предлоги являются «истинными», в том смысле, что не «исчезают» ни при каких условиях. Два предлога имеют симметричные пары: *ande* ʻв’ : *anda* ʻиз’; *pe* ʻна’ : *pa* ʻс, сверху’.

Часть предлогов соотносится с вопросительным местоимениями-наречиями с соответствующими значениями, ср. *karìng* ʻв сторону, в районе’ : *karìng* ʻв какую сторону; где приблизительно’; *sar* ʻкак, вроде’ : *sàr* ʻкак’ и др. Внешне они в основном тождественны, отличие состоит только в безударности большинства предлогов, однако часть предлогов имеет собственное ударение; у лжепредлогов — небольшие сегментные отличия (см. таблицу).

Два предлога *sar* ʻкак’ и *źi* ʻ(вплоть) до’ омонимичны союзам (но союзы ударны).

Большинство прочих предлогов морфологически соотносится с парой наречий места со значениями движения или покоя, ср. *paša* ʻоколо’ : *pašə̀* ʻблизко’, *pašàl* ʻизблизи’, а предлоги, сами входящие в пары (*ande* : *anda*; *pe* : *pa*), — каждый с одним наречием, ср. *andrə̀* ʻвнутри, внутрь’, *andràl* ʻизнутри’; *oprə̀* ʻнаверху, вверх’, *opràl* ʻсверху’. Часть из этих наречий могут образовывать «сложные» предлоги, ср. *opràl pa* ʻнад’ (которые мы рассматриваем как наречные группы, см. 4.2.5.2).

лжепредлоги		вопросительные местоимения-наречия
ka	ʻу, кʼ	*kàj* ʻгде, куда’
kata ~ katàr	ʻот, мимо, за [руку], чемʼ	*katàr* ʻоткуда’
истинные предлоги		
karìng	ʻв сторону, в районеʼ	*karìng* ʻкуда; где приблизительноʼ
kabòr	ʻтакого же размера/возраста, какʼ	*kabòr* ʻкакого размераʼ
sar	ʻкак, вродеʼ	*sàr* ʻкакʼ
		наречия
ande	ʻвʼ	*andrə* ʻвнутри, внутрьʼ
anda	ʻиз, из-заʼ	*andràl* ʻизнутриʼ
pe	ʻнаʼ	*oprə* ʻвверх, наверхуʼ
pa	ʻс [плеч], о = про, над, по [дороге], черезʼ	*opràl* ʻсверхуʼ
angla	ʻперед, напротивʼ	*anglè* ʻвперёд, впередиʼ, *anglàl* ʻспередиʼ
pala	ʻза, послеʼ	*palàl* ʻсзадиʼ, *pàrpale* ʻназадʼ
paša	ʻвозлеʼ	*pašə* ʻблизкоʼ, *pašàl* ʻвблизи, изблизиʼ
tela ~ tala	ʻпод, из-подʼ	*telè* ʻвниз(у)ʼ, *telàl* ʻснизуʼ (и ʻпешкомʼ)
maškar	ʻмежду, средиʼ	*maškaràl* ʻпосерёдкеʼ ср. *maškàr* м-∅:À ʻсередина; поясницаʼ
inťàl	ʻза, черезʼ	*inťà*, *inťàl* ʻтам, туда, дальшеʼ
źi	ʻ(вплоть) до, к [кому-л.]ʼ	
bi	ʻбезʼ	
po	ʻпоʼ (распределит.)	
kus'à	ʻвместе сʼ	
də	(разн. знач., см. 4.2.2.7.1)	

Предлог *tela* ʻподʼ имеет более редкий вариант *tala* (но ср. известную песню: *tala-j sàlka mè sutèm* ʻпод деревом я спалʼ, где всегда выступает именно эта форма). Этот вариант нередко также звучит в обороте *tala-j r'àt* ʻпод вечер, ближе к ночиʼ (~ *tela-j r'àt*). Соответствующее наречие — только *telàl* (не ***talàl*) ʻснизу; пешкомʼ.

⌛ Большинство предлогов исконны (I пласт). Часть из них тем или иным образом восходит к пространственным наречиям (возможно, именно к тем, которые соотносятся с ними до сих пор, хотя исторические детали туманны). Часть — к вопросительным местоимениям, наречиям и союзам. Предлоги на *-a* (*anda* ʻизʼ, *pa* ʻсʼ, *angla* ʻперед’ и др., характерные для северновлашских диалектов), вероятно, составные и калькируют греческие сочетания типа *πάνω από* букв. ʻна отʼ (движение с поверхности) → **pe er* > **par* > *pa*, где **er* > цыг. влаш. **ar* — несохранившийся предлог (но ср. в составе местоимений *koth.àr* ʻоттудаʼ, а также в послелоге *-t.ar*). Несколько предлогов заимствованы. Многозначный предлог *də* (в т. ч. в некоторых служебных грамматических значениях) — из румынского (ср. рум. *de*, в Мунтении и Банате *dă*). Интересно, что во всех других говорах русских кэлдэрар (немолдовая) имеем *de*, а не *də*. Этот факт может пролить свет на возможные региональные отличия между их предками на румынской прародине (при этом у всех только *sòde* ʻсколькоʼ — полукалька с рум. *ce de*). Предлог *inťàl* основан на

омонимичном наречии, образованном от *int'à* ‘дальше, потом’ (*màj-int'à*), заимствованном из рум. зап. *întâia*, вост. *întâia* ‘вперёд, впереди’. Тут, очевидно, произошло стяжение **intəja* > *int'à*, так же как в **phurèja* > *phur'à* (~ *phurəja*) ‘старик’ (зват.ед.), **kadèja* > *kad'à* ‘эта’. Что касается предлога *po* ‘по’ (только в распределительном значении, в т. ч. о цене), то это, вероятно, заимствование из румынских диалектов, где *po* (именно в этом значении) является южнославизмом. Омонимичная морфема имеется в составе наречия *po-lokhàs* ‘потихоньку’, явно частично калькирующего схрв. *polákо* ‘тж.’ (вероятно, это древнее заимствование из южнославянского, оно имеется и в диалектах других групп, не связанных с румынским языком).

Изредка окказионально употребляются некоторые неодносложные русские предлоги: *pròtiv*, *napròtiv*, *vakrùk*, *pòsli*.

3.13. Союзы и частицы

Имеются нестрого очерченные классы «служебных» слов, которые, не имея собственного независимого лексического значения, функционируют как бы над уровнем других синтаксических единиц (будь то отдельные слова, группы или целые предложения).

Союзы — это служебные слова, которые соединяют друг с другом две такие единицы (даже когда одна из них лишь подразумевается).

Частицы отличаются от союзов тем, что относятся только к одной единице, которую они могут «вводить» или так или иначе вносить в неё какие-то особые значения и оттенки.

Некоторые служебные слова употребляются как в роли союзов, так и в роли частиц. Вообще, границы между союзами и частицами (порой это относится к местоимениям и предлогам) довольно размыты, а для морфологии несущественны. Не углубляясь в синтаксические вопросы, здесь мы лишь перечислим эти служебные слова, с отсылками к соответствующим разделам синтаксической главы.

3.13.1. Союзы

Слова, употребляемые как союзы, разбиваются на условные группы:

(а) сочинительные союзы

Соединяют два равноправных элемента (см. 4.11):

aj ~ haj	‘и, а, но’	
thaj	‘и, да’	(обычно только в фольклоре)
vi	‘и’	(‘[и...] и’, чаще в фольклоре)
i	‘и’	(‘[и...] и’)
nùma	‘но’	(букв. ‘только’, чаще *no*)
vor	‘или’	
vòr-kə	‘или’	
vòr(-kə)... vòr(-kə)	‘или... или’	(*vòr* без *-kə* очень редко)
vàj... vàj	‘или... или’	
vàj-kə... vàj-kə	‘или... или’	
ćі	‘или’	(только *ćі nìćі?* ‘или нет?’, *ćі sò?* ‘или что?’)
ćì	‘ни’	(‘и’ при отрицании)

Союзы *thaj* и *aj* входят в составные числительные в качестве соединительных морфем (как и морфема *-u-*, см. 3.9.1). В песнях часты комбинации *thaj-vi*, *aj-vi* ‘да и’. Союз *i* изредка может быть ударным и составлять единую словоформу с местоимениями-клитиками, ср. *ì-ma* ‘и меня/мне [тоже]’ (см. 4.11.3б).

Активно употребляются русские союзы *ìli*, *no* (III пласт, однако ср. частицу *no* ‘ну’).

(б) подчинительные союзы

Выражают зависимость одного элемента от другого. Часть из них почти омонимичны вопросительным местоимениям с точностью до ударения (союзы скорее безударны):

kana	ʻкогда’	(ср. мест. *kàna?* ʻкогда?’)	(см. 4.12.5.2)
kaj	ʻгде’	(ср. мест. *kàj?* ʻгде?’)	(см. 4.12.5.1)
	ʻкоторый’		(см. 4.12.3)
sar	ʻчем’ (сравнение)	(ср. мест. *sàr?* ʻкак?’)	(см. 4.12.8.1)
	ʻкак’		(см. 4.12.5.3)

Связаны с частицами:

nùma	ʻ[как] только’	(ср. част. *nùma* ʻтолько’)	(см. 4.12.5.2)
dàba	ʻедва’	(ср. част. *dàba* ʻедва’)	(см. 4.12.5.2)

Остальные бывают только союзами (иногда и частицами, см. ниже):

kàs [*te-*]	ʻчтобы’	(см. 4.12.5.4)
kàste [... *te-*]		
ta	ʻтак что [аж]’	(см. 4.12.8.3)
də-kỳn	ʻс тех пор как’	(см. 4.12.5.2)
(źi-)pùne	ʻ[до тех пор] пока’	(см. 4.12.5.2)
kə	ʻчто’ (косвенная речь);	(см. 4.12.2.3)
	ʻпотому что’	(см. 4.12.5.7)

В союзной функции частотны элементы III пласта: *pakà*, *xaťà*, *ćèm* и др.

В сравнимых синтаксических функциях могут выступать разнообразные неоднословные союзные обороты, которые можно толковать как составные союзы, в т. ч. с особыми предлогами *źì* и *də*, ср. *źì-kaj*, *źì-pùn(e)* ʻпока’, *də-kàj* ʻчем’, *də kàna*, *də sàr* ʻс тех пор как’.

3.13.2. Частицы

Функцию уточнения, изменения или усиления значения разнообразных синтаксических единиц (синтаксических групп и предложений) могут выполнять языковые элементы разных типов: это могут быть отдельные морфемы (клитики), целые обороты или самостоятельные слова. Только последние мы называем частицами.

Что касается клитик, то они всегда входят в широкую глагольную словоформу, и поэтому частицами мы их не считаем, ср. *ćì-*, *nà-* (отрицание глагола), *te-* (показатель зависимого и условного наклонений), *-ta* (усиление императива) и др. (см. 3.11.13).

Частицы как часть речи можно разделить на несколько групп:

(а) вводные частицы

В эту группу мы включаем разнородные слова, чья синтаксическая связь с другими словами гораздо слабее, чем у предикативных частиц (примеры употребления: см. 4.3.8.1.1):

àma	ʻно, ну’ (только в ряде контекстов)
apo ~ ap	ʻа, то, так, ну’
ə̀ta	ʻвот’
nò	ʻну’
ta	ʻда’
pàte, *pàrkə*	ʻнеужели, может’ (в риторическом вопросе)

Совпадают с союзами:

kana	ʻвдруг, а тутʼ	(ср. союз *kàna* ʻкогдаʼ)
kə	ʻведьʼ	(ср. союз *kə* ʻпотому чтоʼ)

Особая редкая модальная частица:

ambòrim! ~ *bòrim*, *bàrim*, *bàr̓om* ʻможет быть; если быʼ (?)

(б) свободные частицы

Свободные частицы отличаются от вводных положением в предложении (примеры употребления: см. 4.3.8.1.3):

fàj-ma ~ fàl-ma	ʻкажетсяʼ
phèn-kə	ʻмолʼ (редко *phèn-gə*)
sòbi(s)!, *xàbis*!	ʻякобы, молʼ
xàta!	ʻбудтоʼ (редко, немолд.?)
akanà	ʻи вот, так вот, нуʼ (ср. нар. ʻтеперьʼ)
kothàr	ʻи тут, вдругʼ (ср. мест. ʻоттудаʼ)

Употребляется немало русских свободных частиц (III пласт): *vròdi*, *navèrno* и др.

В песнях часто встречаются особые частицеобразные вставки: *aj*, *doj*, *le*, *ba* и др. (всё это мы рассматриваем отдельно, см. 5.1.3.2).

(в) усилительные частицы

Сюда попадают слова, имеющие много общего с наречиями, однако обладающие особыми синтаксическими свойствами (см. 4.3.8.1.2):

sà	ʻтоже; всегдаʼ	(ср. местоим. ʻвсёʼ)
pàle	ʻтожеʼ	(ср. нар. ʻопятьʼ)
nùma	ʻтолькоʼ	
dàba	ʻедваʼ (также *dàba-dàba* ʻеле-елеʼ)	
vòrta	ʻточно; именноʼ	(ср. нар. ʻпрямоʼ)
tòmna	ʻкак раз, именноʼ	
ə̀ta	ʻвотʼ	
i	ʻи; именноʼ	
ć̀i	ʻдаже [не]ʼ	

Употребляются и русские усилительные частицы (III пласт): *dàžə*, *tòžə*, *ìmina* и др.

Здесь же упомянем частицу *nàj* ʻнеʼ (контрастное отрицание, см. 4.10.2).

(г) предикативные частицы

Эти частицы употребляются в большой степени как глаголы и могут управлять синтаксическими группами и предложениями (подробности: см. 4.3.8.1.4).

Побудительные частицы:

mè(k) ~ mùk	ʻпустьʼ	(букв. ʻпустиʼ)
àś ~ àš(-ta)	ʻдай-каʼ	(букв. ʻоставьʼ)
hàjda (мн. *hàjdan*)	ʻдавай(те), айдаʼ	

Указательные частицы:

ə̀ta	ʻвотʼ
àkə(-ta)	ʻвотʼ
àle	ʻна, держиʼ

3.14. Слова-высказывания

В роли высказываний (но не предложений, см. 4.1) могут выступать разнообразные неоднословные обороты. Но есть и особые слова, которые в другой роли выступать не могут (т. е. не могут быть членами предложения). Рассмотрим несколько групп таких слов.

3.14.1. Согласие, несогласие и др.

Эти слова заменяют собой любое высказывание, лишь подтверждая или отвергая его:

ə̀j (~ *jə̀j*)	ʻда’	
ć̀i	ʻнет’	(обычно на вопросы к глаголу)
nì́ći	ʻнет’	(с усилением)
bàvo	ʻда нет’ (?)	(только в фольклоре?)
nàj	ʻнет’	(обычно на вопросы к имени, но необязательно)

Слово *nàj* тождественно глагольной форме *nàj* букв. ʻне есть’ (отрицательная форма связки). Укажем также вариант *nà*[ʔ]*a* ʻне-а’ (с гортанной смычкой), который, очевидно, основан на отрицательном слове *nà* (отдельно не употребляющемся).

Сюда же можно отнести:

bàtəř!	ʻвоистину, аминь’	(можно записать и как *bàtəx*)
zə̀v!	ʻей-богу’	

Прочие, более конкретные значения (обычно в восклицаниях):

sə̀ja! ~ *syjàs!*	ʻза здоровье!’	
də̀rmina!	ʻпошёл отсюда!’	~ *drìmina* ~ *drə̀vina* (?)
la-dràkule!	ʻк чёрту!’	ср. *ź̀à la-dràkule* ʻиди к чёрту’

Эти слова никак иначе не употребляются.

3.14.2. Обращения

Функцию обращения обычно выполняют существительные и прилагательные в звательной форме, ср. *dàle* ʻмам(а)!’ (от *dèj* ʻмать’); *Rìśo* (от *Rìśo*, мужское имя). Однако есть несколько слов, которые употребляются для обращения к людям без называния человека:

brə̀	грубовато, к м. и ж. (в песнях часто *brè*)
leš	нежно, к м. и ж. (только в песнях): *(aj) vò(j) leš* + обращение
morə̀	редко, только к мужчинам (≈ *brə̀*)
mò	редко, уважительно к старшим мужчинам
màjkə	нежно к женщине
tàjkə	нежно к мужчине

Сюда можно отнести также слова, являющиеся звательными формами существительных, но имеющие более широкое значение, чем сами эти существительные:

màmə ~ *màmo*	ʻбабушка’, реже ʻмама’	(сущ. *màma* ʻмама’ почти не употр.)
śè	нежно к женщине	(сущ. *śèj* ʻдочь’)
phràla	к сверстнику или младшему	(сущ. *phràl* ʻбрат’)
phur̓à	к сверстнику или старшему	(сущ. *phurò* ʻстарый; старик’)

Часто употребляются ещё звательные формы: *řòma* ʻцыган!’, мн. *řomàle*, *śavàle* ʻребята!’ (*śàv* ʻпарень; сын’), *śavořàle* ʻребята!’ (иногда *śavəřàle*), *śovořàle* ʻдевчата!’ и др., но в таких обращениях нет особых значений, отличных от значений самих этих слов.

3.14.3. Междометия

Междометиями мы здесь называем только «невербальные» речевые отрезки. По фонетике они являются словами языка, но не сопоставимы ни с какими другими словами (и могут не вписываться в обычное распределение фонем).

Выражают чувства:

ùj	удивление (ʻой’)
ùf	боль, любые резкие, сильные ощущения (ʻой’)
ỳ, xỳ	отвращение (ʻфу’)
ìšš	холодно (ʻбрр’) или жарко

Употребляются при определённых действиях:

hòpa	при прыжке, в танце (ʻопа’)
štỳ	в танце (ʻопа’)

Служат окликом:

ò	обращение (ʻэй’), в т. ч. со зват. формой (ср. *ò phurʹà* ʻэй, старик’)

При дразнении:

sỳk	ʻтак тебе и надо’

В песнях встречается также *àv* ʻой’ (см. 5.1.3.2).

3.15. Оговорки и колебания в облике слов

Помимо многочисленных систематических колебаний, которые можно отнести к фонетике и фонологии (см., в частности, 1.2.6, 1.3.5, 1.3.5.3, 1.3.7.3), морфонологии (в т. ч. — в весьма малой степени — к ударению, см. 2.7.2), встречаются колеблющиеся формы лексем, что мы стараемся отражать в списках при соответствующих парадигмах (например, существительных, см. 3.4.3). Их иногда можно отнести к внутриговорному разнообразию, к различным внешним влияниям, невыясненным моментам в истории становления текущей языковой ситуации и т. п.

Имеются и более редкие отклонения от общепринятых форм слов, которые можно воспринимать как оговорки, индивидуальные «ошибки» и т. п. Довольно часто это касается «старых слов» (*phurikanè vòrbi*), которые у того или иного носителя находятся на периферии словоупотребления. Они могут быть заменены словами из III пласта или же относиться к ушедшим реалиям, пассивная память о которых сохраняется лишь как часть «языка предков» (*le phurà phenènas màj-anglàl* ʻстарики раньше говорили’) и т. п. Такие ошибки не составляют системы.

Но есть и другие отклонения, касающиеся более или менее употребительных слов, причём их нельзя списать на незнание. Часть из них встречается у молодёжи (объективно хуже владеющей языком), а часть, вероятно, уходит корнями в прошлое. Мы услышали и смогли зафиксировать лишь малую часть этих явлений. Тем не менее вырисовывается следующая приблизительная типология:

(а) смешение созвучных слов

Частичное смешение разных слов с одинаковой заглавной формой: *bàx* ж. ʻсчастье’ : *bàř* м. ʻкамень’ (об оглушении см. 1.3.7.6): в сказке шла речь о персонаже ʻсчастье’; в косвенных формах рассказчик последовательно говорил, например, *la bařà-kə* — гибридная форма вместо *baxtʹà-kə* ʻсчастью’ (ср. *le bařəs-kə* ʻкамню’).

(б) сближение с созвучным корнем

Случаи сродни народной этимологии: *baľardò* вм. *barȁrdò* ʻ[усыновлённый и] выросщенный [в таборе нецыган]ʼ — смешение, вероятно, с *balò* ʻсвиньяʼ (возможно, изначально игра слов); *luludìl* вм. *luvudìl* ʻхвалитьʼ — влияние *luludì* ʻцветокʼ.

(в) метатеза сонантов

Метатеза *-r-* (в обе стороны): I пласт — *bravalò* вм. *barvalò* ʻбогатыйʼ, *bravàl* вм. *barvàl* ʻветерʼ (редко); II пласт — *šyrpỳla* вм. *šypỳrla* ʻящерицаʼ, *votràko* вм. *vortàko* ʻтоварищ, компаньонʼ; *martijàlo* вм. *matirjàlo* ʻколбасаʼ, из III пласта — *brỳsto* вм. *bỳstro* ʻбыстроʼ.

С другими сонантами: *dinivìl* вм. *divinìl* ʻговоритьʼ, *spỳnla* ~ *spỳlna* ʻселезёнкаʼ.

В словах из III пласта: *cylivizàcyja* ← *цивилиза́ция* (влияние русских говоров?).

(г) колебания сонантов

Сонанты могут путаться: *litrivònо* вм. *vitrivòlo* ʻсерная кислотаʼ; *lùnta* (а также *nùmta*, *lùmta*) вм. *nùnta* ʻсвадьбаʼ.

Расподобление *-r...r-*: *vətràli* вм. *vətràri* ʻкочергаʼ; *məlàri* вм. *məràri* ʻукропʼ.

Вставка *-r-*: *vorťàja* вм. *voťàja* ʻочкиʼ (редкое слово), *sərbijàto* вм. *səbijàto* ʻобрезанный, косойʼ (о ткани; довольно редкое слово).

⏳ Источники слов со вставкой: рум. *ochián* ʻподзорная трубаʼ (кэлд. мн. с йотацией?), *săbiát* диал. ʻкосойʼ.

(д) другое

В сказках (см. Приложение 3) встретилась форма прош.3.ед. *vazlȁ* вм. *vazdȁ* ʻподнялʼ (от *vàzdel*; форма перфекта выглядит как приведённая к регулярности — это может быть как индивидуальным отклонением, так и влиянием иных говоров).

4. СИНТАКСИС

Предмет синтаксического описания — правила построения **предложений** (и более общо — **высказываний**), т. е. более или менее законченных речевых отрезков, состоящих из одной и более словоформ. Внутри таких отрезков словоформы находятся в определённой зависимости друг от друга, что отражается на их сочетаемости и форме.

Все речевые отрезки сами по себе, естественно, линейны, т. е. состоят из следующих друг за другом во времени элементов (в обычной записи — слева направо). При описании морфологии нам было достаточно этой сугубо линейной модели: мы могли дать некий общий максимальный шаблон — набор потенциальных однозначно упорядоченных единиц, составляющих словоформу (в т. ч. широкую), а затем по отдельности рассматривать различные комбинации этих единиц. Так, в широкой словоформе *te-nà-maj-źàva-tar* ‘если я больше не уйду’ порядок однозначен, так что можно просто говорить о наличии или отсутствии тех или иных единиц, предусмотренных шаблоном.

Для синтаксического же описания, т. е. для разбора линейных отрезков, выходящих за пределы широкой словоформы, линейного представления недостаточно. Порядок единиц более или менее стабилен в меньшинстве частных случаев. Для них имеет смысл пытаться вводить шаблоны (но они оказываются сложными и разветвлёнными). В прочих случаях приходится оперировать воображаемой иерархической структурой, которую можно изображать древовидными схемами. Эта структура, чьим высшим формализуемым уровнем является высказывание, организована как набор вложенных друг в друга единиц разной природы, каждая из которых тоже рассматривается как иерархическая структура. Вырожденный случай любой синтаксической структуры — одна словоформа.

4.1. Высказывания и предложения

Высказывания могут быть организованы различными способами в зависимости от разнообразных прагматических факторов; они могут обладать различной «смысловой полнотой». Простейшее высказывание может состоять из одного междометия (см. 3.14.3):

(1) *Ǜj!*
‘Ой!’ (выражает, в частности, удивление)

Высказывание может соотноситься с внеязыковыми действиями, например показыванием пальцем или иным указанием:

(2) *Àle*.
‘На.’
(3) *Ə̀ta*.
‘Вот.’

Весьма обычны однословные высказывания, так или иначе относящиеся к другим высказываниям, в т. ч. вопросам, или вообще к действиям окружающих:

(4) *Ə̀j*.
‘Да.’
(5) *Vòrta!*
‘Правильно!’

Высказывания могут состоять только из обращения (или нескольких обращений):

(6) *Dàle!*
‘Мам!’

(7) *Brə̀*, *tù!*
‘Эй ты!’

Особым типом высказываний можно считать фразы, входящие в речевые ритуалы, состоящие из слов, вне этих фраз не употребляющихся, а потому непрозрачных для говорящих, ср. стандартный обмен репликами при встрече утром:

(8) *Drobòj-tu! — Najìs!*
‘Доброе утро! — Спасибо!’ (вежливый ответ на утреннее приветствие)

Сюда же можно отнести пожелания и приветствия, выраженные различными именными (в т. ч. наречными) формами, более или менее прозрачные по строению:

(9) *Baxtalò dròm!*
‘Счастливого пути!’

(10) *Phurò sastò!*
‘Будь здоров!’ (букв. ‘старый здоровый’, чихнувшему)

(11) *Màj-laśì ə r’àt!*
‘Спокойной ночи!’ (букв. ‘лучшая ночь’)

(12) *Sastimà-sa!*
букв. ‘Со здоровьем!’ (в т. ч. ответ уходящему вечером)

(13) *Bùt bàxt*, *vijàca aj bukurìja!*
‘Много счастья, радости и веселья!’ (тост)

Все приведённые примеры представляют собой полноценные высказывания, они могут быть употреблены автономно в соответствующей ситуации и достаточно чётко выражают определённый смысл, однако характеризуются — по крайней мере формально (хотя и в разной степени) — некоторой смысловой фрагментарностью, отсутствием какого-то признака, способного придать им более основательную «содержательную» нагрузку. Речь идёт о признаке **сказуемости** (предикативности). Высказывания, лишённые сказуемости, привязаны к конкретным внеязыковым ситуациям и поэтому образуют более или менее закрытый список. Они не обладают содержательной независимостью и не могут порождаться неограниченно.

Гораздо более обычны в речи высказывания, наделённые сказуемостью и, таким образом, в той или иной степени независимые от внеязыковых рамок. Такие высказывания можно называть **предложениями**. Предложение можно определить как высказывание, в котором формально соотнесены два компонента, причём один из них — сказуемое — выражает сообщение, пожелание или вопрос, связанные с другим компонентом — подлежащим. В особых случаях подлежащее в предложении может отсутствовать (безличные предложения), но в основной массе предложений имеется и сказуемое, и подлежащее (подчёркнуты) — в явном или неявном (в квадратных скобках) виде, ср.:

(14) *O <u>źukə̀l</u> <u>bašə̀l</u>.*
‘Собака лает.’

(15) *Kòn <u>san</u> <u>tù</u>?*
‘Ты кто?’

(16) *<u>Źàv</u> khərə̀.* = [*<u>Mè</u>*] *<u>źàv</u> khərə̀.*
‘[Я] иду домой.’

(17) *Te-nà-<u>perə̀s</u>!* = [*<u>Tù</u>*] *te-nà-<u>perə̀s</u>!*
‘[Ты] не упади!’ (букв. ‘чтобы ты не упал’)

(18) *Màn-de sy pànź řùbli.*
Tù-te nùma štàr. = *Tù-te* [*sy*] *nùma štàr* [*řùbli*].
‘У меня есть пять рублей. У тебя [есть] только четыре [рубля].’

Нетрудно заметить, что, в отличие от предложений (16)–(18), в которых легко восстановить пропущенный элемент (неважно — исходя из грамматических соображений или из прагматических), для высказываний (1)–(13) это сделать трудно, разве что встроив их в предложение в виде прямой речи:

(19) [*Amè*] *phenďàm là-kə drobòj-tu, aj vòj* [*phenďà*] — *ǜj!*
‘[Мы] сказали ей «доброе утро», а она [сказала] — «ой!»’

Впрочем, такие примеры, как (9), нередко можно развернуть в предложение типа:

(20) *T’-avèl baxtalò tumarò dròm!*
‘Да будет счастливым ваш путь!’

Но это лишь логическое додумывание, всё-таки, видимо, не дающее тождественного значения (хотя есть и пограничные случаи).

Итак, имея достаточно чёткие формальные критерии выделения предложения как такового, можно классифицировать предложения по структурным разновидностям и описывать входящие в его состав прочие речевые отрезки.

Простое предложение содержит одно сказуемое (сочинение — не в счёт), а **сложное предложение** — два или больше сказуемых; можно сказать, что оно состоит из двух или нескольких простых предложений (см. 4.12).

Любое простое предложение может быть отнесено к определённой **модели управления** (см. 4.5), т. е. к формально заданному сочетанию различных синтаксических единиц, в разной степени обязательных (или факультативных). Все эти единицы необходимо рассматривать с двух точек зрения:

— по части речи слова, вокруг которого строится данная единица: тогда удобно говорить о различных **синтаксических группах** (словосочетаниях);
— по семантической и грамматической роли, которую данная единица играет в предложении, построенном по той или иной модели управления: в этом случае речь идёт о **членах предложения**.

Такой двойственный подход позволяет, с одной стороны, чётко описать внутреннюю структуру разнообразных групп слов, зависящих, например, от существительного, местоимения, наречия и т. д., а с другой — экономно классифицировать предложения разной структуры, т. е. с разными типами сказуемого, в роли которого может выступать, например, безличный глагол, непереходный глагол, переходный глагол и т. д. Разные типы сказуемых (т. е. разные модели управления) требуют или допускают наличие разных членов предложения, которые, в свою очередь, могут быть выражены разными синтаксическими группами.

4.2. Синтаксические группы

Синтаксические группы (для нас это то же самое, что «словосочетания»; в дальнейшем также просто «группы») состоят из связанных друг с другом словоформ. Сами по себе в общем случае не являясь предложениями, они входят в состав предложений. Классификация синтаксических групп отражает различные способы связывания слов в пределах иерархически организованных единиц и основана лишь на их структурных особенностях, а не на их роли в более крупных единицах (эта роль описывается членами предложения, см. 4.3).

Любая синтаксическая группа может быть представлена в виде набора составляющих её в том или ином порядке элементов. Главное слово в группе — **ядро**, т. е. такая словоформа, от которой **зависят** другие. Выделяется несколько типов групп:

(а) существительная группа

Ядро — существительное (в т. ч. местоимение-существительное):

(1)	*ə kalì mỳca*	ʻчёрная кошка’ (опр.)
	amarà řòm anda Tu̓mèn̓o	ʻнаши цыгане из Тюмени’
	lì-duj śavè le phuràs-kə	ʻоба сына старика’
	ə vòrba kaj phenďàn-la	ʻслово, которое ты сказал’
	vòn kòrkořo	ʻони сами’

(б) прилагательная группа

Ядро — прилагательное:

(2)	*dətàt cygnò*	ʻочень маленький’
	màj-barò savořàn-dar	ʻбольше всех’ (ʻсамый большой из всех’)
	gàta marimàs-kə	ʻготовый к драке’

(в) наречная группа

Ядро — наречие:

(3)	*dətàt mištò*	ʻочень хорошо’
	màj-zuralès là-tar	ʻсильнее её’

(г) предложная группа

Ядро — предлог:

(4)	*pa-j barì sàlka*	ʻс большого дерева’
	anda koďà kə daràv	ʻиз-за того, что боюсь’
	źì tehàra	ʻдо завтра’

(д) глагольная группа

Выделение глагольной группы как отдельного типа синтаксической группы необходимо, пожалуй, только при рассмотрении сочетаний глаголов с некоторыми элементами, вступающими с ними в особо тесную связь. В прочих случаях можно ограничиться рассмотрением предложения как такового. Ядро — глагол:

(5)	*lèl te-marèl-ma*	ʻначинает меня бить’ (букв. ʻберёт бить’)
	merèl te-xàl	ʻочень хочет есть’ (букв. ʻумирает есть’)
	phenèl divàno	ʻрассказывает’ (букв. ʻговорит беседу’)

(е) прямая речь

Её можно считать вырожденной синтаксической группой, не делимой на части; в качестве прямой речи могут выступать любые речевые отрезки, например междометия, звукоподражания и т. д.:

(6)	*sò j kadò, phenàv*	ʻ«что это такое», говорю’
	dukhál sy kana ćořàs tù-kə	ʻ«болит» — это когда тебе плохо’

(ж) фраза

Простое предложение, в т. ч. придаточное, а также зависимый оборот (см. 4.12.2.1) тоже можно рассматривать как синтаксическую группу. Предложения и зависимые обороты будем называть **фразами**. Возникает вопрос, что является ядром фразы. Можно принять, что для придаточного предложения это союз:

(7) *...kə le glàti ašunèn* ʻ...что / ибо дети слушают’
...kàs te-ašunèn le glàti ʻ...чтобы дети слушали’

Однако в части случаев отдельного союза нет, а его роль выполняет проклитика, входящая в широкую глагольную словоформу:

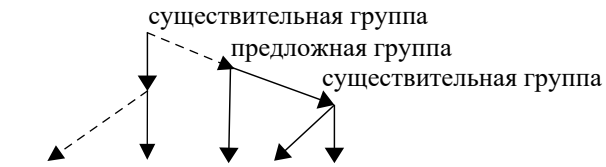
(8) *...te-ašunèn le glàti* ʻ...чтобы дети слушали’

Вопрос о ядре независимого (главного) предложения в большинстве случаев не имеет практического смысла (возможны различные умозрительные решения). Как бы то ни было, центральное место в любом предложении занимает глагол, и можно считать, что всё предложение — это глагольная группа в широком смысле.

Ниже мы будем иногда прибегать к древесным схемам для демонстрации иерархических отношений в синтаксических единицах (предложениях и группах). Ветвление происходит сверху вниз (обычно оно двоичное, но в части случаев нам это неважно, особенно если иерархия неоднозначна). К ядру группы (и к сказуемому предложения) ведёт вертикальная линия, к зависимым элементам — косые. Сплошные линии ведут к заданным членам и другим обязательным элементам, а пунктирные — к незаданным (см. 4.3).

Пример существительной группы с определителем (притяжателем) и определением в виде предложной группы; последняя содержит существительную группу с артиклем (фонологическим нулём):

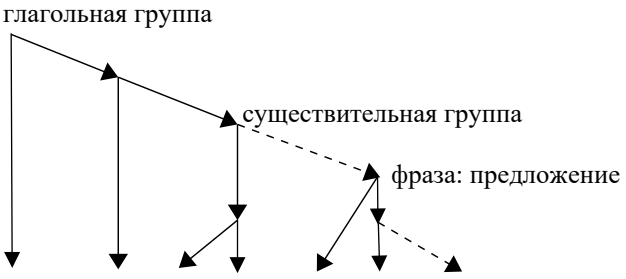
(9)



ʻнаши цыгане из Орла’

Пример глагольной группы — двухглагольного комплекса с существительной группой (дополнением), внутри которой относительное придаточное предложение (определение ядра группы), в состав которого мы включили относительный союз *kaj* ʻкоторый’, считая его подлежащим (возможны и другие решения):

(10)



linè te-marən le zməvòs kaj avilò lèn-de

ʻначали бить дракона, что пришёл к ним’

4.2.1. Существительная группа

Это словосочетание, состоящее из ядра — существительного (в т. ч. местоимения-существительного) — и факультативно различных элементов, зависящих от ядра.

🛠 Нас не устраивает принятый в русской грамматической традиции термин «именная группа», т. к. к именам относятся не только существительные, но и прилагательные. Трудность связана с двучленностью неудобных и громоздких терминов «имя существительное» и «имя прилагательное», от которых по-русски трудно образовать производное прилагательное (разве что «субстантивный» и «адъективный»). Однако, коль скоро «существительным» может быть имя, то, как нам кажется, можно так же назвать и всю группу, чьим ядром служит такое имя.

Характерной особенностью существительных групп является способность выступать в предложении в качестве подлежащего, ср. пример (1), и дополнения (2):

(1) *Sà là-kə ńàmuŕà bešən katkà.*
ʻВсе её родственники живут тут.ʼ
(2) *Amè źanàs sà là-kə ńamòn.*
ʻМы знаем всех её родственников.ʼ

Существительные группы могут быть и другими обязательными членами предложения: расширениями (3), входить в предложные группы (4), в другие существительные группы в качестве частичного определения (5), в отдельных случаях в прилагательные группы (6):

(3) *Muřò śàv sy laśò khəlitòri.*
ʻМой сын — хороший танцор.ʼ
(4) *Śò-tu ande muřò khər.*
ʻЗайди в мой дом.ʼ
(5) *Pilèm pahàřo tatò ćàjo.*
ʻЯ выпил стакан горячего чая.ʼ
(6) *Tumarò kỳrdo sy phèrdo laśè manùš.*
ʻВаш табор полон хороших людей.ʼ

Они бывают и необязательными членами: обстоятельствами (7), присказуемыми (8):

(7) *Khəlďàm amèn-gə and-əl lilà sòřo dès.* (букв. ʻиграли себеʼ)
ʻМы играли в карты весь день.ʼ
(8) *Tumè barŕarďàn-ma barò řòm.*
ʻВы вырастили меня важным цыганом.ʼ (букв. ʻбольшимʼ)

В существительную группу, кроме ядра, могут входить элементы, расположенные слева и справа от него. Элементы, входящие в существительные группы, прямо или косвенно содержат различные сведения, которые можно условно разделить на несколько категорий:

— **морфологические признаки**: род, число, падеж — выражаются в том, что части группы вступают друг с другом в различные синтаксические связи, что приводит к полному или частичному согласованию с ядром;
— **семантические признаки**: одушевлённость, соотнесённость, определённость — выражаются по-разному, их значения сказываются на выборе падежных форм, артикля, определителей и т. п. (см. следующие разделы);
— **принадлежность**: отношение одного предмета к другому в самом общем смысле, выражается притяжательными местоимениями и притяжательными группами;
— **качества**: выражаются определениями, в т. ч. именами прилагательными, т. е., в отличие от грамматических признаков, не составляют закрытый список, а зависят только от лексики;

— **количества**: выражаются различными количественными словами, в т. ч. прилагательными-числительными и некоторыми местоимениями, зависящими от ядра; в ряде случаев количество может выражаться только ядром.

В следующих разделах описаны различные признаки существительной группы, её возможный состав, разобраны типы ядер и зависимых членов, их порядок и сочетаемость друг с другом.

4.2.1.1. Семантические признаки существительной группы

Как уже говорилось, совокупность грамматических признаков можно разделить на две группы: морфологические и семантические (см. 3.1). Первые их них, кроме классифицирующего признака принадлежности к словоизменительному типу, «наследуются» всей группой от ядра. Таким образом, любая существительная группа имеет морфологические признаки рода, числа и падежа (см. 3.4.1) — те же, что и ядро. Подчинённые ядру элементы могут частично или полностью с ним согласовываться (см. 4.2.1.5).

Прочие признаки не определяются ядром, а привносятся в группу другими факторами. Это **одушевлённость**, **персональность**, **соотнесённость** и **определённость**.

4.2.1.1.1. Одушевлённость и персональность

Возможность восприятия существительного как одушевлённого определяется его семантикой (см. 3.4). Одно и то же слово может быть употреблено по-разному в зависимости от прагматического контекста.

Одушевлёнными существительными обычно обозначаются:

— люди: *manùš* ʻчеловекʼ, *ćòr* ʻвор, жуликʼ, *mulò* ʻмертвецʼ (а также ʻпризракʼ), *Phabàj* ʻПхабайʼ (женское имя) и др.;
— животные (не в качестве блюда): *balò* ʻсвинья; боровʼ, *cyncàri* ʻкомарʼ, *žỳvina* ʻживотноеʼ и др.;
— религиозные и мифологические персонажи: *dèl* ʻбогʼ, *bèng* ʻчёртʼ, *hàla* ʻдраконʼ, *ćoxanò* ʻпривидениеʼ и др.;
— персонифицированные абстрактные (в сказках): *màrťa* ʻсмертьʼ, *godì* ʻумʼ и др.;
— некоторые названия коллективов: *lùmȁa* ʻлюдиʼ; иногда также *naròdo* ʻлюди, народ, [котлярское] обществоʼ; редко: *səmèsto* ʻсемьяʼ, *ćèm* ʻлюди, народʼ (но не ʻстранаʼ).

Как правило, неодушевлённы:

— животные в качестве блюда: *balò* ʻсвинья [в виде свинины]ʼ и др.;
— все остальные предметы, явления и пр.

Различие по одушевлённости назывных существительных морфологически проявляется только в прямых дополнениях, т. е. в формах винительного падежа (о синтаксических падежах см. 4.2.1.2): одушевлённые назывные существительные группы в ряде условий могут выступать в косвенной форме, а неодушевлённые — только в прямой (об этом см. 4.2.1.2.5). Покажем различие на примере одного и того же слова в разном употреблении: животные, ср. *balò* ʻсвиньяʼ, мыслятся одушевлёнными, пока они — живые существа, а в качестве предмета убоя и еды они неодушевлённы:

(1) а. *Dikhl'àn amarə̀ balès?*
ʻТы видел нашу свинью?ʼ
б. *Kamàv te-zumavàv tumarò balò.*
ʻХочу попробовать вашу свинью.ʼ

Здесь налицо семантическое различие. Для синтаксиса же существенна не столько одушевлённость как таковая, сколько степень особого её выделения, когда она выражается рельефно, что можно назвать **персональным** употреблением. Персональность возможна только для одушевлённых существительных. Как правило, она возникает при определённости, ср. крайние случаи:

(2) а. *Dikhlèm ťa řomn̓à.*
ʻЯ видел твою жену.ʼ
б. *Trubùl te-lès řomnì.*
ʻТы должен жениться.ʼ (букв. ʻвзять женуʼ)

В примере (2)а персональность обязательна, а в (2)б — невозможна (как вообще в подобных относительно тесных оборотах, подробнее см. 4.2.1.2.5).

Персональность внутренне присуща одушевлённым местоимениям, в т. ч. *mè* ʻяʼ, *khònik* ʻникто' и др. Персональностью обусловлено у местоимений образование синтетических падежей, имеющих также и аналитические формы.

На личных местоимениях-клитиках в винительном падеже признак одушевлённости не сказывается: они всегда имеют косвенную форму 3.м. *-le(s)*, ж. *-la*, мн. *-le(n)* (см. 3.10.1.1). Кроме того, отметим, что одушевлённые существительные группы в именительном падеже, как правило, могут заменяться ударными личными местоимениями *vò* ʻонʼ, *vòj* ʻонаʼ, *vòn* ʻониʼ, а неодушевлённые — лишь в ограниченном кругу случаев (см. 4.9.2.1).

4.2.1.1.2. Соотнесённость

По этому признаку (который также называется «референтностью») существительные группы (как и вообще все синтаксические единицы) — точнее их употребления — можно грубо разделить на **конкретные** и **обобщённые**. Почти все назывные существительные могут употребляться как конкретно, так и обобщённо.

При конкретном употреблении имеется в виду (воображается говорящим) некая конкретная сущность (предмет, существо и т. д.):

(1) *Amarò rakloř̀o bešəl amèn-de.*
ʻНаш мальчик живёт у нас.ʼ
(2) *Avilò amèn-de khə rakloř̀o.*
ʻПришёл к нам [какой-то] мальчик.ʼ

В примере (1) говорится о вполне определённом лице, которое скорее всего известно говорящему, а также, возможно, и собеседнику (необязательно). В примере (2) говорится о лице, которого, возможно, говорящий сам не видел, или, по крайней мере, в разговоре о нём ещё не было речи (поэтому употреблён неопределённый артикль), однако это тоже явно вполне конкретный ʻмальчикʼ. И то, и другое — случаи конкретного (референтного) употребления. Иное дело в следующих предложениях:

(3) *O Vàn̓a sy rakloř̀o.*
ʻВаня — мальчик.ʼ
(4) *Avilò amèn-de rakloř̀o, nàj rakl'oř̀y.*
ʻК нам пришёл мальчик, а не девочка.ʼ
(5) *T'-avèla kak rakloř̀o, dè-le te-xàl.*
ʻЕсли придёт какой-нибудь мальчик, дай ему поесть.ʼ

В примере (3) сообщается о принадлежности конкретного лица к некоторому классу (ʻ[нецыганских] мальчиковʼ). Здесь *o Vàn̓a* конкретно, а *rakloř̀o* обобщённо. Обобщённы оба существительных в примере (4), где речь идёт о классах. В примере (5) употребление

обобщённо, поскольку не имеется в виду никто конкретный, а говорится о любом члене класса (ʻкакой бы мальчик ни пришёл’).

Значение признака соотнесённости — вкупе с определённостью, а также различными семантическими особенностями — отражается на употреблении артиклей, в т. ч. на запрете артиклей (см. 4.2.1.6).

4.2.1.1.3. Определённость

Существительные группы, употреблённые конкретно (см. 4.2.1.1.2), могут быть **определёнными**. Это значит, что обозначаемый предмет мыслится как уже известный, т. е. так или иначе введённый в разговор и знакомый собеседнику. В противном случае существительная группа является **неопределённой**, ср.:

(1) а. *Sàs-pe ťʼ-avèl-pe k ampəràto.*
ʻЖил-был царь.’
б. *O ampəràto sas barvalò.*
ʻЦарь был богат.’

В примере (1)а герой вводится впервые (ʻнекий царь’, неопределённо), а в (1)б он уже известен слушателю (ʻэтот царь’, определённо; второе предложение следует за первым). Как видно, различие проявляется в данном случае в выборе артикля: неопределённого [*je*]*k* и определённого *o*.

Определённость и неопределённость могут проявляться рельефно в связи с различными прагматическими и логическими (о теме и реме см. 4.8.2), а также чисто грамматическими факторами. Правила употребления артиклей (т. е. применения признака определённости-неопределённости) требуют рассмотрения многих разнородных случаев и изложены отдельно (см. 4.2.1.6). Здесь же мы ограничимся только общими соображениями.

Неопределённость может выражаться неопределённым артиклем (только в единственном числе, см. 3.5.1), в некоторых случаях неопределёнными местоимениями *ćè-to* ʻкакой-то’, *mèšte* ʻнесколько, какие-то’ (малоупотребительно, см. 3.10.1.6) или не выражаться никак (неопределённый артикль в большой степени факультативен).

Определённость обычно выражена более или менее явно: определённым артиклем (см. 3.5.2) или одним из местоимений, которым определённость внутренне присуща, — прежде всего, это указательные местоимения *kadò*, *kukò* ʻэтот’ и т. п. (см. 3.10.1.2). В ряде ситуаций определённость выражается неоднозначно; так, например, определённый артикль может не сочетаться с притяжательными местоимениями (см. 4.2.1.4.4а).

Определённо употребляются в ряде случаев и некоторые особые существительные: имена собственные, времена года и мн. др.

Для существительных групп, употреблённых обобщённо, определённость имеет другой смысл. В одних случаях можно сказать, что они просто лишены признака определённости, ср. присвязочное расширение (приписывание признака):

(2) *O ampəràto sas manùš xaranò.* ***o*/***jek manùš xaranò*
ʻЦарь был мудрым человеком.’

В таких случаях артикль не употребляется. Есть, однако, и случаи, когда обобщённое употребление требует определённого артикля, ср. в обозначениях целых классов: *le řòm* ʻцыгане’, *le manùš* ʻлюди’, в некоторых сравнительных оборотах: *sar o dilò* ʻкак сумасшедший’ и т. д. (обо всём этом см. 4.2.1.6.2ii):

(3) *Śuťàn-tu sar o ćòr pa-j feľàstra.*
ʻТы вошёл, как вор, через окно.’

4.2.1.2. Падеж существительной группы

Описание кэлдэрарской падежной системы наталкивается на терминологические трудности. С одной стороны, как уже было сказано (см. 3.4.1.3), можно говорить о падежных **формах** с морфологической точки зрения: мы выделяем **первичные** (прямую, косвенную и звательную) и **вторичные** падежные формы — косвенная форма плюс падежная клитика. Такие вторичные формы мы назвали **синтетическими**. Кроме того, имеются **аналитические** конструкции, выражающие «падежные» значения: они состоят из лжепредлога и прямой формы.

С другой стороны, для синтаксического описания падежей этих формальных (морфологических) критериев недостаточно, т. к. при попытке выделения рядов, каждый из которых можно отождествить с одним «падежным» значением, оказывается, что туда попадают весьма разнородные по способу образования формы, чей выбор довольно строго определяется типом имени и, в меньшей степени, стилистическими и другими факторами. Именно такие ряды мы называем падежами (или, более развёрнуто, **синтаксическими падежами**), в отличие от морфологических **падежных форм**.

Итак, собственно синтаксический падеж с падежными формами как таковыми связан довольно сложно. Здесь мы рассмотрим падеж как признак всей существительной группы.

В существительной группе наиболее рельефно падеж выражен формой ядра. В частности, ядро может стоять во вторичной падежной форме, т. е. проявляться максимально «точно». Элементы слева от ядра в нормальном случае не принимают падежных клитик и согласуются с ядром только на уровне первичной падежной формы — прямой или косвенной:

(1) а. *Avilì muřỳ barì phèj*. (прям.ед.)
ʻПришла моя старшая сестра.ʼ
б. *Xalèm-ma muřà barʾà phʾà-sa.* (косв.ед.)
ʻЯ поссорился со своей старшей сестрой.ʼ

(2) а. *Avilè lì-duj muřə̀ barə̀ phejà*. (прям.мн.)
ʻПришли обе мои старшие сестры.ʼ
б. *Xalèm-ma li-dò muřə̀ barə̀ phejàn-ca.* (косв.мн.)
ʻЯ поссорился с обеими своими старшими сёстрами.ʼ

Как видим, в примерах (1)а и (2)а при прямой форме ядра (ед. *phèj*, мн. *phejà*) зависимые члены стоят в прямой форме, а в (1)б и (2)б, где ядро стоит во вторичном (творительном) падеже, зависимые члены принимают косвенную форму.

🛠 Таким образом, считать ли кэлдэрарскую систему двухпадежной или многопадежной — сложный вопрос. С точки зрения морфологии это в большой степени дело вкуса и традиции (типологически схожие с цыганским новоиндийские языки считаются то двухпадежными, то многопадежными). Мы разделяем «первичные» и «вторичные» падежи исходя из формальной непредсказуемости первых и полной регулярности вторых (к первичным примыкает звательная форма, которую можно считать падежом только ради простоты описания). Ввиду морфологической регулярности вторичных падежных форм, их показатели мы считаем клитиками, а не окончаниями. «Синтаксические» падежи мы выделяем независимо от формы, которая может быть разной для одного падежа.

Процедура выделения синтаксических падежей сводится к поиску набора контекстов, которые можно отождествить с падежными значениями. Для этого в каждый контекст подставляются существительные разных типов, и полученная таким образом совокупность принимаемых ими форм объединяется в один синтаксический падеж. Это оправдывается тем, что, например, при описании синтаксического поведения глаголов, требующих дополнений, необходимо дать однозначные сведения об их модели управления (см. 4.5). Естественно считать, что один и тот же глагол в одних и тех же синтаксических условиях

управляет одним и тем же синтаксическим падежом, хотя он может выражаться морфологически разными падежными формами. Поэтому при описании синтаксиса имеет смысл отказаться от обозначений падежей, основанных лишь на их внешнем облике.

Итак, с одной стороны, формы одного и того же морфологического ряда (падежной формы) от одного и того же слова могут выступать в совершенно разных синтаксических контекстах, ср.:

(3) а. *O khə̀r barò lo*. (подлежащее)
‘Дом — большой.’
б. *Dikhàv o khə̀r*. (прямое дополнение)
‘Вижу дом.’
в. *Śàv-ma and-o khə̀r*. (в составе предложной группы)
‘Захожу в дом.’

С другой стороны, в одинаковых синтаксических контекстах разные слова могут выступать в разных падежных формах, ср., например, в роли прямого дополнения:

(4) а. *Dikhàv o khə̀r*. (неодушевлённое)
‘Вижу дом.’
б. *Dikhàv le dadès*. (одушевлённое)
‘Вижу отца.’

Так же в роли косвенного дополнения:

(5) а. *Nà-puś kata dàd*. (одушевлённое назывное)
‘Не спрашивай у отца.’
б. *Nà-puś khanikàs-tar*. (одушевлённое местоимение)
‘Не спрашивай ни у кого.’

В примерах (3) прямая форма *khə̀r* выступает в роли (а) подлежащего, (б) прямого дополнения и (в) в предложной группе. Можно было бы ограничиться названием «прямой падеж», если бы, скажем, все существительные языка во всех этих трёх контекстах имели соответственно одну и ту же форму.

Но это не так: прямое дополнение в одном и том же контексте выражается в (4)а прямой формой *khə̀r*, а в (4)б — первично-косвенной формой *dadès*, причём очевидным различием тут является одушевлённость (точнее персональность, см. 4.2.1.1.1).

Косвенное дополнение выражается в (5)а прямой формой *dàd* (со лжепредлогом *kata*), а в (5)б — вторично-косвенной формой с падежной клитикой *khanikàs-tar* (лжепредлога нет), хотя оба слова (‘отец’, ‘никто’) одушевлённы. Более того, в предложении (5)а аналитическую конструкцую *kata dàd* в принципе можно заменить синтетической формой [*le*] *dadès-tar* (в данном случае стилистически окрашенной), тогда как для (5)б обратное неверно: невозможна конструкция ***kata khònik*.

Проделаем упомянутую процедуру выделения падежей (пошагово см. 4.2.1.2.1). Как ясно из сказанного, значимыми для выбора падежной формы оказываются следующие «строгие» дихотомии: (1) назывное существительное или местоименное, (2) персональное употребление или неперсональное. Менее строго на форму влияет регистр: в архаичном регистре (в песнях, реже в сказках), а также в некоторых особых сочетаниях при наличии синтетических и аналитических вариантов предпочтение может отдаваться синтетическим формам. В качестве диагностических контекстов выберем по одной модели управления. Сразу же введём обозначения для этих падежей (левый столбец таблицы); получается следующая общая картина («ПРЯМ.» — прямая форма; «КОСВ.» — косвенная форма; *-TE* и т. д. — морфонологическая запись падежных клитик; в круглых скобках указаны варианты из песенного регистра или в некоторых устоявшихся оборотах):

	назывное		местоименное	
	неперс.	перс.	неперс.	перс.
именительный	ПРЯМ.			
винительный	ПРЯМ.	КОСВ.	ПРЯМ.	КОСВ.
дательный	КОСВ.			
местный	*ka* ПРЯМ. (КОСВ.-*TE*)		КОСВ.-*TE*	
отложительный	*kata ~ katàr* ПРЯМ. (КОСВ.-*TAR*)		КОСВ.-*TAR*	
предложный	[предлог] ПРЯМ. ([предлог] КОСВ.-*TE*)			[предлог] КОСВ.-*TE*
направительный	КОСВ.-*KE*			
творительный	КОСВ.-*SA*			
лишительный	[*bi*] КОСВ.-*KO*			

Мы не включили сюда притяжательных форм, которые морфологически тоже являются формами существительных и ведут себя синтаксически как вторичные падежи, в частности, в том, что согласуемые с притяжательной формой зависимые члены выступают в косвенной форме. Однако такую группу мы относим к отдельному типу — **притяжательным группам** — и рассматриваем отдельно (см. 4.2.4).

4.2.1.2.1. Выявление падежей

Наша процедура выявления синтаксических падежей состоит в поиске «однопадежных» рядов, т. е. таких однозначных синтаксических контекстов, в которые можно подставить имена разных типов — согласно выявленным строгим дихотомиям (см. 4.2.1.2), — так что формы этих имён во всей своей совокупности окажутся показательными для отграничения этих рядов друг от друга. Сначала приведём эти контексты, а затем оговорим оставшиеся нестрогие различия в формообразовании, не обусловленные указанными дихотомиями. Вкратце обоснуем и проиллюстрируем выделенные нами синтаксические падежи, разбив их на три группы по способу образования («пес.» — формы, систематически употребляемые только в песенном регистре):

(а) первичные формы

Образуются прямой или косвенной формой без падежных клитик. Контексты:

именительный — подлежащее:

(1) *Bešəl...* *o* *khər* ʻдомʼ
ʻСтои́т...ʼ *o* *dàd* ʻотецʼ
vàrə-sò ʻчто-нибудьʼ
vàrə-kòn ʻкто-нибудьʼ

винительный — прямое дополнение:

(2)	*Dikhàv...*	*o*	*khàr*	ʻдом’
	ʻВижу...’	*le*	*dadès*	ʻотца’
			vàrə-sò	ʻчто-нибудь’
			vàrə-kàs	ʻкого-нибудь’

дательный — «полупрямое» дополнение небольшого ряда глаголов:

(3)	*Aźutìv ...*	*le*	*khəràs*	ʻдому’	(маргинально)
	ʻПомогаю...’	*le*	*dadès*	ʻотцу’	
			—		
			vàrə-kàs	ʻкому-нибудь’	

Винительный — единственный морфологически несамостоятельный падеж, в том смысле, что он не имеет своих собственных форм, которых не имел бы ни один другой падеж: формы винительного падежа совпадают с именительным или дательным. При этом надо сказать, что выделяемый нами дательный падеж находится на периферии системы.

Дательный падеж мы отделяем от винительного лишь благодаря наличию немногочисленных (и часто маргинальных) контекстов, где неодушевлённые существительные выступают исключительно в косвенной форме, что невозможно в винительном (подробнее см. 4.2.1.2.6).

🛠 С одной стороны, выделение дательного падежа в какой-то мере спорно, а с другой — именно такой набор из трёх первичных падежей выделяется исходя из чисто формальной процедуры поиска однопадежных рядов. Следует, однако, оговориться, что в нашем случае эта процедура допускает наличие морфологически несамостоятельных падежей (у нас такой один — винительный); при обратном подходе мы имели бы не три, а два первичных падежа (скажем, «прямой» и «косвенный» или же «именительный» и «дательный»), но тогда усложнились бы правила управления: для всех переходных глаголов пришлось бы допускать по два падежа прямого дополнения, сложным образом описывая их распределение.

⌛ Такое промежуточное положение падежа прямого дополнения («винительного») встречается во многих языках. В нашей схеме — при выделении отдельного дательного падежа — получается интересное совпадение с родственными индоарийскими языками, в которых при ряде условий, в т. ч. при персональности (термин взят из грамматики хиндустани), прямое дополнение ставится в падеж, совпадающий как раз с «дательным» (восходящим, в основном, к др.-инд. родительному), а в других случаях — с «именительным». Это совпадение, скорее всего, неслучайно: на среднеиндийской и ранненовоиндийской стадии, которую в той или иной степени прошёл и працыганский язык, система склонения упростилась до двухпадежной, причём древний родительный падеж получил функцию дательного, а также со временем и «винительного персонального».

(б) синтетические или аналитические формы

Образуются двояко в зависимости от упомянутых выше признаков. Контексты:

местный — обстоятельство места:

(4)	*Bešàl...*	*ka*	*khàr*	ʻоколо дома’	пес. *(le)*	*khəràs-te*
	ʻСидит...’	*ka*	*dàd*	ʻу отца’	пес. *(le)*	*dadès-te*
			—			
			vàrə-kàs-te	ʻу кого-нибудь’		

отложительный — косвенное дополнение при ряде глаголов:

(5)	*Daràv...*	*kata*	*khàr*	ʻдома’	пес. *(le)*	*khəràs-tar*
	ʻБоюсь...’	*kata*	*dàd*	ʻотца’	пес. *(le)*	*dadès-tar*
			vàrə-sòs-tar	ʻчего-нибудь’		
			vàrə-kàs-tar	ʻкого-нибудь’		

предложный — предложная группа:

(6)	*Meràv pala...*	*khər*	‘дом’	пес. *(-l)*	*khərà̀s-te*
	‘Обожаю...’	*dàd*	‘отца’	пес. *(-l)*	*dadès-te*
	(букв. ‘мру по...’)	*vàrə-sò*	‘что-нибудь’	пес.	*vàrə-sòs-te*
		vàrə-kàs-te	‘кого-нибудь’		

Местный и отложительный падежи отличаются от всех остальных тем, что могут — в аналитическом варианте — иметь морфологически «расчленённые» формы, в которые входят две словоформы: само существительное и лжепредлог (соответственно *ka* и *kata*, реже *katàr*). Значит, лжепредлоги — это падежные показатели (а не предлоги), хотя синтаксически они отделимы от существительного, ср. *ka muřò dàd* ‘у моего отца; к моему отцу’.

В обосновании нуждается разделение местного и предложного падежей. Их синтетические формы образуются одной и той же клитикой *-TE* ⇨ *-te*/*-de*. При этом в аналитическую форму местного падежа обязательно входит лжепредлог *ka* (так же как *kata* для отложительного), а в синтетической его форме он отсутствует (т. е. по функции *ka* = *-TE*), тогда как в истинной предложной конструкции предлог не входит в существительную группу, а клитика *-TE* (если она есть) только сигнализирует зависимость существительной группы от предлога и сама ничего не выражает. Это видно из следующих преобразований (замены ядра на личное местоимение, напр. ‘от отца’ ⇒ ‘от него’ = ‘от кого-нибудь’):

отложительный:	*kata dàd*	⇒	∅	*lès-tar*	=	∅	*varə-kàs-tar*
местный:	*ka dàd*	⇒	∅	*lès-te*	=	∅	*varə-kàs-te*
предложный:	*pala dàd*	⇒	*pala*	*lès-te*	=	*pala*	*varə-kàs-te*

Важно также, что в песенном регистре в предложном падеже может быть косвенная форма с *-TE*: *pala dadès-te* (при обычном *pala dàd*), а в местном и отложительном со лжепредлогом — только прямая форма: *ka dàd*, *kata dàd*, а не ***ka dadès-te*, ***kata dadès-te*.

(в) только синтетические формы

Остальные три падежа образуются только синтетически. Контексты:

направительный — косвенное дополнение:

(7)	*Phenàv...*	*(le)*	*khərà̀s-kə*	‘дому’
	‘Говорю...’	*(le)*	*dadès-kə*	‘отцу’
			vàrə-sòs-kə	‘чему-нибудь’
			vàrə-kàs-kə	‘кому-нибудь’

творительный — обстоятельство сопровождения:

(8)	*Trajìv...*	*(le)*	*khərà-sa*	‘с домом’
	‘Живу...’	*(le)*	*dadè-sa*	‘с отцом’
			vàrə-sò-sa	‘с чем-нибудь’
			vàrə-kà-sa	‘с кем-нибудь’

лишительный — обстоятельство отсутствия (с особым предлогом *bi*):

(9)	*Trajìv bi...*	*(le)*	*khərà̀s-ko*	‘дома’
	‘Живу без...’	*(le)*	*dadès-ko*	‘отца’
			vàrə-sòs-ko	‘чего-нибудь’
			vàrə-kàs-ko	‘кого-нибудь’

Изредка лишительность выражается этим же предлогом *bi*, но с творительным падежом, ср. *bi (le) dadè-sa* (см. 4.2.2.6.3).

4.2.1.2.2. Распределение падежных форм

Выделенные выше (см. 4.2.1.2.1) падежи из группы (а) — «первичные» (звательный здесь не рассматриваем) — морфологически представляют собой или прямую форму (именительный), или косвенную (дательный), или их непростое чередование (винительный). С точки зрения устройства существительной группы эти три падежа ведут себя одинаково (с оговорками): в сравнимых условиях они не различаются по употреблению определителей (в т. ч. артиклей). В случае эллипсиса оставшийся зависимый элемент выражает падеж ядра, ср. в винительном (персональное употребление):

(1) *Mè tindèm le barə̀ kokošòs, aj tù le cygnès.*
ʻЯ купил большого петуха, а ты маленького.ʼ

Падежи из группы (б): местный, отложительный и предложный — образуют как синтетические, так и аналитические формы, которые входят «на равных правах» в соответствующие однопадежные ряды. Для местоимений-существительных выбор между ними всегда однозначен: в местном и отложительном — только синтетическая форма, а в предложном — синтетическая, кроме части неодушевлённых (см. 4.2.1.2.9).

Для назывных же существительных выбор между синтетическими и аналитическими формами этих падежей проходит на двух уровнях. Во-первых, сказывается регистр: в песнях синтетическая форма потенциально может образовываться от всех назывных существительных (см. 5.1.2.1). Во-вторых, и в обычной речи в некоторых случаях употребляются синтетические формы. Они характерны, в первую очередь, для сочетаний ряда глаголов со словами, обозначающими части тела (ср. *ľà vastès-tar* ʻвзял за руку’), ощущения (ср. *izdràl darà-tar* ʻдрожит от страха’), но семантика здесь не играет решающей роли. Формальное различие здесь проявляется в том, что обороты с синтетическими формами местного (редко), отложительного и предложного падежей назывных существительных не расчленимы и не распространимы, т. е. в местном и отложительном падежах не допускают добавления членов, зависимых от ядра (кроме определённого артикля, и то ограниченно, см. ниже), ср.:

местный:	*amèn-de le řomèn-de*	ʻу нас, у цыган’
	** *amèn-de le barə̀ řomèn-de*	ʻ...у важных...’
отложительный:	*ľà vastès-tar*	ʻвзял за руку’
	** *ľà zuralè vastès-tar*	ʻ...за сильную...’
предложный:	*bešə̀l ande šərə̀s-te*	ʻстоит на голове’
	** *bešə̀l ande kreconè šərə̀s-te*	ʻ...на кудрявой...’

Видимо, дело в восприятии этих оборотов как целостных, почти наречных. В местном падеже таких оборотов мало, а в отложительном и предложном — больше, ср. ещё *merə̀l bokhà-tar* (отл.) ʻумирать с голоду’ (***kata-j bòkh*), *te-nà-avèl pe xoľà-te* (предл.) ʻне в обиду будь [сказано]’ (***pe xolì*, хотя ср. другой оборот *pe muřỳ xolì* ʻмне назло’).

В таких оборотах с синтетической формой при единственном числе в нейтральном регистре, как правило, недопустим даже артикль, ср. застывший оборот *pe sastimàs-te* ʻна здоровье’, а не ***p-əl sastimàs-te*. Если же синтетическая форма связана с песенным регистром (вне застывшего оборота), тогда артикль возможен:

(2) ♪ *Xaľà phràl anda-l phralès-te.*
букв. ʻСъел брат из брата.ʼ (брат кормит брата своим ребром)

При аналитическом же способе образования рассматриваемых падежей между предлогом (или лжепредлогом) и ядром могут вставляться любые определения и определители, но имеется запрет на отсутствие определителя, ср. аналитический оборот в предложном

падеже *and-o khèr* ‘в доме’ (опр.), *and-ək khàr* (неопр.), где определённость или неопределённость должны быть выражены явно, т. е. не может быть нулевого артикля (см. 4.2.1.6.3): невозможно ****ande khàr*. Этот запрет действует (менее строго?) и при наличии определений: *and-o barò khàr* ‘в большом доме’ (опр.) и *and-ək barò khàr* (неопр.) при маловероятности ?**ande barò khàr*. При этом наличие определённого артикля после некоторых (лже)предлогов «маскируется», например *ande* = *ande+ə*; *kata* = *kata+o* (только артикль множественного числа всегда виден: *and-əl* ~ *ande-l*, *kata-l*, о формах см. 3.12, примеры и подробности — см. 4.2.1.6.1, 4.2.1.6.3).

На месте артикля может быть любой определитель (несовместимый с артиклем), ср. с указательным местоимением: *ande kadò khàr* ‘в этом доме’ (не ****and-o kadò...*), *ande koďà sàlka* ‘в этом дереве’ (здесь форма с артиклем *ande* неотличима). Показательно поведение определителей при эллипсисе ядра, ср. в отложительном:

(3) *Amarì bàr màj-barì la <u>kata avèr</u>.* ****avrən-dar*
‘Наш табор больше других.’

(4) *Davàj kòn dèla jekh-avràs ande phùv źì ka-l ćangà, <u>katàr kodò</u> làs o šərò.*
‘Давай кто кого вгонит в землю по колено, тому отрубим голову.’ (букв. ‘от того возьмём голову’)

Из отсутствия в примере (3) артикля (****kata-l avèr*) следует, что *avèr* ‘другие’ здесь является определителем, а не обычным определением (прилагательным). Кроме того, употребление здесь аналитической формы (т. е. не ****màj-barì avrən-dar*; ****kodolès-tar*) говорит в пользу эллипсиса ядра. В примере (3) восстановить ядро легко: *kata avèr* ∅, где ∅ = *bar'à* ‘таборы’, а в (4) — труднее, но при желании можно (например, *manùš* ‘человек’, *zmàvo* ‘дракон’ или нечто абстрактное типа ‘участник ситуации’).

Так же, как определители, ведут себя при эллипсисе ядра́ обычные прилагательные, ср. *kata barò* ∅ ‘от большого [дома]’; *kata-l barə* ∅ ‘от больши́х [домов]’ (однако, как сказано выше, тут обязателен определитель).

То же самое имеем в предложном падеже:

(5) *Sỳmas and-əl barə bar'à, aj-vi <u>and-əl cygnè</u>.*
‘Я бывал [и] в больших таборах, и в малых.’

(6) *Kòn plaćàla myřà rakl'à, <u>pala kodò</u> thàv-la.*
‘Кто понравится моей дочери, за того отдам её.’ (букв. ‘поставлю’)

Возможность такой реализации эллипсиса (т. е. прямой формы без клитики: в данных случаях *cygnè*, а не ****cygnèn-de*; *kodò*, а не *kodolès-te*) обусловлена наличием предлога (в примерах (3), (4) — лжепредлога), т. е. вообще возможностью аналитической формы.

В падежах из группы (в): направительном, творительном и лишительном (и в притяжательной форме), образуемых только синтетически, это невозможно, и определение (или определитель) при эллипсисе ядра вынужденно принимает синтетическую форму:

(7) *Kòn astarèla le ćorès, <u>kodolès-kə</u> dàv sà barvalimòs muřò.*
Кто поймает вора, тому дам всё богатство моё.’

Можно было бы считать, что здесь местоимение *kodolès-kə* ‘тому’ заменяет, скажем, *kodolè manušəs-kə* ‘тому человеку’. Однако, ввиду невозможности образования аналитической формы направительного падежа, при эллипсисе ядра определитель *kodò* принимает синтетическую форму «вместо» ядра (не становясь ядром!). Таким образом, только из «полной» выраженности падежа здесь нельзя делать вывода о субстантивированности этого местоимения (т. е. контекст не даёт оснований считать его личным).

В этой связи упомянем особую форму *amarən-dar* ‘из наших’ (обычно имеется в виду ‘[котляр] из молдовая’; можно также сказать *tumarən-dar* ‘из ваших’, потенциально и

tirən-dar ‘из твоих’). С одной стороны, по смыслу это похоже на эллипсис: ‘из ваших [людей]’, однако аналитическая форма в этом значении невозможна: ***kata amarə*. На первый взгляд это противоречит вышеизложенному, однако ср.:

(8) *Katàr avès? — Kata amarə̀.* ***amarə̀n-dar*
‘Откуда идёшь*?* — От наших.’

Здесь, как и в данных выше примерах, налицо аналитическая форма (синтетическая невозможна). Это значит, что тут мы имеем дело с эллипсисом, а в *amarə̀n-dar* ‘из наших’ и т. п. — настоящая субстантивация (ср. другие местоимения-существительные: *amèn-dar* ‘от нас’, при полной невозможности ***kata amè*).

4.2.1.2.3. Значения падежей

Существительная группа ставится в тот или иной падеж согласно модели управления управляющего слова. Так, личные глаголы требуют при себе подлежащего (в именительном падеже), а переходные глаголы — прямого дополнения (в винительном). В разные падежи ставятся также и группы в роли обстоятельств и других необязательных членов. Кроме того, существительные (группы) могут зависеть от существительных, прилагательных и наречий, а также предлогов, и тогда они входят в соответствующие синтаксические группы. В грубом приближении картина такова:

может зависеть от: падеж	глагола	существительного	прилагательного	наречия	предлога
именительный	+	+	+		
винительный	+				
дательный	+				
местный	+				+
отложительный	+	+	+	+	
предложный					+
направительный	+	+	+		
творительный	+	+		+	
лишительный					+
звательный					

Как видно, во всех падежах, кроме трёх, могут выступать группы, зависящие от глагола. Распределение этих падежей по членам предложения:

падеж	подлежащее	дополнение	расширение	присказуемое	обст-во
именительный	+	+	+	+	+
винительный		+			
дательный		+			
местный		+			+
отложительный		+			+
направительный		+			+
творительный		+			+

Итак, часть падежей имеет в т. ч. конструктивное (т. е. чисто «грамматическое») значение: например, в винительный падеж ставится прямое дополнение. Вполне самостоятельное значение имеют группы только в роли обстоятельства. В таких значениях падежных форм можно выделить несколько типов: пространственные, временны́е, абстрактные (не относящиеся ни к пространству, ни ко времени). Пространственные значения подразделяются на статические (положение: ʻгдеʼ) и динамические (движение: ʻкудаʼ, ʻоткудаʼ). Временны́е значения можно считать вторичными по отношению к пространственным, каковые являются «основными». Обзор значений падежных форм в обстоятельствах:

	пространство		время	абстрактные
падеж	положение	движение		
именительный	+	+	+	
местный	+	+	+	+
отложительный	(+)	+	+	+
направительный		(+)		+
творительный		+	+	+

Разумеется, эта схема очень приблизительна (обобщающий обзор: см. 4.5.1). Все значения иллюстрируются ниже конкретными примерами.

4.2.1.2.4. Именительный падеж

Именительный падеж — «основной» падеж всех существительных и прилагательных, в нём мы даём их заглавные формы. Имеются конструктивные и пространственно-временны́е значения. Начнём с первых:

(i) конструктивные

Существительные группы всегда стоят в именительном падеже в роли следующих членов предложения:

(a) подлежащее

Постановка в именительный падеж, а также согласование (см. 4.4.1.1) — внутренне присущие свойства подлежащего (по принятому нами определению):

(1) *<u>O ćàso</u> źàl anglè.*
ʻЧасы спешат.ʼ (букв. ʻидёт вперёдʼ)

(2) *Avilì <u>ćè-to</u> řomnì.*
ʻПришла какая-то цыганка.ʼ

(3) *<u>Kòn</u> kamèl te-xàl?*
ʻКто хочет есть?ʼ

(4) 👂 *<u>Vòj</u> ďà pèh-kə rakloř̀əs pàj.*
ʻОна дала своему мальчику воды.ʼ

В т. ч. в конструкции обладания:

(5) *Sỳ-ma <u>źukə̀l</u>.*
ʻУ меня есть собака.ʼ

(6) *Nàj <u>khànćі</u> ka kakalà manùš.*
ʻНичего нет у этих людей.ʼ

В указательной конструкции с предикативной частицей (см. 4.9.2.1.4; особая ситуация с клитками в этой конструкции):

(7) *Ə̀ta ťo pàto*.
‘Вот твоя кровать.’

Именительный падеж усматриваем у подлежащных клитик (см. 4.9.2.1.3):

(8) *Le řòm ka-j nùnta le*.
‘Цыгане на свадьбе.’

(б) расширение

В связочных и полусвязочных предложениях (в т. ч. безличных), ср. расширение к подлежащему:

(9) *Šỳl*.
‘Холодно.’ (букв. ‘холод’)
(10) *Vò sy amarì kətàna*.
‘Он — наш милиционер.’
(11) *Lès-ko phràl m’àl řòm*.
‘Его брат похож на цыгана.’

К дополнению:

(12) ♪ *Dèvla, kər-ma ćiriklì!*
‘Боже, сделай меня птицей!’
(13) *Sàvořə akharə̀n-le ćòr*.
‘Все называют его жуликом.’

(в) присказуемое

К подлежащему:

(14) *Thodèm-ma te-sovàv gaźò aj vuštilèm řòm*.
‘Я лёг спать русским, а проснулся цыганом.’

К дополнению:

(15) *Tumè barďàrďàn-ma řòm*.
‘Вы вырастили меня цыганом.’

Сюда же отнесём количественные характеристики с *də* + прилагательное:

(16) *O khər o parnò tr’ànda mètri də vućò lo*.
‘Белый дом — тридцать метров в высоту.’

(г) частичное дополнение

Такого дополнения требует ряд глаголов:

(17) *Pherdèm ə vàdra pàj*.
‘Я наполнил ведро водой.’
(18) *O gràst ćajlilò khàs*.
‘Конь наелся сена.’

То же при прилагательных (в т. ч. причастиях), связанных с этими глаголами:

(19) *O gràst sy ćajlò khàs*.
‘Конь сыт сеном.’

А также частичное определение существительных — единиц измерения (см. 4.2.1.13.4):

(20) *Pì pahàřo ćàj*.
ʻВыпей стакан чаю.ʼ

(21) *Andèm pànź tìli màs*.
ʻЯ привёз пять кило мяса.ʼ

Отличить в таких случаях именительный падеж от винительного можно по потенциальным примерам с одушевлёнными существительными типа *vagòno phèrdo glàti* (а не ***glatèn*) ʻвагон, полный детейʼ. С другой стороны, конечно, можно считать, что здесь налицо неперсональное употребление.

(ii) пространственные

Прямые формы существительных употребляются в ряде обстоятельственных значений. Их можно отнести к именительному падежу (а не к винительному) лишь условно, поскольку в такой функции на практике встречаются только неодушевлённые существительные (а в нашей схеме для различения именительного и винительного показательны только одушевлённые существительные, употреблённые персонально, см. 4.2.1.1.1).

Пространственные значения именительного падежа относятся к расстоянию:

(д) ʻ(на)сколько' — преодолеваемое расстояние

С глаголами движения: отдаления, приближения:

(22) *Durʲù k-pàso màn-dar*.
ʻОтойди на шаг от меня.ʼ

(23) *Trubùl te-màj-źàs dèš vỳstri*.
ʻНадо тебе проехать ещё десять километров.ʼ

(24) *Nakhlèm bùt vỳstri te-arəsàv źi tumèn-de*.
ʻЯ прошёл много километров, чтобы дойти до вас.ʼ

В примере (24) можно усмотреть не обстоятельство, а прямое дополнение. При замене *bùt vỳstri* ʻмного километровʼ на *barò dròm* ʻбольшой путьʼ мы действительно получили бы прямое дополнение (и винительный падеж), а глагол *nakhə̀l* ʻпройти, миноватьʼ стал бы переходным. Однако в примере (22) глагол *durʲòl* ʻотдаляться' — непереходный, я *k-pàso* ʻодин шагʼ — не дополнение.

(е) ʻкак далекоʼ — расстояние до места

Расстояние от ориентира (всегда при аблативном обороте):

(25) *Ə matòra phagàdili ək-vỳstra kata fòro*.
ʻМашина сломалась в километре от города.ʼ

(26) *Bešàv pànź khərà kacàr*.
ʻЯ живу в пяти домах отсюда.ʼ

Здесь нет контекстов для отграничения именительного падежа от винительного.

(iii) временны́е

Именительный падеж во временны́х значениях, как и в пространственных, лишь условно отделим от винительного, однако по крайней мере в некоторых случаях можно породить искусственные метонимические примеры: по образцу *trìn dès màj-anglè* ʻспустя три дняʼ получим ?*trìn primàrʲa màj-anglè* ʻспустя три баронаʼ (***trinè primarèn* здесь никак

невозможно), что говорит в пользу именительного падежа (об этом см. также ниже). Здесь выделяется несколько разнородных значений:

(ж) ʻкогда’ — время события

Указания типа ʻв том году’, ʻв этот день’:

(27) *Kukò bə̀rš kə̀rdèm bùt lovè*.
ʻВ том году я заработал много денег.’ (т. е. ʻв прошлом году’)

(28) 👁 *Koďà vr̀àmȁ sò sas? Bòkh, nàh manřò, nàh khànći.*
ʻВ то время что было? Голод, не было хлеба, не было ничего.’

Именительный падеж мы усматриваем также в первом из двух взаимосвязанных обстоятельств времени:

(29) *Mulè dèš bə̀rš pala-j nùnta*.
ʻОни умерли через десять лет после свадьбы.’

В прочих случаях время события обозначается иначе (см. 4.3.7.2.2).

(з) ʻсколько’ — длительность

Длительность действия, как правило с числительными (в т. ч. местоимениями):

(30) *Sutèm dùj dès aj dùj raťà*.
ʻЯ проспал два дня и две ночи.’

(31) *Kàs ròdes sòřo dès*?
ʻКого ты ищешь весь день?’

(32) *Ə̀ krìs źàl dùj ćàsurȁ*.
ʻСуд длится два часа.’

(33) *Myřỳ bàba trajisarďà k-šə̀l bə̀rš*.
ʻМоя бабушка прожила сто лет.’

(34) *Kaćè bešàv sà muřò tràjo*.
ʻЯ живу здесь всю свою жизнь.’

(и) ʻкак часто’ — единица времени

Количество раз за заданный период — распределительное значение:

(35) *Bolàs le glatèn dùvar o bə̀rš*.
ʻМы крестим детей дважды в год.’

(36) *Sỳ lès-kə te-xàl trìvar o dès te-nà-avèl bokhalò.* [Кож.]
ʻЕму нужно есть трижды в день, чтобы не быть голодным.’

4.2.1.2.5. Винительный падеж

Единственная функция винительного падежа — обозначение **прямого дополнения** переходных глаголов. Винительный падеж имеет только это конструктивное значение.

В отличие от именительного (прямая форма) и дательного (косвенная форма), винительный падеж выражается двояко: прямой или косвенной формой, выбор между которыми не всегда прост (о чём см. ниже). Выбор одной из этих форм сказывается на всей существительной группе, а не только на её ядре, так что все согласуемые слова существительной группы (определения, определители) принимают соответствующую форму (согласуемую с ядром частично или полно; см. 4.2.1.5). Рассмотрим простейшие случаи разных форм ядра:

(1) а. *Dikhàv <u>o khər</u>.*
‘Вижу дом.’
б. *Dikhàv <u>ə sàlka</u>.*
‘Вижу дерево.’
в. *Dikhàv <u>le dadès</u>.*
‘Вижу отца.’
г. *Dikhàv <u>la mycà</u>.*
‘Вижу кошку.’

Здесь в одном и том же синтаксическом контексте определённое прямое дополнение выражается по-разному: прямой формой *o khər* ‘дом’, *ə sàlka* ‘дерево’, но косвенной формой *le dadès* (прям. *o dàd* ‘отец’) и *la mycà* (прям. *ə mỳca* ‘кошка’). Единственным очевидным различием тут является значение признака одушевлённости (‘отец’ и ‘кошка’ одушевлённы, в отличие от ‘дом’ и ‘дерево’).

При замене существительного в винительным падеже местоименной клитикой этой проблемы нет, т. к. эти клитики всегда стоят в косвенной форме независимо от одушевлённости:

(2) а. *Dikhàv <u>o khər</u> / <u>le dadès</u>.* ⇒ *Dikhàv-<u>le(s)</u>.*
‘Вижу дом / отца.’ ‘Вижу его.’
б. *Dikhàv <u>ə sàlka</u> / <u>la mycà</u>.* ⇒ *Dikhàv-<u>la</u>.*
‘Вижу дерево / кошку.’ ‘Вижу её.’

Что касается ударных местоимений (в данном случае *lès* и *là*), то они вообще обычно заменяют только одушевлённые существительные, т. е. им внутренне присуща персональность (подробнее см. 4.9.2.1.2).

Для назывных же существительных одушевлённость часто оказывается решающей при выборе формы винительного падежа. Однако на деле выбор одной из форм не так прост: кроме одушевлённости играет роль определённость, что вкупе (но не совсем однозначно и регулярно) даёт признак «персональности» (см. 4.2.1.1.1). Персональное употребление выражается косвенной формой, неперсональное — прямой:

	определённость	
одушевлённость	+	–
+	косв.	прям. (косв.)
–	прям.	прям.

Начнём с неодушевлённых групп, а затем рассмотрим более сложные случаи:

(а) неодушевлённые

Всегда прямая форма, как в именительном падеже:

(3) *Tinàv <u>manřò</u>.*
‘Я покупаю хлеб.’
(4) *Àn-ta <u>kotòr matirijàlo</u>!*
‘Принеси-ка кусок колбасы!’
(5) *Lèn <u>khə dikhlořò</u> aj źàn ka-j feľàstra.*
‘Возьмите платочек и идите к окну.’
(6) *O Jòno źanèl mištò <u>kadò fòro</u>.*
‘Ёно хорошо знает этот город.’

(7) *Arakhľàn tirà cygàri?*
‘Ты нашёл свои сигареты?’

В т. ч. у неодушевлённых местоимений:

(8) *Ćì-arakhlèm khànći.*
‘Я ничего не нашёл.’

(б) одушевлённые определённые

Всегда косвенная форма, как в дательном падеже:

(9) *Kamàv te-dikhàv tumarʹà dà.*
‘Я хочу видеть вашу мать.’
(10) *Ròdas la babà Rozà.*
‘Мы ищем бабу Розу.’
(11) *Nà-mek əl źuklès!*
‘Не пускай собаку!’
(12) *Kàna anèn amèn-gə le borʹàn?*
‘Когда привезут нам невест?’
(13) *Ankaladʹà le sapès anda lès-ko bàrk.*
‘[Она] вынула змею у него из-за пазухи.’

В данных примерах персональность обеспечивается сочетанием одушевлённости и определённости. Персональность может также появиться за счёт перевода существительного в класс одушевлённых, например, в сказочном контексте:

(14) *Sòs-tar, dàle, tradʹàn pala màn-de la martʹà te-mudarəl-ma?*
‘Почему, мама, ты послала за мной смерть, чтобы она меня убила?’

Некоторые собирательные существительные, обозначающие группы людей, обычно персональны (см. 4.2.1.1.1; заметим, что они не бывают неопределёнными):

(15) *Akhardèm sà la lumʹà.* ***ə lùmʹa*
‘Я созвал всех людей.’ (своих, цыганское общество)

Так же могут вести себя слова из III пласта, ср. *maladʹòžo* ‘молодёжь’, ср.:

(16) *Le kətàni marən le maladʹožòs.* ***o maladʹòžo*
‘Милиция бьёт молодёжь.’

Остальные слова с этим кругом значений, ср. *kumpànija* ‘группа котляров’, *řomənìja* ‘цыганское общество [в целом]’ — неодушевлённы:

(17) *Dikhlèm sà ə řomənìja.* ***la řomənijà*
‘Я видел весь цыганский мир.’

(в) одушевлённые неопределённые

При неопределённости (или отсутствии определённости) выбор формы более сложен.

Только косвенную форму имеют одушевлённые местоимения, в т. ч. отрицательное *khònik* ‘никто’:

(18) *Dikhľàn varə-kàs?* ***varə-kòn*
‘Ты кого-нибудь видел?’
(19) *Ćì-dikhlèm koćè khanikàs.* ***khònik*
‘Я там никого не видел.’

При назывных ядрах существительных групп возможны колебания:

(20) *Ćì-dikhlèm koćè ćì-jekhà řomès.* ~ ?**ćì-jekh řòm*
ʻЯ там не видел ни одного цыгана.ʼ

(21) *Trubùl te-làv trìn borʼà.* ~ *trinè borʼàn*
ʻМне надо взять трёх невест.ʼ

Примеры прямой формы:

(22) *Źanàv jèkh moldovàno.*
ʻЯ знаю одного молдаванина.ʼ

(23) *Ə phurì xaľà sàp.*
ʻСтаруха съела змею.ʼ

(24) *Užə źàn ròden phurʼořà kolèn-dar kaj sy maťarnè, anèn pès-te and-o khər te-xalavèn-le.*
ʻУже идут ищут старушек таких, которые пьяницы, приводят к себе домой, чтоб их помыть.ʼ

(25) *Ašùn, atùnći, phèn-kə, śùdes ə lòtka pa te zəjà, kana tasavèsa khə manùš sar màn-de!*
ʻСлушай: тогда, говорит, скинешь лодку со спины, когда утопишь человека вроде меня.ʼ

(26) *Aj sà naštìl arakhəl là-kə tərnò.*
ʻИ всё не может найти ей жениха.ʼ

(27) *Dikhəl o rašàj pe lèn-de: Katàr te-làv tumèn-gə kadalèn-dar gràst te-nigərən-tume tumèn?*
ʻСмотрит поп на них: «Откуда мне взять вам таких коней, чтоб отвезли вас?»ʼ

(28) *Màj-lè tù-sa dùj trìn-źenè aj źàn te-ingərən lès-kə koďà voglìnda.*
ʻВозьми с собой ещё двоих-троих [людей] и идите отнести ему то зеркало.ʼ

Одушевлённое прямое дополнение может быть неперсональным также в связи с семантикой (здесь ʻна убойʼ):

(29) *Avilò khərà, mudardè khə balò, mudardinè, andinè, tiravèn pès-kə.*
ʻПришёл он домой, убили [они] свинью, убили, принесли, готовят себе.ʼ

В составе ряда выражений, например *lèl řomnì* букв. ʻбрать женуʼ, *akharàl kətàni* ʻвызывать милициюʼ, где существительное воспринимается обобщённо и выступает с нулевым артиклем, — только прямая форма:

(30) *Trubùl te-lèl pès-kə i vòj manùš.*
ʻНадо и ей взять себе мужа.ʼ (букв. ʻчеловекаʼ)

Неясно, какой падеж усматривать (и усматривать ли) в неглагольной части двухчастных глаголов типа *kərəl butì* ʻработатьʼ (букв. ʻделать работуʼ), а также в более сложных случаях вроде *thòl-pe řỳndo* ʻстроиться, становиться в рядʼ (подробнее см. 4.2.6.1.1).

4.2.1.2.6. Дательный падеж

Дательный падеж находится на периферии системы и выделяется в узком кругу контекстов. Он выражается косвенной формой, независимо от персональности, и применяется лишь к особым «полупрямым» дополнениям (см. 4.3.3.2) ограниченного набора глаголов, как то: *dèl* ʻдавать [кому]ʼ, *trubùl* ʻтребоваться [кому]ʼ, *sỳ* ʻбыть [у кого]ʼ. Такие дополнения в большинстве случаев одушевлённы и определённы в связи с семантикой, поэтому тут можно было бы усматривать винительный персональный:

(1) *Muřà phralès trubùl-les borì.*
ʻМоему брату нужна невеста.ʼ
(2) *Le raklès peľà jek řùbla.*
ʻПарню перепала копеечка.ʼ (букв. ʻрубльʼ)

Однако косвенную форму при этих глаголах имеют и неодушевлённые имена. В ряде случаев можно предположить сказочное восприятие (со «вторичной» метафорической одушевлённостью):

(3) *La salkà dukhàn-la le krènźi.*
ʻУ дерева болят ветки.ʼ (искусственный пример)

Однако вполне частотны такие примеры:

(4) *La Řusyjà ćì-trubùl o marimòs.*
ʻРоссии не нужна война.ʼ

Можно было бы считать, что и здесь ʻРоссияʼ наделяется одушевлённостью, однако вряд ли это в полной мере возможно во всех примерах (в разной степени искусственных):

(5)	*Muřà matorà trubùl-la bùt binzìno.*	*~ ka myřỳ matòra*	***myřỳ matòra*
	ʻМоей машине надо много бензина.ʼ		
(6)	*Kadalè khəràs trubùl-les màj-but felèstri.*	*~ ka kadò khər*	***kadò khər*
	ʻЭтому дому надо больше окон.ʼ		
(7)	*Aźutìv le foròs.*	*?* ka fòro*	***o fòro*
	ʻЯ помогаю городу.ʼ		

В примере (7) невозможна прямая форма ***o fòro*. Если считать косвенную форму результатом вторичной одушевлённости (или даже персональности без одушевлённости), то это значило бы, что модель управления глагола *aźutìl* ʻпомогать [кому]ʼ сама по себе навязывает именно такое необычное персонифицированное употребление дополнения. Гораздо лучше считать, что здесь мы просто имеем дело с особым падежом. Точно так же в следующих примерах, независимо от толкования одушевлённости ʻРоссииʼ, форма этого слова определяется, кажется, только синтаксическим контекстом:

(8)		*Le řòm putərdè ə Řusỳja.*	(вин.)	***la Řusyjà*
		ʻЦыгане «открыли» Россию.ʼ		
(9)	а.	*Le řomèn trubùl ə Řusỳja.*	(им.)	***la Řusyjà*
		ʻЦыганам нужна Россия.ʼ		
	б.	*La Řusyjà trubùn le řòm.*	(дат.)	***ə Řusỳja*
		ʻРоссии нужны цыгане.ʼ		

В конструкции возможности (см. 4.6.1.2, частный случай конструкции обладания):

(10) *La Řusyjà nàj karìng.*
ʻРоссии некуда [деваться].ʼ (ʻальтернатив нетʼ — о внешней политике)

Дательный падеж присущ только обязательным дополнениям, входящим в модель управления (см. 4.5.7.2.2). Местоименные клитики в дательном падеже — в косвенной форме, как в винительном:

(11) *Ćì-arəsľà-le pàj.*
ʻИм не хватило воды.ʼ (или ʻемуʼ)
(12) *Sàs-la bùt sumnakàj.*
ʻБыло у неё много золота.ʼ

Дательный падеж — в отличие от винительного — в части контекстов может быть взаимозаменим с местным (например, в конструкции обладания, см. 4.6.1.1).

4.2.1.2.7. Местный падеж

Формы местного падежа образуются аналитически, т. е. со лжепредлогом *ka* (у назывных существительных), и синтетически клитикой *-te*/*-de* (у местоимений — только так):

(1) а. *Źàv ka Jòno.*
ʻЯ иду к Ёно.ʼ
⇒ б. *Źàv lès-te.*
ʻЯ иду к нему.ʼ
в. *Ćì-źàv khanikàs-te.*
ʻЯ ни к кому не иду.ʼ

В песенном регистре и в некоторых оборотах у назывных существительных встречаются синтетические формы (см. ниже). Особо упомянем наречия типа *khərà* ʻдома, домойʼ, *ivendè* ʻзимойʼ («старый местный падеж», см. 3.8.1.3).

Местный падеж имеет двоякую функцию. С одной стороны, с его помощью образуются выражения более или менее обстоятельственного характера с разнообразными пространственно-временными значениями, не входящие в модели управления. С другой стороны, в местном падеже стоят дополнения некоторых глаголов, а также существительные группы, зависящие от особого предлога *źì* ʻ[вплоть] доʼ. Начнём с первых случаев:

(i) пространственные

Имеются буквальные и более или менее абстрактные значения. Местный падеж не различает значения ʻнахождения в местеʼ и ʻдвижения к местуʼ:

(а) ʻуʼ, ʻвозлеʼ, ʻкʼ — близость, прилегание

В этом «физическом» значении нахождения подразумевает близость к ориентиру:

(2) *Vò pàle katkà lo, ka-j bàlta.*
ʻОн снова тут, у болота.ʼ
(3) *Vò kaj-pytərďà o vudàr, ćì-maj-phandaďà-les, thoďà-pe kaďà oćè ka vudàr aj dikhəl p-o patrèto la rakľà-ko.*
ʻОн и открыл дверь, больше её не закрывал, встал так там у двери и смотрит на фотографию девушки.ʼ
(4) *Kə marďà khə karfìn ande lèh-ko punřò vòrta ka pràgo.*
ʻВедь она забила гвоздь ему в ногу прямо у порога.ʼ

С глаголами движения — значение приближения к ориентиру:

(5) *Vò pàle arəslò pès-kə ka pès-ti bàlta, ľà pès-ti rajořỳ.*
ʻОн снова пришёл себе к своему болоту, взял свою палочку.ʼ
(6) *Avilò-tar o raklò ka pàj.*
ʻПришёл парень к реке.ʼ
(7) *Arəsən vòn ka khə xàr, sàr te-vàzden-pe pa koďà xàr?*
ʻПодходят они к горке, как подняться им по этой горке?ʼ
(8) *Te-thòl-pe katkà khə ampərəcỳja p-o pàj, aj pòdo, mè kana pašuvàva ka pàj, te-avèl, aj kana śàva-ma and-o khər, te-bilàl.*
ʻЧтоб явилось тут царство на реке и мост — я, когда подойду к реке, чтоб возник, а когда войду в дом, чтоб растаял.ʼ

(9) 👂 *Kaj-dèl ka koďà ampərəcỳja.*
‘Да и направляется к этому царству.’

При неодушевлённости существительного наиболее вероятная местоименная замена — местоимение-наречие типа *kaćè* ‘здесь’, *koćè* ‘там’ и т. п.

Употребляется с частями тела:

(10) *Thò le merźàli ka-j kòř.*
‘Надень бусы на шею.’

(11) 👂 *Lèl o ampəràto, laśarəl lèn-gə trìn bantùcurà anda-l bàl aj thòl pès-kə śejàn-gə ka-l kàn.*
‘Берёт царь, делает им три бантика из волос и вешает своим дочерям на уши.’

В этом (?) значении имеется изолированный пример синтетической формы:

(12) ♪ *Aj vòj leš, Lìzə, śè tù Lìzə || aj bradì vastès-te te-lès-o*.
‘Ай *ой леш*, Лиза, милая ты Лиза, да ведро в руку возьми.’

Вместо этого нельзя сказать *ka vàst* ‘в руку’ (но можно *and-o vàst* с предлогом ‘в’); так что это редкий пример неравнозначности синтетической и аналитической форм одного и того же падежа. Подобное встречается только в песенном регистре (см. также ниже).

(б) ‘где’ — общее пространственно-временно́е значение

Это значение примыкает к предыдущему, но более абстрактно. В нём, как и в других значениях местного падежа, не различаются место и цель движения:

(13) *Sàvořə xàn aj pèn ka-j nùnta.*
‘Все едят и пьют на свадьбе.’

(14) *Avèn-ta ka-j skafedì!*
‘Идите-ка к столу!’

(15) ♪ *Tehàra də-min’àcy ka-j butì kaj-źàna.*
‘Назавтра утром на работу да и идут.’

(16) 👂 *Arəslò ka marimòs, aj thoď à-pe, aj marəl-pe.*
‘Прибыл на войну, и встал, и бьётся.’

Здесь налицо специально не уточняемое местное значение. Во многих случаях такие обороты можно считать устоявшимися:

ka marimòs	‘на войне, на войну’	~ *p-o marimòs* (букв. ‘на’)
ka bìrto	‘в кабаке, в кабак’	
ka bolimòs	‘на крещении’	
ka-j bòl’nica	‘в больнице, в больницу’	
ka-j nùnta	‘на свадьбе, на свадьбу’	
ka-j skafedì	‘за столом, к столу’	~ *pala-j skafedì* (букв. ‘за’)
ka-j làvka	‘в магазине, в магазин’	
ka-j butì	‘на работе, на работу’	
ka-j khangərì	‘в церкви, в церковь’	

Выражения типа *ka-j butì* ‘на работе’, *ka-j nùnta* ‘на свадьбе’ не являются в строгом смысле пространственными, т. к. по значению они частично пересекаются с временными (см. ниже).

Данные обороты не заменяются личными местоимениями (*ka-j làvka* **⇒ *là-te* ‘в ней’), вместо этого применяют местоимения-наречия типа *kaćè* ‘здесь’, *koćè* ‘там’ и т. п.

Синтетическая форма местного падежа в «общем» значении изредка встречается в песенном регистре:

(17) ♪ *Sò pismò raklès-kə avèla || àv marimàs-te vò te-źàl.*
ʻНу и письмо парню приходит, ой [чтобы] на войну ему идти.ʼ

(18) ♪ *Kə mè źàv-tar dùr ćemèn-de.*
ʻВедь я уезжаю в дальние страны.ʼ (букв. ʻдалеко в страныʼ)

(19) ♪ *Aj thaj vagònuri vòn thòna || Almatà-te teľarànа.*
ʻДа и вагоны они ставят, в Алма-Ату отправляются.ʼ

При этом в разговорном регистре вместо подобных синтетических форм (по крайней мере их части) стоят не соответствующие аналитические (***ka-j Almatà*, ***ka-l ćemà*), а предложные группы: *ande Almatà* ʻв Алма-Ату', *and-əl ćemà* ʻза границу', где предлог *ande* выражает то же общее значение.

(ii) временны́е

(в) ʻкогда'

Для указания точного времени (вопрос: *ka-l sòde?* ʻво сколько?'):

(20) *Àv ka-l pànź (ćàsurà) desà.*
ʻПриходи в пять (часов) дня.ʼ

Так же при указании минут и долей часа (об указании времени см. 4.3.7.2.2.1).
О праздниках и других событиях:

(21) *Bolàs le glatèn ka krećùno.*
ʻМы крестим детей на Рождество.ʼ

Время выражают местоимения типа *atùnći* ʻтогда', *akanà* ʻсейчас' и др.
Со временами года местный падеж не употребляется (ср. «старый местный падеж» *milà ~ milajè* ʻлетом', *ivendè* ʻзимой', но со II пластом — предложная группа: *ande tàmna (le) milàs-ki* ʻвесной').

(iii) абстрактные

(г) ʻу [кого], к [кому]' (в т. ч. дома, домой)

Пребывание, например, в гостях и т. п.:

(22) *Kòn bešàl ka barò?*
ʻКто сидит у барона?ʼ

(23) *Muřỳ matòra ka Jànći la.*
ʻМоя машина у Янчи.ʼ

(24) *Koćè trəbùl te-raťaràl ka là-ko phràl and-o khàr.*
ʻТам должна [она] переночевать у своего брата в доме.ʼ

Движение к кому-л. в гости и т. п.:

(25) *Śuťà-pe ka-l masàrà.*
ʻЗашёл к мясникам.ʼ

(26) *Mè trubùl te-źàv te-nigəràv myřà tərn'à ka muřò dàd.*
ʻМне надо пойти отвести мою молодую жену к моему отцу.ʼ

Также более абстрактно — ʻу кого-л., в чьём-л. обществеʼ и т. п.:

(27) *Ka-l řòm nàj vòja te-kəràs kaďà.*
ʻУ цыган нельзя так поступать.ʼ

(28) *Kadò ka ləjèco phenèl-pe.*
ʻТак у немолдовая говорят.ʼ (= ʻэто не наше словоʼ; о ед. числе см. 4.2.1.3)

Близкое значение — ʻв чьей-л. семьеʼ и т. п. (это близко к обладанию, см. ниже):

(29) *Ka myřỳ phèj arakhàdili glàta.*
ʻУ моей сестры родился ребёнок.ʼ

С местоимениями — синтетическая форма:

(30) *Kàs-te źàs? — Khanikàs-te.*
ʻК кому идёшь? — Ни к кому.ʼ

Поскольку ядро во всех описываемых случаях всегда одушевлённое, оно может быть выражено личным местоимением:

(31) *Śò-tu là-te.*
ʻЗайди к ней.ʼ

(32) *Bešàl tumèn-de ək-bàrš.*
ʻОн проживёт у вас год.ʼ

Особый случай: слово *řòm* мн. ʻцыганеʼ иногда употребляется в синтетической форме (но обычно *ka-l řòm*):

(33) *Màj-śuťàn-tu řomèn-de oćè, and-o L'vòvo?*
ʻТы уже заходил к цыганам там, во Львове?

Устоявшийся оборот: *amèn-de le řomèn-de* ʻу нас, у цыганʼ. Здесь второе слово как бы копирует синтетическую форму местоимения (факультативно):

(34) *Amèn-de le řomèn-de sỳ puranè zakònuŕa.* ~ *amèn-de ka-l řòm*
ʻУ нас, у цыган, есть старинные обычаи.ʼ

(д) общее относительное значение

Самое общее указание на сферу деятельности, абстрактное понятие и т. п.:

(35) *Kərďà lèh-kə pəkàla: xoxaďà-leh ka-l lovè, ka-j butì.*
ʻОпозорил его: обманул его по деньгам, по работе.ʼ

(iv) конструктивные

Местный падеж оформляет:

(е) притяжательное лжедополнение

В оборотах со значением типа ʻему на руку', ʻу него на шее' — обычно в предложных группах (см. 4.3.6.3):

(36) *Aj avèl-tar lès-te aj bešàl lès-te p-o dumò kodò nosovìko.*
ʻИ прилетает к нему и садится к нему на плечо этот носовой платок.ʼ

(ж) дополнение

Имеется небольшой ряд глаголов, требующих дополнения в местном падеже. В отличие от рассмотренных выше значений местного падежа (пространственных, временны́х), здесь он играет чисто грамматическую роль, т. е. ему невозможно приписать ника-

кой особой «собственной» семантики. Тут всего несколько непереходных глаголов (в т. ч. двухчастный):

(37) *Nà-amisàvo ka-l glàti.* ⇒ *lèn-de*
ʻНе трогай детей.ʼ ʻихʼ

(38) 👂 *Aj dèl-pe gỳndo ka-j phabàj.* ⇒ *là-te*
ʻИ вспоминает о яблоке.ʼ ʻо нёмʼ

Иногда местный падеж дополнения находится в сложной связи с другими падежами (и предложными группами) и чередуется с ними в одной модели управления (см. 4.5.3.5).

(з) группа при предлоге *źi*

Это единственный предлог, после которого может стоять любое пространственно-временно́е выражение (пространственное или временно́е), в т. ч. наречие, предложная группа, а также существительная группа в местном падеже:

(39) 👂 *Arəsàl źi ka koďà ampərəcỳja.*
ʻДоходит он до того царства.ʼ

Этот предлог рассмотрен вместе с другими (см. 4.2.2.7.2).

(v) особые обороты

Особые устоявшиеся обороты с синтетической формой, в т. ч. со словом *rìg* ʻсторона, бокʼ, например *dèl rigà-te* ʻотойти [в сторону]ʼ, *thòl rigà-te* ʻоткладывать [впрок]ʼ, *anklèl rigà-te* (~ *də-bəška*) ʻотселяться [от родителей]ʼ:

(40) *Sòde lovè kərďàn aj sòde thoďàn rigà-te?*
ʻСколько денег ты заработал и сколько отложил?ʼ

Также с глаголом *bešəl*:

(41) *Amarò śàv bešəl rigà-te akanà.*
ʻНаш сын живёт самостоятельно сейчас.ʼ (букв. ʻв стороне')

Синтетические формы местного падежа других слов встречаются в песнях:

(42) ♪ *Àkə lèm o štr'àngo || thaj gəlèm kaštèn-de.*
ʻВот взял я верёвку и пошёл по дрова.ʼ

В разговорном регистре можно сказать только *pala-l kàšt* ʻза дровамиʼ.
Отметим особый оборот с повтором слова *mùj mòs-te* ʻлоб в лоб' (букв. ʻлицо к лицуʼ):

(43) ♪ *Aj mùj mòs-te vòn malavènas.*
ʻИ лоб в лоб они ударялись.ʼ (поездá)

В одной песни, возможно, употреблён местный падеж в модальной конструкции:

(44) ♪ *Sò j tù-kə bitinimàs-te? Vòr-kə sy paŕujimàs-te?* [...] || *— Nàj màn-gə paŕujimàs-te, sỳ màn-gə bitinimàs-te.*
ʻЧто у тебя на продажу? Или есть на обмен? — Нет у меня на обмен, есть у меня на продажу.ʼ (точный смысл неясен)

Менее вероятно, что это притяжательные формы (в данном исполнении *bitinimàs-te* фонетически неотличимо от притяжательной формы ж.ед. *bitinimàs-ti* = *bitinimàs-ki*). Носителям это место в песни понятно лишь в общих чертах, но ср. модальную конструкцию с направительным падежом (см. 4.2.1.2.10).

Местоимение *sòs-te* имеет значение ʻпочему, отчегоʼ (обычно *sòs-tar*).

4.2.1.2.8. Отложительный падеж

Можно сказать, что отложительный падеж — пара местного. У него схожее распределение форм. У назывных существительных они образуются как аналитически, со лжепредлогом *kata* или реже *katàr*, так и синтетически клитикой *-tar*/*-dar*; у местоимений — только синтетически:

(1) а. *Avàv kata Jòno.*
б. *Avàv katàr o Jòno.* (редко)
‘Я иду от Ёно.’
⇒ в. *Avàv lès-tar.*
‘Я иду от него.’
г. *Ćì-avàv khanikàs-tar.*
‘Я не иду ни от кого.’

Лжепредлог *katàr* встречается гораздо реже, чем *kata* (и не у всех носителей), причём вряд ли имеются различия в значении. Отметим, однако, ударность варианта *katàr* и его неспособность сливаться с определённым артиклем, ср. *katàr o khàm* ‘от солнца’: *kata khàm* ‘тж.’ (см. 3.5.2).

В песенном регистре и в некоторых оборотах и у назывных существительных встречаются синтетические формы, причём чаще, чем в местном падеже (см. ниже). Особо упомянем наречия типа *khəràl* ‘из дому’ («старый отложительный падеж», см. 3.8.1.3).

Как и местным падежом, отложительным падежом обозначаются выражения более или менее обстоятельственного характера с разнообразными пространственными и временными значениями, не входящие в модели управления, а также дополнения некоторых глаголов. Кроме того, он выступает в абстрактном значении причины, в составе существительных групп и в сравнительных оборотах. Начнём с первых случаев:

(i) пространственные

Имеются как буквальные, так и более или менее абстрактные значения:

(а) ‘от [чего, кого]’ (движение, расстояние)

Движение от ориентира (противоположное движение — местный падеж):

(2) *Aj lèl vòj aj dèl armajà pèh-kə phralèh: Atùnći te-źàs-tar kata kadò pràgo, kana avèna màn-de vàh katkà, atùnći te-lèl-pe o karfìn anda ťo punřò.*
‘И берёт она и заклинает своего брата: «Тогда отойдёшь от этого порога, когда будут у меня руки здесь, тогда чтоб вытащился гвоздь из твоей ноги».’

(3) *Dur’ù dùj pàsurà kata zỳdo.*
‘Отойди на два шага от стены.’

В таких случаях местоименной заменой будут наречия типа *kathàr*, *katkàl* ‘отсюда’, *kothàr* ‘оттуда’ (ср. также наречия *khəràl* ‘из дому’, *duràl* ‘издалека’ и др., см. 3.8.1.3).

В сочетании с глаголами покоя — расстояние от ориентира:

(4) *Bešàv dùr kata fòro.*
‘Я живу далеко от города.’

Это же значение может передаваться с глаголами движения — об уже пройденном расстоянии:

(5) *Gəl’àm dùj-šəlà vỳstri kata-j Mòskova.*
‘Мы проехали двести километров от Москвы.’

Ср. также обороты в значении ʻот... доʼ (см. 4.2.2.7.1):

(6) 👂 *Kata šərò źì and-o punřò sà xarkunò lo.*
ʻС головы до пят он весь медный.ʼ (букв. ʻот головы до в ногеʼ)

С одушевлёнными:

(7) *Aràkh kata myřỳ phèj!* ⇒ *là-tar*
ʻОтстань от моей сестры.ʼ

(8) 👂 *Aj našən kothàr kata ampəràto.* ⇒ *lès-tar*
ʻИ тут бегут от царя.ʼ

В песнях в этом значении встречаются синтетические формы:

(9) ♪ *Dùj pòjezduri d-avènas || aj jèkh avèlas Moskovà-tar || jèkh avèlas Višn̓ovà-tar.*
ʻДва поезда да и ехали, один ехал из Москвы, один из [?].ʼ (из Кишинёва?)

Некоторые данные здесь примеры можно с разными оговорками расценивать и как управление, т. е. реализацию той или иной модели управления — тогда это не обстоятельства, а косвенные дополнения (см. 4.5.3.1).

(б) «общее аблативное» значение

Противоположно местному: *ka-j butì* ʻна работе, на работуʼ : *kata-j butì* ʻс работыʼ:

(10) *Avilèm kata-j nùnta.* ⇒ *kothàr*
ʻЯ пришёл со свадьбы.ʼ ʻоттудаʼ

(в) ʻмимо [кого, чего]ʼ

Движение мимо чего-либо без захода внутрь:

(11) *Nakhlèm kata ťo khər.*
ʻЯ прошёл мимо твоего дома.ʼ

В этом значении невозможна местоименная замена типа *kathàr* ʻотсюдаʼ.
С одушевлёнными:

(12) 👂 *Kaj-ďà dròm o nosovìko, ur̓àjlo katàr sà le ampəràcy, ur̓àjlo katàr sà naròdo, aj avèl-tar lès-te, aj bešəl lès-te p-o dumò kodò nosovìko.*
ʻДа и выпустила [она] этот платок, пролетел [он] мимо всех царей, пролетел мимо всего народа, и прилетает к нему [герою], садится ему на плечо этот носовой платок.ʼ

(13) *Ćì-lèm sàma sar vò nakhl̓à màn-dar.*
ʻЯ не заметил, как он прошёл мимо меня.ʼ

В некоторых случаях, по-видимому, может возникать двусмысленность, ср.: *là-tar* ʻмимо неёʼ и ʻот неёʼ [идти]ʼ.

(г) ʻот, у [кого]ʼ (источник действия, ожидания и т. п.)

Это значение находится где-то между пространственным и абстрактным. Здесь группируются контексты типа ʻбрать; красть [у кого]ʼ, ʻхотеть [от кого]ʼ, ʻслышать [от кого]ʼ и т. д., которые во многих случаях можно включать в модели управления и считать косвенными дополнениями:

(14) *Sò kamès màn-dar?*
ʻЧто ты от меня хочешь?ʼ

(15) *Lès-kə phràl sò phendè le gaźès-kə: kə vòn andinè kodolà tərn'à, ćordè-la katàr o ampəràto.*
ʻЕго братья что сказали мужику: что они привезли эту девушку, похитили её у царя.ʼ

(16) *Kata myřỳ bàba ašundèm kaďà paramìći.*
ʻЯ от своей бабушки слышал эту сказку.ʼ

Особое выражение ʻрубить голову [кому]ʼ:

(17) *Mè làv tù-tar lì-duj šərà, kə màn-de jèkh šərò sỳ-ma.*
ʻЯ лишу тебя обеих голов, потому что у меня одна голова есть.ʼ

Ещё более абстрактно (*pàrťa* букв. ʻчастьʼ):

(18) *Te-nà-avèla pàrťa te řomès-tar || ćì pàrťa là-kə phralèn-dar.*
ʻЕсли не будет [ни] защиты от твоего мужа, ни защиты её братьев.ʼ

Это значение близко значению деятеля при причастиях (см. ниже).

(д) ʻза [что]ʼ (взяться)

В контекстах типа ʻбраться, держаться [за что-л.]ʼ:

(19) *Aj xutilò o raklò aj astarəl-les katàr le ašvar'à.*
ʻИ прыгнул парень и ловит его за поводья.ʼ

(20) *Nà-inkàrďu kata kaťà rìg, kata kuťà inkàrďu!* (во второй части эллипсис)
ʻНе держись за эту сторону, за ту держись!ʼ

С частями тела обычно выступает синтетическая форма:

(21) *Cỳrdav la grazn'à por'à-tar.* ~ ?* *kata-j porì*
ʻЯ тяну кобылу за хвост.ʼ

(22) *Lè-ma vastès-tar.* ~ ?* *kata vàst*
ʻВозьми меня за руку.ʼ

(23) *Phiravàs-ame aj nikəràs-ame vastèn-dar.* ~ ?* *kata-l vàst*
ʻМы гуляем и держимся за руки.ʼ

(24) *Vò astarďà la řomn'à buľà-tar.* ~ ?* *kata-j bùl*
ʻОн схватил цыганку за задницу.ʼ

(25) *Ľà o gaźò ansućisàjlo aj peraďà-les oprà mò-sa aj tasavèl-les kořà-tar.*
ʻВзял мужик, извернулся и повалил его на спину и душит его за шею.ʼ

(26) *Vastořàs-tar phralořà linè-pe || aj ka pàj-oj barò d-arəsàna.*
ʻЗа ручку братики взялись да к реке прибывают.ʼ

Этот оборот с частями тела для большинства носителей всегда требует именно синтетической формы, тогда как другие носители (молодёжь?) допускают и аналитическую: *kata vàst*, *katàr o vàst* ʻза рукуʼ (о чередованиях и колебаниях в образовании падежных форм см. еще 4.2.1.2.2). Местоименная замена в этом значении, видимо, невозможна.

(ii) абстрактные

(е) ʻот [кого]ʼ (из чьего-л. дома)

Движение из чьего-либо жилища и т. п. (вероятно, это значение можно считать частично пространственным):

(27) *Anklistì kata muřỳ dèj.* ⇒ *là-tar*
ʻОна вышла от моей матери.ʼ

(ж) причина

Обозначает неконтролируемую человеком, но ощущаемую причину какого-либо действия, события:

(28) *Ə raklì kaj uśilì katàr ə barvàl aj dikhə̀l: avrì la, manàj ande ampərəcʲja.*
ʻА девушка проснулась от ветра и видит: на улице она, уже не в царстве.ʼ

(29) *Sò barilì ə raklì katàr o pàj!*
ʻКа-ак выросла девушка от воды!ʼ (выпила и стала большой)

(30) *Là-kə jakhà sas tingə̀ kata-l asvà.*
ʻЕё глаза были мокры от слёз.ʼ

(31) *Matilèm kata-j řətìja.*
ʻЯ опьянел от водки.ʼ

Имеются более или менее устоявшиеся сочетания глаголов и существительных (со значениями сродни наречным), обычно связанные с неблагоприятными для человека ощущениями, в которых регулярны синтетические формы:

(32) *Atùnći le manùš merə̀nas bokhà-tar.* ** *kata-j bòkh*
ʻТогда люди мёрли с голоду.ʼ

(33) *Muľàm darà-tar.* ** *kata-j dàr*
ʻМы перепугались до смерти.ʼ (букв. ʻумерли от страхаʼ)

(34) *Bařujisàjlem šylès-tar.* ** *kata šỳl*
букв. ʻЯ окаменел от холода.ʼ

(35) *Sò velinisàjľan xoľà-tar?* ** *kata-j xolì*
ʻЧто ты позеленел от злости?ʼ

Синтетические формы, часто фигурирующие в таких оборотах:

laźavès-tar	ʻсо стыдаʼ
šylès-tar	ʻот холодаʼ
bokhà-tar	ʻс голодуʼ
trušà-tar	ʻот жаждыʼ
darà-tar	ʻсо страхуʼ
xoľà-tar	ʻсо злостиʼ
milà-tar	ʻот жалостиʼ

В песнях встречаются формы, маловероятные (или невозможные?) в речи:

(36) *Av sò Tàna kaj-kərə̀la, || vi darà-tar vi ćudà-tar.*
ʻОй, что Тана делает, и с перепугу, и от удивления.ʼ

(37) *Phařuvàv te žalòs-tar, || meràv te dragòs-tar.*
ʻЛопаюсь от жалости к тебе, умираю от любви к тебе.ʼ

В этих примерах отложительный падеж образован, судя по всему, от несуществующих слов ***ćùda*, ***žàlo*, ***dràgo*.

Синтетические формы часто образуются также от производных на *-mòs*; аналитические формы в значении причины, судя по всему, более редки (и приемлемы не для всех):

tatimàs-tar	~ ? *kata tatimòs*	ʻот жарыʼ
nasvalimàs-tar	~ ? *kata nasvalimòs*	ʻот болезниʼ
ćijimàs-tar	~ ? *kata ćijimòs*	ʻот усталостиʼ
asamàs-tar	~ ? *kata asamòs*	ʻсо смехуʼ
rojimàs-tar	~ ? *kata rojimòs*	ʻот плачаʼ
phurimàs-tar	~ ? *kata phurimòs*	ʻот старостиʼ

Примеры:

(38) *Dàba avilèm khərə <u>ćijimàs-tar</u>.* ~ ? *kata ćijimòs*
букв. ‘Я едва пришёл домой от усталости.’ (т. е. ‘с трудом добрался’)

(39) *Zalisàjlo <u>tatimàs-tar</u>.* ~ ? *kata tatimòs*
‘У него закружилась голова от жары.’

(40) ▶ *O manùš slàbo <u>nasvalimàs-tar</u> lo.* ~ ? *kata nasvalimòs*
‘Человек худой от болезни.’

В этих случаях тождественное (или близкое?) значение имеют предложные группы: *anda ćijimòs* ‘от усталости’, *anda nasvalimòs* ‘от болезни’ и т. п. Возможно, здесь имеется какой-то оттенок значения, которого мы не уловили.

Значение причины отражено в вопросительном местоимении *sòs-tar* ‘почему’, хотя соответствующего невопросительного нет, ср. *anda koďà* ‘по(э)тому’.

(з) устранение последствий

По-видимому, примыкает к значению причины. В данном примере, возможно, допущен эллипсис ‘[во рту пересохло] от пыли и жары’:

(41) ♪ *Aj d-ək raklò lès-te d-avèl* || *Aj dè-ma, brə phur'à, dùj strùgurà, bre* || *te-tinďaràv muřò mùj* || *<u>le dromès-tar le lungonès-tar</u>* || *<u>le khamès-tar le baràs-tar</u>.*
‘И парень к нему подходит [говорит]: А дай мне *брэ*, старик, две виноградины *бре*, чтоб я смочил рот от дороги дальней, от солнца яркого.’ (букв. ‘большого’)

(iii) конструктивные

(и) притяжательное лжедополнение

В оборотах со значением типа ‘у него с руки’ и т. д. — обычно при предложных группах (см. 4.3.6.3):

(42) 👂 *Lèl o raklò aj cỳrdel <u>pès-tar</u> anda-l bàl trìn bàl sumnakunè aj dèl ka kadò, o dopàš le ampəratòs-ko.*
‘Берёт парень и выдёргивает у себя из волос три волоска золотых и даёт этому, половине царя.’

(к) косвенное дополнение

Имеется небольшой ряд глаголов (в т. ч. двухчастных), требующих дополнения в отложительном падеже. В отличие от рассмотренных выше его значений (пространственных, временны́х, причинных), здесь он играет чисто грамматическую роль без какой-либо особой «собственной» семантики (хотя во многих случаях это вопрос степени):

(43) 👂 *Aj pùś <u>katàr o khàm</u> sàr te-vàzdes-les.* ⇒ *lès-tar*
‘А спроси у солнца, как тебе его воскресить.’

(44) *Trubùl te-hodinìs <u>kata-j butì</u>.* ⇒ *là-tar*
‘Нам надо отдохнуть от работы.’

(45) ▶ *Naštì prinźaràv kakalès <u>kata</u> kakò.* ⇒ *jekh-avràs-tar*
‘Не могу отличить одного от другого.’

Отдельные слова факультативно употребляются в синтетической форме, ср. *delà-tar* ~ *kata-j dèla* букв. ‘от дела’, что, по-видимому, в определённых моделях управления даёт некоторую идиоматичность, ср.:

(46) ◂ *Hulavà-ma, myřavà-ma aj dikhàv muřà delà-tar.* *~ kata-j myřỳ dèla*
ʻПричешусь, побреюсь и займусь делами.ʼ (ʻпосмотрю за своим деломʼ)

С большинством слов это невозможно:

(47) *Nà-dara, amè dikhàs kata ti strejkùca.* *** strejkucà-tar*
ʻНе бойся, мы посмотрим за твоей сумкой.ʼ

В песнях синтетические формы встречаются и там, где не допустимы в речи:

(48) ♪ *Aj màn-gə dàr la mašynà-tar.*
ʻА я боюсь машины.ʼ

Эти модели управления описаны отдельно (см. 4.5.7.2.4, 4.5.7.3.5).

(л) субъект при причастии

В нечастых случаях, когда при причастии указывается субъект действия, он стоит в отложительном падеже:

(49) *Avilò xalò kata-l źukàl.*
ʻОн пришёл покусанный собаками.ʼ

Чаще всего это встречается в обороте *śinadò kata dèl* ʻ[что-л.] суждено богомʼ:

(50) ♪ *Aj làs-ame ande phùv || kə phùv śinadì kata dèl-y.*
ʻА будем бороться на земле, ведь земля суждена богом.ʼ (ʻврукопашнуюʼ)

(м) в сравнительной конструкции

При сравнении эталон сравнения, как правило, стоит в отложительном падеже (или же вводится предлогом или союзом *sar* ʻчемʼ, букв. ʻкакʼ; о сравнительных конструкциях см. 4.12.8.1):

(51) *O Jànoš màj-barvalò lo kata Vìlmoš.*
ʻЯнош богаче Вилмоша.ʼ

(52) *Vò dèl dùma màj-mištò tù-tar.*
ʻОн говорит лучше тебя.ʼ

В идиомах возможна синтетическая форма:

(53) *O Kirìla divinìl řomanès màj-mištò řomès-tar.*
ʻКирила говорит по-цыгански лучше [самих] цыган.ʼ (букв. ʻцыганаʼ)

(н) при существительных — ʻиз [числа]ʼ

Здесь упомянем особые формы, которые можно назвать субстантивированными притяжательными местоимениями, *amarən-dar* ʻиз нашихʼ, *tumarən-dar* ʻиз вашихʼ:

(54) *Vòn nàj řòm amarən-dar.*
ʻОни не наши цыгане.ʼ (т. е. немолдовая)

Значимо, что это именно субстантивированные формы, т. к. при эллипсисе не получается синтетической формы (о чём см. 4.2.1.2.2):

(55) *Katàr avès? — Kata amarə.*
ʻОткуда идёшь*?* — От наших.ʼ (пропущено, например, *řòm* ʻцыганʼ)

При этом в прочих случаях принадлежность к группе выражается иначе, ср. *anda-l dukòni* ʻиз рода дукониʼ.

(iv) в особых оборотах

Особые устоявшиеся обороты с повтором слова и синтетической формой падежа:

khàr khəràs-tar	ʻпо домам [ходить]ʼ
fòro foròs-tar	ʻпо городам [ездить]ʼ
bàrš bəršàs-tar	ʻиз года в годʼ

Неясно, в каком падеже стоит первая часть, но отложительный падеж второй части, вероятно, имеет именно аблативное значение, ср. с глаголом *phirəl* ʻходитьʼ:

(56) *Le řòm phirànas fòro foròs-tar.*
ʻЦыгане кочевали из города в город.ʼ (букв. ʻходили город от городаʼ)

(57) *Ka-j patradì phiràs khàr khəràs-tar le kolaćèn-ca.*
ʻНа Пасху мы ходим по домам с подаркамиʼ

При особом употреблении глагола *źanèl* ʻзнатьʼ в тесных сочетаниях:

(58) *Źàl, ći-źanèl khanćès-tar, sỳ-les sò te-xàl, sỳ-les sò te-pèl.*
ʻИдёт, не ведая бед, есть у него что есть, есть у него что пить.ʼ

(59) *Vò ći-źanèl n̓amòs-tar.*
ʻОн не водится с роднёй.ʼ

В последнем обороте слово *n̓àmo* стоит в единственном числе в значении ʻродняʼ (обычно ʻродственникʼ).

4.2.1.2.9. Предложный падеж

Предложный падеж не имеет собственного значения. В него ставятся существительные группы, зависящие от предлогов (кроме *bi* ʻбезʼ, *źì* ʻдоʼ и *də* ʻотʼ; лжепредлоги *ka* и *kata* сами служат падежными показателями). Формы предложного падежа образуются двояко: синтетически и аналитически. В синтетических формах — та же падежная клитика *-te*/*-de*, что и в местном падеже.

Как и местный, от назывных существительных предложный падеж в большинстве случаев образуется аналитически (но см. ниже об исключениях):

(1) *Piťàl o pàj kodò, opràl pa-j xajìng dèl.*
ʻКапает вода эта, через колодец переливается.ʼ (букв. ʻвыше с колодца даётʼ)

(2) *Ľà aj thoď à-pe tela koď à sàlka aj sovèl.*
ʻВзяла и легла под этим деревом и спит.ʼ

Аналитические формы образуются от неодушевлённых местоимений: указательных *kadò* ʻэтоʼ и т. д. и отрицательного *khànći* ʻничегоʼ:

(3) *Sò gyndìs-tu pa kadò?*
ʻЧто ты думаешь об этом?ʼ

(4) *Potindèm bùt pala kadò.*
ʻЯ много заплатил за это.ʼ

(5) *Ći-ašunď àm pa khànći.*
ʻМы не слышали ни о чём.ʼ

Сюда же примыкает составной союз *anda koď à* ʻпо(э)тому, букв. ʻиз той (*anda koď à kə* ʻпотому что), ср. также *pala kodò* ʻпотом, после этогоʼ.

От прочих местоимений-существительных — синтетические формы. Одушевлённые:

(6) *Glatàle, nà-źan pala amèn-de!*
ʻДети, не идите за нами!ʼ

(7) *Dinè ande jekh-avràs-te.*
‘Бросились друг на друга.’
(8) *Ćì-źanès khànći pa khanikàs-te.*
‘Ты не знаешь ничего ни о ком.’

Ср. также выражение *dèl ande avràn-de* ‘сильно напугаться’, букв. ‘дать в других’.
Неодушевлённые:

(9) *Pe sòs-te aviľàn?*
‘На чём ты приехал?’
(10) *Tiràv anda sòs-te-gòdi kamès, sò-gòdi plaćàl-tu, aj dìkh-ta sò xàl vòj.*
‘Готовь из чего хочешь, всё что тебе нравится, и смотри-ка, что ест она.’

Однако изредка с частью предлогов от ряда личных местоимений употребляется особая «предложная форма» (чаще в песнях) — без послелога (см. 4.2.2.2), которую тоже следует считать формой предложного падежа, поскольку она во всех случаях взаимозаменима с синтетической формой:

(11) *Nà-xoľàvo pe mà.* *~ pe màn-de*
‘Не обижайся на меня.’
(12) *Àv sàr phenďàs, kaďà kərďàs || la myndrà d-ankaladďàs || Kajditì dikhľà pe là || aj p-o thàn raklò phařuľà.*
‘Ой, как сказал, так сделал, красавицу вытащил. Столько на неё глядел, и на месте парень умер.’ (букв. ‘лопнул’)
(13) *Màśo mùj kothàr kaj-ďàs || Źà-ta, màmə, pala là || kə͡ə borǒřỳ tasulì.*
‘И тут Машё крикнул: «Иди-ка, мама, за ней, ведь невестка утонула».’

В ряде устоявшихся выражений назывные существительные образуют предложный падеж синтетически, причём иногда возможен определённый артикль (чаще при множественном числе):

[*xà*, *pì*]	*pe*		*sastimàs-te*	‘на здоровье [ешь, пей]’
[*te-nà-avèl*]	*pe*		*xoľà-te*	‘в обиду [не будь]’ (‘...сказано’)
[*kərďà*]	*pe*		*styngà-te*	‘упрямо, из принципа [поступил]’
[*bešàl*]	*ande*		*šəràs-te*	‘на голове [стоять]’
[*bešàl*]	*ande*		*buľà-te*	‘на заднице [сидеть]’ (‘сидеть’)
[*našàl*]	*ande*		*darà-te*	‘в страхе [бежать]’
[*dèl*]	*pa*		*kořà-te*	‘через шею [дать] (‘кувырнуться’)
[*śinèl*]	*pa*		*trušulès-te*	‘крест-накрест [рубить]’
[*bešàl*]	*pe*	*~ p-əl*	*ćangàn-de*	‘на коленях [стоять]’
[*bešàl*]	*ande*	*~ and-əl*	*punřàn-de*	‘на ногах [стоять]’

В песнях частотен тавтологический оборот: [*phenèl*] *anda mòs-te* букв. ‘изо рта [молвит]’:

(14) *Pàrpale là-te avèla || anda mòs-te phènla:|| làv-tu, Dànə, làv-tu...*
‘Обратно к ней приходит, молвит: возьму тебя, Дана, возьму...’

Ещё примеры из песен:

(15) *Aj thaj maràl thaj mudaràl-oj || aj pa vastèn-de, pa ćangàn-de.*
‘Да и бьёт да убивает, ой, и по рукам, по коленям.’
(16) *Źì ka dèl d-arəsàna || ande ćangàn-de pèrna.*
‘До бога добираются, на колени падают.’
(17) *Aj thòna l phràl thaj aj solaxàna || śur’à pa trušulès-te thòna.*
‘И ставят братья и клянутся, ножи скрещивают.’

(18) ♪ *Anda mòs-te kaj-phenèla: || xaľà phràl anda-l phralès-te.*
ʻДа и молвит: съел брат от брата.ʼ (мясо вырезано из тела брата)

Многочисленные примеры употребления предложного падежа даны при описании конкретных предлогов (см. 4.2.2.4.3–4.2.2.7.2).

4.2.1.2.10. Направительный падеж

Образует только синтетические формы. Общая семантическая характеристика — адресат действия (ʻкому, для кого’). Маргинально применяется в обстоятельственном значении; наиболее частотен в роли лжедополнения; входит в модели управления глаголов в качестве косвенного дополнения:

(i) пространственное

Редко применяется с глаголами движения и обозначает лицо, к которому кто-л. приближается:

(1) 👁 *Dikhàl, avèl lèh-kə sàp.*
ʻСмотрит — идёт к нему змея.ʼ

В таких контекстах обычнее местный падеж или предложные группы.

(ii) конструктивные

(а) лжедополнение

Адресатное лжедополнение (действие ради кого-то, см. 4.3.6.1):

(2) *Putàr o vudàr le kətanèn-gə.*
ʻОткрой дверь милиционерам.ʼ

Эгоцентрическое лжедополнение (см. 4.3.6.2):

(3) 👂 *Anzarďà pès-kə cəra aj bešàl aj xàl, dilabàl pès-kə.*
ʻНатянул себе палатку и сидит и ест, поёт себе.ʼ

Притяжательное лжедополнение (см. 4.3.6.3), обычно при направленном действии:

(4) 👂 *Aj mè thàv tù-kə and-o vàst le rikonoř̀əs.*
ʻА я положу тебе в руку щенка.ʼ

Граница между адресатным лжедополнением и входящим в модель управления косвенным дополнением размыта, ср. глагол *mekàl* ʻоставлять’:

(5) 👂 *Ašùn, Pàtro, dikhàs, sà kaťà avlìn, sà tù-kə mekàv-la.*
ʻСлушай, Пэтро, видишь, весь вот этот двор, весь его тебе оставлю.ʼ

(б) косвенное дополнение

Имеется немало глаголов, управляющих направительным падежом в более-менее непрозрачном значении. В разных случаях в разной степени просматривается его семантическая составляющая адресата действия.

В безличных связочных предложениях обозначает субъекта ощущений и др. (об этих конструкциях см. 4.5.8.1):

(6) *Šỳl amèn-gə.*
ʻНам холодно.ʼ

(7) *Dàr màn-gə kata-l ràj.*
ʻЯ боюсь властей.ʼ (букв. ʻстрах мнеʼ)
(8) *Le glatèn-gə nàj vòja te-źàn and-o fòro.*
ʻДетям нельзя ходить в город.ʼ

В прочих предложениях — разнородные примеры:

(9) *Sò phenďàn kadalà źuvľà-kə?*
ʻЧто ты сказал этой женщине?ʼ
(10) *Màn-gə maláďon tirə papùća.*
ʻМне подходят твои ботинки.ʼ
(11) *Dè màn-gə dùma tehàra.*
ʻПозвони мне завтра.ʼ
(12) *Sòde gəľà tù-kə pe kadò khər?*
ʻВо сколько тебе обошёлся этот дом?ʼ (букв. ʻсколько ушло тебе на...ʼ)
(13) *Mè də kajtì bərš garavàv kadò patrèto, khanikàs-kə ći-sykadèm.*
ʻЯ уже столько лет прячу этот портрет, никому не показывал.ʼ
(14) *Te-nà-anèsa màn-gə ťa phạ̀, làv ti kòř telè, śinàv-tu!*
ʻЕсли не приведёшь ко мне свою сестру, я тебе шею снесу, порублю тебя!ʼ

Некоторые из этих глаголов дают чередования или колебания в падеже косвенного дополнения. Так, глаголы речи *phenèl* ʻговоритьʼ, *dèl dùma* ʻзвонить [по телефону]ʼ и др. (см. 4.5.3.5) могут управлять также и местным падежом. Пример употребления направительного падежа с глаголом *dèl* ʻдаватьʼ (обычно дательный или местный):

(15) *Kòn astarèla le ćorès, kodolès-kə dàv sà barvalimòs muřò.*
ʻКто поймает вора, тому дам всё богатство моё.ʼ

(в) в именной группе

Существительные — названия действий и т. п., — зависящие от прилагательного *gàta* ʻготовʼ (см. 4.2.3.2):

(16) *Mè sym gàta marimàs-kə.*
ʻЯ готов драться.ʼ

Сюда можно отнести такие этикетные высказывания, как *najìs tù-kə*/*tumèn-gə* ʻспасибоʼ (ʻтебеʼ, ʻвамʼ обычно явно), *najìs le devlès-kə* ʻслава богуʼ, ср. также:

(17) *Sastimòs aj vijàca tumèn-gə!*
ʻЗдоровья и радости вам!ʼ

(iii) особые обороты

В особой модальной конструкции «предназначения» (см. 4.6.1.3) сразу два дополнения выступают в направительном падеже:

(18) *Nàj màn-gə asamàs-kə.*
ʻМне не до смеха.ʼ

4.2.1.2.11. Творительный падеж

Образует только синтетические формы. Выступает в различных значениях: орудийности, способа действия, совместности и некоторых других. Кроме того, входит в модели управления глаголов, оформляя косвенное дополнение. Есть и пространственно-временны́е значения:

(i) пространственные

(а) ʻчем’ [повернуть(ся), стукнуть(ся)] (пассивно) — сторона, часть

Близко к значению орудия (часть тела, имеющая отношение к действию). Очень частотно в этом значении слово *mùj* ʻлицо’:

(1) *L’à o gaźò ansućisàjlo aj peraď’à-les oprà mò-sa aj tasavèl-les kořà-tar.*
ʻВзял мужик, извернулся и повалил его на спину и душит его за шею.’
(букв. ʻповалил вверх лицом’)

(2) *O raklořò kaj-našàl ande lès-ko dròm aj dèl le mò-sa and-o bàř, phařavèl o mùj, aj piťàl o ràt p-o bàř.*
ʻА мальчик бежит ему навстречу и ударяется лицом об камень, разбивает лицо, и капает кровь на камень.’

(3) *Dèn mò-sa inťàl.*
ʻОтвернитесь.’ (букв. ʻДайте лицом туда’, редкий или окказиональный вариант реплики женщины, проходящей мимо мужчин = *ambòlden-tume* ʻтж.’)

(б) ʻпо [чему]’ — траектория

Как правило, только со словом *dròm* ʻдорога’:

(4) *Kaj-źàl, źàl dromè-sa o raklò, l’à-les ə r’àt, aj l’à thoď’à-pe aj sovèl.*
ʻИ вот идёт, идёт по дороге парень, застигла его ночь, взял, лёг и спит.’

Часто с притяжательным — *pès-kə dromè-sa* ʻсвоей дорогой’:

(5) *Źàl o raklò pès-kə dromè-sa, kàj te-màj-źàl?*
ʻИдёт парень своей дорогой, куда ему ещё идти?’

В прочих случаях траектория обычно выражается предлогом *pa* (см. 4.2.2.5.2).

(ii) временны́е

Обозначение срока до какого-либо события:

(6) *Ək-kurkà-sa angla-j patradì dèn-pe jàg.*
ʻЗа неделю до Пасхи [они] зажигаются.’ (опущено *le bozořə* ʻхворостинки’)

(7) *Avilèmas tumèn-de štarə śonèn-ca angla-j nùnta.*
ʻЯ приезжал к вам за четыре месяца до свадьбы.’

(iii) абстрактные

(в) ʻс [кем, кем]’ — сопровождение

Совместные действия, в т. ч. в пространственном смысле:

(8) *Tù źàs màn-ca ili aśès te dadè-sa?*
ʻТы пойдёшь со мной или останешься со своим отцом?’

(9) *Naštìv te-kəràv butì te phralè-sa.*
ʻЯ не могу работать с твоим братом.’

(10) *Kaj-źàl avrì te-khəlèl pès-kə le raklořən-ca.*
ʻИ выходит на улицу поиграть с мальчиками.’

(11) *Bèš katkà màn-ca pala-j skafedì.*
ʻПосиди тут со мной за столом.’

В т. ч. при наречиях *and-ək-thàn* ʻвместе’, *sỳsta* ʻрядом’:

(12) 👂 *Là našaďà-la, lès našaďà lès-ti dèj, lèh-ko dàd, našadè-leh anda khər, <u>là-sa</u> and-ək-thàn.*
ʻЕё выгнала, его выгнала его мать, его отец, выгнали его из дому, с ней вместе.ʼ

(13) *Ka-j nùnta bešlèm sỳsta muřə <u>źamutrə-sa</u>.*
ʻНа свадьбе я сидел рядом со своим зятем.ʼ

Совместность, одновременность и т. п.:

(14) ♪ *Aj, bryšỳn <u>barvaľà-sa</u> || sà le cə̀ri peravèla.*
ʻОй, дождь с ветром — все шатры валит.ʼ

Наличие части (тела) и т. п.:

(15) *Źanès kakalè thulè řomès <u>la pľaškà-sa</u>?.*
ʻЗнаешь этого толстого лысого цыгана?ʼ (букв. ʻс лысиной’)

(16) 👂 *Akanà avèl-tar o zmə̀vo deš-u-dò <u>šərə̀n-ca</u> pe lès-te.*
ʻТут надвигается змей с двенадцатью головами на него.ʼ

При выражении количества частотнее притяжательные группы, ср. *deš-u-dò šərə̀n-go* ʻдвенадцатиголовый’, см. 4.2.4).

Несение, движение, пребывание с предметом и т. п.:

(17) 👂 *Źàl-tar <u>le pajè-sa</u> aj rovèl.*
ʻУходит [она] с водой и плачет.ʼ

(18) 👂 *O phuroř̀o nakhə̀l, našə̀l <u>la jakhà-sa</u>.*
ʻСтаричок пробегает, бежит с глазом.ʼ (в руке)

Сюда же можно отнести обозначение содержимого чего-либо:

(19) 👂 *Akanà vò kaj-avèl pès-ka tərn̓à-sa p-o dròm, dèl ande lès-ko dròm xajìng <u>pajè-sa</u>.*
ʻИ вот он идёт со своей молодой по дороге, встаёт на его пути колодец с водой.ʼ

Этикетные обороты: *sastimà-sa* букв. ʻсо здоровьем’ (при прощании); [*àś*] *devlè-sa ~ devloř̀ə-sa* ʻпрощай’ (букв. ʻоставайся с богом / боженькой’).

(г) ʻчем [делать]’ (активно) — инструмент, средство

Орудие, в т. ч. часть тела и т. п., с помощью которого выполняется действие:

(20) *Kaď̀à salkà ćì-śìnès-la ćì le <u>toverə̀-sa</u>.*
ʻЭто дерево не срубишь даже топором.ʼ

(21) 👂 *Anda koď̀à, phèn-kə, ćì-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst <u>le pajè-sa</u>.*
ʻПоэтому, мол, не смывается кровь с их рук водой.ʼ (букв. ʻне берётся’)

(22) 👂 *Aj sò ćì-xalavès te vàs, phèn-kə, kakalè <u>vastèn-ca</u>, phèn-kə, phèrdo ràt, phèn-kə, aj tù śinès màn-gə màs.*
ʻЧто же ты не помоешь руки, говорит, этими руками, говорит, полные крови, а ты рвёшь мне мясо.ʼ

(23) 👂 *Sò dèl, peravèl <u>la sabijà-sa</u>, peravèl šòv řỳnduŕà, <u>le buzduganò-sa</u> peravèl dèš řỳnduŕà.*
ʻКа-ак махнёт, валит саблей, валит шесть рядов, палицей валит десять рядов.ʼ

Как в примере (23), творительный падеж часто употребляется с глаголом *dèl* ʻдавать’ для выражения разнообразных резких действий, ср. *dèl la sabijà-sa* ʻмахать, бить, рубить саблей’, *dèl le dumè-sa* ʻтолкать плечом’ (см. 4.6.5.1); ср. также в подобном значении глагол *kərə̀l* ʻделать’:

(24) *Kərèl la-kə̀ kaďà, gonìl-la aj ćì-dèl dùma là-sa, gonìl-la, cypìl, kərèl le vastè-sa.*
‘Делает ей так, гонит её и не говорит с ней, гонит, кричит, машет рукой.’

Средство может быть и нефизическим:

(25) *Sò kamès te-phenès kadalè divanò-sa?*
‘Что ты хочешь сказать этой историей?’

Кроме того, имеются плеонастические обороты типа:

(26) *Sò-gòdi mè ćì-gyndìv-ma le gyndò-sa, sà avèl.*
‘О чём бы я ни подумал в уме, всё совершается.’ (букв. ‘мыслью’)

(27) *Te-phabòl vò la jagà-sa!*
‘Гори он огнём!’ (проклятие)

(д) ‘как’ — способ действия

Значение, близкое к наречному (подробнее см. 4.3.7.2.3):

(28) *Arəslò prastajimà-sa.*
‘Он прибежал.’ (букв. ‘прибыл бегом’)

(29) *Phirès sojimà-sa.*
‘Ты ходишь сонный.’ (букв. ‘со сном’)

Так же *fugà-sa* ‘бегом’, *ćaćimà-sa* ‘правда, в самом деле’ (букв. ‘с правдой’ — вставной оборот).

(е) ‘с кем [ссориться и т. п.]’ — конфликт

При ряде возвратных глаголов (см. 4.13.4.1в; здесь можно усматривать и дополнение):

(30) *Xaľàm-ame le mihəješťàn-ca.*
‘Мы поссорились с [родом] миғэешти.’

(31) *Puśèl o ampəràto le tatařòn-go: sòde-źenèn-ca maràs-tu?*
‘Спрашивает басурманский царь: со сколькими людьми будешь биться?’

(iv) конструктивные

(ж) косвенное дополнение

Косвенное дополнение к ряду глаголов (о таких моделях управления см. 4.5.7.2.4):

(32) *L’à pès-kə dès laśò lè-sa aj gəlò-tar o raklò.*
‘Попрощался с ним и ушёл парень.’ (букв. ‘взял себе добрый день с ним’)

(33) *Trubùl te-divinìs amàrə phurən-ca.*
‘Надо тебе поговорить с нашими стариками.’

Особый случай: косвенное дополнение при глаголе *kərèl* ‘делать’ (обычно при прямом дополнении *sò* ‘что’, *khànći* ‘ничего’):

(34) *Nu sò te-kəràv mè ťa babà-sa?*
‘Ну что мне делать с твоей бабушкой?’

(з) в лишительной конструкции

Крайне редко — и всегда факультативно (может быть, даже в порядке оговорки) — творительным падежом управляет предлог *bi* (обычно — лишительным). Эти необычные случаи мы рассмотрим отдельно (см. 4.2.2.6.3).

4.2.1.2.12. Лишительный падеж

Лишительный падеж употребляется только после предлога *bi* ‘без’, а сам образуется только синтетически клитикой *-ko*/*-go*:

(1) *Sàr te-źàv p-o bazàri bi muřə śavès-ko?*
‘Как я пойду на базар без своего сына?’

Его форма у всех имён, кроме личных местоимений, равна м.ед. притяжательной формы (каковую мы рассматриваем отдельно от падежей), ср. *bi le śavès-ko* ‘без сына’ (опр.), *le śavès-ko khər* ‘дом сына’.

Можно было бы объявить формы лишительного падежа частным случаем отрицательных притяжательных форм (с проклитикой *bi-*, см. 3.7.5), однако этому мешает различие в согласуемости, ср.:

притяжательная форма:	*bi-glatèn-go mùrš*	‘бездетный мужчина’
	bi-glatèn-gi źuvlì	‘бездетная женщина’
	bi-glatèn-gə manùš	‘бездетные люди’
лишительный падеж:	*aśilò bi glatèn-go*	‘[он] остался без детей’
	aśilì bi glatèn-go	‘[она] осталась без детей’
	aśilè bi glatèn-go	‘[они] остались без детей’

Кроме того, у личных местоимений 1-го и 2-го лиц имеются особые формы лишительного падежа (нигде больше не выступающие), не совпадающие с соответствующими притяжательными местоимениями:

	притяжательное местоимение:			лишительный падеж:	
	muřò khər	‘мой дом’	≠	*bi màn-go*	‘без меня’
	tirò (~ *ťo*) *khər*	‘твой дом’	≠	*bi tù-ko*	‘без тебя’
	amarò khər	‘наш дом’	≠	*bi amèn-go*	‘без нас’
	tumarò khər	‘ваш дом’	≠	*bi tumèn-go*	‘без вас’
но:	*lès-ko khər*	‘его дом’	=	*bi lès-ko*	‘без него’
	là-ko khər	‘её дом’	=	*bi là-ko*	‘без неё’
	pès-ko khər	‘свой дом’	=	*bi pès-ko*	‘без себя’ (3-е лицо)
	lèn-go khər	‘их дом’	=	*bi lèn-go*	‘без них’

Личные местоимения в лишительном падеже того же лица, что и подлежащее, имеют значения ‘не в себе, без сознания’:

(2) *Sò bulgujìs? Bi tù-ko divinìs!*
‘Что ты бредишь? [Как] не в себе говоришь!’

(3) *O řòm nasvàjlo aj divinìl bi pès-ko.*
‘Цыган заболел и говорит в бреду.’

Лишительный падеж применяется при указании времени (см. 4.3.7.2.2.1); при этом группа предлога *bi* зависит от существительного (*ćàsurà* ‘часов’, здесь опущено):

(4) *Àv bi panźèn-go šòv.*
‘Приходи без пяти шесть.’

В отличие от притяжательных форм (в т. ч. местоимений), лишительный падеж не бывает приимённым, т. е. не может зависеть от существительного, а выступает в качестве обстоятельства (5), расширения (6) или присказуемого (7):

(5) *Kəràv butì bi le kaťàn-go.*
‘Я работаю без ножниц.’

(6) *Aśilèm bi le kaťàn-go.*
‘Я остался без ножниц.’
(7) *Avilèm bi le kaťàn-go.*
‘Я пришёл без ножниц.’

Ещё одно свойство лишительного падежа, позволяющее отделить его от отрицательных притяжательных форм (а также объявить *bi* предлогом, а не клитикой), — это возможность вставки после *bi*, ср. *bi (le) cygnè glatèn-go* ‘без маленьких детей’, тогда как с притяжательной формой это невозможно: не ***źuvlì bi cygnè glatèn-gi*, а только *źuvlì bi-glatèn-gi* ‘бездетная женщина’ (поэтому *bi-* здесь клитика).

Сам предлог *bi* мы могли бы считать падежным показателем (что мы делаем со лжепредлогами *ka* и *kata*), однако этому мешают случаи (впрочем, весьма редкие) его употребления с творительным падежом (в том же лишительном значении). Поэтому мы не отделяем конструкции с *bi* от других предложных конструкций и даём примеры в соответствующем месте (см. 4.2.2.6.3).

4.2.1.2.13. Звательный падеж

Звательный падеж (или «звательная форма») причисляется к падежам лишь условно, поскольку синтаксически сильно отличается от всех «нормальных» падежей. Однако поскольку речь несомненно идёт о форме имени, входящей в словоизменительную парадигму, иной подход вряд ли был бы удобен. Оформляет обращение, всегда без артикля:

(1) ♪ *Dèvla, dèvla, nà-kər, dèvla, te-meràs.*
‘Боже, боже, не делай, боже, чтоб мы умерли.’
(2) *Glatàle, nà-źan pala amèn-de!*
‘Дети, не идите за нами!’
(3) *Dàle, dè-ma te-xàv!*
‘Мам, дай мне поесть!’
(4) ♪ *Tù, Dušàne, xàs thaj pès-y || aj khanćès-tar ći-źanès-y.*
‘Ты, Душано, ешь да пьёшь, и беды не ведаешь.’ (букв. ‘ни от чего не знаешь’)

Звательным формам, особенно при оклике, нередко предшествует междометие (обычно *ò* — диакритиками условно обозначаем сильное ударение с удлинением):

(5) *Õ̀ Mùrša, phuŕà, sò kərďàn?*
‘Эй, Мурша, старик, как поживаешь?’ (букв. ‘что ты сделал’)

Изредка от существительных в звательном падеже зависят другие слова. Чаще всего это притяжательное местоимение *muřò* ‘мой’, ср. *phràla muřò* ‘братец мой’.

В разнообразных ситуациях при звательных формах стоит также слово-обращение (слово, применяемое только в такой функции, см. 3.14.2), например, *brə̀* (подробнее об этом см. 4.3.8.3). Такие слова можно считать приложениями к ядру существительной группы (например, личному имени).

4.2.1.3. Число существительной группы

Грамматическое число, как и другие морфологические признаки, касается в первую очередь ядра группы и может проявляться на согласуемых элементах. Обычно число тривиально соответствует количеству обозначенных ядром предметов: один — единственное, ср. *muřò khə̀r* ‘мой дом’, больше — множественное, ср. *muřə̀ khərà* ‘мои дома’. Число не-

счётных существительных — как правило только единственное, ср. *(ə) mòl* ʻвиноʼ, причём мн. *(le) moľà* может быть только счётным и потенциально значит ʻви́на, сорта́ винаʼ, но бывает и только множественное, ср. *le pixťà* ʻстуденьʼ (подробности и списки слов — см. 3.4.1.2, 3.4.3.23).

Из нетривиальных случаев отметим возможность употребления единственного числа в обобщённом (нереферентном) значении:

(1) *Kadò ka ləjèco phenèl-pe.*
ʻЭто говорят у немолдовая.ʼ (букв. ʻу цыгана-немолдовая', опр.)

(2) *O Kirìla divinìl řomanès màj-mištò řomès-tar.*
ʻКирила говорит по-цыгански лучше цыган.ʼ (букв. ʻцыганаʼ)

Кроме того, число как таковое в составе существительной группы выражается также различными числительными словами (см. 4.2.1.13).

4.2.1.4. Состав существительной группы

Здесь мы перечислим типы элементов, входящих в существительную группу, опишем иерархические отношения между элементами и их порядок.

4.2.1.4.1. Ядро существительной группы

Существительные группы ведут себя по-разному в зависимости от типа ядра:

(а) назывное существительное

Может распространяться как справа, так и слева.
Элементы, помещённые левее ядра, находятся «в препозиции» (подчёркнуто ядро):

(1)	*barò khàr*	ʻбольшой домʼ
	o barò khàr	ʻбольшой домʼ (опр.)
	kodò řòm	ʻэтот цыганʼ
	kodolè řomès-kə	ʻэтому цыгануʼ

Элементы, помещённые правее ядра, находятся «в постпозиции»:

(2)	а.	*khàr barò*	ʻбольшой домʼ (букв. ʻдом большойʼ)
		o khàr o barò	ʻбольшой домʼ (опр.)
		o řom kodò	ʻэтот цыганʼ
		le řomès-kə kodolès-kə	ʻэтому цыгануʼ
	б.	*o řòm kaj avilò*	ʻцыган, который пришёлʼ

Как видно, в более или менее тождественных по значению группах, в зависимости от положения элементов (левее или правее ядра), может меняться их форма (*kodolè* : *kodolès-kə* ʻэтомуʼ), а также могут происходить структурные изменения (нет артикля : есть артикль; один артикль : два артикля). Только в постпозиции может находиться придаточное предложение, как в примерах (2)б и (3)б (см. ниже). Эти и другие подобные явления описаны в разделах о соответствующих частях существительной группы (см. также 4.2.1.4.4).

(б) местоимение-существительное

Такая группа может распространяться более ограниченным набором средств. Зависимые элементы в ней могут стоять только в постпозиции:

(3) а. *tumè kòrkořo* ‘вы сами’
lèn-gə li-dò-źenèn-gə ‘им обоим’ (букв. ‘им обоим-человекам’)
kadò sà ‘это всё’
б. *kadò kaj kəràs* ‘то, что ты делаешь’

Такие группы будут рассмотрены отдельно (см. 4.2.1.14.9).

(в) эллипсис ядра

Иногда можно считать, что при наличии зависимых от ядра элементов само ядро существительной группы опущено:

(4) [*dikhlèm*] *trìn* ∅ ‘[я видел] три’ (∅ = *khərà* ‘до́ма’)
[*tindèm*] *ə lolì* ∅ ‘[я купил] красную’ (∅ = *matòra* ‘машину’)

С другой стороны, в ряде случаев при эллипсисе ядра форма зависимых элементов меняется: прилагательные, притяжательные формы, а также местоимение *sà* ‘все’ в ряде условий принимают независимое состояние. Поэтому имеет смысл усматривать здесь не эллипсис ядра, а его «врастание» в зависимое слово (подробнее см. 4.9.5.3).

4.2.1.4.2. Зависимые элементы в существительной группе

Кроме вырожденного случая, когда существительная группа состоит только из ядра, она содержит другие элементы. Они образуют иерархическую структуру, в которою входит и ядро. Все они — определения или определители к самому ядру или к некоторой более крупной синтаксической единице, включающей ядро.

Часть существительных групп с определениями можно вычленить из некоторого (воображаемого) предложения. В простейшем случае это связочные предложения (с расширениями разных типов):

(1) а. *Kadò khər sy barò.*
‘Этот дом — большой.’
⇒ б. *o barò khər* ‘большой дом’ (опр.)

(2) а. *Amarə řòm sy anda-j Tùla.*
‘Наши цыгане — из Тулы.’
⇒ б. *le řòm anda-j Tùla* ‘цыгане из Тулы’ (опр.; ‘тульские’)

Эти предложения содержат глагол-связку *sy* ‘быть’ (она может быть взаимозаменима с подлежащной клитикой, *...sy barò* ⇒ *...barò lo*, о чём см. 4.9.2.1.3). Это простейшее предикативное отношение между подлежащим и расширением преобразуется в сочетание определяемого (ядра) и определения.

Из предложений со сказуемым других типов вычленяются существительные группы с определением, выражаемым придаточным предложением:

(3) а. *Kadò źukəl bašəl.*
‘Этот пёс лает.’
⇒ б. *o źukəl kaj bašəl* ‘пёс, который лает’ (опр.)

Точно так же может быть распространена существительная группа в примере (1)б:

(4) а. *Kadò khər sy barò.*
‘Этот дом — большой.’
⇒ б. *o khər kaj sy barò* ‘дом, который большой’ (опр.)

Это значит, что с помощью союза *kaj* можно преобразовать предложение в существительную группу, причём сказуемое и зависящие от него слова становятся определительным относительным предложением.

Приведём примеры предложений, содержащих существительные группы (в роли подлежащего) с зависимыми словами разных типов (перечисляем их по части речи или типу группы). Разделим их на две большие группы:

(i) определения

Эти зависимые элементы — назывные, в том смысле, что они содержат слова (например, прилагательные) из открытых списков, с собственными лексическими значениями. Они могут выражать те или иные характеристики ядра, в некоторых случаях уточняя его значение:

(а) прилагательное

Прилагательными (или прилагательными группами) выражаются различные (качественные и, реже, относительные) признаки (см. 4.2.1.9):

(5) *Sỳ-ma <u>lolì</u> matòra.*
ʻУ меня есть красная машина.ʼ

(б) причастие

Мало чем отличается от обычных прилагательных:

(6) *Matòra <u>rimomè</u> ćì-źal khanikàj.*
ʻСломанная машина никуда не поедет.ʼ

(в) притяжательная форма

Выражает принадлежность в узком смысле, а также целый набор отношений между существительными (в т. ч. в значениях, схожих с относительными прилагательными; см. 4.2.1.10):

(7) *<u>Le rakloř̀əs-ko</u> ćikàt phanglò lo dor̓à-sa.*
ʻЛоб мальчика перевязан верёвкой.ʼ

(г) существительное

Во-первых, это т. н. частичное определение, стоящее всегда в именительном падеже (см. 4.2.1.13.4):

(8) *Àn vàdra <u>pàj</u>.*
ʻПринеси ведро воды.ʼ

Во-вторых, приложения типа *<u>bàba</u> L̓ùba* ʻбаба Люба’, *o fòro <u>Mòskova</u>* ʻгород Москва’ (см. 4.2.1.8).

(д) предложная группа

С немногочисленными предлогами (см. 4.2.1.11, в данном примере предложная группа выражает происхождение, место обитания):

(9) *Amarə̀ n̓àmur̓a <u>anda-l ćemà</u> barvalè le dətə̀t.*
ʻНаши родственники из-за границы очень богаты.ʼ

(е) придаточное предложение

Выражает любой признак ядра, вообще выразимый в предложении, где оно — член предложения (см. 4.2.1.12):

(10) *Avilò o ćòr kaj marďàm-le aratì.*
ʻПришёл вор, которого мы вчера побили.ʼ

(ж) прочие определения

Видимо, можно считать, что маргинально определением может быть наречие (*nùnta tehàra* ʻсвадьба завтраʼ), а также существительная группа в косвенном падеже (*padàrka le glatèn-gə* ʻподарок детямʼ), но в большинстве случаев такой анализ затруднителем, т. к. почти всегда возможен другой анализ (зависимость от глагола).

(ii) определители

В существительные группы могут также входить слова других типов, которые близки определениям, однако они, строго говоря, не имеют самостоятельных лексических значений и играют в большей степени грамматическую, «служебную» роль. Они могут придавать всей группе определённость или неопределённость, выполнять роль указателей, выделять предмет из множества подобных и т. п. Сюда входят:

(з) артикль

Явным образом сообщает всей группе определённость или неопределённость (см. 4.2.1.6):

(11) *Ə lolì matòra atàrdili paša-j lavˋka.*
ʻКрасная машина остановилась у магазина.ʼ (опр.)

(12) *Paša-j lavˋka atàrdili jek lolì matòra.*
ʻУ магазина остановилась красная машина.ʼ (неопр.)

(и) указательное местоимение

В разнообразных речевых ситуациях указывает на конкретный предмет ещё более однозначно, чем определённый артикль (см. 4.2.1.7):

(13) *Kaďà lolì matòra kərˋəl lèzni.*
ʻЭта красная машина стоит дёшево.ʼ

(к) притяжательное местоимение

Подобно назывным притяжательным группам, притяжательные местоимения выражают принадлежность или некоторое более сложное отношение предмета к другому предмету (см. 4.2.1.10.1):

(14) *Myřy lolì matòra rimosàjli.*
ʻМоя красная машина сломалась.ʼ

(л) количественное числительное

Даёт представление о количестве предметов, названных ядром (см. 4.2.1.13):

(15) *Sy-ma trìn lolè matòri.*
ʻУ меня есть три красных машины.ʼ

(м) порядковое числительное

Если подобных предметов более одного, указывает на один из них (по поведению не отличается от обычных прилагательных):

(16) *Ə <u>trìto</u> lolì matòra źàl màj-fùgo kata sà.*
ʻТретья красная машина ездит быстрее всех.ʼ

(н) неопределённое или определительное местоимение

Так или иначе указывает на (все, некоторые или один) элемент(ы) множества (см. 4.2.1.14.1, 4.2.1.14.5):

(17) *<u>Sà</u> le lolè matòri kərən lèzni.*
ʻВсе красные машины стоят дёшево.ʼ

(18) *<u>Vùni</u> lolè matòri kərən kùć.*
ʻНекоторые красные машины стоят дорого.ʼ

(19) *Koćè bešəl <u>kàk</u> lolì matòra.*
ʻТам стоит какая-то красная машина.ʼ

Сюда же можно включить «качественные местоимения», которые, подобно назывным прилагательным, ссылаются на признак, не называя его:

(20) *<u>Kasavì</u> matòra ćì-dikhlèm ćèk-dàta.*
ʻТакую машину я никогда не видел.ʼ

(21) *Sỳ-ma tàbla <u>kadalà-tar</u>.*
ʻУ меня есть такой лист металла.ʼ

Грань между определениями и определителями порой размыта, однако это деление будет полезно при описании порядка элементов существительной группы. Возможно следующее обобщение: в отличие, например, от определений-прилагательных, определители всегда имеют отношение к множеству, количеству. Так, количество выражено лексически в *trìn lolè matòri* ʻтри красные машиныʼ (и морфологически — множественным числом), а в *kadʼà lolì matòra* ʻэта красная машинаʼ; *kàk lolì matòra* ʻкакая-то красная машинаʼ; *vùni lolè matòri* ʻнекоторые красные машиныʼ говорится о некотором множестве ʻкрасных машинʼ, из которых с помощью определителя выделяется подмножество (в т. ч. одна).

4.2.1.4.3. Иерархия элементов в существительной группе

В общем случае — при отсутствии специального выделения какого-либо из элементов — существительная группа произносится с (условно) ровной интонацией с сильнейшим ударением на самом правом элементе, который, тем самым, получает логический фокус. Это мы будем считать нейтральной интонацией (см. 4.8.1).

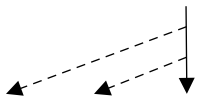
Определения вступают в более или менее тесную связь с ядром. Особняком стоят сочетания типа *pàj barò* ʻрекаʼ (или просто ʻводоёмʼ), составляющие нерасторжимое лексическое единство. Подобные сочетания образуют градацию по тесноте связи (подробнее см. 4.2.1.9). В прочих случаях элементы существительной группы сами по себе более автономны и могут выступать как обозначение некоторых семантических признаков. При этом их роль в группе может быть разной, ср.:

(1) а. *o <u>dùjto</u> <u>barvalò</u> phràl* ʻвторой богатый братʼ
б. *o <u>dùjto</u> phràl <u>o barvalò</u>* ʻвторой, богатый братʼ (а не бедный)

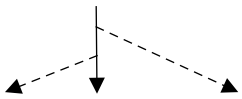
При нейтральной интонации в примере (1)а свойство брата *barvalò* ʻбогатыйʼ подаётся как нечто уже известное, напоминаемое, т. е. никак особо не подчёркивается; говорящий

может подразумевать, что имеется по крайней мере два богатых брата и речь идёт об одном из них. Таким образом, это определение является здесь в той или иной степени **описательным**, оно даётся лишь как дополнительная информация, и поэтому для однозначного обозначения здесь необходимо ещё порядковое числительное *dùjto* ʻвторойʼ. Однако в примере (1)б то же прилагательное *barvalò* употреблено именно для указания на конкретного брата; скорее всего подразумевается, что имеются два брата, из которых только один богатый, т. е. здесь порядковое числительное *dùjto* является скорее описательным, а определение *barvalò* — **ограничительным**.

Из этого следуют различия в иерархии: в примере (1)а определение *barvalò* относится непосредственно к ядру *phràl*, а к образуемой ими группе в свою очередь относится *dùjto*; в примере (1)б — наоборот. Это различие в употреблении определений в данных примерах можно изобразить древесно:



o dùjto [*barvalò phràl*]



[*o dùjto phràl*] *o barvalò*

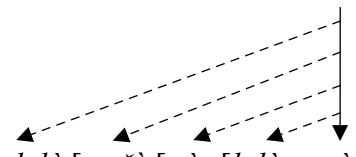
По этим примерам видно, что в постпозиции прилагательные в роли ограничительного определения требуют определённого артикля, т. е. явного указания на определённость (об этом см. 4.2.1.4.4, 4.2.1.9; в схемах мы не стали выделять для артикля отдельной ветки).

Как уже сказано, в этих примерах предполагается нейтральная интонация. Из дальнейшего будет видно, что в некоторых случаях возможна иная иерархия при том же порядке.

Фундаментальное различие между определениями и определителями состоит в том, что первые могут относиться непосредственно к семантике самого ядра группы (т. е. существительного), а вторые — всегда относятся к чему-то более широкому. Возьмём, например, сочетание *lolì matòra* ʻкрасная машинаʼ, мн. *lolè matòri* ʻкрасные машиныʼ (т. е. ʻсовокупность из более чем одной красной машиныʼ). Прилагательное *lolè*, хоть и стоит во множественном числе, на самом деле характеризует каждую из машин, а не их совокупность. Однако артикли, местоимения и т. п. относятся ко всей совокупности, т. е. помещают ядро («уже́» стоящее во множественном числе и обязательно вместе с его назывными определениями) в некоторый грамматический (прагматический) контекст, ср.:

(2) а. *le* [*lolè matòri*] ʻкрасные машиныʼ (опр.)
б. *kadalà* [*lolè matòri*] ʻэти красные машиныʼ
в. *trìn* [*lolè matòri*] ʻтри красные машиныʼ

В примерах (2)а и (2)б ядро с определением *lolì matòra* «сначала» ставится во множественное число, а «потом» получает уточнение в виде определённого артикля или указателя. В примере (2)в числительное *trìn* никак не характеризует само ядро, а выражает количество ʻкрасных машинʼ. Точно так же в *jek lolì matòra* неопределённый артикль *jek* придаёт всей группе неопределённость, так что она ссылается на ʻкакую-тоʼ красную машину из всего множества красных машин. Значит, эти элементы (местоимения, числительные, артикли) более внешни по отношению к ядру, чем назывное определение (здесь прилагательное *lolò*). Но и сами они образуют иерархию, ср. следующий пример, где каждое слово, добавляемое слева, относится ко всему, что «уже́» есть правее:

(3) 

kadalà [*muřə* [*trìn* [*lolè matòri*]]] ʻэти мои три красные машиныʼ

При нейтральной интонации иерархическое положение определителя по отношению к ядру соотносится с линейным порядком внутри существительной группы, что видно в примере (3). Этот факт является проявлением общей тенденции к «проективности» (т. е. непересечению стрелок в синтаксическом древе). В подобных случаях, чем более «внешне» определение, тем оно более ограничительно, т. е. тем у́же становится «выборка» предметов из некоторого множества. И наоборот — чем более «внутренне» определение, тем меньше говорящий настаивает на выделении из множества по данному признаку. Так, во многих прагматических ситуациях в группе *kadalà muřə̀ trìn lolè matòri* прилагательное *lolè* может быть чисто описательным (т. е. никаких машин, кроме ʻкрасных’, может и не быть — однако этого нельзя сказать наверняка), как и числительное *trìn* (может быть или не быть верно, что машины всего три). То же можно сказать и об остальных определителях в этих примерах (при нейтральной интонации), но в нормальном случае самый левый из них (здесь *kadalà*) — всё-таки наиболее ограничительный.

Определители стоят чаще слева от ядра (но бывает и иначе, см. ниже), прилагательные и притяжательные группы — и слева, и справа, а элементы остальных типов — только справа. Особые правила касаются артикля. Однако можно сказать, что — опять-таки, при нейтральной интонации — положение справа от ядра — «по умолчанию» ограничительно, а положение слева — скорее описательно. Это согласуется с упомянутым выше автоматическим ударением на самом правом элементе группы.

Ярче всего эта тенденция проявляется с прилагательными в роли определений, ср. примеры (1) и древеса к ним. В (1)б: *o dùjto phràl o barvalò* ʻвторой брат, [в отличие от первого] богатый’ обязателен повтор артикля *o* перед прилагательным, выражающим ограничительный признак. Впрочем, некоторые прилагательные могут стоять правее ядра и быть описательными — это касается немногочисленных тесных нерасторжимых сочетаний, ср.:

(4) а. *o dùjto* [*phràl ćaćò*] ʻвторой родной брат’
б. [*o dùjto phràl*] *o ćaćò* ʻвторой, родной брат’ (а не двоюродный)

В примере (4)а, где сочетание *phràl ćaćò* ʻродной брат’ — тесное, почти лексическое, подразумевается, что имеется по меньшей мере два родных брата (реже в том же значении: *ćaćò phràl*, но это может значить также ʻнастоящий, истинный брат’, с оттенком метафоричности или оценочности). Только в таких тесных сочетаниях прилагательное справа может не быть ограничительным. В (4)б *ćaćò* употреблено как обычное прилагательное, т. е. в этой позиции ограничительно, и тут подразумевается, что это именно родной брат, а не, скажем, более дальний родственник, друг или просто цыган.

Все изложенные наблюдения относятся к ситуации, когда вся существительная группа произносится с нейтральной интонацией как единый интонационный отрезок. Если определение справа выделить в отдельный интонационный отрезок (с помощью перепада тона или паузы, что мы обозначаем запятой, а также понижением на конце этого отдельного отрезка), оно может быть и описательным:

(5) а. *o phràl o barvalò* ʻбогатый брат’ (а не бедный)
б. *o phràl, o barvalò* ʻбрат, [т. е.] богач’

В примере (5)а *barvalò* — ограничительный признак, а в (5)б — описательный, причём в последнем случае его можно считать приложением к ядру с эллипсисом (см. ниже). Выделение определения в отдельный интонационный отрезок — отклонение от нейтральной интонации. Кажется, частным случаем такого отклонения является постановка ослабленного ударения на указательном местоимении плана речи *kodò* ʻ(э)тот’, которое в рассказе часто ставится правее ядра (в отличие от других указателей, в т. ч. *kadò* ʻ(э)тот’ в плане действительности). Местоимение *kodò* не может быть ограничительным (его основ-

ное значение — «напоминание» уже упомянутого), из чего следует, что стоящее слева от него ядро должно быть выделено сильнее, а оно становится слабоударным:

(6) *kadò khə̀r* ʻэтот домʼ (при показе пальцем)
o khə̀r kodò ʻ[так вот] дом этот [самый]ʼ (в рассказе)

Кроме того, правее ядра могут изредка стоять притяжательные местоимения, причём в обращении (т. е. при звательной форме ядра) интонация может быть нейтральной, ср. *phràla muřò* ʻбратец мойʼ.

Нейтральная интонация может быть нарушена и левее ядра постановкой сильного ударения на определении или определителе, получающем тем самым логический фокус:

(7) а. *o dȕjto barvalò phràl* ʻвторой богатый братʼ (а не первый)
б. *o dùjto barvalȍ phràl* ʻвторой, богатый братʼ (а не бедный)

При этом обычно неясно, нарушается ли тут проективность, т. к. определение *dùjto* ʻвторойʼ всё равно может быть более внешне, чем *barvalò* (что трудно установить). При желании придать ограничительность определению *barvalò* возможны случаи типа:

(8) *o dȕjto*, *o barvalò phràl* ʻвторой, [т. е.] богатый братʼ (а не бедный)

И здесь отдельным интонационным отрезком достигается значение, близкое к (5)а. Впрочем, как пример (8), так и (5)б можно рассматривать как случаи приложения с эллипсисом вершины (т. е. *o dùjto ∅, o barvalò phràl* ≈ *o dùjto phràl, o barvalò ∅*, где *∅ = phràl*). При этом пауза или перепад тона сигнализируют эллипсис.

Это различие в (степени) ограничительности, выражаемое (не)повтором артикля и особой интонацией, поддаётся выражению не для всех типов определений. Дело в том, что интонацией можно выделить только элемент левее ядра, т. к. все элементы правее ядра и так получают логическое ударение; «лишний» артикль можно вставить только перед прилагательным (но не местоимением, притяжательной группой, предложной группой и т. п.) и только правее ядра (или левее — но тогда только в отдельном интонационном отрезке).

Итак, определения (и определители) разных типов могут или не могут стоять левее или правее ядра и в этих позициях могут или не могут быть ограничительными или описательными («±» значит, что позиция непоказательна; в скобках — нетипичные случаи):

положение относит. ядра:	левее						правее			
интонация:	нейтральн.		выделение		отд. отрез.		нейтральн.		отд. отрез.	
описательно или огранич.:	оп.	огр.	оп.	огр.	оп.	огр.	оп.	огр.	оп.	огр.
назывное прилагательное	+	–	±	±	±	±	–[1]	+	+	–
притяжательная форма	+	–	–	(+)			(–)	+	+	–
предложная группа							(–)	+		
придаточное предложение							(–)	+		
указательное местоимение	+	–	–	(+)						
в т. ч. *kodò*	+	–	–	(+)					+[2]	
притяжательное местоимение	+	–	–	(+)						
количественное числительное	+	–	–	(+)						
порядковое числительное	+	–	–	(+)						
неопределённое местоимение	+	–	–	(+)						
пр. местоимения: *sà*	–	+					–	+		
sàvoř ə							–	+		
kòrkoř o							–	+		

[1] Так при определённости. При её отсутствии описательность слабо отличима от ограничительности. Это же верно для тесных сочетаний типа *phràl ćaćò* ʻродной братʼ, *pàj barò* ʻрекаʼ и т. п.

[2] Только для личного ядра, причём числительные имеют вид *dùj-źenè*, *trìn-źenè* и т. д. (см. 4.2.1.13.5).

4.2.1.4.4. Порядок и сочетаемость элементов существительной группы

Опишем максимальный набор и порядок элементов существительной группы. Как говорилось выше, некоторые элементы могут быть поставлены либо слева, либо справа, ср.:

(1) а. *xaranò manùš* ‘мудрый человек’
б. *manùš xaranò* ‘тж.’

При нейтральной интонации в сочетании (1)б прилагательное *xaranò* находится в фокусе, так что особо выделяется признак ‘мудрый’, в отличие от (1)а, где выделения нет (т. е. по умолчанию в фокусе ядро). Семантические свойства определений в разных позициях рассматриваются отдельно (см. 4.2.1.9, 4.2.1.15), а здесь будет идти речь лишь о формальной стороне. Примеры более сложных существительных групп (ядро подчёркнуто):

(2) а. *kadò muřò barò khàr* ‘этот мой большой дом’
б. *ə matòra ə lolì la dà-ki* ‘красный автомобиль матери’
в. *sà le barà khərà ťa phuŕà dà-kə* ‘все большие дома твоей старой матери’
г. *khə khàr kabòr* ‘дом такого размера’ (неопр.)
д. *ćè-to muřà ńàmuŕa anda-l ćemà* ‘какие-то мои родственники из-за границы’
е. *kasavè dùj kotorà xàrkuma* ‘два таких куска меди’
ж. *amarà kyrdòs-kə trìn barvalè* ‘трое богачей нашего табора’
з. *lì-trin lès-kə śejà le mùndri* ‘все три его красивые дочери’

Как видно, устройство существительной группы бывает довольно сложным. Для его описания можно дать линейный шаблон с учётом порядка элементов, в который они укладываются в общем случае. В пределах этого шаблона выделяется ряд позиций, заполняемых только элементами взаимоисключающих типов. Опишем отдельно состав группы слева и справа от ядра. В пределах каждой половины порядок и сочетаемость поддаются в разной степени строгому обобщению:

(а) левее ядра

Набор зависимых элементов слева от ядра можно представить следующей таблицей:

<table>
<tr><td rowspan="2">местоим.: неопр.; колич. вопр.</td><td></td><td rowspan="2">притяж. группа</td><td colspan="2"></td><td rowspan="6">прилагательные</td><td rowspan="6">существительное (приложение)[1]</td><td rowspan="6">существительное (ядро)</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2"></td></tr>
<tr><td rowspan="3">sà, dopàš [3]</td><td>указ. местоимение</td><td>притяж. местоим.</td><td rowspan="3">колич. числит.[2, 3]; порядк. числит.</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>притяж. группа</td><td></td></tr>
<tr><td>опр. артикль</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="3"></td><td>качеств. местоим.</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td>неопр. арт.; числ. ‘1’</td><td colspan="2"></td></tr>
</table>

[1] Только когда ядро — имя собственное. Иначе эта позиция не заполняется.
[2] Здесь количественное числительное — 2 и более. Только при множественном числе ядра.
[3] Местоимение *dopàš* ‘половина’ в нормальном случае несовместимо с числительными. В схеме не удалось изобразить этот факт.

Каждая строка таблицы даёт представление о максимальном наборе элементов при наличии тех или иных из них. Все элементы, кроме ядра, факультативны. Позиции заполняются слева направо. Можно пропустить любой элемент, так что первый элемент может быть любым (в т. ч. и ядром). Выбрав первый элемент и двигаясь вправо по горизонтали, можем добавлять любой элемент на нашем пути. Например, если первый элемент — определённый артикль, то следующим может быть числитель, затем может идти определение-прилагательное; не может быть притяжательной группы или притяжательного местоимения, качественного местоимения и т. д.:

(3)	*o barò khər*	ʻбольшой дом’ (опр.)
	əl štàr barə̀ khərà	ʻчетыре больших дома’ (опр.)
	dùj kasavèn-dar khərà	ʻдва таких дома’
	** *o muřò barò khər*	(опр. артикль + притяжатель — нельзя)
	** *əl štàr kasavè barə̀ khərà*	(опр. артикль + кач. местоим. — нельзя)

Дадим краткое описание всех элементов **справа налево**, т. е. от ядра (о разных типах ядра см. 4.2.1.4.1). Во всех приводимых ниже примерах ядро — назывное существительное (а не местоимение; о группах с местоименным ядром см. 4.2.1.14.9).

Если ядро — имя собственное, перед ним может стоять приложение:

(4)	*o kàko Gùsə̀a*	ʻдядя Гуся’
	amarì bàba Ràja	ʻнаша баба Рая’

При всех типах ядер слева возможны определения, выраженные прилагательными. Их может быть более одного подряд (без сочинительных союзов):

(5)	*ək barò khər*	ʻбольшой дом’ (неопр.)
	o barò lolò khər	ʻбольшой красный дом’ (опр.)
	kaď à mùndro vućì sàlka	ʻэто красивое высокое дерево’

Особый случай представляют определения, выраженные прилагательными в превосходной степени, образующие прилагательную группу, часть которой может стоять только правее ядра:

(6)	*o màj-barò khər and-o kỳrdo*	ʻсамый большой дом в таборе’
	** *o màj-barò and-o kỳrdo khər*	

Прилагательные в сравнительной степени слева стоять не могут (см. 4.2.3.3).

Левее может быть указательное качественное местоимение со значением типа ʻтакой’:

(7)	*kasavò gràst*	ʻтакая лошадь’
	kadalèn-dar parnè gràst	ʻтакие белые лошади’
	** *kadalà kakalèn-dar gràst*	(указатель + кач. местоим. — нельзя)

Затем могут стоять количественное числительное (но не *jèkh* ʻ1’) или порядковое числительное. Числительное в группе может быть только одно (кроме как при сочинении числительных):

(8)	*trìn khərà*	ʻтри дома’
	la dà-kə trìn khərà	ʻтри дома матери’
(9)	*dùj mùndro fòrurə̀a*	ʻдва красивых города’
	o dùjto mùndro fòro	ʻвторой красивый город’

Далее идёт обозначение притяжательности: притяжательное местоимение или притяжательная группа любой длины. Как видно из схемы, наличие притяжательной группы

ведёт к невозможности явно выразить определённость всей существительной группы (ядра), т. к. левее нельзя поставить артикль или указательное местоимение:

(10)	*la dà-ko khər*	ʻдом матери’
	là-ko khər	ʻеё дом’
	te dùj śavè	ʻтвои два сына’
	muřà dà-ko khər	ʻдом моей матери’
	asamàs-ki dèla	ʻерунда’ (ʻсмехотворное дело’)
**	*o la dà-ko khər*	(артикль запрёщён)
**	*kadò la dà-ko khər*	(указатель запрещён)

В следующей позиции сосредоточено всё, что касается определённости-неопределённости (см. уже данные примеры). Неопределённый артикль придаёт всей группе неопределённость, а определённый артикль или указатель — определённость. Иначе обстоит дело с притяжателями: само по себе их наличие даёт определённость (которую в таком случае нельзя явно выразить определённым артиклем, хотя можно так: указательное местоимение + притяжательное местоимение), однако неопределённый артикль (как и неопределённые местоимения) может эту определённость «снимать»:

(11)	*muřò vortàko*	ʻмой товарищ’ (опр. — по умолчанию)
	kadò muřò vortàko	ʻэтот мой товарищ’ (опр.)
	ək muřò vortàko	ʻодин мой товарищ’ (неопр.)

Самый левый элемент — это слова разных типов, так или иначе близкие к местоимениям, объединяемые общим свойством: из некоторого множества они выделяют точное или неопределённое подмножество (см. 4.2.1.14). Если существительная группа определённа (в т. ч. за счёт явного определителя), то в этой позиции может быть только обозначение ʻвсего’ или ʻполовины’. При неопределённости возможны неопределённые, вопросительные местоимения, собирательные и оценочные числительные. При притяжательном местоимении или группе (т. е. при «снимаемой определённости») возможны все эти слова:

при определённости:	*sà*	ʻвесь’ (ед.), ʻвсе’ (мн.)
	dopàš	ʻполовина’
при неопределённости:	*kàk*, *ćè-to...*	ʻкакой-то’
	vùni, *mèšte*	ʻнекоторые’, ʻнесколько’
	bùt, *xancỳ...*	ʻмного’, ʻмало’...
	sòde, *kajtì ~ kaditì*	ʻсколько’, ʻстолько’
	lì-...	ʻвсе *n*’... (собир. числ.)
	sàko	ʻлюбой, всякий’
	so-gòdi	ʻвсе’
	ćè, *savès-tar...*	ʻкакой’ (вопр.)
	savò	ʻкоторый’ (вопр.)

Примеры:

(12)	*sà le cygnè khərà*	ʻвсе маленькие дома́’
	dopàš amarò kỳrdo	ʻполовина нашего табора’
	dətàt bùt kətàni	ʻочень много милиционеров’
	vùni lèn-gə n’àmurà	ʻнекоторые их родственники’
	sàko la dà-ki vòrba	ʻкаждое материнское слово’
	ćè bařunò khər	ʻкакой каменный дом’

Как видно, в роли оценки количества может быть числительная прилагательная группа типа *dətàt bùt* ‘очень много’. Слово *dopàš* ‘половина’ может быть и ядром с частичным определением (см. 4.2.1.13.4).

(б) правее ядра

Справа от ядра, как и слева, могут стоять определения разных типов. Элементы справа упорядочены менее строго, чем слева, что, в частности, связано с трудностью опознания обособленных определений, т. к. в общем случае правые элементы более ударны, чем левые. Из тех, что могут стоять слева, справа могут быть только прилагательные, притяжательные группы, а также указательные и некоторые другие местоимения (ограниченно). Даём наиболее обычный порядок:

существительное (**ядро**)	в тесных сочетаниях: прилагательное; притяж. форма	(опр. артикль +) прилагательные группы	притяжательная группа	наречие предложная группа сущ. группа в косв. падеже	указатель	*kòrkoř-o, sàvoř-ə, sà*	придаточное предложение
	местоимение в отл.; качеств. местоимение						
	сущ. группа (измеряемое)						
	сущ. имя собственное						

Начнём от ядра и будем двигаться вправо.

В первой позиции после ядра могут стоять несколько взаимоисключающих элементов. Это может быть прилагательное или притяжательная форма, образующая с ядром тесное сочетание (см. 4.2.1.9, 4.2.1.10); притяжательное или указательное качественное местоимение в отложительном падеже (см. 4.2.1.7.2); существительное в именительном падеже, обозначающее измеряемое вещество или исчисляемые предметы — частичное определение (см. 4.2.1.13.4); имя собственное как приложение к ядру (см. 4.2.1.8):

(13) а. *pàj barò* ‘река’
màs balès-ko ‘свинина’
б. *řòm amarèn-dar* ‘цыган из наших’
papùka kasav'à-tar ‘такой башмак’
в. *pahàřo mòl* ‘стакан вина’
г. *o barò fòro Mòskova* ‘большой город Москва’

Далее можно поставить прилагательные (в т. ч. с артиклем). Здесь возможны прилагательные группы (а не просто прилагательные, как слева). Если левее ядра выражен признак определённости (в т. ч. притяжателем), то при прилагательных правее ядра должен стоять определённый артикль (в отличие от случаев тесных сочетаний):

(14) *o khàr o barò* ‘большой дом’ (опр.)
kadò khàr o barò ‘этот большой дом’
muřò khàr o barò ‘мой большой дом’
la dà-ko khàr o barò ‘большой дом матери’
** *khàr o barò* (нет определителя или притяжателя слева)
** *o khàr barò* (нет артикля справа)
** *kadò khàr barò* (нет артикля справа)

Этот артикль повторяется при каждом правом определении, выраженном прилагательным (прилагательной группой):

(15) *ə sàlka ə kalì ə barì dətàt* ʻочень большое чёрное деревоʼ
muřò khər o parnò o cygnò ʻмой маленький белый домʼ

Потом обычно размещаются притяжательные группы. Заметим, что притяжательные местоимения тут нехарактерны (но не совсем невозможны):

(16) *ə matòra ə barì le Jonòs-ki* ʻбольшая машина Ёноʼ
? *ə matòra muřỳ* ʻмашина мояʼ

Затем может идти предложная группа или существительное (существительная группа) во вторичном падеже (в особых случаях) или наречие (редко):

(17) а. *o khər o barò and-o fòro* ʻбольшой дом в городеʼ
manùš sar tù-te ʻчеловек вроде тебяʼ
б. *padàrka le glatèn-gə* ʻподарок детямʼ
в. *ə nùnta tehàra* ʻзавтрашняя свадьбаʼ (букв. ʻсвадьба завтраʼ)

Следующая позиция: указательное местоимение. Стоя правее ядра, оно не может нести логического ударения, ср. *o khər kodo̍* ʻ[так вот] дом этот [самый]ʼ (см. 4.2.1.4.3). Что касается самой возможности употребления указательного местоимения правее ядра, то это бывает при двух условиях: если левее ядра выражен признак определённости (явно: определителем, т. е. определённым артиклем; неявно: притяжателем, т. е. притяжательным местоимением или группой); если левее ядра уже нет указательного местоимения, ср.:

(18) *lès-ko khər kodo̍* ʻэтот его домʼ (в рассказе)
la dà-ko khər kodo̍ ʻэтот дом материʼ (в рассказе)
** *khər kodo̍* (нет артикля)
** *kòdo khər kodo̍* (повтор местоимения)

Ещё правее возможно одно из: *sà* ʻвесь; всеʼ (при неодушевлённом ядре), *sàvořə* (при одушевлённом ядре) и *kòrkořo* ʻсамʼ:

(19) *ťo khər sà* ʻвесь твой домʼ (ʻцеликомʼ)
amarə řòm sàvořə ʻвсе наши цыганеʼ (ʻв полном составеʼ)
o Gùsʹa kòrkořo ʻсам Гусяʼ (ʻсобственной персоной’)

И наконец, последний из возможных элементов — придаточное предложение:

(20) *amarə řòm kaj avilè də-duràl* ʻнаши цыгане, которые приехали издалекаʼ
ə źuklì kaj bašəlas ʻсука, которая лаялаʼ

Подробности в соответствующих разделах.

4.2.1.4.5. Местоимения: ядро или определитель?

В существительных группах одни и те же слова могут находиться в разных позициях. Так, прилагательное можно поставить как левее, так и правее ядра, причём часто это не влияет на значение; ядро группы может быть опущено; субстантивированные прилагательные могут и сами быть ядром группы, ср. прилагательное *tərnò* ʻмолодойʼ:

(1) *Dikhàs kakalà tərn'à drabarn'à?* (слева от ядра)
ʻВидишь вон ту молодую гадалку?ʼ
(2) *Źà pùś kata-j drabarnì ə tərnì.* (справа от ядра)
ʻИди спроси у молодой гадалки.ʼ

(3) *Nà-puś kata-j phurì drabarnì, kata-j tərnì pùś.* (эллипсис ядра)
‘Не спрашивай у старой гадалки, у молодой спроси.’

(4) *Kòn sy ə tərnì kaj avilì tù-sa?* (ядро)
‘Кто эта молодая, что пришла с тобой?’

Подобное разнообразие возможностей имеют местоимения: часть из них сами могут образовывать существительные группы (быть их ядром), а также входить в существительную группу в качестве определителя, ср. на примере указательных местоимений:

(5) *Kodò raklò ampəràto sas.* (слева от ядра)
‘Этот парень царём был.’

(6) *O raklò mudarďà le zməvòs kodolès.* (справа от ядра)
‘Парень убил змея того.’

(7) *Nà-le myřỳ řòj, kaťà lè!* (эллипсис ядра)
‘Не бери мою ложку, вот эту возьми!’

(8) *Kodò dumùlt sas.* (ядро)
‘Это давно было.’

Одни местоимения могут быть только ядром (личные), другие — только определителем (часть указательных и др.), третьи сочетают обе функции. Это же верно и для оценочных числительных, ведущих себя подобно местоимениям. В роли ядра часть местоимений может быть только одушевлёнными или только неодушевлёнными.

Дадим сводную таблицу местоимений и определителей по способности или неспособности выполнять описанные функции, что обозначено знаками «+» и «–», а также «(+)», если функция возможна лишь в особых случаях. В таблицу включаем также способность определителя находиться в группе с ядром-местоимением:

		ядро:		неядро:		при элл.	к
		неод.	одуш.	слева	справа	ядрá	мест.
личные и т. п.:							
mè, *tù*...	‘я’, ‘ты’...	–	+	–	–		–
kòn	‘кто’	–	+	–	–		–
sò	‘что’	+	(+)	(+)	–		–
khònik	‘никто’	–	+	(+)	(+)		+
khànći	‘ничто’	+	–	(+)	(+)		–
притяжательные:							
muřò, *tirò*...	‘мой’, ‘твой’...	–	–	+	(+)	+	–
ťo	‘твой’ (безуд.)	–	–	+	–	–	–
amarən-dar, *tumarən-dar*	‘из наших’...	–	–	(+)	+	+	–
kàs-ko	‘чей’	–	–	+	–	+	–
указательные:							
kadò	‘(э)то(т)’	+	–	+	(+)	+	–
kakò	‘(э)то(т)’	–	(+)	+	(+)	+	–
kodò	‘(э)то(т)’	+	–	+	+	+	–
kukò	‘(э)то(т)’	–	+	+	+	+	–
kadalès-tar, *kukolèn-dar*...	‘такой’	–	–	+	+	+	–
kasavò	‘такой’	–	–	+	+	+	–
kasavès-tar, *kasavèn-dar*...	‘такой’	–	–	+	+	+	–
savò	‘который’	–	–	+	–	+	–
savès-tar, *savèn-dar*...	‘какой’	–	–	+	+	+	–
ćè	‘какой’	–	–	+	–	–	–

		ядро: неод.	одуш.	неядро: слева	справа	при элл. ядрá	к мест.
определительные и т. п.:							
sòde	ʻсколько’	–	–	+	–	+	–
kajtì ~ kaditì	ʻстолько’	(+)	–	+	+	+	–
kabòr	ʻтакого размера’	–	–	(+)	+	+	–
kabòr	ʻкакого размера’	–	–	(+)	+	+	–
sà	ʻвесь, всё, все’	+	–	+	+	+	+
sàvoř ə	ʻвсе’	–	+	–	+	+	+
sòřo	ʻвесь’	–	–	+	–	–	–
sàko	ʻкаждый, любой’	–	+	+	–	+	–
sò-gòdi	ʻвсе’	–	+	+	–	–	–
kòrkořo	ʻсам’	–	–	–	+	+	+
avèr	ʻдругой’	–	–	+	–	+	–
vùni	ʻнекоторые’	–	+	+	–	+	–
kàk	ʻкакой-то’	–	–	+	–	–	–
ćì-jèkh	ʻникакой’	–	–	+	–	+	–
оценочные числительные:							
bùt	ʻмного’	+	(+)	+	–	+	–
xancỳ	ʻмало’	+	–	+	–	+	–
phèrdo	ʻполнó’	+	–	+	–	+	–

Подробности — в соответствующих разделах (см. 4.2.1.14).

В отличие от местоимений, артикли могут быть только определителями, но их положение по отношению к ядру зависит от более сложных факторов (см. 4.2.1.4.4).

4.2.1.5. Согласование в существительной группе

Признаки существительного (ядрá группы) — род, число, падеж — одновременно являются признаками всей группы. Зависимые от ядра элементы могут частично или полностью морфологически проявлять эти признаки (или не проявлять их); иными словами, по каждому из этих признаков они могут согласовываться или не согласовываться с ядром. Таким образом, собственно согласованием мы здесь называем повторение морфологических признаков ядрá зависящими от него элементами группы (общие замечания о согласовании: см. 4.4.1).

Особый тип согласования — «рифма» — основан не на грамматических признаках, а на внешнем облике окончания (см. ниже).

Для начала повторим признаки, по которым может иметь место согласование, и приведём примеры простейшей группы (артикль + прилагательное + существительное).

Число (см. 4.2.1.3) — переменный признак; определяется семантически (кроме особых случаев отсутствия одного из чисел у имён). Согласование по числу тривиально: все зависимые элементы, способные выражать число, его выражают (некоторые — факультативно, т. к. они факультативно неизменяемы). Любая существительная группа стоит в одном из двух чисел: единственном или множественном, ср.:

(1) *o barò vàš* (ед.) ʻбольшой лес’ — *le barà vəšà* (мн.) ʻбольшие леса’

Род — постоянный признак существительного. Для согласования внутри существительной группы имеют смысл мужской и женский роды (ещё есть «никакой» род, но он

проявляется только при согласовании подлежащего и сказуемого, см. 4.4.1.1), причём во множественном числе в зависимом состоянии род морфологически не различается, ср.:

(2) *o̲ barò̲ və̀š* (м.ед.)
‘большой лес’
ə̲ barì̲ rə̀z (ж.ед.)
‘большой виноградник’

le̲ barə̲̀ vəšà / rəzà (мн. обоих родов)
‘большие леса / виноградники’

Падеж — переменный признак (определяется управлением, кроме звательного). С одной стороны, всей группе обязательно присущ один из синтаксических падежей (см. 4.2.1.2), с другой — эти падежи могут по-разному выражаться, что важно при описании согласования внутри группы. Поэтому имеет смысл расщепить признак падежа на два признака с учётом морфологии: первичный падеж (см. 3.4.1.3.1) и вторичный падеж (см. 3.4.1.3.2). При этом вторичный падеж предстаёт как косвенный первичный падеж «с уточнением», выраженным падежной клитикой (речь идёт только о синтетических падежных формах). Что касается аналитических падежей (со лжепредлогами), то в морфологическом смысле они вторичными падежами не являются (в таких случаях первичный падеж — прямой), а лжепредлоги по синтаксическому поведению внутри группы в целом мало чем отличаются от обычных предлогов (однако после лжепредлогов не бывает синтетической падежной формы, а после обычных предлогов бывает). Таким образом, имеются следующие схемы выражения падежа ядра существительной группы (называем и соответствующие синтаксические падежи; для синтетических приводим и клитику):

схема		синтаксический падеж
1.	прямая форма	ИМ. ВИН.
2.	косвенная форма	ДАТ. ВИН.
3.	косвенная форма + клитика	НАПР. (-*KE*) ТВОР. (-*SA*) МЕСТ. (-*TE*) ОТЛ. (-*TAR*)
4.	звательная форма	ЗВАТ. (см. 3.4.3.24)
5.	лжепредлог + прямая форма	МЕСТ. ОТЛ.
6.	[предлог] + прямая форма	ПРЕДЛ.
7.	[предлог] + косвенная форма + клитика	ПРЕДЛ. (-*TE*) ЛИШ. (-*KO*)

Схемы 5–7 для наших целей не представляют особого интереса. В пределах именной группы нет никакой разницы между лжепредлогом и предлогом. Хотя мы и считаем лжепредлоги падежными показателями, сейчас можно смело вынести их за скобку и считать именную группу зависимой от них, как от обычных предлогов, так что, например, *ka* [*khə̀r o barò*] ‘у большого дома’ структурно тождественно *paša* [*khə̀r o barò*] ‘возле большого дома’ (хотя по нашей схеме в первом случае это падеж, а во втором — предложная группа). Поэтому можно считать, что схемы 5, 6 = 1; а схема 7 = 3.

Аналитический падеж выражается один раз (лжепредлогом) и никакому согласованию не подлежит, ср.:

(3)	*ka* [*kakò řòm o xaranò*]	ʻк этому цыгану умному’	(мест.)
	kata [*kakò řòm o xaranò*]	ʻот этого цыгана умного’	(отл.)
	paša [*kakò řòm o xaranò*]	ʻвозле этого цыгана умного’	(предл.)

Заметим, что синтаксический падеж группы не может быть её элементами выражен по-разному (т. е. одним синтетически, а другим аналитически). Поэтому невозможно: ***ka řòm kakalès-te* вм. *ka řòm kakò* ʻк цыгану этому’ (форма *kakalès-te* — в местном синтетическом) или ***kata-l řòm le xaranèn-dar* вм. *kata-l řòm le xaranè* ʻот умных цыган’ (форма *xaranèn-dar* — в отложительном синтетическом). При этом, например, можно сказать *kata-l řòm amarən-dar* ʻот наших цыган (= молдовая)’, т. к. определение *amarən-dar* ʻиз наших’ имеет «собственный падеж», не относящийся ко всей группе. От этих случаев отличаются примеры приложения типа *amèn-de le řomèn-de ~ amèn-de ka-l řòm* ʻу нас, у цыган’, где возможны оба варианта, т. к. это можно считать не одной группой, а двумя.

Таким образом, для анализа падежа существительной группы достаточно разбивки на случаи (а) первичного падежа (прямого, косвенного, звательного) и (б) вторичного падежа, т. е. первичного косвенного с клитикой, а (лже)предлоги не участвуют в согласовании.

Основное обобщение о выражении падежей склоняемыми элементами внутри существительной группы таково: элементами слева от ядра может быть выражен только первичный падеж (прям., косв., зват.) — они стоят в **зависимом состоянии** (в зависимой форме). Справа от ядра, а также при эллипсисе ядра, они в общем случае могут выражать не только первичный, но и вторичный падеж, т. к. стоят в **независимом состоянии** (если имеют независимые формы). Это значит, что по полноте выражения признаков такие элементы в общем случае могут быть подобны ядру.

Рассмотрим разные типы зависимых элементов по полноте согласования:

(i) без согласования

Не согласуются с ядром неизменяемые определения, вообще не способные к согласованию: наречия, ср. *xabè d-araťàra* ʻвчерашняя еда’ (букв. ʻеда со вчера’), предложные группы, ср. *řòm anda-l ćemà* ʻцыгане из-за границы’.

Особые притяжательные местоимения в отложительном падеже *amarən-dar* ʻиз наших’, *tumarən-dar* ʻиз ваших’ и т. д. всегда стоят во множественном числе. Можно считать, что они образуют свою собственную группу (судя по собственному падежу).

Не согласуются с ядром неизменяемые местоимения: *sòřo dès* ʻвесь день’, *sà le glàti* ʻвсе дети’, *ćè kỳrduŕa* ʻкакие таборы’. Некоторые местоимения факультативно неизменяемы, ср. *sàko řomès-kə* ʻкаждому цыгану’ (с согласованием: *sakonè*):

(4) *Mè sym <u>sà</u> kakalè glatèn-go dàd.*
ʻЯ отец всех этих детей.’

(5) *<u>Sàko</u> manušəs trubùl xabè.* *~ sakonè*
ʻКаждому человеку нужна еда.’

(ii) род, число

(а) указатели на *-tar*

Только по роду и числу согласуются качественные указатели в отложительном падеже, не зависящем от падежа ядра: *savès-tar* ʻкакой’, *kasavès-tar* ʻтакой’, *kadalès-tar* ʻтакой’ и т. п. (см. 4.2.1.7.2). В отличие от *amarən-dar* ʻиз наших’, они чувствительны к числу:

(6)	*khər*	*kadalès-tar*	ʻтакой дом’, букв. ʻ(из) этого’	(м.ед.)
	dèla	*kadalà-tar*	ʻтакое дело’	(ж.ед.)
	gràst, *papùći*	*kodolèn-dar*	ʻтакие кони, ботинки’	(м.мн. = ж.мн.)

(7)	*dikhlò*	*kasavès-tar*	‘такой платок’, букв. ‘(из) такого’	(м.ед.)
	mỳca	*kasav’à-tar*	‘такая кошка’	(ж.ед.)
	khərà, *bor’à*	*kasavèn-dar*	‘такие дома, невесты’	(м.мн. = ж.мн.)

Эти местоимения могут стоять слева и справа от ядра, что не влияет на согласование, ср. *kadalès-tar khàr* и *khàr kadalès-tar* ‘такой дом’. Обычно только слева стоит вопросительное местоимение, ср. *savèn-dar manùš* ‘какие люди’. Примеры употребления:

(8) *Màj-anď à là-kə thavà kodolèn-dar, astarď à užə khə gàd mùndro.*
‘Ещё принёс ей нитки такие, сшила уже красивую рубаху.’

(9) *Thodè k skafedì, kolà-tar, nà-maj-phèn!*
‘Накрыли стол, такой, слов нет!’ (букв. ‘больше не говори’)

(б) притяжательные формы в зависимом состоянии в постпозиции

Притяжательные группы справа от ядра бывают нечувствительны к падежу. Так, при косвенном падеже ядра такая притяжательная группа может стоять в прямой форме (т. е. по виду фактически в именительном падеже), ср. ядро в вин.ед.: *la řomn’à te phralès-ki* (а не **-*ka*) ‘жену твоего брата’, но и с полным согласованием: *te phralès-kər’à* (подробности и варианты см. ниже).

(iii) род, число, первичный падеж

(в) артикли

Артикли не имеют независимых форм, ср. неопределённый (см. 3.5.1):

(10)	*ək śavořò xaranò*	‘умный мальчик’
	khə śavořàs-kə xaranès-kə	‘умному мальчику’
	kha śovořà-kə xaran’à-kə	‘умной девочке’

Определённый артикль может (в части условий — должен) повторяться справа от ядра — в той же форме, что слева (см. 3.5.2):

(11) а.	*o lolò bufàri*	‘красный бумажник’	
	bi le lolè bufarès-ko	‘без красного бумажника’	
	bi le bufarès-ko le lolès-ko	‘без красного бумажника’	(два артикля)
б.	*ə kalì raxàmi*	‘чёрное пальто’	
	bi la kal’à raxam’à-ko	‘без чёрного пальто’	
	bi la raxam’à-ko la kal’à-ko	‘без чёрного пальто’	(два артикля)
в.	*le ternè kàšt*	‘гнилые дрова’	
	bi le ternè kaštèn-go	‘без гнилых дров’	
	bi le kaštèn-go le ternèn-go	‘без гнилых дров’	(два артикля)

(г) прочие определения и определители в зависимом состоянии

Слева от ядра выступают зависимые формы прилагательных (в т. ч. местоименных и числительных) и притяжательных форм, т. е. они выражают только первичный падеж:

(12) а.	*parnì papìn*	‘белый гусь’	(им.)	
	parn’à papinà	‘белого гуся’	(вин.)	
	parn’à papinà-sa	‘с белым гусём’	(твор.)	
б.	*kukolà harambàša*	‘эти разбойники’	(им.)	
	kukolè harambašən	‘этих разбойников’	(вин.)	
	kukolè harambašən-gə	‘этим разбойникам’	(напр.)	

в.	*štàr źukàl*	ʿчетыре собаки’	(им.)
	štarə̀ źuklə̀n	ʿчетырёх собак’	(вин.)
	štarə̀ źuklə̀n-gə	ʿчетырём собакам’	(напр.)
г.	*la dà-ko pàpo*	ʿматерин дед’	(им.)
	la dà-kə̀ papòs	ʿматерина деда’	(вин.)
	bi la dà-kə̀ papòs-ko	ʿбез материна деда’	(лиш.)

Как уже сказано, в единственном числе род различается, во множественном — нет.

Изолированный пример из песни — с косвенной формой справа от ядра (мы ожидали бы *peskəràs-kə*):

(13) ♪ *Aj Zozalèna xabè kaj-tiravèla || aj le řomèh-kə pèh-kə́ ćì-anèla || le řomèh-kə thaj le kumnacə̀n-gə.*
ʿА Зозалена еду готовит, а мужу своему не несёт, мужу и деверьям.’

(iv) род, число, первичный падеж, вторичный падеж

Справа от ядра все определения и определители, имеющие формы независимого состояния, стоят именно в них (притяжательные формы — факультативно), повторяя число, род, падежи: первичный (т. е. одну из трёх форм) и вторичный (т. е. падежную клитику) ядра:

(д) прилагательные в независимом состоянии

В единственном числе:

(14)	а.	*manùš barvalò*	ʿчеловек богатый’	(им.)
		manušə̀s barvalès	ʿчеловека богатого’	(вин.)
		manušə̀-sa barvalè-sa	ʿс человеком богатым’	(твор.)
	б.	*mỳca kalì*	ʿкошка чёрная’	(им.)
		mycà kaľà	ʿкошку чёрную’	(вин.)
		mycà-kə kaľà-kə	ʿкошке чёрной’	(напр.)

Покажем различие зависимых и независимых форм:

(15)	а.	*Dikhlèm le xaranè lovarès.*	(слева от ядра — зав.)
	б.	*Dikhlèm le lovarès le xaranès.*	(справа от ядра — незав.)
		ʿЯ видел умного ловара.’	
(16)	а.	*Dèm dùma le xaranè lovarè-sa.*	(слева от ядра — зав.)
	б.	*Dèm dùma le lovarè-sa le xaranè-sa.*	(справа от ядра — незав.)
		ʿЯ говорил с умным ловаром.’	

То же в притяжательных группах (подробнее см. 4.2.4):

(17)	а.	*Ə̀ta le xaranè lovarès-ko gràst.*	(слева от ядра — зав.)
	б.	*Ə̀ta o gràst le lovarès-ko le xaranès-ko.*	(справа от ядра — незав.)
		ʿВот конь умного ловара.’	

В нечастых случаях нарушения обычного порядка слов (см. 4.2.1.4.4) прилагательные, кажется, могут склоняться так, будто они субстантивированы (см. 3.4.4.1), ср. в следующем примере *mizloćinòs* (как будто существительное) вместо *mizloćinonès* (прилагательное) ʿсреднего’:

(18) 👂 *Pe tehàra tràdel o phurò le mizloćinòs pès-kə śavès.*
ʿНазавтра посылает старик среднего своего сына.’

Здесь *pès-kə* ‘своего’ при нормальном порядке должно было бы стоять перед прилагательным: *pès-kə mizloćinonè śavès* (или при утрате склонения прилагательных II пласта — *mizloćìno*, см. 3.6.4.5).

Во множественном числе согласования как такового по роду нет, но имеет место факультативная **рифма**. Покажем это на примере косвенных падежей: прилагательное или во всех случаях принимает окончание мужского рода *-èn*/*-ən* (чаще всего так), или может принимать окончание *-(’)àn*, если стоящее слева ядро-существительное женского рода имеет такое окончание:

(19)	а.	*řomèn laśèn*	‘цыган хороших’	(м.)
		papinèn thulèn	‘гусей толстых’	(ж.)
	б.	*manušən-ca barvalèn-ca*	‘с людьми богатыми’	(м.)
		jakhən-ca barən-ca	‘глазами большими’	(ж.)
	в.	*dejàn phurʼàn*	‘матерей старых’	(ж.)
	г.	*ćirikʼàn-ca nasvaʼàn-ca*	‘с птицами больными’	(ж.)

С мужским родом при окончании *-(’)an* рифма, судя по всему, невозможна. Она также затруднительна с прилагательными II пласта (но такие сочетания вообще необычны):

(20)	а.	*tərnimatàn xaranèn*	‘юношей умных’	(м.)
		** *tərnimatàn xaranʼàn*		
	б.	? *ćirikʼàn vynətonʼèn*	‘птиц синих’	(ж.)
		?* *ćirikʼàn vynətonʼàn*		

Примеры употребления:

(21) 👁 *Avilò lilijàko phakən-ca barən-ca aj marəl ande feʼàstra.* (*phàk* ж.)
‘Прилетела летучая мышь с большими крыльями и бьёт в окно.’

(22) *Àn vàrə-so le śovořàn-gə le cygnʼàn-gə.*
‘Принеси что-нибудь маленьким девочкам.’

Таким образом, это факультативное согласование по роду: прилагательные могут не различать род во множественном числе, а могут рифмоваться с ядром женского рода.

Род чётко виден при субстантивации прилагательных, например, в косвенной форме (вин.) *barval|èn* ‘богачей’ и *barvaʼl|àn* ‘богачек’.

(е) местоимения, числительные в независимом состоянии

Местоименные и числительные прилагательные в единственном числе ведут себя, как назывные:

(23)	а.	*o manùš kodò o barvalò*	‘человек этот богатый’	(им.)
		le manušə-sa kodolè-sa le barvalè-sa	‘с человеком этим богатым’	(твор.)
	б.	*ə mỳca koďà ə kalì*	‘кошка эта чёрная’	(им.)
		la mycà-kə kodolà-kə la kaʼà-kə	‘кошке этой чёрной’	(напр.)

Во множественном же у них не наблюдается рифмы, т. к. морфологически они имеют только одну форму косв.мн. (на *-en*/*-ən*):

(24)	а.	*le ćirikʼàn kodolèn*	‘птиц этих’	(вин.)
		le źuvʼàn-ca kukolèn-ca	‘с женщинами этими’	(твор.)
	б.	*le mycən li-štarən*	‘кошек всех четырёх’	(вин.)
		le źukʼàn-ca li-trinèn-ca	‘с суками всеми тремя’	(твор.)

Форм ***trinʼàn*, ***kodoʼàn* и т. п. нет.

(ж) притяжательные формы в независимом состоянии

Как и прилагательные справа от ядра, назывные притяжательные группы принимают независимую форму, но факультативно; более того, стоя в зависимой форме, они не чувствительны к падежу ядра (т. е. как будто в именительном падеже):

(25) *Dikhľàn le śavès la Gutà-kərəs?* ~ *la Gutà-ko* **la Gutà-kə*
ʻТы видел сына Гуты?ʼ

(26) *Gəlèm and-o fòro le śavèn-ca la Guta-kərən-ca.* ~ *la Gutà-kə*
ʻЯ ездил в город с сыновьями Гуты.ʼ

Факультативность независимой формы ещё выраженнее при эллипсисе ядра (это относится и к местоимениям, в чей состав входит притяжательная клитика, т. е. только 3-го лица: *lès-k-*, *là-k-*, *lèn-g-*, *pès-k-*). В винительном падеже с местоимениями независимая форма встречается довольно часто, а с назывными притяжательными формами — реже:

(27) *O Kàrćulo pyřỳlas savořàn: aj amarən aj pès-kərən.* ~ *pès-kə*
ʻКарчюло сдавал всех: и наших, и своих.ʼ

(28) *Dikhľàn le phralès-kə śavèn, aj akanà sykavàv tù-kə la phʼà-kərən.* ~ *phʼà-kə*
ʻТы видел сыновей брата, а теперь покажу тебе сестриных.ʼ

При эллипсисе ядра в синтетическом падеже независимая форма обязательна:

(29) *Vò xàl-pe pes-kərən-ca.*
ʻОн ссорится со своими.ʼ

(30) *Xaľà-pe myřə śavèn-ca aj myřə phrales-kərən-ca.*
ʻОн поссорился с моими детьми и с [детьми] моего брата.ʼ

4.2.1.5.1. Согласование при сочинении существительных групп

Бывают случаи нетривиального отношения между числом ядра (ядер) и количеством предметов, к которым относятся определения. При этом согласование обычно имеет место не согласно логике, а по близости элементов:

(а) одно ядро — несколько определений

Ядро — в единственном числе при сочинённых определениях:

(1) *Dàv-tu ašvàr rupujì, xarkujì aj sumnakujì.*
ʻДам тебе узду серебряную, медную и золотую.ʼ

Можно считать, что здесь не одна группа, а три: *ašvàr rupujì*, *ašvàr xarkujì* и т. д., и что во второй и третьей ядро пропущено (эллипсис).

(б) несколько ядер — одно определение

Одно определение может относиться к ядрам разных групп (при их сочинении), ср. возможное *o řòm aj o gaźò le barvalè* ʻцыган и русский богатыеʼ, где правое определение стоит во множественном числе, хотя каждое из ядер — в единственном. В подобной ситуации можно считать, что *o řòm aj o gaźò* — это особая сочинительная группа (см. 4.11.2), имеющая признак множественного числа, а *le barvalè* относится к ней целиком.

При этом левые элементы чаще согласуются только с первым членом сочинения:

(2) *Sàh aj ťavèl-pe khə gaźò aj khə gaźì. Aj kodò gaźò aj gaźì ćořořə sas.*
ʻЖили-были мужик и баба. И этот мужик и баба бедные были.ʼ

Логическое согласование типа *kodolà gaźò aj gaźì* — редкость.

4.2.1.6. Употребление артиклей

Определённый артикль может стоять как слева от ядра, так и — перед правыми определениями — справа. Неопределённый артикль бывает только слева. Ниже будут даны правила употребления артиклей, в т. ч. семантические нюансы.

4.2.1.6.1. Употребление неопределённого артикля

Неопределённый артикль (о формах см. 3.5.1) — явная помета неопределённости. Он вводит в речь новые существительные (группы). Он всегда употребляется в конкретном, а не в обобщённом значении, т. е. относится к конкретному предмету и не может относиться к целому классу. Неопределённый артикль тесно связан с числительным *jèkh* ‘1’ и имеет только единственное число, в связи с чем не употребляется в группах множественного числа (во множественном числе неопределённость обычно передаётся нулевым артиклем, см. 4.2.1.6.3):

(1) *Sàs-pe ťʼ-avèl-pe k ampəràto.*
‘Жил-был царь.’

(2) *A vòn, kana sas vòn cynonořə̀, arakhàdili jek buznʹořỳ lèn-de.*
‘А они, когда были они маленькие, родилась козочка у них.’

(3) *Garàdʹol vòj and-ək sàlka.*
‘Прячется она в дереве.’

(4) *Lèn khə dikhlořò aj źàn ka-j feľàstra.*
‘Возьмите платочек и идите к окну.’

(5) *Sàs-pe ťʼ-avèl-pe khə gaźò aj khə gaźì.*
‘Жили-были мужик да баба.’

(6) *Aj sàs-le k śovořỳ.*
‘И была у них дочка.’

Употребление неопределённого артикля вне (лже)предложной группы всегда в той или иной степени факультативно, поэтому, например, вместо *arakhàdili jek buznʹořỳ* ‘родилась козочка’ можно сказать *arakhàdili buznʹořỳ* без особого изменения значения.

Согласно правилам о составе существительной группы (см. 4.2.1.4), неопределённый артикль может быть употреблён, только если правее уже нет определителя (т. е. однозначного указания на определённость — определённого артикля или определённого указателя), ср.:

(7) *ək dròm* ‘дорога’ (неопр.)
** *ək o dròm* (уже есть определитель)
** *ək kadò dròm* (уже есть определитель)

Однако если правее есть определения или притяжатели, неопределённый артикль возможен:

(8) а. *ək barì matòra* ‘большая машина’ (неопр.)
б. *ək muřò phràl* ‘мой брат’ (неопр., т. е. ‘один из моих братьев’)
ək muřò phràl ćaćò ‘мой родной брат’ (неопр., т. е. ‘один из...’)
ək muřò ćaćò phràl ‘тж.’

По поводу (8)б напомним, что само по себе сочетание *muřò phràl* (без артикля) — определённо, причём явным образом определённость при наличии притяжателя выразить невозможно (***o muřò*). Однако неопределённый артикль слева снимает эту определённость, так что вся группа *ək muřò phràl* неопределённа.

Поскольку морфологически неопределённый артикль близок к прилагательным, он согласуется с ядром, что видно при изменении падежа существительной группы (хотя в одном из вариантов мужского рода, *khə*, прямая форма совпадает с косвенной). При этом вообще косвенные формы неопределённого артикля встречаются редко (в большинстве случаев возможен нулевой артикль). Примеры обоих родов:

(9) *Bitinďàn ə matòra khə gaźès-kə.*
ʻТы продал машину русскому.ʼ (неопр.)

(10) *Andèm padàrka kha glatà-kə.*
ʻЯ принёс подарок ребёнку.ʼ (неопр.)

Те же формы артикля — к ядру притяжательной группы (такие случаи редки):

(11) *Paša ťo khàr bešàl khə gaźès-ki matòra.*
ʻУ твоего дома стоит машина русского.ʼ (неопр.)

(12) *Dikhlèm le krènźi kha salkà-kə.*
ʻЯ увидел ветви дерева.ʼ (неопр.)

В предложных (и лжепредложных) группах всегда должен быть определитель. Значит, если ядро неопределённо, неопределённый артикль обязателен: например, *tela k* (~ *khə*) *sàlka* ʻпод [каким-то] деревомʼ, но не ***tela sàlka*, примеры:

(13) *Kaj-źàl, źàl pès-kə dromè-sa, thoďà-pe tèla k sàlka aj odinìl.*
ʻНу и идёт, идёт своей дорогой, сел под деревом и отдыхает.ʼ

(14) *Kaj-gəlè-tar vȯn, aj źàn-tar vȯn, źàn-tar, aj dinè and-ək vàš.*
ʻИ вот ушли они и идут они, идут и зашли в лес.ʼ

(15) *Kaj-našaďà-les lès-ko dàd anda khàr, źàl o raklò le dromè-sa, źàl dès, dùj, trìn, aj dèl ande khə sàdo.*
ʻНу и выгнал его его отец из дому, идёт парень по дороге, идёт день, два, три и входит в сад.ʼ

(16) *Arəsàn vòn ka khə xàr, sàr te-vàzden-pe pa koďà xàr?*
ʻПодходят они к горке, как подняться им по этой горке?ʼ

(17) *Kaj-źàn le dromè-sa le raklè, źàn vòn ćì bùt, ćì xancỳ, dèn ande khə gàv, dèn, śòn-pe ka khə rašàj te-dèl-le po jèkh gràst.*
ʻНу и идут по дороге ребята, идут они ни много ни мало, входят в деревню, входят, заходят к попу, чтоб дал он им по (одной) лошади.ʼ

В ряде контекстов — в т. ч. с некоторыми обозначениями времени и прочими мерами, ср. *ək-dàta* ʻодин разʼ, *ək-bàrš* ʻгодʼ, *pa k-dès* ʻчерез деньʼ, — употребляется не артикль, а несклоняемая артиклеобразная клитика, которую мы пишем через дефис (см. 3.5.1.1). В этих контекстах редка или невозможна альтернативная форма *khə*, обычная для неопределённого артикля (артиклеобразная клитика не указывает на неопределённость, а имеет скорее функцию числителя):

(18) *Ək-dàta gəľàm and-o vàš.* ** *khə dàta*
ʻКак-то раз мы пошли в лес.ʼ

(19) *Kadò sas də k-kurko pàrpale.* ** *khə kurkò*
ʻЭто было неделю назад.ʼ

Только так в составе числительных *(ə)k-šàl* ʻ100ʼ, *(ə)k-mìja* ʻ1000ʼ (не ***khə*). В некоторых случаях, например с *bàrš* ʻгодʼ, встречается и *khə*, ср. *nakhľà* (~ *nakhlò*) *khə* (~ *ək-*) *bàrš* ʻпрошёл годʼ, так что здесь наше нестрогое понятие артиклеобразной клитики спорно.

Неопределённый артикль употребляется только конкретно, при обобщённом (нереферентном) употреблении он обычно невозможен.

4.2.1.6.2. Употребление определённого артикля

Определённый артикль (о формах см. 3.5.2) применяется для явного выражения определённости ядра существительной группы (об определённости см. 4.2.1.1.3).

Он может стоять как слева, так и справа от ядра существительной группы. Слева от ядра он употребляется только при отсутствии других определителей слева же от ядра и при соблюдении условий, о которых сказано выше (см. 4.2.1.4). Определённый артикль согласуется с ядром, ср. прямые и косвенные формы:

(1)	*o źukàl*	ʻсобака’ (им.)
	le źuklès	ʻсобаку’ (вин.)
	le kalè źuklès	ʻчёрную собаку’ (вин.)
	le kalè źuklès-ki [*porì*]	ʻ[хвост] чёрной собаки’ (притяж.)
	le źuklès le kalès	ʻчёрную собаку’ (вин.)
(2)	*ə matòra*	ʻмашина’ (им.)
	la nev’à matorà-ki [*řàta*]	ʻ[колесо] новой машины’ (притяж.)
(3)	*le phejà*	ʻсёстры’ (им.)
	le phejàn	ʻсестёр’ (вин.)
	le barə̀ phejàn-gə	ʻстаршим сёстрам’ (напр.)
	le phejàn-gə le bar’àn-gə	ʻстаршим сёстрам’ (напр.)

По признаку соотнесённости (см. 4.2.1.1.2) случаи употребления определённого артикля делятся на конкретные (референтные), т. е. когда артикль выражает определённость конкретного предмета, выделяя его из прочих, и обобщённые (нереферентные), т. е. когда определённостью воплощается охват целого класса:

(i) конкретно

В самом обычном случае определённость характерна для существительных, обозначающих предметы, видимые или ранее введённые в разговор, т. е., грубо говоря, мыслимые как известные и говорящему, и слушателю (собеседнику):

(4) *Ľà o krəstəvèco, phagľà-les, aj màj-cypìl ə raklì anda krəstəvèco: pàj, pàj!*
ʻВзял огурец, разломил его, и кричит девушка из огурца: «Воды, воды!»’

(5) *Vòj sò kərd’à, ə raklì?*
ʻОна что сделала, девушка-то?’

В этих примерах существительные *krəstəvèco* ʻогурец’, *raklì* ʻдевушка’ уже были введены в рассказ в ходе повествования, и слушатель знает, о чём идёт речь. Обоснование определённости в таких случаях относится скорее к прагматике и не всегда поддаётся формализации.

Определённость может вытекать из ситуативных факторов, когда в некоторой типичной ситуации подразумевается наличие тех или иных предметов и т. п., так что не требуются вводные объяснения, ср. описание обыденного действия (известно, что у дома есть дверь, а у его хозяина — ключ):

(6) *Avilèm khərə aj putərdèm o vudàr la ťajà-sa.*
ʻЯ пришёл домой и открыл дверь ключом.’

Наиболее регулярно это проявляется с частями тела:

(7) *Dukhàl-ma o šərò.*
ʻУ меня болит голова.’

(8) *Mùndro la, nùma xàl-la o mùj.*
ʻОна красивая, только её подводит лицо.ʼ (шутка)

Впрочем, во многих оборотах части тела часто сопровождаются притяжательными местоимениями, ср. *xalavèl pès-kə vàst*, букв. ʻмоет свои руки', причём такие существительные группы (по умолчанию) определённы.

В пределах одного предложения определённость может опираться на упоминание слева (анафора):

(9) *Dikhlèm ək kòfto aj ək pòša ka-j làvka aj plaćajà-ma màj-bùt o kòfto.*
ʻЯ видела кофту и платок в магазине, и мне понравилась больше кофта.ʼ

Определённость может предвосхищать уточнение справа (сродни катафоре):

(10) *Dè-ma o dikhlò kaj tinďàn-le aratì.*
ʻДай мне платок, который ты купила вчера.ʼ
(11) *Kàj sy o źukàl kaj sàs kaćè də-dimin̓àcy?*
ʻГде собака, которая была тут утром?ʼ

В повествовании в этой роли наряду с артиклем нередко используется указатель *kodò*, причём обычно со слабым ударением, ср. *o źukàl kodò* ʻпёс (э)тот' (см. 4.2.1.7.1).

Однако имеются существительные, которым определённость в той или иной степени внутренне присуща. Все эти существительные — имена собственные или так или иначе сближаются с ними (все они относимы к конкретным предметам):

(а) личные имена

Люди и животные, названные личным именем:

(12) *O Fantamàs nàj khərà.*
ʻФантомаса нету дома.ʼ
(13) *Ə Gànga tiravèl sòřo dès.*
ʻГанга готовит весь день.ʼ
(14) *Mangàl-pe te-lèl la Lizavetà.*
ʻ[Он] сватается к Лизавете.ʼ (букв. ʻпросится взять')
(15) *O Ćambàri khərá lo akanà?*
ʻЧямбари сейчас дома?ʼ
(16) *Mè sym o Dùka, (o) śàv le Ristàs-ko.*
ʻЯ — Дука, сын Ристы.ʼ

Вне конкретного значения личные имена употребляются без артикля, в частности при ответе на вопрос *sàr buśòl...?* ʻкак зовут...?'. Заметим, что в примере (16) употребление конкретно, что можно объяснить тем, что человек не просто называет своё имя, а как бы упоминает себя самого, причём мыслит себя как потенциально известного, так что это не ответ на вопрос ʻкак зовут...?'.

(б) единственные в своём роде персонажи

В нормальном случае ʻбог' и ʻчёрт' мыслятся как единственные в своём роде (т. е. подобны именам собственным):

(17) *Amè sàvořə paťàs-ame and-o dèl.*
ʻМы все верим в бога.ʼ
(18) *Kàj nigəràl-tu o bèng?*
ʻГде тебя чёрт носит?ʼ

Однако этикетные *źà devlè-sa* ‘иди с богом’ и *àś devlè-sa* ‘оставайся с богом’ (прощание), а также заменяющее оба этих оборота *devlè-sa* ‘с богом’ (везде можно уменьш. *devloř̀ə-sa* букв. ‘с боженькой’) употребляются всегда без артикля (впрочем, в песни мы встретили *źà le devlè-sa*); при этом только с артиклем: *najìs le devlès-kə* (букв. ‘спасибо богу’, опр.) ‘слава богу’.

(в) названия (географические и др.)

Все города, местности, реки и т. п.:

(19) *Le rašà avilè anda-j Amèrika.*
‘Священники приехали из Америки.’

(20) *O Bənàto sas fòro bokhalò.*
‘Банат был голодной местностью.’

(21) *Vò sas la Moldovà-ko màj-barvalò řòm.*
‘Он был самым богатым цыганом Молдавии.’

(22) *Tinàs màs ànda Spàro.* (здесь артикль элидирован)
‘Мы покупаем мясо в «Спаре».’ (букв. ‘из’, сеть универсамов)

Ограничения те же, что и при личных именах (см. выше). Отметим положение артикля перед ядром, когда название — приложение (см. 4.2.1.8):

(23) *Ə̀ta o fòro Samàra.*
‘Вот город Самара.’

(г) небесные тела

Это касается в первую очередь двух единственных в своём роде небесных тел, а также самого неба:

(24) *Anklistò o śonùto p-o ćèri.*
‘Взошёл месяц на небо.’

(25) *Adès o khàm dèl zuralès.*
‘Сегодня солнце светит ярко.’ (букв. ‘даёт сильно’)

(д) стихии

Можно считать конкретными следующие употребления, т. к. тут идёт речь о целой составляющей мироздания:

(26) *Ankalavàv-tu tela-j phùv.*
‘Я тебя из-под земли достану.’

(27) *Źanès te-notìs tela pàj?*
‘Ты умеешь плавать под водой?’

(28) *Pa ćèri hur’àn ćirikl’à.*
‘По небу летают птицы.’

Однако часть таких слов в вещественных и иных близких значениях употребляется без артикля (см. 4.2.1.6.3).

(ii) обобщённо

Отличить обобщённое употребление от конкретного не всегда легко. Определённый артикль при обобщённом значении относится ко всему классу предметов, хотя упоминается один (любой из них или некий прототипический). Это верно для следующих случаев:

(е) природные явления

Сюда входят *o bryšỳnd* ‘дождь’, *o ìv* ‘снег’, *ə barvàl* ‘ветер’, *o šỳl* ‘холод’, *ə brùma* ‘роса’ и т. д., а также *o khàm* ‘солнце’ в смысле ‘солнечный свет, тепло’:

(29) *Sàko dès dèl o bryšỳnd.*
‘Каждый день идёт дождь.’

(30) *Àv amèn-de kana dèla o ìv.*
‘Приходи к нам, когда пойдёт снег.’

(31) *Avrì phùrdel ə barvàl.*
‘На улице дует ветер.’

Но часть из этих явлений природы может восприниматься дробно, и тогда возможно неопределённое употребление, ср. *ək barò šỳl* ‘большой холод’, *bryšyndà* ‘дожди’ (ср. факультативно *dèl (o) bryšỳnd* ‘идёт дождь’); с явлениями природы определённость не всегда обязательна:

(32) ♪ *Aj, bryšỳn barvaľà-sa || sà le cə̀ri peravèla.*
‘Ой, дождь с ветром — все палатки валит.’

Впрочем, в песнях артикль вообще употребляется менее последовательно (см. 5.1.3.1).

(ж) части календарного года

Сюда входят названия времён года, месяцев, дней недели и праздников:

(33) *Màn plaćàl-ma o milàj.*
‘Мне нравится лето.’

(34) *Aratì sas o sàvato.*
‘Вчера была суббота.’

(35) *Sa-da-jèk bolàs le glatèn ka-j patradì.*
‘Мы всегда крестим детей на Пасху.’

(36) *Ka bə̀rš o nevò ći-p’às bùt.*
‘На Новый год мы много не пьём.’

Можно утверждать, что следующие употребления конкретны, т. к. в них речь идёт о конкретном месяце, дне и т. п. Однако внешне их не отличить от обобщённых:

(37) *And-o màrto sas barò šỳl.*
‘В марте было очень холодно.’ (букв. ‘был большой мороз’)

(38) *Avèn amèn-de ka-j patradì.*
‘Приходите к нам на Пасху.’

(39) *Amarò dàd piľà pr’à-bùt ka bə̀rš o nevò.*
‘Наш отец выпил слишком много на Новый год.’

(з) название класса

Определённость присуща названиям целых классов предметов. Здесь имеется два типа случаев в зависимости от числа. В единственном числе нередко даются определения, делаются общие утверждения:

(40) *O gulùmbo sy ćiriklì.*
‘Голубь — это птица.’

(41) *Ka rùv sỳ-le barə̀ dànd.*
‘У волка большие зубы.’

(42) *Kaďà vòrba phenèl-pe màj-bùt ka ləjèco.*
‘Это слово говорят чаще немолдовая.’ (букв. ‘говорится у немолдовая’, ед.)

Подобные обобщённые употребления с определённостью типичны и во множественном числе, если предмет мыслится как множественный по своей природе, а также когда делаются обобщения обо всех представителях:

(43) *Le řòm trajìn ćořəs.*
‘Цыгане живут бедно.’
(44) *Amè ćì-plaćàs le gaźèn.*
‘Мы не нравимся русским.’
(45) *Le tərnè ćì-maj-nikərən o zakòno o puranò.*
‘Молодые больше не соблюдают старинные обычаи.’

Иной случай: имеется в виду не весь класс, а часть его представителей:

(46) *Xàn-tu le termè!*
‘Чтоб тебя черви съели!’ (проклятие)
(47) *Xalè-ame le kətàni.*
‘Нас погубила милиция.’ (букв. ‘милиционеры, солдаты’)

(и) орудия

Как правило, в творительном падеже:

(48) *Xà la řojà-sa!* (реже: *xà řojà-sa*)
‘Ешь ложкой!’
(49) *Śindèm muřò nàj la śur’à-sa.*
‘Я порезал себе палец ножом.’

Здесь налицо обобщённое употребление: не конкретный предмет, а класс.

(к) в сравнительных оборотах

После предлога *sar* при сравнении:

(50) *Sò cypìs sar o dilò?*
‘Что ты кричишь как сумасшедший?’
(51) *Kalè lès-kə bàl sar o angàr.*
‘У него волосы чёрные как уголь.’
(52) *Bokhalò sym sar o rùv.*
‘Я голоден как волк.’
(53) *Vò parnilò sar o ìv.*
‘Он побледнел как снег.’
(54) *O raklò ćì-paťajà lès-kə: nu sàr te-śàv-ma mè sar o ćòr pa-j feľàstra, mè śàv-ma sar o řòm anda vudàr.*
‘Парень не поверил ему: ну как [это] входить мне, как вору, через окно, я войду, как человек, из двери.’

Ср. выражение *sar o pàj* ‘бегло [о речи]’ (букв. ‘как вода/река’):

(55) *Sar o pàj dèl dùma řomanès.*
‘Он прекрасно говорит по-цыгански.’

По этим примерам видно, что определённостью наделяются существительные, употреблённые «максимально» обобщённо (в т. ч. во фразеологизмах).

(л) логическая определённость

В ряде случаев определённость вызвана скорее языковым контекстом, чем свойствами описываемого предмета. Так, предмет обретает определённость (и выделяется из всех прочих) при наличии при нём прилагательного в превосходной степени:

(56) *Ə Plexànəva sy o màj-barò kỳrdo ande Řusỳja.*
ʻПлеханово — самый большой табор в России.ʼ

Здесь *kỳrdo* ʻтабор' употреблено обобщённо, однако сам оборот требует определённости (которая соответствует единственности ʻкрупнейшего табора').

(м) распределительное временно́е значение

В оборотах типа ʻ*n* раз в...':

(57) *Sỳ lès-kə te-xàl trìvar o dès te-nà-avèl bokhalò.* [Кож.]
ʻЕму нужно есть трижды в день, чтобы не быть голодным.ʼ

Так же с предлогом: *and-o dès* ʻв день' (подобно и для других временны́х единиц).

(н) вещества, материалы и т. д.

Когда говорится о веществах как о целом:

(58) *O manřò sas màj-kùć kata sumnakàj.*
ʻХлеб был дороже золота.ʼ
(59) *Le řòm kərən butì le sastrè-sa.*
ʻЦыгане работают с железом.ʼ
(60) *Ə řətìja plaćàl-ma màj-zuralès kata-j mòl.*
ʻВодка мне нравится больше вина.ʼ
(61) *Bešəl pàto anda-l luluďà.*
ʻСтоит постель из цветов.ʼ

Однако в частичном значении артикля нет, ср. *pì mòl* ʻвыпей вина' (см. 4.2.1.6.3).

(о) абстрактные понятия

Абстрактные понятия, названия действий, состояний и т. п. в общем значении часто определённы:

(62) *O hanomòs sy pharì butì.*
ʻЛужение — тяжёлый труд.ʼ
(63) *Sàr o tràjo? Sàr źàl ə dèla?*
ʻКак жизнь? Как идут дела?' (букв. ʻдело')

Сюда можно включить названия недугов:

(64) *Ka amarə glàti sàs-le le kozàća.*
ʻУ наших детей была корь.ʼ
(65) *Ľà-ame o pòno.*
ʻНас проняло.' (букв. ʻвзял понос')

Ср. также в проклятиях (здесь одинаково употребляются не только абстрактные понятия, но и вещества и т. п., см. 4.7.3е):

(66) *Xàl-tu o ćořymòs!*
букв. ʻЧтоб погубило тебя несчастье!ʼ

(п) спорадическое употребление

Определённость связана с восприятием предмета как проявления единого явления:

(67) *Pe sòs-te źàs khərà, p-o aftòbuso vòr-kə p-o pòjizdo?*
ʻНа чём ты поедешь домой, на автобусе или на поезде?ʼ

(68) *Tìndèm kadò màs p-o bazàri.*
ʻЯ купил это мясо на базаре.ʼ

(р) прочие случаи

Определённый артикль обязателен в особых оборотах типа *lèl* + ВИН. *ə dar* ʻиспугатьсяʼ (букв. ʻберёт [кого] страхʼ), *ə lìndri* ʻзаснутьʼ и т. п. (см. 4.6.5.2), а также *vuštèl anda-j lìndri* ʻпроснутьсяʼ (букв. ʻвстать из снаʼ).

Сюда же можно отнести идиоматические выражения:

(69) *Gəlò-tar p-əl gavà.*
ʻОн уехал на заработки.ʼ (букв. ʻна деревниʼ)

(70) *Trajìl and-əl ćemà.*
ʻОн живёт за границей.ʼ (букв. ʻв странахʼ)

Аналогично выражению *p-əl gavà* букв. ʻна деревниʼ теперь говорят [*phirəl*] *p-əl dàći* ʻ[ездить] по дачамʼ, т. е. ʻнаниматься на летние строительные работыʼ.

Единственный в своём роде случай — употребление артиклей с местоимением *sòde* ʻсколькоʼ при указании времени: *ka-l sòde* ʻво сколькоʼ, *də kata-l sòde* ʻс которого часаʼ (см. 4.3.7.2.2.1).

4.2.1.6.3. Употребление нулевого артикля

В случае определённости отсутствие артикля может быть связано только с синтаксическими ограничениями (при наличии при ядре группы притяжателей, указателей, числителей и других элементов, несовместимых с артиклем, см. 4.2.1.4).

При неопределённости в единственном числе отсутствие артикля может быть факультативно (т. е. может быть употреблён неопределённый артикль, см. 4.2.1.6.1):

(1) *Bešàl pàto anda-l luluďà.* ~ *(ə)k pàto*
ʻСтоит постель из цветов.ʼ

(2) *Atùnći thodè skafedì.* ~ *(ə)k skafedì*
ʻТогда [они] накрыли стол.ʼ

(3) *Vò vazďà pès-kə barò khàr.* ~ *(ə)k barò khàr*
ʻОн построил себе большой дом.ʼ

При неопределённости во множественном числе отсутствие артикля значимо, ср.:

(4) а. *Dikhàl: bešàl khə sàlka.*
ʻВидит [он]: стоит деревоʼ

⇒ б. *Dikhàl: bešàn sàlći.*
ʻВидит [он]: стоят деревьяʼ

Пример с определением:

(5) ♪ *Barə bezəxà kəràvas.*
ʻБольшие грехи я совершалʼ

Впрочем, во множественном числе чем-то вроде артикля может быть неопределённое местоимение *mèšte* (см. 4.2.1.14.5), видимо, только в песенном регистре.

В предложных конструкциях (предлог *bi* не в счёт), а также в аналитических формах местного и отложительного падежей со лжепредлогами (*ka* и *kata* ~ *katàr*) не может быть нулевого артикля, т. к. там — между (лже)предлогом и ядром — стоит определитель. Это проясняет, например, случаи вроде:

(6) *Garàďol vòj ande sàlka.*
ʻПрячется она в дереве.ʼ

Здесь существительное *sàlka* ʻдерево' совершенно точно определённо (хотя сама форма предлога двусмысленна: *ande* = *ande* + *ə*). При неопределённости было бы *and-ək sàlka* или *ande k* (~ *khə*) *sàlka* (см. ещё 4.2.1.2.2).

Очень часто неопределённый артикль опускается в конструкции обладания с *sỳ*:

(7) *Aj là-te sy khàr ampəracỳcko, sà sumnakunò.*
ʻА у неё дом царский, весь золотой.ʼ

(8) *Matòra sý-tu?* ~ ?* *khə matòra*
ʻМашина у тебя есть?ʼ

Все эти случаи касаются конкретного употребления. При обобщённом употреблении немало случаев, когда никакой артикль невозможен, т. е. здесь можно говорить именно о **нулевом артикле** как о значимом элементе:

(а) частичность

В значении частичности (партитивности), вообще вещества:

(9) *Sỳ-ma lovè.*
ʻУ меня есть деньги.ʼ

(10) *Xàv màs.*
ʻЯ ем мясо.ʼ

(11) *Muřə vàs khànden xabè.*
ʻМои руки пахнут едой.ʼ

(12) *Khàndel màn-gə manùš, khàndel màn-gə řùso.*
ʻЧую человека, чую русского.ʼ (букв. ʻпахнет мне человек[ом]ʼ)

(13) *Pàle ròdav butì.*
ʻОпять ищу работу.ʼ

Пример наличия в предложении употребления с артиклем в значении названия вещества и без — частично:

(14) *...sỳ prablèma* [...] *katkà ka-j cygənìja ande Tùla, kaj sỳ-le ə lìnija əl gazòs-ti paša-l khərà, aj dikhəh, pe koďà trùba ćì-thòn gàzo, kə xàn-le əl kətàni.*
ʻ...есть проблема [...] тут у цыганства в Туле, у которых есть линия газа близ домов, но видишь, по этой трубе не пускают газ, ибо их будет донимать милиция.ʼ

Значение частичности всегда имеется у существительных, стоящих в приложении (к мере, сосуду и т. п., см. 4.2.1.13.4):

(15) *Dè-ma k vojàga mòl.*
ʻДай мне бутылку вина.ʼ

(16) *Anďàm dùj vədri pàj.*
ʻМы принесли два ведра воды.ʼ

(17) *Rujà xancỳ ə raklì, ďà-le khə bùrnix sumnakàj.*
ʻПоплакала чуть-чуть девушка, дала ему горсть золота.ʼ (выплакала)

(б) предикативное употребление (в составе расширения или присказуемого)

Отсутствие артикля может также выражать обобщённое значение, когда подразумевается некий общий класс. Часто в предикативном употреблении существительного, ср. расширение к подлежащему:

(18) *O gulùmbo sy ćiriklì.*
‘Голубь — это птица.’
(19) *Muřò śàv sy laśò khəlitòri.*
‘Мой сын — хороший танцор.’
(20) *O raklò kàrdilo ampəràto.*
‘Парень стал царём.’
(21) *M̓às řòm.*
‘Ты похож на цыгана.’

В роли присказуемого:

(22) *Bariľàn řòm.*
‘Ты вырос цыганом.’

Расширение при выделении может стоять слева от связки, и это не меняет дела:

(23) *Xoxajimȍs sy kadò.*
‘Враньё это.’

Расширение к дополнению:

(24) ♪ *Dèvla, kàr-ma ćiriklì!*
‘Боже, сделай меня птицей!’
(25) *Sàvořə akharàn-ma ćòr.*
‘Все называют меня жуликом.’

(в) выражение отсутствия

Отсутствие чего-либо передаётся обобщённым значением, всегда без артикля:

(26) ◀ *Nàj-ma vàs, nàj-ma punřə!*
‘У меня нет рук, нет ног.’ (пришла с мороза)
(27) *Lès-te nàs-le khàr.*
‘У него не было дома.’

(г) с именами, названиями

При назывании с глаголами *buśòl* ‘называться’, *akharàl* ‘звать’ и т. п. артикль обычно отсутствует (это изредка нарушается):

(28) *Sàr buśòs? — Zòluška. Mè buśòv Zòluška.*
‘Как тебя зовут? — Золушка. Меня зовут Золушка.’
(29) *Là-kə papòs-ko dàd buśòlas Fľàga.*
‘Отца её деда звали Фляга.’
(30) 👂 *Aj dinè lès-kə anàv Argatolùmi.*
‘И дали ему имя Аргатолуми.’
(31) *Kadò fòro buśòl Varòneśa.*
‘Этот город называется Воронеж.’

Здесь везде речь идёт об имени, а не о человеке, ср. также возможную реплику при обсуждении имени:

(32) *Ćè anàv plaćàl-tu? — Màn plaćàl-ma Phabàj.*
ʻКакое имя тебе нравится?ʼ — ʻМне нравится [имя] Пхабайʼ.

Однако ср. наличие определённости, когда речь идёт о называемом:

(33) *Mè sym o Mìša.*
ʻЯ Миша.ʼ
(34) *Kadò fòro sy ə Varòneśa.*
ʻЭтот город — Воронеж.ʼ

При наличии приложения или в приложении к родовому слову (которое всегда определённо, т. к. название придаёт существительной группе определённость, см. 4.2.1.8):

(35) *Atùnći arəsl'àm and-o barò fòro Mòskova.* (нельзя ***and-o barò fòro ə Mòskova*)
ʻТогда мы прибыли в большой город Москву.ʼ
(36) *Divinìv la babà L'ubà-sa.*
ʻЯ разговариваю с бабой Любой.ʼ

Эти случаи приложения в пределах одной существительной группы надо отличать от разных именных групп, соположенных в порядке уточнения (вставка): *and-o barò fòro, ə Mòskova* ʻв большом городе, Москвеʼ, *and-o barò fòro, ande Mòskova* ʻв большом городе, в Москвеʼ, ср. ещё «уточнение»:

(37) *Gəlèm ka muřò sòkro, o Jànoš.* ***muřò sòkro Jànoš*
ʻЯ пошёл к своему тестю Яношу.ʼ
(38) *Gəlèm ka muřò sòkro, ka Jànoš.*
ʻЯ пошёл к своему тестю, к Яношу.ʼ

(д) при обращении

Со звательным падежом:

(39) *Řomnìjo, àv-ta ordè!*
ʻЖена, подойди-ка сюда!ʼ
(40) *Źàn te-sovèn, śavořàle!*
ʻИдите спать, ребята!ʼ
(41) *Sàr maj-san, phur'à?*
ʻКак поживаешь, старик?ʼ

(е) при личных именах в роли названия рода

Особый случай представляет употребление личного имени (обычно прародителя рода) для обозначения рода (см. 3.4.6.3, 3.4.1.2.2), ср.:

(42) а. *Mè sym o Dùka.*
ʻЯ — Дука.ʼ (т. е. это моё имя)
б. *Mè sym dùka.* ≈ *Mè sym anda-l dukòni.*
ʻЯ — из [рода] дукони.ʼ

(ж) в двухчастных глаголах и особых оборотах

В двухчастные глаголы входят имена, как правило не принимающие артикля:

(43) *Sàko dès kəràs butì and-o fòro.*
ʻКаждый день мы работаем в городе.ʼ
(44) *Khònik ći-dèl lè-sa dùma.*
ʻНикто с ним не разговаривает.ʼ

(45) *Thàv tù-kə pàrťa.*
ʻЯ вступлюсь за тебя.ʼ (букв. ʻположу тебе частьʼ)

(46) *Nà-kər màn-gə laźàv.*
ʻНе смущай меня.ʼ (букв. ʻне делай мне стыдʼ)

(47) *O řòm kamèl te-kərèl amèn-gə patìv.*
ʻЧеловек хочет нас угостить.ʼ (букв. ʻсделать нам честьʼ)

(48) *Trubùl te-lèl pès-kə i vòj manùš.*
ʻНадо и ей себе взять мужа.ʼ (букв. ʻчеловекаʼ)

Особый случай представляет глагол *kàndel mùj* ʻслушатьсяʼ (кого-л.), именная часть которого распространяется родительным дополнением, и тогда *mùj* (букв. ʻротʼ) чаще всего становится определённым:

(49) *O Mùrša kàndel o mùj pès-ka dà-ko.*
ʻМурша слушается своей матери.ʼ

Однако ср. в песенном регистре (где артикли могут опускаться, см. 5.1.3.1):

(50) *Mùj la dà-ko ći-kangľàs || là-pe aj gəlì-tar.*
ʻМатери не послушалась — собралась да ушла.ʼ

Артикль отсутствует в безличных связочных предложениях (см. 4.5.8.1):

(51) *Šỳl tù-kə, śò-tu andrə̀.*
ʻТебе холодно, зайди внутрь.ʼ

(52) *Sàs màn-gə laźàv te-pʼàv lè-sa.*
ʻЯ постеснялся пить с ним.ʼ (букв. ʻбыл мне стыдʼ)

(53) *Le řomèn-gə nàs vòja te-xàn lè-sa.*
ʻЦыганам нельзя было есть с ним.ʼ

Однако определённый артикль обязателен в особых оборотах типа *lèl* + ВИН. *ə dar* ʻиспугатьсяʼ (букв. ʻберёт [кого] страхʼ), *lèl* + ВИН. *ə lìndri* ʻзаснутьʼ и т. п., где существительное — подлежащее (см. 4.6.5.2).

(з) с синтетическими падежными формами

С формами синтетического отложительного падежа (обычно они входят в особые устоявшиеся обороты, см. 4.2.1.2.8):

(54) *O Kirìla divinìl řomanès màj-mištò řomès-tar.*
ʻКирила говорит по-цыгански лучше цыган.ʼ (букв. ʻцыганаʼ)

(55) *Astarďà-la vastès-tar.*
ʻ[Он] схватил её за руку.ʼ

(56) *Atùnći le manùš merə̀nas bokhà-tar.*
ʻТогда люди мёрли с голоду.ʼ

(57) *Le řòm phirə̀nas fòro foròs-tar.*
ʻЦыгане кочевали из города в город.ʼ

Синтетические падежные формы часто выступают в значениях, близких к наречным, ср. *ćaćimà-sa* ʻпо правде, честноʼ (букв. ʻправдойʼ).

В некоторых этикетных формулах с другими падежами:

(58) *Źà devlè-sa! — Àś devlè-sa!*
букв. ʻИди с богом!ʼ — ʻОставайся с богом!ʼ (при прощании)

(59) *Sastimà-sa!*
букв. ʻСо здоровьем!ʼ (при прощании)

(60) *Pe sastimàs-te!*
ʻНа здоровье.ʼ (при угощении кого-л., также при отказе от пищи)

Однако ср. *najìs le devlès-kə* ʻслава (букв. спасибо) богуʼ (см. 4.2.1.2.10).

4.2.1.7. Указатели в существительной группе

Указателями для удобства мы называем местоимения-прилагательные с общими значениями ʻэтотʼ, ʻтакойʼ и ʻкакойʼ. Эти три группы значений можно упорядочить по двум признакам:

	ʻэтотʼ	ʻтакойʼ	ʻкакойʼ
определённые	+	–	–
вопросительные	–	–	+

Определённость соответствует однозначному указанию на конкретный предмет, ср. *kadò manùš* ʻэтот человекʼ (существительная группа имеет признак определённости); этот ряд местоимений сближается с определённым артиклем, ср. *o manùš*.

Неопределённые указатели (т. е. указательные местоимения-прилагательные, лишённые определённости) не следует путать с неопределёнными местоимениями, которые не являются указателями (значения типа ʻкакой-тоʼ, о них см. 4.2.1.14.5). Например, местоимения со значениями типа ʻтакойʼ, не указывая на конкретный предмет, имеют ограничительное значение ʻвходящий в группу предметов с тем или иным свойствомʼ (т. е. указывают на свойство, их можно назвать **качественными**).

Вопросительные местоимения со значениями типа ʻкакойʼ удобно считать указательными ввиду схожего синтаксического поведения. Они в общем случае соответствуют как определённым местоимениям типа ʻэтотʼ, так и неопределённым типа ʻтакойʼ (вопросительные местоимения мы рассматриваем не здесь, см. 4.2.1.14.6).

В существительной группе в обычном случае может быть только один указатель.

4.2.1.7.1. Определённые указатели типа ʻэтотʼ

Система основных определённых указателей — четырёхчленная: различаются местоимения *kadò*, *kakò*, *kodò*, *kukò*. Кроме того, имеются более редкие краткие указатели *ka* и *ko* (см. 3.10.1.2). Смысловые различия между ними основаны на двух признаках: **плана** и **фокуса**:

фокус: \ план:	действительности		речи	
неконтрастный	*kadò*	*ka*	*kodò*	*ko*
контрастный	*kakò*		*kukò*	

В плане **действительности** (гласный *-a-*: *kadò*, *kakò*, *ka*) речь обычно идёт о видимом предмете (или метаязыковом понятии), а в плане **речи** (гласные *-o-*, *-u-*: *kodò*, *kukò*, *ko*) — о предмете, упоминаемом в рассказе (в т. ч. воображаемом), а также при анафоре и катафоре.

При **неконтрастном** фокусе (согласный *-d-*: *kadò*, *kodò*) происходит указание, не требующее уточнения, а при **контрастном** (согласный *-k-*: *kakò*, *kukò*) — выделяется один из двух и более предметов.

Краткие указатели *ka* и *ko* не различают фокуса. В прямой форме они употребляются в восклицательных предложениях особого типа (см. 4.7.5), в прочих контекстах — редко и не всеми носителями. Косвенная форма есть, видимо, только у *ko* (редкого в прямой форме), причём она отчасти функционирует как аллегровый вариант *kodò* и *kukò*.

Следующие четыре примера различаются весьма существенно, хотя в общем случае дают тождественный русский перевод:

kadò manùš *kakò manùš* *kodò manùš* *kukò manùš*	‘этот / тот человек’	стоит перед говорящим, ясно, что речь о нём говорящий указывает на одного из нескольких герой рассказа, уже упомянутый говорящим герой рассказа, именно тот, а не другой

Таким образом, эти указатели совершенно не чувствительны к близости-дальности, однако выбираются смотря по тому, идёт ли речь о реальном или воображаемом, а также следует ли специально уделить внимание выбору предмета из ряда подобных.

🗋 Это необычное функциональное разделение указателей по плану и фокусу, строго грамматикализованное в цыганским языке, долгое время ускользало от исследователей. Впервые его заметил и убедительно обосновал на кэлдэрарско-ловарском материале Я. Матрас [Matras 1994; Matras 1998]. В нашем говоре наблюдается в целом та же картина. Матрас специально объясняет использование указателей плана действительности (*kadò* и *kakò*) по отношению к единицам речи (‘это слово’, ‘эта тема’ и т. п.), однако высказывает неверное соображение, что это проявления нового для цыганского языка языкового поведения, ставшего возможным в письменных текстах и при официальных обсуждениях (типа конференций) [Matras 1998: 417], как будто традиционное общество не знает метаязыковых понятий. В нашем материале (в сказках) много случаев такого употребления (например, в комментариях рассказчика к тем или иным словам героев и т. п.), и оно явно вполне традиционно. В остальном анализ Матраса весьма проницателен.

Эти указательные местоимения (кроме *ka*) могут выступать как в функции определителя (‘этот, тот’), так и в функции ядра существительной группы (‘это’):

(i) в функции определителя

(a) *kadò* ‘этот’: действительный неконтрастный

Это наиболее частотный указатель. Относится к видимому, находящемуся в поле восприятия предмете (т. е. в ситуации, в плане действительности), указание на который однозначно и очевидно:

(1) *Katàr avilò <u>kadò</u> manùš?*
‘Откуда пришёл этот человек?’

(2) *<u>Kaďà</u> matòra myřỳ la.*
‘Эта машина — моя.’

(3) *Ande <u>kadalà</u> khərà bešən amarə̀ n’àmuri.*
‘В этих домах живут наши родственники.’

То же при рассказе в прямой речи, т. е. с точки зрения героя, для которого происходящее находится как бы в плане действительности, ср. реплики героев:

(4) 👂 *Aj lèl vòj aj dèl armajà pèh-kə phralèh: Atùnći te-źàs-tar kata <u>kadò</u> pràgo, kana avèna màn-de vàh katkà, atùnći te-lèl-pe o karfìn anda ťo punřò.*
‘И берёт она и заклинает своего брата: «Тогда отойдёшь от этого порога, когда будут у меня руки тут, тогда чтоб был вытащен гвоздь из твоей ноги».’

(5) 👂 *A raklò vľubisàjlo ande là-te, ande raklì, aj phenèl: Ćì-kamàv mè avèr, mè kamàv <u>kadalà</u> te-làv, aľarďàn?*
‘А парень влюбился в неё, в девушку, и говорит: «Не хочу я другую, я хочу эту взять, понял?»’

(6) 👂 *Aj lèn aj phenèn: Kòn màj-mùndro sunò dikhə̀la, kodò xàl <u>kaďà</u> khajnì.*
‘И берут и говорят: «Кто прекраснее сон увидит, тот съест эту курицу».’

Этот же указатель обычно относится к единицам речи, например указывая на элементы текущего рассказа:

(7) *Barì kaďà paramìći.*
ʻДлинна эта сказка.ʼ

Это пример метаязыкового указания; сама речь имеет место в плане действительности.

(б) *kakò* ʻ[именно] этотʼ: действительный контрастный

Этот указатель относится к видимому, находящемуся в поле восприятия предмету, но, в отличие от предыдущего, выделяет этот предмет среди прочих подобных:

(8) *Kakò řòm phenèl o ćaćimòs.*
ʻЭтот цыган говорит правду.ʼ (именно этот, а не другие)

(9) *Dikhàs kakalà glatà?*
ʻВидишь вон того ребёнка?ʼ (среди прочих)

То же при рассказе в прямой речи:

(10) *Kukò phenèl: Mè dàv-les kakò dikhlořò.*
ʻТот говорит: «Я дам ему этот платок».ʼ (из многих)

Намного реже *kakò* относится к предметам в плане речи (здесь к персонажам сказок):

(11) *A vò dilořò lo, kakò raklò.*
ʻА он глупенький, этот парень.ʼ

(12) *Vòj iv'à-ntàjnə nəkəžỳl, kaťà glàta.*
ʻОна зря печалится, этот ребёнок.ʼ

Можно предположить, что в таких случаях рассказчик принимает точку зрения героев рассказа. В подавляющем большинстве случаев *kakò* относится только к плану действительности.

(в) *kodò* ʻэтот, тотʼ: речевой неконтрастный

Чаще всего применяется в рассказе и ссылается на уже определённый воображаемый предмет (в плане речи), указание на который однозначно:

(13) *Sàh aj ť-avèl-pe khə gaźò aj khə gaźì. Aj kodò gaźò aj gaźì ćořořə sas.*
ʻЖили-были мужик и баба. И этот мужик и баба бедные были.ʼ

(14) *Sò aj nàj-la, ka koďà raklì!*
ʻЧего у неё только нет, у этой девушки!ʼ

При повествовании *kodò* поддерживает связность рассказа, например возвращая ранее упомянутый предмет в «поле зрения» героя. В этой функции указатель нередко стоит справа от ядра и несёт слабое ударение:

(15) *Kaj-śinďà ə phabelìn koďə̀, aj ə phabelìn nàs sàlka, raklì sas.*
ʻДа и срубил яблоню эту, а яблоня была не деревом, девушкой была.ʼ

(16) *Nùma phenďà koďà vòrba, aj anklistò avrì anda-j řỳpa koďə̀.*
ʻТолько сказал это слово, и вылез из ямы этой.ʼ

(17) *Lèl aj phenèl o hỳrco kodò̩ pès-kə baràs-kə: Manùš sy oćè, ande koďà řỳpa, aj mudaràl sà le hyrcə̀n.*
ʻБерёт и говорит мышь эта своему вожаку: «Человек есть там, в этой яме, и он убивает всех мышей».ʼ

(18) *Ľà lès-tar sà əl dikhloř̀ə kodolȁ.*
ʻВзяла у него все платочки эти.ʼ

Указатель *kodò* также обычно применяется при анафоре или катафоре. Здесь тоже можно усматривать план речи, т. к. указание на предмет не связано с действительной ситуацией (на него не покажешь пальцем), а вытекает из логики предложения:

(19) *Sò j koďà mùzyka kaj dilabàl?*
ʻЧто это за музыка, что играет?ʼ (букв. ʻта музыкаʼ)

(20) *Kàj bešəs, koďà śib i syťòs.*
ʻГде живёшь, тот язык и учишь.ʼ

Таким образом, можно сказать, что *kodò* всегда ссылается на упомянутый предмет, не выходящий за рамки плана речи, в т. ч. в чисто грамматической функции.

(г) *kukò* ʻ[именно] этот, тотʼ: речевой контрастный

Как правило, применяется в рассказе (план речи), но в отличие от предыдущего, выделяет этот предмет среди прочих подобных:

(21) *Ə màj-cynoř̀ màj-zuralès barvalì la kata kukolà dùj.*
ʻМладшая ещё богаче, чем те две.ʼ (противопоставление)

Впрочем, область пересечения сфер применения указателей *kodò* и *kukò* довольно велика. Контрастный указатель *kukò* нередко выступает и там, где нет явного противопоставления или выделения из прочих:

(22) *Ə̀ta akanà źàl-tar o raklò, ka kukolà phejà źàl-tar.*
ʻВот уходит теперь парень, к этим сёстрам уходит.ʼ

Кроме того, в особых случаях *kukò* применяется, видимо, и в плане действительности: в значении ʻпрошлыйʼ, ср. *kukò bàrš* ʻв прошлом годуʼ (при *kakò bàrš* ʻв этом годуʼ), а также ʻпротивоположныйʼ, видимо, в основном со словом *rìg* ʻсторонаʼ, ср. *pe kuťà rìg* ʻс той стороныʼ (при *pe kaťà rìg* ʻс этой стороныʼ):

(23) *Kukò bàrš kərdèm bùt lovè.*
ʻВ том году я заработал много денег.ʼ

(24) *Bèš pe kuťà rìg!*
ʻВстань с другой стороны!ʼ

(25) *Nà-inkàrďu kata kaťà rìg, kata kuťă inkàrďu!*
ʻНе держись за эту сторону, за ту держись!ʼ

Таким образом, налицо временно́е противопоставление между настоящим и прошлым и пространственное между ʻэтимʼ и ʻдругимʼ. Можно считать, что эти контексты близки к плану речи и анафоре, т. к. это не совсем указание, а логическое противопоставление.

Однако ср. употребление *kukò* при двучленном противопоставлении:

(26) *Ambòlďol pe kuťà rìg, pe kuťà rìg, ćì-lèl-les ə lìndri, kə bokhalò lo.*
ʻПовернётся то на один бок, то на другой, не берёт его сон, ведь он голоден.ʼ

(27) *Kana kuťà kurùng puśèl kata kuťà: aj kàs-ti śèj sy vòj?*
ʻИ тут одна ворона спрашивает у другой: а чья она дочь?ʼ

Как видно из примеров (26), (27), здесь контрастное местоимение не имеет разных форм для противопоставления друг другу двух предметов (типа ʻэтотʼ : ʻтотʼ). Противопоставляемые члены пары называются одинаково (здесь *kuťà rìg*, *kuťà kurùng*), т. е. никакие различия (в т. ч. по близости-дальности) не находят формального выражения.

(д) краткие формы

Все формы, кроме прям.ед., местоимения *ko* могут употребляться вместо *kodò* и *kukò.* Эти формы обычно относятся к плану речи:

(28) *Avilò khərà o phurò, kolà kořà sò kəràn lès-kə: xàn, ćì-maj-xalavèn pala pès-te, sovèn oćè, kəràn.*
‘Пришёл домой старик, [а] эти слепые [женщины] что ему делают: едят, уже не моют за собой, спят там, делают [всякое].’

(29) *Lèl kolà štàr šərà telè.*
‘Рубит эти четыре головы.’ (дракону, букв. ‘берёт... вниз’)

(30) *Te-nà-kəràl-pe vàri-so-gòdi kolè manušà-sa and-o khàr.*
‘Чтобы не делалось что-либо при этом человеке в доме.’ (речь идёт о запрете делать мыльную воду в определённые дни — в доме может быть чёрт)

К плану действительности относятся безударные прямые формы м. *ka*, ж. *kaj*, мн. *kal*, употребляемые в особых восклицательных предложениях (подробнее см. 4.7.5):

(31) *Sò j ka řòm!*
‘Ну и цыган!’

Гораздо реже они встречаются в других типах предложений, причём всегда, видимо, присутствует элемент эмоциональности по отношению к определяемому (человеку):

(32) *Ćì-haťaràv sò kəràl kaj řomnì.*
‘Не понимаю, что делает эта цыганка.’

(ii) в функции ядра

Указательные местоимения могут употребляться и в качестве ядра существительной группы. В общем случае они различают план и фокус так же, как и соответствующие определители (см. выше). При этом неконтрастные *kadò* и *kodò* чаще относятся к неодушевлённым предметам и вообще ситуациям и реже к людям, а контрастные *kakò* и *kukò* — обычно к людям, т. е. берут на себя роль одушевлённых личных местоимений. При анафоре обычно применяется *kodò*, реже *kadò*:

(а) *kadò* ‘это’: действительный неконтрастный

Относится к видимому, находящемуся в поле восприятия предмету или ситуации, часто при вопросах типа ‘что это?’ и ответах на них:

(33) а. *Sò j kadò*?
‘Что это?’

б. *Kadò sy amarò kỳrdo.*
‘Это наш табор.’

При просьбе определить слово (‘что такое?’):

(34) а. *Sò j kadò hanomòs*?
‘Что такое лужение?’

б. *Kadò sy kana hanòs dìžy.*
‘Это когда лудишь котлы.’

При замене целых фрагментов текста или при указании на ситуацию (см. 4.9.2.2):

(35) *Mè ťa glatà ćì-śindèm, mè le buznořàs ćì-śindèm, kadò sà ti řomnì kərďà.*
‘Я твоего ребёнка не резала, я козлика не резала, это всё твоя жена сделала.’

Также об элементах речи (происходящей в плане действительности):

(36) *Nà-phen kadò.*
‘Не говори этого.’

(37) *A vòj phenďà kadò: ...*
‘А она сказала так: ...’ (букв. ‘это’)

При подыскивании слова (в части контекстов здесь возможно и *kodò*):

(38) *Aj ľà ə... oj, kadò... ə dorì pa lès-ko ćikàt.*
‘И сняла — ой, как его — верёвку у него со лба.’

К людям местоимение *kadò* относится обычно только при вопросе и ответе на него, например в ситуации, когда кто-то видит незнакомого человека (или людей) и спрашивает ‘кто это?’, а собеседник отвечает. При этом если известен пол человека, о котором спрашивают, обычно имеет место согласование по роду (т. е. по полу) и числу:

(39) *Kòn sy kadò? — Kadò sy muřò dàd.*
‘Кто это? — Это мой отец.’

(40) *Kòn sy kaďà? — Kaďà sy muřỳ dèj.*
‘Кто это? — Это моя мать.’

(41) *Sò j kadalà? — Kadalà sy kaj lèn and-o patrèto.*
‘Кто это? — Это фотографы.’ (букв. ‘которые берут в фотографию’)

С придаточным предложением:

(42) *Sò j kadò kaj avilò?*
‘Кто это пришёл?’ (букв. ‘этот, который пришёл’)

Здесь катафорическое *kadò* относится к лицу; в прочих случаях *kadò* в личном значении обычно не встречается (?**kaďà phenèl* ‘эта говорит’), в этой роли обычны собственно личные местоимения (*vò*, *vòj*, *vòn*).

В порядке исключения — при анафоре (обычно *kodò*, см. ниже):

(43) *Vòj: sò kamès, kadò i kər.*
‘Она [говорит]: «Что хочешь, то и делай».’

(б) *kakò* ‘[именно] это’: действительный контрастный

Обычно относится только к одушевлённым лицам, т. е. выступает в роли личного местоимения:

(44) *Te-mudaràva mè le sapès? Kakò màj-barò lo, kakò xàl-ma!*
‘Чтоб я убил змею? Она больше, она меня съест!’

Вопреки сказанному выше, в порядке индивидуального стиля может относится и к плану речи (здесь к персонажам сказки):

(45) *Kana kakalà vuśilè də-dimiǹàcy, arəsəl o raklò ande pès-ko gàv.*
‘Когде те встали утром, прибывает парень в свою деревню.’

Часто встречается при представлении людей, в ситуации, когда надо указать на конкретного человека из нескольких, причём имеет место согласование по роду (т. е. по полу) и числу:

(46) *Kakò sy muřò kàko.*
‘Это мой дядя.’ (на фотографии, среди других людей)

(47) *Kaťà sy muřỳ borì, kakò sy muřò phràl, kakò sy muřò gaźò, kakò sy o paćtalivòno, kakò sy kakò gaźò, kakò sy kakò gaźò.*
ʻВот моя невестка, вот мой брат, вот мой мужик, вот почтальон, вот такой-то мужик, вон такой-то мужик.ʼ

Реже относится к неодушевлённым предметам, при противопоставлении одного другому. Здесь возможно согласование по роду и числу с существительным, причём говорящий, которому оно известно, его таким образом предвосхищает (см. 4.4.1.5):

(48) *Kaťà buśòl kətrỳncy, kaťà buśòl řòťa.*
ʻВот это называется передник, [а] вот это называется юбка.ʼ

(в) *kodò* ʻэто, то': речевой неконтрастный

Может относиться к предмету или событию, ситуации в плане речи:

(49) *Pala kodò ľà aj śinďà la buzňà.*
ʻПосле этого взял и зарезал козу.ʼ (после описанного события)

Иногда употребляется как личное местоимение (в рассказе), но в части таких случаев, пожалуй, можно говорить об эллипсисе вершины:

(50) *Avilè kodolà, anèn karfà, avilè koćè te-marən le devlès, thodè-les koćè p-o trušùl.*
ʻПришли эти, приносят гвозди, пришли туда [у]бить бога, поместили его там на крест.ʼ

Ср. пример с притяжательной формой:

(51) *Ə raklì phenèl: Ćì-sym mè kodolèn-di śèj!*
ʻДевушка говорит: «Я не их дочь!»ʼ

При подыскивании слова, ср. при одушевлённости с согласованием:

(52) *Aj avilè-tar le... kodolà... le palicàji.*
ʻИ пришли эти, как их — полицаи.ʼ

(53) *Lès-te sy lèh-ki... koďà... lèh-ki řomnì, ka ampəràto.*
ʻУ него есть его — эта — его жена, у царя.ʼ

При неодушевлённости — без согласования:

(54) *Aj lèl ə phuřořỳ... kodò... voglindùca.*
ʻИ берёт старушка — это — зеркальце.ʼ

Местоимение *kodò* типично в анафорической функции, ср. при одушевлённости:

(55) *Kàs-kə vòj śùdela pa pès-te, kodò sy là-ko mùrš.*
ʻПеред кем она разденется, тот [и] есть её муж.ʼ (букв. ʻкому скинет с себяʼ)

(56) *A kòn dèla kodò dikhlořò, kodolà te-lèn-la.*
ʻА кто даст этот платок, ту берите [замуж].ʼ

При неодушевлённости:

(57) *Sò avèla, phèn-kə, kodò i avèla.*
ʻЧто будет, мол, тому и быть.ʼ (букв. ʻто и будетʼ)

Таким образом, можно сказать, что *kodò*, как правило, ссылается на упомянутый предмет, не выходящий за рамки плана речи, в том числе в чисто грамматической функции анафоры.

(г) *kukò* ʻ[именно] это’: речевой контрастный

Обычно только в значении одушевлённого 3-го лица в плане речи, нередко при выделении из ряда подобных:

(58) *Kukò phenèl: Mè ći-źanàv; kukò: Mè ći-źanàv.*
ʻОдин говорит: «Я не знаю»; другой [говорит]: «Я не знаю».’

Выбор между *kodò* и *kukò* может быть произвольным, только если нет выделения из прочих, так что оба указателя могут чередоваться в одном рассказе:

(59) *Ľà o řòm aj laśarďà pànź karf'à. Kana avilè-tar kukolà te-lèn le karf'à, aj dèl-le štàr. Avilè kodolà, anèn karf'à, avilè koćè te-marən le devlès.*
ʻВзял цыган и сделал пять гвоздей. И тут пришли эти — забрать гвозди, а он даёт им четыре. Пришли эти, приносят гвозди, пришли туда [у]бить бога.’

Неясно (окказиональная калька?):

(60) *Kana vò: xà-ma, pala kukò kə spasajisardèm-tu katàr o lèvo.*
ʻА тут он [говорит]: «Ешь меня, после того, как я спас тебя от льва».’ (или ʻза то, что я спас...’?)

(д) краткие указатели

Формы мн. на *kol-* ʻэти’, судя по всему, носителями воспринимаются как аллегровые варианты соответствующих форм от *kodò* и *kukò* (например, вместо *kodolà*, *kukolà*) — только при одушевлённости, т. е. в значении местоимения ʻони’:

(61) *Vò ľà la rakľà kakalà, kolà phanglè-la pala vurdòn.*
ʻОн взял девушку эту, те [другие люди] привязали её сзади телеги.’

(62) *Kolà asàn lès-tar, lès-kə šògor'a aj lès-ko sòkro: Xà muřo̓...! Marəl-pe! Mudarďà!*
ʻЭти смеются над ним, его шурья и его тесть: «Иди ты! Бьётся! Убил!» (*xà muřò* [*kàr*] букв. ʻешь мой пенис’)

4.2.1.7.2. Качественные указатели типа ʻтакой’

Указывают на свойство, а не на сам предмет, поэтому не привносят определённости в группу (в отличие от определённых указателей *kadò* ʻэтот’ и т. д.) и несовместимы с определённым артиклем и указателями. Имеется местоимение-прилагательное *kasavò* ʻтакой’ (о формах см. 3.10.1.2), а также особые формы отложительного падежа этого местоимения (*kasavèn-dar* и др.) и определённых указателей (*kadalèn-dar* и др.):

(а) *kasavò* ʻтакой’

Может выступать как местоимение, заменяющее прилагательное:

(1) *Amè sam kasavè manùš.*
ʻМы — такие люди.’

Нередко оно выступает в контекстах приблизительности или подыскивания слова:

(2) *O arćìći sy ximikàto kasavò kalò.*
ʻНашатырь — это химикат такой чёрный.’

Иногда — в определённом значении, близком к *kadò* ʻэтот’, в т. ч. при отрицании:

(3) *Sỳ kasavì vòrba.*
ʻЕсть такое слово.’

(4) *Kasavì vòrba nàj.*
‘Такого слова нет.’

Это местоимение употребляется как соотносительное в конструкции степени и следствия (‘такой... что’, см. 4.12.8.3).

(б) *kasavès-tar* и т. д. ‘такой’

Чаще всего в значении ‘такой’ выступают формы отложительного падежа местоимения *kasavò*, которые, таким образом, нечувствительны к падежу ядра, однако согласуются с ним по роду и числу:

(5) *Kamàv te-tinàv kasavèn-dar papùća.*
‘Хочу купить такие ботинки.’
(6) *Sỳ-ma i màn-de papùća kasavèn-dar.*
‘Есть и у меня такие ботинки.’
(7) *Sỳ-ma kasavèh-tar dikhloř̀ò kaj thàv skafedì.* (опущено *lè-sa* ‘им’, твор.)
‘У меня есть такой платочек, которым накрываю стол.’
(8) *Vòj sy kasav'à-tar źuvlì.*
‘Она такая женщина.’

Как видим, формы *kasavès-tar* и *kasav'à-tar* согласуются с ядром по роду, что невозможно для мн. *kasavèn-dar*. Очевидно, что это не обычные формы отложительного падежа, т. к., будь они поняты буквально, они нарушали бы логику (ср. *kasav'à-tar źuvlì* букв. ‘женщина из такой’).

(в) *kadalès-tar* и т. д. ‘такой, такого типа’

Ещё чаще в значении ‘такой’ (с оттенком ‘такого типа’) употребляют форму отложительного падежа обоих родов и чисел от указателей *kadò*, *kodò*, *kakò*, *kukò*, а также кратких форм косв. *kolès-* и т. д. (букв. ‘от этого, этих’). Можно сказать, что постановка этих определённых указателей (см. 4.2.1.7.1) в форму отложительного падежа снимает признак определённости и превращает определённые указатели в качественные (‘этот’ ⇒ ‘такой’). Вероятно, речь идёт о качествах какого-то «прототипического» предмета (в отношении которого мыслятся определённые указатели *kadò* и т. п.), причём эти качества переносятся на другой предмет, неопределённый.

Различия плана и фокуса относятся к тому, что́ воспринимается как прототипический предмет. Здесь вряд ли можно говорить о строгой закономерности, это скорее лишь тенденция. Например, если говорящий указывает на видимый предмет (план действительности) и говорит о других подобных предметах, вероятно употребление форм указателей плана действительности *kadò*, *kakò*:

(9) *Kakalès-tar trubùl-ma.*
‘Вот такой мне нужен.’ (эллипсис: ‘диктофон’)
(10) *Sàs-ma matòra kadalà-tar.*
‘У меня была такая машина.’ (как эта)

Если же прототипический предмет — воображаемый, то будет употреблена форм указателей плана речи *kodò*, *kukò*:

(11) *Anda kod'à te-thàv skafedì kukolà-tar te-avèl, aj nùma te-avèl kaćè.*
‘Поэтому [надо] чтоб я накрыл такой стол, чтоб был, и только чтоб был тут.’
(12) *To̍ phràl amèn-de lo, dèla kodolà-tar.*
‘Твой брат у нас, такое дело.’

(13) *Màj-anďà là-kə thavà kodolèn-dar, astarďà užə̀ khə gàd mùndro.*
ʻЕщё принёс ей нитки такие, сшила уже красивую рубаху.ʼ

В такой же роли выступают краткие формы:

(14) *Thodè k skafedì, kolà-tar, nà-maj-phèn!*
ʻНакрыли стол, такой, слов нет!ʼ (букв. ʻбольше не говориʼ)

(15) *Mè sym kolès-tar manùš, ta ćì-xoxavàv ćek-dàta.*
ʻЯ такой человек, что никогда не вру.ʼ

4.2.1.8. Приложение к ядру существительной группы

Приложение обозначает тот же предмет, что и ядро, относится к той же части речи (типу группы), однако синтаксически от него зависит. Нередко приложение трудно отличить, в связи с возможностью неоднозначного разбора, от определения, выраженного прилагательным, ср. пример, где справа от ядра стоит прилагательное с артиклем и выделяется в отдельный интонационный отрезок:

(1) *O Jànći, o ćořò, bešə̀l katkà.*
ʻЯнчи, бедный, живёт тут.ʼ (= ʻбеднякʼ)

В зависимости от ситуации, *o ćořò* можно понять как описательное определение (в той или иной степени обособленное) или же как приложение, если усматривать в нём субстантивацию прилагательного (об обособленных зависимых элементах см. 4.2.1.15). Более ясные случаи приложений — «уточнения»:

(2) *Dèl ande lès-ko dròm khə hurhùna, lèn-gi dèj.*
ʻВстречает его *ғурғуна*, их мать.ʼ (злая старуха)

(3) *Mè sym o Pə̀tro, o śàv le Lazəròs-ko.*
ʻЯ Пэтро, сын Лазэро.ʼ

(4) *Ti dèj ə ampərəťàsa traďà-ma te-mudaràv-tu.*
ʻТвоя мать царица послала меня убить тебя.ʼ

Кроме того, имеется особый тип «тесных» приложений, которые интонационно не отделяются и зависят от ядра. Они бывают двух типов, в зависимости от положения:

(а) слева от ядра

Это может быть одно из всего нескольких существительных: *bàba* ʻбабушкаʼ, *pàpo* ʻдедушкаʼ, *bibì* ʻтётяʼ, *kàko* ʻдядяʼ. Обычно с определённым артиклем (кроме как в звательной форме). В отношении к неродственникам обычно только *ə bàba* + имя (так называют известных пожилых женщин):

(5) *Kàj bešə̀l ə bàba Ròza?*
ʻГде живёт баба Роза?ʼ

(6) *Bàbə Ľùbə, ťavès baxtalì!*
ʻБаба Люба, здравствуй!ʼ

Эти приложения склоняются:

(7) *Ròdav la babà Rozà.*
ʻЯ ищу бабу Розу.ʼ

Во вторичных падежах видно, что ядром является личное имя: приложение склоняется подобно прилагательным в зависимом состоянии (т. е. стоит в косвенной форме без падежной клитики; мы это назвали зависимым состоянием существительных, см. 3.4.1.3.1):

(8) *Kòn bešàl la babà Rozà-sa?*
‘Кто живёт с бабой Розой?’
(9) *Sò phenďàn la bibà Phabajà-kə?*
‘Что ты сказал тёте Пхабай?’

Такие предложения принимаются не всеми носителями. У носителей, для которых они приемлемы, формам женского рода *babà* и *bibà* (косвенная форма женского рода) в мужском роде соответствуют необычные формы *kakò* и *papò* (ср. косв. *kakòs*, *papòs*), ср.:

(10) *Kòn bešàl le kakò Grišà-sa?*
‘Кто живёт с дядей Гришей?’

Прочие же носители в таких случаях склоняют приложение с клитиками (как ядро) и повторяют артикль: *la babà-sa la Rozà-sa* ‘с бабой Розой’, *le kakòs-kə le Grišàs-kə* ‘дяде Грише’. По-видимому, здесь можно усматривать обособленное приложение.

Отметим также *sin Pètri* ‘святой Пётр’ (и одноимённый праздник ‘Петров день’):

(11) *Aj sykàďol lès-kə and-o sunò: avèl lès-te o dèl aj o sin Pètri.*
‘И видится ему во сне: приходит к нему бог и святой Пётр.

(б) справа от ядра

Как правило, только с названиями городов:

(12) *Le řòm avilè and-o barò fòro Mòskova.*
‘Цыгане пришли в большой город Москву.’

В этом примере зависимые элементы, т. е. *o barò*, согласуются с словом *fòro*, следовательно, *Mòskova* — приложение. В косвенных формах такие приложения, кажется, не встречаются, вместо этого прибегают к обособленным приложениям.

4.2.1.9. Прилагательные в роли определения

Прилагательные могут стоять как справа, так и слева от ядра. Особые случаи представляют тесные сочетания некоторых прилагательных с ядром (см. ниже). Сначала рассмотрим обычные случаи:

(а) обычные случаи

Прилагательное является определением к ядру, не образуя с ним тесного сочетания:

(1) ♪ *Barò dròm vòn teľarən || ka͡ampəràto t’-arəsən.*
‘В дальний путь они отправляются, чтоб до царя дойти.’
(2) *Glàta cynořỳ là-te.*
‘Ребёнок маленький у неё [есть].’
(3) ♪ *Katàr l’à-pe sàp lolò?*
‘Откуда взялась красная змея?’
(4) *Ta hurˈàl koďà pàřa anda ćèri, aj màj-dikhəl: mekàl-pe gràs parnò telè.*
‘И летит это пламя с неба, и вот видит [он]: спускается лошадь белая вниз.’

При определённости прилагательные справа от ядра сопровождаются определённым артиклем (подробнее см. 4.2.1.4.3 и 4.2.1.4.4):

(5) *Àn-ta màn-gə o skamìn o parnò.*
‘Принеси-ка мне белый стул.’
(6) *Le ràj kamèn te-phagàn kadalà khərà le kaštunè.*
‘Власти хотят снести эти деревянные дома.’

Прилагательные могут стоять в сравнительной или превосходной степени:

(7) *Gəlì-tar ə raklì ka pèh-ko phràl o màj-barò.*
ʻПошла девушка к своему старшему брату.ʼ

Пример эллипсиса ядра (существительного):

(8) *D'à and-o kàn o stỳngo, anklistò anda ćaćò.*
ʻЗашёл в левое ухо, вышел из правого.ʼ

Во вторичных падежах прилагательные левее ядра стоят в зависимом состоянии, т. е. не принимают падежных клитик (в отличие от ядра), а справа от ядра — в независимом (подробно о согласовании см. 4.2.1.5):

(9) *Avilèm myřà dà-sa la phur'à-sa.*
ʻЯ пришёл со своей старой матерью.ʼ

Субстантивированные прилагательные выступают как ядро существительной группы:

(10) *Te-trajìn le tərnè źì ande k-šəl bàrš!*
ʻПусть молодые живут до ста лет!ʼ (тост на свадьбе)

(11) *Kana o hỳrco, lèn-go barò, ampəràto, puśèl: Ta sò j koćè sy, sò sy oćè, mýca, sò sy?*
ʻИ тут мышь, их вожак, царь, спрашивает: «Да что там такое, что там, кошка, что там?»ʼ (*j... sy* — оговорка?)

(12) *Lèl aj phenèl o hỳrco kodò pès-kə barəs-kə: Manùš sy oćè, ande koď à řỳpa, aj mudarəl sà le hyrcə̀n.*
ʻБерёт и говорит мышь эта своему вожаку: «Человек там, в этой яме, и он убивает всех мышей».ʼ

Вне случаев сочинения (см. 4.2.1.9.1) в существительной группе может быть более одного прилагательного (если они относятся к разным семантическим полям и не противоречат друг другу). Обычно их не более двух, и чаще всего они расположены по разные стороны от ядра, причём позиция справа скорее характерна для относительных прилагательных, а также при большей ограничительности (это лишь тенденция):

(13) *Sàs-la barò khər bařunò.*
ʻБыл у неё большой каменный дом.ʼ

Такие случаи следует отличать от сочинения существительных групп с эллипсисом ядра во всех, кроме первой:

(14) *Dàv-tu ašvàr rupujì, xarkujì aj sumnakujì.*
ʻДам тебе узду серебряную, медную и золотую.ʼ

Что касается определений, выраженных причастиями, то общая тенденция такова, что семантически они обычно скорее относительны, поэтому чаще всего стоят справа от ядра:

(15) *Mè sym manùš peradò.*
ʻЯ неудачник.ʼ (ʻопустившийся человекʼ, букв. ʻуроненный, поваленныйʼ)

(16) *Dè-ma xancỳ pàj svyncomè.*
ʻДай мне немного святой воды.ʼ

Различная интерпретация обычных прилагательных и причастий в смысле качественности-относительности проявляется в позиционных ограничениях:

le trìsto řòm	?* *le řòm le trìsto*	ʻгрустные цыганеʼ
?* *le tristomè řòm*	*le řòm le tristomè*	ʻопечаленные цыганеʼ

Грань между обычными прилагательными и причастиями нередко размыта.

(б) тесные сочетания

Ряд существительных и прилагательных вступают в особо тесную связь и образуют почти лексические единицы. Они в разной степени расторжимы:

barò pàj	~ *pàj barò*	ʻрека’, букв. ʻбольшая вода’
barì dèla	~ *dèla barì*	ʻсерьёзно, важно, трудно’, букв. ʻбольшое дело’
barò dès	~ *dès barò*	ʻпраздник’, букв. ʻбольшой день’
ćaćò phràl	~ *phràl ćaćò*	ʻродной брат’, букв. ʻнастоящий брат’
màštivo dèj	~ *dèj màštivo*	ʻмачеха’ (прил. *màštivo* ʻприёмный’)
	màs thulò	ʻсало’, букв. ʻмясо жирное’
	màs londò	ʻсало’, букв. ʻмясо солёное’
	morkòj parnò	ʻхрен’, букв. ʻморковь белая’
	prùni kalè (мн.)	ʻчернослив’, букв. ʻсливы чёрные’
	śèj barì	ʻдевушка [на выданье]’, букв. ʻдочь большая’
	ràj barə̀ (мн.)	ʻвласть, милиция’, букв. ʻгоспода большие’

Сюда же относятся некоторые сочетания с притяжательными группами, ср. *màs balèsko* ʻсвинина’, букв. ʻмясо свиньи’ (о них см. 4.2.1.10).

Как видно, некоторые тесные сочетания допускают разный порядок. В прямых формах, а также в косвенных, если прилагательное находится слева от ядра, синтаксически такие сочетания не показывают никаких особенностей:

(17) *Kadò sy barì dèla.*
ʻЭто серьёзно.’ (букв. ʻбольшое дело’)

(18) *Gətomè sam əl barə̀ desə̀s-kə.* *~ ka barò dès ~ ka dès o barò*
ʻМы подготовлены к празднику.’ (букв. ʻбольшому дню’)

(19) *No thò-ma ande xajìng, nàj ćì-jekh dèla barì, mè ankalavàv-la.*
ʻНу, сунь меня в колодец, это ничего сложного, я его вытащу.’ (кольцо)

Однако когда прилагательное справа, сочетание может вести себя двояко:

(20) а. *Nigəràv kolàća le śejàn-gə le barʼàn-gə.*
б. *Nigəràv kolàća le śejà barʼàn-gə.*
ʻЯ несу гостинцы девушкам.’

В примере (20)а — обычное поведение, а в (20)б сочетание *(le) śejà (le) barə̀* ʻдевушки’ (букв. ʻдочери большие’), видимо, выступает в опрощенном виде, так что ядром становится прилагательное *barə̀*, а *śejà* ведёт себя как прилагательное в зависимом состоянии (ср. такое же поведение приложений типа *kàko* ʻдядя’, *bàba* ʻбаба’, см. 4.2.1.9а).

⌛ Возможно, это остатки древнего состояния, когда нынешние падежные клитики (а тогда послелоги) присоединялись ко всей группе (а не только к ядру) и не повторялись (так до сих пор в новоиндийских языках). Сами же формы *kakò* и т. д. могут быть остатком некоего косвенного падежа, отличного от нынешней косвенной формы, или же быть её вариантом (подобно зависимым формам прилагательных).

4.2.1.9.1. Сочинение прилагательных

От одного ядра может зависеть сразу несколько определений-прилагательных. Нередко подряд стоят семантически не противоречащие друг другу определения:

(1) ♪ *Vòj šukàr tərnì borì || te-avèl vòj baxtalì.*
ʻОна красивая молодая невеста, счастья ей.’ (букв. ʻчтоб была счастлива’)

В случае различия в ограничительности, а также при разнообразных смысловых нюансах одно определение стоит слева, а другое справа. Чаще всего слева стоит качественное

прилагательное, а справа — относительное, ср. *barò khər bařunò* ‘большой каменный дом’ (см. 4.2.1.9).

Данные примеры не представляют собой случаев сочинения, каковое наблюдается, если два или более прилагательных мыслятся как перечисление однородных свойств. При сочинении два и более прилагательных стоят с одной стороны от ядра (чаще справа). Между ними (или только перед последним из них) можно употребить универсальный сочинительный союз *aj* ‘и, но, а’, ср.:

(2) *Avilò řom vućò aj sanò.*
‘Пришёл высокий и худой цыган.’

(3) *Sỳ-ame matòra barì aj zuralì.*
‘У нас большая и мощная машина.’

Здесь на первом элементе может быть восходящая интонация: *vućó*, *barí*. Сочинение с союзом было бы в разной мере странно в данных выше случаях, ср. ?*khər barò aj bařunò* ‘дом большой и каменный’. Сочинение может быть бессоюзно (с интонационным обособлением, т. е. без восходящей интонации), ср. *vućò, sanò* ‘высокий, худой’.

4.2.1.10. Притяжательные группы в существительной группе

Притяжательные группы выражают разнообразные отношения между двумя предметами. Наиболее базовым можно считать значение притяжательности в широком смысле, например: *muřə najà* ‘мои пальцы’, *ti řomnì* ‘твоя жена’, *lèn-go fòro* ‘их город’, *le řomès-ki řomnì* ‘жена цыгана’ и т. п. В таких (и не только таких) значениях употребляются притяжательные группы, ср. *le řomès-ki* ‘цыгана’ (ж.) — с назывным ядром, или же притяжательные местоимения, ср. *myřỳ* ‘моя’. Это деление на назывные и местоименные слова в морфологическом смысле малоактуально для притяжательных местоимений 3-го лица: *lès-ko* ‘его’, *là-ko* ‘её’, *lèn-go* ‘их’, *pès-ko* ‘свой’ (только для 3-го лица), поскольку эти местоимения по образованию тождественны притяжательным формам. Для наших целей в этом разделе можно считать, что все такие обороты — будь то назывное ядро с зависимыми элементами или нераспространимое притяжательное местоимение — образуют притяжательные группы.

По семантике притяжательные группы близки к прилагательным (группам). Определения-прилагательные мы дали отдельно от определителей (см. 4.2.1.9, в т. ч., например, от определителя *kasavò* ‘такой’, заменяющего прилагательные группы). В случае же притяжательных групп раздельное рассмотрение нецелесообразно, т. к. в части условий и в назывном, и в местоименном виде они ведут себя скорее как определители. Это проявляется в том, что слева от ядра они совсем несовместимы с определённым артиклем и ограниченно — с указателями, т. е. (частично) берут на себя их функции, ср.: *kadò barò khər* ‘этот большой дом’, но ?**kadò la dà-ko khər*, при (справа) *kadò khər la dà-ko* ‘этот дом матери’ (подробнее о порядке см. 4.2.1.4.4).

Назывные притяжательные группы могут стоять как слева, так и справа от ядра, причём различие примерно то же, что у прилагательных, т. е. по степени ограничительности и логического выделения (см. 4.2.1.4.3):

(1) а. *Avilè le řòm le kyrdòs-kə.*
б. *Avilè le kyrdòs-kə řòm.*
‘Пришли цыгане табора.’

Они могут иметь довольно сложную внутреннюю структуру:

(2) *Kàj bešəl tumarə vestimè papòs-ko khər?*
‘Где находится дом вашего знаменитого деда?’

При постановке слева от ядра назывные притяжательные формы склоняются в зависимом состоянии (как прилагательные):

(3) *Avilè le gaźè aj tindè la phur'à-kə balèn.*
'Пришли русские и купили старухиных свиней.'

(4) *Sỳmas and-o fòro la Gutà-kə śavè-sa.*
'Я был в городе с сыном Гуты.'

То же относится к притяжательным местоимениям (см. 4.2.1.10.1).

Справа от ядра, а также при эллипсисе, назывные притяжательные группы принимают независимое состояние (только в косвенной форме; более того, они могут быть нечувствительны к падежу, о согласовании см. 4.2.1.5ж, там же примеры):

(5) *Dikhl'àn le śavès la Gutà-kərəs?* ~ *la Gutà-ko* (чаще)
'Ты видел сына Гуты?'

(6) *Mard'àn-tu le śavè-sa la Guta-kərə-sa.* ~ *la Gutà-ko* (чаще)
'Ты подрался с сыном Гуты.'

Так же с притяжательными местоимениями 3-го лица (см. 4.2.1.10.1).

Слева от ядра чаще стоят притяжательные группы в собственно притяжательных значениях — в соответствии с тенденцией к меньшей ограничительности слева, а в прочих значениях несколько чаще они стоят справа. Слева не могут стоять притяжательные группы, сами включающие правые определения:

(7) *le xaranè lovarès-ko gràst* 'конь умного ловара'
o gràst le lovarès-ko le xaranès-ko
o gràst le xaranè lovarès-ko
** *le lovarès-ko le xaranès-ko gràst*

С притяжательным местоимением:

(8) *lès-kə lovarès-ko gràst* 'конь его ловара'
** *o gràst le lovarès-ko lès-ko* / *lès-kə*
o gràst lès-kə lovarès-ko
** *le lovarès-ko lès-ko* / *lès-kə gràst*

Притяжательные группы не всегда заменимы местоимениями (см. 4.2.1.10.2).

4.2.1.10.1. Притяжательность, выраженная местоимениями

Притяжательные местоимения 1-го и 2-го лиц (как и личные) не заменяют никаких назывных групп, ср. {?} ⇒ *muřò* 'мой', в отличие от 3-го лица, ср. *kadalè řomès-ko* 'этого цыгана' ⇒ *lès-ko* 'его'. Только в 3-м лице (обоих чисел) имеется также особое возвратное местоимение *pès-ko* 'свой', обязательно употребляемое, когда оно ссылается на обладателя, выраженного подлежащим данного предложения:

(1) а. *Xasardèm muřò bufàri.* **pès-ko*
'Я потерял свой бумажник.'

б. *O řòm xasard'à pès-ko bufàri.* ***le řomès-ko* ***lès-ko*
'Цыган потерял свой бумажник.'

Это возвратное притяжательное местоимение можно считать притяжательной формой возвратного личного местоимения 3-го лица (ударная форма *pès*, клитика *-pe*, см. 3.10.1.1).

Притяжательные местоимения склоняются слева от ядра так же, как назывные притяжательные группы:

(2) 👂 *Mè źàv-tar te-ròdav <u>muřə̀</u> phraloř̀ə̀s, phèn-kə.*
ʻЯ иду искать своего братика, говорит.ʼ

(3) 👂 *Mè <u>ťa</u> glatà ćì-śindèm, mè le buznoř̀ə̀s ćì-śindèm, kadò sà <u>ti</u> řomnì kərď̀à.*
ʻЯ твоего ребёнка не резала, я козлика не резала, это всё твоя жена сделала.ʼ

(4) 👂 *Źàl o raklò <u>pès-kə̀</u> dromè-sa, kàj màj-te-źàl?*
ʻИдёт парень своей дорогой, куда ему ещё идти?ʼ

Притяжательные местоимения чаще всего стоят слева от ядра, но в порядке исключения они бывают и справа:

(5) 👂 *Kòn astarə̀la le ćorə̀s, kodolès-kə dàv sà barvalimòs <u>muřò</u>.*
ʻКто поймает вора, тому дам всё богатство моё.ʼ

Так же иногда в звательном падеже: *řòma muřò* букв. ʻцыган мойʼ. Изолированный пример из песни — с косвенной зависимой формой справа от ядра (в такой — впрочем, необычной — позиции может быть редкая независимая форма *pes-kərə̀s-kə*, см. 4.2.1.5ж):

(6) ♪ *Aj Zozalèna xabè kaj-tiravèla || aj le řomèh-kə <u>pèh-kə̀</u> ćì-anèla || le řomèh-kə thaj le kumnacə̀n-gə.*
ʻА Зозалена еду готовит, а мужу своему не несёт, мужу и деверьям.ʼ

Только слева может стоять безударное притяжательное местоимение 2.ед. *ťo* ʻтвойʼ (в отличие от ударного *tirò*):

(7) 👂 *<u>Ťo</u> phràl amèn-de lo, dèla kodolà-tar.*
ʻТвой брат у нас, такое дело.ʼ

(8) 👂 *Te-nà-anèsa màn-gə <u>ťa</u> ph̓à, làv <u>ti</u> kòř telè, śinàv-tu!*
ʻЕсли не приведёшь ко мне свою сестру, я тебе шею срублю, порублю тебя!ʼ

Справа от ядра, а также при эллипсисе, притяжательные местоимения 3-го лица (т. е. морфологически — притяжательные формы на *-ko*) принимают независимое состояние (см. 4.2.1.5ж, там же примеры):

(9) *O Kàrćulo pyřỳlas savořə̀n: aj amarə̀n aj <u>pes-kərə̀n</u>.* *~ pès-kə*
ʻКарчюло сдавал всех: и наших, и своих.ʼ

(10) *Vò xàl-pe <u>pes-kərə̀n-ca</u>.*
ʻОн ссорится со своими.ʼ

Часты случаи употребления личных непритяжательных местоимений в притяжательном значении — в роли лжедополнения (см. 4.3.6).

Только слева стоит вопросительное *kàs-ko* ʻчейʼ (независимых форм нет):

(11) *<u>Kàs-ki</u> matòra bešə̀l angla muřò khə̀r?*
ʻЧья машина стоит перед моим домом?ʼ

4.2.1.10.2. Значения притяжательных определений

Отношения между притяжательной группой и ядром разнообразны. Например, ʻмоя рукаʼ и ʻмой городʼ выражают связь «большего с меньшим» и «меньшего с большим» соответственно. В одних случаях «обладателем» обычно является лицо (это «собственно притяжательная» связь), и тогда возможно личное притяжательное местоимение, а в других — только неодушевлённое имя (и тогда притяжательная конструкция близка по значению к относительным прилагательным). Это можно осмыслить, подобрав предложения, где эти разные отношения предстают как предикативные (отдельно будут рассмотрены «лишительные» притяжательные группы):

(i) притяжательная связь

(а) владение

Притяжательность тут выражает собственно владение, обладание:

(1)	а.	*Le Jonòs sỳ(-les) khər.* ʻУ Ёно есть дом.ʼ	⇒	*Sỳ-les khər.* ʻУ него есть дом.ʼ
⇒	б.	*Le Jonòs-ko lo.* ʻОн [принадлежит] Ёно.ʼ	⇒	*Lès-ko lo.* ʻОн его.ʼ
⇒	в.	*Kadò sy le Jonòs-ko khər.* ʻЭто дом Ёно.ʼ	⇒	*Kadò sy lès-ko khər.* ʻЭто его дом.ʼ

Кроме неодушевлённых «отчуждаемых» предметов, эта же логика в той или иной степени применима к частям тела: *vàst* ʻрукаʼ (ср. также *le balès-ko šərò* ʻголова свиньиʼ), телесным выделениям и т. д.: *ćungàr* ʻслюнаʼ, животным: *mỳca* ʻкошкаʼ, детям и жёнам: *śàv* ʻсынʼ, *řomnì* ʻженаʼ и т. п. Здесь налицо отношение «большего к меньшему». О них можно произнести предложения типа (1)а и (1)б (заметим, что и о жене обычно можно сказать *myřỳ la* ʻона мояʼ).

(б) условная притяжательность

Например, о родственниках, по отношению к которым невозможно обладание (здесь и далее звёздочки обозначают семантическую неприемлемость, а не грамматическую):

(2)	а.	*Le Jonòs sỳ(-les) phràl.* ʻУ Ёно есть брат.ʼ	⇒	*Sỳ-les phràl.* ʻУ него есть брат.ʼ
?*⇒	б.	*Le Jonòs-ko lo.* ʻОн Ёно.ʼ	?*⇒	*Lès-ko lo.* ʻОн его.ʼ
⇒	в.	*Kadò sy le Jonòs-ko phràl.* ʻЭто брат Ёно.ʼ	⇒	*Kadò sy lès-ko phràl.* ʻЭто его брат.ʼ

То же самое о других родственниках, друзьях и т. п., ср. также *amarò barò* ʻнаш баронʼ.

(в) принадлежность к своей группе

Ещё одно такое переносное значение, характерное для притяжательных местоимений, — ʻсвои [люди]ʼ, ср. *amarə̀ řòm* ʻнаши цыганеʼ (т. е. молдовая и т. п.). В этом значении вполне возможно предложение типа:

(3) *Sà le řòm kaj bešə̀n kaćè amarə̀ le.*
ʻВсе цыгане, живущие тут, — наши.ʼ

Различие между возможными разными значениями таких притяжателей видно по примерам вроде:

(4)	а.	*O Pùtino sy amarò prizidènto.* ʻПутин — наш президент.ʼ	
**⇒	б.	*O Pùtino sy amarò.* ʻПутин — наш.ʼ	(невозможно в том же значении)
?*⇒	в.	*Kadò prizidènto sy amarò.* ʻЭтот президент — наш.ʼ	(обычно невозможно в том же значении)

В примере (4)а отношение может быть только условно-притяжательным (ʻнашʼ, т. е. просто имеющий отношение к нам), а в предикативной функции (4)бв — это будет понято почти исключительно в том смысле, что президент — цыган-котляр из молдовая.

Важно отметить, что в этом значении притяжательные местоимения употребляются не как определители, а скорее как полноценные определения, что влияет на иерархию элементов и, соответственно, порядок слов, ср.:

(5) а. *Avilè amarà dùj phràl.*
‘Приехали наши два брата.’ (напр., родные братья говорящего и его брата)
б. *Avilè dùj amarà phràl.*
‘Приехали два наших брата.’ (т. е. цыгане-котляры, друзья и т. п.)

В примере (5)а обычный порядок (см. 4.2.1.4.4) соответствует обычному притяжательному употреблению (т. е. *amarà* — определитель к группе *dùj phràl*), тогда как в (5)б *amarà* ‘наши’ находится в более тесной связи с ядром (*phràl*), стоя на месте обычных прилагательных и называет его признак.

В этом значении обычны также несогласуемые формы в отложительном падеже типа *amarà̀n-dar* ‘из наших’.

(г) принадлежность к большему

Принадлежность меньшего к большему:

(6) а. ? *Le Jonòs sỳ-les fòro.*
‘У Ёно есть город.’ (будет понято буквально, что город — собственность)
б. *Bešà̀l and-o fòro.*
‘[Он] живёт в городе.’

?*⇒	в.	*Le Jonòs-ko lo.*	?*⇒	*Lès-ko lo.*
		букв. ‘Он [принадлежит] Ёно.’		‘Он его.’
⇒	г.	*Kadò sy le Jonòs-ko fòro.*	⇒	*Kadò sy lès-ko fòro.*
		‘Это город Ёно.’		‘Это его город.’ (в котором он живёт)

Несмотря на невозможность (в обычном случае) предложений (6)а и (6)в — что говорит об отсутствии обладания в буквальном смысле, — притяжательное местоимение (или группа) легко употребимы в таком «небуквальном» значении (6)г.

(д) более абстрактные отношения

Например, такое употребление:

(7) а. *And-o patrèto sy o Jòno.*
‘На фотографии — Ёно.’

⇒	б.	*Kadò sy le Jonòs-ko patrèto.*	⇒	*Kadò sy lès-ko patrèto.*
		‘Это фотография Ёно.’		‘Это его фото’ (с его изображением)

Другие подобные случаи возможны в различных окказиональных ситуациях. Однако, скажем, нетипичны выражения типа *lès-ki kinìška* ‘его книга’ в смысле ‘написанная им’.

В некоторых случаях притяжательностью выражается субъект действия:

(8) а. *Phenàv divàno. Divinìv.*
‘Я рассказываю. Я разговариваю.’
⇒ б. *Kadò sy muřò divàno.*
‘Это мой рассказ.’ (= моя речь, язык)

Но нельзя сказать, например, ***muřò mudarimòs* ‘моё убийство’ (будь то ‘убийство меня’ или ‘убийство мной’). Выражение притяжательностью субъекта того или иного глагола ограничено узким кругом случаев, в которых возможна соответствующая номинализация (см. 4.2.1.16дг).

(е) семейная принадлежность

Притяжательные группы употребляются в системе личных имён, ср. отчество:

(9) *Mè sym o Milòrdo <u>le Ćoldès-ko</u>.*
ʻЯ Милордо, сын Чёлди.ʼ

(ii) относительная связь

(ж) часть предмета

Показывает, что один предмет является частью другого:

(10) а. *And-o khər sy vudarà.*
ʻВ доме есть двери.ʼ
⇒ б. *Kadalà sy <u>le khərəs-kə</u> vudarà.*
ʻЭто двери дома.ʼ

(з) как относительные прилагательные

Некоторые слова в притяжательных формах выступают как относительные прилагательные (список см. в 3.7.2):

(11) *Sỳ ma glàta <u>ćućà-ki</u>.*
ʻУ меня грудной ребёнок.ʼ

Вряд ли следует от этого отделять выражение «принадлежности к большему» (где отношение обратное, ср. подраздел (г) выше):

(12) а. *Le řòm bešən and-o fòro.*
ʻЦыгане живут в городе.ʼ
⇒ б. *Kadalà sy <u>le foròs-kə</u> řòm.*
ʻЭто городские цыгане.ʼ

В ряде случаев применяются и относительные прилагательные, ср. *ćemunè řòm* ʻиностранные цыганеʼ.

(и) мера

Притяжательные формы употребляются с числительными для выражения расстояния, возраста и т. д., а также, например, количества голов у драконов (см. 3.7.3, 3.9.3):

(13) а. *O śavořò sy <u>trinè bəršən-go</u>.* *~ trinèn-go*
ʻМальчик — трёхлетний.ʼ
⇒ б. *Kadò sy śavořò <u>trinè bəršən-go</u>.* ***trinèn-go*
ʻЭто трёхлетний мальчик.ʼ

В роли определения такие притяжательные группы чаще стоят справа от ядра, причём их собственное ядро не может быть опущено (но ср. в роли расширения: *trinèn-go* ∅).

В таких притяжательных группах чаще всего ставится определённый артикль, если определённо ядро существительной группы:

(14) *Xàl-tume o zmòvo <u>əl deš-u-dò šərən-go</u>, xàl-tume.*
ʻСъест вас змей двенадцатиголовый, съест.ʼ

Таким образом, здесь у второго артикля *əl* — гибридная функция: по форме он относится к притяжательной группе (т. е. к ʻголовамʼ), а выражаемая им определённость — скорее к существительной группе (ср. с прилагательным: *o zmòvo o barò* ʻбольшой змейʼ).

(к) с названиями действий

С отглагольными именами обозначают возможность, пригодность, потенциальность (список слов см. в 3.7.2), всегда без артикля:

(15) *Sỳ-tu pàj pimàs-ko?* ⇒ *pàj pimàs-ko*
ʻУ тебя есть питьевая вода?ʼ ʻпитьевая водаʼ

(16) *Kaďà sy asamàs-ki dèla.* ⇒ *asamàs-ki dèla*
ʻЭто пустяк.ʼ (букв. ʻсмеха делоʼ) ʻсмешное дело, пустякиʼ

(л) тесные сочетания

Называют более или менее целостные понятия, причём часто наличие или отсутствие артикля пред притяжательной формой значимо, ср. без артикля:

tàmna (le) ivendès-ki	ʻосеньʼ, букв. ʻосень зимыʼ	*~ tàmna*
tàmna (le) milàs-ki	ʻвеснаʼ, букв. ʻосень летаʼ	*~ prìmovara*
màs balès-ko	ʻсвининаʼ, букв. ʻмясо свиньиʼ	
dès kurkàs-ko	ʻвоскресный деньʼ (из песни)	

С артиклем:

fàca le màs-ki	ʻлицоʼ, букв. ʻсторона лицаʼ	*~ mùj*
nàra le nakhàs-ki	ʻноздряʼ, букв. ʻноздря носаʼ	*~ nàra*
řòj le dès-ki	ʻжелудокʼ, букв. ʻложка желудкаʼ	*~ dì*

Примеры:

(17) *Dukhàl-ma ə řòj le dès-ki.*
ʻУ меня болит желудок.ʼ

(18) ♪ *Aj də tehàra dès kurkàs-ko* || *aj də-min'àcy te-uštès-y* || *aj ťo šərò te-ulavès-y* [...] || *aj p-o bazàri amè te-źàs-y.*
ʻА назавтра день воскресный, а утром ты вставай да голову причёсывай, да на базар мы пойдём.ʼ

(iii) лишительные определения

Проклитика *bi-* с существительными в притяжательной форме даёт лишительное значение (см. 3.7.5). Получаются согласуемые определения (подробнее см. 4.2.4.1):

(19) *Katkà bešàl bi-glatèn-gi źuvlì.*
ʻТут живёт бездетная женщина.ʼ

4.2.1.11. Прочие определения: наречия, предложные группы

В ограниченном ряду случаев определение, чаще всего пространственного значения, может выражаться наречием:

(1) *Le khərà oprà màj-barə le.*
ʻДома́ сверху — больше.ʼ

(2) *O pàj koćè šudrò lo.*
ʻВода там холоднаяʼ

Или предложной группой:

(3) *Źanès muřə phralès anda-j Mòskova?*
ʻТы знаешь моего брата из Москвы?ʼ

(4) ♪ *Àv kàs d-and-o dròm d-arakhàla? || Aj pèh-ka phȁ tha-l źamutràs* [...] || *àv rakloř̀ən-ca aj d-ande angàli || aj phaboř̀ən-ca d-and-əl vàs.*
ʻОй, кого ж на пути встречает? А свою дочь да зятя [...], ой с детками да на руках и с яблочками в руках.ʼ

Обычно такие определения ссылаются на место нахождения или происхождение (в т. ч. материал). Некоторые пространственные наречия, например *telè* ʻвниз, внизуʼ, применяются предикативно (как прилагательное: ʻнизкийʼ), но не атрибутивно (см. 4.2.5).

Бывают и определения, выраженные временны́ми наречиями, ср. *xabè d-araťàra* ʻвчерашняя едаʼ (букв. ʻеда со вчераʼ).

Особый случай представляют собой обращения (в сказках), когда к существительному в звательной форме добавляют *anda dràgo dèl*, букв. ʻиз милого богаʼ:

(5) 👂 *Kàj źàs, ampəràte anda dràgo dèl?*
ʻКуда идёшь, дражайший царь?ʼ

(6) 👂 *Katàr san, manùša anda dràgo dèl?*
ʻОткуда ты, милый человек?ʼ

При некоторых существительных (соотносимых с глаголами) могут быть несогласованные определения, напоминающие дополнения, ср. *divàno le manušə̀n-ca* ʻразговор с людьмиʼ; здесь можно ставить вопрос об управлении (см. 4.2.1.16в).

4.2.1.12. Придаточные предложения в существительной группе

Ядро может определяться (только справа) придаточным предложением. Относительные придаточные с союзом *kaj* ʻкоторыйʼ (подробнее см. 4.12.3.1):

(1) *Ə̀ta o barò khər kaj phabulò.*
ʻВот большой дом, который сгорел.ʼ

(2) *Dikhl̓àn ə matòra kaj tindèm-la?*
ʻТы видел машину, которую я купил?ʼ

(3) *Ćì-źanès la rakl̓à kaj avilèm là-sa.*
ʻТы не знаешь девушку, с которой я пришёл.ʼ

(4) *Avilò o řòm kaj xol̓àjl̓an pe lès-te.*
ʻПришёл цыган, на которого ты обиделся.ʼ

Сравнительные придаточные с союзом *sar* ʻкакʼ:

(5) *Sỳ-ma tàbla vòrta sar trubùl-tu tùt.*
ʻУ меня есть лист железа, точно как надо тебе.ʼ

Ядра, выраженные временны́ми существительными типа *vr̓àmȁ* ʻвремяʼ, *dès* ʻденьʼ и т. д., могут определяться придаточными времени с союзом *kana* ʻкогдаʼ (безударным?):

(6) *Sərès o dès kana avilè əl ràj le barà?*
ʻПомнишь день, когда пришли власти?ʼ

Ядра, обозначающие место, например *thàn* ʻместоʼ, *fòro* ʻгородʼ, могут определяться придаточными места, вводимыми союзом *kaj* ʻгдеʼ (омонимичным относительному союзу ʻкоторыйʼ, также безударному):

(7) *Źanàv o thàn kaj sàs ə krìs.*
ʻЯ знаю место, где был суд.ʼ

Ядра, обозначающие речевые акты и т. п., могут определяться изъяснительными придаточными с союзом *kə* ʻчтоʼ (см. 4.2.1.16.1):

(8) *Ašundèm ə v'àsťa kə avilè le kətàni.*
ʻЯ слышал новость, что пришла милиция.ʼ

Существительные группы участвуют в соотносительных конструкциях степени и следствия *kasavò... ta* ʻтакой... что' (см. 4.12.8.3).

Придаточные предложения в роли определений чаще ограничительны. Для подчёркивания ограничительности в существительную группу нередко вводится соотносительное местоимение *kodò* ʻтот', в т. ч. при эллипсисе ядра, а также с местоимением в роли ядра:

(9) а. *Sykàv màn-gə koďà vùlica kaj plaćàl-tu tùt.*
ʻПокажи мне ту улицу, которая нравится тебе.ʼ
б. *Sykàv màn-gə koďà kaj plaćàl-tu tùt.* (эллипсис ядра)
ʻПокажи мне ту, которая нравится тебе.ʼ

Если придаточное предложение описательно, возможны и другие указатели, ср. *kadò*:

(10) *Sò j kadò manùš kaj avilò?*
ʻКто этот человек, который пришёл?ʼ

4.2.1.13. Числительные в существительной группе

Количество выражается количественными числительными, а также словами со значениями ʻмного', ʻмало' (оценочными числительными), ʻполовина', ʻвсё', ʻвсе' и вопросительным ʻсколько'. Что касается частеречной принадлежности, то в основном это прилагательные (кроме особых случаев, о которых ниже). Сюда мы не включаем неопределённые местоимения типа ʻнекоторые' (о них см. 4.2.1.14.5). Здесь также будет рассмотрены способы выражения количества в единицах измерения. Числительное *dopàš* ʻполовина' рассмотрено отдельно (см. 4.2.1.14.2).

4.2.1.13.1. Точное количество: целые количественные числительные

Точное количество в пределах существительной группы выражается количественными числительными (о формах см. 3.9.1). В зависимости от функции и позиции в группе выделяются три типа числительных:

(а) ʻ1'

Числительное *jèkh* ʻ1' — прилагательное и зависит от ядра. По форме оно совпадает с одним из вариантов неопределённого артикля (*jek*), но отличается от него ударностью и отсутствием вариантов:

числительное:	*jèkh khàr*	ʻодин дом'
артикль:	*jek ~ (ə)k ~ khə khàr*	ʻдом' (неопр.)

Граница между ними порой весьма расплывчата, ср.:

(1) *Sàs trìn phràl aj jèkh phèj.*
ʻБыло три брата и одна сестра.ʼ (или это артикль?)

Если в таких примерах *jèkh* — скорее ударное, то его можно считать числительным:

(2) *Kaj-źàn le dromè-sa le raklè, źàn vòn ći bùt, ći xancỳ, dèn ande khə gàv, dèn, śònpe ka khə rašàj te-dèl-le po jèkh gràst.*
ʻНу и идут по дороге ребята, идут они ни много ни мало, входят в деревню, входят, заходят к попу, чтоб дал [он] им по одной лошади.ʼ

Будь в этом примере *po k gràst* или *po khə gràst*, тогда мы однозначно сочли бы, что это артикль (ср. *khə* в этом же примере).

Артикль и числительное ‘1’ — по большому счёту одно и то же слово. Как и артикль, так и числительное при наличии притяжателя стоят левее (в данном примере это числительное, т. к. оно усилено частицей *nùma* ‘только’):

(3) *Màn-de sàs nùma jèkh là-ko n̓àmo.*
‘У меня был только один её родственник.’

Это значит, что существительные группы с числительным ‘1’ неопределённы (о «снянии» определённости с притяжателей см. 4.2.1.6.1) или по крайней мере с трудом воспринимаются как определённые.

Существительная группа с числительным ‘1’ стоит в единственном числе. Числительное *jèkh* склоняется:

(4) *Nùma jekhə̀ řomès-kə phendèm kaďà dèla.*
‘Я только одному цыгану сказал эту вещь.’

(5) *O Rìsta avilò khərə̀ jekhà řublà-sa and-o pyznàri.*
‘Риста пришёл домой с одним рублём в кармане.’

При эллипсисе ядра:

(6) *Sàr akanà te-thòl-le vòj, jèkh palàl, jèkh anglàl?*
‘Как теперь разместить ей их [детей], один сзади, один спереди?’

(7) *Aj jèkh garaďà-le tala-j śìb, o karfîn, garaďà tala-j śìb, kàs te-nà-marən and-o ilò le devlèh-ko.*
‘А один спрятал под язык, гвоздь-то, спрятал под язык, чтобы не вбили в сердце господне.’

При эллипсисе ядра в косвенной форме — независимое состояние:

(8) *Mudarďà-le savořə̀n, mudarďà-le, aj aśavèl jekhə̀s.*
‘Убил их всех, убил их, и оставляет одного.’

(9) *Sà le řomèn-ca xaľàn-tu? — Ćì, nùma jekhə̀-sa.*
‘Ты со всеми цыганами поссорился? — Нет, только с одним.’

В винительном падеже одушевлённые существительные группы с числительным *jèkh* могут стоять как в косвенной, так и в прямой форме (см. 4.2.1.2.5). По-видимому, это можно объяснить тем, что, как сказано выше, они, как правило, неопределённы (и тогда числительное ‘1’ неотличимо от неопределённого артикля).

В притяжательных группах:

(10) *Sàs-la śavořò jekhə̀ bəršàs-ko.*
‘Был у неё мальчик годовалый.’

В притяжательной группе при эллипсисе ядра (о нестабильности рода слова *bàrš* ‘год’ при обозначении возраста см. 3.9.3):

(11) *Myřỳ śèj jekhàs-ki la.*
‘Моей дочери один год.’

Можно считать, что числительное ‘1’ входит в состав местоимений *ćì-jekh* ~ *ćèk* ‘ни один’ (см. 4.2.1.14.7), *jekh-avràs* ‘друг друга’ (букв. ‘один другого’, см. 4.3.3.6), ср. также *jèkh-f̓àlo* ‘одинаковый; такой же’:

(12) *Lèl dikhə̀l o ampəràto: jèkh-f̓àlo le bànturə̀ kodolà!*
‘Берёт, смотрит царь: одинаковые банты эти!’

(б) единицы: ‘2’ и более; десятки кроме ‘30’

При количественных числительных больше ‘1’ ядро и зависящие от него слова всегда ставятся во множественное число:

(13) а. *Tìndèm jèkh laśì matòra.*
‘Я купил одну хорошую машину.’
⇒ б. *Tìndèm dùj laśè matòrì.*
‘Я купил две хороших машины.’

Ещё примеры:

(14) *And-o kỳrdo bešən biš-thaj-jèkh səmèsturʹà.*
‘В таборе живёт двадцать одна семья.’
(15) *Sàs trìn phràl aj jek phèj.*
‘[Жили-]были три брата и сестра.’
(16) *Dàv-tu pànvar-deš bàrš, źukàla.*
‘Я дам тебе пятьдесят лет, пёс.’ (бог отводит зверям годы жизни)
(17) *Lʹà o řòm aj laśarďà pànź karfʹà.*
‘Взял цыган и изготовил пять гвоздей.’

Сами по себе числительные ‘2’ и более не влияют на определённость существительной группы, поэтому *trìn phràl* ‘три брата’, *pànź karfʹà* ‘пять гвоздей’ и т. д. неопределённы. Эти числительные подобны определениям, но всегда стоят перед ними:

(18) *Laśardèm šòv barə kəzàja.*
‘Я сделал шесть больших котлов.’
(19) *Lʹà cyrďà anda pès-ko šərò trìn bàl xarkunè aj dèl ka koďà rakľořỳ.*
‘Взял [и] вытянул из своей головы три волоска медных и даёт той девочке.’

Однако эти числительные могут стоять после притяжателей и определённых определителей, в отличие от ‘1’ (его заменяет единственное число ядра). Поэтому этим группам можно придать определённость, ср., например, *əl trìn phràl* ‘три брата’ (опр.):

(20) *Aj lèl aj dèl-les le trìn bàl kodolà.*
‘И берёт и даёт ему три волоска эти.’ (о которых уже шла речь)
(21) *Aj źàn-tar vòn akanà, əl phràl, tìden-pe akanà l trìn: o zmàvo o barò, o cygȯo aj mižloćìno, əl trìn phràl aj əl trìn phejà.*
‘И уходят они вот, братья-то, собираются вот трое: старший змей, младший и средний, три брата и три сестры.’
(22) *Əl dùj raklořə paša là-te bešən.*
‘Двое мальчиков возле неё стоят.’ (уже упомянутые)
(23) *Dè-ma kakalà trìn vojèźi.*
‘Дай мне вот эти три бутылки.’
(24) *Aj našən pala là-te là-kə dùj glàti.*
‘И бегут за ней её двое детей.’
(25) *Dikhlèm la Lulà-kə panźè śejàn.*
‘Я видел пять дочерей Лулы.’

В примере (24) определённость «подразумевается» благодаря наличию притяжателя, однако явно не выражена. Если же поставить числительное левее притяжателя, то группа скорее всего будет воспринята как неопределённая (при этом, вероятно, логическое ударение будет не на числительном):

(26) *Avilè trìn muřə vèrʹa aj štàr tirə.*
‘Пришли три моих двоюродных брата и четыре твоих.’

Сами числительные (кроме ‘30’, а также ‘100’, ‘1000’ и кратных им, о которых см. ниже) ведут себя как прилагательные, что видно по косвенным формам (их и ядер):

(27) *Le ràj mudardè <u>bišà</u> muršàn.*
‘Власти убили двадцать мужчин.’

(28) *Dikhlèm <u>dùj-šəlà-štàrvar-dešà</u> ruvèn.*
‘Я увидел двести сорок волков.’

(29) *Ə Marćèla bešàl <u>deš-u-panźè</u> mycàn-ca.*
‘Марчела живёт с пятнадцатью кошками.’

(30) *Phùrdel: kabòr jàg! — <u>štarà</u> šəràn-ca phùrdel.*
‘Дует [дракон]: вот такой огонь! — четырьмя головами дует.’

(31) *Linè kodolè <u>dò</u> grastèn aj źàn pès-kə dromè-sa.*
‘Взяли тех двух коней и идут своей дорогой.’

(32) *Aj <u>jeftà</u> khurən kaj-ćorďàs-y.*
‘И семь жеребцов да и украл.’

Так же в составе притяжательных групп:

(33) *Aj anda dròm <u>trinè</u> desàn-go || kərďà Dȍrdi <u>trinè</u> ćasonèn-go.*
‘И из трёхдневного пути сделал Дёрди трёхчасовой.’

(34) *Ə̀ta avèl-tar kodò màj-cynořò <u>trinè</u> šərən-go.*
‘Вот приходит тот младший, трёхголовый.’ (опущено: *zmə̀vo* ‘змей’)

При эллипсисе ядра:

(35) *Kana vò: Mè ćì-dàv-tu jèkh, phèn-kə, aj dàv-tu <u>trìn</u>.*
‘А тут он: я тебе не дам один, а дам тебе три.’ (опущено: *baloř̀ə* ‘волоски’)

(36) *Ə màj-cynořỳ màj-zuralès barvalì la kata kukolà <u>dùj</u>.*
‘Младшая ещё богаче, чем те две.’ (опущено *phejà* ‘сёстры’)

(37) *Ćì-mangàv barà lovè || dè-ma <u>k-mìja͡-aj-pànź-šəlà</u>.*
‘Не прошу больших денег, дай мне тысячу пятьсот.’ (опущ. денежн. единица)

При эллипсисе ядра в косвенной форме — независимое состояние:

(38) *Sòde mycàn astarďàn? — <u>Trinèn</u>.*
‘Сколько кошек ты поймал? — Трёх.’

(39) *Tù marďàn-tu jekhà ruvè-sa, aj mè <u>dòn-ca</u>.*
‘Ты дрался с одним волком, а я с двумя.’

Так же в притяжательных группах (напомним, что у числительных с гласным исходом *jetfà* ‘7’, *oxtò* ‘8’, *injà* ‘9’ первично-косвенная форма не отличается от прямой, однако при наличии падежной клитики появляется *-n*, см. 3.9.1.1):

(40) *Sỳ phurò, aj sỳ-le śàv, šovè bəršàn-go, vàr-kə <u>panźèn-go</u>, nàj-barò.*
‘Есть старик, и у него сын, шести лет, или пяти, небольшой.’

(41) *Aj barilò, pheràl vò deš-u-šovè bəršàn-go, <u>deš-u-jeftàn-go</u>.*
‘И вырос: исполняется ему шестнадцать лет, семнадцать.’

А также в синтетических формах других падежей:

(42) *Štr̀ango ande <u>štarən-de</u> thòn-oj || pa-l ćućà la kaj-marən-oj.*
‘Верёвку вчетверо складывают, по грудям её да бьют.’

Числительные могут сочиняться союзно, ср. *dùj vor trìn matòri* ‘две или три машины’, или бессоюзно, ср. *dùj-trìn řùbli* ‘два-три рубля’, а также *řùbla dùj* ‘рубль-другой’ (об этом см. 4.2.1.13.6).

(в) ‘30’, сотни, тысячи

Числительные *tr̓ànda* ‘30’, сотни: *ək-šə̀l* ‘100‘, *dù̯j-šəlà* ‘200’ и т. д. — и тысячи: *ək-mìja* ‘1000’, *dù̯j-mìji* ‘2000’ (склонение: см. 3.9.1.1) и т. д. — в группах, стоящих в прямой форме, выглядят как остальные числительные (т. е. прилагательные в прямой форме). Существительная группа стоит во множественном числе (заметим, что в особой конструкции *nakhə̀l* ‘проходить’ + [*n* единиц времени] сказуемое может стоять в единственном числе, см. 4.4.1.1):

(43) *Phabulè tr̓ànda khərà.* ***phabulì*, ***phabuľà* и т. п.
‘Сгорели тридцать домов.’
(44) *Tehàra k-šə̀l kətàni avèn maškar ə bàr.*
‘Завтра сто милиционеров придут в табор.’
(45) *Avilè màn-de ka-j nùnta trìn-šəlà źenè.*
‘Пришло ко мне на свадьбу триста человек.’
(46) *Kaćè bešə̀n ək-mìja řòm kus̓à glàti.*
‘Здесь живёт тысяча цыган, включая детей.’

Однако в отличие от всех остальных числительных, в винительном падеже при одушевлённом ядре эти числительные не принимают косвенную форму. Это можно объяснить тем, что они ведут себя не как прилагательные, а как неодушевлённые существительные в позиции ядра с частичными определениями (см. 4.2.1.13.4), ср. ‘30’ в сопоставлении с обычным числительным ‘20’ (прилагательным):

им.	*bìš*	*glàti*	‘20 детей’	*tr̓ànda*	*glàti*	‘30 детей’
вин.	*bišə̀*	*glatèn*		*tr̓ànda*	*glàti*	

Примеры:

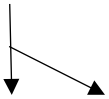
(47) *Akharďàm tr̓ànda n̓àmur̓a ka-j nùnta.* ***tr̓andà n̓amòn*
‘Мы позвали тридцать родственников на свадьбу.’
(48) *Le ràj tradinè k-šə̀l gaźè ka marimòs.* ***ək-šəlè gaźèn*
‘Власти послали сто русских на войну.’
(49) *Le n̓àmcur̓a mudardè ək-mìja řòm.* ***ək-mijà řomèn*
‘Немцы убили тысячу цыган.’

Так же ведут себя составные числительные с таким концом: *ək-šə̀l-aj-tr̓ànda* ‘130’, *dù̯j-mìji-štar-šəlà* ‘2400’ и т. п.

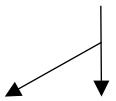
Иначе обстоит дело во вторично-косвенных падежах (т. е. при наличии падежных клитик) — здесь ядром является исчисляемое существительное, что явно видно по косвенной форме числительного:

(50) *Avilèm tr̓andà źuklèn-ca.*
‘Я пришёл с тридцатью псами.’
(51) *Andèm kolàća ək-šəlè glatèn-gə.*
‘Я привёз гостинцы ста детям.’
(52) *Arakhlèm bufàri ək-mijà řublèn-ca.*
‘Я нашёл бумажник с тысячью рублей.’

То же — в притяжательных группах, ср. *tr̓andà bəršə̀n-go* ‘тридцатилетний’. Таким образом, казалось бы, в одной парадигме представлены две разные по структуре синтаксические группы, ср. (подчёркнуто ядро):



(53) а. *Ka zmə̀vo sàs-le tr̥ànda šərə̀.*
‘У дракона было тридцать голов.’

⇒ 

б. *O zmə̀vo sas trə̀ndà šərə̀n-ca.*
‘Дракон был с тридцатью головами.’

в. *O zmə̀vo sas trə̀ndà šərə̀n-go.*
‘Дракон был тридцатиголовый.’

То же самое относится к ‘100’ и кратным, ср. *ək-šəlè šərə̀n-go* ‘стоголовый’; отметим, что здесь *ək-* не склоняется (это не числительное, а артиклеобразная клитика, см. 3.5.1.1), а в остальных случаях имеем косвенную форму *dò-šəlè*, *trinè-šəlè* и т. д., ср. *dò-šəlè tilèn-go* ‘двухсоткилограммовый’.

Совершенно особый случай представляет собой сочетание *(ək-)šəlà bəršà-ko* ‘столетний’ (см. 3.9.3), не поддающееся синтаксическому разбору.

4.2.1.13.2. Собирательные числительные: ‘все *n*’

Проклитика *lì-* придаёт числительным значение охвата: *lì-duj* ‘оба’, *lì-trin* ‘все три’ и т. д. (см. 3.9.2). Наряду с *lì-* иногда употребляют сочетание *vì-le-* (букв. ‘и’ + опр.арт.) ~ *vèl-*. Отличие таких числительных от обычных проявляется в том, что им внутренне присуща определённость; это влияет на их место в существительной группе. Если обычные числительные могут пониматься неопределённо и стоять после притяжательных групп и местоимений (выражая некоторое количество, могущее быть любой частью суммы), то собирательные занимают всегда самую левую позицию (и по значению охватывают всю сумму, т. е. делая всю группу определённой), ср.:

(1) а. *Avilè amarə̀ dùj kàk.*
‘Приехали наши два дяди.’

б. *Avilè lì-duj amarə̀ kàk.*
‘Приехали оба наших дяди.’

Логически это можно осмыслить следующим образом: обычное числительное *dùj* является здесь определителем к ядру, как и притяжательное местоимение *amarə̀*, а собирательное *lì-duj* относится ко всему, что уже́ стоит левее ядра, в т. ч. *amarə̀*.

Склоняются собирательные числительные так же, как обычные (с особенностями в ударении, о которых см. 3.9.2):

(2) *Tù mudarďàn li-dò myřə̀ phralèn.*
‘Ты убил обоих моих братьев.’

Нередко собирательные числительные выступают обособленно:

(3) *Lèl o raklò, ankalavèl le ašvarʼà anda pyznàri, dèl-le ande phùv lì-trin.*
‘Берёт парень, вынимает вожжи из кармана, бьёт ими в землю всеми тремя.’

4.2.1.13.3. Оценка количества: ‘много’, ‘мало’

Оценка количества выражается разнотипными словами — *bùt* ‘много’, *xancỳ* ‘мало’, *cỳřa* ‘мало’ и др. (список слов и формы: см. 3.9.10). Только *bùt* и иногда *xancỳ* могут высту-

пать как определители, т. е. зависеть от ядра, как точные числительные (см. 4.2.1.13.1), или быть ядром существительной группы, а остальные могут быть только ядром:

(i) в функции определителя

Слово *bùt* ‘много, многие’ может вести себя как прилагательное и зависеть от ядра. Вся существительная группа может стоять как в единственном (несчётные существительные), так и во множественном числе (счётные или не имеющие единственного числа):

(1) *Trubùl te-pès bùt thùd.* (ед.)
‘Тебе надо пить много молока.’

(2) *Màn-de sỳ-ma bùt lovè.* (мн.)
‘У меня много денег.’

В данных примерах не видно, является ли *bùt* определителем или ядром. Однако ср. пример с неактивным глаголом, согласованным с подлежащим по множественному числу, из чего следует, что *bùt* — определитель:

(3) *Avilè bùt řòm.* ***aviľà*
‘Пришло много цыган.’

Кроме того, зависимость от ядра (т. е. роль определителя) видна по косвенной форме при вторично-косвенном падеже ядра, ср. в обоих числах:

(4) *Vòj avilì khərà butè lovèn-ca.*
‘Она пришла домой с большим количеством денег.’

(5) ? *Vòj avilì khərà butè thudè-sa.*
‘Она пришла домой с большим количеством молока.’

В винительном падеже при одушевлённости косвенная форма факультативна:

(6) а. *Kadò gaźò źanèl butè řomèn.*
б. *Kadò gaźò źanèl bùt řòm.*
‘Этот русский знает много/многих цыган.’

В примере (6)б *bùt* можно считать ядром существительной группы *bùt řòm*, в отличие от (6)а, где *butè* — зависимое прилагательное. Другое решение — считать, что группа в (6)б нечувствительна к одушевлённости (в связи с неопределённостью). Та же логика применима и к *xàncy* ‘мало’, которое, однако, неизменяемо:

(7) а. *Dikhlèm xancỳ řomèn anda kadò kỳrdo.*
б. *Dikhlèm xancỳ řom anda kadò kỳrdo.*
‘Я видел мало цыган из этого табора.’

Зависимым прилагательным не может быть уменьшительная форма *butořò*, поэтому только *butořò purùm* ‘немало лука’, а не ***buťořỳ purùm* (хотя *purùm* ж. ‘лук’).

Эллипсис ядра и независимая форма:

(8) *Sodè řomèn dikhľàn? — Butèn.*
‘Скольких цыган ты видел? — Многих.’

Можно ответить словами *phèrdo* ‘полно́’, *xancỳ* ‘мало’. Однако тогда можно считать, что опущено не ядро, а частичное определение (см. 4.2.1.13.4) — *řòm* ‘цыгане’.

(ii) в функции ядра

Как и один из вариантов *bùt* ‘много’, все остальные оценочные количественные слова: *xancỳ* ‘мало’, *phèrdo* ‘полно’, *(ək-)cỳřa* ‘чуть’ и др. — не имеют косвенных форм. Они упо-

требляются только в именительном и винительном падежах и не реагируют на одушевлённость. Поэтому их можно считать ядром (но см. выше о *bùt* и *xancỳ*):

(9) *Ande kadò kỳrdo bešə̀n xancỳ řòm amarə̀n-dar.*
ʻВ этом таборе живёт мало наших цыган.ʼ

(10) *Dikhlèm xancỳ řòm amarə̀n-dar ande kadò kỳrdo.* ~ *xancỳ řomèn*
ʻЯ видел мало наших цыган в этом таборе.ʼ

«Смягчительные» слова обычно встречаются только в винительном падеже:

(11) *Màj-thò-ta màn-gə k-cyřùca řətìja.*
ʻНалей-ка мне ещё немного водки.ʼ

В следующих примерах в разной степени трудно провести границу между эллипсисом определения (т. е. измеряемого) и его истинным отсутствием (а в иных случаях также обстоятельственной ролью количественного слова):

(12) *Mè bùt źanàv.*
ʻЯ много знаю.ʼ

(13) *Ćì-mangàv bùt tù-tar.*
ʻЯ не прошу у тебя многого.ʼ

(14) *Pilèm xancỳ.*
ʻЯ выпил мало.ʼ (или ʻчуть-чуть’)

Так же себя ведут широкие словоформы числительных с проклитиками *nàj-* ʻне-ʼ и *prə̀-* ʻочень, слишком’:

(15) *Prə̀-xancỳ źenè avilè ka ti nùnta.*
ʻОчень мало людей пришло на твою свадьбу.ʼ

(16) *Prə̀-bùt diľà dilabaďàn.*
ʻТы слишком много песен спел.ʼ

(17) *Potindèm nàj-but lovè.*
ʻЯ заплатил немного денег.ʼ

Оценочные числительные применяются в сравнительных оборотах, ср. *pe bùt màj-bùt* ʻнамного больше’ (подробно см. 4.12.8.1).

4.2.1.13.4. Количества с единицами измерения

Измеряемое выражается частичным определением (в именительном падеже). Ядро — ёмкость, порция и т. п. В единственном числе обычна артиклеобразная клитика (см. 3.5.1.1), но может быть и любой артикль. Речь может идти о несчётном веществе:

(1)

(ək-)pahàřo ćàj	ʻстакан чаю’
(ək-)vojàga řətìja	ʻбутылка водки’
(ək-)vàdra pàj	ʻведро воды’
(ək-)tinźìri xyvìcy	ʻкастрюля мамалыги’
(ək-)bùrnix tišàj	ʻгорсть песку’
(ək-)kotòr tiràl	ʻкусок сыру’

Измеряемое может быть и счётным:

(2)

(ək-)bùrnix tirə̀	ʻгорсть муравьёв’
(ək-)vagòno glàti	ʻвагон детей’
(ək-)kutìja cygə̀ri	ʻпачка сигарет’
(ək-)źutò papùća	ʻпара башмаков’

В таких сочетаниях единицы измерения синтаксически близки к числительным-существительным *tr̓ànda* ‘30’, *ək-šəl* ‘100’, *ək-mìja* ‘1000’ (см. 4.2.1.13.1в).

Ядром могут быть и собственно единицы измерения:

(3) *(ək-)mètro poxtàn* ‘метр ткани’
(ək-)tìla ařò ‘кило муки’

Ядро стоит во множественном числе при наличии числительного, причём это не влияет на форму частичного определения:

(4) *dùj pahàřa mòl* ‘два стакана вина’
trìn bərš vr̓àmə̀a букв. ‘три года времени’
šòv řùbli lovè ‘шесть рублей денег’
dèš mètri phànř ‘десять метров шёлка’
ək-šəl šərə̀ šàx ‘сто кочанов капусты’ (букв. ‘голов’)
pànź matòri kərəmìzy ‘пять машин кирпичей’
dùj-šələ̀ tìli karf̓à ‘двести килограммов гвоздей’
oxtò košorìcy burècy ‘восемь корзин грибов’
štàrvar-deš gonè kolompìr̓a ‘сорок мешков картошки’

Заметим, что в сочетаниях типа *ək-šəl šərə̀ šàx* ‘сто кочанов капусты’ *ək-šəl* можно считать ядром, *šərə̀* — его частичным определением, а *šàx* — частичным определением *šərə̀* (о числительных, бывающих ядром, см. 4.2.1.13.1в).

Измеряемое не должно логически противоречить мере, так что нельзя ***dùj bərš dès*, букв. ‘два года дней’.

Определения, стоящие правее измеряемого, могут относиться как к измеряемому (здесь *màs*, и тогда получается вложенная существительная группа), как и к ядру всей группы (здесь *kotorà*), ср.:

(5) а. *dùj* [*kotorà* [*màs ternò*]] ‘два куска мяса гнилого’
б. *dùj* [*kotorà* [*màs*] *ternè*] ‘два куска мяса гнилые’

В (5)б *ternè* ‘гнилые’ согласуется с *kotorà* ‘куски’. Впрочем, вероятнее определение слева от ядра: *dùj ternè kotorà màs* ‘два гнилых куска мяса’.

Примеры предложений (подчёркнуто ядро):

(6) *Dè-ma k <u>vojàga</u> mòl.*
‘Дай мне бутылку вина.’
(7) *Anďàm dùj <u>və̀dri</u> pàj.*
‘Мы принесли два ведра воды.’
(8) 👂 *Rujà xancỳ ə raklì, ďà-lèh khə <u>bùrnix</u> sumnakàj.*
‘Поплакала чуть-чуть девушка, дала ему горсть золота.’ (выплакала)
(9) ♪ *<u>Vòka</u> mòl màn-gə te-lès.*
‘Оку вина для меня возьми.’ (старинная мера объёма, сейчас неизвестна)
(10) ♪ *Àpo <u>vàdra</u> thudořò te-lès-y || ka-j sapnì tù te-màj-źàs-y.*
‘Потом ведро молочка возмёшь, к змее ты и пойдёшь.’

В косвенных падежах:

(11) *Aviľàm ka-j nùnta dò <u>vojeźèn-ca</u> šampànsko.*
‘Мы пришли на свадьбу с двумя бутылками шампанского.’
(12) *Gəlò-tar pe matòra trinè-šəlè <u>tilèn-ca</u> sàstri.*
‘Он уехал на машине с тремястами килограммами железа.’

Описанные конструкции, кажется, не встречаются с ядром в притяжательной форме.

4.2.1.13.5. Количество лиц: личные числительные

Особый тип представляют собой сочетания числительного и существительного *źenò* ‘человек’ (отдельно употребляется редко), обозначающие количество живых существ (обычно людей), ср. *dùj-źenè* ‘двое’, ‘вдвоём’ (о формах см. 3.9.1). Их можно считать «личными числительными», однако синтаксически это обычные существительные группы:

(1) *Pàle avèn kodolà dùj ćirikľà, pàle phenèn divàno: mỳndro kakalà dùj-źenè aj mỳndro sovèn.*
‘Опять приходят эти две птицы, опять ведут разговор: «Хороши эти двое и хорошо спят».’

Впрочем, чаще всего они употребляются в роли присказуемого (‘вдвоём’ и т. д., см. 4.3.5.2, 4.3.5.3).

Вопросительные:

(2) *Sòde-źenè mutisàjle?*
‘Сколько людей переехало?’

Склонение:

(3) *Tumèn-gə dò-źenèn-gə phenàv.*
‘Я вам двоим говорю.’

(4) *Puśèl o ampəràto le tatařòn-go: sòde-źenèn-ca maràs-tu?*
‘Спрашивает басурманский царь: со сколькими [людьми] будешь биться?’

Как и обычные числительные, эти числительные могут принимать артикль: *əl dùj-źenè* ‘двое [человек]’ (опр.) и т. п., а также быть собирательными: *lì-duj-źenè* ‘оба [человека]’.

4.2.1.13.6. Соположение числительных

В существительной группе возможны сочетания числительных в значении приблизительности (ср. сочинённые прилагательные, обозначающие разные несвязанные свойства, см. 4.2.1.9.1):

(1) *Màj-lè tù-sa dùj-trìn-źenè aj źàn te-ingərən lès-kə koď à voglìnda.*
‘Возьми с собой ещё двоих-троих и идите отнесите ему то зеркало.’

Частный случай такого сочинения — существительное в единственном числе плюс числительное *dùj* ‘два’ (часто в обстоятельствах времени):

(2) *Lèl-pe o raklò, sò bešlò vò la rakľà-sa, kurkò dùj, sò hodinisarď à, źàl-tar ka khàm.*
‘Собирается парень — сколько он там жил с девушкой: неделю-две, сколько отдыхал, — уходит к солнцу.’

(3) *Phèjo, Màľa, phèn-kə, źàv-tar i mè p-əl gavà, ròdav mè kak buťořỳ, vàrə-so-gòdi, te-kəràv i mè řùbla dùj, te-pravaràv... te-pravaràv-tu tùt, te-gotòv-tu.*
‘Сестра, Маля, говорит, пойду и я на заработки, поищу я какую-нибудь работёнку, чтобы заработать и мне рубль-другой, накормить тебя, одеть.’

В этом обороте можно при желании усмотреть эллипсис типа [*jèkh*] *kurkò dùj* [*kurkə̀*] ‘[одна] неделя, две [недели]’, и тогда это будет сочинением двух существительных групп.

4.2.1.13.7. Вопросительные и др. местоименные числительные

В составе существительной группы в вопросительной и относительной функциях употребляются местоимения количества и размера.

Основное местоимение количества — *sòde* ‘сколько’:

(1) *Ande <u>sòde</u> kỳrdurȁ řomanè sànas?*
‘В скольких цыганских таборах ты был?’

(2) *Kana vòj, phèn-kə, phenèl lès-kə paramìći, phenèl <u>sòde-ź</u>enèn mudarďà.*
‘И тут она, мол, рассказывает ему сказку, говорит, сколько человек убила.’

Также вопросе:

(3) *<u>Sòde</u> bəršə̀n-go san?*
‘Сколько тебе лет?’ (букв. ‘скольколетний ты’, ж. *bəršə̀n-gi ~ -di*, мн. *bəršə̀n-gə*)

При эллипсисе *bə̀rš* ‘лет’ *sòde* превращается в притяжательную форму:

(4) *<u>Sodèn-go</u> san?*
‘Сколько тебе лет?’ (м., букв. ‘скольких ты’, ж. *sodèn-gi ~ -di*, мн. *sodèn-gə*)

Некоторые носители склоняют: *sodè bəršə̀n-go*, или даже в единственном числе:

(5) *Ti glàta <u>soďà</u> vr̓amȁ-ki la?*
‘Твой ребёнок, сколько ему?’ (букв. ‘сколького он времени’)

Указательное местоимение количества — *kajtì ~ kaditì* ‘столько’:

(6) *Də <u>kajtì</u> bə̀rš san pala lès-te, aj ći-puśl̓àn-les, kàj lès-ti zòr.*
‘Столько лет ты уже за ним [замужем], а не спрашивала его, где [кроется] его сила.’

(7) *<u>Kaditì</u> kətàni anďàs || khanikàs-te ći-amisàjl̓a || nùma l̓à pèh-kə xanamikàs.*
‘Столько солдат привёл, никого не тронул, только взял своего свата.’

Отметим, что в сочетании с количественными местоимениями счётные существительные стоят во множественном числе, ср. *sòde*/*kajtì khərà* ‘сколько/столько домов’, а несчётные в том числе, которое им внутренне присуще, ср. *sòde*/*kajtì thùd* (ед.) ‘...молока’, *sòde*/*kajtì xyvìcy* (мн.) ‘...мамалыги’.

Местоимение *kabòr* ‘какого размера; такого размера’ часто употребляется предикативно, но ср. в составе существительной группы:

(8) *Náj-ma sò te-xáv?! Màn-de <u>kabòr</u> balò bešə̀l ande štàla!*
‘Мне нечего есть?! У меня вот такая свинья стоит в хлеву!’

(9) *Phùrdel: <u>kabòr</u> jàg! — štarə̀ šərə̀n-ca phùrdel.*
‘Дует [дракон]: вот такой огонь! — четырьмя головами дует.’

Омонимичный предлог *kabòr* ‘[размером] с’ (см. 4.2.2.6.5).

4.2.1.14. Местоимения в существительной группе

Многие местоимения могут быть как ядром группы, так и определителем (общий обзор: см. 4.2.1.4.5). Ниже мы перечисляем разные типы местоимений, раздельно разбирая их поведение в каждой из этих двух ролей. Притяжательные местоимения рассмотрены вместе с притяжательными группами (см. 4.2.1.10.1). Существительные группы с ядром-местоимением могут распространяться зависимыми элементами очень ограниченно (о чём см. 4.2.1.14.9).

В таблицах, данных в следующих разделах, при каждом типе местоимений показано, какие из них могут быть ядром, определителем, в каком числе (в обоих или только в одном), относятся ли к (не)одушевленным обозначаемым и могут ли распространяться («распр.»), являясь ядром.

4.2.1.14.1. Универсальные местоимения

Универсальные местоимения семантически различаются по ряду признаков: они могут выражать полный охват одного предмета или множества, одушевлённых или неодушевлённых, а также выступать в распределительном значении. Распределение по синтаксическим свойствам:

	ядро	определ.	ед.	мн.	неодуш.	одуш.	распр.
sòřo	–	+	+	–	+	–	
sà	+	+	+	+	+	+	–
sàvořə	+	+	–	+	–	+	–
sàko	+	+	+	–	+	+	+
sò-gòdi	+	(+)	–	+	–	+	–

Все, кроме *sòřo*, могут быть ядром группы.

(i) в функции определителя

(а) *sòřo* ʻвесь’

Особый числитель *sòřo* ʻвесь, целый’ отличается ограниченной сочетаемостью. Он употребляется, как правило, только в выражениях длительности *sòřo dès* ʻвесь день’ и *sòřo ŕàt* ʻвсю ночь’ (сочетания с другими ядрами, ср. *ʔsòřo tràjo*, принимают не все носители, предпочитая *sà (o) tràjo* ʻвсю жизнь’):

(1) *Xalèm aj pilèm sòřo dès.*
ʻЯ ел и пил весь день.’

(2) *Ćì-suťàm sòřo ŕàt.*
ʻМы не спали всю ночь.’

Эти обороты неделимы: нельзя вставить другое слово: ***sòřo kaďà ŕàt* и т. д. Синтаксически могут употребляться только в составе беспредложного обстоятельства времени: нельзя ***ande sòřo ŕàt*.

(б) *sà* ʻвесь, всё, все’

Неизменяемое местоимение *sà* ʻвесь’, ʻвсе’ может стоять как слева, так и справа от ядра. Стоя слева, оно занимает самую левую позицию. В такой существительной группе должен быть определённый артикль, притяжательная группа, местоимение или указатель, т. е. существительная группа должна быть или явно или неявно определённой, плюс особый случай — качественный указатель типа ʻтакой’.

В сочетании *sà* + [определённый артикль] происходят факультативные морфонологические преобразования. Примеры сочетаний:

(1) *sà o tràjo* ~ *sà tràjo* ʻвся жизнь’
sà ə lùm̀a ~ *sa j lùm̀a* ʻвесь народ’
sà le/əl řòm ~ *sa l řòm* ʻвсе цыгане’

(2) *sà kadalà fòrur̀a* ʻвсе эти города’
sà kasavèn-dar fòrur̀a ʻвсе такие города’
sà muřə̀ fòrur̀a ʻвсе мои города’
sà kasavè muřə̀ fòrur̀a ʻвсе такие мои города’
sà le kərdòs-kə khərà ʻвсе дома табора’
sà muřà dà-kə n̓àmur̀a ʻвсе родственники моей матери’

Употребляется с ядром обоих чисел. В единственном числе означает целостность, полный охват вещества (‘всё молоко’), предмета, места, периода (‘весь дом’, ‘вся жизнь’) или множества в собирательном смысле (‘весь народ’):

(3) *Kamàv te-dikhàv sà tumarò khər.*
‘Я хочу увидеть весь ваш дом.’

(4) *Tó śàv piľà sà o pàj.*
‘Твой сын выпил всю воду.’

(5) *Avilì sà ə lùmə́a aj sà o ćèm.*
‘Пришло все [цыганское] общество.’ (букв. ‘весь мир и вся страна’)

(6) *Lèl o raklò vàzdel kodò bàř, dèl dròm sà le narodòs kaj phangľà-le ə řuřùna koďà.*
‘Берёт парень, поднимает тот камень, отпускает весь народ, который связала эта *ɣурɣуна*.’

Во множественном числе обозначает полный охват однородного множества (‘все дома́’, ‘все люди’):

(7) *Avilè sà muřà dà-kə nə̀amurə́a.*
‘Приехали все родственники моей матери.’

(8) *Tìdel-pe anda sà le fòrurə́a, tìdel-pe ə lùmə́a, ćèm.*
‘Собирается из всех городов, собирается общество, народ.’

(9) *Ľà lès-tar sà əl dikhlořə kodolà.*
‘Взяла у него все платочки эти.’

(10) *Lèl ə raklì aj astarə̀l pe sà lès-kə gadà, astarə̀l o trušulìcy.*
‘Берёт девушка и пришивает на все его рубашки, пришивает крестик.’

Может стоять в постпозиции — как правило при неодушевлённом ядре:

(11) *Źanàv ťo khər sà.*
‘Я знаю весь твой дом.’

Также при местоименном ядре, т. к. при нём возможны только правые определения:

(12) *Mè ťa glatà ćì-śindèm, mè le buznořə̀s ćì-śindèm, kadò sà ti řomnì kərďà.*
‘Я твоего ребёнка не резала, я козлика не резала, это всё твоя жена сделала.’

При одушевлённом ядре в постпозиции *sà* невозможно, вместо него употребляется только *sàvořə* ‘все’ (см. ниже).

В некоторых контекстах *sà* может значить ‘полностью’, ср. *sà melalò* ‘весь грязный’ — здесь *sà* можно считать обособленным определителем (см. 4.2.1.15). Кроме того, *sà* может быть ядром в значении ‘всё’ (см. ниже), а также частицей (‘всё [время]’, см. 4.3.8.1.2и, ‘тоже’, см. 4.3.8.1.2а).

(в) *sàvořə* ‘все’

В роли определителя *sà* и *sàvořə* ‘все’ (мн., одушевлённые) распределены дополнительно. В препозиции употребляют *sà* (неизменяемое), а в постпозиции — *sàvořə* (склоняемое):

(13) а. *Dikhlèm sà te phejàn.*
⇒ б. *Dikhlèm te phejàn savořə̀n.*
‘Я видел всех твоих сестёр.’

(14) а. *Dèm dùma sà te phralèn-ca.*
⇒ б. *Dèm dùma te phralèn-ca savořə̀n-ca.*
‘Я говорил со всеми твоими братьями.’

При местоименном ядре возможны только правые определения. Следовательно, при одушевлённости во множественном числе здесь возможно только *sàvořə*:

(15) а. *Daràv kata sà le kətàni.*
‘Я боюсь всех милиционеров.’
⇒ б. *Daràv lèn-dar savořə̀n-dar.*
‘Я боюсь их всех.’

Нередко трудно решить, выступает ли *sàvořə* в роли определителя или присказуемого (см. также 4.2.1.15):

(16) 🔊 *No vòj źanèl-le savořə̀n, a vòn ćì-prinźanèn-la.*
‘Но она знает их всех, а они её не узнаю́т.’

Может быть ядром в значении ‘все [люди]’ (см. ниже).

(г) *sàko* ‘каждый’

Распределительное в единственном числе. Чаще всего обозначает ‘каждый’ из всех членов множества, рассматриваемых индивидуально:

(17) *O Jòno phirə̀l sàko dès ka-j làvka.*
‘Ёно каждый день ходит в магазин.’
(18) *Nigəràv ande sàko khə̀r po dùj vojèźi řətìja.*
‘Я ношу в каждый дом по две бутылки водки.’
(19) 🔊 *Aj pe sàko stỳlbo bešə̀n le gaźèn-gə šərə̀.*
‘И на каждом столбе находятся головы мужиков.’
(20) *Sàko manùš xaranò sàs-kə-kərə̀l sà kaďà.*
‘Любой умный человек поступил бы так же.’

В роли определителя склоняется факультативно:

(21) *Me ćì-dilabàv sakonè manušə̀s-kə!* ~ *sàko manušə̀s-kə*
‘Я не буду петь абы кому!’ (букв. ‘всякому человеку’)

Как видно по примерам (20) и особенно (21), в некоторых случаях значение может быть скорее обобщённым: ‘любой’ (т. е. ‘неважно какой’).

Имеет признак неопределённости, поэтому не сочетается с определёнными определителями, ср. невозможность ***sàko manùš o xaranò*.

Также в роли определителя мн. *sàko f̓àlo* ‘всякие, разные’ (букв. ‘всякий тип’):

(22) *Sàko f̓àlo manùš avilè.*
‘Всякие люди пришли.’

Но чаще *sàko f̓àlo* обособляется:

(23) 🔊 *Sò thoďà-pe ə skafedì angla lès-te! Khajn̓à, i kurkàja, i balè, sàko f̓àlo.*
‘Ну и стол встал перед ним! Куры, и индюки, и свиньи, всяческие.’

Часто в предложной группе: *anda sàko f̓àlo* букв. ‘из всех типов’.

Местоимение *sàko* может быть ядром (см. ниже).

(д) *sò-gòdi* ‘все, сколько [всего]’

В следующем, кажется маргинальном, примере *so-gòdi*, по-видимому, можно толковать как относительное местоимение (‘сколько [бы ни]’) — и тогда это определитель:

(24) 🔊 *Aj so-gòdi sy hỳrcy mulè, sà te-źuvindìs-le.*
‘А сколько есть мёртвых мышей, всех их ты оживи.’

(ii) в функции ядра

(е) *sà* ʻвсё’

Употребляется по отношению к неодушевлённым предметам, вообще ко ʻвсему’:

(25) *Mè sà źanàv.*
ʻЯ всё знаю.’

(26) *Vòj pyřysarďà sà.*
ʻОна призналась во всём.’ (или ʻвыдала всё’)

Придаточные предложения, определяющие ядро *sà*, вводятся союзным словом *so* ʻчто’:

(27) *Sà so phendèm tù-kə xoxajimòs sy.*
ʻВсё, что я тебе сказал, — ложь.’

Кроме того, при *sà* союзом часто бывает *so-gòdi* (см. также 4.12.4.1):

(28) *Aj katkà hramòl-pe sà so-gòdi phenàv?*
ʻА тут записывается всё, что я говорю?’

(ж) *sàvořə* ʻвсе’

Употребляется по отношению к людям:

(29) *Asàn lès-tar sàvořə.*
ʻСмеются над ним все.’

(30) *Pàle nakhàn le ampəràcy, nakhàn sàvořə.*
ʻСнова проходят цари, проходят все.’

(31) *Mudarďà le ampəratòs, mudarďà, aj mudarèl la rakľà kaj dilabàl màj-mùndro savořən-dar.*
ʻУбил царя, убил, и убивает девушку, что поёт красивее всех.’

Придаточные предложения, определяющие *sàvořə*, вводятся союзом *kaj*:

(32) *Źanàv savořən kaj avilè tù-te.*
ʻЯ знаю всех, кто к тебе пришёл.’

(з) *sàko* ʻвсякий’

Только о людях. Склоняется обязательно:

(33) *Le ràj dinè sakonès po dùj bərš.* ***sàko*
ʻВласти дали каждому по два года.’

(34) *Nàj ka sàko dès mìlosťa.*
ʻНе каждому дашь милостыню.’

(и) *sò-gòdi* ʻвсе, каждый; всё’

В одушевлённом употреблении ʻвсе [люди], каждый’ это местоимение обладает распределительным значением, как *sàko* ʻкаждый’, но, в отличие от последнего, согласуется во множественном числе, ср.:

(35) *Sò-gòdi bešən ka-j skafedì.*
ʻВсе сидят за столом.’

Нередко взаимозаменимо с *sàko*, так что пример (33) синонимичен следующему:

(36) *Le ràj dinè so-godèn po dùj bərš.*
ʻВласти дали каждому по два года.’

В неодушевлённом употреблении имеет единственное число и значит ʻвсё [что угодно]ʼ, часто с местоимением *sà* ʻвсёʼ:

(37) *Màn-de sà so-gòdi sy, muřò dàd barvalò lo, màn-de sỳ-ma sò-gòdi.*
ʻУ меня всё что угодно есть, мой отец богат, у меня есть всё.ʼ

4.2.1.14.2. Дробное местоимение *dopàš* ʻполовинаʼ

Для выражения дробности имеется всего одно слово — *dopàš* ʻполовинаʼ. Оно может выступать как числительное (к местоимениям такое употребление вряд ли можно отнести):

(1) *Dè-ma dopàš tìla kolompìŕa.*
ʻДай мне полкило картошки.ʼ

(2) *Ə bòľnica sy dopàš vỳstra kathàr.* (ср. *jèkh vỳstra* ʻ1 кмʼ, *dùj vỳstri* ʻ2 кмʼ)
ʻБольница — в полкилометре отсюда.ʼ

В такой функции *dopàš* — прилагательное, ср. согласование (склонение: см. 3.9.4):

(3) а. *O řòm avilò dopašə̀ vagonò-sa kàšt.*
ʻЦыган приехал с половиной вагона дров.ʼ
б. *O řòm avilò dopašà matorà-sa kàšt.*
ʻЦыган приехал с половиной машины дров.ʼ

Что касается независимых форм этого прилагательного, то диагностические контексты для них выявить трудно (поскольку от одушевлённых имён ʻполовинаʼ зависит редко), однако в некоем вырожденном случае возможно (не для всех носителей) следующее маргинальное употребление, где можно усматривать субстантивацию:

(4) а. ? *O ampəratò avilò pès-kə dopašə̀-sa.*
ʻЦарь пришёл со своей половиной.ʼ
б. ? *Ə ampərəťàsa avilì avilì pès-ka dopašà-sa.*
ʻЦарица пришла со своей половиной.ʼ

Кроме того, *dopàš* стоит в одном ряду с *sà* ʻвесь, всеʼ в том, что после себя требует определённой существительной группы. Сочетается с ядрами единственного числа:

(5) *Nakhlèm dopàš o dròm źi tù-te.*
ʻЯ прошёл полпути до тебя.ʼ

(6) *Dopàš amarì bàr matì la.*
ʻПоловина нашего табора — пьяные.ʼ

(7) *Ľà o raklò la rakľà vastès-tar, pès-ka gaźà, aj lès-kə thoďà dopàš le rikonořə̀s and-o vàs.*
ʻВзял парень девушку за руку, свою жену, и [она] ему вложила половину щенка в руку.ʼ

А также с ядрами множественного числа:

(8) *Zydisardèm dopàš əl lovè.*
ʻЯ растратил половину денег.ʼ

(9) *Dopàš amarə̀ řòm ćì-pèn.*
ʻПоловина наших цыган не пьют.ʼ

Может быть существительным ʻполовинаʼ; ср. также *dopàš ə ŕàt* ʻполночьʼ:

(10) *Bešlò źì dopàš ə ŕàt aj nùma dikhə̀l: putə̀rdilo o ćèri aj hurˈàl pàřa anda ćèri hurˈàl.*
ʻПросидел до полуночи и вдруг видит: разверзлось небо и летит пламя с неба, летит.ʼ

4.2.1.14.3. Определительное местоимение *avèr* ‘другой’

Вне особых контекстов (ср. *dèl ande avrən-de* ‘перепугаться’) — только определитель:

(1) *Avèr matòra nàj-ma.*
‘Другой машины у меня нет.’

(2) *Ćì-kamàv mè avèr, mè kamàv kadalà te-làv, aľarďàn?* (эллипсис ядра?)
‘Не хочу я другую, я хочу эту взять, понял?’

Притяжательная форма: *avràs-ko* ‘чужой’. Входит во взаимно-возвратное местоимение *jekh-avràs* ‘друг друга’ (ведущее себя только как существительное в роли взаимно-возвратного дополнения, см. 4.3.3.6).

4.2.1.14.4. Усилительное местоимение *kòrkořo* ‘сам’

Не склоняется. Всегда стоит правее ядра. Логически выделяет ядро:

(1) *O phurò kòrkořo bokhalò lo.*
‘Старик [и] сам голодный.’

(2) *Là-te kòrkořo sỳ-la bùt glàti.*
‘У неё у самой много детей.’

Кроме того, может означать ‘самостоятельно’ или ‘один’ (обычно *jèkh-źenò*):

(3) *Aśilò kòrkořo muřò dàd, kàj te-źàl?*
‘Остался один мой отец, куда ему идти?’

4.2.1.14.5. Неопределённые местоимения

Здесь выделяются самостоятельные слова, а также образуемые от вопросительных местоимений неопределённые ряды с клитиками *vàrə-* ~ *vàri-* ‘-нибудь’, *-to* ‘-то’, *-gòdi* ‘-нибудь, угодно’ (клитики могут образовывать разные сочетания, см. 3.10.3):

			ядро	определ.	ед.	мн.	неодуш.	одуш.	распр.
kàk			–	+	+	–	+	+	
kutàri			–	+	+	+	+	+	
mèšte			–	+	–	+	+	+	
vùni			+	+	–	+	+	+	–
(*vàrə-*)	*sò*	(*-to* / *-gòdi*)	+	(+)	+	(+)	+	(+)	+
(*vàrə-*)	*kòn*	(*-to* / *-gòdi*)	+	(+)	+	(+)	–	+	+

(i) в функции определителя

(а) *kàk* ‘какой-то, какой-нибудь’

Употребляется в роли, очень близкой к неопределённому артиклю (только ед.):

(1) *Sàmas ande kàk fòro.*
‘Мы были в одном городе.’ (в некотором, каком-то)

(2) *Kana avèl pala màn-de kàk řòm, no sò sungàh ə bùl — źà, źà, phiràv-tu!*
‘Когда идёт за мной какой-то цыган: ну что нюхаешь зад, иди, иди, гуляй!’

(3) *Phèjo, Màle, phèn-kə, źàv-tar i mè p-əl gavà, ròdav mè kàk buťořỳ, vàrə-so-gòdi.*
‘Сестра, Маля, — говорит, — пойду и я на заработки, поищу я какую-нибудь работёнку, что угодно.’

(б) *kutàri* ʻтакой-то’

Часто употребляется для опущения подробностей, обычно для сокращения прямой или косвенной речи:

(4) 👂 *Sò řudìn lès-kə, sȍ màj-naštìn pala raklò, phenèn màn-gə o dròm, sàr te-arəsàv ka kutàri thàn.*
ʻКак благожелают ему, как же изнемогают по нему, говорят мне дорогу, как мне добраться до такого-то места.’

В функции ядра, т. е. в значении существительного (м. *kutàri* ʻнекто’, ж. *kutər̓àsa*), это скорее назывное существительное (т. к. принимает артикль), а не местоимение:

(5) *Vò luvudìl-pe: mè źanàv le kutarès aj la kutər̓àsà.*
ʻОн хвастается: я знаю того-то и ту-то.

(в) *mèšte* ʻнесколько, какие-то’

Выражает неопределённое количество. Это местоимение можно было бы считать неопределённым артиклем множественного числа, но в обычной речи оно не встречается. Пример из песни:

(6) ♪ *Mèšte řòm, dèvla, d-avèna || aj da nàj, da nàj, da, nàj da nàj || aj da vàj, va vàj da vàj, da vàj || aj sà ka Dȍrdi kaj-maj-źàna*.
ʻНесколько цыган, боже, приходят, *аӣ-да-най* [...], да всё к Дёрди да и идут.’

(г) *vùni* ʻнекоторые’

Неопределённое подмножество (только во множественном числе). Может стоять только слева от ядра:

(7) *Ka vùni glàti nàj-le dadà.*
ʻУ некоторых детей нет отцов.’

(8) *Dikhlèm vunè řomèn.* *~ vùni řòm ~ vùni řomèn*
ʻЯ увидел нескольких цыган.’

Может быть ядром ʻнекоторые’ (см. ниже).

(д) серии *vàrə-* и *-to*

В роли определителя наиболее частотно несклоняемое *ćè-to* ʻкакой-то’:

(9) 👂 *Kaj-gəlè-tar, arəsən vòn ande ćè-to vəš.*
ʻИ вот пошли они, приходят в какой-то лес.’

В притяжательном значении: *vàrə-kàs-ko* ʻчей-то’ с возможными клитиками *-to* и *-godi*:

(10) 👂 *A vàrə-kàs-ko-to šərò trubùl te-śìnd̓ol kaćè.*
ʻА чья-то голова должна быть срублена тут.’

(ii) в функции ядра

(е) *vùni* ʻнекоторые’

Изредка употребляется как ядро (если не считать это эллипсисом):

(11) *Vùni amèn-de trajìn ćořəs.*
ʻНекоторые у нас живут бедно.’

(ж) серии *vàrə-*, *-to*, *-gòdi*

Местоимения *sò* ‘что’ и *kòn* ‘кто’ в сочетании с этими морфемами (см. 3.10.3) получают различные оттенки неопределённости.

Клитика *-to* обычно подразумевает неизвестность:

(12) *Kòn-to aviľà.*
‘Кто-то пришёл.’

(13) *Garavèl sò-to amèn-dar.*
‘Он что-то прячет от нас.’

Иногда также неопределённость при контрасте:

(14) 👁 *Kòn-to daràl te-lèl-la, a kòn-to pašòl aj lèl-la.*
‘Кто-то боится её взять, а кто-то подходит и берёт.’ (*-la* = *komàřa* ‘клад’)

Клитика *vàrə- ~ vàri-* — произвольность выбора, в т. ч. при вопросе:

(15) *Phèn vàri-so.*
‘Скажи что-нибудь.’

(16) 👂 *Astarďàn vàrə-kàs, dikhľàn vàrə-kàs?*
‘Ты поймал кого-нибудь, видел кого-нибудь?’

Клитика *-godi* привносит усиленный оттенок произвольности выбора, но также и универсальности (ср. также значение ‘все [люди]’, см. 4.2.1.14.1и):

(17) 👂 *Màn-de sà so-gòdi sy, muřò dàd barvalò lo, màn-de sỳ-ma sò-gòdi.*
‘У меня всё что угодно есть, мой отец богат, у меня есть всё.’

В сложных предложениях *so-gòdi* совмещает в себе роль ядра группы и подчинительного союза (см. 4.12.4.1).

(18) 👂 *Tiràv anda sòs-te-gòdi kamès, sò-gòdi plaćàl-tu, aj dìkh-ta sò xàl vòj.*
‘Готовь из чего хочешь, что хочешь, и смотри-ка, что ест она.’

4.2.1.14.6. Вопросительные и относительные местоимения

Одни и те же местоимения применяются в вопросительной и относительной функциях:

	ядро	определ.	ед.	мн.	неодуш.	одуш.	распр.
ćè	–	+	+	+	+	+	
savò	–	+	+	+	+	+	
savès-tar	–	+	+	+	+	+	
kòn	+	(+)	+	–	–	+	(+)
sò	+	(+)	+	–	+	–	(+)

(i) в функции определителя

(а) *ćè* ‘какой’

Это неизменяемое слово — самое общее вопросительное или относительное местоимение-прилагательное, которому соответствуют все указатели, как определённые, так и качественные (т. е. и ‘этот’, и ‘такой’):

(1) *Anda ćè fòro aviľàn?*
‘Из какого города ты приехал?’

(2) ♪ *Anda ćè vìca tù san?*
ʻИз какого рода ты?ʼ
(3) 👂 *Aj ćè ampəratòs-ti śèj sy vòj?*
ʻА она дочь какого царя?ʼ
(4) 👂 *Kaj-uštilè, nùma phenèn pèh-kə sunè, kòn ćè sunò dikhl'à.*
ʻИ вот встали, давай рассказывать свои сны, кто какой сон видел.ʼ
(5) 👂 *Ćè gràs trubùla-tu, nùma dès ašvàr ande phùv, aj phèn: ...*
ʻКакой конь тебе будет нужен, только ударишь уздой по земле и скажи: ...ʼ

Употребляется также в восклицаниях (см. 4.7.5):

(6) 👂 *Òj ćè raklořò mùndro!*
ʻОй, какой мальчик красивый!ʼ

(б) *savò* ʻкоторый'

Это согласуемое местоимение-прилагательное употребляется довольно редко и означает ʻкоторый [из двух и более]ʼ (о формах см. 3.10.1.4; ср. параллельное указательное *kasavò*, см. 4.2.1.7.2):

(7) *Savì raxàmi kamès te-anàv?*
ʻКоторое пальто ты хочешь, чтобы я принёс?ʼ (из нескольких)
(8) 👂 *Te-nà-bystràv pe savò dumò sỳ-les ə patrìn.*
ʻЧтоб я не забыл, на каком плече у него лист.ʼ
(9) 👂 *Thaj savò phràl pàj ba arakhàl || kodolès-oj Rìna kaj-maj-lèl-oj.*
ʻДа который брат воду *ба* найдёт, того Рина да и возьмёт.ʼ

(в) *savès-tar* и т. д. ʻкакой, который'

Частотны формы отложительного падежа от местоимения *savò* в значении ʻкакойʼ (ср. параллельные указательные *kasavès-tar*, *kadalès-tar* и т. д., см. 4.2.1.7.2):

(10) *Savès-tar cvèto špènco kamès?*
ʻКакого цвета свитер хочешь?ʼ (возможно, с нарушением согласования)
(11) 👂 *Kamès te-lès xarkunè, lè xarkunè. Kamès rupunè lovè, lè rupunè, savèn-dar trubùl-tu.*
ʻ[Если] хочешь взять медные, бери медные. [Если] хочешь серебряные деньги, бери серебряные — каких тебе надо.ʼ

(ii) в функции ядра

(г) *kòn* ʻкто'

Относится только к одушевлённым:

(12) *Kòn sy kadò?*
ʻКто это?ʼ
(13) 👂 *Katàr sym mè kaćè, kòn anďà-ma?*
ʻОткуда я [оказалась] тут, кто принёс меня?ʼ
(14) ♪ *Aj kòn tùt, Al'bìno, kaj-marèlas?*
ʻА кто тебя, Альбина, да и бил?ʼ
(15) 👂 *Kaj-uštilè, nùma phenèn pèh-kə sunè, kòn ćè sunò dikhl'à.*
ʻИ вот встали, давай рассказывать свои сны, кто какой сон видел.ʼ
(16) ▶ *Kòn ći-źanèl, àta, puśèn.*
ʻКто не знает, вот, спросите.ʼ

Это местоимение имеет не только первично-косвенную, но и все вторичные падежные формы (всегда синтетические):

(17) *Kàs phandadè le kətàni?*
‘Кого посадила милиция?’

(18) *Kàs-kə sykaďàn muřò khər?*
‘Кому ты показал мой дом?’

(19) *Kà-sa aviľàn maškar ə bàr?*
‘С кем ты пришёл в табор?’

(20) *Kàs-te raťarďàn aratì?*
‘У кого ты вчера ночевал?’

(21) *Kàs-tar daràs?*
‘Кого ты боишься?’

(22) *Bi kàs-ko naštì trajìs?*
‘Без кого ты не можешь жить?’

(23) *Pala kàs-te bənujìs?*
‘О ком ты волнуешься?’

Согласуется с безродовыми формами перфекта (см. 4.4.1.1).

Имеются пограничные случаи, когда *kòn* употребляется в сочетании со словами типа *manùš* ‘человек’, ср.:

(24) *Kòn aviľà amèn-de manùš?*
‘Что за человек пришёл к нам?’

В этом примере слово *manùš* не звучит как уточнение, оно не выделено говорящим в отдельный интонационный отрезок (имеет нейтральную интонацию), т. е. вопрос выражается только словом *kòn*. Значит, можно полагать, что здесь *kòn* представляет собой нечто вроде определителя (возможны и иные толкования). При этом совершенно невозможны не разделённые другими словами сочетания типа ***kòn manùš*. Заметим также, что *manùš* нельзя считать зависимым от сказуемого (как, например, было бы в случае *kòn aviľà gòsto* ‘кто пришёл в гости’, где имеется тесное сочетание).

В притяжательной форме: *kàs-ko* ‘чей’ (см. 4.2.1.10.1).

(д) *sò* ‘что’

Чаще всего относится к неодушевлённым:

(25) *Sò sy kadò?*
‘Что это?’

(26) *Sò divinìs, phràla?*
‘Что ты мелешь, братец?’

(27) *Sò aj nàj-la, ka koďà raklì!*
‘Чего только у неё нет, у этой девушки!’

Когда одушевлённость неактуальна (неизвестно, что ответят):

(28) *Řòma, sò dikhľàn tù and-o sunò?*
‘Цыган, а что ты видел во сне?’

Изредка *sò* может относиться и к лицам и тогда выполняет роль не отождествления, а характеристики, нередко с усилением (только в прямой форме):

(29) *Sò j kadalà*?
‘Что это за люди?’ (‘Кто это такие?’)

(30) *Sò j kadò gaźò*?
ʻЭто что за русский?ʼ
(31) *Akanà-š phenàv tù-kə sò sym mè.*
ʻСейчас я тебе расскажу, что я за человек.ʼ (букв. ʻчто есть яʼ)

Возможно, имеются также особые сочетания типа *sò san* ʻты чтоʼ (если это не оговорка или индивидуальная черта), ср.:

(32) *Tù sò san, dilí, sò san?!*
ʻТы что, дура, что ль?!ʼ (букв. ʻты что есть, дура, что естьʼ)

В различных относительных значениях:

(33) *Źàl, ći-źanèl khanćès-tar, sỳ-les sò te-xàl, sỳ-les sò te-pèl.*
ʻИдёт, не ведает бед, есть у него что есть, есть у него что пить.ʼ
(34) *Sò avèla, phèn-kə, kodò i avèla.*
ʻЧто будет, мол, то и будет.ʼ
(35) *Aj pùś-ta-les, sò mangàl.*
ʻА спроси-ка его, чего он хочет.ʼ

Это местоимение не имеет первичной косвенной формы без падежных клитик: ***sòs*, но имеет все вторичные падежные формы, ср.:

(36) *Sò-sa maràs ə karfìn?*
ʻЧем ты забиваешь гвоздь?ʼ
(37) *Sòs-tar daràs?*
ʻЧего ты боишься?ʼ (или ʻпочемуʼ, см. ниже)
(38) *Làzare, ande sòs-te la ti zòr?*
ʻЛазаро, в чём она, твоя сила?ʼ

Формы *sòs-tar*, *sòs-te* и *sòs-kə* имеют наречное значение причины ʻпочемуʼ; подобрать пример с буквальным падежным значением можно, пожалуй, только для *sòs-tar* (причём, однако, неизбежна двусмысленность).

Обычно *sò* выступает только в роли ядра, но есть и особые случаи:

(39) *Sò sàs-ma lovè, sà xasardèm.*
ʻЧто было у меня денег, всё потерял.ʼ
(40) *Sàr te-nà-arəsàl-tume sò pekàn manřò?*
ʻКак это вам не хватает того хлеба, что вы печёте?ʼ

В этих примерах *sò*, кажется, можно заменить на *sòde* ʻсколькоʼ, однако невозможны не разделённые другими словами сочетания типа ***sò lovè* (ср. выше о подобном употреблении *kòn* ʻктоʼ). Форма *sò* имеет также наречное значение ʻзачемʼ (см. 4.7.2.3), а также ʻкак, сколькоʼ (при восклицании, см. 4.7.5).

4.2.1.14.7. Отрицательные местоимения

Употребляются при отрицании:

	ядро	определ.	ед.	мн.	неодуш.	одуш.	распр.
ći-jekh, *ćèk*	–	+	+	–	+	+	
khònik	+	(+)	+	(+)	–	+	–
khànći	+	(+)	+	–	+	–	–

(i) в функции определителя

(а) *ćì-jekh* ‘никакой, ни один’

Это слово (с вариантом *ćèk*) — только определитель:

(1) *Ćì-avilì ćì-jekh řomnì.*
‘Не пришла ни одна цыганка.’

Опрощенная группа: *ćèk-dàta* ‘никогда’, букв. ‘ни одного раза’.

Вариант *ćèk* выступает только в прямой форме, а *ćì-jekh* обычно склоняется. Впрочем, здесь бывают колебания при косвенной форме ядра:

(2) *Ćì-dikhlèm ćèk řomès.*
Ćì-dikhlèm ćì-jekhə̀ řomès.
‘Я не видел ни одного цыгана.’
(3) *Myřỳ matòra ćì-dèm-la ka ćèk řòm.*
‘Свою машину я не дал никакому цыгану.’
(4) *Ćì-jekhə̀ řomès ćì-trubùl kadò.*
‘Ни одному цыгану это не нужно.’

Только склоняемые формы при эллипсисе ядра:

(5) *Ćè ćokanè-sa marə̀s? — Ćì-jekhə̀-sa.*
‘Каким молотком ты бьёшь? — Никаким.’

В прямой форме, а также в предложной группе такой эллипсис невозможен (***anda ćì-jekh* ∅), вместо этого употребят *khònik* ‘никто’ или *khàncí* ‘ничто’ (в прямом или местном падеже в зависимости от контекста, см. 4.2.1.14.9).

(ii) в функции ядра

(б) *khònik* ‘никто’

Относится только к одушевлённым:

(6) *Khònik ćì-matiľà ka-j lùnta.*
‘Никто не напился на свадьбе.’
(7) *Màn ćì-trubùl-man khònik.*
‘Мне не нужен никто.’

Согласуется с безродовыми формами перфекта (см. 4.4.1.1).

Имеет не только первично-косвенную, но и все вторичные падежные формы (всегда синтетические; форма лишительного падежа ***bi khanikàs-ko* букв. ‘без никого’, по-видимому, лишь потенциальна, ср. *khanikà-sa* ‘ни с кем’):

(8) *Ćì-dikhlèm khanikàs.*
‘Я не видел никого.’
(9) *Aj sà nàj-le jakhà khanikàs, sà kořà le.*
‘И у всех нет глаз ни у кого, все слепые они.’ (дочери)
(10) *Vòn khanikà-sa ćì-kamèn te-dèn dùma.*
‘Они ни с кем не хотят разговаривать.’
(11) *Mè də kajtì bə̀rš garavàv kadò patrèto, khanikàs-kə ćì-sykadèm.*
‘Я уже столько лет прячу эту фотографию, никому не показывал.’
(12) *Kaditì kətàni anďàs || khanikàs-te ćì-amisàjľa || nùma ľà pèh-kə xanamikàs.*
‘Столько солдат привёл, никого не тронул, только взял своего свата.’

В особых случаях *khònik* напоминает определитель (о подобном употреблении *kòn* ‘кто’ см. 4.2.1.14.6):

(13) *Khònik nàj-ma n’àmuri.*
‘Никого нет у меня родственников.’

В такой функции употребление *khònik* как бы «вынужденно» — при ядре во множественном числе не может стоять *ćì-jekh* букв. ‘ни один’.

В притяжательной форме: *khanikàs-ko* ‘ничей’.

(в) *khànći* ‘ничего’

Относится только к неодушевлённым:

(14) *Òj manùš, le tù-kə kakò manřò barò! Lè iv’à, amèn ći-trubùl-ame khànći.*
‘Ой, человек, на́ тебе вот этот хлеб большой! Бери бесплатно, нам ничего не нужно.’

(15) *Dətàt nàj khànći pe là-te.*
‘Совсем ничего на ней нет.’ (голая)

Не имеет первичной косвенной формы без падежных клитик: ***khanćès*, но возможны падежные клитики (*khanćè-sa* ‘ни с чем)’. В косвенных падежах, где возможны прямые формы со лжепредлогами, предпочтение отдаётся им. Впрочем, ср. выражение *ćì-źanèl khanćès-tar* ‘не ведает бед’:

(16) *Tù, Dušàne, xàs thaj pès-y || Aj khanćès-tar ćì-źanès-y.*
‘Ты, Душано, ешь и пьёшь, и беды не ведаешь.’

В особых случаях *khànći* напоминает определитель (ср. выше о подобном употреблении *khònik* ‘никто’):

(17) *Khänći nàj-ma lovè.*
‘Денег у меня — ноль.’

(18) *Manàj dỳrzy khànći pe là-te!*
‘Больше нет одежды на ней вообще!’

Здесь употребление *khànći* как бы «вынужденно» вместо *ćì-jekh* букв. ‘ни один’, которое невозможно при ядре во множественном числе (***ćì-jekh dỳrzy*) и при несчётных существительных (***ćì-jekh lovè*).

В притяжательной форме с отрицанием *nàj khanćès-ko* имеет особое значение ‘никуда негодный’ (см. 4.2.4).

4.2.1.14.8. Личные местоимения

Личные местоимения заменяют не отдельные существительные, а целые существительные группы. Например, группы *o Vìlmoš* ‘[конкретный человек по имени] Вилмош’, *kakò řòm* ‘этот цыган’, чьим ядром являются назывные существительное *řòm* ‘цыган’ и *Vìlmoš* (мужское имя), могут быть заменены местоимением *vò* ‘он’. Это местоимение, не имея «конкретного» значения, подразумевает то, что соответствующими именными группами выражается явно.

С другой стороны, приведённые существительные группы «конкретны» в разной степени. Так, если *o Vìlmoš* означает конкретного человека, то *kakò řòm* может ссылаться на любого цыгана и, в частности, на Вилмоша (в этом смысле существительная группа *kakò řòm* тоже может служить чем-то вроде местоименной замены для существительной группы *o Vìlmoš*).

Ударные личные местоимения могут выступать в роли ядра существительной группы. Что касается местоимений-клитик, то они входят в глагольную словоформу и своих синтаксических групп не образуют (о них см. 3.11.13.9).

Примеры нераспространённых групп в роли подлежащего:

(1) *Mè sym anda-j Řusʲja. Aj tù katàr san?*
‘Я из России. А ты откуда?’

(2) *Vòj xaľà kodò thudořò aj kodò manřò.*
‘Она съела это молочко и этот хлеб.’

(3) *Tumè vàrə-kàna pravarən-la?*
‘Вы её когда-нибудь кормите?’

В соответствующих формах личные местоимения выступают и в роли дополнений:

(4) *Dèvla, dè i màn bərš.*
‘Боже, дай и мне годы.’

(5) *Mè kòrkořo tasavàv-tu tùt.*
‘Я сам тебя задушу.’

(6) *Aj sʲ-le lèn jek raklò.*
‘И есть у них мальчик.’

В т. ч. во вторичных падежах:

(7) *Bèš katkà màn-ca pala-j skafedì.*
‘Садись тут со мной за стол.’

(8) *Avilo͡o milàj amèn-de, ande͡amarì bàr.*
‘Пришло лето к нам, в наш табор.’

(9) *Vò dikhəl pe lèn-de, ćì-phenèl lèn-gə khanći .*
‘Он смотрит на них, не говорит им ничего.’

Примеры с местоимениями-клитиками в роли дополнений:

(10) *Le nepàti diľardè-ma.*
‘Внучки свели меня с ума.’

(11) *Ćì-dàv-tume lovè khànći.*
‘Не дам вам денег никаких.’

(12) *Nàj-la anàv, nàj-la.*
‘Нет у неё имени, нету.’

Важная черта групп с местоименным ядром — это то, что ядро, если не опущено, всегда стоит в самом начале, а прочие члены могут помещаться только справа от него. Здесь может выступать только ограниченный набор определителей: *kòrkořo* ‘сам’, *sàvořə* ‘все’, *sò-gòdi* ‘все, каждый’, а также личные числительные: *jèkh-źenò* ‘один’, *dùj-źenè* ‘вдвоём’ и т. д. (в т. ч. с артиклем или проклитикой *lì-*).

Поскольку определители стоят справа от ядра, они выступают в независимом состоянии (однако *kòrkořo* не склоняется).

(13) *Tù kòrkořo ćì-źanès.*
‘Ты [и] сам не знаешь.’

(14) *Là-te kòrkořo nàj-la khànći.*
‘У неё [и] у самой ничего нет.’

(15) *Amè sàvořə paťàs-ame and-o dèl.*
‘Мы все верим в бога.’

(16) *Phendèm kadò lèn-gə savořən-gə.*
‘Я сказал это им всем.’

(17) *Tumè əl dùj-źenè avèn vòr-kə ćì?*
ʻВы двое, идёте или нет?ʼ
(18) *Lèn-ca li-dò-źenèn-ca sàmas and-o Tvèrʹo.*
ʻМы с ними обоими были в Твери.ʼ

Эти определители могут относиться и к местоимениям-клитикам. Неясно, как в рамках наших представлений описывать такие случаи, поскольку, как сказано выше, местоимения-клитики мы не считаем ядрами групп, ср.:

(19) *Dihkľàm-le savořən.*
ʻМы видели их всех.ʼ
(20) *Dihkľàm-le kòrkořo.*
ʻМы видели его самого.ʼ

Личные местоимения в функции подлежащего могут опускаться, в т. ч. когда при них нет определителей (см. 4.9.2.1.2). В противном случае в их группах остаются лишь определители:

(21) *Kòrkořo ćì-źanès.*
ʻСам не знаешь.ʼ

Когда определители есть, местоимения могут опускаться и в косвенных формах:

(22) *Kòrkořo nàj-la khànći.*
ʻУ неё самой ничего нет.ʼ

Ясно, что в этом примере опущено *là-te* ʻу неёʼ (а *-la* здесь — местоименный повтор, см. 4.9.2.1.5.2). Эта трактовка, вероятно, применима и к примерам (19) и (20), где тоже — с натяжкой — можно усмотреть эллипсис ударных местоимений *lèn* ʻихʼ и *lès* ʻегоʼ.

По-видимому, можно двояко трактовать эллипсис при определителе *sàvořə*, т. е. тут он может быть и ядром:

(23) *Phendèm kadò savořən-gə.*
ʻЯ сказал это [им] всем.ʼ

Однако при эллипсисе местоимений 1-го и 2-го лица трактовка однозначна: в следующих примерах ядром может быть только опущенное *amè* ʻмыʼ:

(24) *Sàvořə aviľàm.*
ʻМы все пришли.ʼ
(25) *So-gòdi sam ka-j skafedì, xàs.*
ʻМы все за столом, едим.ʼ

Отметим, что группы, в которых определители зависят от местоимения, необходимо отличать от внешне похожих случаев, когда они являются присказуемым:

(26) *Tumè dúj-źenè avèn vòr-kə trìn-źenè?*
ʻВы вдвоём придёте или втроём?ʼ

Впрочем, очень часто возможно двоякое толкование. В ряде случаев, если нет недвусмысленного контекста, местоимение является определителем, если произносится с нейтральной интонацией (или слабоударно), и присказуемым, если выделяется:

(27) а. *Tùme kòrkořo laśarďắn khàr?*
ʻВы сами постро́или дом?ʼ (т. е. ʻа сами-то вы построили?ʼ)
б. *Tùme kőrkořo laśarďàn khàr?*
ʻВы са́ми построили дом?ʼ (т. е. самостоятельно)

(28) а. *Aj tumèn-de savořàn-de sy̋-tume khərà?*
ʻА у всех вас дома е́сть?ʼ (вопрос, обращённый ко всем)
б. *Aj tumèn-de savořa̋n-de sỳ-tume khərà?*
ʻА у вас дома у все́х есть?ʼ (т. е. у всех ли из вас)

(29) а. *Tù̀ jek-źenò ćì-pès.*
ʻОдин ты́ не пьёшьʼ (т. е. все пьют, кроме тебя)
б. *Tù jek-źenò̀ ćì-pès.*
ʻТы не пьёшь оди́нʼ (т. е. пьёшь, но только с компанией)

4.2.1.14.9. Элементы, зависящие от ядра-местоимения

При ядре-местоимении зависимые элементы могут стоять только справа. Имеет смысл различать следующие случаи по типу зависимого элемента:

(а) универсальные местоимения

Только местоимения *sà* ʻвесь; всеʼ и *sàvořə* ʻвсе [люди]ʼ (об их распределении см. 4.2.1.14.1в) — только при ядре, выраженном указательным или личным местоимением:

(1) *Mè ťa glatà ćì-śindèm, mè le buznořàs ćì-śindèm, kadò sà ti řomnì kərďà.*
ʻЯ твоего ребёнка не резала, я козлика не резала, это всё твоя жена сделала.ʼ

(2) *Merən bokhà-tar kodolà sàvořə.*
ʻУмирают с голоду они все.ʼ (ʻэти [люди]ʼ)

(3) *Amè sam sàvořə bokhalè.*
ʻМы все голодны.ʼ

В примерах типа (3) *sàvořə* отделено от ядра глаголом (в этом случае связкой), что даёт повод считать его формально обособленным определением (см. 4.2.1.15).

Вместо ядра может быть местоименная клитика в составе широкой глагольной словоформы (здесь можно видеть присказуемое или эллипсис ударного местоимения):

(4) *No vòj źanèl-le savořàn, a vòn ćì-prinźanèn-la.*
ʻНо она знает их всех, а они её не узнаю́т.ʼ

(б) отрицательные местоимения

Не вполне ясно, как рассматривать местоимения *khònik* ʻникто́ʼ и *khànći* ʻничегоʼ, которые иногда бывают похожи на обособленные определения (см. 4.2.1.14.7). Такое употребление *khònik* (но не *khànći*) возможно при ядре-местоимении, причём только при личном местоимении множественного числа (*khònik* явно обособляется):

(5) *Vòn nàj khərə khònik.*
ʻНикто из них не дома.ʼ (букв. ʻони не дома никтоʼ)

Вместо ядра может быть местоименная клитика в составе широкой глагольной словоформы (здесь можно видеть присказуемое или эллипсис ударного местоимения):

(6) *Aj sà nàj-le jakhà khanikàs, sà kořà le.*
ʻИ у всех нет глаз ни у кого, все слепые они.ʼ (дочери)

(в) усилительное местоимение

Местоимение *kòrkořo* ʻсамʼ употребляется при личных местоимениях:

(7) *Mè kòrkořo tasavàv-tu tùt!*
ʻЯ сам тебя задушу!ʼ

(8) ♪ *Aj <u>vò kòrkořo</u> rovèl || aj rovèl thaj suspinìl.*
ʻА он сам плачет, и плачет да вздыхает.ʼ

Во многих контекстах *kòrkořo* — скорее присказуемое.

(г) числительные

Только личные числительные и при личных местоимениях. Можно считать и присказуемым (подобрать пример, где бы это было однозначно не так, не удаётся):

(9) 👂 *Aj te-mudaràva, sàr marèn-pe <u>vòn</u> akanà <u>duj-źenè</u>, te-mudaràva le levòs, le sapès, jèkh sabijùca dàv-les, aj mudardèm-les.*
ʻА если я убью — пока дерутся они двое — если убью льва, змею́, одну сабельку дам ему, и убил его.ʼ

(д) прилагательные

Неопределённые местоимения на *vàrə-*, *-gòdi*, *-to* принимают прилагательные:

(10) *Phèn màn-gə <u>vàrə-so nevò</u>.*
ʻСкажи мне что-нибудь новое.ʼ

(11) *Kadò sy sò-to <u>prinźandò màn-gə</u>.*
ʻЭто что-то мне знакомое.ʼ

(е) придаточное предложение

Придаточные предложения-определения с трудом сочетаются с ядрами-местоимениями. По большому счёту это возможно только при *kadò* ʻэтоʼ — с подчинительным союзом *kaj* ʻкоторыйʼ:

(12) *Sò j <u>kadò kaj</u> ròdel vò?*
ʻЧто это ищет он?ʼ (букв. ʻэто, что ищет онʼ)

(13) 👂 *Sò j <u>kadò kaj</u> avilò?*
ʻКто это пришёл?ʼ (букв. ʻэтот, который пришёлʼ)

В примере (12) *kadò* ʻэтоʼ описательно определяется придаточным предложением. В ограничительном же смысле обычно выступает свободное относительное предложение со «слитыми» ядром и союзом: *sò*, *sò-gòdi* ʻчто бы [ни]ʼ, *kòn-gòdi* ʻкто бы [ни]ʼ и т. п., вводящими свободное относительное предложение (здесь не употребляется ***kodò kaj* ʻто, чтоʼ, см. 4.12.4.1):

(14) *Dè-ma <u>sò</u> ramosarďàn.*
ʻДай мне [то] что ты написал.ʼ

(15) *Xà <u>sò-gòdi</u> dikhàs.*
ʻЕшь всё, что видишь.ʼ

(16) 👂 *Tù ašunďàn pa là-te, kə <u>kòn-gòdi</u> ćì-gəľà oćè, sàvořə aśèn bi šəràs-ko.*
ʻТы слышал о ней, что кто бы ни пошёл туда, все остаются без головы.ʼ

Обороты *sà sò* ʻвсё чтоʼ, *sà sò-godi* ʻвсё, что [бы ни]ʼ толкуются двояко:

(17) *Dè-ma <u>sà sò</u> ramosarďàn.*
ʻДай мне всё, что ты написал.ʼ

(18) 🔈 *Aj katkà hramòl-pe <u>sà so-gòdi</u> phenàv?*
ʻА тут записывается всё, что я говорю?ʼ

Можно считать ядром *sà* ʻвсёʼ, а союзом — *sò(-godi)*. При другой трактовке *sà* — определитель к *so-gòdi*.

4.2.1.15. Обособленные зависимые элементы

Иногда от ядра-существительного зависят слова, так или иначе отделённые от него. Они могут стоять далеко от ядра, будучи от него оторваны в смысле порядка слов, например после других членов предложения, или же быть как-то особо выделены интонацией или паузами. Тем не менее они явно относятся к данной группе.

Часто обособленно употребляются местоимения *sà* ʻвесь, всеʼ, *sàvoř ə* ʻвсеʼ, *khònik* ʻникто’ — тогда это обособленные определители:

(1) *Amè sam baxtalè sàvoř ə.*
ʻМы счастливы все.ʼ

(2) *Le gaźèn-ca ćì-kəràs butì khanikà-sa.*
ʻС русскими мы не работаем ни с кем.ʼ

(3) 👂 *Kata šərò źì and-o punřò sà xarkunò lo.*
ʻС головы до пят весь медный он.ʼ (букв. ʻот головы до в ногеʼ)

Не совсем ясно, как воспринимать случаи вроде (3): здесь *sà* можно считать зависящим от подлежащего (в данном случае опущенного) или же входящим в прилагательную группу с ядром *xarkunò* ʻмедныйʼ, ср., например, параллельное *dopàš xarkunò* ʻнаполовину медныйʼ.

Пример с каким-то гибридным употреблением (вм. *sàvoř ə*?):

(4) 👂 *Aj sà nàj-le jakhà khanikàs, sà koř à le.*
ʻИ у всех нет глаз ни у кого, все слепые они.ʼ (дочери)

Местоимение *sà* здесь может быть и закономерно, если означает не ʻвсеʼ (множество), а ʻвсе, целикомʼ (полное покрытие признаком). Вообще, многие такие примеры спорны, т. к. в них эти местоимения часто можно считать присказуемыми.

Более ясны случаи, где налицо обособленные определения, выраженные назывными прилагательными:

(5) *Le gaźè-sa mardè-ma aratì, le matè-sa.*
ʻС русским я подрался вчера, с пьяным.ʼ

В следующем песенном примере имеем, кажется, обособленное определение в творительном падеже (обстоятельство?):

(6) ♪ *Àv kàs d-and-o dròm d-arakhàla? || Aj pèh-ka phẚ tha-l źamutràs* [...] || *àv rak-loř ə̀n-ca aj d-ande angàli || aj phaboř ə̀n-ca d-and-əl vàs.*
ʻОй, кого ж на пути встречает? А свою дочь да зятя [...], ой с детками да на руках и с яблочками в руках.ʼ

Обособляться могут и притяжательные группы:

(7) 👂 *Aj źàl-tar ka là-ti borì, aj śinèl là-ko šərò, là-ka borẚ-ko.*
ʻИ уходит к её невестке и рубит её голову, её невестки.ʼ

Собирательные числительные:

(8) 👂 *Lèl o raklò, ankalavèl le ašvarẚ anda pyznàri, dèl-le ande phùv lì-trin.*
ʻБерёт парень, вынимает вожжи из кармана, бьёт ими в землю всеми тремя.ʼ

(9) 👂 *Lèl le Markulòs-ko dàd aj laśarə̀l lèn-gə sə̀biji, laśarə̀l lèn-gə, laśarə̀l lèn-gə śi-turẚ lì-duj-źenèn-gə.* (вм. ожидаемого *li-dò-źenèn-gə*)
ʻБерёт отец Маркуло и делает им сабли, делает им, делает им щиты обоим.ʼ

Обособленные определения — нечёткая категория (по крайней мере у нас), т. к. во многих случаях возможны разные толкования.

4.2.1.16. Преобразование в существительную группу (номинализация)

Если любая фраза — т. е. предложение (в т. ч. придаточное) или зависимый оборот — по определению носитель предикативности (сказуемости), то в этом смысле существительная группа является противоположностью фразы. Многие фразы более или менее предсказуемо преобразуются в существительные группы — такие преобразования будем называть **номинализациями**. Суть любой номинализации состоит в том, чтобы один из членов исходного предложения стал ядром группы, а остальные вошли в группу на правах зависимых элементов. При этом предложение лишается предикативности, так что может стать членом другого предложения. Номинализация сказывается на форме части входящих в предложение слов.

Номинализация может быть «тривиальной»: тогда возникает относительное придаточное предложение, зависящее от ядра-существительного (и тем самым предикативность не устраняется, а как бы вносится в скобки; о тривиальных номинализациях мы здесь специально говорить не будем, см. 4.12.3). При «нетривиальной» номинализации все или часть членов исходного предложения «инкорпорируются» в существительную группу.

Для иллюстрации будем брать простейшие исходные предложения в действительном залоге (см. 4.13.1) и выбирать в них член, преобразуемый в ядро, — назовём его **опорой** номинализации. При этом важно, во что будут превращаться остальные члены: в одних случаях они совсем не могут войти в группу (прочерк в таблице), в других становятся согласуемыми или несогласуемыми определениями, приложениями или же входят в качестве члена в полуфразу («ПФ») или в притяжательную группу («ПГ»):

	член исходного предложения:				
опора	подлежащее	дополнение	сказуемое	расширение	обст-во
если исх. предл. — связочное:	⇓	⇓	⇓	⇓	⇓
подлежащее	**ядро**		∅	согл. опр. приложение	несогл. опр.
если исх. предл. — несвязочное:					
подлежащее	**ядро**	—	согл. опр.	—	—
дополнение	косв. доп. ПФ	**ядро**	согл. опр.	—	обст-во ПФ
сказуемое	согл. опр.	— несогл. опр.	**ядро**	—	согл. опр. несогл. опр.
расширение	согл. опр.	—	—	**ядро**	**—**
обстоятельство	согл. опр. ПГ	—	согл. опр.	**—**	**ядро**

Примеры на разные опорные члены:

(а) подлежащее

Связочные предложения при номинализации лишаются связки. При этом расширения, выраженные прилагательными группами, обычно преобразуются в согласуемые определения ядра, т. е. переходят из предикативной в атрибутивную позицию:

(1) *O řòm sy barvalò.* ⇒ *o barvalò řom ~ o řòm o barvalò*
ʻЦыган — богатый.ʼ ʻбогатый цыганʼ

Тривиальной номинализацией здесь было бы *o řòm kaj sy barvalò* ʻцыган, который богатʼ. Некоторые прилагательные могут выступать только предикативно, и тогда воз-

можна только тривиальная номинализация: *o xabè kaj sy gàta* ‘еда, которая готова’ (нельзя ***o gàta xabè*, подробнее см. 4.2.3).

Расширение, выраженное существительной группой, становится приложением:

(2) *O Gògo sy řòm barvalò.* ⇒ *o Gògo, (o) řòm (o) barvalò*
‘Гого — богатый цыган.’ ‘Гого, богатый цыган’

Несвязочные предложения в действительном залоге номинализуются только при наличии у глагола причастия с действительным значением (см. 3.11.6.2), тогда глагол превращается в причастие (см. 4.2.1.9), ср.:

(3) *O řòm mulò.* ⇒ *o mulò řòm ~ o řòm o mulò*
‘Цыган умер.’ ‘мёртвый цыган’

Судя по всему, причастия с действительным значением и прилагательные в существительной группе обычно не могут иметь зависимых членов; при их наличии прибегают к тривиальной номинализации, ср. с обстоятельством: *o řòm kaj mulò adès* ‘цыган, который умер сегодня’.

В некоторых случаях возможно сделать несогласуемым определением обстоятельство:

(4) *Le řòm sy oprà p-o plàj.* ⇒ *le řòm oprà p-o plàj*
‘Цыгане — высоко на горе.’ ‘цыгане высоко на горе’

Для простоты обстоятельствами можно считать предложные группы типа *anda-j Mòskova* ‘из Москвы [по происхождению]’ (семантически они могли бы быть расширениями), каковые ведут себя так же, ср. *o řòm anda-j Mòskova* ‘цыган из Москвы’.

В существительную группу в роли определений могут входить и притяжательные группы (и местоимения), однако для них труднее однозначно подобрать исходное предложение (подробный разбор: см. 4.2.1.10.2).

(б) дополнение

Нетривиальной номинализации можно подвергнуть только предложения с переходным глаголом и только с опорой на прямое дополнение; при этом сказуемое превращается в причастие (в страдательном значении, что следует из переходности глагола). Начнём с обобщённо-личного предложения (см. 4.13.1.1):

(5) *Kadò řóm, mardè-le.* ⇒ *o mardò řòm ~ o řòm o mardò*
‘Этого цыгана побили.’ ‘побитый цыган’

(6) *Kadò řóm, dinè-le jàg.* ⇒ *o řòm o dinò jàg*
‘Этого цыгана застрелили.’ ‘застреленный цыган’

Здесь *mardò* ‘побитый’ и *dinò jàg* ‘застреленный’ синтаксически ведут себя как обычные прилагательные, в т. ч. принимают артикль (при этом двухчастное причастие *dinò jàg* букв. ‘данный огонь’ может стоять только справа от ядра). Теперь возьмём предложение с явным подлежащим:

(7) *Tó źukàl xaľà le řomès.* ⇒ *o řòm, xalò kata ťo źukàl*
‘Твой пёс укусил цыгана.’ ‘цыган, укушенный твоим псом’

Как видно, здесь выражен и деятель (в отложительном падеже) — субъект действия. Поэтому причастие здесь мы считаем ядром полуфразы (см. 4.2.3.2), которую можно считать «остатком» предложения в страдательном залоге состояния (см. 4.13.2.2). Полностью инкорпорировать полуфразу с членами предложения (здесь с косвенным дополнением деятеля) в группу, судя по всему, нельзя; она может выступать только как обособленное определение — видимо, невозможно ***o řòm o xalò kata...* (с повтором артикля).

(в) сказуемое

Номинализация с опорой на сказуемое состоит в замене глагола на имя действия, что возможно далеко не для всех глаголов. Иногда подлежащее становится притяжателем:

(8) *Le řòm trajìn ande Řusỳja.* ⇒ *le řomèn-go tràjo ande Řusỳja.*
ʻЦыгане живут в России.ʼ ʻжизнь цыган в России'

Обстоятельство *ande Řusỳja* ʻв России' (предложная группа) здесь стало несогласованным определением, но в ряде случаев обстоятельство можно внести в группу как согласованное определение (если налицо наречие, соотносимое с прилагательным):

(9) *Le řòm trajìn ćořə̀s.* ⇒ *le řomèn-go ćořò tràjo*
ʻЦыгане живут бедно.ʼ ʻбедная жизнь цыган'

Прямое дополнение при такой номинализации выразить, по-видимому, нельзя, т. е. невозможо сказать ***o hanomòs le kəzanòn-go* ʻлужение котлов'. Косвенные же и предложные дополнения иногда выражаются:

(10) *Le řòm xoľàjle pe màn-de.* ⇒ *le řomèn-gi xolì pe màn-de*
ʻЦыгане обиделись на меня.ʼ ʻобида цыган на меня'
(11) *Divinìv le řomèn-ca.* ⇒ *muřò divàno le řomèn-ca*
ʻЯ разговариваю с цыганами.ʼ ʻмой разговор с цыганами'

С одной стороны, номинализация — это избавление от предикативности, а с другой — здесь как будто налицо дополнения при ядре-существительном, причём в той же форме, что в предложении. Схожий случай: ср. *divàno pa-l řòm* ʻразговор о цыганах', где *pa-l řòm* тождественно дополнению при глаголе *divinìl* ʻразговаривать', как будто передающем свою модель управления существительному, поэтому можно было бы ввести здесь полуфразу, как для прилагательных (в т. ч. причастий) и наречий (что более спорно), постулируя воображаемый источник трансформации *sò divinìl-pe* ʻто, что говорится' ⇒ *divàno*. Или же можно было бы признать за некоторыми существительными способность к управлению. Однако этому мешают случаи вроде *kinìška pa-l řòm* ʻкнига о цыганах', для чего нет никакого соотносимого глагола (хотя можно вообразить эллипсис типа ʻкнига [рассказывающая, написанная] о цыганах'). Впрочем, в членах типа *pa-l řòm* ʻо цыганах' мы предпочитаем видеть не дополнение, а «дополняющее обстоятельство» (см. 4.5.3.1a, 4.3.7.2.7), т. е. слабоуправляемый член, однако это применимо лишь к части случаев.

По-видимому, вопрос об управлении внутри существительной группы в нашем случае ставить нет смысла, в т. ч. и потому, что в описываемом языке синтаксическая сложность групп сильно ограничена и подобрать нужные примеры трудно. Остаётся думать, что дополнения преобразуются в несогласуемые определения, чья форма определяется не формальными аспектами, а семантикой существительного (как бы частично независимой от исходного глагола). В самом деле, морфологическая связь между глаголом и существительным, наиболее подходящим как соответствующее название действия, нерегулярна (если не считать производных на *-mos*, ср. *bitinèl* ʻпродавать' → *bitinimòs* ʻпродажа', см. 3.4.4.10), а зачастую глагол следует считать отымённым, а не наоборот, ср. *divàno* ʻразговор, рассказ' (а также ʻслово; скандал') → *divinìl* ʻговорить'.

Более того, даже семантическая связь часто не во всём предсказуема. Так, например, значение глагола *divinìl* ʻговорить, разговаривать' покрывает далеко не все значения существительного *divàno* (см. выше), одно из базовых значений которого — ʻрассказ [о чём]'. При этом ʻрассказывать' обычно будет не *divinìl*, а *phenèl divàno* букв. ʻговорить рассказ' (или просто *phenèl*; впрочем *phenèl divàno* может также означать просто ʻговорить [обычно монолог]'). Таким образом, глагол и существительное (если оно есть), претендующее на имя действия, никакой в полной мере систематической взаимосвязи не проявляют. Как

бы то ни было, сколько-нибудь чёткое описание поведения косвенных и предложных дополнений при номинализации для нас затруднительно.

Иначе можно решить вопрос об управлении фразами (см. 4.2.1.16.1).

(г) расширение

Для некоторых прилагательных номинализацией можно считать примеры вроде:

(12)	*O řòm sy zuralò.*	⇒	*le řomès-ki zòr*
	ʻЦыган — сильный.ʼ		ʻсила цыганаʼ
(13)	*O řòm sy barvalò.*	⇒	*le řomès-ko barvalimòs*
	ʻЦыган — богатый.ʼ		ʻбогатство цыганаʼ

Существительные *zòr* ʻсилаʼ, *barvalimòs* ʻбогатствоʼ означают не название признака ʻсильныйʼ, ʻбогатыйʼ, но их положительное значение. Более того, если в исходном предложении выражена степень признака, он может не теряться при номинализации:

(14)	*O řòm sy barvalò dətàt.* ~ *řỳso*	⇒	*le řomès-ko barò barvalimòs*
	ʻЦыган — очень богатый.ʼ		ʻбольшое богатство цыганаʼ

(д) обстоятельство

В крайне редких случаях, ср. искусственный, маловероятный пример:

(15)	*Le řòm trajìn barvalès.*	⇒	*le řomèn-gə trajòs-ko barvalimòs*
	ʻЦыгане живут богато.ʼ		ʻбогатство жизни цыганʼ

4.2.1.16.1. Вопрос об управлении фразами в существительной группе

Фразы возможны при немногочисленных существительных, соответствующих глаголам с фразовыми членами (см. 4.5.10.1), в т. ч. глаголам, связанным с речью и намерением. Следующие примеры выглядят как преобразования:

(1)	*Vestìv kə aviľàn.*	⇒	*ə vʼàsťa kə aviľàn*
	ʻОбъявлю, что ты пришёл.ʼ		ʻизвестие, что ты пришёлʼ
(2)	*Gyndìv-ma te-źàv-tar.*	⇒	*o gỳndo te-źàv-tar*
	ʻЯ думаю уйти.ʼ		ʻмысль уйтиʼ

Прямое дополнение *kə aviľàn* ʻчто ты пришёлʼ как будто преобразовалось, не меняя формы, в некий зависимый элемент существительного, подобно косвенным и предложным дополнениям (см. 4.2.1.16). Абстрактных существительных с подходящими значениями мало, однако это явно открытый список, ср. *ə infarmàcyja kə...* ʻинформация, что...ʼ, *o plàno te-...* ʻплан [сделать что-л.]ʼ, причём исходного глагола может не быть.

На первый взгляд ядро управляет фразами (будь то зависимый оборот или предложение). Однако фразы можно считать приложениями к ядру. Это обосновывается тем, что ядро и эта фраза всегда ссылаются на одно и то же означаемое, что видно по возможности связочного предложения, где *kə aviľàn* — расширение:

(3) *Ə vʼàsťa sy kə aviľàn.*
ʻИзвестие — [состоит в том] что ты пришёл.ʼ

Здесь налицо отношение приравнивания, т. е. ʻизвестиеʼ и есть ʻ[то] что ты пришёлʼ, это «одно и то же», причём второе уточняет первое, как, например, в *la Adəsà-ko barò, o Ćòldi* ʻодесский барон, Чёлдиʼ (означаемое — одно, см. 4.2.1.8).

🗋 Такое решение принято, например, в английской грамматике [Quirk et al. 1985: 1260].

4.2.2. Предложная группа

Предложная группа состоит из предлога (список предлогов см. ниже, а также 3.12) и следующей за ним обязательной зависимой от него части. В предложении предложные группы чаще всего выступают в роли обстоятельств, в т. ч. обязательных (1) или необязательных (2):

(1) *Bešàv and-ək řomanò kỳrdo.*
ʻЯ живу в цыганском таборе.ʼ

(2) *Amarə̀ řòm phiravèn-pe and-o fòro.*
ʻНаши цыгане гуляют в городе.ʼ

Обязательность обстоятельства в примере (1) обосновывается тем, что просто *bešàv* значило бы ʻстою, сижуʼ, тогда как значение ʻпроживать [где]ʼ требует указания на место. В ещё более ярко выраженных случаях обязательности предложной группы её можно считать дополнением (тем более, когда предлогу трудно приписать «собственное» значение):

(3) *Paťàs-ame and-o dèl.*
ʻМы верим в бога.ʼ

Кроме того, предлоги выступают в некоторых конструкциях, например в сравнительной, ср. *pe bùt* ʻнамногоʼ (см. 4.12.8.1).

4.2.2.1. Зависимая часть предложной группы

Зависимая от предлога часть может быть одним из следующих:

(а) существительная группа в предложном падеже

Большинство предлогов управляют только существительными группами в предложном падеже (отсюда название падежа). Предложный падеж назывных существительных в обычной речи образуется аналитически, т. е. прямой формой, и неотличим от именительного, а в песнях — нередко синтетически; только синтетически от большинства местоимений (о распределении форм см. 4.2.1.2.2, 4.2.2.2; о предложном падеже см. 4.2.1.2.9), ср.:

разговорный регистр:	*anda phràl*	ʻиз братаʼ
песенный регистр:	*anda(-l) phralès-te*	ʻиз братаʼ
личные местоимения:	*anda lès-te*	ʻиз негоʼ

При аналитическом образовании падежей в группе обязателен определитель (по крайней мере в разговорном регистре), например артикль, ср. определённо: *anda-j xajìng* ʻиз [данного] колодцаʼ, неопределённо: *anda khə xajìng* ʻиз [какого-то] колодцаʼ, но не ***anda xajìng* (см. 4.2.1.6.1, 4.2.1.6.3). При синтетическом образовании падежей определитель факультативен или (не)присущ тем или иным оборотам.

(б) существительная группа в лишительном падеже

Это только предлог *bi* ʻбезʼ, ср. *bi phralès-ko* ʻбез братаʼ (о лишительном падеже см. 4.2.1.2.12). Крайне редко этот предлог управляет творительным падежом, в т. ч., вероятно, в порядке оговорки.

(в) наречие, существительная группа в местном падеже, предложная группа

Два особых предлога: *źi* ʻ(вплоть) доʼ и *də* ʻ(начиная) отʼ управляют только пространственно-временными выражениями (кроме некоторых исключений), выраженными местным (не предложным!) падежом, предложной группой или наречием, ср. *də katkàl aj*

źì and-o mùj la khangər'à-ko ‘оттуда и до входа в церковь’. Предлог *də* употребляется также и в других контекстах и значениях.

Предлог *karìng* может управлять несколькими наречиями, а также существительными группами в местном падеже.

Особую проблему представляют лжепредлоги *ka* и *kata* (~ *katàr*), которые мы считаем показателями соответственно местного и отложительного падежей и в этом разделе не рассматриваем (обоснование: см. 4.2.1.2.1).

Подробно обо всех предлогах — в разделах ниже (см. 4.2.2.4.1–4.2.2.7.2).

4.2.2.2. Предложные формы личных местоимений в предложной группе

Как уже сказано, предлоги — все, кроме трёх, — управляют только существительными группами в предложном падеже. Особо следует рассмотреть случаи употребления личных местоимений с предлогами. В нормальном случае они выступают в синтетической форме предложного падежа (с клитикой), ср. *pe màn-de* ‘на меня’, *pala tù-te* ‘за тобой’ и т. п. Однако в единственном числе иногда факультативно употребляются особые «краткие предложные формы» (обо всех формах см. 3.10.1.1), сегментно тождественные соответствующим клитикам, но ударные. Такие формы имеются, по-видимому, не для всех лиц:

xol'àjlo...			‘обиделся...’
pe màn-de	~	*pe mà*	‘на меня’
pe tù-te	~	*pe tù*	‘на тебя’
pe lès-te	~	**	‘на него’
pe là-te	~	*pe là*	‘на неё’
pe amèn-de	~	**	‘на нас’
pe tumèn-de	~	**	‘на вас’
pe lèn-de	~	**	‘на них’
pe pès-te	~	**	‘на себя’

Мы пока не можем точно определить контекст, где такое употребление возможно (частотнее в песенном регистре). Чаще всего оно встречается с предлогом *pe* ‘на’, реже с *ande* ‘в’, *pa* в значении ‘[говорить] о’, *pala* ‘за’ (см. также 4.2.1.2.9), ср.:

(1) *Nà-xol'àvo pe mà.* ~ *pe màn-de*
‘Не обижайся на меня.’

⌛ Отсутствие падежной клитики *-te*/*-de* при наличии предлога — черта, представленная и в других диалектах (например, раховском), восходящая, вероятно, к состоянию до оформления предложного падежа.

4.2.2.3. Значения предлогов

Значения предлогов по большому счёту встают в один ряд со значениями падежей. Как и при разборе падежей, здесь мы рассматриваем несколько типов значений: пространственные, временны́е (эти первые два типа значений можно считать «собственными» значениями предлогов), абстрактные (не относящиеся ни к пространству, ни ко времени).

Пространственные значения подразделяются на статические (положение: ‘где’) и динамические (движение: ‘куда’). У большей части предлогов, которым вообще свойственны пространственные значения, имеются оба их типа (но не у всех). Временны́е значения можно считать вторичными по отношению к пространственным, каковые являются «основными». Отдельно рассматриваем конструктивные значения, в первую очередь — случаи употребления предложных групп в роли дополнений (когда они входят в модель управления глагола, причём никакое особое значение не выделяется):

предлог	осн. значения	положение	движение	время	абстрактн.	дополнения
angla	‘перед’	+	+	+	−	−
anda	‘из’	−	+	(+)	+	+
ande	‘в’	+	+	+	+	+
bi	‘без’	−	−	−	+	−
də	‘с [каких пор]’	−	(+)	+	+	−
inťàl	‘через’	+	+	−	−	−
kabòr	‘[размером] с’	−	−	−	+	−
karìng	‘в сторону’	+	+	+	−	−
kusʹà	‘[вместе] с’	−	−	−	+	−
maškar	‘между’	+	+	+	+	−
pa	‘с, по, через, о’	−	+	−	−	+
pala	‘после, за’	+	+	+	−	+
paša	‘близ’	+	+	–	−	−
pe	‘на’	+	+	+	+	+
po	‘по’ (распред.)	−	−	−	+	−
sar	‘как’	−	−	−	+	−
tela ~ tala	‘под’	+	+	(+)	(+)	−
źì	‘[вплоть] до’	(+)	+	+	−	−

Разумеется, эта классификация довольно условна. Все значения иллюстрируются ниже конкретными примерами.

О предлогах, имеющих пространственные значения, можно сделать следующие обобщения. При наличии у предлога значения положения всегда имеется и значение движения ‘к’ этому положению, ср. *bešàl and-o fòro* ‘живёт в городе’ и *źàl and-o fòro* ‘едет в город’. Обратное неверно — есть два предлога только движения: *anda* ‘из’, *pa* ‘[вниз] с’.

Двум предлогам — *ande* ‘в’ и *pe* ‘на’ — соответствуют предлоги со значением движения ‘от’ положения: *anda* ‘из’ и *pa* ‘с’ (сами по себе они не имеют значения положения).

Предлоги *pala* и *tela* ~ (реже) *tala* ‘под’ употребляются во всех трёх значениях: ‘за [чем]’, ‘за [что]’, ‘из-за [чего]’ и ‘под [чем]’, ‘под [что]’, ‘из-под [чего]’ соответственно.

Распределение значений огрублённо таково (знак «=» отсылает к левому столбцу):

положение:		движение к:		движение от:	
bešàl...	‘быть...’	*źàl*, *thòl...*	‘идти’, ‘класть’	*anklèl*, *-kalavèl*	‘выйти’,‘вынуть’
and-o fòro	‘в городе’	=	‘в город’	*anda fòro*	‘из города’
p-o skamìn	‘на стуле’	=	‘на стул’	*pa skamìn*	‘со стула’
tela pàto	‘под кроватью’	=	‘под кровать’	=	‘из-под кровати’
pala zỳdo	‘за стеной’	=	‘за стену’	=	‘из-за стены’
angla raklò	‘перед парнем’	=	‘навстречу парню’		
paša-j jàg	‘у огня’	=	‘к огню’		
inťàl o dròm	‘через дорогу’	=	‘через дорогу’		
karìng o vəš	‘в районе леса’	=	‘в сторону леса’		
maškar le dànd	‘между зубами’	=	‘между зубами’		

Помимо этих «основных» пространственных значений, все предлоги имеют другие пространственные значения.

4.2.2.4. Предлоги с основным значением положения

Значения положения и движения формально не различаются, но для удобства мы считаем значение положения первичным.

4.2.2.4.1. Предлог *ande*

Имеет пространственные (при обозначении предела часто выступает в сочетании *źì ande*, см. 4.2.2.7.2), временны́е, абстрактные, значения; вводит дополнения:

(i) пространственные

Основное значение — ‘внутри’:

(a) ‘в’ (внутри ориентира, внутрь ориентира)

Нахождение в другом предмете или среде:

(1) *Kòn bešàl ande kakò khàr?*
‘Кто живёт в этом доме?’

(2) *Aj garàďol vòj koćè ande sàlka.*
‘Прячется она там в дереве.’

Движение внутрь:

(3) *Kaj-gəlè-tar, arəsàn vòn ande ćè-to vàš.*
‘И вот пошли они, приходят в какой-то лес.’

(4) *Kaj-źàn le dromè-sa le raklè, źàn vòn ći bùt, ći xancỳ, dèn ande khə gàv, dèn, śòn-pe ka khə rašàj te-dèl-le po jèkh gràst.*
‘И вот идут по дороге ребята, идут они ни много ни мало, входят в деревню, входят, заходят к попу, чтоб дал [он] им по одной лошади.’

Прочие действия внутри (внутрь) чего-л.:

(5) *Sàr te-nà-rovàv, phèn-kə, peradèm ande xajìng k angrustì, kaj kununisàjlem tù-sa.*
‘Как мне не плакать, говорит, я уронила в колодец кольцо, где венчалась с тобой.’

(6) *Àjda katkà, raklìjo, phèn-kə, te-xalàďon and-o pàj, te-najòn, te-mundr’òn.*
‘Давай-ка сюда, девка, говорит, чтобы вы помылись в воде, искупались, прихорошились.’

(7) *Kə marďà khə karfìn ande lèh-ko punřò vòrta ka pràgo.*
‘Ведь она забила гвоздь ему в ногу прямо у порога.’

(8) *Davàj kòn dèla jekh-avrès ande phùv źì ka-l ćangà, katàr kodò làs o šərò.*
‘Давай кто кого вгонит в землю по колено, тому срубим голову.’

С городами, странами (в т. ч. *le ćemà* ‘заграница’):

(9) *Bešàv ande Mòskova.*
‘Я живу в Москве.’

(10) *Sàr trajìn le řòm and-əl ćemà?*
‘Как живут цыгане за границей?’

Со словом *dròm* ‘дорога’ (при преграждении и т. п.):

(11) *Akanà vò kaj-avèl pès-ka tərn̓à-sa p-o dròm, dèl ande lès-ko dròm xajìng pajè-sa.*
‘И вот он идёт со своей молодой по дороге, встаёт на его пути колодец с водой.’

(12) *D-anda mùj la khangər'à-ko źì ka-j pàrta* [...] *thoď à-la and-o dròm kaj nakhàl o naròdo.*
ʻОт входа в церковь до ворот [...] поставил её на дороге, где проходит народ.ʼ

(б) ʻпо, в, наʼ (удар, резкое движение)

Удар по предмету (тесно связано с предыдущим):

(13) *Lèl o raklò, ankalavèl le ašvar'à anda pyznàri, dèl-le ande phùv lì-trin.*
ʻБерёт парень, вынимает вожжи из кармана, бьёт по земле всеми тремя.ʼ

Сюда же отнесём значение нападения:

(14) *Dinè ande jekh-avràs-te.*
ʻБросились друг на друга.ʼ

То же значение выражается предлогом *pe* ʻнаʼ (см. 4.2.2.4.2).

(в) ʻв [чём]ʼ (покрытие)

Это значение можно увязать с основным, поскольку предмет как бы окружён чем-л.:

(15) *Dìkh-ta ande sòs-te hur'àď ol kaď à řomnì.*
ʻСмотри-ка, во что одевается эта цыганка.ʼ

Часто *sà ande* ʻвесь в [чём-л.]ʼ (с определённым артиклем):

(16) *Sö o sàdo kodò, sà ande-l kanřà!*
ʻНу и сад тот, весь в колючках!ʼ

(17) *Sà ande le luluď à, sà ande le patr'à, sò laśarď à pès-ti càra!*
ʻВся в цветах, вся в листьях, ну и устроил свою палатку!ʼ

(г) в составе особых оборотов

С частями тела: [*bešàl*] *ande šəràs-te* ʻ[стоять] на головеʼ, *and-əl ćangàn-de* ʻна коленяхʼ (но также и *p-əl*):

(18) *Źì ka dèl d-arəsàna || ande ćangàn-de pèrna.*
ʻДо бога добираются, на колени падают.ʼ

Эти сочетания подобны наречиям и падежная форма в них всегда образуется синтетически (см. 4.2.1.2.4). Кроме того (русская калька?):

(19) *Mè kodolà glatà ćì-dikhlèm-la ande myřà jakhà dətàt.*
ʻЯ этого ребёнка в глаза не видел вообще.ʼ

(ii) временны́е

(д) ʻвʼ (*n* раз в единицу времени)

С определённым артиклем:

(20) *Te-xàs jèkh dàta and-o dès tišàj, jèkh bùrnix tišàj, aj te-pès ək-vàs pàj aj te-asàl tù-tar sà ə lùm'a.*
ʻЧтоб ты ел один раз в день песок, горсть песка, и чтоб пил ладонь воды, и чтоб смеялся над тобой весь народ.ʼ

Это же значение выражается и беспредложно (может быть, не для всех носителей, ср. *dùvar o dès* ʻдважды в деньʼ, см. 4.2.1.6.2м).

(е) ʻв [году, месяце]ʼ

С годами, месяцами:

(21) *<u>Ande ćè bàrš</u> mutisàjľan katkà?*
ʻВ каком году ты переехал сюда?ʼ

(22) *<u>And-o jinvàŕo</u> sàs barà šylà.*
ʻВ январе были большие морозы.ʼ

Употребляется также с русскими названиями дней недели (ср. *and-o ftòrniko*), тогда как старые (сейчас малоизвестные) названия дней недели образуют наречия (см. 3.8.1.4).

Со временами года: *ande prìmovara* ʻвесной', *ande tàmna* ʻосенью' (реже ʻвесной'); остальные два времени года образуют наречия (см. 3.8.1.4).

(ж) ʻза' (промежуток времени)

Время, за которое совершается действие:

(23) ▸ *<u>Ande jèkh minùto</u> mè kəràv sà.*
ʻЗа одну минуту я сделаю всё.ʼ

(iii) абстрактные

(з) переносное пространственное значение

Иногда можно вообразить метафорическое пространственное значение, ср.:

(24) 👂 *Řòma, sò dikhľàn tù <u>and-o sunò</u>?*
ʻЦыган, а что ты видел во сне?ʼ

(25) 👂 *Làzare, <u>ande sòs-te</u> la, ti zòr?*
ʻЛазаро, в чём она, твоя сила?ʼ

Выделяются особые значения:

(и) ʻна' (орудие)

Например, оружие, музыкальный инструмент (последнее также *pe*):

(26) 👂 *Aj akanà <u>ande sòs-te</u> maràs-ame? Kana vò: akanà maràs-ame <u>ande-l ćèrkuŕa</u>.*
ʻ«А теперь на чём будем драться?» А он: «Сейчас будем драться на обручах».ʼ

(27) 👁 *O ftaròj, o Vasỳľa, <u>ande garmòška</u> dilabàl.*
ʻВторой, Васыля, на гармошке играет.ʼ

(к) ʻиз числа'

В составе существительной группы, обычно с ядром *kòn* ʻкто' в значении ʻкто из...' (принимается не всеми носителями):

(28) ▸ *Kòn sy <u>ande tumèn-de</u> notàš?*
ʻКто из вас умеет плавать?' (букв. ʻкто в вас пловец')

Это значение обычно выражается и предлогом *anda* ʻиз' (оборот с *ande*, судя по всему, устарел и известен не всем).

Возможно, сюда же примыкают выражения *barvalò ande lùmȁ* ʻбогач' (букв. ʻбогатый в народе'), *ćořò ande lùmȁ* ʻбедняк':

(29) 👂 *Ćořyvajì la, kolà-tar, čořỳ <u>ande lùmȁ</u> la.*
ʻНищая она, такая, беднячка она.ʼ

(iv) дополнение

Пожалуй, только с глаголом *paťàl-pe* ‘верить [во что]’:

(30) *Paťàs-ame <u>and-o dèl</u>.*
‘Мы верим в бога.’

4.2.2.4.2. Предлог *pe*

Пространственные, абстрактные и конструктивное значения; вводит дополнения:

(i) пространственные

Основное значение — ‘на [поверхности]’:

(а) ‘на’ (на ориентире, на ориентир)

Нахождение на другом предмете:

(1) *Bešəl lès-kə lòtka <u>p-əl zəjà</u>.*
‘Стоит у него лодка на спине.’

(2) *Patrìn sỳ-les <u>p-o dumò</u>, phèn-kə, aj... astardì la.*
‘Лист у него на плече, говорит, и... пришит он.’

Движение на поверхность (или верх):

(3) *Ľà pès-kə k vojàga řətìja, thoďà-pe, piľà aj anklistò <u>p-o khàs</u> aj sovèl.*
‘Взял себе бутылку водки, сел, выпил и залез на сено и спит.’

(4) *Anklèl <u>p-o gràst</u> o sumnakunò.*
‘Влезает на коня золотого.’

(5) *Pašľù <u>pe ćàr</u>.*
‘Ляг на траву.’

В т. ч. на тело и т. п.:

(6) *Aj tù jèkh kòlco la dorʼà-ko te-phàndes <u>pe tù-te</u>.*
‘А ты один конец верёвки повяжи на себя.’

В выражении *thòl o vàst* букв. ‘наложить руку’:

(7) *Istràjlo o raklò aj thòl o vàs <u>pe-l patrʼà</u> te-inkàrďol.*
‘Поскользнулся парень и хватает листья, чтоб удержаться.’

Сюда же относится нерасторжимое выражение *lèl pe pès-te* ‘надевать [одежду]’.

(б) ‘на’ (распространение на весь ориентир)

О распространении звука, молвы и т. п.:

(8) *Sàr te-xàv-le?! Te-źàl pa màn-de <u>pe sà-j Iròpija</u> kə mè xalèm muřə šogoròs?!*
‘Как это я его съем?! Чтоб пошло обо мне на всю Европу, что я съел своего шурина?!’ (реплика змея)

(в) ‘по [дороге]’

О движении по пути; часто со словом *dròm* ‘дорога’:

(9) *Źàl, źàl <u>p-o dròm</u> aj dikhəl: bešəl khə bàlta, aj bešən ande là-te xuťamnʼà.*
‘Идёт, идёт по дороге и видит: стоит болото, а в нём лягушки.’

(10) ♪ *R̓àt barì p-o dròm kaj-lèl || jàg barì vòn kaj-kərən.*
ʻНочь большая по дороге [их] да застигает, костёр большой они да делают.ʼ

(ii) абстрактные

(г) ʻна’ (пространственно-временны́е)

С некоторыми названиями мест, мероприятий:

(11) 👂 *Tàtə, phèn-kə, mè akanà-š, phèn-kə, źàv p-o bazàri.*
ʻПапа, говорит, я сейчас, говорит, пойду на базар.ʼ

(12) 👂 *A là-ko gaźò gəlò p-o marimòs.*
ʻА её муж ушёл на войну.ʼ

Однако с большинством существительных из этого ряда применяется местный падеж (ср. *ka-j nùnta* ʻна свадьбу, на свадьбе’, см. 4.2.1.2.7).

(д) ʻна [инструменте]’

Игра на музыкальных инструментах:

(13) *Źanès te-dilabàs pe gitàra?*
ʻУмеешь играть на гитаре?ʼ

(е) ʻв честь’

Называние именем в честь кого-л.:

(14) *Pe kàs-te d̓àn anàv t̓a glatà?*
ʻВ честь кого ты назвал своего ребёнка?ʼ

(ж) ʻна [языке, слове и др.]’

В метаязыковых выражениях: *pe řusỳcko śib* (~ *řusỳcko*) ʻпо-русски’, а также ср.:

(15) *Paťà-ma pe vòrba!*
ʻВерь мне на́ слово!ʼ

(з) в составе особых оборотов

Этикетное выражение (с синтетическим падежом): *pe sastimàs-te* ʻна здоровье’:

(16) *Pì pe sastimàs-te!*
ʻПей на здоровье!ʼ

В выражении *p-o merimòs* ʻпри смерти’:

(17) *T̓o phràl p-o merimòs sy.*
ʻТвой брат при смерти.ʼ

С глаголом *perəl* (букв. ʻпадать’) ʻприходиться’ и т. п.:

(18) *Perəl pe tù-te dàto.*
ʻС тебя причитается дань.ʼ

Специфический оборот *pe-l* (*p-əl*) *gavà* букв. ʻна деревни’:

(19) 👂 *Phèjo, Màle, phèn-kə, źàv-tar i mè p-əl gavà, ròdav mè kàk buťořỳ, vàrə-so-gòdi.*
ʻСестра, Маля, — говорит, — пойду и я на заработки, поищу я какую-нибудь работёнку, что угодно.ʼ

По этой же модели: *p-əl dàći* ʻпо дачам’ (о летних строительных работах).

С притяжательными местоимениями в ж.ед. (с эллипсисом): *pe myřỳ* ‘по-моему’ и т. д.:

(20) *Kərdèm pe tirì, sar kamèsas.*
‘Я сделал по-твоему, как ты хотел.’

(iii) дополнение

Несколько глаголов требуют дополнений с предлогом *pe*:

(21) *Vò nùma dikhl’à pe raklì, cyrd’à la rakl’à aj cyrd’à le rikonoràs cyrd’à.*
‘Он только посмотрел на девушку, потянул девушку и щенка потянул.’

(22) *Nà-xol’àvo pe màn-de.* *~ pe mà*
‘Не обижайся на меня.’

(23) *Cypìn pe jekh-avrà̀s-te.*
‘Они кричат друг на друга.’

(iv) в сравнительной конструкции

Вводит разность при сравнении (см. 4.12.8.1):

(24) *Muřò phràl sy pe jeftà bà̀rš màj-tərnò màn-dar.*
‘Мой брат на семь лет моложе меня.’

4.2.2.4.3. Предлог *angla*

Имеет пространственные и временны́е значения:

(i) пространственные

(а) ‘перед [чем, кем]’

Положение:

(1) *Angla-j làvka bešə̀l sàlka.*
‘Перед магазином стоит дерево.’

(2) *Sò thoď à-pe ə skafedì angla lès-te!*
‘Ну и стол накрылся перед ним!’

(3) *Kaj-ź àl, ź àl pès-kə dromè-sa o raklò, aj dikhə̀l: bešə̀l angla lès-te řỳpa.*
‘Идёт, значит, идёт своей дорогой парень и видит: перед ним яма.’

Данное значение тесно связано со следующим.

(б) ‘навстречу [кому]’

Обычно при движении:

(4) *Aj nùma dikhə̀l o raklò, našə̀l lès-ko ź ukə̀l angla lès-te.*
‘И только посмотрел парень: бежит его собака к нему навстречу.’

(5) *O gràs kaď à i avèl stràzom angla tù-te.*
‘Конь так и явится сразу пред тобой.’

(6) *Raklořə angla lès-te avèn: || kàj-i, tàtə, amarì dèj?*
‘Мальчики к нему подходят: где, папа, наша мать?’

Очень часто с глаголом *dèl* букв. ‘давать’, ср. в непереходном значении (‘явиться’):

(7) *Aj dèl angla lès-te khə manušořò, kabòr o nàj.*
‘И является перед ним человечек, [размером] с палец.’

Ср. также оборот *dèl angla dròm*, т. е. как бы ʻпред путьʼ:

(8) ♪ *D-ašunèl d-o Lutr̓àno || angla lès-ko dròm kaj-d̓às: || sàr kamès te-làs-ame?*
ʻСлышит Лутряно; путь ему да преграждает: «Как ты хочешь бороться?»ʼ

В переходном (ʻвстречать [чем]ʼ):

(9) 👂 *Kaj-dèl kodò vàš kanřə angla lèn-de, nàj sàr te-nakhàn dətàt.*
ʻНу и выставляет тот лес шипы перед ними, никак им не пройти совсем.ʼ

(в) ʻпри [ком], на виду [у кого]ʼ

В чьём-л. присутствии (в т. ч. буквально ʻпередʼ):

(10) *Laźàv màn-gə te-p̓àv duhàno angla-l phurə.*
ʻЯ стесняюсь курить при стариках.ʼ (не положено из уважения к старшим)

(ii) временны́е

(г) ʻперед [чем]ʼ, ʻдо [чего]ʼ

Значение предшествования (см. 4.3.7.2.2):

(11) *Kadò sas angla marimòs.*
ʻЭто было до войны.ʼ

4.2.2.4.4. Предлог *pala*

Имеет пространственные, временны́е, абстрактные значения, а также вводит некоторые дополнения:

(i) пространственные

Основное значение — ʻсзадиʼ:

(а) ʻзаʼ (позади ориентира)

Нахождение за другим предметом или движение за него:

(1) 👂 *Mè sym ə śèj le ampəratòs-ti kaj sy pala injà pajà, pala injà plajà.*
ʻЯ дочь царя, который за девятью реками, за девятью горами.ʼ

(2) 👂 *Vò l̓à la rakl̓à kakalà, kolà phanglè-la pala vurdòn, la ćorn̓à la bar̓à kolà, aj tyřỳn le gràs pala pès-te.*
ʻОн взял девушку эту, привязали её те [другие люди] сзади телеги, воровку большую эту, и волокут [её?] кони за собой. ʼ

Часто со словом *skafedì* ʻстолʼ:

(3) 👂 *Bèš katkà màn-ca pala-j skafedì.*
ʻСадись тут со мной за стол.ʼ

Идиоматически: *thòl-pe pala* [*kàs-te*] ʻзащищать [кого]ʼ.

(а) ʻзаʼ (следование за ориентиром)

Следование за кем/чем-л.:

(4) *Kadalà glàti sà phirən pala pès-ki dèj.*
ʻЭти дети всё ходят за своей матерью.ʼ

Преследование с целью поимки:

(5) *Aj našən pala lèn-de əl rùv, našən gaźè, te-mudarèn-le.*
‘И бегут за ними волки, бегут мужики, чтоб убить их.’

(б) ‘из-за’ (появление из-за ориентира)

Это значение понятно только по контексту, т. е. в основном (только?) при глаголах *anklèl* ‘выходить’, *ankalavèl* ‘вынимать’:

(6) *O khàm anklistò pala-l nùvərà.*
‘Солнце вышло из-за облаков.’

(ii) временны́е

(в) ‘после’

Следование во времени (см. 4.3.7.2.2):

(7) *Kamàv te-avès màn-de pala-j nùnta.*
‘Я хочу, чтобы ты пришёл ко мне после свадьбы.’

(8) *Pala kodò l’à aj śinď’à la buzn’à.*
‘После этого взял и зарезал козу.’

(г) ‘за’ (срок)

С количеством времени (также *ande*):

(9) *Pala šòv bərš kaď’à də mištò sytiľàn amarì śìb?*
‘За шесть лет ты так хорошо выучил наш язык?’

(iii) абстрактные

(д) ‘за’ (устранение последствий)

С глаголами типа ‘чистить’ и т. п.:

(10) *Avilò khərà o phurò, kolà koř’à sò kərèn lès-kə: xàn, ćì-maj-xalavèn pala pès-te, sovèn oćè, kərèn.*
‘Пришёл домой старик, [а] эти слепые [женщины] что ему делают: едят, не моют за собой, спят там, делают [всякое].’

(11) *Cỳrden o vudàr pala tumèn-de!*
‘Плотно закройте дверь за собой!’ (букв. ‘затяните’)

(е) ‘за’ (цель)

Поход, посылка кого-л. за кем/чем-л.:

(12) *Sòs-tar, dàle, traď’àn pala màn-de la marť’à te-mudarèl-ma?*
‘Почему, мама, ты послала за мной смерть, чтобы она меня убила?’

(13) *Aj də-dimin’àcy tràdel lès-ko dàd o fajitòno pala lèn-de.*
‘А наутро пошлёт его отец фаэтон за ними.’

Возможно, сюда же (с редкой краткой формой!):

(14) *Màśo mùj kothàr kaj-ď’às || Źà-ta, màmə, pala là || kə͡ə borȯřỳ tasulì.*
‘И тут Машё крикнул: «Иди-ка, мама, за ней, ведь невестка утонула».’

Цель вообще:

(15) *Avilèm te-mangàv jertimòs. — Nùma pala kadò aviľàn?*
‘Я пришёл просить прощения. — Ты только за этим пришёл?’

(ж) ʻза’ (заслуга)

В т. ч. при наказании:

(16) *Pala sòs-te mardè-les le kətàni?*
ʻЗа что его побили милиционеры?’

(17) *Ašùn, Làzər, mè ingəràv-tu and-o vàš aj mekàv-tu oćè, kə àta pala tù-te dèl ə lùmə̀a sà pe màn-de, mudarə̀l-ma.*
ʻСлушай, Лазаро, я отведу тебя в лес и оставлю тебя там, потому что, вот, за тебя народ весь на меня накинется, убьёт меня.’

(з) ʻза’ (предмет спора, трофей, добыча)

В различных ситуациях конфликта:

(18) *Dì-ta, dèvla, pala kakò kotòr smàla trubùl te-maràv-ma.*
ʻСмотри-ка, боже, за этот кусок смолы должен я воевать.’

(и) ʻза’ (плата, обмен)

Цена или предмет обмена (у части глаголов следует считать дополнением):

(19) *Tinďàm kaďà matòra pala dèš mìji.*
ʻМы купили эту машину за десять тысяч.’

(20) *Le grastès dàv-tu pala ə phabàj, aj la rakl̓à dàv-tu pala rikonoř̀ò kakò̰.*
ʻКоня дам тебе за яблоко, а девушку дам тебе за щенка вот этого.’

(21) *Sò mangə̀s, phur̓à, pala nasavìko?*
ʻЧто просишь, старик, за носовой платок?’

(к) ʻдля’ (получатель)

Только с одушевлёнными:

(22) *Amèn traďà-ame o rašàj anda kutàri gàv, phenďá kə tù-te sy gràst pala amèn-de kaj nigərə̀n-ame amèn.*
ʻНас послал поп из такой-то деревни, сказал, что у тебя есть кони для нас, которые нас отвезут.’

(л) ʻзамуж(ем) за’

Только о женщинах:

(23) *Vòj pala tù-te la?*
ʻОна твоя жена?’ (букв. ʻза тобой’)

(24) *Kòn plaćàla myř̀à rakl̓à, pala kodò thàv-la.*
ʻКто понравится моей дочери, за того отдам её.’ (букв. ʻпоставлю’)

(iv) дополнение

Несколько глаголов и различных оборотов требуют дополнений с предлогом *pala* (о таких моделях управления см. 4.5.7.2.5):

(25) *L̓à-le o dòro pala lèh-ki phèj.*
ʻСоскучился он по своей сестре.’ (букв. ʻвзяла его тоска за’)

(26) *Aj ćì-plaćàlas lès-kə... lès-kə gaźàn, kaj dikhə̀nas pala là-te.*
ʻИ не нравилась его... его женщинам, которые присматривали за ней.’

4.2.2.4.5. Предлог *paša*

Имеет только пространственное значение близости ʻблиз, около’:

(1) *Le řòm tràjin paša-l barà fòruṙa.*
ʻЦыгане живут вблизи больших городов.’

(2) *Ľà mudarďà kolà papinořà, kaj bešàl lès-kə paša khàr.*
ʻВзял, убил этого гуська, что жил у него около дома.’

С глаголами движения (в т. ч. плеонастически с *pašòl* ʻприближаться’):

(3) *Aj avèl-tar khə rakľořỳ paša lès-te.*
ʻИ приходит девушка к нему.’

(4) *Lèl aj pašòl paša lès-te khə tatàřo.*
ʻБерёт и подходит к нему басурман.’

4.2.2.4.6. Предлог *tela* (*tala*)

Вариант *tala* в обычной речи употребляется реже, однако частотен в песнях. Так, в известной песни поют только *tala-j sàlka mè sutèm* ʻпод деревом я спал’.

Имеет пространственные значения — ʻниже’, ʻпод покрытием’ ориентира, в т. ч. положения и движения ʻпод’ что-л., движения из этого положения (как *pala* ʻиз-за’), а также — ограниченно — временно́е значение:

(i) пространственные

(а) ʻпод’

Положение или движение:

(1) *Aj jèkh garaďà-le tala-j śìb, o karfìn, garaďà tala-j śìb, kàs te-nà-marən and-o ilò le devlèh-ko.*
ʻА один спрятал под язык, гвоздь-то, спрятал под язык, чтобы не вбили в сердце господне.’

(2) *Aj tyřysàjli tala pòdo aj rovèl thaj phařòl anda rojimòh, te-nà-maj-dèl o del.*
ʻИ ползала под мостом, и плачет и надрывается от плача, не дай бог.’

(3) *Hàjda, thàv-tu tela kakò pàto katkà aj garàďu tela pàto.*
ʻДавай, положу тебя под эту кровать вот тут, и спрячься под кроватью.’

(4) ♪ *Tala-j sàlka mè sutèm || Katàr ľà-pe sàp lolò?*
ʻПод деревом я спал. Откуда взялась змея красная?’

(б) ʻиз-под’

Это значение понятно только по контексту, т. е. в основном (только?) при глаголах *anklèl* ʻвыходить’, *ankalavèl* ʻвынимать’, ср. *thòl tela pàto* ʻкласть под кровать’ в примере (3) и в следующем примере:

(5) *Aj lèl aj ankalavèl-le vòj tela pàto.*
ʻИ берёт и вытаскивает его она из-под кровати.’

(ii) временны́е

Только в особых оборотах, ср. *tela-j ṙàt* ʻвечером, под вечер’ (букв. ʻпод ночь’):

(6) *Sòs-tar aviľàn tela-j ṙàt aj nàj desà?*
ʻПочему ты пришёл вечером, а не днём?’

4.2.2.4.7. Предлог *int'àl*

Только пространственное значение: ʻчерез' ориентир, т. е. обозначается пространство или линия, за которыми находится или за которые движется предмет:

(1) *Amarà kyrdòs-ko barò bešàl int'àl ə vùlica.*
ʻБарон нашего табора живёт через улицу.'

В значении конечного пункта движения:

(2) *L'à nakhaď à le raklès int'àl o pàj, nakhaď à-les.*
ʻВзяла [и] переправила его через реку, да.'

Употребляется и как наречие ʻтам, дальше'.

4.2.2.4.8. Предлог *karìng*

Управляет не только существительными группами, но и отдельными наречиями (см. ниже). Имеет пространственные и временны́е значения, объединяемые идеей близости (но не впритык):

(i) пространственные: ʻв районе; в сторону'

Положение, в той или иной мере приблизительное по отношению к ориентиру:

(1) *Lès-te karìng o ilò bešàl lès-kə patrìn, astardì p-o dumò.*
ʻУ него вблизи сердца находится у него лист, пришитый на плечо.'
(2) *Kàj bešàs? — Bešàv karìng o vàš.*
ʻТы где живёшь? — Я живу близ леса.'

Приближение (ср. синонимичный в таких контекстах предлог *paša*):

(3) *Avilò-tar o raklò ka pàj, avilò-tar o maśò karìng lès-te.*
ʻПришёл парень к реке, подплыла рыба к нему.'

Кроме того, при движении означает ʻв сторону, к':

(4) *Kadò aftòbuso źàl karìng ə Tùla.*
ʻЭтот автобус идёт на Тулу.'

(ii) временны́е: ʻоколо'

Во временны́х выражениях также означает приблизительность (до определённого момента):

(5) *Tehàra šàj avàv karìng le pànź (ćàsurà).*
ʻЗавтра могу прийти где-то к пяти (часам).'

И в пространственных, и во временны́х значениях может управлять отдельными наречиями («старыми падежами», см. 3.8.1.3) — кажется, не у всех носителей:

?*karìng kherà*	≈	*karìng o khàr*	ʻв сторону дома' (т. е. ʻк себе')
?*karìng ivendè*	≈	*karìng o ivènd*	ʻближе к зиме'
?*karìng milà ~ milajè*	≈	*karìng o milàj*	ʻближе к лету'

С местным падежом этот предлог не сочетается, в отличие от предлогов *źi* и *də*. Это соображение может казаться ничтожным в случае сочетаний с личными местоимениями типа *karìng lès-te* ʻко мне', ср. *źi lès-te* ʻдо него; к нему домой', где синтетическая падеж-

ная форма *lès-te* может представлять как предложный, так и местный падеж. Однако различие проявляется с назывными существительными, ср.:

karìng o primàri	но	***karìng ka primàri*	ʻв сторону вожакаʼ
***źi o primàri*	но	*źi ka primàri*	ʻдо вожака; к вожаку [домой]ʼ

Кроме того, *karìng* — вопросительное местоимение ʻгде приблизительноʼ и ʻкуда; в какую сторонуʼ.

4.2.2.4.9. Предлог *maškar*

Имеет пространственное, временно́е и абстрактное значения:

(i) пространственные

(а) ʻмежду [*x* и *y*]ʼ

Положение, расстояние (или конечный пункт движения) между двумя ориентирами. Если ориентиры называются отдельно, то они сочиняются союзом *aj* ʻиʼ:

(1) *Thò-tu maškar o skamìn aj o zỳdo.*
ʻВстань между стулом и стеной.ʼ

(2) *Sòde vỳstri sy maškar ə Tùla aj ə Mòskova?*
ʻСколько километров между Тулой и Москвой?ʼ

В противном случае ориентиры во множественном числе:

(3) *Sàs sàlka barì maškar əl dùj khərà.*
ʻБыло дерево большое между двумя домами.ʼ

(б) ʻсредиʼ (многих предметов или в среде)

В дискретном окружении, например среди людей:

(4) *Atùnći le řòm trajìnas maškar le gaźè.*
ʻТогда цыгане жили среди нецыган.ʼ

(5) *Vò manàj maškar amèn-de.*
ʻЕго уже нет среди нас.ʼ (т. е. умер)

В непрерывной среде:

(6) *Lèl aj dikhàl ə raklì: vòn źàn anglàl, o pòdo tìdel-pe pala lèn-de, aśèl o khàr maškar o pàj.*
ʻБерёт и смотрит девушка: они идут впереди, мост сжимается за ними, остаётся дом среди воды.ʼ

Особое выражение — *maškar ə bàr* ʻв таборе’ (т. е. в цыганском поселении), букв. ʻсреди двора, забора; табораʼ:

(7) *Sòřo dès maškar ə bàr sam.*
ʻМы весь день в таборе.ʼ

(8) *Kana avès amèn-de maškar ə bàr?*
ʻКогда ты придёшь к нам табор?ʼ

Однако ʻна середине чего-л.ʼ выражается иначе: *p-o maškàr* + [притяжательная группа], ср. *p-o maškàr la vulicà-ko* ʻпосреди улицыʼ, где имеем предлог *pe* ʻнаʼ и существительное *maškàr* м. ʻсередина, центрʼ (а также ʻпоясницаʼ), отличающееся от предлога ударностью.

(ii) абстрактные

В значении ʻвнутри [какого-л.] общества, между собой’ и т. п.:

(9) *Pe ćè śìb divinìn <u>maškar tumèn-de</u>?*
ʻНа каком языке вы разговариваете между собой?’

4.2.2.5. Предлоги с основным значением движения

Здесь мы рассмотрим два предлога: *anda* ʻиз’ и *pa* ʻс [верха, поверхности]’, которые не имеют пространственного значения положения, а обозначают движение из исходной точки, положение в которой выражается соответственно предлогами *ande* ʻв’ и *pe* ʻна’. При этом они имеют разные другие, в т. ч. временны́е и абстрактные, значения.

4.2.2.5.1. Предлог *anda*

Имеет прежде всего пространственные, абстрактные, а также в отдельных случаях временны́е значения:

(i) пространственные (в т. ч. метафорически)

Значения положения как такового нет. При обозначении интервала часто выступает в сочетании с предлогами *də* (т. е. *d-anda*, см. 4.2.2.7.1) и *źì* (т. е. *źì anda*, см. 4.2.2.7.2), причём такие сочетания можно считать составными предлогами.

В основном пространственном значении движения изнутри соотносится с предлогом *ande* ʻв’. Но и в менее буквальных значениях соотношение положения внутри ориентира (когда оно выражается предлогом *ande* ʻв’, см. 4.2.2.4.1) и движения из ориентира (*anda*) всегда строго (ср. отсутствие соответствия в русских переводах), например:

and-o ćèri	ʻв небе, на небе’	⇒	*anda ćèri*	ʻс неба’
ande Řusʏ̀ja	ʻв России’	⇒	*anda-j Řusʏ̀ja*	ʻиз России’
and-əl vàst	ʻв руках’	⇒	*anda-l vàst*	ʻиз рук’
and-o fòro	ʻв городе’	⇒	*anda fòro*	ʻиз города’
and-əl ćemà	ʻза границей’	⇒	*anda-l ćemà*	ʻиз-за границы’
and-o ràt	ʻв крови [испачкан]’	⇒	*anda ràt*	ʻот крови [отмыт]’

Основное значение — ʻдвижение изнутри’:

(a) ʻиз’ (изнутри ориентира)

Предмет находился в другом предмете или среде (ср. *ande* ʻв’) и выходит наружу:

(1) *Lèl o raklò thòl o vàs aj vàzdel kodolè rikonořəs <u>anda-j řʏ̀pa</u>.*
ʻБерёт парень, протягивает руку и поднимает этого щенка из ямы.’

(2) *Anklistì <u>anda pàj</u>, ćorďà là-kə jakhořà, ćorďà là-kə buťořà aj mekľà-la kaďà nandì and-o pàj.*
ʻВышла из воды, украла её глазки, украла её вещички и оставила её так голой в воде.’

(3) *Là našaďà-la, lès našaďà lès-ti dèj, lèh-ko dàd, našadè-leh <u>anda khər</u>, là-sa and-ək-thàn.*
ʻЕё выгнала, его выгнала его мать, его отец, выгнали его из дому, с ней вместе.’

(4) *Aj źàl pàj, te-jertìs, <u>anda là-kə ćućà</u>.*
ʻИ идёт вода — пардон — из её грудей.’

(5) *D'à and-o kàn o stỳngo, anklistò anda ćaćò.*
ʻЗашёл в левое ухо, вышел из правого.ʼ

Примеры менее буквальных значений:

(6) *Bešlò źi dopàš ə r'àt aj nùma dikhàl: putàrdilo o ćèri aj hur'àl pàřa anda ćèri hur'àl.*
ʻПросидел до полуночи и вдруг видит: разверзлось небо и летит пламя с неба, летит.ʼ

(7) *Anklistì oprà ə raklì aj dèl dròm kodò nosovìko anda-l vàs.*
ʻВышла наверх девушка и выпускает тот носовой платок из рук.ʼ

(8) *O Manòjl'a dikhl'à and-o sunò kə avèl lès-te řomnì anda gàv.*
ʻМанойля увидел во сне, что идёт к нему жена из деревни.ʼ

Ещё менее буквальные значения:

(9) *L'à cyrd'à anda pès-ko šərò trìn bàl xarkunè aj dèl ka kod'à rakl'ořỳ.*
ʻВзял [и] вытянул из своей головы три волоска медных и даёт той девочке.ʼ

Часто сопровождается наречием *avrì* ʻнаружу’:

(10) *Nùma phend'à kod'à vòrba, aj anklistò avrì anda-j řỳpa kod'à.*
ʻТолько сказал то слово, и вышел наружу из ямы той.ʼ

(11) *Avrì khònik te-nà-nakhàl anda khàr!*
ʻНаружу никто чтоб не выходил из дома!ʼ (букв. ʻне проходилʼ)

При употреблении пищи или питье из сосуда и т. п.:

(12) *Nà-pi anda kad'à kućì!*
ʻНе пей из этой чашки!ʼ

В некоторых оборотах пространственное значение — метафорическое:

(13) *Dè-ma k-mìja-aj-pànź-šəlà || mè anda bìro t'-ankl'àv.*
ʻДай мне тысячу пятьсот, чтоб мне из долгов вылезти.ʼ (букв. ʻчтоб я из долга вышелʼ)

В следующих случаях значение менее ясно:

(14) *Aj ćì-səpìl-les sar səpìl-pe || lèl-les d-anda-j řədəćìna.*
ʻИ не полет его, как [обычно] полют, — берёт его под корень.ʼ

(15) *Sò d-o Jànoš kaj-kəràla || aj pùška anda karfìn kaj lèla || P-o vynàto Jànoš źàla.*
ʻА что Янош делает: да ружьё с гвоздя берёт, на охоту Янош идёт.ʼ

Все данные выше значения — динамические (движение извне).

(б) ʻиз’ (происхождение)

В оборотах со связкой *sy* ʻбыть’ налицо статическое значение происхождения:

(16) *Anda-j Mòskova sym.*
ʻЯ из Москвы.ʼ

(17) *Aj mè sym anda-l ćemà.*
ʻА я из-за границы.ʼ

Ср. также в составе существительной группы:

(18) *Amèn traď'à-ame o rašàj anda kutàri gàv, phend'à kə tù-te sy gràst pala amèn-de kaj nigərən-ame amèn.*
ʻНас послал поп из такой-то деревни, сказал, что у тебя есть кони для нас, которые нас отвезут.ʼ

(19) *Aj tù san ə Vasilìsa, ə śèj le ampəratòs-ko anda-j Ìndija.* (оговорка: *-ko* вм. *-ki*)
ʻА ты — Василиса, дочь царя из Индии.ʼ

Порой пространственное значение движения трудно отличить от происхождения:

(20) *Tìdel-pe anda sà le fòrurə̀, tìdel-pe ə lùmə̀, ćèm.*
ʻСобирается из всех городов, собирается народ, общество.ʼ

Происхождение может быть и непространственным:

(21) *Anda ćè nàcyja san tumè?*
ʻИз какого вы рода?ʼ

Разумеется, значение происхождения сродни движению из ориентира.

(в) ʻот’ (отделение фрагмента)

Отделяется часть от чего-л.:

(22) *Dinè ande jekh-avràs-te, anda zmə̀vo xutilò kotòr, vó nùma bandilò xancỳ, o raklò.*
ʻПустились друг на друга, от змея отлетел кусок, он [же] только согнулся чуть-чуть, парень.ʼ (букв. ʻиз змея прыгнул кусокʼ)

Характерно с глаголом *xàl* ʻесть’:

(23) *Anda jèkh manřò xalè sàvořə.*
ʻОт одного хлеба вкусили все.ʼ
(24) *Sà xàn anda pèh-ko dadèh-ko mandìn, sà pèn.*
ʻВсё едят из имущества своего отца, всё пьют.ʼ
(25) *Mekl’à-pe kodò gràs telè aj xàl anda dìv, lićarə̀l o dìv, phařavèl sà.*
ʻСпустился этот конь вниз и ест пшеницу, мнёт пшеницу, жрёт всю.ʼ

(г) ʻза [что браться]’

Место, за которое хватают что-л.:

(26) *Lè ə dorì anda-l gorà!*
ʻВозьми верёвку за концы!ʼ

В этом же значении — отложительный падеж (*kata-l gorà* ʻза концы’).

(д) ʻот [чего очистить]’

Здесь можно усматривать дополнение:

(27) *Kaj-ď à-les ta phangl’à nàj, xalad’à-les anda ràt aj thod’à-les p-o khàm, aj šut’arə̀l-les.*
ʻНу и дал ему, так что [он] связал палец и отмыл его от крови и положил его на солнце и сушит его.ʼ

(ii) абстрактные

Здесь трудно вообразить пространственное значение:

(е) ʻиз’ (состав, материал)

Из чего сделан предмет (материал чаще всего с определённым артиклем):

(28) *Kaj-źàl, źàl o raklò* [...] *aj arəsə̀l vò ka-j xàr anda le voglìnzy.*
ʻИ вот идёт, идёт парень [...] и приходит он к холму из зеркал.ʼ

(29) *Laśarďà pès-kə anda-l luluďà khə avlìn, màj-mùndro kata le ampəratòs-ti.*
ʻСделал себе из цветов двор, красивей царского.ʼ

(30) *Sà astarèl le hyrcàn, sà mudarèl, sà thòl tèla pès-te, laśarèl pès-kə pàto anda lèn-de.*
ʻВсё ловит мышей, всё убивает, всё кладёт под себя, делает себе кровать из них.ʼ

(31) *Sỳ p-o svèto khə raklì, là-kə bàl anda sumnakàj le.*
ʻЕсть на свете девушка, её волосы из золота.ʼ

(32) *Anda sòs-te tumè laśarďàn kadalà àrfy ta te-dilabàn tumè pe lèn-de? Phèn-kə: anda-l poř̀à le manušàn-gə. Kamèn te-mudarèn le raklès te-laśarèn strùni anda lès-kə poř̀à.*
ʻ«Из чего вы делаете эти арфы, так чтоб вы играли на них?» Говорит: «Из кишок человеческих». Хотят убить парня, чтоб сделать струны из его кишок.ʼ

(33) *Tiràv anda sòs-te-gòdi kamès, sò-gòdi plaćàl-tu, aj dìkh-ta sò xàl vòj.*
ʻГотовь из чего хочешь, всё что тебе нравится, и смотри-ка, что ест она.ʼ

Сюда же можно отнести обороты со словом *f̀ălo* ʻвид, типʼ (если считать, что тут речь идёт о составе совокупности):

(34) *Thoďà gardiròpo aj pherďà-les càli, anda sàko f̀ălo.*
ʻСделала гардероб и заполнила его одеждой, разнообразной.ʼ

(35) *Źà p-o bazàri, lè màn-gə thavà anda dèš f̀ăluri.*
ʻИди на базар, возьми мне нитки десяти разновидностей.ʼ

(ж) ʻиз’ (первоначальное состояние)

В выражениях типа ʻпревратить(ся) из чего-л. во что-л.ʼ:

(36) *Aj anda dròm trinè desàn-go || kərďà Dò̀rdi trinè ćasonèn-go.*
ʻИ из трёхдневного пути сделал Дёрди трёхчасовой.ʼ

Сюда же можно отнести:

(37) *Manàj anda lès-te khànći, perèl aj merèl.*
ʻБольше не осталось от него ничего, падает и умирает.ʼ (букв. ʻбольше нетʼ)

(з) ʻиз-за, отʼ (причина)

Обычно о неприятных ощущениях и т. п.:

(38) *Aj tyřysàjli tala pòdo aj rovèl thaj phařòl anda rojimòh, te-nà-maj-dèl o dèl.*
ʻИ ползала под мостом, и плачет, и надрывается от плача, не дай бог.ʼ

В этом значении частотен синтетический отложительный падеж (было бы *rojimàs-tar*).

Сюда же относятся союзы *anda koďà* ʻпоэтомуʼ и *ànda koďà kə* ʻпотому чтоʼ (см. 4.12.5.7), а также ср.:

(39) *Apo sò sy anda koďà?*
ʻНу и что из этого?ʼ

(и) ʻза [здоровье пить]ʼ

О распитии, тостах:

(40) *Xàn, śavàle, thaj maj-pèn || anda muřò sastimòs || thaj anda myřə̀ řomèh-ko || myřə̀ řomèh-ko le ćaćèh-ko.*
ʻЕшьте, ребята, да и пейте — за моё здоровье, да за [здоровье] моего мужа, моего мужа настоящего.ʼ

(к) ʻчем’ (орудие)

В ограниченном кругу случаев относится к инструментам, орудиям действия:

(41) ♪ *Źi oprə aj źì telè brè anda korbàći màrla.*
ʻДоверху и донизу *бре* кнутом бьёт.’

(42) ▶ *Skorcomè lovè sy lovè kərdè anda-j kàt* .
ʻ«Новенькие деньги» значит деньги, [только что] сделанные ножницами.’

В выражениях *kərəl anda-l vàst* ʻмахать руками’ (букв. ʻделать из рук’), *kərəl anda-j jàkh* ʻподмигивать’ (букв. ʻделать из глаза’), ср. также:

(43) ♪ *Anda-l pəlmi Rìna kaj-marəl-oj.*
ʻДа в ладоши Рина бьёт.’ (букв. ʻиз ладоней’)

Особо упомянем *dèl anda vàst* ʻпоминать [покойника]’.

В песнях частотны плеонастические обороты с глаголами *rovèl* ʻплакать’, *phenèl* ʻговорить’ с соответствующими органами (ʻплакать из глаз’, ʻговорить изо рта’ — последнее всегда в песнях с синтетической формой предложного падежа):

(44) ♪ *Thaj anda-l jakhà vò rovèl-y || anda mòs-te kaj-phenèl-y: ...*
ʻИ слёзы он льёт, да и молвит: ...’

Однако *anda mùj* значит также ʻвслух; голосом’, в т. ч. *dilabàl anda mùj* ʻпеть’ (глагол *dilabàl* сам по себе значит также ʻиграть [на инструменте]’).

В сочетании со словом *zòr* ʻсила’:

(45) 👂 *Anda ćè zòr cypìl o raklò, kə dèl ə smàla pa lès-te telè.*
ʻС такой силой кричит парень, так что стекает смола с него.’

(iii) дополнение

С глаголом *atərďol* ʻпереставать’ (см. 4.2.6.4.1.1б):

(46) *O raklò atərdilo anda asamòs.*
ʻПарень перестал смеяться.’

Кроме того, в составе некоторых оборотов:

(47) 👂 *Uštilò o raklò anda-j lìndri.*
ʻПроснулся парень.’ (букв. ʻвстал из сна’).

(iv) особые случаи

В сказках — при обращении (букв. ʻиз дорогого бога’):

(48) 👂 *Manùša anda dràgo dèl, katàr san tù, ta mudarďàn sà muřə dušmajèn?*
ʻМилый человек, откуда ты [такой], что убил всех моих врагов?’

В наречном значении: *anda k-dàta* ʻодновременно, разом’ (букв. ʻиз раза’):

(49) 👂 *Ašùn, tù thò màn-gə and-o vàst o vàs la rakľà-ko, aj mè thàv tù-kə and-o vàst le rikonořàs, aj anda k-dàta dàs dròm.*
ʻСлушай, ты положи мне в руку руку девушки, а я положу тебе в руку щенка, и одновременно отпустим.’

Особое выражение: *anda pès-te* ʻсам(о) по себе’ (без воздействия, от природы):

(50) 👁 *Te-avèl o manùš baxtalò anda pès-te.* [Кож.]
ʻ[Надо] чтобы был человек счастлив сам по себе.’

4.2.2.5.2. Предлог *pa*

Имеет прежде всего пространственные, временно́е и абстрактные значения (о выражении *opràl pa* ʻнадʼ см. 4.2.5.2):

(i) пространственные

Значения положения как такового нет. В основном пространственном значении движения сверху ориентира соотносится с предлогом *pe* ʻнаʼ (см. 4.2.2.4.2), ср.:

p-o skamìn	ʻна стулеʼ	⇒	*pa skamìn*	ʻсо стулаʼ
pe lisapètka	ʻна велосипедеʼ	⇒	*pa-j lisapètka*	ʻс велосипедаʼ
p-əl plajà	ʻв горахʼ	⇒	*pa-l plajà*	ʻс горʼ

Основное значение — ʻдвижение сверху, с поверхностиʼ:

(а) ʻс [верха, поверхности]ʼ

Предмет находился на другом предмете (ср. *pe* ʻнаʼ) и спускается или падает:

(1) *Ə̀ta avèl-tar o zmə̀vo kothàr pa-l plajà.*
ʻВот, приходит дракон тогда с гор.ʼ

(2) *Le phabà kaďà i perə̀n pa-l kr'ànźi and-o mùj le raklès-ko.*
ʻЯблоки так и так падают с веток в рот парня.ʼ

(3) *Ap te-puśès aj pa màn-de: sòs-tar də kajtì bə̀rš naśìv śùdav ə lòtka pa-l zəjà?*
ʻНу и про меня чтоб ты спросил: почему столько лет не могу скинуть лодку со спины?ʼ

(4) *Aj peravèl-les, peravèl-les pa gràst, cỳrdel-les ə trùš te-pèl.*
ʻИ сбрасывает его, сбрасывает его с коня, тянет его жажда пить.ʼ

Сюда же относится оборот *śùdel*/*lèl pa* ʻснять сʼ (одежду), ср.:

(5) *Dikhlò pa šərò kaj ľàs-y || aj p-o vàh leh kaj-thoďàs-y.*
ʻПлаток с головы сняла и на руку его надела.ʼ

(6) *Aj ľà ə — oj, kadò — ə dorì pa lès-ko ćikàt.*
ʻИ сняла — ой, как его — верёвку у него со лба.ʼ

Сюда отнесём и снятие, стирание с поверхности:

(7) *Thoďa-pè, jèkh ćungàrdel pe lès-te, jèkh ćařə̀l ràt pa lès-te, sàko thoďà pès-ko bàl pe lès-te, aj źuvindìl o raklò.*
ʻЛёг; один плюёт на него, один слизывает кровь с него, каждый приложил свой волос к нему, и оживает парень.ʼ

(б) ʻс [боку]ʼ

Со словом *rìg* ʻсторонаʼ:

(8) *Ľà pèh-kə źamutrə̀s aj řymaďà-le pa jèkh rìg aj pa jèkh rìg mekľà-les.*
ʻВзял своего зятя и обрил его с одной стороны, а с одной стороны оставил.ʼ

(в) ʻпо [линии, поверхности]ʼ

При движении по траектории:

(9) *Pa kakò dròm mè ćì-mekàv-tu te-nakhə̀s.*
ʻПо этой дороге я не дам тебе пройти.ʼ

(10) ♪ *Aj xàn-tu, tàtə, le termè, brə̀ || aj fysyjìn pa te dumè, brə̀!*
‘Чтоб тебя съели, папа, червяки, *брэ*, чтоб ползали по твоим плечам, *брэ*!’

Ср. также более-менее фигурально:

(11) *Pa ćèri hur’àn ćirikl’à.*
‘По небу летают птицы.’

(г) ‘по [многим]’

Как и в предыдущем, речь идёт о траектории, только тут ориентир — не сама траектория, а точки на ней:

(12) *Kakalà gaźè phirən pa sà l kỳrdurə̀ le kotl’arìcko.*
‘Эти русские ездят по всем котлярским таборам.’

(д) ‘по’ (ударить)

Удар по части тела (ср. также удар по земле с предлогом *ande*):

(13) 👂 *Kajtì diľarď à-les, kajtì diľarď à-les ə raklì, ď à-la duvàr-trìvarəs pa kàn.*
‘Так довела его, так довела его девка, дал ей два-три раза по́ уху.’

Пример из песни с синтетическим падежом:

(14) ♪ *Aj thaj marəl thaj mudarəl-oj || aj pa vastèn-de, pa ćangə̀n-de.*
‘Да и бьёт да убивает, ой, и по рукам, и по коленям.’

(е) ‘через [отверстие]’

Проход насквозь или иное действие через ориентир:

(15) 👂 *O raklò ćì-paťajà lès-kə: nu sàr te-śàv-ma mè sar o ćòr pa-j feľàstra, mè śàv-ma sar o řòm anda vudàr.*
‘Парень не поверил ему: ну как [это] входить мне как вору через окно, я войду как человек, из двери.’

(16) 👂 *Vòj kaj-dikhľà-la pa-j feľàstra: à, Pətro, kaťà sy myřỳ bàba!*
‘Она и увидела её через окно: а, Пэтро, это моя бабушка!’

(ii) временны́е

Единственное временно́е значение:

(ж) ‘через [период]’

(17) *Avàs pàle pa dùj kurkə̀.*
‘Мы снова придём через две недели.’

(18) *Pa k-ćàso źàv-tar.*
‘Через час я уйду.’

Отметим типичную элизию [*ə*]*k* после *pa* (артиклеобразная клитика, см. 3.5.1.1).

(iii) абстрактные

(з) ‘о’ (тема)

С глаголами речи или зависимо от «речевого» существительного:

(19) *Bùt ašundèm pa tù-te.*
‘Я много слышал о тебе.’

(20) *Phèn màn-gə paramìći pa zmàvo əl deš-u-do-šərən-go.*
‘Расскажи мне сказку о двенадцатиголовом змее.’

(21) *Kə mè pa là-te lèm divàno.*
‘Ведь я о ней завела рассказ.’

Такие предложные группы можно считать дополнениями соответствующих глаголов (в первую очередь глаголов речи *phenèl* ‘говорить’ и т. п., а также *ramòl* ‘писать’ и др.).

(и) ‘по [чему]’ (узнавание)

С глаголами со значениями типа ‘узнавать’ (можно считать дополнениями?):

(22) *Prinźardèm-la pa mùj.*
‘Я узнал её по лицу.’

(23) *Dìćol pa-j bàrba kə gaźò lo.*
‘Видно по бороде, что он нецыган.’

(к) ‘по [ком(у)]’ (предки)

По линии одного из родителей:

(24) *Pa-j dèj lovàri lo.*
‘По матери он ловар.’

(25) *Ka-l žydàja ə nàcyja pa-j dèj źàl.*
‘У евреев национальность по матери идёт.’

(26) *Avilè bùt muřə̀ n̓àmurə̀ pa dàd.*
‘Приехало много моих родственников по отцу.’

(л) прочее

В некоторых выражениях выступает предложная группа *pa mùj* ‘по лицу’ (можно считать её дополнением):

(27) *O řòm manàj, ćì-źanèl sò te-kərə̀l, parnilò pa mùj.*
‘Цыган растерялся, не знает, что делать, побледнел лицом.’

(28) *Myřàv-tu pa mùj.*
‘Побрейся!’ (букв. ‘брейся по лицу’)

Составной глагол *thòl-pe pa mùj* ‘мыть лицо, умываться’ (без предложной группы обычно не употребляется):

(29) *Vòj šukàr tərnì borì || Te-vuštèl də-dimin̓àcy || te-vuštèl də-dimin̓àcy || aj pa mùj t̓-avèl thodì || te-nà-phirə̀l lindralì || là-ki bàj t̓-àl vazdijì || skafedì t̓-avèl vužỳ || Atùnći avèla amarì.*
‘Она, красивая молодая невеста. Чтоб вставала с утра, вставала с утра, и умыта была, не ходила сонная, её рукав чтоб был поднят, стол чтоб был чист, тогда она будет наша.’

Выражение *pa trušulès-te* ‘крестом, крест-накрест’ (с синтетическим падежом):

(30) *Aj dèl-pe gỳndo ka-j phabàj, l̓à aj śinď̀à ə xajìng pa trušulès-te.*
‘И вспоминает о яблоке, взял и порубил колодец крест-накрест.’

С предлогом *pa* сочетается наречие *opràl* ‘сверху’, что даёт нечто вроде составного предлога *opràl pa* ‘над’ (ещё см. 4.2.5.2а):

(31) *Piť̀àl o pàj kodò, opràl pa-j xajìng dèl.*
‘Капает вода эта, через верх колодца переливается.’

4.2.2.6. Предлоги с основным абстрактным значением

Часть предлогов употребляется только в различных абстрактных значениях.

4.2.2.6.1. Предлог *po*

Распределительное значение ‘по [сколько]’:

(1) *Dè sakonès po trìn kotorà.*
‘Дай каждому по три куска.’

(2) *Kaj-źàn le dromè-sa le raklè, źàn vòn ćì bùt, ćì xancỳ, dèn ande khə gàv, dèn, śònpe ka khə rašàj te-dèl-le po jèkh gràst.*
‘Ну и идут по дороге ребята, идут они ни много ни мало, входят в деревню, входят, заходят к попу, чтоб дал им по одному коню.’

Также в вопросе *po sòde* ‘по чём’ (о цене); ср. ещё *po k-ľàko* ‘по чуть-чуть’.

4.2.2.6.2. Предлог *kusʹà*

Это предлог значит ‘включительно, вместе с’, при особом усилении (обычные значения совместности и т. п. выражаются творительным падежом, см. 4.2.1.2.11):

(1) *Aj ə raklì kaj ašundèm pa là-te, kàj te-nà-avèla, and-o thàn te-avèla, kusʹà thàn te-anèn-la, pala-j skafedì te-avelà, kusʹà ə skafedì te-anèn-la.*
‘А девушка, о которой я слышал, — где бы она ни была: в постели будет, вместе с постелью чтоб принесли её, за столом будет, вместе со столом чтоб принесли её.’

Нередко существительное, зависящее от *kusʹà*, употребляется без артикля (хотя он как будто ожидается):

(2) *Amèn-de bešən trìn-šəlà-źenè, kusʹà glàti.*
‘У нас живёт триста человек, включая детей.’

4.2.2.6.3. Предлог *bi*

Этот особый предлог входит в лишительные обороты (‘без [кого/чего-л.]’), состоящие из него и существительной группы в лишительном падеже (см. 4.2.1.2.12, там же о критериях выделения этого падежа):

(1) *Sàr šàj te-trajìv bi la Marijkà-ko?*
‘Как я могу жить без Марийки?’

(2) *Glatàle, nà-źan khanikàj bi tumarə dàdès-ko!*
‘Дети, не ходите никуда без вашего отца!’

(3) *Aśilì bi jakhən-go.*
‘Она осталась без глаз.’

(4) *Aj də-kàj ťʹ-aśàv bi vastèh-ko, vòj, màj-bìne bi śavèh-ko.*
‘Чем останусь без руки, ой, лучше без сына.’

Лишительную конструкцию можно считать преобразованием антонимичной конструкции с творительным падежом, который преобразуется в свою «противоположность»:

(le) vastè-sa ‘с рукой’ ⇒ *bi (le) vastès-ko* ‘без руки’

Можно было бы считать *bi* не предлогом, а падежным показателем (ср. лжепредлоги *ka* и *kata*, рассматриваемые нами как показатели местного и отложительного падежей со-

ответственно). Однако крайне редко *bi* управляет и творительным падежом (в таких случаях, возможно, иногда имеет смысл подозревать оговорку), ср.:

(5) *Kə̀rdile šarikù̀curi cynoř̀ə̀, kadò buśò̀las kò̀lis, aj bi caparikò-sa kodò kò̀lisy sy khə̀nć́i.* (*kò̀lisy* м. вместо обычного *kò̀lis* ж.)
‘Получились шарики маленькие, это называлось *ко́лис* [оловянный порошок], и без нашатыря этот *колис* ничто.’

В таких примерах лишительность помечена не падежом, а только предлогом, т. е. не происходит упомянутого преобразования падежа.

Отметим также проклитику *bi-* в лишительных притяжательных группах (см. 4.2.4).

4.2.2.6.4. Предлог *sar*

Значения подобия: ‘как [кто/что-л.]’ (по качеству):

(1) *O raklò ć́ì-paťajà lès-kə: nu sə̀r te-śə̀v-ma mè sar o ć́ò̀r pa-j feľə̀stra, mè śə̀v-ma sar o řò̀m anda vudə̀r.*
‘Парень не поверил ему: ну как [это] входить мне, как вору, через окно, я войду, как человек, из двери.’

В таких случаях предлог *sar* трудно отличить от омонимичного союза: часто можно условно постулировать эллипсис типа *sar* [*kərə̀l*] *o ć́ò̀r* ‘как [делает] вор’, однако в сочетании с местоимениями *sar* ясно проявляет себя как предлог (управляет предложным падежом):

(2) *Aj o maśò, tù pèrvo nə̀kh o pə̀j aj atùnć́i phèn lès-kə: kana tasavèla manùš sar tù-te, atùnć́i śùdel ə lòtka pa-l zəjà.*
‘А рыба — ты сперва перейди реку и тогда скажи ей: когда потопит человека вроде тебя, тогда скинет лодку со спины.’

Кроме того, *sə̀r* — вопросительное местоимение ‘как’.

4.2.2.6.5. Предлог *kabò̀r*

Предлог *kabò̀r* (как и предлог *sar* ‘как’) обозначает подобие, однако не по качеству, а по размеру или возрасту:

(1) *Aj dèl angla lès-te khə manušořò, kabò̀r o nə̀j.*
‘И является перед ним человечек, [размером] с палец.’

(2) *Àkə kadò i źanə̀v, kə atùnć́i vaśè cynořỳ sỳmas, kabò̀r ə Bagìǹə.*
‘Вот это и знаю, ведь тогда я вообще маленькая была, как Богиня.’

(3) *Tù san kabò̀r mə̀n-de.*
‘Ты одного со мной возраста [или роста].’

(4) *Amarì matò̀ra kabò̀r tumarì la.* (эллипсис ядра)
‘Наша машина размером с вашу.’

В сравнительных конструкциях с предлогом *kabò̀r*, явно выражающих признак сравнения, он вводится предлогом *də* (см. 4.2.3.1д):

(5) *Tumarò khə̀r sy kabò̀r amarò də barò.*
‘Ваш дом такого же размера, как наш.’

Может быть также вопросительным (‘какого размера’) или указательным (‘вот такой’) местоимением (см. 4.2.1.13.7).

4.2.2.7. Предлоги с особым управлением

Два предлога: *də* ʻ[начиная] от’ и *źì* ʻ[вплоть] до’ управляют только пространственно-временными выражениями, а не существительными группами в предложном падеже, как остальные предлоги (кроме *bi* ʻбез’).

4.2.2.7.1. Предлог *də*

Имеет пространственные и временны́е значения, объединяемые идеей начала интервала. В пространственном значении от него зависят пространственно-временны́е выражения. В части временны́х значений — также и существительные группы. Кроме того, употребляется в ряде конструкций в «чисто синтаксической» роли:

(i) пространственные

(а) ʻот [и до]’

Основное значение — ʻначиная с’ (начало интервала). Часто употребляется в паре с предлогом *źi* ʻдо’. Зависимая часть может быть группой предлога *anda* ʻиз’ (что с эллизией даёт *d-anda*):

(1) *D-anda mùj la khangər’à-ko źì ka-j pàrta, aj thoď à-la* [...] *and-o dròm kaj nakhàl o naròdo.*
ʻОт врат церкви до ворот, и поставил её [...] на дороге, где проходит народ.’

Возможно и местоимение с аблативным значением: *kathàr* ʻотсюда’, *kothàr* ʻоттуда’:

(2) *Nàš də kacàr zì ka kakò khàr.*
ʻПробеги отсюда до того дома.’

Кроме того, ср. *də duràl* ʻиздалека’ (что можно считать наречием *də-duràl*):

(3) *Lèl kodò hyrcùco, avèl-tar: Ašùn, tù nà-mudàr-ma! — də duràl dèl dùma le raklèsa.*
ʻБерёт эта мышь, приходит: «Слушай, ты меня не убивай!» — издалека говорит с парнем.’

(б) прочее

В составе некоторых пространственных выражений (неясно):

(4) *La gaźà-sa, grastè-sa, hur’adò, laśardò, aj astarən-les də dopàš o dròm aj mudarən-les lès-kə phràl.*
ʻС женой, конём, одетый, наряженный, и [тут] останавливают на полпути и убивают его его братья.’

(ii) временны́е

То же значение ʻначиная с’ (начало интервала), но о времени — с несколькими типами подзначений:

(в) ʻуже [сколько]; за [сколько]’

Зависимая часть — существительная группа с числительным, обозначающая период, в течение которого что-либо происходит. Чаще всего — о продолжающемся действии:

(5) *Amè bešàs kaćè də štàr bàrš.*
ʻМы живём здесь четыре года.’

(6) *Də sòde vr̓àm̓a dès dùma řomanès?*
‘Сколько ты уже говоришь по-цыгански?’

(7) *Kə də injà bàrš, phèn-kə, naštì anèl le rikonořən.*
‘Ведь уже девять лет, мол, не может принести щенков.’

(8) *Də kajtì vr̓àm̓a ròdav-tu!*
‘Столько времени ищу тебя!’

Речь может идти и о ряде (до настоящего времени) совершившихся действий (заметим, что глагол *mulè* ‘умерли’ — в прошедшем):

(9) *Te-anèsa, dikhàs, sòde sy kakalà mulè, aj sòde mulè də dèš bàrš, sà uśavàv-len.*
‘Если принесёшь, увидишь — сколько есть этих мертвецов и сколько умерло за десять лет — всех воскрешу.’

(г) ‘[сколько] назад’

Факультативно с наречием *pàrpale* ‘назад’:

(10) *Mutisàjl̓am katkà də k-bàrš (pàrpale).*
‘Мы переехали сюда год назад.’

(11) *Də trìn dès (pàrpale) katkà nàs khànći.*
‘Три дня назад тут не было ничего.’

(д) ‘с [какого момента]’

С отложительным падежом. Обычно употребляется в паре с предлогом *źi* ‘до’:

(12) *Kəràv butì də kata-l dùj ćàsur̓a źi-ka-l oxtò.*
‘Я работаю с двух часов до восьми.’

Сюда же относятся составной союз *də-kỳn* ‘с тех пор как’, вводящий придаточное предложение (см. 4.3.7.2.2), а также наречия на *də-...àra* (ср. *de-cygn̓àra* ‘сызмала’, см. 3.8.3.3). Кроме того, ср. *də dimin̓àcy* — обычно не ‘[начиная] с утра’, а ‘утром’ (в этом значении пишем *də-dimin̓àcy*).

(iii) конструктивные

Предлог *də* вводит некоторые прилагательные и существительные (группы), выступающие в роли присказуемого (см. 4.3.5):

(13) *Khònik ći-dikhl̓à-la də tərnì.*
‘Никто не видел её молодой.’

(14) *Vò daràlas amèn-dar savořən-dar, də ćòr barə kaj sàmas.*
‘Он боялся нас всех, таких отпетых жуликов!’

Он также вводит прилагательные и наречия, обозначающие измеряемый признак, в некоторых конструкциях меры (см. 4.2.3.1):

(15) *Kaḑà sàlka sy dèš mètri də vućì.*
‘В этом дереве десять метров в высоту.’

(16) *Sòde san də vućò?*
‘Какого ты роста?’

(17) *Tumarò khər sy kabòr amarò də barò.*
‘Ваш дом такого же размера, как наш.’

(18) *Nà-de dùma kaḑà də fùgo.*
‘Не говори так быстро.’

Существительные и прилагательные после *sò* в восклицаниях (см. 4.7.5):

(19) *Sò <u>də mùndro</u> la!*
ʻКакая она красивая!ʼ

(20) 👂 *Sò <u>də nasavìko</u> astarďà, krasàfco!*
ʻКакой носовой платок сшила, красавец!ʼ

⏳ Такие конструкции с предлогом *də* — из румынских диалектов. Предлог *də* заимствован вместе со своей трудноуловимой грамматической функцией, ср. рум. *cît de înált* ʻсколь высокʼ, *aşá de înált* ʻстоль высокʼ.

Кроме того, *də-* как проклитика входит в некоторые наречия, ср. *də-bàška* ʻособняком [жить]ʼ, *də-nasùl* ʻсо зла [сделать]ʼ и др. (см. 3.8.3.2). В песнях встречается составной сравнительный (?) союз *də-kàj* ʻчемʼ (см. 4.12.8.1, ср. временной союз *źì-kaj* ʻдо тех пор какʼ).

4.2.2.7.2. Предлог *źi*

Имеет пространственные и временны́е значения конечной точки. Во всех значениях от него зависят не существительные группы, а пространственно-временны́е выражения:

(i) пространственные: ʻ(вплоть) доʼ [какого места]; ʻпо [какое место]ʼ

Зависимая часть может быть существительной группой в местном падеже:

(1) *O śavořò nàšlo <u>źì ka</u> kakò <u>thàn</u>.*
ʻМальчик пробежал до этого места.ʼ

Часто (особенно с глаголом *arəsàl* ʻдоходитьʼ) оттенок ʻвплоть доʼ выражен слабо и предлог *źì* не привносит почти (?) никакого особого значения, так что, например, *źi ka-j bàlta* можно понять как ʻдо болотаʼ или просто ʻк болотуʼ; *źi ka khàm* ʻдо [самого] солнцаʼ или ʻк солнцу [в гости]ʼ:

(2) 👂 *Vò pàle ľà pès-ti řajořỳ, arəslò <u>źi ka</u> pès-ti <u>bàlta</u>.*
ʻОн опять взял свою палочку, дошёл до своего болота.ʼ

(3) 👂 *Kərďà vò sar kərďà, arəslò <u>źì ka khàm</u>.*
ʻСделал он как сделал, добрался до солнца.ʼ

(4) 👂 *Arəsàl źì <u>ka</u> koďà <u>ampərəcỳja</u>.*
ʻДоходит он до того царства.ʼ

Часто употребляется с частями тела, ʻпо [какое место]ʼ. Зависимая часть — обычно в местном падеже:

(5) 👂 *Marəl-pe o raklò lè-sa, vazďà-les o raklò oprà, ďà-les ande phùv, ďà le zməvòs <u>źì ka-l kəlkỳja</u>.*
ʻБьётся парень с ним, поднял его парень вверх, кинул его на землю, загнал дракона по пятки.ʼ (м. б., оговорка вм. *ćokỳja* ʻщиколоткиʼ)

(6) 👂 *Aj kòn ašùnla aj phenèla, marəl-les o bàř <u>źi ka maškàr</u>.*
ʻА кто услышит и скажет, чтоб парализовало его до поясницы.ʼ (букв. ʻ[чтоб] разбил каменьʼ)

Зависимая часть нередко может быть группой предлога *ande* (который в таком случае, кажется, утрачивает собственное значение) — семантические нюансы нам здесь неясны:

(7) 👂 *Kata šərò <u>źì and-o punřò</u> sà xarkunò lo.*
ʻС головы до пят весь медный он.ʼ (букв. ʻот головы до в ногеʼ)

(8) ♪ *Aj <u>zì ande ćàng</u> la aj zydujìn-oj.*
ʻИ до колен её замуровывают.ʼ (букв. ʻдо в колене')

Могут быть и другие предложные и наречные группы:

(9) 👂 *Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bàř źi opràl pa šərò.*
ʻА кто услышит и скажет, чтоб его разбил паралич по самую макушку.ʼ
(букв. ʻчтоб разбил камень до над головойʼ)

(10) ♪ *Źi oprà aj źi telè brè anda korbàći màrla.*
ʻДоверху и донизу *бре* кнутом бьёт.ʼ

С местоимениями-наречиями места: *źi kaćè* ʻдосюдаʼ, *źi koćè* ʻдотудаʼ и т. п.

(ii) временны́е: ʻ(вплоть) до [какого момента]ʼ

Значение конца интервала. Зависимая часть — или существительная группа в местном падеже (обозначающая момент):

(11) *Kəràv butì kata-l pànź źi ka-l əftà (ćàsurà).*
ʻЯ работаю с пяти до семи (часов).ʼ

Или временно́е наречие:

(12) 👂 *Thoďà khə skafedì, xalè, pilè aj trajìn źì adès, aj amè lèn-ca.*
ʻНакрыли стол, ели, пили и живут до сегодня, а мы с ними.ʼ

(13) 👂 *Bešlò źì dopàš ə ŕàt aj nùma dikhəl: putərdilo o ćèri aj hurʼàl pàřa anda ćèri hurʼàl.*
ʻПросидел до полуночи и вдруг видит: разверзлось небо и летит пламя с неба, летит.ʼ

В этих случаях предлог *źi* просто ставится перед выражением, обозначающим момент:

ka-l əftà	ʻв семь [часов]ʼ	⇒	*źì ka-l əftà*	ʻдо семиʼ
adès	ʻсегодняʼ	⇒	*źì adès*	ʻдо сегодняшнего дняʼ
tehàra	ʻзавтраʼ	⇒	*źì tehàra*	ʻдо завтраʼ
dopàš ə ŕàt	ʻв полночьʼ	⇒	*źì dopàš ə ŕàt*	ʻдо полуночиʼ

При этом, однако, если исходное выражение начинается с другого предлога (который иногда можно включать в широкую словоформу), то происходит замена предложной конструкции (или наречия) на местный падеж либо замена предлога (*pa* ⇒ *ande*):

də dimiňàcy	ʻутром, с утраʼ	⇒	*źì ka-j dimiňàcy*	ʻдо утраʼ
pa k-bərš	ʻчерез годʼ	⇒	*źì ande k-bərš*	ʻдо момента через годʼ

Примеры:

(14) *Bešlèm źì ka-j dəmiňàcy aj ľà-ma ə lìndri.*
ʻЯ просидел до утра и уснул.ʼ

(15) ♪ *Te-kamèla dràgo dèl || d-adesàra źì and-ək-bərš || rùp thaj sumnakàj tìdes.*
ʻЕсли захочет боженька, от сегодня до момента через год, серебро и золото соберёшь.ʼ

В следующем и подобных примерах предлог *ande* ʻвʼ выступает вне своего обычного значения (как и в аналогичном пространственном обороте, см. выше):

(16) *Te-trajìn te śavè źì ande k-šəl bərš!*
ʻПусть живут твои сыновья до ста лет!ʼ (здравица)

Предлог *źì* сочетается с вопросительным местоимением: *źi kàna* ʻдо каких порʼ:

(17) *Źi kàna kamès te-bešàs amèn-ca?*
ʻДо каких пор ты хочешь жить с нами?ʼ

Он также входит в составные союзы, вводящие придаточные предложения: *źì-kaj*, *źì-pùne* (*źì-pun*), *źì-kyn* (см. 4.12.5.2):

(18) *Bèš katkà źì-kaj mè (ćì-)avàv.*
ʻПосиди (постой) тут, пока я (не) приду.ʼ

(iii) количественные: ʻмаксимумʼ

В сочетании с *-kaj* или *ande*:

(19) а. *Sỳ-ma źì-kaj trìn řùbli.*
б. *Sỳ-ma źi ande trìn řùbli.*
ʻУ меня до трёх рублей.ʼ (или ʻцелыхʼ?)

(iv) абстрактные: ʻк [кому домой]ʼ

С существительной группой в местном падеже. Здесь можно усматривать и пространственное значение, поскольку речь обычно идёт о месте:

(20) ♪ *Te-źàs amè źì ka tàta || źì ka tàta, źì ka-j màma.*
ʻПойдём к папе, к папе, к маме.ʼ

(21) 👂 *Àjda źi amèn-de te-dikhàl-tu ťo phràl, dèla.*
ʻДавай к нам, чтоб увидел тебя твой брат, и всё такое.ʼ

(v) особое

Гибридный оборот *źì do jèkh* ʻ[все] до одногоʼ (с неясным *do*):

(22) *Sà le vòrbi puśèl, źì do jèkh.*
ʻВсе слова спрашивает, до одного.ʼ

У предлога *źi* имеется не до конца понятное нам значение ʻдажеʼ или ʻпрямоʼ, причём, видимо, только в одной песенной формуле и только в выражении *źi thanès-te* ʻпрямо на местеʼ (с синтетическим местным падежом) или *źi p-o thàn* ʻтж.ʼ (?):

(23) ♪ *Kajtì, Kòriš, kaj-piľàn || źì canès-te lìndri ľàs.*
ʻСтолько, Кориш, да выпил ты, прямо на месте (?) уснул.ʼ (букв. ʻвзял сонʼ)

(24) ♪ *Kajtì Mỳndra kaj-rujà || aj źi p-o càn vòj phařuľà.*
ʻСтолько Мындра плакала и прямо на месте (?) она умерла.ʼ (букв. ʻлопнулаʼ)

4.2.2.8. Лжепредлоги: *ka* и *kata* (*katàr*)

При классификации падежей (см. 4.2.1.2.1) мы решили, что *ka* и *kata* (~ *katàr*) — не предлоги, а показатели местного и отложительного падежей соответственно. Это решение мы оправдываем тем, что при местоименной замене, а также в некоторых обусловленных регистром или фразеологией случаях они исчезают, полностью заменяясь падежными клитиками (в отличие от истинных предлогов): *ka řòm* ʻу цыганаʼ ⇒ *řomès-te* ⇒ *lès-te* ʻу негоʼ; *kata řòm* ʻот цыганаʼ ⇒ *řomès-tar* ⇒ *lès-tar* ʻот негоʼ. Примеры даны в разделе о местном (см. 4.2.1.2.7) и отложительном (см. 4.2.1.2.8) падежах. Однако для описания согласования внутри именной группы между лжепредлогами и предлогами нет никакой разницы (см. 4.2.1.5).

4.2.3. Прилагательная группа

Это группа, состоящая из ядра-прилагательного (в т. ч. местоимения, причастия), а также факультативно ограниченного набора различных элементов, зависящих от ядра.

🛠 Мы позволили себе использование непривычного термина «прилагательная группа» вместо традиционного «группа (имени) прилагательного» по соображениям единообразия (ср. наше «существительная группа»).

Обычно, как и в синтаксических группах других типов, ядро одно, но есть ряд устоявшихся выражений («парных прилагательных»), в которых можно усматривать два ядра (относящихся к одному семантическому ряду), причём главное выделить невозможно:

ćajlò pravardò	букв. ‘сытый-кормленый’	ж. *ćajlì pravardì*
xalò pravardò	букв. ‘евший-кормленый’	и т. д.
xalò pilò	букв. ‘евший-пивший’	
ternò pakò	букв. ‘гнилой-прелый’	
dilò tùrburo	букв. ‘глупый-мутный’	(ср. *pàj tùrburo* ‘мутная вода’)
dilò zəpəćimè	букв. ‘глупый-помутнённый рассудком’	

Особый случай (вторая часть по форме — существительное II пласта):

nangò bərkàno	‘совершенно голый’	ж. *nandì* (~ *nangì*) *bərkànka*
	(*bərkàno* отдельно нет)	мн. *nangə̀ bərkàja*

Такие пары не представляют собой сочинения, т. к. произносятся с общей интонацией. Этот способ соположения прилагательных, по-видимому, непродуктивен.

Прилагательные группы выражают **именной признак** и могут употребляться **предикативно**, т. е. выступать в роли расширения (при связочном или полусвязочном глаголе), ср. пример (1), или **атрибутивно**, как определения, т. е. зависеть от существительного, являющегося ядром существительной группы, ср. примеры (2) и (3) (сами существительные группы могут выступать в различных ролях, см. 4.2.1):

(1) *Kadò manùš sy barvalò dətə̀t.*
‘Этот человек очень богат.’

(2) *Źanès kadalè barvalè manušə̀s?*
‘Знаешь этого богатого человека?’

(3) *Źanès le manušə̀s le màj-barvalès savořə̀n-dar?*
‘Знаешь богатейшего из всех человека?’

К предикативному приближается употребление прилагательной группы в роли присказуемого:

(4) *Vò avilò khərə̀ matò ćìk.*
‘Он пришёл домой пьяным в стельку.’ (букв. ‘пьяный грязь’)

По крайней мере два прилагательных: *gàta* ‘готов’, *dòš* ‘виноват’ — употребляются только предикативно, ср.:

(5) *O xabè gàta lo.* ‘Еда готова.’ ** ⇒ *o gàta xabè* ‘готовая еда’

(6) *O řòm dòš lo.* ‘Цыган виноват.’ ** ⇒ *o dòš řòm* ‘виноватый цыган’

Остальные прилагательные в нормальном случае встречаются в обеих ролях.

Атрибутивное употребление какого-либо элемента (в первую очередь прилагательной группы) во многих случаях содержит в себе намёк на его потенциальную предикативность, отсылку к некоему (иногда потенциальному) предложению, где он выступает предикативно, ср.:

(7) а. *Kadò khàr barò lo.*
ʻЭтот дом — большой.ʼ
⇒ б. *Kadò barò khàr muřò lo.*
ʻЭтот большой дом — мой.ʼ
⇒ в. *Kadò muřò barò khàr tindèm-le dumùlt.*
ʻЭтот мой большой дом я купил давно.ʼ

Предложение (7)а содержит утверждение, выраженное связочным предложением, приписывающее ʻэтому дому' признак ʻбольшой' (здесь *barò* ʻбольшой' употреблено предикативно). Далее, в примере (7)б делается другое утверждение (что он ʻмой'), а ранее приписанный признак ʻбольшой' «переехал» в атрибутивную позицию. Это же происходит и с признаком ʻмой' в (7)в.

При местоимениях-прилагательных зависимых элементов не бывает.

Набор элементов, способных зависеть от назывных прилагательных, довольно беден. Он наименее ограничен при предикативном употреблении, наиболее ограничен — при атрибутивном употреблении слева от ядра существительной группы (в этом случае зависимых элементов не может быть). В обычном случае зависимый элемент может выражать только степень (см. 4.2.3.1).

Кроме того, прилагательная группа может быть **полуфразой**, т. е. по своим синтаксическим свойствам сближаться с придаточным предложением и содержать свои члены, зависящие от ядра (чаще всего причастия, реже обычного прилагательного), как от глагола (см. 4.2.3.2).

4.2.3.1. Выражение степени именного признака

Степень именного признака вне сравнительной конструкции (о которой см. 4.2.3.3) выражается словами и группами разных типов:

(а) наречие

Усиление или смягчение признака можно выразить наречием *dətàt* ʻочень, совсем', *řỳso* ʻочень, «страшно»' и оценочными числительными *ək-cỳřa*, *xanc(oř)ỳ* ʻчуть-чуть' и т. п. (см. 3.9.10) как левее, так и правее прилагательного:

(1) а. *Vòj dətàt mùndro sas.*
б. *Vòj mùndro dətàt sas.*
ʻОна очень красивая была.ʼ

(2) *Sỳmas ək-cyřùca matò.*
ʻЯ был немного пьян.ʼ

Такие слова часто употребляются обособленно, как комментарий (в отдельном интонационном отрезке), что может приводить к разрыву группы:

(3) *Vòn kàrdile barvalè, řỳso!*
ʻОни стали богатыми, жуть!ʼ
(4) *Tó špènco śindò lo dətàt.*
ʻТвой свитер совсем рваный.ʼ

Такое указание на степень обычно только предикативно: оно совсем невозможно в атрибутивных прилагательных группах, стоящих левее существительного, ср. ***o nasvalò dətàt manùš*, но ограниченно возможно правее: *o manùš o nasvalò dətàt* ʻочень больной человекʼ.

Усиление признака достигается также проклитикой *prʼà-* (см. 3.6.7.2), входящей в широкую словоформу прилагательного. Смягчение признака — уменьшительными формами прилагательных, ср. *matò* → *matořò* ʻпьяненькийʼ (см. 3.6.5.7–3.6.5.10).

Сравнительная степень прилагательных образуется проклитикой *màj-* (см. 3.6.7.1). Слово *řỳso* употребляется и как прилагательное, ср. при существительных: *ćìk řỳso* ʻгрязь жуткаяʼ, *řỳso šỳl* ʻстрашный морозʼ.

(б) существительное

Степень признака выражается также существительными (часть из которых отдельно не употребляется), стоящими правее прилагательного. Они выражают признак более конкретно (и экспрессивно, образно), чем *dətàt* ʻочень’:

matò ćìk	ʻпьяный в стельку’	букв. ʻпьяный грязь’
matò dỳrza	ʻпьяный в стельку’	букв. ʻпьяный тряпка’
pharò tùno	ʻтяжеленный’	букв. ʻтяжёлый пушка’
šudrò pàho	ʻледяной’	букв. ʻхолодный лёд’
kərkò pelìno	ʻгорьчущий’	букв. ʻгорький полынь’
mùto bàta	ʻмолчащий как пень’	букв. ʻнемой дубина’
londò mərùga	ʻочень солёный’	(слова *mərùga* отдельно нет)

Здесь можно усматривать что-то вроде эллипсиса: *matò* [*sar ə*] *ćìk* ʻпьяный [как] грязьʼ. Порядок слов может быть и обратным: *ćìk matò*. Возможно, такие конструкции в какой-то степени продуктивны, ср. со словом из III пласта, *matò dràŋka* ʻпьяный [как] дранкаʼ, *matò zvàlka* ʻпьяный [как] свалкаʼ или даже *matò zvàlka gunòj* ʻпьяный [как] свалка мусораʼ (молодёжный окказионализм).

(в) прилагательное

Возможно, степень также маргинально выражается согласуемым прилагательным *barò* букв. ʻбольшойʼ (у нас нет уверенности, что это типичное употребление и что мы это верно толкуем):

(5) *Te-arakhàv*[*a*] *akanà, mè baxtalì barì sỳmas!*
ʻЕсли найду сейчас [косточку с червяком или мушкой — средство от бесплодия], я очень счастлива была бы.ʼ

⌛ Если верно, что в кэлдэрарском возможно выражение степени согласованным прилагательным ʻбольшойʼ (что, кажется, ранее не отмечалось ни для одного диалекта), то это, вероятно, древняя черта, сближающая цыганский язык с частью новоиндийских языков, в т. ч. панджаби.

(г) местоимение

Слово *dopàš* ʻнаполовинуʼ можно считать местоимением (в т. ч. местоимением-наречием). С прилагательными оно вступает в тесную связь, ср. *dopàš mulò* ʻполумёртвыйʼ:

(6) *Kàrďol sar kàrďol, o raklò, aj anklèl kocàr dopàš mulò, dopàš źuvindò, anklèl o raklò anda koďà jàg.*
ʻПроисходит что происходит, парень, и выбирается оттуда полуживой-полумёртвый, выбирается парень из этого огня.ʼ

Степень выражается также местоимениями в значениях типа ʿтак, настолько, столь’. Тогда перед прилагательным стоит предлог *də*. Степень в чистом виде выражается местоимением *kaďà* ʿтак’:

(7) *Kaďà də matò ćì-sỳmas ćèk-dàta.*
ʿТак пьян я не был никогда.’

В восклицаниях — обычно *ćè* ʿкакой’ в личных предложениях и *sò* букв. ʿчто’ — в безличных:

(8) ✍ *Radujisàjle, mištò lèn-gə, thodè-pe te-ćumìden-la, te-luvudìn-la, će xaranì la.*[СЦЯ]
ʿОбрадовались, хорошо им, принялись целовать её, хвалить её, какая она умная.’

(9) *Sò də tatò màn-gə!*
ʿКак мне жарко!’

Особый случай, трудный для описания, представляют собой группы со словом *kabòr* ʿтакого размера’. С одной стороны, это предлог, ср. *kabòr ə Tùla* ʿкак Тула [по размеру]’, *kabòr ťo dàd* ʿодного роста / возраста с твоим отцом’, *kabòr màn-de* ʿс меня’ (предложный падеж). С другой стороны, *kabòr* сочетается с небольшим рядом прилагательных (обозначающих размер), ср.:

(10) *Tọ̀ dàd kabòr də vućò lo.*
ʿТвой отец вот такого роста.’ (букв. ʿтакой по размеру *də* высокий’)

Мало того — вся такая предложная группа может выступать в качестве степени к прилагательному:

(11) *Tọ̀ dàd kabòr tù-te lo də vućò.*
ʿТвой отец ростом с тебя.’ (букв. ʿтакого же размера, как ты, *də* высокий’)

Видно, что *kabòr* сохраняет свою предложную природу, т. к. не отделяется от своей подчинённой группы (нельзя ***kabòr də vućò tù-te*).

(д) существительная группа (меры)

Так же, как местоимения меры, употребляются существительные группы с числителем:

(12) *Amarò khər sy dèš mètri də vućò.*
ʿНаш дом — десять метров в высоту.’

(е) предложная группа

При уподоблении — предлог *sar* ʿкак’ (ср. выше о *kabòr*, а также см. 4.2.3.3):

(13) *Vò sas matò sar khə źukə̀l.* (здесь обычнее определённый артикль)
ʿОн был пьян как собака.’ (т. е. очень)

(14) *Kamàv te-avàv barvalò sar tumèn-de.*
ʿЯ хочу быть богат, как вы.’

(ж) придаточное предложение

В особых случаях (обычно в присказуемых, см. об этом 4.3.5.2, 4.3.5.3) — при подчёркивании высокой степени признака:

(15) *Vò xoxaďà savořən, də dilè kaj sàs.*
ʿОн обманул всех, таких дураков!’ (букв. ʿтакие глупые, что они были’)

4.2.3.2. Прилагательные группы-полуфразы

Семантически прилагательные (по определению) обозначают свойства и состояния, а их частный случай — причастия — состояния в результате действия. При этом можно сказать, что в предикативном употреблении (т. е. в качестве расширения в сочетании со связкой) почти любое качественное прилагательное более или менее эквивалентно «глаголу состояния». При этом одни состояния можно выразить только глаголом, ср. *bešəl* ‘сидеть’ (нет прилагательного ‘сидячий, сидящий’), а другие — только глаголом в сочетании с прилагательным (в т. ч. причастием), ср. *sy gàta* ‘быть готовым’; *sy anklistò* (~ *ankəstò*) ‘быть верхом’ — причастие глагола *anklèl* ‘залезть, взойти’ (но и ‘выйти’).

Предикативность сказуемого (тогда это глагол) и других членов предложения (здесь причастие) проявляется «в разной степени», однако она видна в т. ч. по наличию зависимых групп (здесь *p-o gràst* ‘на коне’):

(1) а. *Ə kətàna anklistì p-o gràst aj gəlì and-o fòro.* (сказуемое)
‘Солдат залез на коня и поехал в город.’
б. *And-o fòro avilì ək kətàna anklistì p-o gràst.* (определение)
‘В город приехал солдат верхом на коне.’
в. *Ə kətàna gəlì and-o fòro anklistì p-o gràst.* (присказуемое)
‘Солдат поехал в город верхом на коне.’

Есть также прилагательные, результативные по значению, соответствующие глаголам «вхождения в состояние» (морфологически обычно эти глаголы производны от этих прилагательных):

(2) а. *Amarò gràst ćajlilò khàs.* (сказуемое)
‘Наш конь наелся сена.’
б. *Amarò gràst sy ćajlò khàs.* (расширение)
‘Наш конь сыт сеном.’

(3) а. *Là-kə jakhà tindilè kata-l asvà.* (сказуемое)
‘Её глаза намокли от слёз.’
б. *Là-kə jakhà sas tingə̀ kata-l asvà.* (расширение)
‘Её глаза были мокры от слёз.’

Возможно, есть ограничение на употребление таких определений, распространённых членами предложения, во вторично-падежных формах:

(4) ?* *Vòj dikhl’à-ma jakhàn-ca tindèn-ca kata-l asvà.*
‘Она смотрела на меня глазами, мокрыми от слёз.’

Как бы то ни было, можно заключить, что предикативность, которую сказуемое придаёт всему предложению, частично «передаётся» соответствующему ему прилагательному (не только причастию). Более того, от такого прилагательного могут зависеть те же члены предложения, что и от соответствующего глагола. Таким образом, такие прилагательные являются сказуемым **полуфразы**, которая не вводится союзом *kaj* ‘который’, однако от этого как будто не теряет в предикативности.

«Полупредикативность», т. е. способность образовывать полуфразы, свойственна немногим прилагательным (это внутренне присущее им свойство), но оно свойственно всем причастиям глаголов, при которых вообще могут быть зависимые члены. Значит, не имеет смысла отказывать таким прилагательным (в т. ч. причастиям) в способности быть сказуемыми своих квази-предложений (полуфраз). Так, можно воспринимать прилагательное *gàta* ‘готовый’ (например, *ka marimòs* ‘к драке’) как «остаток глагола» *sy gàta* ‘быть готовым’ с соответствующими дополнениями. Итак, от прилагательных могут зависеть:

(i) дополнение

(а) при обычных прилагательных

Несколько обычных прилагательных могут управлять одним (факультативным) зависимым элементом (членом полуфразы). Такие прилагательные обычно не употребляются атрибутивно (поэтому зависимые члены в примерах, данных ниже, обычно можно считать дополнениями соответствующего «глагола состояния» *sy* + прилагательное). Пример косвенного дополнения:

(5) *Gàta samas (le) marimàs-kə.* ~ *ka marimòs*
ʻМы были готовы к драке.ʼ (или ʻдратьсяʼ)

Подобное можно усматривать, например, в *barvalò lovèn-ca* ʻбогат деньгамиʼ.

Частичное дополнение:

(6) *Kana vò: Źà màj-xalàďu xancỳ, pr'à-phèrdo mèl san! — cypìl pe lès-te.*
ʻА тут он [говорит]: иди помойся чуть-чуть, ты весь в грязи! — кричит на него.ʼ (букв. ʻочень полон грязиʼ)

Так же: *ćajlò khàs* ʻсытый сеномʼ и нек. др. (см. 4.3.3.3).

Косвенным дополнением иногда можно считать фразы, ср. придаточное предложение с изъяснительным союзом (см. 4.5.10.4):

(7) *Baxtalè sam kə aviľàn.*
ʻМы рады, что вы пришли.ʼ

Зависимый оборот:

(8) *Gàta samas te-maràs-ame.*
ʻМы были готовы драться.ʼ

(б) при причастиях

Причастие-ядро полуфразы наследует модель управления от глагола, однако это касается только косвенных и предложных дополнений; другие члены преобразуются (см. 4.5.2). То, что при глаголе является подлежащим («субъект»), при причастиях выражается редко (в отложительном падеже) — это характерно для выражения *śinadò kata dèl* ʻсуждено, создано богомʼ, но ср. также:

(9) *Aviľàn xalò kata-l źukàl.*
ʻТы пришёл покусанный собаками.ʼ

Возможность такого косвенного «дополнения деятеля» связана в первую очередь с переходностью глагола, от чьего причастия оно зависит. При предикативном употреблении причастия речь идёт о страдательном залоге состояния (см. 4.13.2.2); а при непредикативном — в примере (9) в роли присказуемого — можно также усматривать этот залог, имея в виду сказанное выше о полуфразах как о носителях полупредикативности.

Косвенные, частичные дополнения могут выражаться более или менее свободно:

(10) *Dikhlèm ə phùv vuśaradì ìv.* (частичное)
ʻЯ увидел землю, покрытую снегом.ʼ

(11) *Sỳ-ma firìzo tindò kata-l gaźè.* (косвенное)
ʻУ меня есть пила, купленная у русских.ʼ

(12) *Kadò gaźò prinźandò-lo màn-gə pa mùj.* (предложное)
ʻЭтот русский знаком мне в лицо.ʼ

В примере (12) налицо особый случай, в котором, видимо, можно усматривать ещё и адресатное (?) лжедополнение *màn-gə* ʻмнеʼ (см. 4.3.6.1).

Особое выражение: *mulò darà-tar* букв. ʻмёртвый от страхаʼ (также «глагол» *merə̀l darà-tar* букв. ʻумереть от страхаʼ, т. е. ʻперепугатьсяʼ).

(ii) обстоятельство

(в) при обычных прилагательных

Причина (в отложительном падеже) — с некоторыми прилагательными:

(13) *Là-kə jakhà sas tingə̀ kata-l asvà.*
ʻЕё глаза были мокры от слёз.ʼ

Впрочем, нам неясно, считать ли это обстоятельством или всё-таки дополнением (то же касается глагола, ср. *tinďòl kata-l asvà* ʻмокнуть от слёзʼ, ср. также выше: *mulò darà-tar* букв. ʻмёртвый от страхаʼ). Яснее дело обстоит в случаях вроде:

(14) *Tinďàm khə̀r lolò kata jèkh rìg aj vỳnəto kata avèr.*
ʻМы купили дом, красный с одной стороны и синий с другой.ʼ

В таких случаях, по-видимому, достаточно очевидно, что ставить оборот, обозначающий место, *kata jèkh rìg* ʻс одной стороныʼ в прямую зависимость от прилагательного *lolò* ʻкрасныйʼ было бы необоснованно, однако он явно является совершенно обычным обстоятельством при связке *sy* (с расширением *lolò*). Это соображение проливает дополнительный свет на наше понятие «полуфразы»: кажется, любое атрибутивное прилагательное с зависимыми членами — не что иное, как «свёрнутое» придаточное предложение с эллипсисом чего-то вроде *kaj sy* ʻкоторое естьʼ.

В нескольких (более или менее спорных) случаях также имеет смысл усматривать обстоятельство (ме́ста и др.), хотя здесь как будто налицо более тесные сочетания, ср. прилагательное *barò* в значении ʻглавныйʼ:

(15) *Vò sas barò pe sà ə Ř̆usỳja.*
ʻОн был главным на всю Россию.ʼ

Сюда можно отнести также фольклорные обороты *barvalò* / *ćořò ande lùm̓a* букв. ʻбогатый / бедный в народеʼ (т. е., видимо, ʻсреди народаʼ):

(16) *Ćořyvajì la, kolà-tar, ćořỳ ande lùm̓a la.*
ʻНищая она, такая, беднячка она.ʼ

Относительно тесными являются сочетания типа *ankəstò* (~ *anklistò*) *p-o gràst* ʻверхом на конеʼ, ср. примеры (1) выше.

(г) при причастиях

Обстоятельство места и др. (как у соответствующих глаголов):

(17) *Xalèm xabè aśadò pe skafedì.*
ʻЯ съел еду, оставленную на столе.ʼ

Инструмент (в творительном падеже):

(18) *Kadò kəzàno cyrdinò lo pojaľnikò-sa.*
ʻЭтот котёл спаян паяльником.ʼ

Здесь нам также неясно, не дополнение ли это.

4.2.3.3. Прилагательные в сравнительной конструкции

Прилагательные образуют формы сравнительной степени проклитикой *màj-* (см. 3.6.7.1). В группах с таким прилагательным может быть явно выражен эталон сравнения (то, с чем по данному признаку сравнивается что-либо) — отложительным падежом:

(1) *Muřò phràl sas màj-barvalò kata muřò vàro.*
ʻМой брат был богаче моего двоюродного брата.ʼ

Превосходное значение выражается сравнительной степенью, но при помощи контекста, а также благодаря наличию определённого артикля:

(2) а. *Muřò phràl sas o màj-barvalò ande amarò kỳrdo.*
ʻМой брат был самым богатым в нашем таборе.ʼ
б. *Muřò phràl sas (o) màj-barvalò savořən-dar.*
ʻМой брат был богаче всех.ʼ (или ʻсамым богатым из всехʼ)
в. *Muřò phràl sas o màj-barvalò.*
ʻМой брат был богаче (всех).ʼ (или кого-л. другого, уже упомянутого)

Сравнительное (не превосходное) значение при наличии явного эталона сравнения выражается предикативно или атрибутивно, но только справа от ядра (пожалуй, только в виде обособленного определения, в отдельном интонационном отрезке), ср.:

(3) а. *Kadò khər sy màj-barò kata muřò.* (предикативно)
ʻЭтот дом — больше моего.ʼ
⇒ б. ** *Dikhlèm màj-barò khər kata muřò.*
ʻЯ видел дом больше моего.ʼ
⇒ в. *Dikhlèm khər, màj-barò kata muřò.* (атрибутивно справа)
ʻЯ видел дом больше моего.ʼ

(4) *Laśarďà pès-kə anda-l luluďà khə avlìn, màj-mùndro kata le ampəratòs-ti.*
ʻСделал себе из цветов двор, красивей царского.ʼ

Превосходное же значение иногда возможно и слева от существительного:

(5) а. *Kadò khər sy o màj-barò pe kaďà vùlica.*
ʻЭтот дом — самый большой на этой улице.ʼ
⇒ б. *Dikhlèm o khər o màj-barò pe kaďà vùlica.*
⇒ в. *Dikhlèm o màj-barò khər pe kaďà vùlica.*
ʻЯ видел самый большой дом на этой улице.ʼ

В сравнительной степени эталон сравнения может вводиться союзом *sar* (см. 4.12.8.1).

Сравнительные конструкции равенства — по качеству и по размеру — образуются при участии предлогов *sar* и *kabòr* соответственно (предлоги вводят эталон сравнения):

(6) *To̓ khər sy (sà) kaďà də phurò sar muřò.*
ʻТвой дом — такой же старый, как мой.ʼ
(7) а. *To̓ khər sy kabòr muřò.*
ʻТвой дом — такой большой, как мой.ʼ
б. *To̓ khər sy (sà) kaďà də vućò sar muřò.*
в. *To̓ khər sy kabòr muřò də vućò.*
ʻТвой дом — такой высокий, как мой.ʼ

Наречие степени *zuralès* ʻсильноʼ можно поставить в сравнительную степень — этим можно подчеркнуть высокую степень эталона:

(8) *Ə màj-cynořỳ màj-zuralès barvalì la kata kukolà dùj.*
ʻМладшая ещё богаче, чем те две.ʼ

4.2.4. Притяжательная группа

Это группа, состоящая из ядра — притяжательной формы — и факультативных зависимых элементов. С одной стороны, притяжательная форма — это форма существительного (подобная падежным формам), с другой — она обладает особыми свойствами, в первую очередь возможностью согласования, что сближает её с прилагательными.

Притяжательную группу можно всегда представить как результат преобразования существительной группы в согласуемое определение в составе другой существительной группы (атрибутивно) или же в роли расширения (предикативно), например *muř|ò phràl* ʻмой братʼ ⇒ *muř|ə phral|ès-k|o*:

(1) а. *Ka muřò phràl sy barò khàr.*
ʻУ моего брата есть большой домʼ.
⇒ б. *Muřə phralès-ko khàr sy barò.*
ʻДом моего брата — большойʼ.
⇒ в. *O barò khàr sy muřə phralès-ko* .
ʻБольшой дом — моего братаʼ.

При этом существительные группы с несогласуемым правым определением в нормальном случае трудно «без потерь» преобразовать в притяжательную группу: *muř|ò phràl anda-j Mòskova* ʻмой брат из Москвыʼ ⇒ ?**muř|ə phral|ès-k|o anda-j Mòskova* (но можно ввести придаточное предложение: *...kaj sy anda-j Mòskova* ʻкоторый из Москвыʼ). В остальном потенциальный состав притяжательных групп в целом тождествен составу существительных групп (см. 4.2.1.4).

Личные местоимения 1-го и 2-го лиц вместо притяжательных групп образуют отличные по форме притяжательные местоимения *muřò* ʻмойʼ, *tirò* ʻтвойʼ и т. д. (см. 3.10.1.3). Нерегулярно преобразуется группа *ək-šəl bàrš* ʻ100 летʼ ⇒ *(ək-)šəlà bəršà-ko* (см. 3.7.3).

Как видно, притяжательные группы употребляются атрибутивно (1)б и предикативно (1)в. Атрибутивно они могут находиться в составе существительных групп (подробно см. 4.2.1.10) и — как частный случай — в составе других притяжательных групп, ср. в разном порядке:

(2) а. *le phralès-ko khàr* ʻдом братаʼ
б. *le phralès-kə khəràs-ko vudàr* ʻдверь дома братаʼ
** *le khəràs-ko le phralès-ko vudàr*
o vudàr le khəràs-ko le phralès-ko

Впрочем, вложенные притяжательные группы (как *le khəràs-ko le phralès-ko* ʻдóма братаʼ) встречаются редко. Изредка (не у всех носителей и только в ограниченном кругу условий) я́дра притяжательных групп могут выступать в независимом состоянии, ср. *le phrales-kərə-sa* ʻс братнимиʼ (см. 4.2.1.5ж).

Примеры притяжательных групп с числительными:

(3) а. *Sodèn-go san?*
б. *Sodè bəršən-go san?*
ʻСколько тебе лет?ʼ
(4) *Dèm dùma dešə bəršən-ga glatà-sa.*
ʻЯ разговаривал с десятилетним ребёнкомʼ.
(5) *Le śovořà oxtò bəršən-gə le.*
ʻДевочкам [по] восемь летʼ.
(6) ♪ *Aj anda dròm trinè desən-go || kərďà Dʼòrdi trinè ćasonèn-go.*
ʻИ из трёхдневного пути сделал Дёрди трёхчасовойʼ.

Примеры притяжательных групп от имён собственных:

(7) *La babà Ľubà-ko khər nàj barò.*
ʻДом бабы Любы небольшой.ʼ

(8) *O Xulùpi sas o barò la Penzà-ko.*
ʻХулупи был бароном Пензы.ʼ

В значении потенциальности, готовности — от существительных на *-mòs*:

(9) *Tirì śèj məritimàs-ki la.*
ʻТвоя дочь — на выданье.ʼ

(10) *Sỳ-ma śàv ansurimàs-ko.*
ʻУ меня есть сын, которому пора жениться.ʼ

(11) *Ćì-pènas! Nàs dèla pimàh-ki, skafedì, ćàjuri.*
ʻНе пили! Не было выпивки, [а только] стол, чаи.ʼ

Устоявшиеся выражения (список — см. 3.7.2):

(12) *Trubùl te-avèn la cərà-kə.* [Кож.]
ʻНадо, чтоб были хозяйственные.ʼ (букв. ʻпалаткиʼ, род. падеж, о женщинах)

От местоимения *khànći*:

(13) *Lèl lès-ko dàd aj našavèl-les anda khər, kə nàj khanćès-ko, dilò lo.*
ʻБерёт его отец и выгоняет его из дому, ибо он никчёмный, глупый он.ʼ

Притяжательные формы имён собственных являются важнейшим компонентом системы личных имён. Ими обозначается «отчество»:

(14) *Mè sym o Ćòldi, o śàv le Dragòs-ko, o Dràgo le Nikolajès-ko, o Nikolàj le Kolàs-ko.*
ʻЯ Чёлди, сын Драго, Драго [сын] Николая, Николай [сын] Колы.ʼ

Этот пример показывает, что при перечислении предков согласование может «сбиваться», а очередной предок вводиться заново уже без притяжательной формы (*...le Dragòs-ko, o Dràgo...*).

4.2.4.1. Лишительные притяжательные группы

Проклитика *bi-* с существительными в притяжательной форме даёт лишительное значение (см. 3.7.5). Такая притяжательная группа согласуется:

(1) а. *Katkà bešəl bi-glatèn-gi źuvlì.*
ʻТут живёт бездетная женщина.ʼ

б. *Katkà bešəl bi-glatèn-go səmèsto.*
ʻТут живёт бездетная семья.ʼ

в. *Katkà bešən bi-glatèn-gə dejà.*
ʻТут живут бездетные матери.ʼ

Особенность таких групп состоит в том, что наличие *bi-* исключает употребление определённого артикля, относящегося к притяжательной форме (здесь в неё поставлено слово *glàti* ʻдетиʼ), т. е. ***bi le glatèn-gi źuvlì.*

Такие группы необходимо отличать от предложных конструкций с именной группой в лишительном падеже, ср. *aśilì bi (le) glatèn-go* ʻосталась без детейʼ (с возможностью вставки слов после *bi* и без согласования, см. 4.2.1.2.12).

🗋 Разные способы выражения лишительности у молдовая описаны в работе [Оскольская 2013], там же в т. ч. об артиклях.

4.2.5. Наречная группа

Это группа, состоящая из ядра-наречия (в т. ч. местоимения), а также — факультативно — ограниченного набора элементов, зависящих от ядра.

Наречные группы выражают **глагольный признак** и в узком ряду ситуаций употребляются предикативно, т. е. выступают в роли обязательных обстоятельств — в основном это относится к пространственным или временны́м наречиям в связочных предложениях:

(1) *Myřò khàr sy oprə̀.*
ʻМой дом наверху.ʼ

(2) *Kadò sà sas màj-anglàl.*
ʻЭто всё было раньше.ʼ

Так же при некоторых несвязочных глаголах:

(3) *Mè bešàv dùr kathàr.*
ʻЯ живу далеко отсюда.ʼ

Ряд сочетаний глаголов и пространственных наречий следует считать тесными — значение сочетания не вытекает прямо из значений входящих в него слов (см. 4.2.6.1.1):

(4) *Bešən telè!*
ʻСадитесь!ʼ (букв. ʻсядьте/встаньте внизʼ)

За неимением в языке прилагательных для выражения некоторых пространственных свойств (ʻнизкийʼ, ʻглубокийʼ), в некоторых контекстах в таких значениях предикативно употребляются наречия:

(5) *O pàj sy andrà dətàt.*
ʻРека очень глубокая.ʼ (букв. ʻвнутрь оченьʼ)

(6) *Vòj sy màj-telè tù-tar.*
ʻОна ниже тебя.ʼ (букв. ʻболее-внизʼ)

Предикативно применяются также наречия *mištò* ʻхорошоʼ, *ćořə̀s* ʻплохоʼ, *sà-jek* ʻвсё равно, безразличноʼ (также ʻодно и то жеʼ) в безличных предложениях:

(7) *Màn-gə mištò kə aviľàn.*
ʻЯ рад, что вы пришли.ʼ (букв. ʻмне хорошоʼ)

(8) *Lèn-gə sà-jek sy.*
ʻИм всё равно.ʼ

В прочих случаях наречные группы чаще всего можно считать необязательными обстоятельствами, причём они зависят от глаголов, ср. примеры (9), (10), редко — от существительных (11):

(9) *Fùgo kərə̀s butì.*
ʻБыстро работаешь.ʼ

(10) *Śòn-tume andrà!*
ʻВойдите внутрь!ʼ

(11) *Le khərà oprə̀ màj-barə̀ le.*
ʻДома́ сверху больше.ʼ

И в предикативной, и в атрибутивной ролях могут выступать немногие наречия.

Наречия степени входят в прилагательные и наречные группы и сами не образуют наречных групп (см. 4.2.3.2, 4.2.5.2):

(12) *Dətàt barì kaďà sàlka.*
ʻОчень велико это деревоʼ

Отметим, что такие слова, как *sà* ‘тоже’, *dàba* ‘едва’ и нек. др., мы считаем не наречиями, а частицами и рассматриваем отдельно (см. 4.3.8.1). Часть наречий: *xancỳ* ‘мало’, *bùt* ‘много’, *dòsta* ‘достаточно’ — могут быть оценочными числительными (см. 4.2.1.13.3).

От ядра-наречия может зависеть ограниченный набор элементов. Зависимый элемент может либо выражать степень, либо быть членом полуфразы.

4.2.5.1. Выражение степени глагольного признака

Изредка наречия удваиваются для выражения высокой степени:

(1) *Lèl o raklò, vazd'à-les oprà-oprà, ta d'à-les ande phùv źì ande-l ćangà.*
‘Берёт парень, поднял его высоко-высоко, аж вогнал его в землю по колено.’

Обычно же степень выражается наречиями или местоимениями:

(а) наречие

Те же наречия, что при прилагательных (см. 4.2.3.1):

(2) *Màrdilem zuralès dətàt.*
‘Я был бит очень сильно.’

(б) местоимение

После местоимений *kaď à* ‘так’, *sò* букв. ‘что’ перед наречием стоит предлог *də*:

(3) *O phurò naštì phiràl kaď à də fùgo.*
‘Старик не может ходить так быстро.’

(4) *Sò də zuralès malaď àn-ma!*
‘Как сильно ты меня ударил!’

Иерархическое толкование таких случаев затруднительно (из-за наличия предлога).

4.2.5.2. Наречные группы-полуфразы

В немногочисленных случаях, когда наречия употребляются с зависимыми элементами, имеет смысл говорить о полуфразах — носителях «полупредикативности» (аналогичных прилагательным группам-полуфразам, см. 4.2.3.2). В них наречия могут управлять своими членами предложения подобно глаголам:

(а) обстоятельство (?)

Наречие *sỳsta* ‘рядом’ факультативно управляет существительной группой в творительном падеже, ср. *sỳsta ťa dà-sa* ‘рядом с твоей матерью’. Способность наречия к управлению нетривиально связана с тем, что такую наречную группу-полуфразу можно извлечь из связочного предложения с обстоятельством:

(1) а. *To̍ dàd bešàl. To̍ dàd sy sỳsta ťa dà-sa.*
‘Твой отец сидит. Твой отец — рядом с твоей матерью.’

⇒ б. *To̍ dàd bešàl sỳsta ťa dà-sa.*
‘Твой отец сидит рядом с твоей матерью.’

Здесь сказуемое *bešàl* ‘сидит’ уточняется обстоятельством, которое само по себе могло бы быть отдельным связочным предложением со сказуемым *sy sỳsta* ‘находится рядом’ (это нечто сродни глаголу состояния). Приблизительно то же можно отнести к наречию *and-ək-thàn* ‘вместе’:

(2) *Avèn and-ək-thàn tumarà səmestò-sa.*
ʻПриходите вместе со своей семьёй.ʼ

Это наречие может стоять и после зависимого слова (только если это местоимение?):

(3) *Là našaďà-la, lès našaďà lès-ti dèj, lèh-ko dàd, našadè-leh anda khər, là-sa and-ək-thàn.*
ʻЕё выгнала, его выгнала его мать, его отец, выгнали его из дому, с ней вместе.ʼ

Наречия *dùr* ʻдалекоʼ управляет отложительным падежом:

(4) *Muřə phràl bešən dùr màn-dar.*
ʻМои братья живут далеко от меня.ʼ

Заметим, что антонимичное понятие ʻблизко [к чему]ʼ может выражаться предложной конструкцией, ср. *paša khər* ʻоколо домаʼ, *paša amèn-de* ʻблизко к намʼ (ср., однако, ниже).

Обстоятельство наречия может выражаться и предложной группой. Видимо, это относится только к наречиям *opràl* ʻсверхуʼ и *pašə* ʻблизкоʼ. В обоих случаях имеем тесные сочетания, которые, вероятно, можно воспринимать как «составные предлоги»:

Наречие *opràl* ʻсверхуʼ + предлог *pa* ʻпоʼ даёт значения ʻчерез [верх]; надʼ:

(5) *Piťàl o pàj kodò, opràl pa-j xajìng dèl.*
ʻКапает вода эта, через верх колодца переливается.ʼ

(6) *Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bář źi opràl pa šərò.*
ʻА кто услышит и скажет, чтоб его разбил паралич по самую макушку.ʼ
(букв. ʻчтоб разбил камень до над головойʼ)

(7) *Aj śuďà-la ande xajìng, śuďà-la ande xajìng oćè, lèl aj śùdel bář opr'àl pa là-te.*
ʻИ бросил её в колодец, бросил её в колодец там, берёт и кидает камень сверху на неё.ʼ (здесь неожиданный вариант *opr'àl*, оговорка?)

Наречие *pašə* ʻблизкоʼ + предлог *paša* ʻу, околоʼ даёт значение ʻблизко кʼ (которое выражается и предложной группой *paša* без наречия):

(8) *Bešàvas pašə paša khər kana ľà jàg.*
ʻЯ стоял близко к дому, когда он загорелся.ʼ

Кроме того, бывают сочетания наречий с менее ясной иерархией (см. 4.3.7.3).

(б) фразовый член

Пожалуй, только с изъяснительным союзом при наречиях типа *mištò* ʻхорошоʼ, *ćořəs* ʻплохоʼ, причём неясно, каким членом предложения считать полуфразу (см. 4.5.10.4):

(9) *Mištò màn-gə kə aviľàn.*
ʻЯ рад, что ты приехал.ʼ (букв. ʻхорошо мне, что...ʼ)

4.2.5.3. Наречия в сравнительной конструкции

Наречия образуют сравнительную степень проклитикой *màj-* (см. 3.8.3.6), как прилагательные, и выступают в похожих сравнительных конструкциях (ср. 4.2.3.3):

(1) *Kòn khəlèl màj-mištò savořən-dar?*
ʻКто танцует лучше всех?ʼ

(2) *Kadalà řòm trajìn màj-ćořəs kata avèr.*
ʻЭти цыгане живут хуже других.ʼ

(3) *Divinìs kaďà də mištò sar lès-te.*
ʻТы говоришь так же хорошо, как он.ʼ

4.2.6. Глагольная группа

Выше было сказано, что выделение глагольной группы как особой иехархической единицы вступает в некоторое противоречие с понятием предложения (см. 4.2). В самом деле, если, например, в составе именных групп рассматриваются все слова, зависящие от ядра (имени), т. е. определения и т. п., то от глагола во многих случаях, можно сказать, так или иначе зависят все слова (группы), входящие в предложение в качестве дополнений, подлежащего и др. Глагол можно считать ядром всего предложения, а глагольную группу в этом широком смысле — не отделять от предложения. Поэтому разбор групп, зависящих от глагола, совпадает с классификацией предложений по составу.

Итак, от глагола (подчёркнут) зависят существительные группы:

(1) *O řòm <u>dikhl'à</u> ə lolì matòra.*
ʻЦыган увидел красную машину.ʼ

Здесь наличие подлежащего *o řòm* и прямого дополнения *ə lolì matòra* обусловлено синтаксическими свойствами личного переходного глагола *dikhàl* ʻвидетьʼ. О подобных фактах целесообразнее говорить не здесь, а на уровне предложения.

В широкую глагольную словоформу могут входить, помимо глагола, ещё и клитики:

(2) *<u>Ćì-maj-dikhl'à-ma</u> khònik.*
ʻБольше никто меня не видел.ʼ

Слева от узкой глагольной словоформы *dikhl'à* ʻвидел' здесь стоят клитики *ćì-* ʻне', *maj-* ʻбольше', а справа — местоименная клитика *-ma* ʻменя'; все они с формальной точки зрения рассматриваются в разделе о морфологии (см. 3.11.13).

Здесь мы рассмотрим тесные сочетания глаголов с другими словами (за пределами широкой словоформы), а также опишем систему глагольных наклонений, фаз и времён.

4.2.6.1. Тесные глагольные сочетания

Имеются сочетания глагольных форм со словами, которые, не являясь клитиками, с трудом поддаются отнесению к каким-либо членам предложения. Это **двухчастные глаголы**, ср. *dèl dròm* (букв. ʻдать путь') ʻотпустить', а также менее тесные **двухглагольные комплексы**, ср. *lèl te-cypìl* (букв. ʻвзять кричать') ʻзакричать'.

4.2.6.1.1. Двухчастные глаголы

Имеются тесные сочетания глаголов (не связок) с неглагольными словами (ряд из которых не употребляется автономно). Их главное отличие от свободных сочетаний состоит в том, что неглагольные слова в их составе стоят в заранее заданной форме (например, в единственном или множественном числе) и не могут определяться артиклем или прилагательными, т. е. не образуют группы (даём также модели управления, см. 4.5.4):

глагол	неглагольная часть		управление	значение двухчастного глагола
kərəl ʻделать'				
	butì	ʻработа'	и(р)	ʻработать [кем]' (шутл. ʻесть')
	phiŕasà	ʻшутки'	и	ʻшутить'
	barimà|ta ~ -cy	ʻвеличины'	и	ʻзадаваться'
	patìv	ʻчесть'	ин	ʻугощать [кого]'
	fòro	ʻгород'	ит	ʻсговориться о браке [с кем]'
	xỳta	ʻщекотка'	ин	ʻщекотать'

глагол	неглагольная часть		управление	значение двухчастного глагола
thòl ʿкласть, ставитьʾ				
	řỳndo	ʿрядʾ	ив	ʿставить в рядʾ
	kàn	ʿухоʾ	им	ʿслушать [внимательно]ʾ
	pàrťa	ʿчастьʾ	ин	ʿзащищать, вступатьсяʾ
	sumadì	ʿзалогʾ	ив	ʿзакладывать [в залог]ʾ
	dòš	ʿвинаʾ	ив	ʿобвинятьʾ
dèl ʿдатьʾ				
	vràs	—	и	ʿзакипетьʾ
	ćìk	—	и	ʿчихатьʾ
	apćì	—	и	ʿчихатьʾ
	anàv	ʿимяʾ	ив	ʿназвать, наречьʾ
	jàg	ʿогоньʾ	ив	ʿзажечь; (рас)стрелятьʾ
	mùj	ʿротʾ	ив	ʿзватьʾ
	angàli	ʿобъятиеʾ	ив	ʿобнятьʾ
	dròm	ʿдорогаʾ	ив	ʿотпуститьʾ
	bùka	ʿщекаʾ	ив	ʿцеловатьʾ
	gàna	—	ив	ʿизгнатьʾ
	drìmina	—	ив	ʿизгнать навсегдаʾ
	xỳnz	—	ив (обыч. *kàlcy*)	ʿподтянуть [штаны]ʾ
	armajà	ʿклятвыʾ	ид(ф) [*kə* ПП]	ʿклястьсяʾ
	dàb	ʿударʾ	ив	ʿударитьʾ
	kanřò	ʿжалоʾ	ив	ʿжалитьʾ
	gàta	ʿготовыйʾ	ив	ʿкончитьʾ
	jakhalò	ʿглазастыйʾ	ив	ʿсглазитьʾ
	bulè	ср. *bùl* ʿзадʾ	ив	ʿfuturereʾ
	tràt	—	ив	ʿуспокоить, унятьʾ
	vòja	ʿволяʾ	идф [*te*-ЗО]	ʿразрешитьʾ
	dùma	—	и(т)	ʿразговариватьʾ
			и(н)	ʿзвонить по телефонуʾ
dèl-pe букв. ʿдатьсяʾ				
	jàg	ʿогоньʾ		ʿстреляться; зажигатьсяʾ
	godì	ʿумʾ	им/ф [*kə* ПП]	ʿвспоминать [о чём; что...]ʾ
	gỳndo	ʿмысльʾ	им/ф [*kə* ПП]	ʿвспоминать [о чём; что...]
lèl ʿбратьʾ				
	jàg	ʿогоньʾ		ʿзагоратьсяʾ
	sàma	—	ио/в	ʿзамечать; следить [за кем]ʾ

Такой способ образования глаголов в какой-то мере продуктивен, ср. с неглагольной частью из III пласта: *kərəl abèdo* ʿобедатьʾ (букв. ʿделать обедʾ).

⌛ С исторической точки зрения интересен оборот *kərəl fòro* ʿпредварительно договариваться о предстоящем браке своих детейʾ, в котором слово *fòro* выступает, очевидно, в своём древнем значении ʿплощадь, базарʾ (источник заимствования неясен) и *ʿторгʾ (тогда исконное значение *kərəl fòro*, вероятно, ʿторговатьсяʾ). Сейчас *fòro* — это только ʿгородʾ (в близких кэлдэрарских говорах иногда сохраняется также и значение ʿбазарʾ [ДД]).

Примеры предложений:

(1) *Le ràj dinè jàg là-kə papòs*.
ʻВласти расстреляли её деда.ʼ

(2) *Khònik ande amèn-de ćì-dèl lè-sa dùma.*
ʻНикто из нас с ним не разговаривает.ʼ

(3) *Ź̀à dè mùj ťa řomn̓à.*
ʻИди позови свою жену.ʼ

(4) *Kàna dès gàta ə butì?*
ʻКогда ты кончишь работу?ʼ

Двухчастные глаголы синтаксически неделимы в том смысле, что их синтаксические свойства — в первую очередь управление — не вытекают прямо из свойств самого глагола, ср. *dèl* + ДАТ. (наряду с НАПР. ~ МЕСТ.) ʻдавать’, но *dèl dùma* + ТВОР. ʻразговаривать’; *dèl dùma* + НАПР. (~ МЕСТ.) ʻзвонить по телефону’:

(5) *Kamàv te-dàv dùma te dadè-sa.*
ʻЯ хочу поговорить с твоим отцом.ʼ

(6) *Aratì dèm dùma te dadès-kə.* *~ ka ťo dàd*
ʻВчера я позвонил твоему отцу.ʼ

Другой пример с основным глаголом *dèl* ʻдавать’: *dèl jàg* ʻстрелять; поджигать; включать’ — с прямым дополнением (+ ВИН.), однако если имеется в виду буквальное прочтение ʻдать огня’, то обычно требуется только косвенное управление (+ НАПР.) — в отличие от самогó глагола *dèl* (видимо, во избежание недоразумения):

(7) *Dè màn-gə jàg.*
ʻДай прикурить.ʼ

(8) *Dè-ma jàg.*
ʻЗастрели меня.ʼ (или ʻподожги’)

Возможно, впрочем, что это нестрого, т. к. мы слышали и такое (оговорка?):

(9) ◀ *Dè-ma jàg ə cygàra.*
ʻЗажги мне сигарету.ʼ

Можно выделить несколько групп двухчастных глаголов по типу неглагольной части: это могут быть существительные, ср. *jàg* ʻогонь’, *mùj* ʻрот’ и др., прилагательные, ср. *gàta* ʻготовый’, а также слова, отдельно не употребляющиеся, ср. *dùma*, *xỳnz*, *bulè* (последнее — форма «старого местного падежа» слова *bùl* ʻзадница’, ср. наречие *khərə̀* ʻдома’ от *khə̀r* ʻдом’, см. 3.8.1.3). Однако синтаксически двухчастные глаголы ведут себя как единое целое независимо от природы неглагольной части.

В частности, неглагольную часть нельзя распространять:

(10) а. *Glatàle, thòn-tume řỳndo!*
ʻДети, встаньте в ряд!ʼ (ʻпостройтесь’)

б. ** *Glatàle, thòn-tume řỳndo barò!*
букв. ʻДети, встаньте большой ряд!ʼ

Нельзя заменить неглагольную часть местоимением:

(11) а. *Dè jàg!*
ʻСтреляй!ʼ

**⇒ б. *Dè-la!*

Некоторые переходные двухчастные глаголы имеют возвратные соответствия, например *dèl-pe jàg* ʻзастрелиться’ (т. е. ʻстрелять себя’), ʻзажигаться; включаться’ и т. п.:

(12) *O khər ďà-pe jàg.*
ʻДом загорелся.ʼ
(13) *O řòm ďà-pe jàg.*
ʻЦыган застрелился.ʼ
(14) *Ə matòra ćì-del-pe jàg.*
ʻМашина не заводится.ʼ

А некоторым возвратность внутренне присуща:

(15) *D'àn-tu gỳndo ka ti dèj.*
ʻТы вспомнил о матери.ʼ

Провести границу между двухчастными глаголами и свободными (пусть даже застывшими) сочетаниями часто трудно. Одним из критериев может служить невозможность изменения формы неглагольной части (если она совпадает с каким-либо изменяемым словом, например существительным). Другой критерий — невозможность распространения неглагольной части, в т. ч. артиклем или прилагательным:

(16) а. *Kàj kərəs butì?*
б. ** *Kàj kərəs buťà?* (мн.)
ʻГде ты работаешь?ʼ
в. *Kàj kərəs ə butì?*
ʻГде ты делаешь [эту] работу?ʼ (другое значение)

(17) а. *Dè armajà kə ćì-xoxavès!*
б. ** *Dè armàn kə ćì-xoxavès!*
в. ** *Dè le armàja kə ćì-xoxavès!*
ʻПоклянись, что не обманешь!ʼ

Ещё один критерий — трудность пропуска неглагольной части (это нестрого; можно говорить о степени естественности пропуска):

(18) а. *— Kamès te-dàv armajà?*
ʻХочешь, чтобы я поклялся?ʼ
б. *— Dè armajà!*
в. *— Dè!*
ʻПоклянись!ʼ

(19) а. *— Trubùl te-kəràv butì?*
ʻМне надо работать?ʼ
б. *— Kər butì!*
в. ?* *— Kər!*
ʻРаботай!ʼ

Таким образом, сочетание *kərəl butì* ʻработатьʼ более тесно, чем *dèl armajà* ʻклястьсяʼ. Это в т. ч. связано с возможностью буквального толкования глагола *dèl* ʻдать [клятву]ʼ. Буквальное значение глагол имеет и в ряде других сочетаний, которые вряд ли следует считать двухчастными глаголами:

dèl vunźilè ʻдавать в долгʼ, *lèl vunźilè* ʻбрать в долгʼ
dèl vòrba ʻдавать словоʼ
kərəl lovè ʻзарабатыватьʼ (букв. ʻделать деньгиʼ)

Все двухчастные глаголы могут выступать с «инверсией», ср. *butì kər!* ʻработай жеʼ (о порядке слов при выделении см. 4.8.4).

Переходные двухчастные глаголы имеют причастия:

dèl jàg	‘застрелить, поджечь’	*dinò jàg*	‘застреленный, подожжённый’
dèl bulè	‘futuere’	*dinò bulè*	‘fututus’
dèl jakhalò	‘сглазить’	*dinò jakhalò*	‘кого сглазили’
dèl gàta	‘кончать’	*dinò gàta*	‘законченный’

Между двумя частями причастия могут быть другие слова:

(20) а. *Dinò jàg lo.*
б. *Dinò lo jàg.*
‘Он застрелен.’
в. *Dinò sas jàg.*
‘Он был застрелен.’

Глагол *dèl armajà* (а не ***dèl armàn*) ‘клясться, проклинать’ имеет причастие *dinò armàn* ‘нарушивший клятву; проклятый’:

(21) ▶ *Kadò manùš dinò armàn lo.*
‘Этот человек поклялся [и не сдержал слова].’

Изредка неглагольная часть — целая предложная конструкция, ср. *dèl p-o (a)gòr kə...* ‘догадаться, что...’ (букв. ‘дать на конец, что...’), *dèl-pe ande sokàta* ‘совещаться’:

(22) ✍ *Ľà-pe aj gəlì-tar, o rùv p-o gòr ćì-ďà, sò kərdiľa.* [СЦЯ]
‘Взяла и ушла, волк [и] не догадался, что произошло.’

Особый случай представляет глагол *kàndel*, который употребляется только с дополнением *o mùj* + [притяж. группа / местоим.] ‘слушаться кого’ (с определённым артиклем; артикль никак не проявится при притяжательном местоимении в препозиции, ср. *kangľà là-ko mùj* букв. ‘послушал её рот’). В строгом смысле двухчастным этот глагол не является:

(23) *Ə śovořỳ ćì-kangľà o mùj pès-ka dà-ko.*
‘Девочка не послушалась своей матери.’

4.2.6.1.2. Глаголы с наречной частью

Несколько сложнее определиться с сочетаниями глагола и наречия: *bešàl telè* ‘садиться’, *lèl telè* (букв. ‘взять вниз’) в т. ч. ‘отрубить [голову]’, *dèl telè* ‘опуститься; упасть’ (сочетания с пустым глаголом *dèl* даны отдельно, см. 4.6.5.1), ср.:

(1) 👂 *Te-nà-anèsa màn-gə ťa phʼà, làv ti kòř telè, śinàv-tu!*
‘Если не приведёшь ко мне свою сестру, я тебе шею срублю, порублю тебя!’
(2) *O maťarnò ďà telè mò-sa pe phùv.*
‘Пьяница упал ничком на землю.’ (букв. ‘дал вниз лицом’)

Пожалуй, их можно считать двухчастными глаголами, т. к. к ним невозможно задать вопрос *kàj?* ‘куда?’ или *sàr?* ‘как?’ и ответить только наречием *telè* ‘вниз’, в отличие от свободных сочетаний типа *źàl telàl* ‘идти пешком’, где *telàl* имеет полноценное собственное значение ‘пешком’ и может быть употреблено автономно. Пограничные случаи: *peravèl telè* ‘валить’ (‘вниз’), *mekàl telè* ‘опускать’ (‘вниз’), где более выражено собственное значение наречия *telè* ‘вниз’. Сюда примыкает выражение *bešàl pùpo* ‘сидеть, сжавшись, притаившись’ (*pùpo* отдельно не употребляется).

Непространственное значение имеется у сочетания *dèl anglàl* ‘отвечать’ (однако и пространственное ‘забежать вперёд, обогнать’):

(3) *O řòm divinìl tù-sa, sòs-tar ćì-dès anglàl?*
‘Человек разговаривает с тобой, почему не отвечаешь?’

4.2.6.1.3. Двухглагольные комплексы

Поскольку глагол — это ядро всего предложения, все зависящие от него группы мы рассматриваем как члены предложения (см. 4.3). В «прототипических» случаях они выражаются существительными группами, причём «на их месте» могут стоять и подчинённые фразы со своим сказуемым (их можно тоже считать глагольными группами), ср. *kamèl te-dilabàs lès-kə* ‘хочет, чтобы ты ему спел’ и *kamèl ək dilì* ‘хочет песню’ (здесь подчинённую фразу можно считать прямым дополнением).

Но есть и немало сочетаний, где глагольную группу ничем другим заменить нельзя, ср. с фазовой семантикой (см. 4.2.6.4.1.1):

lèl te-rovèl	‘начинает плакать’ (букв. ‘берёт...’)

С модальной семантикой (см. 4.6.3):

daštìl te-źàl	‘может пойти’
naštìl te-avèl	‘не может прийти’

Со значением цели при глаголе движения (см. 4.5.10.3):

źàl te-anèl pàj	‘идёт принести воды’
tràdel-ma te-mudaràv-tu	‘посылает меня убить тебя’

С каузативной семантикой (см. 4.5.10.2):

kəràl-ma te-asàv	‘смешит меня’ (букв.‘делает...’)
mekàl-ma te-sovàv	‘даёт мне спать’
aźutìl-ma te-vušťàv	‘помогает мне встать’
mangàl-ma te-avàv	‘просит меня прийти’

Зависимый оборот во всех этих случаях трудно отнести к какому-либо члену предложения, т. к. на его месте не бывает существительных групп, ср. предложения:

(1) *Muřò phràl daštìl te-aźutìl-ma.*
‘Мой брат может мне помочь.’

(2) *Kòn kəràla muřà śà te-asàl...*
‘Кто рассмешит мою дочь...’ (‘кто заставит мою дочь смеяться’)

К предложению (1) в обычном случае невозможно задать вопрос ?**sò daštìl?* ‘что может?’, т. к. глагол *daštìl* не воспринимается как переходный. Более естественный вопрос: *sò daštìl te-kəràl?* ‘что может сделать?’. То же можно сказать о начинательном *lèl* ‘начинать’ (невозможен вопрос ***sò lèl?* ‘что начинает?’). Один из вариантов решения — усматривать в таких случаях некое «составное сказуемое» (двухглагольный комплекс).

Здесь же упомянем особые неизменяемые глаголы *šàj* ‘мочь’, *naštì* ‘не мочь’, которые могут вести себя как наречия, ср. *šàj avèl* ‘может прийти’, *šàj avèlas* ‘мог прийти’ (подробно см. 4.6.3).

Ещё один контекст бессоюзного сочетания двух глагольных форм («сериализации») — с глаголами движения:

(3) *Źà àn skamìn!*
‘Иди принеси стул!’

(4) *Užə́ źàn ròden phurǒřà kolèn-dar kaj sy maťarnè, anèn pès-te and-o khər te-xalavèn-le.*
‘Уже идут искать старушек таких, которые пьяницы, приводят к себе домой, чтобы их помыть.’ (букв. ‘идут ищут’)

Сюда же примыкает глагол *bešə̀l* ʻсидеть, стоять’:

(5) *Bèš xà!*
ʻСадись есть!’

Здесь же упомянем удвоение глагола для обозначения однообразности действия:

(6) *Ź̀al, ź̀al p-o dròm aj dikhə̀l: bešə̀l khə bàlta, aj bešə̀n ande là-te xuťamnà.*
ʻИдёт, идёт по дороге и видит: стоит болото, а в нём лягушки.’

4.2.6.2. Система глагольного наклонения

При рассмотрении глагольной системы в целом целесообразно оперировать двумя множествами признаков: прагматическими (т. е. так или иначе связанными с «внеязыковыми» значениями) и грамматическими (т. е. связанными с рельефными проявлениями в глагольных словоформах). Так, каждому предложению (будь то главному или подчинённому), или у́же — его сказуемому, свойственна та или иная **модальность**, т. е. некий элемент смысла, не касающийся семантики. С одной стороны, это «прагматический признак», который можно трактовать более или менее вольно, с другой — он частично отражается формами глаголов, проявляясь в категории **наклонения**.

Модальности относятся, в частности, к тому, мыслится ли действие как факт или, например, фантазия и т. п. Для наших целей с точки зрения соотношения глагольного действия и его «места в действительности» имеют смысл такие модальности:

— реальность:	действие (не) происходит «на самом деле»
— ирреальность:	действие (не) происходит в воображении
— побудительность:	действие (не) должно быть совершено

Строго говоря, побудительная модальность примыкает к ирреальной (т. к. действие может быть ещё не совершено), а реальную модальность, может быть, вернее было бы назвать «нейтральной», т. к. во многих случаях она безотносительна к месту действия в действительности. Прочие модальности (например, долженствования) выражаются синтаксическими конструкциями, поэтому специально нами не выделяются.

Исходя из способности широкой глагольной словоформы формально выражать модальность, выделяем пять наклонений (это уже грамматический признак). Формально наклонения выражены неоднородно: изъявительное и повелительное не имеют особых примет (впрочем, форма императива 2.ед. имеет нулевое окончание); в сослагательном и зависимом в большей части случаев имеется проклитика *te-*; в условном — пара проклитик *sas-kə-*. В целом, формальные различия между наклонениями слабы, и имеется масса контекстов с нейтрализацией наклонений в форме глагола. Наклонения, выделяемые нами, грубо соотносятся с упомянутыми модальностями так:

реальность:	узкая словоформа
изъявительное	
побудительность:	
повелительное	
ирреальность:	широкая словоформа, проклитики:
сослагательное	(*te-*)
зависимое	(*te-*)
условное	*sas-kə-*

Оправданность выделения наклонений в большинстве случаев довольно сомнительна. Начнём с того, что, руководствуясь чисто формальными критериями (в т. ч. неповторимостью строения широкой словоформы), мы всё же идём на ряд допущений: так, показатель зависимого наклонения — проклитика *te-* — в части контекстов опускается. Тем не менее выделение зависимого наклонения (в отличие от изъявительного) возможно на парадигматическом уровне, если сравнить глагол ʻбытьʼ с остальными (например, *źàl* ʻидтиʼ):

vò źàl	ʻон идётʼ	*vò sỳ*	ʻон естьʼ
vò te-źàl	ʻчтоб он пошёлʼ	*vò te-avèl*	ʻчтоб он былʼ

Как видно, при наличии клитики *te-* (которая, как сказано, не всегда обязательна) у одного глагола (но хотя бы у одного!) есть особая форма (с супплетивной основой: *s-* : *av-*). Этим можно формально оправдать выделение соответствующей грамматической категории (здесь: зависимого наклонения). Та же особая основа у этого необычного глагола выступает в будущем времени (относимом нами к изъявительному наклонению — причём будущее время тоже выделяется лишь на этом основании) и в сослагательном наклонении (отметим, что в потенциальном сослагательном есть ещё постфикс *-a*, который, правда, именно у этого глагола нестабилен). Налицо весьма размытая картина. Она осложняется ещё и значимыми различиями в употреблении глагольных форм в двух регистрах (обычном и песенном, см. 5.1.2.2).

Ещё одна проблема — наличие как бы двух уровней в формальном выражении наклонений. Так, условное наклонение однозначно опознаётся по проклитикам *sas-kə-* (отрицание: *nas-kə-*) и краткой форме инфекта, однако для его определения этого мало. Надо ещё знать, что глагол *sy* ʻбытьʼ выступает тут в своём супплетивном варианте *av-*, например: *sas-k-avèl* ʻбыл быʼ (а не ***sas-kə-sy*), где узкую словоформу *avèl* можно считать формой зависимого наклонения или же будущего времени изъявительного (по смыслу будущее время подходит меньше). Таким образом, можно, например, сказать, что условное наклонение «вторично» по отношению к зависимому («первичному»), т. е. что форма условного наклонения образуется из зависимого.

Конечно, это в значительной мере теряет смысл при чрезвычайной слабости доводов в пользу выделения даже «первичных» наклонений. Тем не менее при описании синтаксиса, кажется, это максимально дробное выделение наклонений нам не мешает, а даже облегчает изложение, в частности потому, что позволяет нам чётче очерчивать синтаксические контексты, говоря о той или иной форме.

О каждом наклонении можно сказать, что для него «типично» выражение той или иной модальности в том или ином синтаксическом контексте: здесь нам важно употребление в главном предложении или подчинённой фразе (в т. ч. в зависимом обороте). Так, например, побудительность выражается не только специальными формами повелительного наклонения, но и формами зависимого:

	главное предложение			подчинённая фраза		
	реал.	ирреал.	побуд.	реал.	ирреал.	побуд.
изъявительное	+			+		
сослагательное		(+)			+	
повелительное			+			
зависимое	(+)		+		+	
условное		+				

В изъявительном наклонении различаются времена; то же можно с натяжкой сказать о сослагательном. В прочих наклонениях времена не различаются.

4.2.6.2.1. Изъявительное наклонение

Это основное наклонение, оно соответствует реальной модальности и применяется в большинстве независимых предложений, в т. ч. в вопросах, восклицаниях и т. п.:

(1) *Kadò fòro buśòl Tùla.*
ʻЭтот город называется Тула.ʼ

(2) *Tehàra źàv ka-j nùnta.*
ʻЗавтра еду на свадьбу.ʼ

(3) *Sòde nùncy xalèm!*
ʻНа скольких свадьбах я побывал!ʼ (букв. ʻсколько свадеб съел')

(4) *Sò aj nàj-ma!*
ʻЧего у меня только нет! (букв. ʻчего и нет')

(5) *Kàj bešàs and-o fòro?*
ʻГде ты живёшь в городе?ʼ

Во многих случаях изъявительное наклонение нейтрально по отношению к (ир)реальности — например, в альтернативных вопросах (в т. ч. о будущем). В рассказах, в т. ч. когда налицо вымысел, нет способа понять, верит ли в него сам говорящий:

(6) *Ľà o řòm aj laśarďà pànź karfà.*
ʻВзял цыган и сделал пять гвоздей.ʼ

(7) *Akanà avèl-tar o zmàvo deš-u-dò šərən-ca pe lès-te.*
ʻТут надвигается змей с двенадцатью головами на него.ʼ

Так же, например, при описании обыденных действий (не конкретных):

(8) *Źàs te-bolèh aj lès ə pòša, poxtàn, aj vulujìh la glatà.*
ʻИдёшь крестить и берёшь шаль, ткань и закутываешь ребёнка.ʼ

В разнообразных зависимых предложениях:

(9) *Nò bèš źì-kaj ćì-pʼàv muřỳ pìva, aj atùnći mudaràh-ma.*
ʻНу, посиди, пока я не допью своё пиво, а потом убьёшь меня.ʼ

Кроме того, возможно употребление глаголов в изъявительном наклонении с отрицанием для выражения модального значения неспособности, например: *ćì-vàzdel dətàt* ʻникак не поднимет' (см. 4.2.6.3в).

Целесообразно определение изъявительного наклонения от противного: оно применяется везде, где не применяются другие наклонения. Поскольку для глаголов в изъявительном наклонении важен признак времени, без которого его описание не имеет смысла, то подробности и примеры даём в разделе о временах (см. 4.2.6.4.5). Остальные наклонения подробно описываем ниже.

4.2.6.2.2. Зависимое наклонение

Зависимое наклонение применяется очень широко. В «прототипическом» употреблении стоящие в нём глаголы находятся в синтаксически подчинённой роли: в зависимых оборотах и предложениях, которыми управляют глаголы долженствования, желания, приказания, опасения и др. (см. 4.5.10.1), после побудительных частиц, в придаточных предложениях цели (ʻчтобы...ʼ) и др. В зависимое наклонение ставятся глаголы и в самостоятельных предложениях с разнообразными модальными оттенками.

Формы зависимого наклонения — это краткие формы инфекта, обычно с проклитикой *te-* (не во всех случаях, см. ниже); глагол-связка имеет особую основу *av-*.

🛠 Надо сказать, что само выделение форм зависимого наклонения (как и сослагательного) можно оправдать в первую очередь как раз наличием элемента *te-*, который, будучи проклитикой, образует формальное единство со спрягаемой формой. Не будь *te-* привязано к глаголу, мы едва ли имели бы право говорить о «формальном выражении» наклонения. При этом в части случаев *te-* факультативно опускается, в т. ч. и в самостоятельных предложениях (например, в проклятиях). Таким образом, зависимое наклонение формально определяется через возможность (а не обязательность) наличия *te-*, а также через выбор основы *av-* для связки.

⏳ Проклитика *te-* в працыганском, вероятно, была чем-то вроде союза (или частицы), т. е. могла занимать первое место в предложении (необязательно непосредственно перед глаголом), подобно современному союзу (частице) *ta* ʻтак что; аж’. Но уже на ранней общецыганской стадии она, видимо, срослась с глаголом (возможно, в связи с греческим или балкано-славянским влиянием). Проклитика *te-* оказалась параллельна греческой частице *να* (вводящей зависимое наклонение), румынской частице *să* (с тем же значением; в румынском это наклонение называется «сослагательным») и др.

С одной стороны, зависимое наклонение можно воспринимать как выражение синтаксической связи между двумя глаголами; эта связь задаётся моделью управления одного из них, ср. *kamàv te-xàv* ʻхочу есть’ (а не, например, ***kamàv kə xàv* в изъявительном, букв. ʻхочу, что ем’). С другой стороны, во многих случаях глагол в зависимом наклонении не входит в модель управления (в самостоятельных и обстоятельственных предложениях). «Инвариантом» в значении зависимого наклонения можно считать нереферентность, т. е. называние действия без указания на его совершение (что можно сравнить с обобщённым употреблением существительных). Можно также сказать, что глагол в зависимом наклонении обозначает ирреальное действие, которое не произошло, но возможно.

Разберём разные случаи, отталкиваясь от синтаксического контекста:

(i) в именной подчинённой фразе

(а) зависимый оборот

Зависимое наклонение здесь выступает «по определению» (см. 4.12.2.1):

(1) 👂 *Kamèn te-mudaràn le raklès te-laśaràn strùni anda lès-kə pořà.*
ʻХотят убить парня, чтоб сделать струны из его кишок.’

(2) 👁 *Kòn-to daràl te-lèl-la, a kòn-to pašòl aj lèl-la.*
ʻКто-то боится её взять, а кто-то подходит и берёт.’ (*-la* = *komàřa* ʻклад’)

(3) *Sỳ màn-gə te-źàv-tar.*
ʻМне надо уходить.’

В т. ч. в двухглагольных комплексах, в начинательных значениях (см. 4.2.6.4.1.1):

(4) 👂 *Aj thoďà-pe o phurò te-tìdel* [...] *o sumnakàj.*
ʻИ принялся старик собирать [...] золото.’

А также при глаголах движения и нек. др. (см. 4.5.10.3):

(5) 👂 *Mè avilèm te-xàv-tu. Mè sym ti màrťa.*
ʻЯ пришла тебя погубить. Я твоя смерть.’

(6) 👂 *Lèm te-thàv-ma te-sovàv, ćì-lèl-ma ə lìndri.*
ʻЯ начал устраиваться спать, нейдёт сон.’

(7) 👂 *Ti dèj ə ampərəťàsa traďà-ma te-mudaràv-tu.*
ʻТвоя мать царица послала меня убить тебя.’

(б) придаточное предложение

Многие глаголы в силу своей модели управления требуют придаточного предложения в зависимом наклонении (в качестве члена предложения) (см. 4.12.2.2):

(8) 👁 *Pàle trubùl te-avèl manùš kolès-tar, xaranò, te-nà-daràl, te-řudìl-pe aj te-lèl-la, aťarďàn?*
‘Тоже надо, чтоб был человек такой, умный, чтоб не боялся, чтоб помолился и чтоб взял её, понял?’

(9) 👂 *Amè phenďàm tù-kə pànź karfa̍ te-marəs, te-laśarəs amèn-gə.*
‘Мы сказали тебе пять гвоздей выковать, изготовить нам.’

В подобных случаях модальное значение следует приписывать не столько самому зависимому наклонению, сколько глаголу в главном предложении (желание, долженствование и др.).

(в) изъяснительное предложение с ирреальным значением

Особо следует отметить зависимое наклонение после глаголов восприятия. Когда речь идёт, например, об увиденном событии, это можно выразить изъяснительным предложением (с союзом *kə* ‘что’); если же событие не увидено (имеется отрицание), эта ирреальность выражается зависимым наклонением:

(10) ♪ *Oj gaźà muřò gaźò || də-kỳn matò kaj-avès || ćek-dàta ći-dikhlèm te-rovès.*
‘Ой, муж мой, муж, с тех пор как пьяный приходишь, ни разу не видела, чтоб ты плакал.’

(11) ♪ *Aj kàj màj-dìćiľa kaďà || aj kàj màj-kàrdiľas kaďà || te-lèl o phràl la pha̍ || aj o vəro la varà?*
‘И где видано такое, и где делалось такое, чтоб взял брат сестру, а двоюродный брат двоюродную сестру?’

(ii) в обстоятельственном предложении

(г) предложение цели

В предложении цели (см. 4.12.5.4) обозначает цель:

(12) 👂 *Aj là-ko mùj phandadò, la rakľà-ko, te-nà-dikhəl-la khònik, kə sy vòj.*
‘А её лицо закрыто, девушкино, чтоб не увидел её никто, что это она.’

В соотносительных конструкциях степени и возможности (см. 4.12.8.4) обозначает действие, чья возможность оценивается:

(13) 👂 *Amèn ći-arəsəl-ame te-xàs.*
‘Нам не хватает [хлеба], чтобы есть.’

(д) предложение времени

С союзом конечного предела *źi-kaj* ‘до тех пор как’, причём зависимым наклонением, очевидно, подчёркивается, что действие не успело произойти (т. е. осталось на уровне возможности):

(14) 👂 *Źi-kaj te-našəl là-sa źi ka pàj, mulì ə raklì ande lès-kə vàst.*
‘Прежде чем добежал он с ней до воды, умерла девушка у него в руках.’

(е) в сравнительной конструкции

В придаточном предложении — эталоне сравнения:

(15) ♪ *Aj də-kaj ťa̍-aśàv bi vastèh-ko || vòj, màj-bìne bi śavèh-ko.*
‘Чем останусь без руки, ой, лучше без сына.’

(iii) в главном предложении

Зависимое наклонение употребляется и в главных предложениях, т. е. имеет «собственные» значения. Однако во многих случаях можно представить себе сложноподчинённое предложение, в главной части которого стоит глагол (в следующих примерах подчёркнут), от которого это значение «берётся», ср., например, в значении побуждения:

(16) а. *Te-źàs khərà!*
‘Иди домой!’ (‘Шёл бы ты домой!’)
б. *Kamàv te-źàs khərà.*
‘Хочу, чтоб ты шёл домой.’
в. *Phenàv tù-kə te-źàs khərà.*
‘Велю тебе идти домой.’

Формально самостоятельное предложение с зависимым наклонением всегда тождественно подчинённой части воображаемого сложноподчинённого. Единственное возможное отличие: если подчинённая часть — зависимый оборот, как в (16)в, то подлежащее в нём невозможно, тогда как в предложении (16)а при желании его можно выразить явно (*tù te-źàs...* букв. ‘ты чтоб шёл’). При самостоятельном употреблении значение, с одной стороны, понятно и без воображаемого глагола, с другой — этот глагол никогда невозможно точно восстановить (поэтому это не эллипсис). По большому счёту, речь всегда идёт о возможном действии, а детали определяются в т. ч. прагматическим контекстом, причём в разных типах предложений:

(ж) в побудительных предложениях

Употребляется в побудительных предложениях во всех лицах, ср. во 2-м лице (команда, пожелание, запрет и т. п.):

(17) *No te-źàs aj te-anès-la!*
‘Так иди и приведи её!’
(18) *Te-nà-xoľàves pe màn-de!*
‘Не сердись на меня!’
(19) *T’-avès baxtalò!*
букв. ‘Чтоб ты был счастлив!’ (приветствие, пожелание, поздравление)

В 1-м лице (намерение, призыв, божба и др.):

(20) *Te-źàv-tar ka muřə phràl, te-dikhàv kàj muřə phralořə.*
‘Поеду-ка я к своим братьям, погляжу, где мои братики.’
(21) *Àjda phiràs dùj-ženè, màj-v’àselo dùj-ženè.*
‘Давай будем ходить вдвоём, веселей вдвоём.’

В 3-м лице (приказ, пожелание, в т. ч. проклятие и др.):

(22) *Sò sy, gaźì? Mèk źàl-tar!*
‘Кто это, русская? Пусть уходит!’
(23) *(Te-)xàl-tu ə phùv ə kalì.*
букв. ‘Чтоб съела тебя земля чёрная.’
(24) *Mùk ť-avèl s*[*o*] *avèla.*
‘Пусть будет что будет.’

Иногда клитика *te-* факультативна. Во многих случаях (в разных лицах) употребляются частицы *mèk* ‘пусть’, *hàjda*, *àś ~ àš-ta* ‘давай’ (подробно о семантике и частицах и примеры: см. 4.7.3).

(з) в вопросительных предложениях

Как и в побудительных предложениях, зависимое наклонение подчёркивает, что действие не совершено, ср. общий вопрос:

(25) *Sàr gyndìs: te-śùdav o dàřo?*
‘Как считаешь: мне кинуть взнос?’ (денежный подарок молодожёнам)

Такие вопросы часто призваны разрешить сомнения и т. п., ср. специальный вопрос:

(26) *Sàr te-źàv mè là-te te-tomnìv-la?*
‘Как я пойду к ней свататься к ней?’

Нередки риторические вопросы с зависимым наклонением:

(27) *Sòde te-xàh anda le tatàh-ko mandìn?*
‘Сколько нам [можно] есть из папиного имущества?’

Различные типы вопросов даём в разделе о вопросительных предложениях (см. 4.7.2).

(и) особые случаи

При повествовании изредка зависимым наклонением обозначают предстоящее действие (может быть, это эллипсис *trubùl* ‘надо’; неясно):

(28) *Vazl’à-pe pe kod’à xàr. Kana te-arəsən ande ampərəcỳja ka-j raklì.*
‘Поднялся на тот холм. И тут вот-вот прибудут они в царство к девушке.’

(29) *Là phend’à o raklò sà* [...] *aj lèl la rakl’à. Kana te-avèn-tar khərà.*
‘Взял, сказал парень всё [...] и берёт девицу. И тут вот-вот вернутся домой.’

В похожем случае как будто опущен фазовый глагол типа *lèl* ‘начать’:

(30) *Vòn te-marən-pe, vòn te-mudarən-pe!*
‘А они [давай] драться, они [давай] убивать друг друга!’

В совсем другом случае — вводное выражение, в котором повторяется глагол; это особый случай выноса (см. 4.8.7):

(31) *Te-źanèn, sà źanènas, vòn sà źanènas, ə cygənìja.*
‘Знать[-то] они всё знали, они всё знали, цыганство.’

(32) *Te-potinèn, ćì-potinènas.*
‘Платить они не платили.’

4.2.6.2.3. Сослагательное наклонение

Под общим названием «сослагательное» мы объединяем два наклонения: **сослагательное потенциальное** и **сослагательное гипотетическое**. Первое из них употребляется в главных предположительных предложениях (‘наверно, будет; а вдруг будет’) и в придаточных предложениях **открытого условия** (‘если / когда будет’). Второе — в главных предложениях пожелания (‘ах, если бы...’) и в придаточных предложениях **гипотетического** условия (‘если бы было’).

Общим элементом значения сослагательности является умозрительность, предположительность действия, в т. ч. когда оно служит условием для другого действия.

🛠 Может быть, неудачно, что наклонение, фигурирующее в предложениях условия, называется «сослагательным», а не «условным» (хотя именно «условным» мы называем наклонение в главном предложении гипотетических условных конструкций).

Проклитика *te-* (см. 3.11.13.1) в ряде контекстов может (или должна) опускаться. Отрицание при наличии *te-* выражается проклитикой *nà-* (см. 3.11.13.3).

Семантическое различие между сослагательным потенциальным и гипотетическим состоит в степени «ирреальности». Потенциальное указывает на осуществимое предположение, а гипотетическое противоречит фактам. Это различие можно толковать и как временно́е (будущее : небудущее), что, однако, в целом избыточно ввиду чёткого распределения этих двух видов сослагательного по синтаксическим контекстам.

4.2.6.2.3.1. Сослагательное потенциальное

Передаётся «долгими» формами инфекта (см. 3.11.3.6), причём постфикс *-a* — единственный стабильный показатель сослагательного потенциального (но у глагола-связки *sy* он иногда появляется и в изъявительном: *avèl(a)* ʻбудетʼ). Только связка имеет особую сослагательную основу *av-* (она же — в будущем времени изъявительного). Встречается:

(i) в главном предложении

Сослагательное потенциальное употребляется факультативно (наряду с изъявительным) в предположительных предложениях (см. 4.2.6.5.1), где речь идёт о действиях, мыслимых как возможные в будущем. Такие глагольные формы имеют проклитику *kam-*:

(1) *Kam-avèna tehàra leràj.*
ʻМожет быть, завтра придут власти.ʼ

Сослагательное потенциальное сочетается и с вводным словом ¦*ambòrim* ʻможет бытьʼ (см. 4.3.8.1.1). Клитика *te-* в предположительных предложениях не употребляется («вместо» неё — клитика *kam-* или вводное слово). Отрицание выражается клитикой *ći-*:

(2) *Kam-ći-mekə̀na-ma anda-j bòľnica.*
ʻНаверно, не отпустят меня из больницы.ʼ

В приведённых предложениях налицо неуверенность говорящего в своём предсказании, которая, по-видимому, и выражается постфиксом *-a* (здесь факультативным).

(ii) в придаточном предложении

Сослагательное потенциальное употребляется в обстоятельственных придаточных предложениях: условия (они всегда бессоюзны), а также в других, когда в них имеется оттенок условия: времени, уступки, свободных относительных предложениях.

В части случаев имеется проклитика *te-*. В зависимости от типа придаточного предложения сослагательное потенциальное фигурирует в следующих моделях (примеры см. ниже), из которых явствуют и правила употребления *te-* и отрицания (для примера берём глагол *dèl* ʻдатьʼ; союз и местоимения могут быть другими):

тип предложения:	модель	
условия:	*te-(nà-) dèl·a*	ʻесли (не) даст’
	(ći-) dèl·a	ʻесли (не) даст’ (реже)
времени:	врем. союз:	
	kana (ći-) dèl·a	ʻкогда (не) даст’
уступки:	вопр. местоим.:	
	kòn te-(nà-) dèl·a	ʻкто б ни дал’
свободное относительное:	вопр. местоим.:	
	kòn (ći-) dèl·a	ʻкто (не) даст [тот ...]’

Таким образом, проклитика *te-* в какой-то мере факультативна в условиях (но обычно есть); запрещена после временного союза; обязательна после местоимения в предложении уступки; запрещена после относительно-соотносительного (по форме вопросительного) местоимения в свободном относительном предложении.

⏳ Проклитика *te-* применяется в предложениях условия и уступки, но также вводит зависимое наклонение. Эта омонимия, возможно, калькирует подобное положение в старорумынском, где частица *să* употреблялась в т. ч. в значении ʻесли’ [Dindelegan 2016: 15].

Синтаксические контексты — только в придаточных предложениях:

(а) предложения условия

Здесь проклитике *te-* можно приписать значение ʻесли’:

(3) 👂 *Te-kàrďuvava mè avcỳn, mè phàďuvav!*
ʻЕсли я превращусь в сталь, я сломаюсь!’

(4) 👂 *Te-nà-anèsa màn-gə ťa phả, làv ti kòř telè, śinàv-tu!*
ʻЕсли не приведёшь ко мне свою сестру, я тебе шею срублю, порублю тебя!’

С глаголом *sy* ʻбыть’:

(5) *Te-avèla-ma lovè tehàra, potinàv tù-kə.*
ʻЕсли у меня будут деньги завтра, я тебе заплачу.’

(6) *Te-avàva maškar ə bàr, śò-tu màn-de.*
ʻЕсли буду в таборе, заходи ко мне.’

В предложениях условия проклитика *te-* изредка опускается, особенно при отрицании (примеры и подробности: см. 4.12.5.5б).

(б) предложения времени

В предложениях времени сослагательное часто употребляется, когда речь идёт о будущем, видимо, в связи со смысловым оттенком условия (но возможно и изъявительное, см. 4.12.5.2а). Здесь всегда имеется временной союз (обычно *kana* ʻкогда’), причём проклитика *te-* запрещена:

(7) 👂 *Kana vòn pravarə̀na-la, dèna pàj la rikojoř̀à aj avèna-la glatìcy, atùnći lèl-pe i o ràt pa lèn-gə vàst.*
ʻКогда они накормят её, дадут воды собачке и будут у неё детки, тогда смоется и кровь с их рук.’

Как видим, проклитика *te-* отсутствует у всех сочинённых сказуемых (т. е. дело не в позиции, а именно в типе предложения).

(в) предложения уступки

В предложениях уступки сослагательное тоже факультативно (см. 4.12.5.6), но если оно налицо, то проклитика *te-* обязательна, а отрицание *-nà-* факультативно и никак не меняет смысла:

(8) 👂 *Kòn te-nà-pašòla, pòdo nàj ka khər.*
ʻКто бы ни приблизился, моста нет у дома.’

(9) 👂 *Àle tàtə, źà p-o bazàri te-bitinèh-leh. Sòde milivònuri te-dèna, te-nà-leh!*
ʻНа, папа, иди на базар продать его. Сколько бы миллионов [ни] дали, не бери!’

(г) свободные относительные предложения

В свободных относительных предложениях с соотносительным словом (см. 4.12.4.1), при оттенке множественного выбора, сослагательное наклонение обычно; при этом частица *te-* запрещена:

(10) *Kòn astaràla le ćoràs, kodolès-kə dàv sà barvalimòs muřò.*
‘Кто поймает вора, тому дам всё богатство моё.’

Между внешне схожими примерами предложения уступки (9) и свободного относительного (10) (в первом проклика *te-*, во втором нет) имеется, по-видимому, фундаментальное различие, влияющее на употребление *te-*. В примере (10) именное предложение *kòn astaràla le ćoràs* [*kodolès-kə*] ‘кто поймает вора [тому] ’ — обязательный член главного предложения и входит в модель управления его сказуемого (как косвенное дополнение).

Во всех приведённых примерах речь идёт об ирреальных событиях, которые, однако, вполне могут совершиться.

4.2.6.2.3.2. Сослагательное гипотетическое

Эти формы мы выделяем в особую парадигму (см. 3.11.4.7), хотя она отличается от парадигмы «плюсквамперфекта» (формы перфекта + *-(s)as*, см. 3.11.4.6) только одной факультативной формой (3.ед. = 3.мн. *-ino(sas)*).

Таким образом, для выражения гипотетического условия можно прибегать к «плюсквамперфекту» во всех формах, ср. *te-tindèmas* ‘если бы я купил’, *te-tinďàsas* ‘если бы он(а) купил(а)’ и т. д., но всё же в обоих числах 3-го лица обычно употребляется особая «сослагательная форма», т. е. имеется колебание (только в 3-м лице), ср.:

3.ед.	*te-tinďàsas*	~ чаще	*te-tindinò(sas)*	‘если бы он(а) купил(а)’
3.мн.	*te-tindèsas*	~	*te-tindinò(sas)*	‘если бы они купили’

При этом, кажется, факультативный постфикс *-sas* (только во второй из этих форм) на значение никак не влияет.

Сослагательное гипотетическое наклонение всегда выражает ирреальную модальность:

(i) в главном предложении

Гипотетическое условие можно усматривать в предложениях (неосуществимого) пожелания (см. 4.7.4):

(1) *Mulèm te-xàv. Te-avilinò màn-gə katkà, phèn-kə, khə khajnì vàrkə kotòr màs!*
‘Смертельно проголодался. Явилась бы мне тут, мол, курица или кусок мяса!’

(ii) в придаточном предложении

Только в предложениях гипотетического условия (‘если бы...’, см. 4.12.5.5в):

(2) *Te-avilèmas mè gaźì, sas-kə-bešàv and-o fòro.*
‘Будь я русской, жила б в городе.’

(3) *Te-malaďànas-ma, mè nas-kə-kəràv khànći.*
‘Если б ты меня ударил, я ничего бы не сделал.’

В 3-м лице:

(4) *Te-avilinò(sas) ťo phràl kaćè, sas-kə-thàs skafedì.* ~ *te-avilòsas* (редко)
‘Если б сюда пришёл твой брат, мы бы накрыли стол.

(5) *Te-tindinò(sas) vòn tumarò khər, kàj sas-kə-mutìn-tume?* ~ *te-tindèsas* (редко)
‘Если б они купили ваш дом, куда б вы переехали?

Кажется, иногда возможны и условные (временны́е?) союзы, тогда без *te-* (сомнительно; может быть оговоркой):

(6) 👁 *Pyřysarďà... sar phendinò divàno, fsʹò, kolà, lèl-pe sà pa là-te, nàj vòja te-pyřỳl-pe.*
‘[А если] проговорился... коль бы рассказал, — всё, эти, снимается всё с неё: нельзя проговориться.’

4.2.6.2.4. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение выражается формой императива. Её мы принимаем за основу классификации глагольных основ (см. 3.11.3.3). Этой формой выражаются только команды или просьбы, обращённые к собеседнику (или собеседникам), т. е. ко 2-му лицу (отрицание *nà-*):

(1) *Bèš telè!*
‘Садись!’
(2) *Dèn màn-gə dùma tehàra.*
‘Позвоните мне завтра.’
(3) *Nà-dara kata muřò źukəl.*
‘Не бойся моей собаки.’
(4) *Řòma, thò ti ràm katkà!*
‘Дружище, подпишись тут!’ (букв. ‘поставь свою подпись’)

К формам императива (без отрицания) справа может примыкать клитика *-ta* (см. 3.11.13.8), имеющая усилительное или, наоборот, смягчительное значение, но, кажется, всегда торопящая, т. е. показывающая, что говорящий желает быстрого выполнения (поэтому *-ta* невозможно в абстрактных инструкциях):

(5) 👂 *Tiràv anda sòs-te-gòdi kamès, sò-gòdi plaćàl-tu, aj dìkh-ta sò xàl vòj.* /dìkta/
‘Готовь из чего хочешь, всё что тебе нравится, и смотри-ка, что ест она.’
(6) ♪ *Pàle Màśo mùj kaj-ďàs: || Dè-ta-ma myřə cərùlʹa.*
‘Снова Машё да и крикнул: «Дай-ка мне мои лапти».’
(7) ♪ *Dilabà-ta màn-gə tù!*
‘Спой-ка мне ты!’
(8) ▶ *Xarùnde-ta-ma katkà xancořỳ!*
‘Почеши-ка меня тут чуток!’
(9) 👂 *Pùś-ta-les, kə̈j lès-ti zòr?*
‘Спроси-ка его: где его сила?’

Отметим сочетание клитик (*-ta* + дополнение) в примерах (6), (8), (9).

Вместо *dìkh* ‘смотри’ (от *dikhəl*), *mèk* ‘пусти’ (от *mekəl*) перед согласными энклитик частотны особые формы *dì*, *mè* (см. 1.3.6):

(10) 👂 *Dì-ta, dèvla, pala kakò kotòr smàla trubùl te-maràv-ma!*
‘Смотри-ка, боже, за этот кусок смолы должен я воевать!’
(11) 👂 *Mè-le, nà-tìde, phèn-kə. Àjda khərà!*
‘Ну его, не собирай [золото], говорит. Айда домой!’

Частицу *(h)àjda* ‘давай’ можно считать формой императива, т. к. она имеет факультативную форму мн. *(h)àjdan* ‘давайте’ (тогда это дефективный глагол, имеющий только императив). Особенно ярко это проявляется, когда далее нет другого глагола (впрочем, можно считать, что подразумевается *(te-)źàs* ‘идём(те)’, *(te-)źàn* ‘идите’):

(12) 👂 *Àjda źì amèn-de te-dikhàl-tu ťo phràl, dèla.*
ʻДавай к нам, чтоб увидел тебя твой брат, и всё такое.ʼ

(13) ♪ *Aj àjdan śavàle ka bìrto!*
ʻА айда, ребята, в кабак!ʼ

После *(h)àjda(n)* может также идти форма императива:

(14) 👂 *Àjda śò-tu katkà, ande ľuľàva, katkà, te-dikhàv sàr mudaràh-ma, te-dikhàv.*
ʻДавай, залазь вот сюда, в трубку, вот сюда, чтоб я посмотрел, как ты меня убьёшь, чтоб посмотрел.ʼ

После *(h)àjda(n)* могут также стоять формы зависимого наклонения 1.мн. или 2.мн. — факультативно с клитикой *te-*. Форма *mè(k) ~ mùk* бывает частицей ʻпустьʼ с зависимым наклонением. Побудительные значения могут передаваться и зависимым наклонением (см. 4.2.6.2.2). Частицами следует также считать формы *àś-ta* ʻдавай(те)ʼ и *àn-ta* ʻдай(те)-каʼ, т. к. они не изменяются по числам (см. также 4.7.3).

4.2.6.2.5. Условное наклонение

Обозначает действие, которое могло бы совершиться при выполнении гипотетического условия (в т. ч. неявного). Как и сослагательное гипотетическое, выражает ирреальную модальность (но не в придаточном предложении, а в главном). Имеются две группы форм:

(i) без проклитик

Маргинально в таком значении употребляются формы относительных времён с постфиксом *-(s)as*, см. (см. 3.11.3.7, 3.11.4.6), ср. пример со связкой — значение ирреальности в настоящем или будущем времени (форма «имперфекта»):

(1) ◀ *Te-arakhàv*[*a*] *akanà, mè baxtalì barì sỳmas!*
ʻЕсли найду сейчас [косточку с червяком или мушкой — средство от бесплодия], я очень счастлива была бы.ʼ

По-видимому, это более характерно для предложений без условной части:

(2) ? *Mè avàvas, no mè zàn̓ato sym.* [Кож.]
ʻЯ бы пришёл, но я занят.ʼ

(3) *Kàna màj-avèsas?* [Кож.]
ʻКогда бы ты ещё пришёл?ʼ (ʻпридёшьʼ)

Спорадически в прошедшем времени встречаются формы «плюсквамперфекта» (но не «имперфекта»):

(4) ? *Te-ďàsas o bryšỳn aratì, bešlèmah màn-gə khərà.* **~ bešàvah [Кож.]
ʻЕсли бы вчера шёл дождь, я бы сидел себе дома.ʼ

Распределение этих способов выражения условного наклонения, очевидно, связано со временем, однако в речи эти формы встречаются редко, а цитируются с сомнением.

(ii) с проклитиками

Гораздо чаще формы условного наклонения — безотносительно времени — образуются двумя проклитиками *sas-kə-* букв. ʻбыло, чтоʼ (отрицание: *nas-kə-*, см. 3.11.13.2), а также крайне редко (реликтово, обычно у старшего поколения) *sas-te-* (отрицание: *nas-te-*) + краткая форма инфекта, ср. *sas-kə-meràv* ʻя бы умерʼ. Эта форма инфекта тождественна форме зависимого наклонения (т. е. глагол *sy* ʻбытьʼ выступает всегда с супплетивной основой *av-*).

⏳ Показатель условного наклонения (т. е. ирреального в главном предложении) *sas-kə-* — уникальная и, судя по всему, относительно новая черта говора молдовая. В других кэлдэрарских говорах это значение выражается, очевидно, более старым *sas-te-*, а также формами относительных времён (с постфиксом *-(s)as*, причём в 3-м лице возможна и «сослагательная форма» на *-ino(sas)*). Таким образом, ср. молд. *sas-kə-źàl* ʻпошёл бы’ : нек. немолд. *sas-te-źàl*, *gəlinò*, *gəlòsas* (?) и даже *źàlas* ʻтж.’, ср. [Кожанов 2013: 98]. У молдовая в том же значении (?) изредка бывает и *sas-te-* (видимо, только у старшего поколения), а остальные приведённые формы употребляются в совсем других значениях (*gəlinò* ~ *gəlòsas* — сослагательное гипотетическое, *gəlòsas* и *źàlas* — соответственно предпрошедшее и прошедшее неоконченное изъявительного). Скорее всего, неупотребление этих форм в условных значениях у молдовая — результат недавней грамматикализации и специализации какой-то конструкции типа **sàs kə źàl* букв. ʻбыло, что пойдёт’, имевшей значение (немодального) будущего в прошедшем (глагол после изъяснительного союза *kə* стоял в изъявительном наклонении, в значении будущего). При этом старая конструкция, ср. *sàs te-źàl* (с зависимым наклонением), — это просто прошедшее время модальной конструкции типа *sỳ te-źàl* ʻон должен пойти’ (именно так в нашем говоре, см. 4.6.1.4). Очевидно, у молдовая она грамматикализовалась в меньшей степени или же была вытеснена оборотом с *sas-kə-* (с изъявительным наклонением). При этом, судя по всему, маргинально в этом значении сохраняются формы относительных времён, не осложнённые клитиками: *sas* ʻбыл бы’ (вероятнее всего, такое употребление восходит к общецыганскому).

Часто выступает в сложноподчинённых предложениях с придаточным предложением, содержащим сослагательное гипотетическое наклонение (ʻесли бы..., то... бы’):

(5) *Te-avilinòsas-les lovè kukò bàrš, vò sah-kə-laśaràl pèh-kə khàr.* [Кож.]
ʻЕсли бы у него были деньги в прошлом году, он бы построил себе дом.’

(6) *Te-nà-dinò o bryšỳnd akanà, nàs-kə-bešàv khərà.*
ʻЕсли бы сейчас не шёл дождь, я бы не сидел дома.’

По-видимому, это «согласование наклонений» нестрого, ср. пример с сослагательным потенциальным (с нарушением: *avèl* вм. *avèla*) в придаточном условия:

(7) 👂 *Te-avèl muřò phralořò vàre-katàr-gòdi, tù sah-kə-mudaràh-le, sah-kə-śinès-le?*
ʻЕсли придёт мой братец откуда-нибудь, ты бы его убил, порубил бы?’

Условие часто отсутствует, тогда придаточного предложения нет. В таких предложениях условное наклонение обозначает возможность, желание, просьбу и т. п.:

(8) *Mè sah-kə-màj-avàv tumèn-de.* [Кож.]
ʻЯ бы ещё к вам пришёл.’

(9) *Sah-kə-laśaràs myřò kampʼùtəro?* [Кож.]
ʻПочинишь мой компьютер?’

(10) *Mè gyndìv kə vò sah-kə-źàl khərà.* [Кож.]
ʻЯ думаю, что он пошёл бы домой.’

Пример условного наклонения в относительном предложении:

(11) *Màn trubùl-ma manùš kaj sah-kə-laśaràl màn-gə plìta.* [Кож.]
ʻМне нужен человек, который бы сложил мне печку.’

Показатель условного наклонения употребляется (не всеми носителями) и без самого глагола. На вопрос (9) можно ответить эллиптически:

(12) а. *Sàh-kə.* ***sàs* [Кож.]
ʻДа.’ (т. е. ʻпочиню’)

б. *Nàh-kə.* ***nàs*
ʻНет.’ (т. е. ʻне починю’)

Вместо *sas-kə-* некоторые носители, как мы уже сказали, допускают *sas-te-*:

(13) ? *Te-nà-dinò o bryšỳn, mè sas-te-źàv p-əl gavà.* [Кож.]
ʻЕсли бы не (по)шёл дождь, я бы поехал на заработки.’

4.2.6.3. Описательное выражение модальностей

Часть модальных значений получает формальное выражение в пределах узкой или широкой глагольной словоформы — тогда мы говорим о наклонениях (см. 4.2.6.2). Другие значения, которые можно считать модальными, выражаются описательно, отдельными словами (в первую очередь глаголами), управляющими фразовыми членами. Хотя в рамках нашей схемы это не относится к теме глагольной группы, перечислим здесь такие значения с примерами конструкций и отсылками к подробным их описаниям:

(а) желание

Основной глагол желания — *kamèl* ‘хотеть’ (см. 4.5.10.1.2а):

(1) *Kamès te-xàs?*
‘Хочешь есть?’

Иногда в близком значении употребляется *mangəl* букв. ‘просить’.

Особое значение непреодолимого желания передаётся конструкцией с глаголом *avèl* ‘приходить’ (по форме совпадающим с будущим временем связки); эту конструкцию можно считать безличной (но необязательно):

(2) *Avèl màn-gə te-śàdav.*
‘Мне хочется блевать.’

(б) разрешение

Безличная связочная конструкция с расширением *vòja* ‘воля’ (см. 4.5.8.1):

(3) *Nàj vòja te-cypìs.*
‘Нельзя кричать.’

(в) способность, возможность

Единственное в своём роде модальное слово *šàj* ‘возможно, мочь’ (отрицательная форма *naštì*) ведёт себя как гибрид частицы и наречия; есть и обычный по форме глагол *daštìl* ‘мочь’ (отрицательная форма *naštìl*) с отчасти необычным управлением (см. 4.6.3):

(4) *Šàj kəràs bùt lovè.*
‘Ты можешь заработать много денег.’

(5) *Naštìv phùrdav.*
‘Не могу дышать.’

Косвенные вопросы возможности участвуют в особой конструкции с *sỳ* — чаще в его отрицательной форме *nàj* (см. 4.6.1.2):

(6) *Nàj kàj te-źàv.*
‘Мне некуда идти.’

Возможно и особое употребление глаголов в изъявительном наклонении (очевидно, только в инфекте) с отрицанием, часто с усилительным обстоятельством *dətàt* ‘совсем’ — для выражения модального значения неспособности, невозможности преуспеть в действии, тщетности попыток:

(7) *Aj kòn-gòdi ćì-źàl lès-te te-mangəl lès-ka śà, nùma lèn lèn-gə kořà telè. Ćì-məritìl-la dətàt, la rakl'à.*
‘И кто б ни приходил к нему просить [руки] его дочери, только рубят им головы. Никак не выдаст её, девушку.’

(8) *Sò raklò, bagatỳri, manàj ćì pe lùmʼa, ćì p-o ćèm lès-tar, khònik ćì-mudarə̀l-les dətə̀t.*
ʻНу и парень, богатырь, больше нет ни в народе, ни в мире [сильней] его, никому не убить его вообще.ʼ

(г) необходимость, долженствование

Разные нюансы необходимости, потребности, долженствования выражаются особой конструкцией с *sỳ* (см. 4.6.1.4):

(9) *Sỳ (amèn-gə) te-kəràs butì.*
ʻ(Нам) надо работать.ʼ

В похожем значении выступает глагол *trubùl* ʻтребоваться’ (см. 4.6.2):

(10) *Trubùl te-ampətìs-ame.*
ʻНам надо помириться.ʼ

Безличная конструкция *sy* (здесь это связка, см. 4.5.8.1) с расширением *mùsaj* выражает наибольшую степень обязательности:

(11) *Mùsaj (tù-kə) te-avès tehàra.*
ʻТы должен прийти завтра.ʼ

При этом *musàj* может быть наречием ʻобязательно’:

(12) *Vò mùsaj avèlas tehàra te-màj-ašunèl ə prədəlžə̀nija.* [Кож.]
ʻОн обязательно приходил [на]завтра, чтобы ещё послушать продолжение.ʼ

Как наречие оно сочетается в т. ч. с глаголами долженствования:

(13) *Mùsaj trubùl te-źàv and-o fòro.*
ʻМне обязательно надо ехать в город.ʼ

(д) вероятность

Низкую вероятность (ʻможет быть’) можно выразить словом *šàj*, чьё основное значение — способность (см. 4.6.3):

(14) *Vòn šàj avèn amèn-de tehàra.*
ʻОни, может быть, придут к нам завтра.ʼ

Нередко применяются окказионализмы из III пласта: *navèrno*, *mòžət (bỳtʼ)*.

Высокую вероятность положения, в истинности которого говорящий почти уверен, можно выразить конструкцией с глаголом *trubùl* ʻнадо, требуется’ (см. 4.6.2):

(15) *Lèh-ko śàv trubùl te-źanès-le.*
ʻЕго сына, наверно, знаешь.ʼ

(16) *O Rùpa trubùl tʼ-avèl khərə̀.*
ʻРупа, наверное, дома.ʼ (ʻдолжен быть дома’)

4.2.6.4. Система глагольного времени

Глаголы, в отличие от прочих частей речи, не просто обозначают то или иное явление, но описывают его «поведение» на временно́й оси. Глаголом можно обозначить процесс (действие или состояние), так или иначе протекающий во времени, а также части — или **фазы** — этого процесса. Обозначаемые глагольными формами фазы зависят от различных факторов. Мы описываем систему глагольного времени исходя из комбинации фаз и собственно временны́х значений (положения на временно́й оси).

4.2.6.4.1. Фазы глагольного действия

Для понимания системы времён и значений отдельных форм в разных контекстах необходимо разобраться в разных типах протекания глагольных действий и в их фазах.

Глаголы обозначают разнообразные действия, причём одни из них мыслятся как **миг** (точка во времени), а другие — как процесс или состояние: **ход** действия (протяжённый во времени или вечный), ср.:

(1) *Arakhlèm ək řùbla.* (миг)
ʻЯ нашёл рубль.ʼ

(2) *Aźukəràv muřə phralès.* (ход)
ʻЯ жду своего брата.ʼ

В примере (1) ʻнаходкаʼ предстаёт как точка на временно́й оси, причём состояние вне этой точки (до или после) невозможно выразить тем же глаголом (*arakhàl*).

В примере (2), наоборот, выражается состояние ʻожиданияʼ, распространяющееся в обе стороны от текущего момента, причём всё это состояние называется одним глаголом (*aźukəràl*). Этим глаголом нельзя назвать какой-либо конкретный миг.

Гораздо чаще, однако, у обозначаемого глаголом действия имеются **пределы**, т. е. связываемые с его ходом начало или конец, ср. отвлечённый пример — начало: ʻя запомнилʼ, ход: ʻя помнюʼ, конец: ʻя забылʼ. Большинство глаголов способно выражать и ход действия, и один из его пределов:

(3) а. *Muřò khàr phabòl.* (ход)
ʻМой дом горит.ʼ

б. *Muřò khàr phabulò.* (конец)
ʻМой дом сгорел.ʼ

(4) а. *Dukhàl-ma o šərò.* (ход)
ʻУ меня болит голова.ʼ

б. *Dukhajà-ma o šərò.* (начало)
ʻУ меня заболела голова.ʼ

Исходя из сказанного, можно разделить все глаголы на четыре группы, которые можно назвать **фазовыми типами**:

— мгновенные: обозначают только миг (точку, событие)
— беспредельные: обозначают только ход (процесс, состояние)
— конечно-предельные: обозначают и ход, и его естественный конец
— начально-предельные: обозначают и ход, и его естественное начало

Под «естественными» началом и концом понимаются события в крайних точках хода действия, которые язык настолько тесно связывает с самим действием, что довольствуется одним словом для обозначения действия в целом, его протекания и одной из этих точек. Вопрос о принадлежности к одной из данных групп относится к лексической семантике каждого глагола.

Все глаголы, помимо фаз, соответствующих их «первичным» значениям, могут иметь также «вторичные» фазы **суммы** (действие воспринимается как точка без деления на фазы) и **разброса** (действие происходит с неопределённой кратностью). В значении разброса, кажется, повторяется всё действие целиком (как сумма), а не отдельные фазы.

Фазовые значения (первичные и вторичные) возможны не во всех подпарадигмах глагола. Та или иная форма может выражать одно или несколько фазовых значений в зависимости от времени, о котором идёт речь. Фазовые значения распределяются по парадигме глагола нетривиальным образом (см. 4.2.6.4.4.2).

В разных (под)значениях «одного и того же» глагола распределение фаз может различаться (тогда имеет смысл делить глагол на омонимы разных фазовых типов). Приведём примеры глаголов всех четырёх типов со значениями (одним для непредельных или двумя для предельных). Следует иметь в виду, что эта классификация не может быть строгой, т. к. опирается не на грамматические, а на лексические факты. Здесь в таблицах будем переводить предельные (и мгновенные) значения русским совершенным видом, а беспредельные (и хода) — несовершенным:

мгновенные	*arakhàl*	ʻнайти’		
	arakhàďol	ʻродиться’		
	tràdel	ʻуехать’		
		начало	ход	конец
беспредельные	*gyndìl-pe*		ʻдумать’	
	trajìl		ʻжить’	
	ròdel		ʻискать’	
	aźukəràl		ʻждать’	
	phiràl		ʻходить’	
	divinìl		ʻбеседовать’	
	buśòl		ʻназываться’	
	m’à(zo)l		ʻпоходить’	
	źanèl		ʻзнать’	
	asàl		ʻсмеяться’	
	rovèl		ʻплакать’	
	sovèl		ʻспать’	
	khàndel		ʻпáхнуть’	
конечно-предельные	*phabòl*		ʻгореть’	ʻсгореть’
	kəràl		ʻделать’	ʻсделать’
	dinèl		ʻчитать’	ʻпрочесть’
	astaràl		ʻловить’	ʻпоймать’
	bystràl		ʻзабывать’	ʻзабыть’
	avèl		ʻидти [сюда]’	ʻприйти’
	źàl		ʻидти [туда]’	ʻуйти’ (см. ниже)
	tinèl		ʻпокупать’	ʻкупить’
	phenèl		ʻговорить’	ʻсказать’
	xàl		ʻесть’	ʻсъесть’
	xlèl-pe		ʻсрать’	ʻпосрать’
	xoľaràl		ʻзлить’	ʻразозлить’
	kaľòl		ʻчернеть’	ʻпочернеть’
	bilàl		ʻтаять’	ʻрастаять’
начально-предельные	*bešàl*	ʻсесть’	ʻсидеть’ (см. ниже)	
	aśèl	ʻостаться’	ʻоставаться’	
	pašľòl	ʻлечь’	ʻлежать’	
	dukhàl	ʻзаболеть’	ʻболеть [о части тела]’	
	haťaràl	ʻпонять’	ʻпонимать’	
	kamèl	ʻзахотеть’	ʻхотеть’	
	plaćàl	ʻпонравиться’	ʻнравиться’	
	xoľàvol	ʻразозлиться’	ʻзлиться’	

Как видно, фазовый тип глаголов и их предельные значения не всегда вытекают из «универсальных» свойств того или иного действия. Так, глагол *dukhàl* — начально-предельный и имеет значения ʻзаболеть; болеть [о части тела]’, а *khàndel* — беспредельный, только ʻпáхнуть’ (не **ʻпропахнуть’ и т. д.).

Мгновенных глаголов довольно мало. Обозначаемые ими действия воспринимаются как точечные и не привязаны к каким-либо фазам. Например, по поводу глагола *arakhàl* ʻнаходить’ можно заметить, что находка необязательно обусловлена предшествующим поиском (есть другой глагол *ròdel* ʻискать’). Иначе с глаголом *astaràl* ʻловить; поймать’, ср. *astaràl maśò* ʻловить рыбу’ (это значение можно воспринимать и как многократное).

Беспредельные глаголы обозначают действие, не увязываемое с «естественными» крайними точками (т. е. для языкового сознания — ни с чего конкретного не начавшееся и ни к чему не ведущее), ср. глагол *aźukəràl* ʻждать’, не выражающий ничего, кроме процесса ожидания независимо от его результата.

Основная масса глаголов — конечно-предельные: процесс стремится к успешному завершению и в итоге обычно его достигает, ср. *anèl* ʻнести; принести’, *xasàvol* ʻ[постепенно] теряться; потеряться [окончательно]’. Здесь важен конец процесса, а начало «неинтересно» (и не может быть выражено тем же словом).

Меньшее число глаголов — начально-предельные: для них важно событие, как бы запускающее состояние, которое, наступив, называется тем же глаголом, ср. *pašľòl* ʻлечь; лежать’. Многие начально-предельные глаголы в своей фазе хода употребляются статически (*plaćàl* ʻнравиться’, *haťarəl* ʻпонимать’ и, возможно, др.).

В немногочисленных случаях представлены более сложные комбинации фаз.

Так, глагол *izdràl* имеет фазу мига ʻвздрогнуть’, а также хода (беспредельное значение) ʻдрожать’ (состояние), которые вряд ли являются фазами одного и того же действия. То же самое можно сказать о глаголах *piťàl* ʻкапнуть; капать’, *strefťàl* ʻблеснуть; блестеть’.

Глагол *sərəl* расщепляется на две начально-предельные пары значений ʻзапомнить; помнить’ и ʻвспомнить; помнить’:

(1) а. *Sər myřə vòrbi.*
ʻЗапомни мои слова.’
ʻВспомни мои слова.’ (чаще: *dèl gỳndo* + МЕСТ. ʻвспомнить’)
б. *Ćì-səràv sàr buśòs.*
ʻНе помню, как тебя зовут.’

Другой случай у глагола *tir’òl*: начально-предельная пара — ʻзакипеть; кипеть’ (начало = достижение точки кипения); конечно-предельные — ʻкипятиться; вскипеть’ (конец = достижение точки кипения), ʻвариться; свариться’ (конец = готовность пищи):

(2) а. *O pàj tirilò and-o tifàl’o.*
ʻВода закипела в электрическом чайнике.’
б. *O pàj tir’òl, mudàr ə jàg.*
ʻВода кипит, туши огонь.’
в. *Ə zumì tirilì.*
ʻСуп сварился.’

Особый случай — некоторые глаголы восприятия, у которых выделяется по два лексических значения, сложно переплетающихся, ср. *dikhàl*: ʻсмотреть [видя или не видя]’ (беспредельное); ʻувидеть; видеть’ (начально-предельное), но можно выделить и конечно-предельное ʻсмотреть; увидеть [в результате усилий]’. Подобный спектр значений у глагола *ašunèl* ʻслышать; слушать’. Однако *sungàl* ʻнюхать; чуять’ — только беспредельный (т. е. нет значения **ʻучуять’, которое передаётся иначе, например глаголом *haťarəl* ʻпонять, (по)чувствовать’):

(3) а. ** *O źukàl sungajà le ćoràs.*
б. *O źukàl haťarďà le ćoràs.*
‘Пёс учуял вора.’
в. *O źukàl sungàl le ćoràs.*
‘Пёс чует вора.’ (также ‘нюхает’)

Многозначный глагол *bešàl* имеет группу беспредельных значений ‘быть [покоиться, находиться где]; жить’, а также начально-предельное ‘встать, поместиться [куда]; стоять, находиться’ и более узкое ‘сесть; сидеть’. Важно отметить, что значение может существенно уточняться контекстом, который добавляет или исключает часть прочтений. Так, в мгновенном значении ‘сесть’, как правило, выступает сочетание с наречием, ср. имп. *bèš telè* ‘сядь’ (маргинально это сочетание проявляет себя как конечно-предельное: ‘садиться [например, медленно]; сесть’).

Сложен вопрос о фазах у глаголов движения *našàl* ‘бежать; убежать’ и *źàl* ‘идти; уходить’. Видимо, их следует разделять на два лексических значения: мгновенное: ‘убежать’, ‘уйти [откуда, от кого]’ и начально-предельное: ‘побежать; бежать’, ‘пойти; идти’ (начало и процесс), но в этих сложных случаях, видимо, возможны и другие толкования. Только беспредельное значение имеют глаголы движения *pràstel* ‘бежать, бегать’ и *phiràl* ‘ходить [ненаправленно]’. Только мгновенный — непереходный глагол *tràdel* ‘уехать; переехать’ в отличие от переходного ‘слать’ (конечно-предельного?).

Прочие особые случаи: ср. *xasàvol* ‘утрачиваться [постепенно]; утратиться’, но и мгновенное ‘потеряться’; *arəsàl* (в безличном значении) ‘хватать [= быть достаточным]’, мгновенное ‘хватить [для какой-то цели]’.

Подобный разбор неизбежно в какой-то мере произволен; он усложняется разнообразием оттенков и употреблений глаголов, а также тем, что фазы действия не всегда поддаются однозначному выделению.

В ряде случаев разные глаголы можно при желании считать супплетивными парами друг к другу, ср. беспредельный *khàndel* ‘пáхнуть’, но в качестве начального предела иногда может выступать *khandinìl* ‘пропахнуть’ (который сам конечно-предельный: ‘пропахивать [постепенно]; пропахнуть’).

4.2.6.4.1.1. Аналитическое выражение фаз

Каждый глагол, употреблённый автономно, в зависимости от своего фазового типа, временнóй формы и контекста имеет значение той или иной фазы. Так, конечно-предельные глаголы в разных ситуациях способны передавать первичные фазы хода и конечного предела. Однако у таких глаголов нет внутренне присущей фазы начального предела; для выражения этого значения используются другие средства:

(а) начало

Значение начального предела можно выразить глаголом *lèl* (букв. ‘брать’) + *te-* [зависимый оборот]. Это возможно, в основном, с глаголами, не имеющими фазы начала:

(1) *O raklò ľà te-asàl.*
‘Парень засмеялся.’
(2) *Ľà ə raklì te-lèl lèh-kə buťà, te-lèl lèh-kə dèluri.*
‘Началá девушка собирать его вещи, собирать его пожитки.’
(3) *Kaj-ľà te-tasavèl-les koŕà-tar, o rakloŕò cypisarďà: màmo!*
‘Да начал душить его за шею; мальчик крикнул «мама!»’
(4) *Lèm te-thàv-ma te-sovàv, ćì-lèl-ma ə lìndri.*
‘Начал я укладываться спать, нейдёт сон.’

Эта же конструкция, кажется, может иметь значение несостоявшегося («чуть не совершившегося») действия:

(5) 👂 *L'à te-dèl-les jàg, phèn-kə: Nà-de-ma jàg!*
ʻСобрался его застрелить, [а он] говорит: «Не стреляй меня!»ʼ (заяц)

Значение сродни начинательному бывает у глагола *thòl-pe* букв. ʻставитьсяʼ:

(6) 👂 *Aj thoďà-pe o phurò te-tìdel, te-tìdel o sumnakàj.*
ʻИ принялся старик собирать, собирать золото.ʼ

(7) ✍ *Avilò-tar and-o gàv, arakhľà o khər le phurořəs-ko aj la phurořà-ko, thoďà-pe te-bašavèl and-o vudàr anda sà pès-ki zòr.* [СЦЯ]
ʻПришёл в деревню, нашёл дом старичка и старушки, принялся стучать в дверь изо всей силы.ʼ

Кроме того, есть случаи супплетивных отношений между фазами. Можно постулировать такие пары (непереходную и переходную соответственно), где фазу начала выражает двухчастный глагол:

начало:		ход и конец:	
lèl jàg	ʻзагоретьсяʼ	*phabòl*	ʻгореть; сгоретьʼ
dèl jàg	ʻзажечьʼ	*phabarəl*	ʻжечь; сжечьʼ

А для некоторых беспредельных глаголов (имеющих только фазу хода) можно иногда подыскать особые способы выражения и начала, и конца (в данном случае в фазе начала «субъект» — дополнение):

начало:	ход:	конец:
lèl-les ə lìndri ʻзаснутьʼ букв. ʻберёт его сонʼ	*sovèl* ʻспатьʼ	*vuštèl anda-j lìndri* ʻпроснутьсяʼ букв. ʻвстать из снаʼ

Надо сказать, что эти соотношения не следует понимать буквально, т. е. вряд ли можно считать члены «фазовой тройки» грамматически строго соотнесёнными. Кроме того, существенно, что некоторые из этих глаголов могут сами быть предельными (ср. *lèl jàg*, ход: ʻзагораться [постепенно]ʼ, конец: ʻзаняться').

Другие подобные выражения с *lèl*, ср. *lèl-les ə dàr* букв. ʻберёт его страхʼ, выступают как начальный предел состояния, выражаемого безличной связочной конструкцией, ср. *dàr lès-kə* ʻон боитсяʼ (букв. ʻстрах емуʼ); они образуют в той или иной мере регулярные пары и рассматриваются отдельно (см. 4.6.5.2).

(б) конец

Конец непроизвольного (чаще беспредельного) действия (ʻперестатьʼ) выражается оборотом *atàrďol* + *anda* букв. ʻостановиться из...ʼ или (реже) + ОТЛ. (синтетический или аналитический) существительного на *-màs*:

(8) *Ə glàta atàrdili anda rojimàs.* ~ *kata rojimàs* ~ *rojimàs-tar*
ʻРебёнок перестал плакать.ʼ

(9) *Naštì atàrďovas anda asamàs.* ~ *kata asamàs* ~ *asamàs-tar*
ʻЯ не мог перестать смеяться.ʼ

Конец произвольного действия можно выразить глаголом *dèl gàta* ʻкончитьʼ с зависимым наклонением глагола действия или существительным:

(10) *Dèm gàta te-ramòv.* ~ *o ramomàs*
ʻЯ кончил писать.ʼ букв. ʻписаниеʼ

(в) миг

Глагол *lèl* также весьма частотен (обычно в повествовании) в сочинении с основным глаголом через союз *aj*. Вероятно, можно считать, что здесь особое значение мгновенности (можно считать это некоей производной фазой):

(11) *Lèl aj źàl-tar lèn-go phràl o màj-cygnò.*
ʻБерёт и уходит их младший брат.ʼ

(12) *Aj lèl aj dèl-les ə voglindùca əl trinè vintonèn-ca.*
ʻИ берёт [она] и даёт ему зеркальце с тремя винтами.ʼ

(13) *Lèl aj pašòl paša lès-te khə tatàřo: Katàr san, manùša anda dràgo dèl?*
ʻБерёт и подходит к нему татарин: «Откуда ты, благословенный человек?»ʼ

Реплики персонажей в сказках вводятся чаще всего именно таким образом:

(14) *Lèl aj phenèl o gràs kodò: Dè-ma dròm!*
ʻБерёт и говорит конь этот: «Отпусти меня!»ʼ

(15) *Lèl aj dikhàl ə raklì: vòn źàn anglàl, o pòdo tìdel-pe pala lèn-de, aśèl o khər maškar o pàj.*
ʻБерёт и смотрит девушка: они идут впереди, мост сжимается за ними, остаётся дом средь воды.ʼ

Между глаголом *lèl* и основным глаголом могут стоять другие слова, в т. ч. наречия, частицы (но не только, см. примеры ниже):

(16) *Lèl aj pàle phenèl o Màrko la rakl'à-kə: Pùš-les, kàj lès-ti zòr?*
ʻБерёт и опять говорит Марко девушке: «Спроси его, где его сила?»ʼ

Как правило, глагол *lèl* и основной глагол стоят в одном времени, причём чаще в непрошедшем (все предыдущие примеры), ср. также в прошедшем оконченном:

(17) *L'à o řòm aj laśarď à pànź karf'à.*
ʻВзял цыган и сделал пять гвоздей.ʼ

(18) *L'à o raklò aj gəlò-tar.*
ʻВзял парень и ушёл.ʼ

(19) *Aj dèl-pe gỳndo ka-j phabàj, l'à aj śinď à ə xajìng pa trušulès-te.*
ʻИ вспоминает о яблоке, взял и разрубил колодец крест-накрест.ʼ

Бывает и без союза (в непрошедшем у нас примеров нет):

(20) *L'à thoď à-la p-o vurdòn.*
ʻВзяла положила её на телегу.ʼ

Изредка глагол *lèl* — в прошедшем оконченном, а основной — в непрошедшем, ср. пример, в котором можно подозревать оговорку:

(21) *L'à aj kərď ol o ćèrko le arćićès-ko.*
ʻВзял и становится обручем оловянным.ʼ

Однако, возможно, иногда здесь есть оттенок несостоявшегося действия, т. е. как бы мгновенное начало, а дальше ход, ср. пример оттуда же, откуда пример (5):

(22) *L'à aj dèl jàg la hulp'à. Nà-de-ma jàg, kə mè prigadìv-ma tù-kə anglè.*
ʻВзял и стреляет лису. «Не стреляй меня, ибо я пригожусь тебе потом».ʼ

В некоторых случаях выступает возвратный глагол *lèl-pe*, часто с глаголами движения (особенно *źàl-tar* ʻуйтиʼ). Судя по всему, он имеет начинательное значение (как невозвратный *lèl*), но нередко трудно решить, значит ли он ʻсобраться, возыметь намерениеʼ или ʻубраться, удалитьсяʼ:

(23) ♪ *Mùj la dà-ko ćì-kangl'à || <u>l'à-pe aj gəlì-tar</u>.*
ʻМатери не послушалась, собралась да ушла.ʼ

(24) 👂 *<u>L'à-pe</u> <u>te-odinìl-pe</u> aj ankalavèl o patrèto.*
ʻСобрался [он] отдыхать и достаёт фотокарточку.ʼ

4.2.6.4.2. Динамические и статические глаголы

В большинстве случаев протекание действия во времени ощущается как важный компонент значения глагола. Такие действия или состояния — **динамические**: они тесно связаны с движением по временнóй оси, ср. примеры в настоящем времени:

(1) *Akanà <u>divinìv</u> muřà babà-sa.*
ʻСейчас я говорю со своей бабушкой.ʼ

(2) *Adès <u>bešàv</u> khərà.*
ʻСегодня я сижу дома.ʼ

Несмотря на очевидное различие между двумя приведёнными глаголами по степени «активности» деятеля («действие» : «состояние»), в обоих предложениях идёт речь о процессе, имеющем ограниченную длительность, а следовательно, начало и конец.

Динамическому употреблению противопоставлено **статическое**, при котором сообщается о том или ином «положении вещей». Многие глаголы можно употребить и динамически, и статически (поэтому в некоторых случаях имеет смысл ставить вопрос об омонимии), ср. те же глаголы:

(3) *<u>Divinìv</u> řomanès aj gaźikanès.*
ʻЯ говорю по-цыгански и по-русски.ʼ

(4) *<u>Bešàv</u> ande Ukrajìna.*
ʻЯ живу в Украине.ʼ

Ряд глаголов всегда употребляется статически: *źanèl* ʻзнать; уметьʼ, *buśòl* ʻназыватьсяʼ:

(5) *<u>Źanàv</u> sàr <u>buśòs</u>.*
ʻЯ знаю, как тебя зовут.ʼ

От таких глаголов не образуются формы императива (***źàn*, ***buśù*), что, очевидно, соотносится с непроизвольностью этих действий.

Обозначаемое статическими глаголами положение вещей, конечно, не «безвременно», ср. глагол *plaćàl* ʻнравитьсяʼ, который в определённых условиях значит и ʻпонравитьсяʼ (начало). Однако при статическом употреблении время как бы не принимается во внимание, поскольку говорится о некоем факте, пусть и не «вечном», но во всяком случае не мыслимом как процесс. К статическим можно отнести и употребления типа:

(6) *Amarə bor'ořà <u>phiravèn</u> kətrỳncy.*
ʻНаши женщины носят передники.ʼ (таков обычай)

(7) *Le xoraxà ćì-<u>xàn</u> màs thulò.*
ʻМусульмане не едят сала.ʼ

(8) *O kàšt <u>phabòl</u> mištò.*
ʻДерево горит хорошо.ʼ

(9) *Ćì-<u>plaćàn</u>-tume le řòm.*
ʻВам не нравятся цыгане.ʼ

(10) *Le řòm <u>trajìn</u> baxtalès.*
ʻЦыгане живут счастливо.ʼ

Это разделение далеко не всегда чётко, однако оно необходимо для понимания некоторых явлений в употреблении времён (см. 4.2.6.4.4.3).

4.2.6.4.3. Выделение грамматических времён

Выше, в рамках морфологии, были даны подпарадигмы спряжения без особого внимания к значениям входящих в них форм (см. 3.11.3, 3.11.4). Так, говоря об инфектных и перфектных формах, мы сознательно воздерживались от соотнесения этой дихотомии со временем. Тем не менее признак грамматического времени в системе кэлдэрарского глагола, в принципе, выделяется довольно легко. Однако было бы нецелесообразно опираться на него при описании собственно глагольных форм, ввиду отсутствия прямой связи между временем и глагольной морфологией.

Рассматривая категорию **времени** в прагматическом ключе, мы должны отталкиваться от представления говорящего о «физическом» времени, т. е. о том, что было до, после или одновременно с моментом говорения. Это деление отражается формами глаголов лишь частично, т. е. с «грамматическим временем» оно соотносится далеко не однозначно.

В изъявительном наклонении представлено наибольшее разнообразие форм: различаются пять временны́х форм (даём очень грубые пояснения, подробности ниже):

— настоящее:	настоящий момент или общее утверждение
— будущее:	предположение, план, условие в будущем
— прошедшее неоконченное:	протяжённое или повторяемое в прошлом
— прошедшее оконченное:	точечное или завершённое в прошлом
— предпрошедшее:	раньше другого момента в прошлом

На самом деле ни один глагол не имеет такого набора временны́х форм в изъявительном наклонении. Только глагол-связка *sy* ‘быть’ имеет особую форму будущего времени, но имеет только одно прошедшее время. Остальные глаголы не различают настоящего и будущего, но имеют три прошедших.

В сослагательном наклонении говорить о временах можно лишь с долей условности: по смыслу можно выделить два времени: будущее и небудущее, однако это различение можно трактовать и как выбор между фактическим и гипотетическим условием. В остальных наклонениях времена не различаются.

Глагольную парадигму мы разбили на несколько подпарадигм (см. 3.11.2). Часть их содержит формы с инфектной основой, а часть — с перфектной.

В общем случае (для всех глаголов, кроме связки) соотношение наклонений и времён таково («И» — формы с инфектной основой, «П» — формы с перфектной основой; если одна буква в клетке распространяется сразу на несколько столбцов, значит, соответствующие времена в данном наклонении не различаются глагольной формой; жирным — основа без постфиксов и проклитик):

время / наклонение	предпрошедшее	прошедшее оконченное	прошедшее неоконченное	настоящее	будущее
изъявительное	П	**П**	И	**И**	
сослагательное	П				И
повелительное	**И**				
зависимое	И				
условное	И				

В каждой клетке таблицы — отдельная подпарадигма. Формы разных подпарадигм с одной и той же основой отличаются друг от друга постфиксами и проклитиками. Для иллюстрации приведём формы глагола *kərə̀l* ‘делать’ (даём только 3.ед. и императив):

время: / наклонение	пред-прошедшее	прошедшее оконченное	прошедшее неоконченное	настоящее	будущее
изъявительное	перфект + *-(s)as*: *kərd'àsas* ‘сделал [тогда]’	перфект *kərd'à* ‘сделал’	инфект + *-(s)as* *kərə̀las* ‘делал’	инфект *kərə̀l* ‘(с)делает’ (в песнях также + *-a*)	
сослагательное		*te-* + перфект + *-(s)as*: *te-kərd'àsas* (в 3-м л. редко) в 3-м л. обычно: сосл.: *te-kərdinò(sas)* ‘если бы (с)делал’			*te-* + инфект + *-a*: *te-kərə̀la* ‘если сделает’
повелительное		инфект: *kə̀r!* ‘(с)делай!’			
зависимое		*te-* + инфект: *te-kərə̀l* ‘чтобы (с)делал’			
условное		*sas-kə-* + инфект: *sas-kə-kərə̀l* ‘сделал бы’			

Иначе обстоит дело с глаголом-связкой *sỳ* ‘быть’. У него не две основы, а три: *s-*, *av-* (инфектные; вторая — как у глагола *avèl* ‘приходить’), *avil-* (перфектная; как у глагола *avèl*; только в сослагательном гипотетическом). В изъявительном наклонении различаются настоящее (*s-*) и будущее время (*av-*), но прошедшее время всего одно (а не три, как у остальных глаголов):

наклонение / время:	прошедшее	настоящее	будущее
изъявительное	*S-* + *-as* *sàs* ‘был’	*S-*: *sỳ* ‘есть’	инфект *AV-* (+ *-a*): *avèl(a)* ‘будет’
сослагательное		*te-* + перфект *AV-* + *-(s)as*: *te-aviľàsas* (в 3-м л. редко) в 3-м л. обычно: сосл. *AVI.L-*: *te-avilinò(sas)* ‘если бы был’	*te-* + инфект *AV-* + *-a:* *te-avèl(a)* ‘если будет’
повелительное		инфект *AV-*: *àv!* ‘будь!’	
зависимое		*te-* + инфект *AV-*: *te-avèl* ‘чтобы был’	
условное		*sas-kə-* + инфект *AV-*: *sas-k(ə)-avèl* ‘был бы’	

Проклитика *te-* в ряде контекстов опускается (см. 4.2.6.2.2, 4.2.6.2.3).

Итак, грамматические времена мы выделили, руководствуясь морфологическими критериями (уникальности парадигмы). Соотношение грамматических времён с физическим можно осмыслить, учитывая фазы глагольного действия и различие между динамическим и статическим употреблением глаголов.

4.2.6.4.4. Общие принципы устройства временно́й системы

Здесь мы опишем некоторые закономерности значения данных выше в таблицах глагольных форм в том, что касается времени и фаз.

Рассмотрим четыре формы изъявительного наклонения (в котором времена различаются более или менее рельефно). В них налицо две морфологические дихотомии: (а) основа (см. 3.11.2) — инфектная (*kər-*) или перфектная (*kərd-*) — и (б) наличие или отсутствие постфикса *-(s)as* (см. 3.11.3.7, 3.11.4.6). Первая из этих дихотомий связана с протяжённостью обозначаемого действия (т. е. с представлением действия как отрезка или же как точки на временно́й оси), а вторая касается отношения между двумя моментами: времена без этого постфикса можно условно назвать **абсолютными**, а с ним — **относительными**.

Для дальнейшего будет важно понятие **точки отсчёта**, с которым связаны разные **временны́е подсистемы**. В обычной бытовой ситуации говорящий отталкивается от текущего момента (точка отсчёта: ʻсейчасʼ), который совпадает с моментом речи. Это бывает, например, при диалоге. В такой ситуации возможно наиболее богатое разнообразие времён (в т. ч. можно говорить о будущем).

В другой типичной ситуации — при повествовании (этот жанр характернее всего представлен сказками) — точка отсчёта смещена по отношению к моменту речи (рассказа). «По законам жанра» считается, что действие сказки происходит в прошлом, поэтому этот **сдвиг** переносит точку отсчёта назад во времени относительно момента речи. В этой подсистеме разнообразие времён меньше; в частности, сильно ограничено употребление относительных времён. Это же может иметь место и в «правдивых» рассказах. В них, однако, часто «скачет» точка отсчёта (в сказках это бывает реже), т. е. имеются свойства и диалогического, и сказочного жанров.

Итак, мы выделяем две основные временны́е подсистемы:

(а) с текущей точкой отсчёта:	диалоги, рассказы	(см. 4.2.6.4.4.2)
(б) со сдвинутой точкой отсчёта:	сказки, рассказы	(см. 4.2.6.4.4.3)

Кроме того, имеются особенности употребления временны́х форм в песнях, но там мы затрудняемся усмотреть единую упорядоченную систему, а отличия связаны не только с собственно синтаксисом, но и, видимо, отчасти с морфологией и фонетикой (всё это относится к регистровым различиям, о которых см. 5.1).

Сначала опишем различия между инфектом и перфектом, а затем приступим к описанию подсистем. Относительные времена объясняются отдельно для каждой подсистемы.

🛠 Надо сказать, что наличие этих двух «подсистем» ни в коей мере не является какой-то особой цыганской чертой. В своих частных проявлениях кэлдэрарская система, конечно, показывает некоторую оригинальность, но на самом деле нечто подобное свойственно многим языкам. Так, в народной прозе на всех (?) европейских языках имеется особое употребление презенса в «повествовательной» функции и ограничения на употребление в ней имперфекта (при дополнительных синтаксических особенностях в народнопоэтических текстах). Однако в описаниях грамматик языков с литературной традицией (которая во всех случаях, видимо, очень сильно изменила картину, введя в оборот новые механизмы подачи вымысла) зачастую смешивают эти базовые приёмы и всевозможные книжные. Мы же имеем счастливую возможность описать языковую традицию, не тронутую этими наслоениями. Оказывается, можно сделать интересные наблюдения о систематических различиях между жанрами и даже утверждать, что эти подсистемы существуют прямо на уровне синтаксиса, т. е. пытаться ввести их в грамматику.

4.2.6.4.4.1. Противопоставление инфекта и перфекта

В своих «прототипических» значениях инфект обозначает (или, по крайней мере, способен обозначать) протекание действия во времени, а перфект передаёт действие как точку. Прибегая к нашей классификации фаз глагольного действия (см. 4.2.6.4.1), это можно выразить строже (не выходя за рамки **первичных фаз**): инфект соответствует фазе **хода**, а перфект — фазе **мига** (предела — для предельных глаголов).

Покажем противопоставление инфекта и перфекта на возможных репликах в диалоге:

(1) а. *Sò kərə̀s? — Xə̀v zumì.* (инфект: ход в момент речи)
‘Что делаешь?’ — ‘Ем суп.’
б. *Xaľə̀n ə zumì? — Xalə̀m.* (перфект: миг до момента речи)
‘Ты доел суп?’ — ‘Доел.’

В примере (1)а точка отсчёта (момент речи) приходится на ход действия, т. е. процесс распространяется в обе стороны по временно́й оси от точки отсчёта. В примере (1)б действие совершилось до момента речи, причём глагол выражает предел действия (мы намеренно в переводе написали ‘доел’, хотя возможны и другие толкования). Так могут вести себя предельные глаголы (в данном случае — конечно-предельный). Приведённые примеры иллюстрируют значения первичных фаз, какие имеются не у всех глаголов: так, например, беспредельный глагол *ròdel* ‘искать’ способен выражать ход, тогда как мгновенный глагол *arakhə̀l* ‘найти’ — нет:

(2) а. *Sò kərə̀s akanà? — Ròdav muřə́ źuklès.* (ход)
‘Что сейчас делаешь?’ — ‘Ищу свою собаку.’
б. ***Sò kərə̀s akanà? — Arakhə̀v muřə́ źuklès.* (**ход)
‘Что сейчас делаешь?’ — ‘Нахожу свою собаку.’

Таких ограничений нет при выражении значений **вторичных фаз**. Их можно считать метафорами первичных. Так, **сумма** — это сжатое до точки действие (как бы лишённое первичных фаз), т. е. восприятие всего действия как мига (поэтому здесь возможен перфект), а **разброс** — представление дискретных, повторяющихся частей как единого непрерывного хода (значение, типичное для инфекта). Вторичные фазы есть, по-видимому, у всех глаголов:

(3) а. *Xaľán adès? — Ćì-xalèm khàńći.* (перфект: сумма до момента речи)
‘Ты сегодня ел? — Я ничего не ел.’
б. *Xasarə̀v-le aj arakhə̀v-le sàko dès.* (инфект: разброс в момент речи)
‘Я теряю и нахожу его каждый день.’

Формы инфекта имеют и другие временны́е значения (см. следующие разделы).

4.2.6.4.4.2. Временна́я подсистема при текущей точке отсчёта

В бытовой (диалогической) ситуации точка отсчёта тождественна моменту речи. В такой ситуации люди говорят о происходящем в момент речи (настоящее), уже произошедшем (прошлое) и имеющем произойти (будущее). При этом фазовое значение глагольных форм не вполне произвольно и зависит не только от фазового типа глагола, но и от времени. Первичная стадия предела (начала или конца) свойственна только предельным глаголам, для мгновенных глаголов её же мы называем мигом (хотя предел — частный случай мига). Вторичные стадии, по-видимому, возможны у всех глаголов, но чётко толковать все случаи мы не в состоянии.

Дадим обзор соотношения временны́х форм и фаз в такой ситуации для глаголов разных фазовых типов (в таблицах сначала даём формы инфекта, затем перфекта; каждая

из форм относится к одному из трёх «физических» времён; форма инфекта — сразу к двум; «?» — пограничные, сомнительные случаи; «(+)» — только в особых контекстах):

təgn̓àl ‘испугаться, вздрогнуть’ (мгновенный):

			миг	сумма	разброс
инфект	*təgn̓àl*	буд.	+	?	(+)
		наст.			+
	təgn̓àlas	прош.			+
перфект	*təgn̓ajà*		+	?	
	təgn̓ajàsas		+	?	

khàndel ‘па́хнуть’ (беспредельный):

			ход	сумма	разброс
инфект	*khàndel*	буд.	(+)	+	(+)
		наст.	+		+
	khàndelas	прош.	+		+
перфект	*khangl̓à*			+	
	khangl̓àsas			+	

xàl ‘есть, съесть’ (конечно-предельный):

			ход	конец	сумма	разброс
инфект	*xàl*	буд.	(+)	+	+	(+)
		наст.	+			+
	xàlas	прош.	+			+
перфект	*xal̓à*			+	+	
	xal̓àsas			+	+	

aśèl ‘оставаться, остаться’ (начально-предельный):

			ход	начало	сумма	разброс
инфект	*aśèl*	буд.	(+)	+	?	(+)
		наст.	+			+
	aśèlas	прош.	+			+
перфект	*aśilò*			+	?	
	aśilòsas			+	?	

Пройдём по этим таблицам, отталкиваясь от наличия или отсутствия постфикса *-(s)as*:

(а) абсолютные времена

К **настоящему**, которое выражается только инфектом без *-(s)as*, могут, как уже было сказано, относиться фазы хода и разброса. К последнему можно также отнести статические употребления (см. 4.2.6.4.2). Даём примеры в характерных контекстах:

(1) *Bešàv aj <u>xàv</u> sarmàli.* (инфект: ход)
ʻЯ сижу и ем голубцы.ʼ

(2) *<u>Xàv</u> sarmàli ka-l nùncy.* (инфект: разброс)
ʻЯ ем голубцы на свадьбах.ʼ

(3) *Le řòm <u>xàn</u> sarmàli.* (инфект: разброс — статически)
ʻЦыгане едят голубцы.ʼ

Итак, инфект (без *-(s)as*) в значении хода или разброса может относиться к настоящему — тогда точка отсчёта (момент речи) приходится на время протекания действия.

В противном случае будет несовпадение с точкой отсчёта (точка отсчёта — вне этого времени) и, соответственно, иное временно́е значение. При текущей точке отсчёта (= момент речи) это всегда **будущее**:

(4) *Akanà-š <u>xàv</u> ək sarmàla.* (инфект: сумма после момента речи)
ʻСейчас я съем голубец.ʼ

(5) *Tehàra <u>arakhàs</u> te źuklès.* (тж.)
ʻЗавтра ты найдёшь своего пса.ʼ

(6) *Tehàra <u>ròdas</u> te źuklès.* (тж.)
ʻЗавтра будем искать твоего пса.ʼ

Мгновенные глаголы типа *arakhàl* ʻнаходитьʼ к настоящему могут относиться только в значении разброса, т. к. не имеют фазы хода. Самое обычное их значение в инфекте — будущее. В будущем, тем самым, они имеют фазу, отличную от хода: в большинстве случаев — сумму.

Таким образом, формы инфекта (без *-(s)as*) при текущей точке отсчёта могут относиться к настоящему или будущему в зависимости от фазовости глагола.

Итак, мгновенные глаголы в вышеприведённых таблицах лишены столбца «ход» (или можно считать, что он пуст), причём столбцы «предел» (= «начало» / «конец») и «сумма» вряд ли различимы, а беспредельные глаголы лишены столбца «предел» (но при этом столбец «сумма» заполнен).

⏳ Такая ситуация, т. е. отсутствие особых форм будущего времени, характерна только для части цыганских диалектов. Даже в ближайших к нашему кэлдэрарских говорах имеются формы на *-a* в значении будущего времени. У нас эти формы употребляются в роли сослагательного потенциального (в условных придаточных предложениях, по сути дела в значении будущего, а также факультативно после *kam-* ʻа вдруг; наверное’, т. е. в предположительной временной модальности, см. 4.2.6.5.1). Значение будущего времени вне сослагательного постфикс *-a* имеет, кажется, только в форме глагола бытия (и связки) *avèl(a)* ʻбудет’, где это факультативное *-a*, судя по всему, незначимо. Неясно, какое положение первично, но судя по наличию форм будущего времени на *-a* в отдалённых диалектах (например, литовско-цыганском), это явление (как и вообще будущее время) восходит к працыганской эпохе.

Как видно по таблицам, перфект и инфект при текущей точке отсчёта употребляются в разных фазах (за вычетом будущего времени). Собственно, именно в этом и проявляется главное различие инфекта и перфекта. Впрочем, это верно только для ситуации с текущей точкой отсчёта, а при сдвиге всё несколько иначе (см. 4.2.6.4.4.3).

Итак, перфект (без *-(s)as*) имеет значение фаз мига (или предела) и суммы в прошлом, поэтому его можно называть **оконченным прошедшим** временем:

(7) *Arakhlèm muřə́ źuklès.* (перфект: миг)
‘Я нашёл свою собаку.’
(8) *O khə̀r phabulò.* (перфект: предел — конец)
‘Дом сгорел.’
(9) *Dukhajà-ma o dì.* (перфект: предел — начало)
‘У меня заболел живот.’
(10) *Xalèm bùt sarmàli də cygnò.* (перфект: сумма)
‘Я съел много голубцов в детстве.’

Как видно по примеру (10), фаза суммы относится к повторяющемуся действию, когда имеется указание на ограничение количества повторов (здесь *bùt* ‘много’).

В маргинальных случаях перфект употребляется и для будущего (см. 4.2.6.4.5.3в).

(б) относительные времена

Постфикс *-(s)as* (дающий формы «имперфекта» и «плюсквамперфекта») вводит в ситуацию **ориентир**, отличный от точки отсчёта. Значения глагольных форм в общих чертах совпадают с не осложнёнными постфиксом формами, но относительно этого ориентира (а не точки отсчёта). Ориентир нередко присутствует в явном виде (в обстоятельстве времени, в т. ч. в придаточном предложении), ср.:

(11) *Angla ukàzo le řòm phirànas vurdonèn-ca.* (неоконченное прошедшее)
‘Перед «Указом» цыгане ездили с повозками.’
(12) а. *Kana aviľàn, xàvas zumì.* (неоконченное прошедшее)
‘Когда ты пришёл, я ел суп.’
б. *Kana aviľàn, xalèmas ə zumì.* (предпрошедшее)
‘Когда ты пришёл, я уже съел суп.’

В примере (11) — ход до ориентира; в (12)а — ход как фон ориентира; в (12)б — миг до ориентира. Эти относительные времена дублируют соответствующие абсолютные, но со сдвигом к ориентиру (при этом сама точка отсчёта не меняется). Настоящее время «превращается» в прошедшее неоконченное, а прошедшее оконченное — в предпрошедшее. У будущего времени относительного соответствия нет (но возможна близкая по смыслу описательная конструкция: *sàs te-...* ‘должно было’, см. 4.6.1.4).

4.2.6.4.4.3. Временна́я подсистема при сдвинутой точке отсчёта

При повествовании (самый чистый пример — при рассказывании сказки) рассказчик прибегает к приёмам, несвойственным обыденной (диалогической) речи, частично перестраиваясь на особый временной контекст, в котором происходит воображаемое действие. Эта особая временна́я подсистема реализуется в какой-то степени факультативно, т. е. не у всех рассказчиков и не всегда последовательно (однако она однозначно преобладает). Опишем черты, типичные для сказок в их традиционном виде (о языке сказок см. 5.2).

Как правило, сказка начинается с зачина, где представляются герои. В следующем примере сразу обратим внимание на имперфект *buśòlas* ‘называлась’:

(1) *Sàh-pe te-avèl-pe k ampəràto. Aj sàh-leh dùj glàti, k śavořò aj śovořỳ. Lèh-ki śèj buśòlas Màľa, aj lèh-ko śàv Rudòľfo.*
‘Жил-был царь. И было у него двое детей, сынок и дочка. Его дочь звали Маля, а его сына — Рудольфо.’

Здесь все глаголы — типично статические, т. е. они отражают некоторое «положение вещей» тогда (во время действия сказки). Всё это говорится с точки зрения рассказчика,

т. е. точка отсчёта тут равна моменту речи, как и в обычной бытовой ситуации. Однако сразу после зачина рассказчик сосредотачивается на героях, и повествование, как правило, переключается на другую временну́ю подсистему. В ней рассказчик как бы принимает точку зрения персонажей, так что происходит **сдвиг точки отсчёта**. Теперь рассказчик, переключившись, произвольно устанавливает новое ʻсейчасʼ. Действия героев воспринимаются как протекающие ʻсейчасʼ, поэтому они обычно подаются в инфекте без *-(s)as* (т. е. в «настоящем времени»):

(2) *Vòj nakhə̀l əl pajoř̀ə-sa kaď̀a, ź̀ə̀l kata pajoř̀ò,* [...] *aj dikhə̀l o khàm pe là-te.*
ʻОна проходит с речкой так, идёт мимо речки, [...] и смотрит солнце на неё.ʼ

При этом рассказчик сам управляет «течением времени» и часть фактов он перепрыгивает, но потом подаёт их как свершившиеся — в перфекте. Такие факты служат фоном для действий героев, ср. пример с переходом от перфекта к инфекту:

(3) *No ə̀ta akanà sà aj sàh, nakhl̓à dòlgo vr̓àm̓a. Avèl-tar o paćtalivònо, anèl là-kə pìs̓muri o paćtalivònо.*
ʻНу вот было вот так вот, прошло долгое время. Приходит почтальон, приносит ей письма почтальон.ʼ

Сдвиг точки отсчёта делает почти невозможным употребление относительных времён (у динамических глаголов). Видимо, это связано с тем, что при сдвиге точки отсчёта трудно ввести дополнительный ориентир, а все функции такого ориентира уже выполняются новой точкой отсчёта. Поэтому, например, то, что было бы сказано в виде имперфектной формы *dikhə̀las* ʻвидел', в соответствующем сказочном контексте будет выражено без постфикса *-(s)as*: *dikhə̀l* ʻвидит'. Это позволяет нам глубже осмыслить значения этого постфикса: он сигнализирует относительность времени только при текущей точке отсчёта. Точно так же в сказке почти невозможен плюсквамперфект, т. к. все его функции успешно выражаются перфектом — при описании событий, случившихся до актуального, ср. *nakhl̓à* ʻпрошло' в (3). Разумеется, относительные времена возможны в репликах:

(4) *Le ampəratòs-ko dopàš mangə̀l lès-tar: Ampəràte anda dràgo dèl, dè-ma tù-tar trìn baloř̀ə, kə ťo phràl ď̀ə̀sas-ma trìn baloř̀ə!*
ʻПоловина царя просит его: «Милый царь, дай мне от себя три волоска, ведь твой брат дал мне [раньше] три волоска!»ʼ

Интересно, что сдвигу точки отсчёта не подчиняются статические глаголы, ср. *buśòlas* в примере (1). Они всегда, кажется, функционируют во временной системе рассказчика. Более того, если мы видим в рассказе прошедшее неоконченное время (с *-(s)as*) у глагола, обычно употребляемого динамически, то можно с уверенностью сказать, что рассказчик переключился на своё время и выдаёт комментарий, внешний по отношению к сюжету:

(5) *Aj l̓à-pe vò aj gəlò-tar. Kaj-gəlò-tar, ašùn, aj gəlò-tar. Aj bešə̀l ande pivnə̀ja, koď̀a kaj pènah atùnći, kana sas vòn.*
ʻИ собрался он и ушёл. И ушёл, слушай, и ушёл. И сидит в пивной, этой, где тогда пили, когда были они.ʼ

Здесь, не вдаваясь в смысл, по одной форме *pènah* (=*pènas*) ʻпили' можно установить, что речь идёт не о героях, а что налицо исторический экскурс (рассказчик пытается вспомнить, как в старину назывались ʻпивныеʼ) не в личном, а в неопределённо-личном выражении (см. 4.13.1.1). Это ещё раз подтверждает (как и зачин), что время, в котором развёртывается действие сказки, считается (хоть оно, конечно, и абстрактно) как бы прошлым.

Эта «неполнота» сдвига объясняет ещё одно нетривиальное отличие сказочной подсистемы от обычной (диалогической): формы инфекта в ней вполне могут иметь фазу мига (предела) или суммы:

(6) *Mudarďà le ampəratòs, mudarďà, aj mudarə̀l la rakľà kaj dilabàl màj-mùndro savořə̀n-dar.*
‘Убил царя, убил, и убивает девушку, что поёт красивее всех.’

Здесь *mudarə̀l* означает не ход, а именно конечный предел (или сумму), что совершенно невозможно при текущей точке отсчёта, в которой такая форма может означать ход или разброс (в настоящем) или же предел или сумму (в будущем).

Таким образом, исключая из рассмотрения зачин и т. п., но включая формы имперфекта (которые, кажется, вполне входят в подсистему), можно дать такую схему (на примере конечно-предельного глагола *xàl* ‘есть’; «наст.» в кавычках — сдвинутая точка отсчёта, т. е. время действия):

			ход	конец	сумма	разброс
инфект	*xàl*	«наст.»	+	+	+	
	xàlas	(только статич.)				+
перфект	*xaľà*	до «наст.»			+	

В этой подсистеме оказывается значимой дихотомия статические : динамические глаголы — статические глаголы (и только они) могут стоять в форме имперфекта. Форма плюсквамперфекта отсутствует. По объёму фазовых значений здесь инфект (без *-(s)as*) объединяет значения настоящего и будущего, какие есть при текущей точке отсчёта.

4.2.6.4.5. Значения временны́х форм

В предыдущих разделах мы дали обзор свойств временно́й системы и осветили набор основных значений глагольных форм. Здесь мы приведём больше примеров, отталкиваясь от форм, т. е. проиллюстрируем разнообразие значений для каждой отдельно взятой парадигмы, разбивая их на интуитивно «разные» группы. При этом неизбежно будет частично повторяться изложенное выше, но зато мы сгруппируем разные случаи более удобным для сплошного описания образом.

4.2.6.4.5.1. Формы непрошедшего

Исходя из строгих критериев, мы разделяем настоящее и будущее, поскольку есть один глагол (*sy* ‘быть’), у которого эти формы различны. Здесь мы его не рассматриваем (отдельно см. 4.2.6.4.5.5), а даём вместе настоящее и будущее. Это «непрошедшее» время является абсолютным и употребляется как при текущей, так и при сдвинутой точке отсчёта:

(а) текущий процесс на момент речи (ход)

На время непрерывного действия приходится точка отсчёта, ср. в диалогической ситуации, когда точка отсчёта равна моменту речи:

(1) *Aj katkà hramò̀l-pe sà so-gòdi phenàv?*
‘А тут записывается всё, что я говорю?’

(2) *Sò kərə̀n, glatàle? — Bešàs!*
‘Что делаете, дети? — Стои́м!’

В прямой речи, вставленной в рассказ, точка отсчёта равна моменту этой речи, поэтому здесь ровно та же ситуация (то же и в косвенной речи, т. к. она сохраняет все времена):

(3) *Vòj lèl aj phenèl: Màn o šərò dukhàl-ma, sàr ťʼ-ankľàv màn-gə avrì?*
ʻОна и говорит: «У меня голова болит, как бы мне выйти наружу?»ʼ

Особо отметим применение этих форм с обстоятельствами длительности, когда действие продолжается в настоящем и «заходит» на точку отсчёта:

(4) *Aźukəràs-tu sòřo dès aj tù ćì-avès.*
ʻМы ждём тебя весь день, а ты не приходишь.ʼ

(5) *Mè də kajtì bàrš garavàv kadò patrèto, khanikàs-kə ćì-sykadèm.*
ʻЯ уже столько лет прячу этот портрет, никому не показывал.ʼ

(6) *Astardèm-tu, Sulimàne! Də kajtì vrʼàmȧ ròdav-tu!*
ʻЯ тебя поймала, Сулимано! Столько времени тебя ищу!ʼ

(б) повторяющееся действие (разброс)

Так можно выразить и итеративность (неопределённую кратность):

(7) *Vò bešəl aj pèl cygəri.*
ʻОн сидит и курит сигареты.ʼ

(8) *Là-kə glàti arakhàďon melaxnořə.*
ʻЕё дети рождаются смугленькими.ʼ

(9) *Kakò bàrš amè sàko śòn źàs p-əl gavà.*
ʻВ этом году мы каждый месяц ездим на заработки.ʼ

(10) *Sòřo dès xàv phabà.*
ʻВесь день я ем яблоки.ʼ

Здесь можно усматривать шкалу между значением непрерывного процесса (ход в чистом виде) и статическими значениями.

Так же, как и для фазы хода, выражается длящееся поныне:

(11) *Də trìn bàrš phiràv pa-l kỳrdurȧ le řomanè.*
ʻТри года я езжу по цыганским таборам.ʼ

(в) статические употребления (разброс?)

Формы непрошедшего выступают в «вечных истинах»:

(12) *Sà le źukàl bašən.*
ʻВсе собаки лают.ʼ

(13) *Kaťà buśòl kətrỳncy, kaťà buśòl řòťa.*
ʻВот это называется передник, [а] вот это называется юбка.ʼ

(14) *Kàj bešəs, koďà śìb i syťòs.*
ʻГде живёшь, тот язык и учишь.ʼ

Сюда же в разной степени примыкают другие статические употребления. Эти утверждения так или иначе считаются истинными на момент речи:

(15) *Ćì-plaćàl-ma kadò fòro.*
ʻМне не нравится этот город.ʼ

(16) *Le řòm khəlèn mištò.*
ʻЦыгане хорошо танцуют.ʼ

(17) *Kadò ka ləjèco phenèl-pe.*
ʻТак у немолдовая говорят.ʼ (= ʻэто не наше словоʼ)

(18) ◂ *Mùndro la, nùma <u>xàl</u>-la o mùj.*
‘Она красивая, только её подводит лицо.’ (шутка)

Возможно, сюда следует отнести модальное значение возможности:

(19) ◂ *Ə kùj pašə̀ la, aj ćì-<u>dandarə̀h</u>-la.*
‘Локоть близко, но его не укусишь.’ (пословица)

(г) текущий процесс в рассказе (ход)

В речи рассказчика фазу хода могут иметь любые глаголы, кроме мгновенных. Так передаются, например, действия героев, вместе с которыми движется точка отсчёта (см. 4.2.6.4.4.3), причём очень часто стоящие слева другие сказуемые стоят в прошедшем оконченном (обеспечивая фон):

(20) 👂 *Anklistì avrì aj <u>źal-tar</u> ka pàj aj <u>rovèl</u>. Aj <u>našə̀n</u> pala là-te là-kə dùj glàti, <u>našə̀n</u>.*
‘Вышла она и идёт к воде и плачет. И бегут за ней её двое детей, бегут.’

(21) 👁 *Avilò lilijàko phakə̀n-ca barə̀n-ca aj <u>marə̀l</u> ande feľàstra.*
‘Прилетела летучая мышь с большими крыльями и бьёт в окно.’

Это значение мы отделяем от хода при текущей точке отсчёта, т. к. речь всё-таки идёт о прошлом. К этому значению тесно примыкает следующее, которое порой неотличимо от него у предельных глаголов.

(д) оконченное действие в рассказе (миг)

Формы непрошедшего времени могут иметь такое значение только при сдвинутой точке отсчёта, ср. пример, где налицо предельные или мгновенные глаголы:

(22) 👂 *Aj <u>źàl-tar</u> vòj ka-j feľàstra aj <u>śùdel</u> akanà vòj o dikhlořò. Aj <u>avèl-tar</u> khə gaźò bangò aj <u>lèl</u> kodò dikhlořò* [*o*] *bangò aj <u>lèl</u>-le.*
‘И идёт к окну и бросает тогда она платочек. И приходит мужик косой и подбирает этот платочек, косой [мужик] и подбирает.’

При текущей точке отсчёта это значение невозможно. Вероятно, его можно ожидать в комментариях, например, при просмотре фильма, но и в этом случае, пожалуй, налицо отдельная временная подсистема (как в сказке).

(е) действие в будущем (миг или сумма?)

При текущей точке отсчёта непопадание её на время действия приводит к значению будущего. Особенно это характерно для мгновенных глаголов (не имеющих фазы хода), но не только:

(23) *<u>Dàv</u> tù-kə <u>dùma</u> tehàra.*
‘Я позвоню тебе завтра.’

(24) *Màj-<u>dikhàs</u>-ame.*
‘Ещё увидимся.’

(25) *<u>Avàv</u> tumèn-de màj-inťořà.*
‘Я приду к вам попозже.’

Эта ситуация воспроизводится и в прямой речи (время действия глагола мыслится как будущее по отношению к сдвинутой точке отсчёта):

(26) 👂 *Aj lèn aj phenèn: Davàj, kòn màj-mùndro sunò dikhə̀la, kodò <u>xàl</u> kaďà khajnì.*
‘И берут и говорят: «Давай, кто более красивый сон увидит, тот съест эту курицу».’

Вряд ли имеет смысл различать фазы мига и суммы; в большинстве случаев мы затрудняемся в решении вопроса о природе действия в будущем. Однако при поддержке контекста можно выразить и предел:

(27) *Kana vò: No ap sò sy katkà? Bèš katkà màn-ca pala-j skafedì, akanà p'àv muřò... pìva — sò pèlah vò koćè, pìva, sò pèlah, řətìja.*
ʿА он: «Ну и что тут? Садись тут со мной за стол, сейчас допью свой... пиво — что пил он там, пиво, что пил, водку».'

4.2.6.4.5.2. Формы прошедшего неоконченного

Прошедшее неоконченное — относительное время (морфологически это выражается наличием постфикса *-(s)as*). Оно «копирует» часть значений настоящего времени, однако в пересчёте на некоторый ориентир в прошлом. Это значит, что для употребления прошедшего неоконченного необходимо, чтобы был указан (или подразумевался) какой-то момент, бывший в своё время текущим, когда описываемое событие могло быть подано в настоящем времени. При этом ни о каком сдвиге точки отсчёта речи нет.

Более того, при сдвинутой точке отсчёта данное время употребляется ограниченно (только в статических значениях). Заметим, что в рассказе (например, сказке), где точка отсчёта сдвинута, и фаза хода, и фаза мига выражаются формами непрошедшего времени (см. 4.2.6.4.4.3 и 4.2.6.4.5.1гд).

Итак, пойдём по фазовым значениям в том же порядке, в каком мы давали значения непрошедшего:

(а) текущий процесс в прошлом (ход)

Как правило, в сложных предложениях, например при придаточном времени:

(1) *Kana d'à o bryšỳnd, me sovàvas.*
ʿКогда пошёл дождь, я спал.'

Время может быть указано и явно, в т. ч. обстоятельством времени:

(2) *Ka-l pànź ćàsurà dikhàvas tilivìzəro.*
ʿВ пять часов я смотрел телевизор.'

Время не указано, но имела место смена ситуации (пример из прямой речи: герой узнаёт собственного сына):

(3) *Vò dikhàl pe lès-te: Nò Pàtro, phen-kə, sò, avèsas te-śinès te raklořàs? Aj sàs-kə-śinès-les? Kana vò: Sàs-kə-śinàv.*
ʿОн смотрит на него: «Ну, Пэтро, мол, ты, что, шёл зарезать своего мальчика? И зарезал бы?» А он: «Зарезал бы».'

Интересная особенность проявляется в описаниях снов. События, приснившиеся рассказывающему — в фазе суммы? — вполне оконченные, могут подаваться в прошедшем неоконченном (вместо ожидаемого оконченного):

(4) *Lèl aj phenèl jèkh axòtniko, phenèl kə bešàlas ka càrò, xàlas, pèlas. Ftaròj phenèl kə le devlè-sa xàlas, pèlas.*
ʿБерёт и говорит один охотник, говорит, что сидел у царя, ел, пил. Другой говорит, что с богом ел, пил.'

События из сна также могут подаваться и в настоящем времени, как в сказке, но в сказке такого выбора нет: прошедшее неоконченное возможно там только при статическом употреблении.

(б) повторявшееся действие (разброс)

О прекратившемся действии, повторявшемся в прошлом:

(5) *Atùnći le manùš merənas bokhà-tar.*
‘Тогда люди умирали с голоду.’

(6) *Aj səràv kə xàlah-pe myřỳ bàba la boŕořà-sa kə ći-anďà pàj.*
‘И помню, что ссорилась моя бабушка с невесткой, что [та] не принесла воду.’

Здесь фаза разброса имела место раньше, и неважно, продолжается ли поныне.

(в) статические употребления (разброс?)

Имеется в виду, что данное утверждение было верно для какого-то момента в прошлом. Значение трудно отделимо от предыдущего, как и в настоящем времени:

(7) *Kana nàh pàj ande vàdra... Màj-anglàl kadò sàs. Nàh pajà ka-j lùmą aj źànas te-anèn o pàj kata kràntо, kata-j xajìng anènas.*
‘Когда не было воды в ведре... Прежде это было. Не было воды у людей, и ходили носить воду из колонки, из колодца носили.’

В прошедшем неоконченном стоят статические глаголы в сказках (см. 4.2.6.4.4.3):

(8) *Sàh-pe te-avèl-pe ampərəťàsa. Aj sàh-la khə śàv, buśòlah vò Sulimàno.*
‘Жила-была царица. И был у неё сын, звали его Сулимано.’

4.2.6.4.5.3. Формы прошедшего оконченного

Это время выражает главным образом фазовые значения мига (предела) и суммы в прошлом относительно точки отсчёта. Говорящий упоминает некоторый свершившийся факт безотносительно его последствий в точке отсчёта (которые могут быть или нет). Выделим следующие случаи:

(а) конкретный момент (миг, предел)

Фазовое значение здесь чаще всего — миг (или предел). Часто имеются обстоятельства момента (в т. ч. в значении границ периода):

(1) *Kàna mutisàjľan amèn-de?*
‘Когда ты переехал к нам?’

(2) *Aratì dikhľàm laśò fiľmo.*
‘Вчера мы смотрели хороший фильм.’

(3) *Kukò bàrš kərdèm bùt lovè.*
‘В том году я заработал много денег.’

(4) *O Jànoš mulò də pànź bàrš pàrpale.*
‘Янош умер пять лет назад.’

Однако и без обстоятельств бывает ясно, что речь идёт о конкретном факте, на время которого можно при желании указать явно:

(5) *Arakhàdilem ande kadò fòro.*
‘Я родился в этом городе.’

(6) *Kadò gaźò sytilò te-dèl dùma pe amarì.*
‘Этот русский научился говорить по-нашему.’

(7) *Pe sòs-te aviľàn?*
‘На чём ты приехал?’ (известно когда)

(б) неопределённый момент (сумма)

Имеется в виду, что момент совершения действия неважен, а важен сам факт или же длительность законченного действия. Фазовое значение — в основном сумма:

(8) *Zumaďàn řomanò xabè?*
‘Ты пробовал цыганскую еду?’

(9) *Ə trìto rʹàt tumè pàle suťàn, mè pàle bešlèm.*
‘В третью ночь вы опять спали, я опять сидел.’

В этом значении часты обстоятельства длительности:

(10) *Bešlèm dèš bərš ande Mòskova.*
‘Я прожил десять лет в Москве.’

(11) *Sytiľàn ə śìb pala trìn bərš.*
‘Ты выучил язык за три года.’

Пожалуй, именно сюда следует отнести основную массу случаев отрицания всего предложения (см. 4.10.1) при глаголе в прошедшем оконченном:

(12) *Muřə phràl ćì-pilè duvàno angla muřò dàd.*
‘Мои братья не курили при моём отце.’

Обстоятельства момента при отрицании могут быть, но они обозначают скорее период, в течение которого чего-то не произошло:

(13) *Aratì ći-pilèm khànći.*
‘Вчера я ничего не пил.’

(14) *Kukò bərš cì-kərďàn butì dətàt.*
‘В том году ты совсем не работал.’

(в) непосредственное будущее (миг или сумма?)

Изредка действие, мыслимое как неминуемое (в т. ч. запланированное), метафорически подаётся как уже свершившееся:

(15) *Gəlèm-tar!*
‘Я пошёл.’ (т. е. ‘собираюсь вот-вот уйти’)

(16) *Anklistò o raklò màj-oprà pe sàlka, kaj sy màj-barì, phèn-kə: Ašùn, atùnći, phèn-kə, śùdes ə lòtka pa te zəjà, kana tasavèsa khə manùš sar màn-de! — Nu tasadèm-tu! — Aj lèl pès-kə vòzduxo aj phùrdel ta vàzdel o pàj.*
‘Залез парень выше на дерево, которое выше, говорит: «Слушай: тогда, говорит, скинешь лодку со спины, когда утопишь человека вроде меня» — «Ну, сейчас утоплю тебя!» — и набирает себе воздуху и дует так, что вздымает воду.’

(г) предшествование в рассказе (сумма)

При сдвинутой точке отсчёта прошедшее совершенное часто обеспечивает «фон» для других событий, подаваемых в непрошедшем времени (см. 4.2.6.4.4.3):

(17) *Ə̀ta avilò vòćeredo le řomèh-ko te-śòl-pe ka dèl. Kana vò kothàr te-śòl-pe ka dèl, aj lèl aj mangə̀l.*
‘Вот подошла очередь цыгану войти к богу. И тут он как войдёт к богу и давай просить.’

В этом значении можно усматривать «сдвинутое» предпрошедшее.

(д) будущее в прошедшем (?)

Неясно, насколько это окказионально:

(18) ◂ *Mè gyndisàjlem kə aratì aviľàn.*
ʻЯ думал, что ты вчера придёшь.ʼ (а ты не пришёл)

4.2.6.4.5.4. Формы предпрошедшего

Самое редкое время — предпрошедшее. Как и прошедшее неоконченное, это относительное время (морфологически это выражается наличием постфикса *-(s)as*). Оно «копирует» часть значений прошедшего оконченного в пересчёте на ориентир в прошлом. Например, в начале рассказа некоторый факт вводится как предшествовавший другим событиям, подаваемым в прошедшем оконченном:

(19) 👁 *Avilìsah ka-l manùš, avilìsah lèn-de khərà. Aj mangľà te-śòl-pe and-o khàr. Aj ćìmeklè-la. Linè aj našadè-la. Aj pe dimiǹàcy avilè le kətàni aj linè le řomèh, phandadè-les.*
ʻПришла к людям, пришла к ним домой. И попросилась зайти в дом. И не пустили её. Взяли и выгнали её. А наутро пришла милиция и забрала цыгана, арестовала его.ʼ

В целом предпрошедшее употребляется нечасто. При отсутствии чёткого ориентира в прошлом обычно речь идёт о событии, более или менее отдалённом от точки отсчёта. Примеры из повествования — в прямой речи:

(20) 👂 *Le ampəratòs-ko dopàš mangəl les-tar: Ampəràte anda dràgo dèl, dè-ma tù-tar trìn baloř̀ə, kə ťo phràl ďàsas-ma trìn baloř̀ə!*
ʻПоловина царя просит его: «Милый царь, дай мне от себя три волоска, ведь твой брат дал мне [раньше] три волоска!»ʼ

(21) ✍ *Lè tù śè o savòko, lè-ta ə moturùca, źà šylàv-ta and-o khàr! Šàj aśiľàsas ař̀ò and-o kolcùco le khərà̀s-ko.* [СЦЯ]
ʻВозьми ты, милая, совок, возьми-ка метёлку, иди подмети-ка в доме! Может, осталась мука в уголке дома.ʼ

Судя по всему, оно редко употребляется в сложноподчинённых предложениях со временны́м отношением между частями.

4.2.6.4.5.5. Времена глагола *sỳ* ʻбытьʼ

Этот глагол во всех своих значениях (связочном, бытийном и притяжательном) отличается от всех остальных глаголов наличием двух инфектных основ: *s-* и *av-*; вторая из них совпадает с глаголом *avèl* ʻприходитьʼ (см. 4.2.6.4.3). У глагола ʻбытьʼ три временны́е формы: настоящего (3.ед. *sỳ*), в отличие от других глаголов — особая форма будущего времени (*avèl*), только одна форма прошедшего (*sàs*).

Имеется и перфектная основа *avil-*, однако в изъявительном наклонении форм с ней нет (она фигурирует только в сослагательном гипотетическом). В связи с этим у глагола ʻбытьʼ не различаются первичные фазы; из вторичных, пожалуй, маргинально возможна фаза разброса (ʻбыватьʼ).

Притяжательное (ʻесть [у кого]ʼ) и бытийное (ʻсуществуетʼ) значения — скорее статические, а связочное, видимо, бывает и динамическим.

Выше при описании времён мы не касались этого глагола, поэтому здесь разберём его временны́е значения, учитывая подсистему:

(i) при текущей точке отсчёта

(а) настоящее

Во всех значениях:

(1) *Mè sym anda-j Adàsa.*
‘Я из Одессы.’

(2) *Sỳ-ma šòv nepòcy.*
‘У меня шестеро внуков.’

(3) *O Jòno nàj khərà.*
‘Ёно нет дома.’

Пример со статическим значением с оттенком будущего:

(4) *Akanà sym ordàl, a kana meràva sym inťàl.*
‘Сейчас я по сю сторону, а когда умру, — по ту.’

Только в связочном значении и только в настоящем времени глагол *sy* может опускаться, причём в части случаев имеет место подлежащная клитика *lo*, *la*, *le* (см. 4.9.2.1.3).

(б) будущее

В изъявительном наклонении основа *av-* употребляется в значении будущего:

(5) *Àv tehàra, avàv khərà.*
‘Приходи завтра, я буду дома.’

(6) *Kana bar’uvàva, avèl-ma bùt lovè.*
‘Когда я вырасту, у меня будет много денег.’

Только для глагола ‘быть’ отмечено употребление долгих форм в значении будущего (вместо обычных кратких):

(7) *Sỳ-tume glàta? — Nàj. — Avèla!*
‘У вас есть ребёнок? — Нет. — Будет!’

(8) *S[o] avèla, kod[o] avèla.*
‘Что будет, то будет.’

(в) прошедшее

В разных значениях:

(9) *Ande Ivànəva sànas?*
‘Ты в Иванове был?’

(10) *Pa pàj, kaj śagl’à ande vàdra, kadò vòrta ka myřỳ bàba sas. Àkə kadò i źanàv, kə atùnći vaśè cynořỳ sỳmas, kabòr ə Bagìn’a.*
‘Насчёт воды, которую [*мамёрры*] выблевала в ведро, это прямо у моей бабушки было. Вот это и знаю, ведь тогда я вообще маленькая была, как Богиня.’

(11) *O Bòći sas cynořò. Nasvalò sas. Dətàt ćořò sas lèh-kə.*
‘Бочи был маленький. Он был болен. Очень плохо было ему.’

(ii) при сдвинутой точке отсчёта

Выше мы говорили, что употребление прошедшего неоконченного в сказках сопряжено со статическим значением (иначе — настоящее). Это можно усмотреть в обычном зачине сказок:

(12) *Sàh-pe te-avèl-pe k ampəràto.*
‘Жил-был царь.’

Впрочем, иногда здесь бывает и настоящее:

(13) *Sʲ̀-pe te-avèl-pe khə gaźò. Aj sʲ̀-les lès trìn śavè.*
‘Жил-был мужик. И есть у него три сына.’

Явно статическое употребление — прошедшее:

(14) *Lèl sàbija aj śinèl koďà phabelìn. Kaj śinďà ə phabelìn koďa, aj ə phabelìn nàs sàlka, raklì sas.*
‘Берёт саблю и рубит эту яблоню. И срубил яблоню эту, а яблоня была не деревом, девушкой была.’

В прочих случаях настоящего времени, может быть, имеется динамический элемент (например, герой что-то замечает, видит, или описывается вре́менная ситуация):

(15) *Thodè-pe te-xàn. Nu sò, jek... kodò... khajn̓ořỳ koďà kaj sʲ̀-le cynořỳ.*
‘Сели есть. Ну что... это... курицу эту, которая есть у них, маленькую.’

(16) *Garàď ol vòj and-ək sàlka. Aj koćè ande sàlka sʲ̀ k gràpa.*
‘Прячется она в дереве. А там в дереве есть дырка.’

(17) *Nò kana sàh, vòj sò — avilì-tar ka koďà cynonořỳ. A koďà cynonořỳ sà birľànto, kàj-gòdi, sò aj nàj, sò aj nàj-la, ka koďà raklì.*
‘Ну, когда это было, она что? — пришла к этой младшенькой. А эта младшенькая — вся брильянт[ы], чего только нет, чего только нет у неё, у этой девушки.’

(18) *Aj ə raklì phabòl, jàg lèl, də krasàfca, də mùndro kaj sʲ̀!*
‘А девушка горит, загорается, такая красавица, такая прекрасная!’

Пример «сдвинутого предпрошедшего»:

(19) *Dùj axòtnikuŕa aj řòm źàn pe axòta. Kaj-źàn, aj khərà nàs-le sò te-lèn pèh-kə te-xàn. Lèn pèh-kə jek khajnì, cynořỳ.*
‘Два охотника и цыган идут на охоту. Идут, значит, а дома им не было что взять себе поесть, берут себе курицу, маленькую.’

Это же значение — в формуле *kana sàs (aj sàs)* букв. ‘когда было (и было)’ (об особенностях сказок см. 5.2), ср. пример (17).

Будущее время при сдвинутой точке отсчёта, кажется, обычно не встречается.

4.2.6.4.5.6. Случаи расщеплённой фазовой парадигмы

Имеется по меньшей мере один глагол: *daràl* ‘бояться; испугаться’, у которого соотношение возможных инфектных и перфектных значений отличается от описанных нормальных случаев. Этот глагол можно было бы считать начально-предельным (ср. ‘испугаться’ = ‘начать бояться’), однако фаза начала у него, по-видимому, семантически слишком сильно отличается от фазы хода, поэтому он расщепляется на два (почти) разных глагола, распределённых по парадигме.

Это приводит к тому, что инфект имеет только фазу хода (и разброса), а перфект — только фазу начала. Таким образом:

(1) а. *Adès le glàti daràn kata źukàl sòřo dès.*
‘Сегодня дети боятся пса весь день. **‘пугаются’

б. *Aratì le glàti daràna*s.
‘Вчера дети боялись. **‘пугались’

(2) а. ** *Aratì le glàti <u>daràjle</u> sòřo dès.*
букв. ʻВчера дети пугались весь день.ʼ
б. *Aratì le glàti <u>daràjle</u>.*
ʻВчера дети испугались.ʼ **ʻбоялись’

Различие значений начала и хода не может быть понято по контексту, т. е. значения ʻбоялись’ и ʻпугались’ всегда описывают разные ситуации, смешение которых привело бы к недоразумению. Поэтому в фазе разброса (или суммы) необходимо сохранить значение фазы начала, которая никак не выражается формой инфекта. Это значит, что значение ʻпугается’ одной глагольной формой выразить невозможно, так что необходимо прибегать к аналитическим конструкциям типа *lèl te-daràl* ʻначинает бояться’ или *lèl-le ə dàr* букв. ʻберёт его страх’ (см. 4.2.6.4.1.1).

Значит, налицо две дефектные фазовые парадигмы — одна только в инфекте, а другая только в перфекте: *daràl* ʻбояться’ (беспредельный) и ʻиспугаться’ (мгновенный):

			ход	начало	сумма	разброс
инфект	*daràl*	буд.	?			
		наст.	+[1]			+[2]
	daràlas	прош.	+[3]			
перфект	*daràjlo*			+[4]		
	daràjlosas			+[5]		

[1] ʻбоится’ [2] ʻбоится [всегда]’ [3] ʻбоялся’ [4] ʻиспугался’ [5] ʻиспугался [раньше]’

То же, вероятно, верно для глагола *laźàl* ʻстесняться’ (беспредельный) и ʻзастесняться’ (мгновенный); формой перфекта *laźàjlo* нельзя выразить фазу суммы ʻстеснялся’. Однако здесь, видимо, разница в значениях не столь велика и не всегда важна и ощутима.

Для сравнения — нормальные начально-предельные глаголы, у которых нет противоречия между семантикой начала и хода, ср.: *dukhajà* ʻзаболело’ и ʻболело’ (сумма), *bešlò* ʻсел’ и ʻпросидел’ (сумма), *kamľà* ʻзахотел’ и ʻхотел’ (сумма).

4.2.6.5. Временна́я модальность

Говоря о наклонениях, мы исходили из морфологического критерия: в отдельное наклонение мы выделяли любую модальность, однозначно выражаемую морфологическими средствами (т. е. внутри широкой словоформы, в т. ч. с помощью клитик). Так, например, в формах *(te-)kəràsa* ʻесли сделаем’, *(te-)kəràs* ʻчтобы мы сделали’ наклонение выражено наличием или отсутствием постфикса *-a* в сочетании с проклитикой *te-* (которой может не быть в ряде синтаксических контекстов). Однако собственное значение у проклитики *te-* выделять не имеет смысла, т. к. никакой особой грамматической категории она сама по себе не выражает.

В широкую словоформу могут входить клитики *kam-* и *maj-*, не выражающие модальность в упомянутом строгом смысле, но привносящие нечто конкретное в значение широкой словоформы. Речь идёт об отношении говорящего к смыслу глагола (могущего стоять в разных временах и наклонениях), которое можно назвать **временно́й модальностью**.

Проклитика *kam-* привносит значение **предположительности** (ʻможет быть’), а *maj-* выражает **временной контраст** (ʻуже; ещё’) и некоторые другие оттенки (ʻбольше’, ʻбольше не’).

4.2.6.5.1. Предположительность

Проклитикой *kam-* выражается неуверенность говорящего в истинности факта, выражаемого глаголом (ʻнаверно, авось, а вдругʼ). После *kam-* может идти любая форма изъявительного наклонения в значении соответствующего времени или форма сослагательного потенциального наклонения (т. е. долгая форма инфекта) в значении будущего времени. Примеры глаголов *sy* и *avèl*, между которыми имеется омонимия в ряде форм:

avèl ʻприходитьʼ:		*sỳ* (буд. *avèl*, сосл. *avèla*) ʻбытьʼ:	
kam-avilò	ʻнаверно, пришёлʼ	*kam-sàs*	ʻнаверно, былʼ
kam-avèl	ʻнаверно, приходитʼ / ʻнаверно, придётʼ	*kam-sỳ*	ʻнаверно, естьʼ
kam-avèla	ʻнаверно, придётʼ	*kam-avèl* / *kam-avèla*	ʻнаверно, будетʼ

Во многих северновлашских диалектах, например в кишинёвском (а также в некоторых зарубежных кэлдэрарских говорах), *kam* + [краткая форма] употребляется в значении будущего времени (без оттенка предположительности). Неясно, какое употребление первично.

Примеры на прошедшее время (сомнительно):

(1) ? *Kam-sàs khərə aratì ťo dàd.*
ʻНаверно, был дома вчера твой отец.ʼ

Настоящее время:

(2) *Muřò dàd akanà kam-bešə̀l khərə.*
ʻМой отец сейчас, наверно, сидит дома.ʼ

(3) *Kam-sỳ matò.*
ʻВероятно, он пьян.ʼ

Возможно и при эллипсисе связки (ср. невозможность такого с *sas-kə-*):

(4) *Kam pàle vò matò.*
ʻВероятно, он опять пьян.ʼ

Будущее время:

(5) *Kam-avàv tehàra.*
ʻНаверно, я приду завтра.ʼ

(6) ▶ *Kam-perə̀la màn-gə dàr tù-tar kə xoxavèh-ma.*
ʻА вдруг я испугаюсь, что ты меня обманешь.ʼ

При отрицании — только *ćì-*:

(7) *Kam-ćì-merə̀n(a).* ***kam-na...*
ʻАвось не помрут.ʼ

В вопросе:

(8) *Kam-avès màn-de tehàra?*
ʻМожет, придёшь ко мне завтра?ʼ

Проклитика *kam-* встречается автономно. На вопрос (8) можно ответить эллиптически:

(9) *Kàm.*
ʻМожет быть [да].ʼ

Значение предположительности передаётся также малоупотребительным вводным словом ˈ*ambòrim* ʻможет бытьʼ (см. 4.3.8.1.1).

4.2.6.5.2. Временной контраст

Проклитика *màj-* употребляется в разнообразных контекстах. Здесь мы рассмотрим только её употребление с глаголами (она также образует сравнительную степень прилагательных, см. 3.6.7.1, и наречий, см. 3.8.3.6). Особо отметим отрицательную форму *manàj* ‘больше нет’ (без отрицания — *màj-sỳ* ‘ещё есть’).

Временна́я модальность, выражаемая этой проклитикой, разбивается на два типа значений. Первый можно обозначить как контраст между двумя состояниями, разделёнными временем. Можно выделить два типа основных таких временны́х значений:

	ретроспектива:	повтор:
màj-avilò	‘уже приходил’	‘ещё приходил’ (т. е. ещё раз и т. п.)
ćì-maj-avilò	‘ещё не приходил’	‘больше не приходил’ (больше ни разу и т.п)

Есть также другие, более трудные для определения временны́е значения: внезапность, усиление. Второй тип значений не относится ко времени: ‘больше, ещё’ (см. ниже). Рассмотрим все типы значений:

(а) ретроспектива

Проклитикой *màj-* явным образом выражается отношение говорящего к тому, что какое-либо действие совершилось (‘уже’ и поэтому, например, в будущем ожидаемо или не ожидаемо) или не совершилось (‘ещё не’, но в будущем ожидаемо):

(1) *Màj-śuťàn-tu řomèn-de oćè, and-o Ľvòvo?*
‘Ты уже заходил к цыганам там, во Львове?

(2) *Ćì-maj-sỳmas khanikàj.*
‘Я ещё нигде не был.’

Оба приведённых примера допускают «аддитивное» прочтение ‘ещё, больше’; найти контекст для однозначно временны́х значений с *màj-* (‘уже’ и ‘ещё’) трудно. Эти значения обычно выражаются частицами III пласта *užə* и *iśò*.

(б) повтор

Как при образовании сравнительной степени, *màj-* имеет «аддитивное» значение: ‘ещё, больше, дальше’ или ‘больше не’ (при отрицании). С глаголами в значении фазы хода речь идёт о продолжении процесса:

(3) *Kamàv te-màj-bešàv tù-sa.*
‘Хочу ещё посидеть с тобой.’

В других фазах — повтор действия:

(4) *Màj-avès amèn-de?*
‘Ты ещё придёшь к нам?’

(5) *Màj-dikhàs-ame!*
‘Ещё увидимся!’

С отрицанием:

(6) *Ćì-maj-p'às.*
‘Больше не будем пить.’

(7) *Muřò pàpo manàj amèn-ca.*
‘Мой дед уже не с нами.’

(8) *Nà-maj-bešàn ande tumarì avlìn anda le luluďà.*
‘Не живите больше в вашем дворце из цветов.’

В приведённых примерах проклитика *màj-* относится к самому действию, выраженному глаголом, которое (не) продолжается, повторяется и т. п. Однако при наличии явного обстоятельства времени, по-видимому, можно считать, что *màj-* относится именно к нему, хотя и является проклитикой глагола:

(9) *Kamàv te-màj-bešàv tù-sa dùj ćàsurà.*
‘Хочу ещё посидеть с тобой два часа.’

Мало того, *màj-* может относиться к дополнениям и подлежащим:

(10) *Màj-thò màn-gə dùj kotoroř̆à.*
‘Положи мне ещё два кусочка.’

(11) *Màj-sy-ma k ćàso.*
‘У меня есть ещё час.’

(12) *Kòn màj-avèl?*
‘Кто ещё придёт?’

(13) *Ćì-maj-mul'à khònik.*
‘Больше никто не умер.’

Тут, конечно, речь идёт не о временно́м повторе, а о логическом, в т. ч. когда говорится об однородных предметах и т. п. Здесь нет смысла усматривать временну́ю модальность.

Здесь также дадим особое трудноуловимое значение, которое можно определить как «временну́ю связность», ср. при приветствии (в этой фразе *maj-san* безударно):

(14) *Sàr maj-san?*
‘Ну, как дела?’

От обычного *sàr san?* ‘как дела’ приведённый вариант вопроса отличается, по-видимому, тем, что задаётся знакомому, т. е. как бы продолжает некий (такой же?) разговор в прошлом. Типичны также такие вопросы:

(15) *Kàj sy ti dèj? Sò màj-kərəl?*
‘Где твоя мать? Что она поделывает?’

Здесь, опять же, видимо, подчёркивается, что говорящий связывает текущий момент с прошлым (т. е. как бы ‘а что она теперь делает’).

(в) внезапность

В рассказах *màj-* может иметь трудноуловимое значение внезапности, резкости действия (‘вдруг’), в т. ч. для усиления динамичности:

(16) *Ta hur'àl koďà pàřa anda ćèri, aj màj-dikhàl: mekàl-pe gràs parnò telè.*
‘Аж летит это пламя из неба, и вдруг видит он: спускается белый конь.’

(17) *L'à o krəstəvèco, phagl'à-les, aj màj-cypìl ə raklì anda krəstəvèco: pàj, pàj!*
‘Взял огурец, разломил его, и как закричит девушка из огурца: «Воды, воды!»’

Это значение можно увязать с нашим понятием временно́й модальности в том смысле, что здесь налицо некий «контраст» между прошлым и текущим моментом.

(г) усиление

Довольно часто *màj-* употребляется в значении, которое, кажется, можно считать усилительным, как бы подчёркивающим временну́ю локализованность:

(18) *Dèvla, dè i màn bàrš. Sòde śinavèh màn-gə? — Aj sòde màj-śinavàv tù-kə?*
ʻБоже, дай и мне лет. Сколько отведёшь мне? — А сколько же тебе отвести?ʼ

(19) *Kana vò: źà màj-xalàďu xancỳ, prʼà-phèrdo mèl san!*
ʻА тут он: «Иди же помойся чуть-чуть, очень ты весь в грязи!»ʼ

Особый случай — выражение (глагол?) *màj-naštìl* (букв. ʻбольше не мочьʼ) в значении ʻдуши не чаятьʼ, часто в восклицаниях с частицей *sò...*:

(20) *Sò řudìn lès-kə, sò màj-naštìn pala raklò, phenèn màn-gə o dròm, sàr te-arəsàv ka kutàri thàn.*
ʻКак благожелают ему, как же изнемогают по нему, говорят мне дорогу, как мне добраться до такого-то места.ʼ

Возможно, усилительное значение имеется и в следующих вставных оборотах: *te-nà-maj-dèl o dèl* ʻда не дай богʼ, букв. ʻчтобы больше не дал богʼ; *nà-maj-phèn* ʻслов нетʼ, букв. ʻбольше не говориʼ. Кроме того, такое усилительное *maj-* очень частотно в песнях, где оно вставляется ещё и по ритмическим причинам (см. 5.1.3.2).

4.2.6.6. Грамматические глаголы

Здесь собраны глаголы, имеющие, помимо собственных лексических значений, ещё и особые, «грамматические», с которыми они входят в особые обороты и сочетания. Эти значения трудно классифицировать ввиду их неоднородности, поэтому они обсуждаются в разных разделах (на которые тут даём ссылки):

	лексические значения	грамматические значения
sy/*sỳ*	ʻбытьʼ	бытие (см. 4.5.6) связка (см. 4.5.8) др. значения: модальные, обладания (см. 4.6.1) страдательный залог состояния (см. 4.13.2.2)
dèl	ʻдатьʼ	в составе двухчастных (см. 4.2.6.1.1) пустой глагол: о погоде, ʻбитьʼ, ʻвходитьʼ (см. 4.6.5.1)
lèl	ʻвзять, получить, принять; застатьʼ	в составе двухчастных (см. 4.2.6.1.1) фаза начала или мига (см. 4.2.6.4.1.1) фаза начала к безличным связочным (см. 4.6.5.2)
thòl	ʻкласть, ставить; создать; назначитьʼ	в составе двухчастных (см. 4.2.6.1.1)
kərə̀l	ʻделатьʼ	в составе двухчастных (см. 4.2.6.1.1) каузативный глагол (см. 4.13.4.4) неактивно — связка: начало (см. 4.5.8)
avèl	ʻприйти; приходиться [родственником]ʼ	формы связки (см. 3.11.9) модальная конструкция — непреодолимое желание (см. 4.2.6.3)
bešə̀l	ʻсидеть, стоять; житьʼ	связка: состояние (см. 4.5.8)
perə̀l	ʻпадатьʼ	связка: резкое начало (см. 4.5.8)

Противопоставление между лексическим значением и грамматическим иногда в той или иной степени условно.

4.3. Члены предложения

Любое простое предложение в общем случае строится вокруг глагола, который можно считать ядром всего предложения. Набор синтаксических групп (словосочетаний, см. 4.2) зависит от свойств глагола. Поэтому классификация типов предложений в большой степени совпадает с классификацией глаголов по **модели управления** (см. 4.5), т. е. по тому, какие **члены предложения** должны сопровождать глагол для порождения правильного предложения. Сами члены предложения могут выражаться разными синтаксическими группами, т. е. иметь ядра, относящиеся к разным частям речи.

Члены предложения бывают **заданные** и **незаданные**. Заданные члены входят в модель управления глагола и образуют костяк предложения. Незаданные члены могут добавляться в предложение более или менее неограниченно.

Подлежащее обозначает сущность (предмет, лицо, понятие), о котором идёт речь в предложении. Его могут выражать разные части речи и их группы. **Сказуемое** обозначает действие, состояние, форму бытия и т. п. того, что выражено подлежащим. Подробно о каждом члене предложения будет сказано в соответствующих разделах, а здесь мы ограничимся обоснованием введения в синтаксис самого понятия членов предложения и дадим их краткое описание.

Как видно из примеров различных синтаксических групп (см. 4.2), помимо ядра, в них могут входить члены разных типов. Рассмотрим следующие фрагменты предложений:

(1)	а.	*phenèl fòrmi*	‘говорит неприличные слова’
		phenèl ùj	‘говорит «ой»’
		phenèl kə źanèl-tu	‘говорит, что знает тебя’
		phenèl te-źàs-tar	‘говорит, чтобы ты ушёл’
	б.	*phenèl màn-gə*	‘говорит мне’
		phenèl la phʾà-kə	‘говорит сестре’
	в.	*phenèl mùndro*	‘говорит красиво’
		phenèl sar trubùl	‘говорит как следует’

В примерах (1)а сказуемое — глагол *phenèl* — сопровождается совершенно разными подчинёнными ему синтаксическими группами (существительной группой, прямой речью, придаточными предложениями), однако все они объединяются одинаковым грамматическим отношением к глаголу-ядру. Это видно, в частности, по тому, что ко всем этим разнотипным группам можно задать один и тот же вопрос:

(2)	а.	*sò phenèl?*	‘что говорит?’
	б.	*kàs-kə phenèl?*	‘кому говорит?’
	в.	*sàr phenèl?*	‘как говорит?’

Можно сказать, что:

— в примере (2)а задаётся вопрос к **прямому дополнению** в примерах (1)а;
— в примере (2)б задаётся вопрос к **косвенному дополнению** в примерах (1)б;
— в примере (2)в задаётся вопрос к **обстоятельству** в примерах (1)в.

Подобные обобщения были бы невозможны, исходи мы лишь из структурных свойств синтаксических групп, выражающих эти члены предложения (существительной, глагольной группы и т. д.). Возможность или обязательность наличия того или иного члена описывается моделью управления синтаксической группы, которая определяется свойствами её ядра (в данном случае глагола *phenèl* ‘говорить, сказать’). При этом необязательно к одному и тому же члену предложения всегда будет задаваться один и тот же вопрос: например, к разным типам обстоятельств в вопросе могут выступать такие вопросительные сло-

ва (группы), как: *kàna* ‘когда’, *katàr* ‘откуда’, *pe sòs-te* ‘на чём’ и др. Это во многих случаях верно и для других членов предложения.

Таким образом, не стремясь к строгости определения, можно сказать, что члены предложения выделяются согласно своей синтаксической функции. Классификация членов предложения условна, т. к. в какой-то мере опирается на произвольные критерии определения функций, выполняемых синтаксическими группами в пределах других синтаксических групп.

Термином «член предложения» мы именуем только группы, находящиеся в связи со сказуемым, в отличие, например, от групп, вложеннных в существительную (или иную именную или предложную) группу. Однако и внутри групп выделяются отрезки, состоящие с ними в той или иной иерархической связи. Рассмотрим предложение:

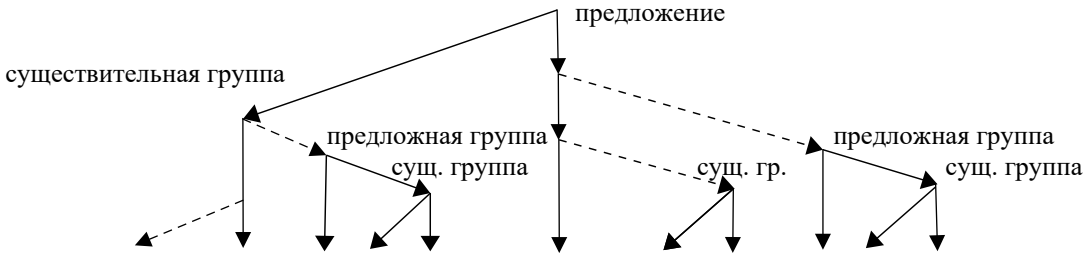
(3) *Amarə̀ řòm anda Ar̓òlo bešlè dùj bə̀rš bi vužə̀ pajès-ko.*
‘Наши цыгане из Орла жили два года без чистой воды.’

Здесь выделяются синтаксические группы (и отдельные словоформы, представляющие частный случай группы), вложенные в другие синтаксические группы:

— предложная группа *anda Ar̓òlo* и притяжательное местоимение *amarə̀* входят в существительную группу, чьё ядро — существительное *řòm* (эта существительная группа выступает в роли подлежащего);
— числительное *dùj* входит в существительную группу, чьё ядро — существительное *bə̀rš* (обстоятельство);
— прилагательное *vužə̀* входит в существительную группу, чьё ядро — стоящее в лишительном падеже существительное *pàj* (обстоятельство).

Все перечисленные вложенные группы можно назвать **определениями** (в широком смысле) по отношению к ядрам содержащих их групп. В этом примере каждое определение находится в непосредственной зависимости от ядра — причём только от одного, что является общим свойством всех определений (определения мы рассмотрим в составе существительной группы).

Предложение (3), поддающееся простому иерархическому представлению, можно условно изобразить в виде древа:



Однако часты случаи, когда приходится говорить о зависимости группы сразу от двух групп. Рассмотрим предложения:

(4) *Là-ko phràl sy matò.*
‘Её брат пьян.’
(5) *Là-ko phràl avilò matò.*
‘Её брат пришёл пьяный.’

В каждом из этих примеров имеется член — прилагательное *matò* — связанный сразу с двумя ядрами.

В примере (4) он зависит от глагола-связки *sy* (ядра предложения — сказуемого), но одновременно является определением к существительному *phràl* (ср. *là-ko matò phràl* ‘её пьяный брат’). Такой член мы называем **расширением**, имея в виду, что он «расширяет» сказуемое, которое без него было бы неполным (ср. невозможное в каком-либо похожем значении ***là-ko phràl sy*).

В примере (5) мы видим такую же двойную связь с глаголом *avilò* и существительным *phràl*, однако, в отличие от (4), здесь прилагательное *matò* необязательно — по своей функции оно сродни обстоятельству, причём предложение (5) останется предложением и без него. Такой член предложения мы называем **присказуемым**, поскольку он представляет собой нечто вроде ещё одного сказуемого и может быть раскрыт в отдельное предложение типа (4).

Что касается **обстоятельства**, то это самый разнородный из членов предложения. Он может зависеть как от глагола, так и от всего предложения (т. е. не относиться ни к одному из членов). Кроме того, обстоятельство невозможно определить через (не)заданность в предложении, т. к. во многих случаях оно входит в модель управления (но при этом вряд ли целесообразно разбивать его на два члена).

Имеет смысл ввести ещё один незаданный член, который внешне не отличается от косвенного дополнения, но имеет особый круг значений. Поэтому мы назвали его **лжедополнением**. Во многих случаях его тоже можно считать подчинённым сразу двум другим членам, ср. в притяжательном значении (‘тебе в сумку’ = ‘в твою сумку’):

(6) *Thodèm o màs tù-kə ande kòžnica.*
‘Я положил мясо тебе в сумку.’

Таким образом, у нас получается четыре заданных члена, два незаданных и один, бывающий и таким, и таким (определение не в счёт):

заданные:	сказуемое, подлежащее, дополнение, расширение, обстоятельство
незаданные:	лжедополнение, присказуемое, обстоятельство

4.3.1. Сказуемое

Сказуемое обозначает действие, состояние или форму бытия сущности, выраженной подлежащим. Кроме предложений с неглагольными сказуемыми (предикативными частицами, ср. *ètа* ‘вот’) в роли сказуемого, во всех кэлдэрарских предложениях имеется глагол (здесь мы не говорим об эллипсисе). В некоторых случаях глагол присутствует неявно — это касается только связки *sy* в настоящем времени (см. 4.5.8).

Глагол можно считать и ядром всего предложения, т. к. свойства (валентности) глагола влияют на состав всего предложения, предопределяя наличие (или отсутствие) членов, зависимых от глагола. Например, безличные глаголы не допускают наличия подлежащего, а переходные требуют дополнений (о моделях управления см. 4.5).

В собственно глагольную словоформу могут входить, помимо личной глагольной формы, ещё и различные клитики:

(1) *Ćì-maj-dikhl'à-ma khònik.*
‘Больше никто меня не видел.’

Объектная клитика *-ma* в примере (1) не рассматривается нами как часть сказуемого в синтаксическом смысле, хотя морфологически она входит в глагольную словоформу (т. е. не может быть передвинута). Таким образом, несмотря на морфологическую сложность, сказуемое здесь выражено одной словоформой (*ćì-maj-dikhl'à-ma*).

Нет специального вопросительного слова к сказуемому, поэтому вопрос зависит от того, чем оно выражено, ср. типичный вопрос к глаголу (в т. ч. непереходному):

(2) *Sò kərə̀l o phurò?*
‘Что делает старик?’

Ядро сказуемого может быть выражено следующими типами слов:

(а) предикативная частица

Предложения с такими сказуемыми не имеют времени и наклонения, хотя, как в примерах (3), (4), могут быть эквивалентны побудительным или, как в примере (5), повествовательным предложениям:

(3) *Hə̀jda źi màn-de!*
‘Пошли ко мне!’
(4) *Te-nà!*
‘Не делай этого!’, ‘Пусть не делают этого!’, ‘Пусть не будет так!’ и т. п.
(5) *Ə̀ta muřò khə̀r.*
‘Вот мой дом.’

(б) глагол

Глагол может быть личным, безличным, переходным и т. д.:

(6) *Kadò dumùlt sas.*
‘Это было давно.’
(7) *O phurò sovèl.*
‘Старик спит.’
(8) *Ašundèm kaďà paramìći.*
‘Я слышал эту сказку.’
(9) *Əl raklè kə̀rdile ampəràcy.*
‘Парни сделались царями.’
(10) *Àv sastò!*
‘Будь здоров!’

Особый случай представляют безличные связочные предложения с расширениями, в т. ч. с существительными *dàr* ‘страх’, *šỳl* ‘холод’ и др. (связка *sy* может опускаться):

(11) *Dàr màn-gə.*
‘Мне страшно.’

Связкой здесь может быть не только *sy*, но *kə̀rďol*, *perə̀l* (подробно см. 4.5.8.1).

Имеются также многочисленные двухчастные глаголы, состоящие из глагола (не связки) и имени (а также застывших, самостоятельно не употребляемых форм): *dèl jàg* ‘поджигать, включать, стрелять’, *lèl sàma* ‘следить, замечать’ и др. В них сам глагол несёт по большому счёту только грамматическое значение, а лексическое значение передаётся неглагольной частью (подробно см. 4.2.6.1.1):

(12) *Khònik ći-dèl lè-sa dùma.*
‘Никто с ним не разговаривает.’

4.3.2. Подлежащее

Подлежащее обозначает предмет (или что-либо другое), о котором «идёт речь», о чьём действии, состоянии или форме бытия сообщается в предложении. В действительном залоге (см. 4.13.1) оно обозначает «субъект» действия:

(1) *O řòm bitinďà ək matòra.*
‘Цыган продал машину.’

В страдательном залоге (см. 4.13.2) — «объект» действия:

(2) *Le matòri bitinèn-pe mištò.*
‘Машины продаются хорошо.’

Это туманное определение апеллирует скорее к семантике, чем к формальной стороне дела. Исходя же из формальных свойств, подлежащее имеет смысл определить как член, с которым по лицу и числу согласуется сказуемое (см. 4.4.1; там же об исключениях).

Вопрос к подлежащему: *kòn?* ‘кто?’, *sò?* ‘что?’:

(3) *Kòn aviľà?*
‘Кто пришёл?’
(4) *Sò sỳ-tu?*
‘Что у тебя есть?’

Сначала рассмотрим наиболее типичное выражение подлежащего: это существительная группа, ядро которой — назывное существительное или местоимение:

(а) назывное существительное

Всегда в именительном падеже (по определению).
Существительная группа может быть определённой:

(5) *Ə vojàga bešəl pe skafedì.*
‘Бутылка стоит на столе.’
(6) *Sà kadalà barə khərà phabulè.*
‘Все эти большие дома сгорели.’
(7) *Atùnći avilè-tar le śavè le phurə̀s-kə.*
‘Тогда пришли сыновья старика.’

Как видно, определённое подлежащее может быть темой, но необязательно: в примере (7) оно выступает как рема (о теме и реме см. 4.8.2). Неопределённое подлежащее — обычно рема, но необязательно, ср. (10):

(8) *Sàs-ma trìn phràl.*
‘У меня было три брата.’
(9) *Avilì màn-de ćè-to gaźì.*
‘Пришла ко мне какая-то русская.’
(10) *Manùš kasavèn-dar nàj bùt amèn-de.*
‘Таких людей у нас не много.’

Одушевлённые определённые существительные группы в роли подлежащего могут заменяться ударными личными местоимениями *vò*, *vòj*, *vòn* (см. 4.9.2.1.2) и, в ряде случаев, указательными местоимениями *kakò*, *kukò* ‘(э)тот’ и нек. др.; и одушевлённые, и неодушевлённые могут подвергаться эллипсису.

Подлежащего в предложении может не быть, если сказуемое — безличный глагол, в противном случае может идти речь об эллипсисе. В связочных предложениях со связкой *sy* в настоящем времени подлежащее может заменяться (или дублироваться) подлежащными клитиками, независимо от одушевлённости (см. 4.9.2.1.3).

Особый случай представляют подлежащие в вопросах типа «что такое *x*?». В них подлежащее, даже если оно выглядит как существительная группа, относится не к какому-либо предмету или лицу, а является метаязыковым обозначением:

(11) а. *Sò sy gulùmbo?*
б. *Sò j kodò gulùmbo?* (букв. ‘что есть это...’)
‘Что такое голубь?’
(12) *O gulùmbo sy ćiriklì.*
‘Голубь — это птица.’

В вопросе (11) *gulùmbo* (можно считать, что *gulùmbo* — приложение к подлежащему *kodò*) выступает в каком-то смысле как отрезок прямой речи, требующий разъяснения, поэтому оно лишено признаков одушевлённости и определённости и соотносится с вопросительным местоимением *sò* ‘что’, а не *kòn* ‘кто’. Однако в ответе (12) *o gulùmbo* уже выступает с (факультативным) определённым артиклем и имеет свойства существительной группы, причём нереферентной, т. к. обозначает целый класс предметов. Такая группа заменяется не личным местоимением *vò* ‘он’, а указательным *kadò* ‘это’ (см. 4.9.2.1.2).

(б) местоимение-существительное

Указатели *kadò*, *kodò* ‘это’ бывают подлежащими лишь при некоторых глаголах: *sỳ* ‘быть’, *buśòl* ‘называется; значит’, *kàrďol* ‘происходит’, *plaćàl* ‘нравиться’ и нек. др.:

(13) *Kadò sy o khàr le baràs-kə.*
‘Это дом барона.’
(14) *Kaťà buśòl kətrỳncy, kaťà buśòl řòťa.*
‘Вот это называется передник, [а] вот это называется юбка.’
(15) *Kadò buśòl kə dilò san.*
‘Это значит, что ты дурак.’

Менее обычны эти указатели с другими глаголами, ср. *kadò peľà* ‘это упало’.

В роли подлежащего выступают и другие местоимения (местоименные группы) — вопросительные: *kòn* ‘кто’, *sò* ‘что’, неопределённые *vàrə-kòn* ‘кто-нибудь’, *vàrə-so* ‘что-нибудь’ и др., прочие: *sàvoře* ‘все’, *amarə̀* ‘наши’ др. (см. 4.2.1.14). Такие местоимения ничего собой не заменяют, поэтому такие местоименные группы ничем не отличаются от обычных существительных групп, кроме своей внутренней организации (сочетаемости с определениями), диктуемой правилами построения конкретных групп. Группы с местоименным ядром в роли подлежащего могут быть определёнными:

(16) *Sàvořə tidinisàjle and-ək-thàn.*
‘Все собрались вместе.’

Признака определённости нет у собственно неопределённых, вопросительных и отрицательных местоименных групп:

(17) *Ćì-trubùl-ma khànćі tù-tar.*
‘Мне ничего от тебя не нужно.’
(18) *Sỳ kòn-to and-o khər.*
‘В доме кто-то есть.’
(19) *Sò bešəl pe skafedì?*
‘Что лежит на столе?’

(в) зависимый оборот

В ряде случаев подлежащим можно считать зависимый глагольный оборот (см. 4.12.2.1), вводимый клитикой *te-*:

(20) *Plaćàl-les te-najòl.*
‘Ему нравится купаться.’

На первый взгляд в примере (20) зависимый оборот *te-najòl* подчинён глаголу *plaćàl* ‘нравиться’ аналогично конструкциям типа *phendèm* [*lès-kə*] *te-najòl* ‘я сказал [ему] купаться’ (‘чтобы он купался’). Однако глагол *phenèl* управляет прямым дополнением (выражающим то, что сказано), ср. *sò phendèm* ‘что я сказал’, тогда как у глагола *plaćàl* именно подлежащее обозначает то, что нравится, ср. *kòn plaćàl-les* ‘кто ему нравится’.

(г) придаточное предложение

В отличие от зависимого оборота, придаточное предложение имеет собственное (могущее быть отличным от главного) подлежащее:

(21) *Savořən plaćàl kana avèl o milàj.*
‘Всем нравится, когда наступает лето.’

Собственное подлежащее может быть и неявным (здесь *tù* ‘ты’):

(22) *Nàj mištò te-pès bùt.*
‘Нехорошо много пить.’

(д) особые случаи

Подлежащим также могут быть группы других типов — метаязыкового характера:

(23) *Trìn aj dùj kəràl pànź.*
‘Три да два — пять.’

(24) *Tinujìl sy kana xàl tìno o manùš.*
«Страдать» — это когда мучится человек.’ (букв. ‘ест му́ку’)

4.3.2.1. Нулевое подлежащее

Подлежащее бывает нулевым. Здесь нас интересуют случаи значимого нуля на месте подлежащего, т. е. не результата эллипсиса (нулевой замены, см. 4.9.3.1). Это:

(а) безличные предложения

В безличных предложениях подлежащего нет вообще (или можно сказать, что оно всегда ∅), причём на его место ничего невозможно подставить:

(1) *Tunerićisàjl’a.*
‘Стемнело.’

(2) *Mištò màn-gə.*
‘Мне хорошо.’

Это не эллипсис, т. к. у безличных глаголов нет валентности на подлежащее (т. е. его отсутствие определяется моделью управления). Сюда же отнесём «ложные безличные» предложения — изредка личные глаголы употребляются как безличные, извлекаясь из устоявшихся оборотов, ср. выражение *źàl ə v’àsť a kə...* ‘идёт молва, что...’:

(3) *Sàr te-xàv-le?! Te-źàl pa màn-de pe sà-j Iròpija kə mè xalèm muřə šogoròs?!*
‘Как это я его съем?! Чтоб пошло обо мне по всей Европе, что я съел своего шурина?!’ (реплика змея из сказки)

(б) зависимый оборот

В зависимом обороте явное выражение подлежащего запрещено. Так, глагол *daštìl* ‘мочь’ с зависимым оборотом можно представить так: {*x*} *daštìl* ∅ *te-źàl* ‘мочь идти’ (при этом ∅ ссылается на *x*):

(4) *Mè daštìv te-źàv.*
** *Mè daštìv te-źàv mè.*
ʻЯ могу пойти.ʼ

Это не эллипсис: хотя валентность есть, конструкция запрещает явное выражение. Это отличает зависимые обороты от придаточных предложений:

(5) *Vò kamèl te-źàv mè.*
ʻОн хочет, чтобы пошёл я.ʼ

(в) неопределённо-личные предложения

Здесь нулевое подлежащее указывает на некий обобщённый субъект (ʻлюдиʼ и т. п., см. 4.13.1.1):

(6) *Ande amarò kỳrdo trajìn barvalès.*
ʻВ нашем таборе живут богато.ʼ

Это тоже не эллипсис: валентность есть, но нуль на месте подлежащего значим.

(г) повелительные предложения

Подлежащее регулярно опускается:

(7) *Źà khərə!*
ʻИди домой!ʼ
(8) *Nà-maj-hamisàvo là-te!*
ʻБольше не приставай к ней!ʼ

Явное подлежащее возможно при логическом выделении:

(9) *Tù bèš telè!*
ʻТы сядь!ʼ
(10) *Tumè ròden and-o khər, aj mè dikhàv avrì.*
ʻВы поищите в доме, а я посмотрю на улице.ʼ

Нулевое подлежащее при императиве в какой-то степени можно считать эллипсисом: при отсутствии выделения нулевое подлежащее можно считать нулевой заменой (как в повествовательных предложениях). Однако здесь явное подлежащее весьма редко, поэтому будем считать, что нуль выступает здесь как основной вариант.

4.3.3. Дополнение

Дополнения обозначают предмет, так или иначе затрагиваемый действием, выраженным сказуемым (дополнения прилагательных и наречий мы рассматриваем в рамках соответствующих групп, см. 4.2.3.2, 4.2.5.2). Часть глаголов вообще не может принимать дополнений, ср. предложение:

(1) *O řòm sovèl.*
ʻЦыган спит.ʼ

Это предложение вполне закончено и не требует никаких уточнений. Можно спросить, например, *kàj?* ʻгде?ʼ, но такая информация не нужна для «полноценного» понимания сказанного (о таких глаголах см. 4.5.7.1.1, 4.5.7.2). Иначе в предложении:

(2) ?* *O raklò laśarəl.*
ʻПарень чинит.ʼ

Можно вообразить ситуацию, когда такое предложение возможно, — тогда скорее всего речь идёт об эллипсисе, т. е. об опущении известной информации (см. 4.9.3). В противном же случае это предложение неполно, и к нему, скорее всего, сразу зададут вопрос *sò?* ‘что?’. Так что можно сказать, что предложения с глаголом *laśarəl* ‘чинить; изготовлять’ в роли сказуемого обязательно должны содержать дополнение (но см. 4.5.3.2):

(3) *O raklò laśarəl ə matòra.*
‘Парень чинит машину.’

Для синтаксической характеристики любого глагола необходимо дать его модель управления (см. 4.5), включающую дополнения и другие заданные члены, зависящие от глагола. В данном случае можно написать: *laśarəl* + ВИН. ‘чинить [что]’.

Дополнения могут быть выражены следующими типами групп:

(а) существительная группа

Существительная группа может стоять в разных падежах.
В винительном падеже — **прямое** дополнение:

(4) *O raklò dikhl'à la rakl'à.* (вин.)
‘Парень увидел девушку.’

В дательном падеже — **полупрямое** дополнение:

(5) *La Řusyjà trubùn barvalè manùš.* (дат.)
‘России нужны богатые люди.’

В одном из вторичных падежей — **косвенное** дополнение:

(6) *Ćì-phendèm khànći t'a dà-kə.* (напр.)
‘Я ничего не сказал твоей матери.’

(7) *Kòn daràl kata rùv?* (отл.)
‘Кто боится волка?’

В именительном падеже — **частичное** дополнение:

(8) *Pherdèm ə vàdra pàj.* (им.)
Я наполнил ведро водой.’

(б) предложная группа

Такие дополнения можно называть **предложными**:

(9) *Dìkh pala myřỳ glàta.*
‘Смотри за моим ребёнком.’

(в) зависимый оборот

Без собственного подлежащего:

(10) *Źanès te-khəlès řomanès?*
‘Умеешь танцевать по-цыгански?’

(г) придаточное предложение

С собственным подлежащим:

(11) *Vò kamèlas te-avèn sàvořə.*
‘Он хотел, чтобы пришли все.’

(д) прямая речь

Отрезки речи, отдельные слова и т. п.:

(12) *Phèn najìs tù-kə.*
ʻСкажи «спасибо».ʼ

Зависимые обороты, придаточные предложения и прямая речь обсуждаются в разделе о сложном предложении (см. 4.12).

«Прототипическим» выражением дополнения является существительная группа. Наша классификация дополнений по типам (прямое, полупрямое, косвенное, частичное) наиболее наглядно проводится именно на существительных группах (за счёт наличия у них падежей). Однако и «маргинальные» дополнения (зависимый оборот, придаточное предложение, прямую речь), за исключением некоторых случаев, можно отнести к одному из этих типов. В большинстве случаев это обеспечивается возможностью задать вопрос к существительному (например, *sò phenèl?* ʻчто говорит?ʼ; *sòs-tar daràl?* ʻчего боится?ʼ), а ответить сложносочинённым предложением (например, *phenèl kə...* ʻговорит, что...ʼ, *daràl kə...* ʻбоится, что...ʼ).

Приведём в упрощённом виде соотношения типов дополнений и типов выражающих их групп:

	сущ. группа	предл. группа	завис. об.	придат. предл.
прямое	+	–	+	+
полупрямое	+	–	–	–
косвенное	+	–	+	+
предложное	–	+	(+)	(+)
частичное	+	–	–	–

4.3.3.1. Прямое дополнение

Прямое дополнение обозначает предмет, лицо и т. п., к которому «непосредственно» относится действие глагола. Синтаксическая группа, выступающая в роли дополнения, отвечает на вопросы *sò?* ʻчто?ʼ, *kàs?* ʻкого?ʼ.

Нет смысла искать семантические инварианты, но для наглядности можно наметить произвольное количество групп по типу воздействия на предмет: физическое воздействие, перемещение, создание и мн. др.:

(1) *O Jòno marďà pès-ka řomn'à.* (физическое воздействие)
ʻЁно побил свою жену.ʼ

(2) *Śùdav ə mènćija avrì pa-j feľàstra.* (перемещение)
ʻЯ выбрасываю мяч через окно.ʼ

(3) *O zydàri laśarďà khə pòdo.* (создание)
ʻКаменщик построил мост.ʼ

(4) *Kòn phabarďà amarə̀ khərà?* (уничтожение)
ʻКто сжёг наши дома?ʼ

(5) *O raklò dikhə̀l le zməvòs.* (восприятие)
ʻПарень видит змея.ʼ

Если прямое дополнение выражено существительной группой, то она стоит в винительном падеже. В формах винительного падежа существительных групп проявляется значение признака персональности (см. 4.2.1.1.1, 4.2.1.2.5).

Синтаксически прямое дополнение отличается от дополнений других типов возможностью преобразования в существительную группу, включающую причастие со страдательныс значением, иногда с возможностью выражения деятеля (т. е. подлежащего исходного предложения):

(6) *O źukàl xaľà la glatà.* ⇒ *glàta xalì kata źukàl*
ʻСобака укусила ребёнка.ʼ ʻребёнок, укушенный собакойʼ

В ряде случаев прямое дополнение может быть вынесено (о выносе см. 4.8.7), а также стать подлежащим в результате залогового преобразования (но тогда затруднительно выразить деятеля):

(7) а. *Le gaźà bitinèn amarà kəzàja.*
ʻЖенщины-нецыганки продают наши котлы.ʼ
⇒ б. *Amarà kəzája bitinèn-le le gaźà.* (вынос темы)
ʻНаши котлы продают женщины-нецыганки.ʼ
⇒ в. *Amarà kəzàja bitinèn-pe.* ***kata-l gaźà* (страдательный залог)
ʻНаши котлы продаются.ʼ ʻженщинами-нецыганкамиʼ

Особо отметим прямые дополнения при обычно непереходных (неактивных) глаголах, например *nakhàl* ʻпройтиʼ (см. об этом 4.5.7.3.1).

Ядром существительной группы в роли прямого дополнения бывают и местоимения:

(8) *Źanàv savořàn kaćè.*
ʻЯ знаю всех здесь.ʼ
(9) *Ćì-prinźardèm khanikàs.*
ʻЯ не узнал никого.ʼ
(10) *Phèn amèn-gə vàrə-so nevò.*
ʻСкажи нам что-нибудь новое.ʼ

В т. ч. с относительным придаточным предложением, ср. пример (16).

Фразовым прямым дополнением можно считать именные подчинённые фразы (см. 4.12.2), т. е. зависимые обороты и придаточные предложения: в зависимом наклонении, изъяснительные, косвенные вопросы, ср.:

(11) *Vò źanèl te-khəlèl.* (зависимый оборот)
ʻОн умеет танцевать.ʼ
(12) *Vò kamèl amè te-khəlàs lè-sa.* (придат. предложение в завис. накл.)
ʻОн хочет, чтобы мы танцевали с ним.ʼ
(13) *Vò źanèl kə amè khəlàs mištò.* (придат. предложение: изъяснительное)
ʻОн знает, что мы танцуем хорошо.ʼ
(14) *Vò źanèl kà-sa amè khəlàs.* (придат. предложение: косв. вопрос)
ʻОн знает, с кем мы танцуем.ʼ

Дополнением могут быть и свободные относительные фразы (см. 4.12.4):

(15) *Vò dèl-ma te-xàv.* (зависимый оборот)
ʻОн даёт мне есть.ʼ
(16) *Vò ďà ka źukàl sò ći-xalèm.* (придат. предложение)
ʻОн дал псу, что я не съел.ʼ

Придаточные предложения, вводимые изъяснительным союзом *kə* ʻчтоʼ при отдельных глаголах, также могут выступать в роли косвенного дополнения (*daràl kə...* ʻбоится, что...ʼ; о фразовом дополнении см. 4.5.10.1.2).

Особые случаи наречий в роли прямого дополнения:

(17) *Te-kərəl tù-kə o dèl <u>mištò</u>!*
ʻЧтоб бог тебе сделал хорошо!ʼ (благопожелание)

(18) *Ćì-kamàv tù-kə <u>nasùl</u>.*
ʻЯ не желаю тебе зла.ʼ

Альтернативный вариант — объявить *mištò* и *nasùl* субстантивированными наречиями (см. также 4.3.4.1г). Впрочем, *nasùl* в других контекстах, видимо, не употребляется.

4.3.3.2. Полупрямое дополнение

Так мы назвали дополнение в дательном падеже. Дательный падеж формально отличается от винительного только при неодушевлённости (см. 4.2.1.2.6). Вопрос к одушевлённому полупрямому дополнению — обычно *kàs?* ʻкому?ʼ, а к неодушевлённому, видимо, невозможен (нет формы ***sòs*). Такими дополнениями управляет небольшой ряд глаголов, в т. ч. непереходные (*plàćal* ʻнравитьсяʼ, *aźutìl* ʻпомогатьʼ, *perəl* ʻперепасть [о деньгах]ʼ и др., список и примеры: см. 4.5.7.2.2), один переходный (*dèl* ʻдатьʼ, см. 4.6.4), а также глагол *sỳ* ʻбытьʼ в конструкции обладания (см. 4.6.1.1).

С одушевлёнными отличие от винительного никак не проявляется, а при неодушевлённости такого дополнения (что бывает нечасто) оно, в отличие от прямого дополнения (т. е. винительного падежа), оформляется косвенной формой:

(1) *Aźutìv <u>le foròs</u>.* ***o fòro*
ʻЯ помогаю городу’.

(2) *Barvalè manùš trubùn <u>la Řusyjà</u>.* ***ə Řusỳja*
ʻБогатые люди нужны России.ʼ

(3) *<u>Amarə kyrdòs</u> peľà dèš mìji řùbli.* ***amarò kỳrdo*
ʻНашему табору перепало десять тысяч рублей.ʼ

Такие случаи довольно редки, поскольку неодушевлённые дополнения с теми немногими глаголами, с которыми это можно проверить, употребляются маргинально. Можно сравнить глагол *dèl* ʻдаватьʼ, управляющий получателем именно в дательном падеже, с переходным двухчастным глаголом *dèl jàg* ʻстрелять, зажигать, включатьʼ:

(4) *Dèm jàg <u>muřỳ matòra</u>.* (вин.)
ʻЯ завёл / поджёг свою машину.ʼ

(5) *Dèm binzìno <u>muřà matorà</u>.* (дат.)
ʻЯ дал бензина своей машине.ʼ

Впрочем, пример (5) — совершенно искусственный; его можно толковать как метафорическое наделение прямого дополнения одушевлённостью.

Возможно, полупрямое дополнение употребляется в какой-то мере окказионально и с другими глаголами (не включёнными в список), ср.:

(6) ▸ *Piťajà-<u>ma</u> dùj asvà.*
ʻУ меня капнуло две слезы.ʼ (?)

Пожалуй, только с одушевлёнными дополнениями употребляются глаголы «телесных ощущений» (поэтому неясно, какой тут падеж представлен косвенной формой): *dukhàl* ʻболеть [о части тела]ʼ, *xàl* ʻзудетьʼ и нек. др. Поэтому можно также считать, что они управляют винительным падежом, ср. обычный пример (7) и потенциальный (8):

(7) *<u>Muřə dadès</u> dukhàl o šərò.*
ʻУ моего отца болит голова.ʼ

(8) *<u>La salkà</u> dukhàn le krènźi.*
ʻУ дерева болят ветки.ʼ

Пример (8), благодаря своей семантике, возможен, очевидно, только при наделении ʻдерева’ одушевлённостью (например, в сказке), поэтому он не может служить доказательством наличия тут дательного падежа (ср. то же самое в бесспорно винительном: *dikhàl la salkà* ʻвидит дерево’, если дерево — живой персонаж).

Обсуждаемое полупрямое дополнение ведёт себя подобно прямому, заменяясь не только ударными местоимениями, но и клитиками (впрочем, с отличием при местоименном повторе, см. 4.9.2.1.5.2). Однако оно не может становиться подлежащим при залоговом преобразовании, ср. *matòra dinì jàg* ʻзаведённая / подожжённая машина’ (переходный глагол), но не ***matòra dinì binzìno* букв. ʻмашина данная бензин’.

Часть глаголов, управляющих такими дополнениями, имеет нетривиальные модели управления, где одно и то же дополнение может стоять не только в дательном падеже, но и в других — местном, направительном (в зависимости от синтаксических условий или в порядке колебания). Это более характерно для неодушевлённых существительных групп, причём дательный падеж может приниматься не всеми носителями:

(9) ? *Kadalè khəràs trubùl-les màj-bùt felèstri.* ~ *ka kadò khàr* (мест.)
ʻЭтому дому надо больше окон.’ ʻу этого дома, при этом доме’

Всё это индивидуально для каждого глагола: так, при глаголе *sỳ* ʻбыть’ (обладание) дательный падеж сложным образом чередуется с местным (подробно см. 4.6.1.1), а при *dèl* ʻдавать’ многое зависит от порядка слов (см. 4.6.4).

Иллюстрация различия в употреблении дательного (*-la*) и направительного (*là-kə*, *la marťà-kə*) падежей в одном предложении:

(10) *L'à là-kə kućì pìva, la marťà-kə, aj d'à-la.*
ʻВзял ей кружку пива, [для] смерти, и дал ей.’ (в кабаке)

4.3.3.3. Частичное дополнение

Несколько глаголов в ограниченном круге контекстов требуют особого дополнения, выражающего неопределённую часть множества или вещества. Оно стоит в именительном падеже (т. е. всегда в прямой форме). Такими дополнениями управляют всего несколько глаголов, в т. ч. непереходные (*phèrďol* ʻнаполниться’ и нек. др., список и примеры: см. 4.5.7.2.3) и переходные (*pheràl* ʻнаполнить’, *vuśaravèl* ʻпокрыть’ и др., см. 4.5.7.3.4), ср.:

(1) *Ə vàdra phèrdili pàj.* (непереходный)
ʻВода наполнилась водой.’

(2) *Pherdèm ə vàdra pàj.* (переходный)
ʻЯ наполнил ведро водой.’

Очевидно, что это не прямое дополнение, ср. при одушевлённости:

(3) *Pherdèm o vurdòn glàti.* ***(le) glatèn*
ʻЯ наполнил повозку детьми.’

В примере (3) имеем два дополнения: первое — прямое, а второе — частичное. К частичному дополнению в этом примере нельзя задать вопрос *kàs?* ʻкого?’ (в крайнем случае можно *kà-sa?* ʻкем?’). Здесь вообще, как правило, невозможны распространённые группы; невозможно поставить сюда косвенную форму: ***le glatèn*, ***muřà glatèn* и т. д.

Впрочем, вероятно, изредка частичное дополнение всё-таки бывает определённым: тогда оно может восприниматься как прямое дополнение. При этом оно употребляется при обычно непереходных глаголах *rovèl* ʻплакать’, *asàl* ʻсмеяться’ (если это не оговорка):

(4) *Aj asàl le bùkvi sumnakunè, kodolà ròzy, kaď à aśilè p-o dikhlořò.*
ʻИ смеётся буквами золотыми, этими — розами, так остались на платочке.’

Ещё более спорный случай (здесь могут быть два предложения):

(5) ◂ *Kabòr bàbicy dèl o bryšỳnd!*
ʻВот такими градинами идёт дождь!ʼ

Частичное дополнение (если это не расширение) можно усмотреть и в таком примере (безличное предложение, частичное дополнение — во множественном числе, а сказуемое — в единственном):

(6) *Kaćè khàndel phabà.*
ʻТут пахнет яблоками.ʼ

Частичное дополнение имеет особую семантику частичности, ср. невозможность ***vuśaravèl la glatà plapònо* ʻнакрывает ребёнка одеялом’ (можно только *plaponò-sa* в творительном падеже — тогда это косвенное дополнение).

Частичные дополнения соотносятся с «частичными определениями» в рамках прилагательной группы:

[*vàdra*]	*phèrdo pàj*	ʻполное воды [ведро]ʼ (о *phèrdo* см. 3.6.4.7)
[*manùš*]	*phèrdo pajà*	ʻпотный [человек]ʼ (букв. ʻполный водʼ)
[*matòra*]	*ladadì kàšt*	ʻполная дров [машина]ʼ
[*càľa*]	*vuśaradè ćìk*	ʻпокрытая грязью [одежда]ʼ
[*gràst*]	*ćajlò khàs*	ʻсытый сеном [конь]ʼ

Как видно, прилагательные управляют дополнениями так же, как соответствующие глаголы (об этом см. 4.2.3.2). Список этих прилагательных закрыт: ср., например, *ćajlò řətìja* ʻсыт водкой’, но не ***matò řətìja* ʻпьян...’, в соответствии с чем глагол *maťòl* ʻпьянеть’ не управляет частичным дополнением:

(7) а. *Ćajlilèm řətìja.*
ʻЯ вдоволь напился водки.ʼ
б. ** *Matilèm řətìja.*
Matilèm kata-j řətìja.
ʻЯ опьянел от водки.ʼ

Отметим также выражение *ćajľòl lìndri* ʻвыспаться’ (букв. ʻнасытиться сномʼ).

Таким образом, частичное дополнение — особый пограничный член предложения, с одной стороны приближающийся к прямому дополнению, а с другой — выглядящий как результат преобразования частичного определения при прилагательном (в т. ч. страдательном причастии; это определение можно считать дополнением в полуфразе).

4.3.3.4. Косвенное дополнение

Косвенные дополнения выражаются существительной группой в одном из вторично-косвенных падежей и отвечают на соответствующие вопросы: *kàs-kə?* кому?’, *sò-sa?* ʻ(с) чем?ʼ и т. д.:

(1)	*Phèn muřə̀ dadès-kə̀ sàr buśòs.*	⇒ *lès-kə*	(направительный)
	ʻСкажи моему отцу, как тебя зовут.ʼ	ʻемуʼ	
(2)	*Bešàv aj divinìv muřà bib̓à-sa.*	⇒ *là-sa*	(творительный)
	ʻСижу и разговариваю со своей тётей.ʼ	ʻс нейʼ	

В т. ч. со лжепредлогами:

(3)	*Le glàti daràjle kata-l rùv.*	⇒ *lèn-dar*	(отложительный)
	ʻДети испугались волков.ʼ	ʻихʼ	

(4) *Ka phurò sàs əftà śavè.* ⇒ *lès-te* (местный)
‘У старика было семеро сыновей.’ ‘у него’

Косвенные дополнения не могут заменяться местоимениями-клитиками и не поддаются местоименному повтору, кроме как с несколькими глаголами, допускающими постановку дополнения как в местный, так и в дательный падежи (см. 4.5.3.5).

Косвенным дополнением в направительном падеже чаще всего выражается адресат действия. В одних случаях это ощущается как обязательное дополнение, ср.:

(5) а. *Sykadèm tumèn-gə muřò khàr.*
‘Я показал вам свой дом.’
б. ?* *Sykadèm muřò khàr.*
‘Я показал свой дом.’

В других случаях такое дополнение необязательно, но, очевидно, входит в модель управления (т. е. задано):

(6) а. *Phèn le řomèn-gə katàr san.*
‘Скажи цыганам, откуда ты.’
б. *Phèn katàr san.*
‘Скажи, откуда ты.’

(7) а. *Vòj dilabaďà amèn-gə bùt diľà.*
‘Она спела нам много песен.’
б. *Vòj dilabàl mištò.*
‘Она поёт хорошо.’

В случаях, когда «адресат» совсем трудно вписать в модель управления (ср. *putràl o vudàr lès-kə* ‘открывает дверь ему’), мы относим его к лжедополнениям (см. 4.3.6, там же другие значения).

Несколько глаголов управляют синтетической формой отложительного падежа:

(8) *Ə glàta atàrdili rojimàs-tar.* ~ *anda rojimòs*
‘Ребёнок перестал плакать.’
(9) *Muřò pàpo ľà-ma vastès-tar.*
‘Мой дед взял меня за руку.’
(10) *Atùnći le řòm merànas bokhà-tar.*
‘Тогда цыгане мёрли с голоду.’

В примерах типа (8) глагол *atàrďol* ‘останавливаться’ чаще управляет предложной группой (см. 4.3.3.5). В примере (9) отложительный падеж имеет в той или иной мере пространственное значение; так оформляются только части тела, причём только с глаголами *lèl* ‘брать’, *cỳrdel* ‘тянуть’, *nikəràl* ‘держать’ (может быть, ещё с некоторыми). Поэтому неясно (и неважно?), что это — дополнение или обстоятельство. В оборотах типа (10) выступают глаголы *meràl* ‘умирать’, *zalìl* ‘падать в обморок’ и нек. др. + *bokhà-tar* ‘с голоду’, *šylès-tar* ‘от холода’ и др. (см. 4.2.1.2.8ii, там же примеры).

В отдельных случаях косвенным дополнением можно считать зависимые обороты и придаточные предложения (кажется, только с несколькими глаголами, см. 4.5.10.1.2б):

(11) *Gətosàjlem te-źàv p-o marimòs.*
‘Я собрался идти на войну.’
(12) *Daràv te-źàv koćè.*
‘Я боюсь туда идти.’
(13) *Daràv kə le kətàni xoxavèn-ma.*
‘Я боюсь, что милиция меня обманет.’

Во всех этих примерах вместо зависимой части можно подставить существительную группу, ср. *(le) marimàs-kə* ʻк войнеʼ (направительный падеж), *kata xoxajimòs* ʻобманаʼ (отложительный падеж).

Косвенным дополнением мы считаем член, выражающий субъект действия при причастии. Это возможно в страдательном залоге состояния (см. 4.13.2.2), в т. ч. в присказуемом. Субъект выражен косвенным дополнением в отложительном падеже:

(14) *Avilò xalò kata-l źukàl.*
ʻОн пришёл покусанный собаками.ʼ

4.3.3.5. Предложное дополнение

Дополнением можно считать любую предложную группу, во-первых, входящую в модель управления глагола, а во-вторых, имеющую абстрактное (т. е. не пространственно-временно́е) значение.

Лишь немногочисленные глаголы управляют предложными группами (ядро таких групп — предлог, не путать со лжепредлогами *ka* и *kata*). Предложное дополнение не может замещаться наречием (например, *koćè* ʻтамʼ и т. п.), в отличие от обстоятельства (см. 4.5.3.1). Кроме того, предлог, выступающий в предложном дополнении, обычно лишён «собственного» значения, а диктуется исключительно моделью управления. Набор таких предлогов ограничен — это *ande* ʻвʼ, *pe* ʻнаʼ, *pa* ʻоʼ, *pala* ʻзаʼ, *anda* ʻизʼ (обзор: см. 4.2.2.3):

(1) *Le řòm paťàn-pe and-o dèl.* ⇒ *ande lès-te*
ʻЦыгане верят в бога.ʼ ʻв негоʼ
(2) *Màn-gə sas mìla pala źuklořò.* ⇒ *pala lès-te*
ʻМне было жаль щенка.ʼ ʻегоʼ (букв. ʻза негоʼ)
(3) *Le dejà gyndìn-pe pa pès-kə glàti.* ⇒ *pa lèn-de*
ʻМатери думают о своих детях.ʼ ʻо нихʼ

Здесь предлоги выступают, можно сказать, в переносном значении (ср. основные, пространственные значения *pala* ʻзаʼ; *pa* ʻ[вниз] с; черезʼ). Имеются и модели управления, в которых можно усматривать устоявшиеся сочетания, причём как бы виден процесс метафоризации предлога:

(4) *Kòn thòl-pe pala amèn-de?*
ʻКто защитит нас?ʼ (букв. ʻпоставит себя за насʼ)
(5) *Vòj phirèl pala gaźò.*
ʻОна гуляет с русским.ʼ (букв. ʻходит за...ʼ)
(6) *O raklò atərdilo anda asamòs.* ~ *asamàs-tar*
ʻПарень перестал смеяться.ʼ (букв. ʻостановился из смехаʼ)

В примерах типа (6) глагол *atərďol* ʻостановитьсяʼ управляет предложной группой с отглагольным именем действия; с этим глаголом могут выступать только существительные на *-mos*, например: *cypimòs* ʻкрикʼ, *asamòs* ʻсмехʼ, *vatimòs* ʻстонʼ; неясно, следует ли называть их дополнениями (подробнее об этом обороте см. 4.2.6.4.1.1б).

При синтаксическом преобразовании в существительную группу, если оно возможно (например, если есть существительное, годное на роль имени действия), предложное дополнение не меняется (см. 4.2.1.1б):

(7) а. *Divinìv pa amarò fòro.*
ʻЯ говорю о нашем городе.ʼ
б. *Phenàv divàno pa amarò fòro.*
ʻЯ рассказываю о нашем городе.ʼ

Как видно, в существительной группе *divàno pa amarò fòro* ‘рассказ / разговор о нашем городе’ ядро (*divàno* ‘рассказ’) управляет предложным дополнением (*pa...* ‘о...’) так же, как глагол (*divinìl* ‘говорить’).

В ряде случаев предложные дополнения в разной степени неотторжимы от глаголов. Это касается глагола *thòl-pe* ‘мыться’, который в современном языке не употребляется без дополнения *pa mùj* букв. ‘по лицу’, что даёт *thòl-pe pa mùj* ‘умываться’ (ср., однако, отрицательное причастие *bi-thodò* ‘неумытый’ без дополнения). Это же дополнение возможно (плеонастически), но необязательно, с глаголом *myřavèl-pe* ‘бриться’:

(8) *Myřàv-tu (pa mùj).*
‘Побрейся!’ (факультативно букв. ‘по лицу’)

4.3.3.6. Взаимно-возвратные дополнения

Особое выражение получают дополнения в конструкциях, в которых подлежащее и дополнение (реже: два дополнения) ссылаются на разных исполнителей одного и того же действия, выполняющих его по отношению друг к другу. В качестве дополнения в них выступает взаимное местоимение *jekh-avràs* ‘друг друга’ (см. 3.10.1.5):

(1) *Kadalà manùš nikərən jekh-avrəs xaranè.* (прямое дополнение)
‘Эти люди считают друг друга умными.’

(2) *Le phejà daràn jekh-avr'à-tar.* (косвенное дополнение)
‘Сёстры боятся друг друга.’

В предложных группах взаимное местоимение факультативно разделяется на две части предлогом (поэтому уже трудно считать его одной словоформой):

(3) *Le phejà thòn-pe jèkh pala avr'à-te.* ***avèr* (предложное дополнение)
‘Сёстры защищают друг друга.’ (букв. ‘становятся одна за другую’)

Парафраза предложения (2) со лжепредлогом и эллипсисом (поэтому прямая форма указательного определителя), ср. повторяющийся (четырежды!) указатель *kuť à*:

(4) ▸ *Kuť à daràl kata kuť à, kuť à daràl kata kuť à.*
‘Эта боится той, [а] та боится этой.’

В безличных конструкциях *jekh-avrəs* может относиться к двум дополнениям:

(5) *Le phejàn-gə mìla jekh-avr'à-tar.* *~ pala jekh-avr'à-te ~ jèkh pala avr'à-te*
‘Сёстрам жаль друг друга.’

Для неодушевлённых местоимение *jekh-avrəs* затруднительно:

(6) ?* *Le śur'à skucòn jekh-avr'à.*
‘Ножи точат друг друга.’

Однако (с не совсем ясной синтетической формой):

(7) ▸ *Skucosàr le śur'à pe jekh-avr'à-te.*
‘Поточи ножи друг о друга.’

С некоторыми глаголами взаимность прямого дополнения выражается возвратными формами (т. е. клитиками, см. 4.13.4.1):

(8) *Kamès te-maràs-ame?*
‘Хочешь драться?’ (‘чтоб мы подрались’)

4.3.4. Расширение

В предложении часто бывает член, так или иначе распространяющий сказуемое, но отличный от дополнения. Если подлежащее и дополнение просто называют параметры ситуации, то расширение так или иначе характеризует один из них (подобно определению).

🛠 В русской грамматической традиции этот член обычно называется «именной частью сказуемого», что подразумевает его вхождение в сказуемое и лишает самостоятельности (в отличие, скажем, от дополнения, каковое считается отдельным членом). Мы вводим непривычный термин «расширение», который, как нам кажется, оправдывается разнообразием реализаций этого члена.

Расширение выступает в виде группы, синтаксически подчинённой сказуемому (глаголу), но также связанной с подлежащим или дополнением (что может проявляться в согласовании). Следует различать два типа расширений в зависимости от природы их сочетания с глаголами. Расширение входит в модель управления глагола в том смысле, что оно не может быть опущено, т. к. без него глагол может быть употреблён только в другом значении (иногда близком). Ряд глаголов без расширений употребляется в своём «базовом» значении, а с расширением приобретает более абстрактное «связочное» значение. Самый чистый случай представлен глаголом *sỳ* ‘быть’ — без расширений это глагол бытия (наличия), ср. *sỳ manřò* ‘есть [имеется] хлеб’, или обладания, ср. *sỳ-ma manřò* ‘у меня есть хлеб’ (в этих значениях *sỳ* ударно), тогда как при добавлении расширения он становится связкой:

(1) *O manřò sy laśò.*
‘Хлеб вкусный.’

(2) *O manřò sy o xabè le manušən-go.*
‘Хлеб — пища людей.’

В этих предложениях глагол *sy* имеет уже совсем другое значение (и по форме он отличается, т. к. безударен): в данном случае он приравнивает друг к другу подлежащее и расширение или наделяет подлежащее признаком, выраженным **расширением к подлежащему** (см. 4.3.4.1).

Подобная логика применима и к некоторым переходным глаголам, ср. без расширения *nikərəl* + ВИН. ‘держать’, но *nikərəl* + ВИН. + ИМ. ‘считать [кем/чем-л., каким-л.]’. Такое расширение назовём **расширением к дополнению** (см. 4.3.4.2).

Из предложений с расширениями к подлежащему могут выводиться существительные группы, если подлежащее выражено существительным, а расширение — группой, могущей входить в существительную группу в качестве определения. Это возможно только с расширениями в виде прилагательных, причастий и притяжательных групп (включая притяжательные местоимения). Кроме того, имеются ограничения на сочетаемость членов внутри существительной группы, как и на варианты порядка слов (это определяется правилами для существительных групп, см. 4.2.1.4.4):

(3) *O khər sy nevò.*
‘Дом — новый.’
⇒ *o nevò khər* / *o khər o nevò* ‘новый дом’

(4) *Kaďà matòra sy muřə dadès-ki.*
‘Эта машина — моего отца.’
⇒ *muřə dadès-ki matòra* / *ə matòra muřə dadès-ki* ‘машина моего отца’

(5) *Kadò řòm sy o màj-phurò maškar ə bàr.*
‘Этот цыган — самый старый в таборе.’
⇒ *o řòm o maj-phurò maškar ə bàr* ‘самый старый в таборе цыган’

Согласно правилам для существительных групп, в них не могут входить сравнительные обороты (в отличие от прилагательных в превосходной степени):

(6) *Kadò řòm sy màj-barò màn-dar.*
ʻЭтот цыган старше меня.ʼ
⇒ ** *o řòm o maj-barò màn-dar* букв. ʻцыган, старше меняʼ

Такое преобразование невозможно с некоторыми прилагательными:

(7) *O xabè sy gàta.*
ʻЕда готова.ʼ
⇒ ** *o gàta xabè* ʻготовая едаʼ

Оно возможно для притяжательных форм в значении намерения, готовности:

(8) *Ə dèla sy asamàs-ki.*
ʻЭто смехотворно.ʼ (букв. ʻэто дело смехаʼ)
⇒ *asamàs-ki dèla* ʻсмешное дело, пустякиʼ

(9) *Muřò śàv sy ansurimàs-ko.*
ʻМоему сыну пора жениться.ʼ
⇒ *ansurimàs-ko śàv* ʻсын, годный в женихиʼ

Лишительные притяжательные группы (см. 3.7.5, 4.2.1.10.2) обычно употребляются только атрибутивно, а предикативно обычно выступает лишительный падеж (такая классификация условна, но для нас падежные формы по определению не согласуются по роду и числу с ядром, см. 4.2.1.2.12):

(10) *Kadalà khərà sy bi vudaràs-ko.* ** *bi-vudaràs-kə*
ʻЭти дома — без дверей.ʼ
⇒ *bi-vudaràs-kə khərà* ʻдома без дверейʼ, букв. ʻбездверныеʼ

(11) *Ə phurì aśilì bi vastès-ko.* ** *bi-vastès-ki*
ʻСтаруха осталась без руки.ʼ
⇒ *bi-vastès-ki phurì* ʻбезрукая старухаʼ

В ряде случаев невозможную существительную группу можно заменить оборотом с придаточным предложением с союзом *kaj*:

⇒ *o řòm kaj sy maj-barò màn-dar* ʻцыган, который старше меняʼ
⇒ *o xabè kaj sy gàta* ʻеда, которая готоваʼ

В редких случаях предложения с расширениями к дополнению подвергаются залоговым преобразованиям (см. 4.13), если расширение выражено существительной группой, причём их прямое дополнение превращается в подлежащее производного предложения. Тогда можно говорить, что одно и то же расширение относится то к дополнению, то к подлежащему, ср. *nikərèn-le xaranò* ʻсчитают его умнымʼ : *nikàrďol xaranò* ʻсчитается умнымʼ. Имеются и незалоговые пары, между которыми имеется подобное соотношение, ср. *akharàl* ʻзватьʼ : *buśòl* ʻназыватьсяʼ и др.

Дополнение исходной переходной конструкции в страдательном залоге (12) становится подлежащим, а при возвратности или при взаимно-возвратном дополнении дополнение и подлежащее сливаются:

(12) а. *Sàvořə nikərən kadalè manùš xaranè.* (действительный)
ʻВсе считают этих людей умными.ʼ
⇒ б. *Kadalà manùš nikərďon xaranè.* (страдательный)
ʻЭти люди считаются умными.ʼ

⇒ в. *Kadalà manùš nikərən-pe xaranè.* (возвратный)
‘Эти люди считают себя умными.’
‘Эти люди считают друг друга умными.’
⇒ г. *Kadalà manùš nikərən jekh-avrès xaranè.* (взаимный)
‘Эти люди считают друг друга умными.’

Поскольку далеко не всем переходным глаголам соответствуют неактивные непереходные, это преобразование возможно не всегда.

К расширениям-существительным при связке *sy* — вопрос *kòn* ‘кто?’, *sò* ‘что?’:

(13) *Kòn sy kadò?* [ˈkõskaˈdo]
‘Кто это?’
(14) *Sò sy kadò?* ~ *sò j*
‘Что это?’

Местоимение *sò?* ‘что?’ в ряде контекстов применяется и к одушевлённым (как правило, к людям):

(15) *Sò j kadalà?*
‘Что это за люди?’
(16) *Sò avèn tù-kə vòn?*
‘Кем они тебе приходятся?’

К расширению, выраженному именем собственным, — вопрос *sàr?* ‘как?’:

(17) *Sàr buśòn te glàti?*
‘Как зовут твоих детей?’

Вопрос к расширению-прилагательному (‘какой’) задать трудно; вместо этого его задают к определению внутри существительной группы:

(18) *Savès-tar manùš sas ťo pàpo?*
‘Каким человеком был твой отец?’

К притяжательной группе (местоимению):

(19) *Kàs-ki sàn?*
‘Ты чья [дочь]?’

При количественных расширениях:

(20) *Sodè bəršən-go san?*
‘Сколько тебе лет?’
(21) *Sòde san də vućò?*
‘Какого ты роста?’

4.3.4.1. Расширение к подлежащему

Несмотря на вторую часть названия этого члена («к подлежащему»), предложения, содержащие его, могут быть безличными:

(1) *O pàj sas tatò.* (лично)
‘Вода была тёплой.’
(2) *Avrì sas tatò.* (безлично)
‘На улице было тепло.’

В примере (1) расширение *tatò* ‘тёплый’ относится к подлежащему *o pàj* ‘вода’ и согласуется с ним по форме (см. 4.4.1.3), тогда как (2) — безличное предложение, где форма

расширения диктуется отсутствием подлежащего, т. е. ∅, и поэтому оно выступает в форме м.ед. (о таких безличных предложениях см. 4.5.7.1).

В этих примерах расширение содержит информацию, без которой предложение будет неполным, ср. ***o pàj sas*, ***avrì sas*.

Собственно **связками** можно считать: *sy*, *bešəl* букв. ‘сидеть’ (ограниченно), фаза начала — *kàrďol* ‘стать’, *perəl* букв. ‘упасть’. Прочие непереходные глаголы, допускающие расширение к подлежащему, немногочисленны, в т. ч.: *m’àl* ‘быть похожим’, *aśèl* ‘остаться’ (список и примеры: см. 4.5.9); их можно назвать **полусвязками**. При наличии расширений их собственное лексическое значение «ослаблено». В зависимости от глагола расширения могут обозначать постоянный признак (состояние) и возникающий (становление).

Расширение к подлежащему может быть выражено разнообразными группами (со связкой *sy* — наибольшее разнообразие, подробности — со связками см. 4.5.8, с полусвязками см. 4.5.9); здесь приведём простейшие примеры по типу ядра расширения:

(а) существительное

Существительная группа стоит в именительном падеже:

(3) *Kaďà źuvlì sy muřỳ phèj.*
‘Эта женщина — моя сестра.’

(4) *Kadalà řòm m’àn gaźè.*
‘Эти цыгане похожи на русских.’

Сюда примыкают безличные связочные предложения (см. 4.5.8.1):

(5) *Dàr sas màn-gə kata-l rùv.*
‘Я боялся волков.’ (букв. ‘страх был мне’)

(6) *Šỳl.*
‘Холодно.’ (букв. ‘холод’, связка опущена)

(б) прилагательное, в т. ч. причастие

Прилагательная группа стоит в именительном падеже:

(7) *Aratì sỳmas ćinò.*
‘Вчера я был усталый.’

(8) *Kàrdilo o raklò źì ka maškàr bařunò.*
‘Стал парень до пояса каменным.’

(9) *Ə glàta sutì la.*
‘Ребёнок спит.’ (‘спящий’)

(10) *Trubùs ansurimè.*
‘Тебя надо женить.’

(в) притяжательная форма

Притяжательные группы согласуются с подлежащим (но см. ниже о лишительных):

(11) *Kaďà matòra sy muřə̀ dadès-ki.*
‘Эта машина — моего отца.’

(г) наречие

В ограниченном круге случаев:

(12) *Mištò (sy).*
‘Хорошо.’

(13) *Mištò kàrdiľa màn-gə.*
‘Хорошо стало мне.’

(д) предложная группа

С предлогом *sar* ‘как’ (*sy* ‘быть’, *kàrďol* ‘становиться’):

(14) *Amè sàmas sar tumèn-de.*
‘Мы были как вы.’

(е) числительное

Только со связкой *sy*. При указании числа людей — личные числительные (их можно считать существительной группой с числительным определителем: тогда «счётное слово» *źenè* ‘люди’ — ядро):

(15) *Amè sàmas štàr-źenè.*
‘Нас было четверо.’

(16) *Le mihəjèšti ək-šàl-aj-jèkh le.*
‘Миғэешти — их сто один.’ (т. е. это многочисленный род, пословица)

4.3.4.2. Расширение к дополнению

Расширения к дополнению так или иначе выражают признак дополнения и употребляются с небольшим рядом глаголов, причём это всегда прямое дополнение. Базовое значение части таких глаголов (без расширения) сильно меняется при наличии расширения к дополнению.

Глаголов, допускающих расширение к дополнению, несколько (список и примеры: см. 4.5.9). Расширение к дополнению бывает представлено группой с ядром двух типов:

(а) существительное

Всегда в именительном падеже; согласования с дополнением нет:

(1) ♪ *Dèvla, kàr-ma ćiriklì!*
‘Боже, сделай меня птицей!’

(б) прилагательное

Всегда в именительном падеже; согласуется с дополнением по роду и числу:

(2) *Nikəràv-tu xarajì.*
‘Я считаю тебя умной.’

4.3.5. Присказуемое

Это всегда незаданный член, т. е. он никогда не входит в модель управления. Он привносит информацию, дополнительную к той, что уже выражена сказуемым, никак радикально не меняя смысл последнего, а только уточняя его.

🛠 В русской грамматической традиции этот член называется, например, «обособленным определением» (т. е. специально не выделяется) или «предикативным определением» (если выделяется; но под этим часто понимаются разные вещи). В последнее время встречается английский термин «депиктив», хотя само явление выделено и описано давно, в т. ч. в чехословацких работах [Светлик 1979: 247], откуда мы взяли редкий термин «присказуемое»; он для нас удачен в т. ч. в связи с тем, что мы его относим не только к именным группам, но и к оборотам с глаголами.

Так, предложение с присказуемым можно разложить на два предложения:

(1) а. *Là-ko phràl avilò matò.*
ʻЕё брат пришёл пьяный.ʼ
б. *Là-ko phràl avilò. Là-ko phràl sas matò.*
ʻЕё брат пришёл. Её брат был пьян.ʼ

В примере (1)а глагол *avilò* ʻпришёлʼ выполняет в какой-то мере связочную функцию, что проявляется явно при разложении предложения на два, где второе — связочное. Два независимых предложения (1)б описывают сопутствующие друг другу действия или состояния. Однако между этими двумя сообщениями имеется иерархия в том смысле, что только одно из них содержит собственно новую, нетривиальную информацию: что он ʻбыл пьянʼ, а не то, что он ʻпришёлʼ. Можно сказать, что нам важны не оба действия, а именно то, что ʻеё брат был пьян, когда пришёл (и мы его увидели)ʼ.

Подобно расширениям, присказуемые могут обозначать **состояние** — как в примере (1)а, где путём разложения выявляется связка *sy*, а также и **становление** — тогда выступает связка *kàrďol* ʻстановитьсяʼ, ср.:

(2) а. *Là-ko phràl barilò řòm.*
ʻЕё брат вырос цыганом.ʼ
б. *Là-ko phràl barilò. Là-ko phràl kàrdilo řòm.*
ʻЕё брат вырос. Её брат стал цыганом.ʼ

Такие присказуемые становления (результативные) употребляются крайне ограниченно с небольшим рядом глаголов.

Есть ещё один тип присказуемых:

(3) а. *Là-ko phràl cypìlas də matò.*
ʻЕё брат кричал спьяну.ʼ
б. *Là-ko phràl cypìlas. Là-ko phràl sas matò.*
ʻЕё брат кричал. Её брат был пьян.ʼ

В отличие от (1)а, в примере (3)а глагол *cypìlas* ʻкричалʼ выражает действие в узком смысле, а присказуемое тут описывает состояние, хронологически и логически предшествующее действию. Здесь важнее, что он ʻкричалʼ, а не что ʻбыл пьянʼ. Поэтому смысл тут скорее такой: ʻеё брат кричал, когда был пьян (и, возможно, поэтому кричал)ʼ.

От этого зависит и форма присказуемого: в первом случае оно выглядит как расширение (именительный падеж), а во втором — вводится особой частицей (предлогом?) *də* + именная группа в именительном падеже.

Как и расширения, присказуемые могут относиться к подлежащему (4) и к прямому дополнению (5):

(4) *O Mìloš sà phiràl melalò.* (к подлежащему)
ʻМилош всё [время] ходит грязный.ʼ
(5) *Ćì-dikhlèm le Milošàs kaďà də melalò.* (к дополнению)
ʻЯ не видел Милоша таким грязным.ʼ

Кроме того, в отличие от расширений, присказуемые могут относиться и к косвенному дополнению (редко). Здесь имеется ограничение из-за невозможности понять по форме присказуемого, к чему оно относится, — в тех случаях, когда согласование по роду и числу не толкуется однозначно, ср.:

(6) *Muřò źukàl daràl màn-dar də matò.*
ʻМой пёс боится меня пьяного.ʼ
(7) *Muřò phràl daràl màn-dar də matò.*
ʻМой брат боится меня пьяным / пьяного.ʼ

В подобных случаях зависимость определяется только «по смыслу». Если в примере (6) ясно, что в *matò* относится к косвенному дополнению (т. к. собаки не пьют), то в (7) такого вывода сделать нельзя и предложение остаётся двусмысленным.

К присказуемому обычно затруднительно задать вопрос.

4.3.5.1. Присказуемое или обстоятельство?

Далеко не всякое побочное действие или состояние можно выразить присказуемым: например, это трудно, если имеется прямая логическая связь с главным действием (её можно выразить только соответствующим сложным предложением, где придаточное — обстоятельство):

(1) а. ** *Aźutìv muřà dadès (də) nasvalò.*
букв. ʻЯ помогаю своему отцу больному.ʼ
б. *Aźutìv muřà dadès kə nasvalò lo.*
ʻЯ помогаю своему отцу, так как он болен.ʼ

В других случаях побочный признак выражается наречием:

(2) *Muřò pàpo trajìlas barvalès.* ** *barvalò*
букв. ʻМой дед жил богато.ʼ ʻбогатымʼ

По-видимому, причину такого рода ограничений нужно искать в природе тех или иных признаков (например, постоянные или вре́менные).

Впрочем, по части свойств (необязательность в большинстве случаев, независимость от синтаксических свойств глагола) присказуемое близко к обстоятельству; более того, первое можно было бы считать частным случаем второго. Есть пограничные случаи, когда мы принимаем более или менее произвольные решения, ср., например, «деепричастия»:

(3) *Vò phirəl dilabajìndòj.*
ʻОн ходит, распевая [песни].ʼ

Можно сказать, что это предложение содержит как бы два сказуемых: *divinìl* ʻговоритʼ и *dilabàl* ʻпоётʼ (в особой форме), второму из которых, казалось бы, идеально подходит термин «присказуемое». Однако среди «деепричастий» (список: см. 3.8.1.8) имеется по меньшей мере одно, которому прямо не соответствует глагол: *nasvalindòj* ʻболезненноʼ. Из этого следует, что по частеречной принадлежности «деепричастия» мы правильно записываем в наречия (а не в глагольную парадигму). Ввиду этих соображений мы считаем, что «деепричастия» в предложении выступают как обстоятельства образа действия (см. 4.3.7.2.3).

Присказуемым мы считаем подчинённую фразу в примерах типа:

(4) *Vòj mekl̓à le glatèn sar sovèn.*
ʻОна оставила детей спящими.ʼ (букв. ʻкак спятʼ)

Присказуемые можно было бы усмотреть в примерах с наречиями на *də-...àra*, которые обозначают признак подлежащего или дополнения:

(5) *Bešàv kaćè də-tərn̓àra.*
ʻЯ живу тут с юности.ʼ

Эти наречия (наречиями их можно назвать в т. ч. и благодаря неизменяемости) составляют закрытый список, причём часть из них, ср. *d-arat̓àra* ʻсо вчераʼ, не обозначают признаков, поэтому их скорее следует считать обстоятельствами.

Не очень ясно, куда относить такие группы, как *ande raxàmi* ʻв пальтоʼ, а также, например, *la barbà-sa* ʻс бородойʼ, *bi stad̓à-ko* ʻбез шляпыʼ, ср.:

(6) *Sò phirəs ande kaďà melalì raxàmi?*
‘Что ты ходишь в этом грязном пальто?’

Сочетание *phirəs ande raxàmi* ‘ходишь в пальто’ можно сравнить с *phirəs melalò* ‘ходишь грязный’; и то и другое относится к подлежащему как признак. Проблема сводится к тому, что во втором случае *melalò* ‘грязный’ мы сочли бы расширением в связочном предложении (*melalò lo* ‘он грязный’), а *ande raxàmi* мы предпочитаем считать (обязательным) обстоятельством (*ande raxàmi lo* ‘он в пальто’). Поэтому и в примере (6) это тоже обстоятельство. Следуя этой логике, например, *huŕàdò ande raxàmi* ‘одетый в пальто’ мы считаем присказуемым.

Тем самым остаётся только формальный критерий отличия присказуемого от обстоятельства, а именно — согласуемость. Это поддерживается ещё и тем, что к обстоятельствам обычно можно задать вопрос, а к присказуемым вопросы затруднительны. Например, к *našyndòj* ‘бегом’ допусти́м вопрос *sàr?* ‘как?’, а к *sar sovèn* ‘спящими’ — нет. Что касается групп типа *ande raxàmi* ‘в пальто’ (мы решили, что это обстоятельство), то вопрос к ним вполне возможен: *ande sòs-te?* ‘в чём?’. Значит, затруднительность вопроса тоже можно считать свойством присказуемого как члена предложения.

4.3.5.2. Присказуемое к подлежащему

Рассмотрим отдельно присказуемые состояния и присказуемые становления:

(i) состояние

Может выражаться группами с разными ядрами:

(а) существительное

Всегда в именительном падеже:

(1) *Thodè-ma te-sovàv gaźò aj vuštilèm řòm.*
‘Я лёг спать русским, а проснулся цыганом.’

Иногда сочетание глагола и присказуемого-существительного близко к двухчастным глаголам (см. 4.2.6.1.1). Это касается сочетания глаголов *avèl* ‘приходить’, *źàl* ‘идти’, *sy* ‘быть’ (а также *akharəl* ‘звать’, см. 4.3.5.3) с существительным *gòsto* ‘гость’ (хотя как существительное *gòsto* само, по-видимому, не употребляется):

(2) *Avèn tehàra gòsto amèn-de.*
‘Приходите завтра к нам в гости.’

(б) прилагательное, в т. ч. причастие

Всегда в именительном падеже; согласуется с подлежащим по роду и числу. Обозначает состояние, сопутствующее основному действию (выраженному сказуемым), но независимому от него:

(3) *Kaďà i gəlò-tar o raklò bokhalò, ćì-xaľà khànći, ćì-mudarďà khanikàs.*
‘Так и ушёл парень голодным, ничего не съел, никого не убил.’

(4) *Sòde vr̀àmà pašliľàn nasvalò?*
‘Сколько времени ты пролежал больной?’

(5) *O řòm mulò phurò.*
‘Этот человек умер стариком.’

(6) *Kàj źàs kaďà də matò?*
‘Куда ты идёшь такой пьяный?’

Часто в возвратных конструкциях типа:

(7) *Le pərədə̀jcy xàn-pe <u>londè</u>.*
‘Помидоры едят солёными.’ (букв. ‘едятся’)

Причастие:

(8) *Pa k bə̀rš avàv tù-te <u>ansurimè</u>.*
‘Через год приеду к тебе женатым.’

По крайней мере одно причастие употребляется только как присказуемое:

(9) *Ə̀ glàta ľà pès-kə dadès-ki matòra <u>bi-puślì</u>.*
‘Ребёнок взял машину своего отца без спросу.’ (букв. ‘не-спрошенная’)

Присказуемое-прилагательное может сочетаться с расширением в связочной конструкции (кажется, только с глаголом *sy*), что можно считать доводом в пользу отдельности расширения и присказуемого как членов предложения:

(10) а. *Ə̀ řətìja màj-laśì la <u>šudrì</u>.*
б. *Ə̀ řətìja sy màj-laśì <u>šudrì</u>.*
‘Водка лучше холодная.’

Расширение *màj-laśì* ‘лучше, вкуснее’ зависит от связки (налицо приписывание признака), а присказуемое *šudrì* ‘холодная’ находится со связкой в иной связи.

Случаи, пограничные между расширением (если считать глагол связкой) и присказуемым (если усматривать в глаголе собственное значение ‘стоять’):

(11) *O khə̀r bešə̀l <u>nangò</u>.*
‘Дом стоит пустой.’

(в) притяжательная форма

Так употребляются, пожалуй, только притяжательные группы в значении возраста (согласуются как прилагательные):

(12) *Muřò dàd ansurisàjlo <u>injà bəršə̀n-go</u>.*
‘Мой отец женился в девять лет.’ (букв. ‘девятилетний’)

(г) личное числительное

Только при указании числа людей:

(13) *Àjda phiràs <u>dùj-źenè</u>, màj-vʼàselo <u>dùj-źenè</u>.*
‘Давай ходить вдвоём, веселей вдвоём.’

(14) *Sò bešə̀s <u>jekh-źenò</u>?*
‘Чего ты сидишь один?’

(д) *də̀* + существительное / прилагательное + *kaj sỳ*

Как правило, такая группа представляет собой комментарий о подлежащем, особое усилительное определение, объясняющее или подтверждающее основную мысль:

(15) *Vò xoxaďà savořə̀n, <u>də̀ ćòr barò kaj sàs</u>!*
‘Он обманул всех, такой отпетый жулик!’ (букв. ‘*də̀* большой жулик, которым был’)

(16) *Aj ə raklì phabòl, jàg lèl, <u>də krasàfca</u>, <u>də mùndro kaj sỳ</u>!*
‘А девушка горит, загорается, такая красавица, такая прекрасная!’

(e) *də* + прилагательное

Здесь идёт речь о состоянии, так или иначе обусловливающем основное действие (выраженное сказуемым) или, по крайней мере, предшествующем ему (или распространяющемся за его пределы), что сигнализируется предлогом *də*:

(17) *Vò ďà vòrba <u>də matò</u>.*
ʻОн дал слово спьяну’.

(18) *Le gaźè mardè-pe <u>də matè</u>.*
ʻМужики подрались спьяну’.

Сюда примыкают наречия *də-...-àra*, ср. *də-tərn’àra* ʻсмолоду’, которые по нашей схеме выступают как обстоятельства (см. 4.3.7).

(ii) становление

Всего несколько непереходных глаголов допускают присказуемые становления. Более-менее свободны (хоть и редки) такие сочетания только с глаголом *bar’òl* ʻрасти [кем, каким]’, здесь может быть существительное:

(19) *Arakhàdilem gaźò aj barilèm <u>řòm</u>.*
ʻЯ родился русским, а вырос цыганом’.

(17) *Te-bar’òn tumarə glàti <u>xaranè</u> aj <u>lovalè</u>.*
ʻПусть растут ваши дети умными и при деньгах.’

(18) *Akanà maràs-ame ande jàg: kàs-te* [или *kàs-ti*] *jàg <u>màj-barì</u> bar’òl!*
ʻТеперь будем драться огнём: у кого [чей] огонь больше вырастет!’

Возможны также немногочисленные тавтологические сочетания с прилагательными, ср. фразеологизм:

(20) *Bar’ù <u>barò</u>, phur’ù <u>phurò</u>!*
букв. ʻРасти большим, старей старым!’ (поздравление с днём рождения)

В таких тавтологических сочетаниях признак, выраженный присказуемым-прилагательным, уже неявно присутствует в самом глаголе (*bar’òl* сам по себе содержит семантику результата становления: *barò* ʻбольшой’).

Сюда же отнесём особый случай: сочетание *matò ćìk* ʻпьяный в стельку’ (букв. ʻгрязь’, см. 4.2.3.1б) даёт:

(21) *Aratì là-ko phràl matilò <u>ćìk</u>.*
ʻВчера её брат напился в хлам.’

Имеется и переходное соответствие *maťarď’à-ma ćìk* ʻнапоил меня в хлам’.

4.3.5.3. Присказуемое к дополнению

Рассмотрим отдельно присказуемые состояния и присказуемые становления:

(i) состояние

Может выражаться группами с разными ядрами:

(a) существительное

В именительном падеже; не согласуется с дополнением. Маргинально, но ср. сочетания *akharàl gòsto* ʻзвать в гости’, *aźukəràl gòsto* ʻждать в гости’ (хотя как существительное *gòsto* само, по-видимому, не употребляется):

(1) *Tehàra aźukəràv-tu gòsto.*
‘Завтра жду тебя в гости.’

(2) *Luvudisarďà-tu, akharďà-tu gòsto te-dikhàl-tu.*
‘Похвалил тебя, позвал тебя в гости, чтоб тебя увидеть.’

Интересный пример из песни (в речи такое как будто не встречается):

(3) *Kajtì Kòrbə̀a kaj-bešlò || aj bàrba šəràn kaj-thoďàs-y.*
‘Столько Корбя сидел [в тюрьме], и бороду в качестве подушки положил.’ (под голову — так сильно оброс)

(б) прилагательное, в т. ч. причастие

В именительном падеже; согласуется с подлежащим по роду и числу. Здесь возможен лишь ограниченный круг глаголов:

(4) *Khònik ćì-dikhľà-la nangì.*
‘Никто не видел её голой.’

(5) *Sa-da-jèk brə matò dikhàv-tu.*
‘Постоянно *брэ* тебя пьяным вижу.’

(6) *Le kətàni andinè amarə́ śavès mardò.*
‘Милиционеры привели нашего сына побитым.’

(7) *Vòj mekàl la glatà sutì.*
‘Она оставляет ребёнка спящим.’

(8) *Tùt mekàv-tu źuvindò te-źàs ka ťo ampəràto.*
‘Тебя отпущу живым, чтобы ты пошёл к своему царю.’

С возвратным глаголом:

(9) *Mardò ćì-dikhľàn-tu?*
‘Тебя давно не били?’ (букв. ‘битым не видел себя’)

(в) личное числительное

Только при указании числа людей:

(10) *Dikhlèm-tu jèkh-źenò.*
‘Я видел тебя одного.’

(г) *də* + существительное / прилагательное + *kaj sỳ*

Как правило, это комментарий о дополнении, особое усилительное определение, объясняющее или подтверждающее основную мысль. К прямому дополнению:

(11) *Vò xoxaďà savoř̀ən, də dilè kaj sàs.*
‘Он обманул всех, таких дураков!’ (букв. ‘*də* дураки, которыми были’)

К косвенному дополнению:

(12) *Vò daràlas amèn-dar savoř̀ən-dar, də ćòr barə́ kaj sàmas.*
‘Он боялся нас всех, таких отпетых жуликов!’

(д) *də* + прилагательное

Здесь идёт речь о состоянии, распространяющемся за пределы главного действия, что сигнализируется предлогом *də*:

(13) *Khònik ćì-dikhľà-la də tərnì.*
‘Никто не видел её молодой.’

К косвенному дополнению:

(14) *Vòj daràl kata pès-ko phràl <u>də matò</u>.*
ʻОна боится своего брата пьяного.ʼ

К предложному дополнению:

(15) *Vòj cypìl pe pès-ko řòm <u>də matò</u>.*
ʻОна кричит на своего мужа пьяного.ʼ

В большинстве других случаев такое употребление затруднительно:

(16) ?* *Amè ďàm-la dèš řùbli <u>də matì</u>.*
букв. ʻМы дали ей десять рублей пьяной.ʼ

(e) придаточное предложение

Пример (7) синонимичен следующему (подробнее см. 4.12.6):

(17) *Vòj mekľà la glatà <u>sar sovèl</u>.*
ʻОна оставила ребёнка спящим.ʼ (букв. ʻкак спитʼ)

(ii) становление

По-видимому, только изолированные случаи с глаголами *barȁràl* ʻрастить' (например, *barȁràl barò* ʻвырастить больши́м', ср. *barʼòl barò* ʻвырасти большим' 4.3.5.2ii), а также *laśaràl* ʻизготавливать', *maràl* ʻбить':

(18) *Le kətàni mardè-ma <u>dopàš mulò</u>.*
ʻМилиционеры избили меня до полусмерти.ʼ

Также: *maràl mulò* ʻизбить до смерти'. Кроме того, сочетанию *matò ćìk*/*dỳrza* ʻпьяный в хлам' (букв. ʻгрязь', ʻтряпка', см. 4.2.3.1) соответствует:

(19) *Maťarďàn-ma <u>ćìk</u>.*
ʻТы напоил меня в хлам.ʼ

4.3.6. Лжедополнение

Этот незаданный член мы выделяем как компромисс между косвенным дополнением и обстоятельством. Не отличаясь внешне от косвенного дополнения, он, тем не менее, не может быть вписан в модель управления, однако вносит существенный вклад в структуру и семантику предложения. Основное значение — «второстепенный» участник ситуации, самой этой ситуацией не предусмотренный. Принципиальное отличие от дополнения — в том, что имеется «собственное» значение, как у обстоятельства. От обстоятельства оно отличается тем, что не заменяется обстоятельственным придаточным предложением (в этом смысле оно подобно дополнению, см. 4.5.3.1). Лжедополнение выражается существительными группами во вторичных падежах: направительном, местном, отложительном, но не предложными группами.

🛠 В качестве особого члена это синтаксическое явление традиционно выделяется в немецкой грамматической традиции [Helbig, Buscha 1975: 496; Buchholz, Fiedler 1987: 463], в русской же традиции оно не вошло в общие описания, но рассматривается в ряду различных побочных явлений, например «расщепления валентностей» [Тестелец 2001: 429], а частично не отделяется от обстоятельств. Нам оно важно, в т. ч. поскольку оно довольно разнообразно и широко представлено в кэлдэрарском.

Сюда мы включаем несколько способов выражения адресата действия, а также пересекающееся с ним особое притяжательное употребление косвенных падежей.

4.3.6.1. Адресатное лжедополнение

Этот тип лжедополнения выражает лицо, опосредованно затрагиваемое действием: действие совершается в его интересах, ради него. Адресат выражается существительной группой в направительном падеже и может заменяться личным местоимением. При непереходных глаголах адресат выражается весьма ограниченно:

(1) а. *Khàl le řomèn-gə.* ⇒ *lèn-gə*
ʻСтанцуй цыганам.ʼ ʻимʼ
б. ** *Bèš le řomèn-gə.*
букв. ʻСиди цыганам.ʼ

С переходными глаголами адресат можно вставлять в предложение достаточно свободно. При этом обычно можно вообразить ту или иную связь между их прямым дополнением и адресатом, хотя на само действие это как будто не влияет:

(2) *Putər o vudàr le kətanèn-gə.* ⇒ *lèn-gə*
ʻОткрой дверь милиции.ʼ ʻимʼ

(3) *Te-kərəl tumèn-gə o dèl mištò.*
букв. ʻПусть сделает вам бог хорошо.ʼ

Интересный пример, где имеем подряд омонимичные *là-kə* ʻейʼ (адресатное лжедополнение) и *là-kə* ʻеёʼ (притяжательное местоимение):

(4) *Aj śinďà là-ko phràl là-kə vàs. Aj thoďà là-kə là-kə glatèn and-əl... jèkh anglàl, jèkh palàl.*
ʻИ отрезал её брат её руки. И поставил ей её детей в... одного впереди, одного сзади.ʼ

Есть случаи, где адресат ещё более тесно связан с действием. Тут нам уже непонятно, обретает ли глагол новый оттенок благодаря такому лжедополнению и как следует записывать модель управления (надо ли лжедополнение считать истинным дополнением):

(5) *O dàd laśarďà khə lisapètka pès-kə śavès-kə.*
ʻОтец сделал велосипед сыну.ʼ

(6) *Lèn-de sỳ-le mỳca and-o khər, aj vòn ćì-jek-dàta ćì-śudè là-kə kotorìcy manřò, texàl i vòj.*
ʻУ них есть кошка в доме, а они ни разу не кинули ей кусочек хлеба, чтобы поела и она.ʼ

В т. ч. в конструкции с предикативной частицей *àle* ʻнаʼ (т. е. ʻбериʼ):

(7) *Òj manùš, àle tù-kə kakò manřò barò.*
ʻЭй, человек, на́ тебе вот этот большой хлеб.ʼ

В связочных и подобных конструкциях (см. 4.6.1.4, 4.5.8.1) удобнее считать адресат дополнением.

Очень часто адресатное лжедополнение выражено личным местоимением того же лица, что подлежащее (ʻсебе; для себяʼ) — тогда это «возвратная адресатность» (однако это не то же, что «эгоцентрическое» лжедополнение, см. 4.3.6.2):

(8) *Lunźaràv màn-gə o dròm xancořỳ.*
ʻУдлиню себе дорогу чуть-чуть.ʼ

(9) *Avilò khərà, mudardè khə balò, mudardinè, andinè, tiravèn pès-kə.*
ʻПришёл он домой, убили [они] свинью, убили, принесли, готовят себе.ʼ

(10) *Ľà pès-kə k vojàga řətìja, thoďà-pe, piľà aj anklistò p-o khàs aj sovèl.*
ʻВзял себе бутылку водки, сел, выпил и залез на сено и спит.ʼ

(11) 👂 *Àš-ta thàv <u>màn-gə</u> mè khər katkà p-o pàj, khònik ći-śòl-pe ći ka-j raklì te-ćorəl-la.*
ʻДай-ка сделаю себе я дом тут на воде, никто не зайдёт также и к девушке, чтобы её похитить.ʼ

Адресат иногда может выражать значение обладания в перспективе («будущая» притяжательность):

(12) 👂 *Nù aj avilì ka-j Grùša užə phuŕořỳ te-mangəl <u>pèh-kə</u> butì, te-phařavèl là-kə le kàš.*
ʻНу и пришла к Груше уже старушка просить себе работу, наколоть ей дров.ʼ

(13) 👂 *Kana* [*o*] *ampəràto kodò məritìl pès-ka śà. Aj sà naštìl arakhəl <u>là-kə</u> tərnò.*
ʻИ тут царь этот выдаёт замуж свою дочь. И всё не может найти ей жениха.ʼ

Неясно, как трактовать лжедополнение в следующем примере — может быть, как нечто среднее между адресатным и притяжательным (см. 4.3.6.3):

(14) 🔈 *Divàno ùžə phiràl <u>màn-gə</u>.*
букв. ʻРассказ уже идёт мне.ʼ (т. е. ʻя уже начала рассказывать’ — рассказчица просит детей не отвлекать её, т. к. она рассказывает и идёт запись)

4.3.6.2. Эгоцентрическое лжедополнение

Так можно назвать член, выражаемый местоимением, ссылающимся на подлежащее, в значении ʻдля себяʼ. Действие оторвано от окружения, совершается в т. ч. для собственного удовольствия (но необязательно). Такое лжедополнение выражается только личным местоимением (в 3-м лице оно возвратное) в направительном падеже. В отличие от адресатного лжедополнения, оно легко сочетается с непереходными глаголами (в т. ч. с глаголами движения):

(1) 👂 *Màn o šərò dukhàl-ma, sàr ť-ankľàv <u>màn-gə</u> avrì?*
ʻУ меня голова болит, как бы мне выйти наружу?ʼ (букв. ʻвыйти себеʼ)

(2) ✍ *Te-kamèsa, àjda trajìs <u>amèn-gə</u> dùj-źenè.* [СЦЯ]
ʻЕсли хочешь, давай будем жить себе вдвоём.ʼ

И даже с предикативной частицей *hàjda* ʻдавайʼ (эллипсис *te-źàs* ʻпойдёмʼ):

(3) 👂 *Àjda <u>amèn-gə</u> akanà khərà.*
ʻДавай теперь домой.ʼ

Но также и с переходными глаголами — ср. с опущением прямого дополнения:

(4) 👂 *Anzarďà pès-kə cəra aj bešəl aj xàl, dilabàl <u>pès-kə</u>.*
ʻРастянул себе палатку и сидит и ест, поёт себе.ʼ

Довольно часто — с глаголами питания, при наличии прямого дополнения:

(5) 🔈 *Pʼàv <u>màn-gə</u> naľòvka.*
ʻЯ пью нолёвку.ʼ (безалкогольное пиво)

В обороте *khəlèl pès-kə* ʻиграть’ местоимение неотторжимо от глагола (ср. без местоимения *khəlèl* ʻплясать’):

(6) 👂 *Kaj-źàl avrì te-<u>khəlèl pès-kə</u> le rakloř̀ən-ca.*
ʻИ вот выходит он на улицу поиграть с мальчиками.ʼ

В нескольких более сложных выражениях:

perəl pès-kə telè	ʻложиться спать’, букв. ʻпадать себе вниз’
lèl pès-kə dès laśò	ʻпрощаться’, букв. ʻбрать себе добрый день’
? *lèl pès-kə jàrta*	ʻпрощаться’, букв. ʻбрать себе прощение’ (?)

(7) *Pèr tù-kə telè.*
ʻЛожись [спать].ʼ (букв. ʻпадай себе внизʼ)

Здесь лжедополнение, видимо, следует включать в лексическое описание глагола.

4.3.6.3. Притяжательное лжедополнение

Когда действие относится к части целого, которая по смыслу является объектом действия, очень часто удобно воображать синтаксическое преобразование, в результате которого определение (притяжательная группа), выражающее принадлежность (в т. ч. части к целому), превращается в лжедополнение. Этого обычно не бывает, когда часть выражена прямым дополнением, тогда притяжательность выражается обычным образом внутри существительной группы, ср. (подчёркнуты притяжательные местоимения):

(1) *Źà xalàv te vàst.*
ʻИди помой руки.ʼ (букв. ʻтвои рукиʼ)

(2) *Anklistì anda pàj, ćorďà là-kə jakhořà, ćorďà là-kə buťořà aj mekľà-la kaďà nandì and-o pàj.*
ʻВышла из воды, украла её глазки, украла её вещички и оставила её так голой в воде.ʼ

(3) *Mè sỳmas te-śàv-ma, aj vò phandaďà muřò dròm.*
ʻЯ уже было вошёл, а он перегородил мне дорогу.ʼ

Однако если эта часть выражается обстоятельством места, обычно вместо притяжательной группы (или местоимения) выступает лжедополнение. Его падеж определяется значением обстоятельства. Можно сказать, что лжедополнение «копирует» только базовое значение обстоятельства (с колебаниями). Так, любое движение в направлении ориентира, независимо от конкретного типа цели, лжедополнением передаётся в направительном падеже, а любое движение от (или из) ориентира — отложительным. Тем самым лжедополнения содержат лишь намёк на значение обстоятельства. Идеальную картину можно представить так (значение обстоятельства соотносимо с падежом лжедополнения):

движение внутрь / к:			направительный:	
ande lès-ko bə̀rk	ʻв его пазухуʼ	⇒	*lès-kə and-o bə̀rk*	ʻему за пазухуʼ
нахождение внутри / на:			местный:	
pe lès-ko dumò	ʻна его плечеʼ	⇒	*lès-te p-o dumò*	ʻу него на плечеʼ
движение изнутри:			отложительный:	
anda lès-kə bàl	ʻиз его волосʼ	⇒	*lès-tar anda-l bàl*	ʻу него из волосʼ

Как видно, притяжатель (целое) извлекается из существительной группы и превращается в лжедополнение, не теряя смысловой связи с тем, от чего зависел (часть); при этом появляется определённый артикль. Чаще всего это происходит с частями тела и одеждой, причём почти всегда с местоимением (с назывными чаще применяются назывные притяжательные формы, т. е. преобразования нет). Показанное распределение нередко нарушается (условия нам неясны), причём направительный падеж нередко выступает и при обстоятельстве со значением нахождения (наряду с местным).

Примеры по упомянутым трём падежам:

(а) направительный

Чаще всего с обстоятельством с предлогом *ande* ʻвʼ, со значением движения:

(4) *Aj lèl ək bùrnix tirʼà, thòl pès-kə and-o brə̀k, aj thoďà-pe aj bešə̀l.*
ʻБерёт горсть муравьёв, суёт себе за пазуху, и встал, и стоит.ʼ

(5) 👂 *Ľà ə raklì, xalaďà-la and-o thudořò aj thoďà-la pèh-kə ande jàkh. Àp sò aśèl là-kə!*
‘Взяла девушка, вымыла его [глаз] в молочке и вставила себе в глаз[ницу]. Ну, как ей идёт!’

(6) 👂 *Aj mè thàv tù-kə and-o vàst le rikonořəs.*
‘А я положу тебе в руку щенка.’

Но ср. также без движения (заметим при этом, что тема *ka raklò* в позиции выхода, см. 4.8.2.1, — в местном падеже, хотя ожидается тот же дательный):

(7) 👂 *Kaj-anklistò o raklò anda kàn le grastès-ko, bešəl lès-kə sàbija and-o vàs, ka raklò.*
‘И вылез парень из лошадиного уха, [смотрит:] у него сабля в руке, у парня.’

Не с частями тела (тоже без движения):

(8) 👂 *Ľà mudarďà kolà papinořà, kaj bešàl lès-kə paša khàr.*
‘Взял, убил этого гуська, что живёт у него около дома.’

Вероятно, сюда же с оговорками можно отнести пограничные случаи вроде этого фразеологического выражения (здесь возможно и притяжательно: *and-o lès-ko dròm*):

(9) ♪ *Kòn dèl lès-kə d-and-o dròm || khə raklì d-oj rakloř-sa || rakloř-sa ande angàli.*
‘Кто выходит ему навстречу: девушка да с мальчиком, с мальчиком на руках.’

(б) местный

Следующий пример можно толковать как местное значение:

(10) 👂 *...aj bešàl lès-te p-o dumò kodò nosovìko.*
‘...и садится у него на плече этот носовой платок.’

Отметим возможность двойного толкования местного падежа:

(11) 👁 *Avilìsah ka-l manùš, avilìsah lèn-de khərà.*
‘Пришла к людям, пришла к ним домой.’

(12) 👂 *Màn-de and-o khàr te-nà-maj-bešəš!*
‘У меня в доме ты чтоб больше не жил!’

В таких примерах *lèn-de* ‘у них’, *màn-de* ‘у меня’ можно толковать как обстоятельство места (‘у кого дома’) или же как притяжательное лжедополнение. Подобный случай в конструкции обладания (см. 4.6.1.1):

(13) 👂 *Lèn-de sỳ-le mỳca and-o khàr.*
‘У них есть кошка в доме.

Здесь *lèn-de* ‘у них’ может быть и дополнением глагола *sỳ* ‘есть’.

(в) отложительный

Пример:

(14) 👂 *Lèl o raklò aj cỳrdel pès-tar anda-l bàl trìn bàl sumnakunè aj dèl ka kadò, o dopàš le ampəratòs-ko.*
‘Берёт парень и выдёргивает у себя из волос три волоска золотых и даёт этому, полуцарю.’

Внешне похожий случай с глаголом *lèl-pe* ‘отняться’ (о части тела) — здесь можно усматривать не лже-, а истинное дополнение (обозначающее целое, тогда как подлежащее — часть), причём, как и в других случаях, возможно притяжательное местоимение:

(15) *Linè-pe le punřə̀ tù-tar.*
Linè-pe te punřə̀.
ʻУ тебя отнялись ноги.ʼ

4.3.7. Обстоятельство

В самых общих чертах семантику обстоятельства можно определить как признак действия или целого предложения. В отличие от остальных членов, обстоятельство никогда не согласуется с другими членами предложения. Все глаголы (непереходные, переходные и т. д.) в принципе могут сочетаться с разными обстоятельствами.

Обстоятельства удобно разделять по семантическому принципу: обстоятельства места (расстояние, источник, цель и т. д.), времени (длительность, периодичность и т. п.), причины, способа действия, оценки, степени и др. (см. соответствующие разделы ниже). Наличие и возможность сочетания обстоятельств связаны не только и не столько с моделью управления глагола, сколько с более общими семантическими свойствами самого глагола и грамматического контекста: если, например, действие, выражаемое глаголом, представляется растянутым во времени, можно (или нужно) употребить обстоятельство длительности; если же действие связано с перемещением в пространстве, допустимо обстоятельство расстояния, цели и т. п.

Мы отделяем обстоятельство от вводных оборотов и частиц: обстоятельства относятся к действию или ко всей ситуации, но не являются логическим или метаязыковым средством и не выражают отношения говорящего; поэтому, например, *sà* ʻтожеʼ (а также ʻвсегдаʼ), *nùma* ʻтолькоʼ, *ćaćès* ʻв самом делеʼ — не обстоятельства (а вставные элементы, о которых см. 4.3.8).

Обстоятельство может быть выражено разными группами:

(а) наречная группа

В разных значениях:

(1) *Le řòm trajìn mištò koćè.*
ʻЦыгане живут там хорошо.ʼ
(2) *Dumùlt ćì-sànas amèn-de.*
ʻДавно ты не был у нас.ʼ

В т. ч. местоимение-наречие:

(3) *Sòs-tar hurʼàdiľan kaďà?*
ʻПочему ты оделся так?ʼ

Также особые наречия на *-àra* (см. 3.8.3.3):

(4) *Ćì-dikhľàm-ame d-atunćàra*.
ʻМы не виделись с тех пор.ʼ

(б) «деепричастие»

Нераспространимые отглагольные наречия, которые можно назвать «деепричастиями» (см. 3.8.1.8), обозначают побочное действие (о сложности определения члена предложения см. 4.3.5.1):

(5) *Phiravèlas-pe dilabajindòj.*
ʻОн гулял, распевая песни.ʼ (букв. ʻпояʼ)
(6) *Lès-ko dàd nigərďà-le khərə marindòj.*
ʻЕго отец пригнал его домой пинками.ʼ (букв. ʻпривёл бьяʼ)

(в) существительная группа

Обычно во временны́х значениях:

(7) *Trajisarďàm katkà sà amarò tràjo.* (именительный падеж)
ʻМы прожили тут всю свою жизнь.ʼ

(8) *Àv ka-l dèš ćàsurȁ.* (местный падеж)
ʻПриходи к десяти часам.ʼ

(г) предложная группа

В разных значениях, в т. ч. в пространственных:

(9) *Ambladèm o špènco p-o skamìn.*
ʻЯ повесил свитер на стул.ʼ

(10) *Ə tətəřàjka avilì anda-j Mòskova.*
ʻМусульманка приехала из Москвы.ʼ

(11) *Źì ka-l sòde phirən le pòjizdurȁ?*
ʻДо скольких ходят поезда?ʼ

(д) придаточное предложение

В разных значениях, в т. ч. в таких, которые невозможны в простом предложении:

(12) *Avàv kana dàva gàta ə butì.*
ʻПриду, когда кончу работу.ʼ

(13) *Phèn kàste sàvořə te-ašunèn.*
ʻСкажи, чтобы все слышали.ʼ

(14) *Źàv avrì te-dikhəl-ma ə lùmȁ.*
ʻВыйду наружу, чтобы люди меня увидели.ʼ

Зависимый оборот (см. 4.12.2.1) обстоятельством быть не может, даже если подлежащие совпадают: *źàv te-dikhàv...* ʻиду посмотреть’ (букв. ʻиду, чтобы я увидел’).

4.3.7.1. Внутренние и внешние обстоятельства

Многие глаголы часто употребляются с конкретными типами обстоятельств. Это касается глаголов, обозначающих действия, обычно помещаемые в пространственный или временной контекст. Так, предложения с глаголом *avèl* ʻприйти’ часто содержат обстоятельство, отвечающее на вопрос *katàr?* ʻоткуда?’, ср. примеры с некоторыми глаголами:

глагол		вопросы		примеры	
arakhàďol	ʻродиться’	*kàj?*	ʻгде?’	*kaćè*	ʻздесь’
		kàna?	ʻкогда?’	*pala marimòs*	ʻпосле войны’
tasòl	ʻутонуть’	*kàj?*	ʻгде?’	*and-o barò pàj*	ʻв реке’
śòl-pe	ʻвойти’	*kàj?*	ʻкуда?’	*and-o khər*	ʻв дом’
śùdel	ʻ(вы)бросить’	*kàj?*	ʻкуда?’	*pe phùv*	ʻна землю’
		katàr?	ʻоткуда?’	*anda khər*	ʻиз дома’

Такие обстоятельства назовём **внутренними**. В части случаев их можно даже считать входящими в модель управления, т. е. обязательными (см. 4.5.3.3). Как обязательные, так и прочие (необязательные) внутренние обстоятельства близки к дополнениям своей свя-

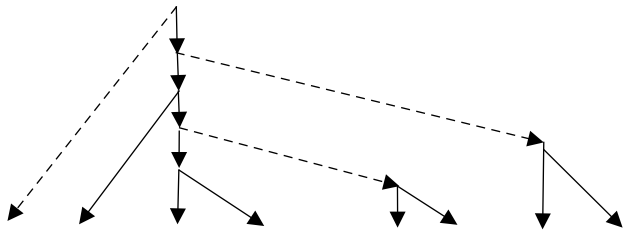
зью с синтаксическими свойствами глагола: значение (и оттенки значения) глагола обусловливают возможность и невозможность употребления обстоятельств того или иного типа. Внутренние обстоятельства синтаксически зависят непосредственно от глагола.

Обстоятельства же, относящиеся ко всему предложению (выражающие признак всей ситуации), никак не связаны ни с семантикой, ни с синтаксическими свойствами глагола и могут добавляться неограниченно. Это **внешние** обстоятельства.

Например, глагол *śùdel* ‘кидать’ допускает внутренние обстоятельства направления, ср. *ande xajìng* ‘в колодец’ (1)а (но не положения: **‘в колодце’), которые уточняют природу действия (‘кидать куда, в кого, откуда’, но не ‘где’). Однако в таком предложении всегда можно употребить внешнее обстоятельство положения (1)б или момента (1)в, относящееся к самой ситуации (‘где, когда это произошло’). Более того, внутреннее и внешнее обстоятельства могут сочетаться друг с другом, причём внутреннее обычно расположено ближе к сказуемому (1)г:

(1) а. *O raklò śùďà o sumnakàj ande xajìng.*
‘Парень выбросил золото в колодец.’
б. *O raklò śuďà o sumnakàj and-o fòro.*
‘Парень выбросил золото в городе.’
в. *R’até o raklò śuďà o sumnakàj.*
‘Ночью парень выбросил золото.’
г. *R’até o raklò śuďà o sumnakàj ande xajìng and-o fòro.*
‘Ночью парень выбросил золото в колодец в городе.’

Изобразим предложение (1)г древесно: внешние обстоятельства поместим выше сказуемого (причём одно из них над другим), а внутреннее под сказуемое:



r’até o raklò śuďà o sumnakàj ande xajìng and-o fòro

Ещё примеры: *tasòl* ‘тонуть’ — внутреннее обстоятельство положения, внешнее обстоятельство положения (2); *śòl-pe* ‘заходить’ — внутреннее обстоятельство направления (при данном значении глагола — обязательное), внешнее обстоятельство момента (3):

(2) а. *Là-ko pàpo tasulò and-o barò pàj.*
‘Её дед утонул в реке.’
б. *Là-ko pàpo tasulò ande Moldòva.*
‘Её дед утонул в Молдавии.’
в. *Là-ko pàpo tasulò and-o barò pàj ande Moldòva.*
‘Её дед утонул в реке в Молдавии.’

(3) а. *Śutè-ma ka amarò primàri.*
‘Я зашёл к нашему главному.’
б. ** *Aratì śutè-ma.*
‘Вчера я зашёл.’
в. *Aratí śutè-ma ka amarò primàri.*
‘Вчера я зашёл к нашему главному.’

Внешние обстоятельства могут выноситься в начало предложения, в позицию темы (нередко с восходящей интонацией), как в примере (1)г. Со внутренними обстоятельства-

ми такой вынос обычно затруднителен, хотя иногда возможен при противопоставлении (когда внутреннее обстоятельство — в тематической позиции, см. 4.8.2.1), ср:

(4) а. *Ande xajíng, o raklò śuďà o sumnakàj.*
ʻВ колодце парень выбросил золото.ʼ (внешнее)
?* ʻВ колодец парень выбросил золото.ʼ (внутреннее?)
б. *Ande xajíng śuďà o sumnakàj, aj ande grápa śuťà o rùp.*
ʻВ колодец бросил золото, а в яму бросил серебро.ʼ (внутренние)

Для обстоятельства, стоящего слева, восходящая интонация характерна, если оно употреблено как внешнее (тогда это именно вынос), в противном случае это скорее логическое выделение ремы, ср.:

(5) а. *Aratí ansurisàjlem.*
ʻВчера — я женился.ʼ (внешнее — на вопрос: ʻчто было вчера?ʼ)
б. *Aratì ansurisàjlem.*
ʻ[Именно] вчера я женился.ʼ (внешнее — на вопрос: ʻкогда женился?ʼ)

Лишь обстоятельства пространства и времени бывают и внутренними, и внешними. Внутренними бывают обстоятельства всех типов, а внешними, как правило, — только положения, момента и интервала (ʻот... доʼ как пространственного, так и временного).

4.3.7.2. Форма и значение обстоятельств

Обстоятельства разнообразны по форме и по значению. Ниже разбираются различные типы обстоятельств в разных значениях; даются примеры обстоятельств, выраженных придаточными предложениями, о которых подробнее написано в разделе о сложных предложениях (см. 4.12.5).

4.3.7.2.1. Обстоятельства места

Они выражаются наречными группами, существительными группами в соответствующих падежах (местный: см. 4.2.1.2.7, направительный: см. 4.2.1.2.10, отложительный: см. 4.2.1.2.8, именительный: см. 4.2.1.2.4), предложными группами (предлоги положения: см. 4.2.2.4, предлоги движения: см. 4.2.2.5) или соответствующими местоимениями. Направление (цель) в большинстве случаев выражается так же, как положение (однако в употреблении отдельных падежей и предлогов могут быть нюансы):

(а) положение

Самый общий вопрос: *kàj?* ʻгде?ʼ (тж. ʻкуда?ʼ, см. ниже):

(1) *Kàj ti dèj?*
ʻГде твоя мать?ʼ
(2) *Kàj matiľàn kaďà?*
ʻГде ты так напился?ʼ

В значении приблизительности:

(3) *Karìng san akanà?*
ʻТы [примерно] где сейчас?ʼ

В значении ʻу кого [дома]ʼ:

(4) *Kàs-te bešəs maškar ə bàr?*
ʻУ кого ты живёшь в таборе?ʼ

Положение выражается существительными группами в местном падеже, различными предложными группами, наречными группами.

Внутренние обстоятельства положения встречаются при различных глаголах, для которых важно обозначить место развёртывания действия:

(5) *Màj-anglàl bešàvas ka muřỳ dèj.*
ʻРаньше я жил у матери.ʼ

(6) *O Kàrćulo ćì-arakhàdilo ande Ufà.*
ʻКарчюло родился не в Уфе.ʼ

(7) *Nàs khònik khərà.* (можно считать и внешним)
ʻНикого не было дома.ʼ

Внешние возможны при любых глаголах:

(8) *Le řòm mardè-pe ande Tùla.*
ʻЦыгане подрались в Туле.ʼ

(9) *And-o fóro prʼà-bùt matòri sy.*
ʻВ городе очень много машин.ʼ

(10) *And-o ćéri vurʼàn ćirikľà.*
ʻВ небе летают птицы.ʼ

Заметим, что в примере (9) глагол *sy* — не связка, а глагол бытия ʻиметься’, поэтому при нём нет внутреннего обстоятельства.

Наречия положения: *dùr* ʻдалеко’, *sỳsta* ʻрядом’; *khərà* ʻдома’, *pašà* ʻблизко’, *avrì* ʻснаружи’ и др. (см. 3.8.1.3), *də-bàška* ʻособняком’ (также образ действия); ср. также особые предложные группы с возможным эллипсисом (*rìg* ʻсторона’):

pe ćaćì (rìg) ʻсправа’ (тж. ʻнаправо’)
pe stỳngo (rìg) ʻслева’ (тж. ʻналево’)

Местоимения, заменяющие обстоятельства места: *kaćè* ʻздесь’, *koćè* ʻтам’ и др. (см. 3.10.2б), ср. возможное различие между *kaćè* и *katkà* ʻименно здесь’:

(11) *Bešàs kaćè? — Katkà bešàv!*
ʻТы живёшь здесь [= в этом таборе]? — Вот тут [= в этом доме] я живу!ʼ

Ср. также противопоставление:

(12) *Akanà sym ordàl, a kana meràva sym inťàl.*
ʻСейчас я по сю сторону, а когда умру — по ту.ʼ

Другие местоимения: *khanikàj* ʻнигде’, *kàj-to* ʻгде-то’, *kàj-gòdi* ʻвезде, где угодно’, *vàrə-kàj(-gòdi)* ʻгде-нибудь’ (см. в т. ч. 3.10.3):

(13) *Khanikàj nàj barvalimòs sar amèn-de.*
ʻНигде нет богатства, как у нас.ʼ

(14) *Le řòm kàj-gòdi le.*
ʻЦыгане везде.ʼ

Сложные предложения:

(15) *Kàj mè bešàv, xajingà nàj.*
ʻГде я живу, колодцев нет.ʼ

(16) *Kamàv te-sovàv kàj-gòdi sy tatò.* ~ *kàj sy gòdi tatò*
ʻЯ хочу спать там, где тепло.ʼ

Более или менее метафорические (т. е. не вполне пространственные) значения чаще выражаются предложными группами, в т. ч. в вопросе:

(17) 👂 *Làzare, ande sòs-te la, ti zòr?* ~ *kàj*
ʻЛазаро, в чём она, твоя сила?ʼ ʻгдеʼ

Иногда они совсем не заменяются местоимениями:

(18) 👂 *Řòma, sò dikhl'àn tù and-o sunò?* ** *koćè*
ʻЦыган, а что ты видел во сне?ʼ ʻтамʼ

(б) расстояние до положения

Специальный вопрос ʻна каком расстоянии [находится]?ʼ задать невозможно, вместо него задаётся общий вопрос типа:

(19) *Ə Adəsa dùr sy kathàr?*
ʻОдесса далеко отсюда?ʼ

Положение на расстоянии может выражаться наречием или существительной группой в именительном падеже + обстоятельство исходного пункта (см. 4.3.7.3):

(20) *Bèš màj-dùr là-tar!*
ʻСядь дальше от неё!ʼ
(21) *Ə Mòskova sy dùj-šəlà vỳstri kathàr.*
ʻМосква — в двухстах километрах отсюда.ʼ

(в) направление

Обстоятельства направления обычно внешне не отличимы от соответствующих обстоятельств положения, ср. *khərə* ʻдомой; до́маʼ, *and-o khər* ʻв дом; в домеʼ; *kaćè* ʻсюда; здесьʼ.
Самый общий вопрос: *kàj?* ʻкуда?ʼ (тж. ʻгде?ʼ):

(22) *Kàj te-źàv?*
ʻКуда мне идти?ʼ

Со значением направления:

(23) *Karìng źàl kadò aftòbuso?*
ʻКуда едет этот автобус?ʼ (или ʻв какую сторонуʼ)

В значении ʻк кому [домой]ʼ:

(24) *Kàs-te kamès te-śòs-tu?*
ʻК кому ты хочешь зайти?ʼ

Все обстоятельства направления — внутренние:

(25) 👂 *Vò pàle arəslò pès-kə ka pès-ti bàlta.*
ʻОн снова пришёл себе к своему болоту.ʼ
(26) 👂 *Phèjo, thò màn-gə ťo patrèto and-o pyznàri.*
ʻСестра, положи мне свою фотографию в карман.ʼ
(27) *Śùde ə cygàra pe phùv.*
ʻБрось сигарету на землю.ʼ
(28) 👂 *Źàl lèl pàj ande stajdì, lèl.*
ʻИдёт набирает воду в шапку, набирает.ʼ

Значение ʻ[зайти] к кому-л.ʼ может выражаться предлогом *źì* (обычно обозначает конечный предел, см. ниже):

(29) *Śavàle, te-źàs źì màn-de!*
ʻРебята, пойдём ко мне!ʼ

Иногда положение и направление трудно различить в силу семантики глагола (в данном примере вряд ли можно вообще их разделять):

(30) *Garàdilem tela pàto.*
ʻЯ спрятался под кровать / под кроватью.ʼ

К направлению с натяжкой можно отнести группы с предлогом *ande* ʻ[удариться] обʼ:

(31) *O rakloř̀o kaj-našàl ande lès-ko dròm aj dèl le mò-sa and-o bàř, phařavèl o mùj, aj piťàl o ràt p-o bàř.*
ʻА мальчик бежит ему навстречу и ударяется лицом об камень, разбивает лицо, и капает кровь на камень.ʼ

Наречия, местоимения — частично те же, что для обстоятельств положения (см. выше). Только значения направления (а не положения) имеют наречия *də-vòrta* ʻпрямоʼ, *pàrpale* ʻназадʼ, *ordè* ʻсюдаʼ.

(г) путь движения

Специальные вопросы к обстоятельствам пути затруднительны, как и замена их местоимениями-наречиями. По большому счёту, можно задать только вопрос типа:

(32) *Kàj nakhľàn?*
ʻГде ты проходил?ʼ

Такие обстоятельства выражаются существительными группами (в отложительном падеже — ʻмимоʼ) и некоторыми предложными группами:

(33) *Nakhľàm kata ťo khər aj ćì-dikhľàm-tu.*
ʻМы прошли мимо твоего дома, но не видели тебя.ʼ

(34) *Phiràs pa sà-l řomanè kỳrdurȁ.*
ʻМы ездим по всем цыганским таборам.ʼ

(35) *Źàn phiravèn-tume pa vəš.*
ʻИдите прогуляйтесь по лесу.ʼ

(36) *Ə mènćija nakhlì tela pàto.*
ʻМяч прошёл под кроватью.ʼ

Ограниченно с ядрами-местоимениями (только с глаголом *nakhəl* ʻпроходитьʼ?):

(37) *Nakhľàn màn-dar aj ćì-dikhľàn-ma.*
ʻВы прошли мимо меня и не увидели меня.ʼ

Наречие *opràl* ʻвышеʼ + предлог *pa* ʻсʼ:

(38) *Śùde ə mènćija opràl pa-j sàlka.*
ʻКинь мяч через дерево.ʼ

В значении пути употребляются некоторые наречия: *ordàl* ʻэтой дорогойʼ (≈ *pa kakò dròm*), *inťàl* ʻтой дорогойʼ.

(д) точка отсчёта, источник

Самый общий вопрос: *katàr?* ʻоткуда?ʼ:

(39) *Katàr avès?*
ʻОткуда идёшь?ʼ

(40) *Katàr san?*
ʻОткуда ты?ʼ (где живёшь, где родился и т. п.)

В значении ‘от кого’ (из чьего дома), но также более общо (‘кем послан’):

(41) *Kàs-tar aviľàn màn-de?*
‘От кого ты пришёл ко мне?’

Такие обстоятельства — чаще всего внутренние:

(42) *Anda-j Tùla sym.*
‘Я из Тулы.’

(43) *Dur'ù kata muřò khàr.*
‘Отойди от моего дома.’

(44) *Lèl o raklò, ankalavèl le ašvar'à anda pyznàri, dèl-le ande phùv lì-trin.*
‘Берёт парень, вынимает вожжи из кармана, бьёт ими в землю всеми тремя.’

(45) *Le phabà kaď'à i perən pa-l kr'ànźi and-o mùj le raklès-ko.*
‘Яблоки так и падают с веток в рот парня.’

Спорный пример внешнего обстоятельства (кажется, это не направление):

(46) *Anda-j Tùla aftòbusurà nàj.*
‘Из Тулы автобусов нет.’

Впрочем, возможны внешние обстоятельства интервала: *də...* (факультативно) в паре с *źì...* ‘[вплоть] до’, ибо такой оборот может выражать не только движение, но и положение (см. ниже).

Наречия исходной точки: *(də-)duràl* ‘издалека’, *khəràl* ‘из дому’ и др. (см. 3.8.1.3).

Местоимения, заменяющие обстоятельства места: *kathàr* ‘отсюда’, *kothàr* ‘оттуда’ и др. (см. 3.10.2б):

(47) *Kana vò: Ćì-maj-źàv-tar kacàr.*
‘И тут он [говорит]: «Больше не уйду отсюда».’

Другие местоимения: *khanikatàr* ‘ниоткуда’, *katàr-to* ‘откуда-то’, *katàr-gòdi* ‘отовсюду, откуда угодно’, *vàrə-katàr(-gòdi)* ‘откуда-нибудь’ (см. в т. ч. 3.10.3):

(48) *Te-avèl muřò phralořò vàre-katar-gòdi, tù sah-kə-mudaràh-le, sah-kə-śinès-le?*
‘Если придёт мой братец откуда-нибудь, ты бы его убил, порубил бы?’

(49) *Ćì-aviľà màn-de khònik khanikatàr.*
‘Ко мне никто ниоткуда не пришёл.’

Сложные предложения:

(50) *Źà-tar màjkə, źà-tar śè || katàr aviľàn-tar.*
‘Иди, милая, иди, дочка, откуда пришла.’

Более или менее метафорические (т. е. не вполне пространственные) значения не выражаются местоимениями, в т. ч. в вопросе:

(51) *Dè-ma k-mìja-aj-pànź-šəlà || mè anda bìro ť-ankľàv.* ** kothàr*
‘Дай мне тысячу пятьсот, чтоб я из долгов вылез.’

Имеется немало прочих нюансов значения, связанных с исходным пунктом движения (см., в первую очередь, 4.2.2.5.1).

(е) пространственные пределы

Обстоятельства предела бывают как признаками движения (‘откуда, докуда [прошёл]’), так и признаками положения (‘откуда, докуда [простирается]’). Характерное средство выражения пределов — предлоги *də* ‘от, с’ и *źì* ‘[вплоть] до’ (предлоги с особым управлением, см. 4.2.2.7, там же примеры).

Начальный предел движения обычно специально не выделяется (он тождествен источнику, начальному пункту, см. выше), поэтому для него нет особого специального вопроса (ср. *katàr?* ʻоткуда?ʼ). Только при обозначении положения такое обстоятельство содержит (факультативно) предлог *də* (впрочем, и тогда вопрос ***də katàr* невозможен).

Конечный предел выражается явно: *źì* + любое местное выражение, в т. ч. в вопросе:

(52) *Źi kàj arəsl'àn?*
ʻДокуда ты дошёл?ʼ

Примеры с конечным пределом:

(53) *Arəsàl źì ka koďà ampərəcỳja.*
ʻДоходит он до того царства.ʼ

(54) *Kàrdilo o raklò źì ka maškàr bařunò.*
ʻСтал парень до пояса каменным.ʼ

Оба предела:

(55) *Kata šərò źì and-o punřò sà xarkunò lo.*
ʻС головы до пят он весь медный.ʼ (букв. ʻот головы до в ногеʼ)

(56) *D-anda mùj la khangər'à-ko źì ka-j pàrta* [...] *thoď'à-la and-o dròm kaj nakhəl o naròdo.*
ʻОт входа в церковь до ворот [...] поставил её на дороге, где проходит народ.ʼ

(ж) пройденный путь

Конкретное преодолённое расстояние выражается существительными группами с числительными и единицами измерения. Общий вопрос в таком случае — *sòde?* ʻсколько?ʼ, в т. ч. с явными единицами:

(57) *Sòde nakhl'àn?*
ʻСколько ты проехал?ʼ

(58) *Sòde vỳstri trubùl te-màj-źàv?*
ʻСколько километров мне ещё надо ехать?ʼ

Наряду с конкретным выражением расстояния возможны оценочные числительные *bùt* ʻмногоʼ, *xancỳ* ʻмалоʼ и др. (см. 3.9.10):

(59) *Phirdèm pànź vỳstri źì tumèn-de.*
ʻЯ прошёл пять километров до вас.ʼ

(60) *Kaď'à də bùt phirď'àn?*
ʻТы так много прошёл?ʼ

Такие группы нередко можно считать дополнениями (см. 4.5.3.1). Местоимение, заменяющее обстоятельства пройденного расстояния: *kajtì* (~ *kaditì*) ʻстолькоʼ.

4.3.7.2.2. Обстоятельства времени

Обстоятельства времени выражаются наречными группами, существительными группами в соответствующих падежах (именительный: см. 4.2.1.2.4), предложными группами (предлоги положения: см. 4.2.2.4, предлоги движения: см. 4.2.2.5; предлоги предела: 4.2.2.7) или соответствующими местоимениями. Это, по большому счёту, те же средства, которые выражают обстоятельства места. Отношения предметов в трёхмерном пространстве (например, 1: ʻперед', ʻза'; 2: ʻслева', ʻсправа', 3: ʻнад', ʻпод'), метафорически переосмысляясь, переносятся на одномерную временну́ю ось (ʻперед', ʻпосле'), причём,

естественно, часть средств остаётся незадействованной. Имеются и некоторые специфические временны́е обороты. Выделяются следующие группы временны́х значений:

(а) момент

Самый общий вопрос: *kàna*? ‘когда?’:

(1) *Kàna arakhàdili lèn-de glàta?*
‘Когда у них родился ребёнок?’

Момент во времени может быть абсолютным, выраженным более или менее точным временны́м указанием (об указании времени суток см. 4.3.7.2.2.1):

(2) *Le řòm avilè kurkə̀.*
‘Цыгане приехали в воскресенье.’

(3) *Ka-l deš-u-jèkh sỳ te-źàv ka-j nùnta.*
‘В 11 мне надо идти на свадьбу.’

В т. ч. это может быть обобщённое (нереферентное) указание на «типовой» период:

(4) *Ivendè amèn-de šỳl.*
‘Зимой у нас холодно.’

Такие обстоятельства употребляются и конкретно (референтно) относительно данного момента (или иного подразумеваемого): *ivendè* ‘зимой’ (т. е. ‘этой’), ср. также *də-dimin̓àcy* ‘утром’, *desə̀* ‘днём’, *rə̀tè* ‘вечером, ночью’, *tela-j r̓àt* ‘под вечер’, *ka-j patradì* ‘на Пасху’, *kurkə̀* ‘в воскресенье’ и т. д.

Более или менее точно на временно́й оси может быть обозначена точка, соответствующая настоящему: *akanà* ‘сейчас’ (наиболее общее обозначение), *adès* ‘сегодня’, *kakò śòn* ‘в этом месяце’, *kakò bə̀rš* ‘в этом году’.

Местоимение *atùnći* ‘тогда’ относится к любому моменту.

Все остальные точки относятся к прошлому или будущему. Только к прошлому: *aratì* ‘вчера’, *ovèr-iś* ‘позавчера’, *(ande) koďà vr̓àmə̀a* ‘в то время’. Только к будущему: *tehàra* ‘завтра’, *ovèr-tehàra* ‘послезавтра’. В ряде случаев для прошлого и будущего имеются общие обозначения — указательные местоимения указывают как на прошлый, так и на следующий период относительно текущего: *kukò śòn* ‘в прошлом месяце; в следующем месяце’, *kukò bə̀rš* ‘в прошлом году; в следующем году’ и т. д.

Относительный момент всегда зависит о точки отсчёта, ‘раньше’ или ‘позже’ которой он находится на временно́й оси. Точка отсчёта бывает явной или подразумеваемой. В первом случае употребляется предложная группа (где существительное — точка отсчёта); во втором случае — только наречия (в т. ч. в сравнительной форме), ср.:

angla marimòs	‘до войны’	*màj-angàl*	‘раньше’
angla kodò	‘до этого’	*màj-pàrpale*	
pala-j nùnta	‘после свадьбы’	*àpo*	‘потом, позже’
pala kodò	‘после этого’	*(màj-)anglè*	
		màj-int̓à	
		màj-palàl	
		màj-int̓oř̀à	‘попозже’

Подразумеваемая при наречиях точка отсчёта в диалоге (в плане действительности) относится к настоящему моменту (*akanà* ‘сейчас’), а в рассказе (в плане речи) можно вообразить временну́ю анафору (ссылку на момент *atùnći* ‘тогда’), которую можно выразить двояко: *angla kodò* ‘перед тем’ (явно) ⇒ *màj-anglàl* ‘раньше [того]’ (неявно).

Для конкретного указания временно́го расстояния до точки отсчёта применяются разные обороты в зависимости от вектора и от точки отсчёта (‘сейчас’ или ‘тогда’):

явная точка отсчёта:

dešà bəršən-ca	*angla marimòs*	‘за 10 лет до войны’
ək-desà-sa	*angla-j patradì*	‘за день до Пасхи’
dèš bərš	*pala-j nùnta*	‘через 10 лет после свадьбы’
dèš bərš	*də kata-j nùnta*	

неявная точка отсчёта:

тогда:			сейчас:	
dešà bəršən-ca	*màj-anglàl*	‘10 годами раньше’	*də dèš bərš (pàrpale)*	‘10 лет назад’
dèš bərš	*màj-anglè*	‘спустя 10 лет’	*pa dèš bərš*	‘через 10 лет’

Примеры:

(5) 🔈 *Ək-kurkà-sa angla-j patradì dèn-pe jàg* [*le bozoř̀ə*].
‘За неделю до Пасхи поджигается [хворост].’

(6) *Biš bərš pala-j nùnta sà baxtalè le.*
‘Спустя двадцать лет после свадьбы они всё ещё счастливы.’

Только относительно ‘сейчас’ применяются наречия *dumùlt* ‘давно’, *nàj-dumùlt* ‘недавно’, *sỳgo* ‘скоро’.

⌛ Оборот *də* n *bərš* (*śòn* и т. д.) *pàrpale* ‘*n* лет (месяцев и т. д.) назад’ (с факультативным *pàrpale*) производит впечатление синтаксического нарушения: предлог *də* (обозначающий начальный предел) здесь «лишний». Это гибрид двух оборотов: старого *də* n *bərš* ‘*n* лет назад’ и кальки с русского n *лет назад*.

Внутренние обстоятельства момента часто сопровождают глаголы, обозначающие события, время которых важно:

(7) *Adès vuštilèm bi panźèn-go oxtò.*
‘Сегодня я встал без пяти восемь.’

(8) *Lès-ko dàd arakhàdilo də bùt bərš pàrpale.*
‘Его отец родился много лет назад.’

(9) *Àv pa-k ćàso.*
‘Приходи через час.’

(10) *Sàmas ka-l dukòni ka krećùno.*
‘Мы были у дукони на Рождество.’

Внешние обстоятельства момента возможны при любых глаголах:

(11) 👁 *Koďà vr̀àmə̀a sò sas? Bòkh, nàh manřò, nàh khànći.*
‘В то время что было? Голод, не было хлеба, ничего не было.’

(12) *Tehàra źàv p-əl gavà.*
‘Завтра еду на заработки.’

Местоимения: *ći-jek-dàta ~ ćek-dàta* ‘никогда, ни разу’, *sa-da-jèk* ‘всегда’ (редко; чаще *sà* ‘всё; всегда, постоянно’, что мы считаем частицей), *kàna-to* ‘когда-то’ (редко), *kàna-gòdi* ‘когда, когда угодно; всегда’, *vàrə-kàna(-gòdi)* ‘когда-нибудь’ (см. в т. ч. 3.10.3):

(13) *Ćek-dàta ći-sỳmas and-əl ćemà.*
‘Я никогда не был за границей.’

(14) 👂 *Tumè vàrə-kàna pravarə̀n-la?*
‘Вы её когда-нибудь ко́рмите?’

Сложные предложения:

(15) *A vòn, kana sas vòn cynonořə̀, arakhàdili jek buzn̓ořỳ lèn-de.*
ʻА они, когда были они маленькие, родилась козочка у них.ʼ

(16) *Àv kàna-gòdi kamèsa.*
ʻПриходи, когда захочешь.ʼ

Наречие *àpo* ʻпотомʼ обычно выступает в сложносочинённых предложениях:

(17) *Aj vò: Mè atùnći mudaràv-tu, mè mudardèm te dadès, àpo tùt!*
ʻА он: «Я тогда тебя убью; я убил твоего отца, а дальше тебя!»ʼ

(б) длительность

Общий вопрос — *sòde?* ʻсколько?ʼ, в т. ч. с явными единицами измерения:

(18) *Sòde suťàn?*
ʻСколько ты (про)спал?ʼ

(19) *Sòde minùcy źàl ə dilì?*
ʻСколько минут длится песня?ʼ

Конкретная длительность — безотносительно пределов — выражается существительными группами с числительными и единицами измерения:

(20) *Myřỳ bàba trajisarďà injàvardeš bərš.*
ʻМоя бабушка прожила девяносто лет.ʼ

(21) *Kaj-našaďà-les lès-ko dàd anda khər, źàl o raklò le dromè-sa, źàl dès, dùj, trìn, aj dèl ande khə sàdo.*
ʻНу и выгнал его его отец из дому, идёт парень по дороге, идёт день, два, три и входит в сад.ʼ

Наряду с конкретным выражением длительности возможны оценочные числительные *bùt* ʻмногоʼ, *xancỳ* ʻмалоʼ и др., выражения типа *lùngo vr̓àmə̀* ʻдолгое времяʼ (частотно *dòlgo (vr̓àmə̀)* — из III пласта), *skùrto vr̓àmə̀* ʻкороткое времяʼ:

(22) *Ćì-kamàv te-phenàv dòlgo ande istòrija* [...]. *Barì paramìći kaďà. — Phèn lùngo!*
ʻНе хочу долго рассказывать в истории [...]. Большая эта сказка. — Рассказывай долго!ʼ (диалог двух рассказчиц)

Единицы измерения всегда сопровождаются числителями, в т. ч. универсальными местоимениями (см. 4.2.1.14.1), а также дробным местоимением ʻполовинаʼ (см. 4.2.1.14.2). В частности, возможны сочетания *sòřo dès* ʻвесь деньʼ, *sòřo r̓àt* ʻвсю ночьʼ, но обычно *sà (o) tràjo* ʻвсю жизньʼ:

(23) *Sòřo r̓àt khəlďàm.*
ʻВсю ночь мы (про)танцевали.ʼ

(24) *O Gùsə̀ bešlò sà o tràjo ande kadò khər.*
ʻГуся прожил всю жизнь в этом доме.ʼ

Без числителя обстоятельства длительности в нормальном случае невозможны, причём в качестве числителя в значении ʻ1ʼ чаще всего выступает артиклеобразная клитика (см. 3.5.1.1):

(25) а. *Pašlilèm pànź dès.*
ʻЯ пролежал пять дней.ʼ
б. *Pašlilèm ək-dès.*
в. ** *Pašlilèm (o) dès.*
ʻЯ пролежал день.ʼ

Длительность действия до текущего момента включительно при наличии числителя (в т. ч. оценочного *bùt* ‘много’) выражается предложной группой с *də* (такие обстоятельства выражают не только длительность, но и начальный предел, см. ниже):

(26) *Dàv dùma řomanès <u>də štàr bàrš</u>.*
‘Я говорю по-цыгански [уже] четыре года.’

Заметим, что *də štàr bàrš (pàrpale)* ‘четыре года назад’ обозначает момент, что однозначно только при наличии *pàrpale* (см. выше).

Так же употребляются наречия *dumù(l)t ~ dəmù(l)t* ‘давно’, а также особые наречия на *də-...àra*, которые подобны присказуемым, т. к. обозначают признак, могший выражаться определением (подлежащего, прямого дополнения или косвенного дополнения) в начале периода (и морфологически производны от соответствующих прилагательных, ср. *tərnò* ‘молодой’ → *də-tərn̓àra* ‘смолоду’):

(27) *Bešàv kaćè <u>də-tərn̓àra</u>.*
‘Я живу здесь смолоду.’

(28) *Bar̓àrdèm-les <u>də-cynořàra</u>.*
‘Я вырастил его с самого [его] детства.’

(29) *Le źukəl daràn lès-tar <u>də-cynořàra</u>.*
‘Собаки боятся его с самого [его] детства.’

С универсальными местоимениями *də* не употребляется:

(30) *Bešàv kaćè <u>sà muřò tràjo</u>.*
‘Я живу тут всю свою жизнь.’

Местоимение, заменяющие обстоятельства длительности: *kajtì* (~ *kaditì*) ‘столько’ (но обычно *kajtì vr̓àm̓a* ‘столько времени’, *kajtì bàrš* ‘столько лет’):

(31) ♪ *<u>Kajtì Kòrb̓a kaj-bešlò</u> || aj bàrba šəràn kaj thoď̀às-y.*
‘Столько Корбя просидел [в тюрьме], и бороду в качестве подушки положил.’ (под голову — так оброс)

(32) 👂 *<u>Də kajtì vr̓àma</u> nàj muřò phràl.*
‘Уже столько времени нет моего брата.’

Сложные предложения (см. также 4.12.7):

(33) *Bèš <u>sòde kamès</u>.*
‘Сиди сколько хочешь.’

В редких случаях вместо *sòde* выступает *sò* (букв. ‘что’):

(34) 👂 *Lèl-pe o raklò, <u>sò</u> bešlò vò la rakl̓à-sa, kurkò dùj, sò hodinisarď̀à, źàl-tar ka khàm.*
‘Берёт парень — сколько он там жил с девушкой: неделю-две, сколько отдыхал, — уходит к солнцу.’

(в) временны́е пределы

Характерное средство выражения временны́х пределов (как и пространственных) — предлоги *də* ‘от, с’ и *źì* ‘[вплоть] до’ (предлоги с особым управлением, см. 4.2.2.7, там же примеры).

Начальный предел выражается предложной группой *də* + существительная группа в отложительном падеже (причём, в отличие от пространственного аналога, предлог тут обязателен) или наречиями типа *də-...àra* (см. 3.8.3.3). Вопрос к таким обстоятельствам затруднителен (однако ср. *də sòde bàrš?* ‘сколько лет [уже]?’, что скорее относится к длительности, см. выше).

Конечный предел выражается предложной группой *źì* + любое временно́е выражение, обозначающее момент. Соответствующий вопрос — *źì kàna?* ʻдо каких пор?ʼ:

(35) *Źì kàna avès and-əl ćemà?*
ʻДо каких пор будешь за границей?ʼ

Пример сочетания с наречием (подробности: см. 4.2.2.7):

(36) *Xalè, pilè aj aśilè źì adès.*
ʻПоели, выпили и остались до сегодняшнего дня.ʼ (т. е. ʻживы поныне')

Оба предела бывают выражены явно:

(37) ♪ *Te-kamèla dràgo dèl || d-adesàra źì and-ək bərš || rùp thaj sumnakàj tìdes.*
ʻЕсли захочет боженька, от сегодня до через год, серебро и золото соберёшь.ʼ

В сложных конструкциях придаточные предложения начального временно́го предела вводятся союзом *də-kỳn* ʻс тех пор как' :

(38) ♪ *Oj gaźà muřò gaźò || də-kỳn matò kaj-avès || ćek-dàta ćì-dikhlèm te-rovès.*
ʻОй, муж мой, муж, с тех пор как пьяный приходишь, я ни разу не видела, чтоб ты плакал.ʼ

В качестве подчинительного союза конечного временно́го предела выступает сочетание *źì-kaj* ʻ[до тех пор] пока' (можно считать составным союзом), а также *(źì) pùn(e)* ʻтж.ʼ, причём сказуемое придаточного предложения, как правило, отрицается (см. 4.12.5.2):

(39) *Nò bèš źì-kaj ćì-p'àv muřỳ pìva, aj atùnći mudarəh-ma.*
ʻНу, посиди, пока я не допью своё пиво, а потом убьёшь меня.ʼ

(г) частота, кратность

Значение ʻсколько раз; как часто' может выражаться конкретно (ʻ*n* раз') и общо (наречиями без числителя). В первом случае возможен вопрос с местоимением *sodìvar?* ʻсколько раз?ʼ:

(40) *Sodìvar sànas ande Tambòva?*
ʻСколько раз ты был в Тамбове?ʼ

(41) *Sodìvar o kurkò kərəs butì?*
ʻСколько раз в неделю ты работаешь?ʼ

Для конкретного выражения применяются наречия *ək-dàta* (но не ***jèkvar*), *dùvar* ʻдважды' и т. д. (см. 3.9.7), а также с выделением *jèkh dàta* ʻодин раз', *dùj dàcy* ʻдва раза' и т. д.; *màj-jek-dàta* ʻещё раз':

(42) ♪ *Trìvar cəri d-ankolìla || Kàj ti cəra, borǒřỳj?*
ʻТрижды палатки обходит: где твоя палатка, невесточка?ʼ

(43) *Phèn màn-gə kaďà vòrba màj-jek-dàta.*
ʻСкажи мне это слово ещё раз.ʼ

С такими наречиями-числительными сочетаются выражения периода (в именительном падеже с определённым артиклем, а также с предлогом *ande*, см. 4.2.2.4.1д):

(44) *Sỳ lès-kə te-xàl trìvar o dès te-nà-avèl bokhalò.* [Кож.]
ʻЕму нужно есть трижды в день, чтобы не быть голодным.ʼ

Наречия общего значения: *butìvar* ʻчасто; много раз', *vunìvar* ʻиногда'.

(45) *Vunìvar avèn amèn-de l kətàni.*
ʻИногда к нам приходит милиция.ʼ

Особый тип обстоятельств: существительные группы в именительном падеже с местоимением *sàko* ‘каждый, любой, всякий’:

(46) *Amèn-de sy nùncy sàko kurkò.*
‘У нас свадьбы каждую неделю.’ (м. б. также ‘воскресенье’)

(47) *Sàko dàta ťo źukəl xàl-ma.*
‘Каждый раз твой пёс меня кусает.’

Сложные предложения:

(48) *Avàv tumèn-de sodìvar trubùl.*
‘Я приду к вам столько раз, сколько нужно.’

Значение ‘(в) *n*-й раз’ выражается существительной группой с ядром *dàta* ‘раз’ (специальный вопрос к такому обстоятельству: *ćè dàta?* ‘какой раз?’), ср.:

(49) *Kana avilèm ə dùjto dàta, khònik nàs khərà.*
‘Когда я пришёл второй раз, никого не было дома.’

4.3.7.2.2.1. Обозначение времени суток

Час обозначается количественным числительным; особо обозначаются получасы; при необходимости добавляется часть суток. Время между часами обозначается:

до половины: минуты + следующий час (местный падеж, опр.)
после половины: *bi* + минуты (лишительный падеж) + следующий час

Единицы времени факультативны (при числе ‘1’ частотны). Имеется специальное обозначение для ‘полуночи’. Примеры:

00:00				*dèš-u-dùj*	*(ćàsurà) (ə ŕàt)*	*~ dopàš ə ŕàt* ‘полночь’
01:00				*jèkh*	*(ćàso) (ə ŕàt)*	
12:00				*dèš-u-dùj*	*(ćàsurà) (desà)*	
13:00				*jèkh*	*(ćàso) (desà)*	
14:00				*dùj*	*(ćàsurà) (desà)*	
14:01	*jèkh*	*(minùto)*	*ka-l*	*trìn*	*...*	
14:15	*deš-u-pànź*	*(minùcy)*	*ka-l*	*trìn*		
14:20	*bìš*	*...*	*ka-l*	*trìn*		
14:22	*bìš-thaj-dùj*		*ka-l*	*trìn*		
14:30	*dopàš*		*ka-l*	*trìn*		
14:40	*bi bišən-go*			*trìn*		
	~ bi bišə minucən-go					
14:45	*bi deš-u-panźèn-go*			*trìn*		
...						
14:50	*bi dešən-go*			*trìn*		
14:55	*bi panźèn-go*			*trìn*		
14:59	*bi jekhàs-ko*			*trìn*		
	~ bi jekhə minutòs-ko					

Вопрос о текущем времени: *sòde* (*ćàsurà*, *vŕàmà*) ‘сколько (часов, времени)’; вопрос и ответ — безличная связочная конструкция:

(1) *Sòde ćàsurà / vŕàmà (sy akanà)?* — *(Akanà sy) pànź (ćàsurà).*
‘Который (сейчас) час? — (Сейчас) пять (часов).’

(2) *Kana gəlò-tar, trìn (ćàsurȁ) sas.*
ʻКогда он ушёл, было три (часа).ʼ

В значении обстоятельства момента, если число часов больше одного, то оно выступает всегда с определённым артиклем, в т. ч. в вопросе при *sòde* ʻсколько' (в других случаях местоимения с артиклем не сочетаются):

(3) *Ka-l sòde avès?* — *(Avàv) ka-l štàr (ćàsurȁ).* — *... ka jèkh (ćàso).*
ʻВо сколько придёшь? — (Приду) в четыре (часа). — ... в час.ʼ

Примеры местного падежа с предлогом *źì* ʻ[вплоть] до':

(4) *Źì ka-l sòde kərəs butì?* — *Źì ka-l štàr (ćàsurȁ).* — *... źì ka jèkh (ćàso).*
ʻДо скольких работаешь? — До четырёх (часов). — ... до часу.ʼ

Начало временного интервала — предлог *də* + отложительный падеж (с определённым артиклем):

(5) *Də kata-l sòde źì ka-l sòde avès and-o fòro?* — *Də kata-l dùj źì ka-l šòv.*
ʻСо скольких до скольких будешь в городе? — С двух до шести.ʼ

Как видно, местный падеж (*ka jèkh*, *ka-l...*) выступает как при круглых часах: *ka-l štàr* ʻв четыре', так и при дробных — до получаса включительно: *dèš ka-l štàr* (ʻдесять минут четвёртого'). В местном падеже *ka-l...* (т. е. с определённым артиклем) имеем и с минутами, так что *ka-l* может повторяться:

(6) *Àv màn-de ka-l dèš ka-l dèš.*
ʻПриходи ко мне в десять минут десятого.ʼ

Но не в лишительном падеже:

(7) *Àv màn-de bi dešən-go dèš.*
ʻПриходи ко мне без десяти десять.ʼ

Определённый артикль обязателен в местном (*ka-l...*) и отложительном (*kata-l...*) падежах; он отсутствует в именительном, ср. (1), и в других косвенных падежах (на практике бывает только предложный), ср. *pala-∅*:

(8) *Avàv pala dèš ə rʹàt.*
ʻЯ приду после десяти вечера.ʼ

Выражение *dopàš ə rʹàt* ʻполночь' само по себе может быть обстоятельством:

(9) *Dopàš ə rʹàt vò sas matò ćìk.*
ʻВ полночь он был пьян в стельку.ʼ

Оценочное обозначение: *barì vrʹàmȁ* (букв. ʻбольшое время') ʻпоздно'.

(10) *Barì vrʹàmȁ sy, źà khərə!*
ʻПоздно, иди домой!ʼ

4.3.7.2.3. Обстоятельства образа действия

Под образом действия мы понимаем разнообразные признаки, относящиеся к самому действию (а не к месту, времени, другим предметам и т. п.). Вопросительное слово: *sàr?* ʻкак?' (но далеко не для всех глаголов в ответе ожидаются именно обстоятельства образа действия):

(1) *Sàr trajìn le řòm and-əl ćemà?*
ʻКак живут цыгане за границей?ʼ

Образ действия выражается в основном наречными группами, ядрами которых выступают наречия с разнообразными значениями, ср. некоторые примеры:

качественные (имеют сравнительную степень):

оценочные:	*mištò* ʻхорошо’, *ćořəs* ʻплохо’, *mùndro* ʻпрекрасно’, *źungalès* ʻуродливо’, *vòrta* ʻправильно’;
способа движения:	*fùgo* ʻбыстро’, *po-lokhàs* ʻмедленно’;
прочие:	*kùć* ʻдорого’, *lèzni* ʻдёшево’, *pharàs* ʻс трудом’, *barvalès* ʻбогато’, *ćořəs* ʻбедно’, *zuralès* ʻсильно’, *xurdès* ʻмелко’;

относительные (обычно не имеют сравнительной степени):

способа движения:	*də-bùšule* ʻползком’, *bob'àšte* ʻпотихоньку’;
прочие:	*řomanès* ʻпо-цыгански’, *řusỳcko* ʻпо-русски’, *stràzom* ʻсразу’.

Сюда же отнесём «деепричастия» (см. 3.8.1.8):

(2) *O phurò phiràl langajindòj.*
ʻСтарик ходит, хромая.’

Обстоятельства образа действия — всегда внутренние:

(3) *Nà-śin o màs kaďà də xurdès.*
ʻНе режь мясо так мелко.’

(4) ♪ *Mỳndro Màśo la͡anzarďàs || zuralès ə trùš le ľàs.*
ʻХорошенько Машё её [палатку] натянул, сильно пить захотел.’

(5) *Bitindèm ə matòra lèzni.*
ʻЯ продал машину дёшево.’

Как и прочие обстоятельства, обстоятельства образа действия могут вступать друг с другом в иерархические отношения:

(6) *Mištò dès dùma řomanès.*
ʻТы хорошо говоришь по-цыгански.’

Имеются существительные в творительном падеже: *prastajimà-sa*, *fugà-sa* ʻбегом’, а также *zorà-sa* ʻнасильно’.

Местоименная замена: *kaďà* ʻтак’; отрицание ʻникак’ затруднительно.

При сравнении употребляется предложная группа с *sar* ʻкак’:

(7) *O řòm parnilò sar o ìv.*
ʻЦыган стал бледен как снег.’ (букв. ʻпобледнел как снег’)

(8) *Le řomn'à hur̀adè-la sar la tərn'à.*
ʻЦыганки одели её как невесту.’

Здесь можно усматривать и придаточное предложение с эллипсисом глагола (например, связки: тогда *parnilò sar* [*sy*] *o ìv* значит ʻстал бледным, каков есть снег’). В пользу такой трактовки говорит возможность употребления после *sar* не только предложного падежа местоимений (у которых он рельефный, тогда *sar* — явно предлог), но и именительного (тогда *sar* — скорее союз):

(9) *Kàr sar màn-de.* ~ *sar mè* [*kəràv*]
ʻДелай как я.’ ʻкак я [делаю]’

Пример бесспорно сложного предложения с союзом *sar* ʻкак’:

(10) *O řòm dilabàl sar trubùl.*
ʻЦыган поёт как надо.’

4.3.7.2.4. Обстоятельства степени

Сюда мы относим обстоятельства, усиливающие или ослабляющие значение сказуемого, не давая его качественной характеристики. Высокая степень: наречие *dətàt* ʻполностью, совсемʼ (ср. в прилагательной и наречной группах: ʻоченьʼ), *zuralès* ʻсильноʼ; низкая степень: *xancỳ* ʻчуть; малоʼ, *ək-cỳřa* ʻчуть-чутьʼ и нек. др. (см. 3.9.10). Обстоятельства степени не всегда легко отделить от обстоятельств образа действия (ср. *zuralès* ʻсильноʼ), а также от обстоятельств времени (длительности, ср. *xancỳ* ʻчуть-чутьʼ). Вопросы к таким обстоятельствам затруднительны. Примеры:

(1) ♪ *Mỳndro Màśo la͡anzarďàs || zuralès ə trùš le ľàs.*
ʻХорошенько Машё её [палатку] натянул, жажда его сильно одолелаʼ.

(2) 👂 *Meràl pala là-te dətàt, dùj phraloř̀ə vòn.*
ʻСохнет по ней страшно, два братика они.ʼ

(3) 👂 *Kakalà deš-u-jèkh vudarà te-pytràs, no o deš-u-dùjto te-nà-pytràs-les dətàt.*
ʻЭти одиннадцать дверей открывай, но двенадцатую не открывать совсем!ʼ

(4) 👂 *Mè rovàv xancỳ, phuŕà, aj laśaràv tù-kə bùt sumnakàj, phèn-kə.*
ʻЯ поплачу немного, старик, и сделаю тебе много золота, дескать.ʼ

В некоторых контекстах заменяется местоимением (обычно в значении усиления, например при восклицании): *kajtì ~ kaditì* ʻсколькоʼ:

(5) ♪ *Aj kaditì là kaj-marəla || aj dùj najà, prašàv phagəla.*
ʻИ столько её [он] бьёт, и два пальца, ребро ломаетʼ.

При отрицании в качестве обстоятельства степени может выступать местоимение *khànći* ʻничегоʼ в значении ʻнисколькоʼ:

(6) *Kadalà řòm ći-kərən butì khànći!*
ʻЭти цыгане вообще не работают!ʼ

При переходных глаголах, допускающих ложнопереходное употребление (см. 4.5.3.2), возможна двусмысленность — *khànći* может быть понято как прямое дополнение или как обстоятельство:

(7) *Le glàti ći-xàn khànći.*
ʻДети ничего не едятʼ. или ʻДети совсем не едятʼ.

(8) 👂 *Te-nà-paťàh khànći!*
букв. ʻЧтоб ты не верил ничего!ʼ (или ʻчтоб мы не верилиʼ; видимо, рассказчица готовит слушателя к непристойным подробностям в сказке)

4.3.7.2.5. Обстоятельства взаимодействия

В эту расплывчатую категорию мы помещаем обстоятельства, обозначающие более или менее пассивное участие в действии второстепенного участника. Это может быть второй деятель, орудие, средство (ʻс кем, чемʼ и т. п.). Здесь же мы рассмотрим их отрицательное (лишительное) соответствие (ʻбез кого, чегоʼ), а также обстоятельства — в большей мере пространственные, — обозначающие части предметов при соприкосновении, ударе (ʻкаким местомʼ), поворот (ʻкакой частьюʼ), а также место «сцепки» (ʻза какую частьʼ). Выделяем следующие разнородные типы:

(а) совместность

Такие обстоятельства следует отличать от дополнений, выступающих при некоторых глаголах в подобном значении, ср. *divinìl la řomn̓à-sa* ʻговорить с женойʼ, *xàl-pe la lum̓à-sa*

‘ссориться с людьми’. В таких сочетаниях существительная группа выступает не в буквальном значении, а в форме, предопределённой глаголом. Обстоятельства же независимы от синтаксических свойств глагола и выступают в своих «буквальных» значениях. Возможны различные нюансы (например, сопровождение, ношение; разбор и примеры см. 4.2.1.2.11iii). Общий вопрос *kà-sa?* ‘с кем?’, *sò-sa?* ‘с чем?’ (к неодушевлённым задаётся редко):

(1) *Kà-sa aviľàn?*
‘С кем ты пришёл?’

(2) *Sò-sa aviľàn?*
‘С чем ты пришёл?’

Выражается существительной группой в творительном падеже (см. 4.2.1.2.11а):

(3) *Aviľànas amèn-de ka krećùno ťa xazďajkà-sa.*
‘Ты [тогда] пришёл к нам на Рождество со своей супругой.’

(4) *Lèl o rakloř̀ò śinèl pès-kə bàta, thoďà-la p-o dumò aj źàl là-sa, kodolà batà-sa.*
‘Берёт парень, вырезает себе дубину, положил её на плечо и идёт с ней, с этой дубиной.’

С рядом глаголов обстоятельства совместности обязательны:

(5) *Bešàv le řomèn-ca də-cygn̓àra.*
‘Я живу с цыганами сызмальства.’

В данном примере глагол *bešàl* в значении ‘жить’ мог бы также выступать с обязательным обстоятельством места (например *maškar ə bàr* ‘в таборе’).

Совместность также выражается наречиями *and-ək-thàn* ‘вместе’ и *sỳsta* ‘рядом’, принимающими зависимые элементы (см. 4.2.5.2). Кроме того, для подчёркивания значения включительности, неотделимости иногда употребляется предлог *kus̓à* ‘включая, вместе с’ (так что совместность выражается не только вторичным падежом, но также и предлогом, см. 4.2.2.6.2).

(б) описание части

От предыдущего отличаются по смыслу, но не грамматически, случаи типа:

(6) *Te-nà-phirà̀s nangə̀ vastèn-ca.*
‘Не ходи с пустыми руками.’

(в) орудие

Не всегда ясно, что́ считать орудием (ср. *xàl la furkà-sa* ‘есть вилкой’, но *vuśaravèl le plaponò-sa* ‘укрывать одеялом’). В большинстве случаев вопрос — *sò-sa?* ‘чем?’ (но чаще, более общо, *sàr?* ‘как?’, а также более конкретно, с предложной группой, например *ande sòs-te?* букв. ‘в чём?’, см. ниже):

(7) *Sò-sa ramòs?*
‘Чем ты пишешь?’

Собственно инструмент работы или иного действия выражается существительной группой (неодушевлённой) в творительном падеже. Типичные примеры (классификация значений и разнообразные примеры: см. 4.2.1.2.11г):

(8) *Xà ə zumì la řojà-sa.*
‘Ешь суп ложкой.’

(9) *Pušl'àn pa amèn-de, sòs-tar naštì uśaravàs-ame le plaponò-sa?*
‘Ты спросил про нас, почему мы не можем укрыться одеялом?’

В силу семантических причин обстоятельства орудия обычно употребляются при переходных глаголах (орудием, инструментом воздействуют на объект действия, т. е. то, что выражено прямым дополнением). Так, трудно себе представить орудие при таких глаголах, как *daràl* ‘бояться’, *sovèl* ‘спать’, *phiràl* ‘ходить’. Впрочем, есть и пограничные случаи, ср. *phiràl la řajà-sa* ‘ходить с палкой’, где трудно решить, имеем ли мы тут орудие или сопровождение (см. ниже).

(г) средство, способ

Разнородные примеры, в которых можно усматривать средство, ср. группы в творительном падеже (как орудие, см. выше):

(10) *Muřà n'àmurà aźutìn-ma le lovèn-ca.*
‘Моя родня помогает мне деньгами.’
(11) *Te-phabòl vò la jagà-sa!*
‘Гори он огнём!’ (проклятие)

Отметим, что глагол *aźutìl* ‘помогать’ управляет творительным падежом и в другом значении, ср. *aźutìl-ma le hanomò-sa* ‘помогает мне с лужением’, но тогда это уже скорее дополнение.

Обстоятельствами могут быть существительные в творительном падеже (опрощенные?): *fugà-sa* ‘бегом’, *prastajimà-sa*, *(la) zorà-sa* ‘насильно’, которые, очевидно, обозначают также образ действия (так что это пограничные случаи).

В некоторых контекстах возможны предложные группы, ср. вопросы: *ande sòs-te?*, *pe sòs-te?* ‘на чём [сражаться]’ (об оружии — что можно отнести и к собственно орудийному значению):

(12) *Aj akanà ande sòs-te maràs-ame? Akanà maràs-ame ande jàg: kàs-te* [или *kàs-ti*?] *jàg màj-barì bar'òl!*
‘А теперь на чём будем драться? Теперь будем драться огнём: у кого [*или* чей] огонь больше вырастет!’
(13) *Pe sòs-te maràs-ame, puśèl-les o raklořò, pe-l sùlicy ili pe-l sàbiji?*
‘На чём будем драться? — спрашивает его парень, — на стрелах или на саблях?

Спорные случаи представляют также обстоятельства, обозначающие транспортное средство (*p-o gràst* ‘на коне’, *pe matòra* ‘на автомобиле’) и музыкальный инструмент (*pe gitàra* ‘на гитаре’). Первые можно с натяжкой считать обстоятельствами места (‘где ехать’), а вторые дополнениями (‘как играть’, причём только при глаголе *dilabàl* в значении ‘играть’, но не ‘петь’).

(д) поворот (боком, частью)

Это значение близко к орудийному (ср. *xàl le vastèn-ca* ‘есть руками’), но с оттенком пассивности (будь то со стороны подлежащего или дополнения). Вопросы к таким обстоятельствам затруднительны. Выражаются они существительной группой в творительном падеже (см. 4.2.1.2.11д, там же примеры):

(14) *Ambòlde-tu màn-de le zəjàn-ca.*
‘Повернись ко мне спиной.’

(е) место сцепления

В контекстах типа ʻ[браться, держаться, тащить] за что-л.ʼ. Выражается отложительным падежом, для частей тела обычно синтетически (см. 4.2.1.2.8д, там же примеры):

(15) *Ľà o raklò la rakľà <u>vastès-tar</u>, pès-ka gaźà, aj lès-kə thoďà dopàš le rikonořàs and-o vàs.*
ʻВзял парень девушку за руку, свою жену, и [она] ему вложила половину щенка в руку.ʼ

(ж) отсутствие

Отсутствие другого лица, предмета или части выражается предложной группой *bi* ʻбезʼ (см. 4.2.2.6.3, 4.2.1.2.12). Можно считать такие обстоятельства отрицательной формой обстоятельств совместности, части и орудия (хотя иногда ʻбезʼ ≠ ʻне сʼ). В нормальной ситуации вопрос к ним не задаётся (разве что в качестве переспроса, *bi kás-ko?* ʻбез кого?ʼ, *bi sós-ko?* ʻбез чего?ʼ). Пример:

(16) *Sàr te-kəràv mè butì akanà <u>bi muřà matorà-ko</u>?*
ʻКак мне теперь работать без моей машины?ʼ

4.3.7.2.6. Обстоятельства логической связи

Сюда мы включаем обстоятельства, выражающие цель, причину и условие:

(а) причина

Вопросы: *sòs-tar?*, *sòs-te?* (реже) ʻпочему?ʼ, *sò?* букв. ʻчто?ʼ, *sòs-kə?* ʻпочему, зачем?ʼ (т. е. также и к обстоятельству цели, см. ниже):

(1) *<u>Sòs-tar</u> rovès?*
ʻПочему ты плачешь?ʼ

(2) *<u>Sòs-te</u> rovèh, Manòjľa?*
ʻЧего ты плачешь, Манойля?ʼ

(3) *<u>Sò</u> anďàn bùř and-o khàr?*
ʻЧего ты нанёс хворосту в дом?ʼ

В рамках простого предложения причина может быть выражена только существительным в отложительном падеже. В части случаев — синтетически (подробности и примеры: см. 4.2.1.2.8ж):

(4) *Sàvořə mulè <u>darà-tar</u>.*
ʻВсе страшно перепугались.ʼ (букв. ʻумерли от страхаʼ, фразеологизм)

(5) *Dàba avilèm khərà <u>ćijimàs-tar</u>.*
букв. ʻЯ едва пришёл домой от усталости.ʼ

В сложном предложении причина выражается придаточным предложением, вводимым союзом *kə* ʻпотому что’ (а также *anda koďà kə* ʻпотому что’):

(6) *Ćì-lèl-les ə lìndri <u>kə bokhalò lo</u>.*
ʻНе берёт его сон, потому что он голодный.ʼ

Местоименная замена: *anda koďà* ʻпоэтомуʼ:

(7) *<u>Anda koďà</u>, phèn-kə, ćì-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst le pajè-sa.*
ʻПоэтому, мол, не смывается кровь с их рук водой.ʼ (букв. не ʻберётсяʼ)

(б) цель

Выражается подчинёнными предложениями в зависимом наклонении (см. 4.12.5.4):

(8) *Kəràv butì sàko dès (kàs) te-avèn myřə̀ glatìcy xalè pravardè.*
‘Я работаю каждый день, чтобы были мои дети сыты-кормлены.’

(в) условие

Условная часть в условных сложных предложениях бывает нескольких типов (см. 4.12.5.5), ср., например, открытое условие:

(9) *Te-dèsa-ma řùbla dùj, tinàv ək vojàga.*
‘Если ты мне дашь рубль-два, я куплю бутылку.’

4.3.7.2.7. Дополняющие обстоятельства

Здесь упомянем обстоятельственные значения, не вписывающиеся в более общие категории, освещённые выше. Такие обстоятельства всегда можно считать дополнениями, поэтому мы в порядке компромисса назвали эту расплывчатую категорию «дополняющими обстоятельствами» (обоснование: см. 4.5.3.1а). Они даются с примерами при описании значений падежей и предлогов; здесь приведём некоторые из них (в виде специальных вопросов).

При глаголах речи и т. п. — тема сообщаемой информации (см. 4.2.2.5.2з):

(1) *Pa sòs-te divinìl o řòm?*
‘О чём говорит этот человек?’

Источник информации при узнавании, осознании (см. 4.2.2.5.2н):

(2) *Pa sòs-te dikhə̀s kə nasvalò lo?*
‘По чему ты видишь, что он болен?’

Исходный материал (см. 4.2.2.5.1е):

(3) *Anda sòs-te laśarďàn ťo khə̀r?*
‘Из чего ты сделал свой дом?’

4.3.7.3. Сочетания обстоятельств

Важным свойством обстоятельств является то, что, как правило, разные обстоятельства могут быть вместе употреблены в одном предложении (см. 4.5.3.1).

Оговорим особые случаи: неопределённые наречия места и времени: *kàj-to* ‘где’, *vàrə-kaj(-gòdi)* ‘где-нибудь’, *kàna-to* ‘когда-то’, *vàrə-kana(-gòdi)* ‘когда-нибудь’ могут уточняться обстоятельствами (ср. *kàj-to and-əl plajà* ‘где-то в горах’ и аналогичное сочетание в существительной группе: *sò-to nevò* ‘что-то новое’):

(1) *Źàl ka phràl o màj-barò aj avilì-tar vòj koćè dùr, kàj-to vò trajìl and-əl plajà.*
‘Идёт к старшему брату и зашла она туда далеко, где-то он живёт в горах.’

То же относится к наречию *pàrpale* ‘назад’ (спорно!):

(2) *Bystərdèm te-làv lovè, trubùl te-źàv pàrpale khərə̀.*
‘Я забыл взять деньги, надо мне идти обратно домой.’

(3) *O sàp mekə̀l-pe pàrpale telè.*
букв. ‘Змея спускается обратно вниз.’

4.3.8. Вводные и вставные элементы

Здесь мы рассмотрим слова и выражения, которые трудно вписать в синтаксическую (древесную) структуру предложения. Непроизводные частицы мы выделили в отдельную часть речи (например, *sà* ʻтоже’, *nùma* ʻтолько’ и др., см. 3.13.2), хотя морфологических оснований на это у нас не было. Поэтому частицы — это не вполне часть речи, а скорее единица уровня членов предложения. Здесь нас интересуют только вводные и выделительные («логические») частицы, а предикативные мы даём в других разделах (побудительные: см. 4.7.3; указательные: см. 4.5.5).

С одной стороны, внутри предложения частицы могут «относиться» к любому из членов предложения, а с другой — в общем случае у них нет ограничений на сочетаемость (т. е. соположение) с членами. Поэтому, если бы мы считали их зависимыми от каких-либо ядер, частицы пришлось бы описывать повторно для каждого типа синтаксических групп. Мало того, к частицам нельзя задать вопрос, поэтому неясно, на каком уровне иерархии их помещать.

Производными частицами условно можно назвать любые вставные и вводные обороты, имеющие внутреннюю структуру, т. е. чей состав мотивирован. Рассмотрим следующие предложения:

(1) *Akanà <u>màj-mištò</u> phèn kaďà vòrba.*
ʻТеперь лу́чше скажи это слово.’ (до этого плохо говорил)

(2) *Akanà <u>màj-bìne</u> phèn kaďà vòrba.*
ʻТеперь лучше скажи э́то слово.’ (а не другое)

Эти примеры нарочно подобраны так, чтобы их можно было одинаково перевести на русский язык, хотя в оригинале наречия *màj-bìne* и *màj-mištò* не взаимозаменимы (точнее, вместо *màj-bìne* можно поставить *màj-mištò*, но не наоборот). Это легко объяснить тем, что в примере (1) наречие входит в глагольную группу (и, таким, образом, относится только к глаголу), тогда как в (2) оно находится вне глагольной группы — на том же уровне, что и сама глагольная группа. Значит, *màj-mištò* здесь мы можем считать обстоятельством, а *màj-bìne* — нет. Поэтому в словарное описание лексемы *màj-bìne* должны быть включены сведения о том, что оно выступает только в роли вводного оборота, придающего определённую модальность всему высказыванию или, по крайней мере, какой-то из синтаксических групп (в схеме нуль — подлежащее):

Ниже дадим примеры употребления разных частиц.

4.3.8.1. Простые частицы

Имеется всего несколько непроизводных частиц. Их удобно разделить на три группы по синтаксическому принципу: одни, **вводные**, стоят только в начале предложения, другие, **усилительные**, привязаны к конкретному члену предложения и стоят перед ним, а третьи, **свободные**, могут стоять в любом месте. Из этого ряда выбиваются предикативные частицы, которые в какой-то степени можно считать дефективными глаголами. Кроме того, в песнях употребляются частицеобразные ритмические вставки (см. 5.1.3.2).

4.3.8.1.1. Вводные частицы

Эти частицы всегда стоят в начале предложения; в этом смысле они сродни союзам. Даже если логически они соотносятся с каким-то одним словом или группой, то порядком слов это показать нельзя (но можно интонацией). Примеры употребления:

(а) *àma* ‘но, ну’

Только в восклицаниях удивления, восторга:

(1) *Àma dìkh!*
‘Ты смотри!’

(2) *Àma sò kərďà ka řòm!*
‘Что же сделал этот цыган!’ (‘во даёт’)

(б) *ap(o)* ‘так, то, а’

Функцию частицы можно усмотреть в выражении *ap sàr!* ‘а как же!’ (не *apo*), а также при употреблении *apo* в начале предложения (в песнях, без особого значения):

(3) *Tù řòm san? — Ap sàr!*
‘Ты цыган? — Конечно!’

(4) ♪ *Apo dàd aj dejořỳ muľàs-y || dàd aj dejořỳ muľàs-y || phràl thàj phejořỳ aśiľàs.*
‘Так отец и мамочка умерла, отец и мать умерла, брат и сестрёнка осталась.’

В качестве союза *ap(o)* связывает предложение с предыдущим (см. 4.11.1).

(в) *nò* ‘ну’

Вводит предложения, не имеет особого собственного значения:

(5) 👂 *Nò vò ćijilò, trubùl te-źàl te-xalàďol, te-xàl.*
‘Ну, он устал, надо ему идти помыться, поесть.’

Иногда неотличима от противительного союза *no* ‘но’ (III пласт). Может иметь какой-то прагматический смысл, ср. реакцию рассказчицы на поправку (другой рассказчицы):

(6) 👂 *Ə̀ta avèl-tar kodò màj-cynořò trinè-šərə̀n-go.* [— *O zmə̀vo.*] — *Nó, mè phendèm zmə̀vo.*
‘Вот приходит этот маленький трёхголовый. [— Змей.] — Ну, я сказала «змей».’

Здесь частица произнесена с восходящей интонацией; вероятно, она тут приближается к словам-высказываниям (см. 3.14.1) и имеет оттенок утвердительности.

(г) *ta* ‘да’

По-видимому, может вводить предложение, логически продолжающие предыдущее:

(7) ✍ *Pašulò paša là-te o rìś. Ta lèl o rìś aj phenèl là-kə: Bokolìjo sumnakunìjo, mè akanà-š xàv-tu!* [СЦЯ]
‘Подошёл к ней медведь. Да и берёт медведь и говорит ей: «Лепёшка золотая, я сейчас тебя съем!»’

Может каким-то образом усиливать восклицание:

(8) 👂 *Ta sò j koćè sy, sò sy oćè, mỳca, só sy?!*
‘Да что ж там такое, что там, кошка, что?!’

Чаще всего *ta* — союз ‘так, что [аж]’ (см. 4.12.8.3).

(д) *pàte*, *pàrkə* ‘что, неужто’

Вводит риторический вопрос:

(9) *Pàte mè gaźì sym?*
‘Что, я русская?’

(10) *Pàte tù matò san || kàj màj-dikhľàn kaďà || te-lèl o phràl la phẁà, bre || vàro la varà, brè?*
‘Ты, что, пьяный, где ты видел такое, чтоб взял брат сестру, *бре*, двоюродный брат двоюродную сестру, *бре*?’

Кажется, так же употребляется частица *pàrkə* (возможно, считающаяся чужой).

(е) *kana* ‘и тут, вдруг’

В рассказах придаёт событию оттенок внезапности или непосредственного следования за другим событием. Поскольку эта частица так или иначе связывает предложение с уже сказанным, она частично выполняет сочинительную функцию:

(11) *Kana Dò̵rdi d-ašunèla || bùl p-o parnò kaj-maj-thòla.*
‘И тут Дёрди [это] слышит, зад на белого [коня] да и ставит.’

(12) *Le gràst ćì-anklèn. Kana o Màrkulo lèl aj phenèl le raklès-kə: Ašùn, Pàtro, mè phàndav ə dorì ka-j sàbija, śùdav la oprà* [...].
‘Кони [никак] не залезут. И тут Маркуло берёт и говорит парню: «Слушай, Пэтро, я привяжу верёвку к сабле, брошу её вверх [...]».’

(13) *Sà astaràl, sà mudaràl* [...] *te-vàzdel-pe anda khandimòs, anda pàj. Kana o hỳrco, lèn-go barò, ampəràto, puśèl: Ta sò j koćè sy, sò sy oćè, mýca, sò sy?*
‘Всё ловит, всё убивает [...], чтобы подняться из смрада, из воды. И тут мышь, их вожак, царь, спрашивает: «Да что там такое, что там, кошка, что там?»’

Особенность предложений с этой частицей состоит в том, что подлежащее в них почти всегда явно и следует непосредственно за вводной частицей. Это отличает такие предложения от обстоятельственных придаточных времени, где на этом месте обычно стоит глагол (ср. *kana dikhľà o řòm...* ‘когда цыган увидел...’, см. 4.8.6). Впрочем, иногда, возможно, возникают гибридные предложения:

(14) *Ľà o řòm aj laśarďà pànź karfà̵. Kana avilè-tar kukolà te-lèn le karfà̵, aj dèl-le štàr.*
‘Взял цыган и изготовил пять гвоздей. И тут (когда?) пришли эти, забрать гвозди, а [он] дал им четыре.’

Вводная частица *kana* часто употребляется при прямой речи, причём без глагола речи (см. 4.12.9.1). Как уже сказано, это также временной союз ‘когда’ (см. 4.12.5.2) или (с ударением, т. е. *kàna*) вопросительное слово ‘когда?’.

Подобное значение имеет свободная частица *kothàr* букв. ‘оттуда’ (см. 4.3.8.1.3д).

(ж) *kə* ‘ведь’

Функцию частицы здесь трудно отделить от союзной. Чаще всего *kə* можно считать подчинительным союзом причины ‘потому что, ибо’, однако часто это двусмысленно; тогда проще говорить о каком-то усилительном (только отчасти логическом) значении *kə* ‘ведь’ — тогда это частица. При этом, как и *kana* ‘и тут, вдруг’, эта частица частично выполняет сочинительную функцию, стоя в начале второго из соположенных предложений:

(15) *Sàr te-pə̀v mè ə pìva? Kə mè avilèm, aťarès? kə mè avilèm te-mudaràv-tu!*
‘Как мне пить пиво? Ведь я пришла, понимаешь? ведь я пришла убить тебя!’

(16) ♪ *Aj làs-ame ande phùv || kə phùv śinadì kata dèl-y.*
‘А будем бороться на земле, ведь земля суждена богом.’

Это также изъяснительный союз ‘что’ (см. 4.12.2.3) и причинный ‘ибо’ (см. 4.12.5.7).

(з) *ambòrim* ‘может быть’

Эта частица почти не употребляется и знакома далеко не всем носителям (с вариантами *bàrim*, *bàrȯm*, *bòrim*, могущими быть результатом смешения с другими словами):

(17) *Ambòrim avàva tù-te tehàra.*
‘Может быть, я приду к тебе завтра.’

В этом значении обычно выступает проклитика *kam-* (см. 4.2.6.2.3.1).

(и) *ətа* ‘вот’

Вводит предложения в разных ситуациях, так или иначе заостряя внимание слушателя. Часто при повествовании, при описании нового действия, сцены и т. д.:

(18) 👂 *Ətа avèl-tar o zmàvo kothàr pa-l plajà.*
‘[И] вот приходит дракон тогда с гор.’

(19) 👂 *Ətа l’à-pe o raklò, avilò-tar lèn-de, garàdilo o gaźò.*
‘[И] вот собрался парень, пришёл к ним, спрятался мужик.’

В сказках — с формулой *kana sàs (aj sàs)* букв. ‘когда было (и было)’ (см. 5.2):

(20) 👂 *Ətа kana sah, gəlì-tar ə raklì ka pèh-ko phràl o màj-barò.*
‘[И] вот когда было, ушла девушка к своему брату самому старшему.’

Говорящий призывает слушателя представить себе описываемую ситуацию, например, при разъяснении слов:

(21) ◀ *Ətа xaľà kakò màs, ə glàta, aj dukhajà-la o dì, aj phenàs: ľà o pòno, ľà-la.*
‘Вот съел вот это мясо ребёнок, и заболел у него живот, и мы говорим: проняло, проняло его.

Иногда *ətа* имеет какое-то более общее прагматическое значение (здесь она вводит главную часть сложного предложения):

(22) ▶ *Kòn ći-źanèl, ətа, puśèn.*
‘Кто не знает, вот, спросите.’

Эта частица бывает усилительной (см. 4.3.8.1.2к) и предикативной (см. 4.3.8.1.4).

4.3.8.1.2. Усилительные частицы

Их роль в предложении — разнообразная. Интонационно всегда выделяется (сильным ударением) или сама частица, или следующее за ней слово. По-видимому, во всех случаях частица помещается перед членом предложения (не разбивая его), который в предложении является ремой. Поэтому в этих частицах мы усматриваем именно усилительное значение (помимо собственного значения). Рема не может быть опущена, даже если в прочих случаях соответствующий ей член факультативен, ср:

(1) а. *Avilò.* (местоимение опущено)
‘Он пришёл.’
б. *Avilò nùma vȯ̀.*
** *Avilò nùma.* (местоимение опустить нельзя)
‘Пришёл только он.’

Тема, однако, может быть опущена:

(2) а. *Phenďà kadò.* (местоимение опущено)
ʻОн сказал это.ʼ
б. *Vò sà kadò phenďà.*
Sà kadò phenďà. (местоимение опущено)
ʻОн то же самое сказал.ʼ

При этом, однако, вряд ли можно считать, что эти частицы синтаксически зависят от какого-либо слова.

Неясно, считать ли наречием или частицей *dətàt* ʻвообщеʼ при отрицании:

(3) *Khònik ćì-mudaràl-les dətàt.*
ʻНикто его не убьёт вообще.ʼ (ʻникому не под силуʼ)
(4) *Dətàt nàj khànći pe là-te.*
ʻСовсем нет ничего на ней.ʼ
(5) *Mè kodolà glatà ćì-dikhlèm-la ande myřə jakhà dətàt.*
ʻЯ этого ребёнка в глаза не видел вообще.ʼ

Остальные простые частицы менее спорны:

(а) *sà* ʻтоже, жеʼ

Предположим, что о двух разных сущностях (темах T_1 и T_2) имеются два одинаковых утверждения, в которых каждая из тем соотносится с одной и той же ремой R. Таким образом: $T_1 : R$ и $T_2 : R$. Частица *sà* может быть вставлена во второе утверждение непосредственно перед R, т. е. T_2: *sà* R; она будет неявно отсылать к первому утверждению, ср.:

(6) а. *O Jòno bešàl ande Tùla.*
ʻЁно живёт в Туле.ʼ
б. *O Gùsʹa bešàl ande Tùla.*
ʻГуся живёт в Туле.ʼ
⇒ в. *O Gùsʹa sà ande Tùla bešàl.*
ʻГуся тоже живёт в Туле.ʼ

Таким образом, предложение (6)в ссылается на (6)а, т. е. *sà* значит ʻкак и Ёноʼ (т. е. как упомянутая раньше тема). В этих примерах ремой является *ande Tùla*, т. е. именно она семантически объединяет две темы. Заметим, что *sà* имеет тенденцию вставать между темой и ремой; в данном случае оно вытеснило сказуемое *bešàl*, которое вынесено в конец предложения (т. е. за рему). Можно сказать, что *sà* стремится стать «логической связкой». Однако если рема — само сказуемое, то перестановка, естественно, не происходит:

(7) *O źukàl sà sovèl.*
ʻСобака тоже спит.ʼ

Тема не всегда соответствует подлежащему, ср. пример, где тема — обстоятельство:

(8) *Ande Mòskova sà vò gəlò.*
ʻВ Москву тоже о́н ездил.ʼ

Частица *sà* часто употребляется с указателями: ср. *sà kaďà vòrba* ʻэто же словоʼ, *sà kasavèn-dar papùća* ʻтакие же ботинкиʼ, *sà kaďà* ʻтак жеʼ и т. д. Эти сочетания не представляют собой каких-либо особых местоимений, т. к. частица здесь, как обычно, просто примыкает к члену предложения (здесь *kadò* — дополнение):

(9) *Mè sà kadò phendèm lès-kə.*
ʻЯ то же самое ему сказал.ʼ

В описываемом значении частица *sà* выделяется сильным ударением — в противном случае возможна двусмысленность — ср. с сильным ударением: *sà sovèl* ʻтоже спитʼ, *sà kaťà avlìn* ʻэто же поместьеʼ, *sà kukolà manùš* ʻте же людиʼ, но с обычным ударением: *sà sovèl* ʻвсё [время] спитʼ, *sà kaťà avlìn* ʻвсё это поместьеʼ (также *kaťà avlìn sà*), *sà kukolà manùš* ʻвсе те людиʼ (также *kukolà manùš sàvoř*ə).

(б) *pàle* ʻтожеʼ

Как частица употребляется (нечасто) в значении ʻтожеʼ, причём, кажется, по синтаксическим свойствам не отличается от *sà*. Однако, поскольку обычно *pàle* значит ʻопятьʼ (наречие), контексты его употребления как частицы ограничены:

(10) *Aj ə matòra, kòn tinďà-la? — Pàle o Jòno!*
ʻА машину кто купил? — Тоже Ёно.ʼ

(в) *i* ʻи; именноʼ

Частица (?) *i* привносит логическую связность, подчёркивая ожидаемость действия (которая вытекает, например, из предыдущих предложений); по-видимому, встречается только перед глаголом-ремой (поэтому, вероятно, её можно считать клитикой):

(11) *Kàna vòj: Nu ràz l'àn-man, mè tù-sa i aśàv.*
ʻИ тут она: «Ну раз ты меня взял, я с тобой и останусь».ʼ

(12) *Kadò plapòno, phen-kə, pa mulò lo! Śùden-les. Anda koďà i ći-arəsàl-tumè te-vuśaravèn-tume lì-duj-źenè.*
ʻЭто одеяло, мол, с мертвеца. Выбросьте его. Поэтому и не хватает вам, чтобы укрыться обоим.ʼ

Более усилительное значение в сочетании с *kaďà* ʻтакʼ:

(13) *Ćè gràs trubùla-tu, nùma dès ašvàr ande phùv, aj phèn: Kòn' varanòj, bùť prida mnòj! — o gràs kaďà i avèl stràzom angla tù-te.*
ʻКакой конь тебе понадобится, только ударь уздечкой по земле и скажи: «*Конь вороной, будь предо мной!*» — конь так и будет сразу перед тобой.ʼ

В каком-то смысле эту частицу можно считать усилением утверждения, параллельным отрицательной приглагольной клитике *ći-* ʻне', *...i kərďà* ʻи сделалʼ: *ći-kərďà* ʻне сделалʼ.

Обычно *i* — соединительный союз (чаще парный: *i... i* ʻи... иʼ, также в отрицательной форме: *ći... ći* ʻни...ниʼ, см. 4.11.3).

(г) *ći* ʻдаже [не, ни]ʼ

Усиливает отрицание, подчёркивая малость, незначительность отрицаемого:

(14) *Tù ći-źanès ći te-hanòs.*
ʻТы даже не умеешь лудить.ʼ (ʻи лудить-то...ʼ)

Обычно *ći* стоит перед числительным ʻ1ʼ, давая отрицание ʻни одинʼ, что мы считаем отрицательным местоимением *ći-jekh* ~ *ćek* ʻникакойʼ (см. 4.2.1.14.7а), так что здесь в *ći-* усматриваем не частицу, а клитику. То же самое в *ći-jek-dàta* ~ *ćek-dàta* ʻни разу, никогдаʼ, хотя можно было бы видеть здесь значение ʻдаже ни разуʼ и т. д.

Возможно плеонастическое отрицание в сочетании с местоимением *khànći* ʻничегоʼ:

(15) *Ći khànći ći-xàl'an.*
ʻТы ничего даже не съел.ʼ (букв. ʻни ничегоʼ)

Не может стоять перед глаголом с отрицанием: ***ći ći-źanèl*, ***ći nà-* и т. д.

(д) *nùma* ‘только’

Частицу *nùma* можно считать антонимом *sà* ‘тоже’. В предложении *nùma* стоит перед ремой (T_1: *nùma R*) и означает, что нет других тем (T_2), о которых можно было бы сказать то же (*R*). Ремой является непосредственно следующий член (или его часть):

(16) а. *Nùma adès vò xàl sarmàli.*
‘Только сегодня он ест голубцы.’
б. *Adès nùma vò̀ xàl sarmàli.*
‘Сегодня только он ест голубцы.’
в. *Adès vò nùma xàl sarmàli.*
‘Сегодня он только ест голубцы.’
г. *Adès vò xàl nùma sarmàli.*
‘Сегодня он ест только голубцы.’

Для ремы вообще нехарактерно положение в начале предложения, поэтому (16)а — неестественно. Намного обычнее так:

(17) *Vò xàl sarmàli nùma adès.*
‘Он ест голубцы только сегодня.’

Может также быть союзом ‘только, но’ (см. 4.11).

(е) *vòrta* ‘точно, прямо’

Служит для усиления отождествления:

(18) *Vòrta vòj sy!*
‘Это именно она!’
(19) *Pa pàj, kaj śagl̓à ande vàdra, kadò vòrta ka myřỳ bàba sas.*
‘Насчёт воды, что (?) она блевала в ведро — это прямо у моей бабушки было.’ (речь идёт о мифологическом персонаже *мамёрры*)
(20) *Kərdèm kad̓à vòrta sar kamèsas.*
‘Я сделал точно так, как ты хотел.’
(21) *Kə mard̓à khə karfìn ande lèh-ko punřò vòrta ka pràgo.*
‘Ведь она забила гвоздь ему в ногу прямо у порога.’

(ж) *tòmna* ‘как раз, только’

Редкая частица (не у всех носителей); обозначает точность, однозначность:

(22) *Muřò dàd sy tòmna pala myřỳ dèj.*
‘Мой отец как раз за моей матерью.’ (на фотокарточке)

Перед *akanà* ‘сейчас’ подчёркивает новизну или беспрецедентность:

(23) *Tòmna akanà avilèm.*
‘Я только что пришёл.’
(24) *Kad̓à vòrba tòmna akanà ašunàv-la.*
‘Это слово я только сейчас слышу.’ (впервые)

(з) *dàba* ‘едва’

Круг значений: ‘едва, с трудом’, ‘только [сейчас]’:

(25) *Dàba avilèm khərə̀ ćijimàs-tar.*
букв. ‘Я едва пришёл домой от усталости.’ (т. е. ‘с трудом добрался’)

(26) *Dàba xalèm.*
ʻЯ только что поел.ʼ

Бывает удвоенная форма: *dàba-dàba* ʻс больши́м трудомʼ:

(27) *Aj dàba-dàba vazdè le rakloř̀əs, le Boćès, ferìl o dèl.*
ʻИ еле-еле подняли парня, Бочи, боже упаси.ʼ

Выражение: *dàba dikhə̀l* + ВИН. (букв. ʻедва видетьʼ) ʻбыть без ума [от]; любоваться’.

(и) *sà* ʻвсё, всегдаʼ

Скорее частицей (а не наречием) является слово *sà* в значении ʻвсё, всегдаʼ, подчёркивающее повторение, однообразие (другое значение — ʻтожеʼ, см. выше). В частности, это важно, т. к., как частица, *sà* не имеет своей позиции в предложении, а примыкает к слову, к которому относится по смыслу (т. е. «усиливает» его), например к сказуемому:

(28) *Aj pe ćè gàd? — P-o gàd kaj sà phiravèl pastajàno pe pès-te.*
ʻА на какую рубашку [пришить]? — На рубашку, которую он всё носит постоянно на себе.ʼ

(29) *Sà xàn anda pèh-ko dadèh-ko mandìn, sà pèn.*
ʻВсё едят из имущества своего отца, всё пьют.ʼ

(30) *Aj sà naštìl arakhə̀l là-kə tərnò.*
ʻИ всё не может найти ей жениха.ʼ

К другим членам:

(31) *Ti phèj sà tù-sa dèl dùma, màn-ca ćì-dèl dùma.*
ʻТвоя сестра всё с тобой разговаривает, со мной не разговаривает.ʼ

(32) *Vòj rovèl aj sà sumnakàj rovèl, ə raklì.*
ʻОна плачет и всё золотом плачет, девушка-то.ʼ

(к) *ə̀ta* ʻвотʼ

Уточняет указательные местоимения (видимо, только прилагательные и наречия):

(33) *Lèl aj phenèl lès-kə vò: dikhə̀s ə̀ta kaťà sàlka, te-śòs-tu tela kaďà sàlka.*
ʻБерёт и говорит ему он: «Видишь вот это дерево, залезь под это дерево».ʼ

(34) *Ə̀ta kana sàs, avèl, avilò-tar, aj lèl aj phenèl pàle vòj ə̀ta kaďà: ...*
ʻВот, когда было, приходит, пришёл, берёт и говорит опять она вот так: ...ʼ

(35) *Bèš màn-ca ə̀ta katkà.*
ʻСядь со мной вот тут.ʼ

Не может вклиниваться между (лже)предлогом и зависящей от него группой:

(36) *Ə̀ta ka kadalèn-dar manùš avèl.* ** *ka ə̀ta kadalèn-dar*
ʻВот к таким людям [она] приходит.ʼ (мифол. персонаж *мамёрры*)

4.3.8.1.3. Свободные частицы

Эти частицы подобны вставным предложениям (как и выступающие в похожей роли вставные обороты, см. 4.3.8.2):

(а) *phèn-kə* ʻмол, говоритʼ

Прямая речь, как правило, сопровождается этой частицей, причём часто несколько раз в одной воспроизводимой реплике:

(1) 👂 *Tàtə, phèn-kə, mè akanà-š, phèn-kə, źàv p-o bazàri.*
‘Папа, говорит, я сейчас, говорит, пойду на базар.’

Может стоять в начале и выделяться интонацией:

(2) 👂 *Thaj lèl aj phèn-kə: sò j kaćè kaj inkəràv mè?*
‘Да и берёт и, мол: что это тут, что держу я?’

Возможны разнообразные комбинации с глаголами речи (подробности: см. 4.12.9).

(б) *fàj-ma* (~ *fàl-ma*) ‘кажется’

Употребляется довольно редко, в значении ‘[мне] кажется’:

(3) *Le dəmòni bešən, fàj-ma, ande Samàra.*
‘Дэмони живут, кажется, в Самаре.’

Иногда может плеонастически сочетаться с глаголом *m’àl* ‘кажется’:

(4) ▶ *Màn-gə fàj-ma m’àl kə bešən inťă le řòm.*
‘Мне вроде бы кажется, что там живут [эти] цыгане.’

(в) *xàta* ‘будто’

Эта маргинальная частица вводит ирреальное сравнение (не являясь союзом):

(5) ▶ *Pilèm ək vojàga řətìja aj xàta ći-pilèm khànći.*
‘Я выпил бутылку водки, а будто не пил ничего.’

⌛ Возможно, эта редкая и малоизвестная частица — заимствование из какого-то говора немолдовая. Она воспринимается как иноговорная большинством носителей. Сообщают, что она появилась недавно.

(г) *sòbi(s)*, *xàbis* ‘якобы, мол’

Эти малоизвестные частицы вводят чужую версию фактов:

(6) ◀ *Avèn le kətàni, sòbi marən-pe le řòm.*
‘Приходит милиция — якобы дерутся цыгане.’

(д) *kothàr* ‘и тут, вдруг’

Подобно *kana* ‘и тут, вдруг’ (см. 4.3.8.1.1), *kothàr ~ kocàr* букв. ‘оттуда’ придаёт повествованию связность, но, в отличие от *kana*, никогда не стоит в начале предложения:

(7) ♪ *Ə gaźì kothàr našəl || aj našəl thaj-vi rovèl.*
‘И тут баба бежит, и бежит, да плачет.’

(8) ♪ *Màśo mùj kothàr kaj-ďàs || Źà-ta, màmə, pala là || kə͡ə borʲořỳ tasulì.*
‘И тут Машё крикнул: «Иди-ка, мама, за ней, ведь невестка утонула».’

(9) 👂 *Ə̀ta avèl-tar o zmə̀vo kothàr pa-l plajà.*
‘Вот приходит дракон тогда с гор.’

Может сочетаться с *kana*:

(10) 👂 *Ə̀ta avilò vòćeredo le řomèh-ko te-śòl-pe ka dèl. Kana vò kothàr te-śòl-pe ka dèl, aj lèl aj mangə̀l.*
‘Вот подошла очередь цыгану войти к богу. И тут он как войдёт к богу и давай просить.’

(11) ✍ *Kana kot[h]àr avèl-tar o rìś, dikhl’à o khərořò, ašunď à, sar dilabàn koćè, pašulò aj cypìl pe sà: Khərořò-khərořò, kòn trajìl kaće?* [СЦЯ]
‘И тут вдруг приходит медведь, увидел домик, услышал, как поют там, подошёл и кричит на всю: «Домик-домик, кто живёт здесь?»’

Возможно, в примере (11) имеется нарушение ожидаемого порядка слов (подлежащее обычно стоит сразу после частицы *kana*, см. 4.3.8.1.1e). Неясно, имеет ли это *kothàr* пространственный оттенок: во многих примерах оно стоит при глаголах движения.

(e) *akanà* ‘и вот, так вот, ну’

Частица *akanà* букв. ‘теперь’, подобно частицам *kana*, *kothàr* ‘и тут, вдруг’, служит для связности в повествовании, но подчёркивает не резкое, а плавное следование событий. Она может стоять в любом месте:

(12) *Gəlè-tar akanà le raklè, ansurisàjle.*
‘Ну, ушли парни, женились.’

(13) *Akanà nakhàl ək kurkò, dùj.*
‘И вот проходит неделя, две.’

Иногда *akanà* повторяется в предложении:

(14) *Ə̀ta akanà źal-tar akanà o raklò, ka kukolà phejà źal-tar.*
‘Ну вот уходит вот парень, к тем сёстрам уходит.’

Нередко частицу трудно отделить от наречия *akanà* ‘теперь, сейчас’.

4.3.8.1.4. Предикативные частицы

Так мы называем слова, в той или иной мере вступающие в синтаксическую связь с другими частями предложения, которые при этом от них зависят. Они функционируют почти как самостоятельные глаголы, но, в отличие от последних, лишены словоизменения (кроме одной частицы, имеющей числа).

Побудительные частицы позволяют образовывать побудительные предложения с разными оттенками; можно считать, что они управляют целыми предложениями, ср. (подробности — см. 4.7.3):

(1) *Mèk khəlèl pès-kə ə glàta!*
‘Пусть играет ребёнок!’

(2) *Àš-ta te-dikhàv!*
‘Дай-ка посмотреть!’

(3) *Hàjda te-kəràs butì!*
‘Давай работать!’

Частица *mèk* ~ *mùk* — это форма императива глагола *mekə̀l* ~ *mukə̀l* ‘пускать’. Перед согласным энклитики она может иметь форму *mè-*, ср. *mè-le* ‘пусть его’ (но не ***mu-*).

Частица *hàjda* ‘давай, айда’ показывает элементы глагольного поведения в том, что имеет два числа, ср. *hàjdan* ‘давайте’, в отличие от *àś* и *mèk*.

Указательные частицы могут управлять в т. ч. существительными группами (и выступать в роли полноценного сказуемого, см. 4.5.5):

(4) *Ə̀ta ťo dàd.*
‘Вот твой отец.’

(5) *Àle cygàra.*
‘На́ сигарету.’

Частицы *àle*, *àkə* нередко выступают с усилительной императивной клитикой: *àle-ta* ‘держи-ка, бери-ка’, *àkə-ta* ‘вот [тебе]’. Частица *ə̀ta* принимает также подлежащные клитики, ср. *ə̀ta-lo* ‘вот он’ (причём, в отличие от глаголов, также в 1-м и 2-м лицах).

4.3.8.2. Производные вставные выражения

Более сложные, чем частицы, вставные выражения — это производные слова (или широкие словоформы), прозрачные по структуре. Как и простые частицы, они не управляют синтаксическими группами, а, скорее, относятся к отдельным словам. Нередко можно вообразить эллиптическое вставное предложение (см. 4.12.10), ср. *ćaćimà-sa* ʻпо правде’, как часть предложения типа *te-phenàv ćaćimà-sa* ʻсказать по правде’.

Как и свободные частицы, вставные выражения не имеют чёткой привязки к каким-либо членам предложения и могут стоять более или менее в любом месте. Они обычно имеют собственный интонационный отрезок. Вставные выражения, имеющие мотивированный состав, можно воспринимать как бессоюзное вкрапление в предложение другого («неполного») предложения с эллипсисом каких-то частей. Например:

(1) *Mè ćaćès ći-sym bokhalò.*
ʻЯ правда не голоден.’ (ʻчестное слово’)

Здесь вставным выражением является *ćaćès* букв. ʻправдиво’, которое представляет кусок предложения типа *phenàv tù-kə ćaćès* ʻговорю тебе правдиво’.

Примеры разных вставных выражений, с буквальными значениями:

ćaćès	букв.	ʻистинно’	вставн.	ʻправда, честно’
ćaćimà-sa		ʻс правдой’		ʻправда, честно’
màj-mištò		ʻлучше’		ʻлучше’
màj-bùt		ʻбольше’		ʻв основном’

Можно считать, что буквальных значений нет у немотивированных выражений: *màj-bìne* ʻлучше’; III пласт: *mòžət*, *navèrna, fsiravnò* и др.

Примеры употребления:

(2) *Le řòm màj-bùt ći-maťòn.*
ʻЦыгане в основном не напиваются.’

(3) *Ćaćès gaźò sym.*
ʻЯ правда русский.’

(4) *Màj-mištò, phèn-kə, bèš khərà, phèn-kə, xà, pì, sỳ-ame sò mekľà muřò dàd sàko f’àlo.*
ʻЛучше, говорит, сиди дома, говорит, ешь, пей, есть у нас что оставил мой отец, всякое.’

Вставными бывают также предложения (см. 4.12.10). Отметим также слово *dèluri ~ dèlurà* в конце перечисления и т. п. в значении ʻи всё такое’.

4.3.8.3. Обращения

В любом месте в предложении (но обычно не разрывая его членов) могут стоять обращения (см. 3.14.2). В первую очередь это существительные в звательном падеже:

(1) *Sùľmane, kàj źàs?*
ʻСульмано, куда идёшь?’

(2) *Sàr san, phurà?*
ʻКак дела, старик?’

(3) *Àś-ta śavořàle, kə kəràv tumèn-gə mè akanà praznikùco.*
ʻДавайте [сюда], ребята, ведь сейчас сделаю вам я праздничек.’

(4) *Dè-ma, dèvla, dè-ma jek jàkh te-dàv muřà rakloř̀əs pàj, pàj te-dàv.*
ʻДай мне, боже, дай мне глаз, чтоб я дала своему мальчику воды, воды дала.’

Иногда это существительные группы с прилагательными:

(5) *Baliśà phurʹà, sò kərdʹàn?*
‘Поросёнок старый, как поживаешь?’

(6) *Řomàle dilàle, avèn ordè!*
‘Глупые цыгане, идите сюда!’

В звательных формах прилагательных наблюдаются большие колебания.

В сказках от ядра-существительного может также зависеть сочетание *anda (dràgo) dèl* букв. ‘из (дорогого) бога’:

(7) *Manùša anda dràgo dèl, katàr sàn tù, ta mudarʹàn sà muřə dušmajèn?*
‘Милый человек, откуда ты [такой], что убил всех моих врагов?’

Обращению нередко предшествует междометие *ò* (~ *vò*, в песнях):

(8) *Ò̰, Mìša, kàs-te sànas?*
‘Эй, Миша, у кого был?’

Это междометие служит и самостоятельным обращением (при оклике):

(9) *Sò kərəs, ő!*
‘Что ты делаешь, эй!’

Обращением может быть придаточное (свободное относительное) предложение:

(10) *Kòn kamèl te-xàl, xàn!*
‘Кто хочет есть, ешьте!’

В роли обращения также выступают звательные частицы, не имеющие иной функции, чаще всего — *brə̀* (фамильярное обращение, оклик). Они могут сочетаться с обычными обращениями:

(11) *Aj xàn-tu, tàte, le termè, brə.*
‘И [пусть] тебя, папа, съедят червяки, *брэ*.’

(12) *Aj vòj rašàja, aj brə̀, rašàja || aj butì man oj brə̀ te-dès-y!*
‘*Ай ой*, поп, *ай брэ*, поп, а работу мне *ой брэ* дай!’

Реже — *morə̀* (с уважительным оттенком); в данном примере ещё и с *ò*:

(13) *Avilò-tar o ampəràto: ò̰ morə̀, àjda, kə sà mudarʹàn, sà śinʹàn, àjda amèn-gə akanà khərə̀.*
‘Пришёл царь: «Эй, *морэ́*, давай, ведь ты всё убил, всё порубил, пошли-ка теперь домой».’

Только в песнях встречается звательная частица *lèš*, чаще всего между частицей *ò* (~ *òj*, *vò*, *vòj*) и собственно обращением (обычно с частичным повтором):

(14) *Aj vòj leš Lìzə, śè tù Lìzə || aj bradì vastès-te te-lès-o.*
‘*Ай ой*, милая, Лиза, родная ты Лиза, и ведро в руку возьми.’

(15) *Aj vò leš mỳndrə myřỳ mỳndra* [...] *|| thaj ulàv-tu thaj urʹàv-tu.*
‘*Ай ой*, милая, красавица, моя красавица, да причешись да оденься.’

Изредка обращением является и местоимение *tù* ‘ты’:

(16) *Aj vò leš Drìla, brə̀ tù, Drìla || ponʹàva màn-gə te-lunźarəs-o || thaj momelì màn-gə jàg te-dès-o || aj kə mè, Drìla, kaj-meràv oj.*
‘*Ай ой*, милый, Дрила, эй ты, Дрила, ковёр мне расстели и свечку мне зажги, ведь я, Дрила, умираю.’ (имеется в виду обычай: в доме покойника расстилают ковёр и ставят на него зажжённые свечи)

4.4. Формальные связи в предложении

Представляя предложение в виде древа, мы пытаемся отобразить иерархические отношения между членами предложения (и их частями). Однако по древу не видно, как структура предложения влияет на формы входящих в него слов. Между тем, грамматические признаки слов в предложении как бы «распространяются» от одних слов к другим.

Основные типы формальных связей — это **согласование** (дублирование грамматических признаков) и **управление** (навязывание признаков согласно модели управления). Согласование внутри существительной группы мы дали отдельно (см. 4.2.1.5), там же говорится о ещё одном виде формальной связи — **рифме** (выбор формы без учёта признаков). Здесь рассмотрим согласование и управление между разными группами в предложении.

Все виды формальной связи представляются как однонаправленные, в том смысле, что (в нашем случае) все признаки, участвующие в связи, так или иначе исходят от одной единицы и приписываются другой. Единицу (слово или группу), от которой они исходят, будем называть **источником** (согласования, управления), а единицу, получающую их, — **получателем**.

4.4.1. Согласование

Согласование можно определить как выраженное наличие одного и того же значения некоторого грамматического признака в двух различных элементах одного речевого отрезка. Иными словами, если один элемент обладает некоторым признаком, то он может навязывать этот же признак какому-то другому элементу. Это навязывание может проявляться в форме слов, участвующих в согласовании. Рассмотрим примеры (подчёркнуты морфемы, участвующие в согласовании):

(1) а. *Kadò barò khàr amarò lo.*
ʻЭтот большой дом — наш.ʼ
б. *Kaďà barì sàlka amarì la.*
ʻЭто большое дерево — наше.ʼ

В примере (1)а подлежащее мужского рода *khàr* требует постановки остальных слов в предложении в мужской род, а в (1)б подлежащее *sàlka* — в женский. В данном случае проявляется согласование этих остальных слов по роду с подлежащим (а не друг с другом), что видно, если рассматривать случаи согласования попарно, т. е. *khàr* → *kad|ò*, *khàr* → *amar|ò*; *sàlka* → *kaď|à*, *sàlka* → *amar|ì* и т. д. Легко убедиться, что именно род подлежащего является определяющим формальным различием между предложениями (1)а и (1)б. Мы подменили слово *khàr* словом *sàlka*, и это повлекло за собой автоматическое изменение формы всех остальных слов: *kadò* ⇒ *kaďà*, *barò* ⇒ *barì* и т. д. — все эти слова изменили мужской род на женский. Если же подменить, например, только слово *kadò* на *kaďà*, то никаких автоматических изменений не произойдёт (слово *khàr* не может изменить род) и высказывание станет неграмматичным. Таким образом, в данном случае признак рода в одностороннем порядке навязывает своё значение другим словам в предложении. Заметим, что род является постоянным признаком лексем *khàr* и *sàlka*, а у согласующихся с ними слов этот же признак — переменный, чисто согласовательный.

Изменение числа — переменного признака подлежащего — тоже приведёт к изменению значения согласовательных признаков:

(2) а. *Kadalà barə̀ khərà amarə̀ le.*
ʻЭти большие дома — наши.ʼ
б. *Kadalà barə̀ sàlći amarə̀ le.*
ʻЭти большие деревья — наши.ʼ

Признаки бывают скрытыми, ср.:

(3) а. *Mè sym dilò̲.*
ʻЯ глупый.ʼ
б. *Mè sym dilì̲.*
ʻЯ глупая.ʼ

Несмотря на то что в (3) род подлежащего никак внешне не проявляется в его форме — *mè* (в отличие, например, от местоимений 3.ед.: *vò* ʻонʼ, *vòj* ʻонаʼ), он проявляется при согласовании. Мало того, согласование происходит, даже если главный член согласовательной пары опущен:

(4) а. *Dilò̲ sym.*
ʻЯ глупый.ʼ
б. *Dilì̲ sym.*
ʻЯ глупая.ʼ

Источник согласования — всегда существительное (в т. ч. местоимение) в составе разных членов предложения, а получатели — разные:

источник		получатель	согласуемые признаки
в существительной группе:			
ядро (сущ.)	→	определители и определения	род, число, падеж
между группами:			
подлежащее (сущ.)	→	сказуемое (глаг.)	лицо, род, число
расширение (сущ.)	→	сказуемое (глаг.-связка)	лицо, число
подлежащее (сущ.)	→	расширение (прил.)	род, число
дополнение (сущ.)	→	расширение (прил.)	род, число
расширение (сущ.-мест.)	→	подлежащее (сущ.-указатель)	род, число
подлежащее (сущ.)	→	присказуемое (прил.)	род, число
дополнение (сущ.)	→	присказуемое (прил.)	род, число

Ниже подробно разберём эти пары (согласование внутри существительной группы разобрано отдельно, см. 4.2.1.5).

4.4.1.1. Согласование подлежащее → сказуемое

Согласно нашей схеме, сказуемое можно считать ядром всего предложения, так что подлежащее синтаксически ему подчиняется. Однако согласование имеет место в «противоположную сторону», т. е. от подлежащего зависит форма ядра сказуемого (точнее — глагола); сказуемое повторяет некоторые признаки группы, выступающей в роли подлежащего. Согласовательные признаки глагола — лицо, число, род.

Число — переменный признак и существительных, и глаголов. В большинстве случаев формы глагола отражают его тривиально — за вычетом случаев внутрипарадигматической омонимии, ср. *phenḑàn* 2.ед. ʻты сказал(а)ʼ и 2.мн. ʻвы сказалиʼ; *sy* (связка) 3.ед. и 3.мн. и нек. др. случаи.

Род — постоянный признак существительных; это «именной» признак, а у глаголов он актуален только в формах перфекта 3.ед. и только у неактивных глаголов, ср. *sytilò* 3.ед.м. ʻ[он] научилсяʼ, *sytilì* 3.ед.ж. ʻ[она] научиласьʼ (подробно см. ниже). В остальных формах в парадигме глагола род никак не проявляется.

Лицо, согласно нашему описанию, — переменный признак глагола, типичный «глагольный» признак, а у существительных он выделяется только для личных местоимений (*mè* ‘я’ и т. д.). У остальных существительных (и вообще любых групп в роли подлежащего) лица нет (однако см. пример (35) в этом разделе).

В связи со сказанным приходится говорить о согласовании **по умолчанию**. Это значит, что если «нет» лица или рода, то они автоматически приписываются, причём для лица выбирается 3-е, а для рода выбирается особое значение: **никакой** род. Итак, когда мы говорим, что по какому-то признаку «согласования нет», это значит, что согласование всё-таки, можно сказать, происходит, но по умолчанию. Сначала рассмотрим именно эти случаи:

(i) без согласования (= согласование по умолчанию)

Полное согласование по умолчанию приводит к постановке сказуемого в форму 3.ед.нк. (3-го лица единственного числа никакого рода). Оно происходит с подлежащими следующих типов:

(а) нуль — безличные предложения

В безличных предложениях нет подлежащего, что однозначно определяет форму сказуемого, ср.:

(1) а. *Tunerićìl.* (инфект)
‘Темнеет.’
б. *Tunerićisàjl’a.* (перфект) ***tunerićisàjlo*
‘Стемнело.’

Здесь неактивный глагол в перфекте получает окончание *-’a* 3.ед.нк. В прочих формах род не виден:

(2) *Nakhə̀l anda lès-te.*
‘У него понос.’ (букв. ‘проходит из него’)

(б) вопросительные, отрицательные, неопределённые местоимения

Так же согласуются местоимения:

вопросительные:	*kòn* ‘кто’, *sò* ‘что’
отрицательные:	*khònik* ‘никто’, *khànći* ‘ничто’
неопределённые:	*vàrə-so(-gòdi)* ‘что-нибудь’, *(vàrə-)sò-to* ‘что-то’
	vàrə-kon(-gòdi) ‘кто-нибудь’, *(vàrə-)kòn-to* ‘кто-то’

Никакой род виден только в перфекте неактивных глаголов:

(3) *Sò bašl’à oćè*?
‘Что там грохнуло?’
(4) *Kòn avil’à*?
‘Кто пришёл?’
(5) *Khònik ćì-mul’à.*
‘Никто не умер.’
(6) *Tù ašund’àn pa là-te, kə kòn-gòdi ćì-gəl’à oćè, sàvořə aśèn bi šərà̀s-ko.*
‘Ты слышал о ней, что кто бы ни пошёл туда, все остаются без головы.’

Однако при *kòn* ‘кто’ род (т. е. пол) может быть факультативно обозначен, если он известен (например, из значения самого глагола):

(7) *Kòn ansurisàjlo*? ~ *ansurisàjľa*
ʻКто женился?ʼ (это всегда мужчина)
(8) *Kòn məritisàjli*? ~ *məritisàjľa*
ʻКто вышел замуж?ʼ (букв. ʻвышлаʼ; это всегда женщина)

Вне перфекта род не виден:

(9) *Kòn źàl-tar*?
ʻКто уходит?ʼ
(10) *Tù san kòn trubùl-ma.*
ʻТы — [тот] кто мне нужен.ʼ

(в) зависимые обороты и предложения

Когда подлежащее — не существительная группа:

(11) *Arəsľà-ma kə dikhlèm-tu.*
ʻМне хватило [того], что я тебя увидел.ʼ
(12) *Le kətàni trubùlas te-źàn-tar.*
ʻНадо было, чтобы милиция ушла.ʼ

(г) существительная группа: количества

Выделяются особые случаи, когда подлежащее обозначает счётные и несчётные множества — с числительными или без — при нескольких глаголах.

Таковы глаголы, которые можно отнести к «сфере обладания»: *sỳ* ʻбытьʼ, *aśèl* ʻостатьсяʼ, *trubùl* ʻнадоʼ, *arəsàl* ʻбыть достаточным, хвататьʼ, а также в другом значении: ʻприбытьʼ (например, о жидкости). Они часто (но факультативно) не согласуются с количественными подлежащими (для глагола *sỳ* это, в силу морфологии, проявляется только при основе *av-*). Со счётными предметами число может колебаться (но обычно единственное):

(13) *Kamàv te-avèl-ma lovè.* ~ *avèn*
ʻХочу, чтобы у меня были деньги.ʼ
(14) *Trubùl-ame dèš mìji.* ~ *trubùn*
ʻНам нужно десять тысяч.ʼ
(15) *Arəsľà-tu řojà.* ~ *arəslè*
ʻТебе хватило ложек.ʼ

Это можно было бы назвать «частичным подлежащим». Ещё примеры со счётными:

(16) *Ćì-trubùl-man tr̀ànda. Mèk-arəsàl-ma deš-u-pànź bàrš, dòsta màn-gə.*
ʻНе надо мне тридцать [лет]. Пусть хватит мне пятнадцати лет, довольно мне.ʼ
(17) *Kamès te-lès xarkunè, lè xarkunè. Kamès rupunè lovè, lè rupunè, savèn-dar trubùl-tu.*
ʻ[Если] хочешь взять медные, бери медные. [Если] хочешь серебряные деньги, бери серебряные — каких тебе надо.ʼ

Могут не согласовываться и несчётные предметы, когда речь идёт именно об их количестве. Так, в следующем примере глагол *arəsàl* в значении ʻдобраться, достать, прибытьʼ то согласуется (тогда это ʻ[вода] достала'), то нет (тогда это ʻприбыло [воды]'):

(18) *Phurďà k-dàta, arəsľà le raklès-kə źì ka-l ćangà, o pàj. Màj-phurďà jek-dàta, arəslò lès-kə źì ka maškàr, phurďà ə trìto dàta, arəsľà le raklès-kə pàj źì ka-l ùšt.*
ʻДунула раз — прибыло парню до колен, вода. Ещё дунула раз — дошла до пояса, дунула третий раз — прибыло парню воды до губ.ʼ

Пример несогласования с глаголом *aśèl* ‘остаться’:

(19) ✍ *Lè, tù śè, o savòko, lè-ta ə moturùca, źà šylàv-ta and-o khər! Šàj aśiľàsas ařò and-o kolcùco le khərəs-ko.* [СЦЯ]
‘Возьми ты, милая, совок, возьми-ка метёлку, иди подмети-ка в доме. Может, осталась мука в уголке дома.’ (как бы ‘осталось муки’)

Глагол *perəl* ‘перепадать’ (о деньгах, доле) никогда не согласуется (в т. ч. если подлежащее — не сумма):

(20) а. *Peľà-ame bùt lovè.*
‘Нам перепало много денег.’
б. *Te phralès peľà pàrťa.*
‘Твоему брату досталась доля.’

То же — с *źàl* ‘уйти’ (о деньгах):

(21) *Gəľà lèn-gə trìn mìji p-o rimònto.*
‘У них ушло три тысячи на ремонт.’

Таков и глагол *nakhəl* ‘пройти’ (о времени):

(22) ◀ *Nakhľà jeftà dèh, oxtò dèh, aj mulò.*
‘Прошло семь дней, восемь дней, и он умер.’
(23) 👂 *Kaj-źàl o raklò, nakhàl bàrš, dùj nakhàl.*
‘Ну и идёт парень, проходит год, два проходит.’

Не совсем ясно, можно ли во всех этих случаях говорить о подлежащем. Может быть, вернее считать, что, например, глагол *nakhəl* ‘проходить (о времени)’ — безличный, а существительная группа при нём — частичное дополнение (см. 4.3.3.3), однако проще думать, что дело именно в количественной природе подлежащего.

Совсем отличны случаи вроде *kàrdiľa dròm* ‘явилась дорога’ (по чьему-то велению), в которых мы усматриваем расширение (см. 4.5.8.1.1).

(ii) с согласованием (лицо, род, число)

Во всех прочих случаях имеет место согласование, насколько это возможно морфологически. Так, глаголы во всех формах согласуются с подлежащим по лицу и числу:

(24) *Muřỳ matòra kərəl butì mištò.*
‘Моя машина работает хорошо.’
(25) *Sò avèl vòj tù-kə?*
‘Кем она тебе приходится?’
(26) *Amè sàmas koćè aratì.*
‘Мы были там вчера.’
(27) 👂 *Əl raklè kàrdilę ampəràcy.*
‘Парни сделались царями.’

У неактивных в 3.ед. перфекта появляется ещё и род:

(28) *O raklò fùgo sytilò ə řomajì śìb.*
‘Парень быстро научился цыганскому языку.’
(29) *Xasàjlį tumarì mỳca.*
‘Потерялась ваша кошка.’
(30) 👂 *Aj arəslį ə raklì, tyřysàjlį, tyřysàjlį, laźàv là-kə, nandì la.*
‘И добралась девушка, поползала, поползала, стыдно ей, голая она.’

В песенном регистре это согласование часто отсутствует, причём глагол имеет активное окончание (см. 5.1.2.3).

Во множественном числе род морфологически не различается, и поэтому невозможно определить род существительных, не имеющих единственного числа (т. е. pluralia tantum, см. 3.4.1.2.1):

(31) *Tirə təjecə̀j tirilè.*
ʻТвои макароны сварились.ʼ

В случаях, когда грамматический род одушевлённого существительного не совпадает с полом, согласование в нормальном случае происходит именно по роду:

(32) *Avilì amarì kətàna.*
ʻПришёл наш милиционер.ʼ

(33) *Myřỳ glàta našlì-tar.*
ʻМой ребёнок убежал.ʼ

Лишь изредка — возможно, в порядке оговорки — между подлежащим и сказуемым происходит согласование по смыслу (т. е. не по роду, а по полу; в этом примере так же согласовано и расширение):

(34) *Aj aśilò ə glatùca ək-źenò.* (вм. *aśilì... ək-źejì*)
ʻИ остался ребёночек один.ʼ

Согласуются с подлежащим по роду и числу и подлежащные клитики (но мы рассматриваем их как повтор подлежащего, а не согласование, см. 4.9.2.1.1).

Особый случай имеем в примере:

(35) *Kana xàh-ame le řòm: Tù sò, inkə̀rďoh húľo?*
ʻКогда мы, цыгане, ссоримся: «Ты что, считаешь себя орлом?»ʼ

Может быть, здесь в порядке оговорки пропущено истинное подлежащее *amè* ʻмыʼ (эффект гаплологии?), а *le řòm* на самом деле — приложение (см. 4.2.1.8).

4.4.1.1.1. Согласование сочинённого подлежащего

Подлежащее, состоящее из сочинённых существительных групп, может факультативно согласовываться со сказуемым во множественном числе, особенно если сказуемое стоит правее:

(1) *O phurò aj ə phurì beššənas koćè.*
ʻСтарик и старуха жили там.ʼ

(2) *Kə̀j beššən ťo dàd aj ti dèj?*
ʻГде живут твой отец и твоя мать?ʼ

Чаще сказуемое согласуется по числу, а также по роду (только в согласуемых формах перфекта) с ближайшей группой, ср. в единственном числе:

(3) *Av tala-j sàlka do-j barì || mulò řòm thaj-vi řomnì.*
ʻАй под деревом да большим умерли муж да жена.ʼ (букв. ʻумерʼ)

(4) *Sàs trìn phràl aj jek phèj, aj mulò lèn-go dàd aj lèn-di dèj.*
ʻБыли три брата и сестра, и умерли их отец и их мать.ʼ (букв. ʻумерʼ)

(5) *Apo dàd aj ə dejořỳ muľàs-y.*
ʻВедь отец и мать умерли.ʼ (букв. ʻумер(ла)ʼ)

(6) *Aj rigà-te beššə̀l ə godì aj ə bàx.*
ʻА в стороне стоят ум и счастье.ʼ (букв. ʻстоúтʼ)

(7) 👂 *Per<u>ə̀l</u> o raklò aj ə raklì pa gràst te-sovèn p-o pàto.*
‘Падают парень и девушка с коня, чтоб спать на кровати.’ (‘падает... да спят’)

То же самое в сказочном зачине: сказуемое стоит всегда в единственном числе (впрочем, тут дело, возможно, не в сочинении):

(8) 👂 *Sàh-pe ť-<u>avèl</u>-pe khə gaźò aj khə gaźì.* ***avèn-pe*
‘Жили-были мужик и баба.’

Если в подлежащем сочиняются разные лица, то согласование в той или иной мере затруднительно, но, возможно, предпочтение отдаётся множественному числу. При этом лицо колеблется, а глагол, кажется, может быть поставлен в 3.мн., несмотря на несоответствие с каким-либо из лиц подлежащего:

(9) *Ćì tù ćì vò ćì-<u>kərďàn</u> khànći.* ~ *ćì-kərdè*
‘Ни ты, ни он ничего не сделали.’ букв. ‘они не сделали’
(10) *Ćì amè ćì tumè ćì-<u>kərďàm</u> khànći.* ~ *ćì-kərdè* (!)
‘Ни мы, ни вы ничего не сделали.’ букв. ‘они не сделали’

4.4.1.2. Согласование расширение → сказуемое

Только в одном типе предложения ‘это’ + *sy* + [личное местоимение] глагол-связка согласуется по лицу с расширением-местоимением:

(1) *Kadò <u>sym</u> mè.* ***sy*
‘Это я.’
(2) *Kòn sy kadò? Tù <u>san</u>?* ***sy*
‘Кто это? Это ты?’

В таких предложениях личные местоимения по смыслу являются расширениями, но в таком согласовании проявляется их пограничная природа — они, кажется, воспринимаются и как подлежащие. Совсем другой случай:

(3) ♪ *Aj <u>sàm</u> d-o Zùrka thaj ə Lìza.*
‘Мы, ой, — Зурка да Лиза.’

Здесь пропущенное местоимение *amè* ‘мы’ можно считать подлежащим, поэтому нет смысла говорить о влиянии расширения (в данном случае это сочинённая группа) на форму связки.

4.4.1.3. Согласование подлежащее → расширение

В целом отношения между подлежащим и расширением напрямую вытекают из отношений внутри существительной группы (т. е. между его ядром и определениями, 4.2.1.5). Согласуемое расширение всегда стоит в именительном падеже. Само подлежащее, если это существительная группа, стоит (по определению) в именительном падеже, поэтому можно было бы сказать, что имеет место согласование по падежу (но оно тривиально). Когда же подлежащее — не существительная группа, то именительный падеж — результат согласования по умолчанию. Тем самым можно сказать, что согласования по падежу нет. Сначала рассмотрим случаи согласования по умолчанию:

(i) без согласования (= согласование по умолчанию)

Согласование по умолчанию приводит к постановке прилагательной группы в роли расширения в форму м.ед. (мужского рода, а не никакого, как у глаголов, см. 4.4.1.1). Не-

которым группам, а также отсутствующему подлежащему в безличных предложениях мы приписываем никакой род, но в прилагательных он проявляется как мужской (или же можно сказать, что форма никакого рода совпадает с мужским). Это происходит с подлежащими следующих типов:

(а) нуль — безличные предложения

В безличных предложениях нет подлежащего:

(1) *Avrì sas tatò dətàt.*
ʻНа улице было очень тепло.ʼ
(2) *Ćorǒ màn-gə.*
ʻПлохо мне.ʼ

(б) вопросительные, отрицательные, неопределённые местоимения

Список местоимений тот же, что при согласовании с глаголом (см. 4.4.1.1):

(3) *Kòn sy nasvalò?*
ʻКто болен?ʼ
(4) *Khònik nàj ćajlò.*
ʻНикто не сыт.ʼ

(в) зависимые обороты и предложения

Когда подлежащее — не существительная группа:

(5) *Pharò sy te-syťòs amarì śìb.*
ʻТрудно выучить наш язык.ʼ

(ii) с согласованием (род, число)

Расширение, выраженное прилагательным, в т. ч. местоимением-прилагательным (например, *kasavò* ʻтакойʼ) или личным числительным типа *jèkh-źenò*, *dùj-źenè* и т. д., согласуется с подлежащим по роду и числу:

(6) *Kadò khər nàj barò.*
ʻЭтот дом небольшой.ʼ
(7) *Tù san tərnò.*
ʻТы молод.ʼ
(8) *Myřỳ bàba bešlì phandadì.*
ʻМоя бабушка сидела в тюрьме.ʼ (букв. ʻсидела закрытаяʼ)
(9) *Atùnći kodolà ćòr kərdile barvalè.*
ʻТогда эти воры стали богатыми.ʼ
(10) *Amè aśiľàm dùj-źenè.*
ʻМы остались одни.ʼ (букв. ʻвдвоёмʼ)

Так же согласуются качественные определения типа *kasavès-tar* ʻтакойʼ (в форме отложительного падежа):

(11) *Myřỳ phèj sy kasavʼà-tar.*
ʻМоя сестра такая.ʼ

Особо отметим случаи эллипсиса подлежащего; род и число подлежащего видны в т. ч. по согласованию с ним (хотя оно опущено):

(12) *Barvalì la*.
ʻОна богатая.ʼ

Подлежащее, состоящее из сочинённых существительных групп, обычно даёт множественное число:

(13) *Aj kodò gaźò aj gaźì ćořořə̀ sas.*
ʻИ этот мужик и баба бедненькие были.ʼ

Во множественном числе обычно нет согласования по роду. Однако расширения-прилагательные часто различают род (иначе в существительной группе, см. 4.2.1.5д), ср.:

(14) *Sà amarə̀ řomn̓à melaxn̓à le.* *~ melaxnè*
ʻВсе наши цыганки смуглые.ʼ

(15) *Aj sà nàj-le jakhà khanikàs, sà kořà le.*
ʻИ у всех нет глаз ни у кого, все слепые они.ʼ (дочери)

В примере (15) род виден только по расширению (не по подлежащему). В качестве приветствия или благопожелания можно сказать *ť-avèn baxtaľà!* (наряду с обычным *ť-avèn baxtalè!*) букв. ʻбудьте счастливыʼ, обращаясь к группе женщин.

Особый случай согласования наблюдаем с оборотом *nangò bərkàno* ʻсовершенно голыйʼ, ж. *nandì* (~ *nangì*) *bərkànka*, мн. *nangə̀ bərkàja*.

Согласование притяжательных местоимений и групп:

(16) *O khə̀r muřò lo.*
ʻДом — мой.ʼ

(17) *Ə papùka myřà dà-kì la.*
ʻБашмак — моей матери.ʼ

Притяжательные местоимения и группы в именительном падеже не имеют особых форм независимого состояния (***dà-kəro*, *-kəri*, *-kərə*, *-kərə̀a*). Это значит, что во множественном числе нет способа выразить упомянутое факультативное различие по роду:

(18) *Kadalà glàti sà amarə̀ le.* (*glàta* ж.) ***amarə̀à*
ʻЭти дети все наши.ʼ

(19) *Kadalà koćakà sà amarə̀ řomèn-gə̀ le.* (*koćàk* ж.) ***romèn-gərə̀a*
ʻЭти пуговицы — все наших цыган.ʼ

Следует обратить внимание на отсутствие согласования между подлежащим и расширением-существительным:

(20) *Vò sy amarò primàri*.
ʻОн — наш вожак.ʼ

(21) *Vò sy amarì kətàna*. (*kətàna* ж.)
ʻОн — наш милиционер.ʼ

(22) *Ə Nàďa amarò prizidènto la.* (*prizidènto* м.)
ʻНадя — наш президент.ʼ

(23) *Amè sam o màj-barò səmèsto*. (*səmèsto* ед.)
ʻМы — самая большая семья.ʼ

4.4.1.4. Согласование дополнение → расширение

Так же, как с подлежащим, расширение согласуется с дополнением (по роду и числу). Отметим, что дополнение может стоять в любом падеже, а расширение к нему — только в именительном:

(1) *Muřò dàd thoďà-ma barò.*
ʻМой отец назначил меня главным.ʼ (мужчину)
(2) *Ə dèj aśaďà la glatà jek-źejořỳ.*
ʻМать оставила ребёнка одного-одинёшенька.ʼ
(3) *Nikəràsas te phralès dətàt xaranò.*
ʻМы считали твоего брата очень умным.ʼ

Согласования нет между дополнением и расширением-существительным:

(4) *Thoďàm kadalè raklès amarì kətàna.*
ʻМы назначили этого парня нашим милиционером.ʼ

4.4.1.5. Согласование расширение → подлежащее

Только в конструкции ʻэтоʼ *sy* ʻ*x*ʼ:

(1) *Kadò sas muřò khər.*
ʻЭто был мой дом.ʼ
(2) *Kaďà sy muřỳ dèj.* ***kadò*
ʻЭто моя мать.ʼ
(3) *Kakalà sy le pərədàjcy kaj tindèm-le.* ***kakò*
ʻЭто помидоры, которые я купил.ʼ

Впрочем, это согласование, видимо, факультативно и может отсутствовать при действии различных факторов, ср. пример, где указатель ссылается на существительное множественного числа, притом что расширение — в единственном:

(4) *Aj kakalà dùj stakàja, kaj anďà tumèn-gə ťo dàd, kadalà sas tumarì màrťa.*
ʻА вот эти два стакана, которые принёс вам твой отец, это была ваша смерть.ʼ

То же с полусвязкой *buśòl* ʻназываться’:

(5) *Źanés sò sy kaďà: fàšyja?*
ʻЗнаешь, что такое «свивальник»?ʼ
(6) *Kaťà buśòl kətrỳncy, kaťà buśòl řòťa.*
ʻВот это называется передник, [а] вот это называется юбка.ʼ

4.4.1.6. Согласование подлежащее → присказуемое

Присказуемые к подлежащему согласуются так же, как расширения к подлежащему:

(1) *Vò avilò khərà ćinò.*
ʻОн пришёл домой усталый.ʼ
(2) *Bùt manùš merən tərnè.*
ʻМногие люди умирают молодыми.ʼ

4.4.1.7. Согласование дополнение → присказуемое

Присказуемые к дополнению согласуются так же, как расширения к дополнению:

(1) *Dikhlèm muřà babà də phurì.*
ʻЯ видел свою бабушку старой.ʼ
(2) *Mardò ćì-dikhľàn-tu?*
ʻТебя давно не били?ʼ (букв. ʻбитым не видел себяʼ)

4.4.1.8. Прочие случаи повтора признаков

Явление, напоминающее согласование, наблюдается в разных случаях анафоры. В пределах одного предложения это бывает в т. ч. при местоименном повторе, при каковом местоимение полностью согласуется с назывным прототипом (см. 4.9.2.1.3.1):

(1) *Vò pàle katkà lo, ka-j bàlta.*
ʻОн опять тут, у болота.ʼ

(2) *Ka muřò dàd sỳ-les matòra.*
ʻУ моего отца есть автомобиль.ʼ

В сложноподчинённых предложениях сказуемое в придаточном относительном как будто согласуется с подлежащим главного:

(3) *Ə̀ta o manùš kaj avilò tù-te.*
ʻВот человек, который пришёл к тебе.ʼ

(4) *Ə̀ta ə kətàna kaj avilì tù-te.*
ʻВот милиционер, который пришёл к тебе.ʼ

В отрыве от контекста в примере (3) можно было бы усмотреть эллипсис подлежащего: *∅ avilò...* ʻ[∅ = он] пришёлʼ, и тогда здесь было бы обычное согласование с опущенным местоимением, например *vò* ʻонʼ. Однако в примере (4) сказуемое придаточного предложения принимает именно женский род подлежащего главного предложения, хотя в независимом предложении мы тут имели бы мужской род в соответствии с полом, т. е. [*vò*] *avilò* ʻон пришёлʼ (см. 4.9.2.1.1). Это согласование, очевидно, объясняется тем, что всё относительное предложение (*kaj avili...*) — определение к *kətàna* ж. (см. также 4.9.2.1.1).

4.4.2. Управление

Управление — это такая связь между двумя элементами (источником и получателем), при которой первый навязывает второму те или иные грамматические признаки. При этом источник сам этих признаков не имеет, а изменение формы источника не вызывает изменения формы получателя (управляемого). В этом состоит отличие управления от согласования (при котором формой лишь дублируются грамматические признаки).

В принципе, управлением можно считать связь такой природы между любыми двумя элементами, однако здесь нам удобно управление усматривать только в ситуации, когда источник — элемент, наделённый сказуемостью (предикативностью). В первую очередь, это глагол, а получатель — один из «членов предложения».

Источником управления может быть сам глагол в узком смысле, а также его сочетания с другими словами.

4.4.2.1. Источник управления — глагол

Глагол-сказуемое управляет членами, входящими в его **модель управления**. Рассмотрим пример:

(1) *Dilabà màn-gə dilì!*
ʻСпой мне песню!ʼ

Глагол *dilabàl* ʻпетьʼ управляет косвенным дополнением *màn-gə* (форма направительного падежа от *mè* ʻяʼ) и прямым дополнением *dilì* (форма винительного падежа = прямая форма) ʻпесняʼ. Выступая в этих ролях, дополнения при данном глаголе не могут стоять ни в каком другом падеже. Это диктуется его моделью управления. Управление, однозначно задающее форму члена предложения, — **сильное управление**.

Модель управления также должна однозначно указывать на наличие подлежащего (в противном случае имеем дело с безличным предложением) и расширения, и тут тоже идёт речь о сильном управлении, ср.:

(2) *Muřò phràl nikəràl kadalè řomès dilò.*
ʻМой брат считает этого цыгана дураком.ʼ

Модель управления глагола *nikəràl* (букв. ʻдержатьʼ) в значении ʻсчитать [кем-л.]ʼ включает подлежащее (здесь *muřò phràl* ʻмой братʼ) и расширение (*dilò* ʻдурак; глупыйʼ). В общем случае существительная группа в роли подлежащего или расширения всегда стоит в именительном падеже, и это само по себе можно считать проявлением управления (сказуемое-глагол → подлежащее; сказуемое-глагол → расширение). На дополнениях управление сказывается более разнообразно; мы выделяем несколько типов дополнений: прямое (см. 4.3.3.1), полупрямое (см. 4.3.3.2), косвенное (см. 4.3.3.4), частичное (см. 4.3.3.3), предложное (см. 4.3.3.5); кроме того, дополнениями могут быть именные подчинённые фразы (см. 4.12.2), в т. ч. косвенные вопросы (см. 4.12.2.4).

Обстоятельства также могут вступать в более или менее тесную связь с глаголом и входить в его модель управления, ср. пример с обязательным обстоятельством места:

(3) *Bešàv ande Řusỳja.*
ʻЯ живу в России.ʼ

Глагол *bešàl* (букв. ʻсидеть, стоятьʼ) в значении ʻжитьʼ требует обстоятельства места, однако не задаёт его формы, здесь может быть, например, *tela pòdo* ʻпод мостомʼ, *ka Jòno* ʻу Ёноʼ и т. д. Это **слабое управление**. В большинстве случаев вопрос о вхождении обстоятельств в модель управления трудно решить однозначно (см. 4.5.3.3).

Итак, в простейшем случае сам факт наличия или отсутствия какого-либо члена в предложении (а также его обязательности) зависит от синтаксических свойств глагола.

Частный случай глагола — двухчастный глагол, т. е. «глагольная часть» (ограниченный список наичастотнейших глаголов), более-менее лишённая семантики, плюс «именная часть», не являющаяся членом предложения (см. 4.2.6.1.1), ср.:

(4) *Dèm xỳnz myřə̀ kalcỳ.*
ʻЯ подтянул штаны.ʼ

Двухчастный глагол *dèl xỳnz* ʻподтянуть, поправитьʼ принимает прямое дополнение (обязательно какие-нибудь ʻштаныʼ), причём «именная часть» *xỳnz* сама по себе не имеет смысла (это необязательно так).

⌛ В своё время *xỳnz*, что бы это ни значило, разумеется, было дополнением, как и ʻштаныʼ, но его «инкорпорация» — сначала, видимо, в глагольную группу, а потом и в сам глагол (и так возникли двухчастные глаголы, столь типичные для цыганского языка) — лишила его самостоятельного синтаксического статуса, в результате чего оно утратило автономное значение вне этого сочетания.

Всё сказанное здесь относится не только к самостоятельным предложениям, но и к любым зависимым отрезкам со сказуемым — фразам, т. е. придаточным предложениям и зависимым оборотам (в последних нельзя явно выразить подлежащее).

4.4.2.2. Источник управления — конструкция

В простейшем случае модель управления присуща только глаголу: например, в модели управления глагола-связки тривиально фигурирует расширение. Однако оно может быть представлено той или иной синтаксической группой со своим ядром разных типов. Если эту модель управления «частично заполнить», например, каким-нибудь существительным или прилагательным в той или иной форме, то окажется, что «откроются» новые валент-

ности. Тогда модель управления можно будет отнести не к глаголу, а к глаголу и какому-то ещё элементу вкупе с ним. Здесь уместно говорить о **конструкциях —** частных случаях предложений.

Очевидный пример конструкции — сравнительные предложения (см. 4.12.8.1). Если в роли расширения при связке — обычное прилагательное в положительной степени, чаще всего никаких очевидных зависимых от него членов не будет. Стоит нам поставить его в сравнительную степень, как возникнет дополнение в отложительном падеже (обязательное, но допускающее эллипсис):

(1) а. *Mè sym dilò.*
ʻЯ глупый.ʼ
б. *Mè sym màj-dilò (kata muřò dàd).*
ʻЯ глупей (своего отца).ʼ

Значит, сравнительная конструкция — это частный случай модели управления глагола-связки *sy*, где расширение — любое прилагательное в сравнительной степени.

Сочетания разных слов со связкой (их можно считать «частично заполненными» моделями управления связки) мы назвали «особыми конструкциями» (см. 4.6; туда мы включили ещё несколько глаголов со сложными моделями управлениями, неочевидным образом распадающимися на «подмодели» в зависимости от выбора формы одного из членов, порядка и т. п., а также несколько выпадающие из этой темы «пустые глаголы»). Как бы то ни было, очевидно, что можно выделить более или менее свободные сочетания, в т. ч. связки и чего-то ещё, для которых надо давать свою модель управления, ср.:

(2) *Sỳ màn-gə te-syťuvàv.*
ʻЯ обязан учиться.ʼ

Здесь зависимый оборот (*te-syťuvàv* ʻчтоб я училсяʼ) явно входит в модель управления «конструкции необходимости» (см. 4.6.1.4), которую можно считать именно конструкцией, заслуживающей отдельного рассмотрения.

4.4.2.3. Источник управления — имя

Навязывание признаков зависимым элементам может иметь место и при отсутствии явного глагола. Этот факт нас вынуждает говорить о «полуфразе» (см. 4.2.3.2), т. е. о некоем «полупредикативном» отрезке, который, хоть и не является полноценным придаточным предложением, тем не менее явно сродни ему. Ядром полуфразы может быть прилагательное (в т. ч. причастие) или наречие:

(а) прилагательные

Причастие как именная форма глагола частично сохраняет способность к управлению:

(1) а. *Tindèm stadì kata gaźò.*
ʻЯ купил шляпу у русского.ʼ
⇒ б. *Sỳ-ma stadì tindì kata gaźò.*
ʻУ меня есть шляпа, купленная у русского.ʼ

В примере (1)б сказуемость явно присутствует в причастии *tindì* ʻкупленнаяʼ, сохраняющем за собой косвенное дополнение (в отложительном падеже) глагола *tinèl* ʻкупитьʼ.

Есть и немало прилагательных, которые можно считать эквивалентными причастиям некоторых глаголов, например *phèrdo* ʻполныйʼ (в функции причастия глагола *pherèl* ʻнаполнятьʼ), *ćajlò* ʻсытыйʼ (ср. *ćajľòl* ʻнасытитьсяʼ, *ćajľarèl* ʻнасытитьʼ), ср. в атрибутивном употреблении (проще всего в роли присказуемых):

(2) *Aviľàn phèrdo mèl.*
ʻТы вернулся полный грязи.ʼ
(3) *Ćì-dikhlèm te grastès ćajlò ćàr.*
ʻЯ не видел твоего коня сытым травой.ʼ

В таких случаях нам легче всего считать, что такие прилагательные — сродни причастиям от существующих или воображаемых глаголов. Такими воображаемыми глаголами могут быть «глаголы состояния», очень скудно представленные однословными глагольными лексемами. Например, есть глагол *pašľòl* ʻлежатьʼ, но нет глаголов ʻбыть полнымʼ, ʻбыть сытымʼ. Поэтому «частично заполненными» моделями управления можно считать сочетания связки и некоторых прилагательных. Некоторые такие сочетания дают модели управления с фразовыми членами:

(4) *Aviľàn baxtalò kə ambolďà ťo śàv.*
ʻТы пришёл счастливый, что вернулся твой сын.ʼ

Здесь имеет смысл видеть управление «глагола состояния» — а на самом деле конструкции — *sy baxtalò* изъяснительным придаточным предложением на *kə* ʻчтоʼ. Как и в предыдущих примерах, «полупредикативное» употребление как бы скрывает глагол (здесь *sy*), но остаётся «полуфраза» со своим дополнением.

(б) наречия

То же относится к наречиям; в наречных группах-полуфразах так же проявляется полупредикативность (см. 4.2.5.2), ср. *sỳsta màn-ca* ʻрядом со мнойʼ.

(в) существительное

В нашей схеме существительное не способно к управлению; понятие «полуфразы» для существительного мы не применяем. Вопрос о том, могут ли от существительного зависеть члены, мы затрагиваем в рамках описания номинализаций (см. 4.2.1.16).

4.4.2.4. Источник управления — предлог

Существительную группу, зависящую от предлога (см. 4.2.2.1), можно условно назвать дополнением постольку, поскольку выбор падежа этой группы не вполне тривиален: можно считать, что это отношение — пример управления (даём основные случаи):

предложным падежом:	*and-o khə̀r*	ʻв домеʼ	⇒	*ande lès-te*	ʻв нёмʼ
лишительным падежом:	*bi le khərə̀s-ko*	ʻбез домаʼ	⇒	*bi lès-ko*	ʻбез негоʼ
местным падежом:	*źi ka khə̀r*	ʻдо домаʼ	⇒	*źi lès-te*	ʻдо негоʼ

Если увязывать управление со сказуемостью, то имеет смысл в любой предложной группе попытаться усмотреть некое «микропредложение», т. е. полуфразу (см. 4.2.3.2), ср. очень условный пример:

(1) а. *Mè bešàv. Mè sym and-o khə̀r.*
ʻЯ сижу. Я — в доме.ʼ
⇒ б. *Mè bešàv and-o khə̀r.*
ʻЯ живу в доме.ʼ

Такая манипуляция возможна в разной степени в большинстве случаев, когда предлоги имеют пространственное или временно́е значение, но труднее при наличии только абстрактных значений, ср. распределительный предлог *po* ʻпоʼ, одно из значений предлога *pa* ʻоʼ и др.; но и для части из них можно делать подобные построения.

4.5. Простое предложение и модели управления

Здесь даётся обзор разнообразных комбинаций структурных элементов, из которых могут состоять предложения. За точку отсчёта принимается сказуемое (обычно выраженное глаголом), чьими свойствами диктуется в общем случае наличие или отсутствие остальных членов. В результате мы должны прийти к относительно исчерпывающему способу описания предложения с точки зрения его структуры.

🗋 Общие положения изложены здесь в сильно упрощённом виде более или менее согласно [Тестелец 2001: 156–227], где также даётся много ссылок на разнообразные теоретические работы. Мы не можем здесь углубляться в теоретические вопросы (в т. ч. и ввиду ограниченности нашего материала для проверки гипотез и обобщений). Многие понятия и противопоставления, которыми оперирует Тестелец (и другие синтаксисты), мы здесь совсем не упоминаем (например, «адъект»), а другие называем по-своему («актант», «сирконстант» — у нас это «заданные» и «незаданные» члены) во избежание лишних ассоциаций и путаницы.

Каждое простое предложение является описанием той или иной наблюдаемой или воображаемой внеязыковой **ситуации**. Всё непрерывное множество ситуаций, о которых можно говорить на языке, подвергается этим языком разбивке на более или менее дискретные единицы, каждая из которых должна как-то «называться». В обычном случае в качестве такого названия выступает глагол.

Так, можно сказать, что ситуация ‘сумерки’ «называется» глаголом *tunerićìl* ‘темнеть’, причём сама эта ситуация не предполагает участия в ней какого-либо «субъекта». Синтаксически это в данном случае значит, что у этого глагола не может быть подлежащего, а если подлежащее есть, то это «совсем другая» ситуация:

(1) а. *Tunerićìl.*
‘Вечереет.’
б. *Là-ko mùj tunerićìl.*
‘Её лицо темнеет.’ ** ‘...вечереет’

Предложения без подлежащего — **безличные**. Все прочие предложения — **личные**; в них подлежащее обязательно (хотя иногда оно не выражено). Однако большинство глаголов, употребляющихся безлично, ср. (1)а, могут употребляться и лично, ср. (1)б. Поэтому безличность и личность — не просто синтаксические свойства глаголов как таковых, а относятся ко всей ситуации (на которую само глагольное слово как бы лишь намекает). Но для краткости мы будем говорить о «личных и безличных глаголах». Такая терминология подразумевает, что само понятие глагола включает в себя представление обо всей ситуации. Тогда можно говорить, что глагол, например, «требует подлежащего».

В обозначаемых личными или безличными глаголами ситуациях, кроме субъекта, могут быть задействованы и другие участники. Все они входят в **толкование** ситуации; например, ситуацию ‘купли-продажи’ можно истолковать так: «обмен товара на его условный эквивалент между двумя лицами». В таких случаях наличия нескольких участников — **параметров** ситуации, — кроме самой ситуации, важен **ракурс**, т. е. взаимная конфигурация параметров, ср.:

(2) а. *O řòm tinďà ə matòra kata gaźò pala barə̀ lovè.*
‘Цыган купил машину у мужика за большие деньги.’
б. *O řòm potinďà barə̀ lovè le gaźès-kə pala-j matòra .*
‘Цыган заплатил мужику большие деньги за машину.’
в. *O gaźò bitinďà ə matòra le řomès-kə pala barə̀ lovè.*
‘Мужик продал машину цыгану за большие деньги.’

Здесь по-разному подаётся «одна и та же» ситуация (‘купля-продажа’). Во всех трёх предложениях выступают одни и те же параметры (‘покупатель’, ‘товар’, ‘продавец’, ‘пла-

та’), однако в каждом из примеров они выражаются разными формами — разными членами предложения. При этом в данном случае меняется и глагольное слово. «Важность» параметров ситуации так или иначе соотносится с типом члена:

		◁◁ важнее			
глагол		подлежащее	прям. доп.	косв. доп.	предлож. доп.
tinèl	ʻкупить’	ʻпокупатель’	ʻтовар’	ʻпродавец’	ʻплата’
potinèl	ʻплатить’	ʻпокупатель’	ʻплата’	ʻпродавец’	ʻтовар’
bitinèl	ʻпродать’	ʻпродавец’	ʻтовар’	ʻпокупатель’	ʻплата’

Наличие нескольких глаголов для описания одной ситуации с разных ракурсов позволяет подать одни параметры как важные, а другие — как менее важные. При этом, однако, менее важные нередко неважны именно потому, что они очевидны, их наличие подразумевается и необязательно должно быть явным. Так, самою глагольной лексемой *potinèl* ʻплатить’ мы можем однозначно дать понять, что в ситуации фигурирует какой-то товар (или услуга), но называть его необязательно. Это соответствует оформлению его в виде предложной группы (впрочем, есть и другая модель управления, ср. *potindèm (kùći) o khə̀r* ʻя оплатил (дорого) дом’).

Часто и для обозначения самой ситуации (а не только ракурса) мало упоминания глагольной лексемы. Так, глагол *kamèl*, переводимый как ʻхотеть’ и как ʻбыть в долгу’, может описывать разные ситуации, которые можно грубо определить соответственно как «кто-то стремится получить что-то» и «кто-то должен какую-то сумму денег кому-то»:

(3) а. *Mè kamàv bùt lovè.*
ʻЯ хочу много денег.’
б. *Mè kamàv tù-kə bùt lovè.*
ʻЯ должен тебе много денег.’

Сами эти разные *kamèl* можно считать «омонимами», но, строго говоря, это необязательно, т. к. их употребления не пересекаются (благодаря обязательности косвенного дополнения во втором случае), так что эти две разные ситуации в языке не путаются.

Итак, глагол в расширительном смысле — это не просто слово, а ещё и информация о внеязыковом контексте: о ситуации и ракурсе. Синтаксически это проявляется в том, что все или часть параметров выражаются в виде членов, зависимых от глагольной словоформы. Одна глагольная лексема может применяться в одном контексте или в нескольких.

⌛ Распределение глагольных лексем по контекстам частично регламентируется разными внутриязыковыми грамматическими правилами, унаследованными из прошлого. Так, в славянских языках имеются явственные остатки древней системы согласования глагола с некоторыми параметрами, чьё обязательное присутствие в ситуации оформляется морфологически, приводя к созданию как бы новой ситуации: ср. *мыть* [*что*], но *отмыть* [*что*, *от чего*], причём наличие приставки здесь делает возможным невыражение соответствующего параметра (например, *от грязи*), так что *отмыть* — само по себе значит, что есть ʻот чего’ (отметим невозможность ***мыть от грязи*). В кэлдэрарском подобного согласования нет (в данном случае *xalavèl* ʻмыть’ покрывает обе ситуации), но ср. в порядке исключения глагол *tinèl* ʻкупить’ и, видимо, производные от него *potinèl* ʻплатить’, *bitinèl* ʻпродать’, образованые как раз какими-то приставками (*bi-*, *po-*), — специальные глаголы для подачи ситуации с разных ракурсов.

То, ка́к именно параметры ситуации в данном ракурсе оформляются при той или иной глагольной лексеме — т. е. в виде каких зависимых членов, — называется **моделью управления**. Глагол (в некоторых случаях — предикативная частица) всегда является сказуемым простого предложения (в т. ч. в составе сложного), поэтому модель управления можно воспринимать как шаблон предложения, определяющий его структуру. В модель управления глагола должна входить вся информация о таких членах предложения, кото-

рые так или иначе отражают параметры соответствующей ситуации, — такие члены мы назвали **заданными**.

Всегда заданные члены (помимо сказуемого) — это подлежащее, любые дополнения и расширение. Заданными или (чаще) **незаданными** могут быть обстоятельства. Всегда незаданные — присказуемые и лжедополнения.

4.5.1. Члены предложения как осмысление параметров ситуации

Члены предложения образуют шкалу по степени прозрачности (рельефности) выражения своей функции. Так, минимальными морфологическими средствами — прямой и косвенной формой (т. е. тремя первичными падежами: именительным, винительным, дательным) — отмечены подлежащее, прямое, полупрямое, частичное дополнение, расширение, присказуемое; более рельефны по форме — с энклитиками или лжепредлогами (т. е. во вторичных падежах) — косвенные дополнения и лжедополнения; ещё рельефнее — предложные дополнения (выраженные предложными группами, так что на их значение в той или иной степени намекают значения самих предлогов). Всеми этими средствами, а также наречными группами оформляются и обстоятельства:

	◁——— обстоятельство ———▷			
члены предложения:	присказуемое расширение частичное дополнение полупрямое дополнение прямое дополнение подлежащее	лжедополнение косвенное дополнение	предложное дополнение	
форма:	первичные падежи	вторичные падежи	предложная группа	наречная группа

Тремя непрозрачными членами — подлежащим, прямым и полупрямым дополнением — выражаются самые непосредственные участники ситуации (здесь мы для простоты пренебрегаем расширением). Они входят в модель управления согласно «внутренней логике» ситуации и встроены в неё жёстко. При этом их формы не имеют никакого собственного значения. Таким образом, можно видеть некую базовую конфигурацию предложения в наборе: «[подл.] — сказ. — [прям. доп.] — [полупрям. доп.]».

Большинство прочих параметров ситуации выражаются в какой-то степени прозрачно. Язык позволяет вписать их в ситуацию с помощью имеющегося конечного набора продуктивных средств. Самые прозрачные, точные и однозначные средства — чисто лексические, т. е. передающие минимум абстрактного и максимум конкретного. Так, наречная группа с ядром *and-ək-thàn* ‘вместе’ даёт обстоятельство, прозрачно выражающее идею совместности, ср. *and-ək-thàn le řomèn-ca* ‘вместе с цыганами’. Но практически ту же общую идею совместности можно выразить и без наречия — именной группой в творительном падеже, ср. *le řomèn-ca* ‘с цыганами’. В ситуациях, не подразумевающих совместности, опущение наречия не приведёт к мене значения, сохранится общее обстоятельственное значение «по умолчанию», ср.:

(1) *Bešàv pala-j skafedì (and-ək-thàn) le řomèn-ca.*
‘Сижу за столом (вместе) с цыганами.’

Однако опущение наречия *and-ək-thàn* ‘вместе’ в этом случае всё-таки приводит к большей абстрактности, т. к. уже не лексика, а только морфология является носителем значения (здесь: совместности). В ряде же ситуаций это значение обретает некий особый смысл и становится ещё более абстрактным, поскольку отражает значимый индивидуальный аспект ситуации, вытекающий из неё самой:

(2) а. *P’àv <u>le řomèn-ca</u>.* (обстоятельство)
‘Пью [вместе] с цыганами.’
б. *Maràv-ma <u>le řomèn-ca</u>.* (косвенное дополнение)
‘Дерусь с цыганами.’

В таких случаях общее обстоятельственное значение приходится выражать только явно (во избежание толкования как дополнения):

(3) *Maràv-ma <u>and-ək-thàn le řomèn-ca</u>.*
‘Дерусь вместе с цыганами.’

Без *and-ək-thàn* ‘вместе’ в (3) идею совместности выразить не получится. Поэтому можно сказать, что в (2)б обстоятельство *le řomèn-ca* ‘с цыганами’ «узурпировано» ситуацией, которой оно «нужно» в качестве заданного члена (здесь: косвенного дополнения в значении ‘противника’). Подобные случаи с другими членами предложения:

(4) а. *Pytràv <u>tù-kə</u> o vudàr.* (лжедополнение)
‘Открываю тебе дверь.’
б. *Phenàv <u>tù-kə</u> ə vòrba.* (косвенное дополнение)
‘Я говорю тебе слово.’

(5) а. *Avilèm <u>nasvalò</u>.* (присказуемое)
‘Я пришёл больной.’
б. *Pelèm <u>nasvalò</u>.* (расширение)
‘Я слёг.’ (букв. ‘упал больной’)

Можно сделать следующее обобщение: кроме субъекта и «ближайших объектов» (выражаемых подлежащим, прямым и полупрямым дополнениями), все остальные параметры могут выражаться путём переосмысления (от конкретного к абстрактному), вовлечения в модель управления наиболее для этого подходящих «свободных элементов». В этом можно видеть «превращение» одних (незаданных) членов в другие (заданные):

обстоятельство → косвенное дополнение (обст. меры — иногда прямое)
обстоятельство → лжедополнение → косвенное дополнение
присказуемое → расширение

Обстоятельство может войти в модель управления, не став дополнением (см. 4.5.3.3).

⌛ Модели управления с полупрямым дополнением (дательный падеж) — архаичные. Те немногие глаголы, при которых оно сохранилось в кэлдэрарском (и отчасти в других диалектах), — исчезающий след сложной древнеиндийской падежной системы (т. е. с более чем двумя падежами, причём наш дательный падеж восходит отчасти к древнему родительному). Все остальные цыганские непрямые дополнения — результат постепенного «перезапуска» системы в ходе перестройки падежной системы, т. е. переосмысления обстоятельств и т. п., вовлечения их в модели управления, причём прозрачные значения подвергаются продуктивной метафоризации. Что касается дательного падежа при заимствованных глаголах: *aźutìl* ‘помогать’, *plaćàl* ‘нравиться’, *trubùl* ‘надо’ — видимо, они заменили исконные глаголы, сохранив старую модель управления. По крайней мере один такой исконный глагол, ‘нравиться’, известен, ср. киш. *ćajl’òl*, перф. *ćajl’àv* ‘нравиться’ (при *ćajl’òl*, перф. *ćajliľàv* ‘наедаться’) < **ćāh-it-a-*... причастие от ‘хотеть’ (в сложении) [Ослон 2018б].

Многие нестыковки в «теории» членов предложения можно снять, рассматривая их как градацию от конкретного к абстрактному. Дадим здесь обзор значений падежей и

предлогов с этой точки зрения — перечислим падежи и предлоги, оформляющие группы, способные выступать в роли разных членов предложения. Так, самыми конкретными (прозрачными) являются значения обстоятельства пространства, затем времени, далее идут отвлечённые значения, а максимально абстрактны **конструктивные** значения, обусловленные природой той или иной конструкции — сюда же мы относим непрозрачные члены, выраженные первичными падежами (значения даём приблизительно и выборочно, подробнее см. 4.2.1.2.4–4.2.1.2.11 и 4.2.2.4.1–4.2.2.5.2; между разными столбцами в одной строке никакой особой связи может не быть):

	пространство →	время →	отвлечённые →	конструктивные
падежи				
им.	расстояние мера	момент период		подлежащее частичное доп. расширение присказуемое
вин.				прямое доп.
дат.				полупрямое доп.
мест.	ʻу’ (близость) ʻу [кого дома]’	ʻв, к [часу]’	обладатель	косвенное доп.
отл.	ʻот’ (движение) ʻмимо’ (движение) ʻза’ (часть)	ʻс’ (начало)	источник причина обладатель часть (браться ʻза’)	косвенное доп., в т.ч. субъект в стр. залоге эталон сравнения
напр.	ʻк’ (движение)		адресат обладатель	косвенное доп., в т.ч. в безл. связ. констр.
твор.	сторона, часть траектория		совместность орудие	косвенное доп.
предлоги				
anda	ʻизнутри’		грязь (ʻмыть от’) материал нач. состояние	
ande	ʻвнутри’ ʻпо’ (удар) ʻв’ (покрытие)	ʻв [период]’ ʻв [году и др.]’	орудие	
pe	ʻна [поверхности]’		инструмент язык	разность в сравнении
pala	ʻпозади, из-за’	ʻпосле’	заслуга супруг цена предмет любви	
pa	ʻсверху вниз’ ʻпо поверхности’ ʻсквозь’	ʻспустя’	тема критерий	

Включение пространственных и временны́х обстоятельств в модель управления имеет смысл тогда, когда они обязательны (см. 4.5.3.3), т. е. когда глагол без них невозможен или имеет другое значение.

4.5.2. Модели управления и синтаксические преобразования

За **первичную** модель управления глагола мы принимаем ту, которая характеризует его употребление в действительном залоге. Так, при личных глаголах в действительном залоге всегда имеется подлежащее, и если это существительная группа, то она всегда стоит в именительном падеже. Если же, например, преобразовать такое предложение в страдательный залог состояния (см. 4.13.2.2), то подлежащее преобразуется в косвенное дополнение, выраженное той же группой в отложительном падеже, причём причастие будет иметь **вторичную** модель управления, выводимую из первичной:

(1) а. *Xalè-ma le źukə̀l.*
ʻМеня покусали собаки.ʼ
⇒ б. *Mè sym xalò kata-l źukə̀l.*
ʻЯ покусан собаками.ʼ

Для характеристики глагола (в данном случае *xàl* ʻесть, кусатьʼ) вторичная модель управления, обусловленная залогом, не имеет ценности, так что можно давать только первичную. Иначе обстоит дело с незалоговыми преобразованиями (см. 4.13.4). В тривиальных случаях возвратности переходного глагола (субъект = объект) модель возвратного глагола отличается отсутствием прямого дополнения, ср.:

(2) а. *O Kàrćulo pyřysarďà le řomèn ka-l kətàni.*
ʻКарчюло сдал цыган милиции.ʼ
б. *O Kàrćulo pyřysàjlo ka-l kətàni.*
ʻКарчюло признался милиции.ʼ

Однако более сложно соотношение между связанными незалоговым преобразованием моделями управления глаголов *marə̀l* ʻбитьʼ и *marə̀l-pe* ʻдратьсяʼ, при которых по-разному выражается, грубо говоря, средство:

(3) а. *Sò-sa te-maràv-tu?* ** *ande sòs-te*
ʻЧем мне тебя побить?ʼ ʻна чёмʼ
б. *Ande sòs-te te-maràs-ame?* ** *sò-sa*
ʻНа чём будем драться?ʼ ʻчемʼ

В этих случаях группы, выражающие средство (точнее: при переходном глаголе — орудие, а при взаимно-возвратном — оружие), кажется, лучше считать незаданными членами (необязательными обстоятельствами) и не включать в модель управления. Ведь в примерах (3)а и (3)б описываются разные ситуации, из самой природы (т. е. семантики) которых каким-то образом вытекают и ограничения на выражения средства (орудия, оружия и т. п. в зависимости от внеязыковых явлений?). В словарном описании или при попытке выявления семантических групп всё это так или иначе придётся учитывать, однако это вряд ли целесообразно в грамматическом описании для характеристики структуры предложения.

4.5.3. Градации и неясности в моделях управления

Здесь мы эскизно осветим круг вопросов, неизбежно возникающих при моделировании предложений. Отчасти мы пытаемся решить их для наших практических целей.

4.5.3.1. Обстоятельство или дополнение?

Как мы уже говорили, выделение членов предложения — это абстракция, необходимая в первую очередь для лаконичности описания — например, чтобы объединить разные по своей природе синтаксические группы в некую общую категорию (не перечисляя их каждый раз), руководствуясь в идеальном случае какими-то строгими критериями. Можно предложить целый ряд таких критериев — и им будет удовлетворять бóльшая часть примеров, — но всегда найдутся пограничные и неясные случаи. Это говорит, во-первых, о несовершенстве самого подхода («традиционная грамматика»), а во-вторых, возможно, о размытости и неуловимости самих стоящих за классификацией языковых явлений. Поэтому границы между некоторыми сущностями остаются туманными.

Главное отличие обстоятельства от дополнения состоит в природе их связи с глаголом. Модель управления однозначно диктует форму дополнения, тогда как обстоятельство может входить в модель управления, но стоять в любой форме «по смыслу» (например, обстоятельства времени могут выражаться наречными, существительными, предложными группами — это «слабое управление»), ср.:

(1) а. *Andèm kadò màs le Gusʹàs-kə.* (дополнения)
ʻЯ принёс / привёз это мясо Гусе.ʼ
б. *Andèm-le aratì anda-j Ukrajìna p-o pòjizdo.* (обстоятельства)
ʻЯ привёз его вчера из Украины на поезде.ʼ
в. *Andèm-le ka-l dùj kata-j Gùta ande kòžnica.* (обстоятельства)
ʻЯ принёс его в два [часа] от Гуты в сумке.ʼ

В примере (1)а представлен максимальный набор дополнений глагола *anèl* ʻприносить, привозитьʼ (их форма фиксирована), тогда как в (1)б и (1)в обстоятельства, близкие по значению, выражены разными типами групп (или стоят в разных падежах, с разными предлогами).

Важной чертой обстоятельств места и времени (но не пройденного пути, длительности) является способность первых к «сериализации» (без сочинения):

(2) а. *Bešlèm and-o fòro tela pòdo paša-j vagzàla.* (обстоятельства места)
ʻЯ жил в городе под мостом около вокзала.ʼ
б. *Ə nùnta sas kukò bàrš ka-j patradì pala-j krìs.* (обстоятельства времени)
ʻСвадьба была в том году на Пасху после суда.ʼ
в. ** *Phèn màn-gə divàno pa-l řòm pa tumèn-de.* (предложные дополнения)
букв. ʻРасскажи мне о цыганах о вас.ʼ

Пространственные и временны́е значения являются «чисто» обстоятельственными. Отвлечённые же значения (которые при желании можно считать метафорами) поддаются группировке «по смыслу» только благодаря тому, что имеется некоторое число глаголов с «типовым» управлением, в котором усматривается одно и то же значение. Часто трудно решить, лучше ли видеть тут обстоятельства или дополнения (впрочем, иногда это неважно; имеются трудные случаи, см. ниже).

Сравним значение и синтаксическое поведение предложной группы *pala k-mìja* ʻза тысячуʼ с разными глаголами: *bitinèl* ʻпродатьʼ, *dèl* ʻдатьʼ. Очевидно, что член, обозначающий цену, более «присущ» модели при глаголе *bitinèl* ʻпродатьʼ, поскольку сама ситуация ʻпродажиʼ подразумевает цену, а ситуация просто ʻдачиʼ — нет. Значит, при *bitinèl* имеет смысл этот член считать заданным — дополнением (необязательным, но входящим в модель управления), а при *dèl* он скорее незаданный — обстоятельство (необязательное и не входящее в модель управления). Это различие можно проверить путём подстановки придаточного предложения на место предложной группы:

(3) а. *Bitinàv tù-kə kaďà matòra pala k-mìja.* (предложное дополнение)
‘Продам тебе эту машину за тысячу.’
**⇒ б. *Bitinàv tù-kə kaďà matòra, te-dèsa-ma k-mìja.*
‘Продам тебе эту машину, если ты мне дашь тысячу.’

(4) а. *Dàv-tu kaďà matòra pala k-mìja.* (обстоятельство)
‘Дам тебе эту машину за тысячу.’
⇒ б. *Dàv-tu kaďà matòra, te-dèsa-ma k-mìja.*
‘Дам тебе эту машину, если ты мне дашь тысячу.’

Очевидно, что (3)б не является преобразованием (3)а, т. к. они различаются по смыслу (дополнение не заменяется обстоятельственным придаточным предложением), тогда как между (4)а и (4)б смыслового различия в общем случае нет (обстоятельство заменяется соответствующим предложением). Тем не менее в обоих случаях предложная группа *pala k-mìja* ‘за тысячу’ имеет, по-видимому, одно и то же «прозрачное» значение, диктуемое одним из лексических значений предлога *pala*.

Теперь рассмотрим более трудные случаи:

(а) выражение специфических абстрактных отношений

Выделяются группы глаголов, описывающих ситуации одного типа, например ‘сообщение информации’, в которых задействованы одни и те же параметры. Так, при глаголах, связанных с информацией, выступают предложные группы с отвлечённым значением ‘темы’ с предлогом *pa* ‘о’. С одной стороны, налицо специфичность ситуации, с другой — список близких глаголов — открытый, ср. *phenèl*, *divinìl* ‘говорить’, *ramòl* ‘писать’, *dinèl* ‘читать’ и мн. др. — *pa sòs-te* ‘о чём’. Какой-то глагол можно считать базовым, а остальные — как бы «наследующими» его управление. Наличие таких членов как будто вытекает лишь из значения глагола. Проверку с заменой придаточным предложением они не проходят (нет специальных «обстоятельственных предложений темы»), поэтому, быть может, их следует считать дополнениями. Однако они ведут себя по-разному с разными глаголами: при глаголах речи они сочетаются с прямым дополнением, а при *bystrəl* ‘забывать’ и нек. др. они в ряде случаев как будто выражают тот же параметр ситуации, что и прямое дополнение, и друг друга с ним взаимоисключают, ср.:

(5) *Phenès xoxajimàta pa màn-de.*
‘Ты говоришь враки обо мне.’

(6) а. *Bystərďàn-ma.*
‘Ты забыл меня.’
б. *Bystərďàn pa màn-de.*
‘Ты забыл обо мне.’

Значит, имеется какое-то различие между этими *pa màn-de* ‘обо мне’ в соответствующих примерах, которое необходимо учесть в модели управления. В случаях вроде *bystrəl* [*pa*] ‘забыть [о]’ мы будем для простоты описания усматривать дополнения, а в прочих — обстоятельства. Последние, правда, отличаются от обычных обстоятельств, поэтому можно назвать их «дополняющими» (подробнее см. 4.3.7.2.7).

Дополняющие обстоятельства — это члены, явно оторванные от каких-либо типично «обстоятельственных» значений, по многим признакам смыкающиеся с дополнениями, которые, однако, трудно считать заданными, а само управление ими — сильным.

Этот член, пограничный между обстоятельством и дополнением, можно рассматривать в свете идеи «дрейфа» свободных (незаданных) членов к заданным (см. 4.5.1): в данном случае обстоятельства, выражаемые метафорой каких-то пространственных отношений (ср. *pa* ‘с [чего]’), «находятся на пути» к «грамматикализации» и сильному управлению.

(б) выражение меры

Некоторые переходные глаголы могут управлять количественными выражениями, ср.:

(7) *Potindèm šòv mìji pala-j řàta.*
ʻЯ заплатил шесть тысяч за колесо.ʼ

Здесь, в принципе, наряду с вопросом *sòde?* ʻсколько?ʼ, можно задать вопрос *sò?* ʻчто?ʼ (*lovè* ʻденьгиʼ), поэтому это скорее прямое дополнение.

Теперь возьмём явно непереходные глаголы *pràstel* ʻбежатьʼ, *sovèl* ʻспатьʼ. К ним легко добавить пространственный оборот (расстояния) или временной (длительности):

(8) *Prastajèm dèš vỳstri.*
ʻЯ пробежал десять километров.ʼ

(9) *Sutèm dèš ćàsurȁ.*
ʻЯ проспал десять часов.ʼ

Здесь *dèš vỳstri* ʻдесять километровʼ, *dèš ćàsurȁ* ʻдесять часовʼ по всем параметрам следует считать обстоятельствами (вопрос: *sòde?* ʻсколько?ʼ, не ***sò?*), причём мы (с долей произвола) объявили, что они стоят в именительном падеже (см. 4.2.1.2.4).

Глагол *nakhȁl* ʻпройти, миновать, минутьʼ, представляет пограничный случай, когда различие между обстоятельством и дополнением, по-видимому, в большой степени нейтрализовано:

(10) *Trubùl te-màj-nakhȁs bìš vỳstri.*
ʻТебе надо проехать ещё двадцать километров.ʼ

Как и в примере (8), здесь можно считать, что *bìš vỳstri* ʻдвадцать километровʼ — обстоятельство (в именительном падеже). Если же мы заменим *bìš vỳstri* на *bìš khərà* ʻдвадцать домовʼ, то ситуация кардинально изменится:

(11) *Trubùl te-màj-nakhȁs bìš khərà.*
ʻТебе надо проехать ещё двадцать домов.ʼ

Тут уже вполне возможен вопрос *sò?* ʻчто?ʼ, т. е. по этому критерию это больше похоже на дополнение. А при одушевлённости налицо винительный падеж (косвенная форма), например *le Vanʹàs* ʻВаню̀ʼ (может быть, ʻего домʼ). Отметим невозможность ***prastajèm dèš khərà* букв. ʻя пробе́гал десять домовʼ и т. п., в чём проявляется полная непереходность глагола *pràstel* ʻбежать, бегатьʼ, в отличие от *nakhȁl* ʻпроходить, миноватьʼ.

Ещё один критерий: только дополнения заменяются личными местоимениями:

(12) *Nakhlèm dèš khərà.*
ʻЯ прошёл десять домов.ʼ
⇒ *Nakhlèm-le.*
ʻЯ их прошёл.ʼ

(13) *Nakhlèm dèš vỳstri.*
ʻЯ прошёл десять километров.ʼ
**⇒ *Nakhlèm-le.*
ʻЯ их прошёл.ʼ

Итак, выражениями меры управляют и переходные, и непереходные глаголы. Если глагол обладает «большей» переходностью (ср. *potinèl*), то интуитивно в выражении меры нам легче усмотреть дополнение; если глагол не сочетается с «прототипическими» прямыми дополнениями (*sovèl* ʻспатьʼ, *pràstel* ʻбегатьʼ), то выражение меры — скорее обстоятельство; если глагол может употребляться как переходный и как непереходный (*nakhȁl* ʻпроходить, миноватьʼ), то возникают действительно пограничные случаи.

(в) пространственно-временны́е выражения

К выражению меры примыкают многочисленные случаи, когда глаголы управляют обязательными членами с пространственным значением, ср.:

(14) а. *O Jànoš bešə̀l ande Tùla.*
ʻЯнош живёт в Туле.ʼ
б. ** *O Jànoš bešə̀l.*
букв. ʻЯнош живёт.ʼ (только ʻсидит, стоитʼ)

(15) а. *Ə Phabàj sy anda-j Adə̀sa.*
ʻПхабай из Одессы.ʼ
б. ** *Ə Phabàj sy.*
(может быть только эллипсисом)

Характерно, что с такими глаголами, как *sy*, *bešə̀l* с базовым значением ʻнаходитьсяʼ, неограниченно сочетаются разные наречные и предложные группы, ср. *dùr* ʻдалекоʼ, *ka-j Gùta* ʻу Гуты [дома]ʼ, *tela pàto* ʻпод кроватьюʼ и мн. др. Следовательно, это не дополнения. Однако без них глаголы выступать не могут (или имеют другое значение). Поэтому такие члены предложения приходится считать «обязательными обстоятельствами».

Есть, однако, и глаголы, управляющие только одним типом пространственного обстоятельства, например *dur'òl* ʻотдаляться’:

(16) *Dur'ù kata zỳdo.*
ʻОтойди от стены.ʼ

Такие обстоятельства уже больше похожи на дополнения. При этом вопрос к ним скорее будет местоимением-наречием, в данном случае *katàr?* ʻоткуда?ʼ, и это будто бы указывает на обстоятельственный характер члена. Иногда дополнения трудно отличить от обстоятельств ввиду близости значений:

(17) а. *Ə raklì našlì kata rùv.*
ʻДевушка убежала от волка.ʼ
б. *Ə raklì našlì kata pès-ki sàkra.*
ʻДевушка сбежала от своей свекрови.ʼ

В предложении (17)а может подразумеваться физическое бегство от погони — тогда это обстоятельство (?), в (17)б более абстрактное значение (перевод: ʻсбежалаʼ, а не ʻубежалаʼ) — тогда это дополнение (?). При этом в обоих случаях вопрос будет скорее *kàs-tar?* ʻот кого?ʼ.

Есть и ещё более трудные случаи:

(18) *Pe sòs-te aviľàn amèn-de, pe matòra?*
ʻНа чём ты приехал к нам, на машине?ʼ

Как видно, в вопросе фигурирует слово *sò* ʻчтоʼ (местоимение-наречие *sàr* ʻкакʼ тоже может служить вопросом, но смысл изменится). Неясно, считать ли этот член обязательным: с одной стороны, он похож на (необязательное) обстоятельство, а с другой — можно сказать, что сам глагол *avèl* ʻприходитьʼ в сочетании с ним получает новый оттенок ʻприезжать [на транспорте]ʼ (однако наряду с *pe matòra* можно ответить *telàl* ʻпешкомʼ).

(г) обороты, подобные наречиям

Особую проблему представляют нераспространимые синтетические формы: с одной стороны, глаголы управляют ими как дополнениями, с другой — налицо их наречный характер. Например, неясно, как рассматривать сочетания глаголов типа *merə̀l* ʻумиратьʼ,

zalìl ‘падать в обморок’ и нек. др. с формами синтетического отложительного падежа типа *bokhà-tar* ‘с голоду’, *šylès-tar* ‘от холода’ и др. (см. 4.2.1.2.8ii, там же примеры).

Исходя из вышеизложенного, можно воспринимать дихотомию дополнение : обстоятельство как градацию.

4.5.3.2. Обязательность дополнений

На вопрос об обязательности или факультативности дополнений не всегда легко ответить; видимо, само это явление — градация. Рассмотрим следующие пары предложений:

(1) а. *O řòm xaľà.*
‘Цыган поел.’
б. *O řòm xaľà <u>ək sarmàla</u>.*
‘Цыган съел голубец.’

(2) а. *O řòm daràjlo.*
‘Цыган испугался.’
б. *O řòm daràjlo <u>kata-l kətàni</u>.*
‘Цыган испугался милиции.’

(3) а. *Dìkh!*
‘Смотри!’
б. *Dìkh <u>pe gaźì</u>!*
‘Смотри на [русскую] тётю!’ (фотографируют ребёнка)

Здесь возможны в равной степени законченные предложения с дополнением и без него. При этом основное значение глагола как будто не меняется (т. е. это «тот же» глагол). Составляют ли такие глаголы какую-то особую категорию? Если да, то это довольно большая группа с размытыми границами, ср. описание сцены битвы:

(4) *So dèl, peravèl la sabijà-sa, peravèl šòv řỳndurà, le buzduganò-sa peravèl dèš řỳndyrà. <u>Mudaràl</u> o raklò.*
‘Ка-ак махнёт, валит саблей, валит шесть рядов, палицей валит десять рядов. Убивает парень.’

При таком употреблении глагол *mudarəl* ‘убивать’, возможно, получает особый оттенок (‘убивает многих, направо и налево’ и т. п. — в фазе разброса, в инфекте) и не требует дополнения. Такое употребление, в принципе, возможно (и даже продуктивно) для многих глаголов, но, очевидно, не для всех. Так, без дополнения, видимо, совсем маловероятен глагол *rimòl* ‘портить’:

(5) а. *O řòm rimòl <u>matòri</u>.*
‘Цыган портит машины.’
б. ** *O řòm rimòl.*
букв. ‘Цыган портит.’

В отличие от примеров (5), где трудно вообразить употребление без дополнения, в примерах (1)–(3) проявляется различие в семантике глагола, например *xàl*: в (1)а ‘питаться’ (вообще, неважно чем), а (1)б ‘есть [что]’. Можно считать, что в первом случае подразумевается некое «тавтологическое» дополнение (например, *xabè* ‘еда’). Впрочем, иногда тавтологические дополнения бывают и явными:

(6) *Źà khərə, xà <u>xabè</u>!*
букв. ‘Иди домой, ешь еду.’ (рифмованная детская дразнилка)

Однако некоторые такие «ложные непереходные» глаголы в большинстве контекстов без дополнения имеют особое значение:

(7) *Là-ko řòm pèl.*
ʻЕё муж пьёт.ʼ (ʻзлоупотребляет спиртнымʼ)

(8) *Amèn-de khònik ćì-bitinèl.*
ʻУ нас никто не продаёт.ʼ (напр., наркотики)

В предложении (7) глагол употреблён в статическом значении (например, ʻявляется пьяницейʼ, а также ʻне воздерживается от спиртногоʼ). В таких случаях сомнения относительно подразумеваемого значения возникают редко. В прочих ситуациях может быть явно названо тавтологическое дополнение, призванное прояснить смысл:

(9) *Kamès te-pès?*
ʻХочешь выпить?ʼ (в т. ч., напр., воды)

(10) *Pès pimòs?*
ʻВыпьешь?ʼ (букв. ʻвыпьешь выпивкуʼ; имеется в виду именно спиртное)

Отметим, что с частью глаголов такие дополнения не кажутся в полной мере тавтологическими, ср. *dilabàl dilì* ʻпеть песнюʼ.

Подчеркнём, что эллипсис (см. 4.9.3, 4.9.5) — это совершенно другое явление:

(11) *Xà màs! — Xàv!*
ʻЕшь мясо! — Ем!ʼ (именно мясо)

Немало случаев, когда модель управления глагола целесообразно расщеплять на несколько (см. также 4.5.3.4).

4.5.3.3. Обязательность обстоятельств

В отличие от дополнений и расширений, обстоятельства могут не входить в модель управления. Однако внутренние обстоятельства бывают и обязательными, ср. с глаголом *sy* ʻбытьʼ — в чисто связочной функции:

(1) а. ** *Muřò khər sy.* (возможно только при эллипсисе)
букв. ʻМой дом есть.ʼ

б. *Muřò khər sy paša barò dròm.*
ʻМой дом [находится] у большой дороги.ʼ

Подобным образом требуют обстоятельств многие глаголы движения. Они встречаются и без обстоятельств, но в других контекстах и порой с другим логическим фокусом, ср. примеры с одним и тем же глаголом:

(2) а. ?* *Gəlò.* (возможно в основном при эллипсисе)
ʻОн пошёл.ʼ

б. *Gəlò-tar.*
ʻОн ушёл / уехал.ʼ (например, из дому)
ʻОн умер.ʼ

в. *Gəlò(-tar) and-o fòro.*
ʻОн уехал в город.ʼ

В примере (2)б наличие клитики *-tar* обусловливает возможность употребления этого глагола без обстоятельства (в т. ч. как эвфемизм), в противном случае «полноценное обстоятельство», ср. (2)в, может быть опущено лишь в порядке эллипсиса.

Обстоятельство может быть в той или иной степени обязательным при глаголах, как правило употребляемых для указания на время или место, ср. ситуацию ʻночёвкиʼ (*raťarəl*

‘ночевать’), которая предполагает участие в ней не только субъекта, но и места. Возможный диалог, в котором второй собеседник ощущает неполноту реплики первого:

(3) *O řòm raťarďà. — Kàj?*
‘Цыган ночевал. — Где?’

Однако обстоятельство может подразумеваться:

(4) *Raťàr! — Naštìv, trubùl te-źàv khərà.*
‘Ночуй! — Не могу, мне надо идти домой.’

Здесь подразумевается, например, *màn-de* ‘у меня’, *maškar ə bàr* ‘в таборе’ или *katkà* ‘тут’, т. е. внутреннее обстоятельство места (см. 4.3.7.1), которое участвует в данной ситуации, хотя в каких-то контекстах может быть опущено.

Другой пример:

(5) а. ? *Arakhàdilem.* (в обычной ситуации так о себе не говорят)
‘Я родился.’
б. *Arakhàdilem and-ək-mìja-injà-šəlà-pànvardeš-thaj-pànśto bàrš.*
‘Я родился в 1955 году.’
в. *Arakhàdilem ande Ukrajìna.*
‘Я родился в Украине.’

Обязательность обстоятельства может зависеть при одном и том же глаголе от более сложных факторов; так, наличие обобщённого подлежащего при том же самом глаголе *arakhàďol* ‘родиться’ делает в той или иной степени обязательным обстоятельство в значении ‘у кого’:

(6) а. ? *Arakhàdilo śàv.* (возможно в основном при эллипсисе)
‘Родился сын.’
б. *Lèn-de arakhàdilo śàv.*
‘У них родился сын.’

Здесь, очевидно, вступает в игру ещё и конкретность-обобщённость подлежащего (может быть, это надо учесть в модели управления). В любом случае, в толкование части глаголов мы должны включать внутренние обстоятельства: *raťarəl* ‘(пере)ночевать’ = «кто-то проводит ночь где-то»; *arakhàďol* ‘рождаться’ = «кто-то появляется на свет где-то и/или когда-то; у кого-то».

То же с переходными глаголами:

(7) а. ?* *Thodèm o tijàri.* (возможно в основном при эллипсисе)
‘Я поставил тарелку.’
б. *Thodèm o tijàri telè.*
‘Я поставил тарелку.’ (больше её не держу, букв. ‘вниз’)
в. *Thodèm o tijàri pe skafedì.*
‘Я поставил тарелку на стол.’

В примере (7)б наречие *telè* ‘вниз’ находится в тесной связи с глаголом и имеет ослабленное значение (ср. *bèš telè* ‘сядь’) и, можно сказать, заменяет «полноценное» обстоятельство, как в (7)в.

В редких случаях обязательны обстоятельства образа действия:

(8) а. ?* *Kadalà řòm trajìn.* (возможно в основном при эллипсисе)
‘Эти цыгане живут.’
б. *Kadalà řòm trajìn barvalès.*
‘Эти цыгане живут богато.’

Порой трудно решить, обязательно ли обстоятельство, ср. пример с возможным разночтением, где обстоятельство места может быть внешним или внутренним в зависимости от смысла (см. 4.3.7.1):

(9) 👂 *Anklistì anda pàj, ćorďà là-kə jakhořà, ćorďà là-kə buťořà aj mekľà-la kaďà nandì and-o pàj.*
ʻВышла из воды, украла её глазки, украла её вещички и оставила её так голой в воде.ʼ

Если обстоятельство *and-o pàj* ʻв водеʼ — внутреннее, то оно скорее обязательно.

4.5.3.4. Одна модель управления или несколько?

Говоря об обязательности дополнений (см. 4.5.3.2), мы приводили примеры таких глаголов, как *xàl* ʻестьʼ, *pèl* ʻпитьʼ, *dinèl* ʻчитатьʼ, которые без явного дополнения могут обозначать «действие как таковое», когда уточнение дополнением необязательно. Модель управления этих глаголов мы обозначаем «и(в)» (об обозначениях моделей управления см. 4.5.4), имея в виду, что это обозначение покрывает оба случая: «и» и «ив». При этом без дополнения значение может быть более общим, ср. *xàl* ʻесть [какую-то пищу, неважно что]ʼ. Но вряд ли можно здесь усматривать другую модель управления, т. к. ко всякому «неуточнённому» употреблению такого глагола можно присовокупить дополнение, не меняя значение глагола. Например, возможен такой обмен репликами:

(1) *Amè xàs. — Sò xàn? — Xàs màs.*
ʻМы едим. — Что едите? — Едим мясо.ʼ

Однако:

(2) а. *Amè xàs mištò.*
ʻМы хорошо питаемся.ʼ
б. ?* *Amè xàs mištò màs.*
букв. ʻМы едим хорошо мясо.ʼ

Это значит, что глагол *xàl* может быть переходным ʻесть [что]ʼ с необязательным дополнением — модель управления «и(в)» или же непереходным (ʻпитатьсяʼ) — модель управления «и». По большому счёту, это разные глаголы, омонимичные только в своей «собственно глагольной» части, а вкупе с моделью управления они выражают разные ситуации (ср. и разные русские переводы).

Точно так же глагол *pèl* ʻпитьʼ без дополнения может иметь общее значение ʻпить [жидкость, неважно что; спиртное]ʼ, а также специальное значение ʻне воздерживаться от спиртногоʼ или ʻзлоупотреблять спиртнымʼ, причём оно возможно только в фазе разброса (ʻвообщеʼ), но не хода (ʻсейчасʼ; о фазах см. 4.2.6.4.1). Кроме того, ср.:

(3) а. *P'àv anda ťo sastimòs.*
ʻПью за твоё здоровье.ʼ
б. ?* *P'àv řətìja anda ťo sastimòs.*
ʻПью водку за твоё здоровье.ʼ

Для таких случаев приходится вводить особую модель управления или же считать выражение *pèl anda* [*vàrə-kàs-ko*] *sastimòs* ʻпить [за чьё-л.] здоровьеʼ нерасторжимым и непереходным.

Модели управления могут расщепляться на более частные, если учитывать особенности сочетаемости членов. Так, для глагола *phenèl* ʻговоритьʼ можно дать по крайней мере две модели управления: ʻговорить [что кому]ʼ и ʻговорить [что кому о чём]ʼ, ср.:

(4) а. *Phèn màn-gə kaďà vòrba.*
ʻСкажи мне это слово.ʼ
б. *Phèn màn-gə vàrə-so pa myřỳ bàba.*
ʻ(Рас)скажи мне что-нибудь о моей бабушке.ʼ
в. ***Phèn màn-gə kaďà vòrba pa myřỳ bàba.*
букв. ʻСкажи мне это слово о моей бабушке.ʼ

Видно, что в данном случае при наличии предложного дополнения возможно не любое прямое дополнение: *vàrə-so* ʻчто-нибудьʼ, *o ćaćimòs* ʻправдаʼ, но не *vòrba* ʻсловоʼ. Заметим, что одним из объяснений здесь может быть сложное взаимодействие между моделью управления и семантикой: *pa myřỳ bàba* ʻо моей бабушкеʼ может восприниматься как определение, хотя невозможна существительная группа ***vòrba pa myřỳ bàba* ʻслово о моей бабушкеʼ (в отличие, например, от *divàno* ʻрассказʼ). Такие детали можно учесть только для отдельных слов.

Ниже, приводя списки глаголов по моделям управления, мы будем упоминать одни и те же глаголы под разными моделями управления.

4.5.3.5. Колебания в управлении дополнениями

Здесь перечислим случаи, когда дополнение одного глагола может стоять в разных падежах (или быть предложной группой), без ощутимого различия в значении. Кроме колебаний, могут быть обусловленные разными факторами чередования падежей (в т. ч. накладывающиеся на колебания). В колебаниях участвуют наименее «стабильные» падежи — дательный и местный:

(а) дательный ~ направительный

С несколькими глаголами:

(1) а. *Aźutìv myřà dà.*
б. *Aźutìv myřà dà-kə.*
ʻЯ помогаю матери.ʼ

Так же себя ведёт глагол *paťàl* ʻверитьʼ. Изредка направительным падежом (вместо дательного или местного) оформляется непрямое дополнение глагола *dèl* ʻдаватьʼ (даётся отдельно, см. 4.6.4).

(б) местный ~ дательный

В конструкции обладания с глаголом *sỳ* ʻбытьʼ (подробно см. 4.6.1.1) обладатель, выраженный назывным существительным, стоит только в местном падеже. Однако ударные местоимения в этой роли могут стоять также и в дательном (который морфологически, будучи выражен косвенной формой, отличается от местного только отсутствием падежной клитики *-te*/*-de*), причём этот дательный или местный может заменяться местоимениями-клитиками:

(2) а. *Ka phurò sàs(-le) dùj śavè.*
ʻУ старика было двое сыновей.ʼ
⇒ б. *Lès(-te) sàs(-le) dùj śavè.*
⇒ в. *Sàs-le dùj śavè.*
ʻУ него было двое сыновей.ʼ

Подобные сложные чередования и колебания в разной степени и с разными особенностями наблюдаются и с глаголом *dèl* ʻдаватьʼ (см. 4.6.4).

(в) местный ~ винительный

Тут, пожалуй, только один глагол:

(3) а. *Ašùn-ma (màn)!*
б. *Ašùn(-ma) màn-de!*
‘Слушай меня!’

Местный падеж частотен в императиве, причём только в значении ‘слушать’, а не ‘слышать’ (только винительный).

(г) местный ~ направительный

С несколькими глаголами речи дополнение — адресат речи — может стоять в местном или направительном падеже:

(4) а. *Nà pyřysàr-ma ka ťo dàd.* ⇒ *lès-te*
~ б. *Nà pyřysàr-ma te dadès-kə.* ⇒ *lès-kə*
‘Не выдавай меня своему отцу.’ ‘ему’

Подобное поведение наблюдается с глаголами речи *phenèl* ‘говорить’, *dèl dùma* ‘звонить [по телефону]’, *řudìl-pe* ‘молиться’.

(д) местный ~ предложная группа

По крайней мере при глаголах *dèl gỳndo*, *anèl pès-kə mìnťa* ‘вспоминать’:

(5) а. *D’àm-ame gỳndo ka amarò pàpo.* ⇒ *lès-te*
~ б. *D’àm-ame gỳndo pa amarò pàpo.* ⇒ *pa lès-te*
‘Мы вспомнили о нашем деде.’ ‘о нём’

Здесь местный падеж заменён группой предлога с собственным значением (‘о’).

4.5.4. Классификация и запись моделей управления

Ниже мы перечислим и разберём разные модели управления, группируя их для удобства по некоторым признакам. Сначала мы отдельно даём предложения со сказуемыми-частицами (указательные) и бытийные предложения. Остальные типы предложений мы разбиваем по следующим признакам (в порядке убывания веса):

— наличие и тип расширения: несвязочные : связочные : полусвязочные
— наличие подлежащего: безличные : личные
— наличие прямого дополнения: непереходные : переходные
— наличие других членов: (другие дополнения и обстоятельства)

Безотносительно этих признаков даём предложения с фразовыми членами (см. 4.5.10).

В некоторых случаях модель управления включает обстоятельство. Нередко такое толкование затруднительно: внутренние обстоятельства могут быть необязательными, но в какой-то степени всё же менять значение глагола.

Модели управления в наиболее обобщённом и приблизительном виде в таблицах мы записываем краткой записью. Когда же требуется отразить все подробности, прибегаем к развёрнутой записи (см. ниже).

Краткая запись состоит (слева направо) из обязательного упоминания подлежащего (в т. ч. нуль), списка дополнений, затем упоминания расширения (если есть) или обязательного обстоятельства (если есть). Подлежащее обозначается падежом (тривиально, т. к. он по определению именительный, или же ∅ — у безличных глаголов), дополнения — па-

дежом, расширения — без уточнений, обстоятельства — места или времени; в части случаев на месте падежей может быть фраза. Все сокращения — однобуквенные:

∅	нет	(только о подлежащем)
и	именительный падеж	(о подлежащем и частичном дополнении)
в	винительный падеж	(о прямом дополнении)
д	дательный падеж	(о полупрямом дополнении)
м	местный падеж	(о косвенном дополнении)
о	отложительный падеж	(о косвенном дополнении)
н	направительный падеж	(о косвенном дополнении)
т	творительный падеж	(о косвенном дополнении)
п	предложная группа	(о предложном дополнении)
р	расширение	(разных типов)
г	ме́ста («где»)	(об обязательном обстоятельстве)
к	времени («когда»)	(об обязательном обстоятельстве)
с	количества («сколько»)	(об обязательном обстоятельстве)
ф	фразовый член	(любой член предложения)

Примеры:

iforìl	‘мести [о метели]’	∅	— нет зависимых членов
dukhàl	‘болеть [об о́ргане]’	∅в(г)	— безлично: у кого, где
		ив	— лично: что, у кого
pyřỳl	‘сдать, донести’	ив(н/м)	— лично: кто, кого, кому (*kàs-kə* или *kàs-te*)
sykavèl	‘показать’	ив/ф(н)	— лично: кто, что (или фраза: ‘что...’), кому
akharəl	‘называть’	ивр	— лично: кто, кого / что, чем (= как)
	‘звать’	ив(г)	— лично: кто, кого, куда

Как видно, зависимые фразы в краткой записи даются общо, хотя они бывают разных типов. Их и управляющие ими глаголы мы разбираем отдельно, для каждого глагола давая все возможные типы.

Развёрнутая запись учитывает больше деталей и даётся для каждого варианта, вписанного в краткую запись, со снятием факультивности и т. п. В общем виде она такова:

глагол { [подлежащее] | [дополнение$_1$ | [дополнение$_2$ ...]] | [обст-во] || [расширения] }

В каждой позиции будем писать падеж (в случае подлежащего и расширения — именительный или фраза), явно давать предлог для предложных дополнений, в некоторых случаях явно обозначать часть речи, а также тип фразового члена:

te-ЗО	= зависимый оборот
te-ПП	= придаточное предложение в зависимом наклонении
kə ПП	= изъяснительное придаточное (так же для других союзов)
ВМ ПП	= придаточное, вводимое вопросительным местоимением
ПВВ	= пространственно-временно́е выражение (обстоятельство)

Теперь покажем на практике применение записей моделей управления. Мы уже касались необходимости приписывания глаголам более чем одной модели управления или расщепления глаголов на омонимы (см. 4.5.3.4). Словарное описание многих глаголов требует принятия такого рода решений. В списках для каждого типа предложений (в следующих разделах) мы даём одну и ту же глагольную лексему под разными типами (без подробностей). Здесь соберём эти сведения для двух глаголов — *dikhəl* ‘видеть, смотреть’ и *arəsəl* ‘хватать, достигать’ (это можно воспринимать как костяк словарных статей):

dikhàl тип: га-∅:L

и(в/ф) {ИМ.} ‘видеть, быть зрячим’, с отрицанием: ‘не видеть, быть слепым’

{ИМ.|ВИН.} ‘(у)видеть’ *dikhàs o khàr* ‘видишь дом’

с частицей *dàba* ‘едва’:

dàba dikhàs-ma ‘не наглядишься на меня’

{ИМ.|*kə* ПП} *dikhàs kə źàv-tar* ‘видишь, что ухожу’

с обстоятельством *pa...*:

dikhàs pa muřò mùj kə... ‘видишь по моему лицу, что...’

{ИМ.|*te*-ПП} обычно с отрицанием (о не состоявшемся):

ćì-dikhl’àn te-rovàv ‘ты не видел, чтоб я плакал’

{ИМ.|ВМ ПП} *dikhàs kàj sy o khàr* ‘видишь, где дом’

и(п/ф) {ИМ.} ‘смотреть’ *dìkh!* ‘смотри, глянь!’

с обстоятельствами места:

dìkh tela-l punřà! ‘смотри под ноги!’

dìkh màn-gə and-əl jakhà! ‘смотри мне в глаза!’

{ИМ.|*pe*} *dikhàs p-o khàr* ‘смотришь на дом’

{ИМ.|ВМ ПП} *dikhàs sàr khəlàs* ‘смотришь, как танцуем’

и(о/ф) {ИМ.|ОТЛ.} ‘смотреть, следить, присматривать [за]; ухаживать [за]; заботиться [о]; заниматься [по хозяйству и т. п.] [чем]’

dikhàs kata khàr ‘присматриваешь за домом’

иногда с синтетическим ОТЛ.:

dikhàs ťa delà-tar ‘занимаешься своими делами’

{ИМ.|*te*-ЗО} обычно с отрицанием в ЗО:

dìkh te-nà-peràs! ‘смотри не упади!’

{ИМ.|*te*-ПП} обычно с отрицанием в ПП:

dìkh te-nà-śòl-pe khònik ‘смотри, чтоб никто не вошёл’

---

arəsàl тип: гн-∅:L

и/ф(д) ‘хватать, хватить’

{ИМ.|ДАТ.} *arəsàl le grastès khàs* ‘хватит / достаточно коню сена’

{*te*-ПП} *arəsàl te-pès!* ‘хватит пить!’

arəsàl! ‘довольно, хватит, будет!’ (эллипсис)

{*kə* ПП|ДАТ.} *arəsàl-ma kə aviľàn* ‘мне хватает того, что ты пришёл’

иф {ИМ.|*te*-ЗО} ‘успеть’ *arəsľàn te-lès-la* ‘ты успел её взять’

и(м) {ИМ.} ‘настать, наступить, подойти, подоспеть’

arəslò ťo vòćeredo ‘подошла твоя очередь’

{ИМ.|ПВВ} ‘добраться, дойти, достать [до]’

с обстоятельством:

arəsàs and-o fòro ‘прибываешь в город’

arəsàs ka màlo ‘доходишь / доплываешь до берега’

arəsàs źi ka kỳrdo ‘доходишь до табора’

ив {ИМ.|ВИН.} ‘ударить (несильно)’

arəsľàn-ma la palmà-sa ‘ты дал мне пощёчину’

ир {ИМ.||ИМ.} ‘стать’ *arəsľàn barò* ‘ты стал главным / вожаком’

4.5.5. Указательные предложения

От всех остальных предложений отличаются предложения, где сказуемым можно считать указательные предикативные частицы (см. 3.13.2). Эти частицы не имеют парадигмы, но выступают сказуемыми в предложениях, для которых можно дать модели управления:

(и)(н)	*àta*	ʻвот’
	àkə(-ta)	ʻвот’
∅(н)(в)	*àle(-ta)*	ʻна’

(а) *àta*, *àkə* ʻвот’

Частицы *àta*, *àkə(-ta)* ʻвот’ подобны личному непереходному глаголу (с подлежащим):

(1) *Àta muřò khàr.* *~ àkə(-ta)*
ʻВот мой дом.’

(2) *Àta sà lès-ka śà-kə glàti.* *~ àkə(-ta)*
ʻВот все дети его дочери.’

Подлежащее может быть и косвенным вопросом информации (см. 4.12.2.4.1):

(3) *Àta kàj bešàv.* *~ àkə(-ta)*
ʻВот где я живу.’

(4) *Àta sòs-tar ti phèj ćì-akharďà-ma.*
ʻВот почему твоя сестра меня не позвала.’

Возможно и косвенное дополнение в направительном падеже, обычно только *tù-kə* ʻтебе’, *tumèn-gə* ʻвам’, но тогда подлежащего может не быть (на него указывают):

(5) *Àta tù-kə!* *~ àkə(-ta)*
ʻВот тебе!’

Личное местоимение здесь может выступать только в виде клитики, причём в 1-м и во 2-м лицах она тождественна косвенной клитике (но всегда без согласного):

(6) *Àta-ma.* */-tu* */-ame* */-tume*
ʻВот я.’ /ʻты’ /ʻмы’ /ʻвы’

В 3-м лице она тождественна прямой (подлежащной) клитике:

(7) *Àta-lo.* */-la* */-le*
ʻВот он.’ /ʻона’ /ʻони’

Это необычное подлежащее может определяться, как в обычной местоименной группе:

(8) *Àta-lo sà.*
ʻВот он весь.’ (например, табор)

(9) *Àta-ame sàvořə.*
ʻВот мы все.’

(10) *Àta-la kòrkořo.*
ʻВот она сама.’

Подлежащее может заменяться местоимениями (см. 4.9.2.1.4):

(11) а. *Àta muřò khàr.*
ʻВот мой дом.’

⇒ б. *Àta-lo.*
ʻВот он.’

С местоименным повтором:

(12) а. *Ə̀ta-lo muřò khə̀r.*
ʻВот мой дом.ʼ
б. *Muřò khə̀r ə̀ta-lo.*
ʻМой дом вот.ʼ

При таком порядке, как в (12)б, т. е. при частице в конце, местоименный повтор обязателен (подлежащее — всегда тема):

(13) ** *Muřò khə̀r ə̀ta.*
ʻВот мой дом.ʼ

При порядке, как в примере (12)а, местоименный повтор факультативен при назывном подлежащем, но обязателен при личном местоимении:

(14) а. *Ə̀ta(-lo) o və̀š.*
ʻВот он — лес.ʼ
б. *Ə̀ta-lo vò.*
ʻВот он он.ʼ

(15) *Ə̀ta-ma mè.*
ʻВот он я.ʼ

Подлежащим могут быть и некоторые другие местоимения, но не указательные:

(16) *Ə̀ta(-le) amarə̀!*
ʻВот наши!ʼ

(17) ** *Ə̀ta kadò!*
букв. ʻВот это!ʼ

(б) *ale* ʻна’

Частица *àle(-ta)* ʻна(-ка)ʼ подобна переходному глаголу в форме императива, с прямым дополнением:

(18) *À̀le cygàra!* ~ *àle-ta*
ʻНá сигарету!ʼ ʻна-каʼ

Персональность прямого дополнения может проявляться, как в обычном предложении, но факультативно — наряду с косвенной возможна и прямая форма (поэтому это дополнение можно считать прямым только с оговорками):

(19) а. *À̀le ťa mycà!*
б. *À̀le ti mỳca!*
ʻНá свою кошку!ʼ

С дополнением-адресатом (впрочем, можно считать его лжедополнением):

(20) *Òj manùš, àle tù-kə kakò manřò barò! Lè iv̓à, amèn ćì-trubùl-ame khànći.*
ʻОй человек, нá тебе вот этот хлеб большой! Бери бесплатно, нам ничего не нужно.ʼ

Кажется, здесь возможно и свободное относительное предложение:

(21) *À̀le sò kamèsas!*
букв. ʻНá что ты хотел!ʼ

⏳ Частица *àle*, судя по всему, состоит из древней указательной частицы **a* и императива *lè* ʻбериʼ. Ударение на первом слоге ожидаемо в сложении двух односложных слов.

4.5.6. Бытийные предложения

Следует различать два типа случаев. В первом глагол *sỳ* ‘быть, бывать, существовать’ является ремой предложения, всегда ударен. Во втором *sy* безударно и внешне не отличимо от связки (при отрицании *nàj* ‘нет’, *nàs* ‘не был’, в будущем времени *avèl* и в сослагательных формах *avèla*, *avilinò* и т. д. ударение есть). Это различие влияет на значение:

(а) *sỳ* под ударением

В смысле существования:

(1) *Sàs ək phurò.*
‘Был один старик.’

(2) *Sỳ kasavì vòrba.*
‘Есть такое слово.’

Или, наоборот, несуществования:

(3) *Nàj vòrba kolà-tar.*
‘Нет такого слова.’

(4) *Ćoxanè nàj.*
‘Привидений не бывает.’

В будущем времени в форме *avèl* часто нейтрализованы значения будущего ‘будет’ и настоящего или будущего ‘приходить’ (можно считать это омонимией):

(5) *Avèn barə̀ šələ̀.*
‘Будут большие морозы.’ или ‘Идут / придут большие морозы.’

Кроме того, *sỳ* может вводить нечто новое в повествование, ср. в зачине сказок: *sàs-pe kaj-nàs-pe* (с возвратностью: букв. ‘было-сь да не было-сь’) ‘жил-был’ (см. 5.2).

С внешними обстоятельствами ме́ста, которые сужают «сферу бытия»:

(6) *Ande Mòskova sỳ barə̀ khərà.*
‘В Москве есть большие дома.’

Подобные предложения сродни конструкциям обладания (ср. *màn-de sy...* ‘у меня есть...’), однако их нельзя смешивать (о конструкции обладания см. 4.6.1.1).

Сюда примыкают предложения со значением наличия — без обстоятельств:

(7) *Sý řətìja*? — *Řətìja nàj*.
‘Есть водка? — Водки нет.’

В таких случаях может подразумеваться, например, *kaćè* ‘здесь’, *amèn-de* ‘у нас’ и т. п.

Бытие вполне может быть вре́менным:

(8) *Sànas and-əl ćemà?*
‘Ты бывал за границей?’

Подобные случаи часто трудно отделить от связочных конструкций (см. 4.5.8.2б).

Близкое к бытийному значение может иметь глагол *bešə̀l* ‘сидеть, стоять; жить’:

(9) *Źàl, źàl p-o dròm aj dikhə̀l: <u>bešə̀l</u> khə bàlta, aj <u>bešə̀n</u> ande là-te xuťamn’à.*
‘Идёт, идёт по дороге и видит: стоит болото, а в нём [сидят] лягушки.’

(10) *And-o kantàkto <u>bešás</u>?*
‘Ты есть в [соцсети] «В контакте»?’ (или ‘сидишь’)

В примере (10) глагол *bešás* выступает ремой, поэтому выделен ударением (см. 4.8.5); на его месте можно употребить и *sán* (в бытийном значении) с тем же ударением.

(б) *sy* без ударения

Бывает при обозначении времён года, месяцев, дней недели, времени суток, некоторых погодных и стихийных явлений. Такие предложения внешне не отличимы от безличных, какими их, видимо, нередко можно считать (см. 4.5.8.1), ср.:

(11) *Milàj sy.*
ʻЛето.ʼ
(12) *Adès sy (o) sàvato.*
ʻСегодня суббота.ʼ
(13) *Barò šỳl sas.*
ʻБыл большой мороз.ʼ
(14) *Atùnći sas marimòs, bòkh.*
ʻТогда была война, голод.ʼ

Другие погодные и стихийные явления чаще (но необязательно) выражаются подлежащим с тривиальным сказуемым (погодные — обычно *dèl*, см. 4.6.5.1).

То же при точном обозначении времени:

(15) *Akanà (sy) dèš ćàsurȁ.*
ʻСейчас десять часов.ʼ

В этом случае сказуемое стоит в 3.ед., т. е. не согласуется:

(16) *Sỳgo avèl dèš ćàsurȁ.*
ʻСкоро будет десять часов.ʼ

Однако это ещё не говорит о безличности, ср. *nakhl'à dùj dès* ʻпрошло два дняʼ, так что, видимо, дело здесь в особых свойствах некоторых существительных групп (со значением расстояния или времени), которые получают единственное число и никакой род (см. ещё 4.4.1.1г).

Вряд ли можно все эти случаи (с безударным *sy*) отделять от приведённых выше случаев, где налицо значение существования или наличия. Судя по всему, различия здесь скорее касаются выбора ремы, ср. (подчёркнуты ударные формы):

(17) а. *Avrì sas bùt lùmȁ.*
ʻНа улице было много народу.ʼ
б. *Avrì sás vàrə-kon*? — *Sàs*. *Bùt lùmȁ sas*.
ʻНа улице был кто-нибудь? — Был. Много народу было.ʼ

В этих примерах *sas*, *sàs* — явно не связка, а глагол бытия.

4.5.7. Несвязочные предложения

Здесь перечислим конструкции с глаголами (не связочными, не полусвязочными) без расширений.

4.5.7.1. Безличные несвязочные предложения

В безличных конструкциях нет подлежащего. Это возможно с закрытым списком глаголов. Глаголы, выступающие в роли сказуемого таких предложений, стоят в 3-м лице единственного числа и, соответственно, не образуют повелительных форм. Отсутствие подлежащего в безличных предложениях не объясняется пропуском, что видно по тому, что в категориях, чувствительных к роду, выступают безродовые формы глагола (о согласовании по умолчанию см. 4.4.1.1а):

(1) *Ćì-khangl'à kaćè ćèk-dàta.*
ʻЗдесь никогда не пахло.ʼ

Безлично могут употребляться почти все глаголы в безличном залоге (см. 4.13.3):

(2) *Ćì-cypìl sar cypìl-pe.*
ʻКричит как резаная.ʼ (букв. ʻне кричит как кричится', т. е. ʻкак кричат')

Отдельно описаны безличные конструкции с глаголами *sỳ* ʻбыть', *kàrd'ol* ʻстать': связочные (ср. *nàj vòja te-...* ʻнельзя', см. 4.5.8.1), необходимости (*sỳ te-...* ʻнадо', см. 4.6.1.4), а также с глаголом *trubùl* ʻнадо' (ср. *trubùl šyladò* ʻнадо подмести', см. 4.6.2.2).

Часть глаголов допускают как личное, так и безличное употребление — можно сказать, что подлежащее при них факультативно:

(3) а. *Le luluď à khànden.* (лично)
ʻЦветы пахнут.ʼ
б. *Khàndel kaćè.* (безлично)
ʻТут пахнет.ʼ

(4) а. *Dukhàl-ma o šərò.* (лично)
ʻУ меня болит голова.ʼ
б. *Dukhàl-ma dətàt.* (безлично)
ʻМне очень больно.ʼ

Такие глаголы мы в списках ниже даём среди безличных, чтобы подчеркнуть саму возможность безличного употребления. В других случаях личное употребление следует относить к другой модели управления в связи с разницей в значениях, ср. *phagàl* ʻломать' (лично), но ʻлихорадить' (безлично — в этом значении подлежащее невозможно).

Особую проблему представляет глагол *kàrd'ol* ʻделаться, наступать являться' (см. 4.5.8.1.1).

Ложнобезличным можно назвать употребление личных глаголов без подлежащего, как будто они безличные (здесь можно восстановить подлежащее *ə v'àsťa* ʻмолва'):

(5) *Sàr te-xàv-le?! Te-źàl pa màn-de pe sà-j Iròpija kə mè xalèm muřə šogoròs?!*
ʻКак это я его съем?! Чтоб пошло обо мне по всей Европе, что я съел своего шурина?!ʼ (реплика змея)

Безличность в таких случаях (других примеров у нас нет), вероятно, окказиональна, и поэтому её, наверное, следует отделять от факультативно (но систематически) безличных глаголов (как, например, *dukhàl* ʻболеть').

В прочих случаях возможность безличного употребления определяется только моделью управления. Простейшие из них не принимают зависимых членов; имеется и несколько переходных безличных глаголов.

4.5.7.1.1. Безличные непереходные предложения

Нулевую валентность могут иметь только некоторые «погодные» глаголы. Часть из них (если не все) употребляется в том же значении и лично (этот список, скорее всего, неполон):

	активные:			неактивные:	
∅	*iforìl*	ʻмести [о метели]'	~ и	*tunerićìl*	ʻтемнеть'
	řonď àl	ʻгреметь [о громе]'	~ и		
	phùrdel	ʻдуть'	~ и		

Например:

(1) а. *Tunerićìl.*
ʻТемнеет.ʼ
⇒ б. *Tunerićìsàjľa.*
ʻСтемнело.ʼ

Таким конструкциям параллельны конструкции со связкой (см. 4.5.8.1):

(2) а. *Dès sy.*
ʻДень.ʼ (ʻсветлоʼ)
⇒ б. *Kàrdiľa dès.*
ʻРассвело.ʼ (букв. ʻстало деньʼ)

Факультативное подлежащее:

(3) *Zuralès phùrdel (ə barvàl).*
ʻСильно дует (ветер).ʼ

Такое факультативное подлежащее, видимо, может быть для каждого глагола по большому счёту только одним конкретным словом с тривиальной семантикой (ʻдуетʼ только ʻветерʼ и т. п.).

Многие погодные и др. явления обозначаются личными предложениями с пустым глаголом *dèl* букв. ʻдатьʼ (см. 4.6.5.1).

4.5.7.1.2. Безличные переходные предложения

Отсутствие подлежащего не подразумевает отсутствия прямого дополнения. Переходные безличные глаголы обозначают неприятные телесные ощущения (дополнение обозначает субъекта ощущений). Все они активны.

4.5.7.1.2.1. Модель: прямое дополнение

Глаголы внутреннего и внешнего воздействия на человека (все активные):

∅в	*kələćìl*	ʻмутитьʼ	
	phagàl	ʻломить, лихорадитьʼ	
	ćoràl	ʻразвезти [от выпивки]ʼ	(букв. ʻукрастьʼ)
	lèl	ʻпронять, растрогать ʼ	(букв. ʻбратьʼ)
	phabaràl	ʻжечь, изжогаʼ	
	volozìl	ʻкособочитьʼ	

Примеры:

(1) *Kələćìl-ma.*
ʻМеня мутит.ʼ
(2) *Phagàl-ma.*
ʻМеня лихорадит.ʼ (букв. ʻломаетʼ)
(3) *Te-volozìl-les!*
ʻЧтоб его перекособочило!ʼ

Со внешним обстоятельством:

(4) *Ćorďà-tu p-o dì o nangò.*
ʻТебя развезло на голодный желудок.ʼ (букв. ʻукралоʼ)

4.5.7.1.2.2. Модель: прямое дополнение + обстоятельство

Несколько глаголов безличны и тогда требуют обстоятельства (все активные):

∅(в)г	*dukhàl*	ʻболеть’	~ ив
	xàl	ʻчесаться’	~ ив
	pusavèl	ʻколоть’	
	śinèl	ʻрезать’	
	(v)ucỳl	ʻныть’	

Примеры на безличность:

(1) *Xàl-ma and-o šərò.*
ʻУ меня чешется в голове.’

(2) *Myřà babà dukhàl tela prašàv.*
ʻУ моей бабушки болит под ребром.’

С этими глаголами возможно факультативное подлежащее. Тогда обстоятельства места не может быть, т. к. оно обозначает тот же параметр ситуации, что и подлежащее:

(3) а. *Dukhàl-ma o dì.* (лично)
ʻУ меня болит живот.’

б. *Dukhàl-ma and-o dì.* (безлично)
ʻУ меня болит в животе.’

Ещё пример с подлежащим (и с ложнопереходным сказуемым *xàl*):

(4) [*Ə blỳnda sy*] *kana šudr’òl o manùš: šudr’òl aj s’à ə morćì xàl.*
ʻ[Крапивница — это] когда мёрзнет человек: мёрзнет и вся кожа чешется.’

4.5.7.1.3. Прочие безличные модели

Изолированные случаи:

	активные:			неактивные:	
∅(и)	*khàndel*	ʻпáхнуть’	~ и(и)		
∅п				*nakhàl*	ʻпонóсить’

Глагол *khàndel* ʻпахнуть’ может управлять частичным дополнением:

(1) *Kaćè khàndel phabà.*
ʻТут пахнет яблоками.’

Предложным дополнением (или обстоятельством?) управляет *nakhàl* в специализированном значении:

(2) [*O pòno*] *sy kana nakhàl anda manùš.*
букв. ʻПонос — это когда проходит из человека.’

4.5.7.2. Личные несвязочные непереходные предложения

Отсутствие прямого дополнения в ряде случаев конструктивно обусловлено. Так, в страдательном и безличном залогах оно невозможно (см. 4.13.2, 4.13.3); возвратные и неактивные глаголы со взаимным значением, соответствующие переходным глаголам, тоже его не имеют, ср. *maràs-ame* ʻдерёмся’, *m’às* ʻмы похожи’ (см. 4.13.4.1в).

В остальных случаях отсутствие или наличие прямого дополнения определяется моделью управления глагола. Ниже рассмотрим непереходные глаголы с разбивкой по наличию непрямых дополнений и обязательных обстоятельств.

4.5.7.2.1. Модель: подлежащее

Таковы глаголы, обозначающие состояние, перемену состояния, движение и др.:

	активные:		неактивные:	
и	*sovèl*	ʻспать’	*bešàl*	ʻсидеть’
	raťarəl	ʻночевать’	*bilàl*	ʻтаять, плавиться’
	tràdel	ʻуезжать’	*phabòl*	ʻгореть’
	rovèl	ʻплакать’	*kaľòl*	ʻчернеть’
	phirəl	ʻходить’	*xasàvol*	ʻтеряться’
	notìl	ʻплавать’	*pleznìl*	ʻтреснуть’
	sugucỳl	ʻикать’	*staxòl*	ʻхрипнуть’
	и мн. др.		и мн. др.	

Например:

(1) 👂 *Nùma źàl-tar o gaźò, o pòdo bilàl.*
ʻТолько уходит мужик, мост тает.’

(2) 👁 *Ćì-źanèl sò te-kərəl, parnilò pa mùj. Sàp!*
ʻНе знает, что делать, побелел лицом. Змея!’

(3) 👂 *Ə trìto rˈàt tumè pàle suťàn, mè pàle bešlèm.*
ʻВ третью ночь вы опять спали, я опять сидел.’

Среди неактивных непереходных глаголов имеется немало слаборематических, а среди активных их очень мало (см. 4.8.9.2), ср.:

(4) а. *Dikhàv: bešəl manùš.*
ʻСмотрю: стоит / сидит человек.’
б. ?* *Dikhàv: sovèl manùš.*
букв. ʻСмотрю: спит человек.’

Имеется особый слаборематический (пустой) глагол *dèl* букв. ʻдать’, ср. *dèl bryšỳnd* ʻидёт дождь’ (см. 4.6.5.1).

4.5.7.2.2. Модель: подлежащее + полупрямое дополнение

Несколько глаголов управляют единственным дополнением в дательном падеже (о форме см. 4.2.1.2.6, о его функции и сомнениях при его выявлении см. 4.3.3.2):

	активные:			неактивные:	
ид	*paťàl*	ʻверить’	~ ин ~ иф	*perəl*	ʻперепасть [о деньгах]’
	aźutìl	ʻпомогать’	~ ид/н(ф)		
	plaćàl	ʻнравиться’	~ фд		
	sỳ	ʻбыть [у кого]’		*aśèl*	ʻостаться’
и(д)	*trubùl*	ʻтребоваться’	~ ф(д)		
	arəsəl	ʻхватать’	~ ф(д)		

Примеры:

(1) 👂 *Kòn plaćàla myřà rakl'à, pala kodò thàv-la.*
'Кто понравится моей дочери, за того отдам её.' (букв. 'поставлю')

(2) ✍ *D'à-pe dròm te-našàl anglè. Našàl sòde našàl, màj-xancořỳ aśil'à-la* [...]. [СЦЯ]
'Бросилась бежать дальше. Бежит сколько бежит, ещё немножко осталось ей.'

(3) *Le řomèn ćì-arəsàl-le lovè.*
'Цыганам не хватает денег.'

(4) *Te phralès pel'à pàrt'a.*
'Твоему брату досталась доля.'

Встречаются колебания между дательным и направительным (см. 4.5.3.5). Глагол *peràl* (букв. 'падать') 'перепасть [о деньгах]' встречается также с количественными подлежащими и не согласуется с ними (см. 4.4.1.1г). Полупрямым дополнением управляет также переходный глагол *dèl* 'дать' (см. 4.6.4).

Некоторые глаголы описаны отдельно в других местах: *sỳ* в обладательной конструкции (см. 4.6.1.1), *trubùl* в конструкции необходимости (см. 4.6.2.1), *aźutìl* 'помочь' может быть каузативным (см. 4.5.10.2).

4.5.7.2.3. Модель: подлежащее + частичное дополнение

Имеется несколько непереходных глаголов с частичным дополнением (именительный падеж, о частичном дополнении см. 4.3.3.3):

	активные:			неактивные:	
и(и)	*khàndel*	'пахнуть'	~ ∅(и)	*phèrd'ol*	'наполняться'
				ćajl'òl	'наедаться'

Примеры:

(1) *O gràst ćajlilò khàs.*
'Конь наелся сена.'

(2) 👂 *Kana vòn pravarèna la mycà, atùnći i vòn ćajl'òn i vòn manřò.*
'Когда они накормят кошку, тогда и они наедятся и они хлебом.'

(3) *Ćì-khàndes pajà.*
'Ты не пахнешь по́том.'

Кроме того, частичное дополнение можно усматривать в редких случаях при непереходных глаголах, обычно не имеющих дополнений, в т. ч. *rovèl* 'плакать', *asàl* 'смеяться' (см. 4.3.3.3).

4.5.7.2.4. Модель: подлежащее + косвенное дополнение

Небольшое число непереходных глаголов имеет одно косвенное дополнение:

	активные:		неактивные и возвратные:		
и(о)	*hodinìl*	'отдыхать [от]'	*hodinìl-pe*	'отдыхать [от]'	
	arakhəl	'отойти [от]'	*skəpìl-pe*	'спастись [от]'	
	asàl	'смеяться [над]'			
			daràl	'бояться'	~ иф
			laźàl	'стыдиться'	~ иф

ио	*dikhàl*	ʻсмотреть [за]ʼ			
им	*dèl-pe gỳndo*	ʻвспомнить [о]ʼ	~ ип	*hamìl-pe*	ʻприставать [к]ʼ
				syťòl	ʻпривыкать [к]ʼ
ин				*aśèl*	ʻбыть к лицуʼ
и(н)				*malàďol*	ʻподходитьʼ
	и др.			и др.	

С отложительным падежом:

(1) ♪ *Kata tumarì dèj te-dikhàn || tumarʼà dà te-nà-mekàn.*
ʻО своей матери заботьтесь, свою мать не оставляйте.ʼ

(2) *Le gaźè daràn màn-dar.*
ʻРусские боятся меня.ʼ

С направительным падежом:

(3) *Kadò gàd aśèl le řomès-kə.*
ʻЭта рубашка идёт цыгану.ʼ

С местным падежом:

(4) 👂 *Ka là-ko dàd ćì-amisàjlo, ďà dròm sà le hyrcàn pe lès-te.*
ʻЕго отца не тронул, выпустил всех мышей на него.ʼ

4.5.7.2.5. Модель: подлежащее + предложное дополнение

Непереходных глаголов с предложным дополнением немного; впрочем, это в какой-то мере размытая категория (за счёт трудностей разграничения дополнений и обстоятельств, см. 4.5.3.1). Здесь мы даём лишь несколько бесспорных примеров (прочие случаи окказиональны, допускают разные толкования или же нами не замечены):

	активные:				неактивные:		
и(п)	*paťàl-pe*	[*ande*]	ʻверить [в]ʼ				
	dilabàl	[*pe*/*ande*]	ʻиграть [на]ʼ				
	dikhàl	[*pe*]	ʻсмотреть [на]ʼ				
ип					*phařòl*	[*pala*]	ʻобожатьʼ
					meràl	[*pala*]	ʻобожатьʼ
	(màj-)naštìl	[*pala*]	ʻобожатьʼ				
	mʼàl	[*pe*]	ʻпоходить [на]ʼ	~ ир			
	и др.						

Примеры:

(5) 👂 *Vò dikhàl pe lèn-de, ćì-phenèl lèn-gə khànći.*
ʻОн смотрит на них, не говорит им ничего.ʼ

(6) 👂 *Te-anèn-la màn-gə, te-làv-la, te-làv-la, kə meràv, kə phařuvàv pala là-te.*
ʻПриведите её мне, чтоб я взял её [замуж], чтоб взял, ибо умираю, ибо сохну по ней.ʼ (букв. ʻлопаюсьʼ, т. е. ʻлюблюʼ)

(7) 👂 *Sò řudìn lès-kə, sò màj-naštìn pala raklò, phenèn màn-gə o dròm, sàr te-arəsàv ka kutàri thàn.*
ʻКак благожелают ему, как же изнемогают по нему, говорят мне дорогу, как мне добраться до такого-то места.ʼ

4.5.7.2.6. Модель: подлежащее + косвенное + предложное дополнение

Глаголы диалога (активные), как и все глаголы, связанные с информацией, управляют предложной группой, которую можно считать дополнением или же «дополняющим обстоятельством» (см. 4.5.3.1а):

и(т)(п)	*divinìl*	[*pa*]	ʻразговаривать’
	dèl dùma	[*pa*]	ʻразговаривать’

Пример:

(1) *Divinisarďàm le ràn-ca pa kadò aratì.*
ʻМы поговорили с властями об этом вчера.’

4.5.7.2.7. Модель: подлежащее + обстоятельство

Здесь всего несколько глаголов (сюда мы не включаем случаи внутренних, но необязательных обстоятельств):

	активные:		неактивные:	
иг	*sy*	ʻбыть [где]’	*bešàl*	ʻбыть, находиться; жить [где]’
	thòl-pe	ʻвстать [куда]’		
ис	*kəràl*	ʻстоить [сколько]’		

С обстоятельствами ме́ста связка *sy* означает скорее ʻнаходиться [где]’, так что это не чисто связочное значение (см. 4.5.8; об обязательных обстоятельствах см. 4.5.3.3):

(1) *Kàj (la) ti dèj?*
ʻГде твоя мать?’
(2) *Akanà amarə řòm sy sàvořə and-əl ćemà.*
ʻСейчас наши цыгане все за границей.’

По значению такие случаи сродни бытийной конструкции (см. 4.5.6), но формально отличаются от неё безударностью *sy* и возможностью употребления подлежащных клитик. При связке в обычном случае рема — обстоятельство, а в бытийном предложении — сам глагол *sỳ*. Их разграничение в части ситуаций искусственно.

Прочие случаи:

(3) *Kàj bešàs? — Kaćè bešàv, maškar ə bàr.*
ʻГде ты живёшь? — Здесь живу, в таборе.’
(4) *Kàj te-thàv-ma? — Thò-tu angla ťo dàd!*
ʻКуда мне встать? — Встань перед отцом!’

Глагол *bešàl* в значении ʻстоять’ (но не ʻсидеть’) в какой-то степени требует обстоятельства места, ср. диалог на улице (ответ — шутливый или невежливый):

(5) *Sò kəràn, śavořàle? — Bešàs.*
ʻЧто делаете, ребята? — Стои́м.’

Единственный в своём роде случай представляет глагол *kəràl* ʻстоить’ — обстоятельство может быть выражено количественным выражением или особыми наречиями:

(6) *Muřò špènco kəràl kùć / lèzni / dùj mìji řùbli.*
ʻМой свитер стоит дорого / дёшево / две тысячи рублей.’

4.5.7.3. Личные несвязочные переходные предложения

Переходные глаголы управляют прямым дополнением (в одном случае — двумя), иногда и другими (полупрямым, частичным косвенным, предложным) дополнениями. В нескольких случаях в модель управления включаем обстоятельство.

4.5.7.3.1. Модель: подлежащее + прямое дополнение

Большинство переходных глаголов управляют одним прямым дополнением (см. 4.3.3.1) — этот список можно считать открытым. Часть из них могут быть ложнопереходными, что означает факультативность дополнения (см. 4.5.3.2):

	активные:			неактивные	
и(в)	*xàl*	‘есть’			
	pèl	‘пить’			
	tiravèl	‘готовить’			
	и мн. др.				
ив	*śinèl*	‘резать, рвать’		*nakhàl*	‘миновать’
	garavèl	‘прятать’		*anzòl*	‘ударить’
	ròdel	‘искать’		*arəsàl*	‘ударить’
	azbàl	‘трогать’		*syťòl*	‘выучить’
	rimòl	‘портить’			
	bystrəl	‘забыть’	~ ип ~ иф		
	и мн. др.				

Например:

(1) *Ľà aj thoďà-la ande ľuľàva aj phandaďà ə ľuľàva.*
‘Взял и сунул её в трубку и закрыл трубку.’

(2) *Ľà o řòm aj laśarďà pànź karfà.*
‘Взял цыган и изготовил пять гвоздей.’

(3) *Nù aj avilì ka-j Grùša užə̀ phurǒřỳ te-mangàl pèh-kə butì, te-phařavèl là-kə le kàš.*
‘Ну и пришла к Груше уже старушка просить себе работу, поколоть ей дрова.’

Неактивные глаголы обычно не бывают переходными. Но есть несколько неактивных глаголов, которые, как и ожидается, всегда ведут себя как непереходные, кроме как в некоторых особых значениях: *nakhàl* ‘перейти, пройти, миновать’, *xutèl* ‘прыгать’ (в значении ‘перепрыгнуть’), *arəsàl* ‘достигать’, *anzòl* ‘дотягиваться’ (оба в значении ‘ударить’), *syťòl* ‘изучать’:

(4) *Vò xutilò o šànco.*
‘Он перепрыгнул (через) канаву.’

(5) *Vò nakhlò ə bàlta.*
‘Он перешёл болото.’

(6) *Vòj anzulì le řomès la palmà-sa.*
‘Она дала цыгану пощёчину.’ (букв. ‘дотянулась цыгана ладонью’)

Переходным бывает *phirəl* ‘обойти [много]’:

(7) *Phirə̀s kỳrdurà, phirə̀s o naròdo.*
‘Ты ходишь по таборам, ходишь по народу.’

(8) ◂ *Sòde kỳrdurȁ phirďàn?*
ʻСколько таборов ты обошёл?ʼ

Имеется подобное употребление и у глаголов движения *źàl* ʻидтиʼ, *hulèl* ʻспускатьсяʼ (только в песнях?):

(9) ♪ *Źàl vojnìko, źàl vojnìko || źàl xarȁ, vulèl xarȁ vȍ.*
букв. ʻИдёт служивый, идёт служивый, идёт холмы, спускается холмы он.ʼ

Неактивный глагол *syťòl* без дополнений означает ʻпривыкатьʼ и ʻучитьсяʼ, но эти значения уточняются дополнениями: ʻпривыкатьʼ + МЕСТ. [к чему]; ʻизучатьʼ + ВИН. [что]. С прямым дополнением это полноценный переходный глагол:

(10) *Kàj sytiľàn ə śìb ə řomajì?*
ʻГде ты выучил цыганский язык?ʼ

Отдельно разобраны факультативные дополнения (см. 4.5.3.2), а также особые типы дополнений, пограничные с обстоятельствами (см. 4.5.3.1). Прямые дополнения имеются также в специальных конструкциях у глагола *lèl* ʻбратьʼ, ср. *lèl-les ə lìndri* (букв. ʻберёт его сонʼ) ʻон засыпаетʼ (см. 4.6.5.2).

Несколько глаголов (обычно непереходных) принимают в качестве прямого дополнения лишь очень ограниченный круг слов: местоимения *sò* ʻчтоʼ, *khànći* ʻничегоʼ, иногда также некоторые назывные существительные (частный случай замены фразы, см. 4.9.2.2):

(11) *Sò divinìs? Iv-yntàjne divinìs!*
ʻЧто ты болтаешь? Напрасно говоришь!ʼ

Здесь глагол *divinìl* в значении ʻговорить лишнее, плести вздорʼ (а не просто ʻразговариватьʼ) ведёт себя как переходный, но не может иметь назывных дополнений.

4.5.7.3.2. Модель: подлежащее + прямое + прямое дополнение

По-видимому, только один глагол (активный) управляет сразу двумя прямыми дополнениями:

ив(в)	*syťarə̀l*	ʻобучатьʼ	~ ивф

Пример:

(1) *Ə gaźì syťarə̀l amarə̀ glatèn ə řusỳcko śìb.*
ʻРусская учит наших детей русскому языку.ʼ

Внешне похожи случаи вроде *ćajľarə̀l amarə̀ glatèn màs* ʻнасыщает наших детей мясомʼ, однако здесь *màs* ʻмясоʼ — частичное дополнение, не могущее быть определённым и заменяться местоимением; к нему невозможно задать вопрос *sò?* ʻчто?ʼ (но можно *sò-sa?* ʻчем?ʼ). В случае же «двухпереходного» *syťarə̀l* замена тоже невозможна (см. 4.9.2.1.5.1), однако возможен вопрос *sò?* ʻчто?ʼ:

(2) *Sò syťarďà-le ə gaźì?*
ʻЧему научила их русская?ʼ

Поэтому мы усматриваем здесь второе прямое дополнение (соответствующее прямому дополнению необычного неактивного, но при этом переходного глагола *syťòl* ʻучитьсяʼ).

⌛ Эта единственная в своём роде модель управления, видимо, обязана своим появлением переосмыслению параметра ʻизучаемоеʼ, который, может быть, в своё время стоял не в винительном падеже и был чем-то вроде расширения или частичного дополнения (ср. ʻучиться чемуʼ ≈ ʻнабираться чегоʼ).

4.5.7.3.3. Модель: подлежащее + прямое + полупрямое дополнение

Среди переходных глаголов полупрямое дополнение (т. е. дополнение в дательном падеже, см. 4.2.1.2.6) встречается только у глагола *dèl* ‘давать’, причём дательный находится в сложном чередовании с другими падежами (см. 4.6.4). Простейший случай:

(1) *Ə gaźì ďà pèh-kə rakloř̀əs pàj.*
‘Баба дала своему сынишке воды.’

Прочие модели управления, включающие полупрямые дополнения, — только у непереходных глаголов (см. 4.5.7.2.2).

4.5.7.3.4. Модель: подлежащее + прямое + частичное дополнение

Переходные глаголы (все активные) с частичным дополнением (см. 4.3.3.3):

иви	*pheràl*	‘наполнять’	~ ивт
	vuśaravèl	‘покрывать’	~ ивт
	ćajľaràl	‘насыщать	~ ивт
	pravaràl	‘кормить’	~ ивт

Примеры:

(1) *Phèr ə vàdra pàj!*
‘Наполни ведро водой.’

(2) *Kə ə raklì barì rovèl, kaj-rovèl, aj vuśaraď̀à-la gàlbi aj pòli aj sumnakàj.*
‘Потому что девушка плачет и плачет, и покрыла её золотыми монетами, и червонцами, и золотом.’

Все эти глаголы имеют альтернативные модели управления с косвенным дополнением, особенно при определённости, ср. *pheràl ə vàdra le pajè-sa* ‘наполняет ведро водой’ (‘вода’ с определённостью).

4.5.7.3.5. Модель: подлежащее + прямое + косвенное дополнение

Многие переходные глаголы (активные) управляют ещё и косвенным дополнением:

и(в)н	*jertìl*	‘прощать’	~ и(ф)(н)
ив(н)	*sykavèl*	‘показать’	~ иф(н)
	phenèl	‘сказать’	~ и(ф)(н)
	dilabàl	‘петь’	~ и(ф)(н)
	śinavèl	‘обещать’	~ иф(н)
	řudìl	‘желать’	~ и(в)н ~ и(ф)н
	anèl	‘нести, вести’	
	aśavèl	‘оставить’	
ивн	*kamèl*	‘быть должным’	
	tràdel	‘слать’	~ ив(м)
ив(н/м)	*pyřỳl*	‘сдать [напр. милиции]’	
	dèl dùma	‘звонить по телефону’	
ив(о)	*puśèl*	‘спросить’	~ иф(о)
	mangàl	‘просить’	~ и(в)ф
	ćoràl	‘красть’	

	lèl	ʻ(за)братьʼ
	garavèl	ʻпрятатьʼ
	и нек. др.	

Примеры с направительным падежом:

(1) 👂 *Mè də kajtì bərš garavàv kadò patrèto, khanikàs-kə ćì-sykadèm.*
ʻЯ уже столько лет прячу этот портрет, никому не показывал.ʼ

(2) ♪ *Sỳ-tu, sòkro, šàx šuklò || Andèm tù-kə màh thulò.*
ʻЕсть у тебя, тесть, кислая капуста. Я принёс тебе сала.ʼ

(3) *Kòn kamèl lovè kakalè řomès-kə?*
ʻКто должен денег этому человеку?ʼ

Колебания между местным и направительным: *pyřỳl* ʻсдатьʼ и др. (об этом см. 4.5.3.5).
С отложительным падежом:

(4) 👁 *Aj mangàl ə karfìn kata pèh-ki řomnì aj dikhàl telè.*
ʻИ просит [он] гвозь у своей жены и смотрит вниз.ʼ

(5) 👂 *Lès-kə phràl sò phendè le gaźès-kə: kə vòn andinè kodolà tərn̓à, ćordè-la katàr o ampəràto.*
ʻЕго братья что сказали мужику: что они привезли эту девушку, похитили её у царя.ʼ

Здесь не даём моделей с факультативным частичным дополнением (см. 4.5.7.3.4).

4.5.7.3.6. Модель: подлежащее + прямое + предложное дополнение

Несколько переходных глаголов управляют, помимо прямого дополнения, ещё и предложным:

ив(п)	*luvudìl*	[*pala*]	ʻхвалить [за]ʼ	
	prinźanèl	[*pa*]	ʻузнать [по]ʼ	~ иф(п)
	и нек. др.			

Примеры:

(1) *Sàvořə luvudìn-tu <u>pala sò kərd̓àn</u>.*
ʻВсе тебя хвалят за то, что ты сделал.ʼ

(2) *Prinźardèm te śavès <u>pa mùj</u>.*
ʻЯ узнал твоего сына в лицо.ʼ

Во многих случаях предложную группу предпочтительно считать не дополнением, а «дополняющим обстоятельством» (см. 4.5.3.1а).

4.5.7.3.7. Модель: подлежащее + прямое дополнение + обстоятельство

Обстоятельство несомненно входит в модель управления в случаях, когда оно обязательно. В прочих случаях решить, включать ли его в модель управления, бывает непросто. Примеры моделей управления с обязательным обстоятельством немногочисленны (эти глаголы активные):

ивг	*thòl*	ʻпоместить, ставить, класть ʼ
ив(с)	*potinèl*	ʻоплатитьʼ

Без обстоятельства не употребляется глагол *thòl* в значении помещения чего-либо куда-либо (у него есть и другие значения):

(1) *Thò ə kućì pe skafedì!*
ʻПоставь чашку на стол!ʼ

Особый оборот *thòl o vàst pe...* (букв. ʻкласть руку на...ʼ) ʻкасатьсяʼ:

(2) *Kana vò: Nù astardèm-tu, Pətro, — aj thoďà* [*o*] *vàs p-o gràs lės-ko.*
ʻТут он: «Ну, я тебя поймал, Пэтро», — и дотронулся коня его.ʼ

Заметим, что этот глагол употребляется также со лжедополнением, тогда обстоятельство необязательно:

(3) *Thò màn-gə zàro (and-o ćàjo)!*
ʻПоложи мне сахару (в чай)!ʼ

Глагол *potinèl* требует обстоятельства со значением количества (денег):

(4) *Sòde potinďàn ťo khər? — Potindèm-le kùći.*
ʻСколько ты заплатил за свой дом? — Я заплатил за него дорого.ʼ

У этого глагола есть и другая модель: и(в)(н)(п) ʻплатить что, кому, за чтоʼ.

4.5.7.3.8. Модель: подлежащее + прямое + косвенное + предложное дополнение

У ряда глаголов (все активные) модели управления имеют максимальное число членов (подлежащее и три дополнения). Во многих случаях предложную группу предпочтительно считать не дополнением, а «дополняющим обстоятельством» (см. 4.5.3.1а), но здесь мы их не различаем:

и(в)(н)(п)	*potinèl*	[*pala*]	ʻплатить	[что, кому, за что]ʼ	
ив(н)(п)	*bitinèl*	[*pala*]	ʻпродать	[что, кому, за что]ʼ	
	phenèl	[*pa*]	ʻсказать	[что, кому, о чём]ʼ	~ иф(н)(п)
ив(о)(п)	*tinèl*	[*pala*]	ʻкупить	[что, у кого, за что]ʼ	
	puśèl	[*pa*]	ʻспросить	[что, у кого, о чём]ʼ	~ иф(в)(п)
	źanèl	[*pa*]	ʻзнать	[что, от кого, о чём]	~ иф(о)(п)
	ašunèl	[*pa*]	ʻслышать	[что, от кого, о чём]ʼ	~ иф(о)(п)
	и нек. др.				

Например:

(1) *Tindèm kadò khər kata-l gaźè pala k-mìja.*
ʻЯ купил этот дом у русских за тысячу.ʼ
(2) *Phèn-ta màn-gə o ćaćimòs pa myřỳ bàba.*
ʻРасскажи-ка мне правду о моей бабушке.ʼ

Глагол *phenèl divàno* ʻрассказыватьʼ можно считать двухчастным; тогда его модель управления будет «и(н)(п)», т. е. та же, что у *phenèl*, но без прямого дополнения, вместо которого имеем *divàno* (букв. ʻрассказ, разговорʼ). Сюда же попадёт параллельный глагол *puśèl divàno* ʻрасспрашиватьʼ «ив(п)». В обоих случаях *divàno* можно считать и прямым дополнением:

(3) *Phiràv aj puśàv divàno kata-l phurà pa phurikanò tràjo.*
ʻЯ хожу и расспрашиваю стариков о старинной жизни.ʼ

4.5.8. Связочные предложения

Собственно связочными следует считать прежде всего конструкции с глаголом-связкой *sy* (о формах см. 3.11.9). Связка выражает общую идею тождества, наличия признака и т. д. Но и в глаголе *bešàl* букв. ‘сидеть, стоять’ можно усмотреть связку с фазовым значением хода, при котором наличие признака специально подаётся как вре́менное состояние (сам признак выражен расширением). Фазовое связочное значение начала выражают глаголы *kàrďol* букв. ‘делаться’ и *peràl* букв. ‘падать’:

sy	(основная связка)	*kàrďol*	(общий глагол становления)
bešàl	(состояние)	*peràl*	(резкий вход в состояние)

В безличных связочных конструкциях (модель: ∅р и ∅(н)р) связка входит в довольно тесное сочетание с именами из закрытого списка, ср. *šỳl (sy)* ‘холодно’. В личных (модель: ир) — сочетаемость весьма широкая.

Начнём с форм основной связки. Только в связочных конструкциях в 3-м лице после вопросительного *sò* ‘что’ (м. б., не только, см. ниже) вместо *sy* можно факультативно употребить особую форму *j* (везде можно *sy*):

(1) *Sò j?*
‘Что?’ (в ответ на зов) / ‘В чём дело?’

(2) *Sò j kadò?*
‘Что это?’

(3) *Sò j kadalà?*
‘Что это за люди?’ (букв. ‘Что есть эти?’)

(4) *Sò j də tatò!*
‘Как жарко!’

Возможно, форма *j* употребима после некоторых других слов (это явно маргинально, нехарактерно для молдовая):

(5) *Sò, gáta j?*
‘Что, готово?’

В песенном регистре есть пример формы *i* (если это она, а не ритмическая вставка) — после согласного:

(6) ♪ *Rakloř̀ə angla lès-te avèn: || Kàj i, tàtə, amarì dèj?*
‘Мальчики к нему подходят: «Где, папа, наша мать?»’

⌛ Неслоговая форма связки *-j* (после гласных), а также *-i* (после согласных), возможно, чуть более употребительна в других кэлдэрарских говорах (ёнешти и др.). Из других диалектов она весьма обычна в ловарском. Эта форма связки, скорее всего, восходит к древнему варианту связки без начального *s-* (или с **h-* вместо него).

Особо оговорим возможность пропуска связки: только в 3.ед. настоящего времени безударная связка *sy* может быть опущена — именно в этой форме, т. е. без клитик (*màj-sỳ* ‘ещё есть’), без отрицания (*nàj* ‘нет’). Это бывает в ряде особых условий.

Во-первых, связка *sy* невозможна при наличии подлежащной клитики (которая как будто её заменяет, см. 4.9.2.1.3):

(7) *Myřỳ dèj xaranì la.*
‘Моя мать умная.’

Связка *sy* опускается в безличной связочной конструкции, если выражен (семантический) субъект, а без него связка факультативна:

(8) *Laźàv là-kə.*
ʻСтыдно ей.ʼ
(9) *Laźàv (sy) (te-phenès kaďà).*
ʻСтыдно (так говорить).ʼ

Личная связка нередко опускается, когда расширение — рема и стоит в начале:

(10) а. *Kadò fòro sy barò.*
ʻЭтот город — большой.ʼ
⇒ б. *Barò (sy) kadò fòro.*
ʻВелик этот город.ʼ

При обычном порядке слов (подлежащее + *sy* + расширение) связка опускается нечасто, однако и таких примеров немало:

(11) *Ə lùmȁa matì.*
ʻЛюди пьяные.ʼ
(12) *Merəl pala là-te dətàt, dùj phraloŕə vòn.* (ожидается *...phraloŕə le*)
ʻСохнет по ней страшно, два братика они.ʼ
(13) *Vòn lì-duj-źejà śipśinďà.*
ʻОни обе шепелявые.ʼ

Связка также может опускаться в некоторых вопросах к обстоятельству:

(14) *Katàr (sy) tù-te kadalà lovè?*
ʻОткуда у тебя эти деньги?ʼ
(15) *Kàj (sy) ti dèj?*
ʻГде твоя мать?ʼ

В связочных конструкциях связка *sy* лишена «собственного» значения, поэтому её отсутствие в соответствующем контексте не приводит к искажению смысла.

В этом смысле отличается употребление того же глагола *sy* с обстоятельством места или времени (а не с расширением). Тогда *sy* всё-таки наделён собственным значением ʻнаходиться [где]ʼ, ʻпроизойти [когда]ʼ и т. п. В этих значениях *sy* — не совсем связка и рассматривается вместе с другими глаголами (см. 4.5.7.2.7). В таких случаях *sy*, по-видимому, опускается реже (но всегда заменяется подлежащными клитиками, как связка).

4.5.8.1. Безличные связочные предложения

Глагол-связка *sy*, а также его фазовые соответствия (*kàrďol* букв. ʻделатьсяʼ, *peràl* букв. ʻпадатьʼ) принимают имена из более или менее закрытого списка (существительные, прилагательные, наречия, оценочные числительные, а также не употребляемые автономно слова) в роли расширения, а также косвенное дополнение в направительном падеже. В части случаев имеется ещё один член (модели управления различаются и обязательностью членов). Простейшие примеры (с *sy*):

(1) *Mìla sas màn-gə kata źukə̀l.* (существительное)
ʻМне было жаль собаки.ʼ
(2) *Pharò sas màn-gə te-phiràv.* (прилагательное)
ʻМне было трудно ходить.ʼ
(3) *Mištò sas màn-gə kə aviľàn.* (наречие)
ʻМне было хорошо что ты пришёл.ʼ
(4) *Dòsta sas màn-gə te-dikhàv-tu.* (оценочное числительное)
ʻМне было достаточно тебя видеть.ʼ

Эти особые обороты производят впечатление более или менее тесных сочетаний — в т. ч. потому, что лексическое значение сказуемого передаётся именем, а связка в некоторых условиях опускается, но формально это связочная конструкция почти без синтаксических аномалий (кроме особого поведения расширений-существительных, сближающихся в этих оборотах с прилагательными, см. ниже).

Расширение может быть одним из следующих слов (даём для каждого случая модель управления и тип фразового члена: зависимый оборот или придаточное предложение):

имя		со связкой	управление		*te*-ЗО	*te*-ПП	*kə* ПП
существительные:							
šỳl	ʻхолод’	ʻхолодно’	∅р(н)				
ìstra	—	ʻскользко’	∅р(н)				
dàr	ʻстрах’	ʻстрашно’	∅р(н)(о/ф)		+		+
laźàv	ʻстыд’	ʻстыдно’	∅р(н)(о/ф)		+	+	+
gr’àca	—	ʻпротивно’	∅р(н)(о/ф)		+	+	
n’àza	ʻужас’	ʻжутко’	∅р(н)(о/ф)		+		
mìla	—	ʻжаль’	∅рн(о/п)	[*pala*]			
dòro	—	ʻскучать’	∅р(н)п	[*pala*]			
xolì	ʻзлость’	ʻзлиться’	∅рн(п)	[*pe*]			
xỳta	ʻщекотка’	ʻщекотно’	∅рн				
lìndri	ʻсон, спаньё’	ʻхотеть спать’	∅рн				
vòja	ʻволя’	ʻможно’	∅р(н)(ф)		+	+	
прилагательные:							
tatò		ʻтепло, жарко’	∅р(н)				
ćořò		ʻплохо’	∅р(н)				
pharò		ʻтрудно’	∅р(н)(ф)		+		
vušòro		ʻлегко’	∅р(н)(ф)		+		
vuřỳto		ʻпротивно’	∅р(н)(ф)		+		
наречия и числительные:							
mùsaj	ʻобязательно’	ʻдóлжно’	∅р(н)(ф)		+	+	
mištò		ʻхорошо’	∅р(н)(ф)				+
ćořəs	(~ *ćorò*)	ʻплохо’	∅р(н)(ф)				+
bùt		ʻмного’	∅р(н)				
xancỳ		ʻмало’	∅р(н)				
dòsta		ʻдостаточно’	∅р(н)(ф)		+		+

⌛ Все эти обороты — точные кальки с соответствующих румынских, ср. *dàr màn-gə* = рум. *mi-e frícă* ʻмне страшно’ (букв. ʻмне есть страх’), так же существительные *laźàv* = *ruşíne* ʻстыд’; *šỳl* = *frig* ʻхолод’ и т. д. (остальные существительные, кроме *ìstra*, заимствованы из рум. *mílă*, *vóie*, *greáţă*, диал. *músai*, вступающих и в румынском языке в эту конструкцию). То же с прилагательными, ср. *tatò màn-gə* = рум. *mi-e cald* ʻмне тепло/жарко’ и др. Заметим, что даже асимметрия в рум. *mi-e cald* : *mi-e frig*, с прил. *cald* ʻтёплый’, но сущ. *frig* ʻхолод’ (а не *réce* ʻхолодный’), точно скалькирована в кэлдэрарский. В румынском эта конструкция применяется также с рядом других слов (например, *foáme* ʻголод’, *séte* ʻжажда’), чему у кэлдэрар соответствуют личные конструкции (*bokhalò sym* ʻя голоден’, *trušalò sym* ʻхочу пить’).

В настоящем времени без отрицания и выделения связка *sy* безударна или опускается. В прошедшем времени (*sas*) она безударна. Эти безударные формы не могут начинать предложение (см. 4.8.1.1):

(5) а. *Laźàv / tatò / mištò / dòsta (sy).*
‘Стыдно / тепло / хорошо / достаточно.’
б. *Nàj laźàv / tatò / mištò / dòsta.*
‘Не стыдно / тепло / хорошо / достаточно.’
в. *Laźàv / tatò / mištò / dòsta sas.*
‘Было стыдно / тепло / хорошо / достаточно.’
г. *Nàs laźàv / tatò / mištò / dòsta.*
‘Не было стыдно / тепло / хорошо / достаточно.’

Прилагательные могут быть уменьшительными: *tatořò* ‘жарковато’ и т. д. С существительными это возможно, пожалуй, только с *šylořò* ‘холодновато’ (букв. ‘холодок’).

Связка *sy* опускается обязательно, если есть дополнение в направительном падеже:

(6) *Le řomèn-gə dàr.*
** *Le řomèn-gə dàr sy.*
‘Цыганам страшно.’
(7) *Mìla là-kə kata źuklořò.*
** *Mìla sy là-kə kata źuklořò.*
‘Ей жалко щенка.’

Это не относится к общим вопросам:

(8) *Sỳ tù-kə dàr?* *~ Dàr tù-kə?*
‘Тебе страшно?’

Отрицательные *nàj*, *nàs*, а также *avèl* и др. формы, как всегда, ударны:

(9) *Nàj vòja te-phenès kaďà.*
‘Нельзя так говорить.’
(10) *Màn-gə nàj xolì pe tù-te.*
‘Я на тебя не злюсь.’
(11) *Khanikàs-kə nàs mištò.*
‘Никому не было хорошо.’
(12) *Avèl tumèn-gə šỳl bi le gazòs-ko.*
‘Вам будет холодно без газа.’

Ударны, как всегда, и сослагательные формы *avèl*, *avilinò*:

(13) *Te-avilinò màn-gə tatò, nàs-kə bešàv paša bòv.*
‘Если бы мне было тепло, я бы не сидел у буржуйки.’
(14) *Trubùl te-avèl laźàv ťa śà-kə.*
‘Должно быть стыдно твоей дочери.’

Особенность расширений-существительных при безличной связке (*dàr* ‘страх’, *šỳl* ‘холод’ и т. д.) состоит в отсутствии у них синтаксических свойств полноценных ядер существительных групп: в частности, они не могут определяться артиклем или прилагательными; однако возможно наречие степени (*dətàt* ‘очень’, *cỳřa* ‘чуть’ и т. п.), относящееся ко всему сказуемому (в этом смысле такие имена приближаются к прилагательным, поэтому существительными могут считаться лишь с оговорками):

(15) *Dàr màn-gə dətàt.*
** *Barì dàr màn-gə.*
‘Мне очень страшно.’
(16) *Dətàt nàj vòja te-phenès kaďà.*
** *Nàj ćì-jekh vòja te-phenès kaďà.*
‘Ни в коем случае нельзя так говорить.’

Кроме того, они сближаются с прилагательными и в том, что могут в этих безличных конструкциях образовывать сравнительную степень, как прилагательные: ср. не только *màj-tatò* ‘теплее’, но и *màj-dàr* ‘страшнее’. Вообще, все перечисленные расширения, кроме *vòja*, *mùsaj*, *dòsta*, имеют сравнительные формы:

(17) *Aratì sas màj-šỳl sar adès.*
‘Вчера было холоднее, чем сегодня.’

(18) *Tù-kə màj-laźàv sar màn-gə.*
‘Тебе стыднее, чем мне.’

Эти же расширения возможны в восклицательных предложениях (см. 4.7.5), в т. ч. в восклицательных степени признака:

(19) *Sò j də tatò / šỳl / mištò!*
‘Как жарко / холодно / хорошо!’

В определительных восклицательных возможны только те из них, что формально относятся к существительным (см. таблицу выше):

(20) *Ćè mìla màn-gə!* ****tatò**
‘Как мне жаль!’

Расширение может быть опущено в порядке эллипсиса, но только если связка ударна:

(21) а. *Sỳ tù-kə laźàv? — Sỳ!*
‘Тебе стыдно? — Стыдно!’

б. *Nàj tù-kə tatò? — Sỳ!*
‘Тебе не жарко? — Жарко!’

в. *Nàs tù-kə dàr? — Sàs!*
‘Тебе не было страшно? — Было!’

Примеры с фразовыми членами даём отдельно (см. 4.5.10.4).

4.5.8.1.1. Безличные фазовые связочные предложения

Конструкциям, выражающим состояние, могут соответствовать конструкции с начинательным значением (с разными оттенками) — с глаголами *kàrďol* и *peràl*. Кроме того, начало выражается другой (личной) конструкцией с глаголом *lèl* (см. 4.6.5.2):

		sy	*kàrďol*	*peràl*	*lèl*
šỳl	‘холодно’	+	+		+
ìstra	‘скользко’	+	+		
dàr	‘страшно’	+	+	+	+
dòro	‘скучать’	+	+		+
laźàv	‘стыдно’	+	+	+	+
lìndri	‘хотеть спать’	+			+
gr’àca	‘противно’	+	+	+	+
n’àza	‘жутко’	+	+	+	+
mìla	‘жаль’	+	+	+	+
xolì	‘злиться’	+			+
xỳta	‘щекотно’	+	+		
vòja	‘можно’	+			
mùsaj	‘до́лжно’	+			
прил. и нар.		+	+		

С расширениями, выраженными прилагательными и наречиями, а также некоторыми существительными, фазу начала выражает фазовая связка *kàrďol* ‘стать’:

(1) а. *Tatò (sy).*
‘Тепло.’
б. *Kàrdiľa tatò.*
‘Стало тепло.’

С частью расширений-существительных чаще выступает *peràl* букв. ‘упасть’:

(2) а. *Dàr màn-gə tumèn-dar.*
‘Я боюсь вас.’ (букв. ‘страх мне вас’)
б. *Peràl màn-gə dàr tumèn-dar.*
‘Я начинаю вас бояться.’ (букв. ‘падает мне страх вас’)
в. *Kàrďol màn-gə dàr tumèn-dar.*
‘Я начинаю вас бояться.’ (букв. ‘становится мне страх вас’)

Конструкции в примерах (2)бв устроены так же, как и исходная конструкция (2)а: в них глаголы *peràl* и *kàrďol* выполняют связочную функцию, а при *dàr* не может быть определений (т. е. это более или менее тесные сочетания):

(3) *Peràl màn-gə dàr tumèn-dar dətàt.*
** *Perəl màn-gə barì dàr tumèn-dar.*
‘Начинаю вас сильно бояться.’

В этом же значении с частью имён употребляется и личная конструкция с переходным глаголом: *lèl-ma ə dàr* букв. ‘берёт меня страх’ (см. 4.6.5.2). Безличность конструкций с *peràl* и *kàrďol* видна в перфекте по отсутствию согласования:

(4) *Màn-gə kàrdiľa dàr tumèn-dar.* ***kàrdili*
букв. ‘Мне стало страшно вас.’
(5) *Peľà màn-gə dàr tumèn-dar.* ***pelì*
‘Я вас испугался.’

В примере (5) глагол *peľà* букв. ‘упало’ стоит в безродовой форме (не ***pelì dàr*), т. к. это безличное предложение (подлежащего нет, о таком согласовании см. 4.4.1.1). Ср. также в песенном регистре (непоказательно, см. 5.1.2.3):

(6) ♪ *Mìla là-kə peľàs-oj || vàh p-əl bàl thoďàs-oj.*
‘Жаль ей стало, волос коснулась. (букв. ‘руку на волосы положила’)

Особую проблему представляют конструкции с глаголом *kàrďol* в значении ‘возникать, являться’ (например, волшебным образом). С одной стороны, судя по безродовому окончанию перфекта, безличны предложения типа (7)б:

(7) а. *Dès sy.*
‘День.’ (‘светло’)
⇒ б. *Kàrdiľa dès.*
‘Рассвело.’ (букв. ‘стало день’)

По этому же критерию безлично:

(8) 👂 *Ľà o raklò, śinďà o bàl anda lès-ki grìva, śuďà and-o vàš: kàrdiľa dròm.*
‘Взял парень, вырвал волос из его гривы, кинул в лес: явилась дорога.’

Этот пример мог бы быть преобразованием (по смыслу) предложения *...sỳ dròm* ‘есть дорога’, которое, однако, нет никаких оснований считать безличным (в отличие от *dès sy* ‘день’ с безличной связкой). С другой стороны, невозможно ***kàrdilo dròm*. Поэтому мож-

но сказать, что возникновение в некоторых случаях выражается безлично, а существование — лично.

4.5.8.2. Личные связочные предложения

Только в личных связочных конструкциях с *sy* возможна замена подлежащего подлежащной клитикой (только в 3-м лице). При наличии подлежащной клитики связка опускается, так что клитика как будто заменяет связку:

(1) а. *Kadò řòm sy barvalò dətàt.*
⇒ б. *Kadò řòm barvalò lo dətàt.* ****sy barvalò lo*
ʻЭтот цыган очень богат.ʼ

При этом действуют разные правила и ограничения (подробности и примеры: см. 4.9.2.1.3.2). Здесь мы рассмотрим предложения с расширением (а предложения с обязательным обстоятельством, которые по поведению глагола тоже являются связочными, даём отдельно, см. 4.5.7.2.7).

Личным связочным предложением подлежащее тем или иным образом отождествляется с расширением или наделяется выраженным им признаком, или же между ними устанавливаются отношения принадлежности и др.

Часто подлежащим связки *sy* являются указатели *kadò*, *kodò* ʻэто’, в т. ч. в вопросах:

(2) *Kadò sy laśò màs.*
ʻЭто хорошее мясо.ʼ
(3) *Kòn sy kadò?*
ʻКто это?ʼ
(4) *Sò j kadalà?*
ʻЧто это за люди?ʼ

При назывании себя (например, по телефону) *kadò* не применяют; подлежащее всегда *mè* ʻя’ (можно опустить), расширение (имя) — рема:

(5) *O Ćambàri sym.*
ʻЭто Чямбари.ʼ

Неоднозначны случаи, когда на месте подлежащего стоит наречие *kaďà* ʻтак’:

(6) *Kaďà nàj mištò.*
ʻТак не хорошо.ʼ

Очевидно, в них можно усматривать пропуск типа *kaďà te-kərəs* ʻтак делать’, *kaďà te-avèl* ʻчтобы было так’ и т. п., так что подлежащее — придаточное предложение, ср. без пропуска:

(7) *Nàj mištò te-maťòs kaďà.*
ʻНехорошо так напиваться.ʼ

Отметим тавтологические тождества вроде:

(8) *Řòm sy řòm.*
ʻЦыган есть цыган.ʼ

Несколько особых слов употребляются только как расширение при *sy* — прилагательные *gàta* ʻготовый’ и *dòš* ʻвиноват’ (также ʻвинá’):

(9) *Gáta san te-marəs-tu?*
ʻТы готов драться?ʼ

(10) *Ćì-sym dòš, vò kòrkořo maladʹà-ma*.
ʻЯ не виноват, он сам меня ударил.ʼ

Расширение при личной связке может быть выражено группами с разнообразными ядрами (см. 4.3.4.1; примеры с фразовыми членами даём отдельно, см. 4.5.10.4). Здесь дадим обзор связочных предложений с условной разбивкой на семантические группы (везде подчёркнуто расширение):

(а) тождество

Подлежащее и расширение (существительная группа) находятся в одно-однозначном отношении:

(11) *Kadò řòm sy muřò dàd.*
ʻЭтот цыган — мой отец.ʼ

То же самое, но с возможной неоднозначностью расширения (что никак не видно по форме группы *myřỳ phèj* ʻмоя сестраʼ, т. к. неясно, есть ли ещё сёстры):

(12) *Kaďà źuvlì sy muřỳ phèj.*
ʻЭта женщина — моя сестра.ʼ

В условиях, когда возможен артикль (см. 4.2.1.6.2), неоднозначности быть не должно:

(13) *Vò sy o řòm o màj-barvalò ande sà ə lùmȁ.*
ʻОн самый богатый цыган из всего [цыганского] общества.ʼ

(14) *O Jòno sy o primàri le kyrdòs-ko.*
ʻЁно — барон табора.ʼ

(б) вхождение в класс

Подлежащее и расширение находятся в одно-многозначном отношении. Класс может быть назван существительной группой (неопределённой, обычно без артикля):

(15) *Muřò dàd sy barvalò manùš.*
ʻМой отец — богатый человек.ʼ

(16) *Řòm sam amè.*
ʻМы цыгане.ʼ

Сюда относится метаязыковое употребление:

(17) *O gulùmbo sy ćiriklì.*
ʻГолубь — птица.ʼ

Здесь же можно привести особые местоимения в отложительном падеже:

(18) *Tù san amarə̀n-dar.*
ʻТы — наш.ʼ (котляр-молдовая)

(в) наличие признака

Расширение — прилагательное (в т. ч. местоимение):

(19) *Atùnći sỳmas tərnȍřỳ.*
ʻТогда я была молоденькая.ʼ

(20) *Amè sam kasavè.*
ʻМы такие.ʼ

(21) *Amè sam kàna-gòdi gàta te-maràs-ame.*
ʻМы всегда готовы драться.ʼ

В сравнительной степени:

(22) *Tù san màj-barò màn-dar.*
ʻТы старше меня.ʼ

Прилагательное вводится предлогом *də* после особых определителей, ср. *sò də tatò* ʻкакой горячийʼ, *kaďà də barvalò* ʻтакой богатыйʼ (см. 4.2.3.1г, 4.7.5).

Также в относительных значениях: расширение — притяжательная форма (нераспространённая) из закрытого списка (см. 3.7.2):

(23) *O Jòno sy ràn-go, kaj phirəl ka le ràj.*
ʻЁно — представитель, [т. е.] кто ходит к властям.ʼ (*ràn-go* букв. ʻвластейʼ)

Расширение — наречная группа. Это возможно лишь в узком кругу конструкций. Оценочные наречия: *mištò* ʻхорошоʼ, *ćořəs* ʻплохоʼ — возможны только при подлежащем-местоимении (или безлично):

(24) *Kadò / kaďà / sà mištò sy.* ** *laśò*
ʻЭто / так / всё хорошо.ʼ
(25) *Kadò / kaďà / sà ćořəs sy.* ** *ćořò*
ʻЭто / так / всё плохо.ʼ

Прочие наречия: *dəplìn* ʻвпоруʼ, *dòsta* ʻдостаточно, *(iv-)yntàjne* ʻзряʼ; некоторые слова можно считать наречиями или прилагательными: *iv'à* ʻбесплатноʼ, *vòrta* ʻверноʼ, *xancỳ* ʻмалоʼ, *cỳřa* ʻмалоʼ, *bùt* ʻмногоʼ, ср.:

(26) *Kadò špènco sy iv'à.*
ʻЭтот свитер бесплатный.ʼ
(27) *Sà sò phenès vòrta sy.*
ʻВсё, что ты говоришь, — верно.ʼ

Эти наречия (или прилагательные?) невозможны в качестве определения, ср. ***iv'à špènco* (ʻбесплатный свитерʼ), ***vòrta divàno* (ʻправильный разговорʼ).

Расширение — предложная группа; предлог *sar* ʻкакʼ:

(28) *Amè sàmas sar tumèn-de.*
ʻМы были, как вы.ʼ

Возможно и *sar tumè*, но тогда, пожалуй, вернее будет считать это сложным предложением (с косвенным вопросом) с эллипсисом связки.

(г) состояние (результат действия)

Расширение — причастие:

(29) *Amarò pàpo vestimè lo.*
ʻНаш дед знаменит.ʼ
(30) *O vudàr sas phandadò.*
ʻДверь была закрытой.ʼ

В примере (30) сообщается о состоянии двери: он не будет понят как **ʻдверь закрыли' (что обычно выражается неактивным глаголом *phandàdilo* или возвратным *phandaďàpe* ʻбыла закрытаʼ — страдательный залог, см. 4.13.2).

(д) принадлежность

Расширение — притяжательные группа и местоимение (о разных значениях притяжательных групп см. 4.2.1.10.2, там же об ограничениях в роли расширений):

(31) *Kaďà matòra sy muřə̀ dadès-ki.*
‘Эта машина — моего отца.’
(32) *Kadò sy muřò.*
‘Это моё.’

(е) возраст

Расширение — притяжательная форма с числительным или притяжательная форма числительного:

(33) *Myřỳ śèj dò bəršə̀n-gi la.*
Myřỳ śèj dòn-gi la.
‘Моей дочери два года.’

(ж) пригодность, назначение

Расширение — притяжательная форма (нераспространённая):

(34) *Kadò pàj sy pimàs-ko.*
‘Эта вода — питьевая.’
(35) *Muřò śàv ansurimàs-ko lo.*
‘Моему сыну пора жениться.’

(з) количество

Расширение — числительное. При указании числа людей — личные числительные (их можно считать существительной группой с числительным определителем: тогда «счётное слово» *źenè* ‘люди’ — ядро):

(36) *Amè sàmas štàr-źenè.*
‘Нас было четверо.’

Особый случай — слово *jèkh* ‘1’:

(37) *Amarì śìb jèkh sy.*
‘Наш язык — один.’ (‘одно и то же, одинаковый’)

(и) вопрос и ответ ‘как дела’

Расширение — наречная группа. Этикетная формула:

(38) *Sàr san? — Mištò (sym).* ** *laśò*
‘Как дела? — Хорошо.’

Можно было бы считать, что тут *mištò* выступает как прилагательное, однако в этом обороте можно употребить только наречие *ćořə̀s* ‘плохо’ (поэтому здесь можно усматривать не расширение, а обстоятельство):

(39) *Sàr san? — Ćořə̀s dətàt.* ** *ćořò*
‘Как дела? — Очень плохо.’

(к) прочее

При указании времени расширение — особое сочетание числительных; впрочем, здесь можно усмотреть эллипсис слова *ćàsuŕa* ‘часов’ — тогда это существительная группа (см. 4.3.7.2.2.1):

(40) *Sỳgo avèl bi bišə̀n-go dèš.*
‘Скоро будет без двадцати десять.’

Пограничные случаи между расширением и обстоятельством — в значении предназначения или происхождения:

(41) *Kadò sy tù-kə.*
‘Это тебе.’

(42) 👁 *Sò sy śinadò, kadò užə̀ nàj kata dèl, kadò kata bèŋg. Phendèm-la, phendèm-la!*
‘Что суждено, это уже не от бога, это от чёрта. Я сказала его, я сказала его!’ (произнесла слово-табу *bèng* ‘чёрт’) [Кож.]

Местоимение-наречие *kaďà* ‘так’ может предварять рассказ и т. п. (как бы служа приложением к последующему тексту):

(43) 👂 *Ə paramìći sy kaďà: ...*
‘Сказка такая: ...’

4.5.8.2.1. Личные фазовые связочные предложения

Типы расширений при глаголах, которые можно считать личными связками:

		сущ.	притяж.	прил.	прич.	нар.
ир	*sy*	+	+	+	+	+
	bešàl			+	+	
	kàrďol	+	+	+	+	+
	peràl		+	+	+	

Обычно *sy* и *kàrďol* ‘стать’ составляют фазовую пару; менее строго это относится и к *peràl* букв. ‘упасть’:

(1) а. *Tù řòm san.*
‘Ты цыган.’
б. *Tù kàrdiľan řòm.*
‘Ты стал цыганом.’

(2) а. *Nasvalò sym.*
‘Я болен.’
б. *Pelèm nasvalò.*
‘Я заболел.’

(3) 👂 *Kàrdilo o raklò źì ka maškàr baŕunò.*
‘Стал парень до пояса каменным.’

Отметим, что глагол *kàrďol* имеет также значение ‘притворяться’:

(4) *Vò kàrdilo kašukò.*
‘Он притворился глухим.’

В таких случаях фазовое значение передаётся специальным глаголом, ср. *kašutisàjlo* ‘оглох’. Глагол *kàrďol* ‘притворяться’ может иметь и фразовое расширение (см. 4.5.10.1.3).

Личные связочные конструкции, выражающие вре́менные состояния человека, в т. ч. ‘голод’, ‘жажда’ (в отличие от ‘холод’ и др., см. 4.5.8.1), имеют специальные глагольные фазовые соответствия (списки таких отымённых глаголов, см. 3.11.11.6):

(5) а. *Trušalò sam. Bokhalè san.*
‘Мы хотим пить. Вы голодны.’
б. *Amè trušàjľam aj tumè bokhàjľan.*
‘Мы захотели пить, а вы проголодались.’

В некоторых случаях связкой можно считать глагол *bešàl* букв. ʻсидеть, стоять; жить’. В отличие от общей связки *sy*, он, по-видимому, имеет фазовое значение хода (или такую тенденцию), т. е. выражает состояние в его протекании (по крайней мере, в ряде оборотов). Глаголы *bešàl* и *peràl* образуют устоявшиеся сочетания с отдельными прилагательными и причастиями:

bešàl phandadò	ʻсидеть в тюрьме’	*peràl phandadò*	ʻпопасть в тюрьму’
(*bešàl nasvalò*	ʻбыть больным’)	*perəl nasvalò*	ʻслечь’

В отличие от свободных сочетаний с присказуемым, ср. *bešàl matò* ʻсидит / стоит пьяный’ (см. 4.3.5.2), в данном случае значение глагола *bešàl* — скорее связочное (быть может, это не относится к *bešàl nasvalò* ʻбыть больным’). Это различие может объясняться степенью постоянства признака, выраженного прилагательным, и, как следствие, разной степенью абстрактности значения самого глагола (от конкретного ʻсидеть, стоять; находиться, жить [где]’ до общего ʻпребывать [в каком состоянии]’):

(6) *Muřò śàv pelò phandadò.*
ʻМой сын попал в тюрьму.’ (т. е. ʻмоего сына посадили’)

Сюда примыкает идиома:

(7) *Pelèm asamàs-ko.*
ʻМеня осмеяли.’ (букв. ʻя попал смешным’)

Ещё одно типичное употребление *bešàl* можно считать связочным, однако оно граничит с бытийным:

(8) *Koćè bešàl ramomè: ...*
ʻТам написано: ...’

Впрочем, чаще это выражается возвратно: *ramòl-pe* букв. ʻпишется’.

4.5.9. Полусвязочные предложения

Здесь мы рассмотрим модели управления глаголов-полусвязок (связки *sy*, *bešàl*, *kərďòl*, *peràl* даны отдельно, см. 4.5.8). Эти глаголы в несвязочном употреблении имеют «собственное» значение (в моделях управления без расширения), а также в какой-то степени (в т. ч. радикально) отличное от него полусвязочное значение (при наличии расширения). Отдельно рассмотрим безличные, личные непереходные и переходные глаголы. Некоторые глаголы (в т. ч. двухчастный *keràl butì* ʻработать [кем]’) можно назвать полусвязочными в той или иной степени условно, т. к. фигурирующее при них расширение иногда можно считать присказуемым (см. 4.3.5).

4.5.9.1. Безличные полусвязочные предложения

Кроме безличной связки (см. 4.5.8.1), безлично с расширением может употребляться лишь глагол *trubùl* ʻнадо’ (подробно см. 4.6.2.3):

(1) *Kaćè trubùl šyladò.*
ʻЗдесь надо подмести.’

4.5.9.2. Личные непереходные полусвязочные предложения

Непереходные глаголы принимают расширение к подлежащему (см. 4.3.4.1) — сюда мы также включили один глагол с косвенным дополнением:

	активные			значение без расширения
ир	*m̓àl*	‘походить [на кого]’	~ ип	‘казаться’
	kərəl butì	‘работать [кем]’		‘работать’
	неактивные:			
ир	*kàrd̓ol*	‘притворяться [кем, каким]’		‘делаться, происходить’
	nikàrd̓ol	‘считаться / считать себя [кем]’		‘держаться; вести себя’
	źàl	‘считаться, проходить [как кто]’		‘идти’
	aśèl	‘остаться [в итоге] [чем, каким]’		‘оставаться’
	arəsàl	‘стать [кем], достичь положения’		‘достать, добраться’
	trubùl	‘надо... [что сделать]’		‘надо’
	buśòl	‘называться [как]’		+ *kə...* ‘означать’
инр	*avèl*	‘приходиться [кем]’		‘приходить’

Ядро расширения может быть разным (по части речи; отдельно выделяем причастие):

	сущ.	притяж.	прил.	прич.	нар.
aśèl	+	+	+	+	
arəsàl	+		+		
avèl	+				
m̓àl	+		+	+	
kàrd̓ol	+		+	+	
kərəl butì	+				
nikàrd̓ol	+		+		
źàl	+				
trubùl				+	
buśòl	(+)				

Дадим примеры на каждый из глаголов, разбив их условно на семантические группы (подчёркнуто расширение). Ближе всего к связочному значению:

(1) *Ə phurì aśilì <u>barì rajì</u>, aj o phurò aśilò telè šərə̀-sa.* (сущ.)
‘Старуха стала большой госпожой, а старик остался с носом.’ (букв. ‘вниз головой’)

(2) *No ə̀ta, aj pala kadò i aśilè <u>ćajkòni</u>, kə lèn-go dàd sas Ćàjka lèh-ki famìlija.*
‘Ну вот, и после этого и стали [они] «чайкони», ибо их отец был Чайка — его фамилия.’

(3) *O řòm kadò arəslò <u>barò</u>.*
‘Этот цыган достиг высокого положения.’ (букв. ‘достиг большой’)

О родственниках (с косвенным дополнением):

(4) *<u>Sò</u> avèn tù-kə vòn? — Vòn avèn màn-gə <u>n̓àmurə̀</u>.* (сущ.)
‘Кем они тебе приходятся? — Они приходятся мне родственниками.’

Значение сходства:

(5) *M̓às <u>řòm</u>.* (сущ.)
‘Ты похож на цыгана.’

Глагол *m'àl* ‘быть похожим’ имеет и другую модель управления: с дополнением с предлогом *pe* ‘на’; вопрос можно задать только так: *pe kàs-te / sòs-te m'àl* ‘на кого / что похож’. Во множественном числе он может выступать автономно: *m'àn* ‘они похожи (друг на друга)’ (см. 4.13.4.2в).

Один глагол — двухчастный (пограничный случай: здесь при желании вместо расширения можно видеть присказуемое):

(6) *Kadò gaźò kəràl butì jurìsto.* (сущ.)
‘Этот русский работает юристом.’

Значение мнения:

(7) *Kana xàh-ame le řòm: Tù sò, inkàrď oh húľo?* (сущ.)
‘Когда мы, цыгане, ссоримся: «Ты что, считаешь себя орлом?»’

(8) *Kadalà řòm nikàrď on barvalè.* (прил.)
‘Эти цыгане считаются богатыми ’

(9) *Le buzòni ćì-maj-źàn ləjècy.* (сущ.)
‘Бузони больше не проходят как немолдовая.’

При глаголе *buśòl* ‘называться’ выступают имена собственные и пр. названия (обычно без артикля):

(10) *Lèh-ki śèj buśòlas Màľa, aj lèh-ko śàv Rudòľfo.*
‘Его дочь звали Маля, а его сына — Рудольфо.’

Особая конструкция необходимости с глаголом *trubùl* ‘требоваться’ — действие, которое надо совершить, выражается расширением-причастием, согласуемым с подлежащим (см. 4.6.2.2):

(11) *Ti sèj trubùl məritimè.*
‘Твою дочь надо выдать замуж.’ (букв. ‘нужна выдана’)

Особое употребление *źàl* ‘идти’:

(12) *Aj kurkà les d-ansurisarď às || lujinè kətàna gəľàs-ə.*
‘А в воскресенье его женил, в понедельник в солдаты ушёл.’ (‘солдатом’)

4.5.9.3. Личные переходные полусвязочные предложения

Переходные глаголы-полусвязки (все активные) употребляются с расширением к (прямому) дополнению (см. 4.3.4.2):

			значение без расширения
ивр	*kəràl*	‘делать кем; превращать в кого’	‘делать’
	thòl	‘назначать кем’	‘ставить, класть’ и др.
	mekàl	‘оставлять кем / каким’	‘пускать’
	aśavèl	‘оставлять каким’	‘оставлять’
	nikəràl	‘считать, держать за кого’	‘держать’
	alòl	‘избирать кем’	‘перебирать; чистить’
	akharàl	‘называть кем / как’	‘звать’
	prasàl	‘дразнить кем / как’	‘насмехаться над’

Ядро расширения при этих глаголах может быть разным (меньшее разнообразие, чем с расширением к подлежащему):

	сущ.	притяж.	прил.	прич.	нар.
kərə̀l	+		+		
thò̀l	+				
mekə̀l	+		+		
nikərə̀l	+		+		
alò̀l	+				
akharə̀l	(+)				
prasə̀l	(+)				

Даём примеры по условным семантическим группам.
Превращение (более-менее истинный каузатив к связке *sy*):

(1) ♪ *Dèvla, kə̀r-ma <u>ćiriklì</u>!*
‘Боже, сделай меня птицей!’

Близкие по смыслу глаголы:

(2) *Thò-ma <u>tirvì</u>.*
‘Сделай меня [своей] кумой.’

(3) ◀ *Kə mekl̓à-ma màn muř̀o dàd <u>barò</u>.*
‘Потому что оставил меня мой отец бароном.’

(4) 👁 *Ə̀ vàdra nàs vòja te-aśavèl o manùš <u>nangì</u>.* [Кож.]
‘Ведро нельзя было, чтобы человек оставлял пустым.’

Значение мнения:

(5) *Nikəràv-tu <u>řòm xaranò</u>.*
‘Я считаю тебя умным цыганом.’

При глаголе *akharə̀l* ‘звать’ выступают имена собственные и пр. названия:

(6) *Sàvoř̀ə akharə̀n-ma <u>ćòr</u>.*
‘Все называют меня жуликом.’

Особое употребление *lèl* ‘брать’:

(7) *Linè-le <u>kətàna</u>.*
‘Забрали его в солдаты.’

В этом обороте на месте расширения к дополнению *kətàna* ‘солдат’ может стоять расширение *kətənìja* ‘армия’, непрозрачное по синтаксической связи с дополнением: *lìne-le kətənìja* букв. ‘забрали его армия’.

4.5.10. Предложения с фразовыми членами

Выше мы рассмотрели различные модели управления, исходя из критерия наличия подлежащего (личные, безличные) и разных типов дополнений (переходные, непереходные и др.). Во многих моделях имеются фразовые члены, которые мы давали в записи альтернативных моделей. Так, например, глагол *źanèl* ‘знать’ дан с моделями «ив(о)(п) ~ иф(о)(п)». Вторая из них содержит фразовый член; это значит, что может возникнуть сложноподчинённое предложение, причём фразовый член стоит «на месте» существительной группы, благодаря чему можно «определить», какой это член предложения (подлежащее, дополнение, расширение), поэтому такие фразы мы называем именными (подробно о

них см. 4.12.2). В некоторых случаях это невозможно — когда член может быть только фразовым. Всё это необходимо рассмотреть отдельно, различая конкретные типы фразовых членов (придаточное предложение, зависимый оборот и т. п.) и группируя их по членам предложения, т. е. вне классификации моделей управления.

Фразовые члены выражаются т. н. именной подчинённой фразой (см. 4.12.2), которая бывает разных типов:

— зависимый оборот (ЗО) — глагол с клитикой *te-* (без подлежащего);
— придаточное предложение (ПП):
  — в зависимом наклонении — глагол с клитикой *te-* (с подлежащим или безл.);
  — бессоюзное изъяснительное (∅);
  — с изъяснительным союзом:
    kə ʻчто’; *sar* ʻкак’; *kana* ʻкогда’;
  — косвенный вопрос (с вопр. местоимением или союзом *vaj...vaj* ʻили, или’).

Здесь нас не интересует свободное относительное предложение, т. к. оно может выступать в роли любого члена, в т. ч. обращения (см. 4.12.4.1).

4.5.10.1. Предложения с именными фразовыми членами

Чаще всего именную подчинённую часть можно объявить дополнением:

(1) а. *Phenďàn màn-gə kaďà vòrba.* (прямое дополнение)
ʻТы сказал мне это слово.’
б. *Phenďàn màn-gə te-potinàv.*
ʻТы сказал мне заплатить.’
в. *Phenďàn màn-gə kə kamàv tù-kə lovè.*
ʻТы сказал мне, что я должен тебе денег.’

(2) а. *Daràv kata marimòs.* (косвенное дополнение)
ʻЯ боюсь войны.’
б. *Daràv te-meràv.*
ʻЯ боюсь умереть.’
в. *Daràv kə mudarəl-ma o dušmàno.*
ʻЯ боюсь, что меня убьёт враг.’

Как видно, глаголы *phenèl* ʻговорить’ и *daràl* ʻбояться’ могут управлять не только «прототипическими» дополнениями (т. е. существительной группой), но также зависимыми оборотами (со своим сказуемым, но без подлежащего) и придаточными предложениями (со своим сказуемым и подлежащим). В примерах (1)б и (1)в подчёркнутые члены можно считать прямыми дополнениями, т. к. они стоят «на месте» существительной группы *kaďà vòrba* ʻэто слово’ (в винительном падеже) и к ним можно задать вопрос *sò phenďàn?* ʻчто сказал?’. Аналогично, в примерах (2)б и (2)в имеем косвенное дополнение «на месте» обычного *kata marimòs* букв. ʻот войны’ (в отложительном падеже, выраженном лжепредлогом), причём ко всем можно задать вопрос *sòs-tar daràs?* ʻчего боишься?’.

Та же процедура возможна и для подлежащего:

(3) а. *Plaćàl-ma kaďà nùnta.* (подлежащее)
ʻМне нравится эта свадьба.’
б. *Plaćàl-ma te-źàv ka-l nùncy.*
ʻМне нравится ходить на свадьбы.’
в. *Plaćàl-ma sàr kərďàn ə nùnta.*
ʻМне нравится, как вы сделали свадьбу.’

В общих чертах распределение типов именной подчинённой фразы по членам предложения можно изобразить так (ЗО = зависимый оборот, ПП = придаточное предложение):

	ЗО: *te-*	ПП: *te-*	ПП с союзом: ∅	*kə* и др.	косв. вопрос
подлежащее	+	+	+	+	+
дополнение: прямое	+	+	+	+	+
косвенное	+	+		+	
предложное	+			+	
расширение: к подлежащ.	+	+		+	(+)

Случаи, когда можно считать, что именная подчинённая фраза входит в синтаксическую группу, ограничены небольшим рядом ядер (см. 4.2.1.16.1).

Выделяем группы по типу члена предложения (см. следующие разделы).

4.5.10.1.1. Фразовое подлежащее

Подчинённые фразы могут быть подлежащими при нескольких глаголах. В этих разнородных случаях при глаголе имеется ещё один член (в одном случае расширение, в остальных — дополнение), иногда факультативный:

			ЗО: *te-*	ПП: *te-*	∅	*kə*	*sar*	*vaj*	*kana*	косв. вопр.
фр	*sy*	(связка)	–	+	–	+	–	–	+	–
ф(д)	*trubùl*	ʻнадоʼ	–	+	–	–	–	–	–	–
	arəsàl	ʻхватитʼ	+	+	–	+	–	–	–	–
фд	*plaćàl*	ʻнравитьсяʼ	+	–	–	+	–	–	+	+
фв	*xoľaràl*	ʻзлитьʼ	–	–	–	+	–	–	+	–
	mirìl	ʻудивлятьʼ	–	–	–	+	–	–	+	–
ф(н)	*dìćol*	ʻвидноʼ	–	–	–	+	–	–	–	–
фн	*avèl*	ʻхочетсяʼ	+	–	–	–	–	–	–	–
ф	*anklèl*	ʻполучатьсяʼ	–	–	–	+	–	–	–	–

В конструкции со связкой *sy*:

(1) *Mištò sy <u>kə zuralè sam</u>.* (придаточное с изъясн. союзом)
ʻХорошо, что мы здоровы.ʼ

(2) *O hanomòs sy <u>kana hanòs dìžy</u>.* (придаточное с изъясн. союзом)
ʻЛужение — это когда лудишь котлы.ʼ

(3) *Nàj mùndro <u>te-kərəs kaďà</u>.* (придаточное в завис. накл.)
ʻНекрасиво так поступать.ʼ

В похожей внешне конструкции с направительным дополнением, напр.: *pharò lès-kə te-phirəl* ʻему трудно ходитьʼ, зависимый оборот *te-phirəl* мы считаем дополнением всей конструкции *sy pharò*, а не подлежащим (см. 4.5.8.1, 4.5.10.4).

С прочими глаголами:

(4) 👂 *Akanà trubùl <u>te źàl-tar o raklò khərà</u>.* (придаточное в завис. накл.)
ʻТеперь надо, чтоб парень шёл домой.ʼ

(5) *Plaćàl-ma te-phiravàv-ma.* (зависимый оборот)
‘Мне нравится гулять.’
(6) *Ćì-plaćàl-la kana kərəs kaďà.* (придаточное с изъясн. союзом)
‘Ей не нравится, когда ты так делаешь.’
(7) *Dìćolas kə matò lo.*
‘Видно было, что он пьян.’
(8) ✍ *Kaďà anklisťà kə le řòm kaj-gòdi le.* [СЦЯ]
‘Так вышло, что цыгане повсюду.’

Глагол *dìćol* ‘быть видным, виднеться’ может быть залоговой парой к *dikhàl* ‘видеть’, причём тогда дополнение второго превращается в подлежащее первого. Другие такие случаи залогового подлежащего: *ramòl-pe* ‘пишется’, *phenèl-pe* ‘говорят’, *haťarəl-pe* ‘разумеется’ (возможно, и некоторые другие, о страдательном залоге см. 4.13.2), а также, возможно, *mʼàl* ‘похоже, кажется’.

Конструкция с глаголом *avèl* со значением непреодолимого желания (см. 4.2.6.3):

(9) *Avèl màn-gə te-rovàv.* (зависимый оборот)
‘Мне хочется плакать.’

Это конструкция формально тождественна конструкции необходимости (см. 4.6.1.4), однако здесь мы усматриваем глагол *avèl* ‘приходить’, а не форму будущего времени от *sỳ* ‘быть’ (конструкция необходимости будущего времени не имеет).

4.5.10.1.2. Фразовое дополнение

Все перечисленные ниже глаголы — личные, причём подлежащее не может быть фразовым. Обычно фразовый член легко отождествить по функции с существительной группой в роли прямого дополнения (реже — косвенного). Непонятно, что делать, когда существительной группой данный глагол не управляет. Однако мы условно помещаем эти немногочисленные случаи сюда и рассматриваем такие фразовые член вместе с прямым дополнением:

(а) прямое дополнение

Прямые дополнения этих глаголов выражают восприятие или знание факта (‘знать [что]’, ‘видеть [что]’, ‘верить [во что]’, ‘забыть [что]’ и т. д.), навык (‘учиться [чему]’), желаемое действие (‘пытаться [что сделать]’) и др.:

			ЗО: *te-*	ПП: *te-*	∅	*kə*	*sar*	*vaj*	косв. вопр.
иф	*zumavèl*	‘пытаться’	+	–	–	–	–	–	–
	kamèl	‘хотеть’	+	+	–	–	–	–	–
	mangàl	‘хотеть; проситься’	+	–	–	–	–	–	–
	źanèl	‘уметь’	+	–	–	–	–	–	–
	lèl sàma	‘замечать’	–	+	+	+	–	–	–
	dikhàl	‘видеть’	–	+	+	+	+	–	+
	aźukəràl	‘ждать’	–	+	–	+	–	–	–
	dèl p-o (a)gòr	‘догадаться’	–	–	+	+	–	–	–
иф(н)	*paťàl*	‘верить’	–	–	–	+	–	–	–
	sykavèl	‘показать’	–	–	+	+	+	–	+
	dèl vòrba	‘дать слово’	+	–	+	+	–	–	–
	dèl armajà	‘клясться, проклясть’	+	–	+	+	–	–	–

			ЗО: *te-*	ПП: *te-*	∅	*kə*	*sar*	*vaj*	косв. вопр.
	solaxàl	‘клясться’	+	–	+	+	–	–	–
	śinavèl	‘обещать’	+	–	+	+	–	–	–
	řudìl	‘умолять’	–	+	–	–	–	–	–
	jertìl	‘прощать’	–	–	–	+	–	–	–
иф(п)	*sərə̀l*	‘помнить’	–	–	+	+	+	+	+
	bystrə̀l	‘забыть’	+	–	–	+	+	+	+
	ašunèl	‘слышать’	–	+	+	+	+	–	+
	haťarə̀l	‘понимать’	–	–	+	+	+	–	+
	gyndìl(-pe)	‘думать’	+	–	+	+	–	–	–
	dinèl	‘читать’	–	–	–	+	–	–	–
иф(о)(п)	*źanèl*	‘знать’	–	–	+	+	–	–	+
	syťòl	‘учиться’	+	–	–	–	–	–	–
ифн(п)	*xoxavèl*	‘врать’	–	–	+	+	–	–	–
иф(н/м)(п)	*phenèl*	‘говорить’	–	+	+	+	–	+	+
	pyřỳl	‘выдать’	–	–	–	+	–	–	+
иф(в/о)(п)	*puśèl*	‘спросить’	–	–	+	–	–	+	+

В части случаев можно сделать наблюдения о семантике отдельных типов подчинённой фразы. Так, при глаголе знания и т. п. зависимый оборот обозначает навык, а придаточное с изъяснительным союзом — информацию (глагол *źanèl* в таблице дан дважды):

(1) *Źanès te-khəlès řomanès?* (ЗО: навык)
‘Ты умеешь танцевать по-цыгански?’

(2) *Ti dèj źanèl kə sànas and-o fòro.* (ПП *kə*: информация)
‘Твоя мать знает, что ты был в городе.’

У прочих глаголов дополнения формально и семантически более однозначны:

(3) *Kàj sytiľàn te-dès dùma?* (ЗО: навык)
‘Где ты научился говорить?’

(4) *Gyndìs-tu kə ćì-dikhlèm-tu?* (ПП *kə*: информация)
‘Думаешь, я тебя не видел?’

(5) *Tù ašunďàn pa là-te kə kòn-gòdi ćì-gəľà oćè, sàvořə aśèn bi šərà̀s-ko.*
‘Ты слышал о ней, что кто бы ни пошёл туда, все остаются без головы.’

Придаточное без союза — полупрямая речь или сродни ей (см. 4.12.9.2):

(6) *Ľà-les ə lìndri, uštilò də dəmiňàcy, dikhə̀l: sà o manřò lićardò lo.*
‘Заснул он, встал утром, видит: весь хлеб помят.’

Придаточное в зависимом наклонении — в значении предотвращаемого действия:

(7) *Lè sàma te-nà peràs!*
‘Смотри не упади!’

Косвенный вопрос (см. 4.12.2.4.1):

(8) *Ćì-źanàv kàj te-thàv-tu, phràla.*
‘Не знаю, куда тебя поместить, брат.’

(9) *Sykàv amèn-gə sàr khəlès.*
‘Покажи нам, как ты танцуешь.’

(10) *Ašùn: źà... ka khàm! Aj pùś katàr o khàm sàr te-vàzdes-les.*
‘Слушай: иди... к солнцу! И спроси у солнца, как его воскресить.’

Прочие случаи:

(11) *Avilìsah ka-l manùš, avilìsah lèn-de khərà. Aj mangľà te-śòl-pe and-o khàr.*
‘Пришла к людям, пришла к ним домой. И попросилась зайти в дом.’

(б) косвенное дополнение

При нескольких глаголах именная подчинённая фраза соотносима с косвенным дополнением в отложительном падеже:

			ЗО: *te-*	ПП: *te-*	∅	*kə*	*sar*	*vaj*	*kana*	косв. вопр.
иф	*dikhàl*	‘присматривать’	+	+	−	−	−	−	−	−
	daràl	‘бояться’	+	−	−	+	−	−	−	−
	laźàl	‘стесняться’	+	−	−	+	−	−	−	−
	gətòl-pe	‘готовиться’	+	−	−	−	−	−	−	−

Примеры:

(12) *Daràv kə mudarəs-ma.*
‘Я боюсь, что ты меня убьёшь.’

(13) *Nà-laźa te-śòs-tu lès-te.*
‘Не стесняйся заходить к нему.’

(14) *Dìkh te-nà-perəl ə glàta!*
‘Смотри, чтобы ребёнок не упал!’

Трудный пример — неясно значение придаточного предложения:

(15) *Vòj dikhàl te-źàl o manùš kodò pèh-ki... la glatà te-dèl te-xàl* [...?] *ili dèl là-te, ka koďà phuŕořỳ.*
‘Она смотрит, пойдёт ли этот человек своя... ребёнку даст есть [...?] или даст ей, этой старушке.’ (речь идёт о *мамёрры*, мифол. персонаже)

(в) предложное дополнение

И здесь всего несколько глаголов:

			ЗО: *te-*	ПП: *te-*	∅	*kə*	*sar*	*vaj*	*kana*	косв. вопр.
иф	*merəl*	‘алкать’ [*pala*]	+	−	−	−	−	−	−	−
	phařòl	‘алкать’ [*pala*]	+	−	−	−	−	−	−	−
	xoľàvol	‘злиться’ [*pe*]	−	−	−	+	−	−	−	−

Примеры:

(16) *Mulèm te-xàv. Te-avilinò màn-gə katkà, phèn-kə, khə khajnì vàrkə kotòr màs!*
‘Я смертельно проголодался. Явилась бы мне тут, думает, курица или кусок мяса!’ (букв. ‘умер поесть’)

(17) *Phařulèm te-ašunàv kaďà dilì.*
‘Страсть как хочу услышать эту песню.’ (букв. ‘лопнул послушать’)

(18) *Xoľàvel kə nàj pàj ande vàdra.*
‘[*Мамёрры*] злится, что нет воды в ведре.’

4.5.10.1.3. Фразовое расширение

Фразовое расширение возможно в ограниченном круге случаев и только с изъяснительным союзом:

			ЗО: *te-*	ПП: *te-*	∅	*kə*	*sar*	*vaj*	*kana*	косв. вопр.
∅ф	*sy*	(связка)	–	–	–	+	–	–	–	–
∅(н)ф	*m'àl*	‘похоже’	–	–	–	+	–	–	–	–
(и)ф	*buśòl*	‘значит’	–	–	–	+	–	–	–	–
иф	*kàrd'ol*	‘притворяться’	–	–	–	+	–	–	–	–

Безлично со связкой (только с отрицанием):

(1) *Nàj kə ćì-kamàv.*
‘Не то что я не хочу.’ (т. е. ‘дело не в том, что...’)

При личном употреблении связки (с местоимением-подлежащим) союз *kə* будет иметь скорее причинное значение ‘потому что’; в таких случаях неясно, расширение ли это (или особое обязательное обстоятельство причины):

(2) *Kadò sy kə ćì-kərdèm lovè kukò bàrš.*
‘Это потому что я не заработал денег в том году.’

Безлично может употребляться *m'àl* ‘казаться’. Косвенное дополнение — семантический субъект; подчинённую часть можно считать расширением ради единства с личным употреблением:

(3) *Màn-gə m'àl kə dèl bryšỳnd.*
‘Мне кажется, идёт дождь.’

Глагол *buśòl* ‘называться’ — безлично или с подлежащим *kadò* ‘это’:

(4) *Kadò buśòl kə o Gògo sas te papòs-ko phràl.*
‘Это значит, что Гого был братом твоего деда.’

Только лично — *kàrd'ol* ‘притворяться’:

(5) *O raklò kàrdilo kə nakhàl aj d'à la sabijà-sa pa źukàl, mudard'à-les.*
‘Парень сделал вид, что проходит, и ударил саблей по псу, убил его.’

4.5.10.2. Каузативные глаголы с фразовыми членами

Сюда прежде всего отнесём случаи, когда глагол, управляющий дополнением, управляет также зависимым оборотом (чьё невыраженное подлежащее соответствует дополнению глагола; о подлежащих зависимого оборота см. 4.12.2.1). Такие глаголы — **синтаксически каузативные** в том смысле, что субъект главного предложения, выраженный их подлежащим, делает что-то, что приводит к некоему действию объекта, выраженного дополнением (прямым или полупрямым). Эти глаголы следует отличать от лексически каузативных глаголов, в которые действие объекта «запаяно» лексически (см. 4.13.4.4). Синтаксические каузативы позволяют выразить действие объекта произвольно.

Часть глаголов, которые каузативными можно назвать лишь с натяжкой, управляют дополнением в направительном падеже (тогда о прямом воздействии речь не идёт, назовём это «влиянием»). Фразовым членом тогда может быть зависимый оборот или придаточное предложение (со своим подлежащим или безличное).

Некоторые же глаголы могут употребляться без дополнения (т. е. объект воздействия со стороны субъекта не назван и неважен), и тогда фразовый член может быть представлен только придаточным предложением.

Таким образом, получается четыре типа каузативов:

(а)	ʻ*x* воздействует	на *y*	так,	что	*y* [делает что-то]’	(ЗО)
(б)	ʻ*x* влияет	на *y*	так,	что	*y* [делает что-то]’	(ЗО)
(в)	ʻ*x* влияет	на *y*	так,	что	[происходит что-то]’	(ПП)
(г)	ʻ*x* делает		так,	что	[происходит что-то]’	(ПП)

В большинстве случаев на место фразовых членов трудно подставить существительную группу, так что нет смысла пытаться отождествить их с каким-либо именным членом предложения (в отличие от многих других глаголов, см. 4.5.10.1). Фразовый член также не является обстоятельством цели (то же о глаголах движения: см. 4.5.10.3).

Каузативными можно считать следующие глаголы:

			te-ЗО	*te*-ПП
иф	*kərə̀l*	ʻсделать [так, чтобы]’		+
	mekə̀l	ʻпозволить, дать’		+
ивф	*kərə̀l*	ʻзаставить’	+	
	mekə̀l	ʻпозволить, дать’	+	
	mangə̀l	ʻпросить’	+	+
	cə̀rdel	ʻтянуть’	+	
	thòl	ʻкласть’	+	
и(д/н)ф	*aźutìl*	ʻпомогать’	+	
и(н)ф	*phenèl*	ʻвелеть’	+	+
	śinavèl	ʻсудить, завещать’	+	+
	mekə̀l	ʻсудить, завещать’	+	+

Примеры (разбивка соответствует перечисленным выше типам):

(а) винительный / дательный падеж: зависимый оборот

Собственно каузативными глаголами с наименее выраженным собственным значением можно считать только *kərə̀l* (букв. ʻделать’) ʻзаставить’ и *mekə̀l* ~ *mukə̀l* (букв. ʻпустить’) ʻпозволить, дать’. Различие в семантике состоит в степени активности воздействия со стороны субъекта (поэтому это всё-таки не «чистые» каузативы). Примеры с дополнением и зависимым оборотом:

(1) *Kòn kərə̀la muřà śà te-asə̀l...*
ʻКто рассмешит мою дочь...’ (ʻкто заставит мою дочь смеяться’)

(2) *Na kə̀r-ma te-xə̀v-ma tù-sa!*
ʻНе заставляй меня ругаться с тобой.’

(3) *Kərdèm le gaźès te-mangə̀l jertimòs.*
ʻЯ заставил мужика попросить прощения.’

(4) *Mèk la glatà te-sovèl.*
ʻДай ребёнку поспать.’

(5) *Mèk-ma te-źə̀v.*
ʻДай мне уйти.’

Что касается глагола *mekàl* букв. ‘пускать’, то именно его каузативное употребление лежит в основе предикативной частицы *mèk* ‘пусть, пускай’ (см. 4.7.3).

У прочих глаголов каузативность сопровождается выраженным собственным лексическим значением:

(6) 👂 *Aj peravèl-les, peravèl-les pa gràst, cỳrdel-les ə trùš te-pèl.*
‘И валит, валит его с коня, тянет его жажда пить.’

(7) *Thò la glatà te-sovèl!*
‘Уложи ребёнка спать!’

(8) *Mangàv-tu te-potinès.*
‘Я прошу тебя заплатить.’

В части случаев прямое дополнение может выступать на месте фразового члена (и в сравнимом значении), однако есть различия в управлении, ср.:

(9) а. *Mangàv tù-tar lovè.* ??~ *-tu*
‘Я прошу у тебя денег.’ ‘тебя’

б. *Mangàv-tu te-dès-ma lovè.* ??~ *tù-tar*
‘Я прошу тебя дать мне денег.’ ‘у тебя’

Поэтому *mangəl* ‘просить’ в каузативном значении нужно рассматривать отдельно.

Пограничный случай между этим типом и следующим (дат. или напр.):

(10) *Azútisàr-ma te-vušťàv.* ~ *màn-gə*
‘Помоги мне встать.’

(б) направительный падеж: зависимый оборот

Глаголы, так или иначе связанные с речью, выражением воли:

(11) *Phenďàn amèn-gə te-nà-maràs-ame.*
‘Ты сказал нам не драться.’

(12) *Śinaďà lès-kə o dèl te-avèl barvalò.*
‘Судил ему бог быть богатым.’

(в) направительный падеж: придаточное предложение

То же, что предыдущее, но адресат воли не является подлежащим зависимой фразы:

(13) *Nà-phen màn-gə te-nà-cypìn muřə glàti.*
‘Не говори мне, чтобы не кричали мои дети.’

(14) *Tọ dàd mukľà tù-kə te-bešàv ande ťo khər.*
‘Твой отец завещал тебе, чтобы я жил в твоём доме.’

(г) без дополнений: придаточное предложение

Отсутствует объект воздействия:

(15) ♪ *Nà-kər, dèvla, te-meràs.*
‘Не делай, боже, чтоб мы умерли.’

(16) 👂 *Mekľà te-źàn-tar sàvořə.*
‘[Она] дала всем уйти.’

Подчеркнём, что это не придаточное цели (невозможен целевой союз: ?**kàs te-meràs* ‘[с тем, чтобы] умерли’, ***kàs te-źàn-tar* ‘[с тем, чтобы] ушли’).

Пример с местоимением *kaďà* ‘так’ (о замене фраз см. 4.9.2.2), плеонастически предвосхищающим фразу (можно считать её приложением к местоимению):

(17) ♪ *Ćì-mekl̓à o dèl kad̓à || te-lèl dàd la śà le || vàro la varà le || aj o phràl la ph̓à le.*
ʻНе судил бог так, чтоб брал отец дочь *ле*, кузен кузину *ле*, а брат сестру *ле.*ʼ

4.5.10.3. Глаголы движения с фразовыми членами

Глагол *źàl* ʻпойтиʼ управляет зависимым оборотом (с тем же подлежащим), на месте которого не может стоять существительная группа. Поэтому неясно, какой это член предложения — проще видеть здесь некое тесное сочетание глаголов. Зависимый оборот обозначает цель, однако он не может быть заменён обстоятельственным придаточным предложением цели (т. е. не может быть союза *kàs* ʻчтобыʼ), ср.:

(1) а. *Źàv te-ròdav butì.*
ʻЯ пойду искать работу.ʼ
≠ б. *Źàv kàs te-ròdav butì.*
ʻЯ пойду, чтобы искать работу.ʼ

Подобное верно для глаголов *našàl* ʻбежатьʼ, *dèl-pe dròm* ʻкидаться, пускатьсяʼ и, возможно, для некоторых других:

(2) ✍ *Le źukàl ašundè, kə rìś bašavèl and-o vudàr, aj dinè-pe dròm te-xàn-les.* [СЦЯ]
ʻСобаки услышали, что медведь стучит в дверь, и бросились его кусать.ʼ

Сюда можно также отнести *thòl-pe* букв. ʻставиться, кластьсяʼ:

(3) *Trubùl te-thàs-ame te-sovàs.*
ʻНам надо ложиться спать.ʼ

Однако, пожалуй, это не так для глаголов *avèl* ʻприйтиʼ, *śòl-pe* ʻзайтиʼ, ср. возможность союза *kas* (т. е. это придаточное цели):

(4) *Avilèm (kas) te-kəràv butì.*
ʻЯ пришёл (чтобы) работать.ʼ
(5) *Śò-tu (kas) te-taťòs.*
ʻЗаходи (чтобы) погреться.ʼ

Без возвратности *thòl* скорее каузативный (см. 4.5.10.2).

4.5.10.4. Конструкции с фразовыми членами

Конструкциями мы назвали «частично заполненные» модели управления (см. 4.4.2.2). Некоторым из них свойственны фразовые члены (обычно их трудно отнести к конкретному члену предложения). Это в первую очередь относится к связочным предложениям с теми или иными расширениями, «открывающими» новые валентности (результат можно, таким образом, считать новой моделью управления). Рассмотрим несколько типов конструкций:

(а) безличные связочные конструкции

Некоторые безличные предложения с расширением, ср. *šỳl (màn-gə)* ʻ(мне) холодноʼ (список таких расширений — закрытый), помимо первого дополнения («семантический субъект»), могут управлять и вторым, которое может быть существительной группой, но чаще это фразовый член. При перечислении этих расширений мы дали и модели управления (указав тип фразового члена, см. 4.5.8.1). При наличии упомянутого первого дополнения фразовый член в зависимом наклонении может быть только зависимым оборотом (т. е. не иметь явного подлежащего):

(1) *Nàj tù-kə dàr <u>te-źàs koćè</u>?* (*te*-ЗО)
ʻТебе не страшно идти туда?ʼ
(2) *Là-ka babà-kə pharò <u>te-phirə̀l</u>.* (*te*-ЗО)
ʻЕё бабушке трудно ходить.ʼ

При отсутствии этого дополнения подлежащее выражается во фразовом члене, поэтому это придаточное предложение:

(3) *Mùsaj <u>kadò te-avèl</u>.* (*te*-ПП)
ʻЭто должно случиться.ʼ
(4) *<u>Ə̀ vàdra</u> nàs vòja <u>te-aśavèl o manùš nangì</u>.* (*te*-ПП) [Кож.]
ʻВедро нельзя было, чтобы человек оставлял пустым.ʼ

Часть расширений допускает изъяснительные придаточные:

(5) *Mištò amèn-gə <u>kə aviľàn</u>.* (*kə* ПП)
ʻМы рады, что ты приехал.ʼ (букв. ʻнам хорошо...ʼ)
(6) *Dàr màn-gə <u>kə mudarə̀s-ma</u>.* (*kə* ПП)
ʻЯ боюсь, что ты меня убьёшь.ʼ

В соответствующих фазовых предложениях — те же члены:

(7) *Kam-perə̀la màn-gə dàr tù-tar <u>kə xoxavèh-ma</u>.*
ʻА вдруг я испугаюсь, что ты меня обманешь.ʼ

Такие же фразовые члены имеем и в близкой по смыслу (или синонимичной) личной фазовой конструкцией с глаголом *lèl* (см. 4.6.5.2):

(8) *Phèjo, thò màn-gə ťo patrèto and-o pyznàri* [...] [*te-ankalavàv-le*] *kana lèla-man o dòro <u>te-dikhàv pe tù-te</u>, phèn-kə.*
ʻСестра, положи мне свою фотографию в карман [...] [чтобы вытащить] когда затоскую по тому, чтоб посмотреть на тебя, мол.ʼ (букв. ʻвозьмёт меня тоскаʼ)

(б) личные связочные конструкции

Как и в безличных, в личных связочных конструкциях (см 4.5.8.2) некоторые расширения допускают фразовый член (во всех случаях можно говорить об управлении, чей источник — не глагол, см. 4.2.3.2, 4.2.5.2, 4.4.2.3).

Так, при прилагательном *gàta* ʻготовыйʼ типичен фразовый член в виде зависимого оборота:

(9) *<u>Gàta</u> sym <u>te-maràv-ma</u>.*
ʻЯ готов драться.ʼ

При прилагательных типа *baxtalò* ʻсчастливыйʼ, *trìsto* ʻгрустныйʼ возможно изъяснительное придаточное с союзом *kə* ʻчтоʼ, однако здесь также можно усматривать обстоятельственное придаточное причины с омонимичным союзом *kə* ʻпотому чтоʼ:

(10) *<u>Baxtalè</u> sam <u>kə aviľàn</u>.*
ʻМы счастливы, что ты приехал.ʼ

(в) «особые» конструкции

Фразовые члены имеют место также в различных несвязочных конструкциях с глаголами *sỳ* ʻбытьʼ, *trubùl* ʻнадоʼ, а также *daštì(l)* ʻмочьʼ и рассматриваются вместе с этими конструкциями (см. 4.6.1, 4.6.2, 4.6.3).

4.6. Особые конструкции

Здесь мы дадим конструкции, для описания которых недостаточно информации о моделях управления. В них глаголы выступают в специфических значениях, проявляющихся только при заполненности модели управления зависимыми членами. Этим конструкциям часто свойственно особое поведение в т. ч. в том, что касается порядка слов.

4.6.1. Несвязочные конструкции с глаголом *sʸ̀*

Имеются разнообразные конструкции с глаголом *sʸ̀* ‘быть’, которые трудно назвать связочными (связочные даны отдельно, см. 4.5.8): притяжательные, модальные (необходимости, возможности). В этих (а также бытийной, см. 4.5.6) несвязочных конструкциях глагол *sʸ̀*, в отличие от связочных, в обычном случае ударен и не опускается.

Каждое из перечисленных значений выражается одной-тремя конструкциями с вариантами, различающимися способом выражения «семантического» субъекта, ударностью глагола и др. Приведём однозначные примеры:

(1) *Pàj sʸ̀.* (бытие)
‘Вода есть.’

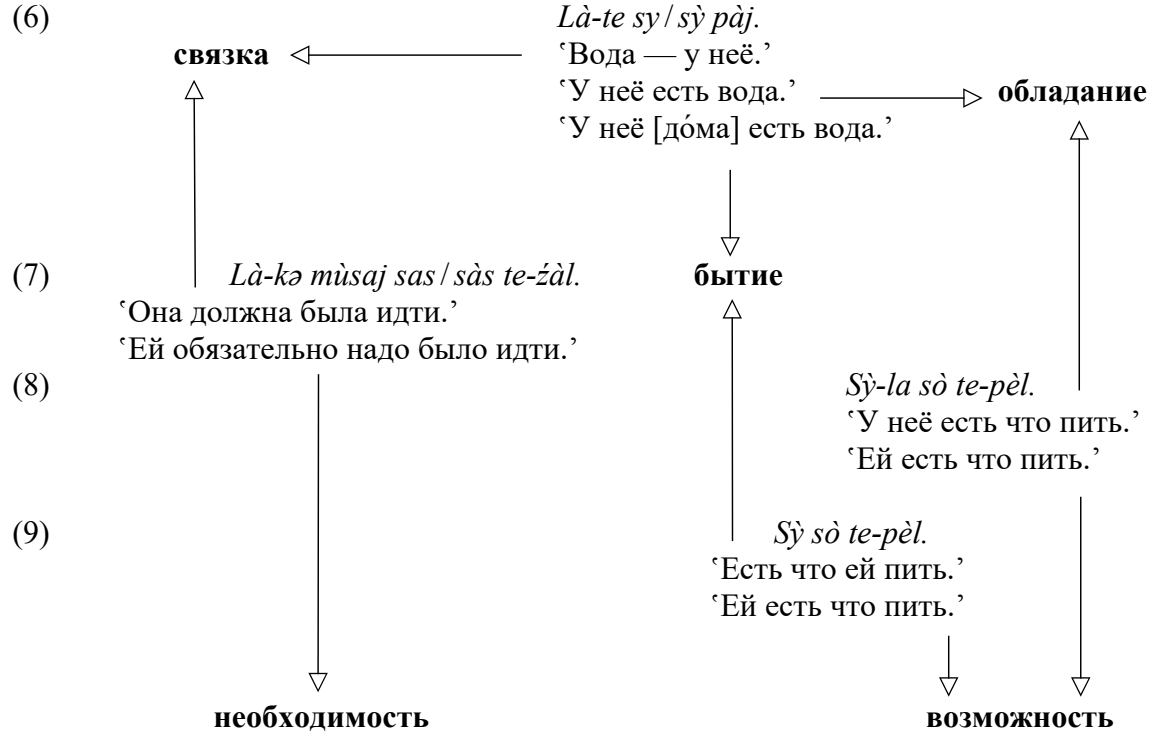
(2) *Là-te sʸ̀-la pàj.* (обладание)
‘У неё есть вода.’

(3) *Nàj-la kàj te-pèl.* (возможность)
‘Ей негде пить.’

(4) *Sʸ̀ là-kə te-pèl.* (необходимость)
‘Ей надо пить.’

(5) *O pàj sy là-te.* (связка)
‘Вода у неё.’

Можно подобрать пример конструкций в каждом значении, поддающийся прочтению в другом значении (пренебрегаем интонацией):



Так, например, группа в местном падеже, ср. *là-te* ‘у неё’, может быть как дополнением в конструкции обладания, так и обстоятельством в бытийной и связочной конструкциях; но и тогда неоднозначное прочтение возможно только в части случаев (при особой интонации, соотношении темы и ремы и т. п.). Тем не менее пограничные случаи позволяют представить всё множество конструкций с *sy* как градацию, поскольку границы между ними размыты, т. е. конструкции как бы переходят друг в друга, образуя пересекающиеся зоны. Возможность двоякого (в одном случае троякого) чтения объясняется (почти) полным совпадением моделей управления (или частных случаев их реализации) у двух разных конструкций.

⌛ Вероятно, взаимосвязь и взаимопересечение этих разных конструкций связаны с их частично общим происхождением, а также различными переосмыслениями. Так, обладание и необходимость выражаются глаголом ‘быть’ в родственных новоиндийских языках (т. е. это древняя черта). Изначально субъект в обеих этих конструкциях, видимо, стоял в дательном падеже, который затем расщепился: стал возможен ещё и местный — наверное, в результате смешения обладания и бытия: ср. *là-te sy...* в обоих смыслах, т. е. ‘она имеет...’ и ‘у неё [дома] есть...’. Наречие *mùsaj* ‘обязательно’ (рум. диал. *músai*) по-прежнему может быть таковым, ср. *mùsaj sỳ màn-gə te-...* ‘обязательно надо мне...’ (с ударным *sỳ*), но также (уже, видимо, в порядке кэлдэрарского развития) вошло в безличную связочную конструкцию в качестве расширения. Это видно по возможности опущения связки в настоящем времени: *mùsaj màn-gə te-...* ‘я должен...’.

Список разбираемых ниже конструкций и их моделей управления (ПП = придаточное предложение; ЗО = зависимый оборот; ВМ = вопросительное местоимение):

обладание:	*sỳ*	{ИМ. | МЕСТ. ~ ДАТ.}
возможность:	*sỳ*	{ВМ *te*-ПП}
	sỳ	{ВМ *te*-ЗО | ДАТ.}
предназначение:	*sỳ*	{∅ | НАПР. | НАПР.}
необходимость:	*sỳ*	{∅ ‖ *te*-ПП}
	sỳ	{∅ | НАПР. ‖ *te*-ЗО}
	sy	{ИМ. ‖ *te*-ЗО}

Ниже разберём эти типы.

4.6.1.1. Конструкция обладания с *sỳ*

Модель управления: *sỳ* {ИМ. | МЕСТ.~ДАТ.}.

Обладатель может стоять в местном или дательном падеже, однако распределение довольно сложно. Общее правило таково: обладатель в виде назывной группы всегда стоит в местном падеже; в виде ударного местоимения — в местном или дательном (с ограничениями); при этом он всегда может повторяться или заменяться местоименной клитикой (даже если стоит в местном). Начнём с простых случаев с местным падежом без клитик. Обладатель может быть ремой в любой позиции (см. 4.8.2.2):

(1) *Kàs-te sỳ lisapètka?*
‘У кого есть велосипед?’

(2) *Lilà nàj khanikàs-te.*
‘Паспортов нет ни у кого.’

Он может стоять в «мосте», т. е. быть слабой темой (см. 4.8.2.1):

(3) *Sàs ka-l phurə̀ dùj śavè.*
‘Было у стариков два сына.’

Он также может стоять в «заходе», т. е. быть сильной темой:

(4) *Ka muřò dád sỳ bùt lovè.*
‘У моего отца много денег.’

(5) *Mán-de nàj khànći.*
‘У меня ничего нет.’

Если обладатель — тема, то чаще всего происходит местоименный повтор. Тема может стоять левее глагола:

(6) *Mán-de sỳ-ma sà so-gòdi.*
‘У меня есть всё что угодно.’

(7) *Ka muřò dád sàs-le(s) trìn phràl.*
‘У моего отца было три брата.’

Тема может стоять и правее глагола (обычно только местоимения):

(8) *Òj! Vòn xàn kоćè, matè le! Vòn pilè! Źàn, dikhən-ta sò sỳ-le lèn-de oćè!*
‘Ой! Они едят там, они пьяные! Они выпили! Идите, посмотрите-ка, что есть у них там!’

Назывная группа может стоять справа (в «выходе»), ср. пример, где имеется и местоимение (слева), и такая назывная группа:

(9) *Lès-te sỳ-le lèh-ki... koďà... lèh-ki řomnì, ka ampəràto.*
‘У него есть его... эта... его жена, у царя.’

Если обладатель выражен ударным местоимением левее глагола, оно чаще всего стоит в местном, ср. (6), (9), но иногда и в дательном падеже:

(10) *Aj lès sỳ-les deš-u-jèkh raklì, śèj... deš-u-jèkh śejà sỳ-le.*
‘А у него одиннадцать девушка, дочь... одиннадцать дочерей у него.’

Дательный падеж ударного местоимения более частотен, чем местный, когда оно стоит правее глагола:

(11) *Sỳ khə phurořò. Aj sỳ-les lès trìn śavè.*
‘Есть старичок. И есть у него три сына.’

(12) *Sỳ-pe te-avèl-pe khə phurò aj khə phurì. Aj sỳ-le lèn jek raklò.*
‘Живут на свете старик и старуха. И есть у них мальчик.’

(13) *Mỳndro la vòj thaj šukàr-ə || [...] Sỳ-la là do jeftà phràl.*
‘Красива она да пригожа, [...] у неё, ой, семеро братьев.’

(14) *Nàj-ma dàd thaj nàj-ma dèj || sỳ-ma màn ək phralořò || ći-źanàv, kàj lo vò.*
‘Нет у меня отца и нет матери, есть у меня братик, не знаю, где он.’

(15) *Aj sà nàj-le jakhà khanikàs, sà kořà le.*
‘И у всех нет глаз ни у кого, все слепые они.’ (дочери)

Часто обладатель выражается только клитикой:

(16) *Sý-tume xabè?*
‘Есть у вас еда?’

(17) *Sỳ-ma kàr, sỳ-ma pelè || nàj-ma mìnź te-dàv bulè.*
‘Есть у меня хуй, есть у меня яйца, нет у меня пизды, чтоб ебать.’ (стишок)

Конструкция обладания — личная, что видно по числу в будущем времени (об особенностях согласования в подобных случаях см. 4.4.1.1):

(18) *Kàna avèn-tume glàti?*
‘Когда у вас будут дети?’

В этой конструкции может быть обстоятельство места, что вообще сближает обладание и бытие:

(19) *Sò sỳ-tu ande kòžnica?*
ʻЧто у тебя в сумке?ʼ

(20) *Lèl o raklò aj phenèl là-kə, phèn-kə: Dikhəh kaďà patrìn kaj sỳ-ma p-o dumò?*
ʻБерёт парень и говорит ей, мол: «Видишь этот лист, который у меня на плече?»ʼ

Конструкция обладания — всегда в 3-м лице. Едва ли возможно, например:

(21) ?* *Tù-te sỳm-tu mè.*
ʻУ тебя есть я.ʼ

Заметим, что обладатель-рема в местном падеже внешне может не отличаться от обстоятельства места, однако при последнем *sy* скорее безударно (тогда это связка):

(22) а. *Màn-de sy ə matòra.*
б. *Ə matòra màn-de la.*
ʻМашина — у меня.ʼ (на вопрос *kàs-te?* ʻу кого?ʼ или *kàj?* ʻгде?ʼ)

В каком-то смысле глагол *perèl* является фазовым соответствием *sỳ* в конструкции обладания, ср. *peľà-ma* ʻмне перепало' (обычно о деньгах).

Как обладательный оформляется оборот *sỳ* + ДАТ./МЕСТ. *xỳta* ʻ[кто] боится щекотки' (букв. ʻесть [у кого] щекотка]'):

(23) *Sý-tu xỳta? — Màn(-de) sỳ-ma xỳta.*
ʻБоишься щекотки? — Я боюсь щекотки.ʼ

Отметим отличие от *xỳta màn-gə* (напр.) ʻмне щекотно' (см. 4.5.8.1).

4.6.1.2. Конструкция (не)возможности с *sỳ*

Модели управления:

(а) *sỳ* / *nàj* {ВМ *te*-ПП}
(б) *sỳ* / *nàj* {ВМ *te*-ЗО | ДАТ.}

Сюда относятся обороты, выражающие возможность (как правило — невозможность), в которые входят косвенные вопросы возможности (их мы разбираем особо, см. 4.12.2.4.2, там же примеры). Фразу, выражающую то, что (не)возможно, мы считаем подлежащим (сближая эту конструкцию с обладательной). Как в конструкции необходимости, субъект может быть выражен явно (здесь — только дательным падежом; подчёркнуто), и тогда подлежащее — зависимый оборот, в противном случае — придаточное предложение (субъект — его подлежащее):

(1) а. *Nàj-ame kàj te-źàs.*
б. *Nàj kàj te-źàs amè.*
ʻНам некуда идти.ʼ

Особый случай: тесное сочетание *nàj karìng* (букв. ʻнекуда') ʻприходится; делать нечего, а...'. В данном значении его следует считать нерасторжимым. Оно может употребляться без зависимого оборота:

(2) *La Ŭusyjà nàj karìng.*
ʻРоссии некуда [деваться].ʼ (ʻальтернатив нет' — о внешней политике)

(3) *Nàj le phralès ba karìng || anda pèh-ko prašàv śinèl || aj pe jàg vò kaj-pekàl.*
ʻНекуда брату *ба* [деваться], от своего ребра отрезает и на огне он да печёт.ʼ

На первый взгляд это похоже на пропуск какого-то зависимого оборота *te-...* со значением ‘деваться’, однако когда зависимый оборот есть, то он обозначает действие, которое субъект должен совершить (редко; возможно, это в какой-то степени оговорка):

(4) *Nàj karìng te-źàv khərà.*
‘Я вынужден идти домой.’

Ср. пример с оговоркой в форме глагола:

(5) *Aj lèl o raklò aj nàj karìng te-ankalaďà pèh-ka phʼà-ko patrèto.*
‘И берёт парень и — делать нечего [пришлось достать] достал фотографию своей сестры.’

Очевидно, рассказчица по ошибке поставила глагол в перфект, как бы в порядке гаплологии (т. е. смешала *nàj karìng te-ankalavèl* ‘нечего делать, пришлось достать’ + *ankaladʼà* ‘достал’).

4.6.1.3. Конструкция предназначения с *sỳ*

Модель управления: *sy* {∅ | НАПР. | НАПР.}. Два косвенных дополнения в направительном падеже: субъект (одушевлённый; подчёркнут) и действие (существительное на *-mos*). В положительной форме субъекту суждено, предначертано или же желательно действие; в отрицательной — субъекту не суждено действие или же он к нему не расположен:

(1) *Le hyrcòs-kə merimàs-kə, la mycà-kə asamàs-kə.*
‘Мыши [предстоит] умереть, кошке [хочется] смеяться.’ (пословица)

Без отрицания глагол-связка обычно опускается, но может не опускаться при выделении (с ударением):

(2) *(Sỳ) màn-gə pimàs-kə.*
‘Мне [бы] выпить.’

С отрицанием:

(3) *Nàs lèn-gə dilabajimàs-kə.*
‘Им было не до пения.’

(4) *Nà-kər phirʼasà, màn-gə nàj asamàs-kə.*
‘Не шути, мне не до смеха.’

4.6.1.4. Конструкции необходимости с *sỳ*

Модели управления:

(а) *sỳ* {∅ || *te*-ПП}
(б) *sỳ* {∅ | НАПР. || *te*-ЗО}
(в) *sy* {ИМ. || *te*-ЗО}

Простейшие примеры:

(1) а. *Sỳ te-źàv khərà.*
б. *Sỳ màn-gə te-źàv khərà.*
‘Я должен идти домой.’
в. *Mè sym te-źàv khərà.*
‘Мне идти домой.’ (моя очередь)

В конструкциях (а) и (б) глагол *sỳ* всегда ударен, а в (в) *sy* — безударная клитика и в этом смысле тождествен связке (см. 4.5.8). Эти конструкции возможны в прошедшем вре-

мени (ср. *sàs te-* ‘надо было...’), но невозможны с формой будущего времени *avèl* ‘будет’ (*avèl te-* имеет другое значение ‘хочется’). Необходимость (с разными оттенками) выражается также другими средствами: *trubùl*, *mùsaj* (обзор: см. 4.2.6.3).

🗋 Все эти конструкции в говоре молдовая (а также в других кэлдэрарских говорах) подробно описаны в статье [Кожанов 2013]. Здесь мы частично повторяем материал и выводы этой работы.

Как видно, имеются три разные конструкции: одна с придаточным предложением, две с зависимым оборотом; из них две безличные, одна личная. Разберём эти конструкции отдельно:

(а) безличная с придаточным предложением

Эта конструкция имеет основное значение внешней необходимости, обусловленности неподвластными субъекту факторами (но не повелением или моральным долгом).

Пример (1)а допускает двоякий разбор: придаточное предложение *te-źàv khərə̀* ‘чтобы я шёл домой’ можно считать или подлежащим, или расширением (при глаголе *sỳ*). Мы будем считать его расширением ради параллелизма с другими близкими конструкциями с глаголом *sy* (ср. 4.5.8.1). Таким образом, это предложение — безличное. Придаточное предложение может иметь своё подлежащее (подчёркнуто), чьё лицо не влияет на формы главного сказуемого:

(2) *Tù sỳ te-kərə̀s butì.*
‘Ты должен работать.’

(3) *Mè sàs te-źàv p-əl gavà.*
‘Я должен был поехать на заработки.’

(4) *Akanà sỳ te-dèl bryšỳnd.*
‘Сейчас должен пойти дождь.’

(5) *Vò sỳ te-avèl akanà.*
‘Он сейчас должен прийти.’

Примеры с подлежащим в 3-м лице (4), (5) можно толковать как личные (см. ниже).

В настоящем времени *sỳ te-* (особенно в 3-м лице) может пониматься как предсказание (‘должно быть’ = ‘будет’), поэтому пример (4) можно понять как ‘...пойдёт дождь’.

В прошедшем времени может иметь место переосмысление, так что глагол после *sas te-* получает ирреальное толкование (‘должно было случиться, но не случилось’), ср.:

(6) *Kana sàs te-źàv-tar p-əl gavà, ďà o bryšỳn.*
‘Когда я должен был поехать на заработки, пошёл дождь.’

Ирреальное толкование возможно при маргинальном употреблении *sas-te-* как показателя условного наклонения (чаще *sas-kə-*, см. 4.2.6.2.5). Модальный глагол в *sàs te-...* чаще ударен, а клитика *sas-te-...* (в идеале) безударна:

(7) а. *Atùnći sàs te-dèl o marimòs.*
‘Тогда должна была начаться война.’

б. *Atùnći sas-te-dèl o marimòs.* ~ *sas-kə-dèl* (обычно)
‘Тогда началась бы война.’

(б) безличная с зависимым оборотом

Основное значение — внутренняя необходимость, неизбежность.

Субъект выражается косвенным дополнением в направительном падеже, при этом расширением будет зависимый оборот, ср. предложение (1)б, куда невозможно вставить *mè* ‘я’, ср. ещё (подчёркнут субъект):

(8) *Sỳ <u>màn-gə</u> te-źàv and-o fòro.*
ʻМне нужно поехать в город.ʼ
(9) *Sỳ <u>lès-kə</u> te-xàl trìvar o dès te-nà-avèl bokhalò.*
ʻЕму нужно есть трижды в день, чтобы не быть голодным.ʼ
(10) *Sàs <u>savořən-gə</u> te-kərən butì.*
ʻВсем надо было работать.ʼ
(11) *Sàs <u>le Jonòs-kə</u> te-bitinèl pès-ko khàr.*
ʻЁно надо быть продать свой дом.ʼ

Иногда альтернативное толкование — сильное желание, ср.:

(12) *Sỳ <u>lèn-gə</u> te-bitinèn ə matòra.*
ʻИм надо продать машину.ʼ / ʻОни горят желанием продать машину.ʼ

(в) личная с зависимым оборотом

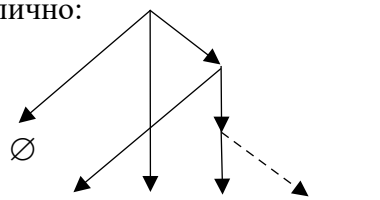
Личная конструкция с зависимым оборотом имеет значение запланированного действия, очереди (после других):

(13) *<u>Mè</u> sym te-śùdav akanà.*
ʻСейчас моя очередь бросать.ʼ
(14) *<u>Mè</u> sỳmas te-śàv-ma, aj vò phandaďà muřò dròm.*
ʻЯ уже было вошёл, а он преградил мне путь.ʼ

Такая конструкция отличима от безличной конструкции с придаточным предложением только в 1-м и 2-м лицах. В 3-м же лице они неразличимы, поскольку по форме подлежащего не видно, входит ли оно в придаточное предложение при безличной связке или относится к личной связке, ср. примеры (4), (5).

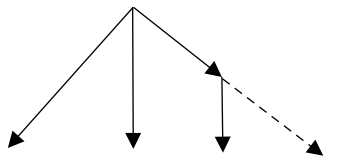
Двоякое толкование примера (5) в 3-м лице покажем древесно:

безлично:



ʻОн должен прийти сейчас.ʼ

лично:



ʻСейчас его очередь прийти.ʼ

В отличие от безличных конструкций, в личной конструкции свободно употребляется отрицание:

(15) *Mè ćì-sym te-śàv-ma, tumë san!*
ʻСейчас не я должен выходить, а вы!ʼ (ваша очередь, в игре)

4.6.2. Конструкции необходимости с глаголом *trubùl*

Этот глагол обозначает потребность и необходимость (как внешнюю, так и внутреннюю). Модели управления (одна из них безлична):

(а) *trubùl* {ИМ. | ДАТ. | (ОТЛ.)}
(б) *trubùl* {*te*-ПП | (ДАТ.)}
(в) *trubùl* {ИМ. | прич.}
(г) *trubùl* {∅ | прич.}

Простейшие примеры (без необязательных членов; подчёркнуто подлежащее):

(1) а. *Trubùl-ma laśì matòra.*
ʻМне нужна хорошая машина.ʼ
б. *Trubùl te-źàv khərə̀.*
ʻМне надо идти домой.ʼ
в. *Vò trubùl mardò.*
ʻЕго надо побить.ʼ
г. *Kaćè trubùl šyladò.* (безлично)
ʻЗдесь надо подмести.ʼ

Ниже рассмотрим их отдельно.

Глагол *trubùl* необычен тем, что практически лишён форм перфекта: для большинства носителей неприемлема форма ?**trubusarďà* (но ср. в имперфекте *trubùlas* ʻнадо былоʼ). По-видимому, затруднительна также сослагательная форма 3-го лица ?**trubusardinò.*

4.6.2.1. Конструкция *trubùl* с существительной группой

В такой конструкции глагол *trubùl* управляет полупрямым дополнением (т. е. в дательном падеже), которое обозначает нуждающегося:

(1) *Le Muršàs trubùn-le kamuľàtərə̀a.*
ʻМурше нужны аккумуляторы.ʼ
(2) *Ćè gràs trubùla-tu, nùma dès ašvàr ande phùv, aj phèn: Kòn' varanòj, bùť prida mnòj! — o gràs kaďà i avèl stràzom angla tù-te.*
ʻКакой конь тебе понадобится, только ударь уздечкой по земле и скажи: «*Конь вороной, будь предо мной*!» — конь так и будет сразу перед тобой.ʼ
(3) *Ćì-trubùl-tume kadò sàstri.*
ʻВам не нужно это железо.ʼ

С местоименным повтором:

(4) *Muřə̀ řomès ćì-trubùl-le khànći.*
ʻМоему мужу ничего не надо.ʼ
(5) *Sò trubùl-tu tùt?*
ʻЧего тебе-то надо?ʼ

Маргинально нуждаться в чём-то может и неодушевлённый предмет:

(6) ? *Kadalè khəràs trubùl-les màj-but felèstri.* ~ *ka kadò khər* ****kadò khər*
ʻЭтому дому надо больше окон'.
(7) ?* *La matorà trubùl-la binzìno.*
ʻМашине нужен бензин'.

Необходимое обозначается подлежащим, что проявляется в согласовании:

(8) *Amè trubùs-tume.*
ʻМы нужны вам.ʼ
(9) *Trubùn-ma štàr-źenè.*
ʻМне нужны четверо.ʼ

Однако в ряде случаев согласования факультативно нет (см. 4.4.1.1в):

(10) *Lès trubùl-les lovè.* ~ *trubùn-les*
ʻЕму надо денег.ʼ

Косвенное дополнение в отложительном падеже — обычно с подлежащими *sò*, *khànći*:

(11) *Sò trubùl-tu màn-dar?*
ʻЧто тебе от меня надо?ʼ
(12) *Ətà sò trubùl-la màn-dar.*
ʻВот что ей от меня нужно.ʼ
(13) *Màn ćì-trubùl-ma khànći kata tumarì śèj.* ⇒ *là-tar*
ʻМне ничего не надо от вашей дочери.ʼ ʻот неёʼ

Особо отметим возможность наличия присказуемого:

(14) *Trubùs-ma źuvindò.*
ʻТы нужен мне живым.ʼ

С этой конструкцией тесно связана конструкция с причастием (см. 4.6.2.2).

4.6.2.2. Конструкция *trubùl* с причастием

В конструкции *trubùl* с подлежащим-существительной группой (ʻчто нужноʼ) и косвенным дополнением (ʻкому нужноʼ) может быть присказуемое, ср. пример с причастием в этой роли:

(1) *Muřò śàv o barò trubùl-ame ansurimè.*
ʻМой старший сын нужен нам женатым.ʼ

Здесь предметом потребности является ʻ...сынʼ, а присказуемое обозначает его дополнительный признак и легко может быть опущено. Однако, если из этой конструкции убрать косвенное дополнение, её значение кардинально изменится, причём причастие войдёт в модель управления как обязательный член:

(2) а. *Muřò śàv o barò trubùl ansurimè.*
ʻМоего старшего сына надо женить.ʼ
б. ** *Muřò śàv o barò trubùl.*
букв. ʻМоего старшего сына надо.ʼ

Здесь уже налицо расширение *ansurimè* — причастие от глагола *ansurìl* ʻженитьʼ, обозначающего действие, необходимое к совершению над подлежащим (ʻ...сынʼ). Такая конструкция сродни залоговому преобразованию (о страдательном залоге см. 4.13.2). Если этот глагол — переходный, имеем личные конструкции:

(3) *Ə matòra trubùl bitindì.*
ʻМашина должна быть продана.ʼ
(4) *Trubùs phandadò.*
ʻТебя надо посадить в тюрьму.ʼ (*phandadò* ʻзакрытыйʼ)
(5) *Kàna trubùn potindè le lovè?*
ʻКогда надо заплатить деньги?ʼ
(6) *Bibaxtalè tatàřa, mardè trubùn aj našadè kacàr.* [Кож.]
ʻЧёртовы басурмане, побить их надо и прогнать отсюда.ʼ

Когда необходимое действие передаётся непереходным глаголом (или переходным в ложнопереходном употреблении), конструкция с *trubùl* — безличная:

(7) *Kaćè trubùl šyladò.*
ʻЗдесь надо подмести.ʼ

⌛ Описываемая конструкция точно калькирует соответствующие румынские обороты, ср. *trubùl bitindò* = рум. *trébuie vîndút* ʻдолжен быть проданʼ, в т. ч. безлично: *trubùl šyladò* = рум. *trébuie măturát* ʻдолжно быть подметеноʼ.

4.6.2.3. Конструкция *trubùl* с фразовым членом

Обычно фразовый член (необходимое действие) выражается придаточным предложением в зависимом наклонении в роли подлежащего при глаголе *trubùl*:

(1) *Trubùl te-kərə̀s butì.*
ʻТы должен работать.ʼ (букв. ʻнадо, чтобы ты работалʼ)

Полупрямое дополнение (кому нужно) бывает редко:

(2) *Trubùl-tu te-źàl-tar ťo dàd.*
ʻТебе надо, чтобы ушёл твой отец.ʼ

Подлежащее придаточного предложения часто стоит и перед главным сказуемым:

(3) а. *Trubùl te-trajìn màn-ca muřə̀ phràl.*
б. *Muřə̀ phràl trubùl te-trajìn màn-ca.*
ʻНадо, чтобы мои братья жили со мной.ʼ

Вынесен может быть и любой другой член подчинённой фразы (даём примеры рем):

(4) *Ə̀ matòra trubùl te-bitinès.*
ʻМашину тебе надо продать.ʼ (ʻименно машинуʼ)
(5) *Tùt trubùl te-làv.*
ʻТебя надо мне взять.ʼ
(6) *Kaďə̀ trubùl te-dilabàs.*
ʻТак ты должен петь.ʼ

По-видимому, маргинально также бывает личная конструкция: [СЦЯ]

(7) ✍ *Dinè-pe dròm màj-fùgo khərə̀, kə trubùn te-avèn lèn-gi dèj, lèn-go dàd pa-j butì.*
ʻБросились скорее домой, ведь должны прийти их мать, их отец с работы.ʼ

4.6.3. Конструкции возможности с глаголами *šàj*, *daštìl*

Слова *šàj* ʻвозможно, мочьʼ и его отрицательную форму *naštì* трудно отнести к какой-либо части речи, однако легче всего, пожалуй, считать их неспрягаемыми глаголами; *daštìl* ʻмочьʼ (иногда ʻне мочьʼ) и его отрицательная форма *naštìl* — несомненные (но только по форме) глаголы. Разберём их отдельно:

(а) неспрягаемые

Иногда *šàj* ведёт себя как модальная частица ʻможет быть, возможноʼ:

(1) *Vòn šàj avèn amèn-de tehàra.*
ʻОни, может быть, придут к нам завтра.ʼ

Чаще налицо значение способности. В таких случаях *šàj* уже гораздо больше похож на глагол (хоть и неспрягаемый), причём в части случаев глагол самого действия можно считать стоящим в зависимом наклонении — клитика *te-* факультативна (обычно её нет):

(2) *Šàj (te-)kərə̀s bùt lovè.*
ʻТы можешь заработать много денег.ʼ
(3) *O Jòno sò šàj (te-)phenèl?*
ʻЁно что может сказать?ʼ

В пользу зависимого наклонения говорит невозможность сочетания с изъявительной формой связки — на её месте всегда выступает зависимая форма *avèl* (то же самое в отрицательной форме):

(4) а. *O Mùrša šàj avèl khərà.*
** *O Mùrša šàj sy khərà.*
‘Мурша может быть дома.’

б. *O Mùrša naštì avèl khərà.*
** *O Mùrša naštì sy khərà.*
‘Мурша не может быть дома.’

Примеры в других лицах:

(5) *Tumè šàj tinèn amarì matòra.*
‘Вы можете купить нашу машину.’

(6) *Pušľàn pa amèn-de, sòs-tar naštì uśaravàs-ame le plaponò-sa.*
‘Ты спрашивал про нас: почему мы не можем укрыться одеялом.’

Кроме формы *naštì*, в этом же значении встречается *daštì* (положительного значения эта форма не имеет, в отличие от спрягаемого *daštìl*, см. ниже, поэтому путаницы нет):

(7) *Astardèm-tu, Sulimàne! Də kajtì vr̓àm̓a ròdav-tu, aj daštì arakhàv-tu.*
‘Поймал я тебя, Сулиман! Столько времени тебя ищу, а не могу найти.’

Ярчайшая особенность отрицательной конструкции с неспрягаемой формой *naštì* — возможность постановки основного глагола в любое время, причём это время относится ко всей конструкции целиком:

(8) *Źàl pa pajořò aj rovèl: naštì pravarèl pèh-kə glatèn.* (настоящее)
‘Идёт [она] через речку и плачет: не может прокормить своих детей.’

(9) *Naštì skəpìvas-ma kata-l glàti.* (прошедшее неоконч.)
‘Я не могла отделаться от детей.’

(10) *Naštì gəľàn and-o fòro.* (прошедшее оконч.)
‘Ты не смог поехать в город.’

Это единственный случай, когда время морфологически относится к одному глаголу, а семантически — к глагольной группе. Кажется, без отрицания это невозможно: нельзя ***šàj skəpìvas-ma*, ***šàj gəľàn*; это можно выразить только спрягаемой формой: *daštìvas te-skəpìv-ma* ‘я могла отделаться’, *daštisarďàn te-źàs* ‘ты смог пойти’.

(б) спрягаемые

Глагол *daštìl* ‘мочь’ и его отрицательная форма *naštìl* ‘не мочь’ управляют зависимым оборотом. Однако в настоящем времени клитика *te-* факультативна и часто отсутствует:

(11) *Daštìs (te-)avès màn-de?*
‘Можешь ко мне прийти?’

(12) *Naštìv phùrdav.*
‘Не могу дышать.’

В перфекте, кажется, клитика *te-* обязательна:

(13) *Aj mangľà là-ko raklořò pàj te-pèl. Aj vòj naštisarďà te-dèl-les pàj.*
‘И попросил её мальчик воды попить. А она не смогла дать ему воды.’

Некоторые носители употребляют *daštìl* там, где ожидается *naštìl* ‘не мочь’:

(14) *Daštìv phenàv tù-kə kàna avilè le řom kaćè.*
‘Не могу сказать тебе, когда цыгане пришли сюда.’ (т. е. ‘не знаю’)

Нам непонятно, приводит ли это к путанице. Впрочем, надо сказать, что *daštìl* ‘мочь’ вообще употребляется довольно редко — в этом значении чаще выступает *šàj*, а также иногда глагол из III пласта *možỳl* (а в 1.ед. изредка встречается вставка III пласта *magù*).

4.6.4. Управление глагола *dèl* ‘дать’

При глаголе *dèl* ‘давать’ имеются прямое дополнение (‘даваемое’) и непрямое дополнение (‘получатель’). Последнее может стоять в одном из трёх падежей в зависимости от синтаксических условий: чаще всего в дательном, когда стоит на первом месте после глагола, а в противном случае — в местном или (реже) в направительном. В идеализированном виде распределение (а оно может в какой-то степени нарушаться) можно представить на таких примерах:

(1) *Dàv...* ‘Я даю...’

ДАТ. + ВИН.:	*la glatà*	*thùd*	‘ребёнку молоко’
	-la	*thùd*	‘ему молоко’
ВИН. + МЕСТ.:	*thùd*	*ka-j glàta*	‘молоко ребёнку’
	-le	*ka-j glàta*	‘его ребёнку’
	-le	*là-te*	‘его ему’
ВИН. + НАПР.:	*thùd*	*la glatà-kə*	‘молоко ребёнку’
	-le	*la glatà-kə*	‘его ребёнку’
	-le	*là-kə*	‘его ему’

Итак, падеж зависит от очерёдности дополнений. Кроме всего прочего, это связано с невозможностью двух местоименных клитик подряд (поэтому не может быть ***dèl-la-le* и т. п.., см. также 4.9.2.1.5.1). Как видно, дательный падеж непрямого дополнения встречается и у назывных, и у местоименных групп:

(2) *Aj o dèl ďà-la jèkh jàkh, aťarďàn? Vòj ďà pèh-kə rakloř̀às pàj.*
‘И бог дал ей один глаз, понял? Она дала своему мальчику воды.’

(3) *Vò ďà-la pàj te-pèl.*
‘Он дал ей воды попить.’

Однако даже в этом положении имеется тенденция замены дательного падежа назывной группы (но не местоименной) на местный:

(4) *Linè dinè ka-j rikojì pàj, piľà pàj.*
‘Взяли, дали сучке воды, выпила [она] воды.’

В прочих случаях чаще местный, реже направительный падеж:

(5) *Ľà pàle lèh-ki xazʼàjka koďà, gəlì, anďà lèh-kə jàkh, ďà-la ka phuroř̀ò.*
‘Взяла опять его супруга эта, пошла, принесла ему глаз, дала его старику.’

(6) *Myř̀ò matòra ći-dèm-la ka ćèk ř̀òm.*
‘Свою машину я не давал никакому цыгану.’

(7) *Aj ə phuř̀oř̀ò: nà-dara, kə kana avèla, dàs-la lès-kə.*
‘А старуха: «Не бойся, ведь когда [он] придёт, дадим его ему.’ (зеркальце)

(8) [*O*] *raklò ľà le tèji, kə ďà-le lès-kə lès-ko dàd, pytrəl le vudarà.*
‘Парень взял ключи, ведь дал их ему его отец, открывает двери.’

Пример с пропуском прямого дополнения (здесь налицо скорее нулевая замена прямого, поэтому непрямое дополнение — в местном падеже):

(9) *Ľà cyrďà anda pès-ko šərò trìn bàl xarkunè aj dèl ka koďà rakľořò.*
‘Взял [и] вытянул из своей головы три волоска медных и даёт той девочке.’

При положении непрямого дополнения перед сказуемым оно обычно ставится в местный или (реже) в направительный падеж:

(10) а. *Kàs-te ďàn ə matòra?* ?* *kàs-kə* ** *kàs*
‘Кому ты дал машину?’
б. *Ka řòm dèm ə matòra.* ~ *le řomès-kə* ** *le řomès*
‘Цыгану я дал машину.’

Заметим, что двухчастные глаголы типа *dèl armajà* ‘клясться, проклясть’ имеют другое управление (переходное), причём их именная часть (здесь *armajà*) не является дополнением, а дополнение стоит в винительном падеже:

(11) *No vòj kana gəlì-tar anda khər, khəràl, vòj ďà armajà pèh-kə phralèh.*
‘Но она, когда ушла из дома, из дому, она прокляла своего брата.’

4.6.5. Пустые глаголы

Семантическую пустоту можно усматривать в глаголе *kərəl* ‘делать’ в ряде сочетаний (помимо двухчастных глаголов), ср., например, *kərəl lovè* букв. ‘делать деньги’, где *kərəl* значит ‘зарабатывать’ (и сочетается с суммами). Этот глагол выступает также с дополнениями, обозначающими болячки на теле, которые человек невольно «приобретает»:

(1) *Skùrta kərďàn.*
У тебя вылезла шишка на ноге.’ (воспаление лимфатического узла)
(2) *Nàj vòja: kərəs bubòja!*
букв. ‘Нельзя: сделаешь чирьи!’ (о нарушении языковых табу)

Однако собственно **пустыми** мы называем только глаголы *dèl* ‘давать’ и *lèl* ‘брать’ в случаях, когда они служат лишь для заполнения позиции сказуемого, притом что лексическое значение выражено другим членом, ср. *dèl o ìv* ‘идёт снег’ (букв. ‘даёт снег’), *lèl-ma ə lìndri* ‘я засыпаю’ (букв. ‘берёт меня сон’). В части случаев у таких оборотов имеются и полнозначные синонимы. Пустые глаголы обычно не могут нести сильного ударения, т. е. быть сильной частью ремы (см. 4.8.2.2). От пустых глаголов мы отличаем двухчастные (см. 4.2.6.1.1), каковые образуют особое синтаксическое единство, ср. *dèl jàg* ‘стрелять’ (букв. ‘давать огонь’), что проявляется в т. ч. в том, что неглагольная часть в них не может иметь при себе определителей, стоит в строго заданной форме и не может толковаться как отдельный член (например, дополнение).

4.6.5.1. Пустой глагол *dèl*

Слаборематический (см. 4.8.9.2) глагол *dèl* букв. ‘дать’ применяется «вместо» глаголов с собственным значением, когда глагол не может быть сильной частью ремы. С этой ремой (подлежащим, обстоятельством) *dèl* входит в тесную смысловую связь. Поэтому порядок обычно — сказуемое + подлежащее, ср. *dèl o bryšỳnd* ‘идёт дождь’ или сказуемое + обстоятельство, ср. *dèl andrə* ‘входит’. В таких случаях значение глагола можно считать «пустым». Выступает он в оборотах со следующими значениями:

(а) погода

С «погодным» подлежащим (артикль факультативен). В нескольких случаях оборот в фазе хода обозначает состояние погоды:

dèl	*(o) bryšỳnd*	‘идёт дождь’
dèl	*(o) ìv*	‘идёт снег’
dèl	*(o) khàm*	‘светит солнце’
dèl	*(ə) bàbica*	‘идёт град’

Начальные фазовые значения — ср. *ďà (o) bryšỳnd* ʻпошёл дождьʼ. В ряде случаев фаза хода выражается иначе (ср. *šỳl (sy)* ʻмороз, холодноʼ), а *dèl* передаёт только начальное значение (здесь артикль обычно есть):

ďà	*o*	*šỳl*	ʻнаступил мороз' (мн. *dinè šylà*)
ďà	*ə*	*brùma*	ʻвыпала роса'
ďà	*ə*	*r'àt*	ʻнастала ночь'
ďà	*o*	*dès*	ʻнастал день'

Примеры:

(1) *Źàl màj-dùr. Dèl o bryšỳnd.*
ʻИдёт [она] дальше. Начинается дождь.'

(2) *Àv amèn-de ivendè, kana dèla o ìv.*
ʻПриходи к нам зимой, когда пойдёт снег.'

(3) *Te-nà-dinò o ìv, sas-kə-phiravàs-ame.*
ʻЕсли бы не шёл снег, мы бы погуляли.'

В песнях информационный строй может нарушаться (снята и фразовая интонация):

(4) ♪ *Aj bryšỳn dèl-o, aj ćìk avèl-o || aj Zozalèna aj kaj-istràla || thaj xabè mujàl kaj-dèl-oj.*
ʻИ дождь пойдёт и грязь будет, и Зозалена да поскользнётся, и еда да опрокинется.'

При необходимости употребляются и полноценные глаголы (если есть), ср. пример:

(5) *Kaj-cypìl, perèn le sàlći, phařàď on le bàř, bryšỳn śorèl də zuralès.*
ʻИ вот кричит [он], падают деревья, трескаются камни, дождь льёт сильно.'

(б) перемещение

С обстоятельством места. Обозначает любое перемещение куда-либо, нередко имеет значение неожиданного движения, например ʻпопастьʼ. Несколько сочетаний с наречиями можно считать тесными:

dèl	*andrə*	ʻвойти; залететь, закатиться и т. п.'
dèl	*avrì*	ʻвыйти; вылететь, выкатиться и т. п.'
dèl	*telè*	ʻупасть, спуститься, скатиться и т. п.'
dèl	*inťàl*	ʻотойти, отвернуться и т. п.'
dèl	*anglàl*	ʻвыскочить, вырваться вперёд' (но и ʻответить', см. 4.2.6.1.2)

Примеры:

(6) *Dèn andrə (and-o khər)!*
ʻЗаходите (в дом)!'

(7) *Ľà raklò k phabàj te-xàl, kaj-xaľà koďà phabàj, aj dikhəl: lèl-les ə lìndri, peravèl-les ə lìndri, dèl telè o raklò.*
ʻНачал парень яблоко есть, да съел это яблоко и видит: клонит его ко сну, валит его сон, опускается вниз парень.' (или ʻпадает')

В т. ч. при неодушевлённом подлежащем:

(8) *Anda ćè zòr cypìl o raklò, kə dèl ə smàla pa lès-te telè.*
ʻС какой силой кричит парень, так что стекает смола с него.'

Частотны в этих значениях и полноценные глаголы: *śòl-pe (andrə)* ʻзайти (внутрь)', *anklèl (avrì)* ʻвыйти (наружу)', *mekàl-pe (telè)* ʻопускаться' и т. д.

В остальных случаях обстоятельство — предложная группа:

(9) *D'à o pòno anda lès-te.*
'Его пронял понос.' (букв. 'дал понос из него')

(10) *Katàr l'à-pe o sàp lolò || aj ď'à màn-gə̀ and-o bərkořò.*
'Откуда взялась змея красная, влезла мне за пазуху?'

(11) *Kaj-gəlè-tar vo̜n, aj źàn-tar vo̜n, źàn-tar, aj dinè and-ək vàš.*
'И вот ушли они и идут они, идут и зашли в лес.

(12) *Aj źàl o raklò anglè le dromè-sa, dèl angla lès-te rìś.*
'Идёт парень вперёд по дороге, появляется перед ним медведь.'

Одно предложение с двумя примерами в разных значениях:

(13) *Akanà vò kaj-avèl pès-ka tərn'à-sa p-o dròm, dèl ande lès-ko dròm xajìng pajè-sa. Piťàl o pàj kodò, opràl pa-j xajìng dèl.*
'И вот он идёт со своей молодой по дороге, встаёт на его пути колодец с водой. Капает эта вода, через край колодца переливается.' (букв. 'даёт в его путь', 'сверху через колодец даёт').

(в) резкое движение, удар

Изредка употребляется переходно — удар предметом о предмет (такие сочетания можно трактовать как спонтанные двухчастные глаголы, однако как таковые они, судя по всему, не могут быть переходными):

(14) *Ćè gràs trubùla-tu, nùma dès ašvàr ande phùv, aj phèn: ...*
'Какой конь тебе будет нужен, только ударишь уздой по земле и скажи: ...'

(15) *Aj dikhàl: bešəl khə bàlta aj bešàn ande là-te xuťamn'à. Àle, řàj, řàj, dèl řàj, dèl řàj dèl.*
'И видит: стоит болото и сидят в нём лягушки. На́, палкой, палкой, бьёт палкой, бьёт палкой бьёт.'

Похожий, но неясный пример (ср. *dùba* 'барабан'):

(16) *Vò pàle l'à pès-ti řajořỳ, arəslò źì ka pès-ti bàlta: dòba aj dòba aj dèl, marəl o pàj le xuťamn'àn-ca.*
'Он опять взял свою палочку, дошёл до своего болота: барабанит и барабанит (?), бьёт воду с лягушками.'

Непереходно с обстоятельством орудия — в значении нанесения удара:

(17) *Kaj-marəl-pe, dèl la sabijà-sa pe k rìg, peravèl šòv řỳndurȧ, dèl le buzduganò-sa pe avèr rìg, peravèl dèš řỳndurȧ.*
'И вот дерётся, машет саблей в один бок, валит шесть рядов, машет булавой в другой бок, валит десять рядов.'

С обстоятельством части:

(18) *O raklořò kaj-našəl ande lès-ko dròm aj dèl le mò-sa and-o bàř, phařavèl o mùj, aj piťàl o ràt p-o bàř.*
'А мальчик бежит ему навстречу и ударяется лицом об камень, разбивает лицо, и капает кровь на камень.'

Без инструмента с предложной группой *ande* или *pe* — 'броситься на':

(19) *Dinè ande jekh-avràs-te, anda zmə̀vo xutilò kotòr, vò nùma bandilò xancỳ, o raklò.*
'Пустились друг на друга, от змея отлетел кусок, он [же] только согнулся чуть-чуть, парень.'

(20) 👂 *Ašùn, Làzər, mè ingəràv-tu and-o vàš aj mekàv-tu oćè, kə àta pala tù-te dèl ə lùmʹa sà pe màn-de, mudarəl-ma.*
ʻСлушай, Лазаро, я отведу тебя в лес и оставлю тебя там, потому что, вот, за за тебя народ весь на меня накинется, убьёт меня.ʼ

Особый оборот: *dèl mujàl* ʻопрокинутьсяʼ, ср.:

(21) ♪ *Aj Zozalèna kaj-perəla || xabè mujàl pàle kaj-dèla.*
ʻИ Зозалена да падает, еда опять да опрокидывается.ʼ

4.6.5.2. Пустой глагол *lèl*

Этот глагол можно считать «пустым» только в начинательном значении. Сюда входят особые обороты с подлежащим в значении ощущения или состояния, а также болезней. Некоторые из них соответствуют безличным связочным конструкциям (см. 4.5.8.1.1):

ľà-le	*ə dàr*	ʻон испугалсяʼ	ср. *dàr lès-kə* ʻон боитсяʼ
ľà-le	*ə grʹàca*	ʻему стало противноʼ	ср. *grʹàca lès-kə* ʻему противноʼ
ľà-le	*ə lìndri*	ʻон уснулʼ	ср. *lìndri lès-kə* ʻего клонит в сонʼ
ľà-le	*ə xolì*	ʻего взяла злостьʼ	ср. *xolì lès-kə* ʻон злитсяʼ
ľà-le	*o dòro*	ʻон соскучилсяʼ	ср. *dòro lès-kə* ʻон тоскуетʼ
ľà-le	*o pòno*	ʻего проняло [понос]ʼ	
ľà-le	*ə ràka*	ʻон заболел ракомʼ	
ľà-le	*ə frʹànca*	ʻон заболел сифилисомʼ	
ľà-le	*ə bəgəvìja*	ʻон простудилсяʼ	
linè-le	*le pajà*	ʻон вспотелʼ	

Примеры:

(1) 👂 *Ľà-les ə lìndri, uštilò də dəminʹàcy, dikhàl: sà o manřò licárdò lo.*
ʻЗаснул он, встал утром, видит: весь хлеб помят.ʼ

(2) 👂 *Aj rovèl o raklò, ľà-le o dòro pala lèh-ki phèj.*
ʻИ плачет парень, соскучился по своей сестре.ʼ

(3) 🔈 *Lèl-ma ə dàr tumèn-dar.*
ʻНачинаю вас бояться.ʼ

(4) 🔈 *Òta xaľà kakò màs, ə glàta, aj dukhajà-la o dì, aj phenàs: ľà o pòno, ľà-la. Əl phurà dènas armajà: o pòno te-lèl.*
ʻВот съел вот это мясо ребёнок, и заболел у него живот, и мы говорим: проняло, проняло его. Старики бранились: чтоб проняло.ʼ

(5) 🔈 *Òta əl phurà dènas armajà: te-lèl-tu ə frʹànca, te-lèl.*
ʻВот старики бранились: чтоб взял тебя сифилис, чтоб взял.ʼ

Здесь *ə dàr*, *ə lìndri* и т. д. — подлежащее и полноценная существительная группа. Определённый артикль обязателен, если нет прилагательного (тогда это общее обозначение явления: ʻстрахʼ, ʻсонʼ и т. п., см. 4.2.1.6.2о). Однако при наличии прилагательного артикль недопустим (тогда это обычная группа с неопределённостью). Степень может быть выражена только прилагательным:

(6) *Lèl-ma barì dàr tumèn-dar.*
** *Lèl-ma ə barì dàr tumèn-dar.*
ʻНачинаю вас сильно бояться.ʼ

Слабокрематическим этот глагол является также в сугубо фазовом значении, ср. *lèl aj phenèl* ʻберёт и говоритʼ, *lèl te-asàl* ʻначинает смеятьсяʼ (см. 4.2.6.4.1.1).

4.7. Типы предложений по речевому намерению

В соответствии с коммуникативной установкой говорящего все предложения можно отнести к одному из следующих условных типов:

— **повествовательные**: говорящий делает сообщение
— **вопросительные**: говорящий добивается ответа
— **побудительные**: говорящий пытается повлиять на других
— **желательные**: высказывается неосуществимое желание
— **восклицательные**: бурное выражение чувства (по поводу степени)

Порой грань между этими типами размыта (ср., например, риторические вопросы, просьбы в форме вопросов и др.).

Каждому из этих типов присущи типичные конструкции (т. е. сочетания наклонения, частиц и т. п.), однако это соответствие неоднозначно, т. к. одни и те же конструкции могут применяться с разными речевыми намерениями, которые, в свою очередь, нетривиально соответствуют различным модальностям (см. 4.2.6.2).

Здесь нас больше интересует строение разных типов предложений, чем многообразные внеязыковые явления, связанные с модальностями. Поэтому мы руководствуемся прежде всего именно структурными критериями.

Говоря ниже о «предложениях», мы имеем в виду независимые предложения (а не подчинённые), в т. ч. если они входят в состав сложноподчинённых (являются в них главными). Понятие «речевого намерения» к подчинённым предложениям мы не применяем.

4.7.1. Повествовательные предложения

К этому типу относится большинство высказываний в речи. Такие предложения содержат сообщение, описание чего-либо. Формально это утвердительные или отрицательные предложения в изъявительном (см. 4.2.6.2.1) или условном (см. 4.2.6.2.5) наклонении, не содержащие вопроса:

(1) *Tehàra źàv p-əl gavà.*
ʻЗавтра еду на заработки.ʼ
(2) *Nàs-k-avès khərà źuvindò.*
ʻТы бы не вернулся домой живым.ʼ

Отметим случаи «косвенного императива», когда повествовательное по форме предложение содержит повеление:

(3) *Trubùl te-źàs-tar.*
ʻНадо, чтобы ты ушёл.ʼ

Особо оговорим предложения, чьё произнесение само по себе является действием, выражаемым сказуемым (это т. н. перформативные глаголы), ср. глаголы *mangəl* ʻпросить’ (сам по себе воплощает просьбу) и *solaxàl* ʻклясться’ (сам по себе воплощает клятву):

(4) *Mangàv jertimòs.*
ʻПрошу прощения.ʼ
(5) *Solaxàv kə mudaràv-le.*
ʻКлянусь, что убью его.ʼ

Заметим, что в таких случаях значение действия возможно только в повествовательном предложении, ср. императив *solàx!* (или *dè armajà!*) ʻпоклянись’ — говорящий лишь призывает другого к этому действию (т. е., например, к произнесению *solaxàv* или *dàv armajà* ʻклянусь’).

4.7.2. Вопросительные предложения

Предложения, содержащие вопрос, в общем случае произносятся с целью получения ответа (если это не риторический вопрос). Для них характерны особые интонационные черты, а также (не всегда) порядок слов (см. 4.8.5). Вопросы бывают **общие** (оценка истинности высказывания), **альтернативные** (выбор из данных вариантов), **специальные** (прицельно запрашиваемая информация). Дадим элементарные примеры:

(1) *Tù bešàs kaćé?* (общий)
‘Ты живёшь здесь?’

(2) *Tù kaćé bešàs vòrkə koćè?* (альтернативный)
‘Ты здесь живёшь или там?’

(3) *Kàj bešàs?* (специальный)
‘Где ты живёшь?’

Кроме того, бывают **смешанные** вопросы. Важно также различать вопросы по наклонению глагола: изъявительному или зависимому, т. к. они покрывают разные оттенки намерений. Кроме того, в каждом типе вопроса удобно различать дальнейшие подтипы, например, является ли вопрос **переспросом**.

4.7.2.1. Общий вопрос

Общий вопрос в обычном случае требует подтверждения (‘да’, ‘правда’), отрицания (‘нет’, ‘неправда’) или же неопределённого ответа (‘не знаю’; ‘может быть’). Вопрос может быть задан (а) к члену предложения или элементу группы (т. е. к любой части предложения) или же (б) ко всему предложению:

(а) вопрос к части предложения

В вопросе выделяется восходящей интонацией слово, требующее подтверждения (или наоборот). Начнём со случаев, где это выделяемое слово — сказуемое (глагол, но не *sỳ* ‘быть’); на такой вопрос можно ответить утвердительным или отрицательным словом-высказыванием, а также повторить глагол. В обычных случаях слово, к которому задаётся вопрос (его можно считать ремой; в примерах подчёркнуто), ставится в начало (насколько это возможно) — это, вкупе с восходящей интонацией, главная черта этого типа вопроса:

(1)	*Kamés te-xàs?*	— *Ə̀j.*	— *Kamàv.*	— *Ćì.*	— *Ćì-kamav.*
	‘Хочешь есть?	— Да.	— Хочу.	— Нет.	— Не хочу.’
(2)	*Xaľán vàrə-so?*	— *Ə̀j.*	— *Xalèm.*	— *Ćì.*	— *(Khànći) ćì-xalèm.*
	‘Ты ел что-нибудь?	— Да.	— Ел.	— Нет.	— (Ничего) не ел.’

Возможны также сочетания типа *ə̀j, kamàv* ‘да, хочу’, а также изредка *nàj* ‘нет’ вместо *ćì* в ответах на вопросы не к глаголу *sỳ* (в т. ч. *nàj, ćì-kamav* ‘нет, не хочу’). Иначе отвечают (при отрицании) на вопросы к глаголу *sỳ* (только *nàj*):

(3)	*Màj-sý lovè?*	— *Ə̀j.*	— *Sỳ.*	— *Nàj.*	**— *Ćì.*
	‘Есть ещё деньги?	— Да.	— Есть.	— Нет.’	

Редкие отрицательные слова — *nìći* (решительно) и *bàvo* (неясно, только в сказке):

(4) *Řətìja pés?* — *Nìći!*
‘Водку будешь пить? — Нет!’

(5) *Puśèl-les lès-ko dàd: Astarďán le ćorès? — Bàvo, ćì-astardèm, ćì-dikhlèm khanikàs!*
‘Спрашивает его его отец: Поймал вора? — Да нет, не поймал, я никого не видел.’

Обычно можно также ответить *ćì-źanàv* ‘не знаю’, *kòn źanèl* ‘кто знает’ и т. п.

Вопрос может задаваться к любому члену предложения или его части — приведём несколько примеров:

(6) *O Ríśo avilò?* (подлежащее)
‘[Именно] Ришё пришёл?’

(7) *Ə matóra bitinďàn?* (дополнение)
‘Ты [именно] машину продал?’

(8) *Ř̆óm san?* (расширение)
‘Ты цыган?’

(9) *Laśí dilì dilabadèm tù-kə?* (определение в сущ. группе)
‘Хорошую песню я тебе спела?’ и т. д.

На все такие вопросы можно ответить: *àj* ‘да’, *ćì*, *nàj* ‘нет’, но не *sỳ* ‘есть’.

Кроме того, для усиленного подтверждения часто отвечают *aj sàr* или *ap sàr* ‘конечно’(букв. ‘а как’, ‘как же’):

(10) *Katká bešàs? — Aj sàr!* (обстоятельство)
‘Ты тут живёшь? — Конечно!’

Если же, кроме слова, к которому задаётся вопрос, нужно выделить ещё одно (в качестве темы), то можно прибегнуть к левому выносу (см. 4.8.7; интонация темы будет нисходящей, в отличие от повествовательных предложений, где она чаще восходящая):

(11) *Lovə̏ màj-sý-tu?*
‘А де́ньги-то у тебя ещё есть?’

(12) *O raklə̏ ampəráto kə̀rdilo?*
‘А парень-то царём стал?’

При выносе дополнения обычен местоименный повтор (см. 4.9.2.1.5.2):

(13) *Ə matə̏ra bitinďán-la?*
‘А машину ты продал?’

Это возможно в связочных предложениях при выносе подлежащего (см. 4.9.2.1.3.1):

(14) *O Rïšo barvaló lo?*
‘Ришё богатый?’

Все приведённые вопросы задаются без какого-либо предварительного ожидания (предубеждения); спрашивающий в общем случае заранее не ждёт ни утвердительного, ни отрицательного ответа. Но бывают вопросы, ответ на которые спрашивающий уже более-менее знает, т. е. ожидает скорее подтверждения того, что звучит в вопросе, и, таким образом, это **наводящий вопрос**. Таковыми, видимо, всегда являются вопросы с отрицанием сказуемого (восходящая интонация часто на отрицании, в т. ч. если это клитика):

(15) *Ćí-phenďàn sàr buśòs?* — *Ćì.* — *Phendèm!*
‘Ты же не сказал, как тебя зовут? — Нет. — Сказал!’

(16) *Ćí-avilò o Rìšo?* — *Ćì.* — *Avilò!*
‘Что, Ришё не пришёл? — Нет. — Пришёл!’

(17) *Tù-te manáj-tu lovè?* — *Manàj.* — *(Màj-)sỳ!*
‘У тебя ведь больше нет денег? — Больше нет. — (Ещё) есть!’

Ответом, подтверждающим предположение спрашивающего, будет *ćì* (*nàj*) ‘нет’. По самим этим вопросам понятно, что спрашивающий предполагает именно отрицательный ответ. Если же это предположение неверно, то в ответе обычно повторяют глагол (нельзя ответить *àj* ‘да’).

(б) вопрос ко всему предложению

Общие вопросы, в которых восходящей интонацией специально не выделяется какая-либо часть, имеют как бы единую интонацию (обычно восходящую; ниже в примерах обозначаем это знаком восходящего тона на последнем слове). Спрашивающий обычно таким образом выражает своё знание или, наоборот, удивление и т. п. по поводу всего высказывания, которое часто подобно **переспросу** (или прямо является таковым) и ждёт подтверждения. Таким образом, вопросы ко всему предложению — наводящие. При этом порядок слов никак не отличается от соответствующего повествовательного предложения. Заметим, что, хотя вопрос не относится ни к какому члену, в ответе можно повторить именно сказуемое (видимо, т. к. оно в фокусе по умолчанию):

(18) *Bitinďàn ə matóra?* — *Ə̀j.* — *Bitindèm!* — *Ćì!* — *Ćì-bitindèm.*
ʻТы продал машину? — Да. — Продал. — Нет. — Не продал.ʼ

(19) *Ćì-avilò khónik?* — *Ćì.* — *Khònik.* — *Kòn-to aviľà.*
ʻЧто, никто не пришёл? — Нет. — Никто. — Кто-то пришёл.ʼ

На вопрос (19) невозможно ответить *ə̀j* ʻдаʼ, при этом *ćì* ʻнетʼ подтверждает отрицательность (ʻникто не пришёлʼ). Ответ *nàj*, видимо, может быть двусмысленным, т. к. может быть понят как отрицание отрицания (ʻнет, кто-то пришёлʼ).

Вопросы к сказуемому и вопросы ко всему предложению (сродни переспросу) различаются не только порядком слов, но порой и лексически. Это касается неопределённых местоимений: в вопросах к сказуемому скорее будет местоимение из ряда *vàrə-* ʻ...-нибудьʼ, а ко всему предложению — как в соответствующем повествовательном — из ряда *-to*, ср. также порядок:

(20) а. *Phenďán vàrə-so?*
ʻТы что-нибудь сказал?ʼ (неизвестно, сказал ли)

б. *Sò-to phenďán?*
ʻТы что-то сказал?ʼ (кажется, сказал)

Это возможно за счёт того, что местоимения из серии *-to* всегда «реальны», в том смысле, что не могут заменять отрицательное местоимение ʻничегоʼ и т. п. и предполагают положительное значение заменяемого, тогда как серия *varə-* свободна от таких предположений (и связана с ирреальной модальностью).

⌛ Кажется, раньше серия *vàrə-* обслуживала все случаи, а *-to* не было вообще. Судя по всему, это противопоставление (как и сама клитика *-to*) заимствовано из русского языка (что нас удивляет, ибо в других частях грамматики — тем более в морфологии — таких глубоких изменений под русским влиянием как будто нет).

Косвенные общие вопросы невозможны в составе сложноподчинённого предложения, поскольку нет частицы типа ʻлиʼ, но вместо них возможны обще-альтернативные (разделительные, см. 4.12.2.4.1б).

Вопросы к предложению могут быть иногда более явными: к обычному повествовательному предложению могут прибавляться **подтверждающие** вопросы, ср.:

(21) *Bokhalò san, ćaćés?*
ʻТы голоден, правда?ʼ

(22) *Tù bešľàn and-əl ćemà, kaďá (sy)?*
ʻТы жил за границей, так?ʼ

Сюда примыкают **эллиптические подтверждающие** вопросы, не могущие прибавляться к утверждению, а применяемые отдельно как выражение удивления в ответ на чужую реплику: *ćaćimá-sa?* ʻвзаправду?ʼ (а также различные более свободные фразы):

(23) *Gaźò sym. — Ćaćimá-sa?*
‘Я русский. — Серьёзно?’

Функцию приглашения к реакции нередко выполняют вставки в форме вопросов типа *haťarə́s? ~ haľarə́s?* ‘понимаешь?’, *haťarďán? ~ haľarďán?* ‘ты понял?’, вставляемые в повествовательные предложения (обычно в конец):

(24) *I sàrija thòl pe là, i càli, i řòti řomanè, nu ći-kamèl ə raklì khànći, aľarďán?*
‘И сари [?] надевает на неё, и одёжки, и юбки цыганские, ну не хочет девушка ничего, понял?

Часто в общих вопросах выступает зависимое наклонение. Такие вопросы выражают сомнения, иронию и т. п. и могут быть риторическими. Такие предложения можно называть **вопросительно-побудительными**. Вопрос, призванный разрешить незнание, неуверенность, сомнение, чаще всего в 1-м лице:

(25) *Te-śàv-ma andrə̀?*
‘Мне зайти внутрь?’

(26) *Sàr gyndìs: te-śùdav o dàřo?*
‘Как считаешь: мне кинуть взнос?’ (денежный подарок молодожёнам)

Ответом может быть императив (наряду с другими возможностями):

(27) *Te-xàv ək sarmála?* — *Ə̀j.* — *Xà!* — *Te-nà!*
‘Съесть мне голубец? — Да. — Съешь! — Не надо.’

Соответствующий косвенный вопрос, кажется, невозможен (но возможен полупрямой, см. 4.12.9.2). Соответствующие утвердительные предложения выражают, например, намерение (‘кину-ка я...’ и т. п., см. 4.7.3д).

По форме от прочих вопросов неотличимы **риторические** вопросы, однако в косвенном виде они невозможны (такие вопросы вряд ли можно вообразить в составе сложноподчинённого предложения). Общим знаменателем значения здесь можно считать неестественность с точки зрения спрашивающего (положительного) ответа. Пример общего риторического вопроса:

(28) *Vò sàh ka te phejà, ći-xalè-leh muřə phràl, aj mè te-xáv-leh?!*
‘Он был у твоих сестёр, его не съели мои братья, а я чтоб его съел?!’

Близки к этому примеры, когда в общем вопросе содержится нежелательное следствие чего-либо:

(29) *Sàr te-xàv-le?! Te-źàl pa màn-de pe sà-j Iròpija kə mè xalèm muřə šogoròs?!*
‘Как это я его съем?! Чтоб пошло обо мне по всей Европе, что я съел своего шурина?!’ (реплика змея)

Общие риторические вопросы могут задаваться как к части, так и ко всему предложению; чаще всего они задаются ко всему предложению, причём порой вводятся частицами *pàte* ‘неужто’ (ожидается отрицание), *sò* ‘что’ (обычно ожидается подтверждение):

(30) *Pàte mè gaźí sym?*
‘Разве я русская?’

(31) *Sȍ, aviľán?*
‘Ну что, ты пришёл?’

Понятие «риторического вопроса» размыто. Во всех случаях, в принципе, возможен подтверждающий или отрицающий (в зависимости от вопроса) ответ со стороны собеседника.

4.7.2.2. Альтернативный вопрос

В отличие от общего вопроса, предполагающего три варианта ответа — ‘да’ и ‘нет’, а также неопределённый (‘не знаю’ и т. п.), — альтернативный вопрос предлагает выбор из двух или более вариантов, которые явно называются в вопросе путём сочинения — союзом *vòrkə ~ vor* ‘или’ (но часто III пласт: *ili*) или же бессоюзно. Все сочиняемые таким образом варианты (альтернативы), кроме последнего, обычно отмечаются восходящей интонацией, а последний — нисходящим.

Эти варианты могут быть фразами — целыми предложениями (т. е. частями сложносочинённого предложения) или зависимыми оборотами:

(1) *Tù źàs mán-ca ili aśès te dadè-sa?* (предложения)
‘Ты пойдёшь со мной или останешься со своим отцом?’

(2) *Kamès te-źás vòrkə te-aśès?* (зависимые обороты)
‘Хочешь уйти или остаться?’

Кроме того, они могут быть любым членом предложения или элементом группы, при этом нередко первый выносится в начало предложения:

(3) *Řətíja kamès te-pès ili pìva?* (дополнения)
‘Водку хочешь пить или пиво?’

(4) *Tú syťòs amarì śìb vòrkə mè?* (подлежащие)
‘Ты учишь наш язык или я?’

(5) *Barvaló lo vòrkə ćořò?* (расширения)
‘Богат он или беден?’ и т. д.

Пример более чем двух альтернатив:

(6) *Xàs más, manřó vòrkə purùm?*
‘Ты ешь мясо, хлеб или лук?’

Альтернативный вопрос возможен с зависимым наклонением (вопросительно-побудительный):

(7) *Te-xàs más, manřó vòrkə purùm?*
‘Нам есть мясо, хлеб или лук?’

Пример смешения разных групп, выражающих альтернативы (существительные группы, предложения), — этот пример показывает, что перечень альтернатив можно порой анализировать с помощью эллипсиса:

(8) *Xàs más, manřó vòrkə ćì-xas khànći?*
‘Ты ешь мясо, хлеб, или ты ничего не ешь?’

Альтернативный вопрос может выражаться сочинением предложений (обычно в зависимом наклонении) или их частей разделительными парными союзами *vaj... vaj* ‘...ли... или’, *vòrkə... vòrkə* ‘или... или’ (см. 4.11.4).

Особым подтипом альтернативного вопроса можно считать бессоюзное сочинение двух общих вопросов с отрицанием во втором из них. Впрочем, формально это именно два общих вопроса, что видно и по восходящей интонации в обеих частях:

(9) *O diktafòno lél, ćí-lel?*
‘Диктофон записывает, не записывает?’

Альтернативные вопросы вообще довольно редки; чаще применяют обще-альтернативные (= разделительные) и другие смешанные вопросы (см. 4.7.2.4). Косвенные альтернативные вопросы невозможны в сложноподчинённом предложении (см. 4.12.2.4.1в).

4.7.2.3. Специальный вопрос

Специальный вопрос содержит вопросительное местоимение, показывающее собеседнику, какой член предложения или группы должен быть прояснён. Дадим их список:

sò	ʻчто’ (тж. ʻпочему’)	*ćè*	ʻкакой’
kòn	ʻкто’	*savò*	ʻкоторый’
kàj	ʻгде; куда’	*savès-tar*	ʻкакой’
karìng	ʻкуда; где примерно’	*kàs-ko*	ʻчей’
katàr	ʻоткуда’	*kabòr*	ʻкакого размера’
kàna	ʻкогда’	*sòde*	ʻсколько’
sàr	ʻкак’	*sodèn-go*	ʻкакого возраста’
sòs-tar, *-te*, *-kə*	ʻпочему, зачем’	*sodìvar*	ʻсколько раз’

Они могут выступать и в предложных группах, ср. *pe sòs-te* ʻна чём’, *zì kàna* ʻдо каких пор’, *ka-l sòde* ʻво сколько’ и т. д. Специальные вопросы «информации» имеет смысл отличать от похожих по виду переспросов:

(а) специальный вопрос информации

Вопросительное местоимение имеет нисходящую интонацию и ставится левее сказуемого (о позициях см. также 4.8.5). Это может быть почти любой член предложения, который, таким образом, целиком выносится влево:

(1) *Kòn aviľà?* (подлежащее)
ʻКто пришёл?’

(2) *Sò anès muřə dadès-kə?* (прямое дополнение)
ʻЧто ты несёшь моему отцу?’

(3) *Kàs trubùl lovè?* (полупрямое дополнение)
ʻКому нужны деньги?’

(4) *Kàs-tar daràs?* (косвенное дополнение)
ʻКого ты боишься?’

(5) *Kòn san tù?* (расширение к подлежащему)
ʻКто ты?’

(6) *Kàna mutisàjľan katkà?* (обстоятельство)
ʻКогда вы переехали сюда?’

Чтобы задать вопрос к определению внутри существительной группы, выносится вся эта группа. В нормальном случае всегда выносится и вся предложная группа:

(7) *Savò špènco te-dàv-tu?* (в существительной группе)
ʻКоторый свитер тебе дать?’

(8) *Pe sòs-te aviľàn?* (в предложной группе)
ʻНа чём вы приехали?’

(9) *Anda ćè nàcyja san?* (в сущ. группе внутри предложной группы)
ʻИз какого ты рода?’

Только вопросительное слово (или часть группы) вынести обычно невозможно.

Затруднительны или невозможны специальные вопросы к частичному дополнению (ср. *khàndel pajà* ʻпахнет по́том’, *pherəl pàj* ʻнаполняет водой’), к расширению к дополнению (ср. *thoďà-les barò* ʻсделал его начальником’) и к присказуемому (ср. *avilò matò* ʻпришёл пьяным’).

Иногда вопросы относятся ко всему предложению (т. е. к тому, что может быть ответом), а не к его части; ср. с вопросительным словом *sò* в значении ʻпочему’:

(10) *Kana vò: Aj sò ćì-xalavès te vàs, phèn-kə, kakalè vastèn-ca, phèn-kə, phèrdo ràt, phèn-kə, aj tù śinès màn-gə màs.*
ʻА он: «Что же ты не помоешь руки, говорит, этими руками, говорит, полными крови, а ты режешь мне мясо».ʼ

В вопросах типа ʻчто происходит?ʼ формально *sò* ʻчтоʼ — подлежащее, но на самом деле вопросительным является сочетание *sò kàrďol* ʻчто делаетсяʼ, причём ожидается ответ без слова *kàrďol*:

(11) *Sò kàrďol maškar ə bàr? — Xàn-pe le řòm.*
ʻЧто происходит в таборе? — Ссорятся цыгане.ʼ

Изредка встречаются вопросы с более чем одним вопросительным местоимением:

(12) *Kòn sò kamèl?*
ʻКто что хочет?ʼ

В форме специальных вопросов задаются различные риторические вопросы, ср.:

(13) *Kòn źanèl kàj sy là-ko řòm?*
ʻКто знает, где её муж?ʼ

В связном повествовании специальные вопросы нередко задаются «самому себе» для оживления рассказа, что можно назвать **вопросительным выносом**:

(14) *Sàr gyndìl-pe: te-mudaràla-les, meràl lès-ki gaźì.*
ʻ[Он] как думает: если убьёт его, умрёт его жена.ʼ

(15) *O Dòrdi sò kərďà? Tiďà le řomèn aj nigəràl-le ka bìrto.*
ʻДёрди что сделал? Собрал цыган и ведёт их в кабак.ʼ

Часто в специальных вопросах выступает зависимое наклонение. Такой специальный вопрос, как и общий, сопряжён с сомнением, незнанием:

(16) *Sàr te-źàv mè là-te te-tomnìv-la?*
ʻКак я пойду к ней свататься к ней?ʼ

(17) *Màn o šərò dukhàl-ma, sàr ť-ankľàv màn-gə avrì?*
ʻУ меня голова болит, как бы мне выйти наружу?ʼ

(18) *Akanà-š avèl o zmàvo. Kə sò te-kəràv? Kàj te-garavàv-tu phràla?*
ʻСейчас придёт змей. Что же мне делать? Куда мне тебя спрятать, брат?ʼ

Специальный риторический вопрос (здесь явно не предполагается ответ на вопрос *sòde* ʻсколькоʼ, *sodìvar* ʻсколько разʼ):

(19) *Sòde te-xàh anda le tatàh-ko mandìn?*
ʻСколько нам [можно] есть из папиного имущества?ʼ

(20) *Sodìvar mè te-phenàv tù-kə!*
ʻСколько раз я должен тебе говорить!ʼ

Вопросительное местоимение *sàr* ʻкакʼ вводит риторические вопросы разных типов. Так, это может быть ответ на высказывание (будь то утверждение или побуждение), вызвавшее несогласие, недоумение; таким образом подчёркивается нелогичность с точки зрения говорящего:

(21) *Ľà là-kə kućì pìva, la marťà-kə, aj ďà la: àle tù-kə kućì pìva! Kana ə màrťa: Sàr te-p'àv mè pìva? Kə mè avilèm... aťaràh? kə mè avilèm te-mudaràv-tu!*
ʻВзял ей кружку пива, для смерти, и дал ей: «На тебе кружку пива!» А тут смерть: «Как это чтоб я пила пиво? Ведь я пришла... понимаешь? Ведь я пришла тебя убить!»ʼ

(22) *Sàr te-avèl ťo gaźò, kana ťo gaźò kotòr smàla?*
‘Как это он твой муж, когда твой муж — кусок смолы?’

(23) *O raklò ćì-paťajà lès-kə: No sàr te-śàv-ma mè sar o ćòr pa-j feľàstra, mè śàv-ma sar o řòm anda vudàr.*
‘Парень не поверил ему: «Ну как это входить мне, как вору, через окно, я войду, как человек, из двери».’

При подчёркивании невозможности — с вопросительным *kàj* ‘где уж; куда там’:

(24) *Kàj te-bitinàs tù-kə, amèn ćì-arəsəl-amè sò pekàs!*
‘Куда там продать тебе, и нам не хватает того, что мы печём!’

На эту реплику в той же сказке отвечают (здесь опять *sàr*, но при отрицании):

(25) *Sàr te-nà-arəsəl-tume sò pekən manřò?*
‘Как это вам не хватает того хлеба, что вы печёте?’

Другой (противоположный) тип риторического вопроса с *sàr* и зависимым наклонением: когда нечто уже происходит (т. е. вполне реально), а говорящий указывает на невероятность иного положения (путём отрицания):

(26) *Sàr te-nà-rovàv, phèn-kə, peradèm ande xajìng k angrustì, kaj kununisàjlem tù-sa.*
‘Как мне не плакать, говорит, я уронила в колодец кольцо, где венчалась с тобой.’

Отрицание также вводится ещё в одном типе риторического вопроса — с *sòs-tar* ‘почему’ и отрицанием — ‘почему бы не...’:

(27) *Aj sòs-tar te-nà-pytràv kakò udàr? Pytràv aj ćì-pyřỳv lès-kə.*
‘А почему бы мне не открыть вот эту дверь? Открою и ему не призна́юсь.’

Упомянем также вставки в форме специальных вопросов типа *sàr buśòl?* ‘как называется?’ (при подыскивании слов):

(28) *Ftaròj axòtniko dikhəl kə... sàr buśòl... kə le devlè-sa pala-j skafedì...*
‘Второй охотник видит, что... как называется... что с богом за столом...’

Косвенные специальные вопросы возможны в составе сложноподчинённого предложения (см. 4.12.2.4.1а). В них сохраняется наклонение изначального вопроса:

(29) *Phenàv tù-kə kàj bešàv.* (изъявительное)
‘Я скажу тебе, где я живу.’

(30) *Ćì-źanàv kàj te-thàv-tu, phràla.* (зависимое)
‘Не знаю, куда тебя поместить, брат.’

Кроме того, возможна сложноподчиннённая конструкция, где особое выделение достигается расщеплением предложения на *kadò* ‘это(т)’ + *kaj...* ‘что, который’, причём он может быть задан к разным членам (чаще всего к подлежащему и дополнению):

(31) *Oj, sò j kadò kaj avilò?*
‘Ой, кто это пришёл?’ (букв. ‘что есть этот, что пришёл’)

(32) *Sò j kadò kaj kərès?*
‘Что это ты делаешь?’ (букв. ‘что есть это, что делаешь’)

(б) переспрос в форме специального вопроса

Не расслышав часть чужого высказывания, можно его (факультативно и частично) повторить (с пересчётом лиц), заменив непонятные части вопросительными местоимениями. Порядок слов обычно вопросительный (с вопросительным местоимением в начале), но

может сохраняться изначальный порядок (редко). В таких вопросах вопросительные слова (и обычно всё предложение) получают восходящий тон:

(33) *Avilèm le Boćè-sa. — Ká-sa (aviľán)?*
ʻЯ пришёл с Бочи. — С кем (ты пришёл)?ʼ

(34) *Kadalà řòm bešàn ande Argintìna. — (Vòn bešàn) káj?*
ʻЭти цыгане жувут в Аргентине. — (Они живут) где?ʼ

Потребовать полного повтора можно вопросом типа *só phenés?* ʻчто ты говоришь?ʼ, *só phenďán?* ʻчто ты сказал?ʼ и др. по смыслу.

В особый тип выделим переспрос, относящийся ко всему высказыванию, расслышанному, но недостаточно полному, ср.:

(35) *Màj-jek-dàta! — Sò màj-jek-dàta?*
ʻЕщё раз! — Что ещё раз?ʼ

Здесь *sò* ʻчтоʼ (стоит в начале и имеет нисходящий тон, как в обычном специальном вопросе) призывает собеседника раскрыть допущенный им эллипсис.

4.7.2.4. Смешанные вопросы

В одном предложении могут сочетаться разные типы вопросов. Можно выделить следующие смешанные типы:

(а) обще-альтернативный (разделительный)

К общему вопросу прибавляется отрицательная альтернатива:

(1) *Avés vòrkə ći*?
ʻИдёшь или нет?ʼ

(2) *Kamés te-xàs ili ći-kamès*?
ʻХочешь есть или не хочешь?ʼ

(3) *Sý-tu glàti vor nàj?*
ʻЕсть у тебя дети или нет?ʼ

Возможен также оборот *ći nìći* ʻили нетʼ (здесь *ći* — особый союз ʻилиʼ):

(4) *Kamés te-xàs ći nìći?*
ʻХочешь есть или нет?ʼ

(б) обще-специальный

При повышенной экспрессии вторая часть обще-альтернативного вопроса может заменяться специальным вопросом (который обычно не требует точного ответа):

(5) *Vò darájlo ili sò j?*
букв. ʻОн испугался или что такое?ʼ

Есть пример на *ći sò* ʻили чтоʼ (здесь *ći* — особый союз ʻилиʼ):

(6) *Sò te-śinav-le, tù sò, dilí san ći sò?*
ʻЧего [это] мне его резать, ты что, дура или что?ʼ

(в) специально-общий

Во второй части предвосхищается наиболее вероятный ответ:

(7) *Kòn aviľà, le kətáni?*
ʻКто пришёл, милиция?ʼ

(г) специально-альтернативный вопрос

Во второй части предлагается выбор:

(8) *Sö pès, píva vòrkə řətìja?*
‘Что будешь пить, пиво или водку?’

(9) *Phenèl: pe sòs-te maràs-ame? puśèl-les o rakloř̀ò, pe-l sùlicy ili pe-l sə̀biji?*
‘Говорит: «На чём будем драться?» — спрашивает его парень. — «На стрелах или на саблях?»’

Сочинительный союз может быть парным (см. 4.11.3):

(10) *Sàr kamès te-làs-ame || vòrkə͡ande phùv vòrkə͡and-əl śur’à?*
‘Как ты хочешь, чтобы мы боролись — или врукопашную, или на ножах?’

4.7.3. Побудительные предложения

При обращении ко 2-му лицу для побуждения может служить повелительное или зависимое наклонение, а к остальным — только зависимое. В обоих случаях иногда (в разных лицах по-разному) употребляются особые частицы (*mèk ~ mùk* ‘пусть’, *hàjda* ‘давай’, *àś* ‘дай’, *àš-ta* ‘дай-ка’). Эти частицы могут стоять прямо перед глаголом, и тогда характерная для зависимого наклонения клитика *te-* может опускаться, так что в этом случае эти частицы можно считать клитиками (и писать с дефисом: *mèk-*; при этом возникает узкая граница, что видно и по фонологическому поведению, ср. *mè*[*k*]-*lèl* ‘пусть берёт’, см. 1.3.7.6б).

С учётом сказанного, общая схема такова (даём пример с глаголом *xàl* ‘есть’, императив *xà* ‘ешь’, в обоих числах):

лицо	без частиц		с частицами *mèk*/*mùk*	*hàjda*	*aś*/*àš-ta*
повелительное наклонение:					
2. ед.	*xà*	–	–	*hàjda xà*	–
мн.	*xàn*	–	–	*hàjda(n) xàn*	–
зависимое наклонение:					
1. ед.	(*xàv*)	*te-xàv*	–	–	*aś*/*àš-ta (te-)xàv*
мн.	–	*te-xàs*	–	*hàjda (te-)xàs*	–
2. ед.	–	*te-xàs*	–	–	–
мн.	–	*te-xàn*	–	–	–
3. ед.	(*xàl*)	*te-xàl*	*mèk-xàl* ~ *mèk* [...] *te-xàl*		–
мн.	(*xàn*)	*te-xàn*	*mèk-xàn* ~ *mèk* [...] *te-xàn*		–

Итак, есть довольно много способов выражения побуждения. С другой стороны, само понятие побудительности весьма произвольно. Нам здесь удобно будет в него включать любое выражение воли говорящего, чтобы нечто случилось. Разберём разные формы из таблицы по порядку:

(i) повелительное наклонение

В обоих числах 2-го лица для выражения побудительности типично повелительное наклонение (см. 4.2.6.2.4), ср.:

(1) *Àv ordè! Bèš telè!*
‘Иди сюда! Садись!’
(2) *Nà-daràn kata źukàl!*
‘Не бойтесь собаки!’

Повелительное наклонение может выражать «абстрактную» команду, не адресованную никому лично, ср. в пословице:

(3) *Xoľájľan, pynřànďu!*
‘Разозлился — разуйся!’

В брани:

(4) *Źà ande gòj!*
‘Иди на хер!’ (букв. ‘в колбасу’)

Вместо повелительного обычно можно употребить зависимое наклонение.

(ii) зависимое наклонение

Побудительное предложение с побудительной частицей (или клитикой; см. таблицу выше) и глаголом в зависимом наклонении сродни сложносочинённому предложению, ср. *mek-źal* ‘пусть идёт’ и *mekàv-le te-źàl* ‘пускаю его идти’. При отсутствии частицы побудительность «косвенно» выражается сказуемым в зависимом наклонении, но и здесь можно вообразить сложносочинённое предложение с глаголами типа *kamèl* ‘хотеть’, *mangəl* ‘просить’ и т. п. в главной части. Впрочем, это не значит, что все такие предложения возможны. В большинстве случаев зависимое наклонение в независимом предложении ни в коей мере не является эллиптическим. Рассмотрим различные речевые намерения:

(a) побуждение, запрет

Во 2-м лице зависимое наклонение употребляется параллельно с формами повелительного (императива). Отличие может быть в степени категоричности (нередко зависимое наклонение выражает бóльшую настойчивость):

(5) *Te-pyřỳh màn-gə, Rudòľfo, sò sàs-tu kaćè ande kòmnata ta phabòlah, ta lèlah jàg?*
‘Признавайся мне, Рудольфо, что было у тебя там в комнате, [что] аж горело, аж занималось?’
(6) *Te-anèn-la màn-gə, te-làv-la, te-làv-la, kə meràv, kə phařuvàv pala là-te.*
‘[А ну] приведите её ко мне, чтоб я её взял, взял, ибо люблю, обожаю её.’ (букв. ‘умираю, лопаюсь по ней’)
(7) *Te-lès-tu aj te-źàs-tar kàj dikhàn tirə jakhà! Màn-de and-o khər te-nà-màj-bešàs!*
‘Убирайся и уходи куда глаза глядят! У меня в доме ты чтоб больше не жил!’
(8) *Àle tàtə, źà p-o bazàri te-bitinèh-leh. Sòde milivònuri te-dèna, te-nà-leh!*
‘На, папа, иди на базар продать его. Сколько бы миллионов [ни] дали, не бери!’

При отрицании просьба может быть и мягкой (в некоторых контекстах):

(9) *Te-nà-xoľàves pe màn-de!*
‘Не сердись на меня!’

Вставная этикетная формула: *te-jertìs* букв. ‘да простишь’ (при упоминании табу), ср.:

(10) *Aj źàl pàj, te-jertìs, anda là-kə ćućà.*
‘И идёт вода — пардон — из её грудей.’

Зависимое наклонение чаще подразумевает «замедленное действие», ср. пример с повелительным, требующим немедленного выполнения, и зависимым, относящимся к более отдалённому будущему:

(11) *Źà p-o bazàri, lè màn-gə thavà anda dèš fə̀luri. Aj mè astaràv khə dikhloř̀ò, phèn-kə, aj te-źàs te-bitinès-les.*
ʻИди на базар и возьми мне нити десяти видов. А я сошью платочек, мол, и ты пойдёшь его продавать.ʼ

Только зависимое наклонение возможно в призыве, обращённом не ко 2-му лицу.

Формой 1.мн. говорящий обращается с призывом к собеседникам (одному или многим), присоединяясь к ним:

(12) *Aj də tehàra dès kurkàs-ko || aj dəmin'àcy te-uštès-y* [...] || *aj ť̀o šərò te-ulavès-y* [...] || *aj p-o bazàri amè te-źàs-y.*
ʻА назавтра день воскресный, а утром ты вставай да голову причёсывай, да на базар мы пойдём.ʼ

Часто побуждения в 1-м лице сопровождаются частицей *hàjda*, при этом, если между частицей и глаголом нет других слов, то *te-* факультативно:

(13) *Àjdan brè, śavàle, te-màj-xàs-oj || te-màj-xàs-oj, te-màj-p'às-oj.*
ʻДавайте *бре*, ребята, да есть, да есть да пить.ʼ

(14) *Àj vòj řomàle thaj śavàle || àjda kacàr vòj te-tràdas-o || aj kə xàl-amo͡e gə-pə-ù brè.*
ʻАй ой цыгане да ребята, давай отсюда, ой, уедем, ведь погубит нас ГПУ *бре*.ʼ

(15) *Àjda phiràs dùj-źenè, màj-v'àselo dùj-źenè.*
ʻДавай будем ходить вдвоём, веселей вдвоём.ʼ

С побуждением граничит предостережение:

(16) *Bubòja te-nà-kəràs!*
букв. ʻЧтоб чирьев мы не сделали!ʼ (см. 4.6.5)

Перейдём к 3-му лицу. Побуждение (приказ, повеление):

(17) *Te-avèl tehàra màn-de ť̀o phràl.*
ʻЧтоб пришёл завтра ко мне твой брат.ʼ

Так же выражается более отвлечённое предписание; можно считать, что пропущено *trubùl* ʻнадоʼ или *sỳ* ʻтж.ʼ (букв. ʻестьʼ):

(18) *Šòv kurkà te-nà-phenèl khanikàh-kə, te-źàl and-o fòro.*
ʻШесть недель чтоб не говорил никому, чтоб ходил в город.ʼ

Часто с частицей *mè(k)* ~ *mùk* ʻпустьʼ; если между частицей и глаголом нет других слов, то *te-* факультативно:

(19) *Sò sỳ, gaźì? Mèk-źàl-tar!*
ʻКто это, русская? Пусть уходит!ʼ

(20) *A, Pàtro, kaťà sy myřỳ bàba, myřə̀ dadès-ti dèj. Mèk te-sòl-pe and-o khər!*
ʻА, Пэтро, это моя бабушка, мать моего отца. Пусть зайдёт в дом!ʼ

Запрет — отрицание:

(21) *Te-nà-źal-tar khònik kacàr, te-ašùnď̀ol-pe ə paramìći pòlnəsť̀u! Avrì khònik te-nà-nakhə̀l anda khər!*
ʻЧтоб не уходил никто отсюда, [надо] чтобы была дослушана сказка полностью! Наружу чтоб никто не вышел из дома!ʼ

(б) пожелание

Часто трудно провести границу между побуждением (призывом к действию) и пожеланием (когда от воли говорящего происходящее прямо не зависит), ср. промежуточный случай, например при колдовстве:

(22) *Te-thòl-pe katkà khə ampərəcʲja p-o pàj, aj pòdo, mè kana pašuvàva ka pàj, te-avèl, aj kana śàva-ma and-o khər, te-bilàl.*
ʻЧтоб явилось тут царство на реке и мост — я, когда подойду к реке, чтоб возник, а когда войду в дом, чтоб растаял.ʼ

В этикетных формулах:

(23) *T'-avès baxtalò!*
букв. ʻЧтоб ты был счастлив!ʼ (приветствие, пожелание, поздравление)

(24) *Te-nà-źanès!*
букв. ʻЧтоб ты не знал!ʼ (при упоминании беды)

(25) *Te-kərəl tumèn-gə o dèl mištò!*
букв. ʻПусть сделает вам бог хорошо!ʼ (пожелание)

(26) *Te-avèl ə pòš vušòro pe lès-ko mùj.*
ʻДа будет ему земля пухом.ʼ (букв. ʻлегка на его лицоʼ)

В части частотных оборотов со значением пожелания *te-* факультативно, ср. этикетное: *(te-)trajìn te śavè* (букв. ʻчтоб жили твои сыновьяʼ) ʻпожалуйста; спасибоʼ:

(27) *Dè-ma k-cʲřa lovè, trajìn te śavè!*
ʻДай мне чуть-чуть денег, пожалуйста!ʼ

(в) божба

При божбе в 1-м лице, когда говорится, чтó должно случиться с говорящим, если он лжёт, *te-* обязательно:

(28) *Zəv! Te-meràv! Te-angopòv-ma!*
ʻЕй-богу! Чтоб я умер! Чтоб я себя похоронил!ʼ

(г) просьба

К божбе примыкают усилительные выражения просьбы с глаголом *xàv* букв. ʻ(съ)емʼ — всегда без *te-*:

(29) *Àn-ta màn-gə cygàra, xàv ťo ilò!*
ʻДай-ка мне сигарету, съем твоё сердце!ʼ (т. е. ʻпожалуйстаʼ)

Неясно, можно ли усматривать в них зависимое наклонение, но по смыслу (ʻчтоб я съелʼ) это может быть похоже на «эллипсис» проклитики *te-* (как в проклятиях и пожеланиях), хотя в таких просьбах *te-* опускается обязательно. Так же: *xàv ťo kàr* ʻсъем твой пенисʼ, *xàv ti mìnź* ʻсъем твою вагинуʼ, *xàv te śavè* ʻсъем твоих сыновейʼ (т. е. ʻпожалуйстаʼ при выражении просьбы).

(д) намерение

Выражает желания, планы говорящего (т. е. 1.ед.):

(30) *Aj te-dikhàv, te-puśàv-le: te-xàla-tu, znàćit mè ći-sykavàv-tu.*
ʻИ посмотрю-ка, спрошу-ка его: если [скажет, что] тебя съест, значит, не покажу тебя.ʼ (или ʻсъест ли он тебяʼ?)

(31) 👂 *Ľà-ma* [*o*] *dòro, ľà-ma, muřə phralèn-go. Te-źàv-tar ka muřə phràl, te-dikhàv kàj muřə phralořà.*
ʻСоскучилась я, соскучилась по своим братьям. Поеду-ка я к своим братьям, погляжу, где мои братики.ʼ

В форме 1.мн. (говорящего со товарищи) намерение формально неотличимо от побуждения, обращённого к собеседникам, т. е., например, *te-źàs* ʻпойдём-ка; надо пойтиʼ и ʻдавай(те) пойдёмʼ.

Предложения намерения могут быть вопросительными (точнее — **вопросительно-побудительными**, см. 4.7.2.1):

(32) *Te-źàv khərə akanà?*
ʻМне пойти домой сейчас?ʼ

(33) *Te-pʼàs po bìš gràmi?*
ʻВыпьем по двадцать грамм?ʼ

В 1.ед. часто выступают частицы *àś* ~ *àš-ta* ʻдай-каʼ, которые можно расценивать как гибрид выражения намерения и побуждения (если оно обращено к другим, что необязательно); клитика *te-* факультативна:

(34) 👂 *Àš-ta kàrďuvav mè arćìći, bànďuvav nùma. Ľà aj kàrďol o ćèrko le arćićès-ko.*
ʻДай-ка сделаюсь я оловом, изогнусь только. Взял и делается обручем оловянным.ʼ

(35) 👂 *Àš-ta te-atàrďuvav: sò j kaćè?*
ʻДай-ка остановлюсь: что тут такое?ʼ

(36) 👂 *Àś źàv-tar ka muřỳ phèj te-dikhàv sàr trajìl muřỳ phèj.*
ʻСхожу-ка я к своей сестре посмотреть, как живёт моя сестра.ʼ

(e) проклятие

В проклятиях обычно выступает 3-е лицо (кто или что должно нанести ущерб проклинаемому). Основная группа — с глаголом *xàl* ʻда погубитʼ (букв. ʻсъестʼ), здесь *te-* факультативно:

(37) *Xàl-tu o ćořymòs!*
ʻЧтоб тебя погубило несчастье!ʼ

(38) *(Te-)xàl-tu ə phùv ə kalì.*
букв. ʻЧтоб съела тебя земля чёрная.ʼ

Можно опустить всё, кроме *xàl-tu!*, *xàl-tume!* и т. д. ʻчтоб тебя, вас!ʼ. Глагол *xàl* ʻестьʼ в проклятиях может выступать в буквальном значении:

(39) ♪ *Aj xàn-tu, tàtə, le termè, brə̀! || Aj fysyjìn pa te dumè, brə̀!*
ʻАй чтоб тебя съели, папа, червяки, *брэ*! Чтоб ползали по твоим плечам, *брэ*!ʼ

(40) ♪ *Av xàn-tu, Jànoš, le termè || Av te-phirə̀n pa te bukà || te-phirə̀n pa te bukà || Barà bezəxà kərďàn.*
ʻОй, чтоб тебя съели, Янош, червяки. Ой, чтоб ходили по твоей печёнке, чтоб ходили по твоей печёнке. Большие грехи ты совершил.ʼ

С другими глаголами *te-* чаще присутствует:

(41) 👂 *Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marə̀l-les o bàř źì ka-l ćangà.*
ʻА кто услышит да скажет, разбей его паралич до колен.ʼ (букв. ʻкамень)

(42) *Te-marə̀l-tu o dèl!*
ʻПобей тебя бог!ʼ

Сюда же можно отнести (здесь можно опустить глагол):

(43) *(T'-avèl) ťo mir'àzo tù-te!*
ʻЧтоб твой проступок остался на твоей совести!ʼ (букв. ʻпусть будет у тебяʼ, существительное *mir'àzo* отдельно не выявлено)

Примеры проклятий даём отдельно (см. Приложение 1).

4.7.4. Желательные предложения

Всевозможные пожелания, проклятия и т. п. мы дали в разделе о побудительных предложениях (см. 4.7.2.1) по формальным причинам (зависимое наклонение). К собственно желательным мы относим только один тип предложений: со сказуемым в сослагательном гипотетическом наклонении (см. 4.2.6.2.3.2). Такие предложения выражают неосуществимые (в обычной ситуации) желания:

(1) *Te-avilèmas mè barvalò!*
ʻАх, если б я был богат!ʼ

(2) *Te-źangl'ànas sò amè nakhl'àm!*
ʻЗнал бы ты, что мы прошли!ʼ

(3) *Mulèm te-xàv. Te-avilinò màn-gə katkà, phèn-kə, khə khajnì vàrkə kotòr màs!*
ʻЯ смертельно проголодался. Явилась бы мне тут, думает, курица или кусок мяса!ʼ

4.7.5. Восклицательные предложения

Сюда мы относим далеко не все предложения с «восклицательной» интонацией, а только конструкции нескольких типов (невозможные в повествовательных предложениях), в которых присутствует вопросительное слово, выражающее особое качество или высокую степень. Восклицания условно можно классифицировать так:

(а) именное

Конструкция: *sò j* + *ka* (м.), *kaj* (ж.), *kal* (мн.) + сущ., букв. ʻчто есть этот / эта / эти...ʼ. Эти особые указатели других контекстах употребляются редко:

(4) *Sò j ka řòm, màj-řỳja kata źukəl!*
ʻЧто за цыган, злей пса!ʼ

(5) *Sò j kaj matòra, jeftalì la!*
ʻНу и машина, классная она!ʼ (букв. ʻсемёркаʼ)

(6) *Sò j kal gaźè!*
ʻНу и русские!ʼ

(б) определительное

Здесь *ćè* ʻкакойʼ определяет существительное (т. е. входит в существительную группу):

(7) [*Kòn phenďà tù-kə kaďà paramìći?*] *Muřỳ bàba aj muřò pàpo. Ə, ćè paramìća phenènah vòn, xàl-le o dèl!*
ʻ[Кто рассказал тебе эту сказку?] Моя бабка и мой дед. Эх, какие сказки они рассказывали, черт их возьми!ʼ (букв. ʻешь их богʼ)

(8) *Anda ćè zòr cypìl o raklò, kə dèl ə smàla pa lès-te telè.*
ʻС какой силой кричит парень — что стекает смола с него.ʼ (гибридная конструкция, видимо, оговорка)

(в) степень признака

Высокую степень признака, выраженного прилагательным или наречием в несвязочном предложении, выражает *ćè* ‘какой’:

(9) *Ćè mùndro khər laśarďàn tù-kə!*
‘Какой красивый дом ты себе построил!’

(10) *Ćè barò kỳrdo dikhlèm!*
‘Какой большой табор я видел!’

В связочных конструкциях — обычно *sò* букв. ‘что’ + *də* + прил./нар., причём к *sò* может прибавляться *j* (связка):

(11) *Sò (j) də tatò!*
‘Как жарко!’

Если в предложении уже есть связка или подлежащная клитика, то *j* обычно нет:

(12) *Sò də mùndro la!*
‘Какая она красивая!’

Изредка, видимо, *sò j də* вводит и существительные (оговорка?):

(13) *Sò j də nasavìko kaj astarďà, krasàfco!*
‘Что за платок, который она сшила, красавец!’

(г) сила действия

Всё то же *sò* сочетается с глаголами в любой форме:

(14) *Ľà ə raklì, xalaďà-le and-o thudořò aj thoďà-la pèh-kə ande jàkh. Ap sò aśèl là-kə!*
‘Взяла девушка, вымыла его в молочке и вставила себе в глаз[ницу]. Ну, как ей идёт!’

(15) *Sò dèl, peravèl la sabijà-sa, peravèl šòv řỳnduŕà, le buzduganò-sa peravèl dèš řỳndyŕà. Mudaràl o raklò.*
‘Ну и бьёт, валит саблей, валит шесть рядов, палицей валит десять рядов. Убивает парень.’

(16) *Sò barilì ə raklì katàr o pàj!*
‘Ка-ак выросла девушка от воды!’ (выпила и стала большой)

(17) *Sò phuriľàn!*
‘Как ты постарел!’

(д) ‘всё’ через отрицание

Большое количество (‘всё’) можно подчеркнуть в восклицании (по форме его можно считать вопросительным): местоим. + *aj* + отрицание глагола ‘чего/где и т. п. только не...’:

(18) *Sò aj nàj-la, ka koďà raklì!*
‘Чего у неё только нет, у этой девушки!’

(19) *Kàj aj ćì-akharàn-ame!*
‘Куда нас только не зовут!’

Пример какой-то гибридной конструкции (?):

(20) *Sò j ćì-nakhàn le ampəràcy, sò j ćì-nakhàl ə lùmə̀a!*
‘Какие только не проходят цари, какой только не проходит народ!’

Здесь, вероятно, смешаны связочное предложение (*sò j* ‘что [за народ]’) и несвязочное (*sò nakhàl* ‘сколько проходит’).

4.8. Порядок слов и интонация

Порядок слов в предложении и фразовая интонация — взаимосвязанные явления. Они образуют как бы ещё один уровень наряду с рассмотренным в других разделах собственно грамматическим строем предложения. Этот уровень имеет отношение к прагматической стороне речи: осмысление порядка слов и интонации возможно лишь с учётом самой ситуации общения между говорящими. Всё это можно назвать **информационным строем** предложения. Так, с помощью порядка слов и интонации говорящие могут придавать разный «информационный вес» разным частям одного предложения. Это существенно влияет на процесс общения, взаимопонимания, а также тесно переплетено с прочими аспектами синтаксиса. Круг этих явлений называют в т. ч. «актуальным членением предложения» (в противоположность «грамматическому»). Здесь мы рассмотрим простейшие из этих явлений. Основными понятиями для нас являются **тема** (данное, контекст) и **рема** (новое, сообщение). Мы выявим основные закономерности, определяющие их место в предложении, и затем покажем их на примере связных отрывков (см. 4.8.10).

Тема — это часть предложения, служащая в общем случае своего рода напоминанием о том, что уже было сказано, а рема — это часть предложения, где сообщается нечто новое, непредсказумое для слушателя, ср. повествование, в котором идут два предложения подряд:

(1) а. *Sàs-pe ť-avèl-pe k ampəràto.*
‘Жил-был царь.’
б. *O ampəràto sas barvalò.*
‘Царь был богат.’

Здесь в первом предложении вводится тема (в нетерминологическом значении, т. е. «то, о чём идёт речь»: *k ampəràto* ‘[какой-то] царь’). Она же (но уже с определённостью) повторяется в первой части второго предложения (*o ampəràto* ‘[этот] царь’), где она является «темой» уже в смысле информационного строя. Первое предложение не содержит темы, а состоит целиком из ремы. Во втором же предложении ремой можно считать *sas barvalò* ‘был богат’ — это новая информация, являющаяся собственно «сообщением», ради которого произносится это предложение.

Нейтральный порядок слов мы усматриваем в повествовательных предложениях без интонационного выделения. Всю их совокупность можно приблизительно описать исходя из максимального набора элементов. В них просматривается некий «стандартный» интонационный контур. При максимальном наборе единиц его можно грубо описать как восходяще-ровно-нисходящий, каковой мы для удобства примем за **нейтральную интонацию** предложений. Этот максимальный набор мы распределим по разным «позициям». Как слева, так и справа этот контур может быть обрезан, что соответствует незаполненности левых или правых позиций.

🛠 Общепринятая классификация языков по «базовому» порядку слов («SOV», «SVO» и т. д.) на поверку (по крайней мере, в нашем случае) оказывается более или менее неприменимой и даже обманчивой. Так, нам кажется очевидным, что порядок «подлежащее–сказуемое» или же «сказуемое–подлежащее» в кэлдэрарском явно зависит от жанра речи (диалог, рассказ): в наших записях сказок (или иных связных рассказов) порядок «подлежащее–сказуемое» встречается реже, чем «сказуемое–подлежащее». Упомянутая классификация не учитывает как раз актуального членения, т. е. левое положение темы (а она действительно часто приходится на подлежащее) ошибочно принимают за левое положение подлежащего («субъекта»). Как бы то ни было, кэлдэрарский порядок слов следует считать «свободным».

Зачастую нейтральные интонация и порядок нарушаются, и при этом происходят систематические преобразования. В таких случаях речь идёт о **выделении**. Оно имеет место очень часто и является не менее «естественной» частью интонационного (или информаци-

онного) синтаксиса, чем соответствующие явления, которые мы называем «нейтральными». В числе этих явлений — **вынос**, т. е. помещение темы в особую позицию для её подчёркивания.

Позиции мы условно разделим на тематические и рематические. Тематическим позициям в общем случае свойственна данность, а рематическим — новизна.

4.8.1. Фразовая интонация и её основные значения

Говоря о фразовой интонации, мы будем оперировать упрощёнными дискретными единицами, а именно пятью типами ударений на ударных слогах слов:

◌̀	нисходящее = нейтральное
◌̏	нисходящее сильное
◌́	восходящее
◌̋	восходящее сильное
◌̩	слабое

Кроме того, значимой может быть безударность некоторых слов (например, артиклей) — они выступают без знака ударения. В примерах, приводимых в предыдущих разделах, мы лишь в особых случаях прибегали к обозначению фразовых интонаций; ниже это будет делаться более последовательно.

Итак, в нашей упрощённой схеме нам достаточно различения разных типов ударения на ударном слоге того или иного слова для характеристики интонации предложений или их частей. Эти типы ударений грубо соотносятся с типами предложения по речевому намерению, а также, что важно, с информационным строем. В простейших примерах предложений налицо нейтральное ударение (т. е. никаких значимых ударений) или же только одно из остальных ударений. Дадим обзор основных случаев постановки разных типов ударения в таких простейших предложениях:

(а) нисходящее = нейтральное

Нейтральным ударением мы считаем (слабо-)нисходящее. Чистейший пример предложений с нейтральной интонацией — предложения без темы, состоящие только из ремы (см. 4.8.2.2). Такие предложения могут отвечать на вопрос типа *sò sas / kə̀rdiľa?* ‘что случилось?’ и несут в себе сообщение о некой ситуации в целом. В таких предложениях последнее слово несёт несколько более заметно нисходящее ударение:

(1) *Marďà̀m-ame l śavoř̀ə̀n-ca.*
‘Мы подрались с ребятами.’

(2) *Kò̀n-to aviľà̀.*
‘Кто-то пришёл.’

Последовательность слов, каждое из которых имеет нейтральное ударение, в обычном случае кончается некоторым понижением, однако — именно в свете нашего определения — оно не является значимым и не требует особого обозначения.

Такая последовательность с автоматическим понижением может быть не всем предложением, а частью, ср. понижение перед повышением — так интонируется тема в общем или альтернативном вопросе (здесь на слове *śà̀v* ‘сын’):

(3) *Tumarò śà̀v ź́ál mà̀n-de?*
‘Ваш сын пойдёт ко мне?’

(б) восходящее

В общем или альтернативном вопросе — ударение стоит на слове, которое в ответе требует подтверждения или отрицания:

(4) *Tumarò śàv kamél te-źàl màn-de?*
ʻВаш сын хочет идти ко мне?ʼ

В выраженной (сильной) теме, особенно при выносе (см. 4.8.7):

(5) *Tumarò śáv ćì-zanàv-le.*
ʻВашего сына я не знаю.ʼ

В левых обстоятельствах, в т. ч. придаточных предложениях:

(6) *Ivendé sàs amèn-de barə̀ šəlà.*
ʻЗимой были у нас большие морозы.ʼ
(7) *Kana avilè le kətáni ćì-sàmas khərə̀.*
ʻКогда пришла милиция, нас не было дома.ʼ

При сочинении любого уровня все элементы, кроме последнего, нередко имеют восходящее ударение, особенно при наличии контраста:

(8) *Mè avilèm khərá aj tù gəľàn and-o fòro.*
ʻЯ пришёл домой, а ты уехал в город.ʼ
(9) *Dè-ma zumí, manřó aj təjecə̀j.*
ʻДай мне суп, хлеб и макароны.ʼ

По-видимому, восходящее ударение выражает незаконченность мысли, будь то в вопросе (требуется ответ), в теме (впереди рема), при перечислении и т. п. Иногда после повышения бывает пауза, в т. ч. в прерванных предложениях; в таких случаях повышение, видимо, более явно предвосхищает синтаксическую неполноту.

(в) нисходящее сильное

В повествовательном предложении — рема при контрасте или выделении:

(10) *Gaźë avilè, nàj řòm.*
ʻРусские пришли, [а] не цыгане.ʼ

В восклицании (также в вопросах, см. 4.8.5вг; тут, возможно, более сложный контур):

(11) *Sə̏ aj nàj-la!*
ʻЧего только у неё нет!ʼ

(г) восходящее сильное

В переспросе (за выделяемым словом продолжается высокий тон):

(12) *Le kətā́ni avilė̀?!*
ʻМилиция пришла?!ʼ
(13) *Kő́n aviľà?!*
ʻКто пришёл?!ʼ

В реме левых придаточных предложений (всё придаточное предложение само может быть как бы темой главного, поэтому это «рема в теме»):

(14) *Kana avilè le kətā́ni, amè ćì-sàmas khərə̀.*
ʻКогда пришла милиция, нас не было дома.ʼ

(д) слабое

Так мы условно именуем ударение в отрезках, которые в интонационном отношении подчинены другим, ср. ударение слабой темы («подавленная» тематическая информация):

(15) *Gəlò-tar o raklořȯ.*
‘Ушёл парень.’

4.8.1.1. Безударные слова

Некоторые слова всегда или почти всегда безударны. Свойство безударности значимо для порядка слов в предложении. С одной стороны, мы выделили класс всегда безударных отрезков — энклитик, ср. *-ma* в *dikhə̀l-ma* ‘видит меня’. Они рассматриваются в морфологии, т. к. входят, в нашей схеме, в широкие словоформы. Безударными бывают и проклитики, ср. *te-* в *te-kərə̀s* ‘чтоб ты сделал’.

С другой стороны, безударные слова, не входящие в широкие словоформы, — это предлоги (хотя есть ударные) и артикли. Предлоги и артикли могут стоять в начале предложения:

(1) *Pala màn-de nà-źa.*
‘За мной не иди.’

(2) *Le jonèšti nàj amarə̀n-dar.*
‘Ёнешти — не из наших.’

Безударным словом является также притяжательное местоимение *ťo* (ж. *ti*, мн. *te*) ‘твой’, чья ударная форма — *tirò* (ж. *tirì*, мн. *tirə̀*):

(3) *Tȯ dàd barvalò lo.* ~ *tirò*
‘Твой отец — богатый.’

В связочных предложениях чаще всего безударна связка. В таких случаях она обычно не может начинать предложений (кроме случаев выделения). Это же верно для заменяющих связку подлежащных клитик (их выделение невозможно), ср.:

(4) *Řóm san? — Řòm sym.*
** *San řóm? — Sym řòm.*
‘Ты цыган? — Я цыган.’

(5) *Maškar ə bár la? — Maškar ə bàr la.*
** *La maškar ə bár? — La maškar ə bàr.*
‘Она в таборе? — Она в таборе.’

То же относится, например, к безличным конструкциям типа:

(6) а. *Tatò sas.*
** *Sas tatò.*
‘Было тепло.’
б. *Sȁs tatò!* (с выделением)
‘Было тепло!’

Таким образом, не бывает предложений, начинающихся с безударной связки, кроме как при выделении. Остальные безударные слова никогда не бывают ударными, следовательно, не могут выделяться в контрасте или выделении и не могут быть ядром ремы, ср.:

(7) *Kàs-ko dàd avilò? — Tirò!* ** *ťò*
‘Чей отец пришёл? — Твой!’

Это может нарушаться в метаязыковых высказываниях.

4.8.2. Информационные позиции

Вообразим бытовую ситуацию: один собеседник спрашивает другого о действиях некоего третьего лица, а второй ему отвечает:

(1) *Sò kərə̀l kakò raklò? — Kakò rakló divinìl amə̀n-ca řomanès.*
‘Что делает этот парень? — Этот парень говорит с нами по-цыгански.’

Рассмотрим второе из этих предложений (ответ). Бесспорно тематическая (данная) информация здесь — только подлежащее (*kakò rakló* ‘этот [нецыганский] парень’), что можно факультативно подчеркнуть восходящим ударением (именно его мы дали в примере). Всё остальное можно произнести с нейтральной интонацией и с главным силовым пиком на конце (совпадающим с автоматическим понижением), так что последнее слово (*řomanès* ‘по-цыгански’) будет здесь «самым рематическим». При этом более слабый силовой пик мы, вероятно, услышим на сказуемом (*divinìl* ‘говорит’). То, что находится между силовыми пиками (*amə̀n-ca* ‘с нами’), может иметь слабое ударение (что обозначено в примере).

Кроме того, выделим ещё одну позицию, которую трудно реализовать в предыдущем примере, поэтому дадим ещё один:

(2) *Vò divinìl amə̀n-ca řomanès, <u>kakȍ raklȍ</u>.*
‘Он говорит с нами по-цыгански, этот парень.’

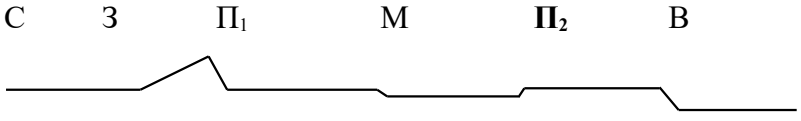
Здесь *kakȍ raklȍ* ‘этот парень’ — слабо ударяемая несущественная информация, подаваемая как бы вдогонку к основной.

На примере входящих в предложения (1) и (2) синтаксических групп введём условные метафорические обозначения для этих разных позиций:

— З:	**заход**:	тема или «контекст» ситуации — *kakò rakló* (и *vò*);
— $П_1$:	**первый пик**:	сказуемое (глагол), здесь начало ремы — *divinìl*;
— М:	**мост**:	второстепенная информация в середине — *amə̀n-ca*;
— $П_2$:	**второй пик**:	самое важное, здесь конец ремы — *řomanès*;
— В:	**выход**:	второстепенная информация в конце — *kakȍ raklȍ*;

Ещё одна позиция С — самая первая — союз в начале предложения (если есть).

Эти обозначения (кроме С) косвенно отражают «стандартный» интонационный контур подобных предложений. Позиции и интонация в выраженном случае грубо соотносятся примерно так:



Позиции З, М и В — обычно тематические, а $П_1$ и $П_2$ — рематические. Тематические и рематические позиции чередуются (тематических — три; рематических — две). Тем самым, тематическая и рематическая информация подаются чередующимися кусками, при этом тема в максимальном случае как бы растекается по всему предложению (разные тематические позиции могут ссылаться на разные или же на одно и то же означаемое), а рема в максимальном случае — **двухпиковая**.

Интонационный подъём в конце З бывает только в выраженных случаях. Силовой пик (главнейшее ударение в предложении) сопровождается автоматическим понижением и имеет место на последнем ударении в рематической позиции: если рема одинарная, то на $П_1$; если двойная, то на $П_2$ (однако в существительных группах в конце может стоять местоимение *kodȍ* со слабым ударением, см. 4.2.1.4.3).

Итак, максимальный набор элементов в основной массе повествовательных предложений (все факультативные, кроме $П_1$) — это пять позиций (плюс факультативный союз в начале). Нас интересуют правила построения некоего основного подмножества всех возможных предложений без выделения (потом дадим оговорки). Наша схема сводится к следующему. Говорящий, готовясь к порождению очередного предложения, «заранее знает» нужную модель управления, а также в какой-то степени незаданные члены. В первую очередь он решает, что подать как тему (или не подать ничего), а что — как рему. Порядок слов можно считать результатом развёртывания некоторого более или менее строгого алгоритма. Ниже мы дадим его пошагово на простейших примерах.

Сначала обсудим заполнение позиций темой, а затем — ремой.

4.8.2.1. Тема

Огрубляя, можно сказать, что в сферу темы попадает любая информация, которая, по мнению говорящего, известна или без объяснений так или иначе «понятна» собеседнику. Темой может быть любой член предложения, но в обычном случае это подлежащее или дополнение (разных типов). Кроме того, темой часто можно считать внешнее обстоятельство, которое, помещая ситуацию в некий контекст, как бы рисует сцену («кулиса»).

Если некая сущность, упомянутая ранее или внеязыковая, актуальна для данного предложения, то она может стать его темой, и для этого её надо упомянуть, ввести в поле зрения, сделать текущей, назвав явно или заменив местоимением. При таком напоминании эта информация является **сильной темой**.

Когда тема уже в поле зрения, она может быть ещё раз повторена или, в ряде случаев, просто опущена, и тогда это **слабая тема** (о местоименной и нулевой замене см. 4.9). Местоимение в роли ядра синтаксической группы — вероятный показатель тематичности (но необязательно; дело ещё и в интонации). Тему, не введённую ранее, но подаваемую как таковую, будем называть «навязанной».

В предложении может не быть темы, а может быть более одной темы (что соответствует наличию нескольких данных) — в обычном случае не более двух. В ряде случаев одна и та же тема может разными способами повторяться в одновременно двух позициях. Когда тема — (полу)прямое дополнение, имеет смысл говорить о **выносе темы** (см. 4.8.7). Особый случай представляет тематизация сказуемого.

Тематическая информация размещается в позициях З («заход»), М («мост»), В («выход»), причём если в первой можно специально отметить тему восходящим ударением (иначе в вопросах, см. 4.8.5), то в последних двух тематичность как бы затушёвана (эти позиции предпочтительны для слабой темы). Важное различие между разными стилями речи: в монологе (и особенно в сказках) З («заход») свободно заполняется личными местоимениями, но неохотно назывными группами, тогда как в диалоге он часто заполняется назывными группами, что соответствует выраженной теме (видимо, потому, что в диалоге часто и «с нажимом» повторяются тематические куски из реплик собеседника).

Дадим обзор тем — разных членов предложения. Возьмём для примера элементарные предложения с типовыми подлежащим, дополнением и сказуемым разных типов.

(а) подлежащее не-связки

Начнём со случая, когда, кроме подлежащего, других тем нет. Тема может быть невыражена, выражена один раз (в З или М) или выражена два раза (З + В или М + В). Важно, что в З и М она может быть назывной (например, *o raklò* ʻпарень’) или местоименной (*vò* ʻон’), а в В — только назывной. При этом имеются сочетаемостные ограничения, так что в итоге получаем четыре варианта при заполнении обеих позиций (однако всегда можно за-

полнить лишь одну). В «заходе» назывные группы часто отмечены восходящим ударением, а местоимения — редко. Остальные две позиции («мост» и «выход») — слабоударны (что мы обозначаем знаком ̖ , а особую слабость В — ещё и запятой):

З	М	В
(*o rakló*)	—	—
—	(*o rakl̖o*)	—
(*vò*)	—	(*o rakl̖o*)
—	(*v̖o*)	(*o rakl̖o*)

Примеры на эти четыре варианта с глаголом и внутренним обстоятельством (заполняем позиции максимально, однако все факультативны):

(1) *O rakló*[З] *rovèl*[П1] *zuralès*[П2]. (нетипично для связного рассказа)
‘Парень плачет сильно.’

(2) *Ź̀al*[П1] *o rakl̖o*[М] *ka zmàvo*[П2].
‘Идёт парень к змею.’

(3) *Vò*[З] *rovèl*[П1] *zuralès*[П2], *o rakl̖o*[В].
‘Он плачет сильно, парень-то.’

(4) *Ź̀al*[П1] *v̖o*[М] *ka zmàvo*[П2], *o rakl̖o*[В].
‘Идёт он к змею, парень-то.’

(б) подлежащее связки

В связочном предложении с повтором подлежащего клитикой (см. 4.9.2.1.3.1) эта клитика всегда безударна и всегда стоит в «мосте» (если расширение-рема двухпиковое):

З	М	В
(*o rakló*)	*lo*	
—	(*o rakl̖o*)	—
(*vò*)	*lo*	(*o rakl̖o*)

Примеры с максимальным заполнением позиций:

(5) а. *O rakló*[З] *zuralò*[П1] *lo*[М] *dətàt*[П2].
б. *Zuralò*[П1] *o rakl̖o*[В] *dətàt*[П2].
в. *Vò*[З] *zuralò*[П1] *lo*[М] *dətàt*[П2], *o rakl̖o*[В].
‘Парень очень силён.’

Второй из этих вариантов редок (это полное опущение связки, см. 4.5.8).

(в) (полу)прямое дополнение

Наличие прямого или полупрямого дополнения в «заходе» или «выходе» (но не в «мосте») требует местоименного повтора (местоименной клитикой при глаголе), т. е. повтор (почти) обязателен при наличии назывной группы (поэтому клитики не в скобках):

З	М	В
(*le zməvós*)	*-les*	—
—	(*le zməv̖os*)	—
(*lés*)	*-les*	—
—	*-les*	(*le zməv̖os*)

Почти полная обязательность местоименного повтора при постановке назывного (полу)прямого дополнения в З или В вынуждает нас выделять это в особое явление — **вынос темы** (см. 4.8.7). Однако если назывная тема — в М, то местоименный повтор невозможен (он был бы в этой же позиции).

⏳ С особыми свойствами позиции «мост» (тематичность, слабоударность), вероятно, можно связывать происхождение личных местоимений-клитик. Клитизация в данном случае — это и есть обязательное помещение местоимения сразу после глагола (стоящего обычно в $П_1$). Если верно, что все темы (кроме случаев выноса) и в древности регулярно ставились именно сюда, то это должно было привести к сращиванию глагола и местоимения, полной потере ударности местоимениями в этой позиции, а в итоге к клитизации (так что теперь местоимения-клитики можно рассматривать как часть широкой глагольной словоформы).

Примеры на эти варианты:

(6) *Le zməvós*[3] *marďà*[П1]*-les*[М] *zuralès*[П2] *o rakl'o*[В].
‘Змея побил сильно парень.’

(7) *Marďà*[П1] *le zməvós*[М] *zuralès*[П2] *o rakl'o*[В].
‘Побил змея сильно парень.’

(8) *Lés*[3] *marďà*[П1]*-les*[М] *zuralès*[П2] *o rakl'o*[В].
‘Его побил сильно парень.’

(9) *O rakló*[3] *marďà*[П1]*-les*[М] *zuralès*[П2], *le zməvós*[В].
‘Парень побил его сильно, змея-то.’

Особый случай — тема, выраженная косвенным дополнением в «заходе» с почти обязательным повтором — только в конструкции обладания и с глаголом *dèl* ‘дать’ (см. 4.6.1.1, 4.6.4):

(10) *Ka rakló*[3] *sy̰-le*[М] *buzdugàno*[П2].
‘У парня есть палица.’

(г) внутреннее обстоятельство

Примеры с местоименными темами в «мосте»:

(11) 👂 *Źàl o rakl'o màj-anglè, źàl. Dèl angla lės-te*[М] *k hùlpa̰.*
‘Идёт парень вперёд, идёт. Появляется перед ним лиса.’

(12) 👂 *Aj našən pala lėn-de*[М] *əl rùv, našən gaźè, te-mudarən-le.*
‘И бегут за ними волки, бегут мужики, чтоб убить их.’

(13) 👂 *Aj vuštilò o rakl'o aj dikhəl: avèl-tar pe lės-te*[М] *zməvo panźè šərən-ca.*
‘И встал парень и видит: идёт на него змей с пятью головами.’

(д) внешнее обстоятельство

Темой в заходе может быть и «кулиса», т. е. временной, пространственный или иной контекст, в который помещается действие:

(14) 👁 *Aj pe dimin̰ácy*[3] *avilè le kətàni aj linè le řomèh, phandadè-les.*
‘А наутро пришли милиционеры и взяли цыгана, посадили его.’

(15) 👂 *Ande koď à řýpa*[3] *bešəl źukəlìcy cynořò.*
‘В этой норе сидит пёсик маленький.’

(е) сказуемое

Изредка выносу подвергается сказуемое, причём вынесенное сказуемое стоит в зависимом наклонении (неясно, каким членом предложения считать):

(16) *Te-potinén,*[3] *ćì-potinèn pala khànći.*
‘Платить, [они] не платят ни за что.’

(ж) лжедополнение

Притяжательное лжедополнение (в этом примере, возможно, в порядке оговорки или колебания, тема в «выходе» — в местном падеже, а в «мосте» — в направительном, см. 4.3.6.3):

(17) *Bešəl lės-kə*[М] *sàbija and-o vàs, ka raklo*[В].
‘У него сабля в руке, у парня.’

(з) более одной темы

Нередко имеются две темы. В таком случае распределение будет то же, но «заход» будет заполнен только одной из них (здесь вторая — в «мосте»):

(18) *Vò*[З] *marəl*[П1] *le zməvòs*[М] *le buzduganò-sa*[П2], *o raklò*[В].
‘Он бьёт змея палицей, парень-то.’

Две темы легко сочетаются в «заходе», если одна из них — внешнее обстоятельство, т. е. «кулиса»:

(19) *Akanà*[З] *o ampəráto kodò*[З] *məritìl*[П1] *pèh-ka śà*[П2].
‘Теперь царь женит свою дочь.’

4.8.2.2. Рема

Только ограниченный, закрытый ряд формул (например, простые этикетные фразы типа *ť-avèn baxtalè* ‘здравствуйте’) не содержит сообщения в строгом смысле. Все остальные высказывания говорящего несут для его собеседника в той или иной степени новую, заранее не предсказуемую информацию. Часть предложений содержит только такую рематическую информацию:

(1) *Šỳl.*
‘Холодно.’
(2) *Dèl o ìv.*
‘Идёт снег.’
(3) *Avilè le kətàni.*
‘Приехала милиция.’

Таким образом, предложения могут состоять только из ремы, ср. примеры (1)–(3), но не бывает предложений без ремы.

Рема бывает однопиковой (тогда есть смысл выделять лишь одну позицию: П) или двухпиковой ($П_1$ и $П_2$). Во втором из этих случаев $П_1$ заполняется сказуемым, а $П_2$ — каким-либо другим членом:

(4) *Avàv*[П].
‘Иду.’
(5) *Avàv*[П1] *khərà*[П2].
‘Иду домой.’

Строго говоря, сказуемое может входить в тему (т. е. не являть собой ничего нового):

(6) *Pe ćè śìb divinìl kakò raklò? — Kakò rakló divinìl řomanès.*
‘На каком языке говорит этот парень? — Этот парень говорит по-цыгански.’

Здесь в тематическую информацию входит всё до *řomanès*, однако с восходящим ударением можно произнести только *kakò rakló*, а сказуемое *divinìl*, хоть и не содержит ничего нового (это слово фигурировало в вопросе), будет интонационно более или менее нейтральным (т. е. не будет явно выражать тематичности). Поэтому можно сказать, что рематичность или тематичность сказуемого часто затушёвана. При этом тематическая природа сказуемого проявляется в возможности его опущения:

(7) *Sò mangəs, phur'à? — Ək jàkh manušəs-ti.* (опущено *mangàv* ‘прошу’)
‘Что просишь, старик? — Глаз человеческий.’

Тем не менее мы будем включать сказуемое в рему, в т. ч. как её первый компонент.

Итак, двухпиковая рема обычно состоит из комбинаций:

— двухчастный глагол, т. е. глагол + неглагольная часть
— глагол + подлежащее
— глагол + дополнение
— глагол + обстоятельство
— глагол + расширение
— глагол + присказуемое
— связка *sy* + расширение / обстоятельство

При двухпиковой реме нередко в связном рассказе глагол, стоящий в $П_1$, повторяется в конце предложения, т. е. происходит повтор сказуемого (см. 4.8.8), однако для этого повтора мы не выделяем отдельной позиции, а считаем это явление разновидностью сочинения.

Существительная группа в реме часто неопределённа (по прагматическим причинам, т. к. это «новая» информация):

(8) *Aj sàh-le khə buznʹořỳ.*
‘И была у них козочка.’

Однако это необязательно — нередко рематичностью выражается выбор из ряда уже известных альтернатив, ср. личное местоимение (всегда определённое) в роли ремы (здесь ‘ты [а не я]’):

(9) *Aj tù jèkh kòlco la dorʹà-ko te-phàndes pe tù-te, mè cỳrdav aj vàzdav-tu, atùnći vàzdes-ma tù.*
‘А ты один конец верёвки привяжи на себя, я потяну и подниму тебя, тогда ты меня поднимешь.’

4.8.3. Нейтральный порядок слов

Здесь мы дадим условный «алгоритм» для заполнения позиций предложения с нейтральной интонацией. Удобно считать, что в первую очередь заполняются позиции З, М и В — тематическими элементами, согласно одному из нескольких вариантов, произвольно выбираемому говорящим, т. е., например, назывная тема или местоименная, с повтором или без и т. д. (см. 4.8.2.1). Это тривиально и не требует последовательных действий. Иначе с ремой. Рассмотрим общий случай, когда рема содержится в сказуемом и подчинённых ему членах (во всех или части).

Итак, в нейтральных предложениях с несвязочным сказуемым рематическая позиция автоматически заполняется сказуемым (здесь индекс не имеет смысла; пишем «П»):

(1) *Avàv*^{П}.
‘Иду.’

Двухчастный глагол в качестве двухпиковой ремы ($П_1$ и $П_2$), как правило, не может разбиваться в «мосте» ничем, кроме местоимений (например, в роли дополнений), в т. ч. ударных. Назывные же группы их разбивать обычно не могут; при их наличии двухчастный глагол можно целиком отнести к $П_1$, ср.:

(2) а. *Sàvoř$ə^{З}$ dèn^{П_1} màn-ca^{М} dùma^{П_2}.*
‘Все разговаривают со мной.’
б. ?* *Sàvoř$ə^{З}$ dèn^{П_1} muř$ə$ phralè-sa^{М} dùma^{П_2}.*
в. *Sàvoř$ə^{З}$ dèn dùma^{П_1} muř$ə$ phralè-sa^{П_2}.*
‘Все разговаривают с моим братом.’

Точно так же с местоименными клитиками, например *ďà-le jàg* ‘застрелил его’, но *ďà jàg lès-kə phralès* ‘застрелил его брата’.

В прочих случаях для заполнения $П_2$ надо определить главный пик. Если, помимо сказуемого, имеется всего один рематический член предложения, он автоматически попадает в $П_2$. Здесь имеет место более или менее ровная интонация с автоматическим понижением в конце и силовым пиком на последнем ударении (что мы никак не обозначаем и ставим обычное нисходящее ударение):

(3) *Aj^{С} avèl-tar^{П_1} khə gaźò bangò^{П_2}.* (сказуемое, подлежащее)
‘И приходит косой мужик.’
(4) *Xalèm^{П_1} ək tijàri zumi^{П_2}.* (сказуемое, дополнение)
‘[Я] съел тарелку супу.’
(5) *Avilò-tar^{П_1} khərə^{П_2}.* (сказуемое, обстоятельство)
‘Вернулся [он] домой.’
(6) *Mȁs^{П_1} řòm^{П_2}.* (сказуемое, расширение)
‘Ты похож на цыгана.’
(7) *Aratì^{З} aviľàm^{П_1} ćinè^{П_2}.* (сказуемое, присказуемое)
‘Вчера мы пришли усталые.’

При наличии одновременно разных рематических членов предложения (без выделения) нейтральная интонация навязывает некоторые правила. Какой член поместить в $П_2$ (= силовой пик), определяется следующим. Имеется два списка:

члены предложения:	присказуемое; расширение; (лже)дополнение; внутреннее обстоятельство; подлежащее; внешнее обстоятельство
позиции:	$П_2$; З; М; В

Идя по первому списку, по мере наличия членов, ставим их в первую незанятую позицию из второго списка. Так, если, например, имеется дополнение и внутреннее обстоятельство, то дополнение скорее всего попадёт в $П_2$, а обстоятельство в М.

Значит, когда заполнены $П_1$ и $П_2$, если ещё остаются рематические члены (несущие в себе новизну), их приходится ставить в позиции, где их рематичность явно выразить невозможно. Подлежащее, попадая в М или З, становится таким образом навязанной темой, ср. описание целиком новой ситуации:

(8) *Avilò^{П_1} khə gaźò^{М} p-o bazàri^{П_2}.*
‘Пришёл мужик на базар.’

Подобно конструкциям с несвязочными глаголами можно описать и связку с расширением или присвязочным обстоятельством. Можно считать, что связка (как и другие глаголы) стоит в $П_1$. При этом, однако, понятие «пика» будет условным, если речь идёт о безударных формах связки (наст.3. *sy*, прош.3. *sas*, в меньшей степени — наст.1.ед. *sym* и 1.мн. *sam*, 2.ед./мн. *san*):

(9) *Vòj sy*^{П_1} *phurȯ́řy̏*^{П_2}.
‘Она старенькая.’

В случае наличия подлежащной клитики связка отсутствует, тогда позиция $П_1$ не заполнена (см. 4.8.2.1б).

4.8.4. Преобразованный порядок слов и выделение

Выше мы говорили о нейтральном порядке слов при нейтральной интонации, т. е. главном пике (и понижении) на $П_2$. Здесь мы обсудим основной тип отступления от них. При отступлении от нейтрального порядка слов всегда происходит выделение одного из элементов. При нейтральном порядке самое сильное ударение и так приходится на $П_2$, поэтому рематическую информацию, содержащуюся там, трудно выделить дополнительно. Выделения же можно добиться, поставив эту информацию в другое место, но сохранив сильное ударение. Такая перестановка состоит в том, что $П_2$ ставится перед $П_1$:

(З) $П_1$ (М) **$П_2$** (В) ⇒ (З) **$П_2$** $П_1$ (М) (В)

Это, в частности, значит, что выделение ремы в обсуждаемом смысле возможно, только если она двухпиковая. Силовой пик (который при выделении сдвинут влево) мы в таких случаях специально обозначаем (сильным нисходящим ударением). Примеры:

(1) *Telȅ*^{П_2} *bèš*^{П_1}*!* *Butȉ*^{П_2} *kàr*^{П_1}*!* (двухчастный глагол)
‘А ну сядь! Давай работай!’

(2) *Le řȍm*^{П_2} *mardè-pe*^{П_1}. (подлежащее + сказуемое)
‘Цыгане подрались.’ (а не русские)

(3) *Matȍra*^{П_2} *bitindèm*^{П_1}. (дополнение + сказуемое)
‘Я машину продал.’ (а не дом)

(4) *Vòj ivȧ-ntȁjnə*^{П_2} *nəkəžȳl*^{П_1}*, kaťȧ glȧta.* (обстоятельство + сказуемое)
‘Она зря страдает, этот ребёнок.’

(5) *Řȍm*^{П_2} *sam*^{П_1} *amė.* (расширение + связка)
‘Цыгане мы.’ (устойчивое выражение)

Пример с выделением подлежащего при пустом глаголе *dèl* (см. 4.6.5.1):

(6) *Vòj grəbìl-pe, avilì and-o fòro, kə bryšȳ̏n*^{П_2} *dèl*^{П_1}*, te-tiravèl xabè, te-xàl o Manòjľa.*
‘Она спешит, пришла в город — ведь дождь идёт, — чтоб приготовить пищу, чтобы поел Манойля.’

Заметим, что конфигурация темы-ремы далеко не всегда внешне отражается на линейном порядке слов, ср. случай, когда тема в одном предложении (З) является ремой в другом ($П_2$):

(7) а. *Amarò dád*^{З} *źàl*^{П_1} *ka-j bòľnica*^{П_2}.
‘Наш отец поедет в больницу.’

⇒ б. *Amarò dȁd*^{П_2} *źàl*^{П_1} *ka-j bȯ́ľnica*^{В}.
‘Наш отец поедет в больницу.’ (именно он)

4.8.5. Порядок и интонация вопросов и восклицаний

В вопросах без вопросительного слова порядок тот же, что в соответствующем утверждении (в т. ч. с выделением), а отличается интонация темы и ремы. В вопросах и восклицаниях с вопросительным словом налицо особый порядок (обязательно с выделением), причём отличается интонация темы, но не ремы. По типу высказывания:

(а) общий вопрос

В общих или альтернативных вопросах (см. 4.7.2.1, 4.7.2.2) порядок слов — тот же, что в соответствующих повествовательных предложениях, отличается только интонация. Группу, к которой задаётся вопрос, можно считать ремой. В вопросе она сохраняет своё место:

(1) а. *Amarò dád*^{З} *źàl*^{П_1} *ka-j bòľnica*^{П_2}.
‘Наш отец поедет в больницу.’
⇒ б. *Tumarò dàd*^{З} *źàl*^{П_1} *ka-j bóľnica*^{П_2}?
‘Ваш отец поедет в больницу?’ (или куда-то ещё?)

Подобным образом можно задать вопрос к любой позиции, ср. к сказуемому:

(2) а. *Amarò dád*^{З} *źȁl*^{П} *ka-j bȍľnica*^{В}.
‘Наш отец поедет в больницу.’ (точно)
⇒ б. *Tumarò dàd*^{З} *źál*^{П} *ka-j bȍľnica*^{В}?
‘Ваш отец поедет в больницу?’ (точно поедет?)

Вопрос к выделенному подлежащему:

(3) а. *Amarò dȁd*^{П_2} *źàl*^{П_1} *ka-j bȍľnica*^{В}.
‘Наш отец поедет в больницу.’ (именно он)
⇒ б. *Tumarò dád*^{П_2} *źàl*^{П_1} *ka-j bȍľnica*^{В}*?*
‘Ваш отец поедет в больницу?’ (а не кто другой)

Как видно по примерам, интонационное оформление общих вопросов «противоположно» соответствующим утверждениям. Так, восходящее ударение темы (З) превращается в нисходящее, а (сильное) нисходящее ударение ремы ($П_2$) — в восходящее.

При переспросе восходящая интонация — сильная:

(4) *Tumarò dàd*^{З} *źàl*^{П_1} *ka-j bőľnica*^{П_2}*?!*
‘Ваш отец поедет в больницу?!’

(б) альтернативный вопрос

В альтернативных вопросах тема оформляется так же, как в общих, а к реме применяется интонация сочинения (т. е. восходящая на всех вариантах, кроме последнего), ср.:

(5) а. *Muřò dád*^{З} *źàl*^{П_1} *muřə̀ phralé-sa vòrkə ťa phȁ-sa*^{П_2}.
‘Мой отец поедет с моим братом или с твоей сестрой.’
⇒ б. *Tȍ dàd*^{З} *źàl*^{П_1} *muřə̀ phralé-sa vòrkə ťa phȁ-sa*^{П_2}*?*
‘Мой отец поедет с моим братом или с твоей сестрой?’

Таким образом, альтернативный вопрос, видимо, не (сильно) отличается от утверждения с перечислением (но его может выдавать тема). В детали фонетических реализаций мы тут вдаваться не можем, но рабочий вывод состоит в возможном совпадении разных выделенных нами дискретных ударений в предложениях с разными речевыми намерениями, хотя на практике, конечно, необходима более глубокая проработка.

(в) специальный вопрос

Специальные вопросы (см. 4.7.2.3) отличаются наличием вопросительного слова вместо ремы соответствующего утверждения. Вопросительное слово (или содержащую его именную группу) можно считать ремой в вопросе и всегда относить к $П_2$. Можно считать, что специальные вопросы всегда соответствуют утверждениям с выделением. При этом

возможны два варианта: один — с преобразованием, как при выделении в утверждении (см. 4.8.4):

(З) $П_1$ (М) **$П_2$** (В) ⇒ (З) **$П_2$** $П_1$ (М) (В)

а другой — с ещё более далеко идущим преобразованием, т. е., вдобавок к указанному, ещё с **переносом темы** (З) в позицию перед В (таким образом, тема образует новую позицию; это имеет смысл, только если она есть):

З $П_1$ (М) **$П_2$** (В) ⇒ **$П_2$** $П_1$ (М) **З** (В)

Перенесённая таким образом тема имеет нисходящее ударение и образует силовой пик, сравнимый с выделенным $П_2$ (т. е. с вопросительным словом).

Приведём пример утверждения (с выделением и без) и вопросов к нему:

(6) а. *Lès-ko dád³ bešàl*^{П_1} *and-o fòro*^{П_2}. (нейтрально)
‘Его отец живёт в городе.’

⇒ б. *Lès-ko dád³ and-o fòro*^{П_2} *bešàl*^{П_1}. (с выделением)
‘Его отец в городе живёт.’

⇒ в. *Lès-ko dàd³ kä̈j*^{П_2} *bešàl*^{П_1}*?* (без переноса темы)
‘Его отец где живёт?’

⇒ г. *Kä̈j*^{П_2} *bešàl*^{П_1} *lès-ko dàd³?* (с переносом темы)
‘Где живёт его отец?’

Ещё примеры вопросов с переносом темы (З):

(7) *Sö trubùl-tu tùt³?*
‘Тебе-то что надо?’

(8) *Kȍn sy kadȍ³?*
‘Кто это?’

(9) *Sär buśòl ťo dàd³ ?*
‘Как зовут твоего отца?’

(г) восклицание

В целом восклицательные предложения (см. 4.7.5) подобны специальным вопросам (т. е. обязательно выделение), однако вопросительное слово ($П_2$) всегда стоит в начале, поэтому тема обычно подавляется, т. е. стоит в М или В:

(10) *Sö̈*^{П_2} *barilì*^{П_1} *ə rakli*^{М} *katȁr o pȁj*^{В}*!*
‘Как выросла девушка от воды!’

Здесь *ə raklì* не образует силового пика, поэтому это не перенос темы. Однако встречаются восклицания и с переносом темы, ср. пример с явным пиком на *vòn* ‘они’:

(11) *Ə, ćë*^{П_2} *paramìća phenènah*^{П_1} *vòn*^{3}*, xàl-le o dèl!*
‘Эх, какие сказки они рассказывали, черт их возьми!’ (букв. ‘ешь их бог’)

4.8.6. Порядок в придаточных предложениях

В большинстве придаточных предложений, а именно во всех, кроме изъяснительных и причинных с союзом *kə* ‘что; ибо’, действует следующая сильная тенденция: сразу после союза должен стоять глагол (в т. ч. связка). Таким образом, при наличии подлежащего оно в таких случаях стоит после сказуемого, что, однако, следует понимать не как инверсию (ср. в вопросах, см. 4.8.5), а как нейтральный порядок с запретом на заполнение «захода»,

т. е. на явное выражение темы в начале. Это ярко проявляется в обстоятельственных предложениях времени и места (подробности и примеры — см. 4.12.5.1, 4.12.5.2):

(1) *Kana avèl-tar vò jèkh-źenò, atùnći o pòdo thòl-pe angla lès-te.*
ʻКогда приходит он один, тогда мост возникает перед ним.ʼ

(2) *Thò p-o gàd aj astàr oćè kaj sỳ ə patrìn, te-astaràs thavoř̀ə-sa, kàste te-nà-malavàv kodò thàn.*
ʻПомести [лист] на рубашку и вышей там, где лист, вышей ниточкой, чтобы я не ударил это место.ʼ

Случаи нарушения, т. е. заполненности «захода», по-видимому, довольно редки:

(3) *Ə raklì phenďà lès-kə: Ašùn, kana vò kamèla te-dèl-tu sumnakàj* [...] *te-nà-les.*
ʻДевушка сказала ему: «Слушай, когда он захочет дать тебе золота [...], не бери».ʼ

Перед глаголом могут стоять усилительные частицы (для них мы не выделяем отдельной позиции), ср. частица *sà* ʻвсё; всегдаʼ (см. 4.3.8.1.2и):

(4) *Aj pe ćè gàd? — P-o gàd kaj sà phiravèl pastajàno pe pès-te.*
ʻА на какую рубашку [пришить]? — На рубашку, которую он всё носит постоянно на себе.ʼ

Иногда, впрочем, «заход» заполняется (обычно местоимением), а союз стоит сразу после него. Такой порядок, вероятно, можно считать проявлением желания избежать разделения союза и сказуемого придаточного предложения:

(5) *Te-thòl-pe katkà khə ampərəcỳja p-o pàj, aj pòdo, mè kana pašuvàva ka pàj, te-avèl, aj kana śàva-ma and-o khə̀r, te-bilàl.*
ʻЧтоб явилось тут царство на реке и мост — я, когда подойду к реке, чтоб возник, а когда войду в дом, чтоб растаял.ʼ

(6) *Akanà vò kana thoďà-pe te-sovèl, o raklò, and-o saràjo phařadò, sykàďol lès-kə and-o sunò: Vàzde o kapàko pa-j phùv* [...].
ʻНу, он, когда лёг спать, парень-то, в сарае разбитом, видится ему во сне: «Подними крышку с земли [...]»ʼ.

Благодаря этой тенденции почти всегда можно отличить союз *kana* ʻкогдаʼ в придаточном времени от вводной частицы *kana* ʻи тут, вдругʼ (см. 4.3.8.1.1е), ср., например, характерное в песнях: *kana o Dušàno dikhl̓às...* ʻи тут Душано увиделʼ, а не ʻкогда увиделʼ.

Указанная тенденция действует в относительных предложениях (см. 4.12.3). Это видно при наличии в них подлежащего:

(7) *Aj kakalà dùj stakàja, kaj anďà tumèn-gə ťo dàd, kadalà sàs tumarì màrťa.*
ʻА вот эти два стакана, которые принёс вам твой отец, это была ваша смерть.ʼ

(8) *Aj le masàrə̀a kaj ćì-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst?*
ʻА [что же] мясники, с чьих рук не смывается кровь?ʼ

(9) *Lèl o raklò vàzdel kodò bàř, dèl dròm sà le narodòs kaj phangl̓à-le ə řuřùna koď̀a.*
ʻБерёт парень, поднимает тот камень, отпускает весь народ, который связала эта *ғурғуна*.ʼ

В связи с требованием наличия глагола после союза в относительных предложениях запрещено употребление подлежащных клитик (т. к. тогда пришлось бы убрать связку *sy*):

(10) *Anklistò o raklò màj-oprə̀ pe sàlka kaj sy màj-barì.*
** *Anklistò o raklò màj-oprə̀ pe sàlka kaj màj-barì la.*
ʻВлез парень выше на дерево, которое больше.ʼ

Как уже сказано, после изъяснительного и причинного союза *kə* ‘что; ибо’ ограничений на заполнение «захода» нет:

(11) *Dikhàv kə tumè xàn, kòn xàl ka càrò, kòn ka dèl.*
‘Вижу [во сне], что вы едите, кто ест у царя, кто у бога.’

4.8.7. Левый вынос темы

Тема может стоять в позиции «заход». Это самая сильная тематическая позиция, т. е. в ней тема однозначно опознаётся как таковая. Такую тему мы рассматривали как элемент нейтрального порядка слов, а возможное восходящее ударение на ней — как часть нейтральной интонации, ср.:

(1) *Kodò gaźó*[3] *barvalò lo.* (тема — подлежащее)
‘Этот русский богат.’

(2) *Ka kodò phuró*[3] *sàs-le dùj glàti.* (тема — косв. дополнение)
‘У этого старика было двое детей.’

(3) *Là-kə vás*[3] *śinďà-le là-ko phràl.* (тема — прямое дополнение)
‘Её руки отрезал её брат.’

Во всех этих примерах имеется местоименный повтор (см. 4.9.2.1.3.1, 4.9.2.1.5.2). Он подчёркивает, что повторяемая существительная группа — именно тема (а не рема). Всё это вписывается в нейтральный порядок, так что здесь нет никаких отклонений. Однако некоторые случаи следует оговорить специально.

При выносе назывного дополнения, чьё ядро одушевлённо, оно обычно стоит в именительном падеже, т. е. в прямой форме (поэтому вряд ли можно считать дополнением то, что вынесено):

(4) а. *Źanès le Arturòs?*
‘Знаешь Артура?’
б. *O Artùr źanés-les?* ?* *le Arturòs*
‘Артура знаешь?’

(5) а. *O Gógo śinďà le balès.*
‘Гого зарезал свинью.’
б. *O baló śinďà-les o Gògo.* ?* *le balès*
‘Свинью зарезал Гого.’

Левый вынос имеет также смысл обсуждать как особое явление ещё и потому, что имеются различия в интонации личных местоименных подлежащих и дополнений. Первые часто имеют нейтральную интонацию (т. е. часто не оформляются как вынос), а вторые — обычно восходящую (т. е. отмечены явно), ср.:

(6) а. *Vò źanèl-la.*
‘Он её знает.’
б. *Lá źanàv-la.*
‘Её[-то] я знаю.’

Изредка выносу подвергается сказуемое:

(7) *Te-potinén, ćì-potinèn pala khànći.*
‘Платить, [они] не платят ни за что.’

Вынесенный глагол стоит в зависимом наклонении, так что опять-таки неясно, какой это член предложения (вероятно, можно ставить вопрос об особом члене предложения «тема»). Затем глагол повторяется уже как сказуемое, причём тут это уже явно не тема,

поскольку имеет типичную для ремы интонацию и может не иметь при себе других членов (значит, это точно рема). Таким образом, вынос сказуемого качественно отличается от остальных типов выноса.

4.8.8. Повтор сказуемого

В рассказах в конце предложения нередко повторяется глагол (без подчинённых членов или с местоименными клитиками-дополнениями), стоящий в «первом пике» (таким образом, это всегда слабая часть ремы). У этого повтора трудно выделить какое-либо очевидное значение, но его можно воспринимать как средство компенсации относительной слабости «первого пика» путём напоминания о нём в конце предложения:

(1) *Kaj-źàn le dromè-sa le raklè, źàn vòn ćì bùt, ćì xancỳ, dèn ande khə gàv, dėn.*
ʻИ вот идут по дороге ребята, идут они ни много ни мало, входят в деревню, входят.ʼ

(2) *Mudarďà-le savořən, mudarďà-le, aj aśavèl jekhàs.*
ʻУбила их всех, убила их, и оставляет одного.ʼ

(3) *Ròdel vò pès-kə kakonèn, ròdel-le.*
ʻИщет он своих дядьёв, ищет их.ʼ

(4) *Thoďà ə sàlka koďà aj nikərəl uśalìn pe šòv ampərəcỳji, nikərəl.*
ʻПоставил дерево это и [оно] держит тень на шесть царств, держит.ʼ

(5) *Aj sykàďol lès-kə and-o sunò: avèl lès-te o dèl aj o Sin-Pètri, avėl.*
ʻИ видится ему во сне: приходит к нему бог и святой Пётр, приходит.ʼ

(6) *Vò nùma dikhľà pe raklì, cyrďà la rakľà aj cyrďà le rikonořəs, cyrďà.*
ʻОн только поглядел на девушку, вытянул девушку и вытянул щенка, вытянул.ʼ

Ввиду возможности повтора сказуемого вместе с местоимением-клитикой, ср. (2), (3), мы затрудняемся включить его в одну из позиций внутри простого предложения. Поэтому приходится считать этот повтор частным случаем сочинения предложений (с одинаковыми сказуемыми). Впрочем, интонационно нередко он всё-таки как будто вписывается в главное предложение, т. к. обычно имеет явно более слабое ударение.

В редких случаях повторяются и назывные зависимые члены, ср. без местоимения-клитики, но с обстоятельством:

(7) *Aj jèkh garaďà-le tala-j śìb, o karfìn, garaďà tala-j śìb, kàs te-nà-marən and-o ilò le devlèh-ko.*
ʻА один спрятал под язык, гвоздь-то, спрятал под язык, чтобы не вбили в сердце господне.ʼ

4.8.9. Информационные признаки слов

Не все синтаксические группы (и их части) могут стоять в той или иной информационной позиции. Выделяются синтаксические и лексические единицы, бывающие только в $П_2$, т. е. являющиеся всегда сильной частью ремы (с оговорками). Такие слова можно назвать **сильнорематическими** (см. 4.8.9.1). Другой тип ограничений относится к некоторым словам, которые в части или всех своих значениях — наоборот — не могут быть сильной частью темы, а могут только стоять в $П_1$ двухпиковой ремы. Их мы назовём **слаборематическими** (см. 4.8.9.2) Ещё одну особую группу составляют слова, способные нести только слабое ударение, т. е. стоять только в М или В, — такие слова мы условно назвали **слабыми** (см. 4.8.9.3).

4.8.9.1. Сильнорематические слова

Сильнорематичность, т. е. стремление к нахождению в $П_2$, бывает категориальной (в зависимости от роли в предложении или семантики) и лексической:

(а) категориальная — по типу члена предложения

Внутренние обстоятельства в нормальном случае могут находиться только в $П_2$, но не в З, т. к. не могут быть темой (в крайнем случае — контрастной, но, кажется, это необычно), ср.:

(1) а. *Ə mỳca cypìl zuralès*^{П_2}. (внутреннее обстоятельство)
ʻКошка кричит громко.ʼ
б. ** *Zuralés*^{3} *cypìl ə mỳca.*
букв. ʻГромко кричит кошка.ʼ

Это ограничение не относится ко внешним обстоятельствам, ср.:

(2) а. *Avilèm khərə̀ adès*^{П_2}. (внешнее обстоятельство)
ʻЯ приехал домой сегодня.ʼ
б. *Adés*^{3} *avilèm khərə̀.*
ʻСегодня я приехал домой.ʼ

Не всегда легко провести границу между внешними и внутренними обстоятельствами; тем не менее способность, например, наречий выступать в качестве обоих или одного типа обстоятельств — часть их лексических значений. Так, всегда внутренними обстоятельствами являются наречия *fùgo* ʻбыстроʼ, *and-ək-thàn* ʻвместеʼ, *bùt* ʻмногоʼ, *(iv-)yntàjne* ʻзряʼ и мн. др. Сам тип обстоятельства (образа действия) диктует в той или иной степени невозможность употребления их в качестве внешних. Поэтому, например, *fúgo* с восходящей интонацией возможно в основном только в общем вопросе.

(б) категориальная — по семантике

Здесь играет роль принадлежность слова к тому или иному семантическому типу. Сюда относятся все отрицательные и универсальные местоимения, ср.:

(3) а. *Ćì-aviľà khònik*^{П_2}.
б. *Khònik*^{П_2} *ćì-aviľà.* (с выделением)
в. ** *Khónik*^{3} *ćì-aviľà.*
ʻНикто не пришёл.ʼ

(4) а. *Nàj bàxt khanikàj*^{П_2}.
б. *Khanikàj*^{П_2} *nàj bàxt.* (с выделением)
в. ** *Khanikáj*^{3} *nàj bàxt.*
ʻНигде нет счастья.ʼ

(5) а. *Le řòm bešə̀n kàj-gòdi*^{П_2}.
б. *Kaj-gòdi*^{П_2} *bešə̀n le řòm.* (с выделением)
в. ** *Kaj-gódi*^{3} *bešə̀n le řòm.*
ʻЦыгане живут везде.ʼ

Сюда же: *ćek-dàta* ʻникогдаʼ, *sa-da-jèk* ʻвсегдаʼ, *katàr-gòdi* ʻотовсюдуʼ и т. д.

Заметим, что, если подобные слова не являются единственными, претендующими на роль сильной части темы (т. е. если есть другие столь же «новые» члены), то первенство в занятии позиции $П_2$ при нейтральном порядке определяется общими правилами (см. 4.8.3), в результате действия которых рематическая информация распределяется по пози-

циям в зависимости от типа члена предложения. Поэтому, например, при наличии внутреннего обстоятельства *khərə* ‘домой’ подлежащее *khònik* ‘никто’ отступит в «мост»:

(6) *Nàj*^{П_1} *khȍnik*^{М} *khərə̀*^{П_2}.
‘Никого нет дома.’

(в) лексическая

Некоторые наречия, бывающие только внешними обстоятельствами, всё же могут быть только в $П_2$, т. е. являться сильной частью ремы. Сюда относится обстоятельство времени (поэтому внешнее) *dumùlt* ‘давно’, которое не употребляется в «заходе»:

(7) а. *O marimós sas dumùlt*^{П_2}.
б. *Dumùlt*^{П_2} *sas o marimòs.* (с выделением)
в. ** *Dumúlt*^{3} *sas o marimòs.*
‘Война была давно.’

В соответствующем значении в «заходе» возможно только *màj-anglàl* ‘раньше’, *ande phurikajì vr̓àm̓a* букв. ‘в давнее время’ и т. п.

Возможно, есть и другие подобные случаи. Эта тема требует отдельной разработки.

4.8.9.2. Слабопрематические слова

Большинство ударных имён могут стоять в $П_2$, т. е. быть сильной частью ремы. Неспособны на это, кажется, только неопределённые местоимения из серии *-to*:

(1) ?* *Kòn aviľà? — Kòn-to*^{П_2}.
букв. ‘Кто пришёл? — Кто-то.’

⌛ Предполагаем, что невозможность постановки этих местоимений в сильную рематическую позицию связана с их заимствованностью из русского (ср. рус. *дай мне что̀-нибудь* / *что-нибу̀дь*, но не ***дай мне что̀-то*). Если так, то интересно, что заимствована не только часть местоименной морфологии (клитика *-to*), но и информационное (интонационное) поведение. Таких ограничений нет у местоимений ряда *vàrə-*, которые в этом значении частично заменены новыми (на *-to*). При этом неясно, как именно произошло это заимствование (без аканья).

Большинство глаголов легко становятся в П (если рема однопиковая). Проверить это можно вопросом к подлежащему-теме: *sò kərə̀l...?* ‘что делает...?’. И наоборот, при подлежащем-реме они употребляются с трудом, т. е. неохотно занимают $П_1$:

(2) а. *Sò kərə̀n le řòm? — Le řóm*^{3} *<u>xàn</u>*^{П}. (подлежащее-тема)
‘Что делают цыгане? — Цыгане едят.’
б. ?* *Sò dikhə̀s? — <u>Xàn</u>*^{П_1} *řòm*^{П_2}. (подлежащее-рема)
букв. ‘Что видишь? — Едят цыгане.’

Но есть глаголы, которые во всех или части своих значений с трудом могут целиком воплощать однопиковую рему (П), т. е. они слабопрематические. В этих значениях они почти всегда выступают в $П_1$, причём такие предложения описывают целую ситуацию:

(3) *Sò dikhə̀s? — <u>Bešə̀n</u>*^{П_1} *kətàni*^{П_2}. (подлежащее-рема)
‘Что видишь? — Стоят милиционеры.’

Слабопрематическими могут быть глаголы типа гн-∅:L: *bešə̀l* ‘стоять, находиться’ (но не ‘сидеть’) и др. (список: см. 3.11.8.3); *avèl* ‘прийти’, *aśèl* ‘остаться’, *źàl* ‘идти; происходить’; нередко также *hur̓àl* ‘летать’, *dukhàl* ‘болеть’ (об о́ргане) и, возможно, некоторые другие. Кроме того, это глагол бытия *sỳ* ‘быть, существовать’ (в т. ч. в конструкции обладания) и глагол *dèl* ‘букв. давать’ в особом «пустом» значении, *lèl* букв. ‘брать’ в ряде

конструкций (см. 4.6.5). Большинство этих глаголов — неактивные, но не все (например, *dukhàl* ‘болеть’ — активный).

Как видно, в двухпиковых ремах с подлежащим при нейтральной интонации слаборематические сказуемые регулярно стоят слева от подлежащего — при нейтральном порядке (см. 4.8.3).

Слаборематические сказуемые обычно несут «ослабленную» семантическую нагрузку, т. е. выступают почти тривиальными заполнителями синтаксической позиции (птицы ожидаемо ‘летают’, различные предметы ‘имеются’, появившийся человек ‘пришёл’ и т. п.). Приведём примеры таких предложений с факультативной темой — внешним обстоятельством; нейтральный порядок в пределах ремы — сказуемое + подлежащее; обратный порядок с нейтральной интонацией маловероятен:

(4)	*(And-o ćéri) hurʹàn ćirikʹà*. ‘(В небе) летают птицы.’	?* *ćirikʹà hurʹàn*
(5)	*(Pala bordʹajícy) bešə̀l sàlka*. ‘(За хижинкой) стоит дерево.’	?* *sàlka bešə̀l*
(6)	*(Adés) avilè amèn-de əl ràj.* ‘(Сегодня) к нам пришли власти.’	?* *əl ràj avilè*

Особо отметим слаборематичность глагола *sỳ* в части конструкций: обладания, возможности и необходимости:

(7)	*(Adés) sỳ-ame xabè.* ‘(Сегодня) у нас есть еда.’	?* *xabè sỳ-ame*
(8)	*(Adés) nàj sò te-xàs.* ‘(Сегодня) нам нечего есть.’	?* *sò te-xàs nàj*
(9)	*(Adés) sỳ màn-gə te-źàv-tar.* ‘(Сегодня) я должен уйти.’	** *te-źàv-tar sỳ*

Итак, слаборематическое глаголы всегда входят в более или менее тесное сочетание (в информационном и интонационном смысле) с другими словами. В этом же ключе можно рассматривать часть синтаксически тесных глагольных сочетаний (см. 4.2.6.1). С одной стороны, это двухчастные глаголы, ср. *dèl jàg* (букв.‘дать огонь’) ‘стрелять, зажечь, включить’; с другой стороны, это особые сочетания глаголов с наречиями, ср. *bešə̀l telè* ‘сесть’. Их глагольная часть — слаборематическая; однако такая трактовка избыточна, если признавать такие сочетания лексическими единицами.

Само свойство слаборематичности в ряде оборотов получает лексическое выражение. Так, глагол *dèl* букв. ‘дать’ употребляется в $П_1$ «вместо» глаголов с собственным значением, причём в $П_2$ может быть другой член предложения (подлежащее, обстоятельство), с которым *dèl* состоит в особо тесной смысловой связи. Поэтому порядок обычно — сказуемое + подлежащее, ср. *dèl o bryšỳnd* ‘идёт дождь’ (букв. ‘даёт дождь’) или сказуемое + обстоятельство, ср. *dèl andrə̀* ‘входит’ (букв. ‘даёт внутрь’). В таких случаях значение глагола можно считать «пустым». Пустой глагол *dèl* и разные его значения описаны отдельно (см. 4.6.5.1).

4.8.9.3. Слабые слова

Среди слов, никогда не стоящих в «заходе», «первом пике» и «втором пике», выделяются оценочные количественные слова в смягчительных значениях (см. 3.9.10) в роли обстоятельств степени (см. 4.3.7.2.4). Они могут нести только слабое ударение, т. е. стоять только в «мосте» или «выходе», ср. слово *xancỳ* в разных значениях — ‘мало’ (сильнорематическое) и ‘чуть-чуть’ (слабое):

(1) а. *Xaľàn*^{П_1} *xancy̓*^{П_2}.
‘Ты мало съел.’
б. *Xaľàn*^{П} *xancy̓*^{В}.
‘Ты чуть-чуть поел.’

На данном этапе мы затрудняемся с однозначным анализом таких случаев. Более того, возможно, такое «слабое» *xancy̓* следует рассматривать в составе существительной группы с эллипсисом ядра (ср. *xancy̓ xabè* ‘немного еды’). Как бы то ни было, подобная информация должна отражаться лексическим описанием отдельных слов; в частности, важно, что в разных подзначениях «одно и то же» слово способно произноситься с разным набором интонаций (ударений).

Отметим, что «слабыми» являются большинство слов, которые мы отнесли к усилительным частицам (по значению — выделительным и ограничительным, см. 4.3.8.1.2). Так, например, отличие частицы *nùma* ‘только’ от наречия *mištò* ‘хорошо’ проявляется именно в информационном поведении, ср.:

(2) а. *Mè nu̓ma dikhlèm*^{П}*-les.* (частица)
** *Mè dikhlèm*^{П_1}*-les*^{М} *nùma*^{П_2}.
‘Я его только видел.’
б. ** *Mè mišto̓ dikhlèm*^{П}*-les.* (обстоятельство)
Mè mištò^{П_2} *dikhlèm-les.* (с выделением)
Mè dikhlèm^{П_1}*-les*^{М} *mištò*^{П_2}.
‘Я его хорошо видел.’

Впрочем, некоторые частицы как раз всегда сильноударны, ср. *sà* ‘тоже’. В каких-то случаях, очевидно, описываемые интонационные особенности повлияли на нас при выделении частиц как части речи, так что местами вообще неясно, насколько оправдана их частеречная классификация. Поэтому необходимо уточнение информационного поведения частиц в отличие от наречий, а также, вероятно, более тонкая классификация и тех, и других и их перераспределение.

Поскольку, в частности, частицы, по нашей схеме, не входят в синтаксическое древо, их трудно поместить и в информационные позиции. На данном этапе мы ставим их в одну позицию со словом, к которому они относятся «по смыслу».

4.8.10. Примеры информационного разбора текста

Приведённые ниже два связных отрывка разных речевых жанров (один из сказки, другой из былички) призваны проиллюстрировать основные положения, изложенные выше. Мы распределим все простые предложения (в т. ч. придаточные) по определённым выше позициям («союз», «заход», «пик-1», «мост», «пик-2», «выход», см. 4.8.2), учитывая интонацию, которую мы слышим в записи. Отклонения от нейтрального порядка и интонации (см. 4.8.3) и другие особые явления в разборе помечены «*», а ниже комментируются. Усилительные частицы выделены жирным.

Отрывок из сказки: [Кож.]

(1) *Lèl aj źàl-tar lèn-go phràl o màj-cygnò.* (2) *Vòn asàn lès-tar: sò astaràl kakò diloř̀ò? Kə dilò lo.* (3) *Kaj-gəlò o raklò.* (4) *Sò te-kəràl te-nà-sovèl, dikhàl, kə lèl-les ə lìndri.* (5) *Aj lèl ək bùrnix tir̓à, thòl pès-kə and-o brək, aj thoď̀à-pe aj bešàl.* (6) *Xàn-les le tir̓à, lès-kə mištò, ćì-sovèl, kə mešajìn lès-kə l tir̓à.* (7) *Bešlò źi dopàš ə r̓àt, aj nùma dikhàl: putərdilo o ćèri, aj hur̓àl pàř̀a anda ćèri, hur̓àl.* (8) *Ta hur̓àl koď̀a pàř̀a anda ćèri, aj màj-dikhàl: mekàl-pe gràs parnò telè.* (9) *Mekl̓à-pe kodò gràs telè, aj xàl anda dìv, lićarəl o dìv, phařavèl sà.* (10) *Aj xutilò o raklò aj astarəl-les katàr le ašvar̓à.* (11) *Lèl aj*

phenèl o gràs kodò: Dè-ma dròm! Sò-gòdi mangàsa, mè kəràv. Nùma nà-pyřysàr-ma ka ťo dàd. (12) *Lèl o raklò aj phenèl le grastès-kə: No sò dès-ma tù? Màn-de sà sò-gòdi sy, muřò dàd barvalò lo, màn-de sỳ-ma sà so-gòdi.* (13) *— Dàv-tu trìn ašvar'á:* (14) *dàv-tu ašvàr rupují, xarkují aj sumnakujì.* (15) *Ćè gràs trubùla-tu, nùma dès ašvàr ande phùv, aj phèn: Kòn'varanòj, bùď prida mnòj!* (16) *O gràs kaďà i avèl stràzom angla tù-te.*

‘(1) Берёт и уходит его младший брат. (2) Они смеются над ним: что поймает этот дурачок? Ведь он глуп. (3) Да пошёл парень. (4) Что ему делать, чтоб не заснуть, видит, что засыпает. (5) Берёт горсть муравьёв, кладёт себе за пазуху, и устроился и сидит. (6) Кусают его муравьи, ему хорошо, не спит, ибо мешают ему муравьи. (7) Просидел до полуночи и вдруг видит: разверзлось небо, и летит пламя с неба, летит. (8) Так и летит это пламя с неба, и вот видит: спускается конь белый вниз. (9) Спустился этот конь вниз и ест от пшеницы, мнёт пшеницу, ломает всё. (10) И прыгнул парень и ловит его за поводья. (11) Берёт и говорит конь этот: «Отпусти меня. Что [ни] попросишь, я сделаю. Только не выдавай меня своему отцу». (12) Берёт парень и говорит коню: «Ну что дашь мне ты? У меня всё что угодно есть, мой отец богат, у меня есть всё что угодно». — (13) «Дам тебе три уздечки: (14) дам тебе уздечку серебряную, медную и золотую. (15) Какой конь тебе [ни] понадобится, лишь ударишь уздечкой по земле и скажи: *конь вороной, будь предо мной!* (15) Конь так и будет сразу перед тобой».’

	С	З	$П_1$	М	$П_2$	В
(1)			*lèl aj źàl-tar*		*lèn-go phràl o màj-cygnò*	
(2)		*vòn*	*asàn*			*lės-tar*
	*		*sö*^{П_2}	*astarəl*^{П_1}		*kakò dilořò*[3]
	kə				*dilò*	*lo*
(3)	*kaj-*		*gəlò*			*o raklȯ*
(4)			*sö*^{П_2}	*te-kərəl*^{П_1}		
			te-nà-sovèl dikhəl			
	kə		*lèl-les*		*ə lìndri*	
(5)	*aj*		*lèl*		*ək bùrnix tir'à*	
			thòl	*pės-kə*	*and-o brək*	
	aj		*thodà-pe*			
	aj		*bešəl*			
(6)			*xàn*	*-les*		*le tir'ȧ*
		lès-kə			*mištò*	
			ćì-sovèl			
	kə		*mešajìn*	*lės-kə*		*l tir'ȧ*
(7)			*bešlò*		*źi dopàš ə r'àt*	
	aj		***nùma*** *dikhəl*			
			putərdilo		*o ćèri*	
	* *aj*		*hur'àl*		*pàřa*	*anda ćėri*
	*		*hur'ȧl*			
(8)	*ta*		*hur'àl*	*koď'ȧ pȧřa*		*anda ćėri*
	aj		*màj-dikhəl*			
			mekàl-pe	*gràs parnȯ*	*telè*	
(9)			*mekl'à-pe*	*kodȯ gràs*	*telè*	
	aj		*xàl*		*anda dìv*	

	С	З	$П_1$	М	$П_2$	В
			lićarȁl		*o dìv*	
			phařavèl		*sà*	
(10)	*aj*		*xutilȍ*			*o raklȍ*
	aj		*astarȁl*	*-les*	*katàr le ašvarʹà*	
(11)			*lèl aj phenèl*			*o grȁs kodȍ*
			dè	*-ma*	*drȍm*	
	*		*sȍ-gȍdi*^{П_2}	*mangȁsa*^{П_1}		
		mè	*kərȁv*			
	nùma		*nà-pyřysàr*	*-ma*	*ka tʹo dàd*	
(12)			*lèl*			*o raklȍ*
	aj		*phenèl*			*le grastés-kə*
	* *no*		*sȍ*^{П_2}	*dès*^{П_1}	*-ma*^{М}	*tȕ*[3]
	*	*mán-de*	*sà sȍ-gȍdi*^{П_2}		*sy*	
		muřȍ dád			*barvalȍ*	*lo*
		mán-de	*sȳ*	*-ma*	*sà sȍ-gȍdi*	
(13)			*dàv*	*-tu*	*trìn ašvarʹá*	
(14)	*		*dàv*	*-tu*	*ašvàr rupují*	
					xarkují	
					aj sumnakujì	
(15)	*	*ćè grȁs*	*trubúla*	*-tu*		
			nùma *dès*	*ašvȁr*	*ande phùv*	
		aj	*phèn*			
		...				
(16)		*o grȁs*	***kaďà i*** *avèl*	*strȁzom*		*angla tȕ-te*

Как видно, в этом отрывке все предложения точно вписываются в данное нами определение нейтрального порядка слов. Тема чаще всего заполняет «мост» и «выход», реже «заход»; в «выходе» встречается навязанная (или же «затушёванная») тема: *anda ćés̀eri* ʻс неба’ (7), *angla tȕ-te* ʻперед тобой’ (16). Преобразованный порядок (т. е. постановку $П_2$ перед $П_1$) имеем в специальных вопросах: *sȍ...* ʻчто...’ в (2) и (12), в свободном относительном придаточном с выделением: *so-gȍdi mangȁsa* ʻчто бы ты ни попросил’ (11), также с выделением: *so-gȍdi... sy* ʻчто угодно есть’ (12) (при нейтральном порядке в этом же предложении чуть дальше). Восходящую интонацию вместо нисходящей имеем в конце придаточного: *ćè grȁs trubúla-tu* ʻкакой конь тебе [ни] понадобится’ (15), в конце (13) перед перечислением, а также в сочинении дополнений: *rupují, xarkují aj sumnakujì* ʻсеребряную, медную и золотую’ (14). Повтор сказуемого: *hurʹàl* ʻлетит’ (7).

Отрывок из былички о мифологическом персонаже *мамёррыи́*: [Кож.]

(1) *Phurȍřȳ.* (2) *No avilìsah ka-l manùš, avilìsah lèn-de khərȁ.* (3) *Aj mangľà te-śȍl-pe and-o khȁr.* (4) *Aj ćì-meklè-la, linè aj našadè-la.* (5) *Aj pe diminʹàcy avilè le kətàni aj linè le řomèh, phandadè-les.* (6) *Nu aj avilì ka-j Grùša užə̀ phurȍřȳ te-mangȁl pèh-kə̀ butì, te-phařavèl là-kə̀ le kàš.* (7) *Aj vòj gyndisàjli kə̀ mamʹořȳ sy.* (8) *Aj ľà ingərďà-la and-o khȁr, thoďà-la ande vàna, xalaďà-la.* (9) *Dʹà-la khə̀ pištìri mùndro barȍ.* (10) *Thoďà-la ande zàla te-bešȁl pe krèsla, p-o mundrimòs.* (11) *Thoďà là-kə̀ ćàj, te-xàl.* (12) *Dàba dikhȁl.* (13) *Aj vòj sah bomžàjka!*

ʻ(1) Старушка. (2) Ну, пришла к людям, пришла к ним домой. (3) И попросилась войти в дом. (4) И не пустили её, взяли и прогнали её. (5) А наутро пришли мили-

ционеры и взяли цыгана, посадили его. (6) Ну, и пришла к Груше уже старушка просить себе работу, поколоть ей дрова. (7) А она подумала, что это *мамёрры*. (8) И взяла её, завела в дом, посадила её в ванну, помыла её. (9) Дала ей полотенце красивое большое. (10) Посадила её в залу сидеть на кресле, на красоте. (11) Поставила ей чай, поесть. (12) Любуется. (12) А она была бомжиха!’

	С	З	$П_1$	М	$П_2$	В
(1)					*phurʹořỳ*	
(2)	*no*		*avilìsah*		*ka-l manùš*	
			avilìsah	*lʹèn-de*	*khərə̀*	
(3)	*aj*		*mangl̓à*			
			te-śòl-pe		*and-o khə̀r*	
(4)	*aj*		*ćì-meklè*	*-la*		
			linè			
			aj našadè	*-la*		
(5)	*aj*	*pe dimin̓ácy*	*avilè*		*le kətàni*	
	aj		*linè*		*le řomèh*	
			phandadè	*-les*		
(6)	*nu aj*		*avilì*	*ka-j Grùša*	***užə̀*** *phurʹořỳ*	
			te-mangə̀l	*pʹèh-kə*	*butì*	
			te-phařavèl	*lə̀-kə*	*le kàš*	
(7)	*aj*	*vòj*	*gyndisàjli*			
	* *kə*		*mamʹořỳ*^{П_2}		*sy*	
(8)	*aj*		*l̓à*			
			ingərd̓à	*-la*	*and-o khə̀r*	
			thod̓à	*-la*	*ande vàna*	
			xalad̓à	*-la*		
(9)			*d̓à*	*-la*	*khə pištìri mùndro barò*	
(10)			*thod̓à*	*-la*	*ande zàla*	
			te-bešəl		*pe krèsla*	
					p-o mundrimòs	
(11)			*thod̓à*	*lə̀-kə*	*ćàj*	
					te-xàl	
			dàba *dikhə̀l*			
(12)	*aj*	*vòj*	*sah*		*bomžàjka*	

Здесь почти все предложения — с нейтральным порядком. Лишь в (7) можно усмотреть выделение: *mamʹořỳ sy* ‘*мамёрры* она’. Впрочем, это особый случай, т. к. при отсутствии темы в «заходе» иной порядок невозможен ввиду безударности связки *sy* (на её месте могла бы быть подлежащная клитика *la*), которая должна стоять по крайней мере после первого ударного слова. В этом отрывке нигде не заполнен выход (индивидуальный стиль речи или случайность).

Итак, по-видимому, можно утверждать, что в нормальном случае простые предложения организуются путём наложения информационного строя высказывания на несколько довольно простых линейных шаблонов (с более или менее типовыми интонационными контурами), т. е. «порядков», один из которых («нейтральный») реализуется чаще всего, а другие можно считать производными от него.

4.9. Местоименная замена и эллипсис

Одну и ту же сущность можно обозначить в разной степени исчерпывающе (явно), не теряя при этом связь означающего с означаемым. Градацию явности можно проиллюстрировать последовательной заменой явного выражения всё более неявными, причём самым неявным будет полное опущение:

(1) а. *O Gùsʹa phenèl paramìći.* (назывное сущ. *o Gùsʹa*)
‘Гуся рассказывает сказку.’
⇒ б. *Vò phenèl paramìći.* (местоимение: *vò*)
‘Он рассказывает сказку.’
⇒ в. *Phenèl paramìći.* (опущение: ∅)
‘[Он] рассказывает сказку.’

С каждым шагом требуется всё больше усилий для восстановления исходного отрезка, т. е. можно сказать, что этот исходный отрезок подвергается «свёртыванию» вплоть до полного опущения. Так, можно считать, что в (1)а *o Gùsʹa* однозначно ссылается на конкретного человека (разумеется, без учёта тёзок), в (1)б местоимение *vò* ‘он’ — намёк на то же самое (часть информации передаётся родом и числом), а в (1)в как будто нет никакого следа исходного отрезка *o Gùsʹa*, но его можно восстановить в т. ч. из контекста. В семантическом смысле можно сказать, что *o Gùsʹa* = *vò* = ∅.

И местоимение, и нуль в приведённых примерах являются **заменителями** назывной существительной группы. Когда заменитель — местоимение, имеет место **местоименная замена**, а когда заменитель нуль, то это **нулевая замена** (эллипсис-замена, см. ниже).

Заменителями могут быть ударные местоимения, безударные местоимения (клитики) и нуль. Замена речевых отрезков местоимениями, с одной стороны, и нулём (эллипсис) — с другой, по-видимому, представляют собой разные реализации одного и того же явления. В части случаев возможны все три типа замены, а в части — выбор более или менее строг. В любом случае здесь речь идёт о замене, поскольку заменяемое — не просто речевой отрезок, а единица, ссылающая на некое означаемое.

Замене подвергаются различные синтаксические группы, в т. ч. предложения (и зависимые фразы). При этом имеются ограничения на члены предложения, в роли которых выступают эти группы. В самом общем виде типы заменителей распределяются по заменяемым членам предложения так:

	ударное местоим.	клитика	нуль
подлежащее	+	+	+
дополнение:			
(полу)прямое	+	+	+
косвенное	+		+
предложное	+		+
расширение	+		
обстоятельство	+		+
сказуемое	(+)		+

Все три типа замены возможны только для подлежащего и для дополнения (с оговорками). Сказуемое не может заменяться одним словом, поэтому это не совсем замена. В некоторых случаях замена почти обязательна (см. 4.9.4).

С местоименной заменой тесно связан **местоименный повтор**. Так мы называем одновременное наличие в одном простом предложении и заменителя, и отрезка, тождествен-

ного (с оговорками) тому, который он формально заменяет. В таких случаях один член предложения (подлежашее или дополнение) формально выражается дважды, ср.:

(2) *Ə matòra tindèm-la mè.*
ʻМашину купил я.ʼ (букв. ʻ...купил её яʼ)

Здесь местоимение-клитика *-la* ʻеёʼ повторяет отрезок *ə matòra* ʻмашинуʼ.

Эллипсисом в широком смысле можно считать опущение какого-либо отрезка в синтаксической единице, в результате которого нарушается её «структурная полнота». Структурную полноту определим так: (а) в структурно полном предложении (фразе) явно выражены все члены, предусмотренные моделью управления; (б) в структурно полной синтаксической группе явно выражено ядро. При неудовлетворении этим критериям имеет место эллипсис. Следует различать два типа эллипсиса по функции. Один из них сближается с местоименной заменой в том, что имеет вполне чёткое означаемое, это нулевая замена, или **эллипсис-замена**, а другой является более или менее механическим средством пропуска речевых отрезков, это **эллипсис-пропуск**.

В примере (1)в представлен простейший случай эллипсиса-замены. Покажем возможный контекст для такого эллипсиса (его вероятное место обозначаем символом «∅»; даём в квадратных скобках варианты без эллипсиса — как видно, не все возможны):

(3) *Sỳ-ma phràl. ∅ Bešəl màn-ca.* [*vò*] или [*muřò phràl*]
ʻУ меня есть брат. Он живёт со мной.ʼ ʻонʼ ʻмой братʼ

(4) *Muřò phràl phenďà kə ∅ avèl.* [*vò*] ** [*muřò phràl*]
ʻМой брат сказал, что придёт.ʼ ʻонʼ ʻмой братʼ

Теперь рассмотрим эллипсис-пропуск: из полного предложения (5)а получаем неполное (5)б, которое содержит два эллипсиса — пропуск сказуемого и пропуск части существительной группы (вероятное место эллипсиса обозначаем «△»):

(5) а. *Mè dikhlèm trìn barə̀ khərà, aj tù dikhľàn dùj barə̀ khərà.*
ʻЯ видел три больших дома, а ты видел два больших дома.ʼ
⇒ б. *Mè dikhlèm trìn barə̀ khərà, aj tù* $_{\triangle}$ *dùj* $_{\triangle}$.
ʻЯ видел три больших дома, а ты два.ʼ

Итак, из полной правой части (*aj tu...*) при желании можно опустить два отрезка: *tù* [*dikhľàn*] *dùj* [*barə̀ khərà*] ʻ...[видел] два [больших дома]ʼ. В данном случае опущенные отрезки — назовём каждый из таких отрезков **заменяемым** — восстанавливаются однозначно, однако они и их **прототипы** в левой части не ссылаются на одно и то же означаемое, а просто совпадают по некоторым формальным признакам (в т. ч. могут совпадать полностью).

Местоименнная и нулевая замена, как и эллипсис-пропуск, возможны, только когда имеется прототип в плане действительности или речи, который бывает нескольких типов (см. 4.9.1). Формальные средства замены разнятся в зависимости от природы заменяемого, что сказывается на выборе местоимения (см. 4.9.2) и возможности нуля (см. 4.9.3), но синтаксические контексты местоименной и нулевой замены пересекаются (см. 4.9.4). Эллипсис-пропуск можно описать, только исходя из синтаксического контекста (см. 4.9.5).

4.9.1. Прототип при замене и пропуске

Как уже было сказано, замена (в т. ч. нулём) в общем случае не приводит к недоразумению. Прототип должен быть так или иначе известен слушателю и подлежать восстановлению. Важно различать три типа замены или пропуска по источнику восстановления прототипа:

(а) ситуативный

Прототип не называется явно, но ясен из внеязыкового контекста, ср.:

(1) *Ə̀ta-lo!* (с указанием жестом на человека)
‘Вот он!’

Более частотен ситуативный эллипсис (замена или пропуск), чем ситуативная местоименная замена. Опущенный отрезок восстанавливается (по крайней мере как набор вариантов) из внеязыковой ситуации. Например:

(2) *Sykàv!* напр., [*màn-gə kadò*]
‘Покажи!’ ‘мне это’

(3) *Pàj!* напр., [*dèn-ma*]
‘Воды!’ ‘дайте мне’

К подобным случаям могли бы примыкать этикетные высказывания типа *baxtalò dròm* ‘счастливого пути’, однако восстановить пропущенное тут невозможно, впрочем, ср. один из вообразимых вариантов: [*ť-avèl*] *baxtalò* [*ťo*] *dròm* ‘[да будет] счастливым [твой] путь’ (см. также 4.1).

(б) грамматический

Это касается только эллипсиса-замены (нулевой замены). Прототип восстанавливается более или менее однозначно из морфологии присутствующих в предложении других словоформ:

(4) *Źàv khərà.* (опущено *mè* ‘я’)
‘Иду домой.’

Здесь вся информация о подлежащем содержится в самой форме глагола.

(в) контекстный

При контекстных замене или пропуске прототип уже фигурировал явным образом раньше, в том же или другом предложении. В простейшем случае целью является избежание повтора уже известной информации. Пример замены в связном рассказе:

(5) *Gəlì-tar ə raklì ka pèh-ko phràl o màj-barò. Źàl ka phràl o màj-barò aj avilì-tar vòj koćè dùr, kàj-to vò trajìl and-əl plajà.*
‘Пошла девушка к своему старшему брату. Идёт к старшему брату и зашла она туда далеко, где-то он живёт в горах.’

В первом предложении оба действующих лица называются явно (*ə raklì* ‘девушка’, [*là-ko*] *phràl o màj-barò* ‘[её] старший брат’). Во втором предложении ‘девушка’ заменяется нулём (*∅ źàl* ‘идёт’), ‘...брат’ повторяется почти полностью, а затем оба действующих лица заменяются личными местоимениями (*vòj* ‘она’, *vò* ‘он’).

Контекстный эллипсис-пропуск многообразен и часто обусловлен особенностями синтаксической структуры, ср., например, сравнительную конструкцию:

(6) *Màj-mìšto màn-gə akanà sar △ kana vuštilèm anda-j lìndri.*
‘Мне сейчас лучше, чем когда я проснулся.’

В данном случае можно восстановить отрезок *sàs màn-gə* ‘мне было’.

Контекстным эллипсисом-пропуском можно считать и опущение части известной информации в диалоге, когда, например, отвечающий не повторяет то, что ясно из вопроса (об эллипсисе-пропуске см. 4.9.5.1).

4.9.2. Местоименная замена

Наше деление имён на назывные и местоименные опирается прежде всего на туманный семантический критерий: местоименные имена имеют как бы «неполноценное» значение и способны заменять собой какие-то другие речевые отрезки. Если критерий способности к замене в случае *vò* ‘он’ очевидным образом работает, то, например, непонятно, что заменяет *mè* ‘я’ (тоже личное местоимение). Кроме того, непонятно, считать ли заменой, например, следующее:

(1) *Bèš mùto! O řòm paramìći phenèl.* (*o řòm = o Gùsa̍*)
‘Помолчи! Человек сказку рассказывает.’

Здесь *o řòm* букв. ‘цыган, мужчина’ заменяет *o Gùsa̍* и функционирует подобно вежливому местоимению 3-го лица (*vò* ‘он’ было бы невежливо), однако нельзя сказать, что здесь «неполноценное» значение. Отрезок *o řòm* — в строгом смысле неместоименный, а его способность указывать или заменять что-либо — вопрос семантики, а не синтаксиса.

Здесь нас будет интересовать только замена отрезков местоимениями.

4.9.2.1. Местоимение на месте существительной группы

Личными местоимениями всегда заменяются целые существительные группы (могущие быть разными членами предложения, см. ниже), а не отдельные существительные, ср. невозможность замены только ядра:

(1) а. *Le barə̀ parnè ćirikl̓à bešə̀n pe kr̓ànga.*
‘Большие белые птицы сидят на ветке.’
⇒ б. ** *Le barə̀ parnè vòn bešə̀n pe kr̓ànga.*
букв. ‘Большие белые они сидят на ветке.’
⇒ в. *Vòn bešə̀n pe kr̓ànga.*
‘Они сидят на ветке.’

Впрочем, это не значит, что у местоимений-существительных совсем не может быть определений, но такие определения (ограниченный круг местоимений) скорее похожи на обособленные определения или даже на присказуемые (см. 4.2.1.14.9, 4.2.1.15).

Заменителями мы будем считать только такие местоимения-существительные, на месте которых можно вообразить назывную существительную группу. Многообразных прочих случаев мы коснулись при описании существительной группы (см. 4.2.1.14). Строго говоря, в роли заменителей существительных групп могут выступать местоимения двух типов: личные и указательные, причём между ними в ряде ситуаций нет чёткой границы.

Указательными местоимениями заменяются (и то изредка) только одушевлённые группы; тогда они применяются в значении личных местоимений. В такой роли выступают только указатели контрастного ряда (подробности и примеры: см. 4.2.1.7.1):

одушевлённые:	*kakò*, *kaťà*, *kakalà*	‘он, она, они’ (‘тот...’ и т. п.)
	kukò, *kuťà*, *kukolà*	‘тж.’ (в плане речи)

Местоимения неконтрастного ряда *kadò*, *kodò* ‘(э)то’ могут заменять только подчинённые фразы, «ситуации» (см. 4.9.2.2).

Для личных же местоимений с формальной точки зрения нам важны следующие дихотомии: (а) ударное местоимение или местоимение-клитика, (б) прямая форма или косвенная и нек. др., (в) если ударная и косвенная, то с падежной клитикой или без. Только местоимения-клитики употребляются в порядке местоименного повтора. Дадим вместе все формы личных местоимений (сюда же включаем 1-е и 2-е лица, подробнее см. 3.10.1.1):

	ударные		клитики
прямая форма:	*mè*, *tù* ʻя, ты...ʼ *amè*, *tumè* *vò*, *vòj*, *vòn*		 *lo*, *la*, *le*
косвенная форма:	без пад. клитик:	с падежными клитиками:	
	màn, *tùt* ʻменя, тебя...ʼ	*màn-gə*, *tù-tar* и т. д.	*-ma(n)*, *-tu*
	amè(n), *tumè(n)*	*amèn-gə*, *tumèn-dar* и т. д.	*-ame(n)*, *-tume(n)*
	lès, *là*, *lèn*	*lès-kə*, *là-tar*, *lèn-de* и т. д.	*-le(s)*, *-la, -le(n)*
	pès ʻсебяʼ	*pès-kə* и т. д.	*-pe*
предложная форма:	*mà*, *tù*, *là*		
после *àta*, *àkə(-ta)* ʻвотʼ:			*-ma*, *-tu* *-ame*, *-tume* *-lo*, *-la*, *-le*

Как видно, личные местоимения образуют четыре ряда форм: прямые, косвенные, предложные и «смешанные». В прямой форме они выступают подлежащим (*lo*, *la*, *le* мы называем **подлежащными клитиками**), в косвенной — дополнением (причём клитики входят в широкую словоформу глагола) и в составе предложной группы, в предложной — только в составе предложной группы (редко), а «смешанные» формы ставятся только при предикативных частицах *àta*, *àkə(-ta)* ʻвотʼ.

Приведём простейшие примеры заменителей из указанных трёх рядов по роли в предложении:

(а) подлежащее

Ударные личные местоимения могут заменять существительную группу в предложениях любого типа (в скобках возможная исходная группа):

(2) *Vòj bešə̀l aj pèl ćàjo.* (*myřỳ dèj* ʻмоя матьʼ)
ʻОна сидит и пьёт чай.ʼ

(3) *Vòn ćì-źanèn khànći.* (*tirə̀ nʹàmurʹà* ʻтвои родственникиʼ)
ʻОни ничего не знают.ʼ

В связочных предложениях (чьё сказуемое — глагол-связка *sy*) — в настоящем времени и только без отрицания — употребляются подлежащные клитики. При этом сам глагол *sy* обязательно опускается, а клитика занимает особое положение (подробно см. 4.9.2.1.3):

(4) *Màj-xaranò lo màn-dar.* (*muřò phràl* ʻмой братʼ)
ʻОн умнее меня.ʼ

(5) *Kàj la?* (*ti bàba* ʻтвоя бабушкаʼ)
ʻГде она?ʼ

(б) дополнение

Косвенными формами местоимений заменяются прямые, полупрямые и косвенные дополнения (подробно см. 4.9.2.1.5). В ряде случаев ударные формы употребляются вместе с клитиками (местоименный повтор):

(6) *Là źanàv-la mištò.* (*tʹa dà* ʻтвою матьʼ)
ʻЕё я хорошо знаю.ʼ

(7) *Sò trubùl-le lès?* (*te dadès* ‘твоему отцу’)
‘А ему-то что надо?’
(8) *Nà-dara lèn-dar.* (*kata-l źukàl* ‘собак’)
‘Не бойся их.’

(в) в предложной группе

Типичный случай — управление предложным падежом (хотя возможны разные падежи и нетривиальные случаи, см. 4.2.2.2):

(9) *Xoľàvov pe là-te.* ~ *là* (*ti phèj* ‘твою сестру’)
‘Я обижаюсь на неё.’

(г) при предикативной частице

Только в одной конструкции (указательной, см. 4.5.5):

(10) *Ə̀ta-la.* (*amarì mỳca* ‘наша кошка’)
‘Вот она.’

4.9.2.1.1. Род и число заменителей существительных групп

Личные местоимения обычно сохраняют род и число заменяемой существительной группы, ср.:

(1) а. *Tumarò pàpo avilò khərà.*
‘Ваш дед пришёл домой.’
⇒ б. *Vò avilò khərà.*
‘Он пришёл домой.’

Подобным образом: *tumarì bàba* ‘ваша бабушка’ ⇒ *vòj* ‘она’; *tumarà phràl* ‘ваши братья’ ⇒ *vòn* ‘они’. Однако когда пол не соответствует грамматическому роду, а также в случае собирательных существительных обычно выбираются «естественные» род и число (что отражается и на согласовании):

(2) а. *Ə kətàna gəlì-tar.*
‘Милиционер ушёл.’
⇒ б. *Vò gəlò-tar.*
‘Он ушёл.’

(3) а. *Ə lùmə̀a tidinisàjli.*
‘Народ собрался.’
⇒ б. *Vòn tidinisàjle.*
‘Они собрались.’

То же относится к подлежащным клитикам. Обычно они сохраняют род и число заменяемой существительной группы: м.ед. *lo*, ж.ед. *la*, мн. *le*; однако собирательные существительные, обозначающие группы людей, обычно заменяются на *le*:

(4) а. *Ə lùmə̀a sy matì.*
‘Люди пьяные.’ (букв. ‘народ пьяный’, ж.ед.)
⇒ б. *Vòn sy matè.*
**⇒ в. *Matì la.*
⇒ г. *Matè le.*
‘Они пьяные.’

Особый случай несоответствия рода и пола — при анафоре (здесь в сложноподчинённом предложении) подлежащная клитика отражает пол (но см. 4.4.1.8):

(5) *Kana-gòdi dikhàv kadalà kətanà, matò lo.*
ʻКак ни увижу этого милиционера, он пьян.ʼ

При повторе подлежащего повторяющий заменитель сохраняет род и число группы:

(6) *Ə kətàna matì la.*
ʻМилиционер пьяный.ʼ

(7) *Ə lùmə̀a matì la.*
ʻЛюди пьяные.ʼ

В дополнениях действуют те же принципы.

4.9.2.1.2. Замена подлежащего в несвязочных предложениях

Подлежащие, выраженные существительными группами в несвязочных предложениях, заменяются ударными личными местоимениями (иногда также указательными) или нулём. В порядке «свёртывания» будем пытаться заменять подлежащее. Местоименной замене поддаются только подлежащие с определённостью (см. 4.2.1.1.3), ср. невозможность замены неопределённой группы:

(1) а. *Pe vùlica bešən kətàni.*
ʻНа улице стоят милиционеры.ʼ

**⇒ б. *Pe vùlica bešən vòn.*
ʻНа улице стоят они.ʼ

**⇒ в. *Pe vùlica bešən.*
ʻНа улице стоят [они].ʼ

Предложения (1)бв не являются результатом преобразования предложения (1)а. При определённости же местоимениями заменяются как ремы, так и темы, а нулевая замена возможна, только если заменяемое — тема:

(2) а. *Le kətàni bešən pe vùlica.*
ʻМилиционеры стоят на улице.ʼ

⇒ б. *Vòn bešən pe vùlica.*
ʻОни стоят на улице.ʼ

⇒ в. *Bešən pe vùlica.*
ʻ[Они] стоят на улице.ʼ

В предложениях (2) порядок слов отличается от (1). На самом деле можно было его не менять, но мы сохранили нейтральную интонацию и порядок (см. 4.8.3). Пример с ремой:

(3) а. *Le sarmàli xaľà-le muřò śàv.*
ʻГолубцы съел мой сын.ʼ

⇒ б. *Le sarmàli xaľà-le vò.*
ʻГолубцы съел он.ʼ

**⇒ в. *Le sarmàli xaľà-le.*
ʻГолубцы съел.ʼ

Особенно чётко рематическая роль местоимений проявляется при наличии при них усилительных частиц и союзов — тогда невозможна нулевая замена:

(4) *Avilì nùma vòj.*
ʻПришла только она.ʼ

(5) *Te-lèl pès-kə i vòj manùš.*
‘[Надо] и ей взять себе мужа.’

(6) *Aj vòn sö kərdè?*
‘А они что сделали?’

При полном отсутствии выделения обычен нуль. Однако в повествовании частотны ударные местоимения после глагола — со слабым ударением (см. 4.8.2.1а):

(7) *Garàďol vȯj and-ək sàlka.*
‘Прячется она в дереве.’

(8) *Aj lèl aj phenèl pàle vȯj àta kaďà: ...*
‘И берёт и говорит опять она вот так: ...’

Ограничение в употреблении личных местоимений в роли подлежащих — одушевлённость заменяемого. Вообще, личные местоимения неохотно заменяют неодушевлённые подлежащие; как правило, они подвергаются только нулевой замене, ср.:

(9) а. *Le khərà phàdile.*
‘Дома были снесены.’

?* ⇒ б. *Vòn phàdile.*

⇒ в. *Phàdile.*
‘Они были снесены.’

Впрочем, есть контексты, в которых такое употребление возможно (или даже обязательно?), — когда речь идёт о реме при наличии усилительной частицы:

(10) *Vòrta vȯj sy!* (*vòj* ⇐ *ə rùćka* ‘ручка’)
‘Это именно она!’

4.9.2.1.3. Замена подлежащего в связочных предложениях

В связочных предложениях со сказуемым *sy* (без отрицания и только в настоящем времени) подлежащее в 3-м лице может заменяться подлежащной клитикой. При этом *sy* обязательно опускается:

(1) а. *Ə Vatrùška sy laśì śovořỳ.*
‘Ватрушка — хорошая девочка.’

⇒ б. *Vòj sy laśì śovořỳ.*

⇒ в. *Laśì śovořỳ la.*
‘Она хорошая девочка.’

(2) а. *O Jòno sy řòm amarən-dar.*
‘Ёно — цыган из наших.’

⇒ б. *Vò sy řòm amarən-dar.*

⇒ в. *Řòm amarən-dar lo.*
‘Он цыган из наших.’

(3) а. *Myřə glàti sy barə.*
‘Мои дети — большие.’

⇒ б. *Vòn sy barə.*

⇒ в. *Barə le.*
‘Они большие.’

Итак, в примере (1)а существительная группа *ə Vatrùška* может быть заменена не только ударным личным местоимением (1)б, но и подлежащной клитикой (1)в. Ударные местоимения обычно невозможны при опущенной связке, но ср. (оговорка?):

(4) 🔊 *Merəl pala là-te dətət, dùj phralořə̀ vo̍n.* (опущено *sy*)
‘Сохнет по ней страшно, два братика они.’

В примере (4) скорее ожидается подлежащная клитика *le*.

Клитики могут заменять как одушевлённое подлежащее, так и неодушевлённое (в отличие от ударных личных местоимений — обычно одушевлённых):

(5) а. *Kaďà skafedì sy cygnì.*
‘Этот стол мал.’
?* ⇒ б. *Vòj sy cygnì.*
⇒ в. *Cygnì la.*
‘Он мал.’

Замена клитикой невозможна в других временах и лицах, а также если *sy* используется не в связочном, а в любом другом (бытийном, притяжательном или модальном) значении. Замена клитикой запрещена также в относительных предложениях (это связано с довольно строгим требованием постановки глагола сразу после относительного союза, см. 4.8.6):

(6) а. *Dikhàv ə matòra kaj sy pala khə̀r.*
‘Я вижу машину, которая за домом.’
⇒ б. ** *Dikhàv ə matòra kaj pala khə̀r la.*

Подлежащная клитика всегда безударна и следует непосредственно за расширением или, чаще, за первым «опорным» отрезком, содержащим ударение и по форме способным быть синтаксической группой (даже если входит в другую):

(7) а. *Là-kə śavè sy kabòr tù-te də barə̀.*
‘Её сыновья того же возраста, что и ты.’
⇒ б. *Kabòr tù-te le də barə̀.*
⇒ в. *Kabòr tù-te də barə̀ le.*
‘Они того же возраста, что и ты.’

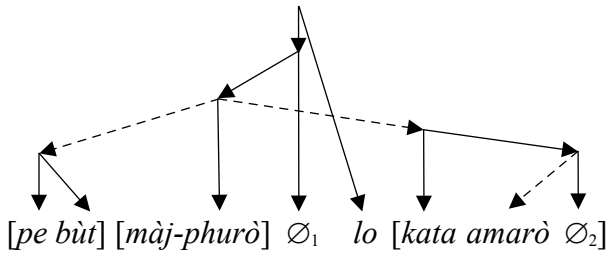
(8) а. *Kaďà sàlka sy dèš mètri də vućì.*
‘В этом дереве десять метров в высоту.’
⇒ б. ? *Dèš mètri la də vućì.*
⇒ в. *Dèš mètri də vućì la.*
‘В нём десять метров в высоту.’

В предложениях с опущенным подлежащим правила выбора места подлежащной клитики совпадают с таковыми для связки *sy* (которая тоже обычно безударна), т. е., как и всякая клитика, она не может стоять перед первым ударным словом. Возьмём для примера сравнительную конструкцию (здесь также ограничение на позицию после эталона):

(9) а. *Lèn-go pàpo sy pe bùt màj-phurò kata amarò.*
‘Их дед намного старше нашего.’
⇒ б. *Pe bùt màj-phurò sy kata amarò.*
⇒ в. *Pe bùt sy màj-phurò kata amarò.*
⇒ г. ?* *Pe bùt màj-phurò kata amarò sy.*
⇒ д. *Pe bùt màj-phurò lo kata amarò.*
⇒ е. *Pe bùt lo màj-phurò kata amarò.*
⇒ ж. ?* *Pe bùt màj-phurò kata amarò lo.*
‘Он намного старше нашего.’

Подлежащная клитика как бы совмещает в себе связку и указание на подлежащее. Можно сказать, что в таких конструкциях подлежащее и сказуемое заполняют одну и ту

же позицию, причём сказуемое обязательно опускается, и этот факт «нетривиально» отражается в виде подлежащной клитики. Древо предложения (9)д (∅₁ = *sy*; ∅₂ = *pàpo*):



Вставки между расширением (или входящим в него опорным для клитики отрезком) и клитикой запрещены:

(10) а. *O Mùrša sy xaranò manùš, phèn-kə.*
‘Мурша — умный человек, дескать.’
⇒ б. *Xaranò manùš lo, phèn-kə.*
⇒ в. ** *Xaranò manùš, phèn-kə, lo.*
‘Он умный человек, дескать.’

4.9.2.1.3.1. Повтор подлежащего клитиками

Во всех случаях употребления подлежащной клитики может иметь место местоименный повтор. При этом более явно выраженное подлежащее (прототип) всегда является темой. Чаще всего в явном виде тема стоит в начале предложения (это можно считать левым выносом, см. 4.8.7):

(1) *O xabè gàta lo.*
‘Еда готова.’
(2) *Le źukàl řỳja le.*
‘Собаки злые.’
(3) *Muřò khàr oćè lo, inťàl o dròm.*
‘Мой дом вон там, через дорогу.’
(4) *Matòri kasavèn-dar zuralè le řỳso.*
‘Такие машины страшно мощные.’
(5) *Tọ̀ phràl amèn-de lo, kərəl butì.*
‘Твой брат у нас, работает.’
(6) *Muřə̀ vèrə̀ maškar ə bàr le akanà.*
‘Мои двоюродные братья сейчас в таборе.’
(7) *O řòm gaźò lo.*
‘Он русский.’ (букв. ‘[этот] цыган — русский’; присутствующий при произнесении взрослый мужчина, говорящий по-цыгански, но, как выяснилось, — нецыган; его невежливо обозначать местоимением *vò* или *kakò*)

Во всех случаях повторяемое может быть ударным личным местоимением:

(8) а. *O Mùrša xaranò manùš lo.*
‘Мурша — умный человек.’
⇒ б. *Vò xaranò manùš lo.*
‘Он умный человек.’

Явная тема бывает и в конце предложения, причём часто имеет место отдельная интонационная группа, что мы обозначаем запятой (позиция «выхода», см. 4.8.2):

(9) *Dətàt barvalò lo, lė̀n-go primȁri.*
ʻОчень богат он, их главный.ʼ

Нередко отдельной интонационной группы нет (особенно в коротких вопросах); в таких случаях повторяемое может быть не назывным, а ударным личным местоимением:

(10) а. *Kàj la ti dèj?*
ʻГде твоя мать?ʼ
⇒ б. *Kàj la vòj?*
ʻГде она?ʼ

Пример «двойного повтора»:

(11) *A vò dilořò lo, kakȍ raklȍ.*
ʻА он дурачок, этот парень-то.ʼ

4.9.2.1.3.2. Ограничения при замене подлежащными клитиками

Подлежащные клитики выступают в связочных предложениях вида {*x*} *sy* {*y*}, где *x* — подлежащее, а *y* — расширение или обязательное обстоятельство (пространственно-временно́е выражение типа ʻбыть [где]ʼ; здесь условно назовём и то, и другое «предикатом»). Далеко не все такие предложения допускают замену подлежащего клитикой. Ограничения касаются как подлежащего, так и предиката:

предикат: / подлежащее:	сущ. группа		прил./нар./предл. группа		др.
	назывная	вопр. мест.-сущ.	назывная	вопр. мест.-несущ.	
сущ.гр.					
опр. одуш.	+	–	+	+	–
опр. неодуш.	–	–	+	+	–
др.	–	–	–	–	–

Это значит, что подлежащными клитиками заменяются только существительные группы (имеющие признак определённости). При этом предикатом могут быть существительные, прилагательные, наречные и предложные группы, но не вопросительные местоимения-существительные. Ограничение: подлежащная клитика не заменяет неодушевлённую существительную группу в сочетании с расширением — существительной группой.

Как и ударные личные местоимения, клитики заменяют подлежащее тогда, когда оно определённо и конкретно. Так, оно не может быть абстрактным указательным ʻэтоʼ:

(1) а. *Kadò sy amarò.*
ʻЭто наше.ʼ
**⇒ б. *Amarò lo.*

(2) а. *Kaďà sy amarì sàlka.*
ʻЭто наше дерево.ʼ
**⇒ б. *Amarì sàlka la.*

Не заменяется клитикой подлежащее, выраженное не существительной группой:

(3) а. *Te-hanòs sy pharò.*
ʻЛудить трудно.ʼ
**⇒ б. *Pharò lo.*

Выраженное назывной существительной группой подлежащее, заменяемое клитикой, может быть одушевлённым или неодушевлённым. Начнём с одушевлённых:

(4) а. *O Jòno sy řòm xaranò.*
ʻЁно — умный цыган.ʼ
⇒ б. *Řòm xaranò lo.*
ʻОн умный цыган.ʼ

(5) а. *O Jòno sy xaranò.*
ʻЁно — умный.ʼ
⇒ б. *Xaranò lo.*
ʻОн умный.ʼ

С неодушевлёнными действует упомянутое выше ограничение:

(6) а. *O Pìtiro sy mùndro fòro.*
ʻПитер — красивый город.ʼ
**⇒ б. *Mùndro fòro lo.*
букв. ʻОн красивый город.ʼ

(7) а. *Ə patradì sy amarò màj-barò dès.*
ʻПасха — наш главный праздник.ʼ (букв. ʻсамый большой деньʼ)
**⇒ б. *Amarò màj-barò dès la.*
букв. ʻОна наш главный праздник.ʼ

(8) а. *Muřỳ butì sy o hanomòs.*
ʻМоя работа — лужение.ʼ
**⇒ б. *O hanomòs la.*
букв. ʻОна — лужение.ʼ

Однако ср. при метафорической одушевлённости (в скобках заменяемое):

(9) *(Myřỳ matòra) hàla la.*
ʻМоя машина — дракон.ʼ (напр., ʻпрожорливаяʼ)

Но при расширении, выраженном прилагательной группой, ограничения нет:

(10) *(O Pìtiro) mùndro lo.*
ʻПитер — красивый.ʼ
(11) *(Ə Patradì) mùndro la.*
ʻПасха — красивая.ʼ

Предикат может быть выражен группами разных типов. Примеры на все типы групп (исходные предложения опускаем, в скобках — возможное ударное личное местоимение):

(12) *(Vò) laśò manùš lo.* (существительная группа: именительный падеж)
ʻОн хороший человек.ʼ

В примере (12) расширение выражено существительной группой в обобщённом (нереферентном) употреблении. В прочих случаях предикат может быть также и местоименным (в следующих примерах проводим местоименную замену предиката, так что тут имеют место две местоименные замены — подлежащего и предиката):

(13) а. *(Vòn) muřə papò-sa le.* (существительная группа: втор.-косв. падеж)
ʻОни с моим дедом.ʼ
⇒ б. *(Vòn) lè-sa le.*
ʻОни с ним.ʼ

(14) а. *(Vòj) ka Jòno la.* (существительная группа: лжепредлог)
ʻОна у Ёно.ʼ
⇒ б. *(Vòj) lès-te la.*
ʻОна у него.ʼ

(15) а. *(Vò) le Van'às-ko lo.* (притяжательная группа)
ʻОн Ванин.ʼ
⇒ б. *(Vò) lès-ko lo.*
ʻОн его.ʼ
(16) а. *(Vòj) parnì la dətàt.* (прилагательная группа)
ʻОна совсем белая.ʼ
⇒ б. *(Vòj) kasavì la.*
ʻОна такая.ʼ
(17) а. *(Vòn) and-o fòro le.* (предложная группа)
ʻОни в городе.ʼ
⇒ б. *(Vòn) koćè le.*
ʻОни там.ʼ
(18) а. *(Vòn) dùr le kacàr.* (наречная группа)
ʻОни далеко отсюда.ʼ
⇒ б. *(Vòn) koćè le.*
ʻОни там.ʼ

Ядром прилагательной группы может быть и причастие:

(19) *O xanźuvalimòs mardò lo ande tù-te.*
ʻЖадность в тебя вбита.ʼ (т. е. ʻтвоя неотъемлемая чертаʼ)

С расширениями же, выраженными зависимыми оборотами, а также содержащими вложенные придаточные предложения, замена невозможна:

(20) а. *Myřỳ butì sy te-hanòv dìžy.*
ʻМоя работа — лудить котлы.ʼ
⇒ б. ** *Te-hanòv dìžy la.*

(21) а. *O Jòno sy manùš kaj nikàrďol xaranò.*
ʻЁно — человек, который считается умным.ʼ
⇒ б. ** *Manùš kaj nikàrďol xaranò lo.*
⇒ в. ** *Manùš lo kaj nikàrďol xaranò.*

(22) а. *Kakalà raklè sy kaj znimujìn.*
ʻВот эти ребята — фотографы.ʼ (букв. ʻкоторые снимаютʼ)
⇒ б. ** *Kaj znimujìn le.*

Расширение также не может быть вопросительным местоимением *kòn* ʻкто', *sò* ʻчто', *ćè* ʻкакой', *savò* ʻкоторый':

(23) а. *Kòn sy o Nòno?*
ʻКто такой Ноно?ʼ
⇒ б. ** *Kòn lo?*

(24) а. *Sò sy kurùng?*
ʻЧто такое ворона?ʼ
⇒ б. ** *Sò la?*

Однако ср. вопросительное притяжательное местоимение:

(25) а. *Kàs-ko sy o Nòno?*
ʻЧей [сын] Ноно?ʼ
⇒ б. *Kàs-ko lo?*
ʻЧей он?ʼ

Возможны и местоимения-наречия (тогда это обязательное обстоятельство):

(26) а. *Kàj sy o Nòno?*
‘Где Ноно?’
⇒ б. *Kàj lo?*
‘Где он?’

Расширение, выраженное существительной группой, должно быть употреблено обобщённо (нереферентно), иначе замена клитикой невозможна:

(27) а. *Kadò řòm sy o Rìsta.*
‘Этот цыган — Риста.’
⇒ б. ** *O Rìsta lo.*
‘Он Риста.’

Ср. при определённости, но в обобщённом значении:

(28) а. *O Valòďa sy muřò dàd.*
‘Володя — мой отец.’
⇒ б. *Muřò dàd lo.*
‘Он мой отец.’

(29) а. *Lèn-go pàpo sy o barò la barʹà-ko.*
‘Их дед — барон табора.’
⇒ б. *O barò la barʹà-ko lo.*
⇒ в. *O barò lo la barʹà-ko.*
‘Он барон табора.’

Что касается прилагательных групп: если группа определённа, что может быть связано только с превосходной степенью, замена клитикой затруднительна:

(30) а. *Lèn-go pàpo sy o màj-phurò ande bàr.*
‘Их дед — самый старый в таборе.’
⇒ б. ?* *O màj-phurò lo ande bàr.*
‘Он самый старый в таборе.’

(31) а. *Lès-ko khər sy o màj-vućò ande sà ə bàr.*
‘Его дом самый высоких во всём таборе.’
⇒ б. ?* *O màj-vućò lo ande sà ə bàr.*
‘Он самый высокий во всём таборе.’

При обязательных обстоятельствах, имеющих местное (место) или временно́е (момент) значение, ограничений, кажется, нет.

4.9.2.1.4. Замена подлежащего в указательной конструкции

Предикативные частицы *ə̀ta*, *àkə(-ta)* ‘вот’, не являясь глаголами (они лишены парадигмы), выступают в роли сказуемых (см. 4.5.5). Они принимают клитики особого ряда. Мы считаем их подлежащими ввиду того, что на их месте могут быть назывные существительные группы только в именительном падеже (но не ударные личные местоимения):

(1) а. *Ə̀ta muřò khər.*
‘Вот мой дом.’
⇒ б. ** *Ə̀ta vò.*
⇒ в. *Ə̀ta-lo.*
‘Вот он.’

(2) а. *Ə̀ta sà lès-ka śà-kə glàti.*
‘Вот все дети его дочери.’
⇒ б. ** *Ə̀ta vòn.*
⇒ в. *Ə̀ta le.*
‘Вот они.’

Указательные местоимения тоже не сочетаются с этими предикативными частицами, ср., однако, возможность употребления частиц без клитик:

(3) а. ** *Ə̀ta kadò.*
**⇒ б. *Ə̀ta-lo.*
⇒ в. *Ə̀ta.*
‘Вот.’

Личные местоимения всех лиц здесь могут выступать только в виде клитики, причём формы 1-го и 2-го лиц совпадают с косвенными клитиками в краткой форме (но всегда без согласного: **-*man*, **-*amen*, **-*tumen*):

(4)	*Ə̀ta-ma.*	/-*tu*	/-*ame*	/-*tume*
	‘Вот я.’	/‘ты’	/‘мы’	/‘вы’

В 3-м лице они совпадают с подлежащными клитиками (при этом они не свободны, а слитны, что обозначаем дефисом):

(5)	*Ə̀ta-lo.*	/-*la*	/-*le*
	‘Вот он.’	/‘она’	/‘они’

Этот ряд клитик употребляется только в этой указательной конструкции. Это необычное подлежащее может распространяться по правилам обычной местоименной группы (см. 4.2.1.14.9):

(6) *Ə̀ta-lo sà.*
‘Вот он весь.’
(7) *Ə̀ta-ame sàvoř ə.*
‘Вот мы все.’
(8) *Ə̀ta-la kòrkoř o.*
‘Вот она сама.’

Возможны и относительные предложения:

(9) *Ə̀ta-lo kaj avèl*.
‘Вот он идёт [сюда].’
(10) *Ə̀ta-le kaj marə̀n-pe.*
‘Вот они дерутся.’

Во всех примерах возможна и частица *àkə(-ta)*.

4.9.2.1.5. Замена дополнения

Местоименную замену допускают следующие типы дополнений: прямые (винительный падеж), полупрямые (дательный), частичные (именительный, заменяется другими), косвенные (прочие падежи).

(а) прямое дополнение

В обычных случаях выступают только местоимения-клитики, причём они заменяют как одушевлённые, так и неодушевлённые существительные группы:

(1) а. *Ćì-dikhlèm ćèk-dàta kadalè phuràs.*
‘Я никогда не видел этого старика.’
⇒ б. *Ćì-dikhlèm-le(s) ćèk-dàta.*
‘Я никогда его не видел.’

(2) а. *O raklò bitinďà ə matòra.*
‘Парень продал машину.’
⇒ б. *O raklò bitinďà-la.*
‘Парень её продал.’

(3) а. *Kòn xaľà le sarmàli?*
‘Кто съел голубцы?’
⇒ б. *Kòn xaľà-le(n)?*
‘Кто их съел?’

Прямым дополнением можно считать местоимения-клитики с возвратными глаголами (только переходными):

(4) *Muřò dàd aj myřỳ dèj źanèn-pe dumùlt.*
‘Мой отец и моя мать знают друг друга давно.’

Заменённым здесь можно считать возвратное местоимение *jekh-avràs* ‘друг друга’, так что *źanèn-pe* ≈ *źanèn jekh-avràs* ‘знают друг друга’, однако одной назывной группой выразить дополнение нельзя. Поэтому неясно, можно ли в таких случаях говорить о замене (см. также 4.13.4.1).

Ударные личные местоимения применяются только для логического выделения. Они обычно заменяют только одушевлённые группы (в отличие от клитик, заменяющих и неодушевлённые):

(5) *Lá ćì-dikhlèm.*
‘Её́ я не видел.’

Впрочем, в большинстве случаев при этом присутствует и местоимение-клитика, в результате чего получается вынос и местоименный повтор (см. 4.9.2.1.5.2).

В песнях противопоставление между ударными косвенными личными местоимениями и клитиками очень часто стирается. Там, где в обычной речи возможна только клитика (по определению входящая в широкую словоформу глагола), в песнях может быть свободное местоимение (см. 5.1.3.3):

(6) ♪ *Mỳndro Màšo la͡anzarďàs || zuralès ə trùš le l’às.*
‘Хорошенько Машё её [палатку] натянул, сильно пить захотел.’

В обычном регистре было бы *anzarďà-la* ‘натянул её’, *l’à-le* букв. ‘[жажда] взяла его’.

(б) полупрямое дополнение

В смысле замены мало чем отличается от прямого дополнения (но см. 4.12.3.1а):

(7) а. *Amarò kỳrdo plaćajà dətàt kadalà gaźà.*
‘Наш табор очень понравился этой русской.’
⇒ б. *Amarò kỳrdo plaćajà-la dətàt.*
‘Наш табор ей очень понравился.’

(в) косвенное дополнение

Здесь выступает соответствующее местоимение с падежной клитикой (местоименный повтор невозможен):

(8) а. *Daràs <u>kata-j mamʹořỳ</u>?*
‘Боишься *мамёрры*?’
⇒ б. *Daràs <u>là-tar</u>?*
‘Боишься её?’

Замена притяжательных групп местоимениями описана отдельно (см. 4.2.1.10.1).

Особые случаи представляют предложения с несколькими особыми глаголами, чья модель управления допускает управление как местным, так и дательным падежом (это ярко проявляется при местоименном повторе, см. 4.9.2.1.5.2).

(г) частичное : косвенное дополнение

Замена частичных дополнений затруднительна, однако часть глаголов, управляющих ими, имеет альтернативные модели управления (но не в частичном значении), ср.:

(9) *Thodè-pe te-xàn. Nu sò... jèkh... kodò... khajnʹořỳ koďà kaj sỳ-le cynořỳ. Ćì-ćajľòn <u>là-tar</u>, ćì khànći.*
‘Сели есть. Ну что... одна... это... курочка эта, что есть у них, маленькая. Не наедятся ей, ничего.’

Без замены было бы *ćajľòn khajnì* ‘наедятся курятины’. Без частичного значения имеем тут отложительный падеж (*ćajľòn kata-j khajnì* букв. ‘насытиться от курицы’). Впрочем, как было сказано, местоименная замена возможна только при определённости, так что это уже не совсем частичное дополнение (частичность предполагает неопределённость). Точно так же глаголы *vuśaravèl* ‘покрывать’, *pherəl* ‘наполнять’ могут управлять творительным падежом (ср. *vuśaravèl ìv* ‘покрыть снегом’ : *vuśaravèl plaponò-sa* ‘укрыть одеялом’).

Глагол *khàndel* ‘пахнуть’, судя по всему, не допускает такой альтернативы (*khàndel thùv* ‘пахнет дымом’, но не ***khàndel thuvʹà-sa*).

4.9.2.1.5.1. Замена при наличии более одного дополнения

При наличии одновременно двух прямых дополнений (видимо, только у глагола *syťarəl* ‘учить’, см. 4.5.7.3.2) только одно (одушевлённое) заменяется клитикой:

(1) а. *Syťàr <u>muřə śavès</u> <u>ə řomajì śìb</u>.*
‘Научи моего сына цыганскому языку.’
⇒ б. ** *Syťàr-<u>le</u>-<u>la</u>.* **-la-le
букв. ‘Научи его его.’
⇒ в. *Syťàr-<u>le</u> ə řomajì śìb.*
‘Научи его цыганскому языку.’
⇒ г. ** *Syťàr-la muřə śavès.*
букв. ‘Научи его моего сына.’

При наличии одновременно прямого и полупрямого дополнений (только у глагола *dèl* ‘дать’) заменяться могут оба, но не одновременно:

(2) а. *Ə Gùta ďà pès-kə śavès myřỳ stadì.*
‘Гута дала своему сыну мою шляпу.’
⇒ б. ** *Ə Gùta ďà-<u>le</u>-<u>la</u>.* **-la-le
‘Гута дала ему её.’
⇒ в. *Ə Gùta ďà-<u>le</u> myřỳ stadì.*
‘Гута дала ему мою шляпу.’
⇒ г. *Ə Gùta ďà-<u>la</u> ka pès-ko śàv.*
‘Гута дала её своему сыну.’

Этот пример осложнён тем, что полупрямое дополнение *pès-kə śavès* превращается в косвенное *ka pès-ko śàv* в зависимости от места в предложении (подробнее см. 4.6.4).

4.9.2.1.5.2. Повтор дополнения клитиками

Местоименный повтор дополнения почти всегда возникает при его постановке в начальной или конечной позиции («заход», «выход», см. 4.8.3) в качестве темы (см. ниже о повторе ремы), ср.:

(1) а. *O šùt pènas, nàj o zàrzəro.* (*o šùt* — рема; без повтора)
ʻУ́ксус пили, а не соляную кислоту.ʼ
б. *O šút pènas-le, aj o zàrzəro ćì.* (*o šút* — тема; с повтором)
ʻУксус пи́ли, а соляную кислоту — нет.ʼ

Сильная тема может быть вынесена влево (см. 4.8.7), а слабая отодвинута вправо:

(2) а. *Muřò khə́r bitindèm-le aratì.*
ʻСвой дом я продал вчера.ʼ
б. *Bitindèm-le aratì, muřò̰ khə̀r.*
ʻЯ продал его вчера, свой дом-то.ʼ

Кроме того, местоименный повтор возможен (необходим?) при дополнении — личном местоимении в роли ремы, стоящем сразу после глагола. Тогда происходит нечто вроде удвоения местоимения (*-tu tùt*, *-ma màn*, *-la là*, *-tume tumè* и т. д.):

(3) *Lèl aj phenèl lès-kə kodò zmə̀vo dò šərə̀n-ca: tù mudarďàn i myřə̀ śejàn, mudarďàn i myřà gaźà, mudarďə̀n, aj akanà mè mudaràv-tu tùt.*
ʻБерёт и говорит ему этот змей с двумя головами: «Ты убил и моих дочерей, убил и мою жену, убил; а теперь я убью тебя».ʼ

Ещё примеры повторяемых ударных личных местоимений:

(4) *Màn źanés-ma?* (тема)
ʻА меня знаешь?ʼ
(5) *Lá źanàv-la.* (тема)
ʻЕё-то я знаю.ʼ
(6) *Źanàv-la là.* (рема?)
ʻЗнаю [именно] её.ʼ
(7) *Dikhə̀l o rašàj pe lèn-de: Katàr te-làv tumèn-gə kadalèn-dar gràst te-nigərə̀n-tume tumèn?* (?)
ʻСмотрит поп на них: «Откуда мне взять вам таких коней, чтоб отвезли вас?»ʼ

Так же — с полупрямым дополнением:

(8) *Sò trubùl-tu tùt?* (тема)
ʻА тебе что надо?ʼ

Как видно, в одних случаях ударное местоимение стоит перед глаголом, а в других — после глагола с клитикой. В первых случаях можно употребить любой из вариантов соответствующей клитики (при наличии вариантов, а именно: *-man* ~ *-ma* ʻменя’; *-les* ~ *-le* ʻего’; *-len* ~ *-le* ʻих’), ср.:

(9) *Lés źanès-le.* ~ *-les*
ʻЕго-то ты знаешь.ʼ

Во вторых случаях, если ударное местоимение идёт сразу после глагола (т. е. после клитики; кажется, иначе не бывает), то клитика чаще бывает без согласного:

(10) *Kòn trubùl-le lès?* ~ *-les lès* (реже)
‘Кто нужен ему-то?’
(11) *Kòn źanel-ma màn?* ~ ʔ*-man màn* (очень редко)
‘Кто знает меня-то?’

При левом выносе бывает, что местоимение-клитика в порядке местоименного повтора стоит не в том падеже, что повторяемое. Так, вынесенное одушевлённое дополнение часто стоит в именительном падеже, т. е. в прямой форме (но может стоять и в ожидаемом, например, винительном):

(12) *O Bàkro, źanés-les?* ~ *le Bakròs*
‘Бакро знаешь?’
(13) *O baló, śinďà-les o Bàkro.* ~ *le balès*
‘Свинью зарезал Бакро.’

Эти дополнения могут быть ремами, тогда не будет повтора, но будет ожидаемый падеж (и тогда это не вынос):

(14) *Le Bakrós źanès?*
‘Ты [именно] Бакро знаешь?’.
(15) *Koćé la babà Ľubà dikhlèm.*
‘Там я бабу Любу видел.’

В слабой теме справа именительный падеж вместо других невозможен:

(16) а. *O Bàkro śinďà le balès.*
‘Бакро зарезал свинью.’
⇒ б. ** *O Bàkro śinďà-les, o baló.*
⇒ в. *O Bàkro śinďà-les, le balès.*
‘Бакро зарезал её, свинью.’

Единственные в своём роде случаи представляют предложения с несколькими глаголами, имеющими нетривиальные модели управления: *dèl* ‘давать’, *arəsàl* ‘хватать’ (‘быть достаточным’), *sỳ* ‘быть’ (‘принадлежать’, в т. ч. в отрицательной форме: *nàj* ‘нет’) — они допускают управление как местным, так и дательным падежом косвенного дополнения в зависимости от разных факторов. В каждом случае имеются свои особенности (см. 4.6.1.1, 4.6.4), но здесь отметим, что при местоименном повторе повторяемое может стоять в местном (вторично-косвенном) падеже, а клитика — в дательном (т. е. в первично-косвенном, в косвенной форме):

(17) а. *Ka-j Gúta sàs-la bùt lovè.*
‘У Гуты было много денег.’
⇒ б. *Là-te sàs-la bùt lovè.*
‘У неё было много денег.’
(18) *Màn-de sỳ-ma trìn phràl.*
‘У меня три брата.’
(19) 👂 *Pala tumèn-de màn-de gràs nàj-ma.*
‘Для вас у меня коней нет.’

Это явление можно было бы назвать «нейтрализацией падежей», имея в виду, что местоимения-клитики (обычно заменяющие только винительный и дательный падежи) здесь представляют местный падеж, но на самом деле все упомянутые необычные глаголы имеют колебания в своих моделях управления, так что можно, пожалуй, считать, что при местоименном повторе управление как бы расщепляется и клитика относится к варианту с дательным падежом.

⏳ Возможно, именно местный падеж в своё время отличался от остальных какой-то факультативностью в том смысле, что послелог (теперь энклитика) **-te* употреблялся необязательно, в т. ч. в местоимениях (кстати, подобную факультативность наблюдаем в генетически тождественном предложном падеже, ср. *pe là-te ~ pe là* ‘на неё’, см. 4.2.2.2). В современном языке в некоторых случаях возможно употребление дательного (т. е. без *-te*) и в назывных существительных группах, поэтому синхронно лучше это приписывать множественным возможностям в управлении.

4.9.2.2. Местоимение на месте фразы

Фразовые подлежащие и дополнения чаще всего заменяются местоимениями *kadò*, *kodò* ‘(э)то’:

(1) а. *Muřò dàd dikhl’à kə matè sam.*
‘Мой отец видел, что мы пьяны.’
⇒ б. *Muřò dàd dikhl’à kodò.*
‘Мой отец видел это.’
(2) *Marən-pe le řòm oćè. Ćì-plaćàl-ma kadò.*
‘Дерутся цыгане там. Не нравится мне это.’

Часто местоимение *kadò* выступает с уточнением в виде придаточного предложения:

(3) 👂 *Màrkulo, sò j kadò kaj kərd’àn? Mudard’àn myřə źuklès!*
букв. ‘Маркуло, что это, что ты сделал? Убил моего пса!’

Реже замена местоимением *kad’à* ‘так’ — при глаголах речи и т. п.: *phenèl* ‘сказать’, *puśèl* ‘спросить’, *śinavèl* ‘судить; обещать’, *mekàl ~ mukàl* ‘предписать, завещать’ и др., впечатления: *m’àl* ‘казаться’, *dìćol* ‘выглядеть’, а также некоторых других: *kàrd’ol* ‘происходить’ (об общем положении дел и т. п.), *trubùl* ‘надо’:

(4) 👂 *Sòh-kə izdivujìh-tu màn-dar?* [...] — *Kad’à śinad’à o dèl, kad’à mukl’à màn-gə o dèl.*
‘Зачем ты издеваешься надо мной? [...] — Так судил бог, так велел мне бог.’
(5) *M’àl màn-gə kə avèl bryšỳnd. — Màn-gə ćì-m’àl kad’à.*
‘Мне кажется, что будет дождь. — Мне так не кажется.’

Местоимение *kad’à* может выступать в предложениях типа (оценка истинности):

(6) *Náj kad’á?*
‘[Это] не так?’
(7) *Kad’à sy.*
‘[Это] так.’

Можно считать, что здесь заменяются подлежащие — изъяснительные предложения на *kə...* ‘что...’ + некоторое положение вещей.

Песенные примеры с неожиданным *kad’à* вместо *kadò*:

(8) ♪ *Pàte tù matò san || kàj màj-dikhl’àn kad’à || te-lèl o phràl la ph’à, brè || vàro la varà, brè?*
‘Ты, что, пьяный, где ты видел такое, чтоб взял брат сестру, *бре*, двоюродный брат двоюродную сестру, *бре*?’ (букв. ‘видел так, чтоб...’)
(9) ♪ *Aj kàj màj-dìćil’a kad’à || aj kàj màj-kàrdil’as kad’à || te-lèl o phràl la ph’à || aj o vàro la varà?*
‘И где видано такое, и где делалось такое, чтоб взял брат сестру, а двоюродный брат двоюродную сестру?’ (букв. ‘виделось так... делалось так, чтоб...’)

Впрочем, здесь есть придаточное *te-lèl...*, для которого *kad’à* может служить соотносительным словом, что, возможно, усложняет картину.

4.9.2.3. Местоимение на месте прилагательной группы

Замену определений-прилагательных качественными указателями *kasavò*, *kasavès-tar*, *kadalès-tar* ʻтакой’ в составе существительной группы (об их употреблении см. 4.2.1.7.2) можно усматривать в примерах типа:

(1) *Sỳ-ma barò khə̀r. — Aj màn-de sỳ-ma (sä) kasavò khə̀r.*
ʻУ меня большой дом. — И у меня есть такой (же) дом.’

Так же прилагательные заменяются и в роли расширения:

(2) *Muřò khə̀r barò lo. — Aj muřò khə̀r (sä) kasavò lo.*
ʻМой дом большой. — И мой дом такой (же).’

Расширения-существительные, судя по всему, не заменяются. В большинстве случаев расширения (как существительные, так и прилагательные) подвергаются эллипсису вместе со сказуемым (см. 4.9.5.1).

4.9.2.4. Местоимение на месте наречной или предложной группы

Собственно замену можно усматривать в употреблении местоимений места (*koćè* ʻтам, туда’) и времени (*atùnći* ʻтогда’) там, где могли бы быть явные выражения, ср.:

(1) *Muřò śàv arakhàdilo ande Řusỳja kana bešàvas koćè.*
ʻМой сын родился в России, когда я жил там.’

(2) *Pa-k bə̀rš avàs tù-te te-tomnìs, kə atùnći avèl barì ti śèj.*
ʻЧерез год мы приедем к тебе свататься, ибо тогда будет большой твоя дочь.’

Чаще, впрочем, *atùnći* обозначает момент после чего-либо ʻтогда, потом’, в чём уже трудно усматривать замену.

4.9.2.5. Местоимение на месте глагольной группы и зависимых членов

Нет специального местоимения для замены глагола. В самом общем случае в несвязочных предложениях заменителем любого сказуемого и зависящих от него членов может выступать выражение *kə̀rə̀l kaďà* ʻсделать так’ или (реже) *kə̀rə̀l kodò* ʻсделать это’, ср.:

(1) *Kàh-kə vòj śùdela pa pès-te, kodò sy là-ko mùrš. Aj vòj kə̀rďà kodò le Ivanuškàh-kə.*
ʻДля кого она разденется, тот её муж. И она сделала это Иванушке.’

Кроме того, глагольную замену можно усматривать в предложениях, выражающих тождество действия относительно какого-то другого предложения. При этом тождественное сказуемое с подчинёнными членами (в т. ч. с дополнением, подлежащим и др.) можно не повторять, а заменить на *kaďà* ʻтак’, ср. диалог:

(2) *Sö ćijilèm! Aj tù? — I mè kaďà.*
ʻКак я устал! А ты? — И я тоже.’ (букв. ʻи я так’)

По-видимому, можно считать, что *kaďà* заменяет сказуемое *ćijilèm* ʻя устал’. При этом, однако, ответ вводится союзом *i* (мы считаем его «парным союзом с неявной левой частью», может быть также *aj-vi*, см. 4.11.3), поэтому собственно заменителем является *i... kaďà*. При более выраженной рематичности перед *kaďà* вставляется частица *sà*, подчёркивающая тождество (см. 4.3.8.1.2а), причём *i ~ aj-vi* тогда факультативно:

(3) *Dətə̀t bokhalò sym, aj tumè? — (I) amè sà kaďà.*
ʻЯ очень голоден, а вы? — И мы тоже.’

Здесь сказуемое (связка *sam*) заменяется вместе с расширением (*dətàt bokhalè* ‘очень голодны’), ср. ещё:

(4) а. *Mè bešàv ande Mòskova, aj tù bešàs ande Mòskova*.
‘Я живу в Москве, и ты живёшь в Москве.’
⇒ б. *Mè bešàv ande Mòskova, aj tù sà kaďà*. (с обстоятельством)
‘Я живу в Москве, и ты тоже.’

(5) а. *Ande Mòskova sy bùt řòm, aj ande Tùla sy bùt řòm*.
‘В Москве много цыган, и в Туле много цыган.’
⇒ б *Ande Mòskova sy bùt řòm, aj ande Tùla sà kaďà*. (с подлежащим)
‘В Москве много цыган, и в Туле тоже.’

Отнесение этого явления к местоименной замене спорно: можно усматривать и эллипсис-пропуск (см. 4.9.5.1), ср. возможное *...sà (kaďà) sy bùt řòm* букв. ‘так же есть много цыган’, где всё сочетание *sà kaďà* сродни частице ‘так же, также, тоже’.

4.9.3. Эллипсис-замена (нулевая замена)

В большинстве случаев опущения существительных групп можно усматривать нулевую замену или «нулевое местоимение», которое взаимозаменимо с личным местоимением с тем же значением, т. е. ссылающимся на то же означаемое. Личные местоимения заменяют только существительные группы, наделённые определённостью, а нуль — также и неопределённые. На месте подлежащего в несвязочном предложении всегда возможен и нуль, но только если это тема, а не рема. В связочном же предложении эллипсис подлежащего возможен только в особых случаях. Дополнения опускаются только в ряде условий.

Замена или эллипсис существительных групп бывают более или менее обязательны. Так, определённая существительная группа часто может быть явно выражена (без замены) только один раз — в левой части (неважно, в главной или придаточной). Из самого факта обязательности замены тривиально следует недопустимость «полного» варианта предложения (без замены), поэтому о замене можно говорить лишь с долей условности.

Для замены неопределённой группы местоимения нет. Тогда единственный способ избежания повтора — эллипсис (это можно считать эллипсисом-пропуском):

(1) *Màn-de sỳ-ma lovè, aj tù-te nàj(-tu)* $_{\triangle}$.
‘У меня есть деньги, а у тебя нет.’

Здесь нет никакого иного способа, кроме нуля, реализовать анафору на неопределённое. За пределами конструкции обладания такие примеры подобрать трудно, в т. ч. благодаря возможности опущения глагола вместе с другими членами (см. 4.9.5.1).

В прочих случаях нуль выступает как слаботематический (безударный) вариант личного местоимения и может с ним чередоваться или находится в более или менее свободном распределении (см. 4.9.4).

4.9.3.1. Нуль на месте существительной группы

Все случаи опуска существительной группы так или иначе можно трактовать как неупотребление местоимения. Вне синтаксического контекста имеет смысл рассматривать только нулевую замену подлежащего, т. к. она возможна и без явного прототипа в предыдущих речевых отрезках. Ударные личные местоимения в роли подлежащего чаще всего употребляются при выделении, в прочих случаях их может не быть.

Если при опущении подлежащего 3-го лица (‘он’ и т. д.) можно говорить об утрате информативности — опускается значимая (хотя обычно известная) морфологическая инфор-

мация: род подлежащего, — то при 1-м и 2-м лицах вся информация содержится в форме глагола (значит, это грамматический эллипсис, см. 4.9.1):

(1) *Ź̀àv̲ khərə̀.* (опущено *mè* ‘я’)
‘Иду домой.’
(2) *Sò dinès̲?* (опущено *tù* ‘ты’)
‘Что читаешь?’

Правда, некоторые формы глагола двусмысленны благодаря внутрипарадигматической омонимии: в одних случаях — для всех (3) или почти всех (4) глаголов, в других — для глаголов некоторых типов (5):

(3) *Sò dinď̀àn̲?* (опущено *tù* ‘ты’ или *tumè* ‘вы’)
‘Что ты прочёл / вы прочли?’
(4) *Kàj naš̲ə̀n̲?* (опущено *tumè* ‘вы’ или *vòn* ‘они’)
‘Куда бежите / бегут?’
(5) *Ź̀às̲ khərə̀.* (опущено *tù* ‘ты’ или *amè* ‘мы’)
‘Идёшь / идём домой.’

С синтаксической точки зрения всё это примеры эллипсиса. Однако предложение с явным местоимением и без него не вполне равнозначны, поэтому вряд ли здесь можно говорить об эллипсисе в чистом виде, поскольку явные личные местоимения чаще всего применяются для выделения, в т. ч. как выделенная тема или рема.

От таких случаев следует отличать нулевое подлежащее в зависимых оборотах, безличных предложениях, а также отсутствие явного подлежащего в неопределенно-личных и (факультативно) в побудительных предложениях (см. 4.3.2.1).

Естественно, нулевая замена подлежащего невозможна при пропуске сказуемого:

(6) 👂 *V̀òj̲ sò?* (опущено *kərď̀à* ‘сделала’)
‘Она что?’

Нулевая замена дополнения не может быть грамматической; в простых предложениях она невозможна, поэтому для её описания требуется разбор контекста (см. 4.9.4). Необходимо отличать нуль на месте дополнения от ложнопереходного употребления глаголов (см. 4.5.3.2).

4.9.3.2. Нуль на месте указательного местоимения

В предложениях с подлежащим ‘это’ оно очень часто опускается — это можно считать ситуативным эллипсисом:

(1) а. *Barì dèla sy.* (опущено *kadò* ‘это’)
‘Это серьёзно.’ (букв. ‘[это] большое дело’)
б. *Nàj barì dèla.*
‘Ничего страшного.’ (букв. ‘[это] не большое дело’)

Такой эллипсис типичен в предложениях с нетривиальным согласованием:

(2) *Kòn sy? — Muřò phràl sy.*
‘Кто это? — Это мой брат.’
(3) *Tú san? — Mè sym.*
‘Это ты? — ‘Это я.’

Здесь явное или опущенное *kadò* — очень необычное подлежащее (если вообще подлежащее), т. к. глагол согласуется не с ним, а с расширением, например *mè* ‘я’ в (5) (см. 4.4.1.2).

4.9.4. Контексты местоименной и нулевой замены

Интуитивно понятно, что меньшая явность выражения какого-либо означаемого связана с его меньшим информационным весом (см. 4.8.2). Например, если информация нова, её необходимо выдать полностью (рема). Если она только что введена, о ней надо напомнить (в т. ч. намёком) и ввести в поле зрения (сильная тема). Если она уже введена и ожидается, её можно при желании и опустить (слабая тема). Упрощённо это можно изобразить примером из трёх последовательных простых предложений:

(1) а. *Avilò-tar ćè-to gaźò. Kodò gaźó ďà-ma lovè. Akaná bešàl o gaźò phandadò.*
‘Пришёл какой-то мужик. Этот мужик дал мне денег. Теперь сидит мужик.’
б. *Avilò-tar ćè-to gaźò. Vò ďà-ma lovè. Akanà bešàl phandadò.*
‘Пришёл какой-то мужик. Он дал мне денег. Теперь сидит.’

Ремой первого из трёх предложений в примере (1)а в рассказ вносится новое означаемое: *ćè-to gaźò* ‘какой-то мужик’. Во втором из этих предложений это уже сильная тема: *kodò gaźò* ‘этот мужик’. В третьем она воспринимается как тривиальная информация и понижается до слабой темы: *o gaźò* ‘мужик’. Эти различия сказываются на порядке слов и интонации (см. 4.8.3). Здесь нам важно, что они (в сочетании с определённостью-неопределённостью) формально проявляются в возможностях замены (местоименной и нулевой), как это показано в примере (1)б. В сильно идеализированном виде распределение таково:

заменяемое:	рема		сильная тема		слабая тема	
заменитель:	опр.	неопр.	опр.	неопр.	опр.	неопр.
⇒ местоимение	+	–	+	–	+	–
⇒ нуль	–	–	–	–	+	+

Как видно, местоимение заменяет только определённые ремы и темы, а нуль — только слабую тему (независимо от определённости). Выбор между местоименной и нулевой заменой наиболее свободен для определённых слабых тем.

Нужный для замены контекст возникает в двух разных следующих друг за другом (в т. ч. несмежных) предложениях, в сложносочинённом предложении (тогда замена более или менее факультативна), а также в пределах одного простого предложения и в сложноподчинённом предложении (тогда замена может быть в большей степени обязательна).

4.9.4.1. Замена в последовательных предложениях

Провести границу между предложениями часто непросто (см. 4.11.1). Если в одном предложении уже введена тема, то в последующих предложениях её можно заменять местоимением или нулём. В простейшем случае действует принцип двухшагового ослабления информационного веса: рема ⇒ сильная тема ⇒ слабая тема (см. 4.9.4). В конце концов (в повествовании) устанавливается набор тем, которые все являются в той или иной степени слабыми. Между ними рассказчик переключается, поочерёдно вводя их в поле зрения. При переключении они могут называться назывной группой (обычно в «мосте»), а затем факультативно заменяться, ср. типичный отрывок:

(1) *Aj arəslì ə raklì*; *tyřysàjli, tyřysàjli*; *laźàv là-kə*; *nandì la.*
‘И добралась девушка, поползала, поползала, стыдно ей, голая она.’

Здесь вводимая в поле зрения слабая тема *ə raklì* ‘девушка’ в следующем предложении заменяется нулём (∅ *tyřysàjli* ‘ползала’), затем косвенным личным местоимением (*là-kə* ‘ей’) и подлежащной клитикой (*la* ‘она [есть]’; подлежащную клитику нельзя опустить).

Такие случаи, когда прототип и заменитель находятся в разных предложениях (в примере мы условно разделили их символом «;»), трудно формализовать, тем более что замена всегда более или менее факультативна.

Очень редко нулём заменяются прямые дополнения (в порядке контекстной замены это бывает, по большому счёту, только в сложносочинённых предложениях, см. 4.9.4.2). Вне сочинения наиболее типичный контекст — повелительные предложения:

(2) 👂 *Òj manùš, àle tù-kə kakò manřò barò! Lè △ iv'à, amèn ćì-trubùl-ame khànći.*
ʻОй человек, на́ тебе вот этот хлеб большой! Бери бесплатно, нам ничего не нужно.ʼ

Это объясняется тем, что в таких высказываниях важную роль играет внеязыковая ситуация (в данном случае человек протягивает собеседнику означаемое — хлеб), поэтому это не контекстная замена, а скорее ситуативная, ср. *nà-xa!* ʻне ешь [что-то видимое]ʼ.

4.9.4.2. Замена в сложносочинённом предложении

Если прототип (в левом предложении) и заменитель (в правом) выступают в одной и той же синтаксической функции и форме, то в части условий возможна как местоименная, так и нулевая замена. Рассмотрим заменители по членам предложения:

(а) заменитель — подлежащее

В этом случае нулевая замена всегда может быть грамматическим эллипсисом, т. к. лицо и число (частично или полностью) явствуют из глагола (см. 4.9.3.1), однако она не всегда в полной мере допустима.

Когда и прототип, и заменитель — подлежащие, то часто это вырожденный случай, ибо тогда можно говорить о сочинении сказуемых в простом предложении, а не о сложносочинённом предложении: *o řòm bešàl aj xàl...* ʻцыган сидит и ест...ʼ (об этом см. 4.9.5). Впрочем, сочинение предложений всё-таки имеет место, если левое предложение — особая конструкция, чьё сказуемое обычно не сочиняется (например, *sỳ-ma...* ʻу меня есть...ʼ).

Рассмотрим более типичные случаи: кода прототип — не подлежащее. В них можно обойтись без замены или же заменить подлежащее правого предложения местоимением или нулём. Если прототип — рема левого предложения, то она скорее всего станет сильной темой правого предложения, т. е. легко может быть заменена местоимением. Её обычно трудно «сразу» превратить в слабую тему, так что нулевая замена затруднительна:

(1) а. *Ə raklì marďà le źuklès aj vò mulò.* (замена на *vò*)
б. ? *Ə raklì marďà le źuklès aj mulò.* (замена на ∅)
ʻДевушка побила пса, и он умер.ʼ
⇐ в. *Ə raklì marďà le źuklès aj o źukəl mulò.* (без замены)
ʻДевушка побила пса, и пёс умер.ʼ

Заметим в скобках, что в подобных ситуациях нулевая замена может привести к двусмысленности (например, если в примере (1) заменить *ə raklì* ʻдевушкаʼ на *o raklò* ʻпарень', глагол *mulò* будет понят как относящийся к ʻпарню').

Если ли же прототип — тема, то нулевая замена более вероятна:

(2) а. *Le źuklés mardè-les zuralès aj vò mulò.* (замена на *vò*)
б. *Le źuklés mardè-les zuralès aj mulò.* (замена на ∅)
ʻПса побили сильно, и он умер.ʼ
⇐ в. *Le źuklés mardè-les zuralès aj o źukəl mulò.* (без замены)
ʻПса побили сильно, и пёс умер.ʼ

В примере (1)в — при отсутствии замены — в правом предложении вероятна слабая тема (в «мосте» или «выходе»): *...aj mulò o źukə̀l* ʻ...и умер пёсʼ.

(б) заменитель — дополнение и др.

Здесь следует рассмотреть два крайних типа случаев. В первом из них сказуемые левого и правого предложения выражены разными глаголами. Тогда в общем случае возможна (и желательна) местоименная замена, а нулевая невозможна:

(3) а. *Andèm muřə̀ źuklès aj sàvořə pravarən-les.* (замена на *-les*)
ʻЯ привёл своего пса, и все его кормят.ʼ
б. ** *Andèm muřə̀ źuklès aj sàvořə pravarən.* (замена на ∅)
букв. ʻЯ привёл своего пса, и все кормят.ʼ
⇐ в. ?* *Andèm muřə̀ źuklès aj sàvořə pravarən muřə̀ źuklės.* (без замены)
ʻЯ привёл своего пса, и все кормят моего пса.ʼ

Это относится не только к прямым дополнениям, ср. *...aj sàvořə hamìn-pe lès-te* ʻи все пристают к немуʼ (нулевая замена невозможна или маловероятна).

Во втором случае сказуемые обеих частей выражены одним и тем же глаголом; обычно части находятся в отношении контраста. Тогда возможна и нулевая замена:

(4) а. *Vò pravaràl muřə̀ źuklès aj-vi vòn pravarən-les.* (замена на *-les*)
б. *Vò pravaràl muřə̀ źuklès aj-vi vòn pravarən.* (замена на ∅)
ʻОн кормит моего пса, и они кормят (его).ʼ
⇐ в. ?* *Vò pravaràl muřə̀ źuklès aj-vi vòn pravarən muřə̀ źuklės.* (без замены)
букв. ʻОн кормит моего пса, и они кормят моего пса.ʼ

(5) а. *Vò pravaràl muřə̀ źuklès aj vòn ćì-pravarən-les.* (замена на *-les*)
б. *Vò pravaràl muřə̀ źuklès aj vòn ćì-pravarən.* (замена на ∅)
ʻОн кормит моего пса, а они не кормят (его).ʼ
⇐ в. ?* *Vò pravaràl muřə̀ źuklès aj vòn ćì-pravarən muřə̀ źuklės.* (без замены)
букв. ʻОн кормит моего пса, а они не кормят моего пса.ʼ

Впрочем, здесь гораздо типичнее замена сказуемого вместе с дополнением (если нет отрицания, см. 4.9.2.5) или эллипсис-пропуск всего, кроме отрицания (см. 4.9.5.4).

Рассмотренные крайности не отражают всего диапазона вариантов, связанных со многими сложными синтаксическими и прагматическими факторами, в которые мы не можем здесь вдаваться.

Особый случай — повтор сказуемого (см. 4.8.8); при повторе сказуемого часто опускается прямое дополнение:

(6) 👂 *Aj jèkh garaďà-le tala-j śìb, o karfìn, garaďà tala-j śìb, kàs te-nà-marən and-o ilò le devlèh-ko.*
ʻА один спрятал под язык, гвоздь-то, спрятал под язык, чтобы не вбили в сердце господне.ʼ

Однако повтор часто бывает и с местоимением, здесь *garaďà-les* ʻспрятал его.ʼ

Сказанное о дополнениях относится и к существительным группам, например, в составе предложных групп в роли обстоятельств и т. д., ср.:

(7) а. *O Bàkro bešə̀l katkà aj mè źàv lès-te.* (замена на *lès-*)
ʻБакро живёт тут, и я иду к нему.ʼ
⇐ б. ? *O Bàkro bešə̀l katkà aj mè źàv ka Bàkro.* (без замены)
ʻБакро живёт тут, и я иду к Бакро.ʼ

4.9.4.3. Замена в пределах простого предложения

Если прототип и заменитель находятся в одном простом предложении, то местоименной замене могут подвергаться все существительные (и притяжательные) группы (здесь не разбираем случаи, когда они опускаются грамматически или ситуативно, см. 4.9.3.1):

(а) заменитель — подлежащее

Заменить подлежащее можно в некоторых ситуациях так же, как в сложноподчинённом предложении (см. 4.9.4.2а):

(1) а. *Pala muřò divanò le barò-sa vò gəlò-tar.* (замена на *vò*)
б. ? *Pala muřò divanò le barò-sa gəlò-tar.* (замена на ∅)
‘После моего разговора с бароном он ушёл.’
⇐ в. *Pala muřò divanò le barò-sa o barò gəlò-tar.* (без замены)
‘После моего разговора с бароном барон ушёл.’

(б) заменитель — дополнение и др.

Нулевая замена невозможна, кроме случаев сочинения сказуемых (см. ниже). Если прототип — подлежащее, то в 3-м лице выступает возвратное местоимение (часто с усилительным *kòrkořo* ‘сам’), замена обязательна:

(2) а. *O řòm ľà pès (kòrkořo) and-o patrèto.* (замена на *pès*)
‘Цыган сфотографировал (сам) себя.’
⇐ б. ** *O řòm ľà le řomès (kòrkořo) and-o patrèto.* (без замены)
букв. ‘Цыган сфотографировал (сам) цыгана.’
(3) а. *O řòm divinìl (kòrkořo) pè-sa.* (замена на *pès-*)
‘Цыган говорит (сам) с собой.’
⇐ б. ** *O řòm divinìl (kòrkořo) le řomè-sa.* (без замены)
букв. ‘Цыган говорит (сам) с цыганом.’

В других лицах возвратного местоимения нет, ср. *màn-ca* букв. ‘со мной’, *tumèn-ca* букв. ‘с вами’ и т. п.

Если прототип — не подлежащее, замена менее обязательна:

(4) а. *Xàv-ma muřə̀ vərò-sa paša lès-ko khə̀r.* (замена на *lès-*)
‘Я ссорюсь со своим кузеном около его дома.’
⇐ б. ? *Xàv-ma muřə̀ vərò-sa paša muřə̀ vəròs-ko khə̀r.* (без замены)
‘Я ссорюсь со своим кузеном около дома своего кузена.’
(5) а. *O Jòno divinìl le Gogò-sa pa lès-te.* (замена на *lès-*)
‘Ёно говорит с Гого о нём.’
⇐ б. ? *O Jòno divinìl le Gogò-sa pa Gògo.* (без замены)
‘Ёно говорит с Гого о Гого.’

Особый случай — сочинение сказуемых. Если оба глагола имеют одинаковое управление, семантически параллельны или, наоборот, контрастны, то иногда возможна нулевая замена (ср. подобное при сочинении предложений, см. 4.9.3.1б):

(6) а. *Mè tinàv le matòri aj bitinàv-le.* (замена на *-le*)
б. *Mè tinàv le matòri aj bitinàv.* (замена на ∅)
‘Я покупаю машины и продаю (их).’
⇐ в. ** *Mè tinàv le matòri aj bitinàv le matòri.* (без замены)
букв. ‘Я покупаю машины и продаю машины.’

4.9.4.4. Замена в сложноподчинённом предложении

При сочинении всё левое предложение, как правило, в каком-то смысле является темой для правого, так что даже если прототипом замены является рема левого предложения, то это «рема в теме», в связи с чем правее она обычно легко может стать слабой темой. Поэтому при сочинении, видимо, всегда возможна и местоименная, и нулевая замена. Однако это относится только к подлежащим. Дополнения же при подчинении заменяются только местоимениями, но не нулём:

(а) заменитель — подлежащее

Замена в правой части (независимо от порядка главного и подчинённого предложения) при наличии прототипа практически обязательна. Без неё сложносочинённые предложения неестественны. Как и в остальных случаях, замена слева невозможна.

Как и при сочинении предложений, при подчинении существительная группа может выступать в роли одинаковых или разных членов предложения в левой и правой частях, ср. подлежащее : подлежащее:

(1) а. *Te-avilinò ťo dàd kaćè, vò nàs-kə-kərèl kaďà.* (замена на *vò*)
б. *Te-avilinò ťo dàd kaćè, nàs-kə-kərèl kaďà.* (замена на ∅)
‘Будь твой отец здесь, он бы так не сделал.’
⇐ в. ?* *Te-avilinò ťo dàd kaćè, ťo dàd nàs-kə-kərèl kaďà.* (без замены)
букв. ‘Будь твой отец здесь, твой отец бы так не сделал.’

То же возможно в обратном порядке: *ťo dàd nàs-kə... te-avilinò (vò)...* ‘твой отец не... будь он здесь’.

Прямое дополнение : подлежащее:

(2) а. *Kana dikhlèm ťa dà, vòj nasvalì sas.* (замена на *vòj*)
б. *Kana dikhlèm ťa dà, nasvalì sas.* (замена на ∅)
‘Когда я видел твою мать, она была больна.’
⇐ в. ?* *Kana dikhlèm ťa dà, ti dèj nasvalì sas.* (без замены)
букв. ‘Когда я видел твою мать, твоя мать была больна.’

Предложное дополнение (точнее — его зависящая от предлога часть) : подлежащее:

(3) а. *Phendèm pa te phràl kə vòn kàrdile maťarnè.* (замена на *vòn*)
б. *Phendèm pa te phràl kə kàrdile maťarnè.* (замена на ∅)
‘Я сказал о твоих братьях, что они стали пьяницами.’
⇐ в. ?* *Phendèm pa te phràl kə te phràl kàrdile maťarnè.* (без замены)
букв. ‘Я сказал о твоих братьях, что твои братья стали пьяницами.’

Возможны и все остальные конфигурации подлежащего справа и любых членов слева.

(б) заменитель — дополнение

Покажем невозможность нулевой замены дополнения:

(4) а. *Kana avilè le gaźè, našaďàm-le.* (замена на *-le*)
б. ** *Kana avilè le gaźè, našaďàm.* (замена на ∅ — нельзя)
‘Когда пришли русские, мы их прогнали.’
⇐ в. ?* *Kana avilè le gaźè, našaďàm le gaźèn.* (без замены)
букв. ‘Когда пришли русские, мы прогнали русских.’

Этот запрет нетривиально связан с запретом эллипсиса-пропуска сказуемого с дополнением в этих же условиях (4.9.5.1).

4.9.5. Эллипсис-пропуск

Эллипсисом-пропуском назовём случаи опущения фрагментов текста, точнее — замещения их нулём, когда на эту роль не годятся никакие местоимения (где в т. ч. не вообразить нулевой замены). Для эллипсиса-пропуска неважна определённость, как и формальная возможность местоименной замены. Пропускаться может не только член предложения как таковой, но и член с подчинёнными членами, а также иногда фрагменты членов.

Сразу надо оговорить, что из проблематики эллипсиса мы исключаем случаи сочинения сказуемых, т. е. мы не видим, например, в следующем предложении повода для поиска эллипсиса:

(1) *Muřò phràl avilò aj cypisarďà pe amèn-de.*
ʻМой брат пришёл и накричал на нас.ʼ

🛠 Проблема состоит в том, что при наличии двух сказуемых на одном иерархическом уровне в воображаемом синтаксическом древе возникает соблазн объявить каждое из них ядром своего предложения, ибо сказуемое — ядро предложения (по определению). Тогда можно постулировать мнимые сложносочинённые предложения типа ***Мой брат пришёл, и мой брат накричал на нас* (каковые очевидно невозможны — по крайней мере в кэлдэрарском) с последующим эллипсисом подлежащего во второй части. Ввиду явной несостоятельности таких построений, мы принимаем идею о сочинении сказуемых при одном подлежащем (для чего требуются нетривиальные решения при рисовании древа).

Случаи «истинного» эллипсиса-пропуска, когда никакое местоимение не подставляется, разберём по отдельности.

4.9.5.1. Эллипсис глагольной группы и зависимых членов

Охотно опускается сказуемое, причём обычно вместе с его зависимыми членами (если есть). Пример опущения только глагола — при сочинении:

(1) а. *O Jànoš <u>avilò</u> aratì, aj ə Phabàj <u>avilì</u> ovèr-iś.*
ʻЯнош приехал вчера, а Пхабай приехала позавчера.ʼ
⇒ б. *O Jànoš <u>avilò</u> aratì, aj ə Phabàj* △ *ovèr-iś.*
ʻЯнош приехал вчера, а Пхабай — позавчера.ʼ

При подчинении — только в сравнительной конструкции:

(2) а. *O Jòno <u>tinďà</u> màj-bùt phabà, sar mè <u>tindèm</u> ambròl.*
ʻЁно купил больше яблок, чем я купил груш.ʼ
⇒ б. *O Jòno <u>tinďà</u> màj-bùt phabà, sar mè* △ *ambròl.*
ʻЁно купил больше яблок, чем я груш.ʼ

Но не при прочих типах подчинения:

(3) а. *O Jòno <u>tinďà</u> khər, kana mè <u>tindèm</u> matòra.*
ʻЁно купил дом, когда я купил машину.ʼ
⇒ б. ** *O Jòno <u>tinďà</u> khər, kana mè* △ *matòra.*
букв. ʻЁно купил дом, когда я машину.ʼ

Сказуемое может опускаться вместе с дополнениями, расширением или обстоятельством. При этом должен остаться хотя бы один член — обычно он по смыслу противопоставлен чему-то в первой части:

(4) *Mè <u>dèm</u> <u>la kətanà</u> ək-šəlà-ti, aj tù* △ *panźè-šəlèn-go.*
ʻЯ дал милиционеру сотню, а ты пятисотку.ʼ
(5) *Muřə phralès <u>dukhàl</u> <u>zuralès</u> o šərò, aj màn* △ *o dì.*
ʻУ моего брата сильно болит голова, а у меня — живот.ʼ

(6) *Vò <u>avèl</u> <u>vàro</u> màn-gə, aj mè* △ *tù-kə.*
‘Он приходится кузеном мне, а я тебе.’

Часто приемлемость эллипсиса зависит от сложных, в т. ч. прагматических, факторов.

4.9.5.2. Эллипсис фразы

Это касается именных зависимых фраз, когда отрезок можно восстановить из другой части предложения, в т. ч. при формальном несовпадении (время, наклонение, союз).

Эллипсис зависимого оборота:

(1) а. *Te-kamèsa* △*, àv màn-de tehàra.* (пропущено: *te-avès màn-de tehàra*)
‘Если захочешь, приходи ко мне завтра.’
б. *Àv màn-de tehàra, te-kamèsa* △.
‘Приходи ко мне завтра, если захочешь.’

Эллипсис придаточного предложения в зависимом наклонении:

(2) а. *Te-kamèsa* △*, avàv tù-te tehàra.* (пропущено: *te-avàv tù-te tehàra*)
‘Если захочешь, я приду к тебе завтра.’
б. *Avàv tù-te tehàra, te-kamèsa* △.
‘Я приду к тебе завтра, если захочешь.’

Эллипсис изъяснительного придаточного предложения:

(3) а. *Kana avèsa maškar ə bàr, phèn màn-gə* △. (пропущено: *kə maškar ə bàr san*)
‘Когда будешь в таборе, скажи мне.’
б. *Phèn màn-gə* △*, kana avèsa maškar ə bàr.*
‘Скажи мне, когда будешь в таборе.’

Как видно, эллипсис-пропуск фразы бывает не только анафорическим, но и катафорическим, в отличие от прочих видов замены и пропуска.

4.9.5.3. Эллипсис ядра существительной группы

Согласуемые определения и определители, стоящие левее ядра, выступают в зависимом состоянии (неполное согласование), а правее ядра — в независимом (полное согласование, о чём см. 4.2.1.5). При эллипсисе ядра самое правое из оставшихся согласуемых определений-прилагательных или определителей принимает независимую форму:

(1) а. *Tù bešàs barvalè manušàn-ca, aj mè bešàv ćořə manušàn-ca.*
‘Ты живёшь с богатыми людьми, а я живу с бедными людьми.’
⇒ б. *Tù bešàs barvalè manušàn-ca, aj mè bešàv <u>ćořàn-ca</u>.*
‘Ты живёшь с богатыми людьми, а я живу с бедными.’

Неясно, где именно имеет место эллипсис (*bešàv* △ *ćořàn-ca* или *bešàv ćořàn-ca* △). Как бы то ни было, можно считать, что опущенное ядро оставляет след (ср. *ćořə* левее ядра и *ćořàn-ca* без ядра), поэтому это «эллипсис с остатком». Оставшееся определение выглядит как субстантивированное прилагательное, в связи с чем можно сказать, что опущенное ядро как бы в него врастает.

Можно было бы считать, что остаётся правое определение, т. к. оно и при явном ядре стоит в независимом состоянии (ср. *manušàn-ca ćořàn-ca*), однако этому противоречит то, что числительные не могут стоять справа и в независимом состоянии при явном ядре:

(2) *Avilèm trinè źuklèn-ca. — Aj mè <u>dòn-ca</u>.* ***źuklèn-ca dòn-ca*
‘Я пришёл с тремя собаками. — А я с двумя.’

Эллипсис ядра не отражается на форме несогласованных определений:

(3) *Màn-de sỳ-ma kasavèn-dar.*
‘У меня (есть) такие.’

Независимая форма бывает факультативна в притяжательных группах (см. 4.2.1.5ж).

4.9.5.4. Предложения-фрагменты

В диалогах часто опускается всё предложение, кроме одного «фрагмента». Это бывает в специальных (в т. ч. косвенных) вопросах, состоящих из одного вопросительного слова, а также в ответах на вопросы и прочих репликах при взаимодействии с другим говорящим (поправки, добавления, уточнения и т. п.):

(а) вопрос-фрагмент

В специальных вопросах может быть опущено всё, кроме вопросительного местоимения. Типичный контекст для прямых вопросов — диалог:

(1) *Màj-avàv tumèn-de. — Kàna* $_{\triangle}$*?*
‘Я ещё приду к вам. — Когда?’
(2) *Kòn-to aviľà. — Kòn* $_{\triangle}$*?*
‘Кто-то пришёл. — Кто?’
(3) *Ćì-kamàv te-xàv. — Sòs-tar* $_{\triangle}$*?*
‘Не хочу есть. — Почему?’

То же в косвенных вопросах — при сочинении или соположении предложений:

(4) а. *Màj-avàv tumèn-de, no ćì-źanàv kàna* $_{\triangle}$.
‘Я ещё приду к вам, но не знаю когда.’
б. *Màj-avàv tumèn-de vàrə-kàna. Kána* $_{\triangle}$ *ćì-źanàv.*
‘Я ещё приду к вам когда-нибудь. Когда — не знаю.’

Как видно, во втором предложении задаётся вопрос к члену, не выраженному в первом предложении или же выраженному неопределённым местоимением (здесь *vàrə-kàna* ‘когда-нибудь’). В противном случае такой эллипсис менее допустим:

(5) а. *Kòn-to aviľà, no ćì-źanàv kòn* $_{\triangle}$.
‘Кто-то пришёл, но я не знаю кто.’
б. ?* *Avilò ćè-to řòm, no ćì-źanàv kòn* $_{\triangle}$.
букв. ‘Пришёл какой-то цыган, но я не знаю кто.’

Однако ср. без эллипсиса — с другим глаголом:

(6) *Avilò ćè-to řòm, no ćì-źanàv kòn sy (kadò).*
‘Пришёл какой-то цыган, но я не знаю, кто это.’

В одном типе вопроса (выражающем недоумение) вместо эллипсиса стоит местоимение *kaďà* ‘так’:

(7) *Nàj-ma lovè. — Sàr kaďà?*
‘У меня нет денег. — Как [это] так?’

Фрагментом может быть и общий вопрос, в т. ч. переспрос:

(8) *Avilèm myřà dà-sa. — Ťa dă̋-sa?*
‘Я пришёл с матерью. — С матерью?’

(б) ответ-фрагмент

В ответах на специальные вопросы таким фрагментом может быть целая синтаксическая группа из одного или более слов, ср.:

(9) *Sò anďà ťo phràl aratì? — Dùj tìli màs.*
‘Что принёс твой брат вчера? — Два кило мяса.’

(10) *Kàna aviľàn? — Aratì.*
‘Когда ты приехал? — Вчера.’

(11) *Sòs-tar ćì-gəľàn ka-j làvka? — Kə bryšÿnd dèl.*
‘Почему ты не ходил магазин? — Потому что дождь идёт.’

(12) *Katàr aviľàn? — Anda-j Mòskova.*
‘Откуда ты приехал? — Из Москвы.’

Фрагмент может быть и частью синтаксической группы:

(13) *Sòde khərà sÿ-tume? — Trìn.*
‘Сколько у вас домов? — Три.’

(14) *Savò khàr tinďàn? — O màj-barò.*
‘Какой дом ты купил? — Самый большой.’

В ответах на общие или альтернативные вопросы и повеления этот фрагмент может повторять сказуемое (в нужной форме) из реплики собеседника:

(15) *Tinďàn màs? — Tindèm!*
‘Ты купил мясо? — Купил!’

(16) *Xà màs! — Xàv!*
‘Ешь мясо! — Ем!’

В ответах на общие вопросы, а также в порядке возражения и т. п., употребляются особые слова-высказывания, которые в нормальном случае — при наличии глагола — являются проклитиками:

ćì	‘нет’ — приглагольное отрицание в изъявительном наклонении
te-nà	‘нельзя; пусть не...’ и т. д. — отрицание в зависимом наклонении
sàs-kə	‘да, [сделал] бы’ — условное наклонение (см. также 4.2.6.2.5)
nàs-kə	‘нет, не [сделал] бы’ — отрицание того же
kàm	‘да, наверно’ — предположительная модальность (см. 4.2.6.5.1)
kàm-ćì	‘нет, наверно’ — отрицание того же

Примеры:

(17) *Kamés te-xàs? — Ćì.*
‘Хочешь есть? — Нет.’

(18) *Làv kakò skamìn. — Te-nà!*
‘Возьму этот стул. — Не надо!’

(19) *Sás-kə avès màn-de? — Nàs-kə.* (приемлемо не для всех носителей)
‘Ты бы пришёл ко мне? — Нет.’

(20) *Kàm-dèl bryšÿnd akanà. — Kàm.* (приемлемо не для всех носителей)
‘Сейчас, наверно, пойдёт дождь. — Да, наверно.’

В этих предложениях опущены не только члены предложения, но и узкая глагольная словоформа, так что сказуемое представлено в них лишь своей частью, ср. полную форму: *ćì-kamàv* ‘не хочу’, *te-nà-lès* ‘не бери’ и т. д.

4.10. Отрицание

Отрицание служит для сообщения о том, что что-то отсутствует, не происходит, не должно произойти и т. п. (точное определение дать трудно). Оно может относиться ко всему предложению или к его части. Значение, привносимое отрицанием, находится в одном ряду со значением усилительных частиц, каковые трудно вписать в иерархическую структуру предложения, но при этом обычно понятно, к какому слову они относятся (см. 4.3.8.1.2). Формально отрицание выражается как клитиками, так и самостоятельными словами (в разных контекстах), в т. ч. отрицательными местоимениями. Здесь мы рассмотрим разные типы отрицания исходя именно из формального критерия. Отрицание при сочинении отрицательным союзом (*ćì... ćì* ‘ни... ни’, в т. ч. с неявной левой частью) дано отдельно (см. 4.11.3).

4.10.1. Приглагольное отрицание

Отрицательная форма глагола образуется проклитикой *ćì-* или *nà-*. Выбор проклитики всегда однозначен: он зависит от наклонения и наличия проклитики *te-* и относится исключительно к морфологии (см. 3.11.13.3). Это правило выбора можно толковать так: *cì-* отрицает реальные действия, а *nà-* — воображаемые (при этом сослагательное наклонение без клитики *te-* ‘если’ воспринимается как реальное, например, с союзом *kana* ‘когда’, ср. *kana ćì-paťàsa* ‘когда не поверишь’). Имеется и несколько неправильных отрицательных глагольных форм: *daštìl* ‘мочь’ : *naštìl* ‘не мочь’ (см. 3.11.10); *sỳ* ‘есть’ : *nàj* ‘нет’; *màj-sỳ* ‘ещё есть’: *manàj* ‘больше нет’ (см. 3.11.9).

Приглагольное отрицание, хотя и входит в широкую глагольную словоформу, чаще всего отрицает не только сказуемое, но и всё предложение, так что всё утверждение понимается как отрицательное:

(1) *O Pàvela ćì-kamèl te-dilabàl phurikanè diľà.*
‘Павела не хочет петь старинные песни.’

(2) *Ćì-phenďà là-kə kə lèl-la o ampəràto.*
‘Не сказал он ей, что её берёт [замуж] царь.’

(3) *Nà-divinisàr màn-ca kaďà!*
‘Не говори со мной так!’

В данных примерах никакие фрагменты (разве что само отрицание) не выделяются интонационно, т. е. неясно (и неважно), к какому именно слову или члену относится отрицание. Можно сказать что эти предложения являются отрицанием соответствующих предложений без *ćì-*/*nà-*.

Всё предложение целиком отрицается и при наличии в нём отрицательных местоимений. Они всегда сочетаются с приглагольным отрицанием:

(4) *Kaďà i gəlò-tar o raklò bokhalò, ćì-xaľà khànći, ćì-mudarďà khanikàs.*
‘Так и ушёл парень голодным, ничего не съел, никого не убил.’

(5) *No thò-ma ande xajìng, nàj ćì-jekh dèla barì, mè ankalavàv-la.*
‘Ну, сунь меня в колодец, это ничего сложного, я его вытащу.’ (кольцо)

(6) *Ćì-jekh kỳrdo manàj də barò kaďà.*
‘Ни одного табора больше нет такого большого.’

(7) *Mè ćì-làv màn-gə avèr. Màn ćì-trubùl-man khònik.*
‘Я не возьму себе другую. Мне никто не нужен.’

Однако бывает, что говорящий отрицает не целое предложение, а только его часть, целую группу или даже её часть, которая является в таких случаях ремой (в примерах она подчёркнута), здесь можно усматривать **смещённое отрицание**:

(8) *Kaďà raklì ćì-avilì le Vaň̀à-sa.*
‘Эта девушка пришла не с Ваней.’ (букв. ‘...не пришла с Ваней’)

(9) 👁 *Ka sàko manùš ćì-avèl.*
‘Не к каждому человеку [она] приходит.’ (букв. ‘к каждому... не приходит’)

(10) 👂 *Ćì-kamàv mè avèr, mè kamàv kadalà te-làv, aľarďàn?*
‘Не хочу я другую, я хочу эту взять, понял?’

Это бывает при контрасте, вводимом союзом *aj*:

(11) 👂 *Kana vò: mè ćì-dàv-tu jëkh, phèn-kə, aj dàv-tu trĩn.*
‘А он: «Я тебе дам не один, мол, а дам тебе три [волоска]».’

При этом, как видно, отрицание всё равно морфологически приглагольное, а рема (здесь *jëkh* ‘один’) выделена сильным ударением. Таким примерам можно противопоставить случаи выноса темы, что исключает толкование отрицания как смещённого, поскольку к теме оно уже точно не относится:

(12) *Kaďá matòra ćì-dikhlèm-la.*
‘Этой машины я не видел.’

(13) *Lové nàj-ma dətàt.*
‘Денег у меня нет.’

(14) 👂 *Mè ťa glatà ćì-śindèm, mè le buznořàs ćì-śindèm, kadò sà ti řomnì kərďà.*
‘Я твоего ребёнка не резала, я козлика не резала, это всё твоя жена сделала.’

(15) 👂 *Ćì-məritìl-la dətàt, la rakľà.*
‘Не женит её никак, девушку.’

Как видно по примерам (13) и (15), глагольное отрицание можно усилить наречием *dətàt* ‘совсем’ (тж. ‘очень’).

При эллипсисе глагола, *ćì* (например, в ответе на общий вопрос) и *te-nà* (в запрете) могут употребляться как слова-высказывания (см. 4.9.5.4б):

(16) *Źás màn-ca?* — *Ćì.* (вм. *ćì-źav*)
‘Пойдёшь со мной? — Нет.’

(17) *Źàv tù-sa.* — *Te-nà!* (вм. *nà-źa* или *te-nà-źas*)
‘Я пойду с тобой. — Не надо!’

Эллипсис глагола в отрицательном императиве невозможен: *nà-źa* ‘не иди’ ⇒ ***nà*, но он возможен в зависимом наклонении: *te-nà-źas* букв. ‘чтоб ты не шёл’ ⇒ *te-nà.*

При наличии отрицательного местоимения возможен эллипсис глагола вместе с отрицанием:

(18) *Kòn aviľà?* — *Khònik.* (опущено *ćì-aviľà* ‘не пришёл’)
‘Кто пришёл? — Никто.’

В ряде контекстов приглагольное отрицание не имеет отрицательного значения, а является частью конструкции, ср. в придаточных времени после *źì-kaj* ‘[до тех пор] пока’ (см. 4.12.5.2):

(19) 👂 *Nò bèš źì-kaj ćì-p’àv muřỳ pìva, aj atùnći mudarəh-ma.*
‘Ну, посиди, пока я не допью своё пиво, а потом убьёшь меня.’

Отрицание употребляется в придаточных уступки (но иногда опускается, см. 4.12.5.6):

(20) 👂 *Kòn te-nà-pašòla, pòdo nàj ka khər.*
‘Кто бы ни приблизился, моста нет у дома.’

(21) 👂 *Tù ašunďàn pa là-te, kə kòn-gòdi ćì-gəľà oćè, sàvořə aśèn bi šərès-ko.*
‘Ты слышал о ней, что кто бы ни пошёл туда, все остаются без головы.’

Имеется несколько особых отрицательных конструкций с модальным значением, ср. с косвенным вопросом возможности (см. 4.12.2.4.2):

(22) 👂 *Kaj-dèl kodò vàš kanřə angla lèn-de, nàj sàr te-nakhàn dətàt.*
ʻНу и выставляет тот лес шипы перед ними, никак им не пройти совсем.ʼ

Иногда отрицание глаголов в изъявительном наклонении даёт модальное значение неспособности, например: *ćì-vàzdel dətàt* ʻникак не поднимет', т. е. ʻне может поднять' (см. 4.2.6.3в).

Отрицание внутренне присуще оборотам типа: *ćì-cypìl sar cypìl-pe* букв. ʻне кричит, как кричат' (со смещённым отрицанием), т. е. ʻкричит как резаный' (см. 4.13.3), а также *sàr te-nà-...* ʻкак же [кому] не...' (см. 4.7.2.3).

4.10.2. Контрастное отрицание

Отрицание одной части предложения может быть выражено частицей *nàj* ʻне' (а не входить в глагольную словоформу). Это возможно с ограничениями. В обычном случае такое отрицание должно выступать в паре с противопоставленным ему утверждением, ср.:

(1) *Avilèm muřə dadè-sa, nàj muřə papò-sa.*
ʻЯ пришёл со своим отцом, [а] не со своим дедом.ʼ

(2) 👁 *Nàj ka bùt, ka jèkh manùš pašòl.*
ʻНе ко многим, [а] к одному человеку подходит.ʼ (*мамёрры*) [Кож.]

Здесь *nàj* вводит эллиптическое предложение (сочинённое с утвердительным). Однако возможно и полное предложение, но *nàj* тогда, видимо, всегда должно стоять в начале:

(3) 👁 *Nàj ka sàko dès mìlosťa.*
ʻНе каждому дашь милостыню.ʼ

Можно считать, что *nàj* — не частица, а отрицательная форма связки ʻне есть', которой каким-то образом подчинён отрицаемый фрагмент. Такое толкование удобно в случае контрастного отрицания всего предложения — *nàj kə...* ʻне то что...' (ʻнеправда, что...'):

(4) *Nàj kə bùt lovè kərdèm kakò śòn.*
ʻНе то чтоб я много денег заработал в этом месяце.ʼ

Эта конструкция обычно применяется для отрицания отрицания:

(5) *Nàj kə ćì-kamàv te-źàv, pròsto nàj-ma vrʼàmʼa.* [Кож.]
ʻЯ не то что не хочу идти, просто у меня нет времени.ʼ

Отдельные слова (прилагательные и наречия) отрицаются проклитикой *nàj-*, которая входит в широкую словоформу и здесь не рассматривается (см. 3.6.7.3, 3.8.3.8).

4.11. Сочинение

Сочинение — это более или менее тесная связь двух (или более) равноправных синтаксических единиц. Равноправность единиц — отличие сочинения от подчинения (при котором одна зависит от другой). Сочиняются друг с другом разные единицы, в т. ч. предложения, группы, части групп:

(1) *Mè kəràv butì aj tù bešàs khərà.* (предложения)
ʻЯ работаю, а ты сидишь дома.ʼ

(2) *Tindèm barò pʼàpeno aj bùt phabà.* (группы)
ʻЯ купил большую дыню и много яблок.ʼ

(3) *Trubùl-ma řomnì mùndro aj la cərà-ti.* (части группы)
‘Мне нужна красивая и хозяйственная жена.’ (букв. ‘палатки’)

Это примеры **союзного** сочинения (с основным сочинительным союзом *aj* ‘а, и, но’). Сочинение бывает и **бессоюзным**:

(4) 👂 *Ti phèj sà tù-sa dèl dùma, màn-ca ćì-dèl dùma.*
‘Твоя сестра всё с тобой разговаривает, со мной не разговаривает.’

Сочинительные союзы могут иметь соединительное (‘и’), разделительное (‘или’) и противительное (‘но’) значения. Союз *aj* (редко *haj*, в песнях также *thaj*) ‘и, а, да, но’ может иметь как соединительное, так и противительное значение. Имеется отрицательный соединительный союз: *ćì* ‘ни; и не, даже не’. Все союзы могут быть **одинарными**, т. е. выступать между сочиняемыми единицами, а соединительные и разделительные могут быть также **парными** и выступать перед каждой из сочиняемых единиц:

(5) ♪ *Ap o dàd aj ə dejořỳ muľàs-y.* (одинарный)
‘Так отец и мама умерли.’
(6) 👂 *I gaźè i řòm avilè koćè ka dèl.* (парный)
‘И нецыгане, и цыгане пришли туда к богу.’

Сочиняемых элементов в обычном случае два или более, при этом непарный союз, как правило, стоит только перед последним (нестрого):

(7) *Avilò řòm, gaźò aj xoraxàj.*
‘Пришёл цыган, русский и татарин.’

Отличие одинарных сочинительных союзов от подчинительных: подчинительный союз (кроме причинного *kə* ‘ибо’) и следующий за ним подчинённый элемент могут стоять в почти произвольном месте в главном предложении (или разбивать его), а сочинительный союз стоит только перед непервым сочинённым элементом (но см. ниже о неявном сочинении):

(8) а. *Bešàsas pala-j skafedì, kana ďà o bryšỳnd.* (подчинение)
‘Мы сидели за столом, когда пошёл дождь.’
≈ б. *Kana ďà o bryšỳnd, bešàsas pala-j skafedì.*
‘Когда пошёл дождь, мы сидели за столом.’

(9) а. *Mè maladèm-tu aj tù peľàn.* (сочинение)
‘Я тебя ударил, и ты упал.’
б. ** *Aj tù peľàn mè maladèm-tu.*
букв. ‘И ты упал, я тебя ударил.’

При наличии у сказуемого приглагольного отрицания соединительным союзом между членами предложения может быть *ćì* ‘[не...] и’; здесь можно усмотреть распределение *aj* : *ćì*, ср.:

(10) а. *Avilò o Jòno aj o Bàkro.*
‘Пришли Ёно и Бакро.’
б. *Ćì-avilò o Jòno ćì o Bàkro.*
‘Не пришёл Ёно, и Бакро [тоже].’

Соединительные союзы могут участвовать в **неявном сочинении**, при каковом левая сочиняемая единица отсутствует, но подразумевается. Можно считать, что это частный случай парного употребления союзов (с отсутствующей левой частью):

(11) 👂 *Dèvla, dè i màn bàrš.*
‘Боже, дай и мне лет.’

С помощью сочинительных союзов сочиняются предложения или их части, могущие быть членами предложения или более мелкими отрезками. Дадим обзор сочинительных союзов, указывая тип сочиняемых единиц:

союзы		предложения	части
одинарные:			
(h)aj, *thaj*	ʻи, а, но’	+	+
(h)aj-vi, *thaj-vi*	ʻ(да) и’	+	+
ćì	ʻ[не...] и’		+
vòrkə, *vor*	ʻили’	+	+
nùma	ʻно’	+	
парные:			
(th)aj-vi... (th)aj-vi, *vi... vi*, *i... i*	ʻи... и’	(+)	+
ćì... (aj) ćì	ʻни... ни’	(+)	+
vòr(kə)... vòr(kə)	ʻили... или’	(+)	+
kàj... kàj	ʻто... то’	+	+
vaj... vaj	ʻ...ли... ли’	+	
с неявной левой частью:			
(th)aj-vi, *vi*, *i*	ʻи’		+
ćì	ʻи не’		+

Ниже отдельно рассмотрим сочинение предложений и их частей; отдельно же рассмотрим парные союзы, в т. ч. с неявной левой частью (см. 4.11.3).

4.11.1. Сочинение предложений

Сочинённые простые предложения образуют сложносочинённое предложение. Однако о сложносочинённых предложениях в нашем случае можно говорить лишь условно, т. к. границы между синтаксически равноправными предложениями при записи устной речи (в т. ч. связных рассказов) мы всегда ставим отчасти произвольно. В крайнем случае можно считать, что все равноправные предложения в связной речи находятся в отношении сочинения. Впрочем, ясно, что бывает и тесное сочинение, которое проявляется в особой (восходящей) интонации первого предложения, выражающей незаконченность мысли, ср. две возможности соположения предложений — с разной интонацией слов *mè*, *řòm*, *tù*:

(1) а. *Mé sym řòm. Aj tú san gaźò.* (оба предложения с нисходящим контуром)
ʻЯ цыган. А ты русский.’
б. *Mè sym řóm aj tù san gaźò.* (первое предложение с восходящим)
ʻЯ цыган, а ты русский.’

Конечно, в речи граница между этими случаями размыта. Однако в примере (1)а второе предложение начинается словом *aj*, которое в любом случае подразумевает наличие другого предложения левее (в противном случае *aj* можно считать вводной частицей). В данном случае налицо «противительное» значение, поэтому *aj* здесь можно считать сочинительным союзом.

Итак, при наличии соединительных союзов и понятных смысловых отношений, а также при отсутствии паузы кажется естественным записывать такие отрезки одним предложением. Эти смысловые отношения (одновременность, очерёдность, причина и т. д.) чаще всего специально не уточняются, а выражаются союзом *aj* ʻи, но, а’:

(2) *Kaj-ankalaďà kodò patrèto aj avrì kàrdiľa bizabràzija, pàřa, jàg, dèla.*
‘И вот вытащила ту фотографию, и снаружи сделалось безобразие: пламя, огонь, всё такое.’

Часто в рассказе многие предложения (но не первое!) начинаются с союза *aj*. Как сказано выше, здесь при желании можно усматривать сочинение (а можно — особую «повествовательную частицу»):

(3) *Sàh aj ť-avèl-pe khə gaźò aj khə gaźì. Aj kodò gaźò aj gaźì ćořořə̀ sas. Aj lèn-de sàh trìn śavè. Aj sàh-le k śovořỳ.*
‘Жили-были мужик и баба. И этот мужик и баба бедные были. И у них было три сына. И была у них дочка.’

Видимо, то же значение имеет проклитика *kaj-* в сказках (см. 5.2):

(4) *Ľà-le o dòro pala lèh-ki phèj. Kaj-ankalaďà kodò patrèto...*
‘Соскучился он по своей сестре. И вот вытащил он ту фотографию...’

Более тесной связь между предложениями ощущается в случае неполных предложений, т. е. при эллипсисе общих частей (что вообще не очень типично):

(5) *Màn-de sỳ-ma barò khə̀r aj tù-te cygnò.* (вм. *tù-te sỳ-tu cygnò khə̀r*)
‘У меня большой дом, а у тебя — маленький.’

Разделительное значение при сочинении предложений обычно бывает только в общеальтернативных (разделительных, см. 4.7.2.4) вопросах:

(6) *Avés màn-de vòrkə ći?*
‘Ты придёшь ко мне или нет?’

Противительное значение изредка выражается явно союзом *nùma* букв. ‘только’ (а также *no* — III пласт):

(7) *Kamàv te-źàv tù-sa, nùma nàj-ma lovè.*
‘Я хочу пойти с тобой, но у меня нет денег.’

Прочие смысловые отношения также могут иногда выражаться явно — «союзными словами»: *àpo* ‘потом’ (время), ‘так что, то, так’ (логика); *anda koďà* ‘поэтому’, *atùnći* ‘тогда’. При желании можно усматривать и здесь сочинение:

(8) *Aj jèkh garaďà-le tala-j śìb, o karf ìn, garaďà tala-j śìb, kàs te-nà-marə̀n and-o ilò le devlèh-ko. Anda koďa o dèl phenďà le řomèn-gə te-xoxavèn sà-j žỳzn̓a.*
‘А один спрятал под язык, гвоздь-то, спрятал под язык, чтобы не вбили в сердце господне. Поэтому бог велел цыганам лгать всю жизнь.’

(9) *Aj tù jèkh kòlco la dor̓à-ko te-phàndes pe tù-te, mè cỳrdav aj vàzdav-tu, atùnći vàzdes-ma tù.*
‘А ты один конец верёвки привяжи на себя, я потяну и подниму тебя, тогда ты меня поднимешь.’

Лишь условно можно говорить и о бессоюзном сочинении предложений. Иногда, впрочем, предложения как бы нанизываются друг на друга и вкупе составляют нечто более или менее целостное (простые предложения разделяем символом «;»):

(10) *Kaťà sy muřỳ borì*; *kakò sy muřò phràl*; *kakò sy muřò gaźò*; *kakò sy o paćtalivòno*; *kakò sy kakò gaźò*; *kakò sy kakò gaźò.*
‘Вот моя невестка, вот мой брат, вот мой мужик, вот почтальон, вот такой-то мужик, вон такой-то мужик.’ (прямая речь)

Ещё пример бессоюзного сочинения (?), с разными смысловыми отношениями:

(11) 👂 *Aj arəslì ə raklì*; *tyřysàjli, tyřysàjli*; *laźàv là-kə*; *nandì la.*
‘И добралась девушка, поползала, поползала, стыдно ей, голая она.’

Условные предложения с фактической условной частью в изъявительном наклонении обычно бессоюзны:

(12) *Kamès te-xàs, śò-tu màn-de.*
‘[Если] хочешь есть, заходи ко мне.’

Однако их, может быть, следует считать сложноподчинёнными (см. 4.12.5.5).

4.11.1.1. Ложное сочинение предложений

«Ложным сочинением» можно назвать случаи, когда сочинительный союз *aj* на самом деле, возможно, выражает подчинительную связь (придаточной может быть как левая, так и правая часть):

(1) 👂 *Aj ďà o dèl aj mulò lèn-go dàd.* (подчинённая фраза справа)
букв. ‘И дал бог и умер их отец.’

(2) 👂 *Də sòde vr̀àm̀a vò phirəl, aj nàj-le ćèk-dàta rojimòs kaćè.* (слева)
‘Сколько времени он ходит, а нет у него никогда плача здесь.’

Союз *kə* ‘что; ибо’, обычно подчинительный, нередко является скорее усилительной частицей (‘ведь’ и т. п., см. 4.3.8.1.1ж) и может начинать отдельное предложение. Иногда его значение туманно; так, неясно, выступает ли это слово в данной фразе в сочинительном или в подчинительном значении и является ли союзом вообще:

(3) 👂 *Àś-ta śavořàle, kə kəràv tumèn-gə mè akanà praznikùco.*
‘Давайте [сюда], ребята, ведь сейчас сделаю вам я праздничек.’

4.11.2. Сочинение частей предложений

Сочиняться могут синтаксические группы в роли любых членов предложения. При этом необходимо, чтобы они относились к одному типу члена предложения:

(1) *Muřò dàd aj myřỳ dèj bešən and-əl ćemà.* (подлежащее)
‘Мой отец и моя мать живут за границей.’

(2) *Amè bešàs aj xàs.* (сказуемое)
‘Мы сидим и едим.’

(3) *Andèm mòl aj řətìja.* (дополнение)
‘Я принёс вино и водку.’

(4) *Tù san řòm vòrkə gaźò?* (расширение)
‘Ты цыган или русский?’

(5) *Le řòm trajìn and-o fòro aj and-o gàv.* (обстоятельство)
‘Цыгане живут в городе и в деревне.’

(6) *Vò barilò vućò aj thulò.* (присказуемое)
‘Он вырос высоким и толстым.’

(7) *Putər o vudàr màn-gə aj myřà ph̓à-kə.* (лжедополнение)
‘Открой дверь мне и моей сестре.’

В некоторых случаях имеются ограничения. Так, эгоцентричное лжедополнение не сочиняется:

(8) ** *Tumè bešən tù-kə aj là-kə khərə.* только *tumèn-gə*
букв. ‘Вы сидите тебе и ей дома.’ ‘себе’ (букв. ‘вам’)

Могут сочиняться также некоторые части групп, ср. определения в пределах существительных групп:

(9) *Trubùl-ma řomnì mùndro aj la cərà-ti.* (определения)
‘Мне нужна красивая и хозяйственная жена.’

(10) *Vò sy muřò aj tirò phràl.* (определители)
‘Он — мой и твой брат.’

Сочиняться могут и две части предложения вместе со своими зависимыми членами (в древесном представлении это целая ветвь), ср.:

(11) *O Gùsʹa tinďà kərəmìzy aj laśarďà pès-kə khər.*
‘Гуся купил кирпичи и построил себе дом.’

(12) *Tù źàs màn-ca ili aśès te dadè-sa?*
‘Ты пойдёшь со мной или останешься со своим отцом?’

В этих примерах сочиняемые члены зависят от общей вершины, так что, можно сказать, вкупе составляют для неё единый зависимый элемент. Но бывает, что получившийся «склеенный» член является вершиной для другого члена, ср. два сочинённых сказуемых с одним общим дополнением (*le řomès*):

(13) *Ə řomnì marďà aj məskərisarďà le řomès.*
‘Цыганка ударила и обругала цыгана.’

В таких случаях можно при желании усматривать эллипсис одного из одинаковых зависимых членов (здесь дополнений), т. е. *marďà* [*le řomès*] *aj məskərisarďà le řomès*. Однако ср. пример, где такое толкование невозможно:

(14) *Tinďàm aj xaľàm khə lùbenica.*
‘Мы купили и съели арбуз.’

Здесь невозможно восстановить *tinďàm khə lùbenica aj xaľàm khə lùbenica* ‘мы купили арбуз и съели арбуз’, т. к. дополнение *khə lùbenica* неопределённо и, будучи повторено, не может ссылаться на один и тот же предмет — ‘[какой-то] арбуз’. Таким образом, это пример сочинения только сказуемых — с общим дополнением, т. е. сочинения двух вершин в древе с общим для них зависимым.

Подобной возможности можно ожидать при сочинении ядер существительных групп с общим определением, ср. пример, где ожидалось бы *lèn-go dàd aj dèj* ‘их отец и мать’, однако на деле обычно сочиняются целые группы, так что общее определение повторяется:

(15) *Sàs trìn phràl aj jek phèj, aj mulò lèn-go dàd aj lèn-di dèj.*
‘Были три брата и сестра, и умерли их отец и их мать.’ (букв. ‘умер’)

Особый случай сочинения частей предложений (как правило именных групп) — при противопоставлении с отрицанием (‘..., а не’):

(16) *Kadò sas aratì, (aj) nàj adès.*
‘Это было вчера, а не сегодня.’

Пример сочинения (с парным союзом) двух подлежащих, разделённых общим расширением (*źuvindò* ‘живой’):

(17) *No o dèl kərďà kaďà te-aśèl aj o raklò źuvindò, phèn-kə, haj mè.*
‘Но бог сделал так, чтобы остался и парень живым, мол, и я.’

Согласование сказуемого при сочинённых подлежащих обычно происходит с ближайшим ядром (см. 4.4.1.1.1).

Особо отметим в конце предложения *kaďà aj kaďà inťà* ‘и так далее’:

(18) 👂 *Akanà źàl, avèl-tar ka-j phurì akanà* [...]: *Plaćajà-ma řỳso ti tərnì, kaďà aj kaďà inťà.*
‘И вот идёт, приходит к старухе вот [...]: «Понравилась мне очень твоя молодка» и так далее.’

4.11.3. Сочинение соединительными парными союзами

Соединительные и разделительные союзы могут быть парными; только соединительные могут выступать с неявной левой частью. Покажем разные употребления союза *aj* ‘и’:

(1) а. *Avilò o Jòno aj o Bàkro.* (одинарный)
‘Пришли Ёно и Бакро.’
⇒ б. *Avilò aj o Jòno aj o Bàkro.* (парный)
‘Пришли и Ёно, и Бакро.’
⇒ в. *Avilò o Jòno. Avilo aj o Bàkro.* (с неявной частью)
‘Пришёл Ёно. Пришёл и Бакро.’

При отрицании употребляются соответствующие отрицательные союзы:

(2) а. *Ći-avilò o Jòno ćì o Bàkro.* (одинарный)
‘Не пришли Ёно и Бакро.’
⇒ б. *Ćì-avilò ćì o Jòno (aj) ćì o Bàkro.* (парный)
‘Не пришёл ни Ёно, ни Бакро.’
⇒ в. *Ćì-avilò o Jòno. Ćì-avilo ćì o Bàkro.* (с неявной частью)
‘Не пришёл Ёно. Не пришёл и Бакро.’

(а) с явной левой частью

Примеры:

(3) 👂 *Aj kaťà raklì i xalavèl, i laśarəl, i l pasùdi, i astarəl le phurəh-kə.*
‘А эта девушка и моет, и порядок наводит, и посуду [моет], и шьёт старику.’
(4) 👂 *Sò thoďà pe ə skafedì angla lès-te! Khajn’à i kurkàja, i balè, sàko fa̯lo.*
‘Ну и стол встал перед ним! Куры и индюки, и свиньи, разные.’
(5) ♪ *Te-dèl tù-kə d-o dèl pàrťa* || *thaj-vi tù-kə thaj-vi màn-gə.*
‘Пусть даст тебе бог долю, и тебе, и мне.’

То же с отрицанием:

(6) 👂 *Manàj ćì ə raklì, ćì o khər.*
‘Больше нет ни девушки, ни дома.’

Только с явной левой частью выступают парные ‘или... или’:

(7) ♪ *Sàr kamès te-làs-ame* || *vòrkə͡and e phùv vòrkə͡and-əl śuŕà?*
‘Как ты хочешь, чтобы мы боролись — или врукопашную, или на ножах?’
(8) *Vaj te-źàv vaj te-nà-źav?*
‘Идти мне или не идти?’

Парный союз ‘и... и’ (в т. ч. в несимметричной форме) нередко выступает как плеонастический приём в песнях:

(9) ♪ *Ə gaźì kothàr našəl* || *aj našəl thaj-vi rovèl.*
‘И тут баба бежит, и бежит, да плачет.’

Особое «тавтологическое» сочинение — удвоение глагола, для выражения многократности, интенсивности — ср. пример, где парный союз *hàj... hàj* выделяется ударением

(впрочем, здесь первый союз может быть частью конструкции *lèl aj thòl* букв. ʻберёт и надевает’, см. 4.2.6.4.1.1):

(10) *Lèl akanà o raklò hàj thòl pe là-te, hàj thòl.*
ʻБерёт тогда парень и надевает на неё, и надевает [одежду].’

Иногда встречается «гибридный» парный союз *aj ći... aj ći* букв. ʻи ни... и ни’:

(11) *Sò ə raklì! Krasàvica, aj ći pe kaťà lùmə̀a nàj, aj ći pe kuťà lùmə̀a!*
ʻНу и девушка! Красавица, и ни на этом свете нет, и ни на том свете!’

Выражение *ći bùt ći xancỳ* ʻни много ни мало’ (т. е. ʻточно’), с отрицанием глагола:

(12) *Kaj-źàl-tar o raklò p-o marimòs. Ćì-marə̀l-pe vò ći bùt ći xancỳ injà bə̀rš.*
ʻИ вот уходит парень на войну. Не бьётся он ни много ни мало девять лет.’

(б) с неявной левой частью

Как видно из примеров (1) и (2), сочинение с неявной левой частью мы считаем «половиной» конструкции с сочинением парным союзом, ср. ещё:

(13) *Dè i màn řùbla!*
ʻДай и мне рубль!’

(14) *Av dèn-ta-la, te-xàl i vòj!*
ʻАй дайте-ка ей, чтоб поела и она!’

Левая часть «неявна» в том смысле, что, например, предложение (13) подразумевает, что кому-то ещё дали денег, а предложение (14) — что кто-то ещё ест.

Отметим, что союз *i* (не у всех носителей?) может сочетаться с личными местоимениями-клитиками и быть ударным: *dè ì-ma* ʻдай и мне’. Такие случаи размывают грань между ударными местоимениями и клитиками (ожидается: *dè-ma i màn*).

Пример с отрицательным союзом *ćì*:

(15) *Àš-ta thàv màn-gə mè khə̀r katkà p-o pàj, khònik ćì-śòl-pe ćì ka-j raklì te-ćorə̀l-la.*
ʻДай-ка сделаю себе я дом тут на воде, никто не зайдёт также и к девушке, чтобы её похитить.’

Отметим особый способ усиления отрицания путём сочинения предложения и местоимения *khànći* ʻничего’ (здесь можно и не усматривать неявной части):

(16) *Ćì-ćajl’òn là-tar, ći khànći.*
ʻНе наедятся ею, вообще никак.’ (букв. ʻни ничего’)

4.11.4. Сочинение разделительными парными союзами

Парным союзом можно считать *kàj... kàj* ʻто... то’ (букв. ʻгде... где’):

(1) *Kàj kərə̀s lovè, kàj ći-kərə̀s.*
ʻТо заработаешь, то не заработаешь.’ (или ʻбывает..., а бывает...’)

Сюда примыкают случаи, которые следует скорее относить к бессоюзному сочинению, где в роли парного союзного слова выступает вопросительное слово — чаще всего, видимо, *kòn* ʻкто’ — в роли одного из членов предложения:

(2) *Dikhàv kə tumè xàn, kòn xàl ka càrò, kòn ka dèl.*
ʻВижу [во сне], что вы едите, кто ест у царя, кто у бога.’

Здесь, очевидно, можно считать, что *kòn* имеет значение неопределённого местоимения (= *kòn-to* ʻкто-то’).

4.12. Сложноподчинённое предложение

Сложные предложения — это предложения, содержащие более одного сказуемого (в т. ч. если сказуемое неявно).

Рассмотрим простое предложение с одним сказуемым (подчёркнуто):

(1) *Ə bàba phenèl divàno le glatèn-gə.*
ʻБабушка рассказывает детям.ʼ (букв. ʻговорит разговорʼ)

Теперь усложним это предложение, добавив к нему ещё одно простое предложение. В одних случаях связанные простые предложения выступают как грамматически равноправные — тогда говорят о **сложносочинённых** предложениях:

(2) *Ə bàba phenèl divàno aj le glàti ašunèn.*
ʻБабушка рассказывает, а дети слушают.ʼ

В других случаях одно предложение является главным, а другое — подчинённым и не может быть в той же форме и с тем же значением употреблено автономно — такие сложные предложения называются **сложноподчинёнными**:

(3) *Ə bàba phenèl divàno kàs te-ašunèn le glàti.*
ʻБабушка рассказывает, чтобы дети слушали.ʼ

Части сложного предложения могут вступать друг с другом в разнообразные логические связи. Между ними может стоять союз, тогда это **союзное** сложное предложение, или же они могут быть соположены без особого выражения связи между собой, тогда это **бессоюзное** сложное предложение.

Сочинение предложений мы рассматриваем в разделе о сочинении (см. 4.11.1), здесь нас будет интересовать только сложноподчинённое.

Главное предложение в составе сложноподчинённого устроено как независимое простое, а один из его членов (или фрагмент члена) выражен не обычной синтаксической группой, а более сложной **подчинённой фразой**, содержащей своё сказуемое и подлежащее (тогда это **придаточное предложение**) или только сказуемое (**зависимый оборот**).

Для большинства придаточных предложений, вводимых союзом (но не союзом *kə* ʻчто; ибоʼ), характерна постановка сказуемого сразу после союза, если он есть (см. 4.8.6).

Подчинённая фраза может выступать в роли разных членов предложения и может заменять элементы (группы) разных типов. Наша классификация подчинённых фраз — гибридная, ибо учитывает оба этих момента:

(а) именная

Имеется в виду, что такая подчинённая фраза выполняет ту же роль, что и именная (точнее, существительная) группа, т. е. роль одного из «типично именных» обязательных членов предложения — дополнения, подлежащего, расширения. К такой подчинённой фразе в большинстве случаев можно задать вопрос *sò?* ʻчто?ʼ или *kòn?* ʻкто?ʼ (см. 4.5.10.1). Однако есть случаи, когда это не так (см. 4.5.10.2). Именная подчинённая фраза может быть разнообразна по структуре:

(1) *Kamès te-źàs khərà?*
ʻХочешь пойти домой?ʼ

(2) *Dikhàv kə ćì-san kathàr.*
ʻЯ вижу, что ты не отсюда.ʼ

(3) *Phenàv tù-kə kòn sym mè.*
ʻЯ скажу тебе, кто я.ʼ

(4) *Lè sò-gòdi kamès.*
ʻВозьми, что хочешь.ʼ

(б) определительная

Придаточное предложение, выступающее как определение внутри существительной (а также в особых случаях прилагательной) группы; в типичных случаях вводится относительным союзом *kaj* ʻкоторыйʼ:

(5) *Ѐta o khàr kaj phendèm tù-kə pa lès-te.*
ʻВот дом, о котором я тебе говорил.ʼ

(в) обстоятельственная

Придаточное предложение, выступающее в роли обстоятельства с разнообразными значениями (времени, места, цели и т. д.):

(6) *Gəlèm khərə kana ďà màn-gə dùma muřò śàv.*
ʻЯ пошёл домой, когда мне позвонил сын.ʼ
(7) *Ćì-źav tumèn-ca kə nàj-ma lovè.*
ʻЯ не пойду с вами, потому что у меня нет денег.ʼ

(г) побочного действия

Придаточное предложение, выступающее в роли присказуемого, передающее действие подлежащего или дополнения:

(8) *Vòj mekľà le glatèn sar sovèn.*
ʻОна оставила детей спящими.ʼ (букв. ʻкак спятʼ)

Ниже разберём эти типы подробнее, но сначала дадим обзор слов, с помощью которых осуществляется подчинение.

4.12.1. Подчинительные слова

Ввиду широко представленной омонимии среди слов, выражающих подчинение, дадим сводную таблицу этих слов с их омонимами в разных функциях. «Подчинительные слова» — это в большинстве случаев вопросительные местоимения в различных подчинительных функциях. Только *kə* ʻчто; потому что' и *ta* ʻчто аж' не бывают вопросительными. Прочие же, помимо главной своей собственно вопросительной функции (в случае *sò* ʻчто за; как' ещё и восклицательной), могут вводить подчинённые предложения. Кроме подчинительной функции, обсуждаемые слова могут выступать как частицы и в паре случаев как предлоги. Ниже даём список таких слов, отталкиваясь от их «главной» функции — вопросительного местоимения, давая все остальные, в т. ч. интересующие нас здесь — подчинительные. Сначала покажем всё разнообразие упомянутых функций:

вопросительное местоимение — в вопросительных предложениях, косвенных вопросах и уступительных предложениях (всегда ударно):
sò kəràs? ʻчто ты делаешь?ʼ
źanàv sò kəràs ʻзнаю, чтó ты делаешьʼ
sò te-nà-kəràsa... ʻчто бы ты ни делал...ʼ

свободное относительное местоимение — совмещает в себе относительное и соотносительное словá (ударно):
sò kəràs ʻ[то] что ты делаешьʼ

относительный союз — вводит относительное предложение в существительной группе (считаем безударным):
kaj avilò ʻкоторый пришёл’

изъяснительный союз — вводит изъяснительное предложение (безударный):
kə san kaćè ʻчто ты тут’

обстоятельственный союз — вводит обстоятельственное предложение (безударный):
kana haťarďàn-ma ʻкогда ты меня понял’

частица — употребляется и в независимых предложениях (безударная):
kana dèl jàg! ʻи тут он стреляет!’

предлог — управляет именной группой (безударный):
sar màn-de ʻкак я’

	вопросит. местоимение	частица	предлог	своб. отн. мест.	относит. союз	изъяснит. союз	обстоят. союз
sò	+ ʻчто’			+ ʻчто’			
kòn	+ ʻкто’			+ ʻкто’			
sàr	+ ʻкак’		+ ʻкак’			+ ʻкак’	+ ʻкак’
sòde	+ ʻсколько’			+ ʻсколько’			+ ʻсколько’
kàj	+ ʻгде’				+ ʻк-рый; где’		+ ʻгде’
katàr	+ ʻоткуда’						+ ʻоткуда’
kàna	+ ʻкогда’	+ ʻи тут’			+ ʻкогда’	+ ʻкогда’	+ ʻкогда’
kabòr	+ ʻсколь велик’		+ ʻс’				
kə		+ ʻведь’				+ ʻчто; ибо’	
ta		+ ʻдаже’				+ ʻчто аж’	

Отметим также, что *sò* употребляется и в восклицательных предложениях, а *sar* вводит придаточные предложения побочного действия (присказуемые); *kaj-* может быть глагольной проклитикой в песнях и сказках с туманным значением типа ʻда и; значит’. В таблице также не отмечено, что *katàr* может быть лжепредлогом (отложительного падежа).

4.12.2. Именная подчинённая фраза

Именная подчинённая фраза выступает в предложении как «типично именной» член, т. е. может быть там, где обычно ожидаются существительные группы. Она может иметь либо только собственное сказуемое (зависимый оборот), либо и сказуемое, и подлежащее (придаточное предложение, в т. ч. и безличное). Именные подчинённые фразы разнообразны по форме:

(а) зависимый оборот

Зависимый оборот — это фраза без подлежащего, чьё ядро — глагол в зависимом наклонении. Он не может вводиться союзом; роль союза выполняет клитика *te-* (её можно было бы считать союзом, не входи она в широкую глагольную словоформу):

(1) *Źanàv <u>te-khəlàv řomanès</u>.*
ʻЯ умею плясать по-цыгански.’

Рассмотрение зависимого оборота в разделе о сложных предложениях оправдано тем, что в нём всегда имеются явно выраженные глагольные признаки (лицо, число), т. е. сказуемое с глагольными свойствами; иначе говоря, всегда есть личная глагольная форма. За-

висимые обороты выступают при некоторых глаголах желания, веления и ряде других (см. 4.5.10.1.2).

(б) предложение в зависимом наклонении

Как зависимый оборот, но со своим подлежащим:

(2) *Kamàv ə lùmʹa te-ašunèl kaďà dilì.*
ʻХочу, чтобы люди услышали эту песню.ʼ

С глаголами желания, веления и др.

(в) предложение с изъяснительным союзом

Всегда в изъявительном наклонении:

(3) *Ašundèm kə avilè le kətàni.*
ʻЯ слышал, что пришла милиция.ʼ

С глаголами знания, говорения и др.

(г) косвенный вопрос

Придаточное предложение вводится вопросительным местоимением (*kàna* ʻкогда', *kàj* ʻгде', *sò* ʻчтóʼ, *kàs* ʻкого', *ćè* ʻкакой' и т. д.):

(4) *Mè ćì-źanàv sàr buśòs.*
ʻЯ не знаю, как тебя зовут.ʼ

С глаголами знания, говорения и др.

(д) полупрямая речь

В отличие от прямой речи (которую вряд ли можно считать предложением), это обычно внутренняя речь, мысль или описание воспринятого:

(5) *Dikhàl o raklò: bešəl avlìn angla lès-te.*
ʻВидит парень: стоит дворец перед ним.ʼ

С глаголами знания, говорения и др. (описываем отдельно, см. 4.12.9.2).

(е) свободное относительное предложение

Такое относительное предложение вводится местоимением, которое одновременно является соотносительным и относительным словом:

(6) *Lèn sò-gòdi plaćàl-tume.*
ʻБерите, что вам нравится.ʼ

Заменяет любую существительную группу, т. к. не зависит от семантики глагола.

(ж) свободный относительный зависимый оборот

То же, но без собственного подлежащего:

(7) *Dè-ma te-xàv.*
ʻДай мне поесть.ʼ

Ниже мы опишем перечисленные типы именной подчинённой фразы с точки зрения внутренней структуры (отдельно — свободные относительные фразы, см. 4.12.4), без внимания к тому, каким членом предложения они являются в главном предложении (об этом см. 4.5.10.1).

4.12.2.1. Зависимый оборот

Ряд глаголов (желания, веления и нек. др.) управляет зависимым оборотом. В зависимом обороте глагол всегда стоит в зависимом наклонении (т. е. с обязательной проклитикой *te-*). Подлежащее этого оборота уже фигурирует в главной части предложения. В само́м зависимом обороте оно никак не выражается (его явное выражение запрещено, т. е. его можно считать значимым нулём) и обязательно совпадает с одним из членов главного предложения (ссылается на то же означаемое):

(а) с подлежащим

Подлежащее главного предложения — подлежащее зависимого оборота:

(1) *Le řòm kamèn te-ašunèn kaďà dilì.*
ʻЦыгане хотят послушать эту песню.ʼ

(2) *Amè naštìs te-tinàs ťo khə̀r.*
ʻМы не можем купить твой дом.ʼ

(3) *Daràv te-źàv avrì.*
ʻБоюсь выйти наружу.ʼ

Так устроена начинательная конструкция (двухглагольный комплекс) *lèl* + *te-*... ʻначинать [делать что-л.]ʼ (см. 4.2.6.1.3).

(б) с прямым дополнением

Прямое дополнение главного предложения — подлежащее зависимого оборота:

(4) *O řòm mangľà la kətanà te-aźukərə̀l.*
ʻЦыган попросил милиционера подождать.ʼ

(в) с полупрямым дополнением

Полупрямое дополнение главного предложения — подлежащее зависимого оборота:

(5) *Le kətàni aźutisardè le řomès te-laśarə̀l lès-ki matòra.*
ʻМилиционеры помогли цыгану починить его машину.ʼ

(6) *Plaćàl-ma te-dilabàv.*
ʻМне нравится петь.ʼ

(г) с косвенным дополнением

Косвенное дополнение главного предложения — подлежащее зависимого оборота:

(7) *Le řòm phendè le gaźèn-gə te-źàn-tar.*
ʻЦыгане сказали русским уйти.ʼ

В этих зависимых оборотах (по определению) нет собственного подлежащего, но оно подразумевается, точнее — предопределено самим глаголом. В таких случаях говорится, что тот или иной глагол «контролирует» подлежащее зависимого оборота, навязывая ему в качестве подлежащего один из подчинённых ему членов (поэтому на его месте не может быть полноценного придаточного предложения со своим подлежащим). Однако имеются пограничные случаи, когда согласование формально нарушено, а происходит скорее «по смыслу»:

(8) *Sàs muřə̀ səmestòs-kə te-bitinàs amarò khə̀r.*
ʻМоей семье надо было продать наш дом.ʼ (букв. ʻчтобы мы продалиʼ)

Семантически ʻмоя семьяʼ = ʻмыʼ. Вероятно, такие случаи не следует трактовать как-то особо, т. е. это всё же зависимый оборот «с нарушением согласования».

4.12.2.2. Придаточное предложение в зависимом наклонении

Многие глаголы (желания, веления, ожидания, восприятия и др.) могут управлять придаточным предложением в зависимом наклонении. Предложение в зависимом наклонении говорит о воображаемых действиях (которых ждут, хотят и т. п.). В отличие от зависимого оборота, придаточное предложение имеет собственное подлежащее (если не безлично), не связанное ни с одним из членов главного предложения:

(1) *Kamàv ə lùmʹa te-ašunèl kaďà dilì.*
ʻХочу, чтобы люди услышали эту песню.ʼ

(2) 👂 *Kaj-mudarďà le levòs, aźukəràl te-xutèl pe lès-te o sàp.*
ʻУбил, значит, льва, ждёт, чтобы прыгнула на него змея.ʼ

(3) ♪ *Oj gaźà muřò gaźò || də-kỳn matò kaj-avès || ćek-dàta ćì-dikhlèm te-rovès.*
ʻОй, муж мой, муж, с тех пор как пьяный приходишь, ни разу не видела, чтоб ты плакал.ʼ

Придаточное предложение может быть безлично:

(4) *Kamàv te-avèl tatò and-o khər.*
ʻХочу, чтобы было тепло в доме.ʼ

В связи с тем, что в таких придаточных предложениях глагол выступает в зависимом наклонении, здесь невозможны разные глагольные времена. Такие предложения всегда бессоюзны (ср. обстоятельственные придаточные цели, могущие факультативно вводиться союзом *kàs* ʻчтобыʼ см. 4.12.5.4), а глагол в них имеет проклитику *te-* (в данном случае показатель зависимого наклонения).

Нередко подлежащее придаточного предложения стоит в его начале — там, где могло бы стоять дополнение главного предложения, однако вовсе не является таковым, ср. пример (1), где *ə lùmʹa* ʻлюдиʼ — в именительном падеже (а не в винительном *la lumʹà*). Впрочем, часто бывает, что в начале стоит глагол. Тогда получается, что клитика *te-* как бы стоит на месте подчинительного союза (например, *kə* ʻчтоʼ) и в какой-то степени берёт на себя функции такового. При этом поскольку *te-* неотторжимо от глагола, то подлежащее придаточного предложения в таких случаях стоит после сказуемого, ср. пример (2).

Придаточные предложения в зависимом наклонении могут зависеть от предикативных частиц (см. 3.13.2г). Частица *(h)àjda* ʻдавайʼ часто сочетается с императивом (сложное предложение не возникает, ср. *àjda ramosàr* ʻдавай пишиʼ, см. 4.2.6.2.4); однако она имеет факультативную форму мн. *(h)àjdan* ʻдавайтеʼ (так что её саму можно считать формой императива), после которой стоят зависимые формы 1.мн. или 2.мн. — факультативно с клитикой *te-*:

(5) ♪ *Àjdan bre, śavàle, te-màj-xàs-oj || te-màj-xàs-oj, te-màj-pʹàs-oj.*
ʻДавайте *бре* ребята, да есть-*ой*, да есть-*ой*, да пить-*ой*.ʼ

(6) 👂 *Àjda phiràs dùj-źenè, màj-vʹàselo dùj-źenè.*
ʻДавай будем ходить вдвоём, веселей вдвоём.ʼ

Впрочем, очень часто глагол после этой частицы опущен — подразумевается *(te-)źàs* ʻидём’, *(te-)źàn* ʻидитеʼ (или же можно считать глаголом саму частицу):

(7) 👂 *Àjda màn-de!*
ʻДавай ко мне!ʼ

После частицы *mè(k) ~ mùk* ‘пусть’ *te-* факультативно:

(8) ♪ *Mèk ť-avèl vòj baxtalì || là-ki bradì ť-avèl mordì || aj pa mùj ť-avèl codì.*
‘Пусть будет она счастлива, её ведро начищено, и чтоб умыта была.’

(9) 👂 *Sò sy, gaźì? Mèk-źàl-tar!*
‘Кто это, нецыганка? Пусть уходит!’

Несмотря на то что зависимое наклонение является признаком подчинённости, бывают и независимые предложения в зависимом наклонении: в значении повеления, при планировании собственных действий и нек. др. (см. 4.2.6.2.2). В зависимом наклонении могут стоять косвенные вопросы (см. 4.12.2.4).

4.12.2.3. Придаточное предложение с изъяснительным союзом

Сообщения о фактах, впечатлениях, мыслях в составе главного предложения можно оформить с помощью придаточного предложения, вводимого изъяснительным союзом. В простейшем случае это союз *kə* ‘что’:

(1) *Ašundèm kə avilè le kətàni.*
‘Я слышал, что пришла милиция.’

(2) 👁 *A vòj gyndisàjli kə ə mamʹořỳ sy.*
‘А она подумала, что это *мамёрры*.’ (мифологический персонаж)

(3) 👂 *Nàj vòja, nàj vòja, dikhən muřə nʹàmurə̀a, dikhəl muřò dàd, dikhən muřə phràl kə vàzdav ə kətrỳncy.*
‘Нельзя, нельзя — видят родственники, видит отец, видят братья, что я поднимаю фартук.’

(4) *Mištò màn-gə kə aviľàn.* (букв. ‘хорошо мне’)
‘Я рад, что ты пришёл.’

Такие придаточные предложения возможны при некоторых существительных, например *vʹàsťa* ‘молва, новость’ (см. 4.2.1.16.1).

Прямая речь (при глаголах речи) преобразуется в косвенную (см. 4.12.9.3). Факультативным показателем косвенной речи является частица *phen-kə* ‘мол’ (см. 4.3.8.1.3а).

При глаголах восприятия возможен и союз *sar* ‘как’ (с оттенком процесса):

(5) *Ašundèm sar tumè divinìnas.*
‘Я слышал, как вы разговаривали.’

К этому близко употребление глаголов восприятия с прямым дополнением и предложением побочного действия (см. 4.12.6).

В ряде случаев изъяснительную функцию можно усмотреть у союза *kana* ‘когда’. Такое толкование напрашивается, когда придаточное предложение — подлежащее. Однако здесь обычно в какой-то степени возможно также и прочтение в духе временно́го придаточного предложения:

(6) *Ćì-plaćàl-ma kana pès.*
‘Мне не нравится, когда ты пьёшь.’

По поводу синтаксической функции изъяснительных союзов: с одной стороны, можно считать их членом главного предложения, не входящим в придаточное. С другой — невозможен эллипсис подчинённой фразы, идущей за союзом (в отличие от косвенных вопросов, см. 4.12.2.4):

(7) ** *Ašundèm kə / sar.*
букв. ‘Я слышал, что / как.’

Подчинённое предложение *kə avilè le kətàni* ‘что пришла милиция’ в примере (1) можно в некоторых ситуациях заменить группой *kadò divàno* ‘этот разговор’ и т. п., причём то же подчинённое предложение можно включить в такую группу (‘[тот] факт [что]’):

(8) *Ašundèm o divàno kə avilè le kətàni.*
‘Я слышал разговор, что пришла милиция.’

Заметим, что здесь не может выступать указательное местоимение (****kodò kə avilè le kətàni** букв. ‘то, что пришла милиция’). Существительное в роли ядра невозможно при союзе *sar* ‘как’: *ašundèm sar...* ‘я слышал, как...’, но не ****ašundèm o divàno sar...*** ‘я слышал разговор, как...’.

4.12.2.4. Косвенный вопрос

Косвенный вопрос можно понять как способ обсуждения прямого вопроса, например: *kàj te-źàv?* ‘куда мне идти?’:

(1) а. *Ćі-źanàv kàj te-źàv.* (информация)
‘Я не знаю, куда идти.’
б. *Nàj(-ma) kàj te-źàv.* (возможность)
‘Мне некуда идти.’

Эти два типа рассмотрим отдельно.

4.12.2.4.1. Косвенный вопрос информации

Наклонение в косвенных вопросах информации — как в соответствующих прямых вопросах, т. е. может быть любым, кроме повелительного и сослагательного:

(1) *Mè ćì-źanàv sàr buśòs.* (изъявительное)
‘Я не знаю, как тебя зовут.’
(2) *Mè ćì-źanàv kàj te-źàv.* (зависимое)
‘Я не знаю, куда идти.’
(3) *Mè ćì-źanàv kàna sas-k-avèl.* (условное)
‘Я не знаю, когда он пришёл бы.’

Косвенный вопрос может быть специальным, общим (ограниченно) и альтернативным (спорно; о типах вопросов см. 4.7.2):

(а) специальный вопрос

При глаголах речи, знания и нек. др. употребляются придаточные предложения, вводимые вопросительным местоимением (*kàna* ‘когда’, *kàj*, ‘где’, *sò* ‘что́’, *kàs* ‘кого’, *ćè* ‘какой’ и т. д.). С глаголами речи вопросительные местоимения вводят подчинённые предложения, которые тем или иным образом являются результатом преобразования прямой речи (см. 4.12.9.3):

(4) а. *To̍ phràl phenďà màn-gə: Ə Ŕabìna trajìl ande Ćùdəva.* (прямая речь)
‘Твой брат сказал мне: «Рябина живёт в Чудове».’
б. *To̍ phràl phenďà màn-gə la Ŕabinà-ko àdriso.* (сущ. группа)
‘Твой брат сказал мне Рябинин адрес.’
в. *To̍ phràl phenďà màn-gə kadò.* (местоимение)
‘Твой брат сказал мне это.’
г. *To̍ phràl phenďà màn-gə kàj tràjil ə Ŕabìna.* (косвенный вопрос)
‘Твой брат сказал мне, где живёт Рябина.’

Конечно, прямая речь в обычной ситуации невозможна с глаголами типа *sykavèl* ‘показывать’ и пр. Примеры с различными местоимениями:

(5) *Phèn màn-gə sò trubùl te-anàs.*
‘Скажи мне, что нам надо принести.’

(6) *Vò sykaďà amèn-gə kàs-te te-źàs.*
‘Он показал нам, к кому идти.’

(7) *O Mùrša źanèl kàs akhardèm.*
‘Мурша знает, кого я позвал.’

(8) *Khònik ći-źanèl kàj sy ə bàba Ròza.*
‘Никто не знает, где баба Роза.’

(9) *Katàr źanàv mè kàna mutisàjle koćè?*
‘Откуда я знаю, когда они переехали туда?’

(10) *Vòj khanikàs-kə ći-phenďà karìng gəlì-tar là-ki śèj.*
‘Она никому не сказала, куда ушла её дочь.’

(11) *Pàte tù kòrkořo ći-haťaràs katàr phùrdel ə barvàl?*
‘Разве ты сам не понимаешь, откуда дует ветер?’

(12) *O barò le kyrdòs-ko phenèl tumèn-gə sòde khərà phabulè.*
‘Барон табора скажет вам, сколько домов сгорело.’

(13) *Dikhàs kabòr sy lèn-go khər.*
‘Ты видишь, какого размера их дом.’

(14) *Aj pùś katàr o khàm sàr te-vàzdes-les.*
‘И спроси у солнца, как его оживить.’

Отметим, что в примере (14) выступает ударное вопросительное местоимение *sàr*, в отличие от подчинительного союза *sar* (см. 4.12.2.3).

Вопрос может относиться к слову внутри предложной группы, тогда предлог стоит перед вопросительным местоимением:

(15) *Puślèm-tu anda ćè nàcyja san.*
‘Я тебя спросил, какой ты нации.’ (или ‘из какой цыганской группы’)

(16) *Phèn màn-gə źì kàna pherən le aftòbusurȧ.*
‘Скажи мне, до каких пор ходят автобусы.’

Теоретически косвенные специальные вопросы могут входить в существительные группы, однако такие употребления не встречаются: *?o puśimòs kàna avilèm* ‘вопрос, когда я пришёл’ (впрочем, и слово *puśimòs* и т. п. малоупотребительны).

В ряде приведённых примеров, как и в случае предложений, вводимых изъяснительным союзом *kə* ‘что’, подчинённые предложения можно (с натяжкой) считать зависящими от опущенного имени, ср. омонимичные (в точности до ударности) вопросительное местоимение *kàna* ‘когда’ и относительный союз *kana* ‘когда’ (см. ещё 4.2.1.16.1):

(17) *Katàr mè źanàv ə vr̓àmȧ kana mutisàjle koćè?*
‘Откуда я знаю время, когда они переехали туда?’

Это не относится к случаям, когда соотносительное слово — дополнение (7), т. к. тогда относительный союз (*kaj* ‘который’) не омонимичен местоимению (здесь *kàs* ‘кого’):

(18) ** *O Mùrša źanèl le n̓amòn kàs akhardèm.*
букв. ‘Мурша знает родственников, кого я позвал.’

В отличие от предложений, вводимых подчинительными союзами, предложения, вводимые вопросительными местоимениями, допускают эллипсис всего, кроме вопросительного слова (см. 4.9.5.4):

(19) *To̓ phràl phenďà màn-gə kàj.*
ʻТвой брат сказал мне где.ʼ
(20) *Vòj ćì-źanèlas kàna.*
ʻОна не знала когда.ʼ

В косвенных вопросах может быть и больше одного вопросительного местоимения:

(21) *Kaj-uštilè, nùma phenèn pèh-kə sunè, kòn ćè sunò dikhl̓à.*
ʻИ вот встали, давай рассказывать свои сны, кто какой сон видел.ʼ
(22) *Ći-źanàs kòn kàs mudarəl.* *~ kàs kòn mudarəl* ?* *kòn mudarəl kàs*
ʻМы не знаем, кто кого убивает.ʼ

(б) общий вопрос

Косвенный общий вопрос в изъявительном наклонении может быть только разделительным (т. е. содержать явный отрицательный ответ на себя):

(23) а. *Puślèm-tu kamès te-xàs vòrkə ćì.*
ʻЯ тебя спросил, хочешь ты есть или нет.ʼ
б. ** *Puślèm-tu kamès te-xàs.*
букв. ʻЯ тебя спросил, хочешь ты есть.ʼ

Впрочем, если придать вопросу вопросительную интонацию (т. е. *kamés te-xàs?*), получится полупрямая речь (см. 4.12.9.2). Именно ею почти всегда оформляются такие вопросы. Более того, даже в примере типа (23)а скорее всего будет вопросительная интонация (т. е. тоже полупрямая речь). Это можно объяснить отсутствием особого общего вопросительного слова (ʻлиʼ), в связи с чем приходится явно подчёркивать, что это вопрос, делая его разделительным (*vòrkə ćì* ʻили нетʼ; *vòrkə nàj* ʻили нетуʼ и т. п.).

При этом, однако, с зависимым наклонением (крайне редко) встречается союз *vaj* ʻлиʼ (обычно только в паре *vaj... vaj* ʻили... илиʼ — тогда это разделительный или обще-альтернативный вопрос):

(24) *Phèn màn-gə vaj te-źàv vaj te-nà-źàv.*
ʻСкажи мне, идти мне или нет.ʼ

Неясный пример (возможно, это общий вопрос — *te-źàl* ʻидёт лиʼ):

(25) *Vòj dikhəl te-źàl o manùš kodò pèh-ki... la glatà te-dèl te-xàl* [...?] *ili dèl là-te, ka koďà phurò̓řỳ.*
ʻОна смотрит, пойдёт ли этот человек своя... ребёнку даст есть [...?] или даст ей, этой старушке.ʼ (речь идёт о *мамёрры*, мифол. персонаже)

(в) альтернативный вопрос

Такие вопросы (ʻ*x* или *y*ʼ к одному из членов предложения) обычно задаются в виде полупрямой речи (см. 4.12.9.2), однако ср.:

(26) *Phèn màn-gə sò te-p̓àv: řətíja vòrkə pàj?*
ʻСкажи мне, что мне пить: водку или воду?ʼ
(27) *Puślèm-le kàj lès-ki dèj: maškar ə bár la vòrkə and-o fòro?*
ʻЯ спросил его, где его мать: она в таборе или в городе?ʼ

Приведённые примеры вопросов состоят из двух частей: специальной (*sò...*) и собственно альтернативной (*...vòrkə...*). Если интонация первой части не вопросительная, тогда можно считать, что это косвенный вопрос. Однако первая часть, кажется, всегда имеет скорее сильную интонацию, как в вопросительном предложении (*sȍ*, *kȁj*), т. е. всё это полупрямая речь.

4.12.2.4.2. Косвенный вопрос возможности

Когда надо сказать, что существует или не существует предмет, способ и т. п., выраженный тем или иным членом предложения, это предложение становится придаточным (в зависимом наклонении), вводится соответствующим вопросительным словом и подчиняется главному предложению со сказуемым *sỳ* ‘есть’ (в значениях ‘есть кому; куда; кого’ и т. п.) или *nàj* ‘нет’ (в значениях ‘некому; некуда; некого...’ и т. п.). Дадим иллюстрации отрицательного варианта на разные члены — во всех случаях, кроме подлежащего, у *sỳ*/*nàj* может быть дополнение (= подлежащее в придаточном, по смыслу это субъект (не)возможности):

(1) *Nàj kòn te-marə̀l-le.* (подлежащее)
‘Некому побить их.’

(2) *Nàj(-ma) sò te-phenàv.* (прямое дополнение)
‘Мне нечего сказать.’

(3) *Nàj(-tu) kàs te-aźutìs.* (полупрямое дополнение)
‘Тебе некому помогать.’

(4) *Nàj(-tume) kàs-tar te-daràn.* (косвенное дополнение)
‘Вам некого бояться.’

(5) *Nàj(-ma) pe sòs-te te-źàv.* (предложное дополнение)
‘Мне не на чем ехать.’

(6) *Nàj(-len) kàna te-avèn tù-te.* (обстоятельство)
‘Им некогда прийти к тебе.’

Вопросительного глагола нет, поэтому к несвязочному сказуемому можно задать вопрос (прямой и косвенный) только глаголом *kərə̀l* ‘делать’ + *sò* ‘что’ (дополнение):

(7) *Nàj(-len) sò te-kərə̀n.*
‘Им нечего делать.’

Примеры на расширение и присказуемое затруднительны. В отдельных случаях вопрос может заключаться и внутри группы — с вопросительным словом *ćè* ‘какой’, определяющим ядро; однако вместо этого чаще применяется относительный зависимый оборот, подчинённый существительному (см. 4.12.3.4):

(8) а. *Nàj-ma ćè papùća te-thàv and-o punřò.*
букв. ‘У меня нет какие башмаки обуть.’
б. *Nàj-ma papùća te-thàv and-o punřò.*
‘У меня нет башмаков [чтобы] обуть.’

Положительный вариант косвенного вопроса возможности употребляется реже:

(9) *Kàna-gòdi sỳ-ma kàj te-źàv.*
‘Мне всегда есть куда сходить.’

Субъект возможности (полупрямое дополнение) выражается далеко не всегда:

(10) *Ə phurì dikhə̀l: nàj sàr te-našən, lòtka nàj, khànći nàj.*
‘Старуха видит: никак им не сбежать, лодки нет, ничего нет.’

Рассматриваемый оборот мы относим к косвенным вопросам (а не к свободным относительным предложениям), ибо, во-первых, налицо полная формальная тождественность (такой косвенный вопрос всегда возможен с глаголами *źanèl* ‘знать’, *puśèl* ‘спросить’ и т. п.), а во-вторых, возможен эллипсис вплоть до вопросительного слова (см. 4.9.5.4):

(11) *Ćì-xàv khànći kə nàj(-ma) sò.* (опущено *te-xàv* ‘есть’)
‘Я ничего не ем, потому что (мне) нечего.’

Подобное совершенно невозможно в свободных относительных предложениях:

(12) а. *Ćì-xàv khànći kə ći-tindèm sò te-xàv.*
ʻЯ ничего не ем, потому что не купил что поесть.ʼ
б. ** *Ćì-xàv khànći kə ći-tindèm sò.*
букв. ʻЯ ничего не ем, потому что не купил что.ʼ

С местоимением *karìng* ʻкудаʼ — особый оборот ʻнекуда деватьсяʼ (см. 4.6.1.2):

(13) ◂ *La Řusyjà nàj karìng.*
ʻРоссии некуда [деваться].ʼ (т. е. ʻальтернатив нетʼ — о внешней политике)

Пример с изъявительным наклонением вместо зависимого (оговорка?):

(14) ♪ *Aj nà-mer, phèjo, nà-mer, śèjo || k o Grišùca cynořò lo || Nàj kòn dèl-le ćućořỳ, śè.*
ʻДа не умирай, сестра, не умирай, милая, ведь Гришенька — маленький, некому ему дать титьку, милая.ʼ

4.12.3. Относительная подчинённая фраза

Так мы называем предложение, входящее в существительную (в особых случаях — прилагательную) группу. Такие предложения бывают **определительными**, когда определяют существительные подобно прилагательным (ʻкоторый...ʼ и т. д.), а также **обстоятельственными**, когда определяют существительные подобно наречиям (обычно ʻгде...ʼ).

4.12.3.1. Определительные относительные предложения

Подчинённая фраза, вводимая относительным союзом *kaj*, является определением существительного; тогда она выступает в той же роли, что и прилагательное в пределах существительной группы:

(1) а. *Źanàv la tərn̓à řomn̓à.* (определение)
ʻЯ знаю молодую цыганку.ʼ
б. *Źanàv la řomn̓à kaj avilì tù-te.*
ʻЯ знаю цыганку, которая пришла к тебе.ʼ

К любому определительному придаточному предложению можно подобрать соответствие в виде самостоятельного предложения, где в явном виде присутствует определяемое слово; так, второе предложение в (2)а превращается в придаточное в (2)б:

(2) а. *Avilì tù-te ək řomnì. Dikhlèm kodolà řomn̓à.*
ʻК тебе пришла цыганка. Я увидел эту цыганку.ʼ
⇒ б. *Dikhlèm la řomn̓à kaj avilì tù-te.*
ʻЯ видел цыганку, которая пришла к тебе.ʼ

Как видно, в примере (2)б дополнение главного предложения *la řomn̓à* не повторяется в придаточном (где оно было бы подлежащим). Можно сказать, что эта неполнота придаточного предложения (т. е. неповторение в нём определяемого им же слова) сигнализируется союзом *kaj*.

Определяемое слово может быть назывным или местоименным. Во втором случае придаточные предложения менее разнообразны и менее сложны по структуре.

Определительные предложения, как и определения вообще, могут иметь ограничительное или описательное значение (см. 4.2.1.4.3). При назывном определяемом это различие бывает выражено только интонацией, однако ограничительность можно выразить явно соотносительным местоимением-прилагательным *kodò* ʻтотʼ. То же верно и для ме-

стоимения-существительного *kadò* ‘это’ как ядра группы (см. ниже). Рассмотрим отдельно определительные предложения в зависимости от типа определяемого (ядра существительной группы):

(а) к назывному существительному

В части случаев определяемое назывное слово может «оставить след» в виде местоимения в придаточном предложении. Возможен ряд вариантов — в зависимости от роли этого слова в придаточном, оно или пропускается, или заменяется местоимением из личного ряда — клитиками *-le(s)* ‘его’, *-la* ‘её’, *-le(n)* ‘их’, формами вторичных падежей типа *lès-kə* ‘ему’ и т. д.:

(3) *Źanès la řomn̓à...* ‘Ты знаешь цыганку...’

подлежащее:	*kaj ∅ avilì* ‘которая пришла’	пропуск
прямое дополнение:	*kaj dikhlèm(-la)* ‘которую я видел’	местоимение-клитика (факульт.)
полупрямое дополнение:	*kaj dèm-la xabè* ‘которой я дал еды’	местоимение-клитика
косвенное дополнение:	*kaj dèm là-sa dùma* ‘с которой я говорил’	местоимение во вторичном падеже
предложное дополнение:	*kaj ašundèm pa là-te* ‘о которой я слышал’	предложная группа с местоимением
притяжатель в группе:	*kaj avilò là-ko řòm* ‘чей муж пришёл’	притяжательное местоимение

Как видим, особого относительного местоимения-прилагательного нет (в его роли нельзя употребить *ćè* ‘какой’ или *savò* ‘который’).

Приведём пример на последнюю разновидность (остальные обильно иллюстрируются ниже) — притяжатель в относительной функции, причём здесь притяжатель входит в существительную группу внутри предложной:

(4) *Aj le masàr̓a kaj ćì-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst?*
‘А [что же] мясники, с чьих рук не смывается кровь?’

Относительные местоимения-клитики факультативны (хотя частотны) только в роли прямого дополнения:

(5) *Lèl o raklò vàzdel kodò bař, dèl dròm sà le narodòs kaj phangl̓à-le ə hurhùna kod̓à.*
‘Берёт парень, поднимает этот камень, выпускать всех людей, которых связала эта *ɣurɣuna*.’ (страшная старуха)

Они обязательны в роли полупрямого дополнения:

(6) *Ə̀ta o raklò kaj dèm-le lovè.*
‘Вот парень, которому я дал денег.’

Относительная клитика невозможна, если при глаголе уже есть клитика (двух местоименных клитик не бывает, см. 4.9.2.1.5.1):

(7) *Aj gəlò-tar ande pèh-ki komnatùca kaj ďà-le ande kaň'ùšənna te-sovèl.* ***-la-le*
‘И ушёл в свою комнатку, которую дал ему [царь] в конюшне, чтобы спать.’

Не существует относительного местоимения в именительном падеже, поэтому в роли подлежащего выступает пропуск (*kaj ∅ avilì* ‘которая пришла’). Однако в каких-то случаях возможен повтор определяемого:

(8) *Źà aj tìde màn-gə sà le zvèŕà, kaj sỳ le zvèŕà p-o svèto.*
букв. ‘Иди и собери мне всех зверей, которые есть звери на свете.’

В главном же предложении определяемое слово может быть ядром существительной группы, являющейся любым членом предложения, ср.:

(9) *Tàtə, phenèl, dìkh sò ďà-ma, phenèl, kukò ampəràto, phenèl, kaj marďà-pe tumènca.* (подлежащее)
‘Папа, говорит, смотри, что мне дал, говорит, этот царь, говорит, который дрался с вами.’

(10) *Tìndèm ə matòra kaj plaćajà-ma.* (дополнение)
‘Я купил машину, которая мне понравилась.’

(11) *Mè sym gaźò kaj dàv dùma řomanès.* (расширение)
‘Я русский, говорящий по-цыгански.’

Определяемое слово может входить в другие группы, например в предложную:

(12) *Làzare, ande sòs-te la, ti zòr?* [...] — *Ə̀ta, ande kaťà bàta, phèn-kə, kaj phiravàv-la də-cynořàra pala màn-de.*
‘Лазаро, в чём она, твоя сила? [...] — Вот, в этой дубине, говорит, которую я ношу сызмальства за собой.’

Это может быть и притяжательная форма (которую здесь удобно считать формой существительного):

(13) *Mè sym ə śèj le ampəratòs-ti kaj sy pala injà pajà, pala injà plajà.*
‘Я дочь царя, который за девятью реками, за девятью горами.’

Пример сочинения определительных придаточных:

(14) *Kaj-rovèl, kolà zvèŕà kaj spasajisarďà-le vò, kaj ćì-mudarďà-le, ašunèn aj avèntar lès-te.*
‘И плачет [он], [а] эти звери, которых спас он, которых не убил, слышат и приходят к нему.’

Определительные предложения к назывному определяемому чаще всего имеют ограничительное значение, когда ядро употреблено с определённым артиклем (тогда артикль в какой-то степени берёт на себя роль соотносительного слова):

(15) *Anklistò o raklò màj-oprə̀ pe sàlka kaj sy màj-barì.* (здесь *pe = pe + ə*)
‘Влез парень выше на дерево, которое больше.’ (или ‘самое большое’)

(16) *Mudarďà le ampəratòs, mudarďə̀, aj mudarəl la rakľà kaj dilabàl màj-mùndro savořàn-dar.*
‘Убил царя, убил, и убивает девушку, что поёт красивее всех.’

Ограничительность может явно выражаться соотносительным указателем *kodò* ‘этот’ (в плане речи), который обычно ставится правее ядра, непосредственно перед придаточным предложением:

(17) *Thodè-pe te-xàn. Nu sò, jek... kodò... khajnorỳ koďə̀ kaj sỳ-le cynořỳ.*
‘Сели есть. Ну что... это... курицу эту, которая есть у них, маленькую.’

В подобной соотносительной функции иногда выступает и неопределённый указатель *ko(do)lèn-dar* ‘такой’:

(18) 👁 *Užə źàn ròden phuŕořà kolèn-dar kaj sy maťarnè, anèn pès-te and-o khər te-xalavèn-le.* (ограничительно?)
‘Уже идут ищут старушек таких, которые пьяницы, приводят к себе домой, чтоб их помыть.’

Однако обычно *kodò* (в т. ч. в «кратких» косвенных формах) применяется и вне соотносительной функции (в плане речи), ср. с описательным предложением:

(19) 👂 *Ľà mudarďà kolà papinořà, kaj bešəl lès-kə paša khər.*
‘Взял, убил этого гуська, что жил у него около дома.’

Указатель *kadò* ‘этот’ (в плане действительности) говорит скорее об описательности:

(20) 👂 *Sò j kadò manùš kaj avilò?*
‘Кто этот человек, который пришёл?’

Пример с неопределённостью ядра:

(21) 👂 *Amèn traďà-ame o rašàj anda kutàri gàv, phenďà kə tù-te sy gràst pala amèn-de kaj nigərən-ame amèn.* (описательно?)
‘Нас послал поп из такой-то деревни, сказал, что у тебя есть кони для нас, которые нас отвезут.’

(б) к местоимению-существительному

Определяемое слово может быть местоимением *kadò* ‘это(т)’ (в плане действительности). Оно одновременно является определяемым существительным (т. е. ядром группы, в которую входит определительное предложение) и соотносительным местоимением:

(22) 👂 *Sò j kadò, Màrkule, kaj kərďàn?*
‘Что же это ты, Маркуло, наделал?’ (букв. ‘что есть это, что ты сделал’)

В этом примере налицо скорее описательное значение, что согласуется с планом действительности (здесь ‘результат действия’ уже известен, а придаточное лишь описывает его). Ещё чаще с одушевлёнными:

(23) ♪ *Aj kòn sy, kòn sy kadalà kaj avèn-tar p-əl gavà?* [авт. песня, Гого]
‘А кто, кто эти [люди], которые приезжают на заработки?’

В ограничительным смысле обычно выступает свободное относительное предложение, поэтому вместо ***kodò kaj* букв. ‘то, которое’ или ‘тот, который’ имеем *sò* ‘что’, *kòn* ‘кто’ (см. 4.12.4.1).

(в) к пропущенному определяемому

В контекстах, где требуется дать описательное толкование понятия (например, незнакомого спрашивающему слова), иногда выступает оборот с *kaj*, но без определяемого, которое можно считать пропущенным в порядке эллипсиса (например, [*manùš*] *kaj*... ‘[человек], который...’):

(24) *Fatògrafo sy kaj lèl and-o patrèto.*
‘Фотограф — это который фотографирует.’ (букв. ‘берёт в портрет’)

(25) 🔈 *O mehlèmo sy kaj cỳrdel-pe lè-sa.*
‘Припой — это то, чем паяют.’

Такие обороты встречаются при подыскивании слова (обычно после паузы), но, кажется, только в именительном падеже, ср. в роли подлежащего:

(26) *Avilè... kaj znimujìn.*
ʻПришли... которые снимают.ʼ (т. е. ʻфотографыʼ)

Здесь можно было бы усмотреть свободные относительные предложения (см. 4.12.4.1), однако в последних имеются особые «союзные слова», так или иначе содержащие в себе определяемое, а здесь перед *kaj*, вероятно, уместнее видеть эллипсис существительного.

4.12.3.2. Местные и временны́е относительные предложения

Такие предложения отвечают на «наречные» вопросы: места — *kàj?* ʻгде?, куда?ʼ, времени — *kàna?* ʻкогда?ʼ (редко). В первом случае определяемое существительное обозначает место, во втором — время. В роли относительных союзов — *kaj* и *kana*:

(1) *Ə hurhùna phenďà lès-kə pa bàř kaj garaďà le narodòs.*
ʻ*Ғурғуна* рассказала ему о камне, где она спрятала народ.ʼ (мифол. персонаж)

(2) *Sàr te-nà-rovàv, phèn-kə, peradèm ande xajìng k angrustì kaj kununisàjlem tù-sa.*
ʻКак мне не плакать, мол, я уронила в колодец кольцо, где венчалась с тобой.ʼ

Временны́е относительные предложения довольно редки:

(3) *Sərəs ə pèrvo ŕàt kana mudardèm le źuklès?*
ʻПомнишь первую ночь, когда я убил собаку?ʼ

Пример явной ограничительности:

(4) *Aj gəlò-tar aj bešəl ande pivnàja koďà kaj pènah atùnći kana sàs vòn.*
ʻИ ушёл, и сидит в пивной, той, где пили тогда, когда были они.ʼ

Союз *kaj* часто выражает туманные и не всегда ясные отношения, ср., судя по всему, временно́е предложение:

(5) *Sərəs, phèn-kə, o pèrvo marimòs kaj mekľàn-ma tumè inťà ka-j bàlta?*
ʻПомнишь, говорит, первую битву, когда вы меня оставили там у болота?ʼ

Здесь придаточное предложение можно считать относительным, если понимать его как характеристику *marimòs kaj...* ʻбитва, в ходе которойʼ и т. д.

4.12.3.3. Усилительные относительные предложения

Для подчёркивания какого-либо качества может применяться особый тип присказуемого, состоящего из существительной группы или прилагательного, вводимых предлогом (?) *də*, и «тривиального» предложения *kaj* + глагол-связка (см. 4.3.5.2, 4.3.5.3):

(1) *Ćì-haťarəs khànći, də dilò kaj san!*
ʻНичего не понимаешь, такой дурак!ʼ (букв. ʻ*də* дурак, который есиʼ)

Пример сочинения:

(2) *Aj ə raklì phabòl, jag lèl, də krasàjca, də mùndro kaj sỳ!*
ʻА девушка горит, загорается, такая красавица, такая прекрасная!ʼ

Глагол-связка стоит в настоящем или прошедшем времени. Эта конструкция, по-видимому, является частным случаем восклицательных предложений, в которых подлежащее вводится с помощью *də* (о них см. 4.7.5).

4.12.3.4. Относительный зависимый оборот

Иногда можно считать, что в существительную группу входит зависимый оборот:

(1) *Śinèl là-kə felijìca te-xàl.*
‘Отрезает ей кусочек [чтоб ей] съесть.’

(2) *Sỳ-ma kàr, sỳ-ma pelè || nàj-ma mìnź te-dàv bulè.*
‘Есть у меня хуй, есть у меня яйца, нет у меня пизды, чтоб ебать.’ (стишок)

(3) *Kana vò: Bystərdèm, phèn-gə, sàs-ma avèr gỳndurə̀a te-puśàv-les, phèn-kə, aj pa tù-te bystərdèm.*
‘И тут он: «Забыл, мол, у меня были другие мысли [о чём] его спросить, мол, а о тебе забыл».’

Это, по-видимому, довольно редкое явление, причём не всегда ясно, можно ли однозначно усматривать здесь синтаксическую зависимость именно от ядра группы. Как бы то ни было, подлежащее зависимого оборота совпадает с полупрямым или косвенным дополнением (‘кому’, ‘у кого’ и т. д.) глагола, от которого зависит и определяемое зависимым оборотом существительное (сложность такой связи заставляет нас сомневаться в обоснованности этого подхода). Здесь усматривается значение сродни цели, однако это, видимо, не обстоятельственное придаточное цели, а именно зависимый оборот. Подлежащее в нём явно не выражается, а толкование в духе цели возможно не всегда, ср. пример (3), который не может быть понят как **‘есть у меня мысли, чтобы его спросить’, так что связь между *gỳndurə̀a* ‘мысли’ и *te-puśàv* ‘спросить’ — более тесная.

Зависимый оборот содержит переходный глагол, прямым дополнением которого по смыслу является определяемое существительное, в связи с чем можно, при желании, говорить об эллипсисе, например: *felijìca* [*kaj vòj daštìl*] *te-xàl*[*-la*] ‘[которую она может] съесть’ (с местоименным повтором, см. 4.12.3.1). Тем самым, можно было бы это считать преобразованием определительного относительного предложения, однако в рассматриваемом зависимом обороте, кажется, нельзя клитикой обозначить дополнение (т. е. нельзя сказать ***felijìca te-xàl-la*). Значит, речь, возможно, идёт об особом явлении.

Это подкрепляется наличием свободных относительных зависимых оборотов (т. е. без определяемого слова, см. 4.12.4.2).

4.12.4. Свободная относительная подчинённая фраза

Именной подчинённой фразой мы назвали придаточное предложение или зависимый оборот, выступающие «на месте» членов предложения — существительных групп — и так или иначе зависящие от сказуемого (см. 4.12.2). Другой тип фразы, относительная подчинённая фраза, зависит от определяемого слова — ядра существительной группы — и вводится специальными союзами (см. 4.12.3).

Имеется и гибрид этих двух типов фраз — свободная относительная фраза (предложение и зависимый оборот), т. е. такая фраза, внутри которой содержится неявно выраженное ядро-определяемое.

4.12.4.1. Свободное относительное предложение

Свободное относительное предложение является именным, т. е. выступает там же, где и существительные группы, причём независимо от семантики глагола в главном предложении (этим оно отличается от именной подчинённой фразы, тип которой регламентируется моделью управления глагола). В части случаев свободное относительное предложение внешне схоже с косвенным вопросом, т. к. содержит те же местоимения (например,

kòn ‘кто’, *sò* ‘что’). Это местоимение сочетает в себе функции соотносительного местоимения и относительного союза (как бы «слитых» воедино), но обычно не может быть разложено на них — например, можно было бы вообразить, что *sò* ‘[то] что’ = ?**kodò kaj* ‘то, которое’, ср.:

(1) а. *Kəràv sò kamàv.*
‘Делаю, что хочу.’
б. ?* *Kəràv kòdo kaj kamàv.*
букв. ‘Делаю то, которое хочу.’

Пример (1)а может быть понят двояко: как однозначный выбор (ограничительно) — ‘именно то, что хочу’, или же как произвольный выбор — ‘всё, что хочу’ (‘что бы ни...’); пример (1)б в нормальном случае невозможен. Произвольность выбора может быть выражена и явно — энклитикой *-gòdi*, ср. *sò-gòdi* ‘что угодно, что бы ни’. Пример предложения, где нет произвольного прочтения:

(2) *Kàj te-bitinàs tù-kə, amèn ćì-arəsàl-ame sò pekàs!*
‘Куда там продать тебе, и нам не хватает того, что мы печём!’

Сначала рассмотрим случаи «слитого» относительного слова, а затем случаи, где появляется и отдельное соотносительное слово:

(а) без соотносительного слова

В таком свободном относительном предложении глагол стоит в изъявительном наклонении (настоящего или прошедшего времени). Такие предложения могут выступать в роли разных членов главного предложения (в роли расширения к дополнению — затруднительно):

(3) *Mùk ť-avèl s[o] avèla.* (подлежащее)
‘Пусть будет что будет.’
(4) *Kakò řòm sy kòn trubùl-ame.* (расширение к подлежащему)
‘Вот этот цыган — тот, кто нам нужен.’
(5) *Xà sò(-gòdi) dikhàs pe skafedì.* (прямое дополнение)
‘Ешь, что видишь на столе.’
(6) *Aźutìv kàs(-gòdi) trubùl muřò aźutimòs.* (полупрямое дополнение)
‘Я помогаю, кому нужна моя помощь.’
(7) *Phèn kadò kàs-kə(-gòdi) kamès.* (косвенное дополнение)
‘Скажи это, кому хочешь.’
(8) *Divinisàr pa sòs-te(-gòdi) plaćàl-tu.* (предложное дополнение)
‘Говори, о чём тебе нравится.’
(9) ? *Thàv-ma tirvì! — Thàv-tu sò(-gòdi) kamès.* (расширение к дополнению)
‘Сделай меня кумой! — Сделаю тебя чем хочешь.’

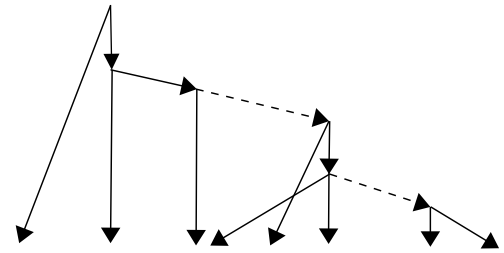
Если в примерах (3)–(6) придаточные предложения более-менее разнообразны, то в остальных примерах в них стоят лишь глаголы «выбора»: *kamèl* ‘хотеть’, *plaćàl* ‘нравиться’, т. к. для этих членов предложения (особенно для расширений) трудно подобрать другие осмысленные примеры (почему — будет понятно из нижеизложенного).

Кроме того, свободное относительное предложение может выступать в роли обращения (ср. *śavàle!* ‘ребята!’):

(10) *Kòn ći-źanèl, àta, puśèn.*
‘Кто не знает, вот, спрашивайте.’

Здесь видно, что это не подлежащее, т. к. сказуемое *puśèn* ‘спрашивайте’ стоит в повелительном наклонении (при каковом подлежащим может быть местоимение или нуль).

Придаточные свободные относительные предложения бывают двух типов: простые (с явным сказуемым), например (5), и сложные (с эллипсисом своей подчинённой фразы), например (7). Так, в примере (5) местоимение *sò-gòdi* можно считать одновременно членом главного и придаточного предложений (и там, и там это прямое дополнение), зависящим, таким образом, от двух глаголов сразу:



∅ *xà* *sò-gòdi* ∅ *dikhàs* *pe skafedì* [∅ = *tù* ‘ты’]

Возможность появления этого сложного предложения обеспечивается тождественностью требуемой формы (винительного падежа) этого «слитого» члена *sò-gòdi* при глаголах *xàl* ‘есть’ (в главном предложении) и *dikhàl* ‘видеть’ (в придаточном). Это также действует, когда падежи разные, а форма совпадает (видимо, только если это прямая форма), ср. вин. = им. *sò* (11); им. = вин. *sò* (12):

(11) *Xà sò(-gòdi) bešàl pe skafedì.*
‘Ешь, что стои́т на столе.’

(12) *Plaćàl-ma sò(-gòdi) phenès.*
‘Мне нравится то, что ты говоришь.’

Это затруднительно или невозможно при совпадении в главной и подчинённой части косвенных форм местоимения:

(13) ?* *Nàš kàs-tar(-gòdi) daràs.*
букв. ‘Беги от кого боишься.’

При несовпадении форм такое предложение совсем невозможно:

(14) ** *Dìkh pe sòs-te-gòdi andèm.* (в придат. ожидается *sò-gòdi* ‘что’)
букв. ‘Смотри на что я принёс.’

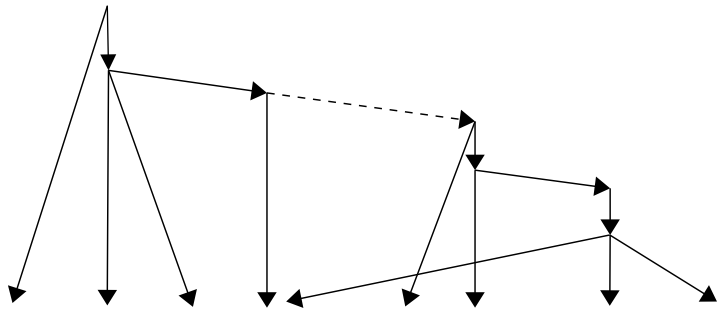
(15) ** *Phèn kadò kàs-kə-gòdi divinìs.* (в придат. ожидается *kà-sa-gòdi* ‘с кем’)
букв. ‘Скажи это кому беседуешь.’

(16) ** *Akhàr kàs-gòdi bešàl kaćè.* (в придат. ожидается *kòn-gòdi* ‘кто’)
букв. ‘Позови кого тут живёт.’

Теперь обратимся к примеру (7). В нём имеет место эллипсис, причём пропущенный отрезок может быть восстановлен следующим образом (получится неестественное предложение):

(17) *Phèn kadò kàs-kə-gòdi kamès te-phenès kadò.*
‘Скажи это, кому хочешь это сказать.’

Здесь налицо главное предложение, придаточное предложение и вложенный в него зависимый оборот (*te-phenès kadò* ‘сказать это’). При этом можно считать, что местоимение *kàs-kə(-gòdi)* является одновременно косвенным дополнением (в направительном падеже) в главном предложении и в зависимом обороте (в обоих случаях это адресат действия, дважды выраженного глаголом *phenèl* ‘говорить’):



∅ *phèn kadò kàs-kə-gòdi* ∅ *kamès te-phenès kadò* [∅ = *tù* ‘ты’]

Таким образом, сложное предложение (7) возможно благодаря совпадению форм дополнений двух (одинаковых) глаголов, второй из которых опущен. При этом наличествующий глагол *kamèl* ‘хотеть’ управляет вовсе не местоимением *kàs-kə(-gòdi)*, а опущенным зависимым оборотом. Таковы примеры (7)–(9); теоретически и в них можно подставить глагол, от которого напрямую зависело бы местоимение, но такие предложения были бы искусственны (в т. ч. потому что для этих конструкций трудно подобрать два разных глагола с одинаковым управлением без ущерба смыслу).

От (со)относительного местоимения *sò(-gòdi)* может зависеть определитель *sà* ‘всё’ (см. также 4.2.1.14.9е):

(18) *Aj katkà hramòl-pe sà so-gòdi phenàv?*
‘А тут записывается всё, что я говорю?’

Свободное относительное предложение порой невозможно отличить от уступительного, однако в уступительных предложениях (см. 4.12.5.6) глагол часто (но факультативно) ставится в отрицательную форму, ср.:

(19) *Aj kòn-gòdi aj ćì-nakhəla || anda là-kə ćućà pàj pèla.*
‘И кто ни проходит, из её грудей воду пьёт.’

Вопросительное слово в придаточном предложении может входить в синтаксическую группу, т. е. быть определением. Это могут быть местоимения *savò(-gòdi)* ‘который бы ни’, *sòde* ‘сколько’, *sò* ‘[всё] сколько [есть]’. В следующих примерах опущено ядро существительной группы:

(20) *Lè savè(-gòdi) plaćàn-tu.* (ядро: напр. *papùća* ‘башмаки’)
‘Бери, какие тебе нравятся.’

(21) *Arəsàl-ma sòde sỳ-ma.* (ядро: напр. *lovè* ‘деньги’)
‘Мне хватает, сколько у меня есть.’

Ядро не опускается при *sò* в значении ‘сколько; весь тот, который’ (если ядро опустить, то *sò* будет не определителем, а ядром):

(22) *Sàr te-nà-arəsàl-tume sò pekàn manřò?*
‘Как это вам не хватает того хлеба, что вы печёте?’ (букв. ‘что печёте хлеб’)

Свободное относительное предложение может входить в предложную группу:

(23) *Tiràv anda sòs-te-gòdi kamès, sò-gòdi plaćàl-tu, aj dìkh-ta sò xàl vòj.*
‘Готовь из чего хочешь, всё, что тебе нравится, и смотри-ка, что ест она.’

Особняком стоит указательная конструкция с частицей *àta* ‘вот’ (см. 4.5.5), ср.:

(24) *Àta sò kamàv.*
‘Вот чего я хочу.’

(25) *Ə̀ta kòn aviľà amèn-de!*
ʿВот кто пришёл к нам!ʾ

Возможно, здесь лучше видеть не относительное предложение, а косвенный вопрос (см. 4.12.2.4), учитывая, что подчинённая фраза при *ə̀ta* ʿвотʾ может быть обстоятельственной: *ə̀ta kàj...* ʿвот где...ʾ.

(б) с соотносительным словом

Если придаточное предложение стоит в начале главного, то в главном часто вводится отдельное соотносительное местоимение *kodò* ʿто, тотʾ (при одушевлённости изменяется по родам и числам). Таким образом, имеют место и относительное, и соотносительное местоимения, причём их форма (падеж, число) может совпадать или не совпадать:

(26) *Sò kamès, kodò i kə̀r.*
ʿЧто хочешь, то и делай.ʾ
(27) *Sò avèla, phèn-kə, kodò i avèla.* (*avèla* — формы изъяв. = сосл.)
ʿЧто будет, мол, то и будет.ʾ
(28) *Pe kàs-te perə̀l o nosovìko, kodò sy là-ko gaźò.*
ʿНа кого упадёт платок, тот её супруг.ʾ

Нередко после соотносительного местоимения перед глаголом стоит усилительная частица *i*, как в (26), (27), подчёркивающая рему (см. 4.3.8.1.2в).

В таких предложениях возможно и сослагательное наклонение, т. к. налицо нюанс условия (которого нет при открытом, множественном выборе):

(29) *Kòn astarə̀la le ćorə̀s, kodolès-kə dàv sà barvalimòs muřò.*
ʿКто поймает вора, тому дам всё богатство моё.ʾ
(30) *Kòn màj-mùndro sunò dikhə̀la, kodò xàl kaďà khajnì.*
ʿКто более красивый сон увидит, тот съест эту курицу.ʾ
(31) *Kòn plaćàla myřà rakľà, pala kodò thàv-la.*
ʿКто понравится моей дочери, за того отдам её.ʾ (букв. ʿпоставлюʾ)

Как и в свободных относительных предложениях без соотносительного слова, относительный союз (вопросительное слово) может быть определением:

(32) *Thaj savò phràl pàj ba arakhə̀l || kodolès-oj Rìna kaj-maj-lèl-oj.*
ʿДа который брат воду *ба* найдёт, того *ой* Рина да и возьмёт *ой*.ʾ

Здесь подчинённую часть по-прежнему следует считать именной, а не определительной, т. к., во-первых, соотносительное местоимение обычно факультативно (если оно совпадает по форме с относительным), а во-вторых, относительные местоимения *sò* и *kòn* не превращаются в *kaj* ʿкоторыйʾ (ср. *kodò... kaj* ʿтот... что/ктоʾ). Отметим также, что выбор здесь в меньшей степени открытый, а придаточное предложение можно понять ограничительно.

Частично роль соотносительного слова можно приписать местоимению-клитике (если речь идёт о прямом дополнении):

(33) *Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marə̀l-les o bàř źì ka-l ćangà.*
ʿА кто услышит и расскажет, пусть разобьёт его паралич до колен.ʾ

Пример сочетания соотносительного *kodò* (в данном случае одушевлённого в женском роде) и местоимения-клитики (о местоименном повторе см. 4.9.2.1.5.2):

(34) *A kòn dèla kodò dikhloř̀ò, kodolà te-lèn-la.*
ʿА кто даст этот платочек, ту возьмите [замуж].ʾ

Местоимение *sò(-gòdi)* в значении ʻвсе, сколько ни’ может быть определением ядра в существительной группе, причём ядро может быть явным:

(35) *Aj so-gòdi sy hỳrcy mulè, sà te-źuvindìs-le.*
ʻА сколько есть мёртвых мышей, всех их ты оживи.’

(36) *Sò sàs-ame lovè, sà xaľàm.*
ʻСколько было у нас денег, все проели.’

В примере (35) функцию соотносительного местоимения, по-видимому, выполняет *sà* (примечательно, что в «полноценном» местоименном значении здесь мы ожидали бы одушевлённого *savořən* ʻвсех’), а также повтор дополнения местоименной клитикой *-le*. Придаточное предложение (*so-gòdi sy hỳrcy...*) можно толковать как вынесенное дополнение (см. 4.8.7) или же как придаточное уступки (см. 4.12.5.6).

Относительное предложение может быть и притяжательным (притяжательные группы мы отделяем от существительных, но здесь это не имеет смысла):

(37) *Kàs-ko khər sy màj-barò, kodolès-te i źàs.*
ʻЧей дом больше, к тому и пойдём.’

Связь между относительным и соотносительным местоимениями может нарушаться (это можно считать логическим сбоем): они могут относиться к разным вещам, ср. пример, где соотносительное *kodò* относится не к *kòn* ʻкто’, а к *sunò* ʻсон’ (причём является определением внутри существительной группы):

(38) *Davàj kəràh kaďà: kòn dikhəl o sunò, pe kodò sunò te-kəràs.*
ʻДавай сделаем так: кто увидит сон, по этому сну и поступим.’

(39) *Kàj bešàs, koďà śib i syťòs.*
ʻГде живёшь, тот язык и учишь.’

4.12.4.2. Свободный относительный зависимый оборот

Некоторые глаголы, а именно — *dèl* ʻдать’, *anèl* ʻнести’, *thòl* ʻставить, класть, налить’ и, возможно, ряд других, могут принимать в качестве дополнения зависимый оборот, чьё логическое подлежащее совпадает с полупрямым или косвенным дополнением (ʻкому’). Зависимый оборот содержит переходный (например, «пищевой») глагол. При желании можно говорить об эллипсисе (со)относительного слова, например [*sò*] *te-xàv* ʻ[что] мне поесть’. Здесь усматривается значение сродни цели:

(1) *Dàle, dè-ma te-xàv!*
ʻМама, дай мне поесть!’

(2) *Lèl le khamès-ti dèj, thòl lès-kə te-xàl, thòl lès-kə te-pèl.*
ʻБерёт мать Солнца, кладёт ему есть, наливает пить.’

(3) *Pytrən, mè andèm tumèn-gə te-xàn, ə Màšən’ka traďà tumèn-gə.* [СЦЯ]
ʻОткройте, я принёс вам поесть, Машенька послала вам.’

Такой зависимый оборот может стоять в одном ряду (в сочинении) с существительными (здесь в роли дополнения):

(4) *Thoďà là-kə ćàj, te-xàl.*
ʻПоставила ей чай, поесть.’

Так же, вероятно, можно воспринимать зависимый оборот при глаголах типа *mangəl* ʻпросить’ (возможно и чисто модальное толкование, в т. ч. граничащее с ʻхотеть’):

(5) *Kaďà glàta sà mangəl te-xàl.*
ʻЭтот ребёнок всё [время] просит есть.’

4.12.5. Обстоятельственные предложения

Большинство придаточных предложений в речи выступают в роли обстоятельств с разнообразными значениями (места, времени, образа действия, цели, причины):

(1) а. *Gəlèm-tar tela-j r'àt.* (обстоятельство)
ʻЯ ушёл под вечер.ʼ
б. *Gəlèm-tar kana matilèm.*
ʻЯ ушёл, когда опьянел.ʼ

Придаточными предложениями можно выразить не все значения, какие есть у обычных обстоятельств. Так, например, значение пути движения, ср. *kata khər* ʻмимо дома', выражается только существительной группой.

В значении места, времени и образа действия возможно конкретное указание (именно ʻтам, тогда, так' и т. п.) или обобщённое (ʻгде бы ни' и т. п.).

Во всех значениях, кроме цели, предложение вводится относительным союзом, омонимичным соответствующему вопросительному местоимению (в части случаев скорее безударным). При конкретном указании факультативно (при особом выделении) имеются соотносительные местоимения. Предложения цели чаще всего бессоюзны, но возможен и особый союз *kàs* ʻчтобы':

место:	*(koćè)*	*kaj*	ʻ(там) где'
время:	*(atùnći)*	*kana*	ʻ(тогда) когда'
	(kajtì)	*sòde*	ʻ(столько) сколько'
образ действия:	*(kaďà)*	*sar*	ʻ(так) как'
цель:	*(kaďà)*	*(kàs) + te-...*	ʻ(так) (чтобы)' + зависимое накл.
причина:	*(anda koďà)*	*kə*	ʻ(потому) что'

Обстоятельственные предложения могут стоять как в начале, так и не в начале главного. Соотносительные местоимения особенно характерны для начального положения придаточного, т. е., например, *kana..., atùnći...* ʻкогда..., тогда...'.

При обобщённом указании в значении места, времени и образа действия соотносительное слово невозможно; факультативно имеется клитика *-gòdi*: *kaj-gòdi* ʻ[везде] где', *kana-gòdi* ʻ[всегда] когда', *sar-gòdi* ʻкак [бы ни]'.

Возможность употребления соотносительных слов сближает обстоятельственные предложения с относительными, ср. *koćè kaj* ʻтам, где' (обстоятельственное) и *and-o khər kaj* ʻв доме, где' (т. е. ʻв котором' — относительное). В первом случае соотносительное *koćè* и относительное *kaj* можно (с долей условности) считать чем-то вроде «парного» союза, а во втором придаточное предложение очевидным образом подчинено существительному *khər*, т. е. входит в существительную группу.

Придаточные предложения причины всегда стоят в конце главного (по крайней мере после его сказуемого), а обстоятельственные предложения остальных типов могут стоять в любом месте.

4.12.5.1. Обстоятельственные предложения места

Придаточное предложение выступает в роли обстоятельства места (ʻгде') или направления (ʻкуда', ʻоткуда') в главном предложении. В придаточном предложении соответствующее обстоятельство выражается относительным союзом (вопросительным местоимением) и тоже может относиться к месту (*kàj* ʻгде') или направлению (*kàj* ʻкуда', *katàr* ʻоткуда'). Таким образом, значения в обеих частях могут совпадать или не совпадать; ср. с совпадением:

(1) *Kàj bešàv mè, xajingà nàj.* (‘где’ — ‘где’)
‘Где я живу, колодцев нет.’

(2) 👂 *Te-lès-tu aj te-źàs-tar kàj dikhàn tirə jakhà!* (‘куда’ — ‘куда’)
‘А ну убирайся и иди куда глаза глядят!’

(3) ♪ *P-o vynàto Jànoš źàla || phirəla Jànoš katàr phìrla.* (‘откуда’ — ‘откуда’)
‘На охоту Янош идёт, идёт Янош откуда идёт.’

Примеры с несовпадением:

(4) 👂 *Te-thòs pàlpale muřò khàr kàj bešàlas aj i màn and-o khàr!* (‘куда’ — ‘где’)
‘А ну поставь обратно мой дом [туда], где он стоял, и меня в дом!’

(5) ♪ *Źà-tar màjkə, źà-tar śè || katàr aviľàn-tar.* (‘куда’ — ‘откуда’)
‘Иди, милая, иди, дочка, откуда пришла.’

Соотносительное слово всегда факультативно и редко (в т. ч. при несовпадении):

(6) *Kamàs te-źàs (koćè) kàj trajìl mištò ə lùmʼa.* (‘где’ — ‘где’)
‘Хотим поехать туда, где народ живёт хорошо.’

(7) *Kamàs te-źàs (koćè) katàr aviľàn.* (‘куда’ — ‘откуда’)
‘Хотим поехать туда, откуда ты приехал.’

Примеры обобщённого (открытого) значения (‘где угодно, лишь бы’):

(8) *Kamàv te-sovàv kàj-gòdi sy tatò.* *~ kàj sy gòdi tatò*
‘Я хочу спать там, где тепло.’

Только (?) в таких случаях *gòdi* может отрываться от левой части местоимения и, тем самым, не быть клитикой — между ними может встать безударная связка (см. 3.10.3).

4.12.5.2. Обстоятельственные предложения времени

Выражают различные временны́е отношения между действиями в главном и придаточном предложениях. Каждое из этих действий может быть точечным (событие), протяжённым во времени (процесс, состояние) или повторяющимся, предсказуемым (повтор). Главное и придаточное предложения, как правило, стоят в одном и том же физическом времени. Главное может стоять в любом наклонении. Временны́е отношения можно условно разбить на следующие типы:

(а) одновременность

Наложение, совпадение или близость во времени двух действий выражается в общем случае союзом *kana* ‘когда’. В главной части, независимо от порядка частей, может быть соотносительное слово *atùnći* ‘тогда’ (в части примеров ниже).

Настоящим временем в обоих предложениях обычно обозначается разброс (повторяемое действие), если речь идёт о настоящем; придаточное — в изъявительном наклонении:

(1) *Kana šỳl amèn-gə, dàs jàg o bòv.*
‘Когда нам холодно, мы зажигаем буржуйку.’

(2) 👂 *Kana avèl-tar vò jèkh-źenò, atùnći o pòdo thòl-pe angla lès-te.*
‘Когда приходит он один, тогда мост возникает перед ним.’

В прошедшем времени инфект обычно обозначает ход (в т. ч. состояние) или разброс, а перфект — миг; придаточное — в изъявительном наклонении:

(3) 👂 *A vòn, kana sàs vòn cynonořə̀, arakhàdili jek buznʼořỳ lèn-de.*
‘А они, когда были они маленькие, родилась козочка у них.’

(4) *No vòj kana gəlì-tar anda khər, khəràl, vòj ďà armajà pèh-kə phralèh.*
ʻНо она, когда ушла из дому, из дому, она прокляла своего брата.ʼ

В будущем времени обычно речь идёт о событии; придаточное — как правило, в сослагательном наклонении (сказуемое с постфиксом *-a*):

(5) *Kana vòn pravarə̀na-la, dèna pàj la rikojořà aj avèna-la glatìcy, atùnći lèl-pe i o ràt pa lèn-gə vàst.*
ʻКогда они накормят её, дадут воды собачке и будут у неё детки, тогда смоется и кровь с их рук.ʼ

(6) *Atùnći xalavèn o ràt, phèn-kə, pa tumarə̀ vàst, kana dèna, phèn-kə, ka-j rikojořỳ, phèn-kə, pàj te-pèl kàs te-anèl, phèn-kə, le rikonořə̀n.*
ʻТогда смоете кровь, говорит, со своих рук, когда дадите, говорит, собачке воды попить, чтобы она родила, говорит, щенков.ʼ

(7) *Ašùn, atùnći, phèn-kə, śùdes ə lòtka pa te zəjà, kana tasavèsa khə manùš sar màn-de!*
ʻСлушай: тогда, говорит, скинешь лодку со спины, когда утопишь человека вроде меня.ʼ

Иногда в придаточном — изъявительное (оговорка?):

(8) *Ašunèn, kana kamèn te-ansurìn-tume, lèn khə dikhloř̀o aj źàn ka-j feľàstra aj śù-den pa-j feľàstra o dikhloř̀o.*
ʻСлушайте, когда захотите жениться, возьмите платочек и пойдите к окну и бросьте из окна платочек.ʼ

Сложноподчинённые предложения с союзом *kana* иногда трудно отличить от сложносочинённых (?), в которых *kana* является частицей ʻи тут; вдругʼ (впрочем, как правило, отличается порядок слов, см. 4.3.8.1.1e), ср. пример с сочинительным союзом:

(9) *Kana dikhľà-la* [*o*] *ampəràto, aj pelò, aj mulò, zalisàjlo.*
ʻИ тут увидел её царь, и упал, и умер, потерял сознание.ʼ

Одновременность или непосредственное следование выражается также союзом *nùma* ʻтолькоʼ:

(10) *Nùma źàl-tar o gaźò, o pòdo bilàl.*
ʻТолько уходит мужик, мост тает.ʼ

Кроме того, имеются особые риторические вопросы, выражающие противоречие, с придаточной частью, вводимой союзом *kana*, имеющим скорее условное значение:

(11) *Sàr te-avèl ťo gaźò, kana ťo gaźò kotòr smàla?*
ʻКак это он твой муж, когда твой муж — кусок смолы?ʼ

(б) предшествование и следование

Когда действие в главном предложении совершилось прежде, чем успело случиться действие в придаточном, последнее вводится союзом конечного предела *źì-kaj* ʻдо тех пор какʼ и стоит в зависимом наклонении:

(12) *Źì-kaj te-našə̀l là-sa źi ka pàj, mulì ə raklì ande lès-kə vàst.*
ʻПрежде чем добежал он с ней до воды, умерла девушка у него в руках.ʼ

Здесь зависимое наклонение отражает мнимость того, что не успело произойти. Судя по всему, такое употребление зависимого наклонения довольно редко; у нас больше нет подобных примеров.

Обратная временна́я последовательность, когда действие в главном предложении следует за действием в придаточном, в нормальном случае выражается при помощи того же союза *kana* ʻкогда’ (иногда с частицей III пласта *(v)užə* ʻуже́’):

(13) *A <u>užə kana</u> ambolďà pàrpale vastořən-ca, užə ćì-maj-prinźanèl-la, kə śindè sas là-kə vàh.*
ʻА уже когда вернулась назад с руками, уже не узнаёт её, потому что отрезаны были её руки.’ (м. б. ʻпорезаны’)

В этой роли употребляется и союз *sar* ʻкак’, вносящий, видимо, оттенок быстрого следования одного события за другим:

(14) *Nakhľà trìn-štàr dès aj mulò muřò dàd, <u>sar</u> gəlò and-o fòro.* [Кож.]
ʻПрошло три-четыре дня, и умер мой отец, поехав в город. ’

(15) *Vò <u>sar</u> arakhàďol, vò arakhàďol p̓atkà-sa. P̓àtka parnì sàh-le p-o šərò.* [Кож.]
ʻОн, как родится, он рождается с пятном. Белое пятно было у него на голове.’

Возможно, бывают подчинённые фразы — *pala kodò* / *kukò kə* ʻпосле того как’ (неясно, возможно тут речь идёт не о времени, а о заслуге):

(16) *No <u>pala kodò kə</u> spasajisarďàn-ma, sò kamès, kodò dàv-tu.*
ʻНу, после того как ты спас меня, что хочешь, то тебе дам.’ (или ʻза то, что’)

Можно было бы усматривать здесь именное предложение (*kə...*), зависящее от местоимения-существительного (*kodò*, *kukò*), однако вне этого оборота не бывает ***kodo kə* (может быть, это окказиональная калька с русского).

(в) длительность

В качестве союза — *sòde* ʻсколько’:

(17) *Anda koďà sà ti žỳzn̓a aj sà ťo tràjo, <u>sòde avèsa</u>, <u>sòde trajìsa</u>, te-paćitujìs o anàv le devlès-ko!*
ʻПоэтому всю свою жизнь и всё своё житьё, сколько будешь, сколько проживёшь, почитай имя божье!’

Местоимение *sòde* может быть и числителем в существительной группе: *sòde bərš trajìsa* ʻсколько лет проживёшь’.

(г) временны́е пределы

Начальный предел вводится союзом *də-kỳn* ʻс тех пор как’ (его частью можно считать предлог *də*) или предлогом с союзом *də kana*, *de sar* ʻтж.’, а также группой *də sòde* ʻсколько [уже]’ + *vr̓àm̓a* ʻвремени’ (или единица времени), причём действие главного предложения обычно распространяется на весь указанный период или же отрицается для всего периода (тогда обычно имеется наречие *ćì-jek-dàta* ʻникогда, ни разу’):

(18) *Oj gaźà muřò gaźò || <u>də-kỳn</u> matò kaj-<u>avès</u> || ćek-dàta ćì-dikhlèm te-rovès.*
ʻОй, муж мой, муж, с тех пор как пьяный приходишь, ни разу не видела, чтоб ты плакал.’

(19) *<u>Də sar</u> <u>sỳ</u>-ma glàti, mè sym řòm.*
ʻС тех пор, как у меня есть дети, я мужчина.’

(20) *Bùt bərš nakhľà <u>də kana</u> mutisàjľam katkà.*
ʻМного лет прошло с тех пор, как мы сюда переехали.’

Перед главным предложением может стоять сочинительный союз *aj* ʻа; и; но’, поэтому неясно, считать ли это подчинением (о «ложном сочинении» см. 4.11.1.1):

(21) *Lèl ə raklì aj puśèl-les: Làzare, phen-kə, nu dìkh-ta, də sòde bàrš tù sàn, phen-kə, pàla màn-de, phen-kə, aj ćì-jek-dàta ći-pyřysarďàn màn-gə kàj ti zòr.*
ʻБерёт девушка и спрашивает его: «Лазаро, мол, ну смотри-ка, сколько лет ты, говорит, за мной, мол, а ни разу не признался мне, где твоя сила».ʼ (оговорка: *tù san pala màn-de* вм. *mè sym pala tù-te* ʻя за тобой [замужем]ʼ)

(22) *Də sòde vrʼàmȁ vò phirəl, aj nàj-le ćèk-dàta rojimòs kaćè.*
ʻСколько времени он ходит, а нет у него никогда плача здесь.ʼ

Ещё более явственное впечатление сочинения производят предложения, вводимые *də kajtì* ʻстолько [уже]ʼ (а не *də sòde* ʻсколько [уже]ʼ), где первая часть скорее является восклицательной:

(23) *Astardèm-tu, Sulimàne! Də kajtì vrʼàmȁ ròdav-tu, aj daštì arakhàv-tu.*
ʻПоймал я тебя, Сулиман! Столько времени тебя ищу, а не могу найти.ʼ

Конечный предел — *źì-kaj*, *źì-pùne*, *pùne* (~ *pỳne*) ʻпока; до тех пор какʼ. Если глагол в придаточном предложении обозначает состояние или процесс (до конца которого происходит действие в главном предложении), глагол стоит в положительной форме:

(24) *A vò laśò lo pỳne sỳ-le lovè, pỳne sỳ-les.*
ʻА он хорош, пока у него есть деньги, пока есть.ʼ

Если речь идёт о конечном пределе, то в придаточном появляется отрицание:

(25) *Nò bèš źì-kaj ćì-pʼàv muřỳ pìva, aj atùnći mudarəh-ma.*
ʻНу, посиди, пока я не допью своё пиво, а потом убьёшь меня.ʼ

(26) *Te-xàs jek-dàta and-o dès tišàj, jek-bùrnix tišàj, aj te-pès ək-vàs pàj aj te-asàl tù-tar sà ə lùmȁ, źì-pùne ćì-vľubìla-pe ande tù-te kàk raklì.*
ʻЧтоб ел ты один раз в день песок, горсть песку, и пил руку воды и чтобы смеялся над тобой весь народ, пока не влюбится в тебя какая-нибудь девушка.ʼ (т. е. воду из ладони)

4.12.5.3. Обстоятельственные предложения образа действия

Такие предложения так или иначе связывают одно действие с другим «по качеству» и вводятся союзом *sar* ʻкакʼ:

(1) *Lʼà phenďà o raklò sà, sar phenďà lès-kə o Màrko, aj lèl la rakľà.*
ʻВзял сказал парень всё, как сказал ему Марко, и берёт девушку.ʼ

Нередко с тавтологическим повтором глагола:

(2) *Laśarďà pès-kə khər o raklò, žyvìl sar žyvìn sà le manùš.*
ʻПостроил себе дом парень, живёт, как живут все люди.ʼ

С соотносительным словом *(sà) kaďà* ʻтак жеʼ:

(3) *Kərdèm (sà) kaďà sar kamèsas.*
ʻЯ сделал так (же), как ты хотел.ʼ

(4) *Sàr phenďà, kaďà i kərďà, aťarďàn?*
ʻКак сказал, так и сделал, ты понял?ʼ

Грань между такими предложениями с соотносительным словом и сравнительными конструкциями равенства (см. 4.12.8.1) размыта.

Союз *sar* употребляется в некоторых плеонастических конструкциях (см. 4.12.7), а также вводит присказуемые (см. 4.12.6). Часто *sar* можно считать предлогом:

(5) 👂 *O raklò ćì-paťajà lès-kə: nu sàr te-śàv-ma mè <u>sar o ćòr</u> pa-j feľàstra, mè śàv-ma <u>sar o řòm</u> anda vudàr.*
‘Парень не поверил ему: ну как [это] входить мне, как вору, через окно, я войду, как человек, из двери.’

С личными местоимениями это однозначно, ср. *sar lès-te* ‘как он’ (в предложном падеже), но так же и *sar vò* ‘как он’ (здесь *vò* — подлежащее эллиптического предложения).

4.12.5.4. Обстоятельственные предложения цели

Предложения цели часто бессоюзны и опознаются лишь по зависимому наклонению. Придаточное предложение всегда стоит в конце:

(1) 👂 *Dè-ma, dèvla, dè-ma jek jàkh <u>te-dàv</u> muřə raklořəs pàj, pàj <u>te-dàv.</u>*
‘Дай мне, боже, дай мне глаз, чтоб я дала своему мальчику воды, воды чтоб дала.’

(2) 👂 *Aj là-ko mùj phandadò, la rakl’à-ko, <u>te-nà-dikhəl</u>-la khònik, kə sy vòj.*
‘А её лицо закрыто, девушкино, чтоб не увидел её никто, что это она.’

(3) 👂 *Àjda źi amèn-de <u>te-dikhəl</u>-tu ťo phràl, dèla.*
‘Давай к нам, чтоб увидел тебя твой брат, и всё такое.’

(4) 👁 *Lèl thoďà pèh-kə trušùl, <u>te-avèl</u> pe muřỳ bàx, <u>te-avèl</u> p-o mištimòs.*
‘Берёт наложил на себя крест, чтоб было к моей удаче, чтоб было к добру.’

(5) 👁 *Užə źàn ròden phuŕořà kolèn-dar kaj sy maťarnè, anèn pès-te and-o khər <u>te-xalavèn-le</u>.*
‘Уже идут ищут старушек таких, которые пьяницы, приводят к себе домой, чтоб их помыть.’

Чаще всего бессоюзны предложения цели при глаголах движения. Такие обстоятельства можно считать внутренними (см. 4.3.7.1) и считать частью модели управления (подробнее см. 4.5.10.3), они тесно связаны с глаголом (подобно группам, отвечающим на вопрос *kàj?* ‘куда?’):

(6) 👁 *Nàh pajà ka-j lùmȁ aj źànas <u>te-anèn</u> o pàj kata kràntо, kata-j xajìng anènas.*
‘Не было воды у людей, и ходили носить воду от колонки, от колодца носили.’

(7) 👂 *Aś źàv-tar ka muřỳ phèj <u>te-dikhàv</u> sàr trajìl muřỳ phèj.*
‘Схожу-ка я к своей сестре посмотреть, как живёт моя сестра.’

Предложения цели, которые можно считать внешними обстоятельствами, факультативно вводятся созом *kàs* [*te-*] ‘чтобы’. Этот союз примыкает слева к глаголу, что выглядит так, будто в него входит проклитика *te-* (показатель зависимого наклонения):

(8) 👂 *Aj jèkh garaďà-le tala-j śìb, o karfìn, garaďà tala-j śìb, <u>kàs</u> <u>te-nà-marən</u> and-o ilò le devlèh-ko.*
‘А один спрятал под язык, гвоздь-то, спрятал под язык, чтобы не вбили в сердце господне.’

(9) 👂 *Tù akanà trubùl te-avès te-dès ə phabàj <u>kàs te-lès</u> ťo gràs.* (прямая форма *gràs*!)
‘Ты теперь должен прийти отдать яблоко, чтобы забрать своего коня.’

Однако бывает, что этот союз, стоя в начале придаточного предложения, отделяется от глагола. Тогда он срастается с клитикой *te-*, которая потом дублируется при глаголе (не совсем понятно, как это записывать):

(10) ▶ *Phèn <u>kàste</u> sàvořə <u>te-ašunèn</u>.*
‘Скажи, чтобы все слышали.’

(11) *Pùś-les: kàj lès-ti zòr?* [...] *Kàste àta kaďà nićàjno te-na-malavàv-les, te-na-mudaràv-les.*
‘Спроси его: где его сила? [...] Чтоб вот так нечаянно я его не ударил, не убил.’

Изредка в главном предложении употребляется соотносительное *kaďà* ‘так’ — тогда в придаточном союз *kàs* обязателен:

(12) *Sàr te-kərən vòn kaďa, kàs te-pekən aj te-bitinèn?*
‘Как бы им делать так, чтобы печь и продавать?’

Придаточное цели трудно отличить от особого типа сравнительной конструкции (см. 4.12.8.1).

(13) *Amèn ći-arəsəl-ame te-xàs.*
‘Нам не хватает [хлеба], чтобы есть.’

4.12.5.5. Обстоятельственные предложения условия

Придаточное предложение содержит условие, от выполнения которого зависит истинность главного предложения. Особого союза ‘если’ нет; значение условия понятно по смыслу и по наклонению глагола (см. ниже). В главной части, если она следует за условной, могут употребляться (как соотносительные слова) частицы *ap(o)*, *atùnći* ‘то, тогда’ (примеры ниже).

Условие бывает фактическим (когда в действительности условие выполнено или нет), открытым (когда оно может быть выполнено) и гипотетическим (когда известно, что оно не выполнено), а также относится к разным временам. Это даёт несколько типов предложений:

(а) фактическое условие

Такое условие относится к настоящему или прошлому. Имеется в виду, что объективно (но, может быть, не говорящему) известно, выполнено ли условие. Условная часть никак особо не оформляется; она в изъявительном наклонении стоит в начале, а за ней следует главная часть (следствие). Такие предложения являются условными только по смыслу, а синтаксически они, пожалуй, сложносочинённые (бессоюзные):

(1) *Kamès te-lès xarkunè, lè xarkunè. Kamès rupunè lovè, lè rupunè, savèn-dar trubùl-tu.*
‘[Если] хочешь взять медные, бери медные. [Если] хочешь серебряные деньги, бери серебряные — каких тебе надо.’

(2) *Xoľájľan — pynřànďu!*
‘Разозлился — разуйся!’ (пословица)

(3) *Kaťà matòra řỳso cynořỳ la tù-kə, mè dàv-tu matòra màj-barì.*
‘[Если] эта машина тебе очень мала, я дам тебе машину больше.’

В главном предложении может стоять частица *apo* ~ *ap* ‘то’ или *atùnći* ‘тогда’, без которой может быть непонятно значение условности:

(4) *Sý-tu zòr, atùnći nà-sov.*
‘[Если] у тебя есть силы, тогда не спи.’ (букв. ‘сила’)

Во всех таких случаях можно усматривать и два независимых предложения: вопрос (напр., ‘хочешь...?’), на который подразумевается положительный ответ, и следствие из такого ответа (напр., ‘тогда бери’).

Таким образом, по большому счёту нет способа явно отметить фактическое условие, т. е. чего-то типа союза ʻесли’. В сослагательном наклонении в роли такового выступает клитика *te-*, но в изъявительном она обычно невозможна. Судя по всему, для многих носителей недопустимо или малодопустимо ?**te-sỳ*, ?**te-nàj* в смысле ʻесли есть’, ʻесли нет’ (а только *te-avèl(a), te-nà-avèl(a)*, см. ниже об открытом условии). Впрочем, для части носителей это может нарушаться, ср.:

(5) ◂ [*Te-aśavàv tù-kə cygəri?*] — *Te-sỳ-tu*.
ʻ[Оставить тебе сигарет?] — Если у тебя есть.’

Вероятно, такое употребление следует расценивать как гибрид изъявительного и зависимого наклонений.

⌛ В некоторых говорах немолдовая (например, у петрэшти в Литве) *te-sỳ* ʻесли есть’ употребляется совершенно свободно (Кожанов, лич. сообщ.). Скорее всего это результат переосмысления клитики *te-* как условного союза ʻесли’. У большинства молдовая такого употребления нет или оно маргинально (поэтому они могут вместо этого сказать, например, *jèsli sỳ*). Вообще, отсутствие специального оформления фактических условий и особого союза ʻесли’, возможно, является архаичной чертой. По-видимому, фактические условия отличаются от остальных (открытых и гипотетических) тем, что относятся не к описываемой внеязыковой ситуации, а к суждению говорящего, т. е. это скорее нечто вроде ʻесли [верно, что]...’. Наверное, можно сказать, что такой логический (в каком-то смысле метаязыковой) приём в нашем говоре не считается условием, и это восходит к древнему языковому состоянию.

(б) открытое условие

Имеется в виду, что в данный момент ещё неизвестно, выполнится ли условие. Таким образом, условие относится в основном к будущему. Условная часть обычно стоит в начале, но может стоять в середине и в конце, как правило в сослагательном потенциальном наклонении (см. 4.2.6.2.3.1):

(6) 👂 *Sàr gyndìl-pe: te-mudarəla-les, merəl lès-ki gaźì.*
ʻ[Он] как думает: если убьет его, умрёт его жена.’

(7) 👂 *No mè te-dàva-tu ande phùv źì ka-l ćangà, mè làv tù-tar lì-duj šərə.*
ʻНу, я если загоню тебя в землю до колен, я отрублю тебе обе головы.’

(8) 👂 *Te-nà-anèsa màn-gə ťa pȟà, làv ti kòř telè, śinàv-tu!*
ʻЕсли не приведёшь ко мне свою сестру, я тебе шею срублю, порублю тебя!’

(9) 👂 *Te-kàrďuvava mè avcỳn, mè phàďuvav!*
ʻЕсли я превращусь в сталь, я сломаюсь!’

Изредка без клитики *te-*:

(10) 👂 *Xàla thùd aj manřò, piròžəna vàrə-so, znàćit koďà vužə interèsno, intiligèncyja.*
ʻБудет [она] есть молоко и хлеб, пирожное там, значит, она уже интересная, интеллигенция.’

Иногда, кажется, открытое условие относится к настоящему времени; если это так, то граница между открытым условием и фактическим стирается (но мы не уверены в верности трактовки подобных примеров):

(11) ◂ *Te-avèla tù-te šỳl, àjda amèn-de!* [Кож.]
ʻЕсли [будет?] у тебя холодно, давай к нам! ’

При отрицании проклитика *te-* опускается чаще, чем без отрицания; при этом вместо отрицания *te-nà-* выступает *ćì-* (как будто это изъявительное наклонение), однако постфикс *-a* остаётся. Такие формы мы трактуем как формы сослагательного, хотя, вероятно, можно сказать, что происходит смешение сослагательного наклонения с изъявительным:

(12) *Làdno, mè dàv-tume gràst. No te-adgadajìn myřỳ zagàtka, te-adgadajìn! Ćì-adgadajìna, ćì-dàv-tume gràst.*
ʻЛадно, я дам вам коней. Но [надо] чтобы вы отгадали мою загадку, чтобы отгадали! [Если] не отгадаете, не дам вам коней.ʼ

Чаще всего это бывает, когда за предложением с положительным условием следует предложение с отрицательным (ʻесли... то; если не... то'):

(13) *Te-phenèna vòn, kòn sy kodʼà raklì, te-źanèna là-ko anàv, dèl-le le grastèn, ćì-źanèna, ćì-dèl-le le grastèn.*
ʻЕсли скажут они, кто эта девушка, если будут знать её имя, даст им коней, не будут знать, не даст им коней.ʼ

Глагол *avèl* ʻприходить' (а также форма связки), неожиданным для нас образом, иногда встречается с клитикой *te-*, но в краткой форме (внешне как зависимое наклонение; оговорка?):

(14) *Te-avèl muřò phràl kaćè, sàh-kə-xàh-le?*
ʻЕсли будет мой брат здесь, ты бы его съел?ʼ

Глагол в главном предложении обычно можно толковать как будущее время (если это связка, то ожидается, например, *avèl* ʻбудет'), однако это нестрого, ср. пример (14), где налицо условное наклонение, характерное при гипотетическом условии в придаточном.

(в) гипотетическое условие

Такое условие на данный момент или в прошлом не выполнено, т. е. речь идёт о воображаемой ситуации. В придаточном предложении — сослагательное гипотетическое наклонение (см. 4.2.6.2.3.2; в т. ч. характерная «сослагательная» форма на *-ino(sas)*), а в главном — обычно условное наклонение (см. 4.2.6.2.5):

(15) *Te-avilinò-ma matòra, sas-kə-avàv tù-te.*
ʻЕсли бы у меня была машина, я бы к тебе приехал.ʼ

(16) *Te-nà-dinò o bryšỳnd akanà, nàs-kə-bešàv khərà.*
ʻЕсли бы сейчас не шёл дождь, я бы не сидел дома.ʼ

(17) *Te-kamlèmas mè te-xàv, sas-kə-źàv ka-j làvka.*
ʻЕсли бы я хотел есть, я бы пошёл в магазин.ʼ

Мы не знаем, привносит ли постфикс (в 3-м лице, т. е. не *-ino*, а *-inosas*) какой-либо оттенок (вряд ли это связано со временем):

(18) *Te-avilinòsas-les lovè kukò bàrš, vò sah-kə-laśaràl pèh-kə khàr.*
ʻЕсли бы у него были деньги в прошлом году, он бы построил себе дом.ʼ

4.12.5.6. Обстоятельственные предложения уступки

По-видимому, нет средств для выражения конкретной уступки (ʻхотя...'). Во всех таких (редких) случаях прибегают к сочинению без специального выражения уступки или же к III пласту (*xaťà* и др.).

Однако очень активно употребляется конструкция обобщённой уступки (ʻкто бы ни...' и т. п.). Такие придаточные предложения бывают двух типов, оба с факультативным (но очень частотным) «пустым» отрицанием:

1)	вопр. местоимение	*te- (nà-)*	+ долгая форма	(сосл.)
2)	вопр. местоимение + *-gòdi*	*(ćì-)*	+ краткая форма	(изъяв.)

Судя по всему, эти конструкции синонимичны. При сослагательном наклонении отрицание (*te-nà-*) встречается гораздо чаще, чем при изъявительном (*ćì-*).

В придаточном предложении вопросительное местоимение теоретически может быть любым членом предложения (наверное, кроме присказуемого; даём первый тип конструкции с отрицанием):

(1) *Kòn te-nà-pašòla, pòdo nàj ka khər.* (подлежащее)
‘Кто бы ни приблизился, моста нет у дома.’

(2) *Sò te-nà-phenèsa màn-gə, sà-jek ćì-paťàv-tu.* (дополнение)
‘Что ты мне ни говори, всё равно тебе не поверю.’

(3) *Aj ə raklì kaj ašundèm pa là-te, kàj te-nà-avèla, and-o thàn te-avèla, kusʹà thàn te-anèn-la, pala-j skafedì te-avelà, kusʹà ə skafedì te-anèn-la.* (обстоятельство)
‘А девушка, о которой я слышал, — где бы она ни была: если в постели будет — вместе с постелью чтоб принесли её, за столом будет — вместе со столом чтоб принесли её.’

(4) *Kòn te-nà-avèsa, àv màn-de gòsto.* (расширение)
‘Кем бы ты ни был, приходи ко мне в гости.’

Вопросительное слово может входить в существительную группу:

(5) *Àle tàtə, źà p-o bazàri te-bitinèh-leh. Sòde milivònuri te-dèna, te-nà-leh!*
‘На, папа, иди на базар продать его. Сколько бы миллионов [ни] дали, не бери!’

В примере (5) имеем сослагательное наклонение без отрицания (что, кажется, нетипично). Примеры на вторую конструкцию (с изъявительным наклонением):

(6) *Aj kòn-gòdi aj ćì-nakhəla || anda là-kə ćućà pàj pèla.*
‘И кто ни проходит, из её грудей воду пьёт.’

(7) *A ə Lizavèta sy — no nà-maj-phen! — kòn-gòdi avèl là-te, vòj sò kərəl? Lèl lèn-gə šərə.*
‘А Лизавета — ну, страшное дело! — кто к ней приходит, она что делает? Отнимает им головы!’

(8) *Aj kòn-gòdi ćì-źàl lès-te te-mangəl lès-ka śà, nùma lèn lèn-gə koř tel.*
‘И кто б ни приходил к нему просить [руки] его дочери, только рубят им головы.’ (букв. ‘берут их шеи вниз’)

(9) *Aj kakò vìnto, sò-gòdi mè ćì-gyndìv-ma le gyndò-sa, sà avèl.*
‘А вот этот винт — что я ни подумаю про себя, всё будет.’

В примере (6) долгие формы, возможно, — не сослагательные, а обусловлены песенным регистром (см. 5.1.2.2). Видимо, бывает и сослагательное наклонение без отрицания и без *te-* (условия неясны):

(10) *Sò-gòdi mangəsa, mè kəràv.*
‘Чего ни попросишь, я сделаю.’

В обстоятельственных предложениях уступки возможно не только настоящее время, но и прошедшее:

(11) *Tù ašunďàn pa là-te, kə kòn-gòdi ćì-gəľà ońè, sàvoř aśèn bi šərès-ko.*
‘Ты слышал о ней, что, кто бы ни пошёл туда, все остаются без головы.’

Отметим, что в изъявительном наклонении «пустое» отрицание невозможно при связке, т. к. она имеет особую отрицательную форму *nàj* (т. е. не может быть ***so-gòdi nàj*, а ***ćì-sy* невозможно ни в каких контекстах); впрочем, здесь можно усматривать не уступку, а свободное относительное предложение:

(12) *Aj so-gòdi sy hỳrcy mulè, sà te-źuvindìs-le.*
‘А сколько есть мёртвых мышей, всех их ты оживи.’

По-видимому, в речи встречаются и гибриды упомянутых конструкций, ср. *sò te-nà-syťarə̀las* вместо ожидаемого *sò te-(nà-)syťarə̀la* или *sò-gòdi (ćì-)syťarə̀las* ‘чему ни учил’ (оговорка?):

(13) *Aj kodò śàv, sò te-nà-syťarə̀las-les lèh-ki dèj aj lèh-ko dàd, vò ćì-syťòlas.*
‘А этот сын, чему ни учила его его мать и его отец, он не учился.’

4.12.5.7. Обстоятельственные предложения причины

Предложения причины вводятся союзом *kə* ‘потому что’ (имеющим также значение ‘что’ в изъяснительных предложениях). Придаточное предложение всегда стоит в конце:

(1) *Ambòlďol pe kuťà rìg, pe kuťà rìg, ćì-lèl-les ə lìndri, kə bokhalò lo.*
‘Повернётся то на один бок, то на другой, не берёт его сон, потому что он голоден.’

(2) *A užə̀ kana ambolďà pàrpale vastořə̀n-ca, užə̀ ćì-maj-prinźanèl-la, kə śindè sas là-kə vàh.*
‘А уже когда вернулась назад с ручками, уже не узнаёт её, потому что отрезаны были её руки.’

Пример со связкой *sy* ‘быть’ в главном предложении:

(3) *Sòh-kə nàj-tu angàr? Sò sy kadò? — Kadò sy kə ćì-kərdèm lovè.* [Кож.]
‘Почему у тебя нет угля? Что это такое? — Это потому что я не заработал денег.’

Причинный союз *kə* часто трудно отличить от омонимичной вводной частицы *kə* ‘ведь’ (см. 4.3.8.1.1ж), т. к. они нередко перекрываются по смыслу, ср.:

(4) *Źà khərə̀ kə barì vr'àmȁ sy.*
‘Иди домой, потому что поздно.’ (или ‘ведь поздно’)

(5) *Vòj grəbìl-pe, avilì and-o fòro, kə bryšỳnd dèl, te-tiravèl xabè, te-xàl o Manòjl'a.*
‘Она спешит, пришла в город, ибо / ведь дождь идёт, приготовить еду, чтоб поел Манойля.’

В примере (5), при трактовке *kə* как вводной частицы, можно усмотреть не придаточное в строгом смысле, а вставное предложение (см. 4.12.10) *kə bryšỳnd dèl* ‘ведь дождь идёт’.

4.12.6. Предложения побочного действия

Имеется особый тип придаточных предложений, которые можно считать присказуемыми, — они содержат в себе второе сказуемое (помимо сказуемого главного предложения). Такие предложения вводятся союзом *sar* букв. ‘как’. В некоторых случаях можно усмотреть временно́е придаточное предложение (с союзом *sar* вместо *kana* ‘когда’), ср.:

(1) *Mè avilèm te-puśàv-tu: sò mangə̀s tù sar mudarə̀s amarə̀ hyrcə̀n?*
‘Я пришёл тебя спросить: что просишь ты, убивая наших мышей?’

В таких временны́х придаточных предложениях возможны разные времена, т. е. синтаксически они действительно вряд ли заслуживают выделения в особый тип. Иначе — когда они относятся к дополнению, ср.:

(2) *Vòj mekl̓à le glatèn sar sovèn.*
‘Она оставила детей спящими.’ (букв. ‘как спят’)

Как видим, в придаточном предложении настоящее время, в отличие от главного, что значимо. Поэтому это не просто временно́е предложение.

Эта конструкция также употребляется с глаголами восприятия, при которых имеется прямое дополнение (кого воспринимают) и присказуемое (что он делает). Имеем пример с колебанием между этой конструкцией (*dikhl̓à-les sar...*) и обычной изъяснительной (*dikhl̓à sar...*), отсюда неуверенность во времени:

(3) *Ə raklì phenèl kə dikhl̓à-les sar xalad̓à... sar xalavèl o nosovìko, sar thod̓à-pe pa mùj.*
‘Девушка рассказывает, что видела его, как стирал... как стирает платок, как умылся.’ (‘моющим’, ‘умывающимся’?)

4.12.7. Плеонастические придаточные предложения

Придаточные предложения разных типов, а именно, свободные относительные и обстоятельственные, могут служить более или менее риторическими средствами. В них делается плеонастический повтор главного сказуемого. В рассказе (часто в сказках) они применяются для опущения неважных для рассказа (или неизвестных) деталей: ‘поступил как поступил’, ‘шёл сколько шёл’ и т. п. Сказуемое со своей копией может связываться разными союзами: *sar* ‘как’ (образ действия), *sòde* ‘сколько’ (протяжённость во времени), *katàr* ‘откуда’ (направление) и, возможно, нек. др.:

(1) *Kərd̓à vò sàr kərd̓à, arəslò źì ka khàm.*
букв. ‘Сделал он как сделал, добрался до солнца.’

(2) *Kàrd̓ol sar kàrd̓ol, o raklò aj anklèl kocàr dopàš mulò, dopàš źuvindò, anklèl o raklò anda kod̓à jàg.*
‘Происходит что происходит, парень и выбирается оттуда полуживой-полумёртвый, выбирается из этого огня.’

(3) *Gəlì ə phurȯřỳ te-šylavèl. Šylad̓à sòde šylad̓à, aj tid̓à jek vàst ařò.* [СЦЯ]
‘Пошла старушка подметать. Подметала-подметала и собрала горсть муки.’ (букв. ‘подмела сколько подмела’)

(4) *Nà-xol̓àvo pe màn-de, riśořàja, mè gəlèm myřə padruškèn-ca and-o vàš te-tìdav mùri aj xasàjlem, phirdèm and-o vàš sòde phirdèm, aj dikhlèm ťo khərořò, gyndisàjlem: śàv-ma te-taťòv, te-odinìv-ma xancořỳ.* [СЦЯ]
‘Не обижайся на меня, мишка, я пошла со своими подружками в лес собирать ягоды и заблудилась, ходила по лесу, [букв. сколько] ходила, и увидела твой домик, подумала: зайду погреться, отдохнуть немножко.’

(5) *P-o vynàto Jànoš źàla || phirəla Jànoš katàr phìrla.*
‘На охоту Янош идёт, идёт Янош откуда идёт.’

Здесь же упомянем другой тип плеоназма — «тривиальное сравнение» (действие типично: ‘как все’ и т. д.) — также с повтором сказуемого, хотя его можно было бы опустить:

(6) *Laśard̓à pès-kə khər o raklò, žyvìl sar žyvìn sà le manùš.*
‘Построил себе дом парень, живёт, как живут все люди.’

К этому типу примыкает ещё один тип предложений, противоположный по смыслу, например *ćì-cypìl sar cypìl-pe* букв. ‘не кричит, как кричится’, т. е. ‘кричит как резаный’ (см. 4.13.3).

4.12.8. Соотносительные конструкции

В соотносительных конструкциях и главное, и придаточное предложения оформляются в той или иной степени заданным образом, причём оба предложения составляют формально и семантически единое целое. Выше мы уже говорили о соотносительных словах (ср. *kaďà... sar* ʻтак... как’, см. 4.12.5.3; *kòn... kodò* ʻкто... тот’, см. 4.12.4.1), и во всех описанных случаях они были как бы внешни по отношению к самому́ сложному предложению и его семантике, тогда как здесь соотносительность проявляется в самой конструкции.

4.12.8.1. Сравнительные конструкции

Сравнению подвергается величина, выраженная прилагательным, числителем или наречием — назовём её **предметом сравнения**, — которая равна, превосходит или уступает другой величине (обычно на той же шкале) — **эталону сравнения**. Таким образом, сравнением можно выразить равенство или неравенство. В сложноподчинённом предложении предмет сравнения содержится в главном предложении, а эталон — в придаточном (всегда в конце), вводимом союзом *sar* ʻчем’. Рассмотрим два предложения:

(1) а. *Myřỳ matòra kərə̀l dùj-mìji dòľarə̀a.*
ʻМоя машина сто́ит две тысячи долларов.’
б. *Tù potinďàn ťo khə̀r ək-mìja dòľarə̀a.*
ʻТы заплатил за свой дом тысячу долларов.’

Эти два предложения можно сравнить, т. к. они содержат сравнимую величину (сумму денег). Её можно выразить одним из таких слов, как, например, *bùt* ʻмного’, *xancỳ* ʻмало’, а также *kùći* ʻдорого’, *lèzni* ʻдёшево’. Если в главном предложении сравниваемое выразить таким словом в сравнительной степени (проклитика *màj-* ʻболее’), а в придаточном пропустить, то получится сравнительная конструкция «большести» (превосходства):

(2) а. *Myřỳ matòra kərə̀l màj-kùći sar tù potinďàn ťo khə̀r.*
ʻМоя машина стоит дороже, чем ты заплатил за свой дом.’
б. *Tù potinďàn ťo khə̀r màj-lèzni sar kərə̀l myřỳ matòra.*
ʻТы заплатил за свой дом дешевле, чем стоит моя машина.’

При выражении равенства — тот же союз *sar*; сравниваемая величина сопровождается явным выражением тождества степени *sà kaďà də* ʻтак же’:

(3) *Myřỳ matòra kərə̀l sà kaďà də kùći sar tù potinďàn ťo khə̀r.*
ʻМоя машина стоит так же дорого, как ты заплатил за свой дом.’

Вместо союза *sar* в песнях встречается *də-kàj* (возможно, только в части контекстов):

(4) ♪ *Aj də-kàj ť-aśàv bi vastèh-ko || vòj, màj-bìne bi śavèh-ko.*
ʻЧем останусь без руки, ой, лучше без сына.’

Во многих случаях необязательно прибегать к сравнительной конструкции равенства; если предмет сравнения не выражен явно (т. е., например, не ʻдорого’, а просто ʻстолько’), то достаточно конструкции со свободным относительным или обстоятельственным предложением — в данном случае типа *kajtì... sòde* ʻсколько... сколько’ (см. 4.12.4.1).

Специальной конструкции «меньшести» нет; эта идея выражается отрицанием равенства (без частицы *sà*):

(5) *Myřỳ matòra ćì-kərə̀l kaďà də lèzni sar tù potinďàn ťo khə̀r.*
ʻМоя машина стоит менее дёшево, чем ты заплатил за свой дом.’ (букв. ʻне стоит так дёшево, как...’)

В приведённых искусственных предложениях всё, кроме предмета сравнения, различно. На практике же часто сравниваются предложения, имеющие структурные и лексические параллели. Если в сравниваемых предложениях имеются тождественные элементы, то часть из них можно опустить (в квадратных скобках), ср.:

(6) а. *Myřy matòra kərəl màj-bùt sar* [*kərəl*] *ťo khər*.
‘Моя машина сто́ит больше, чем [стоит] твой дом.’
б. *Myřy matòra kərəl màj-bùt sar* [*kərəl*] *tirì* [*matòra*].
‘Моя машина сто́ит больше, чем [стоит] твоя [машина].’

Заметим, что в ряде случаев эллипсис выступает не в чистом виде, а влечёт за собой некоторые изменения; так, ‘твоя машина’ можно сказать двояко: *tirì matòra* (ударная форма притяжателя 2.ед.) ~ *ti matòra* (безударная), но при опущенном ядре может быть только *tirì* ‘твоя’ (эллипсис «с остатком», см. 4.9.5.3).

Предмет сравнения может содержаться в любом члене главного предложения:

(7) *Akanà sy-ma màj-bùt lovè sar* [*sàs-ma*] *kukò bərš.* (подлежащее)
‘Сейчас у меня больше денег, чем [было] в прошлом году.’
(8) *Kərdèm màj-bùt lovè sar* [*kərďà*] *ti dèj.* (дополнение)
‘Я заработал больше денег, чем [заработала] твоя мать.’
(9) *Muřò phràl akanà màj-barvalò lo sar* [*vò sas*] *màj-anglàl.* (расширение)
‘Мой брат сейчас богаче, чем [он был] раньше.’
(10) *Adès avilèm khərə màj-ćinò sar* [*avilèm khərə*] *aratì.* (присказуемое)
‘Сегодня я пришёл домой более усталым, чем [я пришёл домой] вчера.’

В эталоне сравнения в результате эллипсиса после союза *sar* могут оставаться группы разных типов. Если остаётся существительная группа в роли подлежащего, как в примере (8), то при равенстве *sar* факультативно функционирует как предлог: местоимение после него можно поставить в предложный падеж. При превосходстве же оставшаяся существительная группа ставится в отложительный падеж. Всё это приводит к превращению сложного предложения в простое. Общая схема такова:

равно:	*sà kaďà də mùndro*	*sar*	*ti dèj*	⇒	*sar*	*vòj*	(им.)
				⇒	*sar*	*là-te*	(предл.)
	‘так же красива,	как	твоя мать’		‘как она’		
больше:	*màj-mùndro*	*sar*	*ti dèj*	⇒	*sar*	*vòj*	(им.)
		kata	*ti dèj*	⇒		*là-tar*	(отл.)
	‘красивее,	чем	твоя мать’		‘чем она’		

Итак, эталон сравнения в общем случае выражается придаточным предложением, но в особых случаях заменяется предложной группой или отложительным падежом. Неясно, каким членом предложения их считать. Кажется, они входят в ту же группу, которая содержит и предмет сравнения. Тогда получается, что постановка имени (прилагательного или наречия) в сравнительную степень (добавление клитики *màj-*) «открывает» этому имени новую (обязательную) валентность:

(11) а. ?* *Le řòm màj-melaxnè le.* (возможно только при эллипсисе)
‘Цыгане смуглее.’
б. *Le řòm màj-melaxnè le kata le gaźè.*
‘Цыгане смуглее русских.’

Это может быть верно для *(sà) kaďà də* ‘столь же’, однако не всегда (без *sà*) — здесь новая валентность факультативна, поскольку возможно автономное употребление, напри-

мер в восклицании-переспросе, ср. *kaďà də fùgo?* ʻтак быстро?ʼ. Примеры с отложительным падежом:

(12) 👁 *O manřò sas màj-kùć kata sumnakàj.*
ʻХлеб был дороже золота.ʼ

(13) 👂 *Mudarďà le ampəratòs, mudarďà, aj mudarəl la rakľà kaj dilabàl màj-mùndro savořən-dar.*
ʻУбил царя, да, и убивает девушку, что поёт красивее всех.ʼ

Примеры эллипсиса ядра существительной группы в эталоне сравнения:

(14) *Muřò khər màj-cygnò lo kata muřə śavès-ko.*
ʻМой дом меньше, чем [дом] моего сына.ʼ

(15) 👂 *Laśarďà pès-kə anda-l luluďà khə avlìn, màj-mùndro kata le ampəratòs-ti.*
ʻСделал себе из цветов двор, красивей царского.ʼ

(16) *Amarò kỳrdo màj-mùndro lo kata avèr.*
ʻНаш табор красивей других.ʼ

Пример с наречием:

(17) *Dèl dùma màj-mištò tù-tar.*
ʻОн говорит лучше тебя.ʼ

В этом значении возможна синтетическая форма:

(18) *O Kirìla divinìl řomanès màj-mištò řomès-tar.*
ʻКирила говорит по-цыгански лучше цыган.ʼ (букв. ʻцыганаʼ)

Этот оборот для части носителей требует именно синтетической формы (т. к. это полуфразеологический оборот), тогда как другие носители допускают и аналитические формы: *màj-mištò kata řòm*; *màj-mištò katàr o řòm* ʻлучше цыганаʼ.

В сравнительных конструкциях превосходства можно выразить **разность**, т. е. степени отличия. При разности, выраженной оценочным числительным *bùt* ʻмногоʼ или точным числительным, необходим предлог *pe* ʻнаʼ:

(19) *Ə Zambìla sy pe bùt màj-phurì màn-dar.*
ʻЗамбила намного старше меня.ʼ

(20) *Mè sym pe štàr bàrš màj-tərnò lès-tar.*
ʻЯ на четыре года моложе его.ʼ

В прочих случаях (при числительном местоимении) предлог факультативен:

(21) *(Pe) sòde san màj-tərnò kata ťo dàd?*
ʻНасколько ты моложе своего отца?ʼ

(22) *Kakò khər (pe) xancořỳ màj-barò lo kata kakò.*
ʻЭтот дом чуть-чуть больше того.ʼ

(23) *Màn-de sỳ-ma (pe) k-cỳřa màj-bùt lovè sar tù-te.*
ʻУ меня немного больше денег, чем у тебя.ʼ

Для выражения равенства в прилагательной группе имеется особый предлог *kabòr* ʻтакого размера / возраста, как; сʼ (см. 4.2.2.6.5, 4.2.3.1г).

4.12.8.2. Пропорциональная конструкция

Зависимость одной величины от другой ʻчем более *x*, тем более *y*ʼ выражается бессоюзным соположением *màj-... màj-...* (с прилагательными, наречиями), причём правая часть логически зависит от левой:

(1) *Màj-bùt pès, màj-matò san.*
‘Чем больше пьёшь, тем ты пьяней.’
(2) *Màj-fùgo źàs, màj-dùr arəsàs.*
‘Чем быстрее идёшь, тем дальше зайдёшь.’

В связочной конструкции связка в статическом значении (‘есть, бывает’) может опускаться (можно здесь также усматривать эллипсис другого глагола):

(3) *Màj-barvalès, màj-mištò.*
‘Чем богаче, тем лучше.’

4.12.8.3. Конструкции степени и следствия

Здесь в главном предложении говорится о некотором факте или величине (как в сравнительной конструкции равенства), которое приводит к некоторому следствию. Следствие содержится в придаточном предложении (в изъявительном наклонении), вводимом союзом *ta* ‘аж; [так] что’. Во всех случаях толкование структуры неоднозначно: в таких сложных предложениях можно усматривать сочинение (т. е. каждую из частей можно считать отдельным высказыванием).

В главном предложении в любом месте (в т. ч. внутри групп) могут присутствовать местоимения типа *kaďà* ‘так’, *kajtì* ‘столько’, *kasavò* ‘такой’ (т. е. местоимения степени, количества, качества), которые можно считать соотносительными:

(1) *Sòs-tar ďà-ame armajà kaďà o dèl ta ćì-ćajľuvàs manřò?*
‘Почему проклял нас так бог, что мы не наедаемся хлебом?’
(2) *Sàr tù kaďà nasvàjľan ta sytiľàn te-divinisaràs?*
‘Как ты так заболел, что научился говорить [по-цыгански]?’

С соотносительным словом внутри существительной группы:

(3) *Avilè manùš te-mangàn-la aj zagadajìl lèn-gə kasavè žəlàniji... zagàtki, ta ćì-adgadajìl khònik.*
‘Приехали люди свататься к ней, а [она] загадывает им такие желания... загадки, что никто не отгадает.’

Однако чаще соотносительного слова нет:

(4) *Sòs-tar ďà-ame armajà o dèl ta ćì-lèl-pe o ràt pa amarà vàst?*
букв. ‘Почему проклял нас бог, что не смывается кровь с наших рук.’
(5) *Aj lèl pès-kə vòzduxo aj phùrdel ta vàzdel o pàj.*
‘И набирает воздуху и дует, [так что] аж вздымает воду.’
(6) *Lèl o raklò, vazďà-les oprà-oprà, ta ďà-les ande phùv źì ande-l ćangà.*
‘Берёт парень, поднял его высоко-высоко, так, что вогнал его в землю по колено.’
(7) *A sàr kəràs ta thòs sà, sà, sà sò sỳ?*
‘А как ты делаешь [так], чтоб поместить [в книжку] всё, всё, всё, что есть?’

В прочих случаях *ta* является частицей ‘аж, даже’ (см. 4.3.8.1.1).

4.12.8.4. Конструкции степени и возможности

Мы с сомнением выделяем этот тип конструкции, однако здесь просматривается параллелизм с описанной конструкцией степени и следствия (см. 4.12.8.3). При этом здесь глагол в подчинённой части стоит в зависимом наклонении, а главная часть выражает

(не)достаточность (в т. ч. прилагательным, наречием, но и глаголом *arəsə̀l* ‘хватать’) чего-либо для осуществления действия в главном:

(1) *Amèn ćì-arəsə̀l-ame te-xàs.*
‘Нам не хватает [хлеба], чтобы есть.’

(2) *Cygnò san te-dès màn-ca dùma kaďà.*
‘Ты мал (чтобы) так со мной разговаривать.’

Случаи типа (1) можно было бы описывать, исходя из модели управления глагола *arəsə̀l* ‘хватать’ (т. е. ввести фразовое дополнение), но этому в какой-то степени препятствуют параллельные связочные примеры типа (2). Ещё менее однозначный пример:

(3) *Màj-sỳ-les te-arəsə̀l xancỳ khərə̀ aj gyndìl-pe: Mè kodolà glatà ćì-dikhlèm-la ande myřə̀ jakhà dətə̀t.*
‘Ещё немножко ему осталось идти до дома и думает: «Я этого ребёнка в глаза не видел вообще».’ (букв. ‘ещё есть ему, чтобы дойти, мало’)

4.12.9. Прямая, полупрямая и косвенная речь

Чужая речь и вообще диалоги чаще всего передаются цитатами «в лицах», т. е. **прямой речью**. Однако чужая речь может разными способами встраиваться в структуру другого предложения, претерпевая синтаксические и интонационные преобразования. Выделяются ещё два типа передаваемой речи — **полупрямая** и **косвенная**. В следующем сугубо иллюстративном примере цитируется специальный вопрос:

(1) а. *Pùś-la: Kə̀j ti dèj aj ťo dàd?* (прямая речь)
‘Спроси её: «Где твои мать и отец?»’

б. *Pùś-la: kə̀j là-ki dèj aj là-ko dàd?* (полупрямая речь)
‘Спроси её: где её мать и отец?’

в. *Pùś-la kə̀j là-ki dèj aj là-ko dàd.* (косвенная речь)
‘Спроси её, где её мать и отец.’

Итак, прямая речь передаёт реплику в первозданном виде (как цитату), полупрямая речь заменяет в этой реплике ли́ца, переориентируя их на точку зрения цитирующего, но сохраняя интонацию (*kə̀j* ‘где’), а косвенная речь ещё и встраивает реплику в структуру главного предложения, снимая исходную интонацию.

Мена лица при переходе в полупрямую и косвенную речь в данном случае касается притяжательных местоимений, так что: *ti* ‘твоя’ ⇒ *là-ki* ‘её’. В косвенной речи интонация вопроса снята, так что восстановить исходный тип высказывания (здесь: вопрос) можно только по семантике глагола *puśèl* ‘спрашивать’. Обобщим:

речь	ли́ца с точки зрения	интонация
прямая	цитируемого	исходная
полупрямая	цитирующего	исходная
косвенная	цитирующего	снята

Кроме того, в косвенной речи (и в меньшей мере в полупрямой) можно ожидать замены местоимений в парах *kadò* : *kodò*; *kakò* : *kukò* ‘(э)тот’ (различие по плану действительности : речи, см. 4.2.1.7.1), а также *kaćè* ‘здесь’ : *koćè* ‘там’ и др. подобных (по близости-дальности).

Не любая прямая речь может быть преобразована в полупрямую и косвенную. Косвенная речь требует (кроме пересчёта лиц): добавления союза (реплика становится изъясни-

тельным предложением); мены наклонения (команда превращается в зависимый оборот или зависимое предложение); особое положение имеем с альтернативными вопросами:

тип высказывания	прямая	полупрямая	косвенная	
утверждение	+	(+)	+	(⇒ *kə*...)
восклицание	+	+	–	
побуждение	+	–	+	(⇒ *te*-: зависимое накл.)
вопрос: специальный	+	+	+	(без изменений)
общий	+	+	–	
альтернативный	+	+	(+)	(спорно)
переспрос	+	–	–	

Полупрямая речь нередко применяется с глаголами знания и восприятия, хотя прямая речь при них невозможна (см. 4.12.9.2).

4.12.9.1. Прямая речь

Прямая речь может органично вписываться в повествование и никак не вводиться:

(1) 👂 *Ə̀ta avilò-tar. Sò j kaćè kaj khàndel màn-gə manùš?*
ʻВот пришёл [змей]. Что это тут, что мне пахнет человеком?ʼ

Но часто прямая речь вводится глаголами речи. Нередко между глаголом и прямой речью делается пауза (как между отдельными самостоятельными предложениями), а прямая речь интонационно оформляется как вполне отдельное высказывание:

(2) 👂 *A vòj sò kərďà? Lèl aj phenèl: Phràla, garàďu màj-sỳgo, kə avèl muřò gaźò.*
ʻА она что сделала? Берёт и говорит: «Брат, прячься скорей, ибо идёт мой муж».ʼ

(3) 👂 *Ə̀ta avèl-tar o zmə̀vo koćè là-te, lèl akanà vòj... vò puśèl-la: Kàj? Kòn aviľà amèn-de manùš? Kòn aviľà amèn-de manùš?!*
ʻВот приходит змей туда к ней, берёт тогда она... он [и] спрашивает её: «Где? Что за человек к нам пришёл? Что за человек к нам пришёл?!»ʼ

(4) 👂 *Cypìl o sàp: Mudàr le levòs! Aj o lèvo cypìl lès-kə: Mudàr le sapès!*
ʻКричит змея́: «Убей льва!» А лев кричит ему: «Убей змею!»ʼ

(5) ♪ *Aj kurkə̀ les d-ansurisarďàs || lujinè kətàna gəľàs-ə || Pèh-ka gaźà-kə phenďà: || Àj vòj gaźì, myřỳ gaźì || injà bə̀rš màn ť-aźukərə̀s śè* [...].
ʻА в воскресенье его женил, в понедельник в солдаты ушёл. Своей жене говорит: «Ай ой жена, моя жена, девять лет меня тебе ждать, милая [...].»ʼ

Это может быть и глагол мышления («внутренней речи»):

(6) 👂 *Màj-sỳ-les te-arəsə̀l xancỳ khərə̀ aj gyndìl-pe: Mè kodolà glatà ćì-dikhlèm-la ande myřə̀ jakhà dətə̀t.*
ʻЕщё немножко ему осталось, чтобы добраться домой, и думает: «Я этого ребёнка в глаза не видел вообще».ʼ

Прямая речь — необязательно полноценное предложение, ср. обращение:

(7) 👂 *O raklò cypisarďà: Màmo!*
ʻПарень закричал: «Мама!»ʼ

Глаголы речи часто опускаются во избежание повтора, причём нередко такие предложения начинаются с частиц *kana* ʻи тут, вдругʼ (см. 4.3.8.1.1е), а далее идёт подлежащее — автор реплики (чаще всего личное местоимение):

(8) *Ə̀ta vòj phenèl: Te-avèl muřò phràl kaćè, sàh-kə-xàh-le? Kana vò: Sàr te-xàv-le?! Te-źàl pa màn-de pe sà-j Iròpija kə mè xalèm muřə̀ šogoròs?!*
ʻВот она говорит: «Если придёт мой брат сюда, ты бы его съел?» А он: «Как это я его съем?! Чтоб пошло обо мне на всю Европу, что я съел своего шурина?!»ʼ

(9) *Aj śuťà-pe ə mỳca ka dèl. Aj lèl o dèl aj phenèl: Mỳcə, dàv-tu tr̀ànda bə̀rš. Kana vòj: Ćì-trubùl-man tr̀ànda. Mèk-arəsə̀l-ma deš-u-pànź bə̀rš, dòsta màn-gə.*
ʻИ зашла кошка к богу. И берёт бог и говорит: «Кошка, я дам тебе тридцать лет». А она: «Не надо мне тридцать. Пусть хватит мне пятнадцати лет, довольно мне».ʼ

Возможны различные комбинации этих приёмов. Кроме того, глагол речи может стоять после реплики:

(10) *Kana vò: Źà màj-xalàďu xancỳ, pr̀à-phèrdo mèl san! — cypìl pe lès-te. Aj vò: Te-xalàďuvav? Akanà dìkh sar xalàďuvav.*
ʻА тут он: «Иди помойся чуть-чуть, ты весь в грязи!» — кричит на него. А он: «Помыться? Теперь смотри, как я помоюсь».ʼ

Прямую речь можно было бы считать прямым дополнением, например, речевого глагола (в т. ч. если он опущен), но это наталкивается на трудности, когда после него стоит «вводное» местоимение *kaďà* ʻтакʼ (которое больше годится на роль обстоятельства); тогда прямая речь, по-видимому, является приложением к нему:

(11) *Lèl o dèl aj phenèl kaďà: Ašunèn! — pèh-kə svyntòh-kə phenèl, svyntòh-kə: — Źà aj tìde màn-gə sà le zvèrȧ, kaj sỳ le zvèrȧ p-o svèto.*
ʻБерёт бог и говорит так: «Слушайте! — своему святому говорит, святому: Иди и собери мне всех зверей, которые есть звери на свете».ʼ

(12) *Nigərďà-le ka bìrto aj thoďà-le pala-j skafedì, aj lèl aj phenèl kaďà:*
♪ *Àj bre řomàle, bre śavàle* [...].
ʻОтвёл их в кабак и посадил их за стол и берёт и говорит так: «Ай *бре* цыгане, ай *бре* ребята [...]».ʼ (вставной комментарий во время исполнения песни)

Прямая речь может сопровождаться особой цитатной частицей *phèn-kə* (показатель прямой речи, ʻмолʼ, ʻговоритʼ и т. п.; реже *phèn-gə*; также безударно *phen-kə ~ phen-gə*), наряду с глаголом речи или без него; частица может многократно повторяться:

(13) *Ə raklì mothòl: Mè-le, nà-tìde, phèn-kə. Ajda khərà! Mè rovàv xancỳ, phur̀à, phèn-kə, aj laśaràv tù-kə bùt sumnakàj, phèn-kə. Mè kana rovàv, rovàv gàlbi aj dòl'arȧ.*
ʻДевушка говорит: «Брось его, не собирай [золото], говорит. Айда домой! Я поплачу чуток, старик, говорит, и сделаю тебе много золота, говорит. Я когда плачу, плачу золотыми монетами и долларами».ʼ

(14) *Kana vò: Bystərdèm, phen-gə, sàs-ma avèr gỳndurȧ te-puśàv-les, phen-kə, aj pa tù-te bystərdèm.*
ʻИ тут он: «Забыл, говорит, у меня были другие мысли [о чём] его спросить, говорит, а о тебе забыл».ʼ

(15) *Kana vò: Aj sò ćì-xalavès te vàs, phèn-kə, kakalè vastèn-ca, phèn-kə, phèrdo ràt, phèn-kə, aj tù śinès màn-gə màs.*
ʻА он: «Что же ты не помоешь руки, говорит, этими руками, говорит, полными крови, говорит, а ты режешь мне мясо».ʼ

(16) *Aj dèl aj mothòl lèh-ke: tàtə, phen-kə, mè akanà-š, phen-kə, źàv p-o bazàri.*
ʻИ тут говорит ему: «Папа, говорит, я сейчас, говорит, пойду на базар».ʼ

Частица может стоять и в начале, перед репликой (не у всех носителей?):

(17) *Thaj lèl aj phèn-kə: Sò j kaćè kaj inkəràv mè?*
‘Да и берёт и, мол: «Что это тут, что держу я?»’

Передаваемая прямой речью реплика может сокращаться путём преобразования несущественных или неизвестных элементов с введением слова *kutàri* ‘такой-то’ (местоимение-прилагательное):

(18) *Kana vò: Àv Pàtro, trubùl te-atàrďuvas and-o... kutàri gàv, koćè bešàl muřò dàd* [...].
‘Тут он: «Иди, Пэтро, нам надо остановиться в... такой-то деревне, там живёт мой отец [...]».’

(19) *Sò řudìn lès-kə, sò màj-naštìn pala raklò, phenèn màn-gə o dròm, sàr te-arəsàv ka kutàri thàn.*
‘Как благожелают ему, как же изнемогают по нему, говорят мне дорогу, как мне добраться до такого-то места.’

4.12.9.2. Полупрямая речь

Полупрямая речь отличается от прямой пересчётом местоимений (см. 4.12.9). Кроме того, в полупрямой речи (как и в косвенной), кажется, не употребляются обращения и частица *phèn-kə* ‘мол, говорит’. Естественно, если при пересчёте ли́ца не меняются (в т. ч. когда и говорящий в 1-м лице, и оно же в реплике), то полупрямая речь тождественна прямой. Полупрямая речь позволяет максимально точно передать реплику, при этом сохраняя отстранённость от цитируемого персонажа. Прямая речь, в идеальном случае, однозначно восстанавливается из полупрямой. Полупрямая речь возможна при разных типах реплик:

(i) по типу высказывания

(а) утверждение

Для передачи утверждений при глаголах речи полупрямая речь обычно не применяется. Впрочем, можно представить себе ситуацию, когда реплика повторяется от нового лица, например при подтверждении слов присутствующего:

(1) а. *Sò, ćí-ašunďàn? O řòm phenďà tumèn-gə: Kamàv te-xàv.* (прямая)
‘Вы что, не слышали? Цыган сказал вам: «Хочу есть».’

⇒ б. *Sò, ćí-ašunďàn? O řòm phenďà tumèn-gə: kamèl te-xàl.* (полупрямая)
‘Вы что, не слышали? Цыган сказал вам: он хочет есть.’

Такие случаи можно рассматривать и как отдельные предложения, поэтому здесь может быть не вполне уместно вообще выделять полупрямую речь как особое явление.

(б) вопрос

Возможности косвенной речи ограничены для передачи вопросов (кроме специальных), но всегда можно прибегнуть к полупрямой речи, сохраняющей интонацию вопроса.

Специальный вопрос в полупрямой и косвенной речи различаются только интонацией:

(2) *Pùś-les: kàj lès-ti zòr?*
‘Спроси его: где его сила?’

Если снять вопросительную интонацию, получится косвенная речь и вопрос станет прямым дополнением речевого глагола (см. 4.12.2.4.1а).

Общий вопрос может быть разделительным; в таком случае он предвосхищает в т. ч. и отрицательный ответ:

(3) *Pùś-les: kamél te-xàl (vòrkə ćì)?*
ʻСпроси его: хочет он есть (или нет)?ʼ

(4) *Pùś-les: sý-les glàti (vòrkə nàj)?*
ʻСпроси его: есть у него дети (или нет)?ʼ

Такие вопросы трудно перевести в косвенную речь (см. 4.12.2.4.1б).
В альтернативных вопросах возможно расщепление на две части:

(5) а. *Pùś-les: músto pèl vòrkə pàj?*
ʻСпроси его, он сок будет пить или воду?ʼ

б. *Pùś-les: sə̀ pèl: músto vòrkə pàj?*
ʻСпроси его: что он пьет, сок или воду?ʼ

Второй вариант можно приблизить к косвенной речи (см. 4.12.2.4.1в).

(в) восклицание

Например, с глаголом *luvudìl* ʻхвалитьʼ:

(6) ✍ *Radujisàjle, mištò lèn-gə, thodè-pe te-ćumìden-la, te-luvudìn-la, ćè xaranì la.*[СЦЯ]
ʻОбрадовались, хорошо им, принялись целовать её, хвалить её, какая она умная.ʼ

(ii) по типу (не)речевого акта

(г) речь

Примеры (1)–(5) выше содержат речевой глагол. Бывают колебания между прямой и полупрямой речью, ср. начало реплики в прямой, а затем переход к полупрямой речи после некоторой заминки:

(7) 👂 *Aj lèl akanà ə raklì aj phenèl: Akanà màn trubùl-ma, muřò vòćeredo te-làv... te-lèl pèh-kə i vòj manùš.*
ʻИ берёт тогда девушка и говорит: «Теперь мне надо, моя очередь взять...» — чтоб взяла себе и она мужа.ʼ

(д) мысль

Иначе с глаголами мышления («внутренней речи»): с ними тоже, в принципе, возможна прямая речь, но обычна скорее полупрямая: чужой ход мыслей передают со своей точки зрения, не прибегая к косвенной речи (т. е. к союзу *kə* ʻчтоʼ), особенно когда реплика сложна по структуре:

(8) ♪ *Gaźò maťarnò d-avèla* || [...] *aj sokotìl-pe thaj gyndìl-pe:* || *te-bitinèl pèh-ka dà* || *dejořỳ ći-maj-arakhə̀l* || [...] *aj te-bitinèl la gaźà* || *màj-mỳndro, màj-šukàr lèl.*
ʻМужик-пьяница идёт [...] и рассуждает да думает: продать ему свою мать, матушки больше не найдёт, [...] продать ему жену, более красивую, более прекрасную возьмёт.ʼ

(е) впечатление

Сродни передаче мыслей — передача впечатления, когда рассказчик может мысленно перенестись во время действия рассказа и после соответствующего глагола (восприятия) выдать содержание без явного выражения подчинения:

(9) *Kaj-źàl, źàl pès-kə dromè-sa o raklò aj dikhàl: bešàl angla lès-te řỳpa.*
‘И вот идёт, идёт своей дорогой парень и видит: перед ним яма.’

(10) *Aj sykàďol lès-kə and-o sunò: avèl lès-te o dèl aj o sin Pètri.*
‘И видится ему во сне: приходит к нему бог и святой Пётр.’

(11) *Źàl, źàl p-o drom aj dikhàl: bešàl khə bàlta, aj bešən ande là-te xuťamn’à.*
‘Идёт, идёт по дороге и видит: стоит болото, а в нём лягушки.’

В таких случаях, видимо, невозможна прямая речь (т. к. это не речь), т. е. не может быть прямого употребления лиц: здесь 3-е лицо *angla lès-te* ‘перед ним’ (а не ***angla màn-de* ‘передо мной’). Поэтому, возможно, мы не вполне обоснованно относим эти случаи к «речи»; с другой стороны, внешне они никак не отличаются от передачи мыслей, каковые вполне можно назвать речью (т. к. возможна прямая).

4.12.9.3. Косвенная речь

Когда прямая речь преобразуется в косвенную, исходная реплика теряет некоторые свои элементы (обращения, цитатную частицу *phèn-kə*), претерпевает пересчёт лиц, иногда мену наклонения. Ситуация с точки зрения автора цитируемой реплики переводится в ситуацию, в которой она цитируется. Цитата превращается в изъяснительное придаточное предложение (см. 4.12.2.3), зависимый оборот (см. 4.12.2.1), предложение в зависимом наклонении (см. 4.12.2.2) или косвенный вопрос (см. 4.12.2.4). Глагольные времена при этом обычно остаются такими, какими они были в прямой речи. Покажем всё это на примере нарочно для этого искусственно подобранных предложений.

Утверждение остаётся в изъявительном наклонении и преобразуется в придаточное предложение с изъяснительным союзом *kə* (здесь также пропадает обращение *brə̀*):

(1) а. *O Jòno phenďà màn-gə: Matò san brə̀!*
‘Ёно сказал мне: «Ты пьян *брэ*!»’

⇒ б. *O Jòno phenďà màn-gə kə matò sym.*
‘Ёно сказал мне, что я пьян.’

Когда в реплике сложносочинённое предложение, *kə* обычно повторяется (в этом примере пропадает частица *phèn-kə*):

(2) а. *O Jòno phenďà màn-gə: Matò san, phèn-kə, ćì-mekàv-tu andrə̀.*
‘Ёно сказал мне: «Ты пьян, говорит, я тебя не впущу».’

⇒ б. *O Jòno phenďà màn-gə kə matò sym aj kə ćì-mekàl-ma andrə̀.*
‘Ёно сказал мне, что я пьян и что он не впустит меня.’

Повелительное наклонение переходит в зависимое (если уже было зависимое, то оно остаётся):

(3) а. *O Jòno phenďà màn-gə: Źà khərə̀!*
б. *O Jòno phenďà màn-gə: Te-źàs khərə̀!*
‘Ёно сказал мне: «Иди домой!»’

⇒ в. *O Jòno phenďà màn-gə te-źàv khərə̀.*
‘Ёно сказал мне идти домой.’

Специальный вопрос преобразуется в косвенный (снимается сильное ударение):

(4) а. *O Jòno puśľà-ma: Kə̀j źàs?*
‘Ёно спросил меня: «Куда идёшь?»’

⇒ б. *O Jòno puśľà-ma kə̀j źàv.*
‘Ёно спросил меня, куда я иду.’

Косвенная речь встречается вообще не очень часто. С глаголами речи предпочитается прямая речь, но ср. пример косвенной речи внутри прямой (прямая речь в рамках диалога в этом примере никак не вводится):

(5) *Amèn traďà-ame o rašàj anda kutàri gàv, phenďá kə tù-te sy gràst pala amèn-de kaj nigərən-ame amèn.*
ʻ«Нас послал поп из такой-то деревни, сказал, что у тебя есть кони для нас, которые нас отвезут».ʼ

С глаголами мысли косвенная речь более частотна:

(6) *A vòj gyndisàjli kə ə mamʹořỳ sy.*
ʻА она подумала, что это *мамёрры*.ʼ (мифологический персонаж)

Пример вопросительного выноса (см. 4.7.2.3):

(7) *Lès-kə phràl sò phendè le gaźès-kə: kə vòn andinè kodolà tərnʹà, ćordè-la katàr o ampəràto.*
ʻЕго братья что сказали мужику: что они привезли эту девушку, похитили её у царя.ʼ

Косвенной речью, разумеется, не является любое изъяснительное предложение или косвенный вопрос. Так, изъяснительным предложением могут управлять далеко не только глаголы речи, ср. *daràl kə...* ʻбоится, что...ʼ.

4.12.10. Вставные предложения

Вставные предложения не имеют чёткой привязки к членам главного предложения и могут стоять более или менее в любом месте главного предложения. Они имеют собственный интонационный отрезок. Например:

te-jertìs	ʻчтобы ты простилʼ	(при упоминании табу)
te-nà-źanès	ʻчтобы ты не зналʼ	(напр., о болезнях)
sàr te-phenàv tù-kə	ʻкак тебе сказатьʼ	(подбор слов)
te-phenàv (tù-kə) o ćaćimòs	ʻпо правде говоряʼ	
nà-maj-phen!	ʻи не говори!ʼ	(ʻтакое, что ах!ʼ)
te-nà-maj-dèl o dèl	ʻне дай же богʼ	
te-dèl o dèl	ʻдай богʼ	
te-ferìl o dèl	ʻбоже упасиʼ	
te-avèl jertò	ʻбудь он прощёнʼ	(при упоминании покойника)

Примеры употребления:

(1) *Thodè k skafedì, kolà-tar, nà-maj-phèn!*
ʻНакрыли стол, такой, слов нет!ʼ

(2) *Aj tyřysàjli tala pòdo aj rovèl thaj phařòl anda rojimòh, te-nà-maj-dèl o dèl!*
ʻИ заползла под мост, и плачет, и разрывается от плача, не дай бог!ʼ

(3) *Aj źàl pàj, te-jertìs, anda là-kə ćućà.*
ʻИ идёт вода — пардон — из её грудей.ʼ

Здесь же упомянем типичный вопрос в конце или в середине предложения *haťaràs* ʻпонимаешьʼ или *haťarďàn* ʻты понялʼ:

(4) *Sàr te-pʹàv mè ə pìva? Kə mè avilèm, aťaràs? — kə mè avilèm te-mudaràv-tu!*
ʻКак мне пить пиво? Ведь я пришла, понимаешь? — ведь я пришла убить тебя!ʼ

4.13. Залог, возвратность, неактивность, каузативность

Залог можно определить как взаимное отношение разных способов оформления глагола (т. е. сказуемого предложения, а значит, и всего предложения) в том, что касается его модели управления. Постановка предложения в тот или иной залог отражается на глаголе и на членах предложения. Здесь нам будут важны семантические понятия **субъекта** и **объекта**. Субъект — это «активный» участник действия, а объект — «пассивный».

Мы выделяем три залога:

— **действительный**: субъект = подлежащее, объект = прямое дополнение;
— **страдательный**: объект = подлежащее;
— **безличный**: субъект и объект не выражены, предложение безлично.

Повторим здесь то, что уже изложено в разных местах в главе о морфологии (см. 3.11.14). Каждому активному глаголу соответствует возвратный (по крайней мере потенциально), а переходным — нередко ещё и производный неактивный. Круг значений этих неактивных и возвратных глаголов зависит от различных условий; неактивные и возвратные глаголы чаще всего не взаимозаменимы, но бывает, что они синонимичны. Как активные, так и неактивные глаголы могут иметь возвратную форму (т. е. с клитикой *-pe* в 3-м лице), ср.:

marə̀l (акт.)	ʻбить’	:	*marə̀l-pe*	(в разн. знач.)
bešə̀l (неакт.)	ʻсидеть’	:	*bešə̀l-pe*	(в разн. знач.)

Только в I пласте имеются чёткие пары активный : неактивный глагол, но и там далеко не все активные глаголы имеют неактивные соответствия (в части случаев это обусловлено лексически, т. е. немотивированным наличием или отсутствием слова), ср.:

marə̀l	ʻбить’	:	*màrďol*	(в разн. знач.)
phenèl	ʻговорить’	:	***phenďol*	(ср. *phenèl-pe* в разн. знач.)

В этих неактивных соответствиях неактивность выражена морфологически (обычно она узнаваема по суффиксам, см. 3.11.11.2б), а синтаксически она видна только по согласованию в части форм (в перфекте, см. 4.4.1.1). Имеются также особые гибридные неактивно-возвратные формы, ср. *mèkľol-pe* (от *mekə̀l* ʻспускать; пускать’; о значениях и употреблении всех приведённых форм см. в следующих разделах).

Иное положение во II пласте: в личных формах инфекта неактивные глаголы обычно никак не отличимы от активных, ср. *źuvindìl* ʻоживлять’ и ʻоживать’, но есть возвратные, ср. *ansurìl* ʻженить’ : *ansurìl-pe* ʻжениться’. В перфекте же формально нет возвратности, а есть только активность и неактивность, ср. *ansurisarďà* ʻженил’ : *ansurisə̀jlo* ʻженился’, но не ***ansurisarďà-pe* (о формах см. 3.11.14).

Наличие возвратного или неактивного глагола в предложении не свидетельствует о страдательности или безличности, т. к. залоги вообще имеют смысл только друг относительно друга. В страдательном и безличном залогах глаголы выступают в **чисто залоговых** значениях, каковые всегда являются результатом синтаксического залогового преобразования. В прочих случаях неактивные и возвратные глаголы в предложении могут точно не соответствовать никакому «исходному» активному глаголу. Тогда мы говорим о **незалоговых** глагольных преобразованиях (см. 4.13.4): имеет место некоторое не вполне строгое отношение между производящим и производным глаголами, сопровождаемое более или менее предсказуемыми семантическими и синтаксическими связями. Например: глагол *xàl* ʻесть; погубить; подловить’ в возвратной форме *xàl-pe* имеет не только чисто залоговое значение (букв. ʻесться’, ʻедят’), но и более самостоятельное ʻссориться’, а неактивный *xàľol* ʻпротираться’ совсем далёк по смыслу.

4.13.1. Действительный залог

Действительный залог — это «основной» залог, в котором употребляется глагол в обычном случае, а остальные залоги — производные от него. При этом понятие залога не имеет смысла вне противопоставления. Так, в следующих примерах глаголы *xalavèl* ʻмыть’ и *xalavèl-pe* ʻумываться, мыться’ не состоят в залоговом соотношении (о незалоговых преобразованиях см. 4.13.4):

(1) *Xalavàv muřə vàst.*
ʻЯ мою руки.’ (букв. ʻмои руки’)
(2) *Xalavàv-ma.*
ʻЯ моюсь.’

Можно объявить, что оба эти предложения стоят в действительном залоге, т. к. противопоставлены предложениям с глаголом *xalavèl-pe* ʻмыться’, употреблённым страдательно (ʻмыт’, см. 4.13.2) или безлично (ʻмоют’, см. 4.13.3).

4.13.1.1. Неопределённо-личное употребление действительного залога

Помимо обычных случаев, действительный залог иногда употребляется неопределённо-лично (3.мн.), причём подлежащее отсутствует и указывает на обобщённый субъект (тут можно видеть эллипсис чего-то вроде *le manùš* ʻлюди’ и т. п.), ср.:

(1) а. *Amèn-de ćì-phenèn kaďà vòrba.* (действительный)
ʻУ нас не говорят это слово.’
б. *Amèn-de ćì-phenèl-pe kaďà vòrba.* (страдательный)
букв. ʻУ нас не говорится это слово.’

Другие примеры:

(2) *Sòde khərà phaglè?*
ʻСколько домов снесли?’
(3) *Amèn-de bolèn dùvar o bərš.*
ʻУ нас крестят дважды в год.’
(4) *Aj ľà-pe vò aj gəlò-tar. Kaj-gəlò-tar, ašùn, aj gəlò-tar. Aj bešəl ande pivnàja, koďà kaj pènah atùnći, kana sàs vòn.*
ʻИ собрался он и ушёл. Да и ушёл, слушай, и ушёл. И сидит в пивной, этой, где тогда пили, когда были они.’

Это значение чаще выражается страдательным залогом, ср. *phenèl-pe* букв. ʻговорится’ (см. 4.13.2).

4.13.2. Страдательный залог

Имеет смысл различать страдательный залог **действия** (выражаемый только глагольными формами, ср. *pytrəl-pe*, *pytərďol* ʻоткрывается’) и страдательный залог **состояния** (выражаемый связкой *sy* и причастием, ср. *sy pytərdò* ʻоткрыт’). Ниже мы рассмотрим их отдельно.

4.13.2.1. Страдательный залог действия

Страдательный залог морфологически выражается возвратной и (реже) неактивной или неактивно-возвратной формой глагола (напомним, что «возвратность» и «неактивность» — чисто формальные, а не семантические признаки). Когда говорится, что предло-

жение стоит в страдательном залоге, это означает, что имеется соответствующее предложение (в действительном залоге), которое можно считать исходным, причём сказуемое этого исходного предложения — переходный глагол, а при нём есть прямое дополнение. Последнее превращается в подлежащее:

(1) а. *Mè pytràv o vudàr.* (действительный)
ʻЯ открываю дверь.ʼ
⇒ б. *O vudàr pytràl-pe.* (страдательный)
ʻДверь открывается.ʼ

Сравнив глаголы *pytràl* и *pytràl-pe* в примерах (1), было бы естественно заключить, что в разных залогах употребляется один и тот же глагол, и, таким образом, возвратный глагол можно считать формой «исходного» невозвратного глагола (ведь налицо только синтаксическое преобразование). Однако это толкование наталкивается на серьёзные трудности ввиду того, что в чисто залоговых значениях встречаются и производные неактивные глаголы (типа *pytàrďol*). Это уже совсем «отдельные» глаголы — ввиду морфологической производности (*pytàrďol* невозможно включить в парадигму *pytràl*). Поэтому и возвратные глаголы следует считать отдельными.

Все возвратные, но не все производные неактивные глаголы могут выступать в чисто залоговом значении — т. е. полностью сохранять лексическое значение исходного глагола, но выступать в предложениях, полученных путём залогового преобразования исходного предложения в действительном залоге. Часть неактивных глаголов, морфологически производных от активных, в залоговых преобразованиях не участвует, а имеет только специализированные (лексические) значения, ср. от *xàl* ʻестьʼ — *xàľol* ʻизнашиваться’ (в залоговом значении только *xàl-pe*); от *mekàl* ʻпускатьʼ — *mèkľol* ʻспускатьсяʼ (в залоговом только *mekàl-pe*).

Страдательный залог употребляется очень ограниченно и только тогда, когда субъект не может быть явным (т. е. он несуществен или неизвестен; в противном случае гораздо чаще прибегают к выносу темы, который позволяет полностью сохранить исходную модель управления, см. 4.8.7).

Самая частотная функция страдательного залога — опущение обобщённого субъекта, когда он не называется в т. ч. по причине его неопределённой множественности (в значении ʻлюдиʼ и т. п.):

(2) 👂 *Pəpəstàri — sỳ, and-o fòro bitìnďol, kasavè lùnźi kaj xàn-pe, pəpəstàŕa buśòn, kaj sy o goroxùco ande lèn-de.*
ʻСтручок — есть [такое слово], в городе продаётся, такие длинные, которые едят, стручками называются, в которых горошек.ʼ

(3) 👁 *Maškar ə bàr marən-les, xàn-pe kodolè manušə-sa. Šòv kurkə vò sà màrďol, kodò manùš, sà and-o divàno lo.*
ʻВ таборе его бьют, ругаются с этим человеком. Шесть недель его всё бьют, этот человек, всё [время] он в скандале.ʼ

(4) 👂 *A vàrə-kàs-ko-to šərò trubùl te-śìnďol kaćè!*
ʻА чья-то голова должна быть отрублена тут!ʼ

(5) 🔈 *Aj katkà hramòl-pe sà so-gòdi phenàv?*
ʻА тут записывается всё, что я говорю?ʼ (на диктофон)

Пример с подлежащим *kaďà* ʻтакʼ (см. 4.9.2.2):

(6) ♪ *Aj kàj màj-dìćiľa kaďà || aj kàj màj-kàrdiľas kaďà || te-lèl o phràl la phə̀ || aj o vàro la varà?*
ʻИ где видано такое, и где делалось такое, чтоб взял брат сестру, а двоюродный брат двоюродную сестру?ʼ

Пример с неактивно-возвратным глаголом:

(7) *Te-nà-źal-tar khònik kacàr, te-ašùnďol-pe ə paramìći pòlnəsťu!*
‘Чтоб не уходил никто отсюда, [надо] чтобы была дослушана сказка полностью!’

Страдательный залог имеет также специальные фазовые и модальные значения:

(а) обыденность, разброс

Страдательный залог — по-видимому, чаще с возвратностью — обычен в сообщениях об обыденных действиях, в статическом значении (о статических и динамических глаголах см. 4.2.6.4.2), например происходящих согласно заданной схеме, регулярно и т. п., ср. об обычаях:

(8) *O səvijàko xàl-pe ka-j patradì.*
‘*Сэвиако* едят на Пасху.’ (особый пирог)

Отдельно отметим употребления *phenèl-pe* ‘говорят’ и *hramòl-pe* ‘пишется’:

(9) *Kadò ka ləjèco phenèl-pe.*
‘Это у немолдовая говорится.’ (= ‘это не наше слово’)

(10) *Sàr ramòl-pe ťo anàv?*
‘Как пишется твоё имя?’

Такие употребления возможны только в фазе разброса, т. е. в инфекте (см. 4.2.6.4.4.1), поэтому в этом значении нельзя сказать, например, *phenďà-pe* букв. ‘сказалось’ или *ramosàjlo* ‘написался’.

(б) потенциальность

Страдательно выражается возможность или невозможность какого-либо действия над предметом (только в инфекте). В этом значении употребляются как возвратные, так и неактивные формы:

Утвердительно, т. е. возможность:

(11) *Kadò màs śinèl-pe mištò.* *~ śìnďol*
‘Это мясо хорошо режется.’

Отрицательно, т. е. невозможность:

(12) *O vudàr ći-putràl-pe dətàt.* *~ putàrďol*
‘Дверь не открывается никак.’ (‘не получается открыть’ или ‘заперта’ и т. п.)

Когда неактивного нет, только возвратный:

(13) *Anda koďà, phèn-kə, ći-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst le pajè-sa.*
‘Поэтому, мол, не смывается кровь с их рук водой.’ (букв. ‘не берётся’)

4.13.2.2. Страдательный залог состояния

Состояние, достигнутое в результате совершения действия, может выражаться связочной конструкцией с причастием. Немногочисленные причастия от непереходных глаголов имеют действительное значение и по синтаксическим свойствам ничем не отличаются от прилагательных (так что здесь нет смысла говорить о залоге). Причастия же от переходных глаголов, как правило, имеют страдательное значение (о значениях причастий см. 3.11.6.2), ср.:

(1) а. *Sà le glàti sutè le.* (действительное значение)
ʻВсе дети спят.ʼ (букв. ʻуснувшиеʼ)
б. *Sà le matòri laśardè le.* (страдательное значение)
ʻВсе машины починены.ʼ

Только при страдательном значении причастия можно выразить субъект действия (хотя это делается редко), ср. предложение в действительном залоге (субъект — подлежащее) и в страдательном состояния:

(2) а. *Le kətàni mardè le řomèn.*
ʻМилиционеры побили цыган.ʼ
⇒ б. *Le řòm sy mardè kata-l kətàni.*
ʻЦыгане побиты милиционерами.ʼ

Чаще всего это встречается в обороте *śinadò kata dèl* ʻ[что-л.] суждено богомʼ:

(3) ♪ *Aj làs-ame ande phùv || kə phùv śinadì kata dèl-y.*
ʻА будем бороться на земле, ведь земля суждена богом.ʼ (ʻврукопашнуюʼ)

Страдательный залог состояния в безличном предложении:

(4) *Nàj šyladò kaćè.*
ʻЗдесь не подметено.ʼ
(5) *Kərdò lès-kə.*
ʻЕму нанесли порчу.ʼ (букв. ʻсделаноʼ)

Страдательный залог состояния можно усматривать в присказуемых (они являются как бы свёрнутыми отдельными предложениями, см. 4.2.3.2):

(6) *Avilò xalò kata-l źukàl.*
ʻОн пришёл покусанный собаками.ʼ

Может быть, залоговым следует считать и особое употребление — *hramòl-pe* ʻнаписаноʼ (другие глаголы в подобных значениях состояния так не употребляются):

(7) *Sò ramòl-pe p-o vudàr?*
ʻЧто написано на двери?ʼ

В этом же значении можно употребить *sy* / *bešàl ramomè* букв. ʻстои́т написаноʼ или иногда просто *bešàl* букв. ʻстои́тʼ.

4.13.3. Безличный залог

Преобразование в безличный залог даёт безличные предложения. Сказуемое исходного предложения воспринимается как непереходный глагол (о «ложнопереходности» см. 4.5.3.2), ставится в возвратную форму, а само предложение становится безличным:

(1) а. *Adès le řòm khəlèn.* (действительный)
ʻСегодня цыгане танцуют.ʼ
⇒ б. *Adès khəlèl-pe.* (страдательный)
ʻСегодня танцуют.ʼ

Глагол *khəlèl* — непереходный, т. е. в личном употреблении при нём есть подлежащее (но не дополнение). Делая его возвратным, мы лишаем его этой валентности. Формально возвратная клитика могла бы являться его дополнением, как в страдательном залоге (ср. *putràl-pe* ʻоткрываетсяʼ, т. е. ʻ...себяʼ). Здесь же, однако, мы валентность на подлежащее как бы передаём возвратной клитике, т. е. в форме *khəlèl-pe* букв. ʻтанцуетсяʼ клитика *-pe*

выполняет совсем не ту роль, что в страдательном залоге (здесь нет значения **‘танцует себя’). Итак, безличный залог применяется в значении ‘[что-л.] делается’, когда деятель неважен или невыразим:

(2) *Tehàra ćì źàl-pe ka-j škòla.*
‘Завтра нет школы.’ (букв. ‘не идётся в школу’, т. е. ‘мы не идём в школу’)

(3) *P-o marimòs merȁl-pe.*
‘На войне умирают.’

(4) *Milà amèn-de dilabȁl-pe.*
‘Летом у нас поют.’

(5) *Ivendè amèn-de ćì-drabarȁl-pe.*
‘Зимой у нас не гадают.’

(6) *O mehlèmo sy kaj cỳrdel-pe lè-sa.*
‘Припой — это то, чем паяют.’

Всегда без дополнения, в т. ч. и переходные глаголы:

(7) *Ka-j patradì amèn-de bolèl-pe.*
‘На Пасху у нас крестят.’

Безлично выступает особый усилительный оборот, с общим значением: ‘делать *x* крайне сильно (или необычно)’. Во второй части повторяется тот же глагол в безличном залоге (‘принято делать *x*’):

(8) *Ćì-cypìl sar cypìl-pe.*
‘Кричит как резаная.’ (букв. ‘не кричит как кричится’, т. е. ‘обычно кричат’)

(9) *Aj ćì-səpìl-les sar səpìl-pe || lèl-les d-anda řədəćìna.*
букв. ‘И не выкапывает его, как выкапывают, берёт его за корень.’ (виноград)

Такие обороты характерны для песенного регистра. Заметим, что в примере (9) переходный глагол *səpìl* в первой части оборота имеет прямое дополнение (*-les*), а во второй он (с возвратностью: *səpìl-pe*) употреблён как непереходный: *-pe* здесь — не дополнение. Именно на этом основании мы отличаем безличный залог от страдательного.

Маргинально, по-видимому, это возможно и с возвратными глаголами:

(10) *Ćì-xàn-pe sar xàl-pe.*
‘Ссорятся страшно.’

Здесь возвратность морфологически выражается один раз (***xàl-pe-pe*).

4.13.4. Незалоговые глагольные преобразования

В отличие от залоговых преобразований, здесь в большинстве случаев налицо изменения (или новые оттенки) в значении глагола. В них можно усматривать словообразование (т. е. пары морфологически соотнесённых слов). Словообразованию несвойственна полная регулярность: можно говорить лишь о тенденциях, а не об абсолютных правилах.

Однако мы рассматриваем это явление здесь в связи с возможностью синтаксического его толкования: пары производящих (например, *pytrȁl* ‘открывать’) и производных (например, *pytrȁl-pe* ‘открываться’) образуют ряды не только по соотношению значений, но и по соотношению моделей управления. Поэтому это в большой степени сродни синтаксическому преобразованию.

С точки зрения моделей управления наши преобразования приводят либо к уменьшению числа валентностей, либо к его увеличению:

(а) убавление валентностей

Можно сказать, что переходному глаголу *pytrə̀l* ‘открывать’ (здесь нам неважны другие значения: ‘развязывать’ и др.) чисто синтаксически соответствуют непереходные: возвратный *pytrə̀l-pe* ‘открываться’ и неактивный *pytə̀rďol* ‘тж.’. Однако *pytə̀rďol* имеет также другие значения, например ‘разверзнуться [о небе]’, где явно имеется особый новый оттенок, а также полностью отсутствует «субъект». Подобные значения никак не могут считаться залоговыми ещё и потому, что для них нельзя подобрать «исходных» предложений. В любом случае, по сравнению с производящим, производные имеют на одну валентность меньше. Таким образом, здесь имеем превращение переходного глагола в непереходный.

В одних парах это преобразование не приводит к изменению места субъекта в модели управления, такие производные можно назвать **субъектными**, ср. (подчёркнут субъект):

xalavèl {ИМ.|ВИН.} ‘мыть’ : *xalavèl-pe*, *xalàďol* {ИМ.} ‘мыться’
marə̀l {ИМ.|ВИН.} ‘бить’ : *marə̀l-pe*, *màrďol* {ИМ.} ‘биться; драться’ и др.

В других — **объектных** — объект, выражавшийся прямым дополнением, теперь выражен подлежащим (подчёркнут объект):

pařuvèl {ИМ.|ВИН.} ‘менять’ : *pařuvèl-pe*, *pařùďol* {ИМ.} ‘меняться’

Среди таких незалоговых значений можно выделить несколько групп. В части значений выступают только возвратные глаголы, а в части возможны и неактивные. Если же у глагола неактивной формы нет (так часто бывает во II пласте), то вместо неё употребляется возвратная. Для случаев наличия и возвратного, и неактивного глагола общее приблизительное правило можно сформулировать так:

— возвратные глаголы обычно обозначают действие, для которого подразумевается исполнитель (субъект соответствующего активного глагола) — чаще всего при субъектных преобразованиях;
— неактивные глаголы обычно обозначают действие, протекающее «само по себе», случайно, стихийно — чаще всего при объектных преобразованиях.

Для иллюстрации приведём несколько рядов, где есть все три члена (активный, возвратный, неактивный), с их основными значениями, учитывая полисемию основного (активного) глагола:

xàl	*xàl-pe*	*xàľol*
1) ‘есть, разъедать, кусать’		‘протираться’
2) ‘губить, мучить’	‘переживать, казниться’ ‘ссориться [с кем]’	
3) ‘зудеть’		
mudarə̀l	*mudarə̀l-pe*	*mudàrďol*
1) ‘убивать’	‘покончить с собой’ ‘драться насмерть [с кем]’	‘убиться; ушибиться’ ‘быть убитым’
2) ‘гасить’		‘гаснуть’
dikhə̀l ‘видеть, смотреть’	*dikhə̀l-pe* ‘смотреться [в зеркало]’ ‘видеться [с кем]’	*dìćol* ‘выглядеть, казаться’

Как видим, значения возвратных и неактивных соответствий чётко различаются, несмотря на их разнообразие. Так, понятие ʻсовершить самоубийство’ может быть выражено только возвратным глаголом, поскольку деятель здесь совершает активное действие по собственной воле, а ʻ[случайно] убиться’ вполне можно выразить неактивным глаголом, т. к. здесь важнее всего пассивная (и невольная) перемена состояния. Взаимное значение выражается только возвратностью, ибо при таком употреблении важны участники действия как субъекты.

Таких трёхчленных рядов имеется немало, причём в большинстве из них значения неактивного и возвратного вполне прозрачно вытекают из значений активного глагола.

(б) прибавление валентностей

Имеются в виду **каузативные** преобразования (их можно считать обратными объектным), в результате каковых субъект, выражавшийся подлежащим, теперь — прямое дополнение:

bešàl {им.} ʻсидеть’	:	*bešavèl* {им.|вин.} ʻсажать’
najòl {им.} ʻкупаться’	:	*najarə̀l* {им.|вин.} ʻкупать’

Производящими могут быть как неактивные, так и активные глаголы. Это преобразование в обычном случае превращает непереходный глагол в переходный (списки: см. 3.11.11.5, 3.11.11.6).

4.13.4.1. Возвратность: субъектные глагольные преобразования

Субъект выражается подлежащим как в производящем, так и в производном. Можно выделить несколько подгрупп по значению. Эти различия обычно соответствуют формальным синтаксическим различиям в том, что́ при преобразовании происходит с объектом. В одних случаях можно условно считать, что действие направляется «обратно» на субъект, поэтому субъект и объект совпадают (можно сказать, что именно это выражается возвратной клитикой *-pe*), а в других имеется более одного субъекта, причём они являются объектами друг для друга (с натяжкой; см. ниже):

(а) субъект = объект (буквально)

Переходный глагол преобразуется в непереходный, причём дополнение (объект) «сливается» с подлежащим (субъектом). Ярче всего это видно в небольшом ряду глаголов (ʻуход за собой’). Например, *xalavèl-pe* ʻмыться’ — это почти то же, что *xalavèl pès* ʻмыть себя’ (маргинально), ср. возможный диалог:

(1) *Xalavàv-ma. — Kắs xalavès? — Màn xalavàv.*
ʻ[Я] моюсь. — Кого моешь? (переспрашивающий не расслышал клитику)
— Сам моюсь.’ (букв. ʻменя мою’)

Вопреки ожиданиям, возвратные глаголы этого ряда, по-видимому, синонимичны соответствующим неактивным (если есть):

xalavèl	ʻмыть’	*xalavèl-pe*	≈	*xalàďol*	ʻмыться’
hurə̀vèl	ʻодевать’	*hurə̀vèl-pe*	≈	*hurə̀ďol*	ʻодеваться’
hulavèl	ʻпричёсывать’	*hulavèl-pe*	≈	*hulàďol*	ʻпричёсываться’
xarùndel	ʻчесать’	*xarùndel-pe*	≈	*xarùnďol*	ʻчесаться’
thòl	†ʻмыть’	*thòl-pe* [*pa mùj*]			ʻумываться’
gətòl	ʻодевать’	*gətòl-pe*			ʻодеваться’

Особый случай: активный и возвратный — из II пласта; неактивный — из I пласта:

punřandìl	ʽразувать’	*punřandìl-pe*	≈	*punřànďol*	ʽразуваться’

Примеры с возвратными (с неактивными см. 4.13.4.3):

(2) ♪ *Aj hulaďà-pe, hur̓aďà-pe || aj p-o bazàri vòn gəlè...*
ʽИ причесался, оделся, и на базар они пошли...’

(3) 🔊 *Ə̀ta, thàv tù-kə pàj, thò-tu pa mùj!*
ʽВот, ставлю тебе воду, умойся!’ (букв. ʽмойся по лицу’)

Остальные глаголы в этой подгруппе обычно только возвратны (иногда есть и неактивное соответствие, с тем же или иным значением), причём семантические отношения могут быть сложны и нетривиальны, приведём несколько примеров:

dikhə̀l	ʽсмотреть; видеть’	*dikhə̀l-pe*	ʽсмотреться’	≠ *dìćol*
śinèl	ʽрезать’	*śinèl-pe*	ʽпорезаться’	≈ *śìnďol*
dèl jàg	ʽстрелять’	*dèl-pe jàg*	ʽстреляться’	
luvudìl	ʽхвалить’	*luvudìl-pe*	ʽхвалиться’	
pyřỳl	ʽвыдавать’	*pyřỳl-pe*	ʽпризнаваться’	
ansurìl	ʽженить’	*ansurìl-pe*	ʽжениться’	
məritìl	ʽвыдавать замуж’	*məritìl-pe*	ʽвыходить замуж’	

Примеры:

(4) *Pyřysàjľan, akanà źanàs kàs-ko san.*
ʽТы выдал себя, теперь мы знаем, чей ты.’

(5) 🔊 *Ašunèn, kana kamèn te-ansurìn-tume, lèn khə dikhlořò aj źàn ka-j feľàstra aj śùden pa-j feľàstra o dikhlořò.*
ʽСлушайте, когда захотите жениться, возьмите платочек и пойдите к окну и бросьте из окна платочек.’

Упомянем также *lèl-pe and-o patrèto* ʽфотографироваться’ (ср. *lèl and-o patrèto* ʽфотографировать’). Этот оборот обычно значит не ʽфотографировать себя’, а ʽдавать себя сфотографировать’. Однако вряд ли здесь можно видеть страдательный залог (т. к. субъект встаёт в позу и т. п.).

(б) субъект = объект (переносно)

Отличие от предыдущей подгруппы — в том, что производящие переходные глаголы обычно употребляются с неодушевлёнными дополнениями, ср. *thòl* ʽставить, класть’, а соответствующие возвратные обозначают действия (чаще всего движения) субъекта по собственной воле, ср. *thòl-pe* ʽвстать [куда]’. Типичные случаи:

vàzdel	ʽподнимать’	*vàzdel-pe*	ʽподниматься’
thòl	ʽставить’	*thòl-pe*	ʽвставать [куда]’
śòl	ʽсовать; класть’	*śòl-pe*	ʽзаходить’
lèl	ʽбрать; начинать’	*lèl-pe*	ʽвзяться [откуда]; убраться’
phiravèl	ʽносить [одежду]; водить’	*phiravèl-pe*	ʽгулять’
dèl dròm	ʽпускать’	*dèl-pe dròm*	ʽпускаться, бросаться [куда]’
dèl mujàl	ʽопрокинуть’	*dèl-pe mujàl*	ʽопрокинуться’
tìdel	ʽсобирать’	*tìdel-pe*	ʽсобираться [вместе]’
	ʽсжимать’		ʽсжаться’
ankolìl	ʽокружать’	*ankolìl-pe*	ʽвращаться, кружиться’

Примеры:

(6) 👁 *Avilò lilijàko phakàn-ca barən-ca aj marəl ande feľàstra. Pytərďà... pytərďà ə feľàstra aj śuťà-pe.*
‘Прилетела летучая мышь с большими крыльями и бьёт в окно. Открыла... открыла окно и влетела.’

(7) 👂 *Lèl o dèl aj phenèl kaďà: Te-śòl-pe màj-anglàl ə mỳca. Śuťà-pe ə mỳca.*
‘Берёт бог и говорит так: «Пусть войдёт первой кошка». Вошла кошка.’

(8) 👂 *Kaj-źàl, źàl, źàl o raklò, źàl jek śòn, dùj, jek bərš, aj arəsəl vò ka-j xàr anda le voglìnzy. Sàr te-vàzdel-pe pe koďà xàr?*
‘Да и идёт, идёт, идёт парень, идёт месяц, два, год и приходит он к пригорку из зеркал. Как подняться ему на этот пригорок?’

(9) 👂 *Tìdel-pe anda sà le fòrurə̀a, tìdel-pe ə lùmə̀a, ćèm.*
‘Собирается из всех городов, собирается люд, народ.’

(10) 👂 *Vò kaj-gəlò-tar te-phiravèl-pe aj dikhàl: ćè mùndro pàj! bešàl o vàš.*
‘Он и пошёл гулять и видит: какая красивая река! стоит лес.’

Изредка имеются и возвратный, и неактивный глаголы:

mekàl	‘пускать’ и др.	*mekàl-pe*	‘спускаться’	≈ *mèkľol*
ambòldel	‘вертеть, по-/развернуть, вернуться’	*ambòldel-pe*	‘обернуться’	≠ *ambòlďol*

Семантическая связь бывает сложной: например, глагол *mekàl* (~ *mukàl*) ‘отпускать, покидать, оставлять; разрешать; опускать’ имеет чаще всего особое суженное значение в возвратных формах: *mekàl-pe* ‘спускаться’ (самостоятельно), ср. неактивный глагол *mèkľol* (~ *mùkľol*, редко) ‘опускаться’ (обычно о неодушевлённых). При этом в сказках о солнце может говориться *mekàl-pe* ‘заходить, садиться’ (как о живом):

(11) 👂 *O sàp mekàl-pe pàrpale telè, aj gəlò-tar.*
‘Змея спускается обратно вниз, и ушла.’

(12) 👂 *Nùma mekľà-pe o khàm, gəlò-tar o raklò ka pàj, ľà pa šərò ə smàla, thoďà-pe pa mùj aj lèl: xaľà k bùrnix tišàj aj piľà k bùrnix pàj.*
‘Только спустилось солнце, пошёл парень к воде, снял с головы смолу, умылся и начинает: съел горсть песку и выпил горсть воды.’

Возвратный *ambòldel-pe* ‘развернуться, повернуться, отвернуться’ отличается по участию субъекта от неактивного *ambòlďol* в т. ч. ‘ворочаться’:

(13) *Ambòlden-tume!*
‘Отвернитесь!’ (традиционная реплика женщины, идущей мимо мужчин)

(14) 👂 *Ambòlďol pe kuťà rìg, pe kuťà rìg, ćì-lèl-les ə lìndri, kə bokhalò lo.*
‘Повернётся то на один бок, то на другой, не берёт его сон, ведь он голоден.’

Часть возвратных глаголов этой подгруппы по значению непрозрачно соотносится с исходными активными (приводим только нетривиальные значения):

cỳrdel	‘тянуть, сосать’ и др.	*cỳrdel-pe*	‘восходить корнями [к]’
grəbìl	‘торопить’	*grəbìl-pe*	‘спешить’
řyzgyjìl	‘баловать, нежить’	*řyzgyjìl-pe*	‘ластиться’

Например:

(15) *Le botòni cỳrden-pe ka-l ćukuròni.*
‘[Род] ботони восходит к [роду] чюкурони.’

Из этой семантической группы глагол *plimbòl-pe* ‘гулять’ — только возвратный.

(в) два субъекта ≈ два объекта

Сюда относятся глаголы, обозначающие «взаимные» действия, точнее — действия, которые происходят между двумя лицами:

marəl	ʻбить’	*marəl-pe*	ʻдраться’
lèl	ʻбрать’	*lèl-pe*	ʻбраться [в т. ч. за руки]’ ʻбороться’
źanèl	ʻзнать’	*źanèl-pe*	ʻбыть знакомыми’
mudarəl	ʻубивать’	*mudarəl-pe*	ʻдраться насмерть’
ćumìdel	ʻцеловать’	*ćumìdel-pe*	ʻцеловаться’
spìdel	ʻтолкать’	*spìdel-pe*	ʻтолкаться’
kuřəl	ʻfutuere’	*kuřəl-pe*	ʻсовокупляться’
xàl	ʻесть; донимать’	*xàl-pe*	ʻссориться’
dikhəl	ʻвидеть’	*dikhəl-pe*	ʻвидеться’
dèl angàli	ʻобнимать’	*dèl-pe angàli*	ʻобниматься’
kununìl	ʻвенчать’	*kununìl-pe*	ʻвенчаться’

Здесь обычно подразумевается два или более субъектов, воздействующих друг на друга (являющихся друг для друга объектами). Примеры:

(16) *Màj-dikhàs-ame!*
ʻЕщё увидимся!’

(17) *Trubùl i tumè te-marən-tume, te-nà-garàďon.*
ʻНадо, чтобы и вы дрались, не прятались.’

(18) *Aj dùj phralořə pe da-j lùmə̀ || dùj phralořə, dèvla, pe da-j ćèm-o || vastořàs-tar phralořə linè-pe || aj ka pàj-oj barò d-arəsàna.*
ʻА два братца в народе, два братца, боже, на свете, за ручку братцы взялись, и к реке приходят.’

(19) *Sà avèn le gaźè, sà xàn-pe le rakloř-sa, le phuroř-sa, sà cypìn: Sò kəràl ťo śàv?*
ʻВсё приходят мужики, всё ругаются с мальчиком, со старичком: «Что делает твой сын?»’

(20) *Vòn źanèn-pe dəmùt.*
ʻОни знакомы давно.’

Часть таких употреблений приближается к чисто залоговым — когда нет никакого изменения в значении, ср. *źanèn-pe* букв. ʻзнаются’ ≈ *źanèn jekh-avràs* ʻзнают друг друга’. При этом далеко не все глаголы могут возвратностью выражать взаимность, т. е. это не продуктивное явление; так, возможно только *aźukəràn jekh-avràs* ʻждут друг друга’, но не ***aźukərən-pe.*

Обычно взаимное действие не равносильно паре одинаковых действий, ср. *ćumìden-pe* ʻцелуются’ ≠ *ćumìden jekh-avràs* ʻцелуют друг друга’. В прочих случаях может быть совершенно новый оттенок, ср. *xàl-pe* ʻссориться’ в (19).

Часто эти взаимные глаголы возможны и в единственном числе (ср. 1.ед. *maràv-ma* ʻдерусь’):

(21) *Aj avèl aj phenèl: Tàtə, phenèl, dìkh, sò ďà-ma, phenèl, kukò ampəràto, phenèl, kaj marďà-pe tumèn-ca.*
ʻИ приходит и говорит: «Папа, говорит, смотри, что дал мне, говорит, тот царь, который дрался с вами».’

(22) *O Bàkro źanèl-pe kolè řomè-sa le Mišà-sa.*
ʻБакро знаком с этим цыганом Мишей.’

В таких случаях второй субъект (или объект) выражается творительным падежом.

(г) особые случаи

Здесь дадим случаи, не вписывающиеся в указанные подгруппы. У двух глаголов ʻтелесных выделений’ возвратную клитику *-pe* можно считать показателем непереходности:

xlèl	ʻобосрать’	*xlèl-pe*	ʻсрать’
mutrèl	ʻобосцать’	*mutrèl-pe*	ʻсцать’

Глагол *śàdel* ʻблевать’ (неперех.), ʻвыблевать’ (перех.) употребляется невозвратно.
Прочие случаи:

paťàl	ʻверить’	*paťàl-pe*	ʻдоверять; верить [в бога]’
mangèl	ʻпросить’	*mangèl-pe*	ʻпроситься’
tomnìl	ʻсватать’	*tomnìl-pe*	ʻсвататься’
řudìl	ʻмолить’ и др.	*řudìl-pe*	ʻмолиться’
hamìl	ʻсмешивать’	*hamìl-pe*	ʻтрогать, лезть, приставать’

Производящий и производный отличаются моделью управления, первый — переходный, второй — нет:

(23) *Amè sàvořə <u>paťàs-ame</u> and-o dèl.*
ʻМы все верим в бога.’

(24) *Tù sàr <u>řudìs-tu</u> ka dèl?*
ʻТы как молишься богу?’

(25) *Nà-<u>hamisàvo</u> ka-l glàti!*
ʻНе лезь к детям!’

(26) 👂 *Avèl vò akanà, źàl-tar ka-j Lizavèta aj <u>tomnìl-pe</u>: sàr te-źàv mè là-te te-tomnìv-la?*
ʻПриходит он тогда, уходит к Лизавете и сватается: «Как я пойду к ней её сватать?»’ (=ʻсвататься к ней’)

Глагол *mangèl-pe* ʻпроситься’ управляет только зависимым оборотом:

(27) 👂 *Šỳl, aj <u>mangèl-pe</u> te-raťarèl.*
ʻХолодно, и просится [она] переночевать.’

Некоторые глаголы II пласта выступают как в возвратном, так и в неактивном вариантах, ср. *hodinìl-pe* и *hodinìl* ʻотдыхать’ (возвратный также ʻбыть покойным’). Очевидно, здесь есть какой-то тонкий смысловой нюанс: неактивная форма подразумевает перемену состояния (ʻвосстановить силы’), а возвратная — процесс, состояние:

(28) *Vò xaľà bùt nəkàzo aj akanà <u>hodinìl-pe</u>.* ~ *hodinimè lo*
ʻОн много мучился и теперь покоится.’ ʻон покойный’

Ещё один нетривиальный случай: *gyndìl* и *gyndìl-pe* ʻдумать’. Невозвратный вариант употребляется только в инфекте и только в контекстах типа *gyndìv kə...* ʻя думаю, что’. В остальных случаях — возвратный. При этом в перфекте всегда неактивное спряжение: *gyndisàjlem* (не ***gyndisardèm*):

(29) ♪ *Jeftà le phràl, brà, jeftà borʼà || <u>sokotìn-pe</u> thaj <u>gyndìn-pe</u>...*
ʻСемь братьев, *брэ*, семь сестёр, рассуждают да думают...’

Ср. также возвратный двухчастный глагол *dèl-pe gỳndo* + МЕСТ. ʻвспомнить’:

(30) ♪ *Dùr vojnìko ćì-gəľàs || vàs punřò vò kaj-phagľàs-y || vàh punřò vò kaj-phagľàs || <u>ďà-pe gỳndo</u> ka-j raklì.*
ʻДалеко воин не ушёл, руку, ногу сломал, руку, ногу сломал, вспомнил о девушке.’

Совершенно особый случай возвратности имеем в сказочном зачине: *sàs-pe ť-avèl-pe* ʻжили-былиʼ (букв. ʻбыло-сь, чтобы было-сьʼ, факультативное продолжение: *sỳ-pe te-phenèl-pe* ʻесть-ся, чтобы рассказатьсяʼ), где глагол-связка стоит в прошедшем времени (*sàs*) и в зависимом наклонении (*ť-avèl*), хотя нигде больше связка так не употребляется (нет ***sỳm-ma*, ***avèn-pe* и т. п.):

(31) *Sàh-pe te-avèl-pe k ampəràto. Aj sàh-leh dùj glàti...*
ʻЖил-был царь. И было у него двое детей...ʼ

4.13.4.2. Неактивность: объектные глагольные преобразования

Объект, выражавшийся дополнением при производящем глаголе, выражается подлежащим при производном. Можно сказать, что такие производные глаголы выражают действие, происходящее без активного участия внешнего субъекта. Мы делим их на две более-менее регулярные подгруппы: в одних случаях субъекта нет совсем, ср. *phàďol* ʻломаетсяʼ («само»), а в других случаях он находится на периферии ситуации, ср. *bystàrďol* ʻзабываться' (людьми вообще):

(а) субъекта нет

Случайные, неожиданные или спонтанные события, происходящие, как правило, с неодушевлёнными предметами:

phagàl	ʻломать'	*phàďol*	ʻломаться, болеть [о спине]'
phařavèl	ʻразбить'	*phařàďol*	ʻразбиться'
śoràl	ʻлить'	*śòrďol*	ʻразлиться'
śinèl	ʻрезать, рвать'	*śìnďol*	ʻрваться'
maràl	ʻбить'	*màrďol*	ʻударяться, биться'
mudaràl	ʻгасить'	*mudàrďol*	ʻгаснуть'
pekàl	ʻпечь, жарить'	*pèťol*	ʻпечься, жариться'
putràl	ʻоткрывать'	*putàrďol*	ʻоткрываться, разверзаться'
phandavèl	ʻзакрывать'	*phandàďol*	ʻзакрываться'
pařuvèl	ʻменять'	*pařùgľol*, *-ďol*	ʻменяться' (о формах см. 3.11.14)
astarəl	ʻловить; клеить'	*astàrďol*	ʻлипнуть'

Примеры:

(1) *O pàj śòrďol anda-j vojàga.*
ʻВода проливается из бутылки.ʼ

(2) *Myřỳ matòra phàdili.*
ʻМоя машина сломалась.ʼ

(3) *Bešlò źì dopàš ə ŕàt aj nùma dikhàl: putàrdilo o ćèri aj hurʾàl pàřa anda ćèri hurʾàl.*
ʻПросидел до полуночи и вдруг видит: разверзлось небо и летит пламя с неба, летит.ʼ

Местоимение *kòrkořo* ʻсамʼ может подчёркивать бессубъектность:

(4) *Ćì-phařadèm mè ə kućì. Kòrkořo phařàdili.*
ʻЯ не разбивал чашку. Она сама разбилась.ʼ

Бессубъектность нуждается в таком явном выражении в особых контекстах, в которых в противном случае можно усмотреть страдательный залог:

(5) *Ə butì ćì-kàrďol kòrkořo.*
ʻРабота сама не сделается.ʼ

(б) субъект неважен

Несколько глаголов, связанных с восприятием:

ašunèl	ʻслышать’	*ašùnďol*	ʻзвучать’
dikhəl	ʻвидеть’	*dìćol*	ʻвыглядеть; казаться’
sykavèl	ʻпоказывать’	*sykàďol*	ʻмерещиться; являться’

Воспринимающий — подлежащее производящего глагола. При производном (в части значений) можно его выразить косвенным дополнением в направительном падеже:

(6) *Sykàdilo màn-gə muřò pàpo and-o sunò.*
ʻПривиделся мне мой дед во сне.’

Эти глаголы употребляются и с придаточными предложениями в роли подлежащего, ср. пример с полупрямой речью:

(7) *Aj sykàďol lès-kə and-o sunò: avèl lès-te o dèl aj o sin Pètri, avėl.*
ʻИ видится ему во сне: приходит к нему бог и святой Пётр, приходит.’

Субъект может быть обобщённым и не выражаться (в таких случаях допустима неактивно-возвратная форма):

(8) *Pilèm. — Dìćol-pe.*
ʻЯ выпил. — Видно.’

В прочих случаях субъект никогда не выражается:

nikərəl	ʻдержать’	*nikàrďol*	ʻсчитаться’
bystrəl	ʻзабыть’	*bystàrďol*	ʻзабыться, стать забытым’

Например:

(9) *Tìdav purikanè divànurà kas te-nà-bystàrďon.*
ʻЯ собираю старинные истории, чтобы они не забылись.’

(в) особые случаи

Непрозрачная семантическая связь:

malavèl	ʻударять’	*malàďol*	ʻгодиться, подходить’
nakhavèl	ʻпроводить; глотать’	*nakhàďol*	ʻзайтись [в плаче]’
kərəl	ʻделать’	*kàrďol*	ʻстать, произойти, превратиться’
xàl	ʻесть, разъедать’	*xàľol*	ʻпротираться’

Например, глагол *xàľol* ʻпротираться’ (об одежде, ср. также в проклятии *xàľol lès-ko talòj* ʻчтоб у него нёбо протёрлось’) по значению слабо соотносится с активным *xàl* ʻесть’.

Особый случай представляет непереходный глагол *mʼàl* ʻбыть похожим’ (могущий иметь расширение или предложное дополнение), который во взаимном значении (в форме мн.) может не иметь дополнений, ср.:

(10) а. *Mʼàl gaźò.*
ʻОн похож на русского.’
б. *Mʼàl pe muřò dàd.*
ʻОн похож на моего отца.’
в. *Mʼàn (pe jekh-avràs-te).* (дополнение факультативно)
ʻОни похожи (друг на друга)’

Подобным образом ведёт себя и непереходный глагол *divinìl* ‘говорить’, ср. *divinìn (jekh-avrə-sa)* ‘разговаривают (друг с другом)’. Это примеры незалогового преобразования, дающего взаимное значение с полным сохранением формы глагола, в отличие от переходных глаголов, ср. *marə̀l* ‘бить’ и возвратный *marə̀n-pe* ‘дерутся’.

4.13.4.3. Неактивность вместо ожидаемой возвратности

Несмотря на то что неактивностью чаще всего обозначается отсутствие или несущественность субъекта, у многих возвратных глаголов ‘ухода за собой’ (субъект явно активен) имеются неактивные синонимы, ср. *hurʾàvèl-pe* ~ *hurʾàdʾol* ‘одеваться’. Примеры с неактивными (возвратные даны отдельно, см. 4.13.4.1а):

(1) *Aj źuvlʾanè aj muršykanè, no sà sò-gòdi sy p-o mìro, càli. Dìkh-ta ande sòs-te hurʾàdʾol kadʾà ə̀ta řomnì.*
‘И женские, и мужские, ну всё, что только есть на свете, одежда. Смотри-ка, во что одевается эта вот цыганка.’

(2) *Àjda katkà, raklìjo, phèn-kə, te-xalàdʾon and-o pàj, te-najòn, te-mundrʾòn.*
‘Давай-ка сюда, девка, говорит, чтобы вы помылись в воде, искупались, прихорошились.’

(3) *Xolʾájlʾan — pynřànʾdu!*
‘Разозлился — разуйся!’ (пословица)

Глагол *garàdʾol* ‘прятаться, скрываться’ применяется и в значении ‘[пойти и] укрыться [где-л., от кого-л.]’, т. е. в значении, в котором ожидалось бы *garavèl-pe* (тоже есть):

(4) *A vòj sò kərdʾà? Lèl aj phenèl: Phràla, garàdʾu màj-sỳgo, k avèl muřò gaźò.*
‘А она что сделала? Берёт и говорит: «Брат, прячься скорей, ибо идёт мой муж».’

Одно из значений *astàrdʾol* — ‘приставать, цепляться, липнуть [к людям]’ явно подразумевает субъект (например, хулигана на улице). Здесь неактивный, а не возвратный, глагол можно понять как уничижительную метафору (человек сравнивается с липким предметом):

(5) *Lè-tu sàma, kə sỳ gaźè kaj astàrdʾon ka-l manùš and-o fòro.*
‘Будь осторожен, потому что есть русские, что пристают к людям в городе.’

4.13.4.4. Каузативные глагольные преобразования

Каузативное преобразование, увеличивающее число валентностей, в этом смысле обратно уже описанным (субъектному и объектному), ср., например, *perə̀l* {ИМ.} ‘падать’ : *peravèl* {ИМ.|ВИН.} ‘валить; ронять’:

(1) а. *Pelò tʾo bufàri.*
‘Упал твой бумажник.’

б. *Peraʾdʾàn tʾo bufàri.*
‘Ты уронил свой бумажник.’

Направление преобразования в данном случае естественно отождествлять с направлением словообразования (суффикс *-av-*). Подобных каузативных глаголов не очень много (см. 3.11.11.3), а отношения между производящими и производными часто не вписываются в эту модель, ср. *śinèl* {ИМ.|ВИН.} ‘резать, рвать’ : *śinavèl* {ИМ.|ВИН.} ‘обещать; предопределить, судить [о боге]’ (оба переходные), *dukhàl* {ИМ.|ДАТ.} ‘болеть [об органе]’ : *dukhavèl* {ИМ.|ВИН.} ‘причинять боль [кому]’ (ДАТ. ⇒ ВИН.). Кроме того, «каузати-

вы» от переходных глаголов могут, в частности, служить своего рода «интенсивной формой». Так, можно вообразить, что глагол *śinavèl* означает не ʻзаставлять резать’, а ʻрезать (начертать, предопределять) сильно, наверняка’ (ср. *śinadò* ʻсуждено’).

Двусмысленными в плане направления преобразования являются пары типа *syťòl* ʻучиться’ : *syťarəl* ʻучить’ (см. 3.11.11.5б); *nanďòl* ʻобнажаться’ : *nanďarəl* ʻобнажать’; *nasvàvol* ʻзаболеть’ : *nasvarəl* ʻделать больным’ (см. 3.11.11.6):

(2) а. *Ćořàjľam sàvořə.*
ʻМы все обнищали.’
б. *Ćořardè-ame le kətàni.*
ʻРазорила нас милиция.’

Это же относится к парам II пласта типа *źuvindìl* ʻоживать’ : *źuvindìl* ʻоживлять’ (см. 3.11.11.7). Во всех таких случаях оба члена пары производны от одного и того же имени или не имеют явных производящих.

Конечно, подобную синтаксическую связь можно в той или иной степени усматривать между морфологически не взаимосвязанными глаголами: *xàl* ʻесть’ : *pravarəl* ʻкормить’; *merəl* ʻумирать’ : *mudarəl* ʻубивать’ и т. п.

5. РЕГИСТРЫ

В разных жизненных обстоятельствах люди прибегают к разным языковым приёмам, так или иначе меняют свою речь сообразно ситуации. Можно говорить о таких **типах речи**, как диалог, рассказ, монолог (например, на цыганском суде, *kris*), разговор с ребёнком и т. п. В повседневной жизни «та́бора» наших дней все эти ситуации обслуживаются разговорным языком (бытовым, нейтральным). В этом языке, конечно, есть в той или иной мере окрашенные элементы (архаизмы, инодиалектизмы, табу), к которым у носителей имеется сознательное отношение, но в целом вряд ли можно говорить о разных «уровнях» и большом стилистическом разнообразии.

Разговорному языку противопоставлен язык фольклора, который представлен двумя главными **жанрами**: сказками и песнями.

Сказки передаются из поколения в поколение, но сейчас их рассказывают почти исключительно пожилые женщины. По их же свидетельствам, раньше (в их детстве) сказки занимали куда большее место в жизни, одну сказку могли рассказывать в течение нескольких дней. Рассказчик всегда вносит свой вклад в сюжет и выразительные средства, так что одна и та же сказка бытует в разных вариантах, смешивается с другими и т. д. Судя по всему, в наши дни сказительские традиции стремительно угасают. К жанру сказок примыкают **былички**: рассказы от лица очевидца или со слов очевидца.

Старинные кэлдэрарские **песни** исполняются не только пожилыми носителями. Их текст более или менее заучен (но допускает некоторую импровизацию, особенно при нетвёрдом знании слов). Одна песнь может бытовать в нескольких вариантах.

Для песен характерен ряд совершенно особых языковых черт, в первую очередь грамматических, чётко отделяющих их от обычного разговорного языка. В сказках всегда применяется разговорная грамматика, однако им характерны особые формулы, в т. ч. связующие элементы.

Таким образом, грамматически чётко выделяются два **регистра**:

— **разговорный**: быт, общение, суд и др.
былички, а также сказки (с особыми элементами)

— **песенный**: только песни

Несколько человек в настоящее время пишут авторские песни, часть которых успешно имитирует песенный регистр. Таким образом, видимо, можно считать, что современные носители песенным регистром владеют активно. Помимо кэлдэрарских исполняются русские и инодиалектные (ловарские, русскоцыганские) песни, но здесь мы их не касаемся.

Сначала мы разберём значимые грамматические различия между двумя регистрами, а затем в общих чертах оговорим особенности языка сказок.

5.1. Песенный регистр

Дадим общие сведения о метрическом устройстве песен. Степень строгости размера зависит от умения исполнителя: видимо, при высоком уровне исполнения размер нарушается реже. Тогда это силлабический стих с сильной тенденцией к силлаботонике. При несовпадении ритмического и словесного ударения очень часто произносится именно ритмическое (см. 5.1.1.3), так что песнь часто внешне звучит как силлаботоническая — тогда

это хорей. В начале строки часто бывает внеразмерный слог, реже два (анакруза, см. 5.1.3.2).

Во всех предыдущих главах приводились примеры как из разговорного регистра (в т. ч. нарочно придуманные или полученные в ходе обсуждения с носителями), так и из песенного (что помечено значком ♪), причём в ряде случаев оговаривалось, что они непоказательны для различения описываемых грамматических явлений. Все различия между регистрами уже отмечены в других главах, но здесь мы сведём их воедино и приведём больше примеров. Различия относятся ко всем уровням языка:

	разговорный	песенный
фонология:		
вставное [ə]	нет	между согласными
ударение	строго	может переноситься
нейтрализация гласных	только безударные	иногда ударные
морфология:		
падежные формы сущ.	аналитические	возможны синтетические
3.ед. перфекта	согласуемые: *-o*, *-i* несогласуемые: *-’a*	не согласуется часто *-’as*
постфикс *-a* в инфекте	значим: *źàl* ≠ *źàla*	часто незначим: *źàl(a)*
синкопа в окончании	нет: *kərəla*	часто: *kàrla*
синтаксис:		
артикли	строго	часто опускаются
ритмические вставки	нет	часто
косв. лич. местоимения	обычно клитики	часто свободные
лексика:		
окказионализмы	много русских слов	мало русских слов
архаизмы	редко	часто (в т. ч. непонятные)

Ниже дадим подробности и примеры.

5.1.1. Фонологические особенности песен

Часть этих особенностей относится скорее к технике исполнения музыкального текста, что выходит за рамки языка как такового. Однако укажем на несколько важных моментов.

5.1.1.1. Вставка неслогового [ə] в песнях

В речи происходят различные уподобления согласных по звонкости-глухости (см. 1.3.7.6). В песнях же конечные согласные слов могут произноситься утрированно чётко, так что возникающие на стыке слов сочетания согласных нередко разбиваются неслоговой вставкой [ə]. Поэтому чётко слышен результат уподобления, здесь: /*-db-*/, /*-gb-*/:

(1) ♪ *R’àt barì p-o dròm kaj-lèl || jàg barì vòn kaj-kərən.*
‘Ночь большая по дороге [их] да застигает, костёр большой они да делают.’

В этом примере:

r’àt barì	[rʲa-də-ba-rʲi]	‘ночь большая’
jàg barì	[ja-gə-ba-rʲi]	‘огонь большой’

5.1.1.2. Ослабление *-s* в песнях

Ослабление *-s* в *-h* в конце узкой словоформы свойственно как разговорному, так и песенному регистрам (см. 1.3.7.3). Отличие песенного регистра — в том, что очень часто при пении ослабление настолько сильно, что не слышно никакого [h]. В речи это тоже возможно, но является, пожалуй, крайней и нечасто реализуемой степенью ослабления, тогда как в песнях это довольно типично (впрочем, отчасти это связано с самим фактом пения), ср.:

(1) ♪ *Te-phenè*[∅] *màn-gə tù brə̀* || *aj katàr l'àn tù kadò màs?*
'Скажи мне ты *брэ*, а откуда взял ты это мясо?'

В то же время конечный *-s* часто звучит очень чётко, особенно в конце строки, т. к. сопровождается конечными ритмическими вставками *-y*, *-oj* (см. 5.1.3.2).

(2) ♪ *Tù, Dušàne, xàs thaj pès-y* || *aj khanćès-tar ćì-źanès-y.*
'Ты, Душано, ешь и пьёшь, и беды не ведаешь.'

5.1.1.3. Перенос ударения в песнях

В примерах более-менее строгой силлаботоники (хорей) бывают переносы ударения, ср. пример переноса в словах *pynřə̀-sa* и *Mòskova* (новое, ритмическое ударение, в т. ч. при совпадении со словесным, обозначено знаком ̈; вертикальная линия делит стопы; в фигурных скобках лишний слог):

(1) ♪ *Pÿ̈nřə̀*|*-sa͡ȁnde*| *phü̈j kaj-*|*d'ä̈s-y* || *sä̈-j Mòs*|*kö̈va* {*aj*} *ï̈zdra*|*jä̈s-y.*
'Ногой в землю ударил, вся Москва вздрогнула.'

Ниже ритмическое ударение будем обозначать только при отличии от словесного.

Посреди строк ударение переносится не очень часто (речь идёт только о примерах строгого метра), однако переносы типичны в конце строки, в первую очередь в глаголах типа га-E:∅, га-E:L: *śùdë̈la* 'бросать', *tràdë̈la* 'слать; уезжать' и др. (см. 3.11.8.6, 3.11.8.7), а также *pràstë̈la* 'бегать':

(2) ♪ *Sò le*| *řòm dè*|*vlä̈ kə*|*rə̀na?* || *Thòna l*| *řòm voj*| *thä̈j trà*|*dë̈na* || {*aj*} *thòna l*| *řòm voj*| *thä̈j trà*|*dë̈na* || *ä̈n*{*de*} *Zdol*|*bù*{*no*}*va*| *d-arə*|*sə̀na* || {*aj*} *cə̀ri*| *pèh-kə*| *d-anza*| *rə̀na.*
'Что цыгане, боже, делают? Ставят [?] цыгане да уезжают и ставят [?] цыгане, ой, да уезжают, в Здолбунов приезжают и палатки себе растягивают.'

5.1.1.4. Смешение фонем в песнях

Если в речи имеется тенденция к нейтрализации пар безударных фонем /*o*/ ~ /*u*/; /*e*/ ~ /*i*/, которые стремятся к [u] и [i] соответственно (см. 1.2.6), то при пении многие исполнители даже под ударением произносят их открыто, нередко вплоть до [o] и [e]:

(1) ♪ *Aj źàv-tar, dàle, źàv-tar* || *jaj durunè ćemèn-de.*
'А ухожу, мама, ой, в дальние страны.'

(2) ♪ *Sà-j Mòskö̈va d ankolìlas* || *dùj jàśï̈ća śü̈r'ȁ͡anèlas.*
'Всю Москву обходил, два ящика ножей приносил.'

Здесь мы слышим *d*[o]*r*[o]*nè*, *ankol*[ˈe]*las*, *jàś*[ˈe]*ća*.

Иногда исполнители при пении спорадически озвончают некоторые глухие согласные, обычно между гласными, так что *ašundò* 'знаменитый' может звучать как *a*[ʐ]*undò* (чего в речи обычно не бывает).

5.1.2. Морфологические особенности песен

В целом можно сказать, что песенный регистр показывает меньше обязательных морфологических различений, чем разговорный. Так, в песнях шире употребление синтетических падежных форм (нет запрета на их образование), размыто значение долгих форм инфекта (причём они путаются с имперфектными), неактивные глаголы обычно не согласуются в перфекте по роду.

⏳ Песенный регистр ожидаемо отличается от разговорного большей архаичностью. С большой долей уверенности архаизм можно усматривать в возможности образования синтетических падежных форм от любых существительных — вероятно, это застывшие следы старшего языкового состояния. Очевидно, более архаично и несогласуемое окончание перф.3.ед. *-’as*, чем *-’a* (если *-’a* < *-’as*). Другие важные морфологические особенности песенного регистра, а именно — несогласование перф.3.ед. неактивных глаголов и свободное несмыслоразличительное употребление постфикса *-a* в инфекте, вряд ли можно считать архаичными, ведь отсутствие грамматического различения такого рода — едва ли древнéе, чем его наличие. Другое дело, может быть, необязательность (согласования, аналитических падежных форм) — древняя черта, а обязательность — новая. Если так, то всё равно неясно, почему в песнях отдаётся абсолютное предпочтение именно несогласованию и как мог утратить своё значение постфикс *-a*. Между прочим, все эти элементы песенного регистра в той или иной мере свойственны говорам «вунгрика» (не только описанному в [ДД] говору Ишвана Деметера, но и современным): там действительно необязательно согласовываются неактивные глаголы, окончание перф.3.ед. часто *-’as*; более часты синтетические падежные формы (по крайней мере в [ДД]), а постфикс *-a* в инфекте, судя по всему, возможен и в изъявительном наклонении (и имеет значение будущего времени). Поэтому язык песен молдовая, можно сказать, производит впечатление иноговорного, как будто имеется нечто вроде диглоссии. Может быть, действительно песни заимствовались предками молдовая у другой, хоть и близкородственной группы. Что касается постфикса *-a* в инфекте, то вдобавок к сказанному отметим, что он частотен в изъявительном наклонении в большинстве северных цыганских диалектов (в т. ч. русскоцыганском), что тоже может быть следом какого-то древнего явления.

5.1.2.1. Падежные формы в песнях

В разговорном регистре синтетические падежные формы (местный, отложительный и предложный падежи) образуются от назывных существительных только во фразелогических единицах, в более-менее застывших формах, близких наречиям, а в прочих случаях они запрещены. Песенный же регистр допускает их практически всегда (хотя прибегают к ним нечасто), ср. примеры из песен:

(1) ♪ *Sò pismò raklès-kə avèla || àv <u>marimàs-te</u> vò te-źàl.* (местный)
‘Ну и письмо парню приходит, ой [чтобы] на войну ему идти.’

(2) ♪ *Aj màn-gə dàr <u>la mašynà-tar</u>.* (отложительный)
‘А я боюсь машины.’

(3) ♪ *Anda mòs-te kaj-phenèla: || xaľà phràl anda-<u>l phralès-te</u>.* (предложный)
‘Да и молвит: съел брат от брата.’

В примере (2) синтетической формой отложительного падежа оформлено, по-видимому, довольно новое слово *mašỳna* ‘автомобиль’ (обычно — *matòra*, т. е. дело не только и не столько в «неприкосновенности» текста). В разговорном регистре в подобных контекстах такие синтетические формы невозможны; вместо них было бы *ka marimòs*, *kata-j mašỳna*, *anda phràl*. Кроме того, в песнях синтетический местный падеж употребляется там, где разговорно возможна только предложная группа (в данном случае *and-o fòro*):

(4) ♪ *Aj sò Manòjľa kaj-kərəla? || Ka-j màša <u>l foròs-te</u> kaj-źàla.* (местный)
‘Ай что Манойля да делает? К бабке в город да идёт.’

Подробности даны в разделах о падежах (см. 4.2.1.2.7, 4.2.1.2.8, 4.2.1.2.9) и предложных группах (см. 4.2.2.4, 4.2.2.5, 4.2.2.7.2).

5.1.2.2. Инфект глаголов в песнях

В разговорном регистре постфикс *-a* (см. 3.11.3.6) — показатель сослагательного потенциального наклонения (см. 4.2.6.2.3.1); иногда он фигурирует ещё в форме будущего времени *avèla* ‘будет’ (от *sỳ*). В песнях же он встречается очень часто в изъявительном наклонении инфекта — причём часто в конце стиха (впрочем, глагольные формы чаще всего стоят именно в конце стиха):

(1) ♪ *Àv trìn dès, dèvla, kaj-nakhàla || khərə raklò kaj-d-avèla.*
‘Ой, три дня, боже, да проходят, домой парень да приходит.’

(2) ♪ *Thaj ka bìrto teľarə̀na || aj pativà jekh-avrə̀h kaj-dèna.*
‘Да в кабак отправляются и друг друга угощают.’

В песнях встречается также постфикс *-as* (имперфект, см. 3.11.3.7) в этой же позиции, причём часто трудно приписать ему значение прошедшего времени (будем тем не менее переводить такие формы русским прошедшим несовершенным):

(3) ♪ *Aj řòm o punřò thòlas || telè kaj-perə̀las || telè kaj-perə̀las || thaj koćè rovèlas: || Lè-ma Dànə, lè-ma || lè-ma śèjo, lè-ma.*
‘А цыган ногу ставил, вниз да падал, вниз да падал да там плакал: «Возьми меня, Дана, возьми, возьми меня, милая, возьми».’

В формах инфекта с постфиксами в песнях возможно выпадение (только после *-r-*, *-n-*) гласного окончания *-el*/*-əl* (см. и 3.11.3.6 и 3.11.3.7):

(4) ♪ *P-o vynàto Jànoš źàla || phirə̀la Jànoš katàr phìrla.*
‘На охоту Янош идёт, идёт Янош откуда идёт.’

(5) ♪ *Kana dèl d-ašùnla || lès and-o jàdo śùdëla.*
‘Когда бог слышит, его в ад бросает.’

Складывается впечатление, что, по крайней мере в части случаев, *-a* и *-as* безразлично прибавляются к формам инфекта и просто являются неким признаком регистра. Это предположение поддерживается отмеченным нами полным ослаблением *-s* > ∅ (особенно в конце строк), так что, возможно, *-a* и *-as* нейтрализованы фонологически, ср. пример, где это видно в повторе одного и того же слова (*phènla* : *phènlas*):

(6) ♪ *Aj dùj phejořà pe daj lùm̓a || pe daj lùm̓a da pe daj ćèm-oj || Aj pàle phèj màj-barì phènla || pàle phèj màj-barì phènlas: || Aj àjda phènȯ pe mašỳna.*
‘А две сестрички да на свете, на свете да на земле ой. И опять старшая сестра говорит, опять старшая сестра говорила: «А давай, сестра, на машине».’

Есть пример следующих друг за другом форм с *-as*, обозначающих, судя по всему, фазу мига, которая в повествовании, например в сказке, могла бы быть передана краткими формами инфекта (при сдвинутой точке отсчёта, см. 4.2.6.4.4.3):

(7) ♪ *Dùj pòjezduri d-avènas || jèkh avèlas Višnȯvà-tar || aj jèkh avèlas Moskovà-tar || aj mùj mòs-te vòn malavènas* || [...] *aj dùj phejořà kaj merə̀nas || dùj phejořà kaj-merə̀nas.*
‘Два поезда ехали, один ехал из Вишнёва (?), а один ехал из Москвы, и лоб в лоб они ударяли, [...] и две сестрички да умирали, две сестрички да умирали.’

Возможно, здесь *-as* стоит вместо *-a*. Другое толкование могло бы состоять в том, что это особое песенное употребление имперфекта (*merə̀nas* ‘умирали’ вместо *merə̀n(a)* ‘умирают’ в значении ‘умерли’), ср. также форму инфекта *ašùnla* в примере (5) в значении фазы мига.

Однако есть контексты, где возможны формы с *-a*, но не с *-as*, ср. в прямой речи, где это явно будущее время:

(8) ♪ *Lè i màn-y tù vojnìko || thò i màn pe tirò gràs-y || Mè tu śèjo ći do làv-tu ||* [...] *pe muřò gràs mè ći-thàv-tu || aj anglè mè do źàva.*
ʻВозьми и меня ты, солдат, посади и меня на своего коня. — Я тебя, милая, не возьму, [...] на своего коня не посажу тебя, а вперёд я поеду.ʼ

Таким образом, постфиксы *-a* и *-as*, если и нейтрализованы, то не везде. Как уже было сказано, они присутствуют чаще в конце строк, возможно, частично как ритмическое средство. Однако они не могут безо всякого смысла прикрепляться к перфектным формам (там бывают чисто ритмические вставки: *-oj*, *-y* и др., см. 5.1.3.2).

В середине строк чаще встречаются формы инфекта без постфиксов, ср.:

(9) ♪ *Anklì, boŕořỳ, d-oprà le || — Ći-ankl'àv kàko ći-ankl'àv bre le || kə dikhàn-ma-j ba le řòm-oj.*
ʻВлезь, невестка наверх [на телегу] *ле*! — Не взлезу, дядя, не взлезу *бре ле*, ведь увидят меня *ба* цыгане.ʼ

Формы зависимого наклонения с клитикой *te-* — всегда без постфикса, ср. примеры с ритмической вставкой в конце (*-a(s)* было бы невозможно):

(10) ♪ *Sò vò, dèvla, aj te-kərə̀l-y || kàh-tar vò, brə, te-mangə̀l-y?*
ʻЧто ему, боже, да делать, у кого ему, *брэ*, просить?ʼ

(11) ♪ *Aj řùgo angla là-te te-dèl-oj || Zozalenà te-lopynzỳl-oj.*
ʻИ чтобы перед ней лоза (?) вылезла, чтобы Зозалену с ног сбила.ʼ

Тем самым нейтрализация касается кратких и долгих форм инфекта (но не в зависимом наклонении), а также в какой-то степени имперфекта. При этом изъявительное наклонение смешивается с сослагательным потенциальным, но не с зависимым.

5.1.2.3. Перфект глаголов в песнях

В разговорном регистре неактивные глаголы в форме 3.ед. обязательно согласуются в перфекте с подлежащим по роду (кроме ряда особых условий; о формах см. 3.11.4.1, об этом согласовании см. 4.4.1.1). В песнях, как правило, согласования нет:

(1) ♪ *Sò d-o Kòriš kaj-kərd'às? || Pala pès-ti řomnì gə̀l'às.*
ʻЧто Кориш да сделал? За своей женой пошёл.ʼ

(2) ♪ *Kajditì vòj kaj-rujàs || aj p-o thàn mỳndra aj phařul'às.*
ʻСтолько она да плакала, и на месте красавица умерла.ʼ (букв. ʻлопнулаʼ)

(3) ♪ *Dòsta, phràla, dòsta! || Pàte vò dil'àjl'as || pàte vò dil'àjl'as?*
ʻХватит, брат, хватит! Неужели он сошёл с ума, неужели он сошёл с ума?ʼ

(4) ♪ *Dàd aj ə dejořỳ mul'às || phràl thaj phejořỳ aśil'às.*
ʻОтец и мамочка умерла, брат и сестричка осталась.ʼ

В песнях окончание прошедшего времени — обычно *-'as*, а не *-'a*, как в разговорном регистре:

(5) ♪ *Tala-j sàlka vò suť às || tala-j sàlka banďardì le || kaj sy řə̈kàŕà šudrì || Kata-j l'à-pe sàp lolò || ď à màn-gə and-o bərkořò le || Anda-j lìndri vuštil'às || Sò j kaćè màn-gə phariľàs || p-o ilò màn-gə peľàs-oj || p-o ilo màn-gə peľàs?*
ʻПод деревом он спал, под деревом гнутым *ле*, где прохлада холодная. «Откуда (?) взялась змея красная, влезла мне за пазуху?» Проснулся. «Что это тут мне потяжелело, на сердце мне упало ой, на сердце мне упало?»ʼ

(6) ♪ *Ćòr barò thaj ašundò || aj sùv thaj thavořò ćorďàs-y || Barò ćòr vò arəsľàs-y || Aj pala-j r'àt barì kurkàs-ki ||* [...] *aj jeftà khurən kaj-ćorďàs-y ||* [...] *Pala-j r'àt len bitinďàs-y.*
ʻВор большой и знаменитый, а иголку да ниточку украл. Большим вором стал. После ночи большой воскресной, [...] а семь жеребцов украл [...] После ночи их продал.'

Впрочем, встречается и *-'a* (особенно не в конце стиха):

(7) ♪ *Aj kàj màj-kàrdiľa kaďà || kàj màj-šùndiľa kaďà || te-źàl ə řomnì d-anglàl || aj d-o řòm te-źàl palàl?*
ʻИ где видано такое, и где слыхано такое, чтоб жена шла впереди, а муж шёл сзади?'

Пример необычной гибридной формы (*našlò* × *našľàs*; видимо, оговорка):

(8) ♪ *Aj raklořò jèfta bəršən-go || aj ka-l kətàni kaj-našlòs-y.*
ʻА мальчик семилетний, а в милицию побежал.'

5.1.3. Синтаксические особенности песен

Песенный регистр отличается от разговорного меньшей строгостью в употреблении безударных единиц: артиклей и косвенных личных местоимений. В песнях они частично подчинены ритмическим факторам. Кроме того, имеются особые ритмические вставки, не имеющие никакого значения, обеспечивающие метр, а также устраняющие зияния.

К синтаксическим особенностям можно было бы отнести употребление инфектных глагольных форм с постфиксами *-a* и *-as*, у которых как будто нет особых временны́х значений. Мы связываем употребление этих форм с незначимостью постфиксов, что относится к морфологии (см. 5.1.2.2).

5.1.3.1. Употребление артиклей в песнях

Когда исполнитель стремится соблюсти размер, иногда допускается пропуск определённых артиклей:

(1) ♪ *P-o̍ càn| phrä̍lo|řò mer|əl || Ä̍śi|lè vòn| dùj-źe|nè || pë̍ da-j| lùmə̀| pë̍ da| ćèm.*
ʻНа месте братик умирает. Остались они одни [вдвоём] в мире и на свете.'

(2) ♪ *Màn šə|rò phrà|lä̍ du|khàl-y || mè khə|rə phrà|lä̍ màj-|źàv-y.*
ʻУ меня голова, брат, болит, я домой, брат, пойду.'

При этом неслоговые артикли, в т. ч. склеенные с предлогами (*p-o* ʻна' + опр.), не опускаются, что укрепляет нас во мнении о чисто ритмической природе этого явления. Как видно по примеру (1), неслоговый артикль может стоять после ритмической вставки, ср. *pe da-j lùmə̀* (без вставки: *pe lùmə̀*) ʻна свете' .

Очень часто можно считать, что артикль мужского рода *o* не пропущен, а сливается с *-a* предыдущего слова. В речи это явление частотно только после предлогов (*pa*, *anda*), в прочих случаях оно довольно редко, в песнях же оно очень частотно. То же самое относится к сочетаниям передних гласных и женского артикля *ə:*

(3) ♪ *Kana Ďòrdi d-ašunèla || bùl p-o parnò kaj-maj-thòla.*
ʻИ тут Дёрди [это] слышит, [свой] зад на белого [коня] да и ставит.'

(4) ♪ *Pàle Zozalèna kaj-vuštèla || thaj xabè vòj tiravèla.*
ʻОпять Зозалена да встаёт, да еду она варит.'

В примере (3) видим также истинный пропуск артикля *ə* перед *bùl*.

5.1.3.2. Ритмические вставки

В песнях бывают целые стихи без слов — пропевание особых песенных бессмысленных слогов, ср. (здесь словоделение условно), например, *šä la räj daj dä le*, а также *äj da näj da näj da näj da näj*.

При наличии слов очень часто встречаются особые вставки, компенсирующие недостающие слоги, а также предотвращающие зияния между словами. Одни вставки могут примыкать к словам любых типов (свободные), а другие являются глагольными проклитиками:

(а) свободные вставки

Начнём со вставок, представленных полнозначными словами. Это, прежде всего, *dèvla* ʻбоже’ и *brə* ~ *brè* (обращение, см. 3.14.2):

(1) ♪ *{Aj} jeftà khurən kaj-ćorďàs-y || źí͡and-o dès len bitinďàs-y || {Aj} kòn les dèvla sàma lèlas* [...] *|| {Aj} raklořò jeftà bəršən-go.*
ʻА семь жеребцов да украл, до дня их продал. А кто его, боже, замечал? А мальчик семилетний.’

(2) ♪ *{Aj} sò vò dèvla te-kərəl-y || Sò vò dèvla {aj} te-kərəl-y || kàh-tar vò brə te-mangəl-y?*
ʻА что ему, боже, делать? Что ему, боже, делать, у кого ему *брэ* просить?’

Как видно по этим и другим примерам, стихи часто начинаются с *aj*, в чём можно усматривать союз ʻа, и’, однако иногда он употребляется просто как ритмическая вставка.

Чисто ритмическими могут быть следующие вставки, в зависимости от их положения:

чаще вне метра:

в начале строки:	*àj*, *àv*	
в середине строки:	*àj*	

чаще в метре:

перед словом:	*d-*, *do-*, *da-*, *doj-*, *daj-*	(после гласных и *-j*)
после слова:	*-oj*, *-o*, *-y*	(после согласных)
	le, *ba*	(после гласных и *-j*)

Вставки *av* и *aj* (вероятно, их можно понимать как междометия) очень часто являются анакрузой, т. е. лишними слогами, не вписывающимися в размер, внеразмерным приступом к стиху:

(3) ♪ *{Av} sàr phenďàs, kaďà kərďàs || la myndrà d-ankalaďàs.*
ʻОй, как сказал, так сделал: красавицу вытащил.’

Иногда *àj* также заполняет паузы (например, на месте цезуры), ср. (2).

Остальные вставки чаще вписываются в размер. Часть из них ведёт себя как проклитики, т. к. за ними всегда идёт полнозначное ударное слово, но может быть и артикль (в т. ч. неслоговый или же с элизией; впрочем, *-j* может быть частью вставки). Они начинаются на *d-* и возможны обычно после гласного или *-j* предыдущего слова, тем самым предотвращая зияния (или *-j-* между гласными):

(4) ♪ *{Aj} pe tehàra dəmin’àcy || lèh-ki dèj do lès-te͡avèl.*
ʻА назавтра утром его мать к нему приходит.’

(5) ♪ *{Aj} khònik lès-te dȍ ć-avèlas || {aj} nùma lès-ki dejořỳ || nùma lès-ki dèj phurì brə.*
ʻИ никто к нему не приходил, а только его мама, только его мать старая *брэ*.’

(6) ♪ *{Av} täla-j sàlka dö̱-j barì || mü̱lò řòm thaj-vi řomnì.*
ʿАй под деревом да большим умерли муж да жена.ʾ

(7) ♪ *Thaj bùt řòm, dèvla, d-avèna, || thaj d-o Drìla l Gogulòh-ko || thaj d-o Gògo l Potakòh-ko.*
ʿДа много цыган, боже, прибывают, да Дрила [сын] Гогуло, да Гого [сын] Потако.ʾ

Между гласными (т. е. после гласного одного слова и перед гласным другого) обычно имеем неслоговую вставку *d-*, которая, таким образом, служит только для устранения зияния, ср.:

(8) ♪ *Kòn dèl lès-kə d-and-o dròm || Khə raklì doj rakloř̆ə-sa.*
ʿКто выходит ему навстречу? Девушка с мальчиком.ʾ

Впрочем, есть редкие примеры с *d-* после согласного:

(9) ♪ *Aj injà bàrš d-aźukərďàs || tha[j] injà dès naštisarďàs-y.*
ʿА девять лет ждал, да девять дней не смог.ʾ

⌛ О происхождении ритмических вставок мы ничего не знаем, но обращает на себя внимание «приставка» *da-* в слове *daštìl* ʿмочь’ (ср. *naštìl*, *naštì* ʿне мочь’) при литовскоцыганском *sašty* ʿмочь’ (какая-то другая приставка?). Кроме того, представляется вероятным, что за вставками *do*, *daj* кроются древние указательные местоимения, сохранившиеся в северновлашских диалектах только в составе форм типа *kadò* ʿэтот’ < **ka-da-u̯-a*, ж. *kaďà* < **ka-da-i̯-a* (здесь имеются фонетические трудности).

Энклитиками можно считать вставки, могущие быть в конце строки (т. е. после них необязательно следующее слово) — после гласных:

(10) ♪ *Tala-j sàlka vò suťàs || tala-j sàlka banďardì le || kaj sy řə̈kàŕà šudrì || Kata-j ľàpe sàp lolò || ďà màn-g and-o bərkořò le.*
ʿПод деревом он заснул, под деревом гнутым *ле*, где прохлада холодная. «Откуда (?) взялась змея красная, влезла мне за пазуху *ле*?»

(11) ♪ *Munřò gràs sy bə̈ ćinò || jeftà pòšti našadò.*
ʿМой конь *ба* устал, семь станций гнан.ʾ

Энклитики после согласных (см. также другие примеры):

(12) ♪ *Aj tu xàs aj tù maj-pès-oj || thaj le řòm ťa śà marə̀n-oj.*
ʿА ты ешь и ты пьёшь, а цыгане твою дочь бьют.ʾ

Бывают две клитики подряд:

(13) ♪ *Lèn-gi dèj daj bə̈ mulì || Ćiriklì opràl ur’àl || thaj rovèl, thaj suspinìl.*
ʿИх мать да умерла. Птица вверху летает, да плачет, да вздыхает.ʾ

(14) ♪ *Ašùn Dò̱rdi bə̈ do-j v’àsťa || kə do-j Vòrža ba mardì || aj mardì thaj mudardì.*
ʿСлушай, Дёрди, весть, что Воржа побита, ай побита да убита.ʾ

Иногда *-d-* вклинивается между *kaj-* и начальным гласным глагола:

(15) ♪ *Àv trìn dès, dèvla, kaj-nakhàla || khərə̀ raklò kaj-d-avèla.*
ʿОй, три дня, боже, да проходят, домой парень да приходит.ʾ

(б) глагольные проклитики

Имеются две глагольные проклитики *maj-* и *kaj-*, которые в песнях, по-видимому, могут не иметь никакого значения, а быть чисто ритмическими вставками. Они обычно вписываются в размер и могут быть ударными. Эти клитики в песнях, как ни странно, распределены по наклонениям.

Клитика *kaj-* употребляется только в изъявительном наклонении. В сказках она имеет какое-то своё значение и выступает при связывании двух действий или при повторе глагола (см. 5.2), а в песнях её значение нам неясно (отсутствует?):

(16) ♪ *{Aj} nùma lès-te d-ăšunďàs-y || dïkhlò pă̈ šərò kaj-ľàs-y || aj p-o vàh leh kă̈j-thoďàs-y || {aj} lë̈ sapès d-ankă̈laďàs-y.*
ʻИ только его услышала, платок с головы сняла и на руку его поместила и змею вытащила.ʼ

(17) ♪ *Tirì mỳndra sò kərďà? || Aj ťo patrèto kaj-dikhľà || aj kajtì voj kă̈j-rujà || aj źì p-o càn vòj phařuľà.*
ʻТвоя красавица что сделала? А твою фотографию увидела и столько плакала, и аж на месте умерла.ʼ (букв. ʻлопнулаʼ)

(18) ♪ *Aj Zozalèna aj mùj kaj-dèla: || Aj sò Manòjľa kă̈j-kəràs-o?*
ʻА Зозалена кричит: «Да что, Манойля ты делаешь?»

Перед первым гласным глагола встречается *kaj-d-*, ср. пример (15).

Клитика *maj-* встречается в песнях в обычных для разговорного регистра значениях (см. 4.2.6.5.2, здесь такие примеры не рассматриваем), однако довольно часто такое значение не улавливается. Скорее как ритмическая вставка она фигурирует в зависимом наклонении (*te-maj-*):

(19) ♪ *{Aj} àjdan śavàle ka bìrto || {aj} te-maj-xàs aj te-maj-pʼàs-y.*
ʻА айда, ребята, в кабак, да есть да пить.ʼ

(20) ♪ *{Apo} vàdra thudořò te-lès-y || vàdra thudořò te-lès-y || ka-j sapnì tù te-maj-źàs || tù dès-la śè thudořò || vòj dèl-tu śe velïnö̆.*
ʻТак ведро молочка возьми, ведро молочка возьми, к змеихе да иди, ты дашь ей, милая, молочка, она даст тебе, милая, яду.ʼ

Есть примеры такого употребления и в повелительном наклонении:

(21) ♪ *Aj bre řomàle bre śavàle || aj maj-jertìn-ma tumè.*
ʻАй *бре* цыгане, *бре* ребята, а простите меня вы!ʼ

В изъявительном наклонении *maj-* почти всегда выступает вместе с *kaj-* (но *kaj-* может быть и без *maj-*, см. выше):

(22) ♪ *Kana Dʼòrdi d-ašunèla || bùl p-o parnò kaj-maj-thòla.*
ʻИ тут Дёрди [это] слышит, [свой] зад на белого [коня] да и ставит.ʼ

(23) ♪ *Thaj tərnì mùj kaj-maj-dèl: || xàn śavàle thaj maj-pèn.*
ʻДа молодая и зовёт: «Ешьте, ребята, да пейте».ʼ

Изолированный пример в изъявительном (если *maj-* — не обычное ʻещёʼ):

(24) ♪ *Dilinkùca, fàtə màrə || aj Dilinkùca, śèj barì, brə || Thaj maj-sỳ-la, bre || jefta͡ aj phràl bre.*
ʻДилинкуца, *фатэ марэ*, ай Дилинкуца, девушка, *брэ*. Да есть у неё семеро братьев *бре*.ʼ

Иногда *maj-* стоит не перед глаголами; впрочем, здесь можно подозревать, что слова-высказывания (*drobòj-tu*, *najìs*) употреблены как глаголы:

(25) ♪ *Aj sà ka Dʼòrdi kaj-maj-źàna || sà ka Dʼòrdi kaj-maj-źàna: || Aj màj-drobòj-tu Dʼòrdi, bre le || màj-drobòj-tu Dʼòrdi bre le || — Aj màj-najìs tumèn-gə bre le || màj-najìs tumèn-gə bre le.*
ʻИ все к Дёрди да идут, все к Дёрди да идут: «А доброе утро, Дёрди, доброе утро, Дёрди!» — «А спасибо вам *бре ле*, а спасибо вам *бре ле*».ʼ

⏳ Откуда происходит такое употребление *maj-*, мы не знаем. Что касается *kaj-*, то это, по-видимому, исконный элемент (как-то связанный с указательными частицами и местоимениями, ср. *àkə* ‘вот’?). В любом случае, распределение по наклонениям (и возможность *kaj-maj-* в изъявительном) выглядит весьма загадочно.

5.1.3.3. Косвенные личные местоимения в песнях

В песнях противопоставление между ударными косвенными личными местоимениями и клитиками очень часто стирается. Там, где в обычной речи, когда нет логического выделения, возможна только клитика (входящая в широкую словоформу глагола), в песнях может быть свободное местоимение:

(1) ♪ *Mỳndro Màśo la͡anzarďàs || zuralès ə trùš le l'às.*
‘Хорошенько Машё её [палатку] натянул, сильно пить захотел.’

В разговорном регистре было бы *anzarďà-la* ‘натянул её’, *l'à-le* букв. ‘[жажда] взяла его’. Ещё пример:

(2) ♪ *Kə mè źàv desà phagà-sa || Kata-l rakloř̀ə te-dikhàs || aj manř̀ò tù lèn te-dès || aj tù lèn te-n-abižujìs || aj-vi lèn te-nà-maràs.*
‘Ведь я уйду на рассвете (?). За мальчиками смотри и хлеб ты им давай и ты их не обижай, да и их не бей.’

В этом примере имеются явные нарушения размера, из чего следует, что такое употребление независимых местоимений напрямую с ритмом не связано.

⏳ Клитизация косвенных местоимений в кэлдэрарском выглядит как не очень древнее явление. Косвенные местоимения-клитики свойственны румынскому, а также другим балканским языкам, однако ни в одном из них нет явного прототипа, могшего лечь в основу кэлдэрарского употребления. Поэтому, возможно, у кэлдэрар необязательность клитизации при отсутствии логического выделения — весьма архаичная черта, сохранившаяся только в песнях. Возможная причина клитизации — частотное положение темы после глагола (см. историческое примечание в 4.8.2.1в).

5.1.4. Лексические особенности песен

В отличие от разговорной речи, изобилующей русскими вкраплениями, от отдельных слов до целых фраз, в песнях вообще редко встречаются элементы III пласта. Их появление, возможно, объясняется импровизацией при нетвёрдом знании слов.

В песнях иногда встречаются слова и обороты, не свойственные разговорному регистру. Более того, судя по всему, их значение может быть неизвестно самим исполнителям. О нём мы можем лишь догадываться по контексту (а также по значению соответствующих румынских слов); в списках слов (см. в т. ч. 3.4.3, 3.11.8) они отмечены специальным знаком: *màša*† ‘знахарка; бабка’ (?).

Имеются также примеры румынских слов в неадаптированном облике:

(3) ♪ *Dilinkùca, fàtə màrə || aj Dilinkùca, śèj barì, brə || Thaj maj-sỳ-la, bre || jefta͡aj phràl, bre.*
‘Дилинкуца, *фатэ марэ*, ай Дилинкуца, девушка, *брэ*. Да есть у неё, *бре*, семеро братьев.’

(4) ♪ *Urȁďàs-pe, ulaďàs-pe || thaj ka-j o ràj teľarďàs || aj pecətòr pès-kə arakhľàs.*
‘Оделась, причесалась и к господину отправилась и *пэцэтор* себе нашла.’

⏳ Ср. рум. *fátă máre* букв. ‘большая девочка’ (ср. *śèj barì* ‘девушка’ — очевидно, калька), рум. *peţitór* ‘сват’. Ожидалось бы ***pecytòri*. Видимо, такие примеры показывают, что какие-то слова и выражения могли употребляться в румынской форме, как иноязычные вкрапления (ср. такую же нынешнюю ситуацию с русскими вкраплениями).

Встречается без «приставки» глагол *šunèl* ‘слышать’ — в речи только *ašunèl*:

(5) ♪ *Aj kàj màj-kərdiľa kaďà || kàj màj-<u>šùndiľa</u> kaďà || te-źàl ə řomnì d-anglàl || aj d-o řòm te-źàl palàl?*
‘Да где происходило такое, где слышалось такое, чтоб шла жена впереди, а муж чтоб шёл сзади?’

Очень частотен союз *thaj* ‘и, да’, который в речи употребляется только в составе сложных числительных, ср. *biš-thaj-štàr* ‘24’:

(6) ♪ *Àkə lèm o štr’àngo || <u>thaj</u> gəlèm kaštèn-de.*
‘Вот взял я верёвку и пошёл по дрова.’

Отметим также частотное в песнях слово *šukàr* ‘красивый, прекрасный’, в речи очень редкое и иногда считающееся инодиалектным:

(7) ♪ *Vòj <u>šukàr</u> tərnì borì || te-avèl vòj baxtalì.*
‘Она красивая молодая невеста, счастья ей.’ (букв. ‘чтоб была счастлива’)

Песням характерны тавтологические формулы: [*phenèl*, *dinèl*] *anda mòs-te* ‘изо рта [говорить, читать]’, [*rovèl*] *anda-l jakhà* ‘из глаз [плакать]’:

(8) ♪ *Aj lèl-pe raklò thaj našəl-y || th <u>anda-l jakhà</u> kaj-rovèl-y || <u>anda mòs-te</u> kaj-phenèl-y || aj tù phène ćaćimà-sa || te-dèl tù-kə d-o dèl pàrťa.*
‘И берёт парень да бежит, да слёзы льёт, молвит: «А ты, сестра, правда, чтобы тебе бог дал долю».’

5.2. Особенности сказок

Сказки рассказываются в обычном разговорном регистре, однако в них почти всегда имеется особый зачин, ср.:

(1) *<u>Sàh-pe ť-avèl-pe</u> k ampəràto.*
‘Жил-был один король.’

Варианты этой формулы: *sàs-pe kaj-nàs-pe* букв. ‘было-сь да не было-сь’; *sàs-pe ť-avèl-pe (sỳ-pe te-phenèl-pe)* ‘было-сь, чтобы было-сь (есть-ся, чтоб рассказать-ся)’; *sàs-pe te-nà-avèl-pe* ‘было-сь, чтобы не было-сь’.

Другая формула, встречающаяся не только в сказках, но иногда и в монологах, — *kana sàs (aj sàs)* букв. ‘когда было (и было)’; она вводит новый эпизод (т. е., видимо, имеется в виду, что уже ‘было’, т. е. случилось то, о чём была речь раньше):

(2) *Aj kana <u>sàh aj sàs</u>, arəslò vò khərà.*
‘И когда [это] было, добрался он до дома.’

Кроме того, в сказках (у некоторых рассказчиков) частотна глагольная проклитика *kaj-*, которая вводит глагольные формы и каким-то образом, видимо, обеспечивает связность текста — только в изъявительном наклонении:

(3) *Ľà-le o dòro pala lèh-ki phèj. <u>Kaj</u>-ankaladťà kodò patrèto aj avrì kərdiľa... bizabràzija: pàřa, jàg, dèla.*
‘Соскучился он по своей сестре. И вот вытащил он ту фотографию, и на улице сделалось безобразие: пламя, огонь, всё такое.’

(4) *Lèl o raklò aj phenèl: Mè trubùl te-źàv te-nigəràv myřà tərn’à ka muřò dàd. <u>Kaj</u>-źàl o raklò te-nigərèl pès-ka gaźà.*
‘Берёт парень и говорит: «Я должен пойти привести свою молодую к своему отцу». Идёт, значит, парень привести свою жену.’

Эта клитика сигнализирует повтор глагола:

(5) *Kə ə raklì barì rovèl, kaj-rovèl, aj vuśaraďà-la gàlbi aj pòli aj sumnakàj.*
‘Потому что девушка плачет и плачет, и покрыла её золотыми монетами, и червонцами, и золотом.’

(6) *Kana avilè-tar kukolà te-lèn le karfà̓, aj dèl-le štàr, kaj-dèl-le štàr karfà̓.*
‘И тут приходят эти [убийцы бога] забрать гвозди, и [кузнец] даёт им четыре, даёт им четыре гвоздя.’

(7) *L’à raklò k phabàj te-xàl, kaj-xaľà koďà phabàj, aj dikhəl: lèl-les ə lìndri, peravèl-les ə lìndri, dèl telè o raklò.*
‘Начал парень яблоко есть, съел, значит, это яблоко и видит: клонит его ко сну, валит его сон, опускается вниз парень.’

Видимо, это особый сказочный приём, ср. в зачине: *sàs-pe kaj-nàs-pe* ‘жил-был’ в примере (1). В песнях *kaj-* выступает, видимо, ещё и в ритмической функции (см. 5.1.3.2).

Что касается морфологии, то в сказках нам встретилась синкопа в окончаниях глаголов (типичная для песен), но, по-видимому, это возможно только при воспроизведении особой фольклорной формулы (проклятие):

(8) *Phendè əl ćirikľà kakò aj kakò divàno, aj kòn ašùnla aj phenèla, te marəl-les o bàř źì ka-l ćangà.*
‘Сказали птицы то-то и то-то, а кто услышит да расскажет, чтоб разбил его паралич до колен.’

⌛ Вполне возможно, что несколько поколений назад сказки морфологически были ближе к песням. Судя по сказкам Ишвана Деметера (из рода петрэшти), опубликованным в книге [Образцы], сказки содержали элементы ритма и даже рифмовки.

Приложение 1. Речевые формулы

Приводим разные формы (женский род, множественное число), но даём только один перевод. Справа — возможные ответы.

1. Приветствие

Общее приветствие:

(1) а. *T’-avès baxtalò!* (ед.м.) — *T’-avès i tù (baxtalò)!*
б. *T’-avès baxtalì!* (ед.ж.) — *T’-avès i tù (baxtalì)!*
в. *T’-avèn baxtalè!* (мн.) — *T’-avèn i tumè (baxtalè)!*
‘Здравствуй(те)!’ ‘Здравствуй(те)!’ (букв. ‘будь и ты...’)
(букв. ‘чтоб ты был удачлив, счастлив’)

Бывает с инверсией: *baxtalò ť-avès* и т. д.

Имеется и особое утреннее приветствие (редкое):

(2) а. *Drobòj-tu!* (ед.) — *Najìs!*
б. *Drobòj-tume!* (мн.)
‘Доброе утро!’ букв. ‘Спасибо!’

2. Прощание

При прощании можно прибегнуть к (1), а также к более формальному:

(3) а. *Devlè-sa!* (= ответ)
букв. ‘С богом!’
б. *Devloř̀ə-sa!*
букв. ‘С боженькой!’

Есть специальные ситуативные фразы. При уходе гостя из дома хозяина (или, например, из табора) — реплики в любом порядке:

(4) а. *Ź̀à devlè-sa!* (ед.) — *À́ś devlè-sa!* ~ *devloř̀ə-sa*
б. *Ź̀àn devlè-sa!* (мн.) — *Aśèn devlè-sa!*
букв. ‘Иди(те) с богом!’ букв. ‘Оставайся/-тесь с богом!’

Уходящему также говорят:

(5) *Baxtalò dròm!*
‘Счастливого пути!’

Если гость уходит вечером, он говорит:

(6) *Màj-laśì ə r̀àt!* — *Sastimà-sa!*
букв. ‘Лучшая ночь!’ букв. ‘Со здоровьем!’

3. Просьба

Просьбу можно сопроводить пожеланием:

(7) а. [*Dè-ma k cygàra!*] *Trajìn te śavè!* (ед.)
б. [*Dèn-ma k cygàra!*] *Trajìn tumarə̀ śavè!* (мн.)
[‘Дай(те) мне сигарету!’] букв. ‘Чтоб жили твои / ваши сыновья!’

При быстром темпе можно опустить местоимение *te* / *tumarə̀*.

Более фамильярная формула просьбы, но при этом отнюдь не грубая (например, к собственному ребёнку), включает оборот *xàv ťo...* ‘съем твой...’:

(8) а. [*Ź̀à àn-ta màn-gə pàj!*] *Xàv ťo mùj!*
[‘Иди принеси-ка мне воды!’] букв. ‘Съем твоё лицо.’
~ *Xàv ťo ilò!*
букв. ‘Съем твоё сердце.’
~ *Xàv ťo kàr!* (м.)
букв. ‘Съем твой пенис.’
~ *Xàv ti mìnź!* (ж.)
букв. ‘Съем твою вагину.’

4. Благодарность

Благодарность может звучать как одна из формул просьбы: *trajìn (te) śavè* букв. ‘чтоб жили (твои) сыновья’ — или же выражаться специальным оборотом:

(9) а. *Najìs tù-kə!* (ед.) — *Pe sastimàs-te!*
б. *Najìs tumèn-gə!* (мн.)
‘Спасибо тебе / вам!’ ‘На здоровье!’

5. Угощение

Хозяйка ставит перед гостем еду:

(10) а. *Xà pe sastimàs-te!* (ед.) — *Pe sastimàs-te!* (только при отказе)
б. *Xàn pe sastimàs-te!* (мн.)
‘Ешь(те) на здоровье!’ букв. ‘На здоровье!’

Ответ нужен только при отказе. Приступающий к еде может промолчать.

6. Благопожелания

Более свободны по форме, но почти всегда начинаются с пожелания счастья, удачи (в зависимом наклонении). Несколько примеров:

(11) *T’-avès baxtalò, ť-avèn baxtalè te glàti!*
‘Чтоб ты был счастлив, чтоб были счастливы твои дети!’
(12) *T’-avès baxtalì, te-aźutìl-tu o dèl!*
‘Чтоб ты была счастлива, помогай тебе бог!’
(13) *T’-avèn baxtalè, zuralè, sastevestè!*
‘Чтоб вы были счастливы, здоровы, здоровы!’ (первое ‘здоровы’ = ‘сильны’)
(14) *T’-avèn baxtalè, zuralè, kərəl tumèn-gə o dèl mištò!*
‘Чтоб вы были счастливы, здоровы, [чтоб] сделал вам бог хорошо!’

7. Поздравления

На день рождения:

(15) а. *Ək-šəlà-bəršà-ko anglè!* (м.)
б. *Ək-šəlà-bəršà-ki anglè!* (ж.)
букв. ‘Столетний/-яя впереди.’ (пожелание долгих лет).

(16) а. *Bar’ù barò, phur’ù phurò!* (м.)
б. *Bar’ù barì, phur’ù phurì!* (ж.)
букв. ‘Расти большим/-ой, старей старым/-ой!’

На Пасху можно сказать, например:

(17) *T’-avèl baxtalì kaďà patradì!*
‘Да будет счастлива эта Пасха!’

А также шутливо (с рифмой):

(18) *Te-pekàn ympàće źi and-ək-šàl bàrš səvijàća!*
‘Чтоб пекли вы в мире до ста лет *сэвияко*.’ (праздничные пироги)

8. Тосты

При совместном потреблении спиртного участники застолья могут одновременно произносить более или менее длинные речения, обычно как бы отвечая друг другу, но не дожидаясь пауз. Выпивают после завершения самого длинного тоста (и иногда также короткого ответа на него), обычно не чокаясь. Эти тосты состоят из довольно свободных комбинаций следующих основных формул (в т. ч. совпадающих с данными выше благопожеланиями):

(19) *T’-avèn baxtalè, sastevestè!*
‘Чтоб вы были счастливы, здоровы!’
(20) *Te-trajìn tumarə śavè, tumarə nepòcy źi and-ək-šàl bàrš!*
‘Чтоб жили ваши сыновья, ваши внуки до ста лет!’
(21) *T’-avèl baxtalì sà ə cygənìja!*
‘Чтоб было счастливо всё цыганство!’
(22) *Bùt bàxt, vijàca aj bukurìja!*
‘Много счастья, радости и веселья!’ (слово *bukurìja* малоизвестно)
(23) *Te-kərəl amèn-gə o dèl mištimòs!*
‘Да сделает нам господь благо!’

Призывом или разрешением выпить (в т. ч. после тоста) может быть:

(24) а. *Vàzde!* (ед.)
б. *Vàzden!* (мн.)
букв. ‘Подними(те)!’

Последней репликой, в т. ч. как ответ на тост, может быть:

(25) *T’-ašunèl-ame o dèl!*
‘Да услышит нас бог!’

Имеется и «свёрнутый» вариант тоста, уместный в любой момент:

(26) *Sà mištimòs!*
букв. ‘Всё благо!’

9. Проклятия

Все проклятия начинаются с глагола в зависимом наклонении (факультативно без проклитики *te-*), обозначающего воображаемую кару по отношению к адресату (во 2-м или 3-м лице). Выделяется группа проклятий, где выступает глагол *xàl* букв. ‘съесть’ в значении ‘погубить’:

(27) *Xàl-tu o ćořymòs!*
‘Чтоб тебя погубило несчастье!’
(28) *Xàl-tu ə phùv ə kalì.*
‘Чтоб погубила тебя земля чёрная.’

(29) *Xàl-tu ə prikàza!*
‘Чтоб погубила тебя кара!’

Субъектом часто бывают болезни:

(30) *Xàl-tu ə jeftìka!*
‘Чтоб погубила тебя чахотка!’

Шуточные проклятия:

(31) *Xàl-tu o mištimòs!*
букв. ‘Чтоб погубило тебя благо!’ (вм. *ćořymòs* ‘беда’)
(32) *Xàl-tu ə krʼàmina!* ~ *ə kərəmìda* ‘тж.’
‘Чтоб погубил тебя кирпич!’

С другими глаголами:

(33) *Te-marəl-tu o dèl!*
‘Побей тебя бог!’
(34) *Te-xutèn te vududà!*
‘Чтоб выскочили твои глаза!’ (цитата из речи предков)

Примеры на 3-е лицо проклинаемого:

(35) *Te-vologìl-les!*
‘Чтоб его перекособочило!’
(36) *Te-šuťòl lès-ki śìb!*
‘Чтоб у него отсох язык!’
(37) *Te-phabòl sar o skrùmo!*
‘Чтоб горел он, как пепел!’
(38) *Xàlʼol lès-ko talòj!*
‘Чтоб у него нёбо протёрлось!’
(39) *Te-təmujìn-le!*
‘Чтоб его окурили [ладаном]!’
(40) *Te-thòn lès-kə cỳgna and-o nàkh!*
‘Чтоб засунули трут ему в нос!’

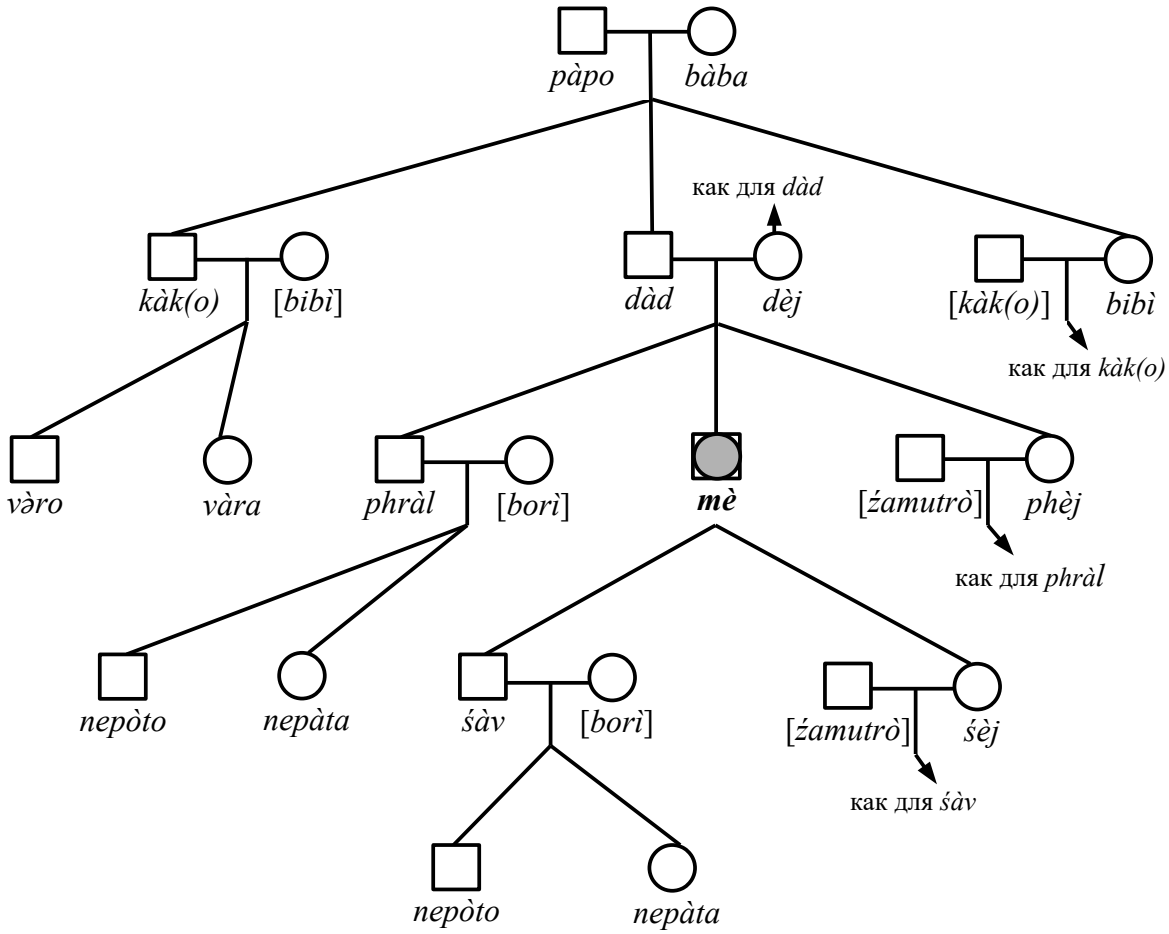
Проклятия весьма многочисленны и разнообразны, но многие из них сохраняются лишь как память о языке предков или же в какой-то мере шуточны.

Приложение 2. Термины родства и свойства́

На схемах: квадраты — мужской пол; кружки — женский пол. Не обозначенные на схемах родственники и свойственники не имеют специальных названий и обозначаются описательно, ср. *myřà varà-ko řòm* ‘муж моей двоюродной сестры’.

1. Родственники

Названия кровных родственников не зависят от пола «я». В схему включаем также названия супруг(ов) кровных родственников (в квадратных скобках):



Одинаково называются: ‘родители отца’ = ‘родители матери’ (*pa dàd* ‘по отцу’, *pa-j dèj* ‘по матери’); ‘дети дяди’ = ‘дети тёти’. Отметим также, что ‘племянники’ = ‘внуки’.

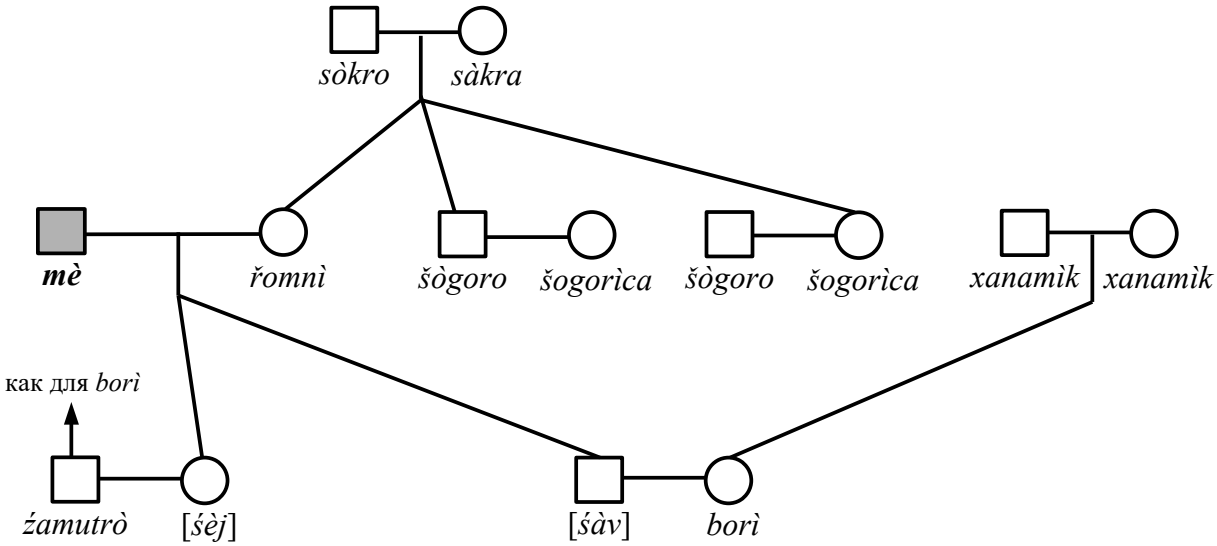
Предки старше деда — с приставкой *pra-*: *prapàpo*, *prabàba* ‘брабабка’. Более дальние, чем двоюродные братья и сёстры, родственники поколения «я» — *dùjto*, *trìto* и т. д. *vàro*, *vàra* букв. ‘второй, третий и т. д. кузен, кузина’.

Родные братья и сёстры при подчёркивании — с прилагательным *ćaćò*: *ćaćò phràl* ‘родной брат’, *ćaćì phèj* ‘родная сестра’. Приёмные — с прилагательным *màštivo*: *màštivo dàd*, *dèj*, *śàv*, *śèj* ‘отчим, мачеха, пасынок, падчерица’.

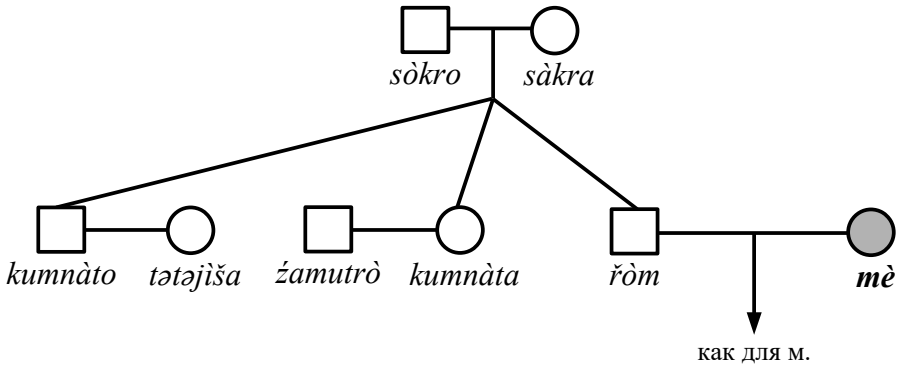
2. Свойственники

Названия свойственников своего поколения — разные для разных полов «я». В схемы включаем также название детей (в квадратных скобках).

Для «я» мужского пола:



Для «я» женского пола (опускаем такое же, как для м., +1-е поколение и сватов):



Как видно, ‘тесть, тёща’ = ‘свёкор, свекровь’; ‘сват’ и ‘сваха’ омонимичны в прямой форме — *xanamìk*, однако эти слова разного рода и по-разному склоняются.

Особое свойственное отношение: *pe stymbà-te* — взаимный брак между двумя родственными группами, например: ‘женщина *x* выходит замуж за мужчину, чья дочь выходит за брата *x*’, ср. *kərəl fòro* / *thòl la śà pe stymbà-te* ‘заключить брачный уговор / выдать дочь таким образом’.

Приложение 3. Образцы текстов

Приводим здесь несколько разножанровых текстов (песни, сказки, детскую страшилку, письменный пересказ, а также отрывки из нашей собственной языковедческой статьи) с параллельным переводом (по возможности буквальным, в т. ч. иногда с ущербом для русского синтаксиса) с некоторыми комментариями. В переводах курсивом выделяем такие элементы из III пласта, которые можно считать русскими вставками или же окказиональными заменами кэлдэрарских слов (выделяем всё слово, если это явная иноязычная вставка, или же часть слова, если воспроизводится не вся русская словоформа, а заимствованная основа оформляется средствами II пласта).

Фрагменты этих текстов приводятся в синтаксической главе грамматики в качестве примеров (с упрощённой пунктуацией для прямой речи). Часть текстов записана К. А. Кожановым (помечаем их «[Кож.]»).

1. Песнь (об отравлении мужа)

Записана в 2016 г. в с. Гора Киевской обл. от Базарки (~ 1980 г. р., сапоррони).

Aj dəkìn[1] *tùt me gaźì lèm-oj*	«А с тех пор как тебя я в жёны взял
Dəkìn tùt mè gaźì lèm-oj	С тех пор как тебя я в жёны взял
Aj sàv ka bìrto sà ćì-sàmas	А всё в кабаке всё мы не были
Sàv ka bìrto bà ćì-sàmas	Всё в кабаке да мы не были
Aj sò lovèn-ca te-kəràs-oj	А что с деньгами нам делать?
Aj sò lovèn-ca te-kəràs-oj	А что с деньгами нам делать?
Aj te-màj-xàs aj te-màj-p'às	А есть да пить
Jekh-avràs-kə patìv làs-oj	Друг другу угощенье брать»
Aj sò do-j gaźì kaj-kəràla	А что же баба делает
Avrî͡anda bìrto d-anklèla	На улицу из кабака да выходит
Aj ka-j phurì l gavès-te źàl-oj	И к старухе в деревню идёт
Ka-j phurì l gavès-te źàl-oj	К старухе в деревню идёт:
Av ť-ašunès, phurìjo, màn-de	«Ай послушай, старая, меня
Te-dès-ma, śè, řòj velìno	Дай-ка мне, милая, ложку яду
Aj kə sỳ-ma źukàl turbàto	Ибо есть у меня собака бешеная
Dandalèl le rakloř͡ən-oj	Кусает ребятишек»
Aj kana j phurì d-ašunď às	И тут старуха услышала
Řòj velìno la kaj-ď às-oj	Да ложку яду ей и дала
Aj řòj velìno la kaj-ď às	Ложку яду ей и дала
Î͡ə gaźì koć͡é͡arəsľàs-oj	И баба туда пришла
Aj thaj pivà-sa, thaj moľà-sa	И с пивом, и с вином
Řòj velìno gaźî͡amìla	Ложку яду баба мешает
Aj ka pès-ko gaźò d-arəsə̀la	И к своему мужику приходит
Barə armajà pès dèla	Крепко себя заклинает:
Aj te-na-pèsa źî͡and-o fùndo	«А если не выпьешь до дна
Te-n-avèl-tu pàrť a màn-dar	Чтоб не было тебе доли от меня!»
Aj kana gaźò d-ašunď às	И тут мужик услышал
Î͡o bakàlo s'à vazď às-oj	И *бокал* весь опрокинул
Aj o bakàlo kaj-vazď às	И *бокал* да опрокинул
Nùma jekh vòrba kaj-phenď às-oj	Лишь одно слово да сказал

[1] Неожиданно вм. *dəkỳn*.

Aj nùma k vòrba kaj-phenďàs	Да лишь одно слово да сказал
Nùma͡ək vòrba kaj-phenďàs-oj	Лишь одно слово да сказал:
Aj xaľàn-ma, śè, xaľàn-ma	«А погубила ты меня, милая, погубила
Aj xaľàn-ma, mundarďàn-ma	И погубила ты меня, да убила
Aj xàn-tu, śèjo, le termè	А чтоб ели тебя, милая, червяки
Te-phirən pa te dumè	Чтоб ползали по твоим плечам!»
Aj kana ə gaźì doj dikhľàs	И тут баба увидела
Les angàli ba kaj-ďàs-oj	Его да и обняла
Avrì͡anda bìrto ankəsťàs	На улицу из кабака вышла
Avrì͡anda bìrto ankəsťàs-oj	На улицу из кабака вышла
Aj tela-j sàlka j banďardì	А под деревом гнутым
Koćè řəkàŕa šudrì	Там тень прохладная
Aj vòj koćè mekľà-les vòj	А она там оставила его
Ì͡o gaźò koćè gəlò-tar	И мужик там преставился
Av rakloř͡ə and-o dròm našəna	Ой, ребятишки навстречу выбегают
Rakloř͡ə͡and-o dròm našəna	Ребятишки навстречу выбегают
Aj kàj lo, màmo, śè, o tàta	«А где, мама, родная, батя
Kàj lo, màmo, śe, o tàta	А где, мама, родная, батя?»
Aj vò matò sas, pŕà-matò	«А он пьяный был, очень пьяный
I matò thaj-vi ćinò	И пьяный, и усталый
Aj tela-j sàlka j banďardì	Да под деревом гнутым
Koćè bešàl ba o tàta	Там и есть батя»
Aj xaľàn-les, śè, xaľàn-les	«А погубила ты его, милая, погубила
Aj xaľàn-les, mundarďàn-les	И погубила ты его, милая, да убила
Aj xàn-tu, śèjo, le termè	А чтоб ели тебя, милая, червяки
Te-phirən pa te dumè	Чтоб ползали по твоим плечам!»

2. Песнь (о солдате и девушке)

Записана в 2014 г. в пгт. Плеханово Тульской обл. от Груши (~ 1940 г. р., дукони).

Źàl vojnìko, źàl vojnìko	Идёт служивый, идёт служивый
Źàl xarà, vulèl xarà vo	Идёт по холмам, спускается с холмов он
Źàl xarà, vulèl xarà do	Идёт по холмам, спускается с холмов
Kòn dèl lès-kə d-and-o dròm-y	Кто выходит ему на дорогу
Kòn dèl lès-kə d-and-o dròm	Кто выходит ему на дорогу
Khə raklì d-oj rakloř͡ə-sa	Девушка ой с мальчиком
Khə raklì d-oj rakloř͡ə-sa	Девушка ой с мальчиком
Rakloř͡ə-sa ande͡angàli	С мальчиком на руках
Rakloř͡ə-sa d-ande͡angàli	С мальчиком на руках
Lè ì-ma tù vojnìko	«Возьми и меня ты, служивый
Lè i màn-y tù vojnìko	Возьми и меня ты, служивый
Thò ì-ma pe tirò gràs-y	Посади и меня на своего коня
Thò ì-ma pe tirò gràs	Посади и меня на своего коня»
Mè tu śèjo ćì-do-làv-tu	«Я тебя, милая, не возьму
Pe muřò gràs mè ćì-thàv-tu	На своего коня я тебя не посажу
Pe muřò gràs mè ćì-thàv-tu	На своего коня я тебя не посажу
Aj anglè mè do źàva	А дальше я поеду»
D-ašùn tù vojnìko màn-de	«Слушай ты, служивый, меня

D-ašùn tù vojnìko màn-de	Слушай ты, служивый, меня
Ràs tù ma do ći-lèsa	*Раз* ты меня не возьмёшь
Dùr vojnìko te-nà-źàs-y	Далеко, служивый, не уедешь
Dùr vojnìko te-nà-źàs-y	Далеко, служивый, не уедешь
Tirò gràs te-pətoknìl-y	Твой конь чтоб споткнулся
Tirò gràs te-pətoknìl	Твой конь чтоб споткнулся
Vàs punřò tù te-phagàs-y	Руку-ногу ты чтоб сломал
Vàs punřò tù te-phagàs-y	Руку-ногу ты чтоб сломал
Aj anglè tù ći-do-źàs-y	И дальше ты не поедешь
Aj anglè tù ći-do-źàs	И дальше ты не поедешь»
Dùr vojnìko ći-gəľas-y	Далеко служивый не уехал
Dùr vojnìko ći-gəľàs	Далеко служивый не уехал
Vàs punřò vo kaj-phagľàs-y	Руку-ногу он да и сломал
Vàh punřò vò kaj-phagľàs	Руку-ногу он да и сломал
D'à-pe gỳndo ka-j raklì	Вспомнил о девушке
D'à-pe gỳndo ka-j raklì	Вспомнил о девушке
Aj ambòldel pàrpale vo	И возвращается назад он
Aj ambòlďol pàrpale	И поворачивается назад
Tu raklìjo mè do làv-tu	«Тебя, девушка, я тебя возьму
Tu raklìjo mè do làv-tu	Тебя, девушка, я тебя возьму
Anklì pe muřò do gràs-y	Залезай на моего коня
Anklì pe muřò do gràs	Залезай на моего коня»
Tu vojnìko man ći-prinźarďàn	«Ты, служивый, меня не узнал
Tu vojnìko man ći-prinźarďàn-y	Ты, служивый, меня не узнал
Kə tù san do muřò phràl-y	Ведь ты мой брат
Kə tù san do muřò phràl	Ведь ты мой брат»
Anďà-la vojnìko khərà	Привёз её служивый домой
Anďà-la vojnìko khərə	Привёз её служивый домой
Aj thoďà-pe x̀al thaj pèl	И сел есть и пить
Aj mištò vo kaj-dikhàl	И хорошо он да и видит

3. Песнь (об уходе с моряком)

Записана в 2012 г. в пгт. Плеханово Тульской обл. от молодёжи (~ 1997 г. р., дукони).

Źàv-tar, màmo, źàv-tar, śè	«Ухожу, мама, ухожу, милая
Le marʾakò-sa	С *моряком*
Źàv-tar, màmo, źàv-tar, śè	Ухожу, мама, ухожу, милая
Le marʾakò-sa	С *моряком*»
Nà-źa, màjkə, nà-źa, śè	«Не уходи, родная, не уходи, милая
Kə vò xoxavèl-tu	Ведь он тебя обманет
Nà-źa, màjkə, nà-źa, śè	Не уходи, родная, не уходи, милая
Kə vò xoxavèl-tu	Ведь он тебя обманет»
Mùj la dà-ko ći-kangľàs	Матери не послушалась
Lə̀-pe haj gəlì-tar	Взяла да ушла
Mùj la dà-ko ći-kangľàs	Матери не послушалась
Lə̀-pe haj gəlì-tar	Взяла да ушла
Nakhàl bàrš aj nakhàl dùj	Проходит год и проходит два
P-o trìto vòj avèl-tar	На третий она приходит

Pytər, dàle, o vudàr	«Открой, мама дверь
Kə mè avilèm-tar	Ведь я вернулась!»
Źà-tar, màjkə, źà-tar, śè	«Уходи, родная, уходи, милая
Katàr aviľàn-tar	Откуда пришла!
Źà-tar, màjkə, źà-tar, śè	Уходи, родная, уходи, милая
Katàr aviľàn-tar	Откуда пришла!»

4. Песнь (о двух сёстрах в поезде)

Записана в 2014 г. в с. Яицкое Самарской обл. от Молдованки (~ 1940 г. р., дэмони).

Aj dùj phejořà pe da-j lùmȁ	А две сестрички на свете
Pe da-j lùmȁ da pe daj ćèm-oj	На свете да на земле ой
Aj pàle phèj màj-barì phènla	А опять сестра старшая говорила
Pàle phèj màj-barì phènlas	Опять сестра старшая говорила
Aj àjda phènȍ pe mašỳna[2]	«А давай, сестра, на машине
Àjda phènȍ śè pe mašỳna	Давай, сестра, на машине»
Aj màn-gə dàr la mašynà-tar	«А я боюсь машины
Màn-gə dàr la mašynà-tar	А боюсь машины
Aj aj pe sòs-te sy mašỳna	А на что машина
Thaj pe sòs-te sy mašỳna	Да на что машина»
Aj te-phirȁl do-j lùmȁ aj càřa	«А чтоб ездил народ да страна
Te-phirȁl doj lùmȁ aj càřa	Чтоб ездил народ да страна»
Aj dùj pòjezduri d-avènas	А два *поезд*а ехали
Dùj pòjezduri d-avènas	Два *поезд*а ехали
Aj jèkh avèlas Moskovà-tar	А один ехал из Москвы
Jèkh avèlas Višnȍvà-tar[3]	Один ехал из Вишнёва [?]
Aj mùj mòs-te vòn malavènas	А лоб в лоб они врезались
Mùj mòs-te vòn da-malavènas	Лоб в лоб они врезались
Aj dùj phejořà kaj-merȁnas	А две сестрички да и умирали
Dùj phejořà kaj-merȁnas	Две сестрички да и умирали

5. Песнь (о муже, бьющем жену)

Записана в 2018 г. в с. Новолиманское Одесской обл. от Сони (1963 г. р., чяйкони).

Aj marȁl gaźò la gaźà	Ай бьёт мужик бабу
Marȁl gaźò la gaźà brə	Бьёт мужик бабу *брэ*
Sar o řòm pès-ka řomnȁ	Как цыган свою цыганку
Aj rakloř̀ə-sa d-ande angàli	Ай с мальчиком на руках
Rakloř̀ə-sa ande angàli	С мальчиком на руках
Aj gaźò dèl, gaźì našȁl-y	Ай мужик бьёт, баба бежит
Gaźò dèl, gaźì našȁl-y	Мужик бьёт, баба бежит
Źi ka-j pòdi le vəšȁh-ki	До опушки леса
Aj rovèl raklò suspinìl	И плачет мальчик, вздыхает
Rovèl raklò suspinìl	Плачет мальчик, вздыхает
Aj sò d-ə gaźì kaj-kərȁla	А что баба да делает?

[2] Обычно употребляется *matòra* ‘автомобиль’, тогда как *mašỳna* значит ‘спичка’.
[3] Неясно, какой город имеется в виду. Кишинёв?

Pèh-kə rakloř̀əh-kə phènla	Своему мальчику говорит:
Aj nà-rov, nà-ròv rakloř̀əja	«Не плачь, не плачь, сынок,
K ašunèn-ame le ćòr-y	Ведь услышат нас воры
Aj lèn-ăme ćorimàs-te	И заберут нас на кражу
Ćorimàs-te mudarimàs-te	На кражу, на убийство»
Aj ćì vorbìca ćì-phenèla	Ай ни слова не говорит
Le ćòr dèvla kaj-avèna	Воры, боже, да приходят:
Ajda amèn-ca tù gaźìjo	«Давай с нами, ты, баба
Ajda amèn-ca ćorimàs-te	Давай с нами на кражу
Ćorimàs-te mudarimàs-te	На кражу, на убийство»
Aj kàj te-źàv mè tumèn-ca	«Да куда идти мне с вами
Màn-de rakloř̀ò ćućà-ko	У меня сынок грудной
Kòn les brà te-pravarà̀la	Кому его *брэ* кормить
Kòn les brà te-najarà̀la	Кому его *брэ* купать?»
Aj o bryšỳn dèvla kaj-dèla	«Ай дождь, боже, да пойдёт
Te rakloř̀às najarà̀la	Твоего сыночка искупает
Gurumn̓à pa plàj avèna	Коровы с горы придут
Te rakloř̀às pravarà̀na	Твоего сыночка накормят»

6. Песнь (авторская современная)

Записана в 2012 г. в д. Антоновка Брянской обл. Автор и исполнитель: Рада ле Камбирески (доброжяя).

Phenàv tumèn-gə divàno	Расскажу вам историю
Phenàv tumèn-gə divàno	Расскажу вам историю
Thaj ašunèn thaj phenèn-y	И послушайте и расскажите
Thaj ašunèn thaj phenèn-y	И послушайте и расскажите
Mè sym śèj le Kambirèh-ki	Я дочь Камбири
O Kambìri l Trifulòh-ko	Камбири [сын] Трифуло
Phenàv tumèn-gə divàno	Расскажу вам историю
Kàj maj-kàrdiľa kaď à brə	Где ещё случилось так[ое] *брэ*
Kàj maj-šùndiľa kaď à brə	Где ещё слышалось так[ое] *брэ*
Marà̀l o phràl pèh-ka ph̓à brə	Бьёт брат свою сестру *брэ*
Sàr o řòm pèh-ka řomn̓à brə	Как цыган бьёт свою цыганку *брэ*
Thaj marà̀l thaj məskərìlas	И бьёт и поноси́л
Thaj marà̀l thaj məskərìlas	И бьёт и поноси́л
Anda-j bàr len kaj-gonìlas	Из табора их да гнал
Aj ə vr̓àm̓a ivendèh-ki	А время зимнее
Aj ə vr̓àm̓a ivendèh-ki	А время зимнее
Amarə̀ khərà phagànas	Наши дома ломали
Aj le glàti kaj-rovènas	А дети да плакали
Aj amè sam trìn phejà brə	А мы три сестры *брэ*
Savəř̀ən-de sỳ bor̓à brə	У всех невестки *брэ*
Aj le glàti angalèn-gə	И дети на руках
Aj le glàti kolinèn-gə	И дети грудные
Kàj amè lèn-ca te-źàs-y	Куда нам с ними идти?
Kàj amè len t̓-angəràs-y	Куда нам их вести?
Kə-j ə vr̓àm̓a ivendèh-ki	Ведь время зимнее

Kə-j ə vr'àm̀a ivendèh-ki	Ведь время зимнее
Aj avèl amèn-de͡o Xòn'a	В приходит к нам Хоня
Vò sy o śàv le Danćòh-ko	Он сын Данчё
Ajdàn màn-ca śovoř̀ale	«Давайте со мной, девочки
Ajdàn màn-ca bor̀oř̀ale	Давайте со мной, невесточки»
Aj amèn kaj-nigərà̀las	И нас да отвозил
Amèn-ca khərà marà̀las	С нами дома сколачивал
Muř̀ò śàv brə khàr marà̀las	Мой сын *брэ* дом сколачивал
Pynř̀ə-sa p-o karfìn dèlas	Ногой на гвоздь наступал
Lès o ràt brə kaj-śorà̀las	У него кровь *брэ* да лила
Ande mà ilò phař̀òlas	Во мне сердце разрывалось
Vòn sy màn-de bi dadèh-ko	Они у меня без отца
Vòn sy màn-de bi dadèh-ko	Они у меня без отца
Marà̀l o dèl, marà̀l o dèl	Побей бог, побей бог
Sòs-tar kaď̀à kaj-kərà̀n vòn	Почему так делают они
Mèk len sỳna tù devlès-te	Оставь их, *сы́на*, у бога
Mèk len sỳna tù devlès-te	Оставь их, *сы́на*, у бога
Kòn ašunèl te-phenèl-y	Кто услышит, пусть расскажет
Kòn ašunèl te-phenèl-y	Кто услышит, пусть расскажет

7. Сказка (об обмане смерти)

Записана в 2011 г. в пгт. Плеханово Тульской обл. от Марицы (~ 1960 г. р., дукони). Повествование прервано рассказчицей. [Кож.]

Sàh-pe te-avèl-pe ampərəť̀àsa. Aj sàh-la khə śàv, buśòlah vò Sulimàno. Aj vòj sàh bravalì, koď̀à ampərəť̀àsa. Aj ľà vòj aj phenèl pèh-kə śavèh-kə te-strojìl tràktoro sumnakunò. Aj ľà là-ko śàv aj strojisarď̀à kodò tràktoro. Kana vòj dikhľà, kə strojisarď̀à là-ko śàv kodò tràktəro, ľà aj gonisarď̀à-les teaśèl là-kə sà. Ľà aj gonisarď̀à-les.

Ľà-pe vò aj gəlò-tar. Aj gəlò-tar là-ko śàv. Aj traď̀à vòj pala lès-te ə màrť̀a[4]*, temundarà̀l-leh ə màrť̀a. Ròdel-leh ə màrť̀a, ròdel-les. Kàj-gòdi śòl-pe.* [(неразб.) *A? Divàno užə phirà̀l màn-gə.*[5]] *Aj ľà-pe vò aj gəlò-tar. Kaj-gəlò-tar, ašùn, aj gəlò-tar.*

Aj bešà̀l ande pivnàja, koď̀à kaj pènah atùnći, kana sas vòn. Aj bešà̀l, pèl. Aj avèl-tar lès-te ə màrť̀a.

— Astardèm-tu, Sulimàne! Də kajtì vr'àm̀a ròdav-tu aj dašti arakhàv-tu. Mè avilèm te-xàv-tu. Mè sym ti màrť̀a.

Kana vò:

— Nò ap sò sy katkà? Bèš katkà màn-ca pala-j skafedì. Akanà p'àv muř̀ò... pìva.

Жила-была царица. И был у неё сын, звали его Сулимано. А она была богатая, эта царица. И взяла она и говорит своему сыну по*строи*ть золотой *трактор*. И взял её сын и по*строи*л тот *трактор*. И тут она увидела, что по*строи*л её сын тот *трактор*, взяла и прогнала его, чтобы осталось е́й всё. Взяла и прогнала его.

Собрался он и ушёл. И ушёл её сын. И послала она за ним смерть, чтобы убила его смерть. Ищет его смерть, ищет его. Везде суётся. [(неразб.) А? Рассказ уже идёт у меня.] А взял он и ушёл. Да и ушёл, слушай, и ушёл.

И сидит в *пивной*, той, где пили тогда, когда были они. И сидит, пьёт. И приходит к нему смерть.

— Я поймала тебя, Сулимано! Столько времени ищу тебя и не могу найти. Я пришла съесть тебя. Я твоя смерть.

А тут он:

— Ну так что тут? Садись тут со мной за стол. Сейчас выпью свой... пиво.

[4] Здесь *màrť̀a* ‘смерть’ неодушевлённа.

[5] Ответ на постороннюю реплику, отвлёкшую рассказчицу.

Sò pèlah vò koćè, pìva, sò pèlah, řətìja. Ľà là-kə kućì pìva, la marťà-kə, aj ďà-la:

— Alè tù-kə kućì pìva!

Kana ə màrťa:

— Sàr te-p'àv mè ə pìva? Kə mè avilèm… aťarəh, kə mè avilèm te-mudaràv-tu!

— Nu bèš źi-kaj ći-p'àv muřỳ pìva, aj atùnći mudarəh-ma.

D'à pèh-kə jàg pèh-kə... pèh-ki ľuľàva aj lèl aj phenèl là-kə:

— Ajda śò-tu katkà, ande ľuľàva, katkà, te-dikhav, sàr mudarəh-ma, te-dikhàv. Ľà ə màrťa aj thoďà-pe ande ľuľàva. Kana thoďà-pe ande ľuľàva, aj ľà vò kapàko opràl aj phandaďà pès-ti ľuľàva aj mundarďà:

— Aj kòn traďà-tu? — vò puśèl-la. — Kòn traďà te-mudarəh-ma?

— Ti dèj traďà-ma, ə ampərəťàsa, ti dèj ə ampərəťàsa traďà-ma te-mudaràv-tu.

— Nù, davàj.

Ľà aj thoďà-la ande ľuľàva aj phandaďà ə ľuľàva. Mulì ə màrťa.

Avèl-tar o Sulimàno khərà ka pès-ti dèj. Xàl-pe là-sa:

— Sòs-tar, dàle, traďàn pala màn-de la marťà[6] te-mudarèl-ma? Kə mè laśardèm tù-kə tràktoro. Sànah, kə kaďà sànah ampərəťàsa. Sò màj-mangəs tù màn-dar?

Aj màj-anglè bystərdèm.

Что пил он там, пиво, что пил, водку. Взял ей кружку пива, смерти, и дал ей:

— На́ тебе кружку пива!

А тут смерть:

— Как мне пить пиво? Ведь я пришла... понимаешь, ведь я пришла убить тебя!

— Ну посиди, пока я не выпью своё пиво, и тогда убьёшь меня.

Зажёг себе свои... свою трубку и берёт и говорит ей:

— Давай, залезай вот сюда, в трубку, сюда, чтоб я посмотрел, как ты убьёшь меня, чтоб посмотрел. Взяла смерть и залезла в трубку. И тут залезла в трубку, и взял он крышку сверху и закрыл свою трубку и затушил.

— А кто тебя послал? — он её спрашивает. — Кто тебя послал убить меня?

— Твоя мать меня послала, царица, твоя мать-царица послала меня убить тебя.

— *Ну, давай*.

Взял и посадил её в трубку и закрыл трубку. Умерла смерть.

Приходит Сулимано домой к своей матери. Ругается с ней:

— Почему, мама, ты послала за мной смерть убить меня? Ведь я сделал тебе трактор. Ты была, ведь [и] так ты была царица. Что ещё ты требуешь ты от меня?

А дальше я забыла.

8. Сказка (о зловещих птицах и походе к богу)

Записана в 2013 г. в г. Чудово от Чернявки (~ 1963 г. р., миґэешти). Язык этой рассказчицы обладает несколькими особенностями, нетипичными для молдовая (хотя она из молдовая): в фонетике это прежде всего отсутствие ослабления /-*s*/ (см. 1.3.7.3); встречаются также неожиданные формы нескольких слов (см. сноски к тексту). Вероятно, эти особенности объясняются влиянием иноговорной среды. [Кож.]

Sỳ-pe te-avèl-pe khə phurò aj khə phurì. Aj sỳ-le lèn jek raklò. Mulì ə phurȯřỳ, mulì. Aj lèl aj phenèl o phurořò pès-kə śavès-kə:

— Ašùn, Pàtro, dikhàs, sà kaťà avlìn, sà tù-kə mekàv-la. I mè skòro meràv, aj sà kaťà avlìn aśèl tù-kə. Kakalà deš-u-jèkh vudarà te-pytràs, no o deš-u-dùjto te-nà-pytràs-les dətàt.

Kana o raklořò:

— Làdno.

Жил-был старик и старуха. И был у них сын. Умерла старушка, умерла. И берёт и говорит старичок своему сыну:

— Слушай, Пэтро, видишь, всё это поместье, всё тебе оставляю его. И я *скоро* помру, а всё это поместье останется тебе. Эти одиннадцать дверей открывай, *но* двенадцатую нельзя открывать совсем.

А парнишка:

— *Ладно*.

[6] Здесь *màrťa* ‘смерть’ одушевлённа.

Lèl o phuroř̀ò aj źàl-tar pe axòta[7]*, źàl-tar. Kaj-gəlò-tar o gaźò pe axòta. O raklò ľà le tèji, kə ďà-le lès-kə lès-ko dàd, pytràl le vudarà, dikhàl: inťà bešàl arùžyji, inťà bešàl xabè, inťà bešàl pimòs, ande sàko udàr ràzno prinadlèžnasťa bešàl. «Aj sòs-tar te-nà-pytràv kakò vudàr? Pytràv aj ćì-pyřỳv lès-kə».*

Aj pytərďà o vudàr o raklò. Aj dikhàl o patrèto vò la rakľà-ko. Sò j ə raklì! Krasàvica, aj ćì pe kaťà lùmȁ nàj, aj ćì pe kuťà lùmȁ! Vò kaj-pytərďà o vudàr, ćì-maj-phandaďà-les, thoďà-pe kaďà oćè ka vudàr aj dikhàl p-o patrèto la rakľà-ko.

Avèl-tar o gaźò pa-j axòta:

— Mè phendèm tù-kə kadò vudàr te-nàpytràs! Mè də kajtì bàrš garavàv kadò patrèto, khanikàs-kə ćі-sykadèm! Kə naśì arəslèm te-làv-la! Ə Jilèna Primùdraja! Aj tù, — phen-gə, — pytərďàn o vudàr ta dikhľàn-la! Te-lès-tu aj te-źàs-tar kàj dikhàn tirà jakhà! Màn-de and-o khàr te-nà-maj-bešàs!

Aj ľà aj našaďà-les. Našaďà le raklès. Ľà o raklò aj gəlò-tar. Kaj-źàl, źàl dromè-sa [*o*] *raklò, ľà-les ə r'àt, aj ľà thoďà-pe aj sovèl. Thoďà-pe tèla-j sàlka, hodinìl-pe, sovèl. Aj avèl-tar paša lès-te raklò:*

— Kàj źas, ampəràte anda dràgo dèl?

Phenèl:

— Kàj dikhàn myřə jakhà. Našaďà-ma myřò dàd.

— Davàj avàv tù-sa! Jèkh-źenò mištò p-o dròm, aj dùj-źenè màj-mištò, maj-vis'òlo[8].

Vò:

— Hàjda!

Źàn, źàn le dromè-sa.

Kana vò:

— Àv Pàtro, trubùl te-atàrďuvas and-o... kutàri gàv, koćè bešàl muřò dàd. Vò laśaràl amèn-gə sàbiji aj laśaràl amèn-gə śìturȁ.

Kana o raklò:

— Nu davàj. Vàrə-kaj, phen-kə, fs'ò ravnò prigadìl-pe amèn-gə! Te-nà-phiràs nangə vastèn-ca!

Lèn aj śòn-pe and-o gàv kodò. Kaj-śutè-pe and-o gàv, lèl le Markulòs-ko dàd aj laśaràl lèn-gə sàbiji, laśaràl lèn-gə, laśaràl

Берёт старичок и уходит на *охоту*, уходит. Ушёл, значит, мужик на *охоту*. Парень взял ключи, ведь дал ему их отец, открывает двери, видит: там лежит *оружи*я, там лежит еда, там лежит питьё, в каждой двери *разна*я *принадлежность* лежит. «А отчего мне не открыть эту дверь? Открою и не признаюсь ему».

И открыл дверь парень. И увидел портрет он девушки. Что за девушка! *Красавица*, и ни на этом свете нет, и ни на том свете! Он, значит, открыл дверь, больше не закрывал её, встал так там у двери и смотрит на портрет девушки.

Приходит мужик с *охоты*:

— Я сказал тебе эту дверь не открывать! Я столько лет прячу этот портрет, никому не показывал. Ведь я не смог добраться, чтоб её взять. *Елена Премудрая*! А ты, — говорит, — открыл дверь и увидел её. Чтоб ты собрался и ушёл куда глядят твои глаза! У меня в доме чтоб ты больше не жил!

И взял и прогнал его. Прогнал парня. Взял парень и ушёл. Идёт, значит, идёт дорогой, застигла его ночь, и взял лёг и спит. Лёг под дерево, отдыхает, спит. И подходит к нему парень:

— Куда идёшь, благословенный царь?

Говорит:

— Куда глядят мои глаза. Прогнал меня мой отец.

— *Давай* пойду с тобой. Один хорошо в пути, а двое лучше, *весел*ее.

Он:

— Давай!

Идут, идут по дороге.

Тут он:

— Иди, Пэтро, надо нам остановиться в... такой-то деревне, там живёт мой отец. Он сделает нам сабли и сделает нам *щит*ы.

Тут парень:

— *Ну давай*. Где-нибудь, — говорит, — *всё равно пригоди*тся нам. Чтоб не ходить нам с пустыми руками!

Берут и заходят в деревню эту. Зашли, значит, в деревню, берёт отец Маркуло и делает им сабли, делает им, делает им *щит*ы

[7] Вм. довольно известного слова *vynàto* ‘охота’.
[8] Вм. обычного *vàselo* ‘весёлый, весело’.

lèn-gə śìtuŕa lì-duj-źenèn-gə. Akanà kaj-źàn le dromè-sa, lèl aj puśèl-les o Màrkulo:

— Pàtro, no aj kàj kamès tù te-arəsàs?

Lèl aj ankalavèl anda brək o patrèto kodò, kə vò ľà-les pa vudàr.

— Dikhàh, — phen-gə, — àta kaťà raklì, — phen-gə. Kamàv te-arəsàv aj te-mangàv-la.

Kana vò phen-kə:

— Cynořò san, — phen-kə, — aj dətàt barì mangàs, phen-kə, te-lès. Kadalà źuvľà anda sà le ćemà avilè manùš te-mangàn-la aj zagadajìl lèn-gə kasavè žəlàniji… zagàtki, ta ćì-adgadajìl khònik. Aj pe sàko stỳlbo bešən le gaźèn-gə šərà.

Phèn-gə:

— Sò avèla, — phen-kə, — kodò i avèla. Mè fs'ò ravnò kamàv te-dikhàv-la.

Kaj-źàn le dromè-sa le raklè, źàn vòn ći bùt ći xancỳ, dèn ande khə gàv, dèn, śòn-pe ka khə rašàj te-dèl-le po jek gràst. Dikhàl o rašàj pe lèn-de:

— Katàr te-làv tumèn-gə kadalèn-dar gràst te-nigərən-tume tumèn? Pala tumèn-de màn-de gràs nàj-ma. Źàn p-o pàj aj źàn ka vaďanòj. O vaďanòj arakhàl tumèn-gə.

Kaj-źàn le dromè-sa, arəslè ka o vaďanòj, arəslè. Puśèl-le o xaz'àjino le pajès-ko:

— Sò aviľàn tumè màn-de? Sò mangən tumè màn-dar?

— Amèn traďà-ame o rašàj anda kutàri gav, phenďà, kə tù-te sỳ gràst pala amèn-de kaj nigərən-ame amèn.

Aj vò:

— Làdno, mè dàv-tume gràst. No te-adgadajìn myřỳ zagàtka, te-adgadajìn! Ćì-adgadajìna, ćì-dàv-tume gràst.

Kana o raklò:

— Zagadajisàr!

Lèl o barò le pajès-ko aj phenèl lèn-gə:

— Sỳ p-o svèto khə raklì, là-kə bàl sà anda sumnakàj le.

Te-phenèna vòn, kòn sy koďà raklì, te-źanèna là-ko anàv, dèl-le le grastèn, ćì-źanèna, ćì-dèl-le le grastèn.

Lèl aj phenèl o Màrko:

— Kaďà raklì sy ə Ilèna Krasàvica.

— Adgadajisarďàn,—phen-kə, — dàv-tume le grastèn. No sà te-kərən, sò phenèna le gràst! Le gràst nàj prastỳje, le gràst dèn dùma.

обоим. И вот, значит, идут по дороге, берёт и спрашивает его Маркуло:

— Пэтро, ну и куда хочешь ты дойти?

Берёт и достаёт из-за пазухи портрет этот, ведь он взял его с двери.

— Видишь,—говорит,—вот эта девица,—говорит.— Я хочу добраться и просить её.

Тут он, дескать:

— Ты маленький, — говорит, — а очень большую хочешь, — говорит, — взять. Эту женщину из всех стран приезжали люди просить, и *загад*ывает им такие *желания*... *загадки*, что не *отгада*ет никто. И на каждом столбе висят головы мужчин.

Говорит:

— Что будет, — говорит, — то и будет. Я *всё равно* хочу её увидеть.

Идут, значит, по дороге ребята, идут они ни много ни мало, входят в деревню, входят, заходят к попу, чтобы дал им по коню. Смотрит поп на них:

— Где возьму вам коней таких, чтобы отвезли вас? Для вас у меня коней нет. Идите по воде и идите к *водяному*. *Водяной* найдёт вам.

Идут, значит, по дороге, дошли до *водяного*, дошли. Спрашивает их *хозяин* воды:

— Чего пришли вы ко мне? Что хотите вы от меня?

— Нас послал поп из такой-то деревни, сказал, что у тебя есть кони для нас, которые отвезут нас.

А он:

— *Ладно*, я дам вам коней. Но чтоб вы *отгада*ли мою *загадку*, чтоб *отгад*али. Не *отгада*ете её, не дам вам коней.

Тут парень:

— *Загад*ывай!

Берёт повелитель воды и говорит им:

— Есть на *свете* девушка, её волосы все из золота.

Если скажут они, кто эта девушка, если будут знать её имя, даст им коней, не будут знать — не даст им коней.

Берёт и говорит Марко:

— Эта девушка — *Елена Красавица*.

— Ты *отгада*л, — говорит, — я дам вам коней. Но всё чтоб вы делали, что скажут кони! Кони не *простые*, кони говорят.

Aj vò:

— Làdno!

Linè kodolè dò grastèn aj źàn pès-kə dromè-sa. Kaj-źàn, źàn, dèl angla lèn-de vàš, kaj-dèl kodò vàš kanřə angla lèn-de, nàj sàr te-nakhàn dətàt. Le sàbiji ći-lèn and-o vàš. Sàr te-nakhàn? Lèl o gràst aj phenèl le Markulòs-kə:

— Màrkulo, śìn anda myřỳ grìva bàl aj śùde and-o vàš.

Ľà o raklò, śinďà o bàl anda lès-ki grìva, śuďà and-o vàš. Kàrdiľa dròm. Nakhlè. Akanà kaj-źàn, źàn le raklè, ći-gəlè vòn ći bùt, ći xancỳ, źàn vòn ək-bàrš p-o dròm. Arəsàn vòn ka khə xàr. Sàr te-vàzden-pe pa koďà xàr? Le gràst ći-anklèn. Kana o Màrkulo lèj aj phenèl le raklès-kə:

— Ašùn, Pàtro, mè phàndav ə dorì ka-j sàbija, śùdav-la oprà, aj tù jèkh kòlco la dor'à-ko te-phàndes pe tù-te. Mè cỳrdav aj vàzdav-tu, atùnći vàzdes-ma tù.

Ľà o raklò śuďà ə dorì pe sàbija aj śuďà-la pa-j sàlka oprà, vazľà-pe[9] *pe xàr. Lèl aj vàzdel le Markulòs o raklò.*

Vazľà-pe pe koďà xàr. Kana te-arəsàn ande ampərəcỳja ka-j raklì. Tiďà-pe ə lùmə̀a — phèrdo! — te-adgadajìn la rakľà-kə zagàtki. Kukò adgadajìl jèkh, kòn-to ći-adgadajìl ći-jèkh, aj lèl lèn-gə kořà telè, pe sàko stỳlbo bešàn šərə manušàn-gə. Arəslò o òćeredo źi lènde. Lèl o Màrkulo aj phenèl le raklès-kə:

— Ašùn, Pàtro, vòj phenèl tù-kə ə pèrvo zagàtka pa bòv, ftaràja zagàtka phenèl tù-kə pa pàj aj ə trìto zagàtka phenèl tù-kə pa pèste. Tù te-ašunès là-ko divàno aj te-phenès tòćno atvèto.

Kana o raklò:

— Làdno.

Zagadajisarďà lès-kə ə raklì le zagàtki kodolà. Ľà phenďà o raklò sà, sàr phenďà lès-kə o Màrko, aj lèl la rakľà. Kana te-avèntar khərə. Kaj-avèn le dromè-sa aj thodè-pe te-sovèn, thodè-pe tela-j sàlka. O raklò aj ə raklì sovèl, a Màrkulo ći-sovèl, bešəl. Aj ašunèl sar divinìn dùj ćirikľà:

— Mùndro kakalà dùj-źenè aj mỳndro sovèn. Aj tehàra də-dimin'àcy tràdel lès-ko dàd le źuklès ande lès-ko dròm. Kana vòn gladìna

А он:

— Ладно!

Взяли этих двух коней и едут своей дорогой. Едут, значит, едут, встаёт перед ними лес. Ну и выставляет этот лес колючки перед ними, никак им не пройти совсем. Сабли не врезаются в лес. Как им пройти? Берёт конь и говорит Маркуло:

— Маркуло, отрежь из моей *гривы* волос и кинь в лес.

Взял парень, отрезал волос из его *гривы*, кинул в лес. Явилась дорога. Прошли. Теперь, значит, идут, идут ребята, не прошли они ни много, ни мало, идут они год по дороге. Дошли они до холма. Как им подняться по этому холму? Кони не залезают. Тут Маркуло берёт и говорит парню:

— Слушай, Пэтро, я привяжу верёвку к сабле, кину её вверх, а ты один конец верёвки повяжи на себя. Я потяну и подниму тебя, потом ты меня поднимешь.

Взял парень накинул верёвку на саблю и кинул её с дерева вверх, поднялся на холм. Берёт и поднимает Маркуло парень.

Поднялся на тот холм. И тут им прибыть в царство к девушке. Собрался народ — полно́! — *отгад*ывать девушкины *загадки*. Один *отгада*ет одну, кто-то не *отгада*ет ни одной, и срубает их шеи, на каждом столбе стоят головы людей. Дошла очередь до них. Берёт Маркуло и говорит парню:

— Слушай, Пэтро, она скажет тебе *первую загадку* про печь, *вторую загадку* скажет тебе про воду, а третью *загадку* скажет тебе про себя. Тебе надо слушать её речь и сказать *точный ответ*.

Тут парень:

— Ладно.

*Загада*ла ему девушка *загадки* эти. Взял сказал парень всё, как сказал ему Марко, и берёт девушку. И тут им вернуться домой. Идут, значит, дорогой и устроились спать, легли под дерево. Парень и девушка спят, а Маркуло не спит, сидит. И слышит, как разговаривают две птицы:

— Красивы эти двое и красиво спят. А завтра с утра пошлёт его отец собаку [встречать] на его дорогу. Когда они по*гладят* со-

[9] Неожиданно вм. *vazďà-pe* ‘поднялся’.

le źuklès, i vòn p-o thàn merən. Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bàř źì ka-l ćangà.

Màrkulo ašunďà, ćì-phenèl lèn-gə khànći. Uśilè də-dimiǹàcə aj źàn pès-kə dromè-sa. Aj nùma dikhəl o raklò, našəl lès-ko źukəl angla lès-te. D'à-pe dròm o raklò ka źukəl te-gladìl le źuklès. O raklò kərdilo kə nakhəl aj ďà la sabijà-sa pa źukəl, mudarďà-les.

— Màrkulo, sò j kadò kaj kərďàn, mudarďàn myřə źuklès?! Kajtì bərš barảràv kadalè źuklès!

Vò:

— Kə mè nićàjno! Xoľàjľan pe màn-de?

Kana vò:

— Bàvo, ćì-xoľàjlem!

Źàn màj-anglè, pàle lèl-le ə r'àt, pàle thòn-pe te-sovèn, o Màrkulo užə ćì-maj-thòl-pe te-sovèl, bešəl. Pàle avèn kodolà dùj ćirikľà, pàle phenèn divàno:

— Mỳndro kakalà dùj-źenè aj mỳndro sovèn. Aj də-dimiǹàcy tràdel lès-ko dàd o fajitòno pala lèn-de. Kana vòn anklèn and-o fajitòno, p-o thàn kaďà i mərən lì-duj-źenè. Aj kòn ašùnla aj phenèla, marəl-les o bàř źì ka maškàr!

Uśilè pe də-dimiǹàcy, źàn pès-kə dromè-sa. Aj màj-dikhən: traďà o ampəràto angla lèn-de fajitòno. O Màrkulo śuťà-pe anglàl aj ďà and-əl gràst sàbija, mudarďà-le.

— Sò j kadò kaj kərďàn, Màrkule?! Sòstar śinďàn le grastèn? Muřò dàd traďà amèngə fajitòno kàs te-avàs màj-bỳstro.

— Aj xoľàjľan pe màn-de?

Aj vò:

— Xoľàjlem xancořỳ.

— Nò tù prastìs màn-gə vàrkə[10] *ćì?*

Kana vò:

— Prastìv. Bùt ćořymòs nakhľàn màn-ca, prastìv.

Źàn màj-anglè. Kaj-źàn, źàn, pàle ľà-le ə r'àt, thodè-pe te-sovèn. Pàle avèn-tar kodolà dùj ćirikľà, pàle phenèn divàno:

— Mỳndro kakalà dùj-źenè, aj mỳndro sovèn. Aj tehàra anklèl lèn-go dàd le stakajèn-ca angla lèn-de te fstrićajìl-le. Kana vòn pèna koďà mòl, p-o thàn kaďà i merən. Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bàř źi opràl pa šərò.

баку, и они на месте умрут. А кто услышит и скажет, разбей его камень до колен.

Маркуло услышал, не говорит им ничего. Встали с утра и идут свой дорогой. И только смотрит парень, бежит его собака навстречу ему. Кинулся парень к собаке, чтобы по*гла-дит*ь собаку. Парень притворился, что проходит, и ударил саблей по собаке, убил её.

— Маркуло, что такое ты сделал, убил мою собаку?! Столько лет ращу эту собаку!

Он:

— Я же *нечаянно*! Ты разозлился на меня?

Тут он:

— Да нет, не разозлился.

Идут дальше, опять застаёт их ночь, опять ложатся спать, Маркуло *уже* больше не ложится спать, сидит. Опять приходят две птицы, опять ведут разговор:

— Красивы эти двое и красиво спят. А завтра с утра пошлёт его отец *фаэтон* за ними. Когда они залезут в *фаэтон*, на месте так и умрут оба. А кто услышит и скажет, разбей его камень до пояса.

Встали на утро, идут своей дорогой. И вдруг видят: послал царь навстречу им *фаэтон*. Маркуло зашёл спереди и нанёс в лошадей [удар] саблей, убил их.

— Что такое ты сделал, Маркуло?! Почему ты зарезал лошадей? Мой отец послал нам *фаэтон*, чтобы мы приехали *быстр*ее.

— И ты разозлился на меня?

А он:

— Разозлился немножко.

— Ну ты *прости*шь меня или нет?

Тут он:

— *Прощ*у. Много беды ты прошёл со мной, *прощ*у.

Идут дальше. Идут, значит, идут, опять застигла их ночь, легли спать. Опять прилетают две птицы, опять ведут разговор:

— Красивы эти двое и красиво спят. А завтра выйдет его отец со *стакан*ами навстречу им *встреча*ть их. Когда они выпьют это вино, на месте так и умрут. А кто услышит и скажет, разбей его камень выше головы.

[10] Неожиданно вм. обычного *vòrkə* 'или'.

Kana kakalà vuśilè də-dimiṇ'àcə, arəsàl o raklò ande pès-ko gàv. Avèl-tar lès-ko dàd aj anèl o padnòso le stakajèn-ca te-fstrećajìl pès-ka bor'à aj pès-kə śavès. Aj śòl-pe o raklò aj dèl le dumè-sa aj peravèl o padnòso anda le ampəratòs-ko vàst.

Kana vò:

— Sò j kadò, Màrkule, kaj kərd'àn?! Prastisardèm tù-kə kə mudard'àn le źuklès, prastisardèm tù-kə kə mudard'àn le grastès, aj kadò ći-prastìv tù-kə!

Kana vò:

— Ašùn muřò divàno pèrvo! Aj atùnći rešajìs sà sò te-kərès màn-ca. Sərás ə pèrvo r'àt, kana mudardèm le źuklès? Phendè əl ćirikl'à kakò aj kakò divàno: aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bàř źi ka-l ćangà.

Vò nùma phend'à kod'à vòrba, aj bařujisàjlo źi ka-l ćangà. Cypìl o raklò:

— Màrkule, atərd'u! Nà-maj-phèn!

Kana vò:

— Nàj! Ə ftaràja r'àt: pàle tumè thod'àntume te-sovèn, mè bešlèm. Pàle avilè le ćirikl'à, pàle phendinè: kana anklèna də-diminṇ'àcy and-o fajitòno, kə merèn lì-duj-źenè. Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bàř źi and-o maškàr.

Kərdilo o raklò źi ka maškàr bařunò.

— Ə trìto r'àt: tumè pàle suť'àn, mè pàle bešlèm. Aj kakalà dùj stakàja, kaj and'à tumèn-gə ťo dàd, kadalà sàs tumarì màrť'a. Aj kòn ašùnla aj phenèla, te-marəl-les o bàř źi opràl pa šərò.

Aj kərdilo o raklò ə stàtuja bařujì. Rovèl o raklò, phařulò. Ći-źanèl sò te-kərəl, sàr te-spasajìl le raklès, sàr te źuvindìl-les, kə pala lèste, pala… te-spasajìl-les lès, vò bařujisàjlo.

Avèl aj phenèl lès-kə ə raklì:

— Ašùn! Źà ka de… ka khàm! Aj pùś katàr o khàm sàr te-vàzdes-les.

Lèl-pe o raklò, sò bešlò vò la rakl'à-sa, kurkò dùj, sò hodinisard'à, źàl-tar ka khàm. Kaj-źàl-tar ka khàm, źàl, źàl le dromè-sa, dèl angla lès-te khə gàv. Śuť'à-pe ande pekàrn'a, kàj pekàn o manřò, aj mangàl te-tinèl manřò.

Kana vòn:

— Kàj te-bitinàs tù-kə, amèn ći-arəsàlame sò pekàs!

Когда эти встали утром, прибывает парень в свою деревню. Приходит его отец и приносит *поднос* со *стакан*ами, чтобы *встреча*ть свою невестку и своего сына. И заходит парень и ударяет плечом и валит *поднос* из царевой руки.

Тут он:

— Что такое, Маркуло, ты сделал?! Я *прости*л тебе, что ты убил собаку, *прости*л тебе, что ты убил лошадь, а это не *прощ*у тебе!

Тут он:

— Слушай мой рассказ с*перв*а! И тогда *реш*ишь всё, что делать со мной. Помнишь *перв*ую ночь, когда я убил собаку? Вели птицы такой-то и такой-то разговор: а кто услышит и скажет, разбей его камень до колен.

Он только сказал это слово и окаменел до колен. Кричит парень:

— Маркуло, перестань! Больше не говори!

Тут он:

— Нет! *Вторая* ночь: опять вы легли спать, я сидел. Опять прилетели птицы, опять сказали: когда залезут утром в *фаэтон*, что умрут оба. А кто услышит и скажет, разбей его камень до пояса.

Сделался парень до пояса каменным.

— Третья ночь: вы опять спали, я опять сидел. И эти два *стакан*а, которые принёс вам твой отец, это была ваша смерть. А кто услышит и скажет, разбей его камень до над головой.

И стал парень каменной *статуей*. Плачет парень, разрыдался. Не знает, что делать, как *спас*ти парня, как оживить его, ведь за ним, за... чтобы *спас*ти его, он окаменел.

Приходит и говорит ему девушка:

— Слушай! Иди к бо... к солнцу! И спроси у солнца, как тебе поднять его.

Собирается парень, сколько он прожил с девушкой, неделю-две, сколько отдохнул, уходит к солнцу. Уходит, значит, к солнцу, идёт, идёт по дороге, встаёт перед ним деревня. Зашёл в *пекарню*, где пекут хлеб, и просит, чтобы купить хлеб.

Тут они:

— Куда нам продать тебе, нам самим не хватает того, что печём!

— Sàr te-nà-arəsàl-tume sò pekàn manřò?

— Amèn ći-arəsàl-ame te-xàs. Ći-bitinàs khànći, nùma xàs aj dàžə ći-xas sàvořə. Aj kàj źàs tù?

— Mè źàv ka khàm. Trubùl-ma te źuvindìv myřə drugòs.

— Manùš anda dràgo dèl, te-puśès pa amèn-de! Sòs-tar ďà-ame armajà kaďà o dèl ta ći-ćajľuvàs manřò?

— Làdno, puśàv.

Źàl-tar o raklò pès-kə dromè-sa. Maj-dèl angla lès-te khə gàv. Bešàn le masàrə̀. Lèl aj mangàl te-bitinèn lès-kə màs. Kaj-thoďà-pe te-śinèl o masàri màs. Kana vò:

— Aj sò ći-xalavès te vàs? — phen-kə, — kakalè vastèn-ca, — phen-kə, — phèrdo ràt, — phen-kə, — aj tù śinès màn-gə màs!

— Kə ći-xalàďol! — ći-lel-pe ràt pa lèskə vàst. — Aj kàj źàs tù, manùš anda dràgo dèl?

— Mè źàv ka khàm.

— Te-puśès pa amèn-de... i pa amèn-de! Sòs-tar ďà-ame armajà o dèl ta ći-lèl-pe ràt pa amarə̀ vàst?

— Làdno.

Kaj-źàl màj-anglè, aj dèl angla lès-te khə pàj barò. Vò dikhàl: sàr te-nakhàl vò kodò pàj? Lòtka nàj, khànći nàj. Aj dikhàl kə avèltar khə maśò. Bešàl lès-kə lòtka p-əl zəjà.

— Kàj teľarès?

Kana vò:

— Ka khàm źàv.

— Ap te-puśès i pa màn-de, sòs-tar də kajitì bàrš naśìv śùdav ə lòtka pa-l zəjà?

Kana vò:

— Ap ingàr-ma inťàl o pàj!

— Ingəràv-tu.

Anklistò o raklò ande lòtka, ingərďà-les inťàl o pàj. Kərďà vò sar kərďà, arəslò źì ka khàm. Kaj-arəslò, o khàm nàj khərə̀. Bešàl le khamès-ti dèj. Lèl le khamès-ti dèj, thòl lès-kə te-xàl, thòl lès-kə te-pèl, aj lèl aj puśèl-les[11]*, sàr te-źuvindìl pès-kə drugòs. Kana vòj:*

— Ašùn, mè ći-kəràv tù-kə khànći. Kadò kròme... te-puśès kata muřò śàv. Aj vò phenèl tù-kə.

— Как [может] не хватать вам сколько печёте хлеба?

— Нам самим не хватает, чтобы есть. Мы не продаём, только едим и *даже* не все едим. А куда идёшь ты?

— Я иду к солнцу. Надо мне оживить моего *друг*а.

— Благословенный человек, спроси про нас! Почему проклял нас так бог, что мы не наедаемся хлебом?

— *Ладно*, спрошу.

Уходит парень своей дорогой. Вдруг встаёт перед ним деревня. Сидят мясники. Берёт и просит продать ему мяса. Ну и принялся резать мясник мясо. Тут он:

— А что ты не моешь руки? — говорит, — этими руками, — говорит, — полными крови, — говорит, — а ты режешь мне мясо!

— Потому что не смывается! — не убирается кровь с его рук. — А куда идёшь ты, благословенный человек?

— Я иду к солнцу.

— Спроси про нас... и про нас! Почему проклял нас так бог, что не убирается кровь с наших рук?

— *Ладно*.

Идёт, значит, дальше, и встаёт перед ним река. Он смотрит: как перейти ему эту реку? *Лодки* нет, ничего нет. И видит, что приплывает рыба. Стоит у неё *лодка* на спине.

— Куда направляешься?

Тут он:

— К солнцу иду.

— Так спроси и про меня, почему я столько лет не могу скинуть *лодку* со спины?

Тут он:

— Перевези меня через реку!

— Перевезу тебя.

Забрался парень в *лодку*, перевезла его через реку. Сделал он как сделал, добрался до солнца. Добрался, значит; солнца нет дома. Сидит солнцева мать. Берёт солнцева мать, ставит ему есть, ставит ему пить, и берёт и спрашивает [он] её, как ему оживить своего *друга*. И тут она:

— Слушай, я ничего тебе не сделаю. Это *кроме*... спроси у моего сына. А он скажет тебе.

[11] Оговорка вм. *-la* ‘её’.

— Ap sò te-kəràv? Sàr te-puśàv-les?

— Tù garàďu, mè pèrvo thàv lès-kə pàj, thòl-pe pa mùj, źì-kaj hodinìl, atùnći puśès-les.

L'à o raklò, garàdilo. O khàm śòl-pe ande pès-ko khàr.

— Sò j kaćè, — phen-gə, — manùš źuvin-dò, — phen-gə, — khàndel màn-gə.

Aj vòj:

— Sò j tù-tar, myřò raklò? Tù-kə sykàďol. Kə aviľàn pa te nòvurà[12]*, pa te xar'à, pa te plajà. Òta thàv tù-kə pàj, thò-tu pa mùj!*

Thoďà lès-kə pàj, xalàdilo, laśàrdilo, thoď'à-pe te-hodinìl.

— Àjda ankalàv-les, — phen-kə, — kə źanàv kòn sy.

— Sò aviľàn, Pàtro, màn-de? Te-puśès sàr te-źuvindìs le Markulòs?

Òta vò phenďà kakò divàno, kakò divàno aj kàrdilo bàř.

— Ašùn, — phen-kə, — phenàv tù-kə! Avès khərà, tù-te raklořò sy-tu. Te-kamèsa te-źuvindìs te drugòs, te-śinès te raklořàs aj te-śoràs trìn kàpli ràt p-o bàř. Atùnći źuvindìl o Màrkulo.

Phen-kə:

— Aj kamàv te-puśàv, — phen-kə, — pa-l pèkarà, kaj naštì ćajľòn manřò. Sàr te-kərən vòn kaďà, kàs te-pekən aj te-bitinèn?

— Lèn-de sy-le mỳca and-o khàr. Aj vòn ći-jek-dàta ći-śudè là-kə kotorìcy manřò te-xàl i vòj. Aj vòj ďà-le armajà. Kana vòn pravarèna la mycà, atùnći i vòn ćajľòn i vòn manřò.

— Aj le masàrà kaj ći-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst?

— Aj le masàrà, — phen-kə, — də injà bàrš, — phen-kə, — naštì anèl ə rikojì riko-nořà, kə ći-dèn-la pàj te-pèl. Anda koďà, — phen-kə, — ći-lèl-pe o ràt pa lèn-gə vàst le pajè-sa. Kana vòn pravarèna la... dèna pàj la rikojořà aj avèna-la glatìcy, atùnći lèl-pe i o ràt pa lèn-gə vàst.

— Ap o maśò kaj anďà-ma?

— A maśò, tù pèrvo nàkh o pàj, aj atùnći phèn lès-kə: kana tasavèla manùš sar tù-te, atùnći śùdel ə lòtka pa-l zəjà.

— Так что мне делать? Как спросить его?

— Ты спрячься, я с*перв*а налью ему воды, умоется, пока отдохнёт, тогда спросишь его.

Взял парень, спрятался. Солнце заходит в свой дом.

— Что тут, — говорит, — живой человек, — говорит, — пахнет мне.

А она:

— Что с тобой, мой сын? Тебе мерещится. Ведь ты пришёл с твоих облаков, с твоих гор. Вот ставлю тебе воду, умойся!

Поставила ему воду, умылось, привело себя в порядок, легло отдыхать.

— Давай выводи его, — говорит, — ведь я знаю, кто он.

— Чего ты пришёл, Пэтро, ко мне? Спросить меня, как оживить Маркуло?

Вот он рассказал этот рассказ, этот рассказ и стал камнем.

— Слушай, — говорит, — я тебе скажу! Придёшь домой, у тебя сынишка есть. Если захочешь оживить своего *друг*а, зарежь сынишку и вылей три *капли* крови на камень. Тогда оживёт Маркуло.

Говорит:

— И хочу спросить, — говорит, — про *пекар*ей, которые не могут наесться хлебом. Как сделать им так, чтобы печь и продавать?

— У них есть кошка в доме. А они ни разу не кинули ей кусочек хлеба, чтобы поела и она. А она их прокляла. Когда они накормят кошку, тогда и они наедятся и они хлебом.

— А мясники, с чьих рук не сходит кровь?

— А мясники, — говорит, — девять лет, — говорит, не может родить сука щенков, потому что не дают ей воды попить. Поэтому, — говорит, — не смывается кровь с их рук водой. Когда они покормят... дадут воды сучке и будут у неё детки, тогда сойдёт и кровь с их рук.

— А рыба, которая привезла меня?

— А рыба, ты с*перв*а перейди через реку, и тогда скажи ей: когда утопит человека вроде тебя, тогда сбросит *лодку* со спины.

[12] Неожиданно вм. обычного *nùvərà* ‘облака’, вероятно, под влиянием другого неизвестного нам кэлдэрарского говора. Источник этой формы — рум. диал. молд. *nóur* ‘облако’, при лит. *nor* и диал. банат. *núvăr*.

Avilò-tar o raklò ka pàj, avilò-tar o maśò karìng lès-te:

— Màrkule, pušľàn pa màn-de?

Kana vò:

— Bystərdèm, — phen-gə, — kə sàs-ma avèr gỳnduŕà te-puśàv-les, — phen-kə, — aj pa tù-te bystərdèm!

— Aj kə mè aťardèm kaďà…

Ľà nakhaďà le raklès inťàl o pàj, nakhaďà-les. Anklistò o raklò màj-oprà pe sàlka, kaj sy màj-barì. Phen-kə:

— Ašùn: atùnći, — phen-kə, — śùdes ə lòtka pa te zəjà, kana tasavèsa khə manùš sar màn-de.

Aj vò:

— Nu tasadèm-tu.

Aj lèl pès-kə vòzduxo[13] *aj phùrdel ta vàzdel o pàj. Phurďà k-dàta, arəsľà le raklès-kə źì ka-l ćangà o pàj. Màj-phurďa jek-dàta, arəslò lès-kə źì ka maškàr, phurďà trìto dàta, arəsľà le raklès-kə pàj źì ka-l vùšt. Ćì-tasaďà-les.*

Akanà kaj-avèl le dromè-sa pàlpale[14]*. Śuťà-pe ka-l masàrà. Phèn-kə:*

— Atùnći xalavèn o ràt, — phen-kə, — pa tumarə vàst, kana dèna, — phen-kə, — ka-j rikojořỳ, — phen-kə, — pàj te-pèl kàs te-anèl, — phen-kə, — le rikonořən. Kə də injà bərš, — phen-kə, — naštì anèl le rikonořən.

Linè dinè ka-j rikojì pàj, piľà pàj, anďà kodolè rikonořən. Thodinè le vàst tela pàj, xaladè pès-kə vàst.

— Òj manùša, manùš baxtalò san! Tekərəl tù-kə o dèl mištò! — řudìn les-kə.

Źàl-tar anglè. Arəslò ka-l pèkarà:

— Pušľàn pa amèn-de?

Kana vò:

— Pušlèm,—phen-kə,—tumèn-de sy mỳca ande pekàrnà. Tumè vàrə-kàna pravarən-la?

Kukò phenèl:

— Mè ćì-źanàv.

Kukò:

— Mè ćì-źanàv.

— Ap dèn-ta-la, te-xàl i vòj!

Linè le pèkarà, phaglinè manřò aj dèn kaj źukľořỳ... ka-j mycùca. Xaľà ə mycùca manřò, thodinè o manřò pe skafedì. Anda jèkh manřò xalè sàvořə. Ćajlilè.

Пришёл парень к реке, подплыла рыба к нему:

— Маркуло, ты спросил обо мне?

Тут он:

— Забыл, — говорит, ведь были у меня другие мысли [что] его спросить, а о тебе забыл!

— А ведь я поняла так...

Взяла переправила парня через реку, переправила его. Залез парень выше на дерево, которое самое высокое. Говорит:

— Слушай: тогда, — говорит, сбросишь *лодку* со своей спины, когда потопишь человека вроде меня.

А она:

— Ну [считай] я тебя потопила.

И набирает себе *воздуха* и дует [так, что] аж поднимает воду. Дунула раз — прибыло парню до колен, вода. Ещё дунула раз — дошла до пояса, дунула третий раз — прибыло парню воды до губ. Не утопила его.

И вот, значит, идёт по дороге назад. Зашёл к мясникам. Говорит:

— Тогда смоете кровь, — говорит, — со своих рук, когда дадите, — говорит, — сучке, — говорит, — воды попить, чтобы родила, — говорит, — щенят. Ведь уже девять лет, — говорит, — не может родить щенят.

Взяли дали суке воды, выпила воды, родила этих щенят. Подставили руки под воду, отмыли свои руки.

— Ой человече, ты человек, несущий удачу! Сделай тебе бог хорошо! — желают ему.

Уходит дальше. Прибыл к *пекар*ям:

— Ты спросил о нас?

Тут он:

— Спросил,—говорит,—у вас есть кошка в *пекарне*. Вы её когда-нибудь кормите?

Один говорит:

— Я не знаю.

Другой:

— Я не знаю.

— Так дайте же ей, чтоб поела и она.

Взяли *пекар*и, преломили хлеб и дают сучке... кошечке. Поела кошечка хлеба, положили хлеб на стол. Из одного хлеба поели все. Наелись.

[13] Имеется редкое слово *hàburo* ‘воздух’, а также ‘пар’, но оно почти не употребляется.

[14] Неожиданно вм. обычного *pàrpale*. Форма *pàlpale* свойственна немолдовая (в т. ч. ёнешти).

— Òj manùš, àle tù-kə kakò manřò barò! Lè iv'à, amèn ći-trubùl-ame khànći.

Užà kana te-avèl khərà... Mè bystərdèm te-phenàv pa le raklořà, dùj-źenè, kaj cỳrden o plapòno[15] *pe pès-te, aj ći-arəsàn. Aj lèl aj puśèl:*

— Pušľàn pa amèn-de, sòs-tar naštì vuśaravàs-ame le plaponò-sa?

Kana vò:

— Kadò plapòno, — phen-kə, — pa mulò lo! Śùden-les. Anda koď à i ći-arəsàl-tumè tevuśaravèn-tume lì-duj-źenè.

Linè kodolà raklořà, śudè o plapòno. Akanà kaj-avèl le dromè-sa o raklò, źàl, źàl o raklò, dèl ande lès-ko dròm khə manùš. Kajdèl ande lès-ko dròm:

— Kàj źàs tù akanà?

Kana vò:

— Khərà źàv.

— Àjda màn-ca ande kutàri gàv, aj atùnći źàs khərà. Kə pa kakò dròm mè ći-mekàv-tu te-nakhàs

Kana:

— Hàjda.

Kaj-śuť à-pe oćè, and-o gàv kodò. Aj dikhàl: sò dilabàn le rakľà, ćè gòlosurà, ćè mùndro dilabàn pe... instrumènturà!

— Anda sòs-te tumè laśarď àn kadalà àrfy ta dilabàn tumè pe lèn-de?

Phen-kə:

— Anda-l pořà le manušàn-gə.

Kamèn te-mudaràn le raklès te-laśaràn strùni anda lès-kə pořà. Lèl o raklò, śinèl le ampəratòs, śinèl. Mudarď à le ampəratòs, mudarď à, aj mudaràl la rakľà kaj dilabàl màj-mùndro savořàn-dar. Kaj-mudarď à la rakľà kodolà aj mudarď à le ampəratòs, aj kàrď on, o gàv sà, kàrď on manùš ćaćunè.

— Òj manùša, mištò kə śuť àn-tu ande amarò gàv, ta spasajisarď àn-ame katàr kadò ampəràto. Də kajitì bàrš drabarď à savořàngə ta ći-maj-žyvìlas ə lùmà ćaćunès. Aj pitajìlas-pe nùma manušykanè masà-sa.

Lèn řudìn lès-kə aj źàl o raklò pès-kə dromè-sa. Vò akanà màj-sỳ-les te-arəsàl xancỳ khərà aj gyndìl-pe: «Me kodolà glatà ći-dikhlèm-la ande myřà jakhà dətàt. Làv aj mudaràv-les aj źuvindìv le Markulòs». Sàr

— Ой человек, на́ тебе этот хлеб большой! Бери бесплатно, нам ничего не надо.

Уже когда чтобы пришёл домой... Я забыла сказать о мальчиках, двоих, что тянут одеяло на себя и не достают. И берёт и спрашивает:

— Ты спросил о нас, почему не может укрыться одеялом?

Тут он:

— Это одеяло, — говорит, — с мертвеца. Выбросьте его. Поэтому и не хватает вам, чтобы укрыться обоим.

Взяли эти мальчики, выбросили одеяло. И вот, значит, идёт по дороге парень, идёт, идёт парень, встаёт на его пути человек. Встаёт, значит, на его пути:

— Куда идёшь теперь?

Тут он:

— Домой иду.

— Давай со мной в такую-то деревню, а потом пойдёшь домой. Потому что по этой дороге я не дам тебе пройти.

Тут:

— Давай.

Зашёл, значит, туда, в деревню ту. И видит: ка́к поют девушки, какие *голос*а, как красиво играют на... *инструмент*ах!

— Из чего вы сделали эти *арфы* так, что играете на их?

Говорят:

— Из кишок людей.

Хотят убить парня, чтобы сделать *струн*ы из его кишок. Берёт парень, зарезает царя, зарезает. Убил царя, убил, и убивает девушку, что поёт красивее всех. Убил, значит, девушку ту и убил царя, и превращаются, деревня вся, превращаются в людей настоящих.

— Ой человече, хорошо, что ты зашёл в нашу деревню, так что *спас* нас от этого царя. Столько лет ворожил всем, так что больше не *жил* народ по-настоящему. А *пита*лся только человеческим мясом.

Берут благожелают ему, и идёт парень своей дорогой. Он теперь, ещё есть у него чтобы дойти мало домой, и размышляет: «Я этого ребёнка не видел своими глазами совсем. Возьму и убью его и оживлю Марку-

[15] У молодовая обычно *paplòno*. Это, возможно, иноговорная форма.

gyndìl-pe: te-mudaràla-les, meràl lès-ki gaźì. Aj ćì-źanèl sò te-kəràl. Źàl p-o dròm aj rovèl. Avèl khərà te-mudaràl pès-kə śavès. Lèl ə raklì aj dikhàl pa-j feľàstra aj tràdel le raklořàs:

— Źà, kə avèl ťo dàd.

Raklořò kaj-našàl ande lès-ko dròm aj dèl le mò-sa and-o bàř, phařavèl o mùj, aj peťàl o ràt p-o bàř. Aj źuvindìl o Màrkulo. Vò dikhàl pe lès-te:

— Nò Pàtro, — phen-kə, — sò, avèsas te-śinès te raklořàs? Aj sàs-kə-śinès-les?

Kana vò:

— Sàs-kə-śinàv, — phen-kə, — no o dèl kərďà kaďà — phen-gə, — te-aśèl aj o raklořò źuvindò, — phen-kə, — haj mè. Anda koďà sà ti žỳzn̓a aj sà ťo tràjo sòde avèsa, sòde trajìsa, te-paćitujìs o anàv le devlès-ko!

Kaďà i trajìn źi adès.

ло». Как размышляет: если убьёт его, умрёт его жена. И не знает, что делать. Идёт по дороге и плачет. Приходит домой, чтобы убить своего сына. Берёт девушка и видит из окна и посылает мальчика:

— Иди, ибо идёт твой отец.

Мальчик и бежит ему навстречу и ударяется лицом об камень, разбивает лицо, и капает кровь на камень. И оживает Маркуло. Он смотрит на него:

— Ну, Пэтро, — говорит, — что, ты шёл зарезать своего сыночка? И ты б его зарезал?

Тут он:

— Зарезал бы, — говорит, — *но* бог сделал так, — говорит, — чтоб остался и мальчик жив, — говорит, — и я. Поэтому всю свою *жизнь* и всю жизнь, сколько будешь, сколько проживёшь, *почит*ай имя господне!

Так и живут до сегодня.

9. Анекдот (об охотниках и цыгане)

Записан в 2011 г. в пгт. Плеханово Тульской обл. от Мурши ле Ёноско (~ 1975 г. р., дукони). В этом тексте, в целом разговорном, тем не менее выражены элементы сказочного стиля (в т. ч. временны́е подсистемы, см. 4.2.6.4.4.3). [Кож.]

Źàl... dùj axòtnikuŕa aj řòm źàn pe axòta. Kaj-źàn, aj khərà nàs-le sò te-lèn pèh-kə te-xàn, lèn pèh-kə jek khajnì, cynořỳ. Kaj-źàn vòn pe axòta, phirdè vòn sòřo des, bokhàjle. Thodè-pe te-xàn. Nu sò. Jèkh... kodò... khaj-nȯřỳ koďà kaj sỳ-le cynořỳ. Ćì-ćajľòn là-tar, ćì khànći. Aj lèn aj phenèn:

— Davàj, — phen-kə, — kòn màj-mùndro sunò dikhàla, kodò xàl kaďà khajnì.

— Nu davàj.

Thodè-pe te-sovèn. Jèkh axòtniko dikhàl, ande lìndri dikhàl, kə bešàl le carȯ̀-sa, xàl, pèl, skafedì barì angla lès-te. Khajn̓à, manřò koćè, pimòs, xamòs, pèl, xàl.

Ftaròj axòtniko dikhàl kə... sàr buśòl... kə le devlè-sa pala-j skafedì, xàl, pèl, gulijìl koćè, ràzny xabenàta pe skafedì, dèlur̓a.

Aj o řomořò, o řòm, ćì-lèl-les ə lìndri, aj ambòlďol pe kuťà rìg, pe kuťà rìg, ćì-lèl-les ə lìndri, kə bokhalò lo.

(неразб.) *ràs aj uštilè. Kaj-uštilè, nùma phenèn pèh-kə sunè, kòn ćè sunò dikhl̓à. Lèl aj phenèl jèkh axòtniko, phenèl kə bešàlas ka*

Идёт... два *охотник*а и цыган идут на *охоту*. Идут, значит, а дома не было у них что взять себе поесть, берут себе курицу, маленькую. Идут, значит, они на *охоту*, шли весь день, проголодались. Устроились есть. *Ну* что. Одну... это... курочку ту, что есть у них маленькую. Не наедятся ею, ничего. И берут и говорят:

— *Давай*, — мол, — кто более красивый сон увидит, тот съест эту курицу.

— *Ну давай*.

Улеглись спать. Один *охотник* видит, во сне видит, что сидит с *цар*ём, ест, пьёт, стол большой перед ним. Куры, хлеб там, питьё, еда, пьёт, ест.

Второй охотник видит, что... как называется... что с богом за столом, ест, пьёт, *гуля*ет там, *разны*е блюда на столе, всё такое.

А цыганок, цыган, не берёт его сон, и ворочается на один бок, на другой бок, не берёт его сон, ведь голодный он.

(неразб.) *раз* и встали. Встали, значит, давай рассказывать свои сны, кто какой сон видел. Берёт и рассказывает один охотник,

càrȯ, xàlas, pèlas. Ftaròj phenèl, kə le devlèsa xàlas, pèlas. Aj lèn aj puśèn kata řòm:

— Řòma, sò dikhl'àn tù and-o sunò?

Aj vò phenèl:

— Lèm te-thàv-ma te-sovàv, ćì-lèl-ma ə lìndri. Thodèm-ma khə kapl'ùca, l'à-ma ə lìndri. Dikhàv kə tumè xàn: kòn xàl ka càrȯ, kòn ka dèl. Lèm xalèm mè kaťà khajnì, i fs'ò.

рассказывает, что сидел у *цар*я ел, пил. *Второй* говорит, что с богом ел, пил. И берут и спрашивают у цыгана:

— Цыган, что видел ты во сне?

А он говорит:

— Начал я устраиваться спать, не идёт сон. Улёгся *капель*ку, уснул. Вижу, что вы едите: кто ест у *цар*я, кто у бога. Взял и съел я эту курицу, *и всё*.

10. Детская страшилка (о чёрте и конце света)

Записана в 2011 г. в пгт. Плеханово от девочки-школьницы (~ 2000 г. р., дукони). Рассказчица-ребёнок не владеет в полной мере сложной кэлдэрарской временно́й системой, путает времена и образует гибриды инфектных и перфектных форм. Она менее строго, чем взрослые, употребляет артикли (пропускает), а также допускает ошибки в именных формах. [Кож.]

Ək-dàta sàmas amè and-o làgerȯ. Amènde sàh-ame škòla, cygànsko škòla. Sàmas and-o làgerȯ. Aj amèn nigərən-ame and-o vàš. Amèn nigərən-ame and-o vəš. Aj linè... gaźà... amèn, aj thodè-ame amèn te-bešàs and-o vàš, te-khəlàs amèn-gə and-o vàš, te-maj-làs vòzduxo.

Однажды были мы в *лагер*е. У нас была *школа*, *цыганск*ая *школа*. Мы были в *лагер*е. И нас ведут в лес. Ведут нас в лес. И взяли... тёти... нас и поставили нас, чтобы мы были в лесу, играли в лесу, набирались *воздух*а.

Aj dikhl'àm bèng. Vò... koćè... Koćè nàjdùr le gròburȧ. Nàj-dùr koćè le gròburȧ. Aj kodolà linè, aj dikhàs: anklèn. Aj raklořò, sỳle źukàl and-o vàs, vò sà and-o parnimòs. Aj phirəl aj bilàl aj anklèl aj bilàl aj anklèl.

И мы видели чёрта. Он... там... Там недалеко *гроб*ы [кладбище]. Недалеко там *гроб*ы. И эти взяли, и смотрим: являются. А мальчик, у него собака в руке, он весь в белом. И идёт и исчезает и появляется, и исчезает и появляется.

Aviľàm khərà, phenàs amarà dejàn-gə, amarà dadèn-gə. Amarà dejà, amarà dadè[16] *mulè darà-tar, nigərd'è-ame ande khangər'à, svyncəsadè*[17]*-ame. Svyncəsadè-ame, mulè darà-tar. Cypìn pe-l gaźà, cypìn pe-l gaźà: Sòstar tumè kərànas kad'a, sòs-tar meklènas*[18] *le glatèn? Aj le glàti phenènas... ə gaźà*[19] *phenènas: Amè ćì-źanàsas ama* (?) *nigərdè-ame vòn... Užà gaźà... mulè vòn le gaźà užà darà-tar mulè. Mudardè-le amarà dadà. Mudardèle amarà dadà. Aj gəlè-tar kodolà gaźè koćè kàj gəl'àmas amè and-o làgerȯ aj màj-daravèn-ame vòn ək-dàta, màj-ək-dàta daravèn-*

Мы пришли домой, говорим нашим матерям, нашим отцам. Наши матери, наши отцы испугались до смерти, повели нас в церкви, освятили нас. Освятили нас, испугались до смерти. Кричат на тёть, кричат на тёть: «Почему вы делали так, почему оставили детей?» А дети говорили... тёти говорили: «Мы не знали [...?] нас привели они...» Уже тёти... умерли они, тёти, уже от страха, умерли. Убили их наши отцы. Убили их наши отцы. И ушли эти люди туда, куда ходили мы в *лагер*е, и ещё пугают нас они раз, ещё раз пугают нас эти наши *учительницы*,

[16] Оговорка вм. *dadà* ‘отцы’.

[17] Упрощение вм. *svyncosardè*.

[18] Морфологический гибрид имперфекта *mekànas* ‘вы оставляли’ и плюсквамперфекта *mekl'ànas* ‘вы оставили [тогда]’. Вероятно, ошибка возникла благодаря выбору неправильного времени в предыдущем глаголе: *kərànas* (имперфект) вместо *kərd'ànas* (плюсквамперфект) в значении ‘вы сделали [тогда]’.

[19] Неверный артикль (или фонетический вариант) вм. *əl* или *le gaźà*.

ame kolà amarə vućìtilnicy, daravèn-ame. Muľàm darà-tar. Aj mulì jèkh śovořỳ. Vòj buśòlas Anfìsa. Darà-tar mulì. Vòj izdranì sas, izdranì sas aj mulì darà-tar. Kaďà i mulì.

Arəslì užà vòj, daravèlas-ame. Aj polokhořàs, po-lokhořàs kaďà i muľàm sàvořə darà-tar, kə sàvořə kòn meràlas[20] *sà daravelàs əkh-ravàs*[21] *aj cỳrdelas savořàn pala pèste. Aj sò kərànas amarə dadà? Řỳso kərànas dèlurả. Mudarànas kàs kòn*[22] *mudarďà-ame, kodolèn-gə dadà, kodolèn-gə dejà*[23]*. Manàs khònik p-o svèto. Nu karòći kadò sar... sar sy kanèc svèta. Naprimèr, sar aźukərən-le sàvořə akanà o dvinàcəto kaj trubùl te-avèl.*

Nù. Kodò i sàs-ame amèn-de, dvè tỳśi divàtəj gòt àta bỳl. Vòt. I vòt śàs mỳ žďòm dvinàcəť i mỳ dùmaəm što àta tàk y bùdit. I iśò ja ni rəskazàlə da kancà. Patòm užà... fs'ò àta prajižašlò, patòm mỳ fsè užà apàť, mỳ užà fsèx, drùg drùga užà ninavìdili. [К.: *Řomanès.*]

Amè sàvořə, kalè sas amèn-gə sàvořə, aj amè ći-navidìsas drùg drùga. Aj phenàsas amè: and-o koćè p-o tràjo o źuvindò[24]*. Màjaviľàsas dùj řomn'à. Vòj buśòlas... jèkh řomnì buśòlas Marìna. Aj jèkh řomnì, nò vòj phurì sas, phenàv tumèn-gə sodè bəršàn-gi: trìsta dvinàcəť lèt là-kə bỳla. Vòt. Aj vòj ľàsas aj laśarďàsas savořàn-gə gròburả, laśarďàsas. Vòj sà vòj kərďà kadò, laśarďà savořàn-gə gròburả. Aj là-kə ròstviniki... là-kə n'àmurả linèsas aj phenènas là-kə: sòs-tar vòj... vòj aśilì jek-źenì, aj cyrdè-la. Aśili vapśè jek-źenì, ə Marìna, ə řomnì, aśilì. No kodolà-kə màlo bàrš sas là-kə, oxtòvar-deš-thaj-šòv. Aj koďà řomnì vazďà sà o fòro, laśarďà làvći vòj. Aj kərdi... Vòj sàs řomnì aj kàrdili gaźi. Sòs-tar? Kə vòj laśarďà làvći, naćinìlas te-phiràl ande řomanè... ande gaźikanè càľa, ći-màj thòlas pòša. Aj laśarďà vòj sà sà sà, laśarďa ta buśòlas o... O fòro buśòlas Tùla. Laśarďà vòj làvći, laśarďà zavòdurả, laśarďà vòj, nù sàko f'àlo laśarďà vòj anda sà. Vòt kasav'à-tar strašỳlka bỳla u nàs.*

пугают нас. Мы умерли от страха. И умерла одна девочка. Её звали Анфиса. От страха умерла. Она трусливая была, трусливая была и умерла от страха. Так и умерла.

Прибыла уже она, пугала нас. И потихоньку, потихоньку так и умерли мы все от страха, потому что все, кто умирал, всё пугал друг друга и тянул всех за собой. И что делали наши отцы? Страшно [много] делали вещей. Убивали кого, кто убил нас, их отцы, их матери. Больше не было никого на *свете*. *Ну короче* это как... как *конец света*. *Например*, как его ждут все сейчас *двенадцат*ый, который должен наступить.

Ну. Это и было у нас, *две тысячи девятый год это был. Вот. И вот сейчас мы ждём двенадцать и думаем, что это так и будет. И ещё я не рассказала до конца. Потом уже... всё это произошло, потом мы все уже опять, мы уже всех, друг друга уже ненавидели.* [К.: По-цыгански.]

Мы все, гадки были нам все, и мы ненавид*е*ли *друг друга*. И говорили мы: «в там на жизнь живую». Ещё пришло две цыганки. Её звали... одну цыганку звали Марина. А одну цыганку, но она старая была, я скажу вам, сколько лет: *триста двенадцать лет* ей *было*. *Вот*. И она взяла и сделала всем *гроб*ы, сделала. Она всё она сделала это, сделала всем *гроб*ы. А её *родственники*... Её родственники взяли и говорили ей: почему она... она осталась одна, и потащили её. Осталась *вообще* одна, Марина, цыганка, осталась. *Но* этой *мало* лет было ей, восемьдесят шесть. И эта цыганка подняла весь город, устроила магазины она. И сдел... Она была цыганкой и сделалась русской. Почему? Потому что она устроила магазины, *нач*ала ходить в цыганских... в русских одёжах, больше не надевала платок. И устроила она всё-всё-всё, устроила, что назывался... Город назывался Тула. Устроила она магазины, устроила *завод*ы, устроила она, *ну* разное устроила она из всех [видов]. *Вот* такая *страшилка была у нас*.

[20] Ожидалось бы *sàvořə kaj meràlas* букв. 'все, которые умирали' (вероятно, влияние русского).
[21] Метатеза вм. *jekh-avràs* 'друг друга'.
[22] Очевидно, вм. *kodolèn kaj* 'тех, что'.
[23] Прямые формы *dadà* и *dejà* вм. ожидаемых косвенных *dadèn* 'отцов', *dejàn* 'матерей'.
[24] Нам непонятно.

11. Письменный пересказ (сказка «Гуси-лебеди»)

С русского языка вольно перевёл Сульмано ле Митягаско (С. В. Янополь); оригинал — русская народная сказка «Гуси-лебеди»; опубликовано в [СЦЯ][25]. Текст приводится в орфографии издания, основанной на русской кириллице, по образцу словаря [ДД], но с небольшими новшествами, в т. ч.: (1) замена буквы ⟨ш⟩ на ⟨щ⟩ для обозначения /*ś*/, но сохранение ⟨ж⟩ для звонкого /*ź*/ (ср. ⟨ша⟩ /*ša*/, ⟨ща⟩~⟨ща⟩ /*śa*/, но ⟨жа⟩ /*ža*/, ⟨жя⟩ /*źa*/), (2) замена буквы ⟨ғ⟩ на нуль или ⟨рр⟩, что отражает соответственно падение фонемы /*h*/ и слияние её с /*ř*/ [ʁ] (см. 1.3.5.2).

Жюнгале чирикля[26]

Сас кхэ рром ай кхэ рромни. Сас ленде дуй глати — щяворро ай щёворры.

— Мырры ще, — пхенел лаки дей, — аме жяс-тар кай бути андо форо, ай ту дикх ката кхэр, дикх ката тё пхрал, те на хасавол! Ай аме тинаса[27] *тукэ дикхлорро.*

Гэле-тар лаки дей, лако дад кай бути, ай вой быстэрдя, со пхенде лакэ. Тходя пехкэ пхралоррэс пе чяр ай гэли-тар те кхэлел пескэ. Анда вэш дине пе дром ле жюнгале чирикля пе лесте, тходе лес пе пхака ай вуряйле.

Авили-тар э щёворры кхэрэ, дикхэл, кэ лако пхралорро манай коче. Родел лес, цыпил, манай зор анде лате — чи аракхэл лес. Дел-пе гындо ка пески дей, ка песко дад, атярэл вой, кэ цыпин пе лате, марэн ла.

Дя пе дром, пе кымпо ай дикхэл, сар вурян ле жюнгале чирикля, ай дя по гор, кэ вон лине лес. Пал[28] *кадала чирикля дэмут ваздинисайле ворби, кэ чёрэн ле глатен.*

Дя пе дром те прастел, те астарэл ле. Нашли соде нашли, дикхэл — бешэл бов барруно, э плита[29]*.*

— Боворро-боворро, пхен-та мангэ, каринг вуряйле ле жюнгале чирикля?

Лел о бов ай пхенел лакэ:

— Ха-та мандар пирашкуца, пхенав тукэ!

Страшные птицы

Был цыган и цыганка. Было у них двое детей — мальчик и девочка.

— Дочь моя, — говорит её мать, — мы уходим на работу в город, а ты смотри за домом, смотри за своим братом, чтоб не потерялся! А мы купим тебе платочек.

Ушли её мать, её отец на работу, а она забыла, что сказали ей. Положила своего братика на траву и ушла играть. Из лесу бросились страшные птицы на него, положили его на крылья и полетели.

Пришла девочка домой, видит, что её братика больше нет там. Ищет его, кричит, больше нет силы в ней — не находит его. Вспоминает о своей матери, о своём отце, понимает она, что [они] кричат на неё, бьют её.

Бросилась на поле и видит, как летят страшные птицы, и догадалась, что они забрали его. Об этих птицах давно поднялись слухи, что [они] крадут детей.

Бросилась бежать, ловить их. Бежала сколько бежала, смотрит — стоит печь каменная, печь.

— Печка-печка, скажи-ка мне, куда полетели страшные птицы?

Берёт печь и говорит ей:

— Съешь от меня пирожочек, скажу тебе!

---

[25] Помимо [СЦЯ], на «русском» кэлдэрарском имеется по крайней мере одно литературное (нефольклорное) издание — на говоре петрэшти (перевод мемуаров с русского) — [Demeter-Čarskaya 1998]. Более многочисленны попытки перевода на кэлдэрарский детской литературы (в т. ч. в Швеции).

[26] Обозначение *źungalì ćiriklì* (букв. ʻнекрасивая, страшная птицаʼ) относится к птицам, которые, согласно поверьям, приносят несчастье (кукушка, ворона).

[27] Иноговорная форма будущего времени на *-a* вместо *tinàs* ʻкупимʼ — видимо, результат внешнего вмешательства в текст перевода.

[28] Здесь (перед указательным местоимением) определённый артикль необычен (ожидается *pa kadalà*).

[29] В порядке олитературивания языка для передачи значения ʻпечьʼ выбрано слово *bòv* (которое сейчас обычно значит ʻбуржуйкаʼ и редко ʻпечьʼ), причём оно поясняется более привычным в этом значении словом *plìta* ʻпечьʼ (но и ʻ[кухонная] плитаʼ).

— Ай сар! Тхав-ма акана те хав тутар пирашка! Аменде кхэрэ боколя чи хан!

О бов лакэ кханчи чи пхендя.

Нашли соде нашли, дикхэл — бешэл салка-пхабелин.

— Пхабелин-пхабелин, чи дикхлян, кай вуряйле ле жюнгале чирикля?

Лел э салка ай пхенел:

— Ха-та мандар екх пхабай, ай ме пхенав тукэ.

— Ай сар! Тхав-ма акана те хав тутар пхабай, аменде кхэрэ амброл чи хан.

Э пхабелин лакэ кханчи чи пхендя.

Нашли соде нашли, дикхэл — бешэл тхудеско пай, гугло леско плай[30].

— Тхудеско пай, гугло тиро плай, чи дикхлян, кай вуряйле ле жюнгале чирикля?

— Пи-та мандар тхудорро, зумав-та мандар гугло плаёрро, ай пхенав тукэ.

— Аменде кхэрэ тирал чи хан.

Нашэл па кымпо андо вэш. Пашули э рят. «Со те май кэрав? — гындил пе э щёворры. — Кай те май жяв, кай те май родав лес? Жяв-тар мангэ кхэрэ».

Жял-жял ай дикхэл, кэ бешэл кхэр пе ла кхайнякэ пынррэ. Ай анде кодо кхэр бешэл э пхурёрры, астарэл. Дикхэл э раклёрры, кэ по скаминицы бешэл лако пхрал, кхэлел пескэ ле пхаборрэнца, ай ле пхаба рупуне ле.

Щютя-пе э щоворры андо кхэр ай пхенел:

— Те авес бахтали, бабо!

— Те авес бахтали и ту, щеё. Соскэ авилян манде?

— Ме пхирдем андо вэш, дем андо пай ай тиндилем, авилем-тар туте те татёв, те шутёв.

— Беш паша манде, астар-та манца катка.

Ля э пхурёрры ай дя ла те астарэл ай коркорро гэли-тар. Бешэл э щёворры астарэл, пашуло паша лате о ррырцуцо ай пхенел лакэ:

— Пхеюцэ, де-та ман те хав, ай ме варэ-со пхенав тукэ!

— Как же! Стану сейчас есть от тебя пирожок! У нас дома лепёшек не едят!

Печь ей ничего не сказала.

Бежала сколько бежала, смотрит — стоит дерево-яблоня.

— Яблоня-яблоня, ты не видела, куда полетели страшные птицы?

Берёт дерево и говорит:

— Съешь-ка от меня яблоко, и я скажу тебе.

— Как же! Стану сейчас есть от тебя яблоко, у нас дома груш не едят!

Яблоня ей ничего не сказала.

Бежала сколько бежала, смотрит — стоит молочная река, сладок её берег.

— Молочная река, сладок твой берег, ты не видела, куда полетели страшные птицы?

— Выпей-ка от меня молочка, попробуй-ка от меня сладкий бережок, и скажу тебе.

— У нас дома творог не едят.

Бежит по полю в лес. Приблизилась ночь. «Что же мне делать? — думает девочка. — Куда же пойти, где же ещё его искать? Пойду я себе домой».

Идёт-идёт и видит, что стоит дом на курьих ногах. А в том доме сидит старушка, шьёт. Видит девочка, что на лавочке сидит её брат, играет с яблочками, а яблочки серебряные.

Зашла девочка в дом и говорит:

— Будь счастлива, бабушка!

— Будь счастлива и ты, дочка. Зачем пришла ко мне?

— Я шла по лесу, попала в реку и промокла, пришла к тебе погреться, обсохнуть.

— Садись рядом со мной, пошей со мной тут.

Взяла старушка и дала ей пошить, сама ушла. Сидит девочка шьёт, подошла к ней мышка и говорит ей:

— Сестричка, дай-ка мне поесть, а я кое-что скажу тебе!

[30] Рифмующееся слово *plàj* ‘гора’ (*pàj–plàj*) употреблено в несвойственном ему значении ‘берег’ (ср. *màlo* ‘берег’).

Ля э щоворры ай дя лес те хал, лел о ррырцуцо ай пхенел:

— Кадя пхурёрры най лащи, вой гэли те кэрэл яг андо бов, те татярэл о кхэр каcте халавел ту, те лащарэл ту ай те хал ту!

Э щёворры ашундя, дарайли, бешэл чи мули чи жювинди, ровел.

Лел о ррырцуцо ай пхенел лакэ:

— На ажюкэр, ле те пхралес ай наш! Ай ту жи кай нашэс, ме астарав пала туте.

Ля пескэ пхралес ай дя пе дром те нашэл, ай э пхурёрры цыпил па[31] *фелястра:*

— Щеё, коче сан? Астарэс?

Лел о ррырцуцо ай пхенел:

— Каче сым, бабо, астарав.

Э пхурёрры татярдя о кхэр, ай гэли-тар пала щёворры. Ай андо кхэр кхоник манай. Дя пе те цыпил:

— Чирикля, вой чёрдя пескэ пхралес ай гэли-тар. Те астарэн ла мангэ.

Э щёворры нашэл соде нашэл, пашули паша тхудеско пай, гугло леско плай, дикхэл — андо чери вурян ле жюнгале чирикля, лел ай пхенел ле паескэ:

— Тхудеско пай, гугло тиро плай, гарав амен!

— Пи мандар тхудорро, ай гарав[32] *тумен.*

Ля, фуго пиля латар[33] *тхуд, ай о тхудеско пай гарадя лен. Ле жюнгале чирикля вуряйле ай чи дикхле лен. Лел э щёворры ай пхенел ле паескэ: «Наис тукэ!»*

Дя пе дром те нашэл англе, дикхле ла ле жюнгале чирикля, дине пе дром пе лате. Дикхэл э щёворры, бешэл салка пхабенги.

— Пхабелин-пхабелин, мангав тут, гарав амен!

— Ха та мандар пхабаёрры, ай гаравав тумен.

Ля э щёворры, халя латар пхабай, ай э салка ушярадя ле. Ле жюнгале чирикля вуряйле опрал пай салка ай чи дикхле лен.

— Наис тукэ, пхабелин!

Дя пе дром те нашэл англе. Нашэл соде

Взяла девочка и дала ей поесть, берёт мышка и говорит:

— Эта старушка нехорошая, она пошла разжечь огонь в печке, обогреть дом, чтобы помыть тебя, приготовить тебя и съесть тебя!

Девочка услышала, испугалась, сидит ни жива ни мёртва, плачет.

Берёт мышка и говорит ей:

— Не жди, бери своего брата и беги! А ты пока бежишь, я пошью за тебя.

Взяла своего брата и бросилась бежать, а старушка кричит из окна:

— Дочка, ты там? Шьёшь?

Берёт мышка и говорит:

— Я здесь, бабушка, шью.

Старушка нагрела дом и пошла за девочкой. А в доме никого больше нет. Принялась кричать:

— Птицы, она украла своего брата и ушла. Чтобы [вы] её мне поймали.

Девочка бежит сколько бежит, приблизилась к молочной реке, сладок её берег, видит — в небе летают страшные птицы, берёт и говорит реке:

— Молочная река, сладок твой берег, спрячь нас!

— Выпей от меня молочка и спрячу вас.

Взяла, быстро выпила из неё молоко, и молочная река спрятала их. Страшные птицы летали и не увидели их. Берёт девочка и говорит реке: «Спасибо тебе!».

Бросилась бежать дальше, увидели её страшные птицы, бросились на неё. Смотрит девочка, стоит яблочное дерево.

— Яблоня-яблоня, прошу тебя, спрячь нас!

— Съешь от меня яблочко, и спрячу вас.

Взяла девочка, съела от неё яблоко, и дерево накрыло их. Страшные птицы летели над деревом и не увидели их.

— Спасибо тебе, яблоня!

Бросилась бежать дальше. Бежит сколь-

[31] Отсутствие артикля необычно, ожидается *най* (*pa-j feľàstra*).

[32] Опечатка вм. *гаравав*.

[33] Ошибка перевода вм. *лестар* (*lès-tar*): *pàj* ‘вода’, *bòv* ‘печь’ — мужского рода.

нашэл, май ханцорры ащиля ла, дикхле ла ле жюнгале чирикле, дине пе дром пе лате, вуин, цыпин, камен те лен лакэ пхралес латар андал васт. Дикхэл э щоворры — бешэл о бов.

— Боворро-боворро, мангав тут, гарав амен катал жюнгале чирикля!

Лел о бов ай пхенел:

— Ха мандар пирашкуца, гаравав туме.

Ля халя латар[33] *пирашка, ай э плита гарадя лен. Ле жюнгале чирикля вуряйле кхэрэ.*

— Наис тукэ, боворрэя!

Дине пе дром май фуго кхэрэ, кэ трубун те авен ленги дей, ленго дад пай бути[34].

Накхле андрэ андо кхэр, ай авиле ленго дад ай ленги дей анда форо ай анде ленгэ хабе ай пэдэрчи[35].

ко бежит, ещё немножко осталось ей, увидели её страшные птицы, бросились на неё, воют, кричат, хотят забрать её брата у неё из рук. Смотрит девочка — стоит печь.

— Печка-печка, прошу тебя, спрячь нас от страшных птиц!

Берёт печь и говорит:

— Съешь от меня пирожочек, спрячу вас.

Взяла съела от неё пирожочек, и печь спрятала их. Страшные птицы полетели домой.

— Спасибо тебе, печка!

Бросились скорее домой, ведь должны прийти их мать, их отец с работы.

Прошли внутрь в дом, и пришли их отец и их мать из города и принесли им еду и подарки.

12. Научный текст (о кэлдэрарской исторической фонетике)

Отрывки из статьи [Oslon 2017]. Научные тексты на кэлдэрарском диалекте весьма малочисленны[36]. Насколько нам известно, это до сих пор единственный опыт адаптации говора молдовая к жанру языковедческой статьи. Поэтому мы решились дать здесь не вполне аутентичный материал (написанный не носителем языка, а нами лично, вследствие чего могущий содержать ошибки и неудачные стилистические решения). Текст приводится в орфографии, в которой опубликован, в т. ч. графемы ⟨ê⟩ = /ə/; ⟨î⟩ = /y/[37].

Kata jek rig, ê problema la polekraki[38] le neve kêldêraricko vokalongi /ê/ aj /î/ (fonetikaki transkripcîja: [ə], [ɨ]) šaj dićol nupŕa phari: von sî phangle le kontaktosa la řumînicko śibasa. Kata aver rig, la fonologijaki distribucîja kadale vokalongi ande řumînicko śib naj vorta jek-fa̍lo sar ande kêldêraricko. Ande k hram[39] pa kaďa dela (Boretzky 1991; maj-angle: Boretzky 1994) hramol-pe kê, makar[40] o pařuglimos **e* > *ê* aj **i* > *î* le kêldêrar'a linesas-les kata-l řumînur'a aj nigêrdesas-les ande peski śib, von "ći-dine gata" o pařuglimos aj anda koď'a, phenkê, ê distribucîja naj vužî.

С одной стороны, проблема происхождения новых кэлдэрарских гласных /ə/ и /y/ (фонетическая транскрипция: [ə], [ɨ]) может выглядеть не слишком трудной: они связаны с контактом с румынским языком. С другой стороны, фонологическое распределение этих гласных в румынском языке не совсем такое же, как в кэлдэрарском. В одной статье об этом предмете (Boretzky 1991; потом: Boretzky 1994) написано, что, хотя изменение **e* > *ə* и **i* > *y* кэлдэрары взяли у румын и перенесли в свой язык, они «не завершили» изменение, и поэтому, дескать, распределение не чисто.

[34] Неожиданно вм. *kata-j butì* 'с работы' (русская калька?).
[35] Необычный фонетический вариант вм. *padə̀rći*.
[36] Если вообще существуют. При этом имеется немало кэлдэрарских религиозных и журналистских текстов (в основном европейских), но по языку все они довольно далеки от говора, описываемого в этой книге.
[37] Приблизительно в такой же орфографии издаётся в Австрии журнал «Romano Centro».
[38] Слово *polèkra* у молдовая очень редко; мы слышали его в значении, близком к 'родословная'.
[39] Мы позволили себе адаптировать слово *hràm* 'надпись, записка [любой текст]' для значения 'статья'.
[40] У молдовая этого слова мы не обнаружили. Оно есть в словаре [ДД] и фиксируется в других говорах.

O Borecko gîndil kê li-duj pařuglimata śutesas-pe ande řomani śib le vorbenca kaj le řom line-le vunźile[41] kata-l řumînur'a. Maj-angle, phenkê, sa kadala pařuglimata buhlile p-êl purane (angla-jevropakê[42]) vorbi, kaď a kê ê řomani śib naj numa kê barvajli do neve fonemenca (/ê/ aj /î/) kaj nas maj-anglal, ama[43] vi, phenkê, ľa te-imitujil avr'a śiba-ka fonetikakê zakonur'a. Anda koď a, phenkê, ê řomani śib del-ame šajimos khê neve dikhlimasko pe la fonetikakê procêsur'a and-êl śiba kaj sî ande lende bari intêrferencîja. Sostar kaď a? Ka kaď a ideja nigêrêl le Boreckos o fakto kê, sar vo gîndil, ê distribucîja /e/ : /ê/ našti phenel-pe mišto[44] andrune řomane zakononenca (makar la distribucîjasa /i/ : /î/ pharimata naj).

Te-sîkavas vorta pa soste sî vorba. Pa pařuglimos **i* > *î* o Borecko hramol kaď a: phenkê, o pařuglimos kêrď ol ande řomani śib pala sa kadala konsonancî sar ande řumînicko: *s*, *z*, *š*, *ž*, *c*, *x*, *ř* (< **rr*). Apo: **sir* > *sîr*, **šing* > *šîng*, **řil* > *řîl* aj kaď a maj-inť a. Ćaćes dićol sar vunźilimos anda-j řumînicko śib ande la fonologijaki sistema.

O pařuglimos **e* > *ê* sî aver dela. O Borecko del trin kondicîji kadale pařuglimaskê: (a) pala sa kadala konsonancî sar o pařuglimos **i* > *î*, te-dikhas: **šero* > *šêro*, **zen* > *zên*, **koře* > *kořê* aj k.m.i.; (b) **angla** kadala konsonancî (trin vorbi): **veš* > *vêš*, **beš* > *bêš*, **peř* > *pêř*; (c) pala velaro konsonancî: **kerav* > *kêrav*, **ger* > *gêr*, **kher* > *khêr* aj k.m.i. Sa kado kêrď ol and-êl agora[45]: **našel* > *našêl*, **dikhel* > *dikhêl* aj k.m.i.

O Borecko kêrêl buti do subdijalektonenca. Ande jekh lendar maj-sî o pařuglimos **e* > *ê* and-êl agora pala /r/, t.d. **merel* > *merêl*, aj ande aver ê kombinacîja *re* aśel: *merel*. Vo gîndil kê ê fonema /ê/ buhlili kathe pa-j analogija aj kê o procêso naj regularo.

Борецкий думает, что оба изменения вошли в цыганский язык со словами, которые цыгане заимствовали у румын. Позже, дескать, все эти изменения распространились на древние (доевропейские) слова, так что цыганский язык не только обогатился двумя новыми фонемами (/ə/ и /y/), которых не было раньше, но и, дескать, начал имитировать иноязычные фонетические законы. Поэтому, дескать, цыганский язык даёт нам возможность нового взгляда на фонетические процессы в языках, в которых есть больша́я интерференция. Почему так? К этой идее приводит Борецкого тот факт, что, как он думает, распределение /e/ : /ə/ не может объясняться внутренними цыганскими законами (хотя с распределением /i/ : /y/ трудностей нет).

Покажем, о чём именно речь. Об изменении **i* > *y* Борецкий пишет так: дескать, изменение происходит после тех же согласных, что в румынском: *s*, *z*, *š*, *ž*, *c*, *x*, *ř* (< **rr*). Так что: **sir* > *syr*, **šing* > *šyng*, **řil* > *řyl* и так далее. Действительно, это выглядит как заимствование из румынского языка в фонологическую систему.

Изменение **e* > *ə* — другое дело. Борецкий даёт три условия этого изменения: (a) после тех же согласных, как изменение **i* > *y*, например: *šero* > *šəro*, **zen* > *zən*, **koře* > *kořə* и т. д.; (b) **перед** этими согласными (три слова): **veš* > *vəš*, **beš* > *bəš*, **peř* > *pəř*; (c) после велярных согласных: **kerav* > *kərav*, **ger* > *gər*, **kher* > *khər* и т. д. То же самое происходит в окончаниях: **našel* > *našəl*, **dikhel* > *dikhəl* и т. д.

Борецкий работает с двумя поддиалектами. Водном из них ещё есть изменение **e* > *ə* в окончаниях после /r/, напр. **merel* > *merəl*, а в другом — комбинация *re* остаётся: *merel*. Он думает, что фонема /ə/ распространилась здесь по аналогии и что процесс нерегулярен.

[41] Выражение *lèl vunźilè* 'брать в долг' мы применяем в специальном значении 'заимствовать [из языка]'.

[42] У молдовая нет таких приставок, однако вряд ли такой неологизм (калька) был бы непонятен.

[43] Частица *ama* употребляется молдовая только в восклицательных предложениях, однако здесь мы её применяем ввиду её наличия в противительном значении 'но' в европейских кэлдэрарских говорах. В говоре молдовая соединительное и противительное значения обычно покрывается общим сочинительным союзом *aj* 'и, а но' (при возможности употребления русского *no*).

[44] Выражение *phenèl mištò* 'объяснить' (букв. 'рассказать хорошо') взято нами из европейских кэлдэрарских публикаций.

[45] Слово *agòr* 'конец' мы взяли в качестве термина 'окончание'.

Êta, m̓al kê kak distribucîja sî, ama aśel êk puśimos: sostar mothol-pe *mutêr*, *putêr*, *bêrš*, *têrno*, ama *perav*, *tover*? O Borecko hramol: angla /*r*/ sî fluktuacîja aj ćі-jekh regularo zakono naj. Vo gîndil kê kado sî khê rezultato la intêrferencîjako, aj kê la fonologijaki teorija trubul pařugli kaste-lel sama kodo f̓alo situacîja, kana le divinitori[46] korkořo ćі-źanen će fonema mothon ande sako konteksto.

Ande kaď̓a hram kamav te-sîkavav kê le Boreckoski ideja naj vorta aj te-thav-ma pala la tradicîjaki fonologija.

[...]

Dikhas kê ande kodo dijalekto sî trin tipur̓a konsonantongê: (1) sadajek-zurale, (2) sadajek-kovle aj (3) źutune, kaj daštin te-aven zurale vor kovle. Le sadajek-zurale aj le sadajek-kovle konsonancî ćek-data ćі-nakhên jekhavrênde and-êl formi jekha vorbakê. Te-dikhas[47]: /*š*/ sî sadajek zuralo ande sa-l formi: *našàv*, *našês̀*, *naš*, aj /*ś*/ sî sadajek kovlo: *puśàv*, *puśèl*, *puś*. Le źutune konsonancî šaj aven zurale vor kovle, sar and-êl vorbi *ph̓èrdo* : *phêrnò*. Makar šaj aven zurale vor kovle vi ande jekh vorba: *źanàv* (*n* angla *a*) : *źan̓ès* (*n̓* angla *e*), von ćі-kêrên jekh fonema, ama duj, anda koď̓a kê šaj aven ande jekh-f̓alo konteksto: *phak* : *ph̓an* (kata *ph̓ej*).

[...]

Apo, pala-l naj-źutune konsonancî, sar le źutesa /*i*/ : /*î*/, alomos naj (so sî trivijalo[48]). Ama pala-l źutune ê distribucîja sî kasavi:

(a) pala-l velaro konsonancî — /*ê*/;
ankaladimata[49]: jon. *k̓ermò*, *k̓ernò* (mold. > *ťermò*, *ťernò*);
(b) pala **r* — mold. aj jon. /*ê*/ : gêrk.[50] /*e*/;
(c) pala **v* — /*e*/;
ankadalimata: *vêš*, *zêvêlì*;
(d) pala aver konsonancî — /*e*/;

Итак, похоже, что какое-то распределение есть, но остаётся один вопрос: почему говорят *mutər*, *putər*, *bərš*, *tərno*, но *perav*, *tover*? Борецкий пишет: перед /*r*/ есть колебание и никакого регулярного закона нет. Он думает, что это результат интерференции и что фонологическая теория должна быть изменена, чтобы учесть тот тип ситуации, когда говорящие сами не знают, какую фонему произносят в каждом контексте.

В этой статье я хочу показать, что идея Борецкого неверна, и защитить традиционную фонологию.

[...]

Мы видим, что в этом диалекте есть три типа согласных: (1) всегда-твёрдые, (2) всегда-мягкие и (3) парные, которые могут быть твёрдыми или мягкими. Всегда-твёрдые и всегда-мягкие согласные никогда не переходят друг в друга в формах одного слова. Например: /*š*/ — всегда твёрдый во всех формах: *našàv*, *našàs*, *nàš*, а /*ś*/ — всегда мягкий: *puśàv*, *puśèl*, *pùś*. Парные согласные могут быть твёрдыми или мягкими, как в словах *ph̓èrdo* : *phərnò*. Хотя они могут быть твёрдыми или мягкими и в одном слове: *źanàv* (*n* перед *a*) : *źan̓ès* (*n̓* перед *e*), они составляют не одну фонему, а две, потому что могут быть в одинаковом контексте: *phàk* : *ph̓àn* (от *ph̓èj*).

[...]

Так вот, после непарных согласных, как с парой /*i*/ : /*y*/, выбора нет (что тривиально). Но после парных распределение таково:

(a) после велярных согласных — /*ə*/;
исключения: ён. *k̓ermò*, *k̓ernò* (молд. > *ťermò*, *ťernò*);
(b) после **r* — молд. и ён. /*ə*/ : гырк. /*e*/;
(c) после **v* — /*e*/;
исключения: *vəš*, *zəvəlì*;
(d) после других согласных — /*e*/;

[46] Опечатка вм. мн. *divinitòr̓a*.

[47] Наш неологизм (букв. ʻпосмотрим, увидимʼ) в значении ʻнапримерʼ (молдовая говорят *primèrno* — из русского просторечия).

[48] Подобные книжные прилагательные у молдовая всегда оформляются как слова из III пласта (ʻтривиальныйʼ было бы *trivijàl̓no*); в формирующейся европейской наддиалектной норме обычно прибегают к оформлению по сербохорватскому образцу (*trivijàlno*); только в Румынии обычно оформление без славянского суффикса (мы приняли такой румынский вариант).

[49] Наш (спорный) неологизм, букв. ʻвыхождения'.

[50] Уже после выхода этой статьи название рода «гыркуря» мы стали писать более правильно: через ⟨ы⟩ (⟨у⟩).

ande kombinacîja *-êrC-* — /*ê*/: *bêrš*, *têrnò* aj aver;
ankadalimata: imperativur'a: *putȅr*, *mutȅr*, *bistȅr*, ê vorba *pêř*.

Kaď a situacîja daštis te-phenas-la mišto anda vudud[51] la dijaxronijako. Maj-anglal te-dikhas ê regularo êvolucîja aj maj-int'a le ankaladimata.

[...]

Akana šaj phenas kê ê teorija la fonetikaki ći-trubul pařugli anda kod'a kê:

(1) le ankaladimata, kaj o Borecko našti hat'arêlas-len, cîrden-pe ka la silabako **r̥*, kaj sî te-rekonstrujisaras ande proto-řomani vr'am'a;
(2) ê proto-řomani šib źanelas duj fonemi */*v*/ < **m*, **p* aj */*w*/ < */*u̯*/.

в комбинации *-ərC-* — /*ə*/: *bə̀rš*, *tərnò* и др.;
исключения: императивы: *putə̀r*, *mutə̀r*, *bistə̀r*, слово *pə̀ř*.

Эту ситуацию мы можем объяснить с точки зрения диахронии. Сначала посмотрим регулярную эволюцию, а потом исключения.

[...]

Теперь мы можем сказать, что теория фонологии не должна быть изменена, потому что:

(1) исключения, которых Борецкий не мог понять, восходят к слоговому **r̥*, который мы должны реконструировать в працыганское время;
(2) працыганский язык знал две фонемы: */*v*/ < **m*, **p* и */*w*/ < */*u̯*/.

[51] Редчайшее у современных молдовая слово *vudùd* 'глаз' (?) раньше, судя по всему, употреблялось широко и имело не только значение 'зрачок', но и 'свет' (так во многих цыганских диалектах и кэлдэрарских говорах). Мы позволили себе применить его здесь в значении 'точка зрения' (ср. 'в свете...').

ЛИТЕРАТУРА

Гинкулов 1840 — *Гинкуловъ Я.* Начертаніе правилъ валахо-молдавской грамматики, составленное Я. Гинкуловымъ. Санктпетербургъ, 1840.

Деметеры 1990 (ДД) — *Деметер Р. С., Деметер П. С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) / Под редакцией Л. Н. Черенкова. М., 1990.

Деметер, Бессонов, Кутенков 2000 — *Деметер Н. Г., Бессонов Н. В.*, *Кутенков В. К.* История цыган — новый взгляд. Воронеж, 2000.

Кожанов 2013 — *Кожанов К. А.* Модальные конструкции с глаголом ‘быть’ в кэлдэрарском цыганском (говор котляров-молдовая) // *Кожанов К. А., Оскольская С. А., Русаков А. Ю.* (ред.). Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России. СПб., 2013. С. 71–104.

Кожанов, Черных 2016 — *Кожанов К. А., Черных А. В.* Мифологические персонажи цыган-кэлдэраров: «Мамёрры» // Традиционная культура. 2016. № 4. С. 135–146.

Кожанов, Черных 2017 — *Кожанов К. А., Черных А. В.* Лягушка в обычаях и обрядах цыган-кэлдэраров // Живая старина. 2017. № 3. С. 43–46.

Кожанов, Черных 2018 — *Кожанов К. А., Черных А. В.* «Талисманы удачи» в традиционной культуре цыган-кэлдэраров // Традиционная культура. № 1. С. 115–126.

Образцы — Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей / Изд. подг. Р. С. Деметер и П. С. Деметер. Предисл. Л. Н. Черенкова и В. М. Гацака. Примеч. В. М. Гацака. М., 1981.

Оскольская 2013 — *Оскольская С. А.* Каритив в кэлдэрарском диалекте цыганского языка // *Кожанов К. А., Оскольская С. А., Русаков А. Ю.* (ред.). Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России. СПб., 2013. С. 105–133.

Ослон 2012 — *Ослон М. В.* Отражение древнеиндийского среднего рода в цыганском // Вопросы языкового родства. 2012. № 8. С. 93–100. (www.rromanes.org/oslon)

Ослон 2014 — *Ослон М.* О неким особинама ромског нагласног система // *Маројевић Р.* (гл. ур.). IWoBA VIII: реферати VIII Међународног скупа о балтословенској акцентологији (Нови Сад 2012). Славистички зборник, нова серија, књига I. Нови Сад, 2014. С. 293–315. (www.rromanes.org/oslon)

Ослон 2018а — *Ослон М. В.* Отражение южнославянского **r* в заимствованиях из старорумынского в цыганский // Вопросы языкового родства. 2018. № 16 (1). С. 62–72. (www.rromanes.org/oslon)

Ослон 2018б — *Ослон М. В.* Этимология цыганского *ća(j)lo* ‘сытый’ // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 119–128. (www.rromanes.org/oslon)

Петрович 2007 — *Петрович М.* Цыганское племя сапоррони. СПб., 2007.

Светлик 1979 — *Светлик Я*. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1979.

СЦЯ — Сказки на цыганском языке (кэлдэрарский диалект). Книжка-раскраска с вопросами и заданиями / Под редакцией О. А. Абраменко. СПб., 2012.

Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Черенков, Деметер 1990 — *Черенков Л. Н., Деметер Р. С.* Краткий грамматический очерк кэлдэрарского диалекта цыганского языка // *Деметер Р. С., Деметер П. С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект) / Под редакцией Л. Н. Черенкова. М., 1990.

Шаповал 2008 — *Шаповал В. В.* Самоучитель цыганского языка: кэлдэрарский диалект. СПб., 2008.

Boretzky 1994 — *Borezky N*. Romani: Grammatik des Kalderaš-Dialekts mit Texten und Glossar. Berlin, 1994.

Buchholz, Fiedler 1987 — *Buchholz O., Fielder W.* Albanische Grammatik. Leipzig, 1987.

Calvet 2009 — *Calvet G*. Dictionnaire tsigane-français. Dialecte kalderash. Paris, 2009.

Demeter-Čarskaya 1998 — *Demeter-Čarskaya O*. Amaro trayo ande Russiya (avtorizovanniy perevod) / Red. G. S. Demeter. Moskva, 1998.

Densusianu 1938 — *Densusianu O*. Histoire de la langue roumaine. T. 2. Le seizième siècle. Paris, 1938.

Dindelegan 2016 — *Dindelegan P. G.* (ed.). The syntax of Old Romanian. Oxford, 2016.

Gjerdman, Ljungberg 1963 — *Gjerdman O., Ljungberg E.* The language of the Swedish coppersmith gipsy Johan Dimitri Taikon: Grammar, texts, vocabulary and English word-index. Uppsala, 1963.

Helbig, Buscha 1975 — *Helbig G., Buscha J*. Deutsche Grammatik. Leipzig, 1975.

Marushiakova, Popov 2004 — *Marushiakova E., Popov V.* Segmentation vs consolidation: The example of four Gypsy Groups in CIS // Romani Studies. 2004. Vol. 14 (2). P. 145–191.

Matras 1994 — *Matras Y*. Untersuchungen zu Grammatik und Diskurs des Romanes — Dialekt der Kelderaša/Lovara. Wiesbaden, 1994.

Matras 1998 — *Matras Y*. Romani. Deixis and deictic oppositions in discourse: Evidence from Romani // Journal of Pragmatics. 1998. Vol. 29 (4). P. 393–428.

Oslon 2017 — *Oslon M*. Jek puśimos la istorijaka fonetikako la kêldêraricko śibaki: le vokalongê źutengi *e* : *ê* aj *i* : *î* distribucîja // *Kozhanov K., Oslon M., Halwachs D. W.* (red.). Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura. Graz, 2017. R. 325–338. (www.rromanes.org/oslon)

Quirk et al. 1985 — *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive grammar of the English language. London, 1985.

Rosetti 1986 — *Rosetti A.* Istoria limbii române. De la origini pînă la inceputul secolului al XVII-lea. Ediție definitivă. București, 1986.

Sanarov 1967 — *Sanarov V. J.* Chez les Bedoni de la ville de Tioumen // Etudes tsiganes. 1967. Vol. XIII (1–2). P. 5–12.

Tcherenkov 1999 — *Tcherenkov L. N.* Eine kurzgefasste Grammatik des Russischen Kalderaš-Dialekts des Romani // Grazer Linguistische Studien. 1999. B. 51 (Früjahr 1999). S. 131–166.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности....3
Условные обозначения, принятые в книге....4
0. ВВЕДЕНИЕ....5
0.1. Генетическая характеристика....5
0.2. Изученность предмета....7
0.3. Классификация кэлдэрарских групп....8
0.3.1. Самоназвания....9
0.3.2. Названия других групп....10
0.3.3. Кэлдэрарские роды....11
0.3.4. Устное предание: история родов....12
0.4. Попытки установления прародины....13
0.5. Общие замечания о кэлдэрарской грамматике....15
0.6. Классификация русских кэлдэрарских говоров....17
0.6.1. Фонетические изоглоссы....17
0.6.2. Лексические изоглоссы....19
0.6.3. Варианты одного слова....20
0.7. О работе над этой книгой....20
1. ФОНОЛОГИЯ....23
1.1. Фонология и орфография....24
1.2. Гласные....25
1.2.1. Гласные фонемы....25
1.2.2. Аллофоны гласных фонем....26
1.2.3. Вопрос о дифтонгах....27
1.2.4. Зияния....27
1.2.5. Распределение гласных....27
1.2.6. Колебания и нейтрализация гласных....29
1.2.7. Назализация гласных....30
1.2.8. Редукция конечных *-i*, *-y*....31
1.2.9. Отпадение гласных (элизия)....31
1.3. Согласные....32
1.3.1. Согласные фонемы....33
1.3.2. Аллофоны согласных фонем....34
1.3.3. Распределение согласных....37
1.3.3.1. Твёрдые и мягкие согласные....39
1.3.3.2. Фонетическая реализация *t'* и *d'*....40
1.3.3.3. Фонема /*v*/ и вопрос о выделении /*w*/....41
1.3.4. Сочетаемость согласных....42
1.3.4.1. Сочетания в начале слогов и в начале слов....42
1.3.4.2. Сочетания согласных на стыке слогов....45
1.3.4.3. Сочетания согласных в конце слова....47
1.3.5. Колебания между согласными....48
1.3.5.1. Колебание *th* ~ *c*....48
1.3.5.2. Колебание *h* ~ *ř* ~ ∅ (~ *v*)....48
1.3.5.3. Колебание *št'* ~ *ś*....49
1.3.6. Отпадение конечных согласных....50
1.3.7. Изменения согласных на границах....50
1.3.7.1. Аллофоны перед согласными....51

1.3.7.2. Аллофоны перед гласными....52
1.3.7.3. Ослабление конечного -*s* (и -*š*)....53
1.3.7.4. Упрощение двойных согласных....55
1.3.7.5. Нейтрализация по придыхательности....55
1.3.7.6. Нейтрализация по звонкости-глухости....56
1.4. Фонемный состав слов и морфем....58
1.5. Словесная просодия....60
2. МОРФОНОЛОГИЯ....61
2.1. Строение слова....62
2.1.1. Классы морфем....62
2.1.2. Узкая словоформа....63
2.1.3. Широкая словоформа....64
2.2. Типы чередований....65
2.3. Морфонологическая запись....66
2.4. Принадлежность морфем к пластам....67
2.5. Чередования в узкой словоформе....67
2.5.1. Чередования гласных....67
2.5.1.1. Чередование *ə* : *e* и *y* : *i* после согласных....67
2.5.1.2. Чередование гласных в I пласте: беглые гласные....68
2.5.1.3. Морфологические позиции чередований гласных во II пласте....69
2.5.1.4. Замена *E* на *Ə*....70
2.5.1.5. Расширение гласных *Ə*, *E*, *O* 71
2.5.1.6. Редукция гласного *A*....73
2.5.2. Чередования согласных перед гласными (смягчения)....75
2.5.2.1. Морфологические позиции смягчений....76
2.5.2.1.1. Тривиальное смягчение....76
2.5.2.1.2. Качественное смягчение....77
2.5.2.1.3. Переходное смягчение....79
2.5.2.2. Смягчение перед -*E*....80
2.5.2.3. Смягчение перед -*I*....82
2.5.2.4. Йотация, смягчающие наращения и словообразование....83
2.5.3. Чередования в группах согласный + согласный....86
2.5.3.1. Изменения согласных перед -*L*....86
2.5.3.2. Изменения согласных перед -*N*....86
2.5.4. Чередования в группах гласный + гласный....86
2.5.4.1. Вставка согласного (эпентеза)....87
2.5.4.2. Стяжение двух гласных подряд....87
2.5.4.3. Стяжение двух гласных, разделённых йотом....87
2.5.5. Нерегулярные формы основ....88
2.6. Чередования в широкой словоформе....90
2.6.1. Чередование начала падежных клитик....90
2.6.2. Чередования перед местоименными клитиками....91
2.6.3. Чередование в сочетаниях предлогов с артиклями....91
2.7. Ударение....91
2.7.1. Ударение узкой словоформы....92
2.7.2. Акцентная сила и контурное правило....94
2.7.3. Ударение широкой словоформы....96
2.8. Инвентарь словообразовательных суффиксов....99
2.9. Переход от морфонологической записи к фонемной....101

3. МОРФОЛОГИЯ....103
3.1. Морфологические признаки....103
3.2. Словоизменение и словообразование....104
3.3. Части речи....106
3.4. Имя существительное....109
3.4.1. Морфологические признаки существительного....109
3.4.1.1. Род существительных....109
3.4.1.1.1. Род одушевлённых существительных....110
3.4.1.1.2. Род неодушевлённых существительных....111
3.4.1.2. Число существительных....112
3.4.1.2.1. Число нарицательных существительных....112
3.4.1.2.2. Число имён собственных....114
3.4.1.3. Падеж существительных....114
3.4.1.3.1. Первичные падежные формы....115
3.4.1.3.2. Вторичные падежные формы....116
3.4.2. Типы склонения существительных....117
3.4.2.1. Типы склонения существительных I пласта....118
3.4.2.2. Типы склонения существительных II пласта....119
3.4.3. Парадигмы склонения существительных....120
3.4.3.1. Тип м-∅:∅....121
3.4.3.2. Тип м-∅:À....122
3.4.3.3. Тип м-∅:È....125
3.4.3.4. Тип м-Ò:È....125
3.4.3.5. Тип ж-∅:À....127
3.4.3.6. Тип ж-∅:’À....129
3.4.3.7. Тип ж-’Ì:’À....130
3.4.3.8. Тип м-∅:A....132
3.4.3.9. Тип м-O:A....133
3.4.3.10. Тип м-O:UR-....134
3.4.3.11. Тип м-O:I....137
3.4.3.12. Тип м-O:”I....138
3.4.3.13. Тип м-O:”A....138
3.4.3.14. Тип м-I:’A....141
3.4.3.15. Тип м-A:Y....142
3.4.3.16. Тип м-ÒS:ÀTA....143
3.4.3.17. Тип ж-A:Y....143
3.4.3.18. Тип ж-A:I....144
3.4.3.19. Тип ж-A:”I....152
3.4.3.20. Тип ж-A:’A....155
3.4.3.21. Тип ж-I:’A....156
3.4.3.22. Изолированные существительные....157
3.4.3.23. Существительные без единственного числа....163
3.4.3.24. Особенности звательной формы....165
3.4.4. Словообразование существительных....166
3.4.4.1. Субстантивация прилагательных....166
3.4.4.2. «Приставка» *BI-*....168
3.4.4.3. Суффикс -*N. ’|Ì*....168
3.4.4.4. Суффикс -*’|Ì*....168
3.4.4.5. Суффикс -*AL. ’|Ì*....169

3.4.4.6. Суффикс -*ÌN*....169
3.4.4.7. Суффикс -*N|Ò*....170
3.4.4.8. Суффикс -*IŚ|Ò*....170
3.4.4.9. Суффикс -*OŘ|Ò*, -*¨OŘ.ʼ|Ì*....170
3.4.4.10. Суффикс -*(¨ᵊI)M|ÒS*....173
3.4.4.11. Суффикс -*¨ᵊÌJ|A*....177
3.4.4.12. Суффикс -*ʼÀL|A*....178
3.4.4.13. Суффикс -*¨ᵊÀN|O*....178
3.4.4.14. Суффикс -*ÒN|I*....178
3.4.4.15. Суффикс -*ᵊÀR|I*....178
3.4.4.16. Суффикс -*(I)TÒR|I* ~ -*(I)TÀR|I*....179
3.4.4.17. Суффикс -*ÀŠ*....180
3.4.4.18. Суффикс -*K|A*....180
3.4.4.19. Суффикс -*ÀJK|A*....180
3.4.4.20. Суффикс -∅|*A*....181
3.4.4.21. Суффикс -*ÌC|A*....181
3.4.4.22. Суффикс -*ᵊʼÀS|A*....181
3.4.4.23. Суффикс -*ÌC|Y* (уменьшительный)....182
3.4.4.24. Суффикс -*ÙC|O/A* (уменьшительный)....182
3.4.4.25. Суффикс -*¨ÌC|A* (уменьшительный)....183
3.4.4.26. Изолированные производные существительные....184
3.4.5. Морфологическая адаптация заимствуемых существительных....185
3.4.6. Имена собственные....189
3.4.6.1. Географические названия....189
3.4.6.2. Личные имена....191
3.4.6.3. Названия родов....194
3.5. Артикли....196
3.5.1. Неопределённый артикль....196
3.5.1.1. Артиклеобразная клитика....197
3.5.2. Определённый артикль....198
3.6. Имя прилагательное....202
3.6.1. Морфологические признаки прилагательного....202
3.6.2. Состав парадигмы прилагательного....203
3.6.3. Типы склонения прилагательных....203
3.6.4. Парадигмы склонения прилагательных....204
3.6.4.1. Тип п-Ò:ʼÌ:È....204
3.6.4.2. Тип п-∅:∅:∅....207
3.6.4.3. Тип п-O:O:”I....208
3.6.4.4. Тип п-O:O:ʼA....210
3.6.4.5. Тип п-O:O:O....211
3.6.4.6. Тип п-È:È:È....212
3.6.4.7. Изолированные прилагательные....212
3.6.4.8. Неизменяемые прилагательные....214
3.6.5. Словообразование прилагательных....214
3.6.5.1. Сложные прилагательные....214
3.6.5.2. Суффикс -*AN|Ò*....215
3.6.5.3. Суффикс -*IKAN|Ò*....216
3.6.5.4. Суффикс -*UN|Ò*....216
3.6.5.5. Суффикс -*IVAN|Ò*....217
3.6.5.6. Суффикс -*AL|Ò*....217

3.6.5.7. Суффиксы *-OǍ|Ò / -¨OǍ. ’|Ì*.....219
3.6.5.8. Суффикс *-ÙC|O*.....220
3.6.5.9. Суффикс *-ÒS|O*.....220
3.6.5.10. Суффикс *-ᵊIĆÒS|O*.....220
3.6.5.11. Суффикс *-¨ÌCK|O*.....220
3.6.5.12. Изолированные производные прилагательные.....221
3.6.6. Морфологическая адаптация заимствуемых прилагательных.....221
3.6.7. Широкая словоформа прилагательного.....222
3.6.7.1. Проклитика *màj-* (сравнительная степень прилагательного).....222
3.6.7.2. Проклитика *pr’à-* (абсолютная превосх. степень прилагательного)…223
3.6.7.3. Проклитика *nàj-* (отрицание прилагательного).....223
3.6.7.4. Проклитика *bi-* (отрицание прилагательного).....223
3.7. Притяжательные формы.....224
3.7.1. Склонение притяжательных форм.....224
3.7.2. Притяжательные формы в значении относительных прилагательных.....226
3.7.3. Притяжательные формы в числовых значениях.....227
3.7.4. Субстантивация притяжательных форм.....227
3.7.5. Лишительные притяжательные формы.....228
3.8. Наречие.....228
3.8.1. Словообразование наречий.....229
3.8.1.1. Наречия, омонимичные прилагательным.....229
3.8.1.2. Наречия, омонимичные существительным.....229
3.8.1.3. Суффиксы *-È*, *-ÀL* («старые падежи»).....229
3.8.1.4. Суффикс *-(U/I)NÈ* (дни недели).....230
3.8.1.5. Суффикс *-ÈS*.....231
3.8.1.6. Приставка *A-*.....231
3.8.1.7. Суффикс *-OǍ-*.....232
3.8.1.8. Суффикс *-NDÒJ* («деепричастия»).....232
3.8.2. Морфологическая адаптация заимствуемых наречий.....233
3.8.3. Широкая наречная словоформа.....233
3.8.3.1. Составные наречия.....233
3.8.3.2. Наречия на *də-*.....233
3.8.3.3. Наречия на *də-...-àra*.....234
3.8.3.4. Энклитики *-ka*, *-š*.....234
3.8.3.5. Наречия из прочих опрощенных сочетаний.....234
3.8.3.6. Проклитика *màj-* (сравнительная степень наречия).....235
3.8.3.7. Проклитика *pr’à-* (абсолютная превосходная степень наречия).....235
3.8.3.8. Проклитика *nàj-* (отрицание наречия).....235
3.9. Числительные.....236
3.9.1. Количественные числительные.....236
3.9.1.1. Склонение количественных числительных.....239
3.9.2. Собирательные числительные.....241
3.9.3. Притяжательные формы числительных.....242
3.9.4. Дробное числительное.....243
3.9.5. Личные числительные.....243
3.9.6. Порядковые числительные.....244
3.9.7. Кратные числительные.....244
3.9.8. Названия цифр.....245
3.9.9. Широкая словоформа числительного.....245
3.9.10. Оценочные количественные слова.....245

3.10. Местоимения....247
3.10.1. Местоимения-существительные и местоимения-прилагательные....247
3.10.1.1. Личные местоимения....247
3.10.1.2. Указательные местоимения....250
3.10.1.3. Притяжательные местоимения....253
3.10.1.4. Вопросительные и отрицательные местоимения....255
3.10.1.5. Определительные местоимения....257
3.10.1.6. Неопределённые местоимения....259
3.10.2. Местоимения-наречия....260
3.10.3. Широкая местоименная словоформа....262
3.11. Глагол....263
3.11.1. Морфологические признаки глагола....264
3.11.1.1. Переходность и активность....265
3.11.1.2. Лицо глаголов....266
3.11.1.3. Число глаголов....266
3.11.1.4. Род глаголов....266
3.11.2. Состав глагольной парадигмы....267
3.11.3. Система инфекта....268
3.11.3.1. Инфектные личные окончания....268
3.11.3.2. Инфектная основа....269
3.11.3.3. Императив....270
3.11.3.4. Личные формы инфекта I пласта....270
3.11.3.4.1. Основы на согласные....271
3.11.3.4.2. Основы на -*E*-....272
3.11.3.4.3. Основы на -*I*-....272
3.11.3.4.4. Основы на -*A*-....273
3.11.3.4.5. Основы на -*U*-....273
3.11.3.4.6. Основы на -*O*-....275
3.11.3.4.7. Изолированные инфектные основы....275
3.11.3.4.8. Колебания в оформлении инфекта....275
3.11.3.5. Личные формы инфекта II пласта....276
3.11.3.5.1. Основы на гласный (+ -*s.ar*-)....276
3.11.3.5.2. Основы на гласный (+ -*s.avo*-)....277
3.11.3.6. Формы инфекта + -*a* («долгий инфект»)....278
3.11.3.7. Формы инфекта + -*as* («имперфект»)....278
3.11.4. Система перфекта....279
3.11.4.1. Перфектные личные окончания....279
3.11.4.2. Оформление форм 3.мн. перфекта....280
3.11.4.3. Перфектная основа....281
3.11.4.4. Закономерности образования перфектной основы....285
3.11.4.5. Личные формы перфекта....287
3.11.4.6. Формы перфекта + *(s)as* («плюсквамперфект»)....288
3.11.4.7. Сослагательная форма....289
3.11.5. Словообразовательная основа....291
3.11.6. Причастие....292
3.11.6.1. Образование причастий....292
3.11.6.2. Значения причастий....294
3.11.7. Типы спряжения глаголов....297
3.11.8. Парадигмы спряжения глаголов....298

3.11.8.1. Тип га-∅:D....299
3.11.8.2. Тип га-∅:L....301
3.11.8.3. Тип гн-∅:L....302
3.11.8.4. Тип гн-∅:IL....303
3.11.8.5. Тип га-AV:AD....304
3.11.8.6. Тип га-E:∅....304
3.11.8.7. Тип га-E:L....306
3.11.8.8. Тип га-A:AD....307
3.11.8.9. Тип га-A:AJ....307
3.11.8.10. Тип гн-A:AJL....308
3.11.8.11. Тип гн-I:IST....309
3.11.8.12. Тип гн-’U:’UL....309
3.11.8.13. Тип гн-AVO:AJL....312
3.11.8.14. Тип га-II....313
3.11.8.15. Тип гн-II....316
3.11.8.16. Изолированные глаголы....317
3.11.9. Глагол бытия и связка *sỳ* (*sy*)....323
3.11.10. Неспрягаемые глаголы *šàj* и *naštì*....324
3.11.11. Словообразование глаголов....325
3.11.11.1. Маргинальные способы глагольного словообразования....325
3.11.11.2. Суффикс -*’Ù*-....327
3.11.11.3. Суффикс -*ÀV*- (каузативный)....330
3.11.11.4. Суффикс -*(’)ÀVO*-....332
3.11.11.5. Суффикс -*(’)ÀR*-....333
3.11.11.6. Ряды производных отымённых глаголов I пласта....334
3.11.11.7. Образование глаголов II пласта....337
3.11.12. Морфологическая адаптация заимствуемых глаголов....340
3.11.13. Широкая глагольная словоформа....343
3.11.13.1. Проклитика *te-* (ирреальные наклонения)....343
3.11.13.2. Пары проклитик *sas-kə-*, *sas-te-* (условное наклонение)....344
3.11.13.3. Проклитики *ćì-*, *nà-* (отрицание)....344
3.11.13.4. Проклитика *màj-* ‘ещё, опять, больше’....345
3.11.13.5. Проклитика *kaj-* (в фольклоре)....345
3.11.13.6. Проклитика *kàm-* ‘может быть’....345
3.11.13.7. Энклитика -*tar* (показатель направления)....346
3.11.13.8. Энклитика -*ta* (усилитель императива)....346
3.11.13.9. Местоименные энклитики....346
3.11.13.10. Сочетаемость и порядок глагольных клитик....347
3.11.13.11. Ударение широкой глагольной словоформы....348
3.11.14. Неактивные и возвратные глаголы....348
3.12. Предлог....354
3.13. Союзы и частицы....356
3.13.1. Союзы....356
3.13.2. Частицы....357
3.14. Слова-высказывания....359
3.14.1. Согласие, несогласие и др....359
3.14.2. Обращения....359
3.14.3. Междометия....360
3.15. Оговорки и колебания в облике слов....360

4. СИНТАКСИС....362
4.1. Высказывания и предложения....362
4.2. Синтаксические группы....364
4.2.1. Существительная группа....367
4.2.1.1. Семантические признаки существительной группы....368
4.2.1.1.1. Одушевлённость и персональность....368
4.2.1.1.2. Соотнесённость....369
4.2.1.1.3. Определённость....370
4.2.1.2. Падеж существительной группы....371
4.2.1.2.1. Выявление падежей....373
4.2.1.2.2. Распределение падежных форм....376
4.2.1.2.3. Значения падежей....378
4.2.1.2.4. Именительный падеж....379
4.2.1.2.5. Винительный падеж....382
4.2.1.2.6. Дательный падеж....385
4.2.1.2.7. Местный падеж....387
4.2.1.2.8. Отложительный падеж....392
4.2.1.2.9. Предложный падеж....398
4.2.1.2.10. Направительный падеж....400
4.2.1.2.11. Творительный падеж....401
4.2.1.2.12. Лишительный падеж....405
4.2.1.2.13. Звательный падеж....406
4.2.1.3. Число существительной группы....406
4.2.1.4. Состав существительной группы....407
4.2.1.4.1. Ядро существительной группы....407
4.2.1.4.2. Зависимые элементы в существительной группе....408
4.2.1.4.3. Иерархия элементов в существительной группе....411
4.2.1.4.4. Порядок и сочетаемость элементов существительной группы.415
4.2.1.4.5. Местоимения: ядро или определитель?....419
4.2.1.5. Согласование в существительной группе....421
4.2.1.5.1. Согласование при сочинении существительных групп....427
4.2.1.6. Употребление артиклей....428
4.2.1.6.1. Употребление неопределённого артикля....428
4.2.1.6.2. Употребление определённого артикля....430
4.2.1.6.3. Употребление нулевого артикля....436
4.2.1.7. Указатели в существительной группе....441
4.2.1.7.1. Определённые указатели типа ‘этот’....441
4.2.1.7.2. Качественные указатели типа ‘такой’....448
4.2.1.8. Приложение к ядру существительной группы....450
4.2.1.9. Прилагательные в роли определения....451
4.2.1.9.1. Сочинение прилагательных....453
4.2.1.10. Притяжательные группы в существительной группе....454
4.2.1.10.1. Притяжательность, выраженная местоимениями....455
4.2.1.10.2. Значения притяжательных определений....456
4.2.1.11. Прочие определения: наречия, предложные группы....460
4.2.1.12. Придаточные предложения в существительной группе....461
4.2.1.13. Числительные в существительной группе....462
4.2.1.13.1. Точное количество: целые количественные числительные….462
4.2.1.13.2. Собирательные числительные: ‘все *n*’....467
4.2.1.13.3. Оценка количества: ‘много’, ‘мало’....467

4.2.1.13.4. Количества с единицами измерения....469
4.2.1.13.5. Количество лиц: личные числительные....471
4.2.1.13.6. Соположение числительных....471
4.2.1.13.7. Вопросительные и др. местоименные числительные....471
4.2.1.14. Местоимения в существительной группе....472
4.2.1.14.1. Универсальные местоимения....473
4.2.1.14.2. Дробное местоимение *dopàš* ‘половина’....477
4.2.1.14.3. Определительное местоимение *avèr* ‘другой’....478
4.2.1.14.4. Усилительное местоимение *kòrkoře* ‘сам’....478
4.2.1.14.5. Неопределённые местоимения....478
4.2.1.14.6. Вопросительные и относительные местоимения....480
4.2.1.14.7. Отрицательные местоимения....483
4.2.1.14.8. Личные местоимения....485
4.2.1.14.9. Элементы, зависящие от ядра-местоимения....488
4.2.1.15. Обособленные зависимые элементы....490
4.2.1.16. Преобразование в существительную группу (номинализация)....491
4.2.1.16.1. Вопрос об управлении фразами в существительной группе…494
4.2.2. Предложная группа....495
4.2.2.1. Зависимая часть предложной группы....495
4.2.2.2. Предложные формы личных местоимений в предложной группе….496
4.2.2.3. Значения предлогов....496
4.2.2.4. Предлоги с основным значением положения....498
4.2.2.4.1. Предлог *ande*....498
4.2.2.4.2. Предлог *pe*....501
4.2.2.4.3. Предлог *angla*....503
4.2.2.4.4. Предлог *pala*....504
4.2.2.4.5. Предлог *paša*....507
4.2.2.4.6. Предлог *tela* (*tala*)....507
4.2.2.4.7. Предлог *inťàl*....508
4.2.2.4.8. Предлог *karìng*....508
4.2.2.4.9. Предлог *maškar*....509
4.2.2.5. Предлоги с основным значением движения....510
4.2.2.5.1. Предлог *anda*....510
4.2.2.5.2. Предлог *pa*....515
4.2.2.6. Предлоги с основным абстрактным значением....518
4.2.2.6.1. Предлог *po*....518
4.2.2.6.2. Предлог *kusʾà*....518
4.2.2.6.3. Предлог *bi*....518
4.2.2.6.4. Предлог *sar*....519
4.2.2.6.5. Предлог *kabòr*....519
4.2.2.7. Предлоги с особым управлением....520
4.2.2.7.1. Предлог *də*....520
4.2.2.7.2. Предлог *źi*....522
4.2.2.8. Лжепредлоги: *ka* и *kata* (*katàr*)....524
4.2.3. Прилагательная группа....525
4.2.3.1. Выражение степени именного признака....526
4.2.3.2. Прилагательные группы-полуфразы....529
4.2.3.3. Прилагательные в сравнительной конструкции....532
4.2.4. Притяжательная группа....533
4.2.4.1. Лишительные притяжательные группы....534

4.2.5. Наречная группа....535
4.2.5.1. Выражение степени глагольного признака....536
4.2.5.2. Наречные группы-полуфразы....536
4.2.5.3. Наречия в сравнительной конструкции....537
4.2.6. Глагольная группа....538
4.2.6.1. Тесные глагольные сочетания....538
4.2.6.1.1. Двухчастные глаголы....538
4.2.6.1.2. Глаголы с наречной частью....542
4.2.6.1.3. Двухглагольные комплексы....543
4.2.6.2. Система глагольного наклонения....544
4.2.6.2.1. Изъявительное наклонение....546
4.2.6.2.2. Зависимое наклонение....546
4.2.6.2.3. Сослагательное наклонение....550
4.2.6.2.3.1. Сослагательное потенциальное....551
4.2.6.2.3.2. Сослагательное гипотетическое....553
4.2.6.2.4. Повелительное наклонение....554
4.2.6.2.5. Условное наклонение....555
4.2.6.3. Описательное выражение модальностей....557
4.2.6.4. Система глагольного времени....558
4.2.6.4.1. Фазы глагольного действия....559
4.2.6.4.1.1. Аналитическое выражение фаз....562
4.2.6.4.2. Динамические и статические глаголы....565
4.2.6.4.3. Выделение грамматических времён....566
4.2.6.4.4. Общие принципы устройства временно́й системы....568
4.2.6.4.4.1. Противопоставление инфекта и перфекта....569
4.2.6.4.4.2. Временна́я подсистема при текущей точке отсчёта....569
4.2.6.4.4.3. Временна́я подсистема при сдвинутой точке отсчёта....572
4.2.6.4.5. Значения временны́х форм....574
4.2.6.4.5.1. Формы непрошедшего....574
4.2.6.4.5.2. Формы прошедшего неоконченного....577
4.2.6.4.5.3. Формы прошедшего оконченного....578
4.2.6.4.5.4. Формы предпрошедшего....580
4.2.6.4.5.5. Времена глагола *sȳ* ‘быть’....580
4.2.6.4.5.6. Случаи расщеплённой фазовой парадигмы....582
4.2.6.5. Временна́я модальность....583
4.2.6.5.1. Предположительность....584
4.2.6.5.2. Временной контраст....585
4.2.6.6. Грамматические глаголы....587
4.3. Члены предложения....588
4.3.1. Сказуемое....590
4.3.2. Подлежащее....591
4.3.2.1. Нулевое подлежащее....594
4.3.3. Дополнение....595
4.3.3.1. Прямое дополнение....597
4.3.3.2. Полупрямое дополнение....599
4.3.3.3. Частичное дополнение....600
4.3.3.4. Косвенное дополнение....601
4.3.3.5. Предложное дополнение....603
4.3.3.6. Взаимно-возвратные дополнения....604
4.3.4. Расширение....605

4.3.4.1. Расширение к подлежащему....607
4.3.4.2. Расширение к дополнению....609
4.3.5. Присказуемое....609
4.3.5.1. Присказуемое или обстоятельство?....611
4.3.5.2. Присказуемое к подлежащему....612
4.3.5.3. Присказуемое к дополнению....614
4.3.6. Лжедополнение....616
4.3.6.1. Адресатное лжедополнение....617
4.3.6.2. Эгоцентрическое лжедополнение....618
4.3.6.3. Притяжательное лжедополнение....619
4.3.7. Обстоятельство....621
4.3.7.1. Внутренние и внешние обстоятельства....622
4.3.7.2. Форма и значение обстоятельств....624
4.3.7.2.1. Обстоятельства места....624
4.3.7.2.2. Обстоятельства времени....629
4.3.7.2.2.1. Обозначение времени суток....635
4.3.7.2.3. Обстоятельства образа действия....636
4.3.7.2.4. Обстоятельства степени....638
4.3.7.2.5. Обстоятельства взаимодействия....638
4.3.7.2.6. Обстоятельства логической связи....641
4.3.7.2.7. Дополняющие обстоятельства....642
4.3.7.3. Сочетания обстоятельств....642
4.3.8. Вводные и вставные элементы....643
4.3.8.1. Простые частицы....643
4.3.8.1.1. Вводные частицы....644
4.3.8.1.2. Усилительные частицы....646
4.3.8.1.3. Свободные частицы....650
4.3.8.1.4. Предикативные частицы....652
4.3.8.2. Производные вставные выражения....653
4.3.8.3. Обращения....653
4.4. Формальные связи в предложении....655
4.4.1. Согласование....655
4.4.1.1. Согласование подлежащее → сказуемое....656
4.4.1.1.1. Согласование сочинённого подлежащего....660
4.4.1.2. Согласование расширение → сказуемое....661
4.4.1.3. Согласование подлежащее → расширение....661
4.4.1.4. Согласование дополнение → расширение....663
4.4.1.5. Согласование расширение → подлежащее....664
4.4.1.6. Согласование подлежащее → присказуемое....664
4.4.1.7. Согласование дополнение → присказуемое....664
4.4.1.8. Прочие случаи повтора признаков....665
4.4.2. Управление....665
4.4.2.1. Источник управления — глагол....665
4.4.2.2. Источник управления — конструкция....666
4.4.2.3. Источник управления — имя....667
4.4.2.4. Источник управления — предлог....668
4.5. Простое предложение и модели управления....669
4.5.1. Члены предложения как осмысление параметров ситуации....671
4.5.2. Модели управления и синтаксические преобразования....674
4.5.3. Градации и неясности в моделях управления....674

4.5.3.1. Обстоятельство или дополнение?....675
4.5.3.2. Обязательность дополнений....679
4.5.3.3. Обязательность обстоятельств....680
4.5.3.4. Одна модель управления или несколько?....682
4.5.3.5. Колебания в управлении дополнениями....683
4.5.4. Классификация и запись моделей управления....684
4.5.5. Указательные предложения....687
4.5.6. Бытийные предложения....689
4.5.7. Несвязочные предложения....690
4.5.7.1. Безличные несвязочные предложения....690
4.5.7.1.1. Безличные непереходные предложения....691
4.5.7.1.2. Безличные переходные предложения....692
4.5.7.1.2.1. Модель: прямое дополнение....692
4.5.7.1.2.2. Модель: прямое дополнение + обстоятельство....693
4.5.7.1.3. Прочие безличные модели....693
4.5.7.2. Личные несвязочные непереходные предложения....693
4.5.7.2.1. Модель: подлежащее....694
4.5.7.2.2. Модель: подлежащее + полупрямое дополнение....694
4.5.7.2.3. Модель: подлежащее + частичное дополнение....695
4.5.7.2.4. Модель: подлежащее + косвенное дополнение....695
4.5.7.2.5. Модель: подлежащее + предложное дополнение....696
4.5.7.2.6. Модель: подлежащее + косвенное + предложное дополнение. 697
4.5.7.2.7. Модель: подлежащее + обстоятельство....697
4.5.7.3. Личные несвязочные переходные предложения....698
4.5.7.3.1. Модель: подлежащее + прямое дополнение....698
4.5.7.3.2. Модель: подлежащее + прямое + прямое дополнение....699
4.5.7.3.3. Модель: подлежащее + прямое + полупрямое дополнение.....700
4.5.7.3.4. Модель: подлежащее + прямое + частичное дополнение....700
4.5.7.3.5. Модель: подлежащее + прямое + косвенное дополнение....700
4.5.7.3.6. Модель: подлежащее + прямое + предложное дополнение.....701
4.5.7.3.7. Модель: подлежащее + прямое дополнение + обстоятельство. 701
4.5.7.3.8. Модель: подлежащее + прямое + косвенное + предложное дополнение....702
4.5.8. Связочные предложения....703
4.5.8.1. Безличные связочные предложения....704
4.5.8.1.1. Безличные фазовые связочные предложения....707
4.5.8.2. Личные связочные предложения....709
4.5.8.2.1. Личные фазовые связочные предложения....713
4.5.9. Полусвязочные предложения....714
4.5.9.1. Безличные полусвязочные предложения....714
4.5.9.2. Личные непереходные полусвязочные предложения....714
4.5.9.3. Личные переходные полусвязочные предложения....716
4.5.10. Предложения с фразовыми членами....717
4.5.10.1. Предложения с именными фразовыми членами....718
4.5.10.1.1. Фразовое подлежащее....719
4.5.10.1.2. Фразовое дополнение....720
4.5.10.1.3. Фразовое расширение....723
4.5.10.2. Каузативные глаголы с фразовыми членами....723
4.5.10.3. Глаголы движения с фразовыми членами....726
4.5.10.4. Конструкции с фразовыми членами....726

4.6. Особые конструкции....728
4.6.1. Несвязочные конструкции с глаголом *sỳ*....728
4.6.1.1. Конструкция обладания с *sỳ*....729
4.6.1.2. Конструкция (не)возможности с *sỳ*....731
4.6.1.3. Конструкция предназначения с *sỳ*....732
4.6.1.4. Конструкции необходимости с *sỳ*....732
4.6.2. Конструкции необходимости с глаголом *trubùl*....734
4.6.2.1. Конструкция *trubùl* с существительной группой....735
4.6.2.2. Конструкция *trubùl* с причастием....736
4.6.2.3. Конструкция *trubùl* с фразовым членом....737
4.6.3. Конструкции возможности с глаголами *šàj*, *daštìl*....737
4.6.4. Управление глагола *dèl* ‘дать’....739
4.6.5. Пустые глаголы....740
4.6.5.1. Пустой глагол *dèl*....740
4.6.5.2. Пустой глагол *lèl*....743
4.7. Типы предложений по речевому намерению....744
4.7.1. Повествовательные предложения....744
4.7.2. Вопросительные предложения....745
4.7.2.1. Общий вопрос....745
4.7.2.2. Альтернативный вопрос....749
4.7.2.3. Специальный вопрос....750
4.7.2.4. Смешанные вопросы....753
4.7.3. Побудительные предложения....754
4.7.4. Желательные предложения....759
4.7.5. Восклицательные предложения....759
4.8. Порядок слов и интонация....761
4.8.1. Фразовая интонация и её основные значения....762
4.8.1.1. Безударные слова....764
4.8.2. Информационные позиции....765
4.8.2.1. Тема....766
4.8.2.2. Рема....769
4.8.3. Нейтральный порядок слов....770
4.8.4. Преобразованный порядок слов и выделение....772
4.8.5. Порядок и интонация вопросов и восклицаний....772
4.8.6. Порядок в придаточных предложениях....774
4.8.7. Левый вынос темы....776
4.8.8. Повтор сказуемого....777
4.8.9. Информационные признаки слов....777
4.8.9.1. Сильнорематические слова....778
4.8.9.2. Слаборематические слова....779
4.8.9.3. Слабые слова....780
4.8.10. Примеры информационного разбора текста....781
4.9. Местоименная замена и эллипсис....785
4.9.1. Прототип при замене и пропуске....786
4.9.2. Местоименная замена....788
4.9.2.1. Местоимение на месте существительной группы....788
4.9.2.1.1. Род и число заменителей существительных групп....790
4.9.2.1.2. Замена подлежащего в несвязочных предложениях....791
4.9.2.1.3. Замена подлежащего в связочных предложениях....792
4.9.2.1.3.1. Повтор подлежащего клитиками....794

4.9.2.1.3.2. Ограничения при замене подлежащными клитиками.....795
4.9.2.1.4. Замена подлежащего в указательной конструкции.....798
4.9.2.1.5. Замена дополнения.....799
4.9.2.1.5.1. Замена при наличии более одного дополнения.....801
4.9.2.1.5.2. Повтор дополнения клитиками.....802
4.9.2.2. Местоимение на месте фразы.....804
4.9.2.3. Местоимение на месте прилагательной группы.....805
4.9.2.4. Местоимение на месте наречной или предложной группы.....805
4.9.2.5. Местоимение на месте глагольной группы и зависимых членов.....805
4.9.3. Эллипсис-замена (нулевая замена).....806
4.9.3.1. Нуль на месте существительной группы.....806
4.9.3.2. Нуль на месте указательного местоимения.....807
4.9.4. Контексты местоименной и нулевой замены.....808
4.9.4.1. Замена в последовательных предложениях.....808
4.9.4.2. Замена в сложносочинённом предложении.....809
4.9.4.3. Замена в пределах простого предложения.....811
4.9.4.4. Замена в сложноподчинённом предложении.....812
4.9.5. Эллипсис-пропуск.....813
4.9.5.1. Эллипсис глагольной группы и зависимых членов.....813
4.9.5.2. Эллипсис фразы.....814
4.9.5.3. Эллипсис ядра существительной группы.....814
4.9.5.4. Предложения-фрагменты.....815
4.10. Отрицание.....817
4.10.1. Приглагольное отрицание.....817
4.10.2. Контрастное отрицание.....819
4.11. Сочинение.....819
4.11.1. Сочинение предложений.....821
4.11.1.1. Ложное сочинение предложений.....823
4.11.2. Сочинение частей предложений.....823
4.11.3. Сочинение соединительными парными союзами.....825
4.11.4. Сочинение разделительными парными союзами.....826
4.12. Сложноподчинённое предложение.....827
4.12.1. Подчинительные слова.....828
4.12.2. Именная подчинённая фраза.....829
4.12.2.1. Зависимый оборот.....831
4.12.2.2. Придаточное предложение в зависимом наклонении.....832
4.12.2.3. Придаточное предложение с изъяснительным союзом.....833
4.12.2.4. Косвенный вопрос.....834
4.12.2.4.1. Косвенный вопрос информации.....834
4.12.2.4.2. Косвенный вопрос возможности.....837
4.12.3. Относительная подчинённая фраза.....838
4.12.3.1. Определительные относительные предложения.....838
4.12.3.2. Местные и временны́е относительные предложения.....842
4.12.3.3. Усилительные относительные предложения.....842
4.12.3.4. Относительный зависимый оборот.....843
4.12.4. Свободная относительная подчинённая фраза.....843
4.12.4.1. Свободное относительное предложение.....843
4.12.4.2. Свободный относительный зависимый оборот.....848
4.12.5. Обстоятельственные предложения.....849
4.12.5.1. Обстоятельственные предложения места.....849

4.12.5.2. Обстоятельственные предложения времени....850
4.12.5.3. Обстоятельственные предложения образа действия....853
4.12.5.4. Обстоятельственные предложения цели....854
4.12.5.5. Обстоятельственные предложения условия....855
4.12.5.6. Обстоятельственные предложения уступки....857
4.12.5.7. Обстоятельственные предложения причины....859
4.12.6. Предложения побочного действия....859
4.12.7. Плеонастические придаточные предложения....860
4.12.8. Соотносительные конструкции....861
4.12.8.1. Сравнительные конструкции....861
4.12.8.2. Пропорциональная конструкция....863
4.12.8.3. Конструкции степени и следствия....864
4.12.8.4. Конструкции степени и возможности....864
4.12.9. Прямая, полупрямая и косвенная речь....865
4.12.9.1. Прямая речь....866
4.12.9.2. Полупрямая речь....868
4.12.9.3. Косвенная речь....870
4.12.10. Вставные предложения....871
4.13. Залог, возвратность, неактивность, каузативность....872
4.13.1. Действительный залог....873
4.13.1.1. Неопределённо-личное употребление действительного залога....873
4.13.2. Страдательный залог....873
4.13.2.1. Страдательный залог действия....873
4.13.2.2. Страдательный залог состояния....875
4.13.3. Безличный залог....876
4.13.4. Незалоговые глагольные преобразования....877
4.13.4.1. Возвратность: субъектные глагольные преобразования....879
4.13.4.2. Неактивность: объектные глагольные преобразования....884
4.13.4.3. Неактивность вместо ожидаемой возвратности....886
4.13.4.4. Каузативные глагольные преобразования....886
5. РЕГИСТРЫ....888
5.1. Песенный регистр....888
5.1.1. Фонологические особенности песен....889
5.1.1.1. Вставка неслогового [ə] в песнях....889
5.1.1.2. Ослабление *-s* в песнях....890
5.1.1.3. Перенос ударения в песнях....890
5.1.1.4. Смешение фонем в песнях....890
5.1.2. Морфологические особенности песен....891
5.1.2.1. Падежные формы в песнях....891
5.1.2.2. Инфект глаголов в песнях....892
5.1.2.3. Перфект глаголов в песнях....893
5.1.3. Синтаксические особенности песен....894
5.1.3.1. Употребление артиклей в песнях....894
5.1.3.2. Ритмические вставки....895
5.1.3.3. Косвенные личные местоимения в песнях....898
5.1.4. Лексические особенности песен....898
5.2. Особенности сказок....899
Приложение 1. Речевые формулы....901
1. Приветствие....901

2. Прощание....901
3. Просьба....901
4. Благодарность....902
5. Угощение....902
6. Благопожелания....902
7. Поздравления....902
8. Тосты....903
9. Проклятия....903
Приложение 2. Термины родства и свойства́....905
1. Родственники....905
2. Свойственники....906
Приложение 3. Образцы текстов....907
1. Песнь (об отравлении мужа)....907
2. Песнь (о солдате и девушке)....908
3. Песнь (об уходе с моряком)....909
4. Песнь (о двух сёстрах в поезде)....910
5. Песнь (о муже, бьющем жену)....910
6. Песнь (авторская современная)....911
7. Сказка (об обмане смерти)....912
8. Сказка (о зловещих птицах и походе к богу)....913
9. Анекдот (об охотниках и цыгане)....923
10. Детская страшилка (о чёрте и конце света)....924
11. Письменный пересказ (сказка «Гуси-лебеди»)....926
12. Научный текст (о кэлдэрарской исторической фонетике)....929
ЛИТЕРАТУРА....933

ОПЕЧАТКИ В БУМАЖНОМ ИЗДАНИИ

В этом электронном варианте исправлены следующие опечатки бумажного: 16/04/2024

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
4	↑8	от морфологической записи к фонетической (или орфографической)	от морфонологической записи к фонологической (орфографической)
6	↑19	западнобихарские	западнопахарские
15	↑13	*beáre*	*beare*
15	↑13	*vreáme*	*vreame*
17	↑14	остальных группа	остальных группах
26	↓11	*piľàm* [piˈʎam]	*piľàm* [pʲiˈʎam]
38	↑24	/*mìnź*/).	/*mìnź*/.
38	↑5	[-ɲ]-	[-ɲ-]
40	↓10	**tàľpi*	**tàľpi*
40	↓11	*tàlpi*	*tàlpi*
44	↑5	*hr ... mahrimè* ʿзапятнанный’	! добавить строку и перенести: *hr’... mahrimè* ʿзапятнанный’
44	↑19		! добавить строку: *zg zgùřa* ʿзола [в печке]’ *bàzga* ʿдёготь’
47	↑14, ↑5	1.2.8	1.3.6
49	↑2	*jonešti*	*jonèšti*
50	↑15	*màkh-le* [-kl-]	*màkh-le* [-kľ-]
54	↑8	проиходит	происходит
59	↓7	ʿкожа [материал]’	ʿкожа’
68	↑1	/*ə*/ : ∅	/*u*/ : ∅
71	↓14	*vèro*	*vəro*
71	↓15	рум. *vər*	рум. *văr*
73	↓20	но мн. *škòdi*).	но мн. *škòdi*.
77	↑12	на *-g*	на *-g-*
81	↑2	косв.мн.:	косв.мн.
82	↑6	III-го	III
83	↑12	мноих	многих
84	↓14	морфологическая	морфонологическая
84	↓19	*D.’|I*	*-D.’|I*
84	↑16	морфологическая	морфонологическая
85	↑16	, имеющих вторую смягчённую основу	от второй, т. е. смягчённой, основы
86	↓6	перф.3.ед. *xuklò* (но обычно	но перф.3.ед. *xuklò* (обычно
86	↓12	), ср.	) ср.
91	↑1	ʿзмея’	ʿзмея!’
93	↑19	ʿбоялся’	ʿиспугался’
101	↑1	(6)	⇨ (6)

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
102	↑15	*DÌ|ÀM*	*DÌJ|ÀM*
109	↑21	см. 3.4.1.2б	см. 3.4.1.2.2
109	↑9	*kàna*	*kana*
110	↑13	род	пол
121	↑7	мягкого варианта	парного и мягкого варианта
124	↓11	*dìv*	! перенести в таблицу на с. 123
124	↓17	*mandìn*	
124	↓22	*thùv*	
124	↑21	*(v)ulùv*	
124	↑18	*rùp*	
126	↓2	заднеязычные (*ř*, *x*)	заднеязычные (*-ř*, *-x*) и *-s*
126	↓7	Неизвестно или считается чужим: *kyrlò* ʻгорло’.	Неизвестно [ДД]: *balamò* ʻмясная лавка’; в т. ч. считается чужим: *kyrlò* ʻгорло’.
127	↓11	**основа на заднеязычные**	**основа на заднеязычные и *-s***
127	↑15	Неизвестно [ДД]: *balamò* ʻмясная лавка’, *xanřò* ʻсабля’.	Неизвестно [ДД]: *balamò* ʻмясная лавка’, *xanřò* ʻсабля’. Сюда можно отнести редкий (индивидуальный?) вариант мн. *təjecə̀*, косв.мн. *təjecə̀n-* ʻмакароны’ (обычно *təjecə̀j*, косв.мн. *təjecəjèn-*, см. 3.4.3.22).
132	↓3	, а также редким (индивидуальным?) вариантом мн. *təjecə̀*, косв.мн. *təjecə̀n-* ʻмакароны’ (обычно *təjecə̀j*, косв.мн. *təjecəjèn-*, см. 3.4.3.22).	.
151	↑9	ʻлюди (цыгане)’	ʻлюди (цыгане); мир, свет’
159	↑19	*asv|à- asv|àn-*	*asvin|à asv|èn*
170	↓21	производного	производное
171	↓7	*śav.oř|à*	*śav.oř|ə*
174	↓3	*vužò* [...] *vužymòs*	*(v)užò* [...] *(v)užymòs*
177	↓6	прош.	перф.
191	↓4	образования и приводятся	образования, и приводятся
198	↓12	**kha-šəlè*	***kha-šəlè*
199	↑16	кроме *-e*	! удалить
204	↓15	, выступающие	, в т. ч. выступающие
205	↓14	*vućò*	*(v)ućò*
211	↑6	*ľanèšo*	*ľànešo*
222	↓6	*láskəvo*	*làskəvo*
222	↓21	*rázny*	*ràzny*
223	↑13	*vužò* [...] *bi-vužò*	*(v)užò* [...] *bi-(v)užò*
227	↑14	*-bərš|à-*	*bərš|à-*
227	↑15	***-bərš|ən-*	***bərš|ən-*
229	↑10	*(ək-)kàpľuca*	*(ək-)kapľùca*
232	↓17	***-NDÒJ-***	***-NDÒJ***
240	↑18	*tr'àndà*	*tr'andà*
240	↑17	*tr'àndàn-*	*tr'andàn-*

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
248	↓16	во 1-м	в 1-м
257	↓18	*s'a*	*s'à*
257	↑2	*r̀at*	*r'àt*
258	↓15	во косв.мн.	в косв.мн.
258	↑10	значение	значении
261	↓2	(ʻвдруг, и тут') (см.	(ʻвдруг, и тут', см.
266	↑8	прилагательными	прилагательным
280	↑21	лаешском	лэешском
286	↑11	ʻбоялся'	ʻиспугался'
293	↓18	*su.t-*	*śu.t-*
310	↑14	Только один производный глагол: *xancòl* ʻуменьшаться в числе'.	Только два производных глагола.
310	↑2	перех. имп.	производные ! слева в таблице
310	↑1	*xancòl* ʻуменьшиться в числе, убыть' +	*-u-* неактивные (см. 3.11.11.2, + только *xancòl* ʻубыть', *(v)užòl* ʻчиститься')
314	↑14	ʻотрыгиваться'	ʻотрыгивать'
326	↓12	глагол II пласта образован приставкой от глагола I пласта:	глагол с основой на *-U-* с приставкой:
326	↑17	его суффиксом) *-d(e)*, который	её суффиксом) *-d(e)*, которую
331	↑8	*phařavėl* ʻразбивать'	! добавить +
331	↑9	*sykavėl* ʻпоказывать'	! добавить +
331	↑10	га-'U:'UL	гн-'U:'UL
331	↑15	га-A:AJL	гн-A:AJL
331	↑17	га-I:IST	гн-I:IST
335	↑4	*vućò* [...] *vućòl* [...] *vućarə̀l*	*(v)ućò* [...] *(v)ućòl* [...] *(v)ućarə̀l*
335	↑3	*vužò* [...] *vužòl* [...] *vužarə̀l*	*(v)užò* [...] *(v)užòl* [...] *(v)užarə̀l*
354	↑18	из той	от той
355	↓13	впереди' *anglàl*	впереди', *anglàl*
355	↑7	*πάνο*	*πάνω*
362	↑6	так или относящиеся	так или иначе относящиеся
364	↓18	одно сказуемое,	одно сказуемое (сочинение — не в счёт),
391	↓19	[от родителей]',	[от родителей]':
394	(21)	*Cỳrdàv*	*Cỳrdav*
397	(46)	*Hularà-ma*	*Hulavà-ma*
387	9	см. 4.2.6.1.1)	см. 4.5.7.2.4, 4.5.7.3.5)
399	(8)	ни о чём	ни о ком
399	(12)	на ней	на неё
404	↓19	см. 5.1.2.1	см. 4.13.4.1в
422	↑18	НАПР. (*-KƏ*)	НАПР. (*-KE*)
426	(23)а	*manùšə̀-sa kodòlè-sa*	*manušə̀-sa kodolè-sa*
426	↑6	формы	форму

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
429	(19)	*d ə̀k-kurkò*	*də k̀-kurkò*
431	↓5	умолчаннию	умолчанию
433	(30)	*kàna*	*kana*
437	↓1	В предложных конструкциях	В предложных конструкциях (предлог *bi* не в счёт)
439	(35)	*and o*	*and-o*
444	(19)	*Sò-j*	*Sò j*
445	↓2	Косвенные краткие формы	Все формы, кроме прям.ед.,
447	(57)	*avelà*	*avèla*
448	(59)	*Kàna*	*Kana*
448	(61)	привязали её те [другие люди]	те [другие люди] привязали её
455	(7)	*grast*	*gràst*
459	↑8	сказуемого	расширения
460	(2)	*ande xajìng* в колодце	*koćè* там
461	(5)	как ты хочешь	как надо тебе
468	↑9	нельзя сказать ***buťořỳ purùm* ʻнемало лукаʼ (*purùm* ж. ʻлукʼ)	только *butořò purùm* ʻнемало лукаʼ, а не ***buťořỳ purùm* (хотя *purùm* ж. ʻлукʼ).
470	(4)	*vr̓am̀a*	*vr̓àm̀a*
470	↓22	(и тогда получается вложенная существительная группа), но также могут относиться к ядру всей группы, ср.:	(здесь *màs*, и тогда получается вложенная существительная группа), как и к ядру всей группы (здесь *kotorà*), ср.:
475	(23)	*thoď a pe*	*thoď à-pe*
486	(9)	*len-gə*	*lèn-gə*
493	↑10	*divinil*	*divinìl*
494	↑3	*Odəsà-ko*	*Adəsà-ko*
497	↑12	*anklel*	*anklèl*
507	(3)	*garàď u*	*garàď u*
507	(6)	*tela-j r̓àt*	*tela-j r̓àt*
508	(2)	реку, да	реку, переправила
508	(1)	к плечу	на плечо
508	↑6	*karing*	*karìng*
508	↑5	*iveǹd*	*ivènd*
508	↑3	С другими наречиями	С местным падежом
509	↓3	*karing*	*karìng*
509	(1)	*zydò*	*zỳdo*
511	(15)	*kaj kərà̀la*	*kaj-kərà̀la*
511	(15)	*kaj lèla*	*kaj-lèla*
514	↓18	[на инструменте]ʼ.	[на инструменте]ʼ).
515	(7)	*Thoď à-pè*	*Thoď à-pe*
519	(1)	*ćі-paťajà*	*ćì-paťajà*

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
519	(2)$_2$	*Akə*	*Àkə*
528	↓6	*pašl'òl* ʻлежать’ (нет прилагательного ʻлежачий’)	*bešàl* ʻсидеть’ (нет прилагательного ʻсидячий, сидящий’)
529	(3)б	*tindè*	*tingə*
530	↑19	управление	управления
541	↑20	говорить степени	говорить о степени
542	↑17	*làv telè*	*lèl telè*
542	↓22	ʻпослушался её’	букв. ʻпослушал её рот’
544	↓22	повелительная	побудительная
545	↓2	т. е. с неповторимостью	в т. ч. неповторимостью
547	↓13	параллельной	параллельна
547	↓13	«сослагательным»).	«сослагательным») и др.
552	↓10	*te-*	*-te*
553	(4)	*~ avilòsas*	*~ te-avilòsas*
553	↓10	[*kodoles-kə*]	[*kodolès-kə*]
554	(5)	*~ tindèsas*	*~ te-tindèsas*
554	↓9	«императива»	императива
556	(5)	*vo*	*vò*
557	(1)	*te-xas*	*te-xàs*
558	(8)	*ćem*	*ćèm*
558	(14)	*šàj avèn*	*šàj avèn*
561	(1)б	*Ći-səràv*	*Ćì-səràv*
562	(3) 3×	*o ćòr*	*le ćoràs*
552	↓18	*tràdel* ʻуезжать; переезжать’	*tràdel* ʻуехать; переехать’
564	(21)	и стал	и становится
577	(3)	ʻНу,	«Ну,
581	(10)	*Akə*	*Àkə*
581	(10)	выблёвывала	выблевала
598	(13)	знал	знает
600	↓10	схемы	модели
600	↓12	в зависимости о	в зависимости от
601	↓10	*la glàta*	*la glatà*
601	↓12	частичными определениями	«частичными определениями»
601	↓19	соотвествующие	соответствующие
601	↑12	(в т. ч. страдательном причастии).	(в т. ч. страдательном причастии; это определение можно считать дополнением в полуфразе).
609	(13)	*Mišto*	*Mištò*
613	(15)	ʻбольшой жулик, каковым он был’	ʻ*də* большой жулик, которым был’
614	(14)	которые были	которыми были
641	(16)	без машины	без моей машины
644	(6)	этотмаленький	этот маленький

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
648	↑15	*ći-* ‘не’, *...i kərďa* [...]: *ćì-kərďa*	*ćì-* ‘не’, *...i kərďà* [...]: *ćì-kərďà*
651	(7)	*aj našəl thaj-vi*	*aj našəl thaj-vi*
651	(8)	*pala là*	*pala là*
654	(14)	*Lizə*	*Lìzə*
656	↓20	род, число	лицо, род, число
656	↓22	лицо, род, число	род, число
659	↑19	(см. 4.3.4.1)	(см. 4.5.8.1.1)
659	(30)	*ařəslį̀*	*arəslį̀*
662	(5)	*śib*	*śìb*
663	↓7	расширения прилагательные	расширения-прилагательные
663	(14)	*mekaxn̓à*	*melaxn̓à*
667	↓16	4.6);	4.6;
667	↑3	‘наполнять’,	‘наполнять’),
671	↑5	жестко	жёстко
686	↑11	{ИМ.}	{ИМ.|*te*-ЗО}
686	↑1	{ИМ.|ДАТ.||ИМ.}	{ИМ.||ИМ.}
695	↓11	только с количественными	также с количественными
700	$(1)_2$	*kaj rovèl*	*kaj-rovèl*
700	↓7	полупрямое	полупрямые
703	↑2	не опускается	опускается
711	(29)	*papò*	*pàpo*
715	↓3	‘работать [кем]	‘работать [кем]’
719	↓8	полупрямое	! удалить строку
719	↓11	к дополнению	! удалить строку
719	↓8–10		! добавить недостающие +
725	(13)	*Nà-phen màn-ge*	*Nà-phen màn-gə*
732	(1)	*le mycà-kə*	*la mycà-kə*
736	(13)	*~ là-tar*	*⇒ là-tar*
742	(19)	*bàndilo*	*bandilò*
743	↓19	*fr̓anca*	*fr̓ànca*
745	$(2)_1$	*vorkà*	*vòrkə*
745	↑10	*cì*	*ćì*
746	(14)	*R̈ićo*	*R̈išo*
747	12	предложения (поскольку	предложения, поскольку
762	(1)	*Marďàm-pe*	*Marďàm-ame*
778	↑5	*katàr-gòdi* и т. д.	*katàr-gòdi* ‘отовсюду’ и т. д.
779	↑17	становятся в $П_2$ (или просто П, если	становятся в П (если
779	↑10–11	с трудом могут быть сильной частью ремы ($П_2$)	с трудом могут целиком воплощать однопиковую рему (П)
783	↑17–18	взаимоперестановку $П_2$ и М	постановку $П_2$ перед $П_1$
784	(6)	*te-phařavè*	*te-phařavèl*
797	(20)а, (20)б	*dèžy*	*dìžy*

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
802	(1)б	*o šút*,	*o šút*
805	↑17	*kərə̀l kadò*	*kərə̀l kodò*
823	(11)	*ařəslì*	*arəslì*
830	↑3	см. 4.12.2;	! удалить
837	↑9	косвенное	полупрямое
839	(2)	руками	ручками
843	(1)	кусочек,	кусочек
852	(15)	*Vo*	*Vò*
852	(15)	*vo*	*vò*
855	(4)	*sỳ*	*sý*
857	(12)	отгадаете её	отгадаете
866	(1)	*Sò-j kaćè kə̀j khàndel*	*Sò j kaćè kaj khàndel*
867	(23)	*Ajda khərə̀*	*Àjda khərə̀*
874	↓15	*pytə̀r*	*pytrə̀l*
877	↓17	С этим типом страдательного залога	Безлично
883	↑9	перфекте	в перфекте
888	↓14	рассказывались	рассказывать
900	(7)	*kə̀j-xaľà*	*kaj-xaľà*
901	(4)	Оставайся/тесь	Оставайся/-тесь
902	(12)	*baxtali*	*baxtalì*
902	(15)	лет).	лет)
903	(18)	*źi-and-ək-šə̀l*	*źi and-ək-šə̀l*
903	(2)	*tumàrə*	*tumarə̀*
903	(25)	на	нас
908	↓11, ↓21	наклонённым	гнутым
909	↑6	*ći kangľàs*	*ćì-kangľàs*
910	↓1	*vùdar*	*vudàr*
911	↓18	накормят	накормят»
912	↑19	Когда она увидела	И тут она увидела
915	↓9	*Cynorò*	*Cynořò*
917	↑5	отец собаку со	отец со
912	↓9	наступил	наступал
918	↑21	спасли	спали
918	↑20	сидеть	сидел
920	↓13	умылся	умылось
921	↑19	вода	воды
921	↓21	*Ćì-tasaďà les.*	*Ćì-tasaď à-les.*
922	↓7	может	можем
922	↑9	*spajisarďàn*	*spasajisarďàn*
924	↓2	*katà*	*kata*
924	↑2	нас раз	нас они раз

стр.	строка или (№ примера)	напечатано	следует читать
925	↓11	на свете	на *свете*
926	↑9	литературного перевода на кэлдэрарский	перевода на кэлдэрарский детской литературы
928	сн. 33	*bòv* ‘печь’ — мужского рода. Так же ниже.	*pàj* ‘вода’, *bòv* ‘печь’ — мужского рода.
929	↓12	*латар*	*латар*[33]
929	↓18	внутри	внутрь
930	↑16	языка во всю	языка в
931	↑14	*phêrnò*	*phərnò*
934	↑9	*Randolph Q.*	*Quirk R.*